

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

356163 0

INDEXED

*QCA

Digitized by Google

PRINTED IN INDIA

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XLVI. — ТОМЪ CCLXXII. — 1/18 НОЯБРЯ, 1882.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕВЯНОСТО-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я липія, № 7.		Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. пер. улокъ, № 7.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1882

Feb. 27
1883
547

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ СЫРОКОМЛИ.

1.

НАКАНУНЪ ВЕСНЫ.

Зима уже прошла,—но нѣтъ весны доселѣ,
Хотя съ полей давно послѣдній снѣгъ исчезъ,—
Нѣтъ травы на лугахъ и пташки не щебечуть,
Въ холодномъ зимнемъ снѣ угрюмо дремлетъ лѣсъ.
Лѣниво пульсъ стучить, лѣниво пѣсня льется,
Весеннихъ сладкихъ грезъ еще не слышно въ ней.
Когда-жъ распустится душистая береза,
И, празднуя весну, засвищетъ соловей?
У люда сельскаго такая есть примѣта:
Не явится весна, пока не грянетъ громъ;
Лишь первыхъ молній блескъ прогонитъ зиму злую,
Согрѣетъ грудь земли живительнымъ тепломъ.
—Я не люблю грозы... Я весь дрожу отъ страха,
Когда изъ черныхъ тучъ огнистою змѣей
Вдругъ молнія блеснетъ, мнѣ ослѣпяя очи,
И грома тяжкій гулъ раздастся надо мной...
Я не люблю грозы, но сердце ждать устало,
По солнцу и цвѣтамъ тоскуетъ такъ оно,—
Гремите же скорѣй, раскаты громовые,
Коль призракъ злой зимы прогнать вамъ суждено.

2.

ОТДЫХЪ.

Посмотри—ручей студень
 Вьется лентой серебристой,
 Межь камнями пробираясь,
 Онъ журчить волною чистой.

Все впередъ стремятся волны,
 Безконечно ихъ движенье:
 То съ обрыва понесутся,
 То начнутъ крутить каменья.

Посмотри:—болото дремлетъ,
 Будто влажная могила,
 На поверхности недвижной
 Плѣсень смрадная застыла.

Какъ волнѣ проточной, свѣжей,
 Мысль, дано тебѣ судьбою
 Все впередъ, впередъ стремиться,
 Никогда не знать покою:

Сонъ лѣнивый смерть для духа...
 Пусть же бодрствуетъ онъ вѣчно!
 Мысль, покоя берегися:
 Чуть задремлешь ты безпечно,

И, усталая, повинешь
 Свою тяжкую работу,
 Тотчасъ, плѣсенью покрывшись,
 Уподобилъся болоту.

В. Н — ой.

АГРАРНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЪ

ПОЛЬШѢ

Окончаніе.

IV *).

Причины, повліявшія на разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Польшѣ, на началахъ того широкаго демократическаго принципа, который положенъ въ основу указа 19 февраля 1864 г., были исключительно политическія; это съ очевидностью доказывается, какъ сущностью самаго указа и прокламаціей намѣстника къ крестьянамъ, изданной при его обнародованіи, такъ въ особенностяхъ и взглядами, установленными на этотъ предметъ учредительнымъ комитетомъ, при дальнѣйшемъ ходѣ крестьянскаго дѣла.

Изданный въ разгаръ возбужденныхъ народныхъ страстей, посреди непрекратившагося вооруженнаго возстанія, неизгладившихся картинъ террора, указъ 1864 года являлся въ рукахъ русской правительственной власти могущественнымъ орудіемъ, направленнымъ къ уничтоженію всякаго значенія шляхты и вообще враждебной Россіи интеллигенціи. Не считая возможнымъ управлять Польшей при содѣйствіи ея интеллигенціи, правительственная власть рѣшилась перенести центръ тяготѣнія

---

*) См. выше: октябрь, 511 стр.

съ высшихъ классовъ общества на низшіе и изъ нихъ сдѣлать опору для своей дальнѣйшей политики.

Учредительный комитетъ, вообще весьма откровенно и категорично высказывавшій тѣ цѣли, которыя должны были преслѣдоваться русскою политикою, въ одномъ изъ своихъ журналовъ по этому поводу прямо говорятъ: «поднять въ краѣ уровень низшихъ слоевъ общества, съ цѣлью образованія изъ нихъ консервативнаго элемента—такова первая цѣль, къ достиженію которой должна быть направлена дѣятельность Россіи» ¹⁾. Однимъ словомъ, во всѣхъ актахъ и дѣйствіяхъ русской правительственной власти ясно проглядываетъ, что цѣль, преслѣдуемая реформой земельныхъ отношеній, заключается въ томъ, чтобы уничтоживъ, какъ морально, такъ и матеріально, всякое значеніе помѣстныхъ владѣльцевъ, обезпечить наилучшимъ образомъ быть земледѣльцевъ и создать изъ нихъ дружественный Россіи элементъ, на которомъ должно быть основано политическое господство надъ Польшей.

Въ прокламаціи намѣстника Царства, реформа земельныхъ отношеній также прямо поставлена въ зависимость отъ того положенія, которое приняли крестьяне, не присоединившись къ повстанію.

«Крестьяне Царства Польскаго!—сказано въ этой прокламаціи:—вы не послушались мятежниковъ, вы остались вѣрны законному государю и только отъ него ожидали себѣ защиты. Время пришло исполнить ваши ожиданія и вы исполнить ихъ такъ, чтобы впредь притѣснявшимъ васъ панамъ не оставалось ни случая, ни возможности васъ угнетать, а правительство обманывать и преграждать даже путь вашимъ справедливымъ жалобамъ» ²⁾.

Вызванный такимъ образомъ причинами политическими, законъ 19 февраля 1864 г. повліялъ на коренное измѣненіе земельныхъ отношеній Польши, и по лежащей въ основѣ его идеи, впрочемъ недоразвитой и искаженной на практикѣ, могъ быть признанъ либеральнѣйшимъ законоположеніемъ прошлаго царствованія.

Сущность реформы, установленной указомъ 1864 г., заключается въ слѣдующемъ. Всѣ земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ въ имѣніяхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, маіоратнымъ владѣльцамъ, институтамъ и казнѣ поступаютъ въ полную собственность крестьянъ, владѣвшихъ тѣми землями (ст. 1).

¹⁾ Особый журналъ учредительнаго комитета 23 марта 1867 года.

²⁾ Дневникъ законовъ, № 62.

Съ 3/15 апрѣля 1864 г. крестьяне освобождаются навсегда отъ всѣхъ безъ исключенія повинностей, которыми они были обложены въ пользу владѣльцевъ имѣній; равнымъ образомъ, прекращаются всѣ иски объ этихъ повинностяхъ и на будущее время начинаемы быть не могутъ. Въ замѣнъ такихъ упраздненныхъ повинностей крестьяне обязаны вносить въ казну, впредь до выкупа приобрѣтенной ими въ собственность земли, особый поземельный налогъ. Владѣльцы всякаго рода имѣній, за утраченныя ими крестьянскія повинности, должны получить особое вознагражденіе, исчисленное особымъ ликвидаціоннымъ порядкомъ. Таковы общія начала, легшія въ основу реформы. Затѣмъ указъ представляетъ дальнѣйшее развитіе этихъ началъ.

Разсмотримъ подробнѣе устанавливаемые указомъ земельныя отношенія. По общему вопросу о томъ, какія земли приобрѣтаются въ собственность крестьянами, указъ постановляетъ (ст. 2, 3, 4) во всѣхъ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ, а также и въ имѣніяхъ казенныхъ, еще окончательно не устроенныхъ по правиламъ обь очиншеваніи, поступаютъ въ собственность крестьянъ всѣ нынѣ занимаемыя ими усадьбы и земли, какъ подходящія, такъ и не подходящія подь дѣйствія указа 26 мая 1846 г., въ томъ числѣ и участки, заключающіе въ себѣ менѣе 3 морговъ, «вообще безъ всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ». Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ только такія устроенныя на фольварочныхъ земляхъ усадьбы, которыя находились въ пользованіи различныхъ разрядовъ челядинцевъ (ст. 10). Кромѣ этого, крестьянамъ же поступаютъ въ собственность и тѣ усадьбы и земли, которыми они владѣли въ моментъ изданія закона 26 мая 1846 года, если эти земли были отобраны у нихъ произвольнымъ, со стороны вотчинника, способомъ. Это вполнѣ относится и къ тѣмъ землямъ, которыя, несогласно съ закономъ 1846 года и правиломъ обь обязательномъ очиншеваніи, произвольно были обмѣнены владѣльцами на другія земли. Вмѣстѣ съ землею поступаютъ въ полную собственность крестьянъ всѣ находящіяся на той землѣ жилища и хозяйственныя строенія, а равно усадебный инвентарь, какъ то: рабочій скоть, орудія и сѣмена. Съ приобрѣтеніемъ въ собственность земель, крестьяне сохраняютъ право на тѣ сервитуты, которыми они пользовались на основаніи prestaціонныхъ табелей, контрафтовъ, словесныхъ условій или обычая. Это относится одинаково какъ въ сервитутамъ, находившимся въ пользованіи во время изданія указа 1864 г., такъ и къ находившимся въ пользованіи крестьянъ въ моментъ изданія указа 1846 года, если отобраніе или обмѣнъ ихъ были

произведены владѣльцемъ несогласно съ установленными на этотъ предметъ правилами.

Въ виду разнообразія тѣхъ право-основаній, на которыхъ основывалось пользованіе разнообразныхъ разрядовъ крестьянъ владѣльческими землями, указъ категорически установилъ, что право собственности предоставляется всѣмъ вообще крестьянамъ, владѣющимъ землею, къ какому бы разряду земледѣльцевъ они ни принадлежали (т. е. колонистамъ, кметямъ, рольникамъ, пол-рольникамъ, огородникамъ, коморникамъ, халупникамъ и пр.) и на какомъ бы основаніи они ни владѣли своими землями (т. е. по вѣдомостямъ, составленнымъ на основаніи закона объ обязательномъ очиншеваніи, престаціоннымъ табелямъ, привиллегіямъ, письменнымъ или словеснымъ, срочнымъ или безсрочнымъ контрактамъ, или же безъ всякихъ контрактовъ на основаніи обычая), и какого бы рода повинности она ни отбывали.

Самый объемъ, предоставленнаго крестьянамъ права собственности, вполне согласенъ съ общимъ юридическимъ характеромъ собственности и основанъ на принципѣ личной собственности. Въ сферѣ же распоряженія, права крестьянъ носятъ временное ограниченіе, состоящее въ томъ, что 1) находящіяся въ усадьбѣ дома и надворныя строенія не могутъ быть ни завладываемы, ни отчуждаемы отдѣльно отъ земли, и 2) переходъ крестьянскихъ земель можетъ быть только для лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, т. е. такихъ, которые владѣютъ землями на основаніи указа 1864 г. Что же касается до правъ на сервитуты, рыбныя ловли и охоту, то силою вещей пользованіе этими правами было основано на принципѣ общиннаго владѣнія.

Тотъ же характеръ пользованія приданъ и перешедшему къ крестьянамъ вмѣстѣ съ землею праву пропинаціи (право выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ). При этомъ надо замѣтить, что впредь до полнаго выкупа крестьянами полученныхъ земель и совершеннаго погашенія ликвидационной операціи, самое право пропинаціи было изъято изъ фактическаго пользованія крестьянъ и отнесено къ числу источниковъ, служащихъ къ погашенію лежащаго на крестьянахъ долга казнѣ.

Уплатой налога, установленнаго на погашеніе ликвидационнаго долга, опредѣленнаго по особому расчету, ограничивались обязательства крестьянъ за приобрѣтенныя земли. Всѣ отношенія ихъ и платимыя ими вотчиннымъ владѣльцамъ повинности прекращались, и не только тѣ, которыя возникли изъ непосредственнаго пользованія землею, но и тавія, которыя основаны были на старинныхъ доминіальныхъ правахъ вотчинниковъ и состав-

ляли отличительную принадлежность прежняго польскаго быта. Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могли бы по этому поводу возникнуть, указъ прямо установилъ, что всѣ несовмѣстныя съ правомъ полной собственности обязанности и ограниченія крестьянъ отмѣняются, какъ-то: а) платежъ вотчиннику или казнѣ, при переходѣ земли отъ одного лица къ другому, опредѣленной суммы, извѣстной подъ названіемъ *лаудеміи*; б) право вотчинника или казны взимать одновременно въ опредѣленные сроки (черезъ каждыя 20, 30, 40 и т. д. лѣтъ) вышій чиншъ, извѣстный подъ именемъ *господской копѣйки*; в) основанныя на контрактахъ или мѣстныхъ обычаяхъ ограниченія крестьянъ въ производствѣ разныхъ промысловъ, въ устройствѣ на принадлежащихъ имъ земляхъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ и всякаго рода другихъ фабричныхъ заведеній.

Опредѣленныя и признанныя за крестьянами, на основаніи правилъ, установленныхъ указомъ 1864 г., права на землю и сервитуты вносились въ особый актъ, выдаваемый на каждое селеніе и называемый ликвидационной табелью. Эта табель и служить актомъ укрѣпленія правъ для каждаго крестьянина.

Вознагражденіе владѣльцевъ за отошедшія отъ нихъ земли, согласно указу, должно было быть произведено порядкомъ ликвидационнымъ и состояло въ выдачѣ ликвидационныхъ листовъ, приносящихъ 4 годовыхъ процента.

За основаніе къ исчисленію слѣдующаго владѣльцу ликвидационнаго вознагражденія была принята оцѣнка, отбывавшихся крестьянами въ пользу владѣльца разнообразныхъ повинностей. Оцѣнкѣ подлежали всѣ лежавшія на крестьянахъ повинности. Исключеніе составляли только слѣдующія: 1) мелкіе поборы каплунами, гусами, курами, яйцами, грибами, холстомъ и т. п., извѣстные вообще подъ названіемъ данинъ; 2) всякаго рода даремщины, хотя бы онѣ были основаны на контрактахъ, заключенныхъ до изданія указа 1846 года, и хотя бы срокъ такимъ контрактамъ еще не истекъ; и 3) лаудеміи и господская копѣйка.

Сама оцѣнка повинностей производилась такимъ образомъ, что каждая повинность оцѣнялась отдѣльно и по особо установленной росписи, и затѣмъ сумма, полученная отъ сложения такихъ отдѣльныхъ оцѣнокъ, со скидкой съ нея $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{5}$, смотря потому, были ли повинности натуральныя или денежныя, составляла общую стоимость лежавшихъ на имѣніи повинностей, подлежащихъ ликвидационному вознагражденію. Впрочемъ, исчисленное такимъ способомъ вознагражденіе ни въ какомъ случаѣ

не могло превышать установленныхъ правительствомъ нормъ общей доходности земель царства. Такія нормы были опредѣлены указомъ о ликвидационной комиссіи. На основаніи 21 ст. этого указа всѣ земли царства, по отношенію къ доходности, были раздѣлены на 4 разряда, и въ каждомъ изъ нихъ норма годовой доходности опредѣлена въ слѣдующемъ размѣрѣ:

въ первомъ разрядѣ . . .	1 р. 20 к.	съ морга	
во второмъ > . . .	1 р. 10 к.	>	>
въ третьемъ > . . .	1 р. — к.	>	>
въ четвертомъ > . . .	—	> 90 к.	>

Такія нормы, впрочемъ, не являлись безусловно окончательными, и учредительному комитету предоставлено было право въ извѣстныхъ случаяхъ уменьшать общую сумму опредѣленнаго владѣльцу ликвидационнаго вознагражденія.

Въ заключеніе, указъ 1864 года установилъ, что какъ утвержденіе ликвидационныхъ табелей, такъ и дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ въ основаніе указа, а равно и высшее наблюденіе за проведеніемъ всего крестьянскаго дѣла возложены на учредительный комитетъ.

Такова въ общихъ чертахъ сущность реформы земельныхъ отношеній царства польскаго, легшей въ основу указа 1864 г.

Оставляя въ сторонѣ политическія цѣли, имѣвшіяся въ виду правительственной властью при проведеніи реформы именно въ такомъ направленіи, и смотря на нее съ точки зрѣнія исключительно экономической, мы находимъ, что вся реформа запечатлѣна однимъ общимъ характеристическимъ признакомъ, именно, отождествленіемъ факта владѣнія съ правомъ собственности, — превращеніемъ факта въ право. За исключеніемъ незначительныхъ изъятій, и то относящихся только къ фольварочнымъ землямъ и строеніямъ, находившимся въ пользованіи дворовыхъ, указъ 1864 года категорически проводитъ принципъ, что каждый крестьянинъ, къ какому бы разряду земледѣльцевъ онъ ни принадлежалъ, становится собственникомъ тѣхъ земельныхъ участковъ, на которыхъ его *застало* изданіе указа 1864 г. или даже 1846 года. Это коренной принципъ всей произведенной реформы. Указъ не задался теоретической задачей уравниенія земельныхъ участковъ, находившихся во владѣніи крестьянъ, — никакой опредѣленной нормы, составляющей минимумъ или максимумъ надѣла, имъ не установлено. Въ одной и той же де-

ревнѣ могутъ находиться, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, осѣдлости прежняго кмета, имѣющаго во владѣніи довольно значительный участокъ земли, и копэржа или коморника, едва владѣющаго халупой съ нѣсколькими вагонами огорода. Указъ такіе факты игнорировалъ совершенно. Выходя только изъ факта владѣнія, онъ не подумалъ объ установленіи нормы земельныхъ участковъ. Въ этомъ отношеніи, указъ 1864 года въ дѣйствительности слишкомъ далеко былъ отъ разрѣшенія экономическихъ вопросовъ, связанныхъ съ аграрнымъ строемъ страны. Имъ санкціонировалось только владѣніе и придавалось ему значеніе собственности.

При такихъ условіяхъ, ближайшее послѣдствіе указа въ отношеніи матеріальнаго быта крестьянъ могло проявиться лишь въ уменьшеніи общаго количества сходящихся съ нихъ, за пользование землею, повинностей. Въ этомъ отношеніи, уже одна отмена всѣхъ данинъ, даремщинъ и другихъ экстраординарныхъ видовъ податей неизбежно должна была повліять на улучшеніе матеріальнаго быта крестьянъ. Другимъ ближайшимъ средствомъ улучшенія экономического положенія явилось повсемѣстное уничтоженіе тяжелой и разрушительно вліявшей на крестьянское хозяйство барщины. Наконецъ, и самый размѣръ установленнаго указомъ 1864 года земельного налога былъ ниже общей суммы сходящаго съ крестьянъ чинша и оброка. Въ различныхъ мѣстностяхъ Польши, соотвѣтственно качеству и доходности земель, налогъ этотъ былъ исчисленъ различно, но въ общей сложности онъ никогда не могъ быть выше $\frac{2}{3}$ сходящихся съ крестьянъ въ прежнее время платежей.

Но и не задавшись болѣе трудной задачей переустройства всего строя крестьянскаго землевладѣнія, указъ 1864 года тѣмъ не менѣе произвелъ радикальное измѣненіе въ группировкѣ общественныхъ элементовъ,—тѣмъ болѣе важное, что остатки старопольскаго быта были сильны въ Польшѣ и связывали общественные элементы между собою сѣтью самыхъ разнообразныхъ отношеній. По основному своему характеру, указъ 1864 года не предусматривалъ и не разрѣшалъ каждаго отдѣльнаго вида землевладѣнія, каждаго особаго факта, который могъ встрѣтиться въ отношеніи крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Указъ постановилъ только общіе принципы, указалъ путь, идя по которому эти принципы должны были получить въ жизни дальнѣйшее развитіе и толкованіе. Это, конечно, было самое удобное. При сложномъ характерѣ существовавшихъ въ Польшѣ земельныхъ отношеній, всякая попытка формулировать такія правила, которыми прямо и положительно разрѣшался бы каждый, отличающійся

какими-либо особенностями, частный фактъ поземельнаго устройства,—оказалась бы вполнѣ несостоятельною. Самыя подробныя правила не въ состояніи были бы исчерпать предмета и оставили бы внѣ своихъ опредѣленій еще многія другія особенности и комбинаціи, непредвидѣнныя и незамѣченныя. Такимъ образомъ, самою сущностью задачи земельнаго устройства обуславливалась необходимость дать лишь общія указанія, устанавлиющія отношеніе различныхъ частныхъ дѣлъ къ общимъ началамъ, положеннымъ въ основаніе указа 1864 года.

Учредительному комитету, на обязанность котораго было возложено дальнѣйшее развитіе этихъ принциповъ, надлежало прежде всего твердо установить пространство и свойства тѣхъ земель и сервитутовъ, которые, въ силу указа, должны были поступить въ собственность пользовавшихся ими крестьянъ. Это имѣло огромное значеніе не только въ практическомъ отношеніи, при примѣненіи указа дѣателями крестьянскихъ учрежденій, но и въ отношеніи принципіальномъ, въ смыслѣ установленія новаго аграрнаго строя. Употребленныя въ указѣ выраженія «усадебна», «усадебные участки» могли подлежать различнымъ толкованіямъ, и несомнѣнно, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, не могло не оказать вліянія на самую сущность вновь совидаемыхъ отношеній. На нѣкоторыхъ изъ такихъ вопросовъ, имѣвшихъ особую важность, мы считаемъ необходимымъ остановиться и указать установленныя, по этому предмету, учредительнымъ комитетомъ положенія.

Въ Царствѣ Польскомъ, подъ названіемъ «усадебна» (osada) разумѣется вообще одно хозяйственное цѣлое, состоящее изъ жилища земледѣльца и изъ находящихся въ его пользованіи или распоряженіи участковъ земли и угодій. Поэтому, подъ общепотребительное названіе усадебъ и усадебныхъ участковъ подходит цѣлый рядъ крестьянскихъ хозяйствъ, начиная отъ самыхъ малыхъ, состоящихъ изъ жилищъ, до наиболѣе обширныхъ, представляющихъ полную совокупность жилища, огорода, полевой земли, луговъ и разныхъ сервитутовъ. Въ этомъ именно смыслѣ несомнѣнно слово «усадебна» употреблено въ указѣ 1864 г., такъ какъ тамъ прямо выражено, что на пріобрѣтеніе земель въ собственность размѣръ ихъ нисколько не вліяетъ. Съ другой стороны, подводя подъ названіе усадебъ всякое крестьянское хозяйство, хотя бы ограничивающееся однимъ дворомъ, указъ пошелъ еще дальше, относя сюда же жилища еще болѣе мелкія и даже дробныя. Такимъ образомъ, по мысли закона, не только всѣ многочисленныя разряды крестьянъ, но даже многія усадебныя

дворовыхъ служителей подходить подъ дѣйствіе указа. Это имѣло большое практическое значеніе. Читателямъ уже извѣстно, что огромное большинство коморниковъ и даже халупниковъ, не говоря уже о дворовыхъ служителяхъ, жило по нѣскольку семей въ одномъ дворѣ, халупѣ, представлявшихъ собою ихъ усадебныя жилища, въ ббльшей части случаевъ соединенныя съ какими-либо земельнымъ пользованіемъ, хотя бы съ незначительнымъ огородомъ. Очевидно, что всѣ эти низшіе разряды крестьянъ, а равно и дворовыхъ служителей, по смыслу указа, должны состоять въ числѣ тѣхъ, которые получаютъ усадьбы въ собственность. Естественно, что указъ въ такихъ случаяхъ употреблялъ слова усадьба или дворъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, тѣмъ тотъ, какой имъ придается въ общепитіи. Съ другой стороны, если одно жилище безъ полевыхъ земель составляло усадьбу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то не могло возбуждать сомнѣнія и то, что и *одна* земля, безъ всякаго жилища, одинаково подходила подъ понятіе земельного участка, приобретаемаго въ собственность, на основаніи указа 1864 года. Это несомнѣнно вытекаетъ уже изъ того, что такое подвижное основаніе, какъ строеніе, которое можетъ быть по произволу владѣльца возводимо и уничтожаемо, не можетъ быть принято за основаніе къ приобретенію собственности. Главный центръ тяготѣнія заключался все-таки въ землѣ, а не въ строеніи. Такимъ образомъ, какъ фактъ обладанія усадьбой (жилищемъ), такъ и землю незастроенной, являлся существеннымъ основаніемъ, опредѣлявшимъ и, такъ сказать, влекшимъ за собою дальнѣйшія, предоставленныя крестьянамъ, права собственности на землю и сервитуты. Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что названія — колонистъ, кметъ, рольникъ, огородникъ, халупникъ и пр.—обозначаютъ лишь различные виды хозяйственнаго положенія такихъ лицъ, которыя всѣ выѣстъ въ сущности образуютъ одно земледѣльческо-крестьянское сословіе и ни въ какомъ случаѣ не должны вліять на сущность предоставленныхъ имъ по указу правъ.

Всѣ эти общіе вопросы имѣли громадную и теоретическую, и практическую важность. Принципъ, легшій въ основу Земельной реформы, могъ бы получить совершенно иное развитіе и направленіе, еслибы не были вполнѣ точно опредѣлены подлежащія его дѣйствію земли. Поэтому учредительный комитетъ считалъ необходимымъ высказать по этому предмету общія руководящія правила. По всѣмъ этимъ сложнымъ возбуждающимъ сомнѣніе вопросамъ учредительный комитетъ высказался довольно

подробно. Исходя изъ разсмотрѣнныхъ нами общихъ началъ и соображеній онъ установилъ:

1) что всѣ копяржи, выборники, паробки и дворовые служители, въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ какое-либо усадебное устройство, подходятъ вполне подъ дѣйствіе указа 19 февраля и на общемъ основаніи должны получить въ собственность свои усадьбы и тѣ земельные участки, которые состояли въ ихъ пользованіи.

2) Такіе земледѣльцы подходятъ подъ дѣйствіе указа даже и въ томъ случаѣ, если они живутъ по нѣскольку семействъ въ одномъ и томъ же жилищѣ, лишь бы только послѣднее не составляло, находящихся въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, рабочихъ казармъ.

Въ отношеніи опредѣленія собственно земельныхъ участковъ, долженствовавшихъ поступить въ собственность крестьянъ, комитетъ общимъ правиломъ выразилъ слѣдующее:

3) При пользованіи изъ навоза (съ гною или на odgrobék) крестьянинъ получаетъ не какія-либо произведенія земли, а самую землю, которою и пользуется на самомъ дѣлѣ; поэтому всѣ такіе участки «изъ навоза», какъ находившіеся въ фактическомъ и дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ, надлежитъ обращать въ ихъ собственность.

4) Участки земли, отдаваемые на wubięne для снятія одного только урожая, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ считаться находившимися въ пользованіи крестьянъ, а потому не могли обращаться въ ихъ собственность. Само собою, что все это относится лишь къ землямъ, которыя составляли постоянно неотъемлемую принадлежность фольварочныхъ земель. Что же касается до такъ называемыхъ пустокъ и земель, произвольно отобранныхъ отъ крестьянъ послѣ изданія указа 1846 года, то онѣ должны были быть присоединены къ землямъ крестьянскимъ, совершенно независимо отъ способа пользованія ими со стороны крестьянъ.

5) Что касается права на сервитуты, то оно, по самому свойству своему, находится въ зависимости отъ обладанія землею, почему и должно принадлежать всѣмъ крестьянамъ, которые получаютъ въ собственность земли, независимо отъ того, къ какому разряду земледѣльцевъ они принадлежали.

Этимъ собственно исчерпываются всѣ наиболѣе существенные вопросы, вызываемые опредѣленіемъ пространства и свойства земель, долженствовавшихъ поступить въ собственность крестьянъ.

Обращаясь къ болѣе подробному разсмотрѣнію характера владѣнія, установленнаго указомъ 1864 года, мы находимъ, что оно покоится на принципѣ личной, индивидуальной собственно-

ств. При исторически сложившихся формахъ и условіяхъ экономическаго быта Польши, съ древнѣйшихъ временъ не знавшей другого хозяйства, кромѣ подворнаго, принципъ этотъ былъ совершенно неизбѣженъ и естественъ. Общинное владѣніе и пользование могло быть установлено только по отношенію къ сервитутамъ и такого рода имуществамъ, которыя составляютъ собственность цѣлаго селенія или крестьянскаго общества. Сюда относятся различныя принадлежащія всѣмъ крестьянамъ, одного и того же селенія, зданія больницъ, школы и другихъ богоугодныхъ заведеній. Къ общинному же владѣнію отнесено закономъ и пользование правомъ пропанаціи, охоты и рыбной ловли. Мы должны, однако, сказать относительно этого послѣдняго положенія, что оно не вполне согласно ни съ дѣйствительнымъ своимъ подворнаго хозяйства, ни съ дѣйствующимъ въ царствѣ вольскомъ кодексомъ Наполеона.

Въ отношеніи къ праву охоты установленіе общиннаго пользованія не вызывалось никакой необходимостью. Согласно дѣйствующему въ царствѣ польскомъ кодексу Наполеона, право охоты неразрывно связано съ правомъ личной собственности на землю, и установленіе этого права на принципъ общиннаго владѣнія могло совершиться только подъ сильнымъ вліяніемъ русскаго права. Это представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что вообще учредительный комитетъ, руководившій работами по крестьянской реформѣ въ Польшѣ, не питалъ особаго расположенія къ общинному владѣнію.

Другая характерная черта указа 1864 года заключается въ стремленіи удержать земли, поступившія на основаніи его въ собственность крестьянъ, въ рукахъ этого сословія. Съ этою цѣлью установлено извѣстное ограниченіе, въ силу котораго крестьянскія земли могутъ приобрѣтаться только лицами, принадлежащими къ этому сословію. Мѣра эта носитъ характеръ политическій и чужда экономическаго значенія. Съ экономической точки зрѣнія, при характерѣ подворнаго владѣнія, означенное ограниченіе нисколько не обезпечиваетъ индивидуальной собственности каждаго владѣльца. Могущее возникнуть вслѣдствіе общаго экономическаго разстройства обезземеленіе крестьянскихъ массъ съ одинаковой быстротой можетъ развиваться и при существующемъ ограниченіи. Разница только въ томъ, что вмѣсто присоединенія крестьянскихъ земель къ владѣльческимъ имѣніямъ, онѣ будутъ сосредоточиваться въ рукахъ кулаковъ, выходящихъ изъ того же крестьянскаго сословія. Для потерявшихъ землю крестьянъ это будетъ совершенно безразлично. Повторяемъ, что су-

ществующимъ ограниченіемъ относительно перехода крестьянскихъ земель достигаются только политическія цѣли, но отнюдь не экономическія.

Допустивъ по самому принципу, легшему въ основу указа 1864 года, крайне мелкія единицы земельного владѣнія, не превышающія въ извѣстныхъ случаяхъ размѣра 1 морга (копяржи), правительственная власть, при дальнѣйшемъ развитіи крестьянскаго дѣла, направила усилія къ ограниченію дальнѣйшаго дробленія поступившихъ въ крестьянамъ участковъ земли. Какъ крайняя норма, за предѣлы которой не можетъ зайти дальнѣйшее дробленіе земельной собственности, принято 6 морговъ. При раздѣлахъ имущества и при другихъ гражданскихъ сдѣлкахъ, имѣющихъ слѣдствіемъ передѣлъ земельныхъ участковъ, новые участки не могутъ заключать въ себѣ менѣе 6 морговъ. Но—цифра 6 морговъ взята произвольно и не опирается на какія-либо вычисления, относительно достаточности такого пространства земли для дѣйствительнаго обезпеченія матеріальнаго быта крестьянской семьи. Эта цифра имѣетъ значеніе общее и относится не только къ землямъ, поступившимъ въ собственность на основаніи указа, но и ко всякой земельной собственности. По отношенію къ крестьянскому землевладѣнію шести-морговой предѣлъ имѣетъ главнымъ образомъ значеніе при раздѣлѣ наслѣдства. При основномъ принципѣ, лежащемъ въ основѣ дѣйствующаго въ Польшѣ французскаго законодательства, по которому всѣ дѣти, безъ различія половъ, наслѣдуютъ въ одинаковыхъ доляхъ, рѣдая крестьянская усадьба можетъ быть раздѣлена въ натурѣ, съ тѣмъ, чтобы заключать въ каждой наслѣдственной долѣ не меньше 6 морговъ. Послѣдствіемъ этого, по кодексу, является продажа съ публичныхъ торговъ всего имѣнія и распредѣленіе между наслѣдниками вырученныхъ черезъ эту продажу денегъ. Нечего говорить, насколько такія послѣдствія тяжелы и разорительны для крестьянъ. Интересно наблюдать, какъ жизнь и условія крестьянскаго быта борются съ такимъ порядкомъ и вырабатываютъ на практикѣ разнообразныя средства, чтобы обойти невыгодное для нихъ законоположеніе. Между прочимъ, замѣчается, что повсемѣстно, несмотря на категорическое постановленіе закона, дочери лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получаютъ слѣдующія имъ изъ недвижности части. Въ большинствѣ случаевъ имъ выплачивается только стоимость земель по условной и обыкновенно не высокой оцѣнкѣ, земля же поступаетъ въ руки сыновей, причемъ, въ случаѣ недостаточности общаго количества земли для раздѣла на шести-морговые участки, происходитъ соединеніе се-

ней, фактически пользующихся недвижимостью, принадлежащей de jure лишь одному кому-либо из сонаследников. Вообще надо помнить, что установленная норма минимума землевладѣнія по отношенію къ крестьянской собственности не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ въ дѣйствительности огромное большинство крестьянскихъ участковъ, приобретенныхъ по указу, значительно ниже этой минимальной величины.

Этимъ собственно и ограничиваются всѣ выработанныя правительствомъ мѣры для удержанія крестьянскихъ земель въ рукахъ этого сословія. Подобно тому, какъ и вся реформа земельного устройства, не разрѣшившая сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ болѣе уравнительнымъ и правильнымъ распредѣленіемъ земель, ограничилась только превращеніемъ факта владѣнія въ право,—такъ и эти мѣропріятія направлены къ тому, чтобы удержать лишь *общую массу* крестьянскихъ земель въ рукахъ этого сословія, а не защитить отдѣльной собственности каждаго поселеннаго.

V.

По самой сущности предстоявшихъ трудовъ для приведенія въ исполненіе началъ, легшихъ въ основу указовъ 1864 года, они распадалась на двѣ части. Необходимо было прежде всего опредѣлить на мѣстѣ всѣ долженствующія отойти къ крестьянамъ земли и сервитуты, произвести расчетъ какъ земельной подати, долженствующей пасть на крестьянъ, такъ и вознагражденія, причитающагося владѣльцу, и укрѣпить все это путемъ внесенія въ ликвидационныя таблицы.

Такими первоначальными дѣйствіями задача крестьянскаго устройства, однако, не исчерпывалась. Это была лишь первая половина. Вторая, не менѣ важная, заключалась: во 1) въ надѣленіи землею крестьянъ совершенно безземельныхъ, которыхъ, какъ мы видѣли, было около 30% всего крестьянскаго сословія, и во 2) въ окончаніи земельной регуляціи, путемъ разверстанія принадлежащихъ крестьянамъ во владѣльческихъ имѣніяхъ сервитутовъ. Обѣ эти задачи были одинаково необходимы, такъ какъ въ противномъ случаѣ, начала, положенныя въ указы 19 февраля, не могли бы принести всѣхъ ожидавшихся отъ нихъ результатовъ.

Устройство крестьянскаго быта было возложено въ царствѣ ~~на~~ на образованныя для этой цѣли крестьянскія учрежденія. Они состояли изъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ,

замѣнившихъ въ Польшѣ нашихъ мировыхъ посредниковъ, и изъ крестьянскихъ комиссій, — учрежденія, сходнаго съ нашими съѣздами мировыхъ посредниковъ. Смотри по величинѣ уѣзда, въ каждомъ изъ нихъ было по два и даже по три комиссара. Два или три уѣзда вмѣстѣ образовывали отдѣлъ, имѣвшій свою особую крестьянскую комиссію. Последняя состояла изъ особо назначеннаго предсѣдателя и тѣхъ же уѣздныхъ комиссаровъ, являвшихся ея членами. Надо замѣтить, впрочемъ, что, при раздѣленіи царства на отдѣлы, не придерживались строго административнаго дѣленія, и случаи дробленія уѣздовъ встрѣчались довольно часто. Общимъ правиломъ было принято, что на каждую комиссію полагалось отъ 20,000 до 30,000 крестьянскихъ усадебъ, расположенныхъ въ мѣстности, имѣющей радіусъ не шире 40—45 верстъ.

Весь служебный персоналъ крестьянскихъ учреждений былъ образованъ изъ лицъ русскаго происхожденія и по степени образованія и другихъ личныхъ свойствъ былъ до крайности разнообразенъ. Рядомъ съ личностью Юрія Самарина попадались не рѣдко и такіе «ташкентцы», преданія о дѣйствіяхъ или, вѣрнѣе, подвигахъ которыхъ еще долго будутъ въ памяти у всѣхъ слоевъ польскаго населенія. Общее направленіе дѣятельности крестьянскихъ комиссій было обезпечено вполне, какъ характеромъ самого указа, такъ и особой инструкціей, изданной учредительнымъ комитетомъ. Инструкція эта, предписывавшая крестьянскимъ комиссіямъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣйствіямъ, объѣхать въ полномъ составѣ всѣ населенные пункты своихъ отдѣловъ, прямо выдвигала первенствующее значеніе крестьянской реформы, какъ мѣры политической, направленной противъ польскихъ помѣщиковъ. Ближайшими къ населенію дѣятелями являлись участковые комиссары; крестьянскія же комиссіи составляли апелляціонную инстанцію для жалобъ на ихъ рѣшенія. Дѣйствія крестьянскихъ комиссій можно было обжаловать учредительному комитету, постановленія котораго были окончательными и уже ни какому обжалованью не подлежали.

Главная задача, лежавшая на крестьянскихъ учрежденіяхъ, состояла въ томъ, чтобы *опредѣлить въ натурѣ* тѣ земли, строевія и сервитуты, которые должны были отойти къ крестьянамъ на основаніи указа 1864 года. По отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда приходилось отводить ту землю, на которой засталъ крестьянинъ указъ, и ни фактъ, ни свойство владѣнія не оспаривались, — задача не представлялась трудною. Слѣдовало только путемъ намѣренія опредѣлять границы поступающаго въ собственность

крестьянина участка, установить пространство принадлежащих ему сервитуты, и регуляція являлась оконченною. Но неизмѣримо больше затрудненій представляли случаи, когда приходилось возвращать крестьянамъ земли, отобранныя отъ нихъ послѣ изданія указа 1846 года. Въ длинный промежутокъ времени, истекшій со дня изданія этого указа, отобранныя отъ крестьянъ земли могли оказаться встроеными капитальными и дорого стоящими зданіями, или же быть введенными въ систему многопольнаго хозяйства, съ затратой значительныхъ капиталовъ. Очевидно, что возвращеніе такихъ земель крестьянамъ, какъ того требовалъ буквальный смыслъ закона 19-го февраля, должно было бы до крайности разрушительно повліять на владѣльческія имѣнія и разорить вотчинниковъ, безъ малѣйшей прибыли для крестьянъ, такъ какъ послѣднимъ было въ сущности безразлично получить тѣ самые участки или другіе, одинаковаго количества и качества. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ ограничиться буквой закона представлялось невозможнымъ; необходимо было болѣе глубоко вникнуть въ сущность сельско-хозяйственныхъ отношеній обѣихъ сторонъ и произвести регуляцію земельныхъ участковъ способомъ, наиболѣе обеспечивающимъ взаимныя выгоды владѣльцевъ. Къ сожалѣнію, не всѣ дѣятели крестьянскихъ учреждений были въ состояніи правильнымъ образомъ разрѣшить затрудненія, встрѣчавшіяся на практикѣ. Въ большинствѣ случаевъ указъ примѣнялся въ буквальномъ смыслѣ. Невыгодныя слѣдствія такого порядка отражались не только на помѣстныхъ владѣльцахъ, но и на самихъ крестьянахъ, такъ какъ первымъ слѣдствіемъ буквальнаго примѣненія указа являлась чрезполосность, разрушительно вліявшая какъ на владѣльческое, такъ и на крестьянское хозяйство. Надо замѣтить, что значительная чрезполосность неизбежно должна была наступить уже вслѣдствіе того, что она вытекала изъ прежнихъ отношеній, существовавшихъ между помѣщиками и различными видами земледѣльцевъ; указъ же 1864 года только утверждалъ за крестьянами участки, находившіяся въ ихъ пользованіи, не производя разверстанія. Но возвращеніе крестьянамъ тѣхъ самыхъ земель, которыя отобраны были отъ нихъ послѣ 1846 года, неминуемо увеличивало чрезполосность и всѣ происходящія отъ нея неудобства. Строгое примѣненіе такого правила довело бы чрезполосность до тѣхъ размѣровъ, что фольварки были бы стѣснены не только свободно располагать сѣвооборотами, но даже и вообще устанавливать какую-либо сельско-хозяйственную систему. Вслѣдствіе этого, урядительный комитетъ принялъ мѣры къ устраненію происхо-

дившихъ отъ буквального примѣненія указа крайне вредныхъ послѣдствій. Именно, имъ было разъяснено о возможности отвода крестьянамъ въ замѣнъ тѣхъ участковъ, которыми они владѣли въ 1846 году, другихъ одинаковаго достоинства и пространства.

Другое затрудненіе, вытекавшее при возвращеніи крестьянамъ земель, незаконно отъ нихъ отобранныхъ, состояло въ томъ, что такіе отобранные участки могли быть отданы владѣльцами въ пользованіе другихъ крестьянъ, такъ что, если бы держаться буквального смысла указа, слѣдовало бы ихъ отобрать отъ тѣхъ крестьянъ, которые владѣли ими въ моментъ изданія указа 1864 года, что очевидно противорѣчитъ 1 ст. этого указа. Въ разрѣшеніе такой коллизіи учредительный комитетъ общимъ правиломъ установилъ, что если на усадьбу, занятую какимъ-либо крестьяниномъ во время изданія указа 19 февраля, будутъ протирать претензіи другіе какіе-либо крестьяне, незаконно удаленные съ нея помѣщикомъ послѣ 26 мая 1846 года, то такая усадьба, ни въ какомъ случаѣ, не подлежитъ отобранію у послѣдняго хозяина, котораго засталъ на ней указъ 19 февраля. Что же касается до произвольно удаленныхъ крестьянъ, то они приобрѣтаютъ лишь право требовать отъ владѣльца вознагражденія, посредствомъ отвода другихъ участковъ.

Возстановленіе для крестьянъ сервитутныхъ правъ, незаконно нарушенныхъ, не представляло тѣхъ затрудненій, какъ возвращеніе земель, а потому практикуемо было въ широкихъ размѣрахъ. Вообще, рассматривая инструкціи и журналы учредительнаго комитета, нельзя не замѣтить ясно выраженнаго стремленія, сколь возможно шире раскинуть сѣть крестьянскихъ сервитутовъ во владѣльческихъ имѣніяхъ. Смотри на реформу земельныхъ отношеній съ точки зрѣнія исключительно политической, учредительный комитетъ видѣлъ въ обременяющихъ имѣнія многочисленныхъ сервитутахъ могущественнѣйшее средство въ удержанію помѣстныхъ вотчинниковъ въ положеніи возможно большей экономической несостоятельности, такъ какъ такіе сервитуты дѣлаютъ невозможнымъ усовершенствованіе сельско-хозяйственной культуры. При тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между помѣстными вотчинниками и крестьянами въ предшествовавшее указу время, сервитуты могли устанавливаться въ силу обычая, какъ фактъ чисто экономической. Измѣненія въ области сервитутныхъ правъ крестьянъ бывали постоянно. Если владѣльцы рѣшались по своему произволу измѣнять престаціи крестьянскихъ участковъ и даже отбирать ихъ

совершенно, то несомнѣнно еще съ большею смѣлостью они измѣняли и уничтожали лежавшіе на имѣніяхъ сервитуты. Въ послѣдніе годы передъ изданіемъ указа 19 февраля, предчувствуя близкое наступленіе аграрной регуляціи, помѣстные владѣльцы съ особеннымъ стараніемъ стремились къ освобожденію усадебъ и фольварковъ отъ обременяющихъ ихъ сервитутовъ. При этомъ уничтоженіе было производимо не путемъ разверстанія ихъ, а простымъ лишеніемъ крестьянъ самого права. Указъ 1864 г. восстанавливалъ въ пользованіи крестьянъ всѣ неправильно уничтоженные сервитуты. Коль скоро восстановление это практиковалось въ искусственно широкихъ размѣрахъ, то становится понятнымъ, какъ количество такихъ сервитутовъ, такъ и степень обремененія ими владѣльческихъ хозяйствъ.

Кромѣ тѣхъ затрудненій, которыя возникли при примѣненіи указа 1864 года, вслѣдствіе непредусмотрѣнныхъ уставомъ сложныхъ вопросовъ, явившихся въ жизни, крестьянскія учрежденія встрѣчали въ своей дѣятельности препятствія и со стороны помѣстныхъ вотчинниковъ. О какомъ-либо сочувствіи со стороны послѣднихъ невозможно было и думать; это было бы не въ порядкѣ вещей; но враждебное отношеніе помѣщиковъ къ ходу земельного устройства не рѣдко крайне вредно отражалось на ихъ же собственныхъ интересахъ и во всякомъ случаѣ удлинняло ходъ составленія ликвидационныхъ табелей. Начавшись съ августа 1864 года, опредѣленіе крестьянскихъ земель и сервитутовъ и вообще составленіе и утвержденіе ликвидационныхъ табелей продолжалось около 7 лѣтъ. Послѣднія ликвидационныя табели были утверждены въ 1871 году. При тѣхъ громадныхъ средствахъ и правахъ, которыя принадлежали крестьянскимъ учрежденіямъ въ царствѣ, такая медленность только и могла быть объяснена или неумѣлостью комиссаровъ, или же дѣйствительными препятствіями, которыя были выставляемы имъ вотчинными владѣльцами.

Провѣренныя крестьянскими комиссіями на мѣстѣ, ликвидационныя табели были утверждаемы особой образованной при учредительномъ комитетѣ комиссіей. Утвержденныя въ такомъ порядкѣ табели составляли, какъ мы сказали, акты укрѣпленія правъ собственности крестьянъ на отведенныя имъ земли и сервитуты. При существующемъ въ Польшѣ принципѣ личной собственности, такой порядокъ укрѣпленія правъ не можетъ быть признанъ согласнымъ ни съ требованіями гражданского кодекса, ни съ дѣйствительнымъ характеромъ владѣнія. Порядокъ этотъ очевидно заимствованъ изъ Россіи. Но дѣло въ томъ, что если у насъ уставныя грамоты служатъ единственнымъ актомъ укрѣп-

ленія крестьянской собственности, то это объясняется существованіемъ общиннаго владѣнія. Напротивъ того, въ Польшѣ, на основаніи ликвидационныхъ табелей, слѣдовало бы каждому крестьянину выдать особый актъ укрѣпленія на земли и сервитуты, такъ какъ такіе акты являются общою принадлежностью всякаго личнаго права. Вопросъ этотъ не исключительно формальный; онъ имѣетъ большія практическія неудобства, которыя даютъ себя чувствовать уже въ настоящее время, по истеченіи всего 10 лѣтъ со дня окончанія регуляціи; въ будущемъ же такія неудобства несомнѣнно возрастутъ и будутъ порождать цѣлый рядъ процессовъ о правѣ собственности, такъ какъ находящіеся въ гражданскомъ оборотѣ права на земли и угодія пройдутъ послѣдовательно черезъ нѣсколькихъ собственниковъ, ликвидационныя же табели остаются безъ измѣненія. Большія неудобства порождаются и при занесеніи крестьянскихъ усадебъ въ ипотечныя книги. Замѣчательно, что о необходимости выдать, на основаніи ликвидационныхъ табелей, данныя или какіе-либо другіе акты укрѣпленія, было въ свое время заявлено учредительному комитету многими лицами, предвидѣвшими всѣ невыгодныя послѣдствія установленнаго порядка; но учредительный комитетъ не считалъ почему-то возможнымъ измѣнить выработанную имъ практику.

Составленіемъ ликвидационныхъ табелей первая половина задачи крестьянскихъ учреждений, по отношенію къ устройству крестьянъ-земледѣльцевъ, была окончена. Но надо было еще устроить бытъ крестьянъ совершенно безземельныхъ. Этотъ классъ сельскаго пролетаріата былъ въ царствѣ польскомъ чрезвычайно силенъ, превосходилъ 1.300,000 человекъ и изстари находился подъ самымъ сильнымъ гнѣтомъ вотчинныхъ владѣльцевъ. По отношенію къ надѣленію землею и устройству быта всѣхъ этихъ безземельныхъ работниковъ, еще одновременно съ изданіемъ указа 19-го февраля, была возложена на учредительный комитетъ обязанность озаботиться отводомъ имъ земель казенныхъ, подушныхъ и помонастырскихъ. Затѣмъ 21-го августа того же 1864 года состоялось высочайшее повелѣніе, коимъ разъяснено, что при отводѣ участковъ безземельнымъ крестьянамъ надо имѣть въ виду не только однихъ поселянъ, но и тѣхъ городскихъ обывателей, которые окажутся безземельными и сами будутъ объ этомъ просить, а также дополнять участки крестьянъ въ казенныхъ и маіоратныхъ имѣніяхъ въ томъ случаѣ, если участки ихъ не достигаютъ размѣра 3 морговъ. Такимъ образомъ, обязанность обез-

веченія безземельныхъ крестьянъ сосредоточилась въ тѣхъ же крестьянскихъ учрежденіяхъ.

Въ раздачу безземельному населенію могли поступить, кромѣ казенныхъ фольварковъ, другія земли, состоящія изъ лѣсныхъ отрѣзковъ, усадьбъ, не занятыхъ крестьянами, и другихъ угодій, состоявшихъ во временномъ пользованіи разныхъ лицъ. По собраннымъ учредительнымъ комитетомъ свѣдѣніямъ, всѣхъ казенныхъ земель въ казенныхъ имѣніяхъ числилось 346,234 морга 219 прентовъ. Изъ этого числа въ безсрочномъ арендномъ содержаніи находилось 69,767 морговъ 230 прентовъ, такъ-что въ распоряженіи казны оставалось всего 276,466 морговъ 289 прентовъ. Кромѣ того, разныхъ отрѣзковъ, пустошь и другихъ подобныхъ земель числилось въ казенныхъ имѣніяхъ, до изданія указа 19-го февраля, 49,771 моргъ 48 прентовъ. При этомъ известная часть такихъ земель, въ размѣрѣ 13, 673 морговъ 159 прентовъ, находилась въ пользованіи крестьянъ и въ силу указа поступила въ ихъ собственность, такъ-что свободныхъ отрѣзковъ было всего 24,490 морговъ 187 прентовъ ¹⁾. Приведенныя нами цифры сами по себѣ доказываютъ, что для обезпеченія всѣхъ безземельныхъ работниковъ, имѣвшейся казенной земли было далеко недостаточно. Даже $\frac{1}{10}$ часть этого населенія не могла бы быть обезпечена этими землями. Но положеніе вещей въ значительной степени ухудшалось еще тѣмъ, что казенныя земли имѣли двойное назначеніе. Только одна часть ихъ могла быть обращена для отвода безземельнымъ крестьянамъ, другая же часть должна была быть продана на погашеніе ливидационнаго долга. Хотя при продажѣ эти земли покупались болѣею частью крестьянами, но несомнѣнно, что безземельные крестьяне въ подобныхъ покупкахъ не участвовали. Вообще отъ казенныхъ земель польза для нихъ была крайне мало ощутительна. Гораздо важнѣе, въ смыслѣ обезпеченія, была возможность отводить безземельнымъ крестьянамъ земли, принадлежавшія духовенству, католическимъ приходамъ и монастырямъ. Земель такихъ было значительно больше, чѣмъ собственно казенныхъ земель. Къ сожалѣнію, и здѣсь учредительный комитетъ до крайности ограничилъ количество земель, которыя должны были быть отведены безземельному крестьянству. Было установлено, что изъ монастырскихъ и вообще духовныхъ имѣній могли быть обращены для надѣленія безземельныхъ крестьянъ лишь тѣ имѣнія, которыя не находятся въ окрестности городовъ, не имѣютъ цѣнныхъ хозяйственныхъ по-

¹⁾ Постановленія учредительнаго комитета. Т. 7, стр. 103.

строекъ, не превышаютъ размѣра 90 морговъ и вообще «не обѣщаютъ особенныхъ выгодъ отъ продажи»¹⁾.

При раздачѣ надѣловъ безземельнымъ главная задача заключалась въ томъ, чтобы установить, съ нѣкоторою опредѣленностью, порядокъ первенства между различными видами безземельнаго сельскаго населенія. При опредѣленіи такого первенства комитетъ руководствовался, главнымъ образомъ, степенью благонадежности извѣстнаго крестьянина, какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Имъ было установлено, что «прежде всѣхъ должны быть отличены такіе безземельные, которые во время послѣдняго повстанія выказали чѣмъ либо свою особенную преданность правительству». Затѣмъ надѣлы должны были предоставлены такимъ крестьянамъ, которые имѣютъ собственные средства въ водворенію на отводимыхъ имъ участкахъ и осѣдность которыхъ была бы совершенно гарантирована. Въ такихъ случаяхъ, по мнѣнію учредительнаго комитета, надѣленіе землею было бы мѣрою равно полезно какъ для крестьянъ, такъ и для государства. Вообще при отводѣ земель безземельному населенію, учредительный комитетъ держался исключительно политической точки зрѣнія и былъ далекъ отъ преслѣдованія экономическихъ цѣлей. Исходя изъ той же политической стороны, имъ были причислены къ безземельнымъ крестьянамъ отставные солдаты русскаго происхожденія, которымъ были предоставлены земли въ видахъ водворенія въ Польшѣ прочнаго русскаго элемента.

При такомъ порядкѣ отвода земель невозможно было даже допустить предположенія, чтобы большинство сельскаго пролетаріата сдѣлалось осѣдлыми собственниками. Земли получили въ дѣйствительности очень немногіе, и цифра безземельныхъ работниковъ въ Польшѣ велика до сихъ поръ.

Не можемъ при этомъ не обратить вниманія на то, что учредительный комитетъ, при устройствѣ быта безземельныхъ, отводилъ земли въ личную собственность, а не установилъ общиннаго владѣнія такими землями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленію общиннаго пользованія могла препятствовать крайняя разбросанность тѣхъ земельныхъ отрѣзковъ, которые поступили къ крестьянамъ; но были и такіе фольварки, которые поступили къ крестьянамъ цѣликомъ и въ которыхъ установленіе общиннаго владѣнія было совершенно возможно. Во Франціи, гдѣ принципъ общиннаго владѣнія несомнѣнно болѣе чуждъ, чѣмъ въ Польшѣ,

¹⁾ Тамъ же.

конфискованныя во время первой революціи земли духовенства и аристократіи были отданы на правѣ общиннаго владѣнія. Гораздо больше оснований къ установленію такого характера владѣнія представлялось въ Польшѣ.

Составленіемъ ликвидационныхъ табелей и устройствомъ быта безземельныхъ крестьянъ исчерпывалась первая и главная задача дѣятельности крестьянскихъ учреждений. Но реформа земельныхъ отношеній не могла быть признана конченною до тѣхъ поръ, пока владѣльческія имѣнія не были освобождены отъ тяготящихся на нихъ многочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ сервитутовъ.

Возникновеніе сельскихъ сервитутовъ нужно отнести къ эпохѣ крайне отдаленной. Чѣмъ рѣже было населеніе, чѣмъ болѣе было свободныхъ земель, чѣмъ ниже вообще была культура, тѣмъ сервитуты являлись болѣе распространенными и менѣе обременительными для хозяйства большихъ имѣній. Но съ увеличеніемъ народонаселенія и возвышеніемъ цѣнности земель, характеръ владѣльческаго хозяйства necessarily измѣнялся. Экстензивное хозяйство дѣлалось уже невозможнымъ, оно уступало мѣсто хозяйству интензивному, основанному на болѣе сложныхъ и усовершенствованныхъ системахъ земледѣлія. При наступленіи этихъ условій, повсемѣстно замѣчалось стремленіе освободить большія имѣнія отъ лежащихъ на нихъ разнообразныхъ сервитутовъ. Въ настоящее время въ хозяйственномъ быту западной Европы сервитуты составляютъ явленіе довольно рѣдкое. Не говоря уже объ Англій, во Франціи, Бельгіи и всей средней Германіи сервитуты уже уничтожены. Они были обмѣнены на отрѣзанные отъ имѣній полевые и лѣсные участки. Общимъ слѣдствіемъ такого обмѣна явилось увеличеніе пространства земель, находящихся во владѣніи крестьянъ и другихъ мелкопомѣстныхъ собственниковъ.

При условіяхъ мало-мальски развитой культуры, сервитуты являютъ зломъ, разрушительно вліяющимъ на системы земледѣлія. Переходъ къ интензивному хозяйству, при существованіи обременяющихъ имѣнія большихъ сервитутовъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно невозможенъ. Препятствуютъ сервитуты и правильному лѣсоводству. Въ царствѣ польскомъ, какъ мы видѣли, сервитуты явились слѣдствіемъ крестьянскаго малоземелія въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя сложились между ними и помѣщиками вотчинниками. При томъ положеніи, когда вся земля юридически считалась собственностью вотчиннаго владѣльца, предопредѣленіе крестьянамъ извѣстныхъ угодій въ земляхъ фольварочныхъ являлось фактомъ вполне обыденнымъ и не могло причинить расстройствъ владѣльческому хозяйству. Измѣненія харак-

тера и пространства сервитутовъ производились безпрестанно, смотря по потребностямъ фольварковъ. Вообще самое право сервитута не имѣло устойчивости. Указъ 1864 года закрѣпилъ за крестьянами не только тѣ сервитуты, которые имъ принадлежали въ моментъ изданія этого указа, но и тѣ, которые были произвольно отобраны отъ нихъ послѣ 26 го мая 1846 года. Ограничить необходимость предоставленія крестьянамъ сервитутовъ невозможно. При томъ малоземельи, которое является удѣломъ польскаго крестьянства, не имѣющаго въ своемъ владѣніи ни пастбищъ, ни лѣсовъ, признаніе за ними сервитутныхъ правъ представлялось безусловно необходимымъ. Но за опредѣленіемъ количества и пространства крестьянскихъ сервитутовъ неизбѣжно должны были послѣдовать обязательныя сдѣлки съ вотчинными владѣльцами для разверстанія этихъ сервитутовъ въ натурѣ. Такое разверстаніе имѣло бы своимъ слѣдствіемъ, съ одной стороны, предоставленіе помѣщикамъ возможности переходить къ болѣе усовершенствованнымъ и сложнымъ системамъ земледѣлія, съ другой стороны, неизбѣжно повліяло бы на округленіе границъ крестьянскихъ владѣній и увеличеніе общаго количества находящихся въ ихъ пользованіи земель.

Принадлежащіе крестьянамъ въ Польшѣ сервитуты весьма разнообразны. Начиная отъ самаго мелкаго права собираянія ягодъ и грибовъ, они восходятъ до самаго сильнаго лѣсного сервитута, состоящаго въ правѣ въѣзда въ лѣсъ съ топоромъ (сѣкирой). Пространство сервитутныхъ правъ также неодинаково. Какъ пастбищныя, такъ и лѣсные сервитуты по объему весьма различны. Въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ можно встрѣтить крестьянъ, пользующихся сервитутами совершенно неодинаковаго размѣра. Объясняется это, конечно, общимъ характеромъ произведенной на основаніи указа 1864 года реформы, по которой узаконенъ былъ фактъ владѣнія, безъ производства регуляціи землевладѣнія и установленія однообразныхъ нормъ крестьянскихъ надѣловъ. Послѣдствія этого обнаружались, какъ въ различныхъ размѣрахъ крестьянскихъ участковъ, такъ и въ различіи принадлежащихъ крестьянамъ сервитутовъ. Такое неравенство особенно ощутительно въ тѣхъ случаяхъ, когда участки, отведенные по ликвидационнымъ табелямъ въ пользованіе крестьянъ, увеличились въ послѣдствіи, черезъ покупку крестьянами земель частныхъ владѣльцевъ. Въ подобныхъ случаяхъ проявляется полное несоотвѣтствіе между состоящими во владѣніи крестьянъ землями и принадлежащими имъ сервитутами.

Существующіе въ настоящее время сервитуты разрушительно

вліяють не только на улучшеніе владѣльческихъ хозяйствъ, но до крайности неблагопріятно дѣйствуютъ и на самихъ крестьянъ. При существующемъ положеніи, когда сервитутъ пастьбы строго ограниченъ правомъ пасти опредѣленное количество скота, крестьяне не имѣютъ возможности увеличивать скотоводство безъ того, чтобы или не вступать съ вотчиннымъ владѣльцемъ въ крайне обременительныя для себя сдѣлки, или же допустить превышенія сервитутныхъ правъ, порождающія множество процессовъ, крайне разрушительныхъ.

Что касается до сервитута лѣсного, то надо замѣтить, что осуществленіе въ этомъ случаѣ сервитутнаго права обставлено такими формальностями, которыя во многомъ затрудняютъ пользованіе самымъ правомъ. Чѣмъ сильнѣе и цѣннѣе сервитутное право, тѣмъ труднѣе его осуществленіе. По отношенію къ мелкимъ лѣснымъ сервитутамъ, подборанія листьевъ, сучьевъ и т. п., осуществленіе сервитута не сопряжено съ затрудненіями; но при пользованіи большими сервитутами, въѣзда въ лѣсъ съ топоромъ, существуютъ формальности, затрудняющія и во всякомъ случаѣ замедляющія такое пользованіе. Затрудненіе заключается въ томъ, что въ лѣсвидаціонныхъ табеляхъ не означено количество деревьевъ, которое каждый крестьянинъ имѣетъ право вырубить, а сказано вообще, что они имѣютъ право пользоваться лѣсомъ для починки строеній и сельско-хозяйственныхъ орудій. При такихъ условіяхъ, чтобы осуществить сервитутъ, крестьянину необходимо доказать *дѣйствительную* потребность предстоящей починки. Это сопряжено обыкновенно съ обязанностью представить владѣльцу имѣнія испортившіеся предметы, а если они заключаются въ стропилахъ, бревнахъ и другихъ частяхъ зданія, то представленіе ихъ не вполнѣ возможно, вслѣдствіе чего происходятъ постоянные споры между крестьянами и помѣстными вотчинниками, — споры, нерѣдко доходящіе до суда.

Въ періодъ времени, когда проводилась земельная реформа, въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за усмиреніемъ повстанія, при господствѣ исключительно военнаго режима, пользованіе сервитутами для крестьянъ было вполнѣ обезпечено, такъ какъ всѣ заявленія помѣстныхъ владѣльцевъ о незаконномъ пользованіи сервитутами и превышеніи ихъ оставались обыкновенно безъ послѣдствій, въ виду того откровеннаго соображенія военныхъ начальниковъ, по которому самое существованіе сервитутныхъ направлено къ тому, чтобы разрушать владѣльческія имѣнія. Въ настоящее же время, когда легальность уже больше проникла въ разнообразныя сферы польскаго гражданскаго быта, пользованіе сервитутами не представляется столь легкимъ.

Для установленія большей устойчивости въ земельныхъ отношеніяхъ, для окончанія устройства крестьянскаго быта, принятаго въ 1864 году, необходимо прекратить существующіе сервитуты. Прекращеніе это можетъ послѣдовать путемъ принудительнаго разверстанія. Прямая выгода такого разверстанія будетъ заключаться не только въ возможности введенія во владѣльческихъ хозяйствахъ болѣе сложной и усовершенствованной земледѣльческой культуры, но и въ увеличеніи общаго количества крестьянскихъ земель. Можно думать, что принадлежащіе крестьянамъ сервитуты дешево отданы не будутъ, и въ замѣнъ ихъ получится возможность округлить крестьянскія границы и до известной степени увеличить находящіеся въ ихъ владѣніи участки.

Надо, однако, замѣтить, что, къ сожалѣнію, дѣло разверстанія сервитутовъ подвигается крайне медленно. Принудительнаго разверстанія не существуетъ. Согласно съ указомъ 1864 года, сервитуты могутъ прекращаться только путемъ добровольныхъ сдѣловъ между помѣщиками и крестьянами. Совершеніе такихъ сдѣловъ сопряжено съ величайшими затрудненіями, а утвержденіе ихъ—съ необыкновенною медленностью. Иногда проходитъ три, четыре и даже пять лѣтъ прежде чѣмъ сдѣлка получитъ утвержденіе. Точныхъ данныхъ о количествѣ имѣній, прекратившихъ сервитутныя отношенія, мы не имѣемъ, но по свѣдѣніямъ, собраннымъ нами на мѣстѣ, можно заключить, что въ теченіе 10-ти лѣтъ, истекшихъ со времени ликвидаціонныхъ табелей, освобождено отъ сервитутовъ не болѣе $\frac{1}{4}$ владѣльческихъ имѣній,—при этомъ надо замѣтить, что въ наиболѣе крупныхъ помѣстьяхъ сервитуты сохраняютъ полную силу. До изданія закона объ обязательномъ разверстаніи нельзя ожидать сколько нибудь успѣшнаго хода уничтоженія сервитутныхъ отношеній. Крестьянскія учрежденія царства польскаго, исполнившія свою задачу по введенію указа 1864 года, продолжаютъ свое существованіе исключительно благодаря тому, что сельскіе сервитуты дѣлаютъ отношенія между крестьянами и помѣщиками какъ бы не вполнѣ прекратившимися и требующими содѣйствія комиссаровъ въ качествѣ защитниковъ крестьянъ. Сознавая, что съ уничтоженіемъ сервитутовъ, послѣднія лежащія на крестьянскихъ учрежденіяхъ обязанности будутъ кончены и самое учрежденіе упразднено, большинство комиссаровъ, совершенно утратившихъ въ настоящее время значеніе защитниковъ крестьянскихъ интересовъ, искусственно замедляютъ и противодействуютъ успѣшному ходу добровольныхъ сдѣловъ между помѣстными владѣльцами и крестьянами. Прекратить настоящее ненормальное и

тяжело ложащееся на сельско-хозяйственный бытъ положеніе возможно только установленіемъ обязательнаго разверстанія, на основаніи выработанныхъ для этого правилъ и нормъ.

VI.

Указомъ 1864 года установлены вообще тѣ поземельныя отношенія въ царствѣ польскомъ, которыя существуютъ и въ настоящее время. Отношенія эти, возникши исторически, представляли въ предшествовавшее изданію указа время цѣлый рядъ разнообразныхъ фактовъ и формъ пользованія землею. Реформа 1864 года не произвела кореннаго измѣненія въ аграрномъ строѣ страны. Только по отношенію къ сравнительно небольшому числу вполнѣ безземельныхъ работниковъ, указъ 19 февраля имѣлъ значеніе, видоизмѣнившее общій характеръ землевладѣнія. Только эти крестьяне изъ состоянія полнаго пролетаріата сдѣлались до известной степени обезпеченными хозяевами. Въ отношеніи остальныхъ крестьянъ, реформа имѣла экономическое значеніе лишь въ смыслѣ дѣйствительнаго улучшенія ихъ положенія, но не въ отношеніи къ измѣненію распредѣленія земель между различными классами населенія. Устроенныя по ликвидаціоннымъ табелямъ крестьяне, какъ въ казенныхъ и маіоратныхъ, такъ и во владѣльческихъ имѣніяхъ, фактически и прежде пользовались тѣми землями и сервитутами, которые были признаны за ними въ собственность на основаніи указа. Сила указа состояла, во первыхъ въ томъ, что имъ превращенъ фактъ владѣнія въ право собственности, и во-вторыхъ, что та подать и вообще тѣ повинности, которыя крестьяне платили владѣльцамъ за находившіяся въ ихъ пользованіи земли были въ значительной степени уменьшены. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи значеніе указа особенно велико. Установленный на погашеніи ликвидаціонной операціи земельный налогъ, который крестьяне должны будутъ платить въ теченіе 54 лѣтъ, не можетъ превышать $\frac{2}{3}$ совокупности сходившихъ въ прежнее время съ крестьянъ въ пользу владѣльцевъ повинностей, оцѣненныхъ по довольно дешевой оцѣнкѣ. При этомъ надо имѣть въ виду, что множество лежавшихъ на крестьянахъ податей и сборовъ, какъ-то: даремщины, данины, принудительные наймы и т. п., не вошли совершенно въ оцѣнку, а были уничтожены въ силу прежнихъ указовъ, безъ малѣйшаго вознагражденія владѣльцевъ. Происходящее отсюда улучшеніе историческаго быта крестьянъ вполнѣ понятно. Но совсѣмъ

тѣмъ всѣ эти удобства произведенной въ 1864 году реформы не даютъ возможности признать, чтобы сложныя стороны аграрнаго вопроса въ Польшѣ были вполне удовлетворительно разрѣшены. Узаконодѣть фактъ, превратить его въ право, еще не значитъ регулировать земельныя отношенія. :

Обратимся, однако, къ ближайшимъ послѣдствіямъ указа. Каковъ господствующій характеръ землевладѣнія въ Польшѣ въ настоящее время, по истеченіи 10 лѣтъ, со времени составленія ликвидационныхъ табелей?

Царство Польское можетъ быть признано вообще страной весьма мелкаго землевладѣнія. Огромное большинство владѣльческихъ имѣній принадлежитъ если не къ разряду вполне мелкопомѣстныхъ, то во всякомъ случаѣ къ категоріи среднихъ по величинѣ. Помѣстья большія, превышающія 3,000 морговъ (около 1,500 десятинъ), едва составляютъ $\frac{1}{20}$ часть общаго количества владѣльческихъ имѣній. При введеніи указа 1864 года, всѣ эти помѣстья уступили въ собственность крестьянамъ лишь тѣ земли и сервитуты, которые были неправильно отобраны отъ нихъ послѣ 1846 года. Въ этого случая, для регуляціи крестьянскихъ надѣловъ отъ фольварочныхъ земель, никакихъ отрѣзковъ дѣлаемо не было. Фольварки фактически, лишь въ незначительной степени, уменьшились въ своемъ пространствѣ. Они несомнѣнно могли пострадать отъ произведенной реформы, такъ какъ съ нею было связано измѣненіе всего хозяйства; они терпятъ много неудобствъ и теперь отъ обременяющихъ имѣнія хозяйственныхъ сервитутовъ; но общее количество состоящихъ во владѣніи помѣстныхъ вотчинниковъ земель осталось почти то же, что было до указа, и уменьшилось въ весьма лишь незначительной степени. Рядомъ съ владѣльческими имѣніями идутъ крестьянскія осѣдлости. По пространству своему участки крестьянъ весьма различны, но общій всѣмъ имъ характеръ это — *малоземеліе*. Всѣ низшіе виды землевладѣльцевъ не имѣютъ въ своемъ владѣніи даже 3 морговъ земли, т.е. такого клочка, который въ дѣйствительности не въ состояніи обезпечивать матеріальнаго быта даже одной крестьянской семьи. Ограниченіе дальнѣйшаго дробленія крестьянскихъ участковъ шести-морговою минимальною нормою, оказываетъ мало практическаго вліянія, такъ какъ большинство крестьянскихъ участковъ въ настоящее время ниже этой нормы. Ограниченіе это можетъ получить лишь значеніе въ будущемъ, когда мелкіе крестьянскіе участки начнутъ исчезать и сосредоточиваться въ рукахъ меньшаго числа землевладѣльцевъ, образуя болѣе крупныя колоніи. Такому безземелію крестьянъ,

владѣющихъ мелкими участками, могутъ способствовать многія причины: французскій кодексъ, требующій продажи недвижимаго имущества, въ случаѣ невозможности раздѣлить его въ натурѣ, больше же всего принципъ, на которомъ основано крестьянское землевладѣніе въ Польшѣ, именно, подворное хозяйство, основанное на правѣ личной собственности. Оставляя всякія теоретическія разсужденія о преимуществахъ общиннаго или личнаго владѣнія, мы видимъ, что въ царствѣ польскомъ право собственности крестьянина на землю представляется совершенно необезпеченнымъ. Существующее ограниченіе передачи земель, поступившихъ въ собственность по указу 1864 г. въ руки другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго, удерживаетъ въ рукахъ этого сословія лишь общую массу крестьянскихъ земель, но каждый отдѣльный собственникъ, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, можетъ легко потерять свою землю и тѣмъ увеличить число безземельнаго пролетаріата. Крайнее малоземелье нѣкоторыхъ крестьянъ даетъ, повидимому, основаніе опасаться, что такое прискорбное явленіе можетъ наступить въ будущемъ.

Вообще, въ тотъ короткій промежутокъ времени, который прошелъ съ 1871 года, когда были утверждены послѣднія ливвизаціонныя табели, будущая судьба крестьянскаго землевладѣнія въ Польшѣ не успѣла въ достаточной степени опредѣлиться. Имѣющія по этому предмету свѣдѣнія указываютъ на рядъ весьма разнообразныхъ фактовъ, въ общей сложности доказывающихъ, что истекшее время было недостаточно для того, чтобы движеніе земельной собственности могло принять какое-либо опредѣленное направленіе. Прежде всего можно замѣтить, что повсемѣстно проявляется стремленіе крестьянъ къ увеличенію принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ. Крестьяне цѣлыми деревнями и обществами скупаютъ фольварочныя земли и владѣютъ ими на правѣ общиннаго владѣнія; мы лично знаемъ такіе факты на Подляси, въ уѣздахъ, граничащихъ съ гродненской губерніей. Факты эти весьма интересны; они указываютъ на инстинктивное сознаніе крестьянъ о крайней затруднительности единичной борьбы съ окружающими ихъ неблагопріятными экономическими условіями. Помимо опредѣленій закона, они сами складываются въ общины и владѣютъ на общинномъ правѣ, установленномъ на обычай и солидарной отвѣтственности одного члена за другого. Но сколь ни желательно, чтобы крестьянское землевладѣніе приняло именно такое направленіе,—на существующихъ единичныхъ фактахъ никакихъ выводовъ строить нельзя.

Рядомъ съ ними встрѣчаются другіе факты, носящіе совер-

шенно противоположный характеръ. Наблюдается нѣрѣдко, что принципъ подворнаго владѣнія настолько сроднился съ бытомъ крестьянина, что даже при полученіи земельныхъ участковъ, взаменъ сервитутовъ, въ случаѣ заключенія съ владѣльцами полюбившихъ сдѣлокъ, крестьяне не остаются въ общинномъ владѣніи, а дѣлятъ земли на подворные участки пропорціонально принадлежащему каждому изъ нихъ пространству сервитутовъ.

При наличности такихъ разнообразныхъ фактовъ, при крайней недостаточности имѣющагося по этому предмету статистическаго матеріала, наконецъ, при маломъ времени, истекшемъ отъ изданія указа 1864 года, невозможно предсказать направленіе, какое приметъ крестьянское землевладѣніе. Могутъ быть два исхода. Мелкіе крестьянскіе участки будутъ постепенно исчезать и сосредоточиваться въ рукахъ кулаковъ того же крестьянскаго сословія, или же для огражденія себя отъ эксплуатаціи, отъ пауперизма и даже полнаго пролетаріата, крестьяне искусственно будутъ образовывать отдѣльныя группы, которыя проведутъ въ жизнь принципъ общиннаго владѣнія, съ круговой отвѣтственностью членовъ. Во всякомъ случаѣ, существующее малоземелье крестьянъ, вполнѣ очевидное, и уже обнаружившаяся на практикѣ череполодность, неразверстаніе сервитутовъ, составляютъ такого рода явленія, которыя даютъ намъ право сказать, что указомъ 1864 года быть крестьянъ не обезпеченъ вполнѣ и аграрный вопросъ не разрѣшенъ. Если наступитъ обезземеленіе крестьянъ, владѣющихъ мелкими участками, то количество безземельныхъ работниковъ значительно увеличится, и при отсутствіи всякихъ другихъ промысловъ и занятій, могущихъ дать средство въ существованію, крестьянинъ царства польскаго долженъ будетъ эмигрировать, или же снова попадетъ подъ ту же экономическую кабалу, въ которой находился въ теченіе многихъ вѣковъ.

Указъ 1864 года имѣетъ потому значеніе временное; онъ порвалъ связь, существовавшую между крупными собственниками и безземельными крестьянами, и облегчилъ путь для дальнѣйшаго движенія поземельной собственности. Но окончательное земельное устройство составляетъ задачу будущаго, — ту задачу, которая должна рано или поздно осуществиться и обезпечить быть наиболѣе трудящихся и наименѣе имущихъ, улучшивъ условія ихъ существованія.

Евг. Карцовъ.

НЕ КО ДВОРУ

КОМЕДИЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БЪЛОЯРСКАЯ, Анна Петровна, — попечительница женской гимназіи.
ПРИТОЛКОВЪ, Ѳедоръ Григорьичъ, — директоръ гимназій мужской и женской.
КАМНЕВА, Катерина Дмитревна, — начальница женской гимназіи.
КАМНЕВЪ, Владиміръ Андреечъ, — ея мужъ, служитъ по земству.
МУРАНОВА, Надежда Ивановна (Надя), — учительница въ женской гимназіи.
МУРАНОВЪ, Иванъ Семенычъ, — ея отецъ.
ПРУЖАНОВЪ, Василій Сергѣичъ, — генералъ.
ЖИРУНИНЪ, Никита Степанычъ, — богатый купецъ.
СЕМИРАТОВЪ, — армейскій поручикъ.
ГЕРАТЬЕВА, Марья Павловна.
КАТЯ, — ея дочь, дѣвочка двѣнадцати лѣтъ.
ЛИЗА, — сестра Гератьевой.
СТРѢЛКИНА.
СЕРДЮКОВЪ, — мелкій купецъ.
СИЛОЧКИНЪ.
КУРОЧИНСКІЙ.
ХАРИТОНОВА, — домовладѣлица, хозяйка Мурановыхъ.
НЯНЯ.
ПРИКАЗЧИКЪ изъ магазина.
Гости, дѣти (дѣвочки-гимназистки), прислуга, носильщики изъ мебельнаго магазина.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Часть богатой оранжереи, у Бѣлоярской. Растенія разставлены такъ, чтобы образовать празднично разукрашенную залу. Роскошное освѣщеніе. Садовые столы и стулья. Въ глубинѣ— широкая растворенная дверь, за ней садъ. ПРИТОЛКОВЪ— на авансценѣ справа, за столикомъ, со счетами, бумагой, карандашомъ и пачкой ассигнацій. Онъ считаетъ и записываетъ. Входитъ—

КАМНЕВА.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАМНЕВА и ПРИТОЛКОВЪ.

КАМНЕВА.—Сказали, — что вы здѣсь: ищу васъ по всѣмъ закоулкамъ.

ПРИТОЛКОВЪ.—Я нарочно уединился подальше отъ публики, чтобы привести въ порядокъ наши итоги. Тамъ все со мной заговаривали, — все мнѣ мѣшали.

КАМНЕВА.—Но сейчасъ всѣ сюда перекочуютъ; пьесу кончаютъ.

ПРИТОЛКОВЪ.—Я тоже кончилъ.

КАМНЕВА.—Ну-съ?—и что же намъ дать нашъ благотворительный спектакль?

ПРИТОЛКОВЪ.—Валовой сборъ составляетъ восемьсотъ-семьдесятъ-два рубля. Кромѣ того, поручикъ Семиратовъ пожертвовалъ пять золотыхъ.

КАМНЕВА.—Ага! Смѣшной офицерикъ!.. Откуда такая щедрость?—онъ вѣдь однимъ жалованьемъ живетъ.

ПРИТОЛКОВЪ.—Вѣроятно, изъ особенной склонности къ женскому полу.

КАМНЕВА.—То-есть?

ПРИТОЛКОВЪ.—Ну! Господи!—спектакль устроенъ въ пользу здѣшней женской гимназіи; онъ, вѣрно, сочувствуетъ женскому образованію.

КАМНЕВА.—У васъ не то было на умѣ. Вы насмѣхаетесь надъ нимъ за его увлеченіе Надей Мурановой.

ПРИТОЛКОВЪ.—Зачѣмъ смѣяться? увлеченіе понятное. Надежда Ивановна—дѣвица не заурядная; особенно сегодня, послѣ ея колоссальнаго успѣха на сценѣ. Ко всѣмъ ея достоинствамъ,—

она выказала себя талантливой актрисой... всѣ были увлечены, не одинъ «смѣшной офицерикъ».

Камнева.—Я ужасно рада за нее: я ее такъ люблю, мою Надю! Итакъ: сколько же чистой прибыли внесемъ мы отъ спектакля въ кассу гимназій?

Притолковъ.—По уплатѣ расходовъ, я надѣюсь, у насъ все-таки останется слишкомъ восемьсотъ рублей. Да вотъ что, еще Анна Петровна заплатитъ за свое мѣсто.

Камнева.—Съ нея брать неловко: Анна Петровна—главная устроительница спектакля. Она и такъ истратилась, свою оранжерею въ театръ превратила,—и на свой счетъ...

Притолковъ.—Такъ чтожь?.. При ея-то богатствѣ?

Камнева.—И билеты продавала, и вообще хлопотала...

Притолковъ.—За то и должна заплатить, что ей дали случай похлопотать.

Камнева.—Съ меня же вы не берете?

Притолковъ.—Вы и она—большая разница.

Камнева.—Какая?—Я начальница гимназій, она попечительница. Мы обѣ сочувствуемъ дѣлу.

Притолковъ.—Только не одинаково. Сочувствующіе дѣятели, Катерина Дмитревна, бываютъ разныхъ сортовъ. Вы принадлежите въ сорту блаженныхъ. Здѣшняя женская гимназія—ваше дѣтище: вы ее учредили, вы ее ведете, конечно, не для того, чтобы чваниться званіемъ начальницы и получать мизерные шестьсотъ рублей жалованья; эти деньги у васъ дѣликомъ уходятъ на ту же гимназію...

Камнева.—По вашему, тутъ съ моей стороны подвигъ милосердія?

Притолковъ.—Пускай не подвигъ, а удовольствіе; но если вы и наслаждаетесь своей работой,—единственная цѣль у васъ процвѣтаніе гимназій. Анна Петровна—совсѣмъ другой сортъ: она дѣятель своекорыстный. Она вамъ помогаетъ связями и деньгами, но именно только это ее и веселитъ. Какъ тамъ идетъ ваша гимназія—ей нисколько не интересно; ей важно то, что она, Бѣлоярская, хлопочетъ о гимназій. У васъ хлопоты для дѣла, у ней дѣло для хлопотъ.

Камнева.—Однако, сегодняшній спектакль...

Притолковъ.—Онъ-то и лучшее тому доказательство. Имѣй Анна Петровна въ виду вотъ эти восемьсотъ рублей, стоило ли изъ-за нихъ суетиться, метаться по городу, дѣлать репетиціи, оранжерею портить?.. Чтó для Бѣлоярской восемьсотъ рублей?—вынула изъ кармана, да и отдала. Но ей нуженъ не сборъ. Помилуйте, цѣлый мѣсяцъ весь городъ толкуетъ о госпожѣ Бѣлоярской: «будете у Бѣлоярской?.. какой спектакль Бѣлоярская устраиваетъ?» и такъ далѣе, и такъ далѣе... И, наконецъ, сегодняшній торжественный вечеръ, съ восторгами публики, съ блестящимъ успѣхомъ дѣвицы Мурановой. Благодаря Аннѣ Петровнѣ, заблестѣла новая звѣздочка, разцвѣла талантливая актриса, можетъ быть, какая-нибудь будущая знаменитость... Госпожа Бѣлоярская, какъ солнце, все освѣтила, все согрѣла, дала жизнь рѣдкому цвѣтку,—и все это даромъ? Нѣтъ, чортъ возьми, она должна за это заплатить, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Камнева.—Ну, вы сами ее спрашивайте, я не стану.

Притолковъ.—Извольте, это очень легко. Стóитъ только поднести ей наивно-льстивую похвалу: увѣрить ее, что она тутъ все и безъ нея ничего, — она сейчасъ въ карманъ за деньгами полѣзетъ.

Камнева.—Гм! что мнѣ въ голову приходитъ: ну, я блаженная, Бѣлоярская своекорыстная, — а вы?.. вы тоже «сочувствующій дѣятель»; вы директоръ обѣихъ гимназій, и заботливый директоръ,—вы какого сорта?

Притолковъ.—Я?.. Правда, я не совѣмъ блаженный: вижу ясно выгоды и свои, и чужія; но я и не своекорыстный. Я на рубежѣ, я на границѣ.

Камнева.—И нашимъ, и вашимъ? Простите, это неволью вырвалось. Мнѣ немножко неприятно, что вы ужъ слишкомъ равнодушны къ средствамъ добыванія: льстите Бѣлоярской, пользоваться увлеченіемъ офицера, хоть бы и ради доброй цѣли..

Притолковъ.—Когда иначе нельзя?.. Полно вамъ либеральничать. Человѣческое общество такая сложная механика, что всякое прекрасное дѣло, всякая благая натура, непременно погибнуть, если не смотрѣть сквозь пальцы на кое-какія гадости.

Камнева.—Дайте мнѣ хоть на сегодня забыть эту житейскую мудрость; мнѣ такъ весело.

Притолковъ.—Сами начинаете... Вотъ, и хозяйка наша. (*Входитъ Бѣлоярская и другіе*) А мы про васъ разговариваемъ, все про васъ, наше свѣтило.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Бѣлоярская, Жирунинъ, Пружановъ, Сердюковъ,
Мурановъ и кое-кто изъ гостей.

Бѣлоярская.—Какъ онъ меня балуетъ! Онъ неистощимъ въ своихъ любезностяхъ... Да, сегодня счастливейшій день моей жизни.

Сердюковъ—*споломуса, Жирунину*.—У нея чтò ни день, все самый счастливый будетъ.

Притолковъ.—Мы собирались благодарить васъ, Анна Петровна, за ваши заботы о гимназiи.

Бѣлоярская.—Нѣтъ, не за это, а вотъ вы за что меня благодарите: я вамъ Америку открыла. Была у насъ просто скромная, милая учительница гимназiи; а я вамъ показала, что эта учительница—замѣчательная актриса, огромный талантъ.

Пружановъ.—Виновать-сь: я-то ужъ въ этомъ давно былъ увѣренъ. Я, вѣдь, Наденьку маленькой дѣвочкой зналъ.—(*Муранову*) Простите, по привычкѣ все ее Наденькой называю.—(*Всѣмъ*) Когда я командовалъ эскадрономъ въ Могилевѣ, она еще была такой маленькой пузырь, а ужъ зародышъ таланта сказывался. Помните, какъ она меня передразнивала: заложить, бывало, руженки за спину—и ходить такъ пѣтухомъ.

Жирунинъ.—Да, кому отъ Бога врожденно...

Пружановъ.—Я тогда говорилъ: это будетъ актриса.

Бѣлоярская.—По дѣтскимъ шалостямъ еще судить нельзя.

Сердюковъ.—У меня сыншва по двору колесомъ катается; тоже думаю, не произойдетъ ли...

Пружановъ.—Вы, любезный, о томъ не говорите, чего не можете понять. Въ искусствѣ опытный глазъ видитъ сразу.

Бѣлоярская.—Нѣтъ, нѣтъ, и не спорьте!—я Наденьку никому не уступлю; она моя актриса, моя, моя!..

Притолковъ.—Разумѣется, ваша. Что толку въ талантѣ, пока его никто не знаетъ? Вы намъ всѣмъ ее показали, вамъ честь и слава открытiя.

Бѣлоярская.—Вотъ видите, и Федоръ Григорьичъ говорить тоже; а ужъ онъ хорошій цѣнитель всего.—(*Камневоу*) Ma chère

аміе, Наденька тамъ переодѣвается въ уборной, она просила, чтобъ вы къ ней зашли.

Камнева.—Сейчасъ.

БѢЛОЯРСКАЯ.—И возвращайтесь сюда непременно; я и мужу вашему сказала.

Камнева — уходитъ.

Жирунинъ.—Вы говорите, она у васъ въ гимназіи учительница?.. И ничего? Свое дѣло знаетъ?

БѢЛОЯРСКАЯ.—Наденька-то? Безподобно! Мы нахвалиться не можемъ.

Жирунинъ.—Поди-жь ты!—И автриса, и ребята учить могутъ; вонъ оно что!

БѢЛОЯРСКАЯ.—Это дѣвочка-феномень. Умница какая!.. я ее просто обожаю.—Вы счастливый отецъ, Иванъ Семенычъ.

Мурановъ.—Да-съ, признаюсь; хоть и не слѣдовало бы говорить, какъ отцу, но, ей Богу, извинительно въ такую минуту. Надя, вѣдь, для меня вся моя жизнь!

Жирунинъ.—И откуда это берется? Поди-ка вотъ заставь меня на сцену выйти.

Сердюковъ.—Спотыкнетесь, Нивита Степанычъ; навѣрняка спотыкнетесь.

Мурановъ.—Конечно, я ее немножко подбучилъ, показывалъ ей, какъ что представить; но даже я не ожидалъ, чтобъ она такъ всхитила всю публику.

БѢЛОЯРСКАЯ.—Я тоже ей дѣлала замѣчанія на репетиціяхъ.

Притолковъ.—Чему ее учить? что вы?—это природный талант!.. По мнѣ, она совершенство, и я въ восторгъ; я всю ночь спать не буду.

БѢЛОЯРСКАЯ.—Генераль, куда вы?.. Оставьте вашу фуражку, мы будемъ ужинать. Я просила кое-кого изъ близкихъ знакомыхъ остаться. Мы будемъ праздновать успѣхъ Наденьки, пить шампанское за нее...

Мурановъ.—Вы, право, такъ добры къ моей дочери...

Жирунинъ.—У насъ, сударь, людей отличить умѣютъ: когда есть въ комъ заслуги, всегда превознесутъ.

СЕРДЮКОВЪ.—Еще какъ превознесутъ-то!—насъ только раскочай,—такъ разливанное море... Погодите, мы еще вашей барышнѣ за это представленіе медаль выхлопочемъ за усердіе.

ЖИРУНИНЪ.—Не завирайся, смотри.

Входятъ—Гератьева, Лиза, Катя и Стрѣлкина.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, Гератьева, Лиза, Катя, Стрѣлкина; потомъ, Силочкинъ; потомъ, Курочинскій, въ концѣ—Семиратовъ.

БЪЛОЯРСКАЯ, *Гератьевой*.—А вотъ, и Марья Павловна. Ну, благодарите меня, благодарите,—какую я вамъ актрису нашла.

ГЕРАТЬЕВА.—Мнѣ теперь, *ma très bonne*, вопросъ жизни: хорошаго кучера сыскать; за кучера бы я васъ поблагодарила.—На что мнѣ актриса? я театра не держу.

КАТЯ, *Бълоярской*.—Анна Петровна, что, Надежда Ивановна придетъ сюда?

ГЕРАТЬЕВА.—За актрису—вотъ, моя Катюша будетъ благодарить. Совсѣмъ сума сошла дѣвочка: увидала свою учительницу на сценѣ, до сихъ поръ мѣтеть отъ блаженства.

БЪЛОЯРСКАЯ, *Катѣ*.—Придетъ, придетъ твоя Надежда Ивановна, успокойся. — (*Вошелъ—Силочкинъ*) Комикъ нашъ!.. Мерси... я хохотала отъ всего сердца.

СИЛОЧКИНЪ.—По мѣрѣ силъ старались (*смѣется*).

ЛИЗА, *Силочкину*.—Вы тоже восхищены Надей Мурановой?

СИЛОЧКИНЪ.—Конфетка, настоящая бомбошка!

ЛИЗА.—Фи! какой сахарный комплиментъ.

Вошелъ—Курочинскій.

ПРУЖАНОВЪ.—Первому любовнику! браво!.. Краса спектакля и дамскій сердцевѣдъ.

СТРѢЛКИНА.—*Cousin Michel*, ты былъ обворожителемъ!

КУРОЧИНСКІЙ, *небрежно*.—Ну, что! моя роль такая пустая, неотвѣтственная, да я и старый воробей, мнѣ стыдно играть дурно. А что вы скажете про нашу барышню? какова?

Пружановъ.—Я давно въ ней предвидѣлъ; всѣхъ васъ за поясъ заткнула.

Курочинскій.—Ну, до этого еще далеко; ей еще очень надо поучиться да поработать.

Пружановъ.—Чего тамъ учиться?—Она перлъ! готовый перлъ, первой величины! Вы всѣ передъ ней школьники!

Курочинскій.—Не смѣю спорить, генераль, не смѣю спорить. *Отходитъ къ дамамъ.*

Сердюковъ, *Пружанову*.—Какъ вы нашего генія-то критиковали,—не понравилось.

Курочинскій.—У насъ не радъ, что и похвалишь кого,—сейчасъ выше небесъ подымутъ.

Стрѣльина.—И ничего я такого особеннаго въ Наденькѣ не вижу.

Вбѣгаетъ — Семиратовъ.

Семиратовъ.—Анна Петровна, она идетъ! она сейчасъ идетъ сюда! давайте, встрѣтимъ ее аплодисментами.

Бвлюарская.—Да, да, да,—непремѣнно.

Семиратовъ.—Ваше превосходительство, Надежда Ивановна идетъ. Мы будемъ аплодировать.

Пружановъ.—Прекрасно!.. Овацію, господа, овацію молодому таланту!

Семиратовъ.—Разступитесь, господа! (*Всѣ разступаются*). Браво! браво! браво!

Начинаетъ аплодировать; за нимъ другіе. — Въ дверяхъ появляется Камнева подъ-руку съ Надей Мурановой.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Камнева и Надя.

Надя,—*конфузливо, но съ улыбкой раскланиваясь*.—Благодарю васъ... благодарю васъ, господа. (*Движеніемъ руки проситъ смолкнуть аплодисментъ. — Катя, которая цѣлуетъ ей руку*) Катя, Богъ съ тобой, что ты?

Мурановъ.—Можетъ быть, и не встать, господа, все-таки я считаю долгомъ и съ своей стороны поблагодарить... я такъ тронутъ.

Пружановъ.—Помните, Наденька, я вамъ давно пророчилъ, что вы будете актриса?

Бѣлоярская, *подхвативъ Надю и насильно ведя ее.*—Пойдемте, я васъ познакомлю съ Жирунинимъ.

Подводитъ Надю къ Жирунину.

Притолковъ—*тихо, Камневой.*—Видите, какъ затарантила. Это ли не радость? Это ли не удовольствіе?

Камнева.—Ну, чтожъ? вы заставили ее заплакать?

Притолковъ.—Некогда было, ей теперь не до того. Куда тутъ о гимназій думать съ этимъ фейерверкомъ.

Лиза, *Пружанову.*—Вы меня совсѣмъ забываете сегодня, генералъ; неужели надо непременно играть комедію, чтобъ заслужить ваше расположеніе?

Пружановъ.—Сегодня день такой особенный... посвящается Мельпоменѣ... Извините.

Раскланивается и отходитъ къ Надѣ.

Лиза, *Курочинскому.*—Смотрите, пожалуйста, все передъ ней такъ и разсыпается. Подумаешь,—она Россію спасла.

Бѣлоярская.—Господа, милости просимъ къ закускѣ; тутъ рядомъ приготовлена... А сюда сейчасъ столы для ужина приносятъ.

Силочкинъ.—Выпить можно рюмочку послѣ трудовъ.

Уходитъ.

Лиза, *Курочинскому.*—Пойдемте, по крайней мѣрѣ, рта будутъ заняты, перестанутъ ахать да охать.

Стрѣлкина.—Вы съ нами сядете ужинать, cousin?

Курочинскій.—Я всегда и неизмѣнно вашъ.

Уходятъ, вмѣстѣ съ Гератъевой.

Семиратовъ, *подавая руку Надѣ.*—Позвольте васъ проводить?

Пружановъ.—Чиномъ не доросъ, господинъ поручикъ,—начальству предпочтеніе.

Надя.—Нѣтъ. Чтобъ не обидѣтъ ни начальство, ни подчиненнаго, я пойду съ моей ученицей.

Обнимаетъ Катю и идетъ съ ней.

Пружановъ.—И мило, и справедливо. (*Муранову*) Adorable!
 Всѣ уходятъ,—кромя Бьялярской, Камневой и Притолкова.

ЯВЛЕНИЕ V.

Камнева, Притолковъ, Бьялярская,—потомъ, лакен.

Бьялярская, за кулисы.—Подать столы! (*Возвращаясь на авансцену, Притолкову*) А вы-то что же?

Притолковъ.—Хочу сказать вамъ о результатахъ вечера, о сборѣ... Хорошо бы завтра въ газетахъ напечатать.

Бьялярская.—Ахъ, да, да, да, непременно. Ну, что же, результаты какіе? хороши? Неправда-ли? Зала была полна. (*Лакен внесли три накрытыхъ стола*) Ставьте здѣсь и здѣсь, а третій туда... (*Притолкову*) Я очень рада, что хорошіе результаты.

Притолковъ.—Не совсѣмъ хорошіе, Анна Петровна. Вѣдь, вечеръ былъ блестящій, вѣдь, только вы можете такъ устраивать...

Бьялярская.—А еще какъ за ужиномъ будетъ весело, увидите.—(*Лакемъ*) Вправо подвини!.. еще немножко.—(*Камневой*) Умно я придумала?—все на маленькихъ столикахъ, уютно такъ, sans gêne...

Притолковъ.—И за этой-то вечеръ едва, едва соберемъ восемьсотъ рублей.

Бьялярская, *наивно*.—Чтожъ—это мало?

Притолковъ.—Очень ужъ у насъ много бѣдныхъ ученицъ.

Бьялярская, *лакемъ*.—Туда большой канделябрь, туда... (*Притолкову*) Посмотрите, красиво?.. Нѣтъ, право, хорошо.

Камнева—*тихо, Притолкову*.—Ну, теперь вы отъ нея ничего не добьетесь.

Притолковъ, *громко*.—Какъ-то и печатать неловко. Шуму надѣлали по всему городу, спектакль удался превосходно, и даже какой-нибудь тыщени не взять...

Бьялярская.—Да почему-же это? Сколько заплатилъ Жируинъ?

Притолковъ.—Двадцать-пять рублей.

Бьялярская.—Какое безстыдство! Обираетъ своими предпріятіями всю губернію, и все ему спускаютъ съ рукъ, а на

благотворительное дѣло даетъ двадцать-пять рублей... Это оттого, что губернаторъ не могъ прѣхать.

Притолковъ.—Да-съ, очень жаль, что не было губернатора.

Бѣлоярская.—Я Жирунина заставлю дать больше. У него дѣло какое-то есть: чтобъ его выиграть, онъ не пожалѣетъ пяти-сотъ рублей. (*Осматриваетъ столъ*).

Камнева.—*Притолкову, тихо.*—И вамъ это слушать не противно?

Входитъ — Камневъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Камневъ.

Бѣлоярская.—Ахъ, наконецъ-то! Спасибо. Я ужъ отчая-валась, думала, что тайкомъ со спектакля совсѣмъ убѣжали... Такой важный, вѣчно занятой.

Камневъ.—Я заходилъ домой, чтобъ отпустить секретаря. Онъ у меня кончалъ работу.

Камнева.—Ты за мной?

Бѣлоярская.—Что это: «за мной?»—Я васъ безъ ужина не отпущу, и шляпу отниму.

Камневъ.—Надежда Ивановна здѣсь?

Бѣлоярская.—Конечно. Мы ее будемъ чествовать, пить за здоровье ея успѣховъ.

Притолковъ.—Анна Петровна, такъ я, пожалуй, пообожду печатать-то пока доберемъ до тысячи.

Бѣлоярская.—Какъ неприятно!.. Нѣтъ, надо сейчасъ печатать, завтра же. Сколько до тысячи недостаетъ?

Притолковъ.—Двухсотъ рублей.

Бѣлоярская.—Такъ я дамъ триста. Я за мое мѣсто еще ничего не заплатила; напечатайте отъ меня триста рублей.

Притолковъ.—Предѣловъ вашему великодушію нѣтъ.

Бѣлоярская, *смѣясь*.—Какъ онъ меня всегда хвалить! (*Оглядывая столъ*) Такъ можно и за ужинъ садиться... (*Притолкову*) Ахъ, какой! вы скоро на меня молиться будете, право...

Уходитъ, смѣясь.

ПРИТОЛКОВЪ, *Камневой*.—Видите, какъ это обдѣлывается?

КАМНЕВА.—Пустая женщина.

ПРИТОЛКОВЪ.—Добрѣйшая душа. Съ такими-то еще справиться можно.

Отходитъ въ глубину и скрывается въ саду.

КАМНЕВА.—Ты останешься ужинать?

КАМНЕВЪ.—Отчего же?—съ удовольствіемъ. У меня завтра утромъ спѣшной работы нѣтъ, я могу поспать подольше.

КАМНЕВА.—Не оправдывайся, я ужасно рада. Тебя всегда такъ трудно вытащить въ гости; ты меня пріятно удивляешь.

КАМНЕВЪ.—Я не хожу, когда мнѣ скучно.

КАМНЕВА.—А сегодня тебѣ весело? Я ужасно рада.

Входитъ—Надя.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КАМНЕВЪ, КАМНЕВА, НАДЯ.

НАДЯ.—Увидала васъ издали и бѣгу вамъ на-встрѣчу.

КАМНЕВЪ, *пожимая ей обѣ руки*.—Поздравляю.

НАДЯ.—Правда?

КАМНЕВЪ.—Вы всѣхъ очаровали сегодня.

НАДЯ.—И васъ?

КАМНЕВЪ.—И меня.

КАМНЕВА.—Вотъ и разгадка! вотъ почему ему весело... Знаете, онъ ужъ домой сходилъ, чтобъ отпустить секретаря. Наденька, это новое завоеваніе,—это изъ-за васъ.

КАМНЕВЪ.—Отчего же мнѣ...

НАДЯ, *прерывая его*.—Не бойтесь, а Катеринѣ Дмитревнѣ не вѣрю. Я къ такому вниманію отъ васъ вовсе не привыкла.

КАМНЕВЪ.—Это упрекъ.

КАМНЕВА.—Вполнѣ заслуженный.

НАДЯ.—Да нѣтъ-же! Оно понятно: насъ пять учительницъ въ гимназіи, и всѣ мы бываемъ у Катерины Дмитревны. Вамъ времени не хватитъ обращать особенное вниманіе на каждую изъ насъ,—но намъ простиительно жалѣть объ этомъ.

Камневъ.—Вы сговорились меня распекать, я постараюсь исправиться,—относительно васъ.

Надя.—Тогда вдвойнѣ спасибо нашему спектаклю. Стало быть, вы меня тоже благословляете актрисой.

Камневъ.—Какъ сказать?...

Надя.—Нѣтъ?

Камневъ.—Мы всё видѣли въ васъ сегодня. очень много жизни, много огня; жаль отдать все это на одно актерское дѣло, тѣмъ больше, что... Хотите ли, я вамъ признаюсь... Была одна минута: у васъ лицо дышало такимъ блаженствомъ, что невольно можно было заподозрить тщеславіе,—а такую, какъ вы, куда не хочется видѣть тщеславной.

Надя.—Въ концѣ второго акта?

Камневъ.—Да. Значить, я угадалъ?

Надя.—Нѣтъ, вы ошиблись. Я вамъ скажу, чтó это было. У меня страсть жить чужою жизнью,—отчего я такъ и привязываюсь къ моимъ ученицамъ. Когда я въ классѣ даю урокъ и слѣжу, какъ самая сонливая дѣвочка встрепенется, какъ у той загорятся глазки, какъ другая спѣшитъ вопросомъ,—у меня духъ захватываетъ отъ этой общей жизни,—общимъ интересомъ... сразу всѣмъ классомъ вмѣстѣ, какъ одинъ человекъ... Что-то въ такомъ родѣ я почувствовала и сегодня на сценѣ; но сегодня передо мной были не дѣти, а взрослые.

Камневъ.—И это взволновало васъ?

Надя.—Большое наслажденіе говорить съ толпой взрослыхъ людей.

Камнева.—Смотрите, Надя, не очень-то увлекайтесь; толпа взрослыхъ часто капризнѣ ребенка.

Надя.—Все-таки заманчиво встрѣчаться съ ней лицомъ къ лицу.

Камнева.—И опасно.

Надя.—Что опасно, то еще заманчивѣе.

Камнева.—Когда надѣешься опасность побороть... Но потому-то и забывать о ней не слѣдуетъ.

Камневъ.—Зачѣмъ ты ее пугаешь?

Камнева.—Оттого, что она ужъ слишкомъ не-труслива...

А кто мечтаетъ прогуливаться по невѣдомымъ странамъ, тому не мѣшаетъ помнить, что можно встрѣтиться съ чудовищемъ.

Надя.—Мнѣ съ рукъ сойдетъ, я увѣрена... мнѣ это на роду написано... *(Смѣется)* Вы мнѣ напомнили мое дѣтство: я съ малыхъ лѣтъ люблю «невѣдомыя страны», еще когда мы съ папá жили въ его деревнѣ, и я зачитывалась въ его библиотекѣ описаніями путешествій. Мнѣ до того нравились всѣ эти приключенія, опасности, встрѣчи съ дикими звѣрями, что даже, какъ-то разъ, десятилѣтней дѣвочкой, я стащила у папá пистолеть и убѣжала въ лѣсъ путешествовать... и, вообразите мой восторгъ: прамехонько-таки натѣнулась на спящаго медвѣдя.

Камнева.—И не убѣжали отъ него?

Надя.—Нѣтъ, убѣжалъ медвѣдь, а не я... потому что я, какъ угорѣлая, не долго думая, въ него выстрѣлила, и онъ, какъ всегда спросонья, перепугался.

Камнева.—Такъ я и знала.

Надя.—И что это было за счастье чувствовать себя маленькой героиней!. Видите, иногда въ томъ-то и наслажденіе, что можешь встрѣтить чудовище.

Камнева.—Слышишь, что она говоритъ? Какъ же ее не пугать.

Входитъ — Пружановъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Пружановъ; потомъ, Притолковъ; позже, Мурановъ; въ концѣ, Блюарская, Гератьева, Жирунинъ и другіе.

Пружановъ.—Наденька, я васъ отпустилъ на минутку, а вы и совсѣмъ пропали.

Надя.—На какомъ это основаніи вамъ угодно мною распоряжаться.

Въ глубинѣ снова появляется — Притолковъ.

Пружановъ.—Потому что... потому что... я буду хлопотать, чтобъ меня назначили директоромъ гимназій... я тогда сдѣлаюсъ вашимъ начальникомъ, и...

Притолковъ.—Я своего мѣста не уступлю.

Надя.—Да мы военныхъ къ себѣ и не пускаемъ; мы васъ,

побѣдителей, остерегаемся... вы, пожалуй, всѣмъ нашимъ ученикамъ головы закружите.

Пружановъ.—Прошли тѣ времена.

Надя.—Ну, ну, ну, пожалуйста... вѣтъ-съ, намъ нуженъ директоръ самый неуклюжій, самый некрасивый.

Притолковъ.—Въ родѣ меня?

Надя.—А вы не подслушивайте.

Пружановъ.—Да одѣньте меня въ статское платье, я хуже его буду, ей-Богу, хуже.

Входитъ—Мурановъ.

Мурановъ, Камневу.—А! Владиміръ Андреечъ!.. (*Пожимаетъ ему руку*) Благодарю васъ, благодарю васъ.

Камневъ.—За что?

Мурановъ.—Я думалъ, вы меня поздравляете съ успѣхомъ Нади.. Да мнѣ, какъ отцу, и не слѣдовало бы этого говорить; но почему отецъ не долженъ видѣть того, что видать всѣ?

Входятъ:—Гератьева, Бьялярская, Жирунинъ, Курочинскій, Лиза, Стрѣлкина и другіе гости.

Гератьева.—Разсаживайте насъ.

Бьялярская.—Кто съ вѣтъ хочетъ,—полная свобода! Я никого не стѣсняю.

Разсаживаются: за первымъ столикомъ, слева:—Курочинскій, Лиза, Стрѣлкина, Камнева; за вторымъ, справа:—Надя, Пружановъ, Бьялярская, Камневъ, Катя; за третьимъ, въ глубинѣ—Мурановъ, Гератьева, Жирунинъ, Притолковъ и другіе.

Катя.—Надежда Ивановна, мнѣ можно съ вами?

Надя.—Садись, Катюша.

Лакеи разносятъ ужинъ. Входитъ—Семиратовъ, Силочкинъ и Сердюковъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Семиратовъ, Силочкинъ и Сердюковъ.

Семиратовъ, Силочкину.—Вотъ, съ вашими вѣчными объясненіями, я и прозѣвалъ мѣсто подлѣ Надежды Ивановны.

КАМНЕВА.—Садитесь къ намъ. (*Оба садятся къ первому столу*) Чтѣ вы такое объясняли?

СИЛОЧКИНЪ.—Я только утверждаю, что комическія роли гораздо труднѣе играть, чѣмъ драматическія.

КУРОЧИНСКІЙ.—Какъ же не труднѣй!.. васъ, комиковъ-то, посмотрите, на всѣхъ перекресткахъ, была бы фізіономія почуднѣе.

СИЛОЧКИНЪ.—У насъ—почуднѣй, а у васъ—съ циркульной вывѣски, отъ парикмахера.

СЕРДЮКОВЪ, *стоя подлѣ низъ*. — Нѣтъ-съ, драматическій актеръ, какъ можно... онъ чтѣ?—Онъ вышелъ, прижалъ руку къ сердцу: «ахъ, какъ я тебя люблю!» Или за голову схватился: «Боже мой, какъ я страдаю!»—вотъ, вѣдь, чтѣ драматическій-то актеръ!

ЖИРУНИНЪ, *зоветъ*.—Илья!

Сердюковъ поспѣшно отходитъ къ третьему столу и тамъ садится.

КУРОЧИНСКІЙ.—Цѣнители!

КАМНЕВА.—Мнѣ кажется, тутъ не о чемъ спорить; чтобъ сдѣлать что-нибудь хорошо,—все трудно и на все нуженъ талантъ.

СЕМИРАТОВЪ.—Совершенно такъ-съ. Вотъ, Надежда Ивановна сегодня доказала...

ЛИЗА.—Ахъ, Творецъ небесный! Оставьте вы Надежду Ивановну въ покоѣ. Чтѣ это сегодня ни о чемъ говорить нельзя: все надо Надежду Ивановну величать.

СЕМИРАТОВЪ.—Я подлѣ живымъ впечатлѣніемъ; она меня сегодня тронула до слезъ... я плакалъ.

КУРОЧИНСКІЙ.—Какой вы чувствительный!

СЕМИРАТОВЪ.—Не всегда-съ... вотъ на вашу игру я не разчувствовался, но она!.. когда она сказала: «прощайте!»—у меня слезы такъ и брызнули.

КУРОЧИНСКІЙ.—Вы, можетъ быть, подумали, что она съ вами прощается.

СЕМИРАТОВЪ.—Какъ нелѣпо... этакія шутовскія замѣчанія...

КУРОЧИНСКІЙ.—Ваше благ, ородіевы увлекаетесь...

КАМНЕВА, *останавливая Семиратова, который хочет возразить.*— Не горячитесь, не извольте горячиться!

СЕМИРАТОВЪ.— Вѣдь, это-съ какая-то жалкая злоба... потому, что Надежда Ивановна имѣла больше успѣха, чѣмъ онъ, сейчасъ завидовать и унижать.

КУРОЧИНСКІЙ.— Я-съ никому не завидую, мнѣ не зачѣмъ завидовать. Хотя бы у Надежды Ивановны были сотни такихъ безусловныхъ поклонниковъ...

СЕМИРАТОВЪ, *горячо.*— Что значить безусловныхъ? Что значить безусловныхъ?!

КАМНЕВА, *обращаясь ко второму столу.*— Наденька, возьмите у насъ офицера: онъ слишкомъ горячится.

БѢЛОЯРСКАЯ.— Идите сюда, Антонъ Николаичъ!

СЕМИРАТОВЪ, *переходя ко второму столу, со своимъ стуломъ.*— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

НАДЯ, *усаживая ея.*— Садитесь съ нами, тутъ вапъ генералъ, онъ васъ приструнить.

СИЛОЧКИНЪ, *подходя къ нимъ.*— Надежда Ивановна, позвольте ужъ и мнѣ: тамъ все антагонисты.

СЕМИРАТОВЪ.— Не позволяйте; онъ еще за кулисами все краснымъ виномъ подерѣвлялся, и сейчасъ пять рюмокъ водки выпилъ.

СИЛОЧКИНЪ.— Родителю-то?.. вѣдь, я вашего родителя представляю.

БѢЛОЯРСКАЯ, ПРУЖАНОВЪ, КАМНЕВЪ.— Садитесь на мѣсто!.. на мѣсто! что вы безобразничаете?

СИЛОЧКИНЪ, *на кольяхъ передъ Надей.*— Хотя ручку дайте поцѣловать!

НАДЯ, *встаетъ.*— Нѣтъ, и ручки не дамъ, прощайте.

Отходитъ къ первому столу, къ Камневой.

ПРУЖАНОВЪ и СЕМИРАТОВЪ, *Силочкину.*— Перестаньте, что вы?..

БѢЛОЯРСКАЯ.— На него нельзя сердиться: онъ такой смѣшной.

Уговариваютъ ея.

НАДЯ, *подлѣ перваго стола.*— О чемъ вы тутъ заспорили?

ЛИЗА.— О васъ.

Курочинскій.—У васъ, Надежда Ивановна, уже лейбъ-гвардія образовываться начинаетъ, хоть и изъ армейскаго полка.

Стрѣльница.—Да, ужъ васъ въ обиду не дадутъ.

Надя.—Кому же нужно меня обижать? И за что?

Камнева.—Не блести.

Курочинскій.—Напротивъ, блестятъ позволительно только вамъ одной.

Пружановъ, *зоветъ*.—Надежда Ивановна! что-жъ это значить? куда вы ушли? мы протестуемъ!

Надя.—Отправьте комива къ директору, пускай его въ карцеръ посадятъ, тогда я вернусь.

Силочкинъ.—Я заплачу.

Семиратовъ.—Маршъ, маршъ, пожалуйста.

Уводитъ Силочкина къ третьему столу.

Бълюарская.—Наденька, идите-же...

Надя.—Иду, иду, иду.

Возвращается ко второму столу. Мурановъ выступаетъ съ бокаломъ; за третьимъ столомъ стучатъ ножомъ о тарелку.

Голоса, *за третьимъ столомъ*.—Тише, господа! тостъ! Тише, тише, тостъ!

Все стихаетъ. Нѣсколько человекъ съ третьяго стола группируются около перваго. Между прочими, Сердюковъ.

Мурановъ.—Господа! въ этотъ знаменательный день я считаю священной обязанностью предложить тостъ за нашу неутомимую хозяйку, за ея полезную дѣятельность!.. Я такъ глубоко сознаю все, что для насъ она сдѣлала. Успѣхъ моей дочери, которымъ я такъ горжусь...

Заминается, словно слезы ему мѣшаютъ говорить.

Курочинскій.—Мнѣ нравится, что этотъ папенька все на свой счетъ принимаетъ.

Мурановъ.—Эго дѣло Анны Петровны.

Многіе шумно бросаются чокаться съ Бълюарской.

Бълюарская.—Нѣтъ, нѣтъ, довольно! Я несогласна! (*Стихаетъ*) Я хозяйка, вы должны меня слушать. Сегодня мы будемъ пить за здоровье только одной Наденьки.

СЕМРАТОВЪ.—И всякій скажетъ ей привѣтственное слово.

БЪЛОЯРСКАЯ.—Чудесно!.. Кто хочетъ, можетъ говорить ей спать.

СИЛОЧКИНЪ, *выступая*.—Я скажу...

БЪЛОЯРСКАЯ.—Кромѣ комья: онъ въ карцерѣ.

КАМНЕВА.—Давайте его мнѣ (*Сажаютъ Силочкина подлѣ Камневой*). И сидѣть смиренно.

СИЛОЧКИНЪ.—Pardon, madame la directrice.

СЕМРАТОВЪ.—Тише, тише, господа!.. Первое слово Анны Петровны.

Все стихло.

БЪЛОЯРСКАЯ.—Наденька, я вамъ спича не скажу, я не умѣю... но, божество мое, я умѣю цѣловать. Я васъ цѣлую, и знайте разъ навсегда: если вамъ что-нибудь понадобится выхлопотать, у губернатора, или даже въ Москвѣ и Петербургѣ,—у меня вездѣ знакомые и я всегда вамъ слуга.

Цѣлуетъ Надю.

СЕРДЮКОВЪ, *Силочкину*.—Она это и мнѣ говорила, а на первый же случай хвостъ показала.

СИЛОЧКИНЪ.—И мнѣ тоже.

ПРУЖАНОВЪ, *осталь*.—Надежда Ивановна!..

БЪЛОЯРСКАЯ.—Генераль говорить!.. Господа! его превосходительство.

ПРУЖАНОВЪ.—Надежда Ивановна, вы сегодня показали себя замѣчательной актрисой.

СИЛОЧКИНЪ.—Браво, генераль!!

БЪЛОЯРСКАЯ.—Молчите, арестованный!

ПРУЖАНОВЪ.—Сегодня здѣсь всѣ признали то, что я въ васъ давнымъ-давно видѣлъ. Надежда Ивановна, вы рождены пересоздать нашъ несчастный русскій театр.

НАДЯ.—Полегче, генераль, полегче.

ПРУЖАНОВЪ.—Я поднимаю сей бокаль за вашу будущую славу, за ваши будущія побѣды!.. Желаю вамъ встрѣчать всегда и вездѣ одни только восторги... чтобъ всѣ мужчины были въ васъ влюблены!..

КАМИЕВА.—И женатые?

ПРУЖАНОВЪ.—И женатые, чортъ возьми,—ничего не значить.

НАДЯ.—Генераль, вы хотите, чтобъ я вносила раздоръ въ семью?

ПРУЖАНОВЪ.—Эго право таланта... За вашу блестящую будущность!

Пьетъ. Шумъ. Силочкинъ выльзаетъ.

СИЛОЧКИНЪ.—Я буду пить...

НАДЯ.—Вамъ пить не позволять,—ступайте на мѣсто.

Ею снова усаживаютъ.

СЕРДЮКОВЪ, Курочинскому.—А тятенька-то все благодарить.

СЕМИРАТОВЪ.—Господа, позвольте мнѣ... Анна Петровна, мнѣ позвольте. (*Общее <тсс!>*) Не забывайте, господа, что на тернистомъ пути...

КУРОЧИНСКІЙ.—Громче!

Шумъ, споры: <громче! тише, не слышать! тсс!> — стихаетъ.

СЕМИРАТОВЪ, громко.—Не забывайте, что на тернистомъ пути актерскомъ зависть губить всякій талантъ. Дай вамъ Богъ, Надежда Ивановна, чтобъ вамъ вамъ можно меньше завидовали.

КУРОЧИНСКІЙ.—Не завидуютъ только бездарностямъ!

Общее: <тсс!>

СЕМИРАТОВЪ.—Я не такъ сказалъ, господа, я не такъ. Дай Богъ, чтобъ всѣ вамъ завидовали; но чтобъ эта зависть вамъ не вредила.

ПРУЖАНОВЪ.—Такъ, такъ, молодецъ!

СЕМИРАТОВЪ.—Вѣрно, вѣдь, ваше превосходительство.

ПРУЖАНОВЪ.—На погибель зависти!

Шумъ, крики: <браво! хорошо!> и проч. Курочинскій и Лиза увариваютъ Притолкова.

КУРОЧИНСКІЙ, Притолкову.—Скажите, скажите, а то она, въ самомъ дѣлѣ, о себѣ возмечаетъ. (*Блларской*) Анна Петровна, вотъ Федоръ Григорьевичъ желаетъ...

БЪЛОЯРСКАЯ.—Нашъ директоръ... чего же лучше? Превосходно!

Притолковъ колеблется, мноіе его уговариваютъ.

ПРИТОЛКОВЪ, *взявъ бокалъ.*—Я съ величайшей готовностью, если ужъ всѣ требуютъ.—Надежда Ивановна! Я тоже присоединюсь къ общему привѣтствію.

СЕРДЮКОВЪ, *къ стоящимъ рядомъ съ нимъ.*—Завѣтъ будетъ.

ПРИТОЛКОВЪ.—Я тоже очень радуюсь вашему успѣху, мнѣ приятно видѣть эту общую симпатію къ вамъ, которая здѣсь какъ-то сроднила людей самыхъ разношерстныхъ. Всѣ васъ привѣтствуютъ: отъ неистовыхъ восторговъ, до теплаго участія,—все тутъ есть... но именно это во мнѣ и возбуждаетъ нѣкоторый страхъ.

СЕРДЮКОВЪ.—Ишь ты, язва-то, вотъ...

ПРИТОЛКОВЪ.—Успѣхъ артиста—опасный успѣхъ. Напишите вы какое-нибудь сочиненіе, сдѣлайте научное открытіе, успѣхъ вашъ не такъ видѣнъ, не такъ ярокъ, не такъ давить васъ. Артистъ всегда является въ праздничномъ видѣ, на него устремлены тысячи глазъ, его слушаютъ тысячи ушей. Его одно слово, одинъ жестъ, иногда вызываютъ одуряющій громъ рукоплесканій,—и это повторяется каждый вечеръ. Оттого никто не бываетъ такъ самолюбивъ, какъ артистъ. Если судьба предназначила вамъ карьеру артиста, избави васъ Господи отъ такого мелкаго самолюбія: оно хуже всякой зависти и интригъ.

КАМНЕВА.—О! Въ этомъ отношеніи за Надежду Ивановну болѣе нечего. Говорите это тѣмъ, кто не умѣетъ любить своего дѣла, кто не умѣетъ въ немъ самомъ находить свои радости, кто только успѣха ищетъ, во что бы то ни стало, только успѣха, и охотно слушаетъ восторженные похвалы ложныхъ друзей. Наденька прогонитъ ихъ отъ себя; она выше такихъ соблазновъ. *(Натъ)* Нѣтъ, милый другъ, я знаю васъ хорошо и одного вамъ желаю—оставайтесь вы всегда такой, какою вы есть... *(Общегромкое одобреніе и рукоплесканіе. Надя судорожно схватываетъ Камневу за руку)*—даровитой, честной работницей, страстной къ своему труду, и чтобъ этотъ трудъ, чтобъ это творчество, всегда были вашей жизнью и вашимъ наслажденіемъ.

Надя, *крѣпко пожимая ей руку.*—Благодарю васъ!.. Всѣхъ благодарю: такъ всѣ ко мнѣ участливы сегодня... приятно мнѣ это слушать, да... странно какъ-то... За что? Помилуйте! что я

такое?.. А все-таки хочется вамъ отвѣтить. Я еще совсѣмъ не артистка, и еще не знаю, буду ли ею когда-нибудь; а уже и сегодня всѣ ваши привѣтствія мнѣ чѣмъ-нибудь грозятъ. То предлагаютъ мнѣ протекцію, — стало быть, хотять сказать, что безъ нея не обойдешься... то сулятъ враговъ и зависть... (*шутливо*) то общають, что мой успѣхъ внесетъ раздоръ въ семьяхъ... и, наконецъ, даже себя мнѣ надо бояться, своего самолюбія... Если такъ трудно быть артисткой, такъ трудно жить, — пожелайте же встать, чтобъ моя жизнь шла не слишкомъ въ разрывъ съ моимъ дѣломъ, какое бы оно ни было, — и чтобы хватило моихъ силъ на борьбу со всѣмъ, что мнѣ предстоитъ.

Почти всѣ. — Урра!.. Урра!

Шумъ, говоръ, привѣтствіе. Идутъ чокаться съ Надей.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Общая комната у Мурановыхъ. Слѣва женскій письменный столикъ передъ окномъ. Двери въ глубинѣ и справа. При поднятіи зававѣса, МУРАНОВЪ окончательно устанавливаетъ новую мебель. Носильщики и приказчикъ въ магазинъ стоятъ и смотрять.

ЯВЛЕНІЕ I.

МУРАНОВЪ, ПРИКАЗЧИКЪ, НОСИЛЬЩИКИ.

МУРАНОВЪ. — Ну, такъ... такъ будетъ хорошо. Спасибо, ребята, ступайте (*Носильщики кланяются, переминаясь*). Что вамъ? Ахъ, да, на чай надо... вотъ вамъ (*Даетъ рубль*). Довольно?

НОСИЛЬЩИКИ. — Благодаримъ покорно... много милости вашей благодарны... дай вамъ Богъ...

Уходятъ.

ПРИКАЗЧИКЪ, *подавая счетъ*. — А это вотъ счетецъ будетъ...

МУРАНОВЪ. — Знаю, знаю... (*Взглянувъ на счетъ*). Сто пятнадцать рублей, — хорошо.

ПРИКАЗЧИКЪ, *мнется*. — Хозяинъ говорилъ: пятьдесятъ рублей сейчасъ получить.

МУРАНОВЪ. — Нѣтъ, у насъ уговоръ платять въ рассрочку, и первыя деньги я общалъ въ среду.

ПРИКАЗЧИКЪ.—Такъ-съ.

МУРАНОВЪ.—Я прямо сказать, что раньше среды не могу, и самъ принесу... что-жь это онъ?

ПРИКАЗЧИКЪ.—Хорошо-съ.

Входитъ Надя въ шляпкѣ и тальмѣ.

ЯВЛЕНИЕ II.

МУРАНОВЪ, ПРИКАЗЧИКЪ, НАДЯ.

Надя, *цѣлуется съ отцемъ.*—Здравствуй.

Мурановъ.—Здравствуй, моя труженица, съ урока пришла?.. Вотъ это я люблю, когда ты такая свѣженькая да хорошенькая, когда у тебя такъ весело блестать глаза.

Надя.—А я не люблю, что у меня такая предательская физиономія,—сейчасъ выдастъ, что у меня на душѣ.

Мурановъ.—Это хорошая мимика, та снѣге; это мимика, это неподобно.

ПРИКАЗЧИКЪ.—Такъ прощайте!

Уходитъ.

Надя, *омядываясь.*—Что это? Новая мебель?

Мурановъ.—Да, Надичка, пора было переобвѣять; такая у насъ гадость была, чисто какъ у попа Ивана.

Надя.—Ты купилъ?

Мурановъ.—Очень дешево... случайно попалась. Прокуроръ уѣзжалъ, такъ отдалъ тутъ одному столяру за долгъ.

Надя.—Сколько же стоитъ?

Мурановъ.—Смотри, почти совсѣмъ не подержанная.

Надя.—Сколько стоитъ?

Мурановъ.—Просто, даромъ... вообрази, только сто-пятьдесятъ рублей за все.

Надя.—Папѣ, какъ же мы это заплатимъ?

Мурановъ.—Но, душа моя, невозможно же тебѣ такъ жить, жвини, по-свински; особенно теперь, когда начинается у тебя совсѣмъ новая карьера. Ма снѣге ашѣ, это все вернется, это трага производительная.

Надя, *иронически*.—Моя новая карьера!.. все это пока еще оди́ мечты, ничего еще и не начато, а между тѣмъ...

Мурановъ.—Что «между тѣмъ?» что?

Надя.—Нельзя такъ дѣлать, папѣ: когда чего нѣтъ, такъ нѣтъ... тратишь ты сто слишкомъ рублей, когда у меня всего на все двѣсти, и мы этимъ должны жить три мѣсяца; да еще и на другое мнѣ деньги нужны... я не могу, я не справлюсь.

Мурановъ.—Надя, Надя, съ твоей возвышенной душой и такая мелочность! Пустые расчеты тебя пугаютъ.

Надя.—Пустые или не пустые,—да когда нечѣмъ платить. Мнѣ неприятно это высказывать... но ты... ужасно, право... все въ счетъ будущаго... а еще Богъ его знаетъ, какое оно будетъ... третьяго дня взялъ у меня двадцать-пять рублей на что-то...

Мурановъ.—Я, Надя, не скрываю на что,—я угощалъ въ клубѣ кое-кого изъ знакомыхъ... я ради тебя не могу отставать отъ общества; чтобъ всегда о тебѣ говорили, и писали, и печатали, это необходимо. Впрочемъ, ты не безпокойся, если у тебя денегъ нѣтъ, я и не прошу, я достану.

Надя.—Какъ достану?! — займешь гдѣнибудь?.. вѣдь потому все-таки надо же будетъ отдавать?

Мурановъ.—Надя, мнѣ очень больно слушать твои упреки: ты мнѣ даешь почувствовать, что я прокутившийся, разоренный баринъ, что я ничего не имѣю, ничего не дѣлаю и живу на счетъ твоего труда... Не ахай и не разводи руками: это горькая правда, я это прекрасно понимаю, но твердо вѣрую въ твою будущность. Я, можетъ быть, на взглядъ дѣлаю вздоръ; погоди, ты меня когда-нибудь оцѣнишь... ты увидишь, что все это нужно и дастъ хорошіе результаты. Я готовъ ѣсть только одинъ черствый хлѣбъ, чтобъ поставить тебя на ноги,—и я высоко тебя поставлю, увидишь.

Надя.—Ахъ, папѣ, зачѣмъ эти фразы? никогда ты черстваго хлѣба ѣсть не будешь,—и какіе тамъ упреки? Что такое?..

Мурановъ.—Нѣтъ, нѣтъ, голубушка моя, не сердись. Я сверный отецъ: ты пришла такая хорошенькая, свѣженькая, а я тебя разстроилъ. Ну, слушай, мы будемъ выплачивать понемножку, когда найдутся лишнія деньги; я такъ уговорился.

Надя.—Когда же у насъ лишнія?

Мурановъ.—А будетъ трудно заплатить, я мебель отдамъ

назадъ, — я такъ уговорился; ну, словомъ, какъ ты мнѣ прикажешь, — только будь опять лучезарная... вспомни, что у тебя было на душѣ, когда ты вошла: была какая-то радость, въ глазахъ свѣтилась... ну, вотъ, ну, вотъ, опять улыбаешься... о! я знаю, какъ съ тобой говорить, я въ твоихъ глазахъ прочиталъ, что ты чѣмъ-то довольна.

Надя. — У насъ сегодня чудный, веселый день, большое празднество.

Мурановъ. — Гдѣ?

Надя. — У Камневыхъ. Я зашла не на долго; черезъ часъ мнѣ надо быть у нихъ.

Мурановъ. — Опять?.. Что тебѣ такое этотъ Владиміръ Андреевъ? ты все свое свободное время отдаешь ему. То онъ здѣсь, то ты тамъ; на мѣстѣ его жены, я бы ревновать тебя сталъ.

Надя. — Не мѣрай всѣхъ на свой аршинъ.

Мурановъ. — Ей-Богу; ты къ нему ужъ черезъ край благосклонна... и именно сегодня я бы очень просилъ тебя остаться дома.

Надя. — Зачѣмъ?

Мурановъ. — Генералъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ визитъ.

Надя. — Василій Сергѣичъ?

Мурановъ. — Онъ что-то особенное хотѣлъ тебѣ передать, — и онъ такой расположенный къ тебѣ, на всѣхъ перекресткахъ тобой восхищается.

Надя. — Я полчаса еще пробуду.

Мурановъ. — И какъ это глупо опаздывать! самъ сказать, что навѣрно будетъ въ двѣнадцать часовъ, теперь ужъ двѣнадцать, и вотъ...

Надя. — Чего ты такъ безпокоишься? Ну, въ другой разъ придетъ.

Мурановъ. — Очень ужъ я болѣзненно слѣжу, чтобъ всѣ тебя цѣнили и любили... чтобъ какъ-нибудь не задѣтъ кого-нибудь, не важить непріятеля. Ахъ, Надя, Надя, ты думаешь, я не вижу, какое ты чудное созданье, и какая я дрянь; но никому ты такъ не дорога, какъ мнѣ... и все мнѣ хочется, чтобъ тебѣ было хорошо... сдѣлать какое-нибудь удовольствіе... вотъ даже эта подушка мебели... чтобъ только увидеть твою улыбку... знаешь:

для меня твоя улыбка, это какъ въ теплое лѣтнее утро... яркая заря на небѣ и горизонтѣ...

Надя.—Погоди, папѣ, твою поэзію я могу и послѣ слушать; а теперь меня ждетъ дворникъ: надо ему за дрова деньги заплатить.. такъ ужь извини,—оставимъ поэзію до завтра.

Смѣясь, уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

МУРАНОВЪ одинъ, потомъ СЕМИРАТОВЪ.

МУРАНОВЪ.— Пошлости жизни, да! пошлости жизни!.. Грустно.

*Напѣваетъ легкую арію; входитъ—Семиратовъ.
Мурановъ бросается къ нему на встрѣчу; но, увидавъ Семиратова, внезапно останавливается.*

СЕМИРАТОВЪ, *раскланиваясь*.—Иванъ Семенычъ...

МУРАНОВЪ.—А! Это вы?

СЕМИРАТОВЪ.—Я не помѣшалъ?

МУРАНОВЪ.—Не то, чтобы помѣшали, а...

СЕМИРАТОВЪ.—Вы собираетесь куда-нибудь?

МУРАНОВЪ, *колеблясь*.—Нѣтъ, но... (*Рѣшительно*) Милый молодой человѣкъ, желалъ бы я откровенно вамъ сказать, да боюсь огорчить васъ.

СЕМИРАТОВЪ.—Что такое, Иванъ Семенычъ? говорите, я не огорчусь.

МУРАНОВЪ.—Вы преданы Наденькѣ, вѣрю.. вы очень преданы,—но.. такту въ васъ мало. Посмотрите на ея жизнь: чтó она, бѣдняжка, должна выносить?.. Почти дитя, а въ какихъ трудахъ... изъ-за копѣекъ, вѣдь, изъ-за копѣекъ скверной хозяйской дребеденью заниматься. Сейчас она ушла,—знаете зачѣмъ?

СЕМИРАТОВЪ.—Не знаю-съ.

МУРАНОВЪ.—Съ дворникомъ рассчитываться за дрова. Ея душѣ на небѣ быть, а тутъ дрова. Ну! Что дѣлать? —нужда заставляетъ. Должны же хоть мы-то, преданные люди, ее лелѣять, холить и щадить.

СЕМИРАТОВЪ.—Да-съ.

МУРАНОВЪ.—А вы не щадите. Скажите сами, для чего вы,

чуть не каждый день, сюда ходите?.. Вамъ приятно ее видѣть, говорить съ ней, это я пойму; но подумали ли вы о ней? ей-то отъ васъ какой профитъ?.. Я не говорю за спиной, тамъ, вы ее можете расхваливать: всякое лишнее доброе слово хорошо... нѣтъ, а лично? что ей въ васъ?.. вы не критикъ, ни вліятельный человѣкъ; вы—ничего.

Семиратовъ.—Совершенно и это справедливо.

Мурановъ.—Голубчикъ мой, вы обѣщали не принимать къ сердцу мои слова; вы такой добрый, хороший, — пожалѣйте ее. Я, вѣдь, все вижу и сочувствую. Вамъ это будетъ лишеніе: вамъ хочется ее видѣть... ну, принесите ей эту жертву,—самоотверженно, благородно.

Семиратовъ.—Хорошо-съ, я перестану ходить.

Мурановъ.—Не совѣмъ. Ну, изрѣдка, отчего же?... Только не каждый день: это даже не совѣмъ благовидно.

Семиратовъ.—Прощайте. — (*Мнется*) Винавать, Иванъ Семенычъ, еще одно словечко... вотъ, вы говорите: вы нуждаетесь въ деньгахъ... и Надеждѣ Ивановнѣ вдругъ изъ-за этого... Я жалованье сейчасъ получилъ, такъ если угодно...

Мурановъ.—Что вы?!—Нѣтъ, нѣтъ. Вы сами бѣдный человѣкъ.

Семиратовъ.—Ничего-съ, я могу девяносто рублей. Возьмите, Иванъ Семенычъ, мнѣ теперь не надо, у меня все есть. Вѣдь вотъ вы откровенно со мной, такъ и я откровенно: для меня это удовольствіе... да вѣдь, я и не могу безъ денегъ остаться: у меня товарищи; а мундиръ и все другое теперь у меня въ полномъ комплектѣ.

Мурановъ.—Вы золотая душа.

Семиратовъ.—При обстоятельствахъ отдадите, Иванъ Семенычъ.

Мурановъ.—У кого поднимется рука лишить васъ отрадного сознанія, что вы послужили нашему ангелу?.. Хорошо; на одинъ мѣсяцъ. Можете на мѣсяцъ?

Семиратовъ.—Ахъ, Господи, хоть на три. Одно, Иванъ Семенычъ, я попрошу: вы не сказывайте Надеждѣ Ивановнѣ, что отъ меня получили деньги.

Мурановъ.—Почему?

СЕМИРАТОВЪ.—Да такъ,—что говорить? не все-ли равно, откуда?..

МУРАНОВЪ.—Ваша правда, нечего ей объ этомъ и беспокоиться.

СЕМИРАТОВЪ.—Чтобъ ничего такого ея не касалось. Такъ извольте деньги.

МУРАНОВЪ.—Постойте, я жду вашего генерала... кажется...
(Залаянувъ въ дверь) Онъ и есть, ступайте-ка въ мой кабинетъ, я сейчасъ къ вамъ приду.

Семиратовъ уходитъ. Мурановъ слышитъ отворить дверь, входитъ—Пружановъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

МУРАНОВЪ и ПРУЖАНОВЪ; потомъ НАДЯ.

ПРУЖАНОВЪ.—Дома?

МУРАНОВЪ.—Какъ же не дома?—ждемъ. Наденька тамъ у себя занимается. Ужасно она утомляетъ себя работой, я даже возмущаюсь.

ПРУЖАНОВЪ.—Страсть, сударь мой, ужъ тутъ все безнадежно... ей безъ этого жить нельзя.

МУРАНОВЪ.—Я сейчасъ позову.

ПРУЖАНОВЪ.—Ни, ни, ни... талантъ никогда не надо нарушать въ его творествѣ,—это святотатство. Я подожду.

МУРАНОВЪ.—Да ничего.

ПРУЖАНОВЪ.—Нѣтъ. Можетъ быть, вы разрушите минуту вдохновенья; потомъ, вѣдь, скоро на лады не настроишь. (Надя входитъ) А! Вотъ она, мое прелестное дитя!.. простите старика, что оторвалъ васъ отъ вашихъ упительныхъ мечтаній.

НАДЯ.—Какія тамъ мечтанія, я съ дворникомъ рассчитаю дѣлала.

ПРУЖАНОВЪ.—Съ дворникомъ! Ха, ха, ха!.. оригинальная натура!

МУРАНОВЪ.—Простите, я на минуту васъ оставлю.

ПРУЖАНОВЪ.—Пожалуйста.

Мурановъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Пружановъ и Надя.

Пружановъ.—Я совсѣмъ стосковался по васъ, нигдѣ васъ не видно. Мимо гимназiи каждый день ходить сталъ, думаю: вончятся классы, выйдетъ,—не тутъ-то было.

Надя.—Ай, ваше превосходительство, берегитесь, чтобъ не узнала ваша невѣста.

Пружановъ.—Какая невѣста?

Надя.—Лиза Гератьева. Развѣ вы на ней не женитесь?.. Батюшки!—сконфузился и покраснѣлъ; въ такомъ почтенномъ чинѣ и краснѣеть.

Пружановъ.—Шалунья злая, грѣхъ конфузять старичка.

Надя.—Я слышала, что вы уже помолвлены.

Пружановъ.—Оставимъ это и поговоримъ о васъ. Ну, что ваша артистическая карьера?

Надя.—Ничего моя артистическая карьера.

Пружановъ.—Неужто не хлопчете о поступленiи на сцену?

Надя.—Когда же мнѣ?

Пружановъ.—Все возитесь съ вашими проклятыми ученицами?

Надя.—Прошу не проклинять. Я очень люблю моихъ ученицъ.

Пружановъ.—О, въ такомъ случаѣ, позвольте и мнѣ брать у васъ уроки.

Надя.—Вы не выдержите экзамена въ мой классъ.

Пружановъ.—Почемъ вы знаете? Сперва проэкзаменуйте.

Надя.—Вы срѣжетесь на первомъ же вопросѣ.

Пружановъ.—Извольте спрашивать, извольте.

Надя.—Навѣрно срѣжетесь. Ну, отвѣчайте: кто побѣдилъ персидскаго царя Кира подъ Сардами?

Пружановъ.—Кира! Экъ куда хватили, въ самую глушь древности... подъ Сардами... что-то не помнится. (*Спыхватясь и утвердительно*) Знаю! знаю! Александръ Македонскiй... (*Надя*

хочетъ) Ахъ, какъ она мило смѣется! Ахъ, какъ прелестно она смѣется!

Надя.—При Кирѣ Александръ Македонскій еще не родился... да не старайтесь, не узнаете, вамъ за экзамень нуль.

Пружановъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не согласенъ.

Надя.—Никто Кира подъ Сардами не побѣждалъ; онъ самъ взялъ городъ Сарды, побѣдивши Креза.

Пружановъ.—Молодецъ! Прекрасно сдѣлалъ. Да какая она веселая сегодня!—Я васъ такой никогда не видалъ. Это очень приятно, потому что въ моемъ сегодняшнемъ визитѣ есгь специальная цѣль.

Надя.—Ааа?

Пружановъ:—Но заранѣ прошу скрывать, это тайна.

Входитъ—Мурановъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Мурановъ.

Надя.—Папá, уйди, мнѣ генераль хочеть сказать тайну.

Пружановъ, *Муранову*.—Вы можете... садитесь. (*Продолжая рѣчь*) Скрывать и не смѣяться. (*Надя смѣется*). Ну вотъ, а она какъ разъ наоборотъ. Ей-Богу, я серьезно. (*Муранову*) Какъ она прелестно смѣется! (*Обоимъ*) Ахъ, все это грустно, а не смѣшно!.. Я обращаю ваше вниманіе на нашъ бѣдный русскій театръ, до чего онъ падаетъ съ каждымъ днемъ!.. Что теперь пишутъ, что играютъ,—стыдно вспомнить... все переводы, да оперетты... русскія пьесы такіа тривіальныя...

Мурановъ.—Не безъ того.

Пружановъ.—Такъ вотъ я... но повторяю: ни слова объ этомъ никому... я тоже... написалъ пьесу.

Надя, *вскочивъ*.—Вы? О!!

Пружановъ.—Какая порывистая, усидѣть не могла... только вы не очень-то «о! о! о!» Эта пьеса совсѣмъ не такая дрянь, какъ вы думаете.

Надя.—Чудесно! Надо ее поставить на сцену.

Пружановъ.—Какая роль для васъ!!

Надя.—И мы будем вызывать: «автора! автора!»—и генералъ выйдетъ, потряхивая эполетами.

Пружановъ.—Вотъ тутъ именно загвоздка. Я не хочу, чтобъ знали, что я сочинитель.

Надя.—И то: въ вашемъ генеральскомъ чинѣ такимъ поворонимъ дѣломъ заниматься, сочинять пьесы...

Пружановъ.—Ну, хоть не поворонимъ; но если станутъ разбирать и насмѣхаться... вѣдь у насъ не чинятся ни съ кѣмъ рѣшительно... неловко какъ-то. Я и придумалъ: надо, чтобы сочинителемъ пьесы считался другой. Ну, напримѣръ, вы, Иванъ Семеновъ.

Мурановъ.—Благодарю васъ; нѣтъ, гдѣ же мнѣ? Я вамъ сейчасъ найду автора; у меня тутъ въ кабинетѣ.

Надя.—Кто?

Мурановъ.—Семиратовъ.

Надя.—Ахъ! чего же лучше? вашъ подчиненный... если онъ чужь что, его сейчасъ можно и подь арестъ. (*Въ дверь*) Семиратовъ, пожалуйста, гдѣ вы? что вы прячетесь?

Входитъ—Семиратовъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Семиратовъ.

Семиратовъ.—Я не прячусь (*Раскланивается*).

Надя, *пожимая ему руку*.—Вамъ предстоитъ большая честь. Слушайте, вашъ генералъ написалъ пьесу.

Пружановъ.—Это секретъ.

Надя.—Секретъ, понимаете?.. и потому генералъ хочетъ, чтобъ сочинителемъ вмѣсто него, выдавали себя вы.

Семиратовъ.—Я-съ?

Пружановъ.—Да, вамъ можно довѣрить: вы скромны и...

Надя.—Выносливы... коли будутъ бранить пьесу, вы молча сдержите, вы сдумаете пострадать за начальство.

Пружановъ.—Можетъ быть и не придется страдать.

Надя, *Семиратову*.—Знайте же: съ этой минуты вы драматическій писатель.

Семиратовъ.—Слушаю-съ.

Пружановъ.—Садитесь, я вамъ разскажу содержаніе пьесы.

Надя.—Она... длинная?.. Длинная ваша пьеса?

Пружановъ.—Три акта. У меня тутъ увидите одну вещь совершенно небывалую; вы этого никогда и нигдѣ не встрѣчали. Тутъ представьте только, одна дѣвушка до безумія влюблена въ молодого человѣка...

Надя.—Да, этого еще никогда и нигдѣ не бывало.

Пружановъ.—Насмѣшница! Притки вы больно; я не до-сказалъ. Влюбленныхъ, конечно, много вездѣ...

Надя.—Но такихъ, какъ у васъ, нигдѣ и никогда не бывало.

Смѣется.

Пружановъ.—Какая она веселая сегодня! И какъ она увлекательно смѣется!

Входитъ—Блѣоярская.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Блѣоярская.

Семиратовъ.—Ахъ! Анна Петровна.

Блѣоярская.—Вы уже здѣсь, генераль, простите, опоздала. Здравствуйте, Наденька. (*Другимъ*) Здравствуйте. Не могла раньше поспѣть: въ богадельню заѣзжала. Старушка тамъ у меня есть, моя протезѣ, и, вообразите, подралася съ экономомъ, укусила его; надо было разобрать... но, слава Богу, все устроилось, я ее отстояла,—хотѣли выгнать... Ну-съ, а на васъ, Наденька, я сердита,—сердита до бѣшенства.

Надя.—Господи! пожалуй, тоже кусаться будете, какъ ваша протезѣ.

Блѣоярская.—Вы сами не хотите себѣ счастья. Дикая вы, готентотка! три раза звала васъ вечеромъ, чтобъ знакомить съ обществомъ, карету посылала за вами,—никогда дома нѣтъ. Все проповѣди своего Камнева слушаетъ. Такъ далеко не уйдете: подъ лежачій камень вода не течетъ.

Пружановъ.—Капризъ талантливой природы, Анна Петровна. Насиловать нельзя.

Блѣоярская.—Нѣтъ, надо насиловать, когда убѣжденія не

дѣйствуютъ. Наденька, я должна бы принять это за оскорбленіе. Еслибъ я не была такъ добра, я бы и оскорбилась. Изъ-за чего я сучусь? Точно для себя. Вы неблагодарны и къ себѣ, и къ обществу. Вамъ Богъ далъ талантъ, вы имъ пренебрегаете; васъ любятъ, о васъ стараются, а вы все топорщитесь.

Надя.—Ба! да и вы, должно быть, тоже заѣхали со спеціальною цѣлью.

Бълюярская.—И прямо ее сейчасъ выскажу. Ma chère amie, вамъ представляется замѣчательный, единственный случай сразу перешагнуть всѣ препятствія и подняться очень высоко. Къ намъ сюда черезъ двѣ недѣли долженъ пріѣхать министръ. У Жирунина процессъ есть въ судѣ, и онъ хочетъ подслужиться министру: устроить въ честь его два три великолѣпныхъ праздника.

Пружановъ.—И между прочимъ, спектакль. Мы сыграемъ мою пьесу.

Семираговъ, *съ восторгомъ*.—Въ городскомъ театрѣ! вотъ чудо-то!

Бълюярская.—Представьте себѣ: толпа народу, пріѣзжіе изъ Петербурга, пріѣзжіе изъ Москвы... вы передъ ними явитесь на сцену, и все отъ васъ безъ ума. Рецензенту губернскихъ вѣдомостей сказано, что если онъ не превознесетъ васъ выше всякихъ похвалъ, я интригу подведу, и онъ лишится мѣста въ канцеляріи губернатора... Цѣлуйте, душка! Я добра, и вы мой идеаль,—для васъ я на стѣну полѣзу.

Надя.—Спектакль устраиваетъ тоже Жирунинъ?

Бълюярская.—Да... и потому-то я васъ сейчасъ похищаю и везу къ нему. Сегодня у него обѣдаетъ графиня Заржецкая изъ Москвы. Господи, какъ я васъ ей расхваливала: и характеръ, и талантъ, и красоту, и все, все, все...

Пружановъ.—Да ужъ вы начнете хвалить, такъ, вѣдь...

Бълюярская.—Такъ нахвастала, что графиня непременно хочетъ съ вами познакомиться. Она вамъ будетъ прекрасное пріѣзжище для Москвы,—и я ей обѣщала показать васъ. Вотъ, сегодня у Жирунина, за обѣдомъ, это все такъ встать, и о спектаклѣ поговоримъ.

Надя.—Чтобъ я ни съ того, ни съ сего, поѣхала къ Жирунину обѣдать?

Бълюярская.—Это ничего: онъ такой добрякъ и простакъ.

(*Смѣхотясь*) Ахъ, что же я забываю?.. Онъ просилъ меня передать вамъ маленькій подарокъ въ знакъ глубокаго уваженія къ вашему таланту... (*Подаетъ футляръ*) Вотъ.

Надя.—Браслетъ? мнѣ, отъ Жирунина? и приглашеніе къ нему обѣдать?.. Ха, ха, ха!.. Надо же всему этому случиться именно сегодня... ха, ха, ха,—прелестно!

Бѣлоярская.—Что же такое сегодня?

Надя.—Праздникъ у меня, я веселюсь!.. Сегодня мы противъ Жирунина начинаемъ войну.

Бѣлоярская.—Какъ?

Мурановъ.—Что такое?

Надя.—Мы открываемъ банкъ для рабочихъ людей,—ссудо-сберегательное товарищество.

Бѣлоярская.—Ахъ, слышала. Никита Степанычъ за это очень сердитъ на вашего Камнева.

Надя.—Какъ Жирунину не сердиться? У него до сихъ поръ была своя руда владыка: всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ и мѣщанъ въ рабствѣ держалъ, съ нищеты оброкъ бралъ; дасть рубль взаймы, а получаетъ десять,—и вдругъ такая конкуренція! банкъ. Начнутъ его должники занимать денѣги у насъ за маленькіе проценты, такъ ему будетъ большой убытокъ.

Пружановъ.—У васъ, Наденька? да вы-то тутъ что?

Надя.—Я этой затѣѣ очень поспособствовала. Я даже участница банка, я взяла пай въ пятьдесятъ рублей.

Мурановъ.—Такъ вотъ почему ты сегодня такая оживленная.

Бѣлоярская.—Зачѣмъ вы это? зачѣмъ?

Мурановъ.—Поймете вы этихъ людей! умѣщается же все это въ одной головѣ: и тонкія проявленія художества, и божественная красота искусства, и банковые расчеты, операціи по процентамъ и паямъ...

Надя.—Папá, опять фразы; ты очень хорошо знаешь, что нашъ интересъ не нажива.

Мурановъ.—Но искусство должно быть для тебя выше простыхъ благодѣяній. Какъ же ты не видишь, что сама вредишь процвѣтанію лучшихъ сторонъ твоей души? Жирунинъ человѣкъ сильный, и у него сильные друзья; если онъ узнаетъ, что ты,

вмѣстѣ съ его врагами, этимъ банкомъ хочешь обрѣзать его доходъ, онъ возмутится и противъ тебя.

Надя.—А мнѣ что?.. Я еще лучше сдѣлаю, — ахъ, какая мысль!.. Я было хотѣла его подарокъ ему отослать назадъ, — ни за что!.. я его продамъ и деньги внесу въ кассу. Жирунинъ самъ съ собой будетъ конкурировать.

Семиратовъ.—Его же деньгами хотите противъ него дѣйствовать.

Сдержанно смѣется.

Пружановъ.—Прелесть моя, какая вы веселая сегодня...

Бѣлоярская.—Вы его разсердите, и тогда онъ не допуститъ вашего участія въ спектаклѣ.

Надя.—Я сама въ немъ участвовать не буду. Какъ? вы всѣ называете Жирунина чуть что не разбойникомъ и предлагаете мнѣ помогать ему въ устройствѣ какого-то торжества? чтобы подслужиться?! потому, что у него какой-то процессъ! И вѣроятно грязный процессъ!—Извините.

Бѣлоярская.—Ахъ, вы экзальтированное дитя!.. Разбойники! — вамъ-то что? вы чисты, вы честны, это васъ не коснется... а пренебрегать такими людьми нельзя, черезъ нихъ все на свѣтѣ дѣлается.

Пружановъ.—Да вы, Наденька, на время забудьте, что это дѣло Жирунина; вѣдь тутъ главное устроить спектакль и сыграть мою пьесу, — вѣдь другого такого случая не скоро дождемся.

Семиратовъ.—Въ настоящемъ театрѣ!

Бѣлоярская.—Да, это не какой-нибудь аматѣрскій спектакль, это большое, интересное представленіе... какъ этимъ пренебрегать?!

Надя.—Я играть не буду, Анна Петровна.

Бѣлоярская.—Это ваше послѣднее слово? И въ Жирунинну со мной не поѣдете?

Надя.—Нѣтъ. И подарокъ его пожертвую въ банкъ.

Бѣлоярская.—Даже, если я приму вашъ отказъ за обиду, если я васъ буду просить объ этомъ, какъ о личной услугѣ мнѣ?

Надя.—Даже и тогда нѣтъ. Не просите меня о томъ, чего не слѣдуетъ дѣлать.

БѢЛОЯРСКАЯ.—Ну, Надежда Ивановна, послѣ этого мнѣ остается только сложить руки и отступить отъ васъ.

ПРУЖАНОВЪ.—Анна Петровна! Надо быть снисходительной къ таланту... Анна Петровна!..

МУРАНОВЪ, *Надь*.—Плохо на тебя вліяютъ твои друзья.

БѢЛОЯРСКАЯ.—Нѣтъ, я добра, я ужасно добра; но всему есть предѣлъ. Мать объ родной дочери не будетъ такъ заботиться, какъ я объ Наденькѣ, и мнѣ такъ рѣзко отвѣчать?—нѣтъ...

СЕМИРАТОВЪ, *у окна*.—Кажется, Владиміръ Андреичъ къ вамъ.

БѢЛОЯРСКАЯ.—Камневъ! Ну такъ, такъ... безъ него четверти часа прожить нельзя. Что вы влюбились въ него, что ли, или отъ него благодати надѣетесь?.. Пойдемте, Иванъ Семенычъ, я съ нимъ встрѣчаться не хочу; спрячьте меня въ вашемъ кабинетѣ.

ПРУЖАНОВЪ, *тихо ей*. — Я ее попрошу, чтобы она его скорѣй спровадила.

БѢЛОЯРСКАЯ, *тихо ему*. — Вѣдь, меня засмѣютъ; я дала честное слово, что привезу ее къ обѣду.

БѢЛОЯРСКАЯ и МУРАНОВЪ УХОДЯТЪ.

ПРУЖАНОВЪ.—Ступайте и вы, Семиратовъ. (*Семиратовъ уходитъ*).—Наденька, вы съ Владиміръ-Андреичемъ безъ церемоніи; скажите ему, чтобы онъ пришелъ позже. Надо же покончить этотъ споръ, миролюбиво, безъ ссоры. Мы сейчасъ же и уѣдемъ... пожалуйте.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Надя одна, потомъ Камневъ.

НАДЯ.—Скорѣй шляпу, чтобы не было разговоръ и распросовъ. (*Входитъ Камневъ*) Вы за мной?—Я готова.

КАМНЕВЪ.—До открытія еще цѣлый часъ, и я нарочно зашелъ поговорить съ вами наединѣ.

НАДЯ.—Такъ отойдите сюда подальше отъ кабинета; у меня тамъ цѣлый зоологическій садъ спрятался.

КАМНЕВЪ.—Какъ?

НАДЯ.—Или пойдемте потихоньку; дордой поговоримъ.

Камневъ.—Нѣтъ, всего два слова. Я почти цѣлую ночь объ этомъ размышлялъ и считалъ бы недобросовѣстнымъ не сказать вамъ, что вы душа всей нашей сегодняшней затѣи. Безъ васъ ничего бы не было.

Надя.—Объ этомъ нечего толковать.

Камневъ.—Нѣтъ, очень есть чего. Моя жена, моя Катя, честная, прекрасная женщина; но она слишкомъ любитъ меня и своего сынишку. Она все боится, что я беру себѣ работу не по силамъ. У нея даже на этотъ счетъ своя особая логика выдуманая; она говоритъ: ты сразу себя уберешь, и тогда никакой пользы никому не доставишь. Ссудное товарищество вещь хлопотливая и рискованная. Катя связала бы меня, отговорила бы меня, еслибъ не были тутъ вы съ вашей умной, горячей головой.

Надя.—Пойдемте лучше.

Камневъ.—Вы, какимъ-нибудь мѣткимъ замѣчаніемъ, даже шуткой, такъ умѣете покорять людей, и ободрить, и подвинуть на дѣло! Въ устройствѣ нашего маленькаго банка, я видѣлъ только первую пробу, и по ней... вы такъ молоды,—по ней отъ-радно думать, на какія дѣла вы способны.

Надя.—Довольно пророчество, довольно.

Камневъ.—Я каждый день злюсь на себя, что такъ долго знакомъ съ вами и до сихъ поръ такъ мало васъ зналъ. Я начинаю думать, что многое, что за послѣднее время мнѣ такъ нравилось въ моей Катѣ, шло черезъ нее отъ васъ. Еслибъ въ ней, въ моей Катѣ, была ваша кровь, еслибъ рядомъ со мной...

Надя.—Я не хочу, чтобы вы такъ говорили.

Беретъ съ письменнаго стола перочинный ножъ и имъ судорожно играетъ.

Камневъ.—Вы не хотите знать, что я думаю?

Надя.—Мнѣ трудно это слушать.

Камневъ.—Но, вѣдь, все-таки пріятно? не можетъ быть иначе... вамъ пріятно чувствовать свою силу.

Надя.—Пойдемте.

Камневъ.—Дайте мнѣ высказаться, чтобы сегодняшняя моя радость была полна... отчего вы отстраняетесь? Природа сильнѣе воли человѣка, — кто же виноватъ... (*Остается,*

увидавъ въ ней судорожное движеніе и измѣнившееся лицо) Что съ вами?

Надя, *показываетъ лѣвую руку.*—Я обрѣзала себѣ руку.

Камневъ, *испуганно.*—Какъ?

Надя.—Нечаянно... держала ножикъ въ рукахъ и... (*Придерживаетъ правой рукой лѣвую.*)

Камневъ.—Вся рука въ крови.

Надя.—Возьмите у меня платокъ изъ кармана. Разорвите и перевяжите мнѣ.

Онъ вынимаетъ ея платокъ, разрываетъ и перевязываетъ.

Камневъ.—Какъ вы глубоко разрѣзали... кровь не унимается.

Надя.—Уймется, — ничего. Пойдемте, тутъ рядомъ аптека, мнѣ сдѣлаютъ перевязку.

Камневъ.—Скорѣй, скорѣй, —я боюсь, вы задѣли за жилу.

Надя.—Навиньте мнѣ тальму на плечи. (*Онъ накидываетъ ей тальму. Она прислушивается къ двери, и говоритъ съ улыбкой*) Спорять, — и обо мнѣ... (*Съ легкимъ смѣхомъ*) Пойдемте. Да не бойтесь, это ничего.

Оба уходятъ. Въ дверяхъ кабинета появляется Семиратовъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Семиратовъ, потомъ Бѣлоярская, Пружановъ и Мурановъ.

Семиратовъ, *отворяетъ комнату, въ дверь.*—Ушелъ.

Бѣлоярская, Мурановъ, Пружановъ—выходятъ, громко споря.

Бѣлоярская.—Я не могу больше... Я прославляю вездѣ, что ей протежирую... она меня срамитъ передъ обществомъ, она меня дѣлаетъ лгуньей... всѣ видятъ, что она мою протекцію въ грошъ не ставитъ.

Пружановъ.—Такая натура.

Семиратовъ, *у окна.*—Смотрите, Надежда Ивановна тоже уходитъ.

Всѣ подбѣгаютъ къ окну.

БЪЛОЯРСКАЯ.—Съ Камневыми?—ушла!.. Поздравляю... не сказавши ни слова, не простясь... (*Пружанову*) ну! что-съ? вы скажете, и это тоже прекрасно?

ПРУЖАНОВЪ.—Прелестно! даже восхитительно прелестно!.. вздумала, надѣла шляпу и ушла... минута ей повелитель! вотъ натура! вотъ натура!

БЪЛОЯРСКАЯ.—Ну, кому нравятся пощечины, тотъ пускай ихъ и глотаетъ,—я никогда.

Уходитъ.

ПРУЖАНОВЪ, ей вслѣдъ.—Дивная натура! дивная.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала въ квартирѣ Камневыхъ, въ домѣ женской гимназіи. Въ глубинѣ, нѣсколько справа, большая дверь съ выходомъ на площадку, за которой видна гѣленица въ верхній этажъ гимназіи. Слѣва столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. При поднятіи занавѣса, КАМНЕВА раскладываетъ на столѣ бумагу и карандаши. Входитъ ПРУЖАНОВЪ.

ЯВЛЕНИЕ I.

КАМНЕВА и ПРУЖАНОВЪ.

ПРУЖАНОВЪ.—Здравствуйте. Что это? священно-дѣйствовать приготавливаетесь?

КАМНЕВА.—У меня сейчасъ будетъ засѣданіе попечительнаго совѣта.

ПРУЖАНОВЪ.—Ну, я вамъ не мѣшаю, я уйду. (*Садится*) Я-съ, Катерина Дмитревна, вотъ зачѣмъ зашелъ... спросить, правда это, какіе слухи странные ходятъ по городу: будто вы хотите выгнать изъ гимназіи Наденьку Муранову?

КАМНЕВА.—До сихъ поръ еще нѣтъ ничего опредѣленнаго, но я подозреваю, что въ этомъ родѣ что-то затѣвается.. я собираю совѣтъ по желанію попечительницы; она прислала мнѣ письмо. Пожалуй, что они именно хотятъ говорить объ Наденькѣ. Я буду отстаивать ее всѣми силами.

ПРУЖАНОВЪ.—Развѣ это не отъ васъ зависитъ?

КАМНЕВА.—Главнымъ образомъ, отъ директора; но едва ли

онъ сдѣлаеть что-нибудь на переکورъ совѣту. У насъ гимназія пользуется субсидіями отъ города и отъ земства, потому въ совѣтъ участвуютъ члены земства и думы, — отъ думы Жирунигъ. Если весь совѣтъ будетъ противъ Наденьки, Ѳеодоръ Григорьичъ повернется и уступитъ.

Пружановъ.—Это возмутительно!.. Положимъ, ей отъ вашей гимназіи проку мало; она своимъ талантомъ пробьетъ себѣ дорогу, но вѣдь это пятно! — ее хотять запятнать!.. вѣдь, общество не станетъ разбирать какими интригами этого добились, а посмотрятъ просто, какъ на выгнанную.

Камнева.—Мнѣ это было бы тяжело, чѣмъ кому-нибудь.

Пружановъ.—Надо-бы мнѣ въ этомъ вашемъ совѣтѣ быть и сказать имъ... такое слово.

Камнева, улыбаясь.—Ничего хорошаго бы не вышло. Вообще, если позволите вамъ посовѣтовать, Василій Сергѣичъ, когда вы въ пользу Наденьки говорите, не выходите изъ себя, не бранитесь за нее; повѣрьте, вы этимъ никого къ ней не расположите.

Пружановъ.—Правда. Вчера я за нее съ мадамъ Гератьевой сдѣлался... чего я ей не наговорилъ! Господи! — вспомнить жутко.

Камнева.—По обыкновенію... Ну, и что же толку? Навѣрно, вы озлобили Гератьеву, и она будетъ вредить Надѣ: сплетничать, злословить, — хорошую услугу оказали!

Пружановъ.—Понимаю, что сдурилъ... да, вѣдь, съ этимъ народомъ всякаго взорветъ. Я у Гератьевыхъ всегда былъ и любезенъ, и ласковъ, — посѣщалъ часто ихъ домъ; а барыня изъ этого заключила, что я хочу жениться на ея сестрѣ... свою старую дѣву мнѣ навязывала, такую же дуру, какъ она сама. Теперь, видите, Наденька меня отъ нихъ отбила... чортъ! Наплетутъ же...

Камнева.—Все-таки сдержатъ себя слѣдовало.

Пружановъ.—То-то, вотъ, не пристало кавалеристу въ пѣхотѣ служить. Нѣтъ у меня этой выправки спокойной да постепенной, — все бы мнѣ въ карьерѣ. Я ужъ что сталъ дѣлать, чтобъ уговориться: велю осѣдлать адъютантскаго вороного, нажарю ему бока, да какъ пронесетъ онъ меня верстъ пятнадцать галопомъ, какъ будто и полегче станеть.

Камнева. Это вы хорошо придумали.

Вбѣгаетъ — Катя.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ; Катя, потомъ Гератьева.

Катя, *быстро кланяется Пружанову*.—Катерина Дмитревна, пожалуйста...

Камнева.—Что это? вы одѣ?

Катя.—Нѣтъ, съ мамашей, она по лѣстницѣ идетъ... (*Оттаскивая Камневу съ стороны*) Милочка, душечка, ангелъ мой, спасительница! ради Бога, сдѣлайте...

Камнева.—Что вы? что вы, Катенька? Что съ вами?

Катя.—Мамаша прѣѣхала къ вамъ просить, чтобъ вы рекомендовали ей для меня другую учительницу; она хочетъ отказать Надеждѣ Ивановнѣ... а я никого не хочу; я хочу мою Надечку, мою милочку...

Камнева.—Она недовольна Надеждой Ивановной?

Катя.—Вчера, вотъ какъ генералъ ушелъ отъ насъ, она рѣшила...

Камнева, *Пружанову*.—Вотъ вамъ первый результатъ вашего вчерашняго спора.

Пружановъ.—Сдурилъ... но вѣдь, и она же... мнѣ очень интересно послушать, что она вамъ будетъ говорить.

Камнева.—Не лучше ли вамъ осѣдлатъ вороного?

Пружановъ.—Нѣтъ, я вѣдь говорить не буду, я буду только слушать.

Камнева.—Ну, смотрите.

Катя.—Катерина Дмитревна, если вамъ мамаша сказала...

Мгновенно обрываетъ рѣчь. Входитъ—Гератьева.

Гератьева, *замѣтивъ Пружанова*.—А! (*Сухо раскланивается*) Къ вамъ, Катерина Дмитревна! (*Подаетъ руку Камневой*).—Бѣда, какъ этикія дѣвицы подростутъ.

Камнева.—Садитесь, пожалуйста. Что прикажете?

Гератьева.—Дайте мнѣ новую учительницу для вашей тѣски; я Мурановой Надеждѣ Ивановнѣ отказываю.

Камнева.—Отчего?

Гератъева.—У нея теперь не то въ головѣ: она въ актрисы готовится.

Камнева.—Это еще неизвѣстно.

Гератъева.—А, вѣдь, я слышала, что она даже и гимназію вашу оставляетъ.

Камнева.—Это неправда. Она продолжаетъ учить, и я опять-таки скажу, что лучше ея у насъ учительницы нѣтъ.

Гератъева.—Ну, такъ все-таки, я ея недовольна.

Камнева.—Скажите, почему?... Мнѣ на-дняхъ она показывала тетрадки вашей дочери, я удивилась: Катенька сдѣлала большіе успѣхи.

Катя.—Не правда ли, я сдѣлала успѣхи большіе, не правда ли?.. Вы читали мое послѣднее сочиненіе про Куликовскую битву?

Гератъева, *Катя*.—Ты молчи, тебя никто не спрашиваетъ. (*Камневой*) Я хозяйка въ своей семьѣ, Катерина Дмитревна, и могу имѣть свои причины неудовольствія. Можетъ быть, она и хорошо учитъ, но вліаніе ея мнѣ не нравится; я нравственно ея недовольна.

Камнева.—Что же она такое сдѣлала?

Гератъева.—Это ужъ мое дѣло.

Камнева.—Конечно, вы въ правѣ поступать, какъ вамъ угодно; но и я въ правѣ спросить: учительница рекомендована вамъ мною, она продолжаетъ учить здѣсь, въ нашей гимназіи, и вы ее такъ сразу вышвыриваете... вы этимъ подрываете и мою рекомендацію, и добрую славу гимназіи.

Гератъева.—Зачѣмъ же вы держите такихъ учительницъ?

Камнева.—Но должна же я знать, чѣмъ Надежда Ивановна мою рекомендацію не оправдывала? Я, какъ начальница гимназіи, должна спросить...

Гератъева.—Извольте, я вамъ скажу. Катя, поди въ рекреационную залу... тамъ подожди... тебя позовутъ, когда надо будетъ проэкзаменовать.

Катя медленно и неохотно уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

ГЕРАТЬЕВА, КАМНЕВА, ПРУЖАНОВЪ.

КАМНЕВА, *олядываясь на Пружанова*.—Можетъ быть, вы хотите наединѣ поговорить со мной... такъ...

ГЕРАТЬЕВА.—Генераль не мѣшаетъ, онъ не красная дѣвица. Ему, можетъ быть, даже интересно послушать. Я недовольна Надеждой Ивановной потому, что послѣ ея театральнаго успѣха, она перестала быть скромной дѣвушкой и вступила на скользкій путь... За ней ужъ тянется цѣлый хвостъ мужчинъ разныхъ обожателей, и въ ея молодые годы это къ добру не поведеть.

КАМНЕВА.—Вы говорите одни предположенія, а не факты.

ГЕРАТЬЕВА.—Какіе же вамъ факты?.. Я сама знаю людей почтенныхъ, съ прекрасной репутаціей, съ высокимъ положеніемъ, которымъ она сумѣла настолько вскружить голову, что, при одномъ разговорѣ о ней, они совсѣмъ теряются и готовы надѣлать и глупостей, и грубостей...

ПРУЖАНОВЪ, *вспыхивъ*.—Вы лжете!! (*Спохватясь*) Виновать, виновать.

КАМНЕВА, *быстро ему*.—Я вамъ говорила, что лучше было осѣдлатъ вороного.

ГЕРАТЬЕВА.—Ха, ха, генераль, спасибо вамъ; спасибо, за скорое подтвержденіе моихъ словъ. (*Камневой*) Ну, слышите? Какіхъ же вамъ еще фактовъ?

ПРУЖАНОВЪ, *мяко и задумчиво*.—За что вы грязните несчастную, ни въ чемъ неповинную дѣвушку?

КАМНЕВА.—Я прошу васъ, Василій Сергѣичъ...

ПРУЖАНОВЪ.—Если вы противъ меня что-нибудь имѣете, ну, на меня и нападайте, а не на нее.

ГЕРАТЬЕВА.—Я ничего противъ васъ не имѣю. Извините, Катерина Дмитревна, что у васъ мнѣ приходится такъ разговаривать; я пользуюсь тѣмъ, что генераль сбавилъ тонъ, это не всегда съ нимъ бываетъ. Я и не васъ имѣла въ виду, Василій Сергѣичъ...

ПРУЖАНОВЪ.—Еще что-нибудь.

ГЕРАТЬЕВА.—Я, право, не сухая, строгая моралистка. Я

прощаю даже довольно сильное увлеченіе не только молодой дѣвушкѣ, — это естественно, но и старику — это бываетъ. Я не могу только простить, когда въ этому примѣшиваются корыстные цѣли, пристрастіе къ деньгамъ... когда молодая натура пользуется своей красотой и дарованіями для матеріальныхъ видовъ.

Камнева. — Ха, ха, ха, — это Наденька-то?

Гератьева. — Тутъ ужъ начинается душевный развратъ.

Камнева. — Ну, относительно Наденьки...

Гератьева. — Она же участвуетъ въ мужицкомъ банкѣ вашего супруга.

Камнева. — Какъ и я. Мы вмѣстѣ провѣряемъ книги.

Гератьева. — Васъ тамъ никогда не видно, а она бываетъ безпрестанно и разговариваетъ съ крестьянами и объясняетъ, и наставленія даетъ.

Камнева. — Не для себя же она хлопочетъ.

Гератьева. — Но умъ ея постоянно направленъ на коммерческія операціи. Добрѣйшая Катерина Дмитревна, вы всѣ младенцы передъ ней. Хитрый человекъ всегда не о себѣ хлопочетъ; но все какъ-то такъ выходитъ, что другіе за него изъ кожи лѣзутъ. Когда ужъ изъ-за ея хорошенькихъ глазокъ молодые люди и разоряются, и даже обираются казну...

Пружановъ, *вспыхивъ*. — Какъ вы можете!? (Опомнись) Нѣтъ — я хотѣлъ спросить: кто же это-съ?

Гератьева. — Вы, ваше превосходительство, не видите и того, что передъ вашими глазами дѣлается; — кто? вашъ же полковой казначей.

Пружановъ. — Семиратовъ? вотъ вздоръ! Да я скорѣй повѣрю, что я самъ обокралъ кого-нибудь.

Гератьева. — Тѣмъ хуже, что она могла довести такого безукоризненнаго офицера до того, что онъ забываетъ свой долгъ.

Пружановъ. — Это клевета! это опять какая-нибудь городская сплетня!

Гератьева. — Милый генераль, нѣтъ дыму безъ огня... откуда же ея папенька достаетъ деньги, чтобы проигрывать ихъ въ карты?

Пружановъ.—Такъ я же вамъ докажу, что это мерзкая сплетня: я сейчасъ же... сейчасъ, съ мѣста, прямымъ путемъ, отсюда, иду сдѣлать внезапную ревизію казначею Семиратову,— и если все окажется на лицо...

Гератьева.—О, тогда другое дѣло.

Камнева.—Вотъ это хорошо, Василій Сергѣичъ, давно бы такъ; вотъ этимъ вы скорѣй заставите замолчать, чѣмъ бранью и споромъ.

Пружановъ.—Не только замолчать,—краснѣть я ихъ заставлю... всѣхъ этихъ разносителей... краснѣть!—если въ нихъ осталась хоть капля совѣсти.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Камнева, Гератьева, потомъ Притолковъ.

Гератьева.—Какой рыцарь, подумаешь. Гляди, чтобы самому краснѣть не пришлось.

Камнева.—Не придется. Я ни на минуту въ этомъ не сомнѣваюсь.

Гератьева.—Ну, Катерина Дмитревна, разговоръ нашъ съ вами конченъ. Я васъ больше о рекомендаціи просить не смѣю. (*Входитъ Притолковъ*) Ахъ, Ѳедоръ Григорьичъ! Только что собиралась къ вамъ обратиться; очень счастлива, что васъ встрѣчаю. Не забудете ли ко мнѣ, родной? Мнѣ крайность съ вами посоветоваться.

Притолковъ.—Всегда къ вашимъ услугамъ.

Гератьева.—Сегодня, можетъ быть, вечеромъ?.. Мнѣ нужно поскорѣй.

Притолковъ.—Сегодня, извольте... въ восемь часовъ.

Гератьева.—Спасибо. Буду ждать непремѣнно. (*Камневой, подавая руку*) Вы на меня не гнѣвайтесь, вы хорошая женщина, достойная всякаго уваженія; но въ настоящемъ случаѣ вы слишкомъ эвальтируетесь, слишкомъ слабы въ своимъ дрянью.

Уходитъ.

Притолковъ.—Она вѣрно что-нибудь о своей дочери.

Камнева.—Богъ съ ней, не до нея мнѣ теперь. Скажите, зачѣмъ повадилось собираться совѣту?

Притолковъ.—Ваша вина, Катерина Дмитревна. Чтобы хорошо вести гимназію, недостаточно одного прилежанія и добросовѣстности. Въ нашемъ дѣлѣ сторониться отъ общества нельзя.

Камнева.—Чтожъ такое намъ готовить?

Притолковъ.—А готовить то, что, кажется, съ госпожей Мурановой придется разстаться.

Камнева.—Мы должны отстаивать ее.

Притолковъ.—Были бы вы, какъ я, вчера на вечерѣ у губернатора, вы бы видѣли, что это едва ли возможно. *(Вздыхаетъ)* Да, большая была ошибка, что мы устроили этотъ спектакль и дали Надеждѣ Ивановнѣ сыграть на сценѣ... До тѣхъ поръ она, правда, не имѣла такихъ горячихъ поклонниковъ, но не имѣла и враговъ; она слишкомъ честна: честному человѣку выдаваться невыгодно. Она не умѣетъ примѣняться къ людямъ.

Камнева.—То-есть, унижаться передъ людьми.

Притолковъ.—Дѣло не въ словѣ, какъ хотите называйте. Пока ея никто не замѣчалъ, въ этомъ не было особенной надобности; но теперь это для многихъ оскорбительно. Тамъ она жениха отбиваетъ, тутъ выказываетъ вражду... презрѣніе... можетъ быть, и справедливое, но неудобное... и такъ далѣе. Послушали бы, что вчера про нее говорили!.. И намъ съ вами досталось... я оборонялся, какъ могъ,—что сдѣлаешь противъ общаго говора?

Камнева.—Неужели вы допустите, чтобъ она ушла?

Притолковъ.—Допущу не я, а всегдашнее наше безсиліе. *(Входятъ—Жирунинъ и Сердюковъ)* Никита Степаныч!

Здоровается со всеми.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Жирунинъ и Сердюковъ, потомъ Бѣлогорская.

Жирунинъ.—Что, не всѣ еще собравши?

Притолковъ.—Анны Петровны нѣтъ.

Жирунинъ.—Вотъ тебѣ, господинъ директоръ, получи прибавочку маленькую: пятьсотъ рублей,—въ кассу женской гимназіи. У меня дѣло удачное выгорѣло, такъ я, по обѣщанію, жертвую.

Притолковъ.—Это вамъ дѣлаетъ честь.

Жирунинъ.—Я на образованіе всегда готовъ; только вести его должно въ правилѣ. Такъ что ли, Илья?

Сердюковъ.—Какъ же-съ иначе?

Входитъ—Блѣоярская.

Блѣоярская.—Я не опоздала?

Жирунинъ.—Поджидаемъ васъ, пожалуйста. Прикажите, госпожа начальница, садиться. Долго-то тутъ проклажаться некогда.

Всѣ садятся къ столу.

Блѣоярская, садясь.—Ахъ, какъ я нездорова сегодня! со-всѣмъ ужъ не хотѣла и ѣхать.

Жирунинъ.—Ну-съ, извольте докладывать.

Притолковъ.—Вотъ, госпожа попечительница просила собрать совѣтъ, въ виду того, что нѣкоторые члены его, слѣдя за преподаваніемъ у насъ въ гимназій, находятъ кое-что не отвѣчающее ихъ взглядамъ.

Блѣоярская.—Но васъ, Катерина Дмитревна, я очень уважаю. Я обязанностью ставлю себѣ сказать, что изъ-за васъ мнѣ это очень неприятно.

Камнева.—Вы, какъ будто передо мной въ чемъ-то провинились?

Жирунинъ.—Нечего намъ въ окоlescную-то разѣзжать, скучно очень, лучше прямо говорите. Учительница ваша намъ не нравятся, госпожа Муранова, и желаемъ мы, чтобъ вы ее уволили.

Камнева.—Я ждала, что мнѣ это скажутъ, я уже кое-что слышала; но также прямо отвѣчу, что я противъ этого протестую. Я не нахожу ничего такого, въ чемъ бы могла упрекнуть Надежду Ивановну,—не только, чтобъ ее уволить, но даже, чтобъ ей сдѣлать самое малѣйшее замѣчаніе. Я надѣюсь, что Федоръ Григорьичъ подтвердитъ мои слова, какъ начальникъ ея, какъ человѣкъ близкій дѣлу.

Притолковъ.—Не я обвиняю Надежду Ивановну; надо прослушать, въ чемъ ее обвиняютъ.

Жирунинъ.—Мы-съ главной причиной желаемъ, чтобъ наши **горькане** дочерей своихъ воспитывали въ правилѣ. Такъ ли, Илья?

СЕРДЮКОВЪ.—Основательно-съ.

ЖИРУНИНЪ.—Въ почитаніи божественнаго Промысла, конемъ судьбы человѣческія устроятся... кого Онъ возвеличитъ, кого низведетъ, такое всякому уваженіе, какъ старшему и власть имѣющему.

КАМНЕВА.—Все это касается меня, а не Надежды Ивановны; я начальница гимназіи, я веду ее, я слѣжу за воспитаніемъ.

ЖИРУНИНЪ.—Чтожъ? И вамъ упрекъ этотъ сдѣлаемъ, коли вы свозомъ пальцы смотрите, что учительницы ваши людей, всѣми почтенныхъ, не уважаютъ; да еще отстаиваете ихъ. Такъ ли, Илья?

СЕРДЮКОВЪ.—Ихъ, госпожу Муранову, въ праздникъ, въ Христовъ день... Или ужъ послѣ сказать?

ЖИРУНИНЪ.—Нѣтъ, говори, говори.

СЕРДЮКОВЪ.—Въ Христовъ день ихъ видѣли въ самую обѣдню, какъ они на фортепьянахъ дубасили; всѣмъ проходимъ на соблазнъ.

ЖИРУНИНЪ.—Ну, вотъ извольте: нѣшто вашимъ воспитанницамъ не надо внушать къ такому грѣху отвращеніе?.. вы на ее, какъ на примѣръ дурного, показать должны,—какая-жъ она у васъ наставница?

БЪЛЮАРСКАЯ.—Господи! Катерина Дмитревна, я, вѣдь, вы знаете,—я Наденьку обожала!.. я распинаться готова была за нее,—и что я заслужила? Судите сами, какую благодарность?.. Нѣтъ, милая, не спорьте, это тяжело.

КАМНЕВА.—Вамъ пуще всего нужна благодарность.

ЖИРУНИНЪ.—Извѣстно нужна!—а то нѣтъ?.. Благодарность первѣйшая добродѣтель. Нѣшто неблагодарный-то человѣкъ можетъ юношеству настоящія чувства преподавать?.. Такъ ли, Илья?

СЕРДЮКОВЪ.—Какія ужъ чувства, помилуйте.

КАМНЕВА.—Господа, вы меня извините, но я здѣсь вижу какое-то предвзятое соглашеніе,—очень обидное для меня. Мнѣ поручили вести гимназію, заботиться объ успѣхахъ ученицъ; право, вы слишкомъ легко смотрите на это. Вы хотите у меня отнять лучшую учительницу. Такъ, по какимъ-то глухимъ обвиненіямъ, вы забываете ея достоинства... ихъ не такъ легко найти, повѣрьте мнѣ. Мы долго искали учительницъ, съ трудомъ

онѣ намъ достались, пока, наконецъ, вотъ теперь, мы всѣ спѣлись, и дѣло пошло ладно. Нельзя такъ легко смотрѣть... Что вы для гимназій? Вы здѣсь не работаете, вы нашей работы и не знаете...

Жирунинъ.—Мы деньги даемъ, безъ нашихъ денегъ и работы вашей не надо.

Камнева.—Правда; но не затѣмъ вы деньги даете, чтобъ онѣ даромъ пропадали. Вы видите, что есть прокъ въ вашихъ деньгахъ. Анна Петровна, вы начали съ того, что мнѣ доверяете... вы сколько разъ цѣловали меня съ такой радостью, когда кое-кто изъ родителей приходилъ благодарить васъ за своихъ дѣтей... вы знаете, наше дѣло трудное, — помогите мнѣ; не будьте такъ мелочны, чтобы, можетъ быть, изъ-за какого-нибудь невниманія Наденьки...

Блоярская.—Ахъ, та сѣге, я Наденьку обожаю, — но чтожъ мнѣ дѣлать? Она своимъ капризнымъ характеромъ вооружила всѣхъ въ городѣ... вчера даже губернаторъ назвалъ ее экзальтированной... Да что скрывать — онъ прямо такъ-таки и сказалъ: «она намъ не ко двору...» Понимаете ли вы это?.. а я не могу ссориться съ губернаторомъ, я черезъ него много добра дѣлаю.

Камнева.—Федоръ Григорычъ, что же вы-то молчите? Заступитесь же и вы, скажите ваше слово; вы знаете, какъ намъ Надежда Ивановна необходима.

Притолковъ.—Катерина Дмитревна, я очень жалѣю, что не совсѣмъ буду вторить вамъ.

Камнева.—Какъ?

Притолковъ.—Васъ увлекаетъ ваша привязанность къ госпожѣ Мурановой, это высокая черта, — я вполне цѣню и васъ, и ваши старанія, и ея трудъ; но мы должны еще смотрѣть на дѣло немножко со стороны. Слишкомъ хорошія преподавательницы, такія талантливныя натуры, для иного учебнаго заведенія, право, — еще не знаешь, что онѣ: больше ли пользы приносятъ, или больше вреда?

Камнева.—Это какъ же?

Притолковъ.—Такое учебное заведеніе, какъ наше, должно идти ровно, плавно, безъ скачковъ, — пусть лучше не слишкомъ блестяще, но прочно. Что нужно нашимъ дѣвцамъ, дочерямъ всѣхъ этихъ семействъ нашего городка? — Немножко знанія, развѣтствія, честнаго взгляда... любви къ ближнему... добродѣтелей,

скажемъ такъ, — обыденныхъ. Надежда Ивановна преподавательница выдающаяся; она умѣетъ увлечь, заинтересовать ученицъ, — можетъ быть, ея актерскій талантъ этому помогаетъ, — но, прежде всего, она преподавательница ненадежная; ее можетъ урвать у насъ другая карьера, — и кѣмъ же тогда мы ее замѣнимъ?.. Послѣ хорошаго дать худшее, — оно покажется хуже, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, и новую преподавательницу не будутъ ни уважать, ни слушать.

Камнева. — И за это хотятъ ее выгнать?

Притолковъ. — Потому... ей-Богу, трудно сказать... Еще вопросъ: хорошо-ли, что наши ученицы слишкомъ увлекаются наукой?... Мы ихъ возвращаемъ въ бѣдную семью, гдѣ онѣ должны варить щи и штопать чулки. Страсть къ наукѣ для многихъ изъ нихъ лишняя обуза, лишнее горе.

Жирнинъ. — Умно говорить, вѣрно, справедливо.

Притолковъ. — Мы, можетъ быть, не имѣемъ права давать нашимъ ученицамъ такихъ хорошихъ преподавательницъ, — наше общество не доросло до хорошихъ.

Камнева. — И вы! и вы тоже?!.. Нѣтъ, мое дѣло труднѣе, чѣмъ я думала. Вы, однако, прежде не боялись этого, — вы соглашались, что развитая дѣвушка внесетъ свое развитіе и въ свою бѣдную обстановку... что хорошо повліяетъ... Анна Петровна, у насъ бывали такіе примѣры; мы съ вами не разговаривали объ этомъ... О! вы ловко придумали ваше объясненіе, Федоръ Григорьячъ; но это новость для меня, — вы прежде не боялись, что наши ученицы будутъ слишкомъ много знать.

Притолковъ. — Я ставилъ вопросы, я не говорилъ утвердительно.

Дверь въ глубинѣ широко растворяется; видна группа двочекъ, которыя разступились, чтобы пропустить Надю. Она входитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Надя и дѣти.

Надя, *останавливая двочекъ у порога.* — Сюда нельзя, дѣточки, сюда нельзя.

Дѣти. — Прощайте, Надежда Ивановна, прощайте!.. завтра пораньше приходите!

Камнева. — Вот и она, ваша подсудимая, и вот какъ ее провожаютъ ученицы каждый день! — если это вредъ, то я ничего не понимаю въ воспитаніи.

Дѣти скрываются. Дверь затворяется.

Жирунинъ. — Конечно, вредъ. Дѣти должны знать, кому большій почетъ: главному начальству, или низшему. Они вонъ въ совѣтъ прибѣжали, въ квартиру начальницы, безъ спросу, да еще кричать.

Сердюковъ. — Это значитъ, Никита Степанычъ, все, чай, тоже таланты будутъ.

Жирунинъ. — Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ, прости Господи!.. словно мы тутъ совсѣмъ ужъ не хозяева!.. смѣнить наемную учительницу не можемъ, которая, она, за наши деньги насъ же передъ ученицами, можетъ стать, мерзавцами выставляетъ.

Сердюковъ. — Какъ же мы смѣемъ, помилуйте... мы только плати, да помалчивай.

Жирунинъ. — Вишь ты! безъ госпожи Мурановой и заведеіе закрывай.

Надя. — Извините, господа, я вошла не спросясь; я не знала, что здѣсь совѣтъ... но такъ какъ дѣло, кажется, касается меня, позвольте мнѣ сказать... я очень жалѣю, что тутъ говорили обо мнѣ, и спорили, когда, можетъ быть, и не нужно было говорить, потому что я сама рѣшила просить васъ, Ѳедоръ Григоричъ, чтобъ вы меня уволили.

Камнева. — Зачѣмъ, Надя, зачѣмъ?

Надя. — Такъ нужно.

Жирунинъ. — И чудесно... Что вамъ такимъ пустякомъ заниматься? вы сами теперь въ торговыя операціи пустились, банкирскія конторы заводите.

Сердюковъ. — На всѣ руки.

Жирунинъ. — Да еще съ насъ же, съ болвановъ, умѣете браслеты получать. Что смотрите? — себя болваномъ назвалъ, чего же вамъ еще?.. Пойдемъ, Илья. Прощенья просимъ.

Сердюковъ. — Пойдемте-съ.

Кланяется. Оба уходятъ.

Бзлюгская. — Наденька, я не противъ васъ; ей-Богу, въ душѣ не противъ васъ... я вамъ все прощаю... Господи, какъ

у меня голова разболѣлась. Но отчего вы такая капризная?.. Приходите ко мнѣ, я для васъ куда угодно поѣду, и буду просить... только перестаньте такъ капризничать, не оскорбляйте всѣхъ. Ахъ, какъ голова болитъ!.. Катерина Дмитревна, ангель добродѣтельный, заѣжайте ко мнѣ, пожалуйста, мы обговоримъ это, мы для нея сдѣлаемъ.

Уходитъ.

Притолковъ.—Я вижу, вы на меня сердиты.

Камнева.—О! не оправдывайтесь!

Притолковъ.—Самый злой преступникъ имѣетъ на это право; а я и не преступникъ, я даже доброжелатель. Еслибъ вы не такъ страстно отосились къ дѣлу, вы были бы дальновиднѣе. Лучше потерять одного учителя, хоть и хорошаго, чѣмъ потерять все училище и съ этимъ учителемъ вмѣстѣ.

Камнева.—Полноте; гимназію не закроютъ.

Притолковъ.—Но насъ съ вами могутъ тоже отстранить.

Камнева.—Оттого и могутъ, что мы бессильны,—и оттого мы бессильны, что всегда сейчасъ уступаемъ.

Притолковъ.—Подумайте только, въ чьи руки тогда попадетъ воспитаніе бѣдныхъ дѣтей.

Камнева.—Не о воспитаніи вы заботитесь, а о своемъ мѣстѣ.

Притолковъ.—Я буду продолжать нашъ разговоръ, когда пройдетъ ваше раздраженіе.

Уходитъ.

Камнева.—Надя, я сердита на васъ. Я не позволю такъ отпустить васъ,—по крайней мѣрѣ, пока вы для себя ничего лучшаго не придумали и можете намъ служить.

Надя.—Я не буду въ состояніи...

Камнева.—Стыдитесь такъ отказываться, зря,—изъ-за того, что какой-нибудь Жюруинъ на васъ напустился; еще онъ не все... Больше энергіи, Надя. Я поѣду въ губернатору, онъ нашъ почетный попечитель... я поспорю, я не допущу...

Надя.—Не дѣлайте этого,—все равно, я ни за что не останусь...

Камнева.—А! какъ рѣшительно сказано. До того ужъ дошло ваше отчаяніе, такъ вы упали духомъ!?

Надя.—Нужно гораздо больше энергии, чтобъ отказываться, чѣмъ, чтобъ настаивать и остаться во что бы то ни стало.

Камнева.—Почему это?

Надя.—Вѣрите мнѣ на слово.

Камнева.—Съ какихъ же поръ вы перестали быть со мной откровенной?.. И что я такое вамъ сдѣлала, что вы отъ меня отворачиваетесь?

Входитъ—Камневъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Камневъ.

Камневъ.—Я васъ еще засталъ; очень радъ.

Надя.—Что случилось? вы не ѣдете въ уѣздъ.

Камневъ.—Мнѣ въ управѣ сказали, что тутъ безобразіе творится, въ вашей гимназіи. (*Женѣ*) Надежду Ивановну хотѣтъ исключить?

Надя.—Вѣдь вамъ было необходимо ѣхать.

Камневъ.—Необходимо то, что важнѣе.

Камнева.—Такъ уговори ее, она сама отказывается отъ мѣста... уговори!.. она тебя теперь и больше слушаетъ, и больше любитъ, чѣмъ меня.

Надя.—Ни вы, ни онъ, никто! Когда я на что-нибудь рѣшилась...

Камнева.—Послѣ всей нашей работы вдвоемъ, Надя, послѣ всего, что вмѣстѣ вытерпѣли, послѣ всего!.. вамъ такъ ни почему бросить меня? Я не ждала этого.

Идетъ въ комнату.

Надя, *останавливая ее*.—Куда вы... уходите?

Камнева.—Въ классы, заниматься дѣломъ. Что же мнѣ даромъ тратить время и уговаривать?—вы такъ увѣренно предупреждаете, что это напрасно.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

КАМНЕВЪ И НАДЯ.

КАМНЕВЪ.—Вамъ не хотѣлось, чтобъ она ушла? вы точно испугались разговора со мной?

НАДЯ.—Мнѣ нечего говорить.

КАМНЕВЪ.—Вы стали избѣгать меня, дорогой мой другъ. Съ самаго нашего праздника мнѣ не приходилось ни разу встрѣчаться съ вами одинъ на одинъ. (*Надя пожимаетъ плечами и садится*). Если вамъ нечего говорить, такъ мнѣ есть что сказать. Зачѣмъ же это вы отказываетесь отъ мѣста? Какъ будто не успѣете потомъ, когда мы убѣдимся, что невозможно васъ отстоять.

НАДЯ.—Къ чему тянуть?.. Я не стану мѣняться и никогда не полажу съ этими вліятельными. Они хотятъ распоразжаться мной, какъ пріятной находкой; мое непокорство ихъ оскорбляетъ. Я буду для нихъ вѣчнымъ бѣльмомъ на глазу, пока меня не выживутъ. Это только запутаетъ дѣла гимназіи.

КАМНЕВЪ.—Что же вы хотите съ собой дѣлать?

НАДЯ.—Я уѣду въ Москву.

КАМНЕВЪ.—Въ Москву?.. Такъ вотъ гдѣ главная причина!.. Совсѣмъ прочь отсюда? Въ Москву, какъ въ темный лѣсъ... у васъ тамъ нѣтъ ни знакомства, ни дѣла; да еще съ этимъ волчьимъ листомъ, съ рекомендаціей: выгнанная изъ гимназіи.

НАДЯ.—О! я пробьюсь!.. да у меня и не одна дорога. Есть мѣсто, гдѣ волчій листъ недействителенъ: театр!.. Что вы пожимаете плечами?

КАМНЕВЪ.—Васъ это не удовлетворитъ. Вамъ нужно серьезное дѣло.

НАДЯ.—Развѣ театръ не серьезное? развѣ сцена не искусство?.. развѣ не высокое наслажденіе знать, что вотъ собралась ради тебя цѣлая толпа народу и слушаетъ тебя... все живые люди: каждый принесъ съ собой въ душѣ свое горе и свои радости, а ты въ самую жизнь ихъ врываешься!.. Ты имъ даешь хорошія мысли, хорошія чувства... они смѣются съ тобой вмѣстѣ, они съ тобой вмѣстѣ плачутъ... они расходятся обновленные, успокоенные отъ ежедневныхъ тревогъ... нѣтъ! — театръ серьезное дѣло, и не мало счастья въ немъ можно найти.

Камневъ.—Еслибъ онъ былъ дѣйствительно таинимъ...

Надя.—Это отъ насъ зависить.

Камневъ.—Какъ же, отъ васъ!—ну что вы говорите!.. Чтобъ дѣло шло, нужны сборы, нужны аплодисменты; вы зависите отъ директора и отъ публики, вамъ придется потворствовать и подчиняться всякимъ безсмыслицамъ.

Надя.—Можно спорить.

Камневъ.—Увидите, можно ли. Васъ заставить насиловать себя. Вы хотите правды, а вамъ навяжутъ фальшивыя чувства; вы понимаете, что тутъ и тамъ какая-то подтасовка, чтобъ только огорошить эту любимую вами толпу... ее такъ легко огорошить: нѣсколько пустыхъ словъ, кривнутыхъ громко,—и довольно... вы чувствуете, что тутъ и ложь, и какой-то безпутный вздоръ, что вы обманываете себя и ихъ,—и за обманъ вамъ рукоплещуть... другому это и любо и весело; но вамъ будетъ гадо въ такой успѣхъ. Какое же тутъ счастье?—тутъ страданье.

Надя.—Не всегда же такъ и не вездѣ.

Камневъ.—А выдаться хорошій моментъ, такой, какого вы ждете, такъ и тотъ потонетъ въ цѣломъ морѣ пустяковъ и драми: въ закулисныхъ дразгахъ, въ грошевой борьбѣ изъ-за роли, изъ-за лишняго вызова, изъ-за лишней копѣйки жалованья... да вы измаетесь отъ этой жизни, вы проклянете ее.

Надя.—Измаюсь—уйду. Это не причина, чтобъ оставаться здѣсь.

Камневъ.—Ну, да, я знаю, что нѣтъ у меня сильныхъ, вѣскихъ доводовъ противъ вашего отъѣзда. Вы сказали, что пробьетесь,—правда, вы пробьетесь, гдѣ бы ни были и за что бы ни взылись... станеть вамъ, что не по сердцу, бросите и схватитесь за другое,—гдѣ будете вы, тамъ ужъ будетъ свѣтло... но я готовъ предсказать вамъ самыя тяжелыя невзгоды, — потому что мнѣ ужасно жалко потерять васъ... и я не отговариваю,—я прошу: останьтесь съ нами.

Надя.—Не могу я остаться.

Камневъ.—Въ Москвѣ много народу, и хорошихъ людей больше, чѣмъ здѣсь. Не бросайте наше бѣдное захолустье: здѣсь каждый шагъ вашъ будетъ благословеньемъ. Останьтесь съ нами, мы вамъ найдемъ работу... уже одно то, что вы будете здѣсь,—и этого много.

Надя.—Вы слишкомъ торопливо предугадываете.

Камневъ.—Намъ нуженъ вашъ честный, прямой взглядъ на все, ваша неутомимая выдержка, ваша сила сдѣлать такъ, какъ хотите. Вы думаете, я не понялъ, почему вы такъ заботливо меня избѣгаете?—не понялъ, что въ тотъ разъ, въ наше послѣднее свиданье, вы обошли меня, какъ мальчишку, какъ школьника?—что вы нарочно, безжалостно разрѣзали себѣ руку, чтобъ не дать мнѣ высказать... (*Надя дѣлаетъ движеніе, она крѣпко схватываетъ ее за руку*) Вы не уйдете, вы теперь меня не оставите: я люблю васъ, Надя!.. Я люблю васъ; но — вы этого не бойтесь.

Надя.—Видите, что по прежнему жить нельзя.

Камневъ.—Можно. Этотъ порывъ не повторится... не оскорбляйтесь, не презирайте меня... это сорвалось съ языка, меня душило это слово, но больше никогда я его не произнесу, и ни для кого, ничего дурного оно не принесетъ.

Надя.—Ни для кого!.. какъ легко это сказать!

Камневъ.—Навѣрно не принесетъ, дорогая моя... ничто не измѣнится, никто объ этомъ знать не будетъ, и вы увидите, что вы сами объ этомъ скоро забудете.

Надя, *крайне взволнованная*. — Ахъ! Отчего это все такъ слагается... такъ все... (*Входитъ Мурановъ, она стремительно бросается къ нему*) Спасибо, что пришелъ. Уведи меня!.. увези меня, куда-нибудь! куда хочешь!..

Быстро уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Мурановъ и Камневъ.

Мурановъ.—Что такое съ ней?

Камневъ.—Ее принудили выйти изъ гимназіи.

Мурановъ.—Навонецъ-то! слава Богу.

Камневъ.—Она хочетъ совсѣмъ уѣхать отсюда, въ Москву.

Мурановъ.—Конечно. Больше-то что же?

Камневъ.—Я уговаривалъ ее остаться здѣсь.

Мурановъ, *съ досадой*.—Вы?.. Зачѣмъ?.. Вы, Владиміръ

Андрейчъ, или слѣпы, или, простите, при всей вашей хвальной честности, вы не хуже каждаго изъ насъ, умѣете себя ублажать.

Камневъ.—Въ чемъ?

Мурановъ.—Такъ вы не видите, что ей не слѣдъ здѣсь оставаться? вы не видите, что она влюблена въ васъ?

Камневъ.—Съ чего вы взяли?

Мурановъ.—О, будьте увѣрены, мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго удовольствія вамъ это докладывать. И безъ того мы съ ней кругомъ запутаны, и въ денежномъ отношеніи, и въ общественномъ; эта любовь во вредъ всей ея карьерѣ...

Камневъ.—Да это вамъ кажется...

Мурановъ.—Я бы руку отдалъ на отсѣченіе, чтобъ мнѣ доказали противное, но въ этихъ вещахъ у меня зоркій взглядъ, и скажи мнѣ она сама, что я ошибаюсь, я ей отвѣчу: дитя мое, я это лучше тебя знаю,—ты влюблена.

Камневъ.—Мнѣ казалось: она тревожится за другихъ, не за себя.

Мурановъ.—Вамъ, конечно, легко прибрать объясненія, какія нужны и пріятны: сочувствіе взглядамъ, сочувствіе къ дѣлу и всякія такія хорошія вещи... но я отецъ, мнѣ обманывать себя не для чего; я вижу, что она любитъ васъ, и предупреждаю: вы вашей работой «рука объ руку» играете опасную игру.

Камневъ.—Никто отъ этого не пострадаетъ.

Мурановъ.—Пострадаете и вы, и ваша жена, и Надя. Не вводите себя и ее, не уговаривайте ее остаться, оборвите съ ней всякія сношенія, умоляю васъ—это будетъ невѣжливо, но добродѣтельно... Вы не высоко ставите мое мнѣніе, — хорошо: принимайте мои слова, какъ пустой намекъ; только не пренебрегайте ими... разслѣдуйте ихъ сами, поговорите съ вашей женой. Вѣдь, и умный человѣкъ, когда не хочетъ, не замѣчаетъ того, на что подчасъ какой-нибудь дуракъ его натолкнетъ; а я еще къ тому же—и не дуракъ.

Входятъ—Камнева и Надя.

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ же, Камнева и Надя.

Камнева, *мужу*.—Зачѣмъ ты обижаешь мою Надю? Я ее застала въ прихожей; ищеть свою шляпу, вся растерянная, внѣ себя...

Надя, *въ сильномъ волненіи, но стараясь сдержать себя и улыбаться*.—Нѣтъ... вы не подумайте, что я сержусь на васъ, или, какъ вы сказали, дурно о васъ думаю... нѣтъ, нѣтъ,—совсѣмъ не то... я просто чувствую, что ужь очень я слаба... не по силамъ; должно быть, мнѣ всѣ эти передраги, съ тѣхъ поръ, какъ я стала... знаменитостью... ха, ха, ха... до свиданья!

Камневъ, *схватываетъ ее за руку и нѣсколько мгновеній упорно глядитъ ей въ глаза*.—Прощайте.

Надя быстро и молча пожимаетъ руку Камневой и, молча, не оглядываясь, уходитъ; Мурановъ за ней. Камневы неподвижно слѣдятъ за Надей.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Въ квартирѣ Мурановыхъ. МУРАНОВЪ входитъ, приближается къ двери Нади, прислушивается, потомъ глядитъ въ щелку. Затѣмъ, отойдя, говорить въ среднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ I.

МУРАНОВЪ и СЕМИРАТОВЪ.

Мурановъ.—Войдите, нивого нѣтъ. (*Входитъ Семиратовъ*). Къ чему эта таинственность?

Семиратовъ.—Нѣтъ, я не могу, я не могу...

Мурановъ.—Если у васъ какой-нибудь секретъ, такъ вѣдь всегда можно перемѣнить разговоръ, когда это войдетъ.

Семиратовъ.—Я совсѣмъ какъ пришибленъ, всѣ мысли разбиты, я боюсь выдать себя при постороннемъ... Особенно передъ Надеждой Ивановной... мнѣ такъ совѣстно, я боюсь ей на глаза показаться. Ея нѣтъ?

Мурановъ.—Она тамъ у себя, да ей теперь не до васъ, она ничего не замѣтитъ. Говорите,

Семиратовъ.—Вы не слыхали, что со мной случилось?

Мурановъ.—Я слышалъ. Вамъ третьяго дня сдѣлали внезапную ревизию, и у васъ не оказалось тѣхъ денегъ, что вы мнѣ дали займы,—полутора тысячь казенныхъ полковыхъ денегъ не достигались.

Семиратовъ.—Я пропалъ.

Мурановъ.—Расскажите подробно, съ чего это генералу вздумалось дѣлать ревизию?

Семиратовъ.—Это-то всего ужаснѣе. Все мадамъ Гератьева, со зла, что онъ не женился на ея сестрѣ,—стала передъ нимъ хулить Надежду Ивановну... свреной ее выставляла.

Мурановъ.—А генераль вступился?

Семиратовъ.—Да; но вѣдь вы знаете, какъ онъ вступается; онъ сейчасъ ругаться начинаетъ. Раскричался, разругался, дерзостей наговорилъ...

Мурановъ.—Избави Господи отъ такихъ друзей!

Семиратовъ.—Тогда мадамъ Гератьева и указала на меня, что будто я истратилъ на Надежду Ивановну казенныя деньги. Ну, генераль еще пуще разсвирѣпѣлъ, потому что онъ меня уважаетъ... меня въ полку всѣ уважаютъ; меня назначаемъ выбирали такъ ни единого человѣка противъ меня не было; я очень аккуратенъ, умѣю жить, не пью, не курю, ничего такого.

Мурановъ.—Такъ изъ-за этой ссоры онъ и вздумалъ сдѣлать ревизию?

Семиратовъ.—Чтобъ довазать несправедливость ея словъ... анъ вышло вонъ что: полутора тысячь не нашли.

Мурановъ.—Вы сказали, что мнѣ отдали эти деньги?

Семиратовъ.—Сохрани Господи!—нѣтъ. Что бы тогда подумала Надежда Ивановна?.. мнѣ и то страшно, что ее тутъ загишали. Я сказалъ, что я самъ истратилъ,—и не сказалъ куда... чортъ-знаетъ! и выдумать ничего не успѣлъ, такъ это кругъ случилось.

Мурановъ.—Чтожь теперь съ вами будетъ?

Семиратовъ.—Велѣно въ отставку подать. Вотъ я за этимъ-то и пришелъ. Сегодня-то все это поулеглось, и какъ меня въ полку

всѣ любятъ, то мнѣ сказано, что въ формуляръ этого ничего не внесутъ и отставятъ по прошенію, только бы я деньги сейчасъ внесъ... Вѣдь это очень важно для меня, вѣдь такъ я могу чрезъ годъ куда-нибудь въ другой полкъ опять на службу поступить. Отсюда, я знаю, мнѣ дадутъ аттестатъ хорошій... только вотъ бы деньги. Я далъ вамъ ихъ всего дней пять назадъ, такъ я думаю вы не успѣли истратить всего-то... и я хотѣлъ просить...

Мурановъ.—У меня вашихъ денегъ ужъ больше нѣтъ; я ихъ въ тотъ же вечеръ проигралъ въ карты.

Семиратовъ.—Всѣ?.. цѣликомъ?

Мурановъ.—Всѣ.

Семиратовъ.—Я пропалъ!

Мурановъ.—На шулера наткнулся.

Семиратовъ.—И какъ скверно попался, —ужъ лучше бы меня на войнѣ убили.

Мурановъ.—Не падайте духомъ, не унижайте себя!—что это?.. мы оба хотѣли сдѣлать хорошо и для счастья Наденьки, —мы за нее страдаемъ. Несчастье со всякимъ можетъ случиться. Что, Бѣлоарская объ этомъ знаетъ?

Семиратовъ.—Вчера ея не было въ городѣ; узнала, такъ теперь.

Мурановъ, *вынимаетъ письмо*.—Покажите же сейчасъ къ ней и передайте ей это письмо. Тутъ я ей рассказываю все откровенно, безпощадно къ себѣ. Я прошу ради Наденьки за насъ и за васъ. Анна Петровна любитъ кающихся, она поможетъ.

Семиратовъ.—Но что же мнѣ ей говорить...

Мурановъ.—Спрячьте, спрячьте письмо!—Надя идетъ.

Входитъ—Надя.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Надя.

Семиратовъ, *торопливо прячетъ письмо, смущенный*.—Ахъ, Надежда Ивановна!.. извините, что я къ вамъ пришелъ... можетъ быть, не во время... я только съ визитомъ, узнать о здорově... или не съ визитомъ, а, признаться, по дѣлу...

Надя.—Что вамъ?

СЕМИРАТОВЪ.—Ничего-съ особеннаго... такъ на счетъ... пустяковъ... хотѣлось Ивана Семеныча повидать... (*Раскланиваясь*) Очень радъ... больше не смѣю задерживать. Такъ я поѣду, Иванъ Семенычъ.

МУРАНОВЪ.—Прощайте.

СЕМИРАТОВЪ.—Надежда Ивановна... мое почтеніе... извините, что задержалъ... нѣтъ, ничего, извините.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Надя и Мурановъ.

Надя.—Какія у тебя съ нимъ дѣла?

Мурановъ.—Никакихъ. Глупый человѣкъ сболтнулъ, потому что засталъ тебя не въ духѣ.

Надя.—Я шла сюда: что-то спросить тебя хотѣла,—и забыла.

Мурановъ.—Душа моя, не обсудить ли намъ немножко наше дальнѣйшее будущее? нашъ отъѣздъ?.. поговоримъ пожалуйста.

Надя.—Нѣтъ. Я еще ничего не рѣшила. (*Энергически, съ досадою*) Я киснуть начинаю! это меня бѣситъ, это хуже всего... Затѣмъ я не иду въ гимназію вотъ уже третій день? зачѣмъ я тутъ сижу, не выходя изъ комнаты?.. Мнѣ надо видѣть Катерину Дмитревну и Владиміра Андрееча, чтобъ они прогнали мою вялость... И они сюда не идутъ! точно я что-то сдѣлала дурное, точно мы поссорились.

Мурановъ.—Имъ вѣроятно неловко.

Надя.—Почему? что такое неловко?.. только-что оба усердно упрашивали меня остаться съ ними... и полезна-то, и дорога-то я имъ,—и вотъ сами оставляютъ одну, совсѣмъ одну, по цѣлымъ днямъ, въ такую минуту!.. то я нужна, то меня видѣть не хотятъ.

Мурановъ.—Можетъ быть, у нихъ есть основательныя причины?

Надя.—Ты что-нибудь знаешь? ты что-нибудь говорилъ съ ними?

Мурановъ.—Я подозрѣваю.

Надя.—Папá, какъ я не терплю въ тебѣ эти полуслова.

Мурановъ.—Надя, мнѣ все приходится выжидать съ тобою: въ какое время, что и какъ тебѣ сказать. Ты такая нервная и такъ со мной неоткровенна, что, право, иной разъ страшно становится...

Надя.—Ты говорилъ съ ними?

Мурановъ.—О томъ, Надя, что разрываетъ на части мою душу. Я вижу, мой ангелъ, что тебя всю охватило несчастное чувство,—ты полюбила Владимiра Андуренча.

Надя.—Ты имъ сказалъ?..

Мурановъ.—Нуженъ же исходъ всему этому... Вы всё трое такіе прекрасные люди, что сами бы и не догадались, и Богъ знаетъ, къ чему бы это привело,—но на мнѣ опытъ жизни положилъ тяжелые слѣды: я сразу замѣтилъ, что вы идете въ пропасти... я говорилъ съ нимъ, и послѣ говорилъ и съ ней. Я заставилъ ихъ серьезно надъ этимъ призадуматься.

Надя.—По какому праву? почему ты знаешь?.. И за это они отстранились отъ меня?.. оба?.. и они тоже?.. (*Со внезапно хлынувшими слезами*) Папá, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?!

Мурановъ.—Надежда, чистое существо, пойми же, что это для твоего же блага... Порви прошлое, уѣдемъ въ Москву... пойдетъ новая жизнь, новые люди; ты будешь окружена роскошью и обожателями...

Надя.—Оставь, папá.

Закрываетъ лицо руками.

Мурановъ.—Ну, не буду, не буду, молчу.

Отступаетъ и видитъ входящую Пружанова. Мурановъ дѣлаетъ ему таинственный знакъ рукой.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Пружановъ.

Пружановъ, *тихо*.—Что?

Мурановъ, *тихо ему, пожимая руку*.—Ради Бога, ни слова о Семиратовѣ, она ничего не знаетъ.

Пружановъ.—Когда-нибудь да узнаетъ.

Мурановъ.—Только не теперь; она очень разстроена.

Пружановъ.—Ей-то что?.. (Подойдя къ Надѣ) Здравствуйте, Надежда Ивановна... (Надѣ миновенно очнулась и подаетъ руку) Печальная,—скажите!.. и слезы даже... Теперь ужъ поздно улыбаться, я васъ поймалъ, не сплугуете; это улыбка дипломатин. Не смѣйте печалиться, ха, ха... вы видите: истинные друзья васъ не оставляютъ въ несчастьи.

Надѣ.—Жалкій привѣтъ, жалкое утѣшеніе!.. Очень ужъ должно быть я несчастна, если мнѣ нужно это говорить.

Пружановъ.—Ну вотъ, опять придралась къ словамъ. Все къ словамъ придирается. Я хотѣлъ похвастаться, что я такой хорошій: вотъ прихожу...

Надѣ.—Неужели я такая отверженная, что придти ко мнѣ ужъ есть подвигъ храбрости и великодушія?

Пружановъ.—Я всегда, какъ начну оправдываться, все въ кулъба въ рогожку попаду... а сегодня, при моемъ замѣшательствѣ, совсѣмъ легко меня загонять.

Мурановъ.—Да вы, ваше превосходительство, не вступайте ни въ какія препирательства. Вы только не сдерживайте потокъ вашего остроумія; у васъ его довольно, чтобъ развеселить Надю.

Пружановъ.—Да, дѣйствительно: плюнемъ на все и будемъ веселиться.

Мурановъ.—Разскажите-ка намъ что-нибудь такое изъ глупой жизни нашего глупаго городка; вы ее такъ хорошо знаете и такъ ловко осмѣиваете.

Пружановъ.—Ахъ! ужъ смѣшнѣе того нѣтъ ничего, какъ я самъ попался... Наденька, извольте надо мной смѣяться,—да хорошенько, чтобъ я вашъ смѣхъ слышалъ... Пьеса-то моя—юпнула!.. да, да... и вы немножко въ этомъ виноваты.

Надѣ.—Какъ будто безъ меня ее и сыграть нельзя?

Пружановъ.—Не въ этомъ дѣло. Но вѣдь я ото всѣхъ скрылъ, что она моя; всѣмъ извѣстно, что ее написалъ Семираховъ... я даже выучилъ его читать, и въ разныхъ обществахъ онъ читалъ ее, какъ настоящій сочинитель. Это даже было очень удобно, потому-что я всегда присутствовалъ при чтеніи и подзадоривалъ публику.

Мурановъ.—Какъ-же вы это дѣлали?

Пружановъ. — Какъ?.. Ну, вѣдь я зналъ всѣ эти мѣста въ пьесѣ: гдѣ смѣшно или какъ-нибудь этакъ эффектно, — я ужъ и жду... Чуть онъ прочиталъ, я: ха, ха, ха! — а за мной и другіе... или этакъ вдругъ среди чтенія-то: ого! или: bravo, bravo!.. этакъ шопотомъ... Ну а кто слушаетъ, не показать же, что прозѣвалъ: тоже за мной... а какъ актъ кончится, сейчасъ давай характеры разбирать, — указывать, объяснять, что-молъ вотъ это хорошо, или это...

Мурановъ. — О своей-то собственной пьесѣ?

Пружановъ. — Ахъ, бабушки, да кто въ своему ребенку не слабъ? кто этого не дѣлаетъ?.. Позвольте: небось иная маменька, когда дочку свою въ гости повезетъ, какъ ее разуграбить? гдѣ ленточку пришьетъ, гдѣ бантикъ... да рассказывать начнетъ, какъ дочка дома тамъ что-нибудь изучаетъ; чего не нагородить!.. вотъ и я тоже бантики къ пьесѣ пришивалъ.

Мурановъ. — Вы этакъ пьесѣ-то пожалуй славу создали?

Пружановъ. — Еще-бы! — Семиратову старыя дѣвы глазки стали дѣлать... Я вѣдь его цѣловалъ на каждомъ чтеніи, ей Богу... чуть онъ кончитъ читать, я сейчасъ: «bravo, bravo!» въ объятья и разцѣлюю... И за все это какъ онъ меня посадилъ!

Надя. — Чѣмъ?

Пружановъ. — Какъ же теперь? — Если отъ Семиратова отречься, такъ и отъ пьесы надо отречься.

Надя. — Что же съ нимъ такое, что вы хотите отречься?

Пружановъ. — Ахъ да, вы не знаете... Проворовался, каналья!

Надя. — Что?

Пружановъ. — Деньги казенныя растратилъ... Вотъ никогда бы не повѣрилъ... никогда бы, ни за что бы... какъ его казначеемъ выбрали, я самъ его рекомендовалъ.

Надя, *порывисто и рѣшительно*. — Папа! — зачѣмъ онъ сейчасъ былъ здѣсь?

Пружановъ. — Онъ былъ у васъ сегодня?

Надя. — По какому дѣлу онъ приходилъ въ тебѣ, папа?

Мурановъ. — Ну, Надечка, ну, что ты.

Надя, *со злобой*. — Зачѣмъ скрываютъ отъ меня?!

Мурановъ. — Надя, ты и безъ того разстроена; въ чему

тебѣ знать новыя неприятности?.. Онъ приходилъ свазать и по-совѣтоваться...

Пружановъ. — Что вы?.. Наденька, что вы?.. на васъ лица нѣтъ... Вы свѣтлы какъ алмазь, васъ это коснуться не можетъ,—вы тутъ ни въ чемъ не виноваты...

Надя. — Развѣ меня кто-нибудь винить?.. развѣ меня винить?—и тутъ тоже!!.. О, не смущайтесь, говорите все.

Пружановъ. — Нечего говорить... я не смущаюсь... ей Богу, съ вами невозможно: вы такъ придирчивы, сейчасъ выпя-тяться начинаете...

Мурановъ. —Теперь ужъ, ваше превосходительство, такими отговорками ее не остановите. Охота поминать всякую пустую болтовню, чтобы Надю окончательно уложить въ постель.

Надя.—Папá, я умѣю сама отличить, что пустая болтовня, что—нѣтъ.

Мурановъ.—Но не въ настоящую минуту, въ твоёмъ нервномъ настроеніи. Преданный тебѣ человѣкъ, наоборотъ, отвлекеъ бы твое вниманіе, оберегалъ бы тебя...

Пружановъ.—Оберегалъ бы,—вѣрно.

Мурановъ.—Не мучилъ бы...

Пружановъ.—Вѣрно!.. Я доказалъ третьяго дня, какъ я преданъ, и вы доказали, какъ вы ее бережете... Еслибъ не былъ я преданъ, еслибъ вы ее берегли, этого бы ничего не случилось.

Мурановъ.—Василій Сергѣичь!..

Пружановъ.—Не вамъ раздражаться и покривкаться... Наденьку въ распросахъ не остановишь,—такъ все наружу! Чѣмъ она виновата, что вы вотъ дожили до сѣдыхъ волосъ и какъ молокосось-юнкеръ въ карты проигрываете шулеру, да еще чужія деньги?! чѣмъ она виновата?.. Смотрите: она и не знала, она сейчасъ только въ первый разъ узнаётъ объ этомъ; а по городу всякія пресмыкающіяся разводять ядъ, что вы для нея взяли деньги у Семиратова.

Надя.—Такъ изъ-за меня съ нимъ это...

Пружановъ.—Кто говорить, что изъ-за васъ?.. не играй вашъ папашенька въ карты, не было бы и сплетни; никто бы не зналъ, что онъ занялъ казенныя деньги, и Гератьева не по-сѣбла бы язвить, и я не подумалъ бы дѣлать ревизію... Да-съ, я всему причиной, но потому именно, что я глубоко уважаю

и цѣню Наденьку... Я мысли допустить не могъ, — меня взорвало за нее, и я какъ слѣпой дуракъ нагрянулъ на казначея; а я забылъ, что у нея есть папенька!.. да, вы же бережете!

Надя. — И это еще на меня же!.. и это!..

Пружановъ. — Надежда Ивановна, позвольте мнѣ сказать... я какъ одурѣлый пришелъ, оттого все время и путаюсь... Позвольте мнѣ сказать, что я думалъ... Надежда Ивановна, я старый солдатъ; разумѣется, я вамъ не пара: я старикъ, я человѣкъ не даровитый, не Богъ-вѣсть какого ума... но я честный, всѣми уважаемый, — и начальствомъ, и подчиненными... мое имя не запятнано... позвольте предложить вамъ мою руку... Не пугайтесь, въ другое время я бы себѣ не позволилъ, — вы такъ высоко стоите надо мной. . . но теперь, когда все противъ васъ вооружилось... меня знаютъ, и знаютъ, что подруга жизни, мною избранная, не можетъ быть не честная и не уважаемая дѣвица.

Надя, *вспылчиво*. — Развѣ нужно это еще доказывать?

Пружановъ. — Не отвѣчайте мнѣ сейчасъ и дѣлайте, какъ найдете лучше... Но если я могу этимъ помочь вамъ: Надежда Ивановна, честный солдатъ предлагаетъ вамъ свою руку. Прощайте-сь!

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Надя и Мурановъ.

Надя. — Папá, скажи мнѣ самъ, скажи мнѣ самъ, что это правда!

Мурановъ. — Надя, я очень несчастенъ; вѣтъ человѣка несчастнѣе меня!

Надя. — Скажи, что это правда.

Мурановъ. — Я обожаю тебя, я живу только мыслью о тебѣ, и между тѣмъ я тебя гублю, я твой палачъ... это что-то фатальное, что-то ужасное!.. Зачѣмъ я игралъ? зачѣмъ я хотѣлъ выиграть? для кого мнѣ нужны деньги?.. Не для себя, Надя, — для тебя, чтобы достойно обставить тебя... о, Господи! я ограбить готовъ, я въ Сибирь пойду, чтобы только ты...

Надя. — Зачѣмъ былъ здѣсь Семивратовъ? чего онъ хотѣлъ?

Мурановъ. — Онъ думалъ, что деньги мной еще не истрачены; онъ просилъ вернуть ихъ. Его выгнать со службы, но

если онъ внесетъ деньги, тогда ему дадутъ отставку по прошенію... онъ будетъ въ состояніи поправиться.

Надя.—Но денегъ нѣтъ.

Мурановъ.—Казни меня, Надя, упрекай меня, упрекай...

Надя.—На что это? кому это нужно?

Мурановъ.—Мнѣ нужно! — это облегчить мои страданья.

Надя.—Что мы можемъ продать? насколько?

Мурановъ.—За мебель еще не заплачено, Надя; у насъ есть долги...

Надя.—Хоть бы этого-то не было на душѣ, что изъ-за тебя опозоренъ человѣкъ!.. Да, да, не надо падать духомъ... будемъ пробиваться... силы есть—будемъ пробиваться!.. безъ работы не останемся.

Мурановъ.—Ты воскресаешь меня, Надя.

Надя.—Только бы скорѣй! — скорѣй въ Москву, скорѣй за дѣло... театръ или другое что, — все равно; всякимъ трудомъ можно добросовѣстно добыть деньги... и мы все выплатимъ за Семиратова. Сколько дней тебѣ нужно, чтобъ устроить здѣсь всѣ дѣла и чтобъ мы могли уѣхать?

Мурановъ.—Я ужъ началъ... прости меня... я уже началъ... мебельщику сказалъ, чтобъ онъ пришелъ взять все, за что не плачено, инструментъ я продалъ... за нимъ на дняхъ придутъ. Я потороплю; мы можемъ уѣхать черезъ два дня.

Надя.—Да, поторопи... Кое-гдѣ мы дадимъ росписки долговымъ. За Семиратова тоже мы дадимъ росписки, мнѣ повѣрять... я все это выработаю,—развѣ умру, такъ не удастся.

Мурановъ.—Богъ не попуститъ...

Надя.—Надѣйся, папъ, больше на себя, чѣмъ на Бога, тебѣ-то это очень не мѣшаетъ. Я заплачу за все; но ты мнѣ долженъ дать честное слово, что ты ничего не будешь дѣлать, не сказавши мнѣ, никакихъ тратъ: ни для моего благополучія, ни для несчастья—ничего, по крайней мѣрѣ пока мы не расплатились.

Мурановъ.—Торжественно даю тебѣ честное слово!

Входятъ—Семиратовъ и Притолковъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Семиратовъ и Притолковъ.

Надя.—А! это вы... здравствуйте, Федоръ Григорьевичъ. Извините, мнѣ надо сказать... (*Семиратову*) Подите сюда. Не

принимайте веселого, беззаботнаго вида, — я все знаю... Скажите, нельзя ли внести за васъ въ кассу обязательство, и мы будемъ выплачивать постепенно?

Семиратовъ.—Зачѣмъ-съ?

Надя.—Что, генераль можетъ сдѣлать это отъ себя?.. Я попрошу генерала.

Семиратовъ.—Да не надо-съ... что вы беспокоитесь, Надежда Ивановна... все хорошо... будьте покойны, не входите въ это.

Надя.—Какъ хорошо? что?

Семиратовъ.—Не тревожьтесь за меня; можетъ быть, это еще лучше, что все такъ случилось... Анна Петровна взялась все это устроить и даже обѣщала мнѣ мѣсто достать у господина Жирунина съ хорошимъ жалованьемъ.

Надя.—У Жирунина? вамъ мѣсто?.. и вы довольны?

Семиратовъ.—Да, слава Богу. Она, конечно, прибавила, что если вы отсюда уйдете... Она все думаетъ, что я подлѣ васъ, по слабости характера, опять могъ бы... но вѣдь всячески: вы уйдете,—хоти, не хоти... И вамъ она очень сочувствуетъ, Анна Петровна... вотъ и Федоръ Григорьичъ отъ нея...

Надя.—Ко мнѣ? что же ей угодно?

Притолковъ.—Мнѣ очень затруднительно разговаривать съ вами, Надежда Ивановна; я уже по тону вашему вижу, что вы меня встрѣчаете съ предубѣжденіемъ. Но я буду смѣлѣ, я выдержу всякій тонъ, всякую рѣзкость, — какую хотите... только одного прошу: не гоните меня и не уходите самъ; дайте мнѣ десять минутъ на разговоръ. Десять минутъ васъ не разорять; вы человѣкъ умный, для умнаго человѣка всякій разговоръ въ какую-нибудь сторону да пригоденъ.

Надя.—Я не уйду.

Притолковъ.—Я пришелъ къ вамъ съ предложеніемъ, на которое вы мнѣ съ перваго же слова отвѣтите: нѣтъ. Но я ужъ сказалъ: я не испугаюсь и буду идти дальше. Я отъ Анны Петровны Бѣлоярской. Она очень скорбитъ о томъ, что все такъ съ вами случилось и что вы должны на нее сердиться. Вы не вѣрите?

Надя.—Отчего же не вѣрить?—она хоть и глупая женщина, но все-таки добрая, — она дѣлаетъ зло по глупости; я на нее не сердита.

Притолковъ.—Тѣмъ лучше. Итакъ, она вамъ совѣтуетъ ѣхать въ Москву. Здѣсь слишкомъ много народу противъ васъ возбуждено... Не спорю, что несправедливо, но зложелательства никому нельзя запретить, и потому лучше вамъ...

Надя.—Бѣжать отсюда?.. Мы сейчасъ рѣшили, что уѣзжаемъ черезъ два дня.

Притолковъ.—Превосходно... то-есть, для насъ оно очень печально, но для васъ превосходно. Такъ вотъ Анна Петровна хочетъ вамъ дать нѣсколько рекомендацій къ ея московскимъ знакомымъ и... знаа, что вы теперь... въ стѣсненномъ положеніи...

Надя.—Предлагаетъ мнѣ деньги?

Притолковъ.—Дайте... дайте сказать...

Надя.—Деньги она предлагаетъ мнѣ? правда?

Притолковъ.—Ну да, да, деньги, — и вы, конечно, сейчасъ же скажете: «не возьму я отъ нея денегъ»... Я вѣдь ужъ предупредилъ васъ объ этомъ; но вы мнѣ обѣщали десять минутъ разговора. Надежда Ивановна, оставимте драматическимъ героямъ это картонное великодушіе: «я уважаю мою нищету, я презираю богатство! честный трудъ, сермяга...» Вглянемъ глубже, взглянемъ проще. Вы поѣдете въ Москву и будете тамъ зарабатывать деньги: писать ли статьи, учить ли дѣтей, играть ли на сценѣ — все равно: вы будете честно трудиться.

Надя.—Надѣюсь!

Притолковъ.—Да-съ, но, вѣдь, сознайтесь, Надежда Ивановна, и вы все-таки отъ хорошаго вознагражденія за вашъ трудъ тоже не откажетесь.

Надя.—Что изъ этого?

Притолковъ.—Неужели же вы воображаете, что эти деньги, — это хорошее вознагражденіе вамъ достанется ужъ такъ безусловно, такъ идеально честно и справедливо?.. Вѣдь, вы знаете: человѣчество устанавливаетъ плату за разный трудъ очень неправильно; сплошь и рядомъ за тяжелый трудъ платятъ грошъ, за легкой — тысячу; а нашъ трудъ сравнительно легкой.

Надя.—Какъ же мнѣ измѣнить это?

Притолковъ.—Да еще къ тому же взгляните хорошенько, откуда эта плата берется?.. кто вамъ ее даетъ?.. Возьмите хоть театръ для примѣра: въ этой публикѣ, которая принесла свои деньги, чтобъ купить вашъ трудъ, — всякій ли получилъ ихъ честно?.. Можетъ быть, одинъ добылъ ихъ подлостью, униженіемъ своего человѣческаго достоинства, другой грабительствомъ, третій

— не знаю чѣмъ; словомъ: можетъ быть, нужно было сдѣлать множество злодѣяній и несправедливости, чтобъ эти деньги явились на свѣтъ Божій, чтобъ люди были въ состояніи платить вамъ, чтобъ, наконецъ, вашъ трудъ кому-нибудь былъ нуженъ.

Мурановъ.—Ахъ, да, къ несчастію!

Притолковъ.—Въ вашихъ заработанныхъ деньгахъ всегда будетъ немножко эта невзрачная подкладка: сами-то вы честно работаете, но вы совсѣмъ бы не могли работать, еслибъ зло и безчестье вамъ не помогали.

Надя.—Что же вы этимъ хотите доказать?

Притолковъ.—Только то, что если это дѣйствительно такъ, —умно ли брезгать помощью и доискиваться, изъ какихъ рукъ она идетъ?.. Анна Петровна предлагаетъ вамъ деньги отъ души, не требуя ничего, не подкупая васъ ни на что...

Надя.—Но тутъ даже не заработокъ, тутъ подачка.

Притолковъ.—И въ заработкѣ бываетъ подачка, и въ подачкѣ заработокъ.

Надя.—Странно!

Притолковъ.—Вѣдь иному и за трудъ платятъ больше, только потому, что человекъ симпатичный, — развѣ это не подачка?.. а съ другой стороны: вотъ вы... вы дѣвушка способная и не для одного театра; васъ поддержать въ трудную минуту —значитъ дать вамъ возможность работать, спасти ваши силы, ваши дарованія, чтобъ они пригодились людямъ; значитъ отчасти заплатить вамъ за трудъ, который вы отработаете на другого. Наконецъ, смотрите на эту подачку какъ на заемъ.

Надя.—Занимать, такъ не у Анны Петровны.

Притолковъ.—Отчего? вы сами говорите, что она не злая, и когда вредить, такъ безъ умыслу.

Семиратовъ.—Ахъ, она очень добрая... очень!

Притолковъ.—Вамъ неприятно, что она будетъ считать себя вашей благодѣтельницей; но мало ли что намъ неприятно въ жизни? — неприятность можно и преодолѣть. Разъ общество ужъ такъ сложилось, что въ немъ много несправедливости и зла, вы изъ когтей его не уйдете, отъ грязи его не остережетесь и неизбежно должны допускать инныя сдѣлки. Все равно придется со многимъ мириться, такъ немножко больше или немножко меньше...

Надя.—Можно ли съ чѣмъ не мириться.

Притолковъ.—Какъ же это? Отравиться, умереть?.. или жить внѣ общества: пойти въ армию несчастныхъ безумцевъ, — вотъ этихъ, что мѣръ хотятъ преобразовать?!.. такъ вѣдь это одинъ самообманъ. Ну, положимъ, вы нравственно гораздо лучше насъ, но вѣдь неземнымъ существомъ и вы не будете; идеальной чистоты нѣтъ... Да и насъ вы напрасно такъ ужъ очень низвергаете въ прахъ; вѣдь и въ насъ есть кое-что хорошее... Зачѣмъ Анна Петровна проситъ меня, и я прихожу, и измышляю весь этотъ разговоръ,—какъ не изъ желанія помочь вамъ, изъ желанія добра?

Надя.—Изъ желанія добра вы доказываете мнѣ, что нравственная чистота невозможна? что...

Притолковъ.—Господи! Никто не виноватъ. Мы не на небѣ живемъ.

Надя.—Благодарю и васъ, и Анну Петровну, за ваше участие ко мнѣ, но денегъ ея все-таки я не возьму. Не знаю, добро ли то, что вы сдѣлали, но вы не помощь оказываете,—вы даете мысли, съ которыми жить нельзя, онѣ разбиваютъ все, что считаешь хорошимъ; а какъ потомъ съ этимъ справляться, вамъ дѣлать: создавай себѣ новый мѣръ или погибай.

Отходитъ.

Мурановъ.—Надя, почему же?..

Притолковъ.—Не понимаю. Я привелъ такіе аргументы, что самый отчаянный либераль и тотъ бы сейчасъ протянулъ руку. Воля ваша, она у васъ не совсѣмъ въ порядкѣ.

Семиратовъ, *ему тихо*. — Зачѣмъ вы съ ней говорили, можно было все сдѣлать помимо ея.

Притолковъ, *тихо*.—Это ужъ немножко и черезъ чуръ: она будетъ насъ чествовать на всѣхъ соборахъ, а мы исподтишка о ней заботиться.

Хочетъ идти.

Мурановъ.—Погодите... пойдите, Федоръ Григорычъ...

Притолковъ, *громко*. — Чего еще ждать, когда человѣкъ самъ не хочетъ, чтобъ его спасли?

Надя.—Спасли!.. О!.. всѣ-то меня тутъ спасаютъ... всѣ любить, добра желаютъ, а я гибну, гибну!..

Мурановъ.—Надя, прошу тебя...

Надя. — Не проси меня ни о чемъ... ничего я не стану, ничего не хочу для тебя...

Мурановъ. — Пожалѣй отца!

Надя. — За что тебя жалѣть? за что васъ всѣхъ жалѣть! кого жалѣть?.. Некого! не стоитъ... Всѣ вы съумѣете быть довольными и устроитесь со своей маленькою честностью, со своими маленькими подлостями. Нѣтъ мнѣ мѣста между вами. Богъ меня проклялъ; онъ далъ мнѣ талантъ, — и не далъ вашей умѣлости имъ пользоваться... Я хотѣла работать, — у меня отнимаютъ работу; я хочу искать новую, — мнѣ говорятъ: это не нужно; я хочу быть честной, — мнѣ доказываютъ, что это невозможно!.. для меня все невозможно... и работать, и любить!.. и...

Въ сильной истерикѣ падаетъ безъ чувствъ.

Мурановъ. — Надя, мое милое, золотое дитя!

Всѣ суетятся около нея.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Мебель кое-какая, въ той же квартирѣ Мурановыхъ; остатки того, что не продано. Безпорядокъ въ комнатѣ. КАМНЕВА въ сторонѣ, въ шляпѣ и пальто.

МУРАНОВЪ разговариваетъ съ ХАРИТОНОВОЙ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Мурановъ, Харитоновна, Камнева, потомъ безъ Харитоновой.

Мурановъ. — Такъ значить мы съ вами въ расчетѣ?

Харитоновна. — Да, ужъ дѣлать нечего, стало быть надо такъ; что съ васъ возьмешь!

Мурановъ. — Вы, драгоценнѣйшая, въ накладѣ не будете, вѣрите чести: я вамъ весь этотъ остатокъ мебели очень дешево сосчиталъ. Тамъ одинъ диванъ есть, хоть и рваный, а пружины въ немъ совсѣмъ новыя; если это все перечинить, вдвое выручите.

Харитоновна. — Возиться-то не охота, мое дѣло квартиры сдавать.

Мурановъ. — И квартиру нашу сдадите, не бойтесь, не простоятъ; теперъ дѣло къ осени. Отправили вы наши чемоданы на желѣзную дорогу?

Харитоновъ.—Наложили на телѣгу, сейчасъ Митька по-везетъ.

Мурановъ.—Поторопите, голубушка, не люблю я суеты.

Харитоновъ.—Сейчасъ скажу, чтобъ уѣхаль.

Уходитъ.

Мурановъ, ей *вслухъ*.—Да, скажите! (*Камневой*) Наслыу развазался. Столько платежей, хоть и по мелочамъ, просто несносно. За квартиру ужъ мебелью доплачивалъ... Катерина Дмитриевна, не грѣхъ ли вамъ? За что же это вы мою Надечку оставляете?

Камнева.—Вы напрасно вчера приходили меня звать. Я во всякомъ случаѣ рѣшила сегодня быть у васъ, еслибъ вы даже и не уѣзжали.

Мурановъ.—Вѣдь у Нади вы тутъ единственные друзья.

Камнева.—О! во всемъ этомъ голову потеряешь: идти или не идти, чтобъ еще хуже не надѣлать.

Мурановъ.—Нѣтъ, теперь она успокоилась, теперь съ ней стовориться можно.

Камнева.—Въ чемъ же вы это замѣчаете?

Мурановъ.—Ровнѣе характеръ сталъ... Оно какъ-то нехорошо сказать, а право я начинаю думать, что несчастья ей въ пользу пошли,—ровнѣе характеръ сталъ... Нѣтъ этой прежней требовательности: такъ предложишь — хорошо, и такъ — тоже хорошо.

Камнева.—Такъ это равнодушіе, это тѣмъ хуже...

Мурановъ.—Нѣтъ, какое равнодушіе!.. Она мнѣ вчера все бѣлье перечинила сама, и такъ аккуратно, внимательно.

Камнева.—А вѣдь я рассчитывала, что вы ѣдете съ вечернимъ поѣздомъ, оттого и не спѣшила къ вамъ.

Мурановъ.—Нѣтъ, мы такъ и рѣшили: ѣхать утромъ. Очень ужъ хочется поскорѣй вонъ отсюда; здѣсь каждый часъ растутъ новыя неудовольствія. Знаете, я вамъ по секрету скажу: генералъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Камнева.—Я слышала, мнѣ говорили.

Мурановъ.—И вы слышали?! что это за городишко! двоимъ, тремъ по секрету скажешь, точно на базарной площади объявленіе вывѣсилъ. Генерала теперь всѣ поздравляютъ; а онъ злится, потому что Наденька вѣдь ему ничего не отвѣтила.

Камнева. — Что отвѣчать?

Мурановъ. — Да, ужасный дуракъ... вообразилъ, что спасаетъ честь Наденьки. Ну какой онъ ей мужъ?

Камнева. — Я вчера вамъ обѣщала деньги на поѣздку, — я принесла.

Мурановъ. — Благодарю васъ... Да, это будетъ лучше. Все-таки Наденькѣ пріятнѣе взять деньги у васъ, хоть она согласилась взять, пожалуй, и у Бѣлоярской. Анна Петровна такъ добра, она въ четвергъ прислала къ намъ директора предложить деньги... Ахъ, что тутъ было съ Наденькой! въ обморокъ упала... но это было какъ кризисъ болѣзни; съ той минуты все пошло лучше; она гораздо стала ровнѣй. Она ужъ говорила мнѣ: возьми, пожалуй, у Бѣлоярской; но ей будетъ пріятнѣе взять у васъ.

Камнева. — Вотъ триста рублей. Довольно?

Мурановъ. — Вполнѣ довольно; благодарю. Вы можете быть увѣрены, что съ первой полочки я вамъ вышлю.

Камнева. — Когда можно будетъ, — намъ легче обернуться.

Мурановъ. — Но вы тоже небогатые люди; и вамъ даже по дѣлу часто такъ необходимо... Да что! — это пустяки, о чемъ толковать!.. Дайте Надѣ только поступить въ театръ, у насъ сейчасъ же будутъ деньги.

Камнева. — Скажите, она очень горевала, что мы до сихъ поръ у васъ не были?

Мурановъ. — Опять-таки все это до кризиса, а теперь нѣтъ, — она стихла, примирилась... Она поняла, что, такъ какъ вы знаете о ея... ну, назовемъ это: о ея увлеченіи Владиміромъ Андреичемъ, — то вамъ тяжело идти.

Камнева. — Вы ей сказали, что объ этомъ мы знаемъ, — и онъ, и даже я?

Мурановъ. — О! чего мнѣ это стоило! Для такихъ операцій нужна сила характера... но лучше операція, чѣмъ болѣзнь, и я рѣшился...

Камнева. — Мнѣ теперь еще труднѣй будетъ съ ней встрѣтиться.

Мурановъ. — Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ говорю, она стихла.

Входятъ — Катя и няня.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тъ же, Катя и няня.

Катя.—Здравствуйте... Ахъ, Катерина Дмитревна, и вы тутъ... пожалуйста, Катерина Дмитревна, вы мамашѣ не говорите, что я здѣсь была.

Няня.—Ужъ попадетъ тебѣ,—да и мнѣ-то за тебя...

Катя.—Ничего, нянечка, ничего... (*Камневой*) Мнѣ мамаша строго запретила... даже чтобъ я не влянаясь съ Надеждой Ивановной... Ну, какъ же такъ?—я ее очень люблю... Сейчасъ я на именины ѣду, на дѣтскій праздникъ, и упростила няню... мамѣ не узнаеть, мы не на своихъ лошадяхъ, а на извозчикѣхъ...

Няня.—Подика откажи ей, баловницѣ,—дрожить вѣдь!

Катя.—Я Надеждѣ Ивановнѣ—мое сочиненіе принесла.

Камнева, *цѣлуетъ ее*.—О! милочка, ты лучше ничего выдумать не могла; это порадуетъ Надю. (*Муранову*) Позовите ее, я пока подожду у васъ въ кабинетѣ.

Мурановъ.—Вамъ точно не хочется ее видѣть, Катерина Дмитревна,—вы все такъ и оттягиваете эту встрѣчу.

Камнева.—Я не хочу!?. Неужели вы не понимаете, каково мнѣ это?

Уходитъ.

Мурановъ, *въ дверь*.—Надя, поди сюда!—къ тебѣ пришли.

Уходитъ за Камневой. Изъ противоположной двери выходитъ Надя. Катя бросается къ ней.

ЯВЛЕНИЕ III.

Надя, Катя, няня.

Катя.—Вотъ кто пришелъ—я!

Надя.—А! Катя!

Обнимаетъ ее и цѣлуетъ.

Катя, *ласкаясь къ ней*.—Хорошенькая моя, прелесть!.. Я васъ такъ давно не видала... Я къ вамъ тайкомъ отъ мамашы прабѣжала.

Надя.—Здравствуйте, няня.

Няня.—Здравствуйте, барышня дорогая... Что вы больны что ль?—похудѣли очень.

Надя.—Пройдетъ. (*Катя*) Какая ты нарядная, Катюша.

Катя.—Я на именины ѣду, веселиться; тамъ будутъ всѣ мои друзья... Нравится вамъ мое платье?

Надя.—Чудесное. Садись же, рассказывай, какъ ты живешь? какъ учишься?

Катя.—Очень хорошо, Надежда Ивановна... только я съ Андреевыми совсѣмъ разорилась.

Надя.—За что?

Катя.—Я не виновата. Это было въ мамашино рожденіе. У насъ были гости, и мамаша непременно хотѣла, чтобъ я сыграла передъ ними на фортепьянахъ, изъ Нормы... и я сыграла, и всѣ хвалили меня, и тогда заставили Андрееву дѣвочку сыграть; а она сыграла очень гадко, все ошибалась, и за это разорилась на меня, и своего брата подговорила: онъ мнѣ чашку чаю на платье пролилъ... и потомъ говорить, насмѣхаясь этакъ: «наша знаменитая музыкантша не умѣетъ чай пить, все на себя пролила»,—когда это онъ сдѣлалъ... я имъ сказала: «послѣ этого я васъ не хочу знать»... Чѣмъ же я виновата, что она не хорошо учится, а я хорошо?

Надя.—Гм!.. еще вырости не успѣла, а ужъ тоже самое, и съ тобой тоже... (*Замѣтя въ рукахъ Кати свертокъ бумаги*) Что это?

Катя.—Я вамъ, Надежда Ивановна, мое сочиненіе принесла.

Подаетъ.

Няня.—Для васъ нарочно переписывала.

Катя.—Это мнѣ задала моя учительница сказку написать, изъ головы... знаете, эту сказку о спящей царевнѣ: когда она родилась, пришли всѣ волшебницы и ей обѣщали всякаго счастья; потомъ пришла злая волшебница и все перепортила... я очень люблю эту сказку... Когда я лежу въ постели и мнѣ не спится, я все думаю о ней: мнѣ кажется, Надежда Ивановна, знаете что?—точно у всѣхъ людей, когда они рождаются, бываютъ волшебницы... Вотъ у васъ навѣрно!—у васъ были волшебницы... одна сказала, что вы будете красивая, другая, что вы умная, добрая, что вы отлично будете представлять въ театрѣ... ну все, все вамъ обѣщали!—а злая волшебница пришла, и отъ нея всѣ ваши несчастья.

Няня. — Пойдемъ-ка ты, пойдемъ.

К а т я, *смѣясь*. — А у меня не было злой волшебницы... Надежда Ивановна, право... Я очень счастливая: я и маленькая-то кубаремъ падала никогда не ушибалась, — и всегда такъ во всемъ, все сейчасъ поправляется. Вотъ ужъ такого горя большого у меня и не бывало, какъ васъ у меня отняли, такъ и то вѣдь...

Н а д я. — Тоже поправилось?

К а т я. — Нѣтъ, Надежда Ивановна, не то чтобы поправилось... такой какъ вы у меня не будетъ другой; но моя теперешняя гувернантка, — изъ Москвы выписали, — такая славная, такая... ну почти совсѣмъ какъ вы... и тоже все знаетъ... Я ее очень полюбила, и даже нарочно иногда: ее зовутъ Варвара Степановна, а я ее называю Надежда Ивановна; она меня поправитъ, а я опять: Надежда Ивановна, — такъ смѣшно!.. Я ей про васъ много рассказывала, много, много...

Н я н я. — Барышня, пойдемте, узнаютъ.

Н а д я. — Иди, Катюша. Прощай. Спасибо, что не забыла меня.

Цѣлуетъ ее.

К а т я. — Никогда я васъ не забуду... Зачѣмъ же вы все печальная?... Я думала вы обрадуетесь, что мнѣ все по прежнему хорошо и что учусь какъ съ вами.

Н а д я, *еще разъ крѣпко ее цѣлуетъ*. — Будь счастлива, дѣточка моя родная, будь счастлива!.. Слава Богу, что у тебя злой волшебницы не было.

К а т я, *весело*. — Надежда Ивановна, это ничего, если бы и была; потому что, наконецъ, все-таки придетъ принцъ и чѣмъ-нибудь кончится хорошимъ. (*Нянь*) Ну, ну, пойдемъ, не ворчи!..

Еще разъ быстро цѣлуетъ Надю и убѣгаетъ. Няня уходитъ за ней.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Надя одна; потомъ Камнева и Мурановъ.

Н а д я. — Чѣмъ-нибудь кончится! — хорошимъ... ужъ потому хорошимъ, что кончится. (*Входитъ Камнева и за ней Мурановъ*) Катерина Дмитревна!

К а м н е в а. — Простите, Надя, что я эти дни не навѣстила васъ.

Надя.—Отчего: «простите»?

Камнева.—Я обязана была навѣстить. Съ моей стороны очень дурно, что я прихожу прямо въ минуту вашего отъѣзда.

Надя.—Все-таки... пришли... а Владиміръ Андреечъ?

Камнева.—Онъ уѣхалъ, Надя... въ деревню.

Надя.—Стало быть мы не увидимся?

Мурановъ.—У васъ тамъ что-то староста набѣдокурилъ.

Надя.—Онъ не хотѣлъ проститься?

Камнева.—Я уговорила его. Я думала, Надя, вамъ будетъ это неприятно.

Надя.—Мнѣ? неприятно?... не знаю... не знаю, какъ вы могли это думать!

Камнева.—Наденька, зачѣмъ ходить кругомъ да около?—мы обѣ знаемъ, почему я такъ думала.

Надя.—Мнѣ бы не было неприятно.

Камнева.—О, милый другъ, не вините меня. Вы добры, я не знаю никого добрѣ васъ,—и у васъ такой сильный, твердый характеръ...

Надя.—Много мнѣ горя далъ мой сильный характеръ.

Камнева.—Наденька, вѣдь, вы знаете, Владиміръ любить васъ,—какая-жъ радость вамъ встрѣчаться съ нимъ, когда... въ его сердцѣ разладъ?.. Милая, я говорю вамъ жесткія вещи... вѣдь не можетъ онъ дать счастья ни вамъ, ни себѣ, если это счастье онъ отниметъ у меня и у моего сына.

Надя, *со сдержаннымъ сухимъ рыданьемъ*.—Зачѣмъ все это говорить?.. развѣ я прошу чего-нибудь?.. развѣ я хочу?!

Камнева.—Такъ не лучше ли сразу это кончить и заглушить?.. Теперь онъ далеко отъ васъ, занять дѣломъ и...

Надя.—Забудетъ меня?.. скоро... да... Какъ все это хорошо устроивается.

Камнева.—Что? Надя.

Надя.—Все. Я тутъ помѣха всѣмъ, безъ меня всѣмъ здѣсь будетъ лучше. Поручику Семиратову мѣсто общали, если я уѣду; гимназій Жюрунинъ лишнюю подачку дастъ... вонъ даже ученица моя, изъ любви ко мнѣ, прибѣгала меня утѣшить, сказать, что безъ меня ей не хуже, что у ней другая учительница

и хорошая... всё устроились... Владиміръ Андреечъ даже руки не протянулъ на прощанье, чтобъ скорѣй это наносное все началъ вывѣтриваться... чтобъ скорѣй войти въ колею.

Камнева.—Надя, это словно не вы говорите; у васъ не можетъ быть такого горькаго, такого злого чувства.

Надя.—У меня никакого нѣтъ: ни горькаго, ни сладкаго, ни хорошаго, ни дурного.

Камнева.—Неправда. Въ васъ какая-то горечь забралась, потому что вы сами себя раздражаете. Не можете же вы въ самомъ дѣлѣ думать, что съ вами расстаются легко и равнодушно. Вы вездѣ умѣете сдѣлать себя необходимой, вездѣ—любимы и нужны.

Надя.—Никто, нигдѣ и никому не нуженъ. Время идетъ и все замѣщаетъ; что ни разбей, все склеится... никто никому не нуженъ... одному себѣ,—пока еще живетъ.

Мурановъ.—А мнѣ? твоему отцу? и мнѣ ты не нужна?

Надя.—Тебѣ меньше чѣмъ кому-нибудь.

Мурановъ.—Надя, ты меня совсѣмъ убиваешь. Вѣдь послѣ всего, что случилось, и, чувствуя свою вину во многихъ твоихъ несчастіяхъ, такое слово отъ тебя слышать... что мнѣ остается?—застрѣлиться и только... о! душа моя, я давно бы и застрѣлился!—меня останавливаетъ одна только мысль: что лишать себя жизни—малодушіе.

Надя, твердо.—Не всегда—малодушіе. (*Послѣ мгновенной паузы*) Ну!.. нечего больше разговаривать... прощайте, пора на повѣздъ... (*Протягиваетъ руку Камневой, цѣлуетъ ее, потомъ внезапно обнимаетъ ее, осыпая поцѣлуями, со слезами на глазахъ*) Прощайте!

Камнева, горячо цѣлуя Надю.—О! мой дружокъ дорогой! мой милый дружокъ!! простите намъ ваше горе.

Надя, успокоясь и проведя рукой по глазамъ.—Его нѣтъ больше,—горя. Это такъ, остатокъ прежнихъ глупостей... горе вончено.

Камнева, съ ужасомъ, пораженная внезапной мыслию.—Надя! смотрите мнѣ прямо въ глаза! ради дружбы нашей отыщите мнѣ правду. Вы меня испугали: вы такъ наэлектризовали себя, что можете сдѣлать глупость, которую потомъ не поправите!

Надя.—Глупость!

Камнева, почти съ крикомъ. — Вы убить себя хотите, Надя?

Надя, твердо. — Нѣтъ. Не теперь... не бойтесь...

Мурановъ. — Съ нами крестная сила!

Надя. — Еслибъ я сознавала, что нѣтъ въ другомъ мѣстѣ жизни, какъ вотъ эта наша, которою мы съ вами жили вотъ здѣсь, то конечно бы я не задумалась покончить съ собой...

Мурановъ. — Надя! Надя!

Надя, твердо съ возрастающимъ жаромъ. — Вы хорошіе люди, и все-таки вы мнѣ чужіе. Вы по своему добры и податливы. Васъ тоже возмущаетъ несправедливость, но ваше озлобленіе дальше васъ не идетъ; вы ловко минуете опасность... Владиміръ Андреечъ забылъ и взаимный трудъ, и взаимную помощь, не предлагаетъ ихъ больше; къ себѣ недоувѣрчивъ: убѣжалъ, боясь встрѣтиться со мной. Мнѣ такія условія тѣсны. Но и не вѣрю я, чтобъ тутъ вотъ, въ этомъ обыденномъ заколдованномъ кругѣ, былъ предѣлъ всему! — я еще далеко не все испытала, чтобъ позволить себѣ опустить руки и сказать: дальше идти нельзя! Не увѣрять меня, что нигдѣ нѣтъ жизни для вполне честной работы; если нѣтъ, — ее надо создать!

Камнева. — Какая вы...

Надя, снова спокойно, но твердо. — Когда я приду къ убѣжденію, что создать не въ силахъ, когда дойду до предѣла борьбы, тутъ и будетъ моя смерть; а пока не бойтесь... Прощайте еще разъ.

Камнева. — Пишите мнѣ.

Надя. — Можеть быть.

Мурановъ. — Я вамъ пришлю телеграмму послѣ первыхъ же рукописканий на ея дебютѣ.

Надя. — Пойдемте; пора!

Всѣ уходятъ.

В. БРЯЛОВЪ.

АМЕРИКАНЦЫ — ДОМА.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *.

IV.

Какъ возникла партія женскихъ правъ въ Америкѣ.—Первая національная конвенція для обсуждения „женскихъ правъ“.—Политическая агитація въ пользу утверждения женскаго голосованія.—Воздѣйствіе на законодательныя собранія.—Ежегодные биллы о распространенія избирательныхъ правъ на женщинъ.—Тяжелое положеніе женщинъ, живущихъ ручнымъ трудомъ.—Всеобщее стремленіе возвыситься: его причины и слѣдствія.—Замужество какъ слабая замѣна избирательныхъ правъ.—Результаты введенія политической равноправности женщинъ съ мужчинами въ Уайомингъ.—Что обѣщаютъ идеалисты-поборники женскаго голосованія.—Заявленіе богѣ практичныхъ дѣателей движенія.

Движеніе, имѣющее цѣлью утвердить за американскими женщинами полную гражданскую равноправность съ мужчинами, въ первый разъ организовано около тридцати лѣтъ тому назадъ, но возникло оно гораздо прежде того. Я уже упоминала выше о письмахъ жены второго президента республики, миссисъ Адамсъ, касательно положенія женщинъ въ странѣ. Агитація ея въ этомъ направленіи, однако закончилась протестомъ въ письмѣ къ мужу, когда оказалось, что желанія женщинъ не были приняты во вниманіе составителями федеральной конституціи.

Первою публичною защитницей женскихъ правъ была сестра пылаго американскаго патріота Джемса Отисъ (James Otis). Въ 1818 году, Ханна Крокеръ (Hannah Mather Crocker) издала

---

*) См. выше: октябрь, 640 стр.

здѣсь первую книгу по женскому вопросу и тѣмъ положила основаніе обширной литературѣ этого предмета. Въ 1828 году, въ Соединенные Штаты прибыла изъ Англіи ревностная дѣятельница по женскому вопросу, Фрэнсисъ Райтъ (Francis Wright) и стала повсемѣстно говорить публичныя рѣчи, отстаивая необходимость дарованія правъ женщинамъ. Въ 1836 году, сюда прибыла другая краснорѣчивая миссіонерка той же идеи, замѣчательная по красотѣ полька, Эрнестина Розъ (Ernestine Rose), и ихъ примѣру скоро послѣдовали американскія женщины, скоро почувствовавшія себя столь же свободными на ораторской платформѣ, какъ рыба въ водѣ: ораторскій даръ прирожденъ американцамъ, воспитывается ихъ школьною системой и постоянно развивается подъ вліаніемъ обыденныхъ требованій жизни. Съ конца тридцатыхъ и до начала шестидесятыхъ годовъ, ораторскія способности американскихъ женщинъ были почти исключительно направлены на отстаиваніе необходимости уничтоженія рабства въ союзѣ. Богатыя дочери одного южнаго плантатора — Анджелина и Сарра Гримкѣ — освободили своихъ негровъ-рабовъ и прибыли въ 1837 году на сѣверъ читать лекціи, въ которыхъ выставлялись всѣ ужасы и злоупотребленія рабовладѣльчества на югѣ. Къ нимъ скоро присоединилась молодая квакерша, Эбби Кэлли. Появленіе ихъ на публичныхъ платформахъ пуританскаго штата Массачусетса вызвало цѣлую бурю негодованія со стороны мѣстнаго духовенства, которое въ пасторальномъ посланіи обличало этихъ новыхъ пророчицъ, обвиняло ихъ въ наглости, нескромности, и отлучало отъ церкви всѣхъ тѣхъ прихожанъ, кто ходилъ ихъ слушать «по воскреснымъ днямъ». Съ той поры, однако, многія женщины съ полнымъ самоотверженіемъ предались дѣлу пропаганды противъ рабства; но такъ какъ мужчины, посвятившіе себя той же дѣятельности, отказывались сдѣлать что-нибудь для дѣла пропаганды женскихъ правъ, то въ 1848 году была созвана въ штатѣ Нью-Йорка первая національная конвенція для обсужденія женскихъ правъ и обязанностей; состоялось это по почину Лукреціи Мотъ и Елизаветъ Кэди Стэнтонъ (Elisabeth Cady Stanton). До 1860 года включительно такихъ конвенцій созывалось двѣнадцать, женское движеніе стало на твердую ногу, и эта партія принялась добиваться своихъ цѣлей — соціальной и политической агитаціей и проясками, въ видахъ воздѣйствія на законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе исторіи этого движенія, остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ болѣе характеристичныхъ его фазисахъ.

Въ началѣ, и здѣсь, дѣятели партіи «женскихъ правъ» не устояли противъ искушенія дразнить общественное мнѣніе безъ всякой необходимости, хотя это и дѣлалось въ крайне невинныхъ формахъ. Такъ, напр., въ 1850 г. одна изъ женщинъ этой партіи попыталась приноровить женскій костюмъ къ покрою мужского платья; срѣзала нижнюю часть своей юбки по волѣно, и изъ выгаданной такимъ образомъ матеріи сшила шаровары и куртку; костюмъ этотъ пришелся вполнѣ по вкусу миссіонерокъ женскихъ правъ, онъ былъ принятъ многими изъ нихъ, и по фамиліи одной изъ самыхъ пылкихъ его партизанокъ окрещенъ и вошелъ въ употребленіе подъ именемъ «Блумеровскаго костюма», тогда какъ женщины, принявшія его, получили кличку «блумеритокъ». На публичномъ торжествѣ 4-го іюля 1851 года — годовщины провозглашенія американской независимости — двѣсти «блумеритокъ» приняли участіе въ уличной процессіи, одѣтыя въ своихъ странныхъ костюмахъ. Поклонницы этой моды терпѣли, однако же, такія насмѣшки со стороны уличныхъ мальчишекъ, и попадали, благодаря своему костюму, въ такія неловкія положенія, что черезъ нѣсколько лѣтъ принуждены были отъ него отказаться.

Политическая агитація въ пользу допущенія женскаго голосованія возникла вначалѣ 1870 года, когда въ Бостонѣ состоялась конвенція, имѣвшая въ виду образованіе партіи «женскаго голосованія»; но по малочисленности членовъ конвенціи, отъ этой мысли благоразумно отказались, и составили меморію, въ которой обращалось вниманіе на несправедливость устраненія женщинъ отъ всякихъ политическихъ правъ, и вмѣстѣ представлялось, что, 1) вопреки постановленію «Билля о правахъ» штата Массачусетса, прямо заявляющему, что «основаніе всякой власти лежитъ въ самомъ народѣ и изъ него истекаетъ», — женщины штата Массачусетса, составляющія цѣлую половину населенія, устранены отъ всякой политической власти; 2) что, вопреки постановленію національной «Декларации Независимости», заявляющей, что правительства получаютъ свою законную власть отъ согласія управляемыхъ, — всѣ женщины Массачусетса управляются безъ ихъ на то согласія; и наконецъ, 3) что, вопреки основному принципу всякаго правленія, основаннаго на народномъ представительствѣ, ностановляющему, что «обложеніе пошлинами безъ дарованія представительства плательщикамъ — есть тираннія», каждая женщина, имѣющая собственность, облагается податями, не пользуясь льготами представительства, и такимъ образомъ лишается контъ

роля надъ установленіемъ и распределеніемъ тѣхъ суммъ, которыя съ нея взимаются.

Основываясь на этихъ положеніяхъ, возникшая партія «женскихъ правъ» стала поочередно обращаться къ національнымъ политическимъ партіямъ, предлагая имъ свое содѣйствіе подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ партія обязалась, по достиженіи власти, содѣйствовать полной политической эмансипаціи женщинъ.

Демократы тогда же и навсегда отказались отстаивать женскія права и пользоваться, въ свою очередь, ихъ содѣйствіемъ. Не такъ рѣшительны и опрометчивы были республиканцы. Они внимательно выслушали вышеприведенную меморію, представленную имъ женщинами въ періодъ избирательной кампаніи 1870 года; предложеніе женщинъ хотя и было забаллотировано, но получило на конвенціи дѣлъхъ 137 голосовъ противъ 196 голосовъ оппозиціи. Этотъ результатъ подалъ «женской партіи» поводъ къ тому, чтобъ наивно повѣрить расположенію къ себѣ значительной части республиканцевъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, эта партія собиралась только чужими руками жаръ загребать. Новое избраніе генерала Гранта президентомъ представлялось весьма сомнительнымъ въ 1872 году, и республиканская партія рѣшилась пустить въ ходъ всѣ средства, лишь бы вызвать всестороннее содѣйствіе своимъ дѣламъ. Національная республиканская конвенція, состоявшаяся въ Филадельфіи въ іюнѣ 1872 года, приняла, между прочимъ, слѣдующую резолюцію: «Республиканская партія помнить, чѣмъ она обязана самоотверженнымъ американскимъ женщинамъ, принявшимъ такое благородное участіе въ дѣлѣ уничтоженія рабства; наша партія съ удовольствіемъ привѣтствуетъ вступленіе женщинъ на болѣе широкую арену полезной дѣятельности и полагаетъ, что всякое честное требованіе гражданъ, насчетъ расширенія ихъ правъ, имѣетъ основаніе рассчитывать на самое почтительное обсужденіе». Республиканская партія обратилась затѣмъ къ женщинамъ съ просьбою ей содѣйствовать, вслѣдствіе чего «національная ассоціація женскаго голосованія» обратилась ко всѣмъ обитательницамъ Союза съ воззваніемъ, приглашая ихъ принять участіе въ президентской кампаніи, поддерживать республиканскихъ кандидатовъ публичными рѣчами и посредствомъ органовъ печати. На призывъ этотъ женщины откликнулись со всѣхъ концовъ Союза, стали усердно работать въ пользу республиканской партіи и не мало оказали содѣйствія вторичному избранію Гранта. Периодическія изданія, гдѣ большее число сотрудниковъ состоитъ изъ женщинъ, также усердно поддерживали республиканцевъ. Республиканцы сво-

его добились, но «женская партія» много потеряла, такъ какъ восстановила противъ себя всѣ остальные политическія партіи, а отъ республиканцевъ не получила ровно ничего; эти послѣдніе, состоя въ теченіе четырехъ лѣтъ—съ 1870 по 1874 годъ—въ большинствѣ, какъ въ конгрессѣ, такъ и во многихъ законодательныхъ собраніяхъ штатовъ, систематически забаллотировывали всѣ биллы, вносимые сторонниками «женскаго голосованія». Женщины, наученныя горькимъ опытомъ, потеряли всякую вѣру въ искренность республиканцевъ и стали искать себѣ поддержки въ другихъ мѣстахъ. Партія трезвости—«пробибиціонисты» (Prohibitionists)—въ свою очередь стала добиваться содѣйствія женщинъ въ президентскую кампанію 1876 года, пригласила этихъ послѣднихъ принимать участіе въ предварительныхъ собраніяхъ этой партіи, и подавать голосъ при назначеніи ихъ кандидатовъ; въ Массачусетсѣ избирательная кампанія велась отъ соединенной партіи «трезвости и равноправности»; женщины принимали участіе въ завульсной дѣятельности политическихъ комитетовъ, въ дни выборовъ навязывали избирателямъ списки кандидатовъ той партіи, которую поддерживали, а впоследствии встрѣтили и адѣсь ту же неблагодарность, что и въ республиканцахъ.

Въ послѣднюю президентскую кампанію 1880 года женщины не пристали уже ни къ какой изъ существующихъ партій—и утверждаютъ, что никогда больше никому другому помогать не станутъ, направляя всѣ свои усилія на пропаганду своихъ идей, въ виду послѣдовавшаго образованія независимой партіи «женскаго голосованія».

Рядомъ съ политической агитаціей въ видахъ завоеванія гражданскихъ правъ для женщинъ, вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ, систематически производится той же партіей «женскаго голосованія» воздѣйствіе на законодательныя собранія различныхъ штатовъ съ тѣмъ, чтобъ измѣнить законы касательно женщинъ. На этомъ поприщѣ американскія женщины вполне доказали устойчивость своихъ убѣжденій и твердость свою въ слѣдованіи къ предназначенной цѣли. Шагъ за шагомъ пробивали онѣ себѣ путь впередъ, борясь въ отдѣльности съ каждымъ изъ тяжелыхъ востановленій англійскаго «Common Law» и заноса въ свои лѣтописи одну побѣду за другою. Какъ трудно должны были доставаться имъ эти успѣхи, явствуетъ уже изъ того, что не далѣе какъ въ 1861 году въ законодательное собраніе штата Массачусетса внесенъ былъ билль о дозволеніи вдовѣ, «имѣющей въ составѣ своего приданаго лѣсныя дачи, рубить дрова въ таковой за отопленіе одной комнаты въ своемъ домѣ». Даже и этотъ

билль не прошелъ, и вдовѣ, по закону, отказано было рубить дрова съ своего собственнаго лѣсною участка. Когда, въ 1865 г. губернаторъ того же штата, мистеръ Эндру (Andrew) при открытіи законодательной сессіи предложилъ членамъ выработать мѣры, которыми бы облегчалась эмиграція изъ штата «лишнихъ и бесполезныхъ женщинъ», желающихъ поступить учительницами и прислугою въ штаты далекаго запада, — собраніе на отрѣзъ отказалось обсуждать предложеніе губернатора, а одинъ изъ членовъ затѣмъ предложилъ, чтобъ «всѣ лишнія и бесполезныя женщины штата собирались ежегодно въ назначенный день въ указанномъ мѣстѣ, куда бы приглашались всѣ фермеры съ далекаго запада, желающіе приобрести женъ, и среди этихъ женщинъ выбирали себѣ подругъ по вкусу и требованіямъ своимъ.

Начиная съ 1869 года, не проходитъ ни одной сессіи въ Нью-Йоркѣ, Массачусетсѣ и другихъ штатахъ, чтобъ на сцену не выступалъ билль о распространеніи избирательныхъ правъ на женщинъ. Билли эти неизмѣнно забаллотировываются, а на слѣдующую сессію представляются въ новой формѣ. Конца этой процедурѣ не предвидится; билли эти не вызываютъ даже никакихъ дебатовъ, рѣчи сторонниковъ женскаго голосованія остаются безъ отвѣта, и это обстоятельство истолковывается друзьями реформы въ томъ смыслѣ, что противники ихъ не имѣютъ уже и аргументовъ, на которыхъ построить свои возраженія. Когда въ 1869 году въ законодательное собраніе Массачусетса представлена была петиція, за подписью 8,000 женщинъ, о дарованіи имъ равныхъ правъ съ мужчинами, туда же поступила петиція отъ другихъ 200 женщинъ, требовавшихъ, чтобъ право голоса было удержано за одними мужчинами, такъ какъ «распространеніе таковаго на женщинъ повело бы къ растлѣнію семейныхъ нравовъ, къ подрыву женственности, уничтоженію достоинства женщинъ» и проч., и проч. Губернаторы этого штата въ особенности отличались своимъ либерализмомъ: начиная съ 1871 года, ни одинъ изъ нихъ не преминулъ коснуться женскаго вопроса въ годовомъ своемъ посланіи, указывая на необходимость расширенія женскихъ правъ и улучшенія законодательства касательно женщинъ. Въ 1879 году, на предложеніе въ этомъ смыслѣ губернатора Томаса Тальбота, законодательное собраніе отвѣтило тѣмъ, что даровало женщинамъ право подавать голосъ «за членовъ» школьнаго комитета, обязавъ притомъ каждую женщину, желающую этимъ правомъ воспользоваться, уплачивать налогъ размѣромъ въ два доллара. Сторонники женскаго голосованія этой уступки отнюдь не добивались,

и потому весьма холодно отнеслись къ такому виду женскаго голосованія, гдѣ подаются голоса, какъ они сами говорятъ, лишь «по принципу», такъ какъ составъ членовъ школьнаго комитета не имѣеть почти никакого вліянія на постановку школьнаго дѣла и на распредѣленіе школьныхъ фондовъ. При первыхъ выборахъ членовъ школьныхъ комитетовъ, всего 5,000 женщинъ подали свой голосъ во всемъ Массачусетсѣ, а теперь подается женскихъ голосовъ гораздо менѣе того. Три женщины были выбраны членами школьнаго комитета, но мужчины-члены отказались принять ихъ въ свою среду, а суды штата постановили, что это дѣло ихъ вѣдѣнію не подлежитъ; въ послѣдующемъ же году законодательное собраніе утвердило право женщинъ быть избранными членами школьныхъ комитетовъ. Члены судовъ Новой-Англіи извѣстны какъ яростные противники «женскаго движенія». Когда, въ пользу этого дѣла нѣкто Джексонъ оставилъ 5,000 долларовъ по духовному завѣщанію, которое оспаривалось его наслѣдниками, суды Массачусетса постановили въ 1867 г., что все, что касается женскихъ правъ, не входитъ въ область закономъ огражденныхъ дѣлъ благотворительности, и потому завѣщаніе въ пользу этого дѣла должно почитаться недействительнымъ. Въ 1871 году губернаторъ Массачусетса, мистеръ Клэвликъ, назначилъ двухъ женщинъ мировыми судьями, но верховный судъ этого штата на запросъ по этому поводу отвѣтилъ, что такъ какъ женщины—суть женщины, а не мужчины, то мировыми судьями быть онѣ не могутъ. Точно также упорно отказываются тамъ допустить женщинъ въ адвокатской практикѣ, хотя это поприще имъ открыто во многихъ другихъ штатахъ.

Мы уже указали въ предыдущей главѣ, какимъ кореннымъ измѣненіямъ подверглось американское законодательство по отношенію къ женщинамъ: положеніе ихъ, предъ закономъ, облегчилось теперь до неузнаваемости, и все это вызвано было неустаннымъ трудомъ партіи «женскаго голосованія», которая и теперь работаетъ, не покладая рукъ и утверждая, что сложить оружіе лишь тогда, когда женщины будутъ вполне приравнены въ правахъ своихъ къ мужчинамъ. По весьма вѣрному опредѣленію одного извѣстнаго писателя по женскому вопросу въ Америкѣ, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ для женщинъ сдѣлано больше чѣмъ за предыдущіе 400 лѣтъ.

Но нельзя не сознаться въ томъ, что все же положеніе женщинъ здѣсь оставляетъ еще многого желать, и что этого многого имъ отнюдь не добиться при американскихъ условіяхъ жизни, пока онѣ не присвоятъ себѣ наконецъ права голоса на выборахъ.

Въ особенности тяжело положеніе женщины, принужденной поддерживать себя въ этой странѣ ручной работой. Такъ, напримѣръ, нью-іоркскіе торговые дома платятъ швеямъ по 35 центовъ за работу дюжины мужскихъ рубашекъ, по 29 центовъ за дюжину панталонъ, и за всю прочую работу соразмѣрно съ этою цѣною. На сентъ же, при дороговизнѣ здѣшней жизни, нельзя купить больше, чѣмъ на одну копѣйку въ Россіи. На всѣхъ попріцахъ женскаго труда, за исключеніемъ журналистики, женскій трудъ оплачивается много дешевле, чѣмъ мужской, хотя въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, какъ напримѣръ въ шьольномъ дѣлѣ, женщины считаются гораздо болѣе удовлетворительными, чѣмъ мужчины. Не далѣе какъ прошлою зимою въ Нью-Йоркѣ арестована была дѣвушка, потому что носила мужскую одежду. Она служила въ какомъ-то ресторанѣ и, по собственному заявленію, одѣвалась мужчиной въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ для того именно, чтобы получать плату, высшую противъ женской.

Присмотрѣвшись къ американскому быту, нельзя, впрочемъ, отвергать, что общее всѣмъ американцамъ легкое и поверхностное отношеніе къ своему дѣлу болѣе всего сказывается на женщинахъ; ни одна изъ нихъ неспособна примириться со своимъ настоящимъ положеніемъ, вѣчно стремится взобраться выше и выше, считая всякую работу лишь временнымъ зломъ, переходнымъ временемъ, ведущимъ къ послѣдующему благополучію. Вслѣдствіе этого, американская женщина, вообще говоря, рѣдко изучаетъ свое дѣло добросовѣстно; ей, правда, закрыты тѣ пути къ наживѣ и возвышенію, которыми пользуются мужчины, но ей—пока она молода—всегда представляется вѣроятность выхода замужъ за человѣка, «могущаго стать президентомъ». Образование въ публичныхъ школахъ равно доступно какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ: послѣднія по развитію даже опережаютъ первыхъ, такъ какъ тѣ спѣшатъ наживать деньги работой, а эти знаютъ, что образованіе дастъ имъ средства блеснуть въ свѣтѣ, за чѣмъ мужчины-американцы отнюдь не гонятся. Дѣвочки здѣсь такъ же бойки, дѣловиты и смѣливы, какъ и мальчики, и положительно неспособны довольствоваться рутинною домашняго очага. Выйдя изъ школы, каждая всѣ свои умственные способности направляетъ исключительно на то, чтобы завербовать наилучшаго мужа; нарядъ является у дѣвушки тѣмъ же, чѣмъ молотъ у кузнеца, или топоръ у плотника.

Не успокоивается она и по выходѣ замужъ, вѣчно поддерживая и въ себѣ, и въ мужѣ, какую-то нервную горячку, пока

они не добьются той степени благосостоянія, когда деньги можно тратить не считая. Тут совмѣстность заботъ исчезаетъ, и женщина на время успокоивается, удовлетворяя развившейся въ ней страсти къ нарядамъ. Понятно, что, при такомъ положеніи вещей, многое дѣлается спустя рукава, прислуги хорошей невозможно достать, портнихи шьютъ какъ попало, кухарки, въ ожиданіи прекраснаго миллионера жениха, подаютъ вамъ все недопеченнымъ, перепареннымъ и перевареннымъ, чего, впрочемъ, нельзя ставить имъ и въ вину, такъ какъ такимъ же образомъ готовится кушанье и тамъ, гдѣ на кухнѣ готовить сама хозяйка дома. Но нельзя отвергать и того, что тамъ, гдѣ только можетъ хозяинъ обрѣзать плату женщинѣ—тамъ онъ это дѣлаетъ совершенно безнаказанно, чего отнюдь не смѣетъ себѣ дозволить по отношенію къ работникамъ-мужчинамъ, избирательными голосами которыхъ онъ дорожитъ.

Небрежность отношенія женщинъ къ труду допускалась, въ разговорахъ со мною, многими добросовѣстными сторонниками женскаго голосованія, но всѣ они неизмѣнно сходились въ своихъ увѣреніяхъ насчетъ того, что эта невыгодная черта характера американскихъ женщинъ неминуемо сгладится съ предоставленіемъ имъ избирательныхъ правъ, которыя поселать въ нихъ увѣренность въ томъ, что у нихъ въ рукахъ есть вѣрная оборона противъ эксплуатаціи, и нѣтъ болѣе необходимости искать выхода изъ своего тяжелаго положенія въ одномъ замужствѣ. Насколько они правы, трудно судить, такъ какъ во всемъ Союзѣ есть только одна территорія—Уайомингъ (Wyoming), гдѣ женщины пользуются всѣми гражданскими правами мужчинъ. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ со времени введенія этой реформы въ Уайомингъ, общественные дѣятели этой территоріи, конечно, уже успѣли освоиться съ ея дѣйствіемъ, и слѣдствія подачи голосовъ женщинами наравнѣ съ мужчинами имѣли время проявиться. Небезинтересно вслѣдствіе того, что, между прочимъ, говорить о результатахъ женскаго голосованія м-ръ Хольтъ, губернаторъ Уайоминга, въ своей рѣчи, которою онъ открылъ сессію мѣстнаго законодательнаго собранія 12-го января настоящаго 1882 года. «Въ другихъ мѣстностяхъ продолжаютъ—говоритъ м-ръ Хольтъ—называть экспериментомъ тотъ почетный статутъ женскаго голосованія, который введенъ на нашей территоріи. Но сами мы прекрасно знаемъ, что это не экспериментъ—что подъ вліяніемъ этого статута у насъ ввелись лучшіе законы, лучшіе чиновники, лучшія общественныя учрежденія, лучшая нравственность и вообще лучшія соціальныя условія, нежели то могло бы въ нашей

средѣ существовать при другихъ условіяхъ; мы знаемъ, что со введеніемъ женскаго голосованія не оправдалось ни одно изъ тѣхъ мрачныхъ предсказаній, которыми насъ осыпали: ни одна изъ нашихъ женщинъ не утратила отъ того своей природной деликатности, не внесла эмансипація женщинъ ни малѣйшаго потрясенія въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ; мы видимъ, что масса нашихъ женщинъ—и лучшія изъ нихъ—приняли на себя голосованіе какъ драгоценный даръ и считаютъ пользованіе имъ своею патриотическою обязанностью; однимъ словомъ, мы знаемъ, что, послѣ двѣнадцати-лѣтняго безмятежнаго существованія, женское голосованіе пустило между нами такіе глубокіе корни, что противъ него не возстаетъ теперь у насъ уже ни одного голоса. Тотъ же губернаторъ, м-ръ Хольтъ, при другомъ случаѣ заявилъ, что введеніе женскаго голосованія на территоріи не вызвало и тѣхъ неудобствъ, которыхъ наиболѣе страшатся отъ этого нововведенія въ восточныхъ штатахъ, а именно оказывается, что женщины Уайоминга отнюдь не проявляютъ особенной охоты къ занятію должностей по выборамъ и не вступаютъ на этомъ поприщѣ въ состязаніе съ гражданами мужскаго пола.

Любимыми аргументами въ устахъ наиболѣе пылкихъ и наивныхъ адвокатовъ женскаго голосованія являются утвержденія, будто, съ доставленіемъ права голоса женщинамъ, повсемѣстно водворится принудительная трезвость, вслѣдствіе запрещенія розничной продажи крѣпкихъ напитковъ, и наступитъ долговременная эра мира внутренняго, какъ и вѣшняго для всего этого благословеннаго края. Болѣе осторожные члены общества женскаго голосованія всѣми мѣрами стараются замять эти опрометчивыя рѣчи своихъ добродушныхъ друзей, насчетъ вѣроятнаго наступленія эры всеобщей трезвости,—весьма справедливо разсуждая, что такъ какъ дарованіе правъ женщинамъ зависитъ пока отъ мужчинъ, то лучше этихъ послѣднихъ такую вѣроятностью преждевременно не пугать. Въ интересахъ же самихъ женщинъ нельзя не пожелать, чтобы, въ случаѣ ихъ допущенія къ участію въ законодательствѣ страны, онѣ, въ своихъ стараніяхъ водворить трезвость, не ограничились мѣрами противъ продажи вина, а выработали бы какой-нибудь планъ для урегулированія продажи опиума, который, подъ различными видами—по утвержденію вѣдшей печати—потребляютъ 75,000 людей въ одномъ Нью-Йоркѣ, изъ которыхъ большинство—женщины. Что же касается эры всеобщаго мира, то позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы она была ускорена политическимъ вліаніемъ женскаго элемента, который повсемѣстно легче возбуждается, и

страсти котораго труднѣе поддаются регулированію разсудка, чѣмъ въ элементѣ мужскомъ. Не говоря уже о такихъ исключительныхъ періодахъ національной жизни, какова была послѣдняя французская революція, выставившая отвратительный рядъ «petroleuses», всѣмъ безпристрастнымъ наблюдателямъ подобныхъ явленій извѣстно, что женщина въ излишествахъ своихъ всегда заходитъ дальше, чѣмъ мужчина. Что американки не составляютъ исключенія—въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Какъ разъ теперь передо мною лежитъ сообщеніе *New York Herald* о беспорядкахъ, вызванныхъ на дняхъ рабочими стачками, въ Кливелэндѣ въ Огайо, и—чтобы не идти далеко за американскимъ примѣромъ, я приведу отрывокъ изъ этой корреспонденціи, способный подтвердить сказанное мною выше. Когда новые рабочіе, не принадлежащіе къ рабочему союзу, вызвавшему стачку, вышли поутру на работу, то рабочіе, принимавшіе участіе въ стачкѣ, собрались по сосѣдству, съ цѣлью заставить новыхъ людей, посредствомъ убѣжденія, а не то, такъ и силою, вернуться назадъ, не работать на хозяевъ. Къ нимъ примкнуло множество женщинъ, энтузіазмъ которыхъ не зналъ границъ; и ихъ настоятельныя убѣжденія произвели значительное дѣйствіе на рабочихъ, въ стачкѣ не участвовавшихъ... Когда новые рабочіе вышли съ работы вечеромъ, то ихъ преслѣдовали стачники, и нѣсколько человѣкъ было избито палками. Одного изъ нихъ жестоко побили камнями, а другого прикололи кинжаломъ. Три женщины изъ партіи стачки напали на одну женщину, принадлежавшую къ противной партіи, избили ее, сорвали съ нея одежду и оставили ее почти нагую...

Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что лидеры женскаго голосованія за послѣдніе годы рѣшительно отказались отъ прежнихъ своихъ пополюзованій добиваться своихъ цѣлей во имя тѣхъ благъ, что посыпятся на страну со введеніемъ дорогой имъ реформы, и требуютъ теперь распространенія политической правоспособности на женщинъ—единственно какъ главнаго средства къ огражденію интересовъ женской же половины, утверждая, что на возвышеніе общественной нравственности онѣ отнюдь не претендуютъ, предоставляя времени дѣлать свое дѣло.

Тѣмъ не менѣе стараніями одной изъ самыхъ способныхъ дѣятельницъ общества «женскаго голосованія» женщины-адвоката, М-тв Ellen Foster, введена на-дняхъ въ штатъ Айовы реформа, бросающая свѣтъ на то, что можетъ быть въ Америкѣ сдѣлано энергичной женщиной, при основательномъ, практичномъ умѣ. Миссисъ Елленъ Фостеръ въ теченіе многихъ лѣтъ проповѣдо-

вала необходимость водворить закономъ принудительную трезвость въ Айовѣ — объѣздила весь штатъ, вездѣ говоря рѣчи въ пользу этой реформы, набрала себѣ армію сотрудниковъ, и вотъ, въ іюнѣ 1882 года, проведенъ въ этомъ штатѣ законъ, положительно воспреещающій куреніе вина и пива и продажу ихъ въ этомъ штатѣ, а также и ввозъ таковыхъ. То же самое сдѣлано было передъ тѣмъ женщинами и въ штатѣ Канзасѣ. Съ какими серьезными затрудненіями связано подобное водвореніе трезвости въ Америкѣ, можно судить уже потому, что законы трезвости, введенные въ штатѣ, отталкиваютъ отъ него эмигрантовъ и тѣмъ тормазятъ развитіе земледѣлія, промышленности и торговли. Эмигрантовъ трудно теперь заманить въ Канзасъ: не стануть нѣмцы и ирландцы селиться и въ Айовѣ.

V.

Mrs Cady Stanton.—Miss Susan Anthony.—Партія умываетъ руки отъ ереси миссисъ Вудгѣль.—Почему эта лэди подверглась остракизму.—Мнѣніе оксфордскаго профессора о женскомъ движеніи въ Америкѣ.—Витаніе между двухъ крайностей.—Упорство агитаціи въ пользу женскаго голосованія.—Вліаніе Англіи.—Женская благотворительность.—Женщины-учительницы и профессора.—Женщинамъ въ почтовомъ вѣдомствѣ.—Участіе женщинъ въ работахъ по народной переписи.—Чиновничья карьера женщинъ.—Женщины-редакторы и репортеры газетъ.—Предпріятіе газеты *New York World*.—Женщина въ литературѣ.—Женщина-публичный ораторъ.—Женщины-медики.—Пасторы и проповѣдники изъ женщинъ.—Женщины-адвокаты.

Примѣръ миссисъ Елленъ Фостеръ далеко не единичное явленіе въ дѣятельности партіи женскаго голосованія, въ рядахъ которой насчитывается весьма много умныхъ, энергичныхъ и образованныхъ женщинъ, безъ всякихъ претензій или напыщенности. Мнѣ пришлось, между прочимъ, познакомиться съ ветеранами движенія — миссисъ Кэди Стэнтонъ и миссъ Сюзанъ Антони — и объ онѣ произвели на меня крайне благопріятное и выгодное впечатлѣніе. Обѣ эти лэди — старухи лѣтъ за шестьдесятъ. Миссисъ Стэнтонъ — высокая, полная женщина, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами, но съ цвѣтомъ лица чуть ли не шестнадцатилѣтней дѣвочки, вся сіяетъ улыбкой, и остроумный языкъ ея положительно не знаетъ покоя. Миссъ Антони, въ свою очередь, подкупаетъ всѣхъ симпатичностью манеръ и голоса, лицо ея, испещренное морщинами, носитъ отпечатокъ какой-то неземной кротости при очевидныхъ слѣдахъ многихъ пережитыхъ трудовъ, а, можетъ быть и горя. Рѣчь обѣихъ лэди, помимо задушевности и простоты, трогаетъ слушателей тою глубиною убѣжденія въ пра-

вогъ дѣла, которымъ рѣчь эта всегда пронизана. Ни та, ни другая не бьютъ на эффектъ, не впадаютъ въ преувеличенія; неизмѣнная твердость ихъ поддерживаетъ около нихъ молодыхъ союзниковъ, и даже противники ихъ движенія не относятся къ этимъ двумъ лѣди иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

Къ немалому удивленію моему, во все время моего продолжительнаго посѣщенія сборищъ общества «женскаго голосованія», мнѣ ни разу не пришлось слышать, чтобы кто упомянулъ о миссисъ Вудгѣль (Woodhull), той лѣди, которая выступала кандидатомъ на президентство въ 1872 году, и слухъ о которой донесся въ то время и въ Европу; не попадалось мнѣ ея имя и въ тѣхъ книгахъ по женскому движенію, которыя я пересмотрѣла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Заинтересованная такимъ всеобщимъ умолчаніемъ объ миссисъ Вудгѣль—будто та никогда и не существовала—и часто заводила объ ней рѣчь съ членами женской партіи, но всегда получала неясныя и уклончивыя отвѣты. Наконецъ, мнѣ довелось убѣдиться, что эта энергичная, хотя и эксцентричная женщина предана чуть ли не «анаемѣ» своими друзьями—сторонниками женскаго голосованія. Дѣло въ томъ, что требуя распространенія политическихъ правъ на женщинъ, миссисъ Вудгѣль одновременно проповѣдовала, какъ мнѣ передавали, доктрину свободной любви и полной эмансипаціи въ брачной ассоціаціи и въ семейныхъ связяхъ. Потерпѣвъ много на своемъ вѣку отъ негодяя мужа и живя открыто съ человѣкомъ, не связаннымъ съ ней законными узами, миссисъ Вудгѣль нанесла примѣромъ своимъ жестокой ударъ репутаціи женщинъ своей партіи; овѣ всѣ умыли руки по поводу ея заявленій, отшатнулись отъ нея и сдѣлали жизнь для нея до того невыносимой по сю сторону Атлантическаго Океана, что она переселилась въ Англію, ища тамъ болѣе симпатизирующихъ и болѣе либеральныхъ друзей. Нельзя не согласиться, что поступивъ такъ жестоко съ миссисъ Вудгѣль, прежніе друзья ея повиновались настоятельной необходимости, заставлявшей ихъ соблюдать возможный декорумъ въ своей средѣ, и крайне чутко относиться ко всякому заявленію общественнаго мнѣнія до той поры, пока не будетъ достигнута ихъ конечная цѣль; миссисъ Вудгѣль, съ другой стороны, едва ли можно оправдать, несмотря на всѣ «смягчающія обстоятельства», говоряція въ ея пользу; будучи рождена и воспитана въ Соединенныхъ Штатахъ, она отнюдь не должна была забывать главной, хотя и подразумеваемой, аксіомы американскаго общества: кради—но не попадайся.

Какъ бы то ни было, а примѣръ миссисъ Вудгѣль далъ

опасное орудіе въ руки противниковъ уравненія женскихъ правъ съ мужскими. Даже такой извѣстный ученый, какъ профессоръ оксфордскаго университета, мистеръ Голдуинъ Смизсъ (Goldwin Smith), и тотъ въ статьѣ своей объ американскихъ учрежденіяхъ, помѣщенной въ журналѣ «Nineteenth Century», бросаетъ камень въ здѣшнюю партію женскаго голосованія. Не лишнимъ будетъ привести сужденіе англійскаго ученаго объ этомъ предметѣ, такъ какъ на отъѣвахъ подобныхъ ему людей основывается вердиктъ наиболѣе интеллигентныхъ слоевъ общества какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ.

«Партія женскаго голосованія, говоритъ профессоръ Смизсъ, составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ не болѣе какъ часть общаго движенія противъ половыхъ ограниченій, брачнаго союза и тяжести дѣторожденія. Тѣ, что стремятся этимъ путемъ нарушить политическое единство семьи, подрываютъ ея цѣлость въ другихъ отношеніяхъ, отдѣляя какъ можно болѣе интересы жены отъ интересовъ мужа и научая жену относиться къ мужу не съ довѣріемъ, а съ завистью»... «Пашущій эти строки самъ слышалъ въ разныхъ мѣстахъ о томъ, какъ нѣкоторыя женщины—лидеры движенія—употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства къ тому, чтобъ отговаривать молодыхъ дѣвушекъ вступать въ бракъ. Имя Джона Стюарта Милля, красующеся на знаменахъ лидеровъ этого движенія (очевидная ссылка почтеннаго профессора на пропаганду миссисъ Вудгѣль), ясно указываетъ на настоящій его характеръ и свидѣтельствуеетъ о томъ, что оно стремится распространиться на общее положеніе женщины. Если движеніе это въ Америкѣ разросется, въ результатъ окажется, что англо-американская раса будетъ затерта, исчезнетъ и будетъ замѣнена ирландцами и нѣмцами, женщины которыхъ не стремятся еще отказываться отъ своего пола, остаются вѣрными своей семьѣ, являются прекрасными матерями; при томъ, всѣ ирландцы и половина нѣмцевъ (въ Америкѣ) принадлежатъ къ церкви (католической), которая всегда поддерживала и отстаивала семью».

Надѣюсь, что несправедливость этого нападенія англійскаго профессора на партію женскихъ правъ въ Америкѣ очевидна для всякаго, удѣлившаго нѣкоторую долю вниманія тому, что говорилось мною выше объ этой партіи, ея возникновеніи, стремленіяхъ и дѣятельности. Для того, однакоже, чтобъ устранить послѣднюю тѣнь сомнѣнія на этотъ счетъ, я еще разъ подтверждаю, что здѣшняя партія женскаго голосованія не только не ведетъ никакой агитаціи съ цѣлью измѣненія положенія женщины въ семьѣ и обществѣ, но грѣшитъ именно тѣмъ, что боится выступать

даже и противъ малѣйшихъ предрасудковъ, регулирующихъ частныя отношенія прекраснаго пола. Не разъ, присутствуя на собраніяхъ этой партіи, думалось мнѣ, что предприимчивыя леди вѣрнѣе и быстрѣе достигли бы своей цѣли, если бы вмѣсто того, чтобъ ограничиваться поощреніемъ въ женщинахъ страсти къ туалету и выѣздамъ въ видахъ сохраненія «женственности» и уступки общественному мнѣнію, онѣ сосредоточили хоть часть своихъ усилій на томъ, чтобъ развить въ заурядномъ типѣ американской женщины хотя малую долю интереса ко всему тому, что составляетъ насущное содержаніе жизни ихъ мужей, и тѣмъ подготовить почву для естественнаго сближенія обѣихъ сторонъ другъ съ другомъ безъ всякихъ уступокъ или назойливости со стороны той или другой. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, руководительницы партіи главнымъ образомъ и хлопочатъ о томъ, чтобъ не испугать самыхъ недовѣрчивыхъ и робкихъ женщннъ; старательно наряжаются, завиваются, пудрятся и, по выраженію французовъ, *voulant trop plaire — ne plaisent rien*. Мужчины допустить не хотятъ, чтобъ, за всѣми этими хлопотами о туалетѣ и выѣздахъ, у женщинъ «партіи голосованія» было время на то, чтобъ серьезно обдумать то, чего онѣ просятъ, и они естественнымъ образомъ полагаютъ, что «права» требуются этимъ досужимъ леди просто въ видѣ новой забавы, и совершенно рационально держатся того убѣжденія, что не стоить измѣнять конституцію ради празднаго каприза не знающихъ чѣмъ заняться женщинъ. Мнѣ, съ своей стороны, лично приходилось въ томъ убѣждаться, что большинство честныхъ, образованныхъ и либеральныхъ мужчинъ искренно убѣждено въ томъ, что интересы женщинъ оберегаются мужчинами гораздо основательнѣе, чѣмъ то дѣлалось бы самими леди «*au beau plumage*». Свѣтскія же женщины, разумѣется, не спѣшатъ примкнуть къ плѣнительнымъ пропагандисткамъ женскихъ правъ, видя, какъ мало эта пропаганда привлекаетъ мужчинъ и какъ мало въ дѣятельности членовъ шансовъ на то, чтобъ устроить пикантное маленькое «*flirtation*» или «*excitement*».

Профессоръ Гольдуинъ Смизъ утверждаетъ, что ему извѣстно, будто партія «женскаго движенія» въ Соединенныхъ Штатахъ подкапывается подъ самыя почтенныя учрежденія общественной жизни, убѣждая молодыхъ дѣвушекъ не выходить замужъ. Надо полагать, что почтенный профессоръ имѣетъ основаніе на это заявленіе; но съ своей стороны я рискну замѣтить, что при близкомъ и довольно продолжительномъ моемъ знакомствѣ съ дѣятелями этой партіи въ Нью-Йоркѣ и Огайо, я встрѣтила среди

нихъ не болѣе двухъ-трехъ старыхъ дѣвъ; остальные люди всѣ были замуженія—большинство имѣло большія семьи и взрослыхъ дочерей, которыя, на мой взглядъ, вовсе не проявляли никакихъ исключительныхъ тенденцій и никакихъ замѣтныхъ склонностей присоединиться къ участи старыхъ дѣвъ. Что же касается послѣдней инсинуаціи м-ра Смизса касательно того, что партія эта является, между прочимъ, частью общаго движенія противъ ограниченій и тягостей, связанныхъ съ брачнымъ союзомъ, то это само собою опровергается тѣмъ, что только-что сказано мною выше; не мѣшаетъ, впрочемъ, прибавить, что въ самомъ послѣднемъ скандалѣ этого рода, раскрытомъ здѣсь, никакая партія отнюдь не фигурируетъ. Не далѣе какъ въ іюлѣ 1882 года открыто, что изъ родильнаго дома для неимущихъ въ Филадельфіи (Philadelphias Almshouse and Chidren's Home), вопреки всѣмъ правиламъ дома, за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ постоянно брались новорожденные незаконныя дѣти богатыми молодыми женщинами, которыя выдавали ихъ мужьямъ своимъ за своихъ собственныхъ дѣтей и тѣмъ удовлетворяли желаніе своихъ сожителей имѣть семью, сами не поступаясь тѣмъ временемъ ни силами, ни красотою своею. Раскрытіе этого долговременнаго, вопіющаго злоупотребленія произвело большое смущеніе какъ въ Пенсильваніи, такъ и въ пограничныхъ штатахъ; многіе мужья начинаютъ мучиться подозрѣніемъ, что имъ навязаны чужія дѣти предупредительными сожительницами, а подозрѣніе это—если только оно могло разъ зародиться—способно вконецъ разстроить всю жизнь человѣка. Другіе мужья, благодаря содѣйствію газетныхъ репортеровъ и наряженному слѣдствію, уже успѣли добиться правды и убѣдились въ томъ, что дѣти, почитаемыя ими за своихъ, произошли отъ неизвѣстныхъ родителей: одинъ счастливый семьянинъ западной Виргиніи, нѣкто м-г Scarlott, оказывается пріемнымъ отцемъ четырехъ дѣтей, которыя всѣ были взяты его женою изъ филадельфійскаго родильнаго дома и выданы ему за его собственныхъ дѣтей; другой подобный случай обнаружился въ богатой семьѣ м-г Niblo, содержателя одного изъ нью-іорвскихъ театровъ. Много мужей утратили свое безмятежное спокойствіе за послѣдніе дни; но все, что до сей поры по этому дѣлу раскрыто, указываетъ на то, что дѣтей изъ родильнаго дома брали лишь частныя, богатая молодая женщины, отнюдь не зараженныя никакими передовыми идеями насчетъ эмансипаціи женщинъ. Какъ ни грустно это происшествіе, смутившее гражданъ восточныхъ штатовъ Союза,—въ немъ есть и забавная сторона, которая тѣмъ рельефнѣе выдается, что тѣ же самыя

обеспокоенные мужья, которые такъ усиленно кричатъ теперь противъ злоупотребленій, проявившихся въ филаделфійскомъ родильномъ домѣ, ни минуты не останавливаются на соображеніи того, что это раскрытіе указываетъ лишь на то, что на поставляемыхъ младенцевъ былъ усиленный спросъ; всякій же человекъ, имѣющій привычку просматривать New York Herald, давнымъ давно привыкъ видѣть въ немъ ежедневно по нѣскольку предложеній уступки желающимъ новорожденныхъ младенцевъ американскаго, англійскаго или другого происхожденія, иногда даже при точномъ обозначеніи того, изъ протестантской или католической семьи ребенокъ происходитъ.

Трудно предрѣшить, достигнетъ ли это поколѣніе партіи женскаго голосованія своей вѣчной цѣли—уравненія женщинъ въ правахъ съ мужчинами; трудно даже высказаться насчетъ того, желательно ли въ интересахъ самихъ американскихъ женщинъ, чтобъ на нихъ были распространены избирательныя права; но можно съ утвердительною сказать, судя по прошлой исторіи движенія, что цѣлей своихъ эта партія рано или поздно добьется, если будетъ продолжать отбивать шагъ за шагомъ почву изъ-подъ ногъ своихъ противниковъ. Методъ партіи таковъ, что несмотря на всѣ ея смѣшныя стороны и подчасъ несообразныя заявленія, онъ не можетъ привести ее иначе какъ къ успѣху; гибкость же и настойчивость американскаго характера, съ своей стороны, могутъ служить ручательствомъ того, что партія ни одного камня на своемъ пути не оставитъ неперевернутымъ, чтобъ добиться своего, подлаживаясь подъ всѣ требованія времени, видимо щадя предразсудки всѣхъ и каждаго, но тѣмъ временемъ не упуская ни малѣйшаго случая къ тому, чтобъ хотя на одну іоту подвинуть свое дѣло. Мы видимъ, съ какимъ самоотверженіемъ предались лучшія изъ американскихъ женщинъ трудной задачѣ искорененія рабства въ свободной республикѣ; не оставались онѣ въ бездѣйствіи и по открытіи военныхъ дѣйствій. Въ архивахъ вашингтонскаго военнаго министерства находимъ мы неопровержимыя свидѣтельства того, что въ междоусобную войну съверса съ югомъ болѣе пятисотъ женщинъ сражалось въ арміи на ряду съ заурядными солдатами, что многія изъ нихъ пали на полѣ брани въ защиту тѣхъ принциповъ, которые проповѣдовались ими передъ тѣмъ въ публичныхъ рѣчахъ, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что много женщинъ свыше этого числа сражалось и пало въ рядахъ арміи, не будучи никогда признаны за женщинъ и внесены въ женскіе списки военнаго министерства.

Съ развитіемъ народнаго благосостоянія, съ непоми́рнымъ скопленіемъ капиталовъ въ частныхъ рукахъ и при замѣтномъ упадѣѣ принциповъ и идеаловъ въ политической жизни страны, характеризующихъ настоящую эпоху американской жизни, дѣятели партіи женскаго голосованія опять-таки не отстали отъ требованій времени и добиваются своихъ цѣлей всѣми путями: сегодня говорятъ на платформахъ о необходимости введенія всеобщей трезвости, завтра собирая деньги, и посылая въ то или другое законодательное собраніе своихъ ловкихъ агентовъ, знающихъ, на что и какъ употребить эти деньги, чтобъ смазать тѣ или другія колеса законодательной машины; на слѣдующій затѣмъ день принимается злостное рѣшеніе заваливать своихъ представителей и законодателей письмами съ непремѣннымъ требованіемъ проводить въ палатахъ мѣры въ защиту женскихъ правъ и т. д. безъ конца, безъ перерыва, безъ временнаго даже отдыха.

Шансы этой партіи на успѣхъ среди интеллигентныхъ американскихъ слоевъ значительно усилились съ той поры, какъ идеи женскаго голосованія такъ широко разрослись въ Англіи. Несмотря на всю свою неприязнь къ англичанамъ, американская интеллигенція всецѣло руководится примѣромъ англичанъ; ежеминутно, такъ сказать, привыкла она оглядываться черезъ океанъ, пристально слѣдя за тѣмъ, какъ посмотреть на то или другое ея дѣйствіе англичане: не будетъ ли оно призвано нереспектабельнымъ проявленіемъ дивости американскихъ нравовъ? Американцы съ глубокимъ удивленіемъ услышали о томъ, что въ предѣлахъ британскихъ владѣній, а именно на *Isle of Man*, введено, при извѣстныхъ имущественныхъ ограниченіяхъ, женское голосованіе, и проведенное не какимъ-нибудь хитрымъ подкупомъ, а мѣстною законодательною палатою, оно удостоилось санкціи самой королевы Викторіи, утвердившей женское голосованіе и права женщинъ этого острова на совѣтѣ министровъ 5-го января 1881 года.

Въ ожиданіи грядущей поры полной равноправности американскихъ женщинъ съ мужчинами, не лишне представить бѣглый обзоръ того, на какихъ здѣсь попрощахъ подвизается наиболѣе интеллигентная часть образованныхъ женщинъ, которыя предпочли искать себѣ занятія внѣ предѣловъ семьи,—и прослѣдить, чего достигли американки на избранныхъ ими попрощахъ дѣятельности.

Намъ приходилось выше останавливаться на рассмотрѣніи того участія, которое принимается женщинами въ дѣлахъ религіи; что касается дѣлъ благотворительности, то они поглощаютъ весь

досугъ множества состоятельныхъ женщинъ, которыя организуютъ всякіе пріюты, миссіи, лечебницы, исправительныя заведенія, жертвуютъ деньги на разныя гуманныя предпріятія. Перечислять примѣры женской щедрости и предпримчивости на этой аренѣ нѣтъ возможности, такъ она велика; въ видѣ иллюстраціи можно только замѣтить, что дѣятельность извѣстной нью-іорской филантропки, m^{rs} Elisabeth Thompson, потратившей за послѣдніе 16 лѣтъ 6 милліоновъ долларовъ на дѣла благотворительности—далеко не единичное здѣсь явленіе, равно какъ неисключительно и разочарованіе, постигшее эту леди, которая сама въ томъ сознается, что по ея убѣжденію большая половина этихъ шести ея милліоновъ пошла на то, чтобъ потворствовать лѣни, пороку и преступленію.

Въ области практической дѣятельности, американская женщина одержала въ послѣднее десятилѣтіе важную побѣду, доказавъ неосновательность того предположенія, что женскій умъ не способенъ на изобрѣтенія. Изъ статистическихъ данныхъ за 1880 годъ мы видимъ, что здѣшнимъ женщинамъ выдано до семидесяти патентовъ на различныя изобрѣтенія. Конечно, всѣ эти новѣйшія приспособленія, введенныя женщинами, главнымъ образомъ, касаются предметовъ, употребляемыхъ при заурядной работѣ женщинъ, но это все же не мѣшало нѣкоторымъ изъ этихъ изобрѣтеній снискать быструю популярность, благодаря ихъ остроумной практичности. Въ спискѣ прошлогоднихъ женскихъ изобрѣтеній, на которыя выданы патенты, мы видимъ стиральныя, гофрировальныя машины, складные рабочіе столы, педаль швейной машины, умывальникъ, грѣлка для утюговъ, складные стулья, постель-гардеробъ, постели для больныхъ, постели-диваны, холодильники и проч.

Самая почетная и популярная въ Америкѣ женская дѣятельность—это, конечно, карьера учительская, на которой здѣшнія женщины проявили свое превосходство надъ мужчинами до такой степени, что почти совсѣмъ вытѣснили конкуренцію этихъ послѣднихъ на педагогическомъ поприщѣ, и въ настоящее время здѣсь приходится по семи и восьми женщинъ-учительницъ на каждаго мужчину во всѣхъ отдѣлахъ этой профессіи; много женщинъ состоитъ главными учительницами школьныхъ отдѣленій, начальницами среднихъ и нормальныхъ школъ. Миссъ Марія Мичель (Maria Mitchell) была первой женщиной въ этой странѣ, которая заняла профессорскую кафедру въ одной изъ высшихъ коллегій. Въ 1866 году, она была назначена профессоромъ астрономіи и математики въ коллегіи Бассара. Начиная съ этого

времени, женщины становятся членами факультетовъ и ординарными профессорами во многихъ изъ главныхъ коллегій страны; эта учебная карьера очевидно прекрасно соответствуетъ женскимъ наклонностямъ и способностямъ; жалобъ на недобросовѣстность при исполненіи дѣла почти не встрѣчается тамъ, гдѣ учительницы специально подготовлены къ учительской дѣятельности, какъ напримѣръ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ чуть ли не $\frac{2}{3}$ всѣхъ учительскихъ мѣстъ въ публичныхъ школахъ замѣщено бывшими воспитанницами нормальной коллегіи. Нельзя, въ сожалѣвію, того же сказать про дѣятельность сельскихъ учительницъ. При широкомъ развитіи личнаго почина и извѣстной ревности американцевъ къ распространенію образованія, школы вырастаютъ, какъ грибы, вездѣ, гдѣ составляетя людское поселеніе; въ фермерскихъ часткахъ мѣсто подъ школу избирается такъ, чтобъ отстоять не далѣе какъ мили на полторы-на двѣ отъ самой уединенной фермы; возникаютъ школы даже и тамъ, гдѣ едва расчищены первобытные лѣса подъ поселенія людей. Понятное дѣло, что такія возникающія общины не могутъ тратить большихъ денегъ на жалованье учителямъ, да хорошія учительницы и не пошли бы къ нимъ, по той самой причинѣ, какъ не идутъ фабричныя дѣвушки наниматься въ прислугу на фермы. И такъ, въ учительницы приходится брать первую попавшуюся изъ предлагающихъ свои услуги мѣстныхъ дѣвушекъ: весьма часто подобная учительница сама едва можетъ складно читать и дѣлаетъ по ошибкѣ и по двѣ въ каждой строкѣ; она вовсе не приготовлена къ учительской дѣятельности, и ей неизвѣстенъ ни одинъ изъ тѣхъ новѣйшихъ приемовъ, которыми до такой замѣчательной степени облегчается трудъ дѣтей въ школахъ большихъ городовъ; дѣтское вниманіе часто утомляется, терпѣнію учительницы также нерѣдко является конецъ, происходятъ столкновенія или, вѣрнѣе сказать, жестокіе побои дѣтей. Подобныхъ невѣжественныхъ учительницъ я встрѣчала и въ среднихъ штатахъ, заселенныхъ съ давней поры; что же касается тѣлеснаго наказанія дѣтей, то и въ Нью-Йоркѣ оно отмѣнено закономъ весьма въ недавнемъ времени, а учителя часто жалуются въ печати на то, что они не имѣютъ возможности исправлять запущенныхъ матерями дѣтей, съ тѣхъ поръ какъ у нихъ отнято право ручной расправы.

Вслѣдъ за учительской профессіей, американки наиболѣе популярны въ должности начальниковъ почтовыхъ отдѣленій, въ особенности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, куда окрестные жители заѣзжаютъ за почтою, когда имъ вздумается, писемъ же по-

лучается такое незначительное количество, что было бы немисливо содержать на этихъ пунктахъ мужчину почтмейстера и платить ему крупную сумму денегъ за то, чтобъ онъ всегда былъ на лицо, когда кому вздумается зайти въ почтамтъ. Неудобство это въ этой практичной странѣ обойдено слѣдующимъ образомъ. Во всякомъ глухомъ закоулѣ, официально осчастливленномъ почтовымъ отдѣленіемъ, это послѣднее состоитъ всего изъ одного бюро или почтового ящика, стоящаго на кухнѣ одной изъ мѣстныхъ жительницъ; хозяйка этой кухни назначается начальникомъ почтового отдѣленія и исполняетъ свою должность во всеобщему удовольствію за треть платы, потребной для уплаты полнаго жалованья почтмейстеру мужчинѣ: она, конечно, способна регулярно исправлять свои официальные обязанности за минимумъ платы, такъ какъ ей, какъ хозяйкѣ дома, все равно приходится проводить всѣ дни за работою у своего очага—и потому она всегда на лицо, когда бы кто «на почту» ни забрелъ. Первая женщина-почтмейстеръ назначена была м-ромъ С. П. Чэзъ въ 1862 году, а въ 1881 году, изъ 44,140 почтовыхъ отдѣленій Соединенныхъ Штатовъ, оволо одной десятой—а именно 4,000 отдѣленій—находилось подъ вѣдѣніемъ женщинъ. Въ центральномъ почтовомъ департаментѣ Уашигтона числится очень много женщинъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуется знаніе иностранныхъ языковъ, о которыхъ нѣкоторыя женщины здѣсь имѣютъ хотя слабое понятіе, тогда какъ рѣдкій мужчина знаетъ слова два изъ какаго другого языка, вромѣ своего родного. Такихъ женщинъ-чиновницъ теперь числится въ Уашигтонскомъ почтовомъ департаментѣ отъ 90 до 100 человекъ, и должность свою исполняютъ онѣ, какъ увѣряютъ, съ полною честью и успѣхомъ.

Также удовлетворительна оказалась работа женщинъ и на другомъ поприщѣ, которое открылось имъ временно съ согласія генерала Уавера (F. A. Walker), стоящаго во главѣ составленія народной и статистической переписи страны за 1880 годъ. Этотъ джентльменъ согласился назначать женщинъ для сбора статистическихъ свѣдѣній въ разныхъ мѣстностяхъ Союза. Кромѣ того, множество женщинъ занимаютъ мѣста писарей и низшихъ чиновницъ въ уашигтонскихъ министерствахъ. Существуютъ свѣдѣтельства того, что женщины занимаютъ различныя официальные должности въ соціальныхъ и національныхъ ученыхъ ассоціаціяхъ¹⁾; но подобныя мѣста по необходимости должны быть

¹⁾ *Massachusetts in the women Suffrage Movement*, by Harriet Robinson.

весьма немногочисленны, и потому мнѣ позволительно будетъ объ нихъ умолчать, тѣмъ болѣе, что самой мнѣ наблюдать дѣятельность этого разряда женщинъ не приходилось.

Не легко дается американскимъ женщинамъ чиновническая карьера, много ходитъ въ печати и въ обществѣ слуховъ насчетъ того, какъ большинство этихъ женщинъ удерживается на своихъ мѣстахъ; но слухи эти до того возмутительны, что не имѣя возможности ихъ лично провѣрить, я, конечно, не воснулась бы этого предмета въ настоящей статьѣ, если бы мнѣ не попалось подтвержденіе всего слышаннаго изъ такого источника, компетентнѣ котораго ничего и быть не можетъ. Подтвержденіе это найдено мною въ передовой статьѣ бостонскаго Woman's Journal, написанной однимъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ, способныхъ и образованныхъ гражданъ ученаго Массачусетса, а именно, полковникомъ Томасомъ Хиггинсономъ (Thomas Higginson), который всѣмъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ партіи «женскаго голосованія» и считается неизмѣннымъ другомъ всѣхъ женщинъ, заявляющихъ свои способности на какомъ бы то ни было общественномъ поприщѣ. Изобличеніе женщинъ-чиновниковъ вырвалось у мистера Хиггинсона отнюдь не по неприязни къ этимъ послѣднимъ, и не изъ желанія ихъ изобличить, а по необходимости оградить въ своемъ журналѣ отъ нареканій имя бывшаго министра Карла Шурца, который, при всемъ своемъ просвѣщенномъ сочувствіи къ женщинамъ, вынужденъ былъ указать на безчинства уашигтонскихъ женщинъ-чиновниковъ, въ подтвержденіе необходимости реорганизовать существующую систему замѣщенія правительственныхъ мѣстъ. Рѣчь Карла Шурца произнесена была въ ноябрѣ 1881 г. въ Массачусетсѣ, и вотъ подлинныя слова изъ статьи, написанной по поводу этой рѣчи полковникомъ Хиггинсономъ: «Въ настоящее время чиновническія мѣста считаются законною собственностью политическихъ дѣятелей, и главнымъ образомъ находятся они въ рукахъ народныхъ представителей въ конгрессѣ... Почти всѣ женщины занимаютъ свои должности въ силу личнаго покровительства какого-нибудь пріятеля-мужчины, иначе говоря, дневное пропитаніе каждой изъ этихъ женщинъ-чиовницъ и семья таковыхъ изо дня въ день зависятъ отъ расположенія къ ней ея вліятельнаго покровителя. Въ этомъ выборѣ женщинъ на правительственныя мѣста играетъ роль не столько способность таковыхъ успѣшно исполнять свои обязанности, сколько желаніе члена конгресса угодить какой-нибудь знакомой женщинѣ. Какъ бы хорошо женщина ни исполняла свою должность, она всегда

рискуетъ быть смѣщенной по первому капризу «покровителя», лишь тотъ пожелаетъ очистить занимаемое ею мѣсто для другой своей кандидаты на него. Тотъ же патронъ имѣетъ достаточно вліянія и для того, чтобъ ограждать такую чиновницу отъ всякихъ непріятностей, хотя бы она ровно ничего по должности не исполняла. Съ теченіемъ времени это оффиціальное существованіе дѣлается чѣмъ-то въ родѣ природной стихіи для подобныхъ женщинъ-чиновницъ, онѣ дѣлаются неспособными ни къ какому другому занятію; онѣ не могутъ выносить мысли объ оставленіи своего мѣста и цѣпляются за него во что бы то ни стало»... «Въ рѣчи своей мистеръ Шурцъ старательно избѣгалъ преувеличеній, и не сказалъ прямо, что такія отношенія женщинъ къ ихъ патронамъ ведутъ неизбѣжно къ скандаламъ. Но каждому изъ насъ, бывающему въ Вашингтонѣ, извѣстно, что скандалы въ этой сферѣ происходятъ, хотя и не всегда поддаются гласности. Предположимъ, приличія ради, что немного найдется положительно развращенныхъ людей въ числѣ нашихъ законодателей; но какъ много за то между общественными дѣятелями людей грубыхъ, вульгарныхъ, со всѣми склонностями эгоистовъ и деспотовъ — людей, ни въ какомъ случаѣ не имѣющихъ правъ на то, чтобъ контролировать жизнь женщинъ. Не станемъ говорить здѣсь о положительныхъ опасностяхъ и преступленіяхъ, вызываемыхъ такимъ положеніемъ вещей, — достаточно будетъ заявить, что постыдно порядочной женщинѣ ежечасно заботиться о томъ, какъ бы не утратить дружбы какого-нибудь члена конгресса; ставить себѣ первую обязанностью развлекать и забавлять этого покровителя; подчасъ — пренебрегать своимъ дѣломъ, лишь бы поѣхать съ покровителемъ повататься, или совершить какую-нибудь рискованную экскурсію въ полномъ сознаніи того, что безопаснѣе вызвать неудовольствіе начальника своего департамента, чѣмъ заслужить временную холодность своего спеціального покровителя. Самому мнѣ приходилось слышать отъ женщинъ-чиновницъ, что онѣ крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ потому, что такой-то членъ конгресса ихъ личный другъ, а затѣмъ, когда мнѣ приходилось знакомиться съ этимъ драгоценнымъ покровителемъ, я находилъ въ немъ человѣка отнюдь не заслуживающаго того, чтобъ подѣ его покровительство прибѣгала какая бы то ни было женщина».

На поприщѣ журналистики американскія женщины чувствуютъ себя совершенно равноправными съ мужчиною; онѣ занимаютъ мѣста сотрудниковъ и редакторовъ газетъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Соединенныхъ Штатовъ; многія изъ нихъ состоятъ заурядными репортерами, тогда какъ другія, получающія выс-

шую плату, специально прикомандировываются къ тому, чтобы вращаться въ хорошемъ обществѣ, посѣщать театры, оперы, частныя балы, бывать на раутахъ и обѣдахъ и обо всѣхъ этихъ увеселеніяхъ своевременно доставлять отчетъ въ редакціи газетъ. Существованіе этихъ женщинъ-репортеровъ составляетъ, надо замѣтить, одну изъ египетскихъ каръ американской общественной жизни: гдѣ бы вы такую предприимчивую лэди ни встрѣтили, она всегда изобрѣтетъ средство поймать васъ гдѣ-нибудь на такомъ мѣстѣ, откуда вы не можете выйти иначе, какъ, развѣ, перешагнуть черезъ ея трупъ; приперевъ васъ такимъ образомъ, она начинаетъ разспрашивать васъ о самыхъ интимныхъ вашихъ дѣлахъ, добывается мнѣнія вашего по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Горе вамъ, если вы, по наивности вашей, вздумаете заявить подобной лэди-репортеру, что вы не желаете отвѣчать на ея вопросы, такъ какъ не любите, чтобы имя ваше красовалось на столбцахъ, отведенныхъ газетами подъ мнѣстныя сиплетни! Если вы попытаетесь положить такимъ рѣзкимъ образомъ конецъ вашимъ мученіямъ, на слѣдующій же день непременно появится въ газетѣ длинная статья о томъ, каковы вы съ вида, какъ вы одѣваетесь, почему вы были въ дурномъ расположеніи духа наканунѣ и чему приписать то обстоятельство, что вы коснѣете въ варварскихъ предразсудкахъ, не признаете правъ новѣйшей журналистики и отказываетесь отвѣчать на разспросы плѣнительныхъ лэди-репортеровъ. Нашествія такой особы вы можете ожидать во всякое время—днемъ и ночью—гдѣ бы ей ни случилось васъ захватить. Американцы прекрасно знаютъ, какъ опасно возбуждать неудовольствіе лэди-репортера и потому никогда не отказываются удовлетворять самой широкой любознательности предприимчивыхъ и неустрашимыхъ лэди. Впрочемъ, тѣ же самыя лэди—какъ мнѣ передавали люди, хорошо знакомые съ закулисною стороною нью-іорвской жизни—имѣютъ иногда и другое выгодное ремесло. Какъ-то недавно мнѣ прислано было на домъ объявленіе отъ газеты New York World, заявляющее, что при конторѣ этой газеты, принадлежащей извѣстному Jay Gould'у, владѣльцу 70-ти-милліоннаго состоянія, открывается отдѣленіе, въ которое могутъ обращаться всѣ тѣ гостепріимныя амфитріоны, которые хотятъ и имѣютъ средства задать «пиръ на весь міръ», но не имѣютъ таланта занимать своихъ гостей. Контора World обязуется, по первому востребованію, поставлять изящныхъ, благовоспитанныхъ лэди и джентльменовъ, которые, по уплатѣ имъ 10 долларовъ за визитъ, имѣютъ появиться на обѣдѣ или званомъ вечерѣ въ безукоризненномъ туалетѣ, и обязуются

развлекать гостей музыкой, шарадами, воодушевлять собранія своимъ остроуміемъ и проч., и проч., отнюдь не выдавая своей профессіи и держась наравнѣ съ прочими зваными гостями. Предусмотрительная контора ручается за то, что посылаемые ею на такія сборища лица будутъ вести себя безукоризненно, или, проще говоря, ложекъ воровать не стануть. Заинтересованная подобнымъ оригинальнымъ предпріятіемъ я стала спрашивать знакомыхъ американцевъ и отъ нихъ узнала, что этому предпріятію суждено процвѣтать, такъ какъ требованіе на такихъ лицъ весьма велико и приглашать ихъ будутъ безо всякаго опасенія, такъ какъ такія лица главнымъ образомъ состоятъ изъ интеллигентнаго класса женскихъ и мужскихъ газетныхъ репортеровъ. Насколько вѣрно это предположеніе насчетъ такого побочнаго заработка репортеровъ, я сказать не могу, такъ какъ далѣе этого вопроса не провѣряла; одно могу отъ себя сказать, что вышеприведенное предположеніе—весьма и весьма вѣроятно, такъ какъ,—съ американской точки зрѣнія—это чрезвычайно удобно и ни мало для интеллигентныхъ людей не предосудительно.

Беллетристическій отдѣлъ литературы находится главнымъ образомъ въ рукахъ женщинъ-писательницъ; наиболее популярная изъ нихъ—*ms Frances Hodgson Burnett*—состоитъ постоянною сотрудницей лучшаго въ Соединенныхъ Штатахъ журнала—«*Century*», издаваемого фирмою *Scribner Brothers*. Эта лэди-романистка чрезвычайно плодотива и уже начинаетъ реализировать на себѣ американскій идеалъ успѣха: ей менѣе сорока лѣтъ, а между тѣмъ она составила себѣ своими романами довольно круглое состояніе; что талантъ въ этой писательницѣ есть, о томъ свидѣлствуютъ ея раннія произведенія, наилучшимъ изъ которыхъ считается романъ «*Louisiana*», гдѣ героинею выведенъ уже давно несуществующій здѣсь въ дѣйствительности типъ свѣжей степной дѣвушки-дикарки, сильной природы, нетронутой излишествами цивилизаціи. Большинство остальныхъ романовъ *ms Frances Hodgson Burnett* воспроизводитъ все тотъ же типъ американской дѣвушки-богачки, красавицы, независимыхъ убѣжденій, которая приводится въ соприкосновеніе съ гнилою цивилизаціей Европы, покируетъ своими смѣлыми выходками и затѣвываетъ своимъ умомъ и красотой всѣхъ женщинъ, побуждаетъ сердце всѣхъ появляющихся въ романѣ мужчинъ, проносится какъ блестящій метеоръ по горизонту и исчезаетъ вдали въ объятіяхъ такого же «цѣльнаго» американскаго индивидуума «мужеска пола». Лучшими мѣстами этихъ романовъ неоспоримо являются тѣ, которыя отводятся подѣ описаніе роскошныхъ туале-

товъ героини—неизмѣнно поставляемыхъ Worth'омъ — которые она мѣняетъ несчетное число разъ въ день. Другая популярная писательница — м-гс Southworth—еще много плодовитѣе м-гс Burnett,—романы ея считаются цѣлыми десятками, а состояніе —сотнями тысячъ. Но у этой писательницы уже другой цвѣтъ читателей: романы ея приторно-сентиментальны и мѣстами подправлены привидѣніями, предчувствіями, раздирающими страстями, ужасающими преступленіями и душу-холодящею жестокостью. Эти двѣ писательницы являются весьма удачными образцами остальныхъ, которыя, съ бѣльшимъ или меньшимъ талантомъ, слѣдуютъ по колеямъ, пробитымъ этими двумя леди. Изъ среды болѣе серьезныхъ и добросовѣстныхъ писательницъ на первомъ планѣ выступаетъ женщина-историкъ, м-гс Martha J. Lamb, которая только-что окончила и издала въ свѣтъ подробную «Исторію города Нью-Йорка» — обширное сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ, надъ которымъ она проработала около четырнадцати лѣтъ. По мѣсячнымъ журналамъ разсѣяно великое множество хорошихъ описательныхъ статей, написанныхъ женщинами,—но въ области англійской беллетристики; надо сознаться, американскія женщины еще не успѣли занять почетнаго мѣста, не проявили изъ среды своей ни одной Ouida или George Elliot, или George Sand, хотя и здѣсь есть нѣкоторыя даровитыя писательницы, какъ-то: Louisa M. Alcott, Adeline D. T. Whitney, E. S. Phelps и другія, которыя несомнѣнно могли бы возвыситься надъ заурядными романистами, если бы рѣшились хоть разъ написать что-нибудь безъ разсчета на то, пойдетъ ли ихъ книга бойко въ продажѣ и доставитъ ли она имъ хорошій доходъ. Помимо регулярныхъ писательницъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны, въ штатахъ существуетъ чрезвычайно многочисленный типъ такъ-называемыхъ literary ladies, которыя всѣ пользуются льготами писательницъ, хотя никто не знаетъ, когда и что онѣ пишутъ, и гдѣ помѣщаются ихъ произведенія. Эти «литературныя леди» чрезвычайно любятъ устраивать разные литературныя конгрессы, литературныя общества, клубы и т. п., которымъ здѣсь по-истинѣ нѣтъ числа. Въ Нью-Йоркѣ существуетъ весьма оригинальный женскій литературный клубъ, въ составъ котораго довольно трудно попасть: члены клуба собираются разъ въ мѣсяцъ на обѣдъ, куда мужчины не допускаются, а присутствующія леди ведутъ надъ яствами и пиетемъ эстетическую и назидательную бесѣду о послѣднихъ произведеніяхъ наукъ и искусствъ.

Не столь распространена, но за то весьма выгодна здѣсь профессія женщинъ публичныхъ ораторовъ, которыя развѣзжаютъ

по всему Союзу и вездѣ провозносятъ съ платформъ рѣчи на излюбленные ими тѣмы. Многія изъ этихъ леди-ораторовъ получаютъ публику *сop atoge*, пропагандируютъ такимъ путемъ какую-нибудь новую идею, или дѣйствуютъ въ пользу какого-нибудь благотворительнаго дѣла, стараясь возбудить общественное себѣ содѣйствіе въ какомъ-нибудь благомъ предпріятіи, какъ-то въ дѣлѣ распространенія образованія среди индійцевъ, отправки миссій въ дальнія страны, улучшенія быта городскихъ бѣдняковъ, возвращенія на путь истинный заблудшихъ женщинъ и проч. Конечно, такого рода женщины-ораторы денегъ въ свою пользу за слушаніе своихъ рѣчей отнюдь не берутъ, но за то приобрѣтаютъ этимъ путемъ почетное имя, извѣстность и значительное вліяніе въ обществѣ. Другой разрядъ — это профессиональныя женщины-ораторы; онѣ объѣзжаютъ ту или другую часть Союза, читая серію литературныхъ или эстетическихъ лекцій; эти лекціи, благодаря присущему американцамъ ораторскому таланту, рѣдко оказываются сухими и незанимательными, какъ бы въ сущности ни было поверхностно знакомство лектрисы съ тѣмъ предметомъ, который она разъясняетъ своей аудиторіи, и приносятъ такіа чтенія изрядный и вѣрный доходъ. Есть, наконецъ, третій разрядъ женщинъ-ораторовъ, спеціальность которыхъ хотя и не отличается особенною респектабельностью, но за то приносятъ имъ огромные барыши. Этотъ разрядъ лектрисъ обыкновенно распространяется съ платформы о своихъ личныхъ сенсационныхъ испытаніяхъ и приключеніяхъ на какомъ-нибудь поприщѣ; появленіе такихъ лектрисъ въ провинціи всегда предшествуется какою-нибудь хитро подведенной рекламой: или лектриса оступится и внесена бываетъ въ отель за смертью, въ почтительныхъ объятіяхъ своихъ читателей; или же карету ея останавливаетъ на улицѣ какой-нибудь полоумный стапк, предвѣщая ей чуть ли не будущность Клеопатры; или, наконецъ, въ повѣтричной прогулѣ при лунномъ свѣтѣ, къ ней подходитъ партія «бригановъ», требуя жизни или кошелька. Изъ всѣхъ этихъ ужасныхъ привлеченій новопривышная лектриса, конечно, выходитъ цѣлою и невредимою, тогда какъ мѣстная печать на всѣ лады обсуждаетъ сенсационное происшествіе, а толпы любопытнаго люда стекаются посмотреть на героиню описаннаго въ газетахъ приключенія. Зала вслѣдствіе такой остроумной подготовки бываетъ почти всегда биткомъ набита; нельзя по справедливости сказать, чтобы въ такихъ случаяхъ публика даромъ платилась своими деньгами; тѣмы, избираемыя подобными лектрисами съ излишкомъ искупаютъ для извѣстнаго разряда публики тѣ 25—50 центовъ, что платятся за входъ.

И какъ въ самомъ дѣлѣ пожалѣть денегъ на то, чтобъ послушать живое, графическое, душу раздирающее описаніе того, какъ граціозно-томная лектриса украдена была въ дѣтствѣ цыганами, продана была трупѣ странствующихъ акробатовъ, попала какимъ-то образомъ въ шайку цюрихскихъ нигилистовъ, затѣмъ перенесена была въ «ругутныя копи» Сибири, гдѣ каторжники отъ климатическихъ условій поростають силошь шерстью, какъ водолазы, и кончила тѣмъ, что появилась на платформѣ въ Соединенныхъ Штатахъ для спеціального поученія симпатизирующихъ гражданъ города X*** или Z***? Какая добродѣтельная протестантка, какой угрюмый холостякъ пожалѣетъ своего полтинника или четвертака, чтобъ послушать блестящую, энергичную молодую лектрису, описывающую тайны безчинства, скандалы и насилія, учиняемые въ католическомъ женскомъ монастырѣ, куда лектриса была когда-то отдана жестокосердными, алчными родственниками и изъ котораго она счастливо и въ пору выбралась, лишь благодаря самоотверженной предпринчивости чернокудраго Наччу или золотогриваго Улли, на сильную руку котораго прекрасная лектриса въ эту самую минуту нѣжно опирается??

За ходомъ медицинскаго образованія для женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ мнѣ не приходилось близко слѣдить, да и компетентности не доставало для того, чтобъ судить насколько фундаментально знаніе, приобретаемое женщинами на этомъ поприщѣ. Имѣвъ въ Петербургѣ возможность близко слѣдить за добросовѣстнымъ трудомъ слушательницъ медицинскихъ курсовъ и будучи лично обязана русскимъ женщинамъ-медикамъ за здоровье ребенка и свое собственное, я весьма естественно приняла за правило во всѣхъ случаяхъ, когда требуется врачъ, послать за мѣстнымъ врачомъ, изъ женщинъ, и, хотя прибѣгать къ ихъ совѣтамъ, все же, къ счастью, приходилось рѣдко, однако же, почти вездѣ, куда ни прїѣзжала, я спрашивала о томъ, гдѣ обрѣсти женщину-врача въ случаѣ нужды, я всегда была увѣрена, что при многочисленности женскихъ медицинскихъ школъ въ Америкѣ, женщинъ врачей можно найти вездѣ. На самомъ дѣлѣ оказалось совершенно не то; во всѣхъ переѣздахъ моихъ по штатамъ Огайо, Индіанѣ и Мичигану, я не встрѣтила ни одной женщины, которая бы обращалась иначе, какъ къ врачамъ-мужчинамъ; фермеры положительно отказываются бросать, по ихъ собственному выраженію, деньги на эксперименты леченія у женщинъ, а въ городахъ объ женщинахъ-врачахъ отзываются съ недовѣріемъ, хотя изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, что наиболѣе скептически при мнѣ высказывались о женщинахъ-врачахъ,

ни одно, какъ оказалось, нибогда къ ихъ совѣтамъ не прибѣгло. Упомянувъ объ этомъ я отнюдь не желаю набросить тѣнь на медицинское знаніе американокъ-врачей западныхъ штатовъ, но констатирую только фактъ, что онѣ въ той мѣстности непопулярны, и противъ нихъ держатся еще сильныя предрасудки. Объ успѣшности же практики тѣхъ немногихъ женщинъ-врачей, что я въ западныхъ штатахъ встрѣчала, судить я не могла, потому что видѣла ихъ лишь какъ гостей въ частныхъ домахъ, куда, по ихъ заявленію, онѣ пріѣзжали (на цѣлыя мѣсяцы) отдыхать отъ тяжелыхъ трудовъ по своей профессіи. Въ Нью-Йоркѣ мнѣ пришлось приглашать къ себѣ двухъ женщинъ-врачей, и, надо сознаться, что и мнѣ самой ни та, ни другая не внушила ни малѣйшаго къ себѣ довѣрія. Когда, при болѣзни ребенка, ко мнѣ явилась врачъ miss Sh***, вся сіяя брилліантами, шелками и цвѣтными перьями, я сильно смутилась при видѣ полудюжины рецептовъ, настроенныхъ ею послѣ пятиминутнаго осмотра больного, лежавшаго въ корнѣ, заявила ей, что я микстуру боюсь не меньше болѣзни, и просила бы ее давать ребенку какъ можно менѣе лекарствъ. Робкое сознаніе моей отсталости было встрѣчено этою лэди самымъ милѣйшимъ образомъ: она тотчасъ же перервала половину рецептовъ съ замѣчаніемъ, что я вполнѣ права, но что здѣшніе доктора вынуждены прописывать много лекарствъ для успокоенія призывающихъ ихъ лицъ; со мной же она видитъ эти предосторожности излишніи. Черезъ два часа послѣ своего ухода miss Sh*** прислала мнѣ съ нарочнымъ записку, прося не брать до ея новаго визита лекарствъ и по тѣмъ двумъ рецептамъ, что она оставила, а впослѣдствіи не прописывала никакого пользованія, кромѣ какъ домашними средствами, и, надо отдать ей справедливость, поставила больного мальчика на ноги весьма скоро и удачно. Насколько мнѣ приходилось наблюдать, здѣшніи врачи-женщины, равно какъ и мужчины, чрезвычайно заботятся о томъ, чтобъ пускать пыль въ глаза своимъ паціентамъ, сидятъ у больныхъ не болѣе десяти минутъ, вѣчно ссылаясь на множество предстоящихъ имъ визитовъ. Такъ это дѣлается съ самаго того времени, какъ они возмѣщаютъ свои аудиторіи; когда же у нихъ дѣйствительно составляетъ практика, они принимаютъ больныхъ и дѣлаютъ профессиональные визиты въ теченіе всего дня, не зная, какъ говорить, ни отдыха, ни срока, пока не составятъ капитала и тѣмъ не пріобрѣтутъ вещественнаго доказательства своихъ глубочайшихъ медицинскихъ познаній. Это не мѣшаетъ имъ, однако же, часто урывать часы для посѣщенія общественныхъ баловъ,

театровъ и проч., такъ что, въ общей сложности, у нихъ едва ли много остается времени на кабинетныя занятія и на то, чтобы слѣдить за ходомъ науки. За исключеніемъ двухъ-трехъ извѣстныхъ въ Нью-Йоркѣ специалистовъ-мужчинъ, мнѣ никогда не случилось слышать, чтобы тотъ или другой медикъ избралъ себѣ какую специальность; такъ что въ случаѣ самой незначительной болѣзни глазъ приходится обращаться въ знаменитости и платить по пяти долларовъ за совѣтъ. На вопросъ мой, обращенный къ той же милѣйшей miss Sh*** насчетъ того, отчего американцы врачи не избираютъ себѣ специальностей, она мнѣ недопускающимъ возраженій тономъ заявила, что избраніе специальности ведетъ къ педантизму и мѣшаетъ врачу дѣлать вѣрный діагнозисъ общаго состоянія больного, вслѣдствіе чего американцы, какъ люди практикы, специалистовъ не поощряютъ. Что касается педантизма, то это совершенно вѣрно, что въ Америкѣ его почти не встрѣчается; остальная же часть заявленія miss Sh*** достаточно указываетъ на то, какъ различенъ взглядъ на медицину врачей въ Америкѣ и въ Германіи, или на нашей родинѣ, въ Россіи. Куда же, спрашивается, дѣбается все то множество дѣвицъ, что посѣщаютъ медицинскіе курсы въ разныхъ американскихъ университетахъ запада и востока, если такъ мало встрѣчается практикующихъ женщинъ-врачей? Какъ мнѣ передавали люди знающіе, — женщинъ-врачей здѣсь такъ мало, во-первыхъ, потому, что очень немногія изъ нихъ, сравнительно, оканчиваютъ курсъ. Стоимость высшаго образованія такъ велика здѣсь, что бываетъ по средствамъ лишь самымъ богатымъ дѣвушкамъ, при самомъ незначительномъ процентѣ дѣвухекъ бѣдныхъ, принимаемыхъ даромъ, или же учащихся на занятія деньги съ намѣреніемъ таковыя впослѣдствіи вернуть медицинской практикой. Богатыя же дѣвушки, платящія отъ 600 до 1200 долларовъ въ годъ за слушаніе лекцій и помѣщеніе въ коллегіи, живутъ тамъ на хорошую ногу, имѣя каждая отдѣльную спальню, причеиъ на каждыя три-четыре такихъ спаленъ студентовъ полагается для нихъ отдѣльная гостиная съ коврами, пѣянино, альбомами и проч. Многія изъ нихъ, конечно, выходятъ до окончанія курса; тѣ же что и оканчиваютъ, весьма часто вдаются въ вѣзды, путешествія, удовольствія, свойственныя молодости, все откладывая заниматься практикой до той поры, пока сами не опомнятся, что все почти позабыли. Тѣ же, что привязаны къ своей профессіи, тѣ, что пристально слѣдятъ за ходомъ науки и имѣютъ въ практикѣ своей людей способныхъ ихъ оцѣнить, такъ мало-численны, что до сей поры не успѣли вызвать ни малѣйшаго

благопріятнаго себѣ поворота въ общественномъ предубѣжденіи, существующемъ противъ женщинъ-врачей во многихъ мѣстахъ—преимущественно же въ сельскихъ округахъ.

Не мало, надо сказать, вредятъ женщинамъ-врачамъ — врачи-мужчины; рѣдкій изъ нихъ здѣсь удостоиваетъ признать самый фактъ существованія такого субъекта, какъ врачъ-женщина. Въ западныхъ штатахъ медики-мужчины все же не рѣшаются прямо возставать противъ женщинъ и, какъ увѣряютъ, не отказываютъ вступать въ профессиональныя консультаціи съ этими послѣдними. Не то мы видимъ въ восточныхъ штатахъ, въ просвѣщенной Новой-Англіи. Бостонское медицинское общество на отрѣзъ отказалось этою зимою допустить въ свою среду членами женщинъ-медиковъ, на томъ основаніи, какъ поясняли эти ученые мужи, что имъ-де, въ присутствіи членовъ-женщинъ неловко будетъ, на засѣданіяхъ своихъ, обсуждать нѣкоторые вопросы изъ медицинской практики! Почтенные эскулапы не потрудились, конечно, дѣлая это заявленіе, подумать о томъ, ловко ли и пріятно ихъ женамъ, сестрамъ и дочерямъ обращаться, въ случаѣ болѣзни, къ медикамъ-мужчинамъ, обсуждая съ этими послѣдними разные вопросы изъ медицинской практики. Какъ бы то ни было, а незавидна пока доля здѣшнихъ женщинъ-врачей, добросовѣстно относящихся къ своему дѣлу. Не улучшаетъ, конечно, ихъ положенія и то обстоятельство, что такъ много за послѣднее время расплодилось здѣсь лицъ, имѣющихъ ученые дипломы и получающихъ въ силу того право выставлять послѣ своей фамиліи разныя литеры, какъ-то: М. D. (докторъ медицины), L. D. (докторъ юриспруденціи), В. A. (кандидатъ) М. A. (магистръ) и проч. Дипломъ здѣсь ни мало не помогаетъ женщинѣ-врачу, тѣмъ болѣе, что, какъ раскрыто этою весною вселеннымъ изобличителемъ *New York Herald* омъ, ученые степени можно въ любой американской коллегіи купить за деньги. Только въ самое послѣднее время, какъ слышно, *американская филологическая ассоціація* и *американская ассоціація содѣйствія научному образованію* обратились къ сотнямъ американскихъ коллегій съ совмѣстнымъ требованіемъ прекратить эту торговлю учеными степенями и не давать докторскихъ дипломовъ *honoris causa*.

Одною изъ наиболѣе любопытныхъ, на глаза иностранца, женскихъ профессій въ Америкѣ является профессія проповѣдниковъ. Какъ католическая, такъ и епископальная церковь, женщины-проповѣдниковъ отнюдь у себя не допускаетъ, за то онѣ встрѣчаются въ большомъ изобиліи во всѣхъ другихъ протестантскихъ сектахъ: благосклоннѣе всего къ таковымъ относятся мето-

дисты, унитаріанцы, пресвитеріанцы и община «Друзей» или квакеровъ. Многія изъ женщинъ посвящены въ санъ пастора и имѣють свои отдѣльные приходы, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ противъ нихъ все еще существуетъ сильная оппозиція мужского духовенства, опасющагося конкуренціи на свои теплыя мѣстечки. Чаще всего встрѣчаются женщины-пасторы въ западныхъ штатахъ, но и въ Массачусетсѣ ихъ насчитывается около двадцати; онѣ исполняютъ всѣ требы, и когда одна изъ этихъ пасторовъ обратилась въ 1864 году въ законодательное собраніе Массачусетса съ просьбою о томъ, чтобъ «браки, совершаемые пасторомъ-женщиной признавались легальными», ей было отвѣчено, что по существующимъ уже законамъ браки, заключаемые женщинами-пасторами, имѣють ту же законность, что и браки, заключенные пасторами-мужчинами. Изъ женщинъ, имѣющихъ титулъ *Reverend*, въ Массачусетсѣ наиболѣе популярны Ellen G. Gustin, Ada C. Bowles, Annie L. Shaw и Mary H. Graves. Капелланомъ законодательнаго собранія штата Мэна состояла впродолженіе долгаго времени *Reverend miss Haupes*, которая затѣмъ была переведена капелланомъ въ инвалидный домъ (*Soldier's Home*) того же штата, въ мѣстечкѣ *Togus*.

Чуть-ли не самая многообѣщающая будущность ожидаетъ американскихъ женщинъ на поприщѣ адвокатуры. Трудно было бы прискаты профессию болѣе подходящую къ вкусамъ, природнымъ способностямъ и врожденному краснорѣчію американокъ. Въ признаніи за женщинами права адвокатской практикы въ мѣстныхъ и федеральныхъ судахъ, западные штаты опять-таки много опередили разсадникъ интеллигенціи—старые штаты востока. Женщины-адвокаты пользуются совершенно равными правами съ адвокатами-мужчинами въ Айовѣ, Калифорніи, Иллинойсѣ, Индіанѣ, Мичиганѣ, Тексасѣ, Уисконсинѣ, Миннесотѣ, Огайо, Нью-Йоркѣ и въ Колумбійскомъ округѣ, гдѣ находится федеральная столица союза—Уашигтонъ. Наибольшую и вполне заслуженною популярностью въ странѣ пользуются уашигтонскій адвокатъ *miss Belva A. Lockwood* и *ms J. Ellen Foster* въ Айовѣ, о которой мнѣ уже выше случилось упоминать, говоря объ удачѣ ея въ проведеніи законовъ трезвости въ своемъ штатѣ. Во всѣхъ штатахъ Новой-Англіи одинъ только Бостонскій университетъ открылъ свои двери женщинамъ, желающимъ получить юридическое образованіе, но даже и тамъ, вплоть до 1880 года была всего одна женщина-студентка, *miss Robinson*, которая и получила въ этомъ университетѣ ученый дипломъ въ 1881 году, будучи единственной женщиной посреди 150 муж-

чинъ-юристовъ, окончившихъ курсъ въ этомъ году. Въ мартѣ 1881 года, эта самая миссъ Робинсонъ обратилась къ верховному суду штата Массачусетса съ петиціей о дозволеніи ей практиковать, какъ адвокату, въ судахъ этого штата; но въ этомъ ей было, на основаніи мѣстныхъ законовъ, отказано, по рѣшенію весьма почтеннаго юриста Chief justice Gray. До самаго послѣдняго времени изъ всѣхъ штатовъ Новой Англіи женщины-адвокаты допускались лишь въ одномъ Мэнѣ, да и тамъ — всего одинъ адвокатъ-женщина miss Nash, практикующая въ Портлендѣ. Не дажѣ какъ 19-го іюля настоящаго, 1882 г., верховный судъ Коннектикута, въ отвѣтъ на петицію молодого юриста миссъ Магу Hall, рѣшилъ, что женщины-адвокаты должны допускаться для практики въ мѣстныхъ и федеральныхъ судахъ. Постановленіе этого суда почитается безапелляціоннымъ, и потому старинный штатъ Коннектикута можетъ отнынѣ считаться вполне открытымъ для молодыхъ пионерокъ юриспруденціи; онѣ, съ присущей дѣвушкамъ Новой-Англіи энергіей и предприимчивостью, конечно, не замедлятъ этимъ правомъ воспользоваться. Примѣру Коннектикута несомнѣнно, современемъ, послѣдуетъ Массачусетсъ и другіе штаты Новой-Англіи, и тогда, въ виду возможности практиковать, множество молодыхъ женщинъ проявитъ стремленіе получить юридическое образованіе, и прочія коллегіи вынуждены будутъ открыть женщинамъ свои двери, подобно университету Бостонскому.

В. МАКЪ-ГАХАНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

О ПОГОДѢ.

1.

Путь мелькаетъ, мы на волѣ,
Городъ изъ виду исчезъ,
Солнца нѣтъ на тихомъ полѣ
Свѣтло-дымчатыхъ небесъ.
Нынче дождика не будетъ:
Воздухъ вѣповъ и здоровъ,
И ненастье не разбудитъ
Полусонныхъ облаковъ.
По кремнистому извику,
Обогнувшему луга,
Мы спускаемся на ниву,
Гдѣ ужъ собраны стога.
Въ сторонѣ чернѣетъ ельникъ,
А внизу бѣжитъ потокъ..
Славный выдался денекъ
Этотъ сѣрый поведѣльникъ.

2.

Шумять ручьи, подсыжные ручьи...
 Иная жизнь торопится на смѣну,
 Ничей запретъ и жалобы ничьи
 Не отвратятъ благую перемяну:
 Богатыхъ льдовъ заплачутъ хрустали,
 Съдыхъ полей истреплется порфира,
 И вздохъ, и паръ подымутся съ земли,
 Летя на встрѣчу вольнаго эфира;
 И звучный влиск пошлютъ подъ небеса
 Хрипѣвшіе подъ стужей голоса,
 И чуждыхъ странъ невиданныя птицы
 Влетать въ окно провѣтренной темницы.

II.

ПОУЧЕНІЕ.

Оглянись: эти ровные дни,
 Это время, безцвѣтное съ виду —
 Вѣдь тебя погребаютъ они,
 Надъ тобою поютъ панихиду!

Живописный и томный закатъ
 Или на-ночь гасимыя свѣчи —
 Неужели тебѣ не твердятъ
 Ежедневно прощальныя рѣчи?

Отвѣчай имъ печалью въ лицѣ
 Или тихимъ, подавленнымъ вздохомъ:
 Не иди мимо думъ о концѣ
 Беззаботно-слѣпымъ своморохомъ.

Но въ уныньи себѣ не готовъ
 Ни веревки, ни яду, ни бритвы:
 Расточай благородную кровь
 Подъ ударами жизненной битвы.

III.

ТЯГОСТЬ.

Грустно! Поникли усталыя руки,
 Взоръ опечаленный клонится долу:
 Все дорогое, безъ гнѣва и муки,
 Хочется въ жертву отдать произволу!

Грустно... Не трогайте сердца больного,
 Мимо идите съ участіемъ, други:
 Бросить могу я вамъ горькое слово
 Жесткою платой за ваши услуги.

Дайте мнѣ, люди, побыть нелюдимымъ,
 Дайте увянуть невѣдомой боли:
 Камнемъ тоска налегла некрушимымъ...
 Эхъ, умереть, разрыдаться бы — что ли!

IV.

ЛИЛІЯ.

Подражаніе Гейне.

Любовью къ мѣсяцу пылая,
 Давно ужъ лилія груститъ
 И въ дальній міръ, въ предѣлы рая,
 Съ напрасной жаждою глядитъ.

И безутѣшна, и стыдлива,
 Слезами вся орошена,
 Въ пустыню неба дочь залива
 Глядитъ всю ночь, не зная сна.

Но вдругъ она головою бѣдной
 Понила къ трепетнымъ водамъ —
 И съ нѣжной страстью мѣсяцъ блѣдный
 Упалъ, дрожа, къ ея ногамъ.

С. АНДРЕЕВСКІЙ.

ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОРЪ.

VII *).

ЭТНОГРАФЫ 30-хъ—50-хъ годовъ: Снегиревъ, Пассекъ, Далъ.

Въ развитіи изученій русской народности этнографы второй четверти столѣтія, или Николаевскихъ временъ, при всей разницѣ личныхъ дарованій и объема свѣдѣній составляютъ одну группу, съ известными общими чертами. Мало сходнаго между талантливымъ и ученымъ Надеждинымъ и несладнымъ самоучкой Сахаровымъ; мало сходнаго между усерднымъ старомоднымъ собирателемъ Снегиревымъ и восторженнымъ идеалистомъ Пассекомъ, или между даровитымъ Далемъ и Терещенкомъ,—но на всѣхъ больше или меньше лежитъ отпечатокъ времени, той официальной народности, которая заявлена была въ правительственной программѣ. Мы будемъ имѣть случай видѣть, сколько искусственнаго было въ этой программѣ, какими фальшивыми тонами отзывалось ея практическое примѣненіе,—примѣръ послѣдняго мы видѣли уже въ дѣятельности Надеждина и Сахарова, и къ нимъ можно прибавить еще множество другихъ, болѣе мелкихъ;—но эти свойства ея не чувствовались, или оставались недоступны для критики. Въ литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы безпрестанно встрѣчаемъ ссылки на эту программу: одни принимали ее какъ официальное требованіе, другіе превращали ее романтизмомъ, третьи принимали ее слѣпо, не вида ея

*) См. выше: июль, стр. 182.

противорѣчій. Подъ вліяніемъ политической славы временъ Александра I, и продолжавшагося значенія Россіи при Николаѣ, въ обществѣ совершался дѣйствительно подъемъ національнаго чувства, высокое представленіе о внѣшнемъ и внутреннемъ могуществѣ Россіи, о превосходствѣ ея національныхъ началъ: историческимъ кодексомъ этого воззрѣнія былъ Карамзинъ; теперь оно вдохновляло величайшаго изъ русскихъ поэтовъ; философскія теоріи о «разумной дѣйствительности» внушали то же настроеніе идеалистамъ новыхъ поколѣній; имъ пронизалась «изящная словесность», популярный историческій романъ, правоописательная повѣсть. Этнографическія изученія слѣдовали за этимъ настроеніемъ, и отчасти сами питали его, доставляя ему матеріалъ въ своихъ описаніяхъ народнаго быта. Критика научная и общественная мысль еще мало останавливались на основныхъ вопросахъ исторической жизни и на современномъ состояніи дѣйствительнаго народа; строгая опека, тяготѣвшая надъ обществомъ и литературой, устраняла эти вопросы. «Народность» того историческаго періода и тогдашняго положенія вещей принималась обязательно; фактическое состояніе народа считалось вполне нормальнымъ; народная жизнь изображалась литературою въ краскахъ патріархальной простоты и идиллическаго благополучія. Это общее положеніе литературы отразилось и на этнографическихъ изученіяхъ: въ нихъ не было свободнаго научнаго отношенія къ предмету. Съ другой стороны, еще не были выработаны научныя приемы; мало извѣстно было то, что уже дѣлалось въ этомъ отношеніи въ наукѣ европейской, особливо нѣмецкой, и въ нашихъ этнографахъ слышкомъ сказывались самоучки. Поэтому цѣнная сторона тогдашнихъ изученій была почти только описательная; лишь къ концу этого періода изученія народности впервые получаютъ настоящее научное основаніе.

По предметамъ изученія, этнографическая литература распадается въ этомъ періодѣ на нѣсколько отдѣловъ. Во-первыхъ, это были этнографы-собиратели, особливо направлявшіе свой трудъ на народность великорусскую, какъ Сахаровъ, его болѣе ранній современникъ Снегиревъ, Даль, Терещенко, Пассекъ. Особую группу могутъ составить изслѣдователи, не столько изучавшіе бытъ современный, сколько первыя начала русской народности, и находившіе ихъ въ такой глубокой древности и въ такихъ племенахъ, гдѣ ихъ очень мудро было ожидать, — это ультра-славянорусскіе археологи и патріоты въ духѣ Венелина — какъ Морошкинъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Вельтманъ, Чертковъ. Третью группу составляли этнографы, изучавшіе въ особенности

народность малорусскую: кн. Цертелевъ, Метлинскій, Максимо-вичъ, Срезневскій, Бодявскій, — къ концу періода, Костомаровъ.

Не входя во всё библиографическія частности этой литера-туры, остановимся подробнѣе на главныхъ писателяхъ первой группы.

Однимъ изъ важнѣйшихъ и плодovitѣйшихъ работниковъ по изученію народности былъ тогда извѣстный профессоръ московскаго университета, Иванъ Мих. Снегиревъ ¹⁾.

Снегиревъ (род. 23 апрѣля 1793, въ Москвѣ) былъ сынъ профессора московскаго университета (ум. 1820) и послѣ домашняго обученія поступилъ въ 1802 въ академическую гимназію при университетѣ, въ 1807 «произведенъ въ студенты», въ 1810 — въ кандидаты, успѣвъ получить два раза серебряную медаль за сочиненія по отдѣленіямъ этико-политическому и словесному; въ 1815 былъ уже магистромъ словесныхъ наукъ. Поступивъ еще съ 1810 на службу при цензурномъ комитетѣ, потомъ при университетскомъ правленіи, онъ съ 1816 былъ при университетѣ преподавателемъ латинской словесности, съ 1819 года адъюнктомъ, съ 1826 экстраординарнымъ и вскорѣ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ латинскаго языка и римскихъ древностей. Съ 1827 г. онъ былъ членомъ общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ, и въ первые годы былъ его секретаремъ. Въ 1836 году онъ уволенъ отъ профессуры вслѣдствіе преобразования университета по уставу 1835 г., и затѣмъ многіе годы служилъ въ Москвѣ цензоромъ, которымъ былъ съ 1828 года. Въ 1855 онъ получилъ отставку отъ цензорства и умеръ въ декабрѣ 1868, въ Петербургѣ.

Снегиревъ былъ такъ-сказать прирожденный археологъ и собиратель обычаевъ и преданій. Надо прочесть его любопытныя

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о немъ: — въ Словарѣ проф. моск. университета, М. 1855, в. V. (Перепечатано въ „Старинѣ русской земли. Исслѣдованія и статьи И. Снегирева“. Изд. Ивановскаго. Спб. 1871, стр. 137—145.

— „Русскій Архивъ“, 1866, № 5—6, Воспоминанія Снегирева (перепечатаны въ „Старинѣ рус. земли“, стр. 146—204).

— Буслаевъ, въ „Моск. Университетскихъ Извѣстіяхъ“, 1869, № 1, стр. 56—62.

— „Голосъ“ 1868, № 250, 254, 258; 1869, № 63.

— „Спб. Вѣдом.“. 1868, № 303, 336.

— „Р. Инвалидъ“, 1868, № 275, 277.

— „Петерб. Газета“, 1868, № 131, 178.

— „Соврем. Листокъ“, 1868, № 102.

— А. Д. Ивановскій, „Иванъ Мих. Снегиревъ. Биографическій очеркъ“. Спб. 1871. Не мало свѣдѣній, но компилированныхъ крайне безпорядочно.

воспоминанія, — извѣстныя, въ сожалѣвію, только въ небольшомъ отрывкѣ, — чтобы видѣть, какой атмосферой старины и народнаго обычая онъ былъ окруженъ съ дѣтства. Не только ребенкомъ, но и юношей, онъ видѣлъ своихъ прадѣдовъ, которые помнили времена Петра Великаго, Анны, Елизаветы, видывали ихъ самихъ, и передавали въ семейномъ преданіи черты нравовъ, отчасти патриархальныхъ, отчасти свирѣбныхъ ¹⁾, черты, и донинѣ еще мало извѣстныя нашей исторіи, — видѣлъ самъ благочестивую первобытность и малограмотную грубоватость, а часто и добродушіе нравовъ своего, средне-дворянскаго, служилаго и духовнаго круга; въ дѣтствѣ, отъ няньки своей Аграфены, задолго до разгара Наполеоновскихъ войнъ, онъ слышалъ народное предсказаніе о томъ, что Москва будетъ взята ²⁾.

Въ юности Снегиревъ зналъ митрополита Платона, который былъ особенно уважаемъ въ его семьѣ; жилъ въ Москвѣ въ 1812 году, видѣлъ оставленіе ея жителями и возвращеніе ихъ, видѣлъ ея разрушеніе, — въ которомъ погибло столько московской старины не только въ вещественныхъ памятникахъ, но, конечно, также въ нравахъ и преданіяхъ.

Во время своего ученья въ гимназій и университетѣ Снегиревъ засталъ еще другихъ людей стараго вѣка и старомодныхъ нравовъ. Директоромъ гимназій онъ засталъ И. П. Тургенева, инспекторомъ Страхова — друзей и сотрудниковъ Новикова; ученье было старомодное: «между учеными, — рассказываетъ Снегиревъ, — велось какое-то юродство въ странности обхожденія, въ небрежности платья и въ образѣ жизни: казалось, они этимъ щеголяли другъ передъ другомъ и хотѣли отличиться отъ неученыхъ». Такіе чудачки бывали учителями Снегирева; но были между ними и люди, дѣйствительно знающіе. Однимъ изъ учителей былъ Ром. Фед. Тимковскій: «знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ,

¹⁾ „Имѣя твердую, до глубокой старости, память, Иванъ Саввичъ (Бринкинъ, прадѣдъ) вспоминалъ огненные потѣки и пирушки Петра I на лугахъ и въ рощахъ Измайловскихъ съ любимцами; видѣлъ, какъ убилъ своею дубинкою у дворцоваго крыльца одного придворнаго служителя, который не успѣлъ снять предъ нимъ шапки; какъ Анна Іоанновна велѣла повѣсить предъ окнами повара, который подаль ей въ блинамъ прогорелое масло“ (Старина рус. земли, стр. 154—155).

²⁾ „Былии уже лѣтъ десяти, я ужасно сердился и спорилъ съ нянькой, когда она повторала народное пророчество, что „Москва будетъ взята на 40 часовъ“. Но это самое я слышалъ не отъ одной няньки, но и отъ моей бабушки Анны Ивановны Кондратьевой. Подобно голосу, летящему въ пустыняхъ африканскихъ, и въ народѣ носятъ темныя преданія и предсказанія, въ которыхъ таится истина, распечатываемыя въ будущемъ, и нерѣдко сбывается то, что кажется намъ несбыточнымъ“.

(Тамъ же, стр. 147).

молодой человекъ, строгій исполнитель своей обязанности, искусный преподаватель, онъ умѣлъ внушить своимъ ученикамъ уваженіе и привязанность къ себѣ; его слушали съ какимъ-то подобострастіемъ, ловили каждое слово». — Школьные нравы были патриархальные: обильное свѣченіе входило въ занятія самихъ преподавателей, хотя не устраняло крайнихъ шалостей. Между студентами университета и бурсаками духовной академіи происходили на Неглинной формальные кулачные бои, и «народу стесалось множество».

Въ университетѣ, профессорами Снегирева были, между прочимъ, многіе остатки нашего XVIII вѣка. Таковъ былъ «потенный и сановитый старецъ, ученѣйшій профессоръ, другъ Новикова, товарищъ Потемкина, бывший въ тискахъ у Шешковского, но странный и причудливый въ обращеніи — Чеботаревъ», котораго Шлёцеръ называлъ своимъ руководителемъ въ русской исторіи. Таковъ былъ Брянцевъ, «не по имени, а по дѣламъ, философъ христіанскій» и знатокъ классиковъ; упомянутый Страховъ; знаменитый Маттеи, нѣмецкій гелертеръ стараго вѣка; Бузе; Баузе.

Разказы Снегирева объ этихъ профессорахъ, любопытны и сами по себѣ, характеризуютъ ученый складъ и приемы ихъ ученія.

«Знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ, Маттеи, описавшій греческія рукописи московской патриаршей бібліотеки, — рассказываетъ Снегиревъ, — разбиралъ и объяснялъ Гораціевы оды... Слушатели любили Маттеи и охотно слушали его лекціи. Маттеи на латинскомъ языкѣ говорилъ и писалъ, какъ на своемъ природномъ. Съ какимъ сочувствіемъ читалъ онъ Гораціевы оды, и нерѣдко со слезами, вѣроятно, вспоминая лѣта юности своей, даже при чтеніи: *Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda est tellus*, — старецъ притопывалъ ногою. Не безъ слезъ обошлось и чтеніе Цицероновыхъ парадоксовъ... Не могу забыть, какъ, представляя Юпитера Олимпійскаго, маниемъ бровей потрясающаго и небо, и землю, самъ онъ повалился со стула, такъ что и парикъ его не остался на мѣстѣ»... «Съ удовольствіемъ и признательностью я пользовался частными лекціями, бібліотекою и драгоценнымъ собраніемъ славяно-русскихъ древностей незабвеннаго профессора правъ, юриста, дипломата, историка, археолога и филолога Федора Григорьевича Баузе. Въ 1807 году онъ былъ ректоромъ университета. Съ ненасытимою любознательностью, обогатившею его разнообразными свѣдѣніями, онъ соединялъ рѣдкій даръ слова, свободно и красно говорилъ

и писалъ по-латыни. Кромѣ изданныхъ имъ рѣчей, осталось много матеріаловъ для обширныхъ и важныхъ сочиненій, которые остались въ спискахъ. Въ продолженіи 30 лѣтъ, съ особеннымъ стараніемъ и съ великими издержками, составилъ онъ собраніе древнихъ славяно-русскихъ рукописей, между которыми находились Псалтырь и Прологъ XII вѣка, Лечебникъ 1588 года, первые на русскомъ языкѣ логарисмы, коллекція русскихъ монетъ и медалей, по мнѣнію знатоковъ единственная въ своемъ родѣ... Съ какою дѣтскою радостью и восторгомъ показывалъ онъ мнѣ, предъ нимъ мальчику, купленную имъ рѣдкость! Жалко, что я мало пользовался симъ рѣдкимъ случаемъ: Баузева бібліотека и музей пропали въ 1812 году вмѣстѣ со многими драгоценными памятниками нашей исторіи, которые извѣстны были Карамзину и К. Калайдовичу.

Мы имѣли случай упоминать объ этомъ заслуженномъ для русской исторіи труженникѣ, и Снегиревѣ, если мало воспользовался отъ него прямыми свѣдѣніями, то, вѣроятно, очень много воспользовался примѣромъ «ненасытимой любознательности» и научнаго труда, которымъ столько проклинаемые «нѣмцы» принесли много существенной пользы для возникавшей русской науки ¹⁾.

Еще одинъ изъ профессоровъ университета, вліявшій на Снегирева своей личностью и знаніемъ, былъ извѣстный «законоискусникъ» Горюшкинъ (1748—1821), сослуживецъ и пріятель его отца, живой представитель и многоопытный знатокъ «старога вѣка». Извѣстно, что Горюшкинъ, самоучкой, изъ подъячихъ сдѣлался профессоромъ университета и однимъ изъ лучшихъ ученыхъ знатоковъ русскаго права. «Службу свою онъ началъ почти ребенкомъ въ воеводской канцеляріи въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, когда секретари и повѣнчичи за маловажные проступки таскали за волосы подъячихъ, а судьи самихъ секретарей». Потомъ онъ былъ подъячимъ въ страшномъ сыскномъ приказѣ, гдѣ еще въ полномъ ходу была пытка для обличенныхъ и оговоренныхъ. Кровавыя сцены наконецъ омерзѣли ему; между тѣмъ, его, только грамотнаго, тянуло къ просвѣщенію. Съ величайшимъ трудомъ, онъ (уже будучи женатымъ) безъ всякаго руководителя, добивался смысла въ грамматическихъ терминахъ, одолѣвалъ ариметику и логику, читалъ

¹⁾ Краткій каталогъ рукописной бібліотеки Баузе, составленный В. Н. Карамзинъ, напечатанъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 2, сѣбрь, стр. 45—79. См. также Котларевскаго, Библіологія. опись о древней русской письменности, Воронежъ, 1881, стр. 18—19.

книги историческія, богословскія, философскія, юридическія; искалъ знакомства съ учеными людьми, которые могли бы руководить его занятіями. Знаніе законовъ доставило ему мѣсто члена въ уголовной и казенной палатахъ, и во время дѣла Новикова онъ показалъ гражданское мужество и вступилъ въ споръ съ кн. Прозоровскимъ, «не убоившись гнѣва и угрозъ сильнаго вельможи, желавшаго угодить императрицѣ Екатеринѣ обвиненіемъ Новикова». По его обширному знанію законовъ, его пригласили къ преподаванію практическаго законовѣдѣнія въ университетѣ. «Своими лекціями онъ давалъ драматическую форму: классъ его представлялъ присутствіе, гдѣ производился судъ по законному порядку». Его книга: «Описаніе судебныхъ дѣйствій» (1807, 1815) представляетъ и значительный матеріалъ юридическихъ древностей. «Горюшкина «Руководство къ познанію русскаго законоискусства» есть созданная имъ самимъ система, въ которой сильная, но безформенная народность борется съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юристовъ. Онъ едва ли не первый у насъ показалъ источникъ юриспруденціи въ нравахъ, обычаяхъ и пословицахъ русскаго народа. Какъ опытный законоискусникъ, онъ былъ оракуломъ для многихъ; къ нему прибѣгали за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и запутанныхъ дѣлахъ вельможи, сенаторы и профессеры. У него была домашняя школа законовѣдѣнія... Какъ любитель изящныхъ искусствъ, онъ въ гостепріимномъ своемъ домѣ завелъ маленький театр и музыку. По приѣмамъ и костюму, онъ не походилъ на прежняго подъячача, но скорѣе на щеголеватого барина... Карамзинъ, въ своей Исторіи, рѣдкіе списки Русской Правды и лѣтописи, заимствованные изъ бібліотеки Горюшкина, обозначаетъ горюшкинскими»...

Такимъ образомъ соединялись для Снегирева и непосредственныя преданія о старинѣ, близкой и довольно давней, съ живымъ научнымъ руководствомъ къ ея объясненію.—Старину онъ видѣлъ и не въ одной Москвѣ. Когда онъ былъ еще студентомъ, отецъ взял его съ собой въ рязанскую губернію на такъ-называемую «визитацію» училищъ, какія тогда поручались профессорамъ. Такъ, между прочимъ, они объѣхали города рязанской губерніи, гдѣ Снегиревъ успѣлъ присмотрѣться къ разнымъ остаткамъ старины и къ варварскому небреженію о нихъ у современниковъ... «Въ Богословскомъ монастырѣ (въ Рязани), —рассказываетъ онъ,—привлекла мое вниманіе древняя чудотворная икона св. Іоанна Богослова, на которую, вслѣдствіе этого-то видѣнія, самъ лютой *Битый* повѣсилъ свою золотую

печатъ; но въ сожалѣнію и удивленію, *не такъ давно* архимандритъ, снявъ эту печать, употребилъ ее на позолоту водосвятной чаши. Въ Рязани, въ Архангельскомъ соборѣ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на мантию ревностнаго миссіонера въ Мордвѣ, преосвященнаго Мисаила, пробитую стрѣлами и обогренную его мученическою кровію. Въ Зарайскомъ соборѣ привлекъ на себя мое вниманіе древній корсунскій образъ святителя Николая, особенно чувствуемый тамошними окрестными жителями; въ Касимовѣ на Озѣ—татарскій минаретъ и усыпальница касимовскихъ царей; въ Равенбургѣ—крѣпость, гдѣ содержался несчастный Иванъ Антоновичъ, носившій титулъ императора нѣсколько мѣсяцевъ...

Московская обстановка, безъ сомнѣнія, больше чѣмъ другая, могла способствовать развитію народно-археологическаго интереса. Средніе вѣка русской исторіи оставили здѣсь наибольшее число памятниковъ: бытовая жизнь въ московскихъ захолустьяхъ сохраняла больше старыхъ обычаевъ. Москвичи не забывали, что ихъ городъ—первопрестольная столица; но это не была столица дѣйствительная, и здѣсь не было чиновной и военной формальстики, связанной съ присутствіемъ двора, правящихъ лицъ и канцелярій, было больше простора для дѣливаго консерватизма нравовъ и обычаевъ, для проявленій народной жизни, которая еще до недавняго времени справляла здѣсь старыя народные праздники, для проявленій личнаго разгула и чудачества, которые оставались какъ слѣдъ стариннаго быта. Съ массами народа, сходившагося въ торговомъ и промышленномъ, а также и дворянскомъ центрѣ, стекались сюда и всякіе остатки старины, въ видѣ вещественныхъ памятниковъ, книжнаго старья, рукописей и т. п. Москва донинѣ есть главный рынокъ книжной и рукописной старины и главное гнѣздо нашей библиоманіи. Для археолога-любителя являлась возможность, даже при скромныхъ средствахъ, собирать коллекціи высокой научной цѣнности. Но Москва не была, однако, полнымъ представителемъ ни русской исторіи, ни русской народности, и не мудрено, что здѣсь такъ легко развивался патріотизмъ, окрашенный мѣстной исключительностью, склонный отождествлять всю русскую старину съ московскою стариною...

Послѣ нѣсколькихъ учебныхъ и педагогическихъ книгъ и двухъ біографій, митр. Платона и архіепископа московскаго Августина ¹⁾,—первымъ трудомъ Снегирева по изученію русской

¹⁾ Начертаніе жизни и дѣяній московскаго митрополита Платона, и пр. 2 части.

народности была известная книга о пословицахъ, первая систематическая книга въ русской этнографіи, съ большимъ матеріаломъ и научными приемами ¹⁾. Это была многолѣтняя работа; первые опыты разбора пословицъ Снегиревъ сдѣлалъ еще въ 1823 году, въ «Трудахъ» московскаго общества любителей россійской словесности; затѣмъ новыя части его работы появлялись въ разныхъ тогдашнихъ журналахъ; при окончательной обработкѣ сочиненія онъ имѣлъ возможность воспользоваться сообщеніями и объясненіями многихъ ученыхъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ...

Какъ мы видѣли раньше, въ то время, т.е. въ двадцатыхъ годахъ, когда велась работа Снегирева, русская этнографія, какъ наука, еще не существовала; изученія народной жизни еще съ конца XVIII вѣка внушались выроставшей потребностью самосованія, любопытствомъ и сочувствіемъ, но не были руководимы никакими точными научными приемами и послѣдовательной системой. На чемъ основалъ Снегиревъ свою систему? Онъ самъ указываетъ, въ автобіографіи, что въ своихъ археолого-этнографическихъ трудахъ «употребилъ ученую методу, которую заимствовалъ у наставниковъ своихъ Буле, Маттеи и Тимковскаго». Это были наставники его въ общей теоріи литературы и въ классической древности. Со времени возрожденія, классическая филологія была, какъ известно, главнымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивались литературныя изученія, humaniora; «филологія» до начала XIX столѣтія была по преимуществу, если не исключительно, классическая, и въ предѣлахъ греческой и римской литературы и древности выработаны были тонкіе приемы критическаго изслѣдованія. Снегиревъ, самъ преподаватель латинской археологіи и языка, примѣнилъ эти литературно-историческіе приемы къ изслѣдованію старины русской. Обширная, — хотя и не глубокая, — начитанность помогла ему ориентироваться въ предметъ; онъ сдѣлалъ справки о положеніи вопроса въ ученой европейской литературѣ, и ссылками на нее доказываетъ, въ предисловіи къ «Пословицамъ», «неизлишность» и «небезполезность» своего труда. Въ этомъ трудѣ есть недостатки, — говоритъ онъ: — «потому что онъ еще первый и ведетъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ выраженій ума и языка народнаго,

М. 1818 г., 2-е изд. 1831 г.; 3-е (?), 1856. — Биографическія черты изъ жизни архіепископа московскаго Августина. М. 1824; 3-е изд. 1848.

¹⁾ «Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденія и изслѣдованія объ отечественныхъ пословицахъ и поговоркахъ». 1—2 книжки, М. 1831; 3-я, 1832; 4-я, 1834.

на кои посвящали себя ученѣйшіе мужи въ Голландіи, Германіи, Даніи и Швеціи, такъ что одна литература оныхъ составляетъ цѣлую книгу, изданную Нолицемъ. Французы, итальянцы, испанцы и поляки имѣютъ словари и собранія своихъ пословицъ.

Снегиревъ начинаетъ свое изслѣдованіе издавелемъ, съ общаго объясненія пословицы, ея происхожденія и значенія, говорить о пословицахъ и притчахъ у евреевъ, у грековъ и римлянъ, у новыхъ европейскихъ народовъ, у славянскихъ племенъ ¹⁾, наконецъ, у русскихъ, и исчисляеть ихъ изданія. Затѣмъ, переходя къ предмету, онъ ставитъ вопросъ объ иностранныхъ источникахъ русскихъ пословицъ, и объ отношеніи пословицъ и поговорокъ къ словесности. Со второй книги и до конца идетъ перечисленіе самыхъ пословицъ; онѣ расположены по содержанію ²⁾ и сопровождаются постояннымъ комментариемъ. Повднѣйшая разработка этого предмета (въ пятидесятихъ годахъ) при помощи новѣйшей филологіи и сравнительной этнографіи, не удовлетворялась изслѣдованіемъ Снегирева, глубже ставила вопросъ о происхожденіи, объ этнографическомъ и археологическомъ значеніи пословицы ³⁾; но, вспоминая время появленія труда Снегирева, нельзя не признать его большой заслуги въ первомъ опытѣ научнаго объясненія пословицъ, въ обширности матеріала, введеннаго въ изслѣдованіе. Поставивши себѣ въ самомъ заглавіи цѣлью—реальное археологическое изслѣдованіе пословицъ, Снегиревъ умѣлъ иногда чрезвычайно удачно пользоваться ихъ быто-

¹⁾ О послѣднихъ онъ беретъ свѣдѣнія изъ Добровскаго, Линде, Кэппена, Кухарскаго, Бобровскаго.

²⁾ Это расположеніе слѣдующее:

Пословицы *антропологическія*.

А. Касающіяся до естественныхъ и нравственныхъ причинъ различія народовъ.
а) Пословица, относящіяся къ язычеству, вѣрѣ и суевѣрію. б) Нравы и обычаи въ пословицахъ. с) Пословицы нравственныя. д) Политическія и судебныя. О лицахъ правительствующихъ.

Б. Законодательство и судопроизводство. а) Законы. б) Преступленія и наказанія. с) Судные обряды (жребій, отдаваніе головъ, правезъ, поле, повальный обыскъ). Обзоръ политическихъ и юридическихъ пословицъ въ отношеніи къ эпохамъ исторіи русской.

Пословицы *физическія*. а) Метеорологическія и астрономическія. б) Агрономическія. с) Медицинскія.

Историческія. а) Хронологическія. б) Топографическія. с) Этнографическія (личныя; пословицы-девизы).

³⁾ См. изслѣдованія г. Буслаева, въ „Архивѣ“ Калачова, т. 2, 1854, и „Русскій бытъ и пословицы“, въ „Историч. Очеркахъ рус. нар. словесности и искусства“, 1861, I, стр. 78—186.

кимъ значеніемъ и ввести ихъ въ цѣлую картину старой русской жизни ¹⁾.

Вторымъ трудомъ Снегирева, столь же значительнымъ для начинавшейся науки, было сочиненіе о русскихъ народныхъ праздникахъ и обрядахъ ²⁾. Область изслѣдованія была здѣсь еще обширнѣе, матеріалъ несравненно богаче и сложнѣе; народный праздникъ, обрядъ, обычай проходили всю исторію и достигали до отдаленной языческой старины и мифологіи. Литература XVIII-го вѣка уже догадывалась объ историческомъ значеніи старой простонародной поэзіи и обычая, догадывалась, что то и другое было остаткомъ, сохранившимся отъ древней языческой религіи и далекаго быта. Первую мысль объ этомъ трудѣ далъ Снегиреву знаменитый митрополитъ Евгеній, ученый старой школы, связывающій нашу историческую науку прошлаго и нынѣшняго столѣтія ³⁾. Снегиревъ пользуется указаніями Третьяковскаго о народной пѣснѣ, Гютри (Guthrie) о старинныхъ русскихъ обычаяхъ; но ему извѣстно и то, какъ объясняла народную древность классическая археологія, которая уже выработала въ то время остроумныя объясненія древнихъ бытовыхъ явленій: Снегиревъ дѣлаетъ ссылки на Шлегеля, Ваксмута, Отфрида Мюллера, и въ началѣ книги высказываетъ сожалѣніе, что не могъ пользоваться (только выходящими тогда въ свѣтъ) сочиненіями о мифологіи и древностяхъ Шеллинга, Гримма и Шафарика ⁴⁾. Такимъ образомъ, Снегиреву понятна была тѣсная связь народнаго обычая съ древнѣйшимъ бытомъ, котораго онъ является остаткомъ, прошедшимъ черезъ всякія испытанія исторіи. Какъ въ книгѣ о пословицахъ, такъ и здѣсь, обильный матеріалъ собранъ былъ и живымъ личнымъ наблюденіемъ, и

¹⁾ Подлѣтъ Снегиревъ еще нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету, съ новыми объясненіями и дополненіями:

— Русскія народныя пословицы и притчи. М. 1843.

— Новый сборникъ русскихъ пословицъ и притчей, служащій дополненіемъ къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, изданныхъ въ 1848 году. М. 1857.

²⁾ „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“. Вып. 1. М. 1837; 2—3 вып. 1838; 4-й, 1839.

³⁾ Въ дневникѣ Снегирева подъ 4 авг. 1826 г. записано, что былъ онъ у митр. Евгенія, который „предложилъ ему собрать и описать народныя русскія праздники и обряды да въ концѣ дать ему свой объ этомъ предметѣ *записку*“. Августа 24, Снегиревъ „весь вечеръ провелъ у митр. Евгенія, читалъ ему свои статьи о народныхъ праздникахъ, на которую митрополитъ дѣлалъ свои замѣчанія и оставилъ у себя на разсмотрѣніе“ („Ис. Мих. Снегиревъ“, стр. 48—49).

⁴⁾ Въ продолженіи сочиненія онъ впрочемъ ссылается на Гриммовъ „*Rechtsalterthümer*“ (1828), IV, 125; и на Шафариковъ „*Древности*“, первая часть которыхъ явились тогда въ переводѣ Боданскаго, III, 128.

свѣдѣніями отъ другихъ, и большимъ знаніемъ старой и новой русской литературы. Такого богатаго матеріала до Снегирева не было еще нигдѣ собрано и объяснено въ нашей литературѣ, и въ научныхъ приемахъ — хотя они были еще, какъ увидимъ, весьма несовершенны — какая громадная разница съ целѣпицами Сахарова!

Какъ первый опытъ русской «еортологіи» (такъ называетъ Снегиревъ свое изслѣдованіе), гдѣ въ первый разъ давались объясненія древней мѣологии въ связи съ бытомъ, сочиненіе его не обошлось безъ крупныхъ и мелкихъ ошибокъ. У него нѣтъ уже совершенно грубаго произвола мѣологическихъ толкованій, какъ въ прежнее время; но нѣтъ еще и правильныхъ филологическихъ приемовъ, — онъ все еще черезъ-чуръ легко поддается вѣшнимъ сходствамъ и созвучіямъ и строитъ на нихъ мѣологическіе выводы ¹⁾. Ему было знакомо различіе между источниками первоначальными и позднѣйшими книжными измышленіями; но тѣмъ не менѣе, старыя русскія божества онъ, напр., перечисляетъ и по Нестору, и по «Четь-Минеямъ» Дмитрія Ростовскаго ²⁾. Послѣдующимъ вслѣдователямъ уже вскорѣ, съ конца сороковыхъ годовъ, подобные недостатки Снегирева бросались въ глаза, какъ недостатки вопіющіе, — но для своего времени трудъ Снегирева былъ все-таки замѣчательнымъ явленіемъ; онъ во всякомъ случаѣ открывалъ путь для дальнѣйшихъ изысканій, возбуждалъ вопросы ³⁾. До сихъ поръ онъ остается незамѣ-

¹⁾ Напр. на первыхъ же страницахъ: „Скандинавскій *Баль*, или *Балъ*, божество огня и свѣта, сходное съ азіатскимъ *Валомъ*, и *Торъ* громовосный, съ млатомъ въ рукѣ (*Mjölnir*, молнія?) перешли въ *Вьлбога* и *Чернобога*, означающихъ двойственность славянской религіи, отъ коей германская отличается своею тройственностью; скандинавскій *Одимъ* или *Водимъ* вѣроятно преобразился въ *Водяного*“. I, стр. 10; но дальше, тройственность яляется и въ русской мѣологіи, стр. 152. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ нѣтъ тѣни основанія. Русскій *Валосъ* приравнивается къ скандинавскому *Вал-ассу*, а дальше, о немъ „доннійъ напоминаетъ праздникъ *Вель-Оксъ*, отправляемый мордвою“ (I, стр. 18), и т. д.

²⁾ Гдѣ въ житіи кн. Владиміра являются такіе „боги“ какъ: *Поввиздъ* или *Вихоръ*, богъ воздуха; *Ладо*, богъ веселія; *Купало*, богъ плодовъ земныхъ, и т. п., никогда не бывающіе. I, стр. 11.

³⁾ Снегиревъ понималъ трудность своей тѣи и необходимость дальнѣйшихъ изысканій. „Самъ постигалъ всю важность и обширность избраннаго мною предмета, объемлющаго внутреннюю жизнь русскаго народа въ разныхъ ея эпохахъ, — говоритъ онъ въ предисловіи, — нахожу, что онъ требуетъ большихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постояннѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ болѣе идти по этому поприщу, чѣмъ глубже вникать въ этотъ предметъ, повидимому столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонній, тѣмъ болѣе откроется новыхъ свѣдѣній и соображеній, важныхъ для исторіи, филологіи и философіи“.

неннымъ,—потому что, при всей новой замѣчательной обработкѣ частныхъ, никто еще не собралъ цѣлой нашей «еортологіи» — съ новой научной точки зрѣнія; и нѣкоторыя историческо-бытовыя замѣчанія Снегирева донынѣ остаются не развитыми далѣе.

Третій трудъ Снегирева по русской этнографіи опять былъ изслѣдованіемъ чрезвычайно любопытнаго и до него никѣмъ не тронутаго предмета. Это — лубочныя картинки. Появляясь съ XVII вѣка и до 1839 г. оставаясь почти не тронутыми цензурнымъ контролемъ, эти картинки составляютъ, какъ извѣстно, цѣлую особую народную литературу, въ разныхъ отношеніяхъ интересную и иногда весьма трудную для историческаго истолкованія. Снегиревъ, съ тѣмъ вкусомъ и чутьемъ къ старинѣ, которое его отличало, очень рано обратилъ вниманіе на лубочныя картинны и съ своего перваго изслѣдованія о нихъ въ 1822 г. нѣсколько разъ обращался къ нимъ, до послѣднихъ лѣтъ своей жизни ¹⁾. До новѣйшаго изданія Д. А. Ровинскаго, статьи и книжки Снегирева были единственнымъ цѣльнымъ трактатомъ объ этомъ предметѣ, на объясненіе котораго онъ опять положилъ и свое большое знаніе письменной и печатной старины, и практическое знаніе народнаго обычая. Но и здѣсь опять повторились его обычные недостатки: слишкомъ поспѣшные выводы, иногда совсѣмъ грубыя ошибки и недосмотры, цитаты наугадъ и на память, и къ нимъ очень строго отнеслась новая критика, которая уже непремѣнно требовала внимательнаго обращенія съ текстами и доказательнаго комментарія ²⁾. Тѣмъ не менѣе, когда новому изслѣдователю предмета нужно было снова перебрать и изслѣдовать весь матеріалъ лубочныхъ картинокъ, онъ нашелъ возможнымъ дать труду Снегирева самую высокую похвалу. Таковъ отзывъ г. Ровинскаго: «особенную помощь,— пишетъ онъ въ предисловіи къ своему огромному труду,—оказали мнѣ статьи о лубочныхъ картинкахъ И. М. Снегирева; въ нихъ, кромѣ полнаго перечня картинокъ, заключается еще чрез-

¹⁾ Первая статья его: „Русская народная галлерей или лубочныя картинны“, въ Отеч. Зап. 1822, т. XII, № 80.

— „О прстонародныхъ изображеніяхъ“ въ Трудахъ общ. люб. рос. словесности, 1824, кн. IV.

— „Лубочныя картинны“, въ Москвитинѣ, 1841, № 5.

— „О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа“, въ Валуевскомъ „Сборникѣ историч., статист. и др. свѣдѣній о Россіи“, Спб. 1845.

— „О лубочныхъ картинкахъ рус. народа“. М. 1844, и 2-е изд.: „Лубочныя картинны рус. народа въ московскомъ мірѣ“. М. 1861.

²⁾ См. ст. г. Буслаева въ Отеч. Зап. 1861, № 9, и Котляревскаго, „Старина и народность“, М. 1862, стр. 86—87.

вычайное множество историческихъ свѣдѣній и обиходныхъ замѣтокъ, которыя могли быть собраны и записаны только такимъ практическимъ маститымъ археологомъ-старожиломъ, какимъ считался въ нашей Москвѣ И. М. Снегиревъ: статьи его о лубочныхъ картинкахъ русскаго народа — истинное сокровище для людей, занимающихся этимъ предметомъ»¹⁾.

Другая область изслѣдованій, которая издавна занимала Снегирева и съ сороковыхъ годовъ почти исключительно его поглощала, была древность монументальная, старое русское искусство и въ особенности памятники московской и подмосковной старины. Какъ первые начатки этнографическихъ изысканій сдѣланы были еще въ XVIII-мъ столѣтїи, такъ и въ археологїи монументальной Снегиревъ имѣлъ своихъ предшественниковъ; но никто, и раньше, и въ его время, не положилъ столько труда на изслѣдованіе памятниковъ стараго русскаго искусства вообще, и въ особенности московской старины. Цѣлый рядъ изданій его, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, полагалъ начало систематическому изученію нашей монументальной старины. Таковы его «Памятники московской древности» (М. 1842—45); «Памятники древнаго искусства въ Россїи» (три вып., 1850); «Письмо объ иконописи къ гр. А. С. Уварову» (1848)²⁾; «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества»³⁾. Москва собственно была предметомъ цѣлыхъ особыхъ изслѣдованій: таковы — «Памятники московской древности» (1842—45); «Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города» (т. I. 1865). Большая часть этихъ изданій была сдѣлана Снегиревымъ въ сотрудничествѣ съ А. Мартыновымъ. Далѣе, цѣлый рядъ книгъ и книжекъ о московской и подмосковной святинѣ и достопримѣчательныхъ памятникахъ⁴⁾. Наконецъ, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ великолѣпномъ изданіи «Древностей россійскаго государства»,

¹⁾ Рус. нар. картинки, Спб. 1881, I, стр. VI—VII. Замѣтимъ еще, что коллекція Снегирева составила очень важную часть собранія лубочныхъ картинъ, какое имѣется въ Публичной Библіотекѣ.

²⁾ Оно послужило главнымъ матеріаломъ для сочиненія Сабатье: *Notion sur l'icônographie sacrée St.-Pet.* 1849.

³⁾ М. 1846—1854, въ 15 выпускахъ, въ листъ. Другое изданіе, въ 12°, съ дополненіями и поправками, въ 4 книгахъ.

⁴⁾ Новоспасскій монастырь (1848); Успенскій соборъ (1856); Воскресенскія ворота (1860); Знаменскій монастырь и палата бояръ Романовыхъ (1861); Новоспасскій ставропигиальный монастырь (1863); Покровскій монастырь (1863); Богоявленскій монастырь (1864). — Троицкая лавра (1842); Путеводитель изъ Москвы въ

предпринятомъ по высочайшему повелѣнію въ сороковыхъ годахъ ¹⁾).

Въ 1858—1859, Снегиревъ, въ качествѣ спеціального знатока московской старины, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по восстановленію извѣстныхъ «Романовскихъ палатъ» въ Москвѣ, заложенныхъ 31 августа 1858 и открытыхъ въ августѣ 1859 года ²⁾).

И въ этой сторонѣ его трудовъ новая археологическая критика дѣлала ему сильныя упреки. Снегиревъ часто не удовлетворялъ строгимъ требованіямъ научнаго описанія и объясненія памятниковъ: прежде онъ и не привыкъ къ этимъ требованіямъ, и теперь какъ будто не считалъ нужнымъ заботиться о полной точности подробностей, когда цѣлью его былъ популярный рассказъ о любимой старинѣ, которую онъ самъ увлекался. Въ замѣчательной статьѣ по поводу «Москвы» Снегирева, г. Забѣлинъ такъ характеризовалъ научную сторону его трудовъ: «Характеръ и достоинство археологическихъ трудовъ Снегирева наука давно опредѣлила... Она не могла не оцѣнить большой начитанности автора, значительнаго знакомства съ архивными матеріалами, этой неутомимости въ собираніи многообразныхъ данныхъ, массою которыхъ авторъ приводилъ всегда въ изумленіе обыкновеннаго читателя, въ первый разъ встрѣчавшаго столько старыхъ словъ, столько новыхъ фактовъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ наука раскрыла также и важнѣйшій, самый существенный недостатокъ этого безмѣрнаго и не всегда толковаго собирательства, и именно, отсутствіе всякой критики, отсутствіе руководящей, объединяющей, послѣдовательной мысли при обработкѣ не только цѣлаго, но и каждой отдѣльной его части... Наука указала на очень выдающееся отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ критическихъ приѣмовъ въ выборѣ, сличеніи и сообщеніи разнообразныхъ фактовъ и всякихъ свидѣтельствъ, въ нихъ должной оцѣнкѣ; указала на великую сбивчивость и несвязность изложенія, на небрежность, съ какою авторъ всегда почти относится къ текстамъ, подлиннымъ словамъ, и къ ссылкамъ на эти слова... Вообще, наука отмѣтила, что археологическіе труды Снегирева, несмотря на видимую эрудицію, на весь внѣшній образъ учености, значительно слабы именно въ ученомъ отношеніи... Вотъ по-

Троице-Сергіеву лавру (1856); Геосианскій скитъ (1863); Дворцовое царское село Ипатьлово (1866).

¹⁾ Снегиреву принадлежатъ текстъ отдѣленій I, IV и VI, 1849, 1851, 1853.

²⁾ „Ив. Мих. Снегиревъ“, стр. 219 и слѣд. Снегиревъ написалъ тогда статьи о Романовскихъ палатахъ для „Моск. Вѣдомостей“.

чему труды г. Снегирева, пользуясь большимъ уваженіемъ въ средѣ непосвященныхъ, обыкновенныхъ читателей, вообще не столько цѣнились исследователями, заинтересованными непосредственно и ближайшимъ образомъ въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ касался и которые обработывалъ авторъ, а потому и входившими въ самое близкое знакомство съ его изысканіями... Исследователи, послѣ долгихъ и очень тяжелыхъ операцій надъ сочиненіями Снегирева, могли вынести одно непреложное убѣжденіе, что пользоваться этими сочиненіями нужно съ великою осмотрительностью и осторожностью, что несравненно легче, плодотворнѣе для себя и во всѣхъ смыслахъ полезнѣе имѣть дѣло прямо съ самими источниками, чѣмъ изучать сочиненіе, котораго почти каждую строку приходится очищать критикою, провѣрять съ тѣми же источниками, болѣею частію всѣмъ доступными... Все это въ работающей средѣ ставило труды Снегирева какъ бы внѣ науки, внѣ ея границъ. Они не попадали въ ея теченіе, въ ея общій оборотъ, не сливались органически съ новыми дальнѣйшими работами, какія предпринимались по тѣмъ же вопросамъ другими изыскателями, что должно бы непременно случиться, даже противъ воли и желанія этихъ изыскателей... Труды Снегирева *положительнымъ путемъ* никогда и нигдѣ не дѣйствовали въ научной обработкѣ нашихъ древностей. Ихъ связь съ этою обработкою обнаруживалась всегда только *отрицательно*, выражала только неизбѣжную полемику съ ними, неизбѣжную ихъ перевѣрку, что въ видахъ рѣшительной бесполезности и излишняго труда нерѣдко даже совсѣмъ оставлялось исследователемъ¹⁾.

Г. Забѣлинъ былъ особенно въ правѣ высказывать столь суровый приговоръ. Работая въ той же археологической области, ему именно приходилось ближайшимъ образомъ провѣрять изслѣдованія Снегирева, убѣждаться въ невозможности довѣрять его выводамъ и его цитатамъ, вообще въ крайнихъ недостаткахъ его исторической критики. Замѣчанія г. Забѣлина о научныхъ свойствахъ трудовъ Снегирева безъ сомнѣнія справедливы, какъ справедливо и то, что они остались какъ бы внѣ науки, не имѣя внутренней связи съ дальнѣйшими изслѣдованіями. Нужно, однако, сдѣлать оговорку, что наша историческая наука еще такъ вообще молода, что почти только съ Снегиревымъ и начинается разработка нашей монументальной археологіи и сколько-нибудь научной этнографіи, и онъ послужилъ наукѣ уже тѣмъ, что въ

¹⁾ Забѣлинъ, Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи. Ч. II, М. 1873, стр. 119—122.

ихъ младенческомъ состояніи онъ ставилъ научные вопросы (какъ въ изслѣдованіяхъ о пословицахъ, о народныхъ праздни-кахъ, о народныхъ картинкахъ), и начиналъ собирательство, хотя и недостаточно научное, но котораго раньше почти еще не начинали. Мы приводили выше, какъ въ наши дни нашелъ возможнымъ отозваться объ его собирательствѣ г. Ровинскій; укажемъ еще сочувственныя слова г. Буслаева, когда онъ по смерти Снегирева, резюмировалъ его ученую дѣятельность ¹⁾. Недостатки Снегирева происходили какъ отъ новости науки, приемы которой онъ собиралъ эклектически (въ этнографіи) и не въ силахъ былъ выработать въ правильный методъ, и отъ господствующаго характера литературы (двадцатыхъ годовъ), въ которомъ сложились его литературныя понятія. Цѣль его была не только научная, но и популярная, и послѣдняя, безъ сомнѣнія, еще болѣе, чѣмъ первая: читатели и самая критика были очень мало приготовлены, и были вполнѣ удовлетворены, — первыя серьезныя требованія поставлены были только позднѣе (съ сороковыхъ годовъ). Его общія историческія представленія были карамзинскія; представленія о народѣ и народности — отвѣчали извѣстной программѣ, и съ этой стороны опять не сходились съ позднѣйшей школой, которая приступала къ изученію народности безъ предвзятыхъ и постороннихъ наукъ соображеній.

Переходимъ къ писателю иного характера, болѣе молодого поколѣнія, на которомъ, въ другихъ формахъ, но также сказало тогдашнее положеніе народныхъ изученій. Это былъ романтикъ народности — Пассекъ, очень замѣченный въ свое время писатель, но рано умершій, только-что начавши свою дѣятельность.

Вадимъ Васильевичъ Пассекъ ²⁾ родился, въ іюнѣ 1808, въ Тобольскѣ, гдѣ отецъ его, извѣстный по своимъ печальнымъ приключеніямъ, жилъ съ семьей въ ссылке, въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Тобольскій губернаторъ въ то время особенно гналъ семейство Пассековъ и выселилъ его, въ глубокую осень, за двадцать верстъ отъ города. Вадимъ остался и прожилъ годы дѣтства въ домѣ ихъ друга, инспектора врачебной

¹⁾ Моск. Унив. Изв. 1869.

²⁾ Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ воспоминаніяхъ его вдовы: „Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ“. Спб. 1878—79, т. I, стр. 366—384, 432 и слѣд., и рядъ главъ во II-мъ томѣ.

управы Керна ¹⁾). Средства семьи заключались въ той части дохода съ харьковскаго имѣнья, какая приходилась на долю двухъ сыновей, рожденныхъ до смерти отца; но мало-по-малу высылка денегъ сокращалась и, наконецъ, прекратилась. Семейство умножалось, наступала нужда; но семья держалась дружно и работала. Вадимъ, тихій, задумчивый, съ поэтической наклонностью, рано увлекался и красотами природы, и разсказами о старинѣ...

Черезъ двадцать лѣтъ ссылки, Пассекъ-отецъ былъ наконецъ возвращенъ (въ 1824 или 1825). Многолюдная семья переехала въ Москву, гдѣ родственныя связи съ нѣкоторыми богатыми и значительными людьми помогли ей кое-какъ устроиться. Въ 1830, отецъ умеръ и семья осталась на заботѣ старшихъ сыновей, упорно для нея работавшихъ. Вадимъ въ послѣднихъ двадцатыхъ годахъ былъ въ московскомъ университетѣ; въ молодомъ поколѣнн бродилъ идеалистическій романтизмъ, въ которому Пассекъ былъ склоненъ уже отъ природы. Онъ шелъ въ университетъ раньше Герцена, но они еще встрѣтились и сошлись очень дружески ²⁾: ихъ соединяли общія наклонности, интересы къ наукѣ и поэзії, стремленіе къ осуществленію въ жизни нравственно-общественныхъ идеаловъ; только послѣ въ ихъ мнѣніяхъ стали сказываться различныя оттѣнки, что одно время и произвело между ними охлажденіе... Пассекъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, кажется, до холернаго года. Въ этомъ году, когда эпидемія производила въ Москвѣ, какъ и вездѣ, страшную паннику, Пассекъ одинъ изъ первыхъ предложилъ себя въ распоряженіе холернаго комитета и дѣйствовалъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ: онъ завѣдывалъ въ больницѣ канцеляріей, хозяйственной частью, ухаживалъ за больными и даже, съ нѣкоторыми изъ врачей, дѣлалъ на себѣ опыты прилипчивости болѣзни. Опыты показали противъ прилипчивости, и послѣ этого къ болѣзни стали относиться смѣлѣе и явилось больше желающихъ помогать въ общественномъ бѣдствіи ³⁾).

Въ 1832, Пассекъ женился на «корчевской вузинѣ» Герцена и принялся за «Путевыя записки», которыя были его первымъ трудомъ. Весной 1834, графъ А. Н. Панинъ, попечитель харьковскаго университета, предложилъ ему каеедру рус-

¹⁾ „Я родился въ то время,—писалъ Пассекъ,—когда безпощадно тѣснили и терзали родную семью, поэтому былъ надолго отдаленъ отъ нея, росъ среди чужихъ, сталъ рано думать и чувствовать и долженъ былъ сосредоточиваться, замкаться самъ въ себя“. Изъ дальнихъ лѣтъ, I, стр. 375.

²⁾ Изъ дал. лѣтъ, I, 317—318, 328, 355—365 и пр.

³⁾ Тамъ же, I, стр. 357—358.

своей исторіи въ Харьковѣ, и онъ было началъ собираться въ путь. Между тѣмъ въ іюлѣ этого года въ Москвѣ произошелъ арестъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обвиненныхъ за пѣніе на ивушки недозволительныхъ пѣсенъ. Къ Пассеку это не имѣло никакого отношенія, но исторія эта, очень безсмысленно, отразилась и на немъ. По письмамъ, находимымъ у арестуемыхъ, переходили отъ одного къ другому, отъ поэта Соголовскаго къ Сатину, къ Огареву, наконецъ къ Герцену. По аресту послѣдняго, ждалъ и Пассекъ своей очереди, но, по разсказу г-жи Пассекъ, — «продолжительныя отлучки Вадима передъ женитьбой (для устройства дѣла съ харьковскимъ имѣніемъ), частныя, продолжительныя поѣздки наши послѣ женитьбы, новые интересы въ товарищескаго кружка спасли его отъ ударовъ собравшейся грозной тучи; но несмотря ни на что, рикошетомъ они попали и въ насъ»¹⁾. Когда, приѣзжавши въ Харьковъ, Пассекъ явился къ гр. Панину, тотъ сообщилъ ему, что изъ Москвы получена бумага, въ которой сказано, чтобы не допускать Пассека до чтенія лекцій, вслѣдствіе его сношеній съ арестованными молодыми людьми, а если уже читаетъ, то учредить строгій надзоръ. Лекцій, конечно, и не были начаты. Пассекъ поселился въ своей деревнѣ, въ харьковской губерніи; здѣсь его сосѣдомъ оказался жандармскій полковникъ, съ которымъ онъ дружески сошелся и который сообщилъ ему, что дѣйствительно долженъ доставлять о немъ отчеты... Пассекъ прожилъ въ Харьковѣ и въ деревнѣ 1834—36 годы, съ небольшою поѣздкой въ Кіевъ, занимаясь этнографическими и статистическими изученіями. Въ 1836, онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, по статистическому отдѣленію, и считался откомандированнымъ въ харьковскую губернію. Въ 1837, онъ представилъ въ министерство свое историко-статистическое описаніе харьковской губерніи съ планами и видами. Оно было напечатано въ официальномъ изданіи²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занимался изслѣдованіемъ древностей, городищъ и кургановъ и отчетъ о нихъ доставилъ въ общество исторіи и древностей, которое избрало его въ свои члены. Въ Москву, онъ вывезъ для университета изъ Украйны три каменные «бабы».

По полученіи работы Пассека о харьковской губерніи, министерство дало ему порученіе составить статистическое описа-

¹⁾ Изъ дальнихъ лѣтъ, I, стр. 435.

²⁾ Матеріалы для статистики російской имперіи, издаваемые, съ высочайшаго дозволенія, при статистическомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1839—41 (два тома), т. I, отд. II, стр. 125—167.

ніе таврической губерніи. Для этого надобно было предварительно въ Одессѣ ознакомиться съ архивомъ новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора. Въ Одессѣ, съ поѣздкой въ Крымъ, Пассекъ провёлъ 1837—38 годы. Еще въ Харьковѣ онъ задумалъ изданіе «Очерковъ Россіи», и его мысль, какъ и вообще взглядъ на изученіе народа, была съ великимъ сочувствіемъ раздѣлена Срезневскимъ, который въ тѣ годы былъ въ разгарѣ этнографическаго романтизма. Въ Одессѣ Пассекъ также встрѣтилъ людей, сочувствовавшихъ его планамъ, и тѣмъ усерднѣе готовился къ изданію, для котораго уже набирались сотрудники и статьи. Въ 1838 году вышла первая книга «Очерковъ Россіи».

Въ началѣ лѣта 1838, Пассекъ сдѣлалъ поѣзду въ Крымъ, въ осени вернулся въ Харьковъ, оставался здѣсь до лѣта слѣдующаго года, сдѣлалъ новыя поѣздки по харьковской губерніи, и осенью 1839 переѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ Пассекъ встрѣтился снова съ кружкомъ Герцена, но завязалъ и другія связи, которыя, повидимому, становились ему ближе и сочувственнѣе. Осенью 1840, онъ отправился въ Петербургъ; цѣлью поѣздки были его литературныя планы и оффиціальныя дѣла, а именно онъ, черезъ К. И. Арсеньева, хотѣлъ напомнить въ министерствѣ, гдѣ считался на службѣ, объ обѣщанномъ ему первомъ вакантномъ мѣстѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ. Арсеньевъ съ участіемъ взялся за его дѣло; мѣсто обѣщано, а пока ему поручено было составленіе статистическихъ свѣдѣній о московской губерніи и дана награда за описаніе таврической губерніи.

Въ 1841, Пассекъ составилъ статистическое описаніе московской губерніи, признанное образцовымъ; составилъ путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ¹⁾, хлопоталъ объ изданіи «Очерковъ Россіи». Средства его были стѣсненныя; онъ считался на службѣ, но жалованья ему не давали. Весной 1842, архимандритъ Симонова монастыря Мельхиседекъ предложилъ ему составить историческое описаніе Симонова монастыря, съ вознагражденіемъ въ 300 рублей. Онъ взялся за эту работу, которая и была вскорѣ кончена и издана; но вмѣсто гонорара Пассекъ просилъ за свой трудъ—отвести ему и семьѣ мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ! Въ томъ же году пришлось воспользоваться этимъ условіемъ—сначала для его ребенка, а осенью—для него самого. Еще лѣтомъ Пассекъ заболѣлъ, простудившись;

¹⁾ Московская справочная книжка, изданная Вад. Пассекомъ. М. 1842.

въ осени ему дѣлалось все хуже и 25 октября 1842 онъ умеръ. Въ этомъ году вышла и послѣдняя, 5-я книга «Очерковъ Россіи».

Первымъ произведеніемъ Пассека, какъ выше замѣчено, были «Путевыя записки» и еще небольшая статья «Странное желаніе», напечатанная повдѣе ¹⁾). Достаточно прочесть нѣсколько страницъ этой послѣдней статьи, чтобы видѣть мечтательную подкладку его взглядовъ, сохранившуюся и повдѣе. «Странное желаніе» заключается въ слѣдующемъ:

«Духъ вѣченъ и вѣтъ для него избраннаго времени, человекъ не весь прикованъ къ настоящему; онъ любитъ воскрешать минувшіе вѣка, углубляться до дна созданья, въ безконечность времени, и уносится душой въ будущее.

«Оттого-то и мнѣ хотѣлось бы всюду жить въ каждое мгновеніе времени, во всѣ возрасты человечества и природы: хотѣлось бы присутствовать при всѣхъ переворотахъ земли, взгромоздившихъ горы и раздѣлившихъ всѣ ея части, когда еще кипѣли рѣки металловъ (!) и раскаленная атмосфера неразлучно носилась съ земнымъ шаромъ! Хотѣлось бы взглянуть, какъ послѣ стихійнаго состоянія отдѣлились воды, заструились рѣки, зацвѣли первыми цвѣтами поля и послышалось первое пѣніе птицъ... Желалъ бы перечувствовать всѣ чувства, всѣ впечатлѣнія перваго человека, переходить съ нимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе... и пр.

«Что мнѣ жизнь, если я не составляю живой части дѣлагаго міра; что мои бѣдные дни, если они не сливаются съ вѣчностью!

«Страшно быть отторгнутымъ отъ общества людей, невыразимо страшнѣе быть отторженнымъ бытіемъ отъ вселенной и жизнью отъ вѣчности (?). Я терплю, гибну при одной мысли объ этомъ отчужденіи, оно роняетъ человека ниже ничтожества.

«Не оттого ли мы нерѣдко томимся желаніемъ представить всю минувшую жизнь вселенной, узвать ея настоящее и разгадать будущее?

«Но человекъ не воскреситъ прошедшаго, не удовлетворится и разгадкой будущаго! Гдѣ же полное удовлетвореніе жизни? гдѣ найду наслажденіе жизни всевременной и вездѣ присутствующей—

Въ святой и жаркой вѣрѣ на землѣ—

И тамъ, гдѣ вѣтъ уже земныхъ преградъ, и пр.

«Путевыя Записки» ²⁾ всего нагляднѣе указываютъ настроеніе и основную мысль, проходящую въ работахъ Пассека. Когда книга вышла, Сенковскій замѣтилъ въ «Библиотекѣ для чтенія», что, вѣроятно, авторъ путешествовалъ въ воображеніи, сидя по-

¹⁾ Въ сборникѣ „Литературный Вечеръ“, М. 1844, который по его смерти изданъ былъ московскимъ литературнымъ кружкомъ въ пользу его семейства. Объ этомъ сборникѣ см. въ „Современникѣ“ 1844 г., т. 35. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 204—205, 344—345.

²⁾ Путевыя записки Вадима *. Москва, 1834. 8°. 180 стр. Посвященіе: „Татьянѣ Петровнѣ Пассекѣ“.

койно на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, и болѣе по протекшимъ вѣкамъ. Другъ автора, Лажечниковъ, въ письмѣ, относится къ книгѣ съ осторожной уклончивостью¹⁾. И дѣйствительно, въ книгѣ много историко-поэтическихъ фантазій о протекшихъ вѣкахъ, а настоящихъ путевыхъ записокъ совсѣмъ не имѣется; тѣмъ не менѣе она любопытна для исторіи народныхъ изученій. Народнo-историческій интересъ только-что складывался: чувствовалась недостаточность прежней чисто внѣшней государственной исторіи, и возникала потребность изслѣдовать основы внутренней жизни народа, его бытовые и нравственные идеалы. Это стремленіе, еще поэтически-неопредѣленное, особенно выразилось у Пассека, и оттого имя его называлось въ то время съ большими сочувствіями: онъ отвѣчалъ на созрѣвавшую потребность. Труды его, кромѣ немногихъ описательныхъ сочиненій, немного дали прямого научнаго матеріала, но имѣютъ свое историческое значеніе: это—предисловіе къ наступившимъ вскорѣ спорамъ славянофиловъ и западниковъ о русской національной идеѣ и къ болѣе глубокой постановкѣ этнографическихъ изученій.

Книга дѣлится на нѣсколько главъ или статей: первая посвящена личнымъ воспоминаніямъ и размышленіямъ о русской старинѣ; вторая посвящена «Украинѣ» (стр. 51—112, съ эпиграфомъ изъ Рудаго-Панька); третья—«Малороссіи» (стр. 113—155); далѣе идутъ «мечтанія», гдѣ авторъ обращается къ общему вопросу личной и исторической жизни человѣка, къ опредѣленію исторіи, къ необходимости новыхъ изученій прошлаго Россіи; наконецъ, небольшой «эпилогъ».

Книга начинается воспоминаніями дѣтства и юности въ Сибири—о впечатлѣніяхъ свѣжей и дикой природы, о народныхъ историческихъ преданіяхъ («Ермакъ былъ первымъ героемъ моихъ мечтаній»); потомъ—перевѣздъ въ Россію, путь до Москвы среди новыхъ впечатлѣній; наконецъ, Москва. Мечтанія юности сливаются съ мечтаніями историка. Кремль переноситъ автора въ прошедшее Москвы, въ далекую старину русской народной жизни: историкъ долженъ открыть ея характеръ, источникъ ея отличій отъ жизни западной Европы. Авторъ находитъ этотъ источникъ въ особомъ усвоеніи христіанства славянскимъ племенемъ:

«Оно (христіанство) близко душѣ человѣка, потому что проповѣдуетъ все истинное и благое; оно близко къ характеристикамъ славянскихъ племенъ, по своей *созерцательности*» (стр. 44).

¹⁾ Письмо 1834 г.: „Изъ дал. глѣтъ“. II, стр. 222.

Въ этой «соверцательности», христіанскомъ спокойствіи и покорности, онъ находитъ поясненіе многихъ событій русской исторіи.

Обязанность историка и значеніе исторіи представляются ему въ самыхъ возвышенныхъ чертахъ:

«Тотъ не историкъ, кто не поэтъ,—говоритъ Пассекъ;—потому что у него не достанетъ души, чтобы слиться съ челоѳечествомъ, чтобы объять его, потому что исторія есть законъ минувшаго, вдохновенное пророчество о будущемъ! Тотъ не историкъ, кто не мыслитель и не поэтъ. Только Вико, Гердеръ, Боссюети, Нибуры создали исторію, только поэтической идеализмъ Шеллинга и Фихте оживотворилъ ее своимъ ученіемъ. Но сочувствовать можно чему-нибудь, и это что-нибудь, говорю я, есть внутренняя жизнь челоѳчества, въ своемъ началѣ и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Мы познаемъ развитіе настоящаго по событіямъ минувшимъ, а минувшее освѣтляемъ жизнью настоящаго. И тотъ не понимаетъ исторіи народа, кто не объмлетъ умомъ, не чувствуетъ сердцемъ малѣйшихъ движеній его внутренней жизни; кто не видитъ, какъ живетъ прошедшее въ настоящемъ; кто думаетъ воссоздать жизнь по одѣямъ лѣтописямъ или остаткамъ искусства, и въ настоящемъ бытѣ не видитъ основныхъ началъ, по которымъ дѣйствовало минувшее, и станетъ дѣйствовать грядущее.

«... Должно умомъ и сердцемъ взглянуть въ настоящій бытъ народа! Должно быть съ нимъ, видѣть его во всѣхъ измѣненіяхъ, подъ всеми впечатлѣніями обстоятельствъ и условіями внѣшней природы—однимъ словомъ, должно *путешествовать*»... (стр. 166—168).

Съ чего же начать путешествіе? На это указываетъ исторія государства. Оно имѣетъ свои центры, состоящіе въ извѣстной мѣстности, въ характерѣ племени, и разливающіе на жизнь государства свои отбѣнки. Исключивъ окраины, въ самомъ русскомъ племени Пассекъ указываетъ три такихъ центра и основныхъ пункта изслѣдованія: Новгородъ, Кіевъ и Москву, съ ихъ соотвѣтственными землями и населеніями. Изученіе Россіи по этимъ центрамъ, въ ея внутреннихъ историческихъ движеніяхъ, въ связи прошлаго съ настоящимъ, было его завѣтной идеальной цѣлью:

«Вотъ колоссальное предпріятіе, которымъ такъ полны мои думы и мечтанья!—Боже мой! какъ радостно оживаетъ душа, когда я вижу, когда только воображаю всѣ начала историческихъ событій живыми въ живыхъ племенахъ! И я изслѣдую сіи начала не въ однихъ лѣтописяхъ, но въ умѣ и сердцѣ и самыхъ заблужденіяхъ настоящаго поколѣнія! И я переживаю цѣлые вѣка и всѣ переломы жизни!

«О, дайте мнѣ крылья! Я чувствую себя сильнымъ раскрыть этотъ новый свѣтлый міръ! Сочувствуете ли вы мнѣ? Бьется ли у васъ восторгомъ сердце? Или вы безчувственны и смѣетесь надъ чистымъ мечтаніемъ юноши?»... (стр. 173).

Въ этой восторженной формѣ выраженія высказана мысль о необходимости изученія мѣстныхъ элементовъ исторіи и на-

родныхъ бытовыхъ особенностей, налагающихъ печать на развитіе государства.

И съ этой точки зрѣнія, его особенно теплое, даже восторженное чувство поднимаетъ Малороссія, родина его предковъ. Въ ней возникли первые элементы нашего отечества, изъ нея разлился въ немъ свѣтъ христіансва, и пр.

«Кто первый изъ насъ вошелъ въ связи съ европейскими державами? Кто остановилъ губительный потокъ первыхъ татарскихъ ордъ, привудилъ ихъ снова удалиться въ свои степи и такъ сильно, такъ пламенно и роскошно воспѣлъ битвы съ кочевыми половцами?—Малороссіане!

«Какой народъ безъ твердыхъ и постоянныхъ предѣловъ, которые могли бы его защитить отъ воинственныхъ сосѣдей, безъ неприступныхъ горъ, которыя могли бы спасти его независимость, умѣлъ быть страшнымъ для своихъ враговъ, успѣлъ развить свою національность и сохранить ее въ тяжелые пять вѣковъ насилія татарскаго, литовскаго и польскаго? Какой народъ въ пять вѣковъ неволи, когда пепелили его города, предавали мученьямъ за преданность религіи, умѣлъ ее сохранить, и въ это время не разъ былъ грозою своимъ притѣснителямъ и среди нихъ пытокъ созидалъ училища для образованія юношества? Этотъ народъ былъ—малороссіане! Доселѣ наше отечество гордится принятіемъ религіи греческой и она... впервые принята—Малороссією. Доселѣ гордимся мы побѣдными походами Святослава—и въ нихъ были толпы малороссіанъ. Доселѣ одно воспоминаніе о пѣсняхъ Бояновъ навѣваетъ мечтою и переноситъ въ минувшее—и Бояны были поэты Малороссіи, между тѣмъ какъ сѣверъ не оставилъ памяти о своихъ пѣвцахъ. Для насъ безсмертно Слово о походѣ Игоря—и оно есть произведеніе малороссійское, воспѣтыя въ немъ дѣла свершены малороссіянами. Они бились съ половцами и печенѣгами; они пробудили жизнь на сѣверѣ Россіи и перенесли сюда всѣ зачатки государства... (стр. 113—114).

Мысль о зависимости событій отъ основныхъ особенностей народнаго характера и обычая примѣняется у Пассека въ объясненіи удѣльной системы. По его мнѣнію, она «возникла и должна была возникнуть изъ духа южныхъ славянъ, изъ самаго быта малороссійскаго народа, и погибнуть на сѣверѣ». Именно, удѣльная система возникла изъ семейнаго раздѣла у малороссіанъ, въ противоположность цѣлости и единоначалію у великороссовъ; перейдя на сѣверъ, удѣльная система стала раздѣломъ отцовскаго наслѣдства, съ соблюденіемъ семейнаго старшинства, и уже носила въ себѣ всѣ начала единодержавія. Въ нѣсколько иной формѣ, эта мысль была именно развиваема позднѣе нашими историками.

Если по особенной любви къ прошлому и къ народности Малороссіи, Пассекъ становится въ ряду начинателей такъ-называемаго украинофильства, то въ другихъ сторонахъ своихъ мнѣній, онъ довольно близко подходитъ къ послѣдующей славяно-

фильской шволѣ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи особенный интересъ Пассека къ славянству, высказанный уже въ «Путевыхъ Запискахъ», и любопытно его представленіе объ общемъ характерѣ славянскаго племени. Отличительной чертой его Пассекъ считаетъ «созерцательность», перевѣсъ внутренней жизни надъ внѣшней, спокойствія надъ дѣятельностью, и поэтому онъ считаетъ всѣхъ славянъ предрасположенными къ принятію греческаго исповѣданія, какъ имѣющаго много общаго съ ихъ характеромъ—мысль чисто славянофильская, только иначе выраженная. Этимъ предрасположеніемъ Пассекъ объясняетъ и церковную борьбу чеховъ. «Богемія, славянская страна, первая обратила критическій взглядъ на свою религію, менѣе всѣхъ увлеклась силой и блескомъ католицизма и первая водрузила знамя реформациі. Она, полная элементовъ славяницизма (sic), доказала возстаніемъ Гусса, что ищетъ въ религіи не посредничества папы, не блеска, не внѣшней торжественности, но истины, одной идеи, прямого созерцанія. Она доказала, какъ ей близка религія греческая, какъ она близка всѣмъ славянскимъ племенамъ, и всѣ они усвоили бы ее съ душевной готовностью, если бы западъ не распространялъ своего ученія съ такою увлекательною силою и быстротою»... (стр. 43).

Между тѣмъ, отношенія Пассека съ старымъ кружкомъ становились натянутыми; стала безъ сомнѣнія чувствоваться разница взглядовъ. Холодная шутка сказывается въ письмахъ Герцена, приводимыхъ въ воспоминаніяхъ г-жи Пассекъ¹⁾; были случаи, въ которыхъ недоувѣрчивость къ Пассеку выражалась даже непозволительно рѣзко, какъ, напр., въ отказѣ богатаго Огарева помочь затрудненію Пассека при изданіи «Очерковъ Россіи». Авторъ воспоминаній «Изъ дальнихъ лѣтъ» настаиваетъ, что это отдаленіе прежнихъ друзей было совершенно несправедливо и выходило изъ недоразумѣнія,—что несмотря на разницу нѣкоторыхъ взглядовъ, напр. на сочувствіе «къ дѣлу славянъ», на его религіозность, на «любовь къ родинѣ» (?), въ его мнѣніяхъ не произошло переменъ, которая оправдывала бы это отдаленіе²⁾; что наконецъ, незадолго до смерти Пассека, дружескія отношенія возобновились опять въ прежней силѣ. Тѣмъ не менѣе, разница взглядовъ несомнѣнно образовалась, и вѣроятно даже, корень ея былъ очень давній. Ихъ дѣлило многое: прежде всего

¹⁾ Томъ II, стр. 309, письмо изъ Владиміра, въ ноябрѣ 1839; стр. 336, изъ Петербурга, въ январѣ 1841.

²⁾ Томъ II, стр. 311—312, 381, 842.

неравенство лѣтъ,—Пассекъ былъ нѣсколькими годами старше своихъ друзей, и эта разница бываетъ особенно замѣтна въ томъ возрастѣ, когда на одной сторонѣ бываютъ еще свѣжи всѣ юношескіе порывы, а на другой они смѣняются уже болѣе спокойнымъ взглядомъ на жизнь и начинающимся опытомъ, который у Пассека увеличивался и внѣшнимъ положеніемъ, отстранявшимъ беззаботныя фантазіи юности ¹⁾ Пассекъ безъ сомнѣнія сохранялъ прежнее романтическое настроеніе, стремленіе къ посвященію; но его историко-этнографическіе, статистическіе труды отдаляли его отъ любимыхъ интересовъ кружка: исторія и этнографія, съ ихъ спеціальными изученіями, были иной областью, чѣмъ социальная философія; первыя приближали къ дѣйствительности, вторая легко витала въ отвлеченностяхъ. Въ интересахъ своихъ работъ Пассекъ сближался съ другимъ кругомъ, гдѣ были, правда, тѣ же этнографическіе интересы, но съ такими прибавками, которыя вѣроятно не совсѣмъ подходили къ его собственнымъ понятіямъ, и уже совсѣмъ не подходили къ понятіямъ его прежняго круга. Въ Москвѣ, Пассекъ вошелъ въ кружокъ Вельмана, гдѣ бывали Загоскинъ ²⁾ Максимовичъ, Далъ; у него самого бывали Федоръ Глинка, профессоръ Морошкинъ, М. Макаровъ, де-Сангленъ; Пассекъ сближался съ Шевыревымъ, Погодинымъ, Хомяковымъ; въ Петербургѣ—съ Гречемъ. Въ ряду этихъ именъ были люди, имѣвшіе большія заслуги въ исторіи и этнографіи; но были и люди, съ которыми его прежніе друзья не могли сходиться въ понятіяхъ; были наконецъ люди не уважаемые ³⁾.

Въ историко-этнографическихъ взглядахъ Пассека, образчики которыхъ мы приводили, нельзя не признать, при всей романтической идеализаціи, оригинальности и широты наблюденія или —отгадки, которыя, если бы автору суждено было повести далѣе свои работы, могли выработаться въ опредѣленную теорію. Объемъ наблюденій Пассека простирался и на археологію, и на исторію, и на народную повѣсть, обычаи, преданія и т. д. Сельская жизнь,

¹⁾ Ср. т. I, стр. 471—472, 484—485.

²⁾ Съ Загоскинымъ Пассекъ былъ очень близокъ уже въ 1832. „Изъ дал. лѣтъ“. I, стр. 359, 377.

³⁾ Тамъ же II, стр. 70—71, 381—384. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ могли быть безразличны въ началѣ тридцатыхъ годовъ, но къ сороковымъ годамъ направленія стали такъ опредѣляться, что становились прямо враждебными. „Въ началѣ 1841 г.,—говоритъ г-жа Пассекъ,—бывали у насъ вечерами Т. Н. Грановскій и П. Г. Рѣдкинъ, но, принадлежа къ другому кругу, мало-по-малу стали бывать рѣдко, хотя и относились къ намъ симпатично“.

которую онъ велъ въ Малороссіи, сближала его непосредственно съ бытомъ народа. «Изучая языкъ и жизнь народа, Пассекъ постоянно сближался съ нимъ по деревнямъ; записывалъ повѣрья, сказки, пѣсни; срисовывалъ виды, земледѣльческія орудія, домашнюю утварь, одежду; бывалъ на празднествахъ и сельскихъ ярмаркахъ, такъ любимыхъ малороссами»... ¹⁾).

Какъ мы упоминали, Пассекъ настаивалъ на необходимости *научности* для изученія народности. Но какъ они были практически нелегки въ то время, можно видѣть изъ его жалобъ въ одномъ письмѣ:

«Рѣдкое время дорога отъ Харькова до Москвы бываетъ удобна, обыкновенно же или испорчена, или грязна до того, что лошади мѣстами тянутъ экипажъ шагъ за шагомъ. Зимой, пожалуй, и того хуже. Частыя ятели заносятъ путь, обозы выбиваютъ такіе глубокіе, послѣдовательно идущіе ухабы, что поѣздка становится невыносима, медленна и утомительна до крайности. На станціяхъ безпрестанная остановка, помѣщенія неудобны... На прѣзжаго находить тоска, досада — рвется къ цѣли поѣздки и благословляетъ судьбу, достигнувъ домашняго пріюта. Какъ же при этихъ условіяхъ путешествовать по Россіи!.. Путешественники частіе, единственно съ цѣлью путешествовать, чрезвѣчайно рѣдки.

«Не равнодушіе же это ко всему родному! Нельзя быть равнодушнымъ къ тому, что намъ мало извѣстно, когда не знаемъ, на что смотрѣть съ благоговѣніемъ, чему удивиться, чѣмъ гордиться, что любить. Конечно, эти *страшно трудные пути сообщенія* большей частію *виной* недостаточности свѣдѣній о нашей народной жизни, о нашемъ отечествѣ, богатомъ и красотами, и разнообразіемъ природы, и народной славой, и народными бѣдствіями, обильномъ памятниками, полномъ своеобразной поэзіи» ²⁾).

Эти трудности, весьма элементарныя и однако серьезныя, дѣйствительно много объясняютъ медленность и неполноту нашихъ народныхъ изученій, особенно при громадности пространствъ, которыя нужно было бы посѣтить странствующему этнографу. — Но была и другая: если въ наше время этнографическое путешествіе становится почти невозможностью, потому что путешественникъ, старающійся войти въ народную жизнь, говорить и дружить съ сельскимъ народомъ, тотчасъ заподозривается и уѣздной полиціей, и самимъ темнымъ и напуганнымъ сельскимъ людомъ, — то и въ тѣ времена, несмотря на провозглашаемую официально «народность», изученіе ея было обставлено своими препятствіями. Сахарову, повидимому, все-таки пришлось испытать придреря цензуры, и вѣроятно онъ не только самъ собой, но и для цензуры, писалъ свою жалкую защиту древняго русскаго

¹⁾ Изъ дальнихъ глѣтъ, II, 265.

²⁾ Тамъ же, II, стр. 270—271.

народа отъ «поворной тѣни многобожія» и «тайныхъ сказаній». Дальше увидимъ другіе примѣры того, какъ малодоступно было изученіе народной жизни. Официальная народность видимо боялась народности настоящей.

«Очерки Россіи» начали выходить съ 1838 года ¹⁾. Цѣль ихъ была—служить въ распространенію свѣдѣній о нашемъ отечествѣ: собирать «понятія и знанія, пріобрѣтенныя болѣе опытомъ и основанныя на дѣйствительности, нежели выведенныя изъ умозрѣнія»; дѣлать доступными труды путешественниковъ, естествоиспытателей, любителей древности, ученыхъ учреждений, труды, которые не всѣмъ доступны; возбуждать въ наблюденію и изслѣдованію всего отечественнаго; «развить и упрочить вѣрнымъ знаніемъ горячее чувство любви къ отечеству и благоговѣніе къ его великой судьбѣ».

Наибольшая доля «очерковъ» принадлежала самому Пассеку. Онъ останавливался на физической географіи Россіи ²⁾, на старинѣ и исторіи ³⁾, на бытѣ инородцевъ ⁴⁾, но съ особенной любовью онъ погружался въ историческія воспоминанія и, наконецъ, въ описанія народнаго быта, именно его поэтической и обрядовой стороны. Рядъ статей этого послѣдняго рода ⁵⁾ написанъ по внимательному личному наблюденію сельской жизни и сопровождаются имъ самимъ записанными дѣсьнями ⁶⁾.

Только эти послѣднія статьи заключали въ себѣ матеріалъ, цѣнный для науки; но «Очерки», и вообще дѣятельность Пассека остаются тѣмъ не менѣе любопытнымъ литературнымъ фактомъ, какъ одно изъ симпатичныхъ выраженій той искренней любви къ народу, которая въ ту пору одушевляла уже новыхъ дѣяте-

¹⁾ «Очерки Россіи, издаваемые Вадимомъ Пассекомъ». Кн. I. Сиб. 1838. II—IV. М. 1840. Кн. V. М. 1842.

²⁾ Положеніе горъ въ Россіи.—Картини степей.

³⁾ Киевопечерская обитель.—Кіевскія золотыя врата.—Границы южной Руси до нашествія татарь.—Окрестности Переяслава.—Куржскій монастырь.

⁴⁾ Путешествіе по Крыму.—Обычаи и повѣрья финновъ.—Осетинцы.

⁵⁾ Праздникъ Купали.—Малороссійскія святки.—Веснянки.

⁶⁾ Сотрудниковъ у него было немного: Срезневскій помѣстилъ въ «Очеркахъ» два разсказа того натянутого историко-поэтическаго стиля, въ которомъ онъ писалъ тогда, а передъ тѣмъ издавалъ «Запорожскую старину», и помѣстилъ еще статью «Сеймы», гдѣ помѣщенъ текстъ и изложеніе чешской поэмы «Судъ Любуши»; Вельтманъ сообщилъ любопытный «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова» и двѣ статьи по той фантастической археологіи, которую онъ славилъ; А. Рославскій—статью «Москва въ 1698 г.»; И. Г. Селявинъ—«Нѣсколько свѣдѣній о новгородской губерніи».

лей народнаго изученія и уже вскорѣ произвела въ этой области труды, столько же важныя для нравственнаго самосознанія общества, какъ и для науки.

Владиміръ Ивановичъ Далъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ этнографовъ описываемаго періода и вмѣстѣ однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей и рассказчиковъ. Правда, его главнѣйшіе этнографическіе труды появились позднѣе, уже въ наше время, но они принадлежатъ предыдущему періоду и по замыслу, и по главному сбору матеріала, и по способу выполненія. Мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ о литературной дѣятельности Дала и остановимся здѣсь на его работахъ, собственно этнографическихъ.

Биографія Дала была много разъ пересказана ¹⁾. Онъ ро-

¹⁾ Справочный энциклопедическій словарь Старчевскаго, Спб. 1855, IV, 425—427, статья по матеріаламъ г. Максимова, съ подробными библиографическими указаніями сочиненій Дала.

— Толковый словарь живого великорусскаго языка, В. И. Дала. Записка Я. К. Грота—въ „Сборникѣ“ II Отд. Акад. Н., т. VII, и отдѣльно. Спб. 1870 (краткая біографія). Повторено въ „Филологическихъ Разсужденіяхъ“ (2 изд. Спб. 1876).

— Воспоминаніе о В. И. Далѣ, Я. К. Гротъ (съ автобіографической запиской Дала и извлеченіями изъ его писемъ), въ „Сборникѣ“, т. X, 1873, стр. 37—54, и тамъ же, въ академическомъ „Отчетѣ за 1872 годъ“, стр. 18—26.

— Всемирная Иллюстрація, 1872, т. VIII, стр. 394, съ портретомъ.

— Московскія Вѣдомости, 1872, № 241, 267.

— Голось, 1872, № 150.

— Русскій Архивъ, 1872, № 10, ст. Бартенева; № 11. Другіе некрологи указаны въ этнограф. указ. Межова. Извѣстія Географ. Общ. 1875, вып. 2, стр. 10—11.

— Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd. VIII, стр. 116—124.

— Воспоминанія П. Мельникова, Русск. Вѣстникъ, 1873, № 3, стр. 275—340.

— Дневникъ Шевченка, въ „Основѣ“ 1861—62 (упоминанія о Далѣ).

— Далъ, по воспоминаваніямъ его дочери. Е. Далъ. Русскій Вѣстникъ, 1879, № 7, стр. 71—112. Начало; продолженія, кажется, не было.

Биографія Дала заслуживала бы обстоятельнаго труда. Нельзя не счесть большой потерей уничтоженіе его записокъ;—онъ не говорилъ настоящей правды, когда отрекался отъ веденія записокъ въ автобіографіи, писанной для г. Грота (Воспоминанія о Далѣ, стр. 43—44); біографъ Далъ положительно говоритъ о существованіи записокъ и о томъ, когда и по какому случаю Далъ сжегъ ихъ (Русскій Вѣстникъ, 1873, № 3, стр. 316). Если показаніе біографа вѣрно, записки должны были быть чрезвычайно любопытны.

Наконецъ, автобіографическія замѣтки разбросаны въ сочиненіяхъ Дала, напр., въ разсказахъ: „Мичманъ Подъяуевъ“, „Болгарка“ (теплыми воспоминаваніями о пребываніи въ дерптскомъ университетѣ), „Подоланка“ и проч.

дился 10 ноября 1801 г. въ Лугани, отчего и принялъ впоследствии псевдонимъ «казака Луганскаго». Отецъ его былъ родомъ датчанинъ, получившій многостороннее образованіе въ Германіи; онъ приглашенъ былъ на службу въ Россію, въ петербургской библіотекѣ, но, по словамъ Даля, увидѣвъ, что въ Россіи мало врачей, отправился снова за границу и вернулся медикомъ ¹⁾. Онъ служилъ сначала при войскахъ въ Гатчинѣ, но семья, опасаясь, чтобы при его вспыльчивомъ характерѣ не произошло какого-нибудь столкновенія съ не менѣе вспыльчивымъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться, и чтобы не послѣдовало изъ этого бѣды, убѣдили его перемѣнить мѣсто службы, и такимъ образомъ онъ перешелъ сначала въ Петрозаводскъ, потомъ въ Лугань, по горно-врачебному вѣдомству, наконецъ, главнымъ докторомъ въ черноморской флотъ въ Николаевѣ. Даль говорить о великомъ умѣ, учености и силѣ воли своего отца; по рассказамъ г-жи Даль, онъ былъ масонъ. Въ 1797, отецъ Даля принялъ русское подданство и былъ горячимъ русскимъ патриотомъ, внушалъ дѣтямъ, что они русскіе, зналъ русскій языкъ какъ свой, жалѣлъ въ 1812 году, что дѣти его еще молоды и негодны. Мать была также замѣчательная женщина; отецъ, по словамъ Даля, «силою воли своей, умѣлъ вкоренить въ насъ на вѣкъ страхъ Божій и святыхъ нравственныхъ правила». Онъ умеръ въ 1820; мать жила до 1858 г., «нравственно управляла нами,—говоритъ Даль, направляя всегда на привладную, дѣльную, полезную жизнь».

Въ 1814 году, Даля и его брата свезли въ Петербургъ, въ морской корпусъ. Онъ пробылъ здѣсь до 1819, и выпущенъ былъ мичманомъ; онъ считаетъ, что время, проведенное въ корпусѣ, было убитое время, и «корпусъ» оставилъ въ немъ на всю жизнь самыя отвратительныя воспоминанія ²⁾. На бѣду, онъ не выносилъ качки, морская служба была для него пыткой, всѣ старанія перейти на другую военную службу были безуспѣшны. Онъ служилъ сначала въ Николаевѣ, потомъ въ Кронштадтѣ; по отслуживши обязательные годы, Даль вышелъ въ отставку и переехалъ въ Дерптъ, гдѣ поселилась его мать (отецъ уже умеръ)

¹⁾ Г-жа Е. Даль, по рассказамъ отца, приводитъ другую причину этого новаго ученья, именно, что родители Фрейтага не отдавали своей дочери за ея дѣда, отговариваясь тѣмъ, что онъ теологъ, а не докторъ, напримѣръ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ явился докторомъ. Могли быть и оба обстоятельства. Г-жа Даль по ошибкѣ называетъ Фрейтаговъ Фрейгангами.

²⁾ Объ этомъ не мало подробностей въ воспоминаніяхъ его дочери.

для воспитанія младшаго сына. Даль рѣшилъ поступить въ университетъ, по медицинскому факультету, въ 24 года началъ учиться по-латыни почти съ азбуки; онъ былъ (въ 1826) зачисленъ на казенную стипендію. Ему нужно было пробыть въ университетѣ до конца 1830 года, но въ турецкую войну 1829, начальство потребовало всѣхъ годныхъ; онъ былъ въ числѣ выбранныхъ и получилъ разрѣшеніе тутъ же держать экзаменъ на доктора.

Онъ пробылъ при арміи въ Турціи и Польшѣ до 1832 г., отличился между прочимъ въ польскую кампанію дѣломъ, со-всѣмъ не входившимъ въ его врачебныя обязанности—снѣжной наводкой моста черезъ Вислу; въ Петербургѣ назначенъ былъ ординаторомъ военнаго госпиталя, и тутъ впервые выступилъ на литературное поприще «Сказками». Онѣ дали ему первую извѣстность и вѣсть сопровождалась непріятной исторіей. За нѣсколько фразъ, превратно растолкованныхъ въ одной сказкѣ, онъ былъ «взятъ жандармомъ и посаженъ въ III отдѣленіе, откуда выпущенъ безъ вреда того же дня вечеромъ»¹⁾. Книжка, какъ говорятъ, была однако изъята изъ продажи. Онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе усердно работать въ литературѣ и еще съ тридцатыхъ годовъ приобрѣлъ большую популярность, а въ сороковыхъ, даже по отзывамъ самыхъ требовательныхъ критиковъ, какъ Бѣлинскій, считался въ ряду первостепенныхъ талантовъ нашей литературы. Познакомившись у Жуковскаго съ В. А. Перовскимъ, Даль былъ приглашенъ имъ на службу въ Оренбургъ, чиновникомъ особыхъ порученій; пробывъ въ томъ краѣ около семи лѣтъ, и «отходявъ» знаменитый своею неудачею и бѣдствіями хивинскій походъ, Даль возвратился въ Петербургъ, поступилъ въ секретари къ товарищу министра удѣловъ, Л. А. Перовскому, а потомъ завѣдывалъ особенною канцеляріей министра внутреннихъ дѣлъ и принималъ тогда близкое участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ министерства. Съ 1849 по 1859 г., Даль служилъ въ

¹⁾ „Русскія сказки, изъ преданій народнаго вѣстнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приноровленныя и поговорками ходкими украшенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ. Пятокъ первый“. Спб. 1832. 12°. 201 стр. См. объ этой книжкѣ: „Русскія книжныя рѣдкости“, Геннадіи, Спб. 1872, стр. 101—102. Исторія арестованія, въ разсказѣ г-жи Даль, Русск. Вѣстникъ, 1879, кн. 7, стр. 110—112.

Г. Гротъ замѣчаетъ въ біографіи Дала, что „хотя онъ вскорѣ былъ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ“. Это не точно. Подъ каемъ именемъ онъ не могъ являться? Мы видимъ, что книжка и на первый разъ явилась подъ псевдонимомъ, который въ слѣдующихъ же годахъ повторился въ изданіи „Былей и небылицъ“. Изданіе „Сказокъ“ г. Гротъ, со словъ Дала, обозначаетъ ошибочно 1833 годомъ.

Нижнемъ-Новгородѣ управляющимъ удѣльной конторой. Вышедши затѣмъ въ отставку, онъ поселился въ Москвѣ и посвятилъ свое время обработкѣ и изданію «Толковаго Словаря», матеріалъ котораго онъ готовилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Онъ умеръ 22 сентября 1872 г., присоединившись передъ смертью къ православію.

Даль очень рано заинтересовался народнымъ языкомъ и бытомъ и началъ усердно изучать ихъ. Этотъ первый интересъ его, чисто личный, представляетъ очень любопытное явленіе литературно-историческое. Литература была тогда въ полномъ разгарѣ романтизма, который, правда, искалъ уже и народного элемента, но только въ предѣлахъ романтической тѣмы, въ извѣстной окраскѣ, отдѣлкѣ или поддѣлкѣ. Этнографическая наука была въ младенчествѣ и ея смыслъ едва угадывался. Пушкинъ былъ еще въ юношеской порѣ, нельзя было предвидѣть будущаго возрастанія чисто народного элемента, и, однако, еще болѣе молодой юноша Даль уже ставитъ себѣ задачей — розыскивать подлинную русскую народность, въ языкѣ и въ обычаяхъ. Идея была въ воздухѣ; будущіе ея дѣятели, прежде чѣмъ сознательно воспринять ее влекутся къ ней инстинктомъ, — и по-французски образованный Пушкинъ, и по-нѣмецки образованный Даль, и полуобразованный Сахаровъ и т. д. Позднѣе, когда единичныя работы являются на свѣтъ, оказывается согласіе инстинктовъ, и рядъ параллельныхъ фактовъ создаетъ въ литературѣ «направленіе».

Такимъ инстинктомъ, угадывавшимъ глубокой вопросъ литературнаго развитія, были народныя изученія, начатыя Далемъ еще юношей. «Во всю жизнь свою, — говоритъ онъ въ автобиографіи, — я искалъ случая поѣздить по Руси, знакомился съ бытомъ народа, почитая народъ за ядро и корень, а выстѣи словія за цвѣтъ или плѣсень, по дѣлу глядя, и почти съ дѣтства смѣсь нижегородскаго съ французскимъ была мнѣ ненавистна, по природѣ... При недостаткѣ книжной учености и познаній, самая жизнь на дѣлѣ знакомила, дружила меня всесторонне съ языкомъ: служба во флотѣ, врачебная, гражданская, занатія ремесленныя, которыя я любилъ, все это вмѣстѣ обнимало широкое поле, а съ 1819 года, когда я на пути въ Николаевъ записалъ въ новгородской губерніи дивное тогда для меня слово *замолаживасть* (помню это до нынѣ) и убѣдился вскорѣ, что мы русскаго языка не знаемъ, я не пропустилъ дня, чтобы не записать рѣчь, слово, оборотъ, на пополненіе своихъ запасовъ. Гречъ и Пушкинъ горячо поддерживали это направленіе

мое, также Гоголь, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ; Жуковскій былъ какъ бы равнодушнѣе въ этому и боялся мужицтва».

Съ перваго начала въ 1819, Даль продолжалъ свои замѣтки постоянно; много было имъ собрано на походахъ въ Турціи, гдѣ были люди изъ всѣхъ губерній; во время поѣздокъ и живя въ разныхъ краяхъ Россіи, онъ собиралъ слова и прислушивался къ нарѣчіямъ русскаго языка, не пропускалъ словъ, услышанныхъ въ разговорѣ. Въ то же время онъ дѣлалъ и другую работу: онъ записывалъ пословицы, собиралъ пѣсни и сказки, поѣвья и суевѣвья. И то, и другое давало матеріалъ для его позднѣйшихъ работъ, для собраній этнографическихъ и для дѣятельности литературной, гдѣ онъ уже съ первыхъ произведеній явился замѣчательнымъ знатокомъ языка, приемовъ и ухватокъ народной рѣчи и обычая.

Это изученіе языка скоро, однако, приняло у Даля определенное и такъ сказать полемическое примѣненіе. Въ «Напутномъ словѣ», иначе говоря, въ предисловіи къ «Толковому словарю», онъ рассказываетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ ¹⁾, «его тревожила и смущала несообразность письменнаго языка нашего съ устною рѣчью простого русскаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ русскаго слова. Не разсудокъ, а какое-то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за русскую рѣчь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говорить книжникъ и какъ высказать въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсь, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи въ силахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ по-невогѣ выражается ясно, прямо, коротко и внятно».

Г. Гротъ замѣчаетъ по поводу этихъ словъ, что въ нихъ «лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности Даля: чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи». Стремясь въ «народности» въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ (о нихъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ), Даль нѣсколько разъ обращался и къ теоретическому вопросу о народномъ языкѣ и о сообщеніи

¹⁾ Въ рукописи имъ сохраненъ обыкновенное правописаніе вмѣсто того, какое изобрѣлъ себѣ Даль въ это время.

его свойства литературѣ. Первая статья Дала объ этомъ предметѣ написана была, къ удивленію, по-нѣмецки ¹⁾ и уже заключала въ себѣ осужденіе нашей подражательной литературы и порчи языка. Въ 1842 г., онъ помѣстилъ о томъ же предметѣ двѣ статьи въ «Москвитиниѣ» ²⁾. Въ 1852 г., онъ отзывался на предположеніи русскаго отдѣленія академіи наукъ объ изданіи (общаго) русскаго словаря и написалъ статью о мѣстныхъ нарѣчіяхъ по поводу наданнаго тогда академіей «Опыта областного великорусскаго словаря» ³⁾. Въ 1860 году, Даль читалъ статью о своемъ русскомъ словарѣ и своихъ филологическихъ взглядахъ въ обществѣ любителей російской словесности ⁴⁾; тамъ же, въ 1862 г., было читано имъ «Напутное слово», служащее предисловіемъ къ «Толковому словарю». Наконецъ, онъ возвращался къ этому предмету въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ Погодина «Русскій» ⁵⁾.

«Толковый словарь живого великорусскаго языка» выходилъ выпусками въ 1861—68 годахъ и составлялъ четыре тома, in-4°; изданіе начато было московскимъ обществомъ любителей російской словесности, а томы II—IV напечатаны на счетъ высочайше пожалованныхъ средствъ. Географическое общество при появленіи самыхъ первыхъ трехъ-четырехъ выпусковъ, въ 1861, присудило составителю Константиновскую медаль; по окончаніи изданія, оно было увѣнчано отъ академіи Ломоносовскою преміей. Въ литературѣ трудъ Дала былъ встрѣченъ съ великими сочувствіями и похвалами ⁶⁾.

¹⁾ Вь Dorgater Jahrbücher, 1835, № 1. Ueber die Schriftstellerei des russischen Volka (о дубочныхъ картинкахъ).

²⁾ „Москв.“ 1842, № 2, „Полтора слова о нижншемъ русскомъ языкѣ“; № 9, „Недовѣсокъ къ статьѣ: Полтора слова“.

³⁾ Отзывъ о планѣ общаго словаря, въ „Извѣстіяхъ“ II отд. академіи, т. I, 1852, стр. 388—341 (здѣсь между прочимъ удивительное предложеніе располагать словарь не по алфавитному порядку, даже не по корнямъ словъ, — это дѣло сомнительное, — а по понятіямъ); статья объ „Опытѣ обл. словаря“ — съ трактатомъ о нарѣчіяхъ великорусскаго языка въ „Вѣстникѣ“ Географ. Общества, 1852, часть 6-я, библиографія, стр. 1—72, и отдѣльно, Слб. 1852; перепечатана при „Толковомъ словарѣ“.

⁴⁾ Напечатана въ „Р. Вѣсйдѣ“, 1860, № 1. Наука, стр. 111—130; потомъ при „Толк. Словарѣ“.

⁵⁾ „Русскій“ 1868, №№ 25, 31, 39, 41 — споръ съ Погодинимъ объ иностранныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ и о правописаніи, конченный замѣчаніемъ Погодина въ послѣдней статьѣ: „нашъ споръ дѣлается смѣшнымъ“.

⁶⁾ Таковы отзывы компетентныхъ людей въ началѣ, Срезневскаго, въ „Извѣстіяхъ“, т. 10, 1861—63, стр. 245; — въ концѣ, ст. Котляревскаго, въ „Вѣсйдахъ“ Общ. любит. рос. словесности, вып. 2, М. 1868, отд. 2, стр. 91—94; разборъ словаря, Я. К. Грота, 1870, выше указать.

Въ трудахъ Дала, въ его сужденіяхъ о русскомъ языкѣ и въ его словарѣ надо различать двѣ стороны: собраніе матеріала и собственную точку зрѣнія, теорію автора. Богатствомъ матеріала трудъ Дала превышаетъ все, что когда-нибудь было у насъ сдѣлано силами одного лица; не много есть и въ богатыхъ иностранныхъ литературахъ трудовъ подобнаго рода. Это богатство открывало возможность новыхъ разностороннихъ изученій языка. Не говоря о пользѣ, которую словарь можетъ приносить какъ справочная книга, онъ доставлялъ, во-первыхъ, громадный матеріалъ для изученія живого великорусскаго языка и со стороны его строенія, и со стороны его современнаго бытового содержанія; во-вторыхъ, онъ давалъ матеріалъ для исторіи русскаго языка,—впервые записанныя въ немъ слова сохраняли иногда давно забытую старину, являлись новые факты для выясненія историческихъ формаций языка, мѣстныхъ нарѣчій, заимствованій изъ чужихъ языковъ и т. д.; въ-третьихъ, онъ могъ служить литературѣ новымъ напоминаніемъ о богатыхъ источникахъ народнаго слова и средствомъ для освѣженія и оживленія литературнаго языка,—на что Даль въ особенности разсчитывалъ. Собраніе всего этого матеріала по разнымъ концамъ Россіи, по всякимъ слоямъ народа, дѣлой многолѣтней упорной работы,—какая вообще не очень свойственна русскому писателю,—составляетъ несомнѣнную заслугу Дала; но его теоретическія мнѣнія о языкѣ не выдерживаютъ критики и къ сожалѣнію не полезно отразились и на его капитальномъ трудѣ.

Мы говорили, что у Дала издавна составилось убѣжденіе въ крайней испорченности русскаго литературнаго языка, происшедшей отъ заимствованія чужихъ словъ, отъ неправильнаго употребленія своихъ (изъ этихъ обвиненій онъ не исключалъ и самого Пушкина); и средствомъ къ исправленію этого недостатка онъ считалъ введеніе въ книгу языка народнаго, его лексическаго запаса и его оборотовъ. Мысль, въ основѣ справедливая, была доводима Далемъ до крайности. По словамъ Дала, направленіе его одобряли въ ту пору Пушкинъ и Гречъ (извѣстный грамотѣй тѣхъ временъ), Хомяковъ и Погодинъ и проч.; не одобрялъ одинъ Жуковскій, который «былъ какъ бы равнодушнѣе къ этому и боялся мужичества». Но едва ли сомнительно, что сами одобрявшіе далеко не согласились бы съ Далемъ во всѣхъ его затѣяхъ; такъ, уже по изданіи «Толковаго Словаря» ему пришлось спорить даже съ Погодиннымъ. Дѣло въ томъ, что Даль понималъ свое преобразование и улучшеніе языка литературнаго народнымъ очень грубо и первобытно.— По его собственному

рассказу, еще въ 1837 году, когда Жуковский проѣзжалъ черезъ Уральскъ въ свѣтъ цесаревича (покойнаго императора Александра II), Даль, бывшій тогда въ Уральскѣ, завелъ съ Жуковскимъ разговоръ объ этомъ предметѣ и между прочимъ представилъ ему слѣдующій образчикъ двоякаго способа выраженія, — общепринятаго книжнаго и народнаго. 1) На книжномъ языкѣ: «казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣвшиѣ, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ, и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благоприятныхъ обстоятельствахъ на него напасть»; и 2) на народномъ языкѣ: «казакъ сѣдлалъ уторопъ, посадилъ безконнаго товарища на забедры и слѣдилъ непріятеля въ назерку, чтобы при спопутности на него ударить». Жуковский замѣтилъ, что по второму способу можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Отвѣтъ Жуковского былъ чрезвычайно справедливъ, а «направленіе» Дали, какъ оно здѣсь выразилось, свидѣтельствовало о совершенномъ непониманіи отношеній языка литературнаго и народнаго. Ему было непонятно, что литературный языкъ есть сложное историческое явленіе, создаваемое вовсе не произволомъ писателей, а цѣлыми условіями просвѣщенія народа; что нѣтъ литературы, исторически развивавшейся, языкъ которой оставался бы неподвиженъ, тождественъ съ народнымъ, свободенъ отъ заимствованій. Однимъ изъ главныхъ золъ нашего книжнаго языка Даль считалъ употребленіе чужеземныхъ словъ, нерусскихъ оборотовъ, цѣлое построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Но онъ не понималъ, что въ этомъ виноваты вовсе не одни современные писатели; что заимствованіе чужихъ словъ началось въ русскомъ языкѣ съ далекой древности, еще до памяти исторіи; что затѣмъ на памяти исторіи обильное заимствованіе въ книжный языкъ чужихъ словъ и построенія рѣчи по не-русскимъ формамъ мышленія совершилось въ эпоху введенія христіанства, съ принятіемъ *чужою* южно-славянскаго перевода Св. Писанія, церковныхъ и отеческихъ книгъ, которыя на *ося* послѣдующіе вѣка русской книжности сообщили ей *не-народный* запасъ словъ и построенія рѣчи. Смѣшно жаловаться на послѣднее, когда въ книгѣ являлась именно цѣлая система понятій, дотогдѣ *неизвѣстная* народу, для которой у него не было ни словъ (они тогда и создавались изъ своего и изъ чужого матеріала), ни формъ мышленія. Въ среднемъ періодѣ, отъ историческихъ бытовыхъ условій, вошло много татарскихъ словъ и начали уже являться слова западныя (тѣ и другія вмѣстѣ съ *осями* и *понятіями*). Другимъ

періодомъ обширнаго заимствованія былъ конецъ семнадцатаго вѣка и Петровское время, и опять иностранная стихія входила потому, что въ русскомъ языкѣ недоставало ни словъ, ни оборотовъ для обозначенія новыхъ предметовъ и понятій. Особыхъ «русскихъ формъ мышленія», конечно, не существуетъ: *мысли* для всѣхъ людей одинакова, какъ для всѣхъ одинакова арифметика; но есть сложные процессы мысли, есть сложное ея содержаніе— и они требуютъ болѣе сложной формы выраженія, которая непривычна для непосредственной народной рѣчи, и тогда-то возникаетъ въ книжномъ языкѣ построеніе рѣчи, кажущееся ненароднымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ заимствованіяхъ чужой формы рѣчи и чужихъ словъ было излишество, крайность; но не должно забывать, что это было именно слѣдствіемъ, можетъ быть—пропорціональнымъ той *недостаточности* прежняго (и народнаго, и книжнаго) языка, съ которой встрѣтились желавшіе назвать новые предметы, выразить новые понятія исторической жизни; а затѣмъ органическая жизненность книжнаго языка тѣмъ и обнаруживается, что онъ въ самомъ себѣ, естественно и постепенно, находитъ средства исправить крайности, найти для новыхъ понятій болѣе простое и живое выраженіе, болѣе народную форму. Дѣлалось это, дѣйствительно, само собою, не проповѣдями о чистотѣ русскаго языка, не преднамѣренными хлопотами объ истребленіи чужеземной стихіи, а именно тѣмъ, что когда общество осваивается съ новымъ содержаніемъ, то и въ самомъ языкѣ возбуждается новая дѣятельность и черезъ нѣкоторое время чужеземная стихія отступаетъ передъ вновь образовавшимся, народнымъ выраженіемъ. Извѣстно, какъ скоро вышло изъ употребленія множество иностранныхъ словъ, вошедшихъ при Петрѣ; извѣстно, сколько исчезло изъ литературнаго языка другихъ иностранныхъ словъ, и натянутыхъ словообразованій временъ Екатерины II; сколько забылось словъ, употреблявшихся въ сороковыхъ годахъ и т. д.,—и сколько, напротивъ, пронизало въ литературу и входило въ оборотъ, на ихъ мѣсто, словъ или вполне народныхъ или болѣе правильно образованныхъ. Обыкновенно, заслуга улучшенія литературнаго языка считается дѣломъ великихъ писателей,—и не подлежитъ сомнѣнію заслуга, оказанная здѣсь Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ и проч., но сущность ихъ дѣла состоитъ въ томъ, что талантъ дѣлалъ ихъ чуткими къ тому восстанавливающему процессу языка, о которомъ мы говоримъ: они не занимались изобрѣтеніемъ словъ и преднамѣреннымъ удаленіемъ чужихъ, но болѣею частью

только художественно пользовались существовавшимъ въ оборотѣ матеріаломъ языка, и въ результатъ ихъ дѣло казалось *преобра-зоаніемъ!* На дѣлѣ, преобразование создается самимъ обществомъ и народомъ, литературный языкъ не есть достояніе одного цѣха книжниковъ; его развитіе достигается распространеніемъ просвѣщенія въ общественной и народной массѣ, и чѣмъ больше просвѣщенія въ этой массѣ, тѣмъ болѣе она будетъ воздѣйствовать своими пробужденными природными силами на совершенствованіе языка и самаго содержанія литературы. Наоборотъ, самонадѣянныя притязанія единичныхъ исправителей языка кончаются обыкновенно полной неудачей и ихъ нововведенія дѣлаются предметомъ смѣха. Такая судьба постигла адмирала Шишкова.

Даль, въ сожалѣвію, вступилъ на эту же дорогу. Не довольствуясь изученіемъ языка, онъ хотѣлъ быть его реформаторомъ; онъ писалъ своеобразнымъ языкомъ, изгонялъ иностранныя слова, замѣнялъ ихъ—обыкновенно неудачно—словами народными или даже собственнаго сочиненія, въ мнимо-народномъ складѣ. Это могло быть умѣстно въ его народныхъ разсказахъ, гдѣ самая тема требовала народнаго способа выраженія, но Даль требовалъ того же въ изложеніи не-беллетристическомъ, и случалось, что о предметахъ литературныхъ, не существующихъ въ народныхъ понятіяхъ, говорилось выраженіями, имѣвшими тонъ казацкій, замѣченный Жуковскимъ.—Это притязаніе на реформу языка Даль внесъ, наконецъ, и въ «Толковый Словарь», гдѣ онъ употребляетъ свое собственное правописаніе и слова собственнаго изобрѣтенія, которыя ставилъ иногда, не совсѣмъ осмотрительно, среди словъ народныхъ. Слова, имъ изобрѣтенныя или новыя толкованія, которыя онъ давалъ словамъ народнымъ (чтобы они могли служить къ изгнанію словъ иностранныхъ и ихъ замѣнѣ), вообще не весьма удачны, а иногда надо удивляться, какъ ихъ вяповатость не бросалась въ глаза ихъ составителю, такъ много слышавшему русскій языкъ ¹⁾. Вообще, исполненіе словаря представляло не мало недостатковъ весьма существенныхъ ²⁾. Они напеминаютъ собою ту эпоху нашей литературы, когда этнографія, какъ наука, у насъ еще не было, когда люди, за-

¹⁾ Укажемъ, наприимѣръ, слова, разобранныя г. Гротомъ: видѣсто „горизонтъ“—завѣсь, озоръ, закрой, небоземъ, глазоzemъ; „адресъ“—насылка; „сокетка“—миловидница, красовитка; „атмосфера“—коловеница, міроколица; „пуристъ“—чистякъ; „эгоизмъ“—самотство, и т. п.

²⁾ Обстоятельный разборъ словаря читатель найдетъ въ не разъ упомянутой статьѣ Грота; молъ замѣтка: По поводу „Толковаго Словаря“ Дала, въ Вѣстникѣ Европы, 1878, декабрь, стр. 888—903.

интересованные ея вопросами, работали часто какъ самоучки, по инстинкту и догадкѣ, безъ твердыхъ теоретическихъ основаній: это вело ко многимъ ошибкамъ, но это не отнимаетъ заслуги труда, даже возвышаетъ цѣну упорныхъ усилій, положенныхъ, въ особенности Далемъ, на его сложное и мудреное дѣло. — Кромѣ лексической стороны господствующаго книжнаго языка, Даль нападалъ и на его грамматику: «Съ грамматикой я всконн былъ въ какомъ-то разладѣ, — говоритъ онъ въ «Напутномъ словѣ» къ Словарю, — не умѣя примвѣнить ея къ нашему языку и чуждаясь ея не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству, чтобъ она не сбита съ толку, не ошиоларилась, не стѣснила свободы пониманія, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта была основана на томъ, что я *естюду* встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латинскую и нѣмецкую, а русской не находилъ». Такое мнѣніе могло людямъ неопытнымъ казаться результатомъ глубокаго знанія и средствомъ исцѣленія отъ книжной порчи русскаго языка; на дѣлѣ, это было преувеличеніе, которое свидѣтельствовало, что Далю были мало извѣстны или мало имъ оцѣнены новые труды по русскому языку. Въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, когда было высказано это мнѣніе, оно запоздало лѣтъ на двадцать или на тридцать. Оно могло быть до извѣстной степени вѣрно въ то время, когда господствовала грамматика Греча, а Булгаринъ состоялъ блюстителемъ чистоты русскаго языка, — но самъ Даль упоминаетъ въ автобіографіи, что даже Гречъ сочувствовалъ его изученіямъ русской народности. Въ дѣйствительности, эта мнимая латинско-нѣмецкая грамматика, въ которой Даль видѣлъ гибель русскаго языка, нисколько не мѣшала Пушкину пользоваться богатствами народной рѣчи — къ удовольствію читателей; не мѣшала Гоголю — къ такому же удовольствію читателей — свободно пользоваться разговорной рѣчью, не смущаясь криками чистильщиковъ книжнаго языка по грамматикѣ Греча; да же, не мѣшала Лермонтову, Тургеневу, Некрасову и т. д. Первостепенные писатели и цѣлое движеніе литературы постоянно расширяли и горизонтъ наблюдений народной жизни и народный элементъ въ литературномъ языкѣ: Даль хотѣлъ спасти литературу отъ воображаемой опасности и совѣтовалъ то, что давно уже дѣлалось, и гораздо лучше и правильнѣе само собою. Точно также онъ напрасно боялся за русскій языкъ и съ другой стороны: въ теоретическомъ изслѣдованіи языка «латинско-нѣмецкая» форма давно не считалась обязательной, и въ послѣднія десятилѣтія филологи и этнографы именно разрабатывали запасы народной рѣчи, не только совре-

менной, но и древней, въ старыхъ памятникахъ, и вводили ихъ въ опредѣленіе законовъ русскаго языка. Напомнитъ, напримѣръ, что первыя работы г. Буслаева въ этомъ направленіи появились еще въ концѣ сороковыхъ годовъ... Все это было Далю просто мало знакомо, или и совсѣмъ незнакомо.

Что касается его собственныхъ сочиненій, то они отличались обыкновенно изобиліемъ пословицъ и прибаутокъ и нѣкоторыми искусственно-народными словами, но, какъ было уже замѣчено однимъ академическимъ критикомъ, они были писаны тѣмъ же обычнымъ литературнымъ языкомъ и — по той же грамматикѣ.

Другимъ капитальнымъ трудомъ Дали было его огромное собраніе пословицъ, поговорокъ прибаутокъ и т. д., также плодъ долговременной работы. Первый образчикъ этого труда онъ далъ въ 1847, прочитавши статью о пословицахъ въ собраніи географическаго общества ¹⁾. Въ своемъ цѣломъ составѣ онъ былъ выданъ въ 1861—62 годахъ ²⁾.

Сборникъ Дали, заключающій до 30,000 пословицъ, поговорокъ и т. п., есть одно изъ такихъ явленій литературы, какія остаются памятникомъ своего времени и надолго — предметомъ изслѣдованій. Въ немъ собрана и закрѣплена печатью масса этихъ мелкихъ произведеній народной мысли и бытового опыта, — какой еще не бывало у насъ собрано, — и ее нужно было собрать, потому что и старой пословицѣ безъ сомнѣнія грозитъ та же опасность забвенія, какая постигаетъ уже старую народную пѣсню. Даль старался собрать то, что «изникаетъ въ глазахъ нашихъ, какъ вѣшній ледъ». Онъ справедливо рассуждалъ, что съ этимъ матеріаломъ надо было обращаться осторожно и отложить всякую мысль о выборѣ и браковкѣ: «того, что выкинуто, никто не видитъ, а гдѣ мѣрило на эту браковку и какъ поручиться, что не выкинешь того, что могло бы остаться? Изъ просторнаго убавить можно; набрать изъ сборника цвѣтннкъ, по своему вкусу, не мудрено; а что пропустишь, то воротить труднѣе. Окоротишь — не воротишь. Притомъ (столь же справедливо замѣчалъ онъ) у меня въ виду былъ языкъ; одинъ оборотъ

¹⁾ Эта статья «о русскіхъ пословицахъ» напечатана была въ „Современникѣ“ 1847, кн. 6, отд. IV, стр. 143—156 (нѣсколько общихъ замѣчаній и для образца пословицы изъ семейнаго бѣта).

²⁾ Пословицы русскаго народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій, при- словій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поговѣрій и проч. В. Дали. М. 1862. Отдѣльный оттискъ изд. „Чтеній“ общества исторіи и древностей, 1861 и 1862 годовъ. Новое изданіе, Спб. 1879. 2 тома.

рѣчи, одно слово, съ перваго взгляда не всякому замѣтное, иногда заставляли меня сохранить самую вздорную поговорку».

Въ предисловіи онъ даетъ для образца нѣсколько объясненій пословицъ, и краткія объясненія, часто весьма любопытныя разбросаны во всемъ сборникѣ.

Трудъ Дала имѣлъ свою цензурную исторію, которая весьма характерно рисуется положеніе вашихъ народныхъ изученій и роль официальной учености въ ту пору. «Сборнику моему,—разсказываетъ Даль,—суждено было пройти много мытарствъ задолго до печати (въ 1853 году) и, притомъ, безъ малѣйшаго искаательства съ моей стороны, а по просвѣщенному участію и настоянію особы, на которую не смѣю и намекнуть, не зная, будетъ ли то угодно. Но люди, и притомъ люди ученые по званію, признавъ изданіе сборника *среднимъ*, даже *опаснымъ*, сочли долгомъ выставить и другіе недостатки его, между прочимъ, такими словами: «замѣчая и подслушивая говоры (?) народныя, г. Даль видно несоро ихъ записывалъ, а вносилъ послѣ, какъ могъ припомнить, отъ того у него рѣдкая (?) пословица такъ записана, какъ она говорится въ народѣ». (Приведено этому три примѣра, которые Даль объясняетъ какъ совершенно правильныя или какъ варианты).

«Какъ бы то ни было, но независимо отъ такой невѣрности въ пословицахъ моихъ, доказанной тремя примѣрами, нашли, что сборникъ этотъ и небезопасенъ, посягая на развращеніе нравовъ. Для большей вразумительности этой истины и для охраненія нравовъ отъ угрожающаго имъ развращенія придумана и написана была, въ отчетѣ, новая русская пословица, не совсѣмъ складная, но за то ясная по цѣли: «*это куль муки и щепоть мышьяку*», такъ сказано было въ приговорѣ о сборникѣ этомъ, и къ сему еще прибавлено: «Домогаясь напечатать памятники народныхъ глупостей, г. Даль домогается дать имъ печатный авторитетъ»...

«Упомянуть ли еще, послѣ этого, что рука объ руку съ сочинителями пословицы о мышьякѣ, шло и заключеніе цѣнителя присяжнаго ¹⁾, къ моему сборникѣ мой попалъ также безъ моего участія, и что тамъ находили не позволительнымъ сближеніе снодрядъ пословицъ или поговорокъ: «У него руки долги (власти много)», и «У него руки длинны (онъ воръ)»? И тутъ, какъ тамъ, требовали *поправокъ* и *измненій* въ пословицахъ, да сверхъ того, исключеній, которыя «могутъ составить болѣе четверти рукописи»...?

¹⁾ Т.-е., глрозно, цензора?

«Я отвѣтилъ въ то время: «Не знаю, въ какой мѣрѣ сборникъ мой могъ бы быть вреденъ или опасенъ для другихъ, но убѣждаюсь, что онъ могъ бы сдѣлаться не безопаснымъ для меня. Если же, впрочемъ, онъ могъ побудить столь востановленное лицо, члена высшаго ученаго братства, къ сочиненію уголовной поговорки, то очевидно развращаетъ нравы; остается положить его на костеръ и сжечь; я же прошу позабыть, что сборникъ былъ представленъ, тѣмъ болѣе, что это сдѣлано не мною».

«Ради правды, я обязанъ сказать, что мнѣніе противужо-
ложное всему этому было высказано въ то время просвѣщен-
нымъ сановникомъ, завѣдывавшимъ публичною библіотекою»¹⁾.

Одинъ изъ біографовъ дополняетъ эти неясныя слова Дала²⁾.
Дѣло въ томъ, что одна изъ высочайшихъ особъ пожелала видѣть
сборникъ поговорокъ и, получивъ его въ рукописи, признала
полезнымъ его напечатать, но предварительно препроводила его
въ академію наукъ (въ которой Даль былъ членомъ-корреспон-
дентомъ). Въ академіи поручили разборъ сборника академику
протоіерею Кочетову; онъ-то и навелъ *цѣпоть мышьяку*.

Этотъ приговоръ, высказанный въ высшемъ ученомъ учреж-
деніи имперіи, достаточно указываетъ положеніе русской науки.
Правда, протоіерей Кочетовъ попалъ въ академію наукъ изъ
бывшей російской академіи (послѣ ея уничтоженія, когда учреж-
дено на ея мѣсто отдѣленіе русскаго языка и словесности въ
ак. наукъ), въ которой для членовъ особой учености не требо-
валось и важно было только согласіе съ идеями и вкусами
адмирала Шишкова, и которая со времени Карамзина была по-
смѣшнымъ; но замѣчательно, что отзывъ Кочетова получилъ
силу, — значить, онъ не былъ оспоренъ и былъ принятъ также
другими членами? — Отзывъ цензора (не знаемъ, кто это былъ)
могъ и не быть его личной придирчивостью и невѣжествомъ;
извѣстно, что тѣ годы (готовилась крымская война) были вре-
менемъ особенныхъ свѣрѣпостей цензуры, — цензоръ боялся про-
ступить недосмотромъ передъ комитетомъ и его предсѣдателемъ,
комитетъ въ свою очередь — проступить передъ еще высшею
инстанціей, «негласнымъ комитетомъ», строго слѣдившимъ за
тѣмъ, что было уже дозволено цензурой обыкновенной. Даль
отмѣчаетъ благопріятный отзывъ объ его трудѣ со стороны про-
свѣщеннаго сановника, завѣдывавшаго публичною библіотекою;
но самъ этотъ сановникъ былъ членомъ негласнаго комитета...

¹⁾ Пословицы русск. народа, предисловіе, стр. XVII—XXI.

²⁾ Р. Вѣстн. 1878, № 8, стр. 821.

Сборникомъ пословицъ не кончились богатые вклады Даля въ русскую этнографію. У него былъ сборникъ пѣсенъ,—впрочемъ небольшой, по его словамъ, — который онъ передалъ И. В. Кирѣевскому; собраніе сказокъ («стоць до шести (?), въ томъ числѣ и много всякаго вздору») онъ передалъ Аѳанасьеву ¹⁾, который воспользовался имъ при своемъ изданіи сказокъ. Собраніе дубочныхъ картинокъ поступило въ публичную бібліотеку, и послужило между прочимъ для изданія г. Ровинскаго ²⁾. Упомянемъ, наконецъ, еще объ одномъ разрядѣ трудовъ Даля—собраніи народныхъ повѣрій и суевѣрій ³⁾. Въ предисловіи онъ замѣчаетъ, что не беретъ на себя полное изслѣдованіе предмета, а даетъ только запасъ, какой случился; но рассказывая повѣрья, онъ даетъ имъ и свои объясненія. Повѣрья, по его мнѣнію, идутъ изъ равныхъ источниковъ: одни являются остаткомъ язычества; другія «придуманы случайно», чтобы «овольнымъ путемъ» дать полезное наставленіе; третьи основаны на опытѣ и наблюденіи и объяснимы по законамъ природы, хотя нѣкоторыя «представляются до времени странными и темными»; четвертыя въ сущности основаны на явленіяхъ естественныхъ, но обратились въ негѣпость по безсмысленному примѣненію; пятія составляютъ игру воображенія, народную поэзію, которая, будучи принята за наличную монету, обращается въ суевѣріе; шестія, немногія, не имѣютъ никакого смысла или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не могли быть объяснены.

Изученіе нашей этнографической старины, развившееся въ послѣднее время, направлялось преимущественно на отдаленныя эпохи, на предполагаемые мифическіе и древне-литературныя источники народныхъ сказаній, на сравнительное объясненіе ихъ. Между тѣмъ, остается еще не опредѣленъ, хотя съ нѣкоторой полнотой, цѣлый рядъ практически-бытовыхъ повѣрій и суевѣрій, существующихъ въ народѣ до сего дня и занимающихъ тѣмъ большее мѣсто въ его понятіяхъ, чѣмъ меньше населеніе затронуто школой и городскими вліяніями. На эту область бытовыхъ повѣрій Даль и обратилъ вниманіе: онъ не вдается ни въ мифологическія толкованія, ни въ сравненія, какія дѣлалъ напр. Снегиревъ,—онъ останавливается на прямомъ смыслѣ повѣрья и старается найти ему

¹⁾ Предисл., стр. XXXIX.

²⁾ Русс. нар. картинки, т. I, стр. IX—X.

³⁾ О повѣрьяхъ, суевѣрїяхъ и предрасудкахъ русскаго народа. Изд. 2-е, безъ перемѣн. Спб. 1880. Въ первый разъ, этотъ трудъ явился небольшими статьями въ „Иллюстраціи“ 1845—46 года.—Упомянемъ здѣсь еще статью „о народныхъ вѣщальныхъ средствахъ“, въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1843, Ч. 3.

ближайшее, такъ сказать рационалистическое толкованіе. Исслѣдователи народныхъ вѣрованій съ трудомъ допустить, чтобы повѣрья «придумывались случайно», какъ полагаетъ Даль, съ педагогическими цѣлями; но многія толкованія Даля очень остроумны, и его приѣмъ заслуживаетъ вниманія этнографовъ. Что касается тѣхъ повѣрій, которыя «представляются *до времени* странными и темными», надо припомнить, что самъ Даль не былъ свободенъ отъ суевѣрія и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, думалъ, что нѣкоторыя суевѣрныя примѣты могутъ имѣть свое таинственное основаніе. Въ послѣдніе годы жизни онъ безъ мѣры предался спиритизму...

Мы остановимся далѣе еще на нѣкоторыхъ явленіяхъ этнографической литературы описываемаго періода, и укажемъ также внѣшнія условія, въ которыя поставлено было въ то время изученіе народности.

А. Пшпиль.

ЗАХАРЫЧЪ

РАЗСКАЗЪ.

— А что взысканъ я щедротами Господними, безпримѣрно можно сказать и съ младыхъ ногтей, это вѣрно-съ! и утаить я этого не могу...

Такъ заключилъ Семень Захарычъ свою рѣчь, видимо собираясь уходить, хлебнулъ остатокъ чая съ блюдечка, и опрокинувъ на него пустую чашку, положилъ сверху огрызокъ сахару. На предложеніе нашей хозяйки выпить еще чашечку, онъ наотрѣвъ отказался.

— Довольно-съ. Обѣщался послѣ всенощной къ Салаевымъ зайти, — объявилъ Семень Захарычъ, откидываясь на спинку стула и обтирая клѣтчатымъ платкомъ вспотѣвшій, лысый лобъ. — Тамъ—тоже, и самоваръ, и угощеніе всякое припасено: не закусить да не выпить, — огорчатся, а вѣдь утроба-то у меня одна, хе, хе, хе! — хихивнулъ онъ короткимъ, сухимъ смѣхомъ, вскидывая на меня острый взглядъ своихъ лукаво прищуренныхъ, желтовато-сѣрыхъ глазъ. — Двѣнадцатаго числа ихнему векселю срокъ, Салаевыхъ-то, и чуетъ мое сердце, что будутъ отсрочки просить... Но только это напрасно, Семень Захарычъ никому отсрочки не даетъ, ужъ съ тѣмъ возьмите... Дѣло коммерческое, никакими чаями да кофееми его не разведешь, хе, хе, хе!

И обернувшись къ хозяйкѣ, онъ продолжалъ все тѣмъ же шутивно-добродушнымъ тономъ:

— Ты, можетъ быть, святая душа на костыляхъ, воображаешь себѣ, что въ долгу-то передо мною — одна ты во всемъ городѣ? Хе, хе, хе!

Отвратительно звучалъ этотъ отрывистый смѣхъ, ничѣмъ, кромѣ холоднаго блеска, въ глазахъ не отражавшійся. Жутко какъ-то и холодно дѣлалось отъ него на душѣ. Впрочемъ, не однимъ смѣхомъ, а всей своей фигурой — нахально-самодовольной, а также и рѣчью — притворно-добродушной, производилъ на меня Семень Захарычъ непріятное впечатлѣніе. Что же касается до квартирной хозяйки, въ комнатѣ которой происходила наша бесѣда, какъ ни старалась она то скрывать, но ей положительно было не по себѣ въ присутствіи гостя. При первомъ же его намекѣ о деньгахъ, которыя она ему была должна, несчастная женщина совершенно растерялась, худыя щеки ея покрылись красными пятнами, глаза съ умоляющимъ выраженіемъ забѣгали отъ него ко мнѣ и отъ меня опять къ нему.

Теперь мнѣ стало понятно, почему она такъ убѣдительно просила меня пожаловать къ ней послѣ вечерни откупать чашку чая; она надѣялась, что занявшись со мной разговоромъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, Семень Захарычъ забудетъ о щекотливомъ предметѣ, заботившемъ ее такъ вѣрѣно, что въ мучительныхъ думкахъ объ немъ (какъ я узналъ впоследствии) она ночей не досыпала и куска не доѣдала. Но расчетъ ея оказался невѣрнымъ, Семень Захарычъ нашелъ-таки возможность упомянуть объ этомъ несчастномъ долгѣ...

— Чего замечалась? — продолжалъ онъ усмѣхаться, видимо наслаждаясь волненіемъ своей жертвы. — Не нравится, что при чужомъ человѣкѣ про наши дѣлишки съ тобой упомянулъ? Не бѣда, дѣла житейскія и, можно сказать, совсѣмъ обнаковенныя, это — разъ; а второе — онъ твой жилецъ и скрыться тебѣ отъ него никакъ невозможно. Вся твоя жизнь, можно сказать, у него на глазахъ... Да и таиться нечего, по-правдѣ сказать, отъ тайны твоей долгъ передо мной не убавится, и если въ срокъ проценты не уплатишь, быть твоему гнѣзду съ аукціону продану, ужъ это вѣрнѣе смерти.

— Я заплачѣ, Семень Захарычъ, — прошептала она сквозь слезы, — не извольте сумлеваться.

— Ну, а заплатишь, такъ кто тебя можетъ хоть пальцемъ тронуть? Сама ты подумай? Рѣшительно никто. Вѣдь законъ-то царскій, онъ для всѣхъ одинъ и всякаго онъ ограждаетъ, что тебя, что меня... Я вотъ, сжалившись надъ твоимъ вдовствомъ и убожествомъ, деньги тебѣ ссудилъ, чтобъ домишко этотъ самый выкупить, и бумагу мы съ тобой у нотаріуса справили, все какъ слѣдуетъ, чтобы ни сучка, ни задоринки... Вотъ я за свои денежки и покоенъ, да и ты чиста передо мной, внесла проценты

и никакихъ поступковъ съ моей стороны, до поры до времени, противъ тебя быть не можетъ, хоть угодай ты меня, хоть нѣтъ, все единственно. А не внесешь деньги въ срокъ; ну, тогда ужъ—ау! не прогнѣвайся...

Мнѣ все жальче и жальче становилось хозяйку, такой безпощадной душой оказывалась она передъ глумящимся надъ нею гостемъ. Дрожащими пальцами отвернула она кранъ отъ самовара надъ полоскательной чашкой, и, не давъ остыть кипятку, опустила въ него руку съ блюдечкомъ... Пальцы мгновенно побагровѣли, но смущеніе ея было такъ велико, что она продолжала держать ихъ въ водѣ, не чувствуя боли отъ обжога. А Семень Захарычъ, оттопыривъ свое толстое брюхо и скрестивъ на немъ свои жирные, короткіе пальцы, продолжалъ смотрѣть на нее съ самодовольной усмѣшкой, готовясь какимъ-нибудь новымъ замѣчаніемъ усилить ея конфузъ. Но я рѣшился не допустить его до этого—и круто повернулъ разговоръ въ другую сторону.

— Вы сейчасъ сказали, что вамъ въ жизни особенно везло, Семень Захарычъ, въ чемъ же именно?—спросилъ я въ полной увѣренности, что ничѣмъ больше ему нельзя угодить, какъ дать возможность поговорить о себѣ.

И я не ошибся, Семень Захарычъ, позабывъ и Салаевыхъ, весьма охотно отозвался на мой вызовъ. Наливъ изъ графинчика рому въ рюмку, онъ выпилъ его и началъ рассказывать.

— Да, сударь вы мой, мнѣ въ жизни везло и на судьбу мнѣ грѣхъ пожаловаться. Возьмемъ хоть тотъ случай, черезъ который я, можно сказать, изъ ничего въ люди вышелъ и fortuna свою нашелъ. Сынъ бѣдной вдовицы, снискивающей себѣ пропитаніе самымъ низкимъ трудомъ, на что могъ я рассчитывать, судите сами?.. Маменька моя была прачка... И теперича ремесло это не важное, а ужъ тогда, когда у всѣхъ хорошихъ господъ своя вѣрностная прислуга была, окромя какъ на офицеровъ стоявшаго въ городѣ полка, стирать было не на кого... А ужъ у офицеровъ какое бѣлье — сами изволите знать, не разжирѣешь съ этого бѣлья, еле-еле на хлѣбъ доставало, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Жили однакожъ. Случалось и мнѣ зашибать копѣйку; папирсы выучился набивать, а также на побѣгушкахъ у господъ офицеровъ... Бывало за какой-нибудь трѣшникъ летишь съ одного конца города на другой съ любовными цыдулками къ разнымъ барышнямъ да барышнямъ, такъ стремительно, что пятки только мелькаютъ! И сколько страху, бывало, изъ-за этого трѣшника наберешься! Подварулить съ такой запиской

супругъ, либо отецъ или мать, бѣда! Такъ отдеруть, что небо съ овчинку покажется, а навадь вернешься, вдвое отъ офицера достанется за то, что не сѣумѣлъ ловчѣе порученіе исполнить. Вотъ и вывертывайся тутъ, между двухъ огней, такъ сказать. Какъ бы тамъ ни было, а такое было тогда наше положеніе, что мнѣ и въ будущемъ иной судьбы нельзя было себѣ ждаты, какъ поступить ученикомъ въ сапожное, либо въ другое какое ремесло, и, соблазнившись тамъ пѣанствомъ и тому подобнымъ развратомъ, уподобиться первому встрѣчному негодяю, имени и званія человѣческаго недостойному. Однако, судьбы Божіи неисповѣдимы и Онъ соизволилъ для меня иначе. Были у насъ дальніе родственники, Иванъ Николаичъ Рѣдвинъ съ супругой, люди съ достаткомъ, въ собственномъ домѣ жили и три кабака держали въ городѣ: одинъ у Михаила-Архангела, другой—на базарѣ, а третій—на пристани. Самъ-то Иванъ Николаичъ служилъ спервоначальво въ полиціи, дослужился тамъ до чина и перешелъ въ казенную палату, а супруга его изъ купеческаго званія, родство у нея было пребогатѣющее, да и сама не изъ бѣдныхъ. Этихъ самыхъ Рѣдвинныхъ маменька братцемъ да сестрицей величала, а я дяденькой съ тетенькой, и ужъ постоянно по большимъ праздникамъ мы къ нимъ съ поздравленіемъ хаживали; за такое наше уваженіе они насъ когда рублешкомъ, а когда какимъ ни на есть старымъ платьемъ дарили. И такая наша бѣднота была, сударь вы мой, что мы и тому были рады... И вотъ, сударь вы мой, случись такая оказія, что разъ какъ-то, на масляницу, пожертвовали намъ дяденька съ тетенькой кулѣкъ съ мерзлой рыбой. Наслали намъ, вишь, этой самой рыбы съ Волги такую прорву, что ѣли ее ѣли всю зиму и все-таки къ масляницѣ ее такъ много осталось, что дѣвать некуда. Хорошо-съ. Взяли мы эту рыбу, поблагодарили за нее,—все какъ слѣдуетъ, и пошли домой. А дорогой-то мнѣ маменька и говорить: — Сварю-ка я изъ рыбы ушицу, Сеня, какъ ты думаешь?—Чтожь, говорю, маменька, сварите пожалуй, и я похлебаю. Такъ и порѣшили. И вотъ, сударь вы мой, замѣчайте, какимъ чудеснымъ образомъ при семъ случаѣ моя планда проявилась. Маменька моя вошла съ рыбой въ квартиру, а я остался на улицѣ съ мальчишками въ свѣжки баловаться, и вышло мнѣ то баловство во спасеніе, какъ вы увидите. Сваримши уху, маменька замѣсто того, чтобы позвать меня, стала одна ее пробовать и такъ напробовалась, что когда я пришелъ, на столѣ одна чуть не пустая миска стояла: и рыбу, и жижицу все она съѣла, почти безъ остатка, и тутъ же нестерпимую боль

подъ ложечкой почувствовала. Дальше да больше, сначала стонала, а тамъ ужъ и крикомъ стала кричать, такъ что всѣ сосѣди сбѣжались... Конечно, и дворникъ тутъ же, однимъ изъ первыхъ очутился. Набилося въ нашу комнату народу, что и продыхнуть нельзя, галдятъ, дивуются и каждый свое совѣтуетъ, а маменьку-то крютить, а маменьку-то крютить: почернѣла вся, воеетъ не своимъ голосомъ, и вдругъ, какъ вытается вся, глаза закатились такъ, что одни бѣлки видно... не успѣли и опомниться какъ Богу душу отдала. Всѣ испугались... разъ, что безъ покаянія отошла, вѣка-вѣчинскіе ей, значить, въ гееннѣ огненной мучиться, а второе, что при такой скоростязной смерти полиція безпремѣнно должна быть, и если не подмазать какъ слѣдуетъ, чего добраго, потрошить начнутъ. Болтаютъ это промежь себя и дворники, и сосѣди, а сами ни съ мѣста, какъ вдругъ кто-то и проговорись про рыбу, отъ которой у маменьки боль подъ ложечкой приключилась; была-моль она, должно быть, отравленная, и если сейчасъ не донести — всѣ въ отвѣтъ будутъ. Какъ слышалъ эти толки дворникъ, сейчасъ надѣлъ шапку и маршъ въ полицію. Ну, тутъ ужъ понятно, слѣдствіе началось и досталось всѣмъ на орѣхи... Кабы дяденька Иванъ Николаичъ деньгами не откупился, до суда бы дошло, а на судѣ Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось, можетъ въ Сибирь угодилъ бы за то, что недоброкачественной рыбой вздумалъ бѣдныхъ родственниковъ благодѣтельствовать. Бѣдный человекъ, понятно, что ты ему ни дай — все съѣсть, вѣдь голодъ-то не свой братъ.

Однако, до суда не дошло, а только пригрозили имъ, дяденькѣ съ тетенькой, чтобы свроту послѣ покойницы, это меня то-есть, безпремѣнно бы привзрѣли; ну, а также, чтобы и похороны на ихъ счетъ, ужъ это само собою разумѣется. Съ перепугу-то на все согласились, божились все въ точности исполнить и прямо съ кладбища привели меня къ себѣ. Отвели уголокъ въ чуланѣ съ сундуками — «вотъ тутъ спать будешь, а пить ѣсть съ нами»... А дальше-то и не знаютъ, что со мной дѣлать. Лѣтъ-то еще ничего, вездѣ мѣста много, и на улицѣ, и на дворѣ... закачусь, бывало, съ уличными мальчишками въ поле или за рѣку, да и пропадаю цѣлыми днями, домой-то только къ ужину да и спать. Ну, а какъ подошла зима — тяготиться благодѣтели мною стали. Одежка, какая у меня была, обтрепалась вся, а изъ тулупчика такъ выросъ, что онъ мнѣ, въ родѣ кацавейки, до колѣнъ не доходилъ. Какъ выскочилъ я въ немъ въ первый разъ на улицу, такой гвалтъ поднялся — хоть святыхъ вонъ неси! Обступили меня мальчишки, хохочутъ, въ дырья пальцами тычутъ,

снѣгомъ въ меня швыряютъ... Тетенька вышла на крыльцо по-смотреть, что за шумъ, а ей что-то, изъ старшихъ, лавочникъ кажется: «призрѣли, говорить, сироту, да и морозятъ!.. Нѣшто такъ можно?» Сейчасъ эта она меня за шворотъ, да въ горницу. Отгаскала за вихры здорово! «Сиди дома, куда лѣзешь!» Слѣзъ я дома, да только никому отъ того легче не стало, ни имъ, ни мнѣ. Въ горницѣ-то и отъ своихъ ребятъ дѣваться некуда; все маленькія у нихъ были дѣти-то, да дохленькія, одинъ въ золотухѣ весь, у другого ножка кривая, такъ и родился хроменьвымъ; двѣ дѣвочки-двойнишки, какъ шкелеты худыя, внутри что-то у нихъ гнило, пищали все, да былъ еще пузачикъ одинъ, на карачкахъ еще ползалъ. Дяденька съ тетенькой воспитывали ихъ нѣжно, чтобы никто пальцемъ не смѣлъ тронуть. Пихнешь, бывало, котораго-нибудь невзначай, сейчасъ пискъ, ревъ поднимется, а меня за уши, да за вихры: «не смѣй дѣтей трогать!» А какъ тутъ не тронешь, когда сами на тебѣ лѣзуть? Да и скучно такъ сидѣть, безъ дѣла, ну, и почнешь ихъ шпынать. Кажинный вечеръ, какъ придетъ дяденька домой изъ палаты, такъ ему сейчасъ жалобы на меня: «житья отъ него нѣтъ, дѣтей дразнить, слоняется изъ угла въ уголъ, всѣмъ мѣшаетъ... вездѣ пакостить... Хотъ бы въ мастерство какое отдать, чтобы глаза не мозолилъ». Но противъ мастерства у дяденьки резонновъ было много: на какого-моль хозяина наскочишь, таковой можеть попасться прохвость, что и жизни будешь не радъ, что связался съ нимъ... Да и выйдеть ли толкъ изъ ученія-то... А главное накладно, если даже безъ денегъ, на года отдать, все же надо и одежку на Вое-какую справить, сапоги, тулупъ и прочее все.

Тетенька отъ такихъ словъ совсѣмъ въ отчаянность приходила. — «Вотъ наславъ Богъ обузу! И дернуло насъ имъ ту рыбу отдать, выкинуть бы ее лучше въ помойную яму... Майся таперича за свое же добро!»

Толковали они, толковали такимъ образомъ, и такъ и ѣдакъ привидывали, и дотолковались, наконецъ, до того, что надо тому самому ихнему сродственнику отписать, что имъ рыбу-то прислать, отъ которой моя маменька скончалась. Звали его Петръ Акимычъ Борвиночѣинъ, доводился онъ тетенькѣ двоюроднымъ братомъ и слылъ богатѣющимъ вунцомъ по всему по Поволжью.

— «Что-жъ», говорить дяденька; «Петръ Акимычъ, пожалуй, болѣе насъ въ той бѣдѣ виноватъ, не пришли онъ намъ ее тогда треклятой, Сенькина мать и по-сейчасъ была бы жива. Грѣхъ значить нашъ общій, и отмаливать мы его должны сообща... За что

же намъ однимъ, въ самомъ дѣлѣ!.. Да и достатки у него не въ примѣръ больше чѣмъ у насъ... Къ тому же холостъ, семействомъ значить не связанъ и не слыхать что-то, чтобъ жениться собрался...»

— «У мармуланки его, слышь, сынъ есть», замѣтила тетенька, «неизвѣстно только чей—его, или отъ другого кого...»

— «Такъ что-жъ въ этого, хоша бы даже и его былъ, такъ вѣдь онъ незаконный, нешто такихъ можно съ настоящими дѣтьми ровнять?»

Рѣшили отписать Петру Акимычу. Отписали да и сомнѣваются. — «Онъ насъ, смотри, къ лѣшему пошлетъ», говоритъ дяденька. А тетенька: — «раскошелится», говоритъ, «на двѣ красненькія, да и все тутъ». — «Это бы еще хорошо кабы на двѣ красненькія, все-таки деньги, а вотъ какъ ничего не пришлетъ, ни письма, ни денегъ...» — «Ну, вѣтъ, этого быть не можетъ, письмо какое ни на есть пришлетъ, тоже родственникъ, не захочетъ обидѣть...»

Тетенька отгадала вѣрно: не прошло и мѣсяца, какъ отъѣхалъ къ намъ нежданно-негаданно сѣденый старичокъ, маленький такой, очень благообразный, — Карпомъ Алексѣвичемъ Синичкинымъ звать, — и, отрекомендовавшись старшимъ приказчикомъ Петра Акимыча, передалъ дяденькѣ письмо отъ хозяина. Стояло въ томъ письмѣ, чтобъ меня безъ задержки съ тѣмъ приказчикомъ въ путь-дорогу сваридали, въ Астрахань, къ Петру Акимычу значить. И двадцать-пять рублей денегъ къ письму тому было приложено, чтобъ, значить, одѣжу мѣ справить на дорогу и все какъ слѣдуетъ. Очень обрадовались тетенька съ дяденькой этому письму; посланца Петра Акимыча не знаютъ куда усадить, чѣмъ угостить. — Когда же въ путь? спрашиваютъ. — Да не раньше какъ черезъ недѣлю, говоритъ, хозяинъ приказалъ здѣсь машиниста дожидаться, который изъ Москвы къ намъ на заводъ выписанъ. — «На какой заводъ?» Зачалъ старичокъ рассказывать какіе заводы, да фабрики, да хутора, да лавки у Петра Акимыча, сколько барокъ нагружаетъ онъ каждый годъ съ хлѣбомъ, да съ рыбой. — «Будущей весной свой пароходъ пустить, заказанъ уже, въ Англии»... Всѣ мы, и тетенька съ дяденькой, и я, рты разинули отъ изумленія, а старичокъ-то какъ будто и не замѣчаетъ, какъ мы дивимся, рассказываетъ себѣ да рассказываетъ, такъ соловьемъ и заливается. — «Домъ» говоритъ, «новый на площади строишь, чтобъ обѣды да балы для привѣзшихъ гостей, министровъ тамъ разныхъ, флигель-адъютантовъ и прочихъ ревизоровъ, которыхъ самъ царь въ провинцію посы-

дасть... Вѣдь Петръ Авимычъ который годъ безсмѣнно городскимъ головой выбирается, такой почетъ не даромъ дается, благодарить за него надоть, сухая-то ложка ротъ дереть, это даже и по пословицѣ... Ну, и благодаримъ какъ слѣдуетъ, ублажаемъ каждаго по чину и по заслугамъ, да и себя при этомъ случаѣ не забываемъ... Въ миллионѣ таперича Петръ Авимычъ-то будетъ, это въ оборотѣ, а сколько у нихъ въ земляхъ, да въ лѣсахъ... можетъ вдвое больше, если все-то сосчитать...» — «И кому такое богатство послѣ его смерти достанется», разсуждала тетенька, «жиль бы въ законѣ, женатымъ человѣкомъ, дѣтокъ, по крайности, прижилъ бы, было бы тогда для кого копить»... — «Правда», поддакивалъ дяденька, «безъ законной семьи и скучно, и солидности такой въ человѣкѣ нѣтъ»...

Промолчалъ на эти слова старичокъ, словно какъ мимо ушей пропустилъ, всталъ съ мѣста, поблагодарилъ за угощеніе и шапку ищетъ, чтобъ уйти. Тутъ дяденька съ тетенькой переглянулись и стали его удерживать: — «Чѣмъ вамъ въ гостинницѣ извѣнятися, лучше у насъ... сдѣлайте ваше одолженіе, въ какой угодно горницѣ, хоть въ зальцѣ, хоть въ кабинетѣ...» А тотъ: — «Премного благодаренъ», говорить, «не стѣснить бы васъ только...» — «Что вы, помилуйте! Да мы очень рады... Отъ Петра Авимыча посланецъ... да мы и потѣсниться рады для васъ, помилуйте!.. Вещи ваши куда отправили? Мы бы за ними нашу прислугу послали». — «На постояломъ дворѣ... да вы не извольте беспокоиться, я самъ...» Но тетенька подмигнула дяденькѣ, онъ понялъ и вызвался идти вмѣстѣ съ гостемъ на постоялый дворъ за вещами. Ужъ такъ онъ ихъ своими разказами о миллионахъ Петра Авимыча плѣнилъ, что ни на минутку не хотѣлось разставаться съ нимъ, — такъ и ушли вдвоемъ. А тетенька, тѣмъ временемъ, ни разу даже и не присѣла, ходить изъ комнаты въ комнату какъ шальная, мѣста себѣ найти не можетъ и все про себя повторяетъ: «и кому только всѣ эти миллионы достанутся, кому они достанутся!»

И поселился старичокъ у насъ, и того мы отъ него наслушались, чего и во снѣ никогда не грезилось. Ну, вотъ точно въ сказкѣ какой волшебной. Мыслей-то, мыслей-то у меня сколько тогда народилось въ мозгу, страсть! На пять лѣтъ кажись поумнѣлъ я и постарѣлъ за эти двѣ недѣли, все думаю: какъ бы и мнѣ такъ, какъ Петру Авимычу, изъ ничего миллионщикомъ сдѣлаться! Такъ и вишеть въ головѣ-то, по цѣлымъ ночамъ заснуть не даетъ... И вѣдь совсѣмъ, можно сказать, мальчишкой я тогда былъ, всего только пятнадцатый годъ съ Покрова по-

шелъ, а ужъ и тогда меня во всему смышленому, да ко всякой ловкой штукѣ тянуло, и видѣть я ничего не могъ такого, чтобъ не подумать: а вотъ бы и мнѣ такъ!.. Старшій привазчикъ Петра Акимыча очень мнѣ понравился, такихъ людей мнѣ еще въ первый разъ доводилось видѣть. Юркій былъ старичокъ; даромъ что бѣлый какъ лунь и беззубый, — на всѣ руки; утромъ по хозяйскимъ дѣламъ по всему городу рыщеть, а вечеромъ, какъ засядеть съ нашими за самоваръ, такъ и просидитъ не вставая до разсвѣта; мы слушаемъ, а онъ рассказываетъ и все про Петра Акимыча, какой ему ото всѣхъ почетъ, какими онъ господъ дворянъ, да чиновниковъ, обѣдами, да завтраками потчуетъ. Какъ онъ въ новый домъ наркеты изъ французскаго города Марсея выписалъ, а мебель изъ Петербурга, отъ первѣющаго мастера, того самаго, что на царя работаетъ; и сколько у него въ кладовыхъ золота и серебра, да мѣховъ дорогихъ; про его мельницы-крупчатки, что по двадцати тысячъ въ годъ чистаго доходу, безъ хлопотъ, приносятъ; про степи безпредѣльныя, по которымъ стада пасутся, поля черноземныя, за которыя хоть сейчасъ по сту рублей за десятину проси, всякій дастъ; про рыбныя ловли, — про все это старичокъ съ превеликой охотой рассказывалъ. Только на счетъ домашней обстановки Петра Акимыча долго скрытничалъ; первые дни на всѣ распросы одинъ отвѣтъ: «да, да нѣтъ, все отлично да разчудесно»; либо: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю...» Ну, а потомъ, и на эти дѣла у него языкъ развязался помаленьку. Да и трудно было не развязаться съ такой любопытной женщиной, какъ тѣтя. Она хоть кого заставила бы разговориться.

Какимъ именно манеромъ приступила тѣтя къ нему, этого я не могу сказать заподлинно, потому что гонять они меня стали изъ горницы по вечерамъ, чтобъ не слышалъ я ихъ разговоровъ со старичкомъ. Не успѣешь, бывало, и ушей наострить, какъ сейчасъ: «ступай спать, чего тутъ торчишь!» И уйдешь, дѣлать нечего. И вотъ, разъ ночью, дня за два такъ до нашего отъѣзда, проснулся я въ моей коморѣ и слышу гомонится кто-то за стѣнкой, а тамъ чуланъ такой былъ, въ родѣ кладовой, для провизіи. Сталъ прислушиваться — дяденька съ тетенькой. Стѣнка-то изъ досокъ, тонкая, со щелями, и вижу я сквозь щели-то свѣтъ... со свѣчкой значить пришли, вѣрно поѣсть чего-нибудь или выпить рюмочку, другую... Водилось это за ними, что уложивши дѣтей, и когда ужъ всѣ въ домъ спать, они войдутъ въ чуланъ и лакомятся тамъ на просторѣ, чѣмъ ни попало. Однако, на этотъ разъ, не столько для лакомства, сколько для

разговора пришли.—«Слушай-ка, Иванъ Николаичъ, что я тебѣ скажу», тетенька говорить. А сама такъ и захлебывается отъ волненія, такъ и захлебывается.—«Что такое?» спрашиваетъ дяденька.—«Вѣдь у Петра Акимыча-то съ полюбовницей давно на разладъ идетъ...» — «Что ты?» — «Право ей Богу! Вотъ сейчасъ, какъ тебѣ придти, Карпъ Алексѣичъ мнѣ все до крошечки рассказалъ... Петръ Акимычъ такъ на нее сердчаетъ, такъ сердчаетъ, что по цѣлымъ недѣлямъ на глаза къ себѣ не пускаетъ... Допрежъ того, полновластной хозяйкой она у него въ дому была, гостей принимала, въ коляскѣ, на своихъ лошадяхъ, по городу каталась, и наряды онъ ей изъ Москвы выписывалъ, а таперича, всѣ вещи, которыя получше, онъ отъ нея отобралъ и живетъ она въ крохотной горенкѣ рядомъ съ кухней, въ прочія комнаты ей и ходу нѣтъ, окромѣ, какъ съ чернаго крыльца въ палисадникъ на заднемъ дворѣ...» — «Вотъ они дѣла-то какія! Да вѣдь и то сказать, жена она ему не настоящая...» — «Понятно, нешто съ настоящей супругой такъ можно поступать, ни въ жисть! Настоящая-то, чего добраго, къ мировому потянула бы его за такіе поступки»...

Семень Захарычъ, видно, призабылъ, что въ тѣ времена, когда дѣйствовали его тетенька и дяденька, мировыхъ не существовало; онъ, какъ случается съ такими рассказчиками, иллюстрировалъ подробности изъ современной обстановки.

— «И давно у нихъ такое положеніе продолжается?» — спросилъ дяденька.—«Давно, скоро два года будетъ». — «Другую себѣ, вѣрно, завелъ?» — «Этого Карпъ Алексѣичъ не говоритъ, однако, надо такъ думать, что другая есть, ужъ безъ того нельзя... Можетъ, и не въ городѣ, а на хуторѣ на какомъ, кто его знаетъ! Его, слышь, дома-то и не видать совсѣмъ, все въ развѣздахъ...» — «Ну, а мальчишка-то ея... вѣдь ужъ большенькій долженъ быть?..» — «Совсѣмъ большой, семнадцатый годъ пошелъ. Петръ Акимычъ и его возненавидѣлъ. Спервоначалу-то, совсѣмъ онъ было его по благородному, въ гимназію опредѣлялъ и даже француза гувернера для него нанялъ...» — «Ишь ты, такому щенку прибудному!» — «Вотъ подижь ты! Кабы не ссора съ матерью, человекъ изъ него сдѣлалъ бы Петръ Акимычъ-то! Ну, а ужъ теперь... Одичалъ, слышь, съ горя». — «Кто? Мальчишка-то?» — «Онъ самый. Карпъ Алексѣичъ говорить, какъ стали его всего лишать, и ученія, и всего, да всячески преслѣдовать, ну, и одичалъ». — «Одичаешь тутъ! Къ простой-то работѣ, поди чай, не привыкъ»... — «Гдѣ привыкнуть!» — «Да за чтожь Петръ Акимычъ его-то возненавидѣлъ?» — «А ты слушай, что промежь ихъ вышло-то, ны-

гнѣвной зимой. Давно ужъ Петръ Акимычъ въ самой-то приди-
рался, то не такъ, да это не эдакъ... Извѣстно, надоѣла баба,
опостыла... Тихая она, говорятъ, безотвѣтная, плакала только
на всѣ обиды, да и то по ночамъ, чтобъ никто не видѣлъ...
никогда никому не жаловалась... Да и жаловаться некому ей,
ни родныхъ, ни знакомыхъ у нея въ томъ краѣ нѣтъ, къ тому
же замужня жена и съ Петромъ Акимычемъ не въ законѣ
жила, значить къ кому ни сунься, каждый ей можетъ сказать:
сама виновата, то и получаешь, за чѣмъ пошла. Ничего ей, зна-
чить, больше не остается, какъ молчать да терпѣть. Стала хво-
рять. Красавица, слышь, была прежде-то, а тутъ мѣсяць отъ
мѣсяца, день ото дня, все худѣе, да желтѣе стала дѣлаться,
извѣстное дѣло, болѣзнь-то и поросенка не красить, а бабу и
подавно. Надоѣли Петру Акимычу и тихость ея, и хворость, и
то, что все молчить да плачать, зачалъ онъ съ ней все строже
да строже, отъ брани да попрековъ до волотушекъ дошло... И
вотъ разъ, выпимши што ли онъ былъ, или такъ гнѣвъ нашель,
какъ хлыснетъ онъ ее по лицу... А мальчишка-то тутъ былъ,
изъ гимназiи, вишь, вернулся, и какъ вошелъ въ горницу—ни-
кто не замѣтилъ. Мать повалилась на полъ, и кровь у нея хлы-
нула изъ горла... Увидаль это сынишка, да какъ бросится на
Петра Акимыча!... Такая у нихъ потасовка вышла, на силу рас-
тащили...—«Видно, Петръ Акимычъ изъ ненависти къ нимъ
Сеньку-то къ себѣ беретъ», замѣтилъ дяденька.—«А то какже?
Карпъ Алексѣичъ тоже говоритъ, что изъ ненависти». — «Пооди, чай,
и капиталъ ему оставить». — «Съумѣетъ угодить, человекѣмъ сдѣ-
лаетъ... это что говорить, при такомъ богатствѣ!» — «Этакое подлецу
счастье! Вотъ бы Федюшкѣ нашему или Колюшкѣ!» — «Я и то,
намеднись, говорю Карпу Алексѣичу, жаль, говорю, что наши
дѣтки такъ еще малы, мы бы котораго-нибудь изъ нихъ замѣсто
Сеньки-то Петру Акимычу послали. Такъ онъ мнѣ на это:
нельзя, говоритъ, имъ безпремѣнно желательно, чтобъ круглый
сирота былъ, ни отца, ни матери значить, а такъ какъ мать его,
Сеньки-то, не отъ чего другого, какъ отъ нашей рыбы сконча-
лась и къ тому же безъ покаянiя, ну, и считаетъ себя Петръ
Акимычъ вродѣ какъ обязаннымъ мальчишкѣ мѣсто родителей,
такъ сказать, заступить, чтобъ не вопіяла на него къ Богу душа
христіанская...»

Семень Захарычъ налилъ изъ графинчика рюмку, выпилъ ее
и глубоко задумался.

— Да оно и справедливо, если такъ разсудить,—началъ онъ
снова, послѣ довольно продолжительнаго молчанiя, — слезы-то

вдовьи и сиротскія, вѣдь онѣ до Престола Господня доходятъ, и не очень-то похвалятъ за нихъ на томъ свѣтѣ-то... Это и въ писаніи сказано, да и на всѣхъ картинахъ, на которыхъ страшный судъ изображенъ, можно видѣть...

И вдругъ, мѣняя тонъ: — Изволили, чай, видѣть такія картины? — спросилъ онъ у меня.

Я утвердительно кивнулъ головой, недоумѣвая, къ чему именно клонится этотъ вопросъ и досадуя на неожиданный оборотъ, принимаемый разговоромъ. Исторія Семена Захарыча начинала интересовать меня; но вмѣсто того, чтобы продолжать свой рассказъ, онъ принялся философствовать на совершенно другую тему.

— Позволю васъ спросить, сударь мой, картины эти съ чего написаны, какъ вы думаете?

Я молчалъ.

— Не знаете? — усмѣхнулся онъ и, подождавъ немножко, прибавилъ: — Ну, и я тоже не знаю.

А затѣмъ онъ смолкъ и, вытянувъ локти на столъ, въ раздумьѣ забарабанилъ по немъ мясистыми, короткими пальцами, съ плоскими ногтями. Передъ тѣмъ диваномъ, на которомъ онъ сидѣлъ, висѣлъ портретъ покойнаго супруга хозяйки, титулярнаго совѣтника Здравомыслинова, съ высоко вбитымъ кокомъ, котлетообразными бакенами, кривымъ носомъ и раскосыми глазами; взглядъ Семена Захарыча упирался въ этотъ портретъ, но врядъ ли замѣчалъ онъ внушительный видъ титулярнаго совѣтника, его мундиръ со свѣтлыми пуговицами, высокій, туго стянутый воротникъ; Семень Захарычъ думалъ о другомъ.

За столомъ, покрытомъ салфеткой съ красными разводами, мы теперь сидѣли вдвоемъ; хозяйка прибрала чашки и самоваръ, и, оставивъ только графинъ съ ромомъ, въ которому все чаще и чаще прикладывался ея именитый гость, скромненько усѣлась на сундукъ за дверью.

Помолчавъ немного, Семень Захарычъ налилъ себѣ еще рюмку, проглотилъ ее и снова завелъ рѣчь про религіозныя сомнѣнія, мутившія ему душу. Я замѣчалъ, что по мѣрѣ того, какъ графинчикъ пустѣлъ, глаза его соловѣли, и говорилъ онъ все медленнѣе и запутаннѣе, но до полнѣйшаго оупьянѣнія ему было еще далеко, и можно было поручиться, что если онъ даже и еще столько же выцѣдитъ, то особенно ощутительныхъ послѣдствій отъ того не воспослѣдуетъ.

— Да-съ, имѣлъ я разговоръ о томъ, что въ Писаніи про будущую жизнь написано, а также про эти картины, на кото-

рять страшный судъ изображенъ, со многими старцами, отшельниками и понами, а также съ учеными; но чтобъ удовлетвореніе себѣ черезъ ихъ назиданіе получить — нѣтъ-сь, этого я не могу сказать, а было большею частью такъ, что ни съ чѣмъ отъ нихъ уйдешь и все при томъ же сомнѣніи — нестерпимомъ, можно сказать. Который говоритъ, что съ древнихъ изображеній картины эти списаны, а который, — по откровенію. А кто мнѣ поручится, что откровеніе это настоящее, а не вымышленное? И, наконецъ, отъ кого оно, отъ Бога? Или отъ нечистаго? Или просто съ пьяна легкомысленному человѣку пригревилось? Кто можетъ мнѣ поручиться за это? А мнѣ знать это важно. Такъ важно, что я, можетъ... Онъ запнулся, но колебаніе его длилось одно только мгновеніе.

— Я, можетъ, и тыщи не пожалѣлъ бы, чтобъ узнать — какъ тамъ, на томъ свѣтѣ-то будетъ. И никто удовлетворить меня въ этомъ не можетъ. Прискорбно-сь... Кабы зналъ я на-вѣрное, я, можетъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ бы сдѣлался, доказалъ мнѣ только, удовлетвори мою любознательность... А попы, да отшельники тамъ разные, что отъ нихъ? Ничего другого не умѣютъ сказать, кромѣ какъ: строй церкви, да на монастыри жертвуй, да нищимъ подавай, чтобъ за твою грѣшную душу молились. Я и строю, и жертвую, и молюсь... такъ, на всякій случай, можетъ, и пригодится, но чтобъ вѣра у меня была настоящая въ сердцахъ, что все это такъ и слѣдуетъ, нѣтъ у меня въ душѣ этой вѣры, да и все тутъ. Нѣтъ у меня на душѣ того, что вотъ чувствуешь, напримѣръ, когда дашь тысячи три рублей водъ закладную дома, который тридцать стоитъ, и спишь себѣ спокойно тогда: знаешь, что домъ тотъ не нынче, завтра непременно твой будетъ, и что, дѣйствительно, получишь ты за твое добро сторицей, какъ въ Евангеліи сказано. Нѣтъ у меня этой увѣренности въ будущую жизнь, хоть что хочешь дѣлай... И мучительно это, такъ мучительно, что и сказать не могу. Иной разъ просто не знаешь куда дѣваться отъ тоски, хоть въ пещю либо въ воду — такъ въ ту же пору... Повѣрите ли, вотъ этому зелью сталъ придерживаться на старости лѣтъ, чтобъ только отъ мыслей избавиться... Налижешься какъ свинья, ну, какъ будто полегче станетъ, — прибавилъ онъ, указывая на графинчикъ, стоявшій передъ нимъ.

И должно быть, дѣйствительно, сомнѣніа не на шутку донимали его и мучили ему душу; онъ сдѣлался неузнаваемъ, хмурое лицо все больше и больше вытягивалось, спина сгибалась и, безпомощно кивая лысой головой, онъ продолжалъ свое уни-

лое повѣствованіе, ни къ кому собственно не обращаясь, избѣгая встрѣчаться со мной взглядомъ и устремивъ свои помутившіеся глаза все въ ту же точку.

«Ромъ-то начинаетъ дѣйствовать», подумалъ я. И, чтобъ отвлечь его вниманіе на другой предметъ, спросилъ у него, что случилось съ его благодѣтелемъ, Петромъ Акимычемъ, и съ его незаконнымъ семействомъ?

Вмѣсто отвѣта, Семень Захарычъ съ какой-то странной подозрительностью глянулъ на меня. Я повторилъ свой вопросъ.

— Померли... всѣ померли,—глухо прошепталъ онъ.

А затѣмъ, онъ продолжалъ, съ долгими остановками между фразами и съ запинками почти передъ каждымъ словомъ:

— Она-то... полюбовница-то Петра Акимыча, совсѣмъ убитый, значить, человекъ, все хворала... Мы съ ней.. мы съ ней ничего, особенной вражды между нами не было, право, ей Богу, не было!.. Сторонилась она отъ насъ, бывало забьется въ чуланъ, по недѣлямъ оттуда не выльзаетъ... Петръ Акимычъ гнѣвался еще пуще на нихъ за это... «Какъ волчица... хуже всякаго аспида... поди, чай, шипить тамъ, въ углу-то...» Ну, и не вытерпѣть, пошлетъ иногда подсмотрѣть... Подкрадешься къ двери, либо изъ саду къ орошечку и зачнешь слушать... И въ самомъ дѣлѣ шипить, ну, придешь къ нему скажешь: «шипить-съ». А они сейчасъ: «на кого?»—«На васъ-съ». Ну, сейчасъ крикъ подымется, драка... Всѣхъ больше при этомъ Ниволаю доставалось, это сыну-то ея, гимназисту. Почнетъ Петръ Акимычъ корить его, милостями своими попревать, всю подноготную подниметь, какъ онъ его, щенка паршиваго, пріютилъ, сколько на ученіе его потратилъ... И до тѣхъ поръ корить его да страшить, пока мальчишка не побѣлѣетъ весь, да не затрясется отъ ярости... И глаза, какъ у дикаго звѣря забѣгаютъ, хоть вяжи его, да на цѣпь сажай. Тогда ужъ и Петръ Акимычъ струхнетъ и либо его выгонитъ на цѣлый день изъ дому, либо самъ куда-нибудь до вечера уѣдетъ, только бы не встрѣчаться съ нимъ. И меня съ собой увезетъ. И развѣзжаемъ мы съ нимъ по хуторамъ да по заводамъ, и вездѣ-то меня ласкаютъ, да угощаютъ... Извѣстно, замѣтили, что хозяинъ полюбилъ меня, жить безъ меня не можетъ и всякое довѣріе оказываетъ, ну, и заискивали. И чѣмъ же я тутъ былъ виноватъ, судите сами? Рѣшительно ничѣмъ. Рассказывали, что года два тому назадъ, онъ и Ниволашку точно также ото всѣхъ отличалъ, вотъ такъ же какъ и меня теперь, вездѣ съ собой возилъ, и одежду хорошую ему дѣлалъ, и деньги ему дарилъ... Все это было допрежъ той

ссори съ его матерью, послѣ которой меня-то выписали; а мнѣ чтожъ было тутъ дѣлать? Огдали мнѣ его комнатку съ мебелью, вторую нарочно для него купили, а также всѣ вещи, которыя были получше, часы серебряныя съ цѣпочкой, ящичекъ такой, въ которомъ весь приборъ письменный; чтожъ, мнѣ даютъ — я долженъ взять и поблагодарить, да пользоваться... Не мое дѣло разсуждать—чьи вещи, у кого ихъ отняли да за что... Долженъ я также всячески угождать благодѣтелю, который и поить, и кормить меня, ужъ это моя прямая обязанность, такъ ли я говорю?

Онъ смолелъ и пытливо, даже какъ будто съ отгнѣномъ безпокойства, заглянулъ мнѣ въ глаза и продолжалъ свою рѣчь тогда только, когда я утвердительно кивнулъ головой.

— И вотъ, въ чемъ вся была моя вина,—что сдумѣлъ я угодить Петру Акимычу такъ, какъ никто ему еще не угождалъ... А вѣдь нашлись прохвосты, которые въ томъ, что случилось, прямо на меня указывали, будто отъ меня тотъ грѣхъ произошелъ, съ моихъ будто бы ябедъ да наговоромъ Петръ Акимычъ еще пуще ее съ сыномъ возненавидѣлъ...

Онъ опять прервалъ свою рѣчь, чтобы налить себѣ рому, но графинчикъ оказался пустъ, и тогда, не мѣняя позы и не оборачиваясь къ тому углу, гдѣ сидѣла хозяйка, которая, подперевъ рукою щеку и все съ тѣмъ же скорбнымъ выраженіемъ лица, прислушивалась къ нашей бесѣдѣ, Семень Захарычъ проговорилъ заплетаящимся языкомъ.

— Марья Ивановна! Чего смотришь? Не видишь развѣ, что угощеніе-то твое къ концу подошло? Давай еще.

Марья Ивановна поспѣшно встала, вынула изъ швапа бутылку и поставила ее передъ гостемъ.

— Попробуемъ свѣженькаго, проговорилъ Семень Захарычъ.

Онъ взялъ штопоръ изъ рукъ торопящейся услуживать ему хозяйки, и занялся раскупориваніемъ бутылки, а я молча смотрѣлъ на него, съ досадою спрашивая себя: услышу ли я сегодня конецъ начатаго разсказа?

Судя по тому, съ какимъ усердіемъ Семень Захарычъ принялся пробовать ромъ изъ новой бутылки, можно было сомнѣваться въ этомъ; однако, опасенія мои не сбылись, исторію свою онъ мнѣ досказалъ до конца. Правда, что съ каждой рюмкой онъ сталъ пьянѣть все больше и больше, но въ первую минуту весня съ бутылкой какъ будто отрезвила его.

— А помнишь ли ты, какой у насъ съ нимъ былъ разговоръ по этому предмету?—спросилъ онъ у хозяйки, указывая пальцемъ на портретъ титулярнаго совѣтника.

— Какой такой разговоръ? Много у васъ было съ нимъ разговоровъ, болтунъ былъ покойникъ, не тѣмъ будь помянуть, безучастно проговорила она.

За такой непочтительный отзывъ Семень Захарычъ строго огрызнулся на нее.

— Не болтунъ онъ былъ, а умѣющій человекъ, и законы отлично зналъ.

— Это ужъ что говорить.

— Ну, и молчи, когда говорить не умѣешь. Ишь вѣдь, кого судить вздумала! Такую, можно сказать, особу... Вотъ умри тутъ,—обратился онъ къ мнѣ,—и почнетъ тебя всякая мразь осуждать, наберется смѣлости, почнетъ про твои дѣянія судить да рядить... И вѣдь чего добраго, никого не найдется, чтобъ ей глотку заткнуть... Э-э-эхъ!

И, махнувъ безнадежно рукой, онъ смолкъ на минуту, а затѣмъ, снова указывая на портретъ титулярнаго совѣтника: — Человекъ былъ настоящій и христіанинъ,—началъ онъ. — Изъ старинныхъ, не то что теперешніе верххвосты... Пріатели мы съ нимъ были... Ужъ такіе-то пріатели, закадышные, можно сказать... Одинъ только разъ и вышла промежъ насъ ссора... Помнишь, Марья Ивановна?.. Повздорили мы съ нимъ тогда здорово... расплевались-было, на вѣки-вѣчинскіе... да только я же первый... невыгодно мнѣ съ нимъ было въ распрѣ-то жить... ну, я первый и подошелъ... дай руку,—говорю,—дружнице, что тамъ!.. всѣ продерзости твои я прощаю, и кто старое помянетъ... кто старое помянетъ, тому глазъ... глазъ вонъ... Ужъ больно нуженъ онъ мнѣ былъ для дѣловъ для моихъ, всѣ бумаги мнѣ строчилъ... одно слово—законникъ... А ссора промежъ насъ все изъ-за того же случая съ Николашкой произошла... Зашелъ у насъ какъ-то разъ разговоръ про тотъ случай, а онъ мнѣ,—вотъ какъ вы таперича—«расскажи», говоритъ, «мнѣ по всей по откровенности, какъ все дѣло было и какимъ это манеромъ ты у сына Петра Акимыча наслѣдство отбилъ». Ну, и началъ я ему рассказывать, а онъ мнѣ: «знаешь», говоритъ, «что я тебѣ скажу?»—«Что такое?»—«А то», говоритъ, «что на твое счастье въ тогдашнее время новыхъ судовъ еще не было».—«Какъ такъ?» спрашиваю.—«Да такъ же»—говоритъ, «по новому суду—быть Николашкѣ безпремѣнно оправданному, а вамъ съ Петромъ Акимычемъ, пожалуй, что и досталось бы, ему—за жестокое обращеніе, а тебѣ—за подстрекательство...»

— Кого же вы подстрекали? спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта, Петръ Захарычъ хлебнулъ еще рому и продолжалъ, не обращая вниманія на мой вопросъ.

— Я говорю:—нѣтъ, ты докажи. — А онъ мнѣ: «изволь,» говорить, и зачалъ доказывать...

Языкъ Семена Захарыча заплетался и словъ онъ не договаривалъ до конца.

— «Если,—говорить,—ты зналъ... догадался тамъ, или подслушалъ, подсмотрѣлъ, все равно,—ты, по христіански, долженъ былъ ему сказать, на путь истинный наставить... Ты видишь... человекъ въ испугленіи... рассудокъ у него омраченъ... такъ сказать... ну, ты долженъ ему сказать... опомнись, другъ, обмысли...»—Это Николашеѣ-то!.. Да какой же онъ мнѣ другъ... подумайте только?..—«Ты долженъ ему сказать: намѣренія твои мнѣ извѣстны»...

Семень Захарычъ говорилъ, не спуская пристальнаго взгляда съ портрета и припоминая при этомъ слова титулярнаго совѣтника, медленно и съ долгими разстановками повторялъ ихъ, по мѣрѣ того, какъ они всплывали въ его памяти.

— «А теперича выходитъ, что ты предатель, говорить, — Иуда»... Нѣтъ, это не онъ про Иуду-то... это другой кто-то меня такъ прозвалъ... Кто бишь?..

Чтобъ лучше вспомнить, кто именно сравнилъ его съ Иудой, Семень Захарычъ схватилъ себя обѣими руками за голову и вѣрѣно сжалъ свой лысый лобъ; но усилія его были напрасны, память упорно отказывалась ему служить.

Хозяйка, не спуская съ него тревожнаго взгляда, нашла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Я велю кучеру подавать лошадей, Семень Захарычъ,—объявила она,—вамъ пора ѣхать, ночи темныя, до хутора до вашего врьдъ за-свѣтло доѣхать...

И, не дожидаясь отвѣта, она вышла.

Семень Захарычъ встрепенулся.—Домой? Зачѣмъ домой? Я вотъ съ ними...

Онъ кивнулъ на меня головой.

— Онъ ученый... Вѣдь ты ученый... да?.. Ну, ты значить долженъ знать... Мнѣ по ношншему суду что?.. Ему, Николашеѣ, за то, что онъ Петра Акимыча изъ пистолета... изъ пистолета... его за это на каторгу... а мнѣ... Ннну!.. что мнѣ?..

Семень Захарычъ опять обловотился на столъ и опять его крупная, лысая голова беспомощно опустилась на руки. Такъ просидѣлъ онъ довольно долго, а затѣмъ снова заговорилъ, но

унылымъ, однообразнымъ тономъ и такъ сбивчиво, что все труднѣе и труднѣе становилось слѣдить за смысломъ его рѣчи.

Должно быть, не легко было и ему ловить мрачные призраки, вызванные въ воображеніи хмѣлемъ. Призраки эти проходили передъ его глазами не вдругъ, а одинъ за другимъ, въ безконечно длинномъ, томительномъ шествіи; съ минуты на минуту внутренняя душевная мука, отражавшаяся на его лицѣ, усиливалась, голосъ понижался и дѣлался прерывистѣе, точно невидимая сила какая-то выдавливала слова изъ его охрипшаго горла.

— Вотъ... вечеромъ было... изъ гимназіи его выгнали, Николашку-то; Петръ Авимычъ не внесъ деньги... ну... и выгнали... Петръ Авимычъ говорить... — «Не хочу за щенка платить, будетъ...» — *Она*, мать-то, выть принялась... а онъ ничего... только губы побѣлѣли... Я говорю Петру Авимычу:—Видѣли, какъ у него губы?— «Ладно,—говорить,—онъ у меня... онъ у меня овецъ... овецъ будетъ... пасти».— А *она* все воетъ.— «Вонъ!»—закричалъ... ногами затопалъ. Ушла выть въ чуланъ... да го-о-олосомъ!.. На дворѣ было слышно. Какъ стемнѣло... послалъ меня подсмотреть—волченоекъ съ ней што-ли?.. Мы его, промежъ себя, за- всегда волченкомъ звали. Я пошелъ. А Ниволашка-то мнѣ на встрѣчу—куда ходилъ?—спрашиваю. Какъ сверкнетъ глазами—тебѣ что?—Чего фарсишь,—говорю,—пастухъ!—Ни слова онъ мнѣ на это, отвернулся только, да подъ полу что-то прачетъ, но только не успѣлъ,—я подмѣтилъ. Потомъ, на судѣ показывалъ, что пистолетомъ тѣмъ самъ себя хотѣлъ застрѣлить, да мать, вишь, жалко стало, такъ онъ Петра Авимыча,—отомщу прежде за нее.—Такъ и сказалъ. А пистолеть-то у учителя стащилъ. Досталось и учителю тому,—всѣмъ досталось. Какъ увидалъ я у него пистолеть-то, сейчасъ побѣгъ къ хозяину,—пистолеть,—говорю,—у него.— «Хорошо,—говорить,—мы его съ пистолетомъ-то и спалаемъ; дай срокъ, ступай, подслушай, что они тамъ еще замышляютъ. Можетъ и *она* съ нимъ заодно». Слушалъ я слушалъ, ничего не могъ понять, плачутъ обнявшись, шепчутъ другъ дружкѣ какія-то слова, а какія это слова, за слезами, да рыданіями, ничего не разберешь. Оказалось потомъ, онъ и *ей* ничего не сказалъ про пистолеть-то. Какъ слышала ночью шумъ, такъ сейчасъ прибѣжала, одна изъ первыхъ, думала—горимъ. А мы *ею* подзараулили. Петръ Авимычъ притворился, что спитъ, я за кроватью спрятался и ждемъ. Луна въ окошко свѣтила, и все до крошечки видно, и вдругъ дверь скрипнула, и онъ вошелъ, Ниволашка-то, босикомъ, въ одной рубашкѣ, и блѣдный, блѣдный, губы синія, какъ у мертвеца, глаза дикіе,

остановился на порогѣ, прислушивается; мы притаились, сталь подходить, дошелъ совсѣмъ близко и поднялъ руку. А мы его за руку-то цапъ-царапъ! пистолеть-то и выпалъ. Вотъ, значить и улика на лицо. Петръ Авимычъ какъ гаркнетъ: — «Сюда!» — А за дверьми-то ужъ народъ дожидался, понатые, полиція, все какъ слѣдуетъ. Какъ стали вязать, бросилась она къ нему, — сыночекъ, родной! — а онъ ей: — это я за васъ, маменька, извергу вашему, — насилиу растащили, увели однакожь, его-то, Миколашку. А мать, какъ грохнется объ полъ, пластомъ, пластомъ. Съ тѣхъ поръ въ себя и не приходила...

На этомъ мѣстѣ рассказъ Семена Захарыча былъ прерванъ появленіемъ хозяйки. За нею шелъ рослый, красивый малый въ щегольской кучерской одеждѣ: малиновая шелковая рубашка, новенькая плисовая поддѣвка, въ рукахъ шляпа съ павлиными перьями.

— Семень Захарычъ, тарантась у крыльца, — возвѣстила Марья Ивановна.

— Тарантась, ладно, — прошепталъ гость, не поднимая опущенной на грудь головы.

— Готовъ, — протянулъ съ иронической усмѣшкой кучеръ, знаменательно подмигивая мнѣ на хозяина.

Семень Захарычъ грузно поднимался съ мѣста. — Домой везите, домой, — пролепеталъ онъ, пошатываясь и хватаясь дрожащими пальцами за край стола, чтобъ не упасть.

Онъ обвелъ блуждающими глазами комнату и, остановивъ на мнѣ помутившейся взглядъ, опять сталъ припоминать.

— Вотъ, съума сошла, она-то, мать-то, а его, Миколашку, на каторгу, обоихъ на цѣпъ, на цѣпъ... его на каторгу, а мнѣ, мнѣ Петръ Авимычъ все, все, до крошечки...

— Ну-у-у! Про Миколашку замололъ! На недѣлю значить, либо на двѣ пойдетъ, безъ просыпу, — процѣдилъ севозъ зубы кучеръ, подхватывая хозяина подъ мышку и увлакивая его къ выходу, очень скоро и ловко, — сейчасъ было видно, что это для него дѣло привычное.

Хозяйка послѣдовала за ними. Въ дверяхъ процессія на мгновѣніе остановилась.

— Вѣдь онъ у насъ запоемъ, — счелъ нужнымъ объяснить мнѣ кучеръ, молодцовато тряхнувъ вудрами, спадывавшими на его беззаботно смѣющіеся глаза.

Н. СЕВЕРИНЪ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

ЛѢТЬ

РУССКАГО ИСКУССТВА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

У насъ все еще до сихъ поръ нѣтъ національнаго музея, — а давно пора бы ему быть. И это, не только потому, что національные музеи существуютъ (впрочемъ; не очень давно) въ столицахъ всѣхъ главныхъ европейскихъ націй, а уже давно вся цѣль стараній нашихъ—ни на шагъ не отставать отъ другихъ, по гораздо болѣе важной причинѣ:—по той, что у насъ и въ самомъ дѣлѣ своя собственная художественная школа народилась, и на ноги поднялась, и выросла, и возмужала, и сильно похорошѣла; какъ же такой дорогой гость не отвести почетной квартиры. Было время, когда съ насъ совершенно достаточно было музеевъ, съ великой роскошью устроенныхъ для созданій иностраннаго искусства, стариннаго, превознесеннаго и препрославленнаго. Это было дѣломъ моды, но и справедливости. Повсюду не было своихъ талантовъ, надо было по крайней мѣрѣ на чужіе любоваться. Но почтеніе почтеніемъ, а не надо и себя забывать, когда чувствуешь, что и самъ изъ пеленокъ вышелъ, что и самъ чего-нибудь стоишь. Это почувствовали въ другихъ странахъ Европы раньше насъ. Уваженіе къ прежнему искусству, къ прежнимъ великимъ талантамъ и гениямъ, ничуть тамъ не ослабѣло, но нашлось вдругъ мѣсто и для пониманія своихъ собственныхъ талантовъ, своего собственнаго значенія въ искус-

ствѣ, и вотъ строятся музеи новаго искусства напр., громадный «National-Museum» въ Берлинѣ,—а гдѣ не успѣли ихъ сдѣлать, какъ спеціальныя и отдѣльныя, тамъ устроятся громадныя отдѣлы новаго, своего собственнаго, національнаго искусства, при всѣхъ великихъ общеевропейскихъ и общенсторическихъ музеяхъ. Въ парижскомъ Луврѣ, въ вѣнскомъ Бельведерѣ, въ лондонской большой картинной галлерей и Кенсингтонскомъ музеѣ, въ мадридскомъ музеѣ Прадо, неаполитанскомъ «Museo Nazionale», и въ разныхъ другихъ еще, есть вездѣ цѣлыя особыя отдѣленія, очень крупныя, назначенныя для созданій отечественнаго, своего собственнаго искусства. У насъ покуда этого нѣтъ. Нѣсколько случайныхъ картинъ въ Эрмитажѣ еще ничего не говорятъ, да и тѣ относятся къ стариннымъ, давно пережитымъ эпохамъ и направленіямъ. Ничего новаго тамъ нѣтъ. А именно это-то новое и представляетъ собою нѣчто очень важное и въ высшей степени значительное. Можно сказать даже, что это новое такъ важно и значительно, и такой оно получило теперь сильный ростъ, что не хватаетъ для него мѣста въ Эрмитажѣ, и надо для него создать новое помѣщеніе, можетъ быть, всего скорѣе, въ новомъ родѣ и въ новомъ характерѣ, безъ всякой прежней торжественности и парадности, безъ золота, яшмы и драгоценныхъ порфировъ, но за то и безъ тѣхъ гигантскихъ размѣровъ, венузныхъ колоннъ и сводовъ, которые только давятъ и портятъ художественное впечатлѣніе.

Да, народному художественному музею давно настала пора. Примѣръ подали нѣсколько частныхъ лицъ, которыя, не дожидаясь никого и ничего, взяли да завели у себя въ дому, по-немножку да по-маленьку, трудомъ и стараніями многихъ лѣтъ, первыя собранія русскаго искусства. Но какъ ни прекрасна и какъ ни превосходна инициатива этихъ Прянишниковыхъ, Третьяковскихъ, Солдатенковыхъ,—не слѣдуетъ, чтобъ все дѣло осталось на однихъ только плечахъ этихъ благородныхъ, великодушныхъ добровольцевъ; не надо, чтобъ судьба русскихъ созданій, выростающихъ все болѣе и болѣе густою толпою, была только въ зависимости отъ добраго желанія вкусовъ, характера, понятій, кармана, а иногда, можетъ быть даже, минутнаго расположенія и капризовъ того или другого отдѣльнаго любителя, какъ бы онъ, впрочемъ, ни былъ силенъ страстью къ искусству и одушевленъ истиннымъ художественнымъ пониманіемъ. Надо, чтобы само государство создало сначала одинъ, а потомъ нѣсколько центровъ, куда бы собирались произведенія національнаго искусства, куда бы они шли постоянною живою струей и могучимъ потокомъ, и

гдѣ бы ихъ могъ всегда находить весь народъ, какъ свое драгоценнѣйшее достояніе.

Въ такомъ музеѣ почетное мѣсто займутъ, конечно, многія прекрасныя созданія прежнихъ русскихъ даровитыхъ художниковъ, — ихъ всегда было не мало, — но самую видную и блестящую роль будетъ играть то русское искусство, которое началось со второй половины нынѣшняго столѣтія. Сколько бы это обидно и непозволительно ни казалось, надо признаться, что настоящее русское искусство послѣ-петровской Россіи въ самомъ дѣлѣ началось только около 50-хъ годовъ. Все прежнее можно считать только болѣе или менѣе интереснымъ приготовленіемъ и болѣе или менѣе приличнымъ вступленіемъ. Настоящее наше искусство, въ самомъ дѣлѣ стоящее этого имени, самостоятельное, никому не подражающее, никого и ничего не повѣряющее, преслѣдующее свои собственныя національныя цѣли — такое искусство началось у насъ только недавно. Тѣ, прежнія созданія наши — сѣни, эти — настоящая палата и храмина будущаго національнаго русскаго музея.

I.

Откуда взялась наша новая художественная школа? Самостоятельнаго ли она происхожденія, или заимствованнаго? Оригиналъ она, или копія? Вотъ, что всего интереснѣе опредѣлить намъ для себя въ самомъ началѣ.

Если смотрѣть на внѣшніе признаки и не знать сущности дѣла, сначала, пожалуй, покажется, что новое искусство у насъ — пришлое отъ другихъ и подражательное. Въ самомъ дѣлѣ, новое художественное движеніе началось у насъ въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ — въ остальной Европѣ тоже. Это движеніе имѣло у насъ характеръ самый рѣшительный, реалистическій — въ остальной Европѣ тоже. Новое русское художество имѣло самыя близкія черты родства и сходства съ новой реалистической литературой, на нѣсколько лѣтъ предшествовавшей ему у насъ, и уже пустившей глубокіе корни въ націю, — въ остальной Европѣ тоже. Полный разцвѣтъ новаго искусства произошелъ у насъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, и движеніе его шло у насъ все сильнѣе и сильнѣе, захватывая вокругъ себя область все шире и глубже и не слушаясь никакихъ отсталыхъ воплей, — въ западной Европѣ тоже. Но на сторонѣ западной Европы — большее число націй, значить, примѣровъ и событій; на ея же сторонѣ старѣйшинство

во всякомъ интеллектуальномъ, значить, и художественномъ дѣлѣ — какъ не подумать, вслѣдствіе всего этого: о, да новое русское искусство не что иное, какъ послѣдствіе новаго искусства западнаго, не что иное, какъ отблескъ того, что родилось и выросло могучимъ ростомъ на Западѣ. Мы и тутъ, какъ вездѣ, только кописты и продолжатели.

Но это была бы суцая неправда. Новое наше искусство и не копія, и не продолженіе чего-то чужого. Оно родилось при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ новое искусство Запада и вслѣдствіе своихъ собственныхъ резонансовъ, и на свой собственный манеръ.

Дѣйствительно, несомнѣнно то, что въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія во всей Европѣ раздаются новые голоса въ искусствѣ и начинаются новыя стремленія. Во Франціи возникаетъ, неожиданно-негаданно, школа «реализма» съ могучимъ Курбэ во главѣ, проповѣдующимъ заразы и вѣстью, и перомъ. Въ Германіи рождается «дюссельдорфская школа», съ Кнаузомъ и Вотьэ во главѣ, водворяющими на своемъ полотнѣ культъ національности и незамѣчаемой, пропускаемой мимо глазъ неизменной будничной жизни. Въ Англіи возникаетъ сначала секта «до-рафаэлистовъ», странныхъ художественныхъ старовѣровъ, а потомъ школа молодыхъ художниковъ, бросившихся, словно въ отпоръ тѣмъ, — изображать новую англійскую жизнь и людей. Въ Италиі, Бельгіи, Голландіи — тоже повсюду начинается новое художественное движеніе, покончившее и со стариннымъ причесаннымъ классицизмомъ, и съ болѣе новымъ, но не менѣе ложнымъ растрепаннымъ романтизмомъ, и стремящееся къ цѣлямъ совершенно инымъ. Вездѣ свѣжимъ духомъ повѣяло, всюду искусство поднимало руки и глаза къ новымъ задачамъ и дѣламъ — такъ было и съ нашимъ отечествомъ. Но вѣдь никто же не находилъ тогда, что новое нѣмецкое художественное движеніе зависѣло отъ французскаго, или англійское — отъ итальянскаго, или французское — отъ котораго-нибудь изъ всѣхъ ихъ. У каждаго были свои резоны и условияющія обстоятельства для появленій, независимые отъ всѣхъ другихъ. Намъ, кажется, не хуже всѣхъ остальныхъ позволительно было имѣть свои собственные причины и условія для народненія новой самостоятельной школы и искусства.

Первымъ проблескомъ новаго нашего направленія въ искусствѣ былъ — Федотовъ. Но это былъ человекъ, не имѣвшій ничего общаго съ современной Европой, ничего о ней не знавшій, и ни въ самагобѣйшей степени даже не подозрѣвавшій, что въ

ней тогда дѣлалось, думалось и совершалось. Онъ ничего не зналъ ни о ея книгахъ, ни картинахъ. Всѣ его художественныя познанія ограничивались тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Эрмитажѣ, въ Академіи, или у «великаго» Брюллова въ мастерской. Но во всемъ, что тутъ было на лицо, не заключалось ни единой черточки новой Европы, все было старое и стариннѣйшее: либо давнопрошедшій классицизмъ высокихъ и малыхъ мастеровъ прежнихъ столѣтій, либо надутый и растопыренный романтизмъ новѣйшихъ эпохъ. Да притомъ же, то, что начиналось въ то время новаго на Западѣ, было плохо извѣстно и самой Европѣ; куда было знать что-нибудь о немъ бѣдному гвардейскому офицеру въ отставкѣ, до 30-ти лѣтъ прожившему между кадетскимъ корпусомъ и казармою, нигдѣ не бывавшему и ничего не слыжавшему? Я самъ зналъ Федотова въ 40-хъ годахъ, я его живо помню. Мнѣ случилось быть съ нимъ знакомымъ въ лучшую, сильнѣйшую пору его жизни, въ тѣ годы, когда онъ писалъ «Сватовство маіора». Эта картина, могу сказать, писалась на моихъ глазахъ. Я не разъ слыхалъ тогда, изъ его собственныхъ устъ, многія изъ тѣхъ его виршей, которыя онъ любилъ читать, и гдѣ онъ объяснялъ свою картину,—и присутствовалъ при его поискахъ типовъ и подробностей. Мнѣ памятны его рассказы, его юморъ, его веселость, его остроуміе и наблюдательность — все, дѣлавшее его столь привлекательнымъ для всѣхъ знавшихъ тогда его. Онъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса первымъ; онъ и прежде, и потомъ не прочь былъ отъ чтенія — но все-таки образованія у него не было никакого, все онъ бралъ талантиностью и живостью природы. Если бы ему тогда рассказать, чего хотѣли Курбѣ и Прудонъ, къ чему они начинали тогда стремиться и что проповѣдовали, онъ, мнѣ кажется, и не понялъ бы этого и чуждался бы всего этого. Онъ вполне вѣровалъ еще въ «высокое искусство», олицетвореніемъ котораго казался ему, какъ и всѣмъ тогда въ Россіи — Брюлловъ. Онъ навѣрное и самъ не воображалъ, что настоящее, высокое искусство и есть то самое, которое зачиналось въ ту минуту на его маленькихъ холстивахъ, и которое онъ, конечно, считалъ искусствомъ второстепеннымъ, подчиненнымъ. Какъ бы онъ удивился, я думаю, еслибъ ему тогда сказать, что именно съ него только и начнется настоящее русское искусство. «А Карлъ Павлычъ куда?» — навѣрное спросилъ бы онъ, видя тогдашнее всеобщее поклоненіе Россіи Брюллову и помня, какъ этотъ тогдашній «волосъ» русскаго искусства протянулъ ему, маленькому незнаемому офицеру, свою могучую руку и всю тяжесть своего громаднаго авторитета

передъ академіей и русской публикой помочь ему сдѣлаться вдругъ, за однимъ разомъ, современною знаменитостью. «А Егоровы, а Шебуевы, а Бруни, а Басины, и всѣ остальные, куда же всѣ они?» — навѣрное спрашивалъ бы онъ, и это не по чувству благодушной скромности и праведнаго смиренія, а потому, что въ самомъ дѣлѣ такъ вѣровалъ и исповѣдовалъ. Конечно, онъ чувствовалъ правду своего таланта и истину трактуемаго имъ новаго матеріала, но онъ не чувствовалъ силы и значенія начатаго имъ дѣла, и уже, конечно, былъ за тысячу верстъ отъ мысли, что онъ — родоначальникъ новаго русскаго искусства. Съ новыми французскими художниками, столько сознательными въ своемъ творествѣ, столько понимавшими, куда они идутъ, и что многое изъ стараго должно пойти ко дну — съ этими художниками онъ не имѣлъ ничего общаго. Да притомъ же, повторяю, онъ ихъ и не зналъ вовсе. Онъ починалъ все самъ собою, раньше ихъ, ни откуда не заимствуя.

Еще очень любопытно то — что Федотовъ вовсе не понималъ Гоголя и очень мало симпатизировалъ ему. Что бы казалось естественнѣе, Федотову любить Гоголя со страстью, своею талантливою натурою отъ всей души разумѣть его гениальность, даже еще больше, чѣмъ вся тогдашняя Россія, сходявшая отъ Гоголя съ ума. Притомъ же, повидимому, столько было общаго въ складѣ и направленіи Гоголя и Федотова. Не зная фактовъ, можно было бы даже легко вообразить себѣ, что Федотовъ прямо внушенъ былъ Гоголемъ, и, охваченный его могучимъ духомъ, устремился нарисовать красками то, что Гоголь живо писалъ огненнымъ словомъ. Такъ вѣтъ же, Федотовъ не любилъ и не понималъ Гоголя — и отчего? Оттого, что находилъ у него слишкомъ много каррикатуры во всемъ. Какая странность природы Федотова, какое свидѣтельство неполноты и бѣдности этой природы: находить «каррикатурность» у Гоголя, изъ-за нея отвертываться отъ созданій этого гениальнаго человѣка, и въ то же время наполнять добрую половину своихъ созданій именно только лишь «карриатурами»! Но этотъ фактъ служитъ все-таки доказательствомъ того, что Федотовъ былъ въ столь же малой зависимости отъ Гоголя, какъ и отъ новыхъ французскихъ реалистовъ. Онъ былъ художникъ совершенно — «самъ-по-себѣ».

Что онъ любилъ въ искусствѣ, къ чему стремился, чего хотѣлъ? Онъ любилъ всего болѣе старыхъ голландцевъ, которыхъ безчисленныя маленькія картинки онъ видѣлъ и по цѣлымъ днямъ разсматривалъ въ Эрмитажѣ. Потомъ любилъ онъ еще до страсти Гогарта, котораго зналъ по гравюрамъ, рассматри-

ваемымъ имъ точно запоемъ. Въ первыхъ его привлекала съ необычайною силою—правда жизни, сюжетъ, взятый изъ самой простой ежедневности, у другихъ высокомерно презираемые, глубокая естественность, отсутствіе всего фальшиваго и высокопарнаго; во второмъ—ѣдвая сатиричность, юмористическое накопленіе въ одну раму десятковъ и сотенъ маленькихъ подробностей, приводящихъ къ одному общему смѣхотворному аккорду, и, наконецъ, моральная, нравоучительная тенденція. Рожденный съ сильнымъ даромъ наблюдательности, Федотовъ сначала устремилъ эту наблюдательность на портреты-карикатуры окружавшихъ его въ корпусѣ и полку, вообще въ военной службѣ, личностей; потомъ принялся рисовать картинки съ полковыми «жанрами», гдѣ на сценѣ были все только солдаты, офицеры и генералы, въ казармѣ, лагерѣ и во дворцѣ, но большею частью все это въ безразличномъ и восхвалительномъ тонѣ; наконецъ, недовольный узкостью такихъ рамокъ, онъ рѣшительно бросилъ военную службу и перешелъ въ живописцы бытовыхъ сценъ, среди народа и того класса общества, которымъ самъ былъ постоянно окруженъ. Настроеніе Гогарта и старыхъ голландцевъ сильно высказывалось вездѣ тутъ; къ нимъ прибавилось скоро потомъ то фельетонное иллюстрированіе ежедневной жизни, которое онъ нашелъ и полюбилъ въ картинкахъ Гаварни, моднаго любимца, въ 40-хъ годахъ, русской публики столько же, сколько и парижской. Ловкость, блескъ, остроуміе, извѣстная доля мѣтко схваченной типичности, легкость и веселость, нѣкоторая поверхностность, скользкая по верхушкамъ и неидущая въ глубину—все это прельщало Федотова и соответствовало извѣстнымъ сторонамъ его природы, въ то же время, какъ другія стороны этой природы оставались глубоко связанными съ голландцами и Гогартомъ. Всѣ эти разнообразныя элементы, вмѣстѣ слившись, образовали очень оригинальное цѣлое. Но Федотовъ навсегда остался бы художникомъ второстепеннымъ, фельетоннымъ довольно приятнымъ иллюстраторомъ и не худымъ живописцемъ-моралистомъ, еслибъ не написалъ двухъ своихъ картинъ: «Свѣжій кавалеръ» и «Сватовство маіора».

Съ этими двумя картинами все дѣло перемѣняется. Преніе легкіе эскизы, наброски, прилежныя, но мало творческія копии съ природы, все сверкавшее и вращившееся мотылькомъ—отодвинулось на далекій планъ, и выступило глубокое, талантливое творчество. Федотовъ вдругъ затронулъ такія глубокія ноты, какихъ до него еще никто не бралъ въ русскомъ искусствѣ. Въ одной картинѣ «Свѣжій кавалеръ», или «Утро чинов-

ника, получившаго первый орденъ» (появившейся на выставкѣ 1848 года) у него является — нашъ ужасающій чиновникъ; въ другой — «Сватовство маіора» — нашъ ужасающій солдафонъ-офицеръ 40-хъ годовъ: разомъ дѣлалъ двѣ громадныя болячки старинной нашей Россіи, выраженные въ потрясающихъ, глубокихъ, бесконечно правдивыхъ чертахъ. Взгляните этому чиновнику въ лицо — передъ вами понаторѣлая, одеревенѣлая натура, продажный взяточникъ, бездушный рабъ своего начальника, ни о чемъ уже болѣе не мыслящій, кромѣ того, что дать ему денегъ и вкестить въ петлицу. Онъ свирѣпъ и безжалостенъ, онъ утопитъ кого и что хотите, и ни одна складочка на его лицѣ изъ ринодеросовой шкуры не дрогнетъ. Злость, чванство, бездушіе, боготвореніе ордена, какъ наивысшаго и безапелляціоннаго аргумента, въ конецъ опошлявшаяся жизнь — все это присутствуетъ на этомъ лицѣ, въ этой позѣ и фигурѣ заворонѣлаго чиновника въ халатѣ и босиномъ, въ папильоткахъ и съ орденомъ на груди. Глубоко почувствовала все это русская публика, валившая густой толпой на выставку, гдѣ въ первый разъ появилась эта картина, но глубоко почувствовала все значеніе ея и тогдашняя цензура: когда вышла въ свѣтъ литографія съ картины, на ней орденъ былъ выпущенъ совсѣмъ вонъ; «свѣжій кавалеръ» указывалъ просто себѣ на грудь; впрочемъ уже раньше того и въ указателѣ академической выставки было благоразумно напечатано заглавіе картины въ такихъ словахъ: «Слѣдствіе пирушки и упреки». Значить, всякій долженъ былъ понимать, что тутъ все дѣло состоитъ только въ человѣкѣ подъ хмелькомъ, сдѣлвшемся со своей кухаркой. О прочемъ не стоило-дескать и думать. — Да и слава Богу, что такъ было: не будь такого громоствода и ширмы на лицо, картину Федотова вовсе запретили бы тогда, и она, можетъ быть, исчезла бы бесслѣдно. Другая картина Федотова «Сватовство маіора, или поправка обстоятельствъ», появившаяся на выставкѣ 1849 года, была точно такого же глубокаго настроенія. Это снова была трагедія, грозно выглядывающая изъ-за веселой и потѣшной наружной ширмы. Только забавнымъ на первый взглядъ могъ казаться этотъ маіоръ, крутящій себѣ усы въ передней передъ зеркаломъ, передъ тѣмъ что вступить въ комнату, гдѣ ждетъ его купеческое семейство съ невѣстой; только забавными могли казаться каждый въ этомъ семействѣ, и практическая мать, и перерѣзлая жеманная невѣста-дочь; могъ казаться только забавнымъ и отецъ-лавочникъ, — въ сюртукѣ, еще въ первый разъ въ жизни надѣтомъ по приказу жены; только забавными могли

казаться и всѣ другіе въ картинѣ: только забавнымъ могъ казаться и весь домъ этотъ, гдѣ «одно пахнетъ древесиной, а—другое харчевней»; но перестанешь забавляться и забудешь о смѣхѣ, когда подумаешь о томъ, что заключаетъ въ себѣ вся эта сцена: —тутъ два враждебныхъ лагеря, ведущихъ войну одинъ противъ другого, тутъ враги, ищущіе какъ бы получше надуть другъ друга, бездушные, огрубѣлые, пошлые и свирѣпо-эгоистичные, готовые на все безъ разбора. Тутъ не до смѣха. Тутъ Ѳедотовъ въ первый разъ затронулъ талантаивою кистью глубоко и сильно то самое трагическое «темное царство», которое, нѣсколько лѣтъ спустя, со всею силою таланта вывелъ на сцену Островскій.

Послѣ этихъ двухъ картинъ, Ѳедотовъ уже ничего не произвелъ, даже издали въ немъ приближающагося. Правда, онъ пробовалъ еще одну новую, великолѣпную задачу—«Возвращеніе институтки въ родительскій домъ»: противоположеніе мертвого, застылаго провинціального захолустья со свѣжею жизнью, привезенною изъ блестящаго европейскаго центра русской столицы, холодная вода, которою вдругъ плеснуло на молоденькую, горячую, только-что распустившуюся жизнь—все это обѣщало картину подстать «Свѣжему кавалеру» и «Сватовству майора»; но Ѳедотовъ вдругъ не выдержалъ, своротилъ съ дороги, ударился въ разслабленную сентиментальность («Вдовушка», имъ самимъ много разъ повторенная), приваялся за картину: «Пріѣздъ Государа Императора въ патриотическій институтъ»,—звать за тотъ самый полу-официальный родъ живописи, которымъ занимался еще во время своего офицерства; потомъ рисовалъ множество «сатирическихъ» и правоучительныхъ картинокъ, однѣ въ поверхностномъ фельетонномъ, хотя и не лишенномъ остроумія, ѣдкости и мѣткости родѣ Гаварни, другія въ наставительномъ родѣ Гогарта (напр. «Мышеловка»); наконецъ, затѣвалъ было изданіе сатирическаго журнала, который былъ бы, конечно, гибелью настоящаго художественнаго направленія въ немъ, но ничего этого не докончилъ, скучалъ, живѣлъ, тосковалъ, недовольный и несправляющійся самъ съ собою, сошелъ съ ума (наполовину отъ бѣдности) и умеръ, произведя на свѣтъ едва лишь маленькую крупинку изъ того богатства, какимъ одарена была его натура. Но эта крупинка была изъ чистаго золота и принесла въ послѣдствіи великіе плоды.

И художники, и публика, пришли въ неимовѣрный восторгъ при появленіи картинъ Ѳедотова; академія сдѣлала его тотчасъ же академикомъ; «въ кругу художниковъ на него стали смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на честь и гордость русской школы; га-

зеты и журналы затрубили ему восторженные хвалы, повсюду, от аристократической гостиной до коморки апраксианскаго торговца, только было и рѣчи, что о замѣчательныхъ работахъ новаго русскаго жанриста», — говоритъ А. Сомовъ въ биографіи Федотова. — Да, именно «жанриста», въ томъ-то вся и бѣда была, что въ Федотовѣ увидали только «жанриста», а не просто крупнаго, своеобразнаго, талантливаго живописца. «Жанръ» считался тогда очень второстепеннымъ родомъ художества, и именно по поводу Федотова въ тогдашнихъ журналахъ печатались важныя соображенія о томъ, почему-моль «жанръ» захватываетъ нынѣ такое значительное мѣсто во вкусахъ публики, и чѣмъ бы помочь настоящему, высокому и великому искусству снова занять должное мѣсто? Правда, публикѣ, воспитанной на Пушкинѣ, Гоголѣ и Бѣлинскомъ, должно было становиться немножко тошно отъ безмыслія, условности и неправды тогдашняго русскаго искусства, и потребность въ чемъ-то другомъ, болѣе высшемъ и правдивомъ, ярко высказалась въ томъ восторгѣ, съ какимъ она привѣтствовала нежданное-негаданное появленіе Федотова. Но жалобы этой публики были, по тогдашнему, тихи и скромны, восторги — минутны, и ни тѣ, ни другіе еще не способны были переверотить вверхъ дномъ существовавшій тогда въ искусствѣ порядокъ и начать новую жизнь. У этой самой публики былъ передъ глазами «волосальный» Брюлловъ, признанный величайшимъ гениемъ уже болѣе десятка лѣтъ тому назадъ, въ него вѣровали и ему поклонялись, стоило ли думать о малой удовлетворительности остальныхъ его товарищей? У всѣхъ твердо было заложено въ головѣ представленіе о томъ, что Брюлловъ столкнулъ съ пьедестала и поборолъ «академическое» направление старыхъ русскихъ живописцевъ, его онъ замѣнилъ, это нигуда негодное, устарѣлое направление — новымъ, настоящимъ, правдивымъ, талантливымъ; и такое убѣжденіе было непоколебимо, начиная съ такихъ высокихъ и правдивыхъ художниковъ, какъ Пушкинъ и Гоголь, и кончая послѣднимъ тупицею среди публики. Никому въ голову не приходило, что Брюлловъ былъ и самъ точь-въ-точь такой же академистъ, какъ презираемые Егоровы и Шебуевы, только повылощеннѣе, на новый манеръ, поблестящѣе, поновѣе и поталантливѣе. Никто не жаловался на его фальшь, ничтожество и пустоту содержанія, холодное бездушіе, коверканннй вкусъ роково, отсутствіе природы, вѣчный фейерверкъ и шумиху, замѣняющіе истинное выраженіе, чувство, жизненную правду, — все это осталось непонято, и Брюлловъ такъ и сошелъ въ могилу великимъ русскимъ Рафаэлемъ. Тамъ, гдѣ для

всѣхъ годились его историческія картины, гдѣ поэтъ Жуковскій печатно называлъ «богоносными видѣніями» такія вещи, какъ напр. его «Взятіе Богоматери на небо» и другія подобныя же картины стараго итальянскаго академическаго пошпа; тамъ, гдѣ безпрекословно восторгались ничтожествомъ, пустотой и безвкусіемъ его «прелестныхъ жанровъ», — тамъ нечего было ожидать настоящаго пониманія искусства. У всѣхъ были отведены глаза, всѣ были крѣпко убѣждены, что у насъ великій періодъ искусства совершается, что здѣсь, подъ кистью Брюллова, точь-въ-точь такія же великія дѣла творятся, какъ подъ перомъ Пушкина и Гоголя. Какое заблужденіе! Еще никогда такого разлада у насъ не бывало между литературой и искусствомъ, какъ во времена императора Николая. Сколько та была полна жизни и правды, національности и самостоятельности, настолько тогдашнее искусство все состояло изъ мергвечины и жи, изъ условнаго космополитизма и пережевываемыхъ на всѣ лады европейскихъ задовъ.

И живопись, и скульптура наша были въ 40-хъ годахъ самыми отсталыми искусствами; только нието у насъ этого тогда не понималъ. Исключеніе составлялъ одинъ единственный Федотовъ; но онъ въ то время только промелькнулъ какъ блестящая ракета какая-то: просіялъ минуту, возбудивъ восторги, и исчезнулъ въ непроглядной мглѣ, не оставивъ глубокаго слѣда ни на тогдашней массѣ публики, ни на тогдашнихъ художникахъ. Слѣдующему лишь поколѣнію суждено было оцѣнить его глубже и продолжать начатое имъ дѣло.

Всего явственнѣе вышло наружу печальное и пустое положеніе русскаго искусства, когда наступила крымская война; это было, конечно, для искусства самая пора служить свою настоящую великую службу. Какая еще эпоха могла быть важнѣе, гдѣ можно было бы отыскать болѣе потрясающіе, болѣе дорогіе для цѣлаго русскаго общества задачи и сюжеты, гдѣ присутствовало бы большее богатство народныхъ типовъ, мыслей, чувствъ, большее разнообразіе жизни и сценъ? Но искусство Николаевского времени осталось ко всему этому слѣпо и глухо; оно было застигнуто врасплохъ среди своей вялости и аристократической безцвѣтности; ему было чуждо все, гдѣ есть жизнь и правда. Оно умѣло только писать ангеловъ и святыхъ въ итальянскомъ академическомъ стилѣ, лже-историческія картины въ родѣ «Осады Пскова», цѣлое небо святыхъ, гдѣ каждая личность представляетъ собою одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, а тутъ вдругъ требовалось изображать настоящихъ живыхъ людей, тѣхъ, что

цѣлый день ходить, движутся и живутъ, тѣхъ, что можно всегда и всюду встрѣтить, — требовалось изображать вмѣсто одуряченной и окамененной исторіи, вмѣсто обычныхъ своихъ небывальщинъ и всяческихъ праздныхъ выдумокъ, то, что въ самомъ дѣлѣ есть, — но только въ одну изъ самыхъ великихъ, трагическихъ и грозныхъ минутъ жизни. Куда дѣвалось наше несчастное, паразитное искусство тогдашнее? Оно ступевалось до тла, оно запряталось въ какую-то мышиную норку, и ничего не слышать было о немъ. Пусть бы любому изъ нашихъ профессоровъ задали тогда написать «Битву Гораціевъ и Куриціевъ», или «Самсона, побивающаго филистимлянъ», или «Сраженіе Александра Македонскаго», или, пожалуй, хоть «Александра Невскаго», — никогда ни одинъ не отказался бы. Но писать настоящихъ живыхъ людей, нынѣшнихъ русскихъ — никогда! Они бы сказали: «Адресуйте къ баталистамъ. Это не по нашей части. Это до насъ не касается!» Только одинъ «Художественный Листокъ» считалъ крымскую войну «своимъ дѣломъ» и продолжалъ рисовать, по придворной своей привычкѣ, бравыхъ и вымуштрованныхъ солдатиковъ, сытыхъ, довольныхъ и веселыхъ, одѣтыхъ какъ на разводѣ съ иголочки и счастливыхъ безмѣрно. Куда попрятались наши «баталисты», цѣлая широко разросшаяся школа, съ такимъ упоеніемъ рисовавшая, карандашомъ и красками, безчисленныя сцены: «Кавалергарды у фонтана», «Казачи у колодца», «Конные гренадеры въ деревнѣ», «Солдаты въ походѣ», «Солдаты фуражеры», «Гвардейцы въ лагерѣ», «Гусары на водопоѣ», блистательная «Аттика» тамъ-то, великолѣпная «Побѣда» тамъ-то. Нѣтъ, имъ не по зубамъ пришелся тогдашній орѣхъ, проступившая вдругъ наружу правда рвала глаза, настоящіе солдаты, вмѣсто прежнихъ куколокъ, геройскіе, страдающіе, великіе въ несчастіи, смѣлые, безлично наивные, юмористичные, сердечные, — не годились для ихъ холстовъ и кистей, это было что-то имъ чуждое и неизвѣстное. И несчастное искусство молчало, покаянная литература, давно приученная Пушкинымъ и Гоголемъ къ живописанію одной глубокой истинной правды, страстно хваталась за могучее перо и рукою одного изъ высочайшихъ русскихъ художниковъ чертила картины великой крымской войны, навѣки стоящія колоссальными скрижалями правды, исторической глубины и творческой талантливости. Но что удивляться бесилию цѣлой школы художниковъ, конечно, не особенно даровитыхъ въ массѣ, — когда и такой даже талантливый и своеобразный человекъ, такая свѣтлая натура, какъ Федотовъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ полжизни своей не въ состояніи былъ отдѣлаться отъ изображе-

нiя русскихъ военныхъ сценъ и людей иначе какъ съ казенной точки зрѣнiя. Что такое его разныя «Быуаки», его освященiе знаменъ во дворцѣ, его «Прибытiе» дворцоваго гренадера въ бывшую его роту финляндскаго полка, — какъ не рутинныя «уратога» времени, какъ не перенесенiе на «добрыхъ солдатиковъ» той самой фальши и условности, какая присутствуетъ въ «добромъ мужичкѣ» романовъ и драмъ — того же времени.

Но если уже непонятны были для русскихъ художниковъ, конца царствованiя императора Николая I, и люди, и событiя великой и глубоко-трагической крымской войны; если они неспособны были захватить ихъ фантазiю и поднять къ созиданiю ихъ творчество, то пусть бы они хоть свои-то всегдашнiя задачи, тѣ, для которыхъ ихъ учили и дрессировали такъ долго, справляли чудесно, великолепно. Но и этого не было. Нужды нѣтъ, что къ концу царствованiя Николая I всѣ наши великiе таланты, которыми такъ всѣ гордились, достигли зрѣлости своихъ лѣтъ и своего художественнаго развитiя; нужды нѣтъ, что имъ были заданы крупныя, многообъемлющiя задачи, — они все-таки ничѣмъ необыкновеннымъ не вышли и ничего необычайнаго не проявили. Десятки тысячъ были потрачены на ихъ настоящее, классическое образованiе, сотни тысячъ, можетъ быть миллионы, строго высканываемыя съ народа, были уплачены за ихъ холсты и фрески, и тѣмъ не менѣе, эти люди остались тѣмъ же, чѣмъ были до своихъ поѣздокъ въ Италию, — темными в ограниченныя художниками, ничего не видящими и не понимающими, кромѣ рукъ, ногъ, драпировокъ и крыльевъ. Всегда много было говорено о томъ, что широкiя задачи создаютъ великихъ художниковъ и великiя школы: императоръ Николай тоже въ это вѣровалъ — какъ Луи-Филиппъ и Наполеонъ III во Францiи, какъ Людвигъ I въ Баварiи, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ Пруссiи. Онъ не жалѣлъ денегъ и отвелъ громадныя полотнища стѣнъ и сводовъ въ Исаакiевскомъ соборѣ въ Петербургѣ подъ созданiя русской школы, которой назначено было прославить вѣкъ и царствованiе. Но какъ Луи-Филиппъ и Наполеонъ III, какъ Людвигъ I и Фридрихъ-Вильгельмъ IV, императоръ Николай жестоко ошибся въ ожиданiяхъ, и никакихъ неуваждаемыхъ памятниковъ вѣка и царствованiя не появилось на свѣтъ. Публика это очень хорошо видѣла, и никакiя разглагольствованiя Теофила Готье, нарочно нанятаго въ Парижѣ, за свое великое художественное перо, и прiѣхавшаго въ Петербургъ взглянуть и написать на славу, научить всю Россiю и всю Европу — не помогли, ни тогда, въ первую минуту, ни во всѣ 30 слѣдующихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ про-

ведшія. Всего любопытнѣе при этомъ вышло то, что наемный французъ, желая отличиться и до усовъ накормить своихъ заказчиковъ, сравнилъ въ своемъ изданіи, очень дорого стоившемъ русской кавѣ, нашихъ живописцевъ Исаакіевскаго собора съ художниками времени Наполеона I, съ Гро и другими, и думалъ тѣмъ оказать намъ великую честь и удовольствіе. Какъ жъ! Еще ли не великія, не завидныя величины — французскіе живописцы, глубоко почитаемые во Франціи, по старой памяти, даже и до сихъ поръ. Но овъ не зналъ, бѣдный, что эти выдохшія знаменитости — совсѣмъ не ходячая монета у насъ, а напротивъ, предметъ глубочайшаго посмѣвія. Понятно, много ли пользы принесъ этотъ поверхностный всезнайка дѣлу прославленія нашихъ художниковъ.

Впрочемъ, хотя Теофиль Готье ровно ничего не произвелъ у насъ и на него совершенно понапрасну ушло множество казенныхъ рублей, во все тамъ и помимо него у насъ во всей дѣлности продолжало сохраняться глубокое почтеніе къ тогдашнему направленію искусства, по преимуществу «высокому» и «великому», принимая эту «высокость» и «великость» въ самомъ вѣтшнемъ, въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Впрочемъ, чего было и требовать отъ нашихъ художниковъ, когда этимъ самымъ же-пониманіемъ была заражена тогда и вся остальная Европа. Могли же тамъ сотни тысячъ, можетъ быть миллионы людей приходить въ искренній, совершенно непритворный восторгъ отъ «высокихъ» созданій Корнелиуса и Каульбаха, гдѣ нѣтъ ни единой черточки правды, естественности и натуры, гдѣ все условно и выдуманно: и сцены, и группы, и же-паеость, и фигуры, и лица, и самое даже человѣческое тѣло; могли же они находить этихъ людей, даровитыхъ по натурѣ, но испорченныхъ до гла сухимъ доктринерствомъ, традиціею и «классицизмомъ» — великими гевіями, достойными подражанія и музеевъ, нарочно для нихъ устроенныхъ. Чего же можно было ожидать отъ нашихъ тогдашнихъ художниковъ, робкихъ, лишенныхъ инициативы, воспитанныхъ не для художественной мысли, а для одной только художественной школьной техники, безсловесныхъ рабовъ передъ Европою и особливо передъ Италіею. Куда имъ было повать, что существовавшіе тогда художественные порядки и привычки — нуль и глѣвъ; куда имъ было самимъ что-нибудь подумать и вѣдать по новому, по своему! Сожалѣть о нихъ можно, но выскливать съ нихъ мудрено. Они не виноваты, что имъ дали такое воспитаніе и приучили ихъ съ малолѣтства въ такому образу мыслей, которыя затушили у нихъ всякую свѣтлость и

самодѣятельность мысли. Что они были всё не очень-то даровитые люди, это была бы еще не такая большая бѣда; но что они были печальные художественные калѣвы — вотъ это было гораздо хуже и безотраднѣе.

Послѣднимъ отпрыскомъ «высокой» художественной школы николаевского времени былъ, около середины 50-хъ годовъ, живописецъ Моллеръ. Мнѣ участь его часто казалась еще жалче участи его предшественниковъ и учителей. Возьмите, наприм., Бруви, Басина, Маркова. Они, кажется, такъ прямо и родились, каждый, съ одною нотой, бѣдной и ограниченной, еще болѣе потому ограниченной школьнымъ и заграничнымъ дрессированьемъ. Кромѣ великихъ, единственно-настоящихъ классическихъ и академическихъ сюжетовъ, никто изъ нихъ никакихъ другихъ всю жизнь свою и не трогалъ. Даже портреты живыхъ людей были имъ совершенно чужды: изъ «натуры» они только знали «натурщиковъ», которыхъ переносили на свои холсты, переименовая и «облагороживая», какъ хотѣли, и никто за это не взыскивалъ съ нихъ. Ни единой задачи, ни единого сюжета изъ настоящей жизни имъ отроду и въ голову не пришло: что-моль за презрѣнная нивость, сидѣть ли на нее тратить время? Съ Моллеромъ было совсѣмъ иначе. Съ самаго начала могло показаться, что его натура богаче, правдивѣе, разнообразнѣе: онъ чувствовалъ прелесть и красоту женской и дѣтской натуры; онъ не былъ мраченъ, сухъ и казененъ съ первыхъ же шаговъ своихъ; онъ начиналъ не съ отвлеченностей и небывальщины, а съ живой дѣйствительности. Его «Поцѣлуй», страстно изобразившій горячую молодость, пору любви и поэзіи, облетѣлъ и плѣнилъ всю Россію; его «Татьяна», его «Русалка» все еще брали ноту жизни, чувства и чувствительности. Но что потомъ изъ него, бѣднаго, вышло? Онъ пожилъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, среди, что называлось тогда, «всего великаго въ искусствѣ», и это «великое» сбilo и затоптало все, что въ немъ было порядочнаго и обещающаго. Оно обезличило его, оно задушило въ немъ всё зачатки естественности и правдивости; къ этому прибавился шептизмъ, навѣянный въ Римѣ Овербекомъ, — и вотъ Моллеръ погибъ безвозвратно. Конечно, и натура, и дарованіе его были не велики и не широки; конечно, онъ никогда не создалъ бы ничего слишкомъ значительнаго, но не будь вредныхъ направленій доктринерской школы и засасывающаго капкана художественной Италіи, онъ, вѣроятно, оставилъ бы послѣ себя много созданій, наполненныхъ граціи, свѣжести и чувства жизни. Но тогдашнія понятія и художественный кодексъ потянули его силой въ дру-

тую сторону, и онъ превратился въ жалкаго недоноска, на половину абстрактнаго резонера и холоднаго формалиста и на половину скучнаго пастора. Когда въ 1857 году онъ привезъ изъ Италіи своего «Іоанна на островѣ Патмосѣ», отъ него отвернулись даже его товарищи - академисты: такъ разило ханжествомъ и сухью изъ его вымученной, искусственной картины. А, если по правдѣ сказать, много ли разницы было между его фальшью и ихъ фальшью, между его попираиёмъ жизни и природы—и ихъ попираиёмъ жизни и природы? Все-таки у него, въ этой же самой картинѣ есть одна блестящая, свѣтлая, правдивая нота, каковой никогда не бывало у презиравшихъ его теперь товарищей. Это—фигура молодой женщины, изображающая вакханку, валяющуюся на ступеняхъ храма, съ чашею вина въ рукахъ, и насмѣхающуюся надъ благочестивою проповѣдью. Это здѣсь несласъ рѣчь изъ того душевнаго уголка, который еще не засохъ и не окаменѣлъ у Моллера въ Римѣ, подъ вліяніемъ фресокъ и музеевъ, пасторскихъ бесѣдъ и идолопоклонства передъ Овербекомъ. Здѣсь сказался въ послѣдній разъ бѣдный художникъ, передъ тѣмъ что навѣки уже опуститься въ бездонную рутину; тутъ еще онъ однимъ крыломъ бьется и создаетъ такую фигуру, которая навѣрно одна изъ лучшихъ во всемъ «высокомъ» нашемъ искусствѣ. Замѣйте только, кто еще изъ его товарищей отгадалъ вѣрнымъ чутьемъ этотъ исторически-глубокій и правдивый мотивъ—насмѣшку древняго, вакханствующаго, полу-пьянаго отъ тѣлесности и чувственности языческаго міра надъ начинающимся, строгимъ и цѣломудреннымъ христіанствомъ? Во всѣхъ ихъ картинахъ (со включеніемъ даже «Послѣдняго дня Помпей» Брюллова) нѣтъ нигдѣ такого вѣрнаго, правдиваго мотива. Всюду только одиѣ абстрактности, общія мѣста. Но не абстрактность и не общее мѣсто была у Моллера эта вакханка; онъ ее скопировалъ съ одной дѣйствительной вакханки современнаго ему Рима, у которой огненными чертами напечаталась вся ея прошлая жизнь на красивомъ, характерномъ молодомъ лицѣ. Правда и натура взяли тутъ въ этомъ уголку картины Моллера верхъ надъ ложью остальнаго созданія,—постнаго и холодно-деревяннаго. Моллера вывезло и возвысило тутъ то правдивое чувство жизни, которое кипѣло у него еще съ молодости, и которое онъ такъ успѣшно сзумѣлъ потушить въ себѣ въ честь «великому» искусству. Отъ Моллера не осталось, послѣ 25 лѣтъ работы, ничего кромѣ «Поцѣлуя» и «Вакханки», на что бы стоило указать. Такова ли могла

и должна была бы быть его участь, судя по его первоначальной натурѣ, до ея искаженія?

Рядомъ съ Моллеромъ, перешелъ въ эпоху русскаго художества и тотъ нашъ живописецъ, который составляетъ крайнюю противоположность всей нашей школѣ «профессоровъ». Это — Ивановъ, являющійся точно какой-то островъ среди остального моря, не связанный никакими перешейками съ прочимъ нашимъ материкомъ. Послѣ 20 лѣтъ жизни въ Италіи, ни разу не покинутой, онъ въ 1858 году пріѣхалъ въ Петербургъ съ своей картиной, минуту побился противъ обстоятельствъ и людей, которымъ вовсе не годился, в—умеръ, съ глубокой раной въ душѣ.

А Ивановъ былъ—натура капитальная, совершенно выходящая изъ ряду вонъ, среди всего нашего художественнаго міра, и прежняго, и нынѣшняго. Онъ ни на кого не похожъ между всѣми нашими художниками, и жизнь его представляетъ такое трагическое явленіе, какого болѣе не бывало ни въ чьей жизни изъ числа всѣхъ этихъ художниковъ. Кому еще привелось, какъ ему, страшно работать много десятковъ лѣтъ надъ собою и надъ своимъ искусствомъ для того только, чтобъ въ послѣдніе годы, съ сѣдиной въ головѣ, сказать себѣ:—Нѣтъ, все это не то! Все это была ошибка и заблужденіе, надо бы начинать съизнова, совсѣмъ съ другого конца. Да, но гдѣ взять время, гдѣ взять силы?

Ивановъ былъ истинный художникъ, но, въ несчастію,—недостаточно художникъ. Элементъ ума, размышленія, искавшаго истины, бралъ въ немъ почти постоянно верхъ надъ всѣмъ, а слабость и робость характера замедляли всякій рѣшительный шагъ; отъ этого-то онъ и въ состояніи былъ промучиться надъ одной и той же картиной, а между тѣмъ эта картина вовсе не была такой всеобъемлющей и колоссальной по содержанію картиной, которая оправдывала бы подобное принесеніе себя въ жертву; отъ этого-то онъ такъ страдалъ и метался, такъ сомнѣвался въ себѣ самомъ, отъ этого-то онъ никогда не могъ найти себѣ ни покоя, ни удовлетворенія. Будь въ немъ сторона непосредственной талантавости сильнѣе и шире, онъ навѣрное бы такъ не раздѣдалъ и не преслѣдовалъ самъ себя, какъ это съ нимъ постоянно было; онъ, конечно, давно бы уже довелъ свою картину до конца и создалъ бы потомъ многія другія, и въ то же время не унижался бы всю жизнь выпрашиваніями себѣ подачекъ и пособій на то, чтобы еще пожить въ Италіи и продолжать все одну и ту же вѣчную свою картину. А то вертѣться десятки лѣтъ все въ одномъ и томъ же кругу, тя-

гостно громоздить одну мелкую подробность за другою мелкою подробностью, ожидать отъ нихъ всего спасенія, боязливо тысячу разъ то прискивать, то отбрасывать детали очень второстепенныя, — что́ это какъ не явное доказательство извѣстной слабости и далеко неполнаго владѣнія своимъ матеріаломъ. Всякій художникъ вѣкъ живетъ и вѣкъ учится, — не переставая, совершенствуется, поправляетъ и пополняетъ свое созданіе; но есть большая разница между поправками, которыя будутъ слѣдствіемъ пламенно горящей фантазіи и разыгравшейся силы и поправками — слѣдствіемъ слабости и робкаго исканія. На картинѣ Иванова ярко отразилась исторія ея происхожденія на свѣтъ, — и какъ она создавалась безъ огня, такъ и вышла безъ него, совершенно холодною, въ общемъ своемъ впечатлѣннн. Она, общею сложностью, общимъ составомъ своимъ, неспособна никого вдохновить и вознести; ничей духъ она не потрясетъ, ничье воображеніе не захватитъ, и только будетъ дѣйствовать отдѣльными великими своими красотами и совершенствами. Впечатлѣннн отъ этой картины спокойно и мозаично, какъ было само создаваніе ея. У Иванова всего меньше было громадной фантазіи, объемлющей и создающей цѣлыя сцены, многосоставныя событія, — оттого картина его не будитъ фантазіи ея зрителей. Кажется, еслибъ эта картина еще дольше писалась, она бы все болѣе и болѣе сжималась, и все только суживала бы свои рамки. Въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, она растеряла многіе важные элементы, которые сначала въ ней присутствовали. Было время, когда въ картинѣ Иванова было столько же мужскихъ, сколько женскихъ дѣйствующихъ лицъ, да на придатокъ еще не мало дѣтей. Могло ли оно и быть иначе, когда въ этой картинѣ долженъ быть представленъ «народъ», — и чѣмъ разнообразнѣе будетъ его масса, тѣмъ лучше. Но Ивановъ, въ извѣстный періодъ своей жизни, не хотѣлъ больше этого знать и замѣнилъ массу народную, Богъ-знаетъ по какимъ пуританскимъ или ханжескимъ соображеніямъ, очень искусственно подобранными группами: но что́ это за «народъ» у него жалкій вышелъ, безъ женщинъ и безъ дѣтей — одни мужчины, и то большею частью все зрѣлыхъ лѣтъ, или пожилые! Потомъ, прежнюю широкую и великую мѣстность, раскинувшуюся среди горъ и деревьевъ, на берегу рѣки, онъ замѣнилъ узенькой полоской земли, гдѣ разстановилъ свои дѣйствующія лица, искусственно и условно, по всѣмъ правиламъ скульптурнаго барельефа. Прибавьте къ этому полную неспособность Иванова къ краскамъ, его рыжий, пестрый, несносный, кричащій, неестественный колоритъ — доватно, что при такомъ

соединеніи столькихъ невыгодныхъ условій, картина его не могла производить сильнаго впечатлѣнія, и многихъ, вмѣсто того, отталкивала. Все это было слѣдствіемъ недостаточности таланта и тѣхъ вредныхъ вліяній, которымъ подвергался въ Италіи Ивановъ, постоянно замкнутый въ кружкѣ людей ограниченныхъ и мало развитыхъ, хотя и талантливыхъ—въ лицѣ вѣнскихъ отдѣльныхъ художниковъ.

Но рядомъ съ крупными недочетами и несовершенствами, въ натурѣ Иванова было много такихъ качествъ, которыя дѣлали его художникомъ высокимъ, необыкновеннымъ. У него былъ талантъ, доходившій до гениальности, когда дѣло шло о созданіи отдѣльныхъ личностей, типовъ, характеровъ,—тѣхъ именно, къ постиженію и глубокому обожанію которыхъ способна была его натура. Тутъ уже у него была глубокая и мыслящая голова, тутъ уже у него былъ глубокой пылливый духъ, не удовольствовавшійся тѣмъ, чѣмъ удовольствуется большинство художниковъ, когда они творятъ свои созданія. Онъ хотѣлъ до послѣднихъ корней разумѣть то, что бралъ себѣ задачей, онъ смотрѣлъ на исторію людей и событія не съ одной только вѣнскій стороны, какъ всѣ почти его предшественники и товарищи,—все это не было для него однимъ безразличнымъ матеріаломъ, изъ котораго можно брать что ни попало, любые куски, любые субъекты и сцены, что закажутъ другіе, или что самому по нечаянности взойдетъ въ голову. Для него каждая его задача, каждый его типъ и личность были дѣломъ важнымъ и серьезнымъ, дѣломъ жизни; на созданіе свое онъ вложилъ всѣ свои силы и способности. Онъ изучалъ глубоко и полно, что предстояло изображать его вѣсти, онъ погружался въ задачу свою всѣмъ существомъ своимъ, онъ искалъ правды и исторической вѣрности во всемъ, и въ подробностяхъ сцены, и въ костюмѣ, и въ лицахъ, и въ самомъ пейзажѣ, среди котораго являются доступныя и дорогія ему личности. Такое исканіе вѣрныхъ формъ, такое стремленіе къ исторической и психологической правдѣ, началось у Иванова съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ былъ еще юношей, еще въ Петербургѣ, еще въ академіи художествъ. Въ такое время, когда другіе молодые художники, его сверстники, только и думали, что о медаляхъ и какъ бы поскорѣе попасть на волю и въ Италію,—на волю, какъ бы поскорѣе «пожить»,—Ивановъ думалъ: какъ бы себя образоватъ получше и избавиться поскорѣе отъ той коры глубокаго невѣжества, которая на нихъ всѣхъ лежала, но только для другихъ была нечувствительна и безразлична, а ему казалась невыносимымъ грузомъ. Въ Италіи ему тоже не приходило

въ голову «пожить хорошенько». Его наполняло совсѣмъ другое: онъ только о томъ и думалъ, что такое его будущая картина, и какая глубочайшая правда мысли и выраженія должна въ ней заключаться. Пусть онъ глубоко ошибся на счетъ всеобъемлемости и безконечной грандіозности задуманнаго имъ сюжета. Изъ его картины не вышло изображенія величайшаго въ мірѣ событія, какъ онъ думалъ въ своемъ краткомъ, нѣскольکو ограниченномъ религіозномъ воодушевленіи. Картина его только выразила «рекомендацію», Іоанномъ Крестителемъ, появляющагося вдали и никому еще неизвѣстнаго въ народѣ Христа. Что же въ такомъ моментѣ великаго и міроваго? Въ картинѣ мы свидѣтели только глубокой, сердечной «довѣрчивости» еврейскаго народа, и больше ничего. Тутъ не представлено обращеніе народа къ Христу вслѣдствіе его проповѣди и вслѣдствіе совершенныхъ передъ глазами великихъ дѣяній, сверхъестественныхъ чудесъ: нѣтъ, народъ только увлеченъ проповѣдью Іоанна Крестителя, одни уже крестятся, другіе готовы сію же минуточку креститься, но что же касается до Христа, то никто изъ всѣхъ присутствующихъ его еще не знаетъ и не вѣдаетъ, и только потому обращается въ его сторону, къ нему на-встрѣчу, что на него указалъ Іоаннъ. Смѣю сказать, такой моментъ выбранъ вовсе не къ возвеличенію главнаго лица, и первымъ въ картинѣ все-таки не Христосъ, но Іоаннъ; а если такъ, то содержаніе картины вовсе не «Первое появленіе Христа народу»,—онъ самъ ровно ничѣмъ еще не проявляетъ здѣсь своей личности, своего значенія, своего вліянія, онъ виднѣтъ лишь въ дали, онъ только *идетъ*, и ничего болѣе. Содержаніе картины: проповѣдь Іоанна Крестителя и впечатлѣніе, произведенное ею на толпу еврейскаго народа. А въ этомъ далеко еще нѣтъ того великаго, міроваго содержанія, какое приписывалъ своей картинѣ Ивановъ. Пускай такъ. Но все-таки онъ наполнилъ картину эту такими элементами, которые дѣлаютъ ее созданіемъ истинно великимъ, необыкновеннымъ.

Ивановъ достигъ тутъ своихъ давнишнихъ учителей и идеаловъ, Рафаэля и Леонардо да-Винчи. Надо прямо сказать: онъ сущій Рафаэль и Леонардо да-Винчи нашего времени. Только къ тому, что есть важнаго и значительнаго у тѣхъ двухъ мастеровъ, онъ прибавилъ все то глубокое, вѣрное и правдивое по вѣшной формѣ и по внутренней психологіи, что нашъ вѣкъ способенъ былъ прибавить къ созданіямъ этого рода. Въ сравненіи съ Ивановымъ, очень мало значутъ всѣ нѣмцы Корнеліусы, Овербеки и Каульбахи, Шнорры и Фюрихи, всѣ французы Флан-

дрены, Орсели и иные, стремившіеся дать религіозную живопись нашему времени и примкнуть къ «великимъ мастерамъ прошлыхъ эпохъ». Они вышли всё подражателями и ман-ристами, несовершенными по художественнымъ своимъ средствамъ, и еще болѣе несовершенными по коренному духу своему. Все равно, къ чему ни направлялись ихъ усилія, къ «грандіозному-ли», какъ у Корнелиуса и Каульбаха, или къ приторно сентиментальному и старообрядческому, какъ у Овербека, или къ граціозному и изящному, какъ у Фландрена, Орсели и Фуриха,—всѣ они остались далеко позади своихъ задачъ и не создали ничего самостоятельнаго, новаго и великаго. Одному Иванову это удалось. Онъ былъ истинно благочестивъ и наивенъ, какъ Рафаэль и Леонардо да-Винчи; онъ, какъ они, искренно иброваль въ правду и глубину того, что писалъ, но онъ всею душою погруженъ былъ въ создаваемую его кистями сцену, даже можетъ быть еще больше и еще искреннѣе ихъ, и оставался религіознымъ и благочестивымъ даже въ послѣдніе годы своей жизни, когда вдругъ вообразилъ про себя, что пересталъ «вѣрить» и «быть религіознымъ». Онъ говорилъ и думалъ одно,—а по всѣмъ дѣламъ, предпріятіямъ, планамъ и намѣреніямъ выходило совсѣмъ другое. Даже въ послѣдніе дни жизни онъ только объ одномъ мечталъ: поѣхать въ Палестину и писать жизнь Христа. Но, кромѣ того, его нельзя было бы ни за какія деньги «нанять» для писанія какой угодно религіозной картины, какъ это всегда возможно было сдѣлать, въ любой день и часъ, съ его товарищемъ и сверстникомъ, столько же блестящимъ, сколько и равнодушнымъ риторомъ Брюлловымъ. Нѣтъ, сюжетъ картины долженъ былъ быть выбранъ, взятъ и сочиненъ имъ самимъ, и никому Ивановъ никогда не позволялъ бы вмѣшаться въ это глубокое, истинно-душевное его дѣло.

Но, кромѣ серьезности сюжета и задачи, у Иванова были еще своеобразныя и самобытныя формы. Въ красотѣ, во вѣннвемъ мастерствѣ изображенія, въ рисункѣ тѣла и одежды, онъ навѣрное не уступалъ (относительно фигуръ мужскихъ, однихъ только и изученныхъ, и созданныхъ Ивановымъ) ни въ чемъ проваведе-ніямъ старыхъ мастеровъ, но еще сюда прибавилъ то, что давало новое время: реальную вѣрность и національность типовъ. Этихъ элементовъ еще не знали прежніе періоды искусства. Онъ вздумалъ ходить по еврейскимъ синагогамъ, по еврейскимъ кварталамъ, ѣздить нарочно въ такіе города и такія мѣстности, гдѣ много было евреевъ, чтобы сыскать настоящіе типы, способные оживотворить его картину; онъ вздумалъ пристально всмотрѣться во всю глушь и запущенность разныхъ пустырей,

распростертыхъ вокругъ Рима, чтобы выбрать тамъ ту глухую и дикую мѣстность, которая перенесла бы зрителя въ глушь и дичь около Иордана; онъ вздумалъ изучить еврейскія уцѣлѣвшія до нашего времени одежды, манеру ихъ носить, ихъ складки; онъ вздумалъ изучить позы, житье, движеніе евреевъ. Всего этого никому еще не приходило въ голову не только у насъ, нашимъ Брюлловымъ, Бруни и инымъ равнодушнымъ академическимъ копистамъ того, что прежде въ искусствѣ дѣлалось, ни даже живописцамъ европейскимъ, несравненно болѣе мыслящимъ и образованнымъ. Одинъ Орасъ Верне, поверхностный и ничтожный, но все-таки не лишенный ума и инициативы, придумалъ писать библейскія сцены въ костюмахъ арабскихъ бедуиновъ (конечно, близкихъ въ еврейскимъ). Но это была лишь блестящая, остроумная попытка, причемъ сущность дѣла, типъ, характеръ, душевное настроеніе вовсе не были приняты въ расчетъ, были просто выпущены вонъ, и представленныя личности оставались французами и француженками Луи-Филипповскаго времени, переряженными въ арабовъ. Цѣлыя горы и пропасти отдѣляли Иванова отъ этихъ поверхностныхъ, легкомысленныхъ и праздныхъ игрушекъ. У него все было серьезно и глубоко. Ему—не блеснуть новизной и остроуміемъ надо было, ему надо было добаться, путемъ созданія, путемъ изученія, выбора и вдумыванія, до тѣхъ фигуръ, лицъ и типовъ, которые бы воссоздавали сцену на Иорданѣ, совершившуюся 1800 лѣтъ раньше. И онъ достигъ чего хотѣлъ. Онъ создалъ, если не все, то многое въ своей картинѣ такъ, какъ до него никто еще не создавалъ въ цѣлой Европѣ. Такого Іоанна Крестителя, истиннаго еврея отъ головы до ногъ, но объятаго тѣмъ огнемъ вдохновенія, каковаго никогда еще не написала ничья кисть; таковаго Христа, тоже чистаго еврея по вѣшнему виду, но великую, необычайную личность, полную глубины, благости, мысли и чуднаго спокойствія, тоже никогда не создавала кисть ни одного другого европейскаго живописца; многіе изъ апостоловъ и въ присутствующей массѣ народы—все это оригинальные еврейскіе типы, передающіе не одну вѣшность, но и душу, характеръ взятаго лица, и останутся навсегда великими глубокими созданіями въ ряду всего, что только европейское искусство произвело до сихъ поръ самаго важнаго и вѣчнаго.

Придетъ, навѣрное, однажды то время, когда и Европа узнаетъ Иванова по-настоящему, оценитъ его лучше, чѣмъ было до сихъ поръ, по легкомыслию или незнанію, и поставитъ его навѣки—за великую, истинно классическую технику, красоту, благород-

ство, величавость—рядомъ съ Рафаэлемъ и Леонардо да-Винчи, а за его геніальные, его историческіе и психологическіе типы, характеры, душевное выраженіе—можетъ быть, еще выше да-Винчи. Кто любитъ и высоко цѣнить этихъ двухъ, не можетъ не любить всей душой и не цѣнить Иванова,—это ихъ современное воплощеніе. Ивановъ—это второе, такъ сказать, пересмотрѣнное и дополненное изданіе старыхъ двухъ итальянцевъ.

Что было бы съ Ивановымъ дальше, еслибъ онъ еще нѣсколько лѣтъ прожилъ,—мудрено, конечно, отгадать. Но, кажется, несомнѣнно то, что онъ никогда не осуществилъ бы того, про что въ послѣдніе свои годы столько говорилъ и писалъ. Ивановъ былъ натура странная, сложная. Одно онъ думалъ и желалъ,—а другое производилъ. Это въ особенности чувствовалось въ послѣдніе его годы. Мысли, высказанныя имъ въ письмахъ къ разнымъ знакомымъ, на счетъ необходимости коренного переворота въ искусствѣ,—велики и высоки по правдѣ, по свѣтлости; но что же мѣшало ему осуществить ихъ? Онъ прожилъ цѣлыхъ 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ эти мысли появились у него въ головѣ, и однакожъ онъ ничего даже и не попробовалъ въ новомъ духѣ и смыслѣ, даромъ-что 10 лѣтъ—это очень много для человѣка, наполняемаго новою мыслью. Если смотрѣть на слова разговоровъ и выраженія писемъ,—надо было бы полагать, что Ивановъ отрекался отъ прежняго направленія своего, отрекался отъ своей картины. Но, на дѣлѣ, Ивановъ все-таки выставилъ эту картину въ концѣ, въ 1857 году въ Римѣ, въ 1858 году въ Петербургѣ, какъ нѣчто самое важное и значительное, и, въ то же время, въ промежуткѣ между 1848 и 1858 годомъ, набрасывалъ сотни чудесныхъ эскизовъ—но всѣ они, какъ ни чудесны, по формамъ и подробностямъ, принадлежать всѣ къ одному и тому же ряду,—иллюстрированію жизни Христа; что же касается до будущаго направленія и задачъ своих¹⁾, то въ самыя даже послѣдніе дни жизни своей онъ рассказывалъ близкимъ и знакомымъ о томъ, какъ желаетъ сдѣлаться главой и руководителемъ новой школы искусства, но все-таки на основаніяхъ, положенныхъ «великими старыми мастерами Италіи». Мыслимо ли это? Возможны ли новыя сюжеты, новыя задачи, выраженные въ формахъ и въ складѣ стараго, классическаго искусства? Ивановъ, явно, вовсе не сознавалъ этой невозможности, и, во всякомъ

¹⁾ Про всѣ эти многочисленныя эскизы я не буду говорить здѣсь, потому что они только недавно стали издаваться въ свѣтъ, такъ что лишь очень малая доля ихъ извѣстна до сихъ поръ, такъ что, ни при Ивановѣ, ни послѣ него, они не успѣли оказать никакого дѣйствія ни на публику, ни на художниковъ.

случаѣ, признавалъ единственнымъ настоящимъ искусствомъ—искусство на темы религиозныя и историческія, а все прочее считалъ не только чѣмъ-то не важнымъ, не настоящимъ, вовсе не выполняющимъ истиннаго призванія искусства, но униженіемъ, развратомъ и гибелью искусства. Въ чемъ же, спрашивается, состоялъ бы тотъ переворотъ въ искусствѣ, который проповѣдовалъ Ивановъ? Онъ явно сводился къ нулю. Онъ могъ бы, конечно, касаться частныхъ, отдѣльныхъ подробностей, способа представленія тѣхъ или другихъ задачъ и личностей: самыя же эти задачи и личности все-таки оставались бы на первомъ и единственномъ мѣстѣ, и искусство по прежнему закрывало бы глаза на все остальное. Не великъ же былъ бы коренной переворотъ, проповѣдуемый Ивановымъ!

Иванова можно порицать не за то, что онъ сдѣлалъ и не за то, что въ немъ было, а единственно за то, чего онъ не сдѣлалъ и чего въ немъ не было. Чтò онъ сдѣлалъ и создалъ на своемъ вѣку, то прекрасно и высоко, но какъ ни свѣтелъ и силенъ былъ его умъ, какъ ни глубоко и ни искренно его исканіе правды,—онъ все-таки не раздвинулъ рамокъ предрасудковъ и преданій, въ которые былъ замкнутъ съ малолѣтства, и не шагнулъ дальше. На то уже не хватало его натуры. натура его принадлежала старому міру, старому настроенію и образу мыслей, и никакія реставраціи, подчистки и поправки въ этомъ настроеніи и образѣ мыслей не могли ничего подѣлать. Нужна была другая, отъ самыхъ корней, натура.

Пожалуй, иной подумаетъ: при его ненависти ко всему школьному, рутинному, нечестному и легкомысленному въ искусствѣ, при его глубокомъ взглядѣ на жизнь и задачу художника, онъ, вѣроятно, пошелъ бы далеко и высоко, еслибъ все дѣтство и юношество не провелъ въ томъ узкомъ и ограниченномъ семействѣ, къ которому принадлежалъ по рожденію, еслибъ не просидѣлъ много лѣтъ на тогдашней академической скамьѣ и въ тогдашнемъ академическомъ классѣ, еслибъ не провелъ потомъ много лѣтъ среди ханжей и моралистовъ, среди затхлаго тогдашняго папскаго и «классическаго» ума и совершенно отрѣзанный отъ Европы. Когда на него пахнуло, наконецъ, европейскимъ современнымъ духомъ, было уже поздно, и онъ могъ только платонически чего-то желать, путаться въ сталкивающихся требованіяхъ стараго и новаго, и не понимать, чтò и какъ именно можетъ вновь осуществиться.

Нѣтъ, это не такъ. Ни другое воспитаніе, ни другая среда, ни отсутствіе ханжей и людей ограниченныхъ вокругъ него, въ

теченіе лучшихъ и важнѣйшихъ годовъ его жизни, ни отсутствіе Рима—не могли-бы сдѣлать изъ него другого человѣка. Чтобъ создать иное, ему надо было родиться совершенно инымъ человекомъ. По этому-то и вышло, что Ивановъ — одно изъ величайшихъ явленій русскаго художественнаго міра; онъ достоинъ всѣхъ восторговъ и уваженій, но уже какъ отжившая историческая величина. Для нашего будущаго развитія онъ не имѣетъ никакого значенія, развѣ только какъ примѣръ и наставленіе для тѣхъ, кому придется и впоследствии трактовать сюжеты, подобные его сюжетамъ, ничуть, впрочемъ, не придавая этимъ сюжетамъ того всеобъемлющаго, исключительнаго значенія, какое придавалъ имъ Ивановъ. Со времени Иванова нельзя уже давать, при воспроизведеніи такихъ задачъ, менѣе того, что давалъ въ нихъ Ивановъ. Онъ вѣха, отъ которой непозволителенъ поворотъ назадъ, ко всѣмъ нашимъ Брюлловымъ, Бруни, Савинимъ, Марковымъ, невозможенъ даже поворотъ къ Корнелиусамъ, Каульбахамъ и Овербекамъ, Фландренамъ и инымъ, — онъ ихъ всѣхъ убилъ на вѣки своею глубиной, правдою, сердечностью и вдохновеніемъ, въ извѣстномъ смыслѣ историчностью и реальностью, но его искусство и созданіе все-таки не есть искусство и созданіе нашего времени. Оно принадлежитъ иному направленію и понятіямъ, инымъ вкусамъ и симпатіямъ.

Цѣлыхъ четверть столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ картина Иванова въ Россіи, но она не породила ни школы, ни продолжателей, вообще осталась безъ послѣдствій. Она была уже несвоевременна. Она являлась словно бабушка среди внуковъ и внучекъ; они могутъ ее уважать и любить, но дѣло ихъ жизни уже не связано съ ея прошлымъ, давно отжитымъ дѣломъ жизни, и она уже не поведетъ ихъ ни къ какимъ новымъ, драгоценнымъ для нихъ горизонтамъ. Картинѣ Иванова надо было переселиться изъ Рима въ Петербургъ десятью годами раньше, не въ 1858, а въ 1846 или 1847 году, когда Ивановъ остановился съ писаніемъ ея и дальше потомъ не двигался, оборотивъ спину къ своему прошлому и устремивъ очи къ раскрывавшемуся передъ нимъ зрѣлищу новой Европы. Его поправки и дополненія 1856 и 1857 не имѣютъ никакого особеннаго значенія. Поэтому-то выходитъ, что его картина понапрасну простояла лишнихъ 10 лѣтъ въ Римѣ. Тамъ ни одна душа, ни единый художникъ и ни одинъ человѣкъ изъ публики не пользовался и не наслаждался ею за все это время. Въ Россіи было-бы тогда, напротивъ, совсѣмъ иначе, и навѣрное она произвела-бы на свѣтъ школу и послѣдователей. Въ 1858 году было уже

познано. Ивановъ былъ величайшимъ, заключительнымъ словомъ прежняго, стараго искусства. Но въ это время народилось уже — искусство новое.

II.

Вмѣстѣ съ началомъ новаго царствованія, вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ императора Александра II, въ русскомъ искусствѣ совершается громадный переворотъ. Происходить переломъ въ направленіи искусства, оно вступаетъ на новый путь, и вѣсколько художники не похожи болѣе на прежнихъ русскихъ художниковъ, настолько и ихъ произведенія перестаютъ быть похожи на прежнія русскія художественныя произведенія. Новый періодъ наступилъ, новый міръ начался.

Довольно указать на нѣсколько фактовъ изъ жизни новыхъ художниковъ, въ самой высшей степени характеризующихъ нарождающуюся теперь ихъ породу, ихъ настроенія, понятія и ихъ образъ мыслей.

Перовъ, посланный за-границу, тяготится этимъ, свучаетъ и бѣдствуетъ, не можетъ ужиться съ чуждою ему средою, и проситъ высшее начальство «уволить его отъ чужихъ краевъ», и позволить ему воротиться въ Россію.

Цѣлый академическій выпускъ, цѣлая компанія еще воспитывающихся для художества молодыхъ людей отказывается писать программу, на большую золотую медаль, на классическую заданную имъ академіею тему (1863). Эти молодые люди были всѣ крайне недостаточны, значить отъ головы до ногъ зависимые и обязанные дрожать за будущность свою, и, однакоже, рискуя этою будущностью, они предпочитаютъ лишиться награды и перспективы путешествія за-границу, только бы не выполнять того, что претитъ ихъ художественной совѣсти.

Эта самая компанія молодыхъ людей, принужденныхъ покончить съ академіею, образовываетъ свою собственную «артель», гдѣ всѣ работаютъ общими силами и дѣлятъ общій барышъ.

Когда «артель» по разнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ распалась, эти же молодые люди, соединившись съ новыми товарищами, образуютъ новое общество, а именно «товарищество передвижныхъ выставокъ», опять-таки сплочающее художниковъ въ одно цѣлое и дающее имъ возможность самимъ вести свое художественное дѣло.

Наконецъ, въ заключеніе и какъ вѣнецъ всего, нѣкоторые изъ

новыхъ художниковъ (Брамской, Верещагинъ) не желаютъ болѣе получать художественныхъ чиновъ и отличій, потому что, объявляетъ печатно Верещагинъ, это для художества «вредно».

Что говорятъ всѣ эти факты? они говорятъ, что у русскихъ художниковъ выродилось нѣчто новое, прежде небывалое — *характеръ* и *самобытная мысль* для управленія жизнью. А гдѣ это уже есть — тамъ новый міръ начался.

Что можетъ быть характернѣе приведенныхъ фактовъ? что можетъ лучше показать, какая громадная пропасть легла между прошедшимъ и настоящимъ русскихъ художниковъ? Путешествіе за-границу, награды — потеряли прежнюю обольстительную силу; апатія и покорность замѣнились мыслью и силой почина; прежняя разрозненность — сплоченностью. Путешествіе за-границу и проживание тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ было всегда прежде лучшую мечтою русскаго художника, тою порою, которая заставляла его всего сильнѣе работать, забывая голодъ, холодъ, всевозможныя безконечныя лишенія. «Русскіе художники часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, говоритъ Гоголь въ «Невскомъ проспектѣ», и если-бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы навѣрное развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ. «Римъ, говоритъ еще Гоголь въ «Портретѣ», тотъ чудный Римъ, величавый ражадникъ искусствъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника». Точь-въ-точь такъ думали прежде у насъ и всѣ, всего больше сами художники; они Богъ знаетъ какъ надѣялись на этотъ «чистый воздухъ» и на это «широкое развитіе» своего таланта лишь въ Италіи, лишь въ чужихъ краяхъ. Надо было, чтобъ произошло что-то необычайное, цѣлая перестановка мыслей и понятій отъ корней и до верхушки, чтобъ русскій художникъ сталъ просить о томъ, чтобъ его уволили отъ этихъ чужихъ краевъ. Прежняя вѣра, значить, сломлена, прежнее слѣпое идолопоклонство разрушено, и человекъ повернулся на пятахъ своихъ въ совершенно иную сторону. Смѣшно и близоруко было-бы видѣть тутъ одну грубость и необтесанность художника, еще не способнаго понимать, что такое «чужіе края», смѣшно и близоруко было-бы объяснять поступокъ Перова какимъ-то смѣшнымъ и ограниченнымъ кваснымъ патріотизмомъ: во всю жизнь свою Перовъ никогда не проявилъ ни единой черточки такого комическаго настроенія, нельзя, значить, видѣть его и здѣсь. Мотивы лежали глубже и дальше. Также точно и съ фактомъ протеста противъ классической тѣмы. Его продиктовала

не пустая заносчивость, не буйство и не чванство, не намѣреніе пустить фейерверкъ, не желаніе поиграть въ оппозицію — нѣтъ, все-таки мелкіе и ничтожныя мотивы не играли никакой роли въ отважной рѣшимости горсточка бѣдныхъ, слабыхъ юношей. Имъ только было невыносимо повиноваться негнѣпымъ привычкамъ школы, глупому выбору сюжетовъ, никуда болѣе негодныхъ, они протестовали противъ «старого» во имя того «нового», которое уже ясно чувствовали и ярко сознавали. Что это была не минутная безумная вспышка и не напрасный капризь, они доказали потомъ всею своею жизнью: они навсегда остались вѣрны тому направленію, за которое пострадали 20-лѣтними юношами, и никогда уже не возвращались къ тому, что осудили тогда. Ивановъ, еще въ 1836 году, признавалъ, что профессорство и заказы «вредны», что «купеческіе расчеты никогда не подвинуть художника впередъ, а въ шитомъ, высоко стоящемъ воротникѣ тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ стоять вытанувшись».

Что касается отказа отъ званій, мѣстъ и отличій, — это было тоже что-то новое, небывалое. Мнѣ скажутъ: а Ивановъ, отказывавшійся отъ «профессорства» и отъ работъ въ Исаакію въ Петербургѣ, къ Спасу въ Москвѣ? Да, но онъ же самъ въ 1845 г. хлопоталъ о «звѣздѣ» для Овербека, а на счетъ «профессорства» и «заказовъ» иной разъ какъ будто колебался. Новые люди смѣлѣе, рѣшительнѣе и безповоротнѣе.

Гоголь, въ числѣ своихъ глубокихъ, по правдѣ вѣрныхъ отъ головы до ногъ портретовъ, нарисовалъ всѣ существовавшіе въ его время типы нашихъ художниковъ. Никто лучше его не зналъ ихъ, онъ провелъ среди нихъ свою жизнь, и въ Петербургѣ, и въ Римѣ, и потомъ начертилъ ихъ фیزیономію со всею мѣткостью своего генія. Въ «Невскомъ проспектѣ» онъ рисуетъ таковой портретъ молодого художника Пискарева, еще учащагося въ академіи:

«Художникъ петербургскій! художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники вовсе не похожи на художниковъ итальянскихъ: гордыхъ, горячихъ, какъ Италия и ея небо; напротивъ того, это большею частью добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе не брезгающій объ излишнемъ... Они вообще очень робки; звѣзда и толстый эпюлетъ приводятъ ихъ въ замѣшательство»... Въ противу-

положность такому художественному юнцу является «профессоръ», мудрый, опытный и благоразумный, совѣтующій «не гоняться за моднымъ освѣщеніемъ», за «кричащими красками», и побольше заботиться о «строгомъ рисункѣ и линіи»; не носить «шляпу съ лоскомъ, щегольской платокъ на шеѣ», не давать себя утянуть свѣту. Потомъ, побывавъ въ Италіи, художникъ либо становился истиннымъ художникомъ, у котораго соединилось все: изученіе Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджіа, дышавшее въ окончателномъ совершенствѣ кисти, во всемъ постигнуть законъ и внутренняя сила, вездѣ уловлена эта плывучая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя» и т. д., — либо онъ выходилъ моднымъ и пошлымъ живописцемъ, къ которому валить глупая, ничего не понимающая толпа, и котораго за деньги хвалить продажный журналистъ».

Въ 20 лѣтъ, какая перемѣна, какая перестановка понятій, привычекъ, мыслей, нравовъ! И начало жизни художника, и середина ея, и высшая пора разцвѣта — какъ все стало другое.

Всѣ тихости, скромности, робости, замѣшательства художника — куда все это дѣвалось? Художники уже не хотѣли больше толковать только въ двоимъ о любимомъ предметѣ, и внѣ «маленькой комнаты», въ большихъ комнатахъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ и равнодушіемъ выполнять, что ни велитъ самаго недѣлаго и глупаго. Они узнали, что у нихъ собственная своя есть голова на плечахъ и свой умъ въ этой головѣ, помимо профессора, и что въ искусствѣ дѣло творчества, сочиненія — есть уголокъ священный, куда не долженъ лѣзть кто ни попало, и рыться и распоряжаться тамъ, какъ на мысль взбредетъ, вопреки натурѣ, вкусамъ, настроенію. Они почувствовали, что напрасно имъ такъ долго ставили передъ носомъ все только однихъ итальянскихъ художниковъ, да итальянскихъ художниковъ; они вдругъ стали понимать, что они и сами могутъ чего-нибудь да слобить, даромъ что живутъ тамъ, гдѣ все гладко, ровно, мокро, сѣро и туманно, что ничего же вѣдь особеннаго не создаютъ эти итальянцы, сколько они ни горды и ни горячи, какъ Италія и ея небо, что можно быть отличнымъ, истиннымъ, глубокимъ художникомъ, вовсе для того не дѣлаясь отшельникомъ и презирателемъ жизни, и, наконецъ, что можно быть «гордымъ и горячимъ», вовсе не живши подъ небомъ Италія. Но когда иллюзія кончилась — прощай почтеніе, прощай идолопоклонство, прощай послу-

паніе! человекъ становится самъ собою, чѣмъ-то новымъ, оригинальнымъ и сильнымъ.

Насколько перемѣнилась натура художниковъ, настолько перемѣнились съ 50-хъ годовъ ихъ стремленія и цѣли. Что такое было для прежняго поколѣнія искусство? Это рисуетъ своею вѣрною, мѣткою кистью опять-таки Гоголь. «Благодарность зрителю мириадъ за благость и состраданіе къ людямъ! восклицаетъ онъ еще въ 1831 году въ своей небольшой пьесѣ «Скульптура, живопись и музыка». Три чудныя сестры посланы имъ украсить и усладить міръ: безъ нихъ онъ былъ бы пустыня и безъ пѣнія катился бы по своему пути». Да именно «украшеніемъ», «дарованіемъ свыше» казалось всѣмъ прежде искусство. Оно не происходило изъ людской потребности, изъ собственной груди и природы человека. Оно было необычнымъ явленіемъ изъ неземныхъ высей, и къ нимъ же должно было поминутно возвращать человека, возвышая, наставляя и исправляя его. И эта роль всего болѣе принадлежала живописи. Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ овна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, аркая музыка очей, живопись—ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были развиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно земныя черты, вглядываясь въ которыя слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вотъ мелькаютъ, какъ въ облачномъ туманѣ, длинныя галереи, гдѣ изъ старинныхъ, позолоченныхъ рамъ выглядываешь ты себя живую и темную отъ неумолимаго времени, и передъ тобою стоитъ, сложивши на крестъ руки, безмолвный зритель, и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія, взоръ его дышетъ наслажденіемъ надѣшнимъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой-нибудь націи; нѣтъ ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, что имѣетъ таинственно-высокій міръ христіанскій... Все неопредѣленное, что не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣваемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти, понятныя всякому, но чувствуетъ, что уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все, все. Страданіе выражается живѣе и вызываетъ состраданіе, и вся она требуетъ сочувствія, а не наслажденія. Она беретъ уже не одного человека, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человека, въ ея власти; вся

тайная гармонія и связь человѣка съ природою въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ».

Наврядъ гдѣ найдешь болѣе яркое и вѣрное выраженіе того, что думали о живописи, объ искусствѣ вообще, 50 лѣтъ тому назадъ, не только у насъ, но во всей Европѣ. Искусство было тогда что-то высокое и сверхъестественное. Могли быть на свѣтѣ какія угодно картины и на какіе угодно сюжеты: серьезныя и несерьезныя, трагическія или смѣшныя, народныя или космополитическія, религіозныя или историческія, жестокія или сладкія, портреты или ландшафты—нужды нѣтъ, когда рѣчь заходила о живописи вообще, съ перваго же слова говорилось только о томъ, что она возвышаетъ и очищаетъ, что ея призваніе—неземное, таинственное, невыразимое,—какая фальшь, какое притворство,—и однако же всѣ въ это вѣрвали и покорно повторяли.

Вовсе не зная статей Гоголя, Ивановъ писалъ въ 1840 году отцу изъ Рима почти тѣ же самыя слова, и не только какъ свою мысль и мнѣніе, но какъ мысль и мнѣніе всѣхъ лучшихъ «историческихъ живописцевъ новаго поколѣнія», а именно, что «религіозность, невинность, чистота стиля и вѣрное изображеніе чувства—самыя высочія и первыя достоинства живописца... Все лучшее поколѣніе нѣмецкихъ и французскихъ живописцевъ непремѣнно желаетъ очищенности стиля и возможнаго обращенія ко всему изящному, нѣжному и невинному». Первое и главное стараніе всѣхъ художественныхъ школъ было то, чтобъ дрессировать своихъ учениковъ въ ненависти истинной правды, въ презрѣніи всего индивидуальнаго, особеннаго, иногда можетъ быть, неправильнаго; народное было въ загонѣ, какъ нѣчто низкое и не отвѣчающее высшимъ требованіямъ, а что отъ него и брали, то «очищали» и «прощѣжали» сквозь классическія примѣры, и выходило нѣчто безцвѣтное, безвкусное и безразличное. Характеръ, личность, дѣйствительный внутренній міръ—все это было въ загонѣ и не въ милости. Оно и понятно: «общее—это палачъ человѣческой индивидуальности, говоритъ Бѣлинскій. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно»... А тутъ, даже никто и не проклиналъ, всѣ были довольны и счастливы какъ нельзя болѣе. Всего удивительнѣе, что такіе даже гениальные люди, какъ Гоголь, создатель глубочайшей правды въ искусствѣ, водворитель такой глубокой, реальности, какой прежде еще и не знали, являлся вдругъ въ искусствѣ поклонникомъ неправды и «общаго», только одурачивающаго и искажающаго. Когда ему понадобилось представить художника (Черткова), создающаго гдѣ-то наилучшее, задушевнѣйшее,

къ чему только онъ былъ способенъ во всю свою жизнь, онъ заставляеть его рисовать на своемъ холстѣ—«Психею», въ томъ «очищенномъ видѣ, въ какомъ уловленные черты, оттѣнки и тоны являются тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, ужъ отдѣляется отъ нея и производитъ ей равныя созданія». Такъ вотъ были тогда—всѣ такъ. «Послѣдній день Помпеи»,—это, по словамъ Гоголя, величайшее художественное созданіе XIX вѣка,—что это, какъ не «очищенное», «удалившееся отъ природы созданіе». Распрепрославленные въ свое время, въ тѣхъ же 30-хъ годахъ, картины изъ итальянскихъ народныхъ нравовъ Леопольда Роберта «Жнецы», «Возвращеніе съ праздника Мадонны», и т. д., всѣ картины Поля Делароша—что это все, какъ не «очищенные и удаляющіяся отъ природы созданія»? Желая похвалить Брюллова за его «Помпею», онъ говоритъ, что «у него человѣкъ является для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество природы своей... Нѣтъ ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотою, гдѣ бы человѣкъ не былъ прекрасенъ... Онъ представилъ человѣка, какъ можно прекраснѣе; его женщина дышетъ всѣмъ, что есть лучшаго въ мірѣ». Какіе же это люди, какіе же это мужчины и женщины, которые всѣ повально, отъ перваго до послѣдняго, прекрасны; заключаютъ все, что есть лучшаго въ мірѣ; что это за картины, гдѣ люди—на лицо только для того, чтобы показать все верховное изящество природы своей? Такихъ людей фальшивыхъ, небывалыхъ, невѣроятныхъ, Гоголь (вмѣстѣ со всѣми современниками своими) оставлялъ только для одной живописи: въ собственныхъ своихъ созданіяхъ онъ былъ за тысячу верстъ отъ этой лжи и фальши, и именно никогда не рисовалъ небывалое тогда «верховное изящество природы». Ему въ голову не приходило, что художественное его созданіе, для того чтобы быть великимъ и чудеснымъ, должно быть непременно «чистое, непорочное, прекрасное какъ невѣста», и чтобы казалось, что «небесныя фигуры, изумленные столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы» («Портретъ»). Ничего подобнаго не было въ его собственныхъ созданіяхъ, ни божественнаго, ни стыдливаго, ни невиннаго и робкаго. Они глядѣли всѣмъ прямо въ глаза, безъ всякой божественности и невинности, и только съ неслыханнымъ талантомъ и силою высказывали правду жизни.

Но чтó было потребностью для Гоголя, а вслѣдъ за нимъ, и для созданной имъ школы, чтó являлось имъ всѣмъ единственной, настоящей задачей ихъ искусствъ, то однажды вдругъ

показалось потребностью и задачей жизни тоже и русскимъ художникамъ. У нихъ точно занавѣсъ упала, и они, протирая глаза, заговорили другъ съ другомъ: «Ахъ, батюшки, да что же это такое у насъ дѣлалось? И что за живопись происходила? О чемъ это думали тѣ люди и художники, что раньше насъ были? Какъ это живописцы *моли* писать такія картины, какъ публика *мола* выносить ихъ? Вѣдь это все только была ложь и вздоръ, выдумка и небывальщина? И какъ это прежніе художники въ состояніи были бросаться въ какую-то даль, въ какое-то безвоздушное пространство, когда кругомъ такой богатый, разнообразный міръ простирается? И они его не трогали, они имъ гнушались, они отъ него отвергивались. Какіе странные люди! Крѣпкое же у нихъ сидѣло внутри рабство и бѣдность мысли. Но этого мы больше не хотимъ. Полно быть слѣпымъ и глухимъ. Полно притворяться и рядиться по маскараднему!» И вотъ эти проснувшіеся люди ступили на новую дорогу.

Что ихъ пробудило? Не Европа, и не Оедотовъ. Европы они не знали, куда имъ было знать ее, живя по темнымъ и глухимъ угламъ Россіи; о Оедотовѣ тоже не доходило до нихъ слухъ,—онъ же такъ мало сдѣлалъ на своемъ вѣку и такъ мало былъ распространенъ внѣ Петербурга. Нѣтъ, все сдѣлала крымская война, пробудившаяся мысль и голова, русскаго общества, и, можетъ быть, раньше и больше всего—русская литература.

Никому, конечно, не придетъ въ голову мысль, что крымская война создала что-то новое, сотворила новыя матеріалы. Нѣтъ, она только отвалила плиту отъ гробницы, гдѣ лежала заживо похороненная Россія. Ворвался свѣжій воздухъ въ спертое удушье, и глаза у недвижно-лежащаго трупа раскрылись, грудь снова вдохнула, онъ всталъ—взялъ одръ свой и пошелъ. Все что было силъ жизни, мысли, ощущенія, понятія, чувства—ожило и двинулось. Что назрѣвало въ литературѣ, закутанное и замаскированное тысячами покрововъ, получило теперь свое выраженіе и громовое слово. Искусство молчало до этой поры, оно было слишкомъ сдавлено; его образы не могутъ кутаться и прятаться, они прямо говорятъ всю свою правду. Посмотрите, на какія «невинности» и «благонамѣренности» была осуждена, въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ, живопись со своими сюжетами даже у тѣхъ живописцевъ, которые были вовсе не академисты, которые были въ самомъ дѣлѣ талантливы, которые не желали уже болѣе питать античныхъ и иныхъ глупостей, и которымъ смерть хотѣлось переносить на холстъ окружающую ихъ, въ деревнѣ и городѣ, дѣйствительность. Кто писалъ «Ни-

щаго, просящаго милостыню», кто «Солдата съ дитятей на могилѣ своей жены», кто «Внутренность чухонской избы», кто «Молодого рекрута», кто «Гаданіе», кто «Крестьянина, благословляющаго сына въ ополченіе» — какъ все это прѣсно и безцвѣтно! Такъ и видишь, что все это люди, съ интересомъ и любовью ведящіе кистью по полотну, а сами озирающіеся и оглядывающіеся, не пристуенетъ ли кто-нибудь палькой по спинѣ. Даже такой истинный и симпатичный талантъ, полный юмора, наблюдательности и правдиваго чувства, дальше не посмѣлъ идти какъ, до «Отъѣзда изъ деревни», «Обрученія», «Шарманщика», т. е. до собранія типовъ милыхъ, правдивыхъ и ничего вдаль и глубь не смѣющихъ затронуть.

Крымская война и наступившій тотчасъ послѣ нея періодъ разверзли, наконецъ, уста и русскому художнику. До какой степени это нужно было, до какой степени также и искусство почувствовало себя общественною силою, создательницею того, что всѣмъ необходимо вовсе не для праздноя забавы и любованія, до какой степени много накопилось за послѣдніе годы матеріала, прежде невѣдомаго, а теперь просившагося наружу, до какой степени новый живописецъ чувствовалъ потребность и призваніе идти за одно съ остальнымъ обществомъ — это все ярко доказывается тою массою картинъ, какая стала появляться со времени новаго царствованія, тотчасъ послѣ окончанія крымской войны, — и картинъ все съ новымъ содержаніемъ и настроеніемъ. Ни въ одинъ прежній періодъ не было подобной массы художественныхъ созданій. Съ конца 50-хъ годовъ, они полплись несклончаемымъ, все болѣе к болѣе разростающимся потокомъ, и всѣ они, почти одною сплошною массою, принадлежали уже такому направленію, въ которомъ нарисовались свои особенныя, совершенно опредѣленныя черты.

Первыми и главными чертами явились реализмъ и національность.

Въ своей исторически знаменитой рѣчи, произнесенной въ 1861 году, на художественномъ конгрессѣ въ Антверпенѣ, Курбѣ заявилъ, что онъ первый поднялъ въ Европѣ знамя реализма, и что до него ни одинъ художникъ не осмѣливался «категорически провозглашать его».

Въ Европѣ? Да, конечно, это такъ. Тамъ никто, раньше Курбѣ и его глашатая, Прудона, не пробовалъ выступать съ реальными картинами новаго склада, провозглашать новый принципъ ихъ словесно и печатно. Но у насъ — совсѣмъ другое дѣло. У насъ то же самое началось въ нашемъ углу, невѣдомо для

Европы, безъ шума и безъ грохота на весь міръ, безъ кровопролитныхъ баталій въ печати, и, все-таки, безъ заимствованія откуда бы то ни было. Уже Федотовъ явился у насъ реалистомъ, помимо Курбѣ, Федотовъ, отроду не слыхавшій его имени, и умершій безъ наимагъйшаго понятія о томъ, что имъ было начато и отстаиваемо. Наслѣдники Федотова, конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, мало знавшіе самого Федотова, а можетъ быть и вовсе не знавшіе его, во всякомъ случаѣ точно такъ же какъ и онъ ничего не слыхали о Курбѣ, и не видали ни единой черточки изъ его картинъ. Въ этомъ живописи наша буквально повторила то, что за 20 лѣтъ передъ тѣмъ совершилось у насъ въ литературѣ. Родился у насъ Гоголь, и создалъ «натуральную шеолу», т.-е. реализмъ нашего новаго времени, не имѣя никакого понятія ни о Бальзакѣ, ни о Диккенсѣ. Но какъ тутъ, такъ и тамъ, главная основа, главный принципъ были одинаковы. Курбѣ говоритъ: «прежнее искусство, классическое и романтическое, было только искусствомъ для искусства. Нынче—приходится равсуждать, даже въ искусствѣ. Основа реализма—это отрицаніе идеальности. Разумъ долженъ во всемъ задавать тонъ человѣку. Отрицаая идеальность и все съ нею связанное я прихожу къ освобожденію индивидуума». То, что Курбѣ считалъ исключительно ему одному въ цѣломъ свѣтѣ принадлежащимъ починомъ, то уже давно осуществлялось тамъ, гдѣ онъ никогда бы этого и не подозрѣвалъ, въ невѣдомой (а всего вѣроятнѣе и глубоко презираемой имъ, по части искусства) Россіи. И тутъ тоже наступило такое время и народились такіе люди, которые распросились съ «идеальностью». Въ одномъ мѣстѣ «Войны и мира» графъ Л. Толстой говоритъ, что презрѣніе во всему условному, искусственному есть *исключительно-русское чувство* (гл. 80). Въ искусствѣ оно проявилось лишь въ послѣднюю четверть столѣтія во всей силѣ и цвѣтѣ своемъ. Почувствовавъ, наконецъ, настоящія основы своего духа, новые художники горячей душой прильпились къ реализму, къ воспроизведенію правды, существующей въ дѣйствительной жизни, которые стремились къ «освобожденію индивидуума» отъ всѣхъ сковывавшихъ его предразсудковъ и одолевъавшихъ его долгое время темноты и робости. Для всего этого, у этихъ людей существовали свои учителя и колонновожатаи дома, дѣлавшіе излишними чужихъ, постороннихъ, иноземныхъ,—одни учителя и колонновожатаи еще изъ предшествовавшей эпохи, какъ Гоголь и Бѣлинскій, другіе—изъ самаго послѣдняго тогда времени: Добролюбовъ, Островскій, Некрасовъ и еще нѣсколько другихъ. Ни Курбѣ, ни вся остальная

Европа тогда не могла, конечно, и подозревать, что у нас, помимо всѣхъ Прудоновъ и Курбѣ, былъ свой критикъ и философъ искусства, могучій, смѣлый, самостоятельный и оригинальный не меньше ихъ всѣхъ, и пошедшій, не взирая на инья заблужденія свои, еще дальше и послѣдовательнѣе ихъ. Это— тотъ неизвѣстный авторъ, который еще въ 1855 году выпустилъ въ свѣтъ юношескую, но полную силы мысли и энергической независимости книгу: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Нужды нѣтъ, что, быть можетъ, большинство русскихъ художниковъ тогда вовсе и не вѣдало этой книги, а, кто знаетъ, можетъ быть не вѣдаетъ ея и донинѣ. Нужды нѣтъ: проповѣдь ея не была потеряна въ пустынѣ, и если ея не читали художники, за то читали другіе, публика, и, послѣ того, какъ всегда бываетъ, то что въ ней было хорошаго, важнаго, драгоценнѣйшаго, Богъ знаетъ какими таинственными, незримыми каналами просачивалось и проникало туда, гдѣ всего болѣе было нужно,—къ художникамъ. Здоровое пониманіе, здоровое чувство, здоровая потребность правды и неприкрашенности все болѣе и болѣе укрѣплялись въ средѣ новыхъ русскихъ художниковъ.

Рядомъ съ реализмомъ выросла у насъ потребность національности. До какой степени прежніе русскіе художники были равнодушны въ выборѣ своихъ темъ и матеріала, въ такой же степени они сдѣлались теперь горячи и исключительны, и можно было бы перечислить каждому изъ нихъ сто сюжетовъ раньше, чѣмъ онъ нашелъ бы возможнымъ остановиться на одномъ. И этотъ одинъ былъ непремѣнно—національный. Всякій другой потерялъ теперь для нихъ интересъ и привлекательность.

Курбѣ говорилъ, что задача нынѣшняго художника «передать нравы, идеи, обликъ нашей эпохи, какъ каждый отдѣльный художникъ и чувствуетъ, и понимаетъ, быть не только живописцемъ, но и человѣкомъ; однимъ словомъ, создавать на свѣтъ *искусство живое*. Художникъ не имѣетъ ни права, ни возможности представлять такія столѣтія, которыхъ онъ не видалъ самъ и не изучалъ съ природы. Единственно возможная исторія—это современная художнику исторія. Ставя на сцену нашъ характеръ, наши нравы и наши дѣла, художникъ избѣжалъ бы той ничтожной теоріи «искусства для искусства», на основаніи которой созданія современныя не имѣютъ никакого значенія, и онъ уберечь бы себя отъ того фанатизма традиціи, который осуждаетъ его на вѣчное повтореніе все только старыхъ идей и старыхъ формъ, заставляя забывать свою собственную личность». Ничего

не зная въ этого символа вѣры и пропаганды Курбѣ, наши новые художники исповѣдовали и осуществляли на дѣлѣ тѣ же самые принципы. Они, точно такъ же какъ Курбѣ, прежде, всего искали уберечь и спасти свою собственную «личность». Личность, прежде такъ мало стоявшая, стала теперь на первый планъ. Художникъ не хотѣлъ болѣе заботиться о томъ, что думали, говорили и дѣлали предшественники, великіе и малые образцы, онъ прежде всего чувствовалъ въ себѣ жизнь, силу, возникающіе образы, шевелящуюся мысль и чувство—и это-то все внутреннее движеніе свое онъ хотѣлъ передавать. Но въ такомъ случаѣ художникъ немедленно становится индивидуаленъ и націоналенъ. Не постороннія, не чужія, не давнишнія и не дальнія сцены, лица и характеры тѣснятъ у него въ воображеніи и чувствѣ, а то, что его всякій день окружаетъ, среди чего онъ живетъ съ утра до вечера. Онъ, самъ того не думая, съ первой же минуты становится націоналенъ. Надобны тысячи пеленокъ и бинтовъ предрасудка и школы, потребны безчисленныя предосторожности и усилія, чтобъ помѣшать этому естественному ходу дѣла, чтобъ обезличить художника, вогнать его въ высокое и далекое искусство, лишить его простоты и натуральности родной его національности. Оставьте художниковъ въ повоѣ съ самаго же начала, не троньте ни ихъ чувства, ни ихъ мысли, и каждый изъ нихъ будетъ непремѣнно націоналенъ. Это слишкомъ натурально и просто, каждый съ этимъ родится. Не троньте цвѣтка и дерева, не гните ихъ ни въ какую сторону, и они сами всегда повернутся къ солнцу. Оттуда идетъ жизнь для нихъ.

Кто говоритъ—есть на свѣтѣ, кромѣ современности и ежедневности, еще и прежнія времена, есть прежніе люди и событія, и есть умы, таланты и врожденныя настроенія, которымъ потребно опускаться въ ихъ сѣдую глубину и воссрещать ихъ въ новой жизни силою животворнаго созданія. Да, они есть, и Боже сохрани мѣшать имъ, останавливать ихъ доктринерскою рукою и сворачивать въ другую сторону, имъ не свойственную. Они есть, и пусть они исполняютъ свое влеченіе, пусть создаютъ сцены, событія, характеры и личности изъ какой имъ угодно исторіи, времени и народностей. Но такихъ талантовъ и настроеній мало, они составляютъ исключеніе; главная же общая масса художниковъ—совсѣмъ иная по духу и вкусу, по внутренней интимнѣйшей потребности. Тутъ уже нельзя сомнѣваться, нельзя быть двухъ разныхъ мнѣній; математическія цифры тотчасъ же громко докажутъ, гдѣ правда и гдѣ притворство, гдѣ врожденное и гдѣ напускное. Каждому стоитъ только пробѣжать въ

своей памяти всё видѣнные имъ музеи, галереи картинъ, собранія рисунковъ, снимковъ и фотографій. Что ему скажетъ этотъ смотръ, много ли онъ видѣлъ дѣйствительно вѣрно и исторично воспроизведенныхъ эпохъ и людей прежняго времени, времени, чуждаго этому или тому воспроизводившему ихъ художнику? Много ли онъ найдетъ тутъ тѣхъ картинъ, которыя въ самомъ дѣлѣ перенесутъ его фантазію, мысль и чувство въ другія страны и въ другія эпохи? Такихъ примѣровъ будетъ всегда самый малый процентъ. И это потому, что въ этому вовсе неспособенъ, а еще болѣе, вовсе не обязанъ (какъ прежде вѣрвали) каждый художникъ,—стоитъ ему только захотѣть; а напротивъ, это составляетъ особый, исключительный даръ, которымъ владѣютъ немногіе. Можно быть «маленькимъ» художникомъ и владѣть этимъ спеціальнымъ даромъ, можно быть самымъ «крупнымъ» художникомъ и вовсе не владѣть имъ. Это вовсе не было извѣстно прежнимъ періодамъ искусства, но за то слишкомъ хорошо извѣстно нашему. Хорошо сознавъ это въ одинъ прекрасный день, наши художники вдругъ почувствовали, точно камень въ тысячу пудъ свалился у нихъ съ груди. «Такъ не надо больше притворяться, не надо насильно пеленать душу и воображеніе, какъ китайскія ноги!»—сказали они сами себѣ, и были внѣ себя отъ радости. «Можно быть свободнымъ и естественнымъ и счастливымъ? Ахъ, какое счастье!» И они густой толпой бросились рисовать на своихъ холстахъ то, что они въ самомъ дѣлѣ знали, чувствовали и понимали, то что имъ было близко и интересно, прелестно или отвратительно, позабывъ всё классическіе примѣры, наставленія и грозящія указы. И тутъ всё они вдругъ очутились отъ головы до ногъ національными, оригинальными, интересными и важными, въ совершенную противоположность своимъ предшественникамъ, вовсе не-национальнымъ, но за то и вовсе не оригинальнымъ и не интереснымъ, исходящимъ изъ своихъ произведеній потоки скуки и холода. У нихъ (какъ и вообще у всего нашего общества) не было никакого презрѣнія, антипатіи или предубѣжденія противъ сюжетовъ не-национальных, чужихъ, далекихъ отъ насъ по времени и мѣстности; они глубоко уважаютъ исторію и народности, но они только оставляли все это въ сторонѣ, какъ не подходящее и не извѣстное имъ, и съ горячностью примыкали къ сюжетамъ и содержанию своему, видѣнному, самимъ испытанному и твердо извѣстному. И вотъ тутъ-то ясно увидѣли всё, какая разница между народностью заказною и официальною, тою, что въ ходу была во времена императора Николая I, и народностью настоя-

щею, рождающеюся въ самомъ дѣлѣ изъ груди художника, когда только никто ему не мѣшаетъ. Народившаяся въ 50-хъ годахъ художественная наша національность являлась той самой національностью, которая уже раньше существовала въ нашей литературѣ, въ созданіяхъ Грибоедова, Пушкина, Гоголя, а въ художествѣ была только задержана и зажата, только опоздала и поотстала на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

За то, когда она прорвалась, наконецъ, на свѣтъ, какой блескъ новыхъ результатовъ!

Въ прежнія времена и значительныя иной разъ дарованія русскихъ художниковъ умалылись и обезувѣчивались; въ новое время и самыя миниатюрныя—выигрывали сторицею въ силѣ и разцвѣтали во всей привлекательности своей.

Разрывъ новаго русскаго искусства со старымъ направленіемъ былъ гораздо сильнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ европейскихъ школъ. Тамъ, относительно искусства царствуютъ тѣ же самыя правила и взгляды, которые царствуютъ относительно и другихъ проявленій жизни и духа. Тамъ направленіе тянущее впередъ, и направленіе тянущее назадъ способны уживаться рядомъ, только спора объ очереди на сегодня и на завтра. Тамъ полагаютъ, что и то направленіе, и это направленіе—оба справедливы, оба законны каждое со своей точки зрѣнія, и вопросъ только въ томъ, чья возьметъ на нынче. У насъ нѣтъ еще куда такой благоразумной апатіи и такой вялой терпимости. У насъ считаютъ, въ жизни, какъ въ искусствѣ, что правда всего одна, и не могутъ быть равно милы всѣ стороны. У насъ нѣтъ еще такого холода и такого бездушнаго «безпристрастія». На западѣ, гдѣ угодно, рядомъ съ Бальзакомъ и Диккенсомъ возможна какая угодно самая же-классическая трагедія и комедія, вся состоящая изъ формалистики, условности и неправды; рядомъ съ созданіями самыхъ прогрессивныхъ живописцевъ-реалистовъ, возможны самыя бессмысленныя, самыя живыя произведенія уцѣлѣвшихъ классиковъ—и все хорошо, все прекрасно, все въ порядкѣ, одинъ и тотъ же человѣкъ, гордящійся своимъ истиннымъ просвѣщеніемъ и всестороннимъ вкусомъ, будетъ восторгаться и на право, и на лѣво, по очереди, произведеніями, созданными въ самыхъ противоположныхъ и одно другого исключаящихъ направленіяхъ. Глядя на то, какъ во Франціи люди даже и до сихъ поръ способны восхищаться такими произведеніями стараго времени, каковы картины Грб, Жерико или Прудона; видя, какъ въ Луврѣ толпы народы съ глубочайшимъ почтеніемъ, безъ попытки самадѣйшей критики, рассматриваютъ

эти картины и считают ихъ честию и славой отечества; видя, какъ и до сихъ поръ появляются на французскихъ выставкахъ, десятками и сотнями, картины въ точно такомъ же фальшивомъ, противуестественномъ и придуманномъ обликѣ; видя, какъ нѣмцы продолжаютъ боготворить Корнелиусовъ и Каульбаховъ, Овербековъ и Пидоти и, даже, ставить ихъ выше всѣхъ остальныхъ европейскихъ, находить въ нихъ величiе и наивность, глубину и правду; видя, какъ цѣлыя поколѣнія новыхъ нѣмецкихъ художниковъ съ полнѣйшимъ энтузіазмомъ стараются идти по ихъ слѣдамъ и повторять ихъ, — послѣ этого всего подумаешь про себя: да полно, правда ли, что у этихъ французовъ и нѣмцевъ радовалась уже проповѣдь реализма и возвращенія къ простой, натуральной, неподкрашенной истинѣ представленія? Точно ли правда, что у французовъ были такіе могучіе борцы за эту истину, Курбѣ и Миллѣ, Реньѡ, и цѣлая толпа молодыхъ талантовъ, принадлежащихъ къ тому же направленію; точно ли правда, что у нихъ уже Кнаусы, Потгѣ, Дефрегеры и вся ихъ многочисленная школа, всѣ тѣ, у кого корни таланта такъ здоровы и направленіе такъ правдиво, — полно, рождались ли всѣ эти люди у нихъ? Нѣтъ, вѣрно ихъ никогда не бывало, или никто не видалъ ни одного ихъ произведенія. — У насъ разрывъ съ прежнимъ направленіемъ былъ совсѣмъ иного характера. Онъ былъ рѣшительный и окончательный. Правда, въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ выходили отъ времени до времени на сцену живописцы прежняго направленія: гг. Сорокинъ, Флавукиѣ, Венигъ, Чумаковъ, В. П. Верещагинъ и другіе — все люди, не лишены ни дарованія, ни знанія, и потому получившіе въ свое время и множество заказовъ, и художественныя званія академиковъ и профессоровъ. Изъ нихъ самый значительный, Флавукиѣ, въ своей картинѣ «Христіанскіе мученики въ Колизеѣ» очень близко подошелъ къ Брюллову и его «Помпей»; В. П. Верещагинъ въ картинѣ «Мать пророка Самуила, молящаяся о дарованіи ей сына» также по концепціи и краскамъ приближился, до нѣкоторой степени, къ «пророчицѣ Авнѣ» Брюллова; г. Семирадскій въ «Свѣточахъ христіанства» и въ иныхъ картинахъ московскаго собора Спаса опять-таки напоминалъ настроеніе и направленіе Брюллова; другіе изъ этихъ художниковъ приближались кто къ Бруни, кто къ Басину — но дѣло ихъ было уже проиграно. Они ни на кого болѣе не производили прежняго впечатлѣнія своихъ оригиналовъ; и они сами, и ихъ направленія казались устарѣлыми, не взирая на «модернизацию» и «освѣженіе» стараго академическаго принципа иными совре-

менными приемами европейскаго приема. Все-таки ихъ «идеальный» складъ и пошибъ, ихъ равнодушіе въ своимъ сюжетамъ, ихъ космополитизмъ, отсутствіе у нихъ собственной фязіономіи и смахиваніе поминутно то на другихъ, то другъ на друга — все это дѣлало каждаго у насъ — ледянымъ. Пускай ихъ появляется сколько угодно еще — имъ не поворотить понятіе и вкусъ общества назадъ.

Благодатнымъ послѣдствіемъ искренней національности и реализма, начавшагося у насъ не по модѣ, а по дѣйствительной потребности художника и общества, явилась серьезная содержательность новаго нашего искусства. Давно уже многіе лучшіе критики запада жалуются на пустоту и мелочность своего художества, при всей внѣшней виртуозности, развинвшейся до крайнихъ предѣловъ, и достигнувшей высшей степени блеска и талантливости. Они жалуются, что изъ нѣсколькихъ тысячъ картинъ, появляющихся на выставкахъ, лишь самый маленькій процентъ является выраженіемъ дѣйствительной мысли и истиннаго чувства. Въ большинствѣ случаевъ все остальное блестящія пустяки, нестойшіе того, чтобъ столько талантливыхъ мастеровъ брали ихъ предметомъ для своей кисти. Еще Гоголь въ своемъ «Театральномъ развѣдѣ» говорилъ, что большинство нѣмѣцкихъ иностранныхъ пьесъ въ томъ только и состоитъ, что одинъ человѣкъ спрятался подъ столъ, а другой оттуда его вытаскивалъ. Нѣчто въ родѣ этого можно было бы указать и вообще въ новомъ западномъ искусствѣ. Ничтожество, банальность и бездѣятельность содержанія доходитъ тамъ, въ большинствѣ случаевъ, до геркулесовыхъ столбовъ возможнаго. Ничего нѣтъ утомительнѣе, какъ просмотрѣть одну изъ новѣйшихъ иностранныхъ художественныхъ выставокъ. Она способна вывести изъ терпѣнія, во-первыхъ своего «всеядностью», своимъ безразличнымъ отношеніемъ ко всѣмъ на свѣтѣ задачамъ и сюжетамъ, а во-вторыхъ, «праздностью» своихъ произведеній. Они почти всѣ назначены либо для удовлетворенія заказа, либо для плѣненія любителей виртуозными своими формами и мастерствомъ. Что-нибудь искреннее, результатъ истиннаго душевнаго настроенія и чувства — самый рѣдкій, самый необыкновенный случай. Реньо, Бнаусы и Вотьё — наирѣдчайшія исключенія. Новѣйшія европейскія знаменитости, съ моднымъ, блестящимъ Фортуни во главѣ, тѣ, кому платятъ десятки и сотни тысячъ франковъ за картину или картинку, изображающую въ чудномъ совершенствѣ котелъ, шелковую матерію, попугая, нечтожвѣйшія и безсодержательнѣйшія сцены, безъ взгляда, безъ мысли, безъ юмора или трагедіи, а только *такъ*, чтобъ только

представить, — все это тѣ же герои оперной сцены, тѣ же пѣвцы-виртуозы, отпускающіе съ величайшимъ искусствомъ руды и распѣвающіе съ величайшей поваторѣльностью пошлѣйшія мелодіи, въ которыхъ нѣтъ ни на единый волосокъ смысла. Въ нашей школѣ всего этого, слава Богу, покуда еще нѣтъ. Мы не доходимъ еще, въ нашемъ искусствѣ, до той степени равнодушія и усталости, на которую надо жаловаться. Очень можетъ быть, какъ увѣраютъ иныя западныя критики, что будущее искусство принадлежитъ новымъ, возникающимъ теперь на нашихъ глазахъ школамъ: русской, англійской и американской; не даромъ на послѣднихъ всемірныхъ выставкахъ западныя художники и эсперты отводили самое почетное мѣсто нашимъ художественнымъ созданіямъ и присуждали имъ наивысшія, иногда самыя первыя награды. Но, какова бы ни была будущность нашего искусства, по крайней мѣрѣ во всякомъ случаѣ вѣрно то, что наша молдая школа глядитъ самыми серьезными глазами на свое дѣло, нашъ художникъ (кромѣ рѣдкихъ исключеній) не принимается за картину свою иначе, какъ въ самомъ дѣлѣ провикутый сюжетомъ, плѣвившимъ и наполнившимъ всю его душу; собственно «виртуозы» пользуются у насъ малыми симпатіями, и съ нихъ тотчасъ же требуютъ отчета, что онъ такое написалъ и зачѣмъ написалъ. У насъ очень мало, или, точнѣе, никакого успѣха не могутъ имѣть многія такія картины, которыя блещутъ въ Парижѣ, Брюсселѣ или Вѣнѣ, прогуливающаяся дама, сидящая и глядящая дѣвица, «Нимфа», «Вакханка», «Эхо и Наруны», «Nature morte» и т. д. Безсодержательная картина не оскорбляетъ на Западѣ никого, у насъ — всякаго.

Содержательность нашихъ картинъ такъ опредѣленна и сильна, что ихъ иной разъ упрекали въ «тенденціозности». Какое смѣшное обвиненіе и какое нелѣпое прозвище! Вѣдь подъ именемъ «тенденціозности» обвинители разумѣютъ все то, гдѣ есть сила негодованія и обвиненія, гдѣ дышетъ протестъ и страстное желаніе гибели тому, что тяготитъ и давитъ свѣтъ. Выкиньте всю эту страстную и лучшую струну въ художникѣ, и многія останутся довольны. Но что онъ безъ нея значить. Какъ будто не «тенденціозно» все, что есть лучшаго въ созданіяхъ искусства и литературы всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Развѣ не «тенденціозенъ» былъ «Донъ Кихотъ», развѣ не тенденціозны были «Отелло», и «Лиръ», и «Горе отъ ума», и «Ревизоръ», «Мертвыя души», и «Свои люди, сочтемся», и «Воспитанница» и «Бѣдность не порокъ», всѣ созданія Байрона и Гейне, всѣ стихотворенія Некрасова, и т. д. Неужели эта «тенденціозность» мѣшаетъ этимъ крупнѣй-

шимъ созданіямъ, имѣвшимъ, имѣющимъ и назначеннымъ имѣть въ будущемъ громаднѣйшее вліяніе на душу, воображеніе и судьбу людей? Но пусть противники «тенденціи» вспомнятъ тѣ самыя произведенія искусства, которымъ они глубоко поклоняются, на-примѣръ, всѣ созданія «идеальнаго», «высокаго» и «чистаго» искусства, начиная отъ Рафаэлей и кончая нашимъ Ивановымъ, неужели и въ самомъ дѣлѣ эти созданія не проникнуты «тенденціею»? По моему, они ею не только проникнуты, но переполнены выше краевъ. Они тоже ищутъ что-то доказать своему зрителю посредствомъ своихъ формъ и образовъ, они ищутъ освѣтить свой фактъ и свои личности такимъ образомъ, чтобъ этотъ зритель проникнулся благочестіемъ, благодушіемъ, почтеніемъ, обожаніемъ, экстазомъ, которыми дышалъ самъ авторъ. За что-жъ лишать авторовъ другой категоріи права тоже стараться переполнить зрителя тѣми чувствами негодованія, отвращенія, любви, экстаза, которыя его наполняютъ и безъ которыхъ онъ не понимаетъ выбранныхъ имъ сюжетовъ? Равнодушное къ своимъ созданіямъ, не-тенденціозное искусство въ наше время менѣе возможно и менѣе мыслимо, чѣмъ когда-нибудь. Искусство до сихъ поръ слишкомъ отставало въ этомъ отъ своей старшей сестры,—поэзіи и литературы. Оно слишкомъ еще медленно наверстываетъ время, растратенное на красивыя, но праздыя бирюльки. Мнѣ кажется, въ будущемъ всякое другое искусство померкнетъ и уйдетъ прочь со сцены, останется одно то искусство, которое теперь, покуда, обзываютъ «тенденціознымъ», во въ которое лучшіе художники вкладывали до сихъ поръ все лучшее, все драгоцѣннѣйшее, что поднялось и набило въ ихъ души, все что они успѣли увидеть, схватить и понять.

Я уже указывалъ выше на то, что, вмѣстѣ съ рожденіемъ новой художественной школы, совершился у нашихъ художниковъ переворотъ въ понятіи о чужихъ краяхъ и заграничной жизни. Иначе и быть не могло. Вѣдь одна изъ главныхъ отличительныхъ чертъ ихъ—«непочтительность» къ авторитетамъ, отсутствіе слѣпой «покорности» и желаніе собственными глазами убѣдиться въ силѣ и значительности того, что имъ выдаютъ за великое. Понятно, что при такомъ настроеніи прежняя слава Италіи и всего итальянскаго должна была для нашихъ художниковъ померкнуть. Гдѣ же новыя великія созданія, внушаемыя «чудными небесами», гдѣ произведенія итальянскихъ «гордыхъ и горячихъ художниковъ»? Увы! Ихъ не оказывалось на лицо. И что всего было убійственнѣе для застарѣлой теоріи, — чѣмъ долѣе иностранецъ засиживался подъ «чудными небесами»,

тѣмъ хуже выходило дѣло, тѣмъ болѣе онъ не только уже обезличивался и обезнародовался, но еще слабѣлъ и падалъ. Каждому нашему художнику извѣстно было, сколько молодыхъ русскихъ талантовъ поѣхало отсюда подъ горячія небеса и какъ мало ихъ воротилось непопорченными, цѣлыми, въ самое дѣлѣ выигравшими что-нибудь. Сколькими жертвами заплатились мы за предрасудокъ, подумать больно. Пускай бы еще ѣздили съ подобострастіемъ въ Италію Брюлловы и Бруни, Басины и Марковы, Моллеры и Завьяловы—въ этомъ не было еще великой потери, потому что у всѣхъ этихъ людей, при всей разности натуръ и талантовъ, главная черта характера все-таки состояла въ отсутствіи національности и самостоятельности, и, значить, прожили ли они въ чужихъ краяхъ одинъ годъ, или десять лѣтъ—это было рѣшительно все равно. Имъ нечего было терять. Точно также не могло быть никакого вреда отъ чужихъ краевъ для долгаго пребыванія въ Италіи, Франціи или Германіи сильнымъ, самобытнымъ художникамъ, съ сложившимся еще отъ юности характеромъ, складомъ и понятіями, каковы напр. Перовъ, Шварцъ, Рѣпинъ, Верещагинъ (В. В.) и нѣкоторые другіе. Конечно, живя въ Италіи, Франціи, Германіи, они не меньше кого бы то ни было наслаждались тамошней природою и людьми, изучали тамошнее искусство, старались завладѣть всѣмъ тѣмъ, что тамошніе талантливые художники создали великаго, высокаго или хотя бы только замѣчательнаго. Конечно, соприкосновеніе съ новыми людьми, жизнью, народностями, дѣйствовало на нихъ благотворительно, освѣжительно. Конечно, повинувшись той впечатлительности, которая есть одно изъ лучшихъ достоинствъ истиннаго художника, почти каждый изъ нихъ сильно увлекался тою чужеземною средою, гдѣ находился въ ту минуту, и писалъ картины съ содержаніемъ, типами и сценами, далекими отъ насъ по національности и складу жизни: изъ нихъ одни писали картины на сюжеты французскіе, другіе—нѣмецкіе, итальянскіе, какіе угодно европейскіе или азіатскіе,—но никогда не въ состояніи были произвести здѣсь что-то крупное и значительное, достигнуть здѣсь настоящаго полнаго проявленія своей природы,—такъ далека была ихъ сущность отъ иноземнаго настроенія и направленія. Они были слишкомъ національны. Въ лучшемъ случаѣ имъ могла удаваться развѣ только иноземная внѣшность. Для такихъ людей пребываніе за границей, даже долгое, никогда не могло принести существеннаго вреда,—они всегда оставались сами собою и удерживали свою личность, свою особенность, свою индивидуальность во всей полнотѣ и силѣ. Совсѣмъ другое дѣло

для художниковъ средняго таланта, для людей характера не вполнѣ самостоятельнаго. Очень часто блескъ, сила и полнота иноземнаго охватывали ихъ съ такою силою, которой они не могли противиться, и становились иногда полными ренегатами настоящаго своего искусства, того природнаго отечественнаго искусства, которому въ началѣ служили искренно и прекрасно, и на воспроизведеніи задачъ котораго выказались ихъ лучшія, оригинальныя силы. Я уже не стану говорить здѣсь о нашихъ скульпторахъ — тѣ всѣ повально, почти безъ исключеній, впродолженіе цѣлыхъ полутора ста лѣтъ, обезличивались и обезцвѣчивались подѣ вліаніемъ долгой жизни за границей. Тѣхъ извиняеть, по-крайней-мѣрѣ, до нѣкоторой степени, незавидное положеніе скульптуры во всей вообще новой Европѣ вплоть до нашего времени. Но печально то, что Италія и другія страны способны были такъ долго и такъ часто дѣлать нашихъ талантливыхъ художниковъ отступниками отъ собственной натуры и отъ собственнаго первоначальнаго направленія, подражателями чужихъ школъ и направленій. Всѣ они стали «ни пава, ни ворона». И Европѣ не нужны, да и для насъ тоже слишкомъ мало значуть. Какіе прекрасныя таланты были, на примѣръ, еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, жанристъ Штернбергъ и пейзажистъ Лебедевъ. Малороссійскія сцены перваго, русскіе пейзажи втораго были полны тонкой и мѣткой наблюдательности, характерности, силы и оригинальности. Но эти художники еще совсѣмъ молодыми людьми пріѣхали, на свое несчастье, въ Римъ и зажились тамъ долго: они тамъ растеряли всю свою личность и индивидуальность, сдѣлались сущими итальянцами, и что же отъ нихъ теперь осталось? Для итальянцевъ они — ничего, для насъ — тоже ничего, а вѣдь могли сдѣлаться такими крупными, такими значительными художниками, остались они со своимъ настоящимъ національнымъ обликомъ и характеромъ. Жизнь ихъ — чисто потерянная. Уже на нашихъ глазахъ, Чернышевъ, этотъ талантливый живописецъ, начинавшій такъ оригинально и такъ сильно, написавшій, еще въ Петербургѣ, такія прекрасныя вещи, какъ «Внутренность чухонской избы», «Отъѣздъ помѣщикаго сына изъ деревни», «Обрученіе» — получалъ, вмѣстѣ съ 1-ю золотою медалью, возможность ѣхать за границу, и что же онъ тамъ написалъ послѣ того? Картины на такіе казенные, заѣзженныя сюжеты, какъ «Пифферари, покошіе и играющіе передъ Мадонной», «Итальянскіе рыбаки», «Нормандскіе рыбаки», и вслѣдъ затѣмъ талантъ его совсѣмъ заглохъ. Что сдѣлалось съ талантливыми Поповымъ и Петровымъ, оттого

что они попали на свою бѣду въ Италію? Такія прекрасныя, оригинальныя вещи были ими написаны, пока они еще были въ Россіи и черпали свои силы изъ національной, глубоко имъ известной и родной жизни. У Попова: «Народная сцена на ярмаркѣ въ Старой Ладогѣ», «Школьный учитель», «Крестьянская семья на пашнѣ», «Дворовые люди», «Демьянова уха», «Возвращеніе изъ города», «Радостное письмо», «Внутренность харчевни», и, выше и значительнѣе всѣхъ остальныхъ картинъ — «Сладъ чая на Нижегородской ярмаркѣ»; у Петрова: «Мастерская художника», «Три мужика» (изъ басни Крылова), «Христославы въ деревнѣ», «Смотрини невѣсты», и, оригинальнѣе всего — «Сватовство къ дочери портного». Но что начали потомъ писать въ Римѣ эти самые талантливые люди? Поповъ — ничтожнѣйшія «Голову итальянской чучарки», «Дѣти, играющія въ полѣ», «Прачки», «Гулянье на Monte Pincio»; Петровъ — столько же безцвѣтныхъ «Итальянскаго скрыпача», «Итальянскаго музыканта». Изъ живыхъ, въ настоящее время, А. А. Рацони писалъ, пока былъ въ Россіи, такія все характерныя и оригинальныя вещи: «Жиды-контрабандисты», «Продажа съ публичнаго торга въ Лифляндской деревнѣ», «Чтеніе талмуда», «Квартетъ дилеттантовъ», — въ Италіи онъ не утратилъ, конечно, всей своей прелести и тонкости, но заплатился оригинальностью и характерностью: «Сакрестинъ», «Кардиналы», «Рефекторіи», «Итальянскій аптекаръ» и проч. не могутъ идти въ сравненіе съ прежними оригинальными созданіями. Другой примѣръ: А. А. Харламовъ, одинъ изъ немногихъ нашихъ колористовъ, не только талантливъ по натурѣ, но и усовершенствовалъ виртуозность своей кисти на иностранныхъ образцахъ. Но развѣ не лучше былъ бы, и не больше бы онъ для насъ, да и для Европы, значилъ, еслибъ не жилъ постоянно въ Парижѣ, а въ Россіи, и меньше приближался бы къ Рембрандту и Веласкецу изъ старыхъ, къ Боннѣ изъ новыхъ, и навѣрное сдѣлался бы самъ собою художникомъ самостоятельнымъ и принадлежащимъ хоть какому-нибудь народу, цвѣту и направленію?

Все это утраты для насъ сильныя и горькія. По счастью, онѣ немногочисленны и возможны теперь все рѣже и меньше. Новые наши художники готовы всегда и рады побывать въ чужихъ краяхъ, увидать людей и страны, насладиться всѣмъ, что тамъ есть великаго и талантливаго, но они не согласны тамъ заживаться, надолго пускать тамъ корни, какъ наши прежніе художники-восмополиты, равнодушные гуляки, праздные формалисты. Новымъ художникамъ тамъ скучно и холодно — это «чужое» для

нихъ гѣто. Новая порода художниковъ не хочетъ больше приносить такіа жертвы, какія способны были бессознательно приносить старше.

Наконецъ, еще крупная, отличительная черта новаго русскаго искусства, это—изобрѣтеніе собственныхъ темъ для картинъ своихъ, и независимость отъ созданій русской литературы. Въ этомъ еще новый разъ сказалось богатство ея силъ. Между тѣмъ какъ почти каждый европейскій художникъ, особливо принадлежащій къ такъ-называемому «жанру» всего охотнѣе прибѣгаетъ къ какому-нибудь роману, повѣсти, драмѣ, комедіи талантливаго отечественнаго писателя, и беретъ оттуда готовую сцену, положеніе, характеръ, типъ (исключеніе составляютъ лишь самыя крупныя, самостоятельныя художники, каковы: Кнаусъ, Вотье, Монкачи, Геккоммеръ, Месонье, Бретонъ и немногіе другіе) русскіе художники всегда создаютъ сами свои сюжеты и сцены. Чего бы, казалось, проще брать готовое изъ повѣстей, романовъ, поэмъ, комедій, драмъ, стихотвореній русскіихъ писателей. Ихъ такъ много и столько великолѣпнаго ими создано. Но въ галереяхъ русскаго искусства вы не найдете картинъ на сюжеты Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Островскаго, гр. Льва Толстого, Гончарова, Достоевскаго, Тургенева, Некрасова и т. д. Вездѣ все свои сюжеты. Исключенія такъ рѣдки, что ихъ почти нѣтъ, вовсе нѣтъ. Иллюстрировали капитальныхъ авторовъ нашихъ развѣ только плохіе или второстепенные художники наши, да и то не кистью, не въ картинѣ, а перомъ, въ легкѣхъ, мало имѣющихъ вѣса иллюстраціяхъ, на заказъ. Я въ этомъ нахожу великое доказательство избытка силъ и богатства собственнаго творчества. Когда тутъ-десять заниматься чужими созданіями, мыслями и чувствами, когда своихъ довольно? Черта фязіономіи многозначительная.

В. Стасовъ.

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Изъ Тардья.

Снова небо сѣро и угрюмо,
Каждый день идутъ, идутъ дожди...
И печальная смущаетъ дума:
Близко, близко осень впереди!
Точно сонъ промчалось наше лѣто;
Но не зналъ одинъ лишь я тепла,
Не проникла въ сердце искра свѣта,—
Стужа въ немъ гнѣздо себѣ свила...
Такъ проходятъ мѣсяцы и годы—
Молодые, лучшіе годѣ;
Безъ надежды, радости, свободы
Унесется юность навсегда!
Такъ придешь къ преддверію могилы,
Пошло жизнь растративши свою,
Расточивши бесполезно силы,
Всѣмъ чужой въ своемъ родномъ краю!..
Я глядѣлъ весной на всходы въ полѣ,—
Видѣлъ я просторъ зеленыхъ нивъ:
Росъ вокругъ роскошно хлѣбъ на волѣ!
Скорби злой терзалъ меня порывъ...
Пронеслись предо мной картины
Пышной жатвы—праздника крестьянъ:
Дастъ Господь,—и Франціи равнины
Обойдетъ нужда, лихой тиранъ!
Соберутъ вездѣ зерна не мало,
Селянинъ наполнить закрома:

Коль работа даромъ не пропала,
 Не страшнѣ работнику зима!
 Я же съ грустью жгучей, безъисходной
 На свое прошедшее смотрю,—
 Ни къ чему на свѣтъ ужъ не годный,
 Отъ стыда болѣзненно горю!..
 Заронилъ ли въ свою душу сѣмя
 Плодотворной мысли я—въ быломъ?
 Если такъ,—ему приспѣло время
 Наградить теперь меня зерномъ!
 Рабъ страстишекъ, мелочной, лѣнивый,
 Я работъ серьезныхъ избѣгалъ,
 Не трудясь надъ собственною нивою,
 Все какою-то жатвы ожидалъ.
 Осень, осень! призракъ твой суровый
 Ненавистенъ, гадокъ, страшенъ мнѣ:
 Не вернуть весны отцвѣтшей снова,—
 Даже мысль убита о веснѣ!
 Безпощадной, мрачною зимою
 Земледѣлецъ честный будетъ сытъ,
 А меня тяжелою рукою
 Рокъ позорной смертію сразить!

Кіевъ, 1882 г.

С. В.

ЗАПАДНАЯ ЛЕГЕНДА

0

ДОКТОРЪ ФАУСТЪ

ОЧЕРКЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИССЛЕДОВАНІЯ.

I.

Вѣра въ сверхъестественное участіе человѣка въ управленіи силами природы коренится въ общемъ міросозерцаніи, такъ-называемыхъ, естественныхъ религій. На первыхъ ступеняхъ развитія этихъ религій, божество—олицетворенное явленіе природы, въ распоряженіи котораго находятся другія, менѣе важныя физическія явленія: это главное свойство языческаго бога. Чѣмъ важнѣе явленіе природы для человѣка, чѣмъ оно поразительнѣе, страшнѣе, тѣмъ выше положеніе завѣдующаго имъ бога въ мѣтологіи; второстепенныя божества управляютъ менѣе важными явленіями,—но непремѣнно управляютъ, это одно изъ первыхъ условій ихъ божественности. Въ обществѣ съ такимъ религіознымъ міросозерцаніемъ человѣкъ выдающійся являлся прежде всего участникомъ въ управленіи естественными явленіями, приобрѣталъ атрибуты божества. Такими людьми были жрецы, маги, стоявшіе въ наибольшей близости къ богамъ. Здѣсь первое основаніе вѣры въ магію; здѣсь магія является занятіемъ священнымъ, доступнымъ исключительно благочестивымъ людямъ, теократическимъ аристократамъ, людямъ происхожденія высшаго, чѣмъ масса. По мѣрѣ того, какъ естественная религія, въ своемъ

постепенномъ развитіи, переходила въ антропоморфизмъ, вѣра въ магію падала. Такъ, въ классическую эпоху Греціи это вѣрованіе было весьма мало распространено, хотя слѣды его существованія въ древности можно замѣтить и въ позднѣйшей литературѣ. Но по мѣрѣ того, какъ греко-римскій міръ приходилъ въ сношеніе съ Востокомъ, вѣра въ колдовство, а за нею легенды о магахъ распространялись все болѣе и болѣе. Сначала образы классической мифологіи получили нѣкоторые атрибуты волшебниковъ, а потомъ и наиболѣе выдающіяся историческія личности мало-по-малу приняли характеръ маговъ. Въ началу христіанской эпохи эти вѣрованія пріобрѣли уже болѣе обширное распространеніе. Вступленіе на историческую сцену христіанства оказало громадное вліяніе на ихъ характеръ и распространеніе. Прежде всего измѣнился взглядъ на магію: до сихъ поръ она входила въ составъ религіи, была особаго рода звѣкомъ милости божества, возвышала человѣка до бога, обладаніе ею указывало на высокое достоинство человѣка. Теперь магія Востока сдѣлалась преступленіемъ противъ религіи, грѣхомъ. Объясненіе такой перемѣны найти не трудно. Весь языческій пантеонъ не только былъ лишенъ новою религіею своей божественности, но и причисленъ къ области злого начала: язычники, принося жертву, служатъ, по словамъ апостола Павла, бѣсамъ, а не Богу. Такой взглядъ на прежнихъ боговъ, выраженный учителями новой вѣры, легко уворенился въ религіозномъ міросозерцаніи народа. Но масса не могла скоро отказать отъ старыхъ божествъ, не могла изгладить ихъ совершенно изъ памяти, признать простою фикціею, и населила нѣкоторыми изъ нихъ адъ. Если такимъ образомъ языческій богъ сдѣлался дьяволомъ, то и магъ, его служитель, сталъ слугою сатаны. вмѣстѣ съ этою перемѣною въ общемъ значеніи магіи произошла еще и другая—въ пониманіи колдовства. Прежній магъ, какъ служитель божества, пользовался своею силою для добрыхъ цѣлей: онъ укрощалъ бури, останавливалъ градъ, вызывалъ дожди, уничтожалъ заразы или наказывалъ за грѣхи противъ бога,—теперешній волшебникъ не можетъ уже имѣть такихъ цѣлей въ своей дѣятельности. Онъ врагъ Бога, слуга сатаны. Средневѣковой аскетической взглядъ видѣлъ самаго страшнаго грѣшника въ человѣкѣ, стремящемся къ чувственнымъ наслажденіямъ. Міръ чувственныхъ наслажденій есть міръ дьявола; чтобы доставить себѣ наиболѣе такихъ наслажденій, нужно войти въ наиболѣе близкія отношенія въ дьяволу, заключить съ нимъ союзъ, сдѣлаться волшебникомъ. И вотъ, новыя маги пользуются своей

сверхъестественной силой главнымъ образомъ для доставленія себѣ такихъ наслажденій. Вѣрованіе въ волшебство, перешедшее въ Европу съ Востока, привилось къ средневѣковому религіозному міросозерданію и произвело обширный циклъ сказаній, который развивался на христіанской почвѣ въ теченіе 16^{1/2} вѣковъ. Всѣ эти сказанія, начиная съ легенды о Симонѣ волхвѣ и кончая цикломъ Фауста, въ своемъ постепенномъ развитіи пережили много измѣненій, отражающихъ на себѣ духъ времени. Особенно интересно въ этомъ отношеніи сравнить средневѣковыя сказанія съ легендами, возникшими въ реформаціонную эпоху, къ числу которыхъ принадлежитъ и сказаніе о Фаустѣ. Какъ тѣ, такъ и другія, сосредоточиваются на союзѣ человѣка съ дьяволомъ. Возможность подобнаго союза никогда не возбуждала сомнѣнія ни у протестантовъ, ни у католиковъ; если существуетъ союзъ съ Богомъ, отчего же не быть союзу съ дьяволомъ? Испытаніе сатаной Христа въ пустынѣ служило основаніемъ подобной вѣры. Но причины заключенія союза, его цѣли и результаты далеко не одинаковы въ различныхъ сказаніяхъ. Въ легендахъ о волшебникахъ, относящихся къ средневѣковому періоду, главною причиною отпаденія отъ Бога и союза съ дьяволомъ служить излишняя привязанность къ земнымъ благамъ, находящимся во власти «князя міра сего». Нарушеніе аскетическаго идеала—причина гибели человѣка. Гордость, честолюбіе, земная любовь, даже излишняя привязанность къ свѣтскому знанію востановленно ведутъ къ союзу съ дьяволомъ. Въ весьма раннемъ сказаніи о Теофілѣ, намѣстникѣ Аданскаго епископа въ Сициліи, жившемъ въ VI вѣкѣ, рельефно выставляется честолюбіе причиною отпаденія отъ Бога. Теофілъ былъ добрый, искренній пастырь своей церкви, и епископъ вполне полагался на него; всѣ его любили, уважали, потому что онъ былъ отцомъ бѣдныхъ и сиротъ. Когда епископская кафедра сдѣлалась вакантною, то клиръ и народъ съ полнымъ единодушіемъ избрали его преемникомъ умершаго; но онъ самъ отказался отъ этой чести. Три дня прихожане упрашивали его, но онъ продолжалъ настаивать на своемъ рѣшеніи. Тогда архіепископъ призвалъ на эту должность другого достойнаго человѣка. Новый епископъ, подъ вліяніемъ враговъ Теофила, замѣнилъ его другимъ пастыремъ. Сначала отставленный намѣстникъ терпѣливо переносилъ постигшее его несчастіе, но вскорѣ искусителю удалось возбудить въ его сердцѣ злыя мысли. *«Честолюбіе и инья настолько овладѣли имъ, что онъ предпочелъ временныя почести высшему блажен-*

стату, и, чтобы приобрести ихъ, не устращился приблнзнуться къ помощи волшебниковъ»¹⁾.

Земная любовь, какова бы она ни была, приводитъ также къ гибели, если она очень сильна. Эта мысль проводится въ сказаніи «о рабѣ сенатора Протерія», рассказанномъ въ житіи св. Василія, архіепископа Кессаріи Каппадокійской (IV в.). У сенатора Протерія (при императорѣ Юліанѣ) была дочь, которую онъ предназначилъ къ монастырской жизни. Одинъ изъ его домашнихъ рабовъ воспылалъ къ ней страстной любовью и отправился къ волшебнику, чтобы тотъ, своимъ искусствомъ, доставилъ удовлетвореніе его страсти. Волшебникъ далъ ему резомедательное письмо къ дьяволу; это письмо надо было подвязать къ верху на могилѣ какого-нибудь язычника, чтобы явились слуги сатаны и отвели къ своему господину. Такъ рабъ и сдѣлалъ; вслѣдствіе чего былъ приведенъ въ то мѣсто, гдѣ воссѣдалъ на тронѣ сатана, окруженный своими духами. Сначала духъ тьмы приверкнулъ на новичка; но когда тотъ письменно отказался отъ крещенія, добровольно произнесъ похвалу новому господину и вызвался раздѣлить съ нимъ въ вѣчности приготовленную ему участь, то дьяволъ смиловивился и принялъ его благосклонно. Затѣмъ послалъ демоновъ страсти воспламенить въ дѣвушкѣ любовь къ этому погибшему человѣку, что имъ и удалось.

Можно привести еще цѣлый рядъ сказаній, гдѣ нарушеніе требованій аскетическаго идеала становится причиною союза съ дьяволомъ: такъ, распутство привело къ волшебству герцога нормандскаго Роберта, а веселая жизнь—одного рыцаря (Militarius), героя поэмы Цезарія фонъ-Гейстербаха.

Другая особенность средневѣковыхъ легендъ о волшебникахъ заключается въ *результатѣ* союза съ дьяволомъ: обыкновенно грѣшникъ раскаивается и съ помощью какого-нибудь святого, особенно Дѣвы Маріи, получаетъ отъ Бога прощеніе. Такъ, рабъ сенатора Протерія прабѣгаетъ къ помощи св. Василія и послѣ долгихъ общественныхъ молитвъ подаетъ рукопись съ высоты въ руки святого, который разрываетъ ее, затаптываетъ въ грязь, а спасеннаго возвращаетъ женѣ его. Сказаніе о Теофилѣ, спасенномъ отъ союза съ дьяволомъ Божьею матерью, послужило сюжетомъ многихъ поэмъ въ ея честь. Такимъ образомъ, средневѣковыя легенды о волшебникахъ представляютъ въ

¹⁾ Сказаніе о Теофилѣ записано было на греческомъ языкѣ Эвріаномъ и уже въ VIII в. переложено на латинскій языкъ Павломъ діакономъ.

себя съ одной стороны проповѣдь аскетизма, съ другой — являются носителями культа святыхъ вообще и Дѣвы Маріи въ особенности. Легенда о волшебникахъ служить могущественнымъ проводникомъ католическихъ идей, потому что она получаетъ обширное распространеніе. Что она устно распространялась въ народѣ, это видно изъ безчисленнаго количества сказаній подобнаго рода; съ другой стороны, и литературныя обработки такихъ легендъ встрѣчались довольно часто ¹⁾.

Наступленіе реформаціонной эпохи не положило конца развитію сказаній о волшебникахъ. Религіозной интересъ, почти ослабленный гуманизмомъ, снова былъ выдвинутъ на первый планъ реформаціей. Снова подыались богословскіе диспуты, снова загорѣлась религіозная борьба между сектами, естественно развившимися изъ индивидуалистическаго принципа, выставленнаго реформаціей. Католическая демонологія осталась въ полной силѣ у протестантовъ. Благочестивые послѣдователи Лютера и самъ онъ предостерегаютъ челоѣчество отъ козней дьявола, тѣмъ съ большимъ жаромъ, что явилась новая опасность, новое искушеніе — чрезмѣрное развитіе жажды знанія. Похожденія волшебниковъ обсуждаются на церковныхъ кафедрахъ и составляютъ обыкновенный предметъ застольныхъ бесѣдъ.

Изъ явленій, характеризующихъ наступленіе новой эпохи, оказали особенно сильное вліяніе на эти сказанія слѣдующія: *реакція противъ панстеа, измѣненіе въ характеръ науки, паденіе аскетическаго идеала и прекращеніе культа святыхъ*. Въ XVI столѣтіи тщательно собираются и выставляются на видъ тѣ сказанія, гдѣ фигурируютъ папы. Въ одной изъ обработокъ легенды о Фаустѣ, конца XVI в. (Видмана), волшебниками являются слѣдующіе папы: Іоанны XIII, XIX, XX, XXI, Григоріи VII и XI, Бенедиктъ IX, Павелъ II, Александръ II. Большая часть изъ нихъ заключили союзъ съ дьяволомъ изъ распутства, вормстолюбія и т. п., а Григорій VII получилъ отъ

¹⁾ Для примѣра можно привести литературную исторію сказанія о Теофілѣ. Составленное въ VI в. Евтихіаномъ на греческомъ языкѣ, это сказаніе въ VIII в. было переведено на латинскій языкъ Павломъ Діакономъ. Въ IX в. поэтесса, монахиня Провиита переложила его въ стихи; затѣмъ, въ XII в. оно было снова переложено въ латинскіе стихи Марбадомъ Ренскимъ; въ XII же вѣкѣ перерабатываетъ это сказаніе Гартманъ въ своемъ нѣмецкомъ стихотвореніи „О вѣрѣ“ (Von Glaube). Въ XIII в. незвѣстный поэтъ дѣлаетъ изъ этого сказанія поэму въ честь Богоматери. Въ 1250 г. этимъ сказаніемъ пользуется авторъ „Passional“, въ 1276 — Бруно фонъ-Шѣнебеке. Къ XIV столѣтію относится нижненѣмецкое стихотвореніе о Теофілѣ; есть также обработка на верхненѣмецкомъ и на французскомъ языкахъ (последнее Ругебѣфа).

сатаны волшебное зеркало съ условіемъ, «вести за это въ честь дьявола целибатъ».

Ни одинъ изъ нихъ не спасся отъ когтей дьявола (что указываетъ также на происхожденіе сказаній въ реформаціонную эпоху); иныхъ чортъ захватили даже въ алтарь.

Не однимъ папамъ достается отъ реформаціонной легенды; она идетъ далѣе: ставитъ колдовство въ связь съ ритуаломъ католической церкви, видитъ въ ея обрядахъ если не самую магію, то по крайней мѣрѣ лучшее пропедевтическое средство для занятій ею.

Другое измѣненіе въ характерѣ сказаній такого рода произошло въ зависимости отъ состоянія тогдашней науки. Эпоха Возрожденія не была только *проявленіемъ ученаго интереса* къ исторіи классическаго міра, развитіемъ вкуса къ его искусству. «Вмѣстѣ съ древностью, говоритъ Кунно-Фишеръ, снова оживилась и вѣра древности, религія и философія греческаго міра. Это было дѣйствительное возрожденіе»¹⁾. «Греческая философія возродилась въ новомъ мірѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она закончилась въ древнемъ. Платонова академія въ Аѳинахъ пала по могущественному слову Юстиніана; черезъ девять вѣковъ снова возсталъ Платонова академія во Флоренціи, подъ покровительствомъ великаго Медичи. Флорентійская академія начала изученіе природы и міра, выходя изъ тѣхъ же принциповъ, съ которыми умерла аѳинская. Въ представленіи, что міръ есть истеченіе божества, что полнота божественныхъ силъ въ постепенной правильности нисходитъ съ высшихъ сферъ на земныя и въ просвѣтленныхъ душахъ человѣка снова возвращается въ надземныя области—въ этомъ религіозно-понимаемомъ обоготвореніи міра греческая философія сказала свое послѣднее слово».

Выходя изъ такого теософическаго міросозерцанія, приступили ученые эпохи Возрожденія къ изученію природы. Природа представлялась имъ не предметомъ методическаго изслѣдованія, а мистеріей, для доступа въ которую нужно было найти лозунгъ. Въ ихъ глазахъ она — книга, закрытая для земныхъ чувствъ; чтобы понять ея знаки, нуженъ ключъ, столь же таинственный, какъ сама книга. Поэтому таковой образъ мыслей стремится къ загадочному, таинственному ученію, и наступаетъ въ эпоху Renaissance такой моментъ, когда призываютъ на помощь іудейско-каббалистическія книги, въ которыхъ думаютъ найти

¹⁾ Kuno-Fischer. Göthes Faust. Ueber die Entstehung und Composition des Gedichtes. Stuttgart. 1878. p. 24.

разрѣшеніе этой загадки изъ божественнаго откровенія перво-битной эпохи. За такія средства съ вѣрою хватался италіанскій платоникъ Пико-Мирандольскій и нѣмецкій гуманистъ Іоаннъ Рейхлинъ.

Такимъ образомъ, магія, какъ переходная форма отъ теософій къ натур-философій и естествознанію, сдѣлалась предметомъ изученія, но въ то же время въ глазахъ большинства она оставалась колдовствомъ, дьявольскимъ дѣломъ, какъ на нее смотрѣли и въ средніе вѣка. Поэтому всѣ выдающіеся ученые считаются колдунами. Существуютъ сказанія о волшебствѣ аббата Іоганна Триттенгейма, Парацельса, Іеронима Кордана, Агриппы Неттесгейма и пр. Точно такую же репутаціей пользовались и простые шарлатаны, выдавшіе себя за ученыхъ.

Такое измѣненіе въ направленіи науки повлекло за собою соответствующую пережѣву въ сказаніи о магахъ. Они занимаются дьявольскимъ искусствомъ, вступаютъ въ союзъ съ дьяволомъ для того, чтобы узнать болѣе, чѣмъ дано человѣку. Явится новая причина къ союзу, и волшебникъ становится *магикомъ*, возстаетъ противъ Бога, ограничившаго познающую способность человѣка.

Менѣе замѣтно отразилось въ этихъ сказаніяхъ паденіе аскетическаго идеала, хотя и въ этомъ отношеніи можно указать несомнѣнные слѣды новыхъ воззрѣній въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, любовь, стремленіе къ семейной жизни, которое привело къ союзу съ дьяволомъ раба Протерія, въ сказаніяхъ реформаціоннаго періода, считается дѣломъ благочестія. Целибатъ ввелъ Григорій VII въ честь дьявола. Въ легендѣ о Фаустѣ встрѣчается также не мало примѣровъ подобнаго отношенія къ браку.

Наконецъ, догматическое измѣненіе, произведенное реформацией въ религіозномъ міросозерцаніи католицизма, отрицаніе культа святыхъ и Дѣвы Маріи, произвело важный переворотъ въ сказаніяхъ о магахъ. До сихъ поръ эти легенды были проповѣдью поклоненія Богородицѣ, что составляло, можетъ быть, одну изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ распространенія; теперь часто слышится, особенно въ позднѣйшихъ, наиболѣе распространенныхъ обработкахъ Фауста, сомнѣніе въ этомъ вѣрованіи, а иногда даже насмѣшка. Отсюда произошло измѣненіе въ самомъ тонѣ сказанія: спасеніе грѣшника святымъ или Марією вносило въ легенду примиряющее начало; иногда читатель заранѣе готовится къ благополучному исходу, когда, напр. отрекшійся, отъ Бога ни за что не хочетъ отказаться отъ Богородицы. Въ

XVI в. этотъ оттѣнокъ теряется. Титанъ съ демоническимъ характеромъ, вступившій въ борьбу съ положенными Богомъ предѣлами своей ограниченной природы, въ концѣ концовъ долженъ погибнуть, потому что у него нѣтъ болѣе заступника. Всѣ герои волшебныхъ сказаній этого періода дѣйствительно гибнутъ. Такимъ образомъ, въ легенду входитъ новый элементъ — *трагическій*.

Всѣ эти измѣненія, внесенныя въ сказанія о магахъ въ началѣ новой исторіи отражаются, какъ въ фокусѣ, въ легендѣ о Фаустѣ.

II.

Обширный кругъ волшебныхъ сказаній, которыми такъ богатъ средневѣковой періодъ, заканчивается цѣломъ легендъ, центромъ котораго является знаменитый магъ и волшебникъ, докторъ Іоганнъ Фаустъ. Вопросъ о томъ, былъ ли этотъ докторъ дѣйствительной исторической личностью, или обязанъ своимъ происхожденіемъ народной фантазіи, вызвалъ обширную литературу. Уже въ XVII столѣтіи было посвящено Фаусту нѣсколько изслѣдованій; но особенный интересъ онъ возбуждалъ въ XVIII вѣкѣ. Это была эпоха, когда разумъ началъ требовать для себя вмѣшательства въ общественную жизнь, когда раціонализмъ проникалъ въ общество, начиная понемногу возставать противъ жестокаго преслѣдованія обвиняемыхъ въ колдовствѣ. Когда вѣдьмъ и волшебниковъ перестали сжигать на востражѣ, возникла потребность оправдать память тѣхъ, которые въ прежнее время подверглись такой печальной участи. Появляется цѣлый рядъ изслѣдованій, написанныхъ съ этой именно цѣлью ¹⁾; само собою разумѣется, что въ нихъ нельзя было умолчать о такой извѣстной личности, какъ докторъ Фаустъ, причемъ большинство ученыхъ держалось того воззрѣнія, что никогда никакого Фауста въ дѣйствительности не существовало, что всѣ его приключенія придумали монахи для устрашенія легковѣрной толпы. Реальное существованіе Фауста отрицали также нѣкоторые изъ позднѣйшихъ писателей, но только съ другой точки зрѣнія; такъ, взгляды, имѣвшій и имѣющій до настоящаго времени авторитетныхъ сто-

¹⁾ Стоитъ только прочесть заглавія подобныхъ сочиненій, чтобы видѣть, съ чѣмъ они борются. Такъ, книга Nodé называется: *Apologie pour tous les grands personnages qui ont été soupçonnés de Magie*; книга Вагнера: *De eruditissimum spirituum familiarium usus suspectis*.

ронниковъ, видѣлъ въ докторѣ Фаустѣ знаменитаго типографа. Впервые такое воззрѣніе высказалъ Іог. Конрадъ Дюрръ въ 1675 г. Онъ видѣлъ въ сказаніи выдумку монаховъ, ненавидѣвшихъ Фауста за его вредное для нихъ изобрѣтеніе. Это мнѣніе повторено было нѣсколько разъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ; въ XIX оно нашло себѣ сторонниковъ въ лицѣ знаменитаго поэта Гейнриха Гейне и знатока нѣмецкой мифологіи Карла Зимрока.

Хотя нѣтъ сомнѣнія, что изобрѣтеніе книгопечатанія произвело на народъ сильное впечатлѣніе, что народное суевѣріе дѣйствительно видѣло иногда въ первыхъ типографіяхъ черно-книжниковъ, какъ это было, напр., у насъ въ Россіи, тѣмъ не менѣе есть достаточно основаній считать героя сказанія совершенно другимъ лицомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ знаменитымъ изобрѣтателемъ книгопечатанія. У писателей первой половины XVI столѣтія есть указанія на то, что въ эту эпоху жилъ и дѣйствовалъ одинъ странствующій схоластикъ, полуученый, полущарлатанъ, волшебныя дѣянія котораго пользовались обширною извѣстностью среди его современниковъ. Это нѣкій Георгій Сабельскій, называвшій себя Фаустомъ.

Самое древнее историческое свидѣтельство о Фаустѣ встрѣчается въ письмѣ ученаго Спонгеймскаго аббата Іоганна Тритемія, отъ 20 августа 1507 г., въ Гасфуртъ, къ математику Іоганну Вирдунгу, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда туда придетъ знаменитый Георгій Сабельскій.

Тритемій разочаровываетъ своего друга: «человѣкъ, о которомъ ты мнѣ писалъ, Георгій Сабельскій, осмѣлившійся называть себя главою некромантовъ, бродяга, пустой болтунъ, обманщикъ, достойный быть наказаннымъ розгами, чтобы онъ не смѣлъ съ наглостью публично высказывать мнѣнія преступныя и противныя святой церкви. Когда я возвращался въ прошломъ году (т.-е. 1506) изъ Бранденбурга, то засталъ этого человѣка въ Гейленгаузенѣ. Какъ только онъ услышалъ о моемъ прибытіи, то убѣжалъ изъ гостинницы, оставивъ карточку, на которой было написано: «магистръ Георгій Сабельскій, Фаустъ младшій, глава некромантовъ, искусный магъ, хиромантъ, агромантъ, пиромантъ, опытный въ гаданьѣ на водѣ». Затѣмъ магъ посѣтилъ Вюрцбургъ и въ концѣ этого (1506) года явился въ Крейцнахъ, гдѣ, по ходатайству Франца-фонъ-Зивингена, ему было дано мѣсто школьнаго учителя; но вскорѣ онъ былъ уличенъ въ подерастіи и принужденъ бѣжать изъ этого города. Вотъ, что извѣстно мнѣ, заключаетъ свое письмо Тритемій, по досто-

вѣрнымъ даннымъ о томъ человѣкѣ, прихода котораго ты ожидаешь съ такимъ нетерпѣніемъ. Когда онъ падеть къ тебѣ, то ты найдешь въ немъ не философа, а глупаго и наглаго человѣка»¹⁾. Другое извѣстіе, относящееся къ тому же лицу, находится въ письмѣ Муціана Руфа къ одному изъ его друзей, отъ 7 октября 1513 г.: «За восемь дней до этого, пишетъ онъ, прибылъ въ Эрфуртъ, нѣкій хвромантъ Георгій Фаустъ, гейдельбергскій полубогъ, пустой хвастунъ и глупецъ; суетно занятіе его и всѣхъ гадателей; но грубые люди удивляются ему... Я слышалъ его болтовню въ гостинницѣ и не наказалъ за хвастовство. Какое мнѣ дѣло до чужого безумія?»

Въ этомъ извѣстіи нѣтъ уже имени Sabellicus, и шарлатанъ болѣе не называется младшимъ Фаустомъ. О его дѣятельности Тритемій говоритъ мало. «Какъ передавали мнѣ нѣкоторые священники въ этомъ городѣ (Гейленгаузенѣ), шарлатанъ въ присутствіи многихъ говоритъ, что обладаетъ такимъ знаніемъ всякой мудрости и такою памятью, что если бы погибли всѣ книги Платона и Аристотеля, со всею ихъ философіей, то онъ былъ бы въ состояніи, какъ второй Ездра, своимъ умомъ снова возстановить ихъ всѣ еще съ большимъ изяществомъ. Въ Вюрцбургѣ въ присутствіи многихъ онъ говорилъ, что чудеса Христа Спасителя не удивительны, и что онъ можетъ, когда захочетъ, совершить все то, что дѣлалъ Христосъ».

Но является вопросъ, въ какомъ отношеніи находится Георгій Фаустъ къ Іоганну Фаусту, герою легенды? Была это одна и та же личность, или ихъ слѣдуетъ отличать другъ отъ друга? Въ пользу перваго предположенія можно привести прежде всего то, что въ Эрфуртѣ, гдѣ, по словамъ Муціана Руфа, былъ Георгій Сабельскій, имя Іоганна Фауста было весьма извѣстно: тамъ одинъ переулокъ носилъ его имя; о немъ упоминаетъ Эрфуртская хроника. Затѣмъ, Іоганну Фаусту приписываютъ то же общаніе въ Эрфуртѣ, какое сдѣлалъ Георгій въ Гейленгаузенѣ, только вмѣсто Аристотеля и Платона, Іоганнъ Фаустъ хотѣлъ возстановить дѣйствительно потерянные мѣста Теренція и Плавта.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть основаніе думать, что одновременно съ Георгіемъ Сабельскимъ дѣйствовалъ другой магъ, его счастливый соперникъ, называвшійся Іоганномъ Фаустомъ. Слава этого послѣдняго настолько затмила Георгія, что народная молва приписывала Фаусту всѣ волшебныя дѣянія, о которыхъ ходили въ эту эпоху рассказы. Въ первой четверти XVI в., Іоганнъ Фаустъ

¹⁾ Hauber. Bibliotheca acta et scripta magica.

уже знаменитость; его знает Меланхтонъ и самъ Лютеръ; по словамъ современниковъ, Фаустъ родомъ изъ Книхтлингена, но о немъ, какъ о Гомерѣ, спорили нѣсколько городовъ, изъ которыхъ каждый хотѣлъ быть родиной знаменитаго человѣка. Поэтому въ литературныхъ обработкахъ легенды о Фаустѣ, мѣстомъ его рожденія считается то Рода въ Веймарѣ, то Зальцведель въ Ангальтѣ. Въ бумагахъ Гейдельбергскаго философскаго факультета значится, что въ 1509 г. тамъ получилъ степень бакалавра теологiи Иоганнъ Фаустъ. Въ 1516 г. онъ гостилъ въ Маульброннѣ, у своего земляка и друга дѣтства, аббата Маульброннскаго монастыря Иоганна Энтефуса, гдѣ его пребываніе, вѣроятно, довольно продолжительное, произвело сильное впечатлѣніе, потому что жители этого города хранили воспоминаніе о Фаустѣ даже въ XIX столѣтіи. Еще около 1840 г. показывали тамъ лабораторію Фауста и башню, съ которой онъ, по преданію, занимался своей наукой и которая называлась Фаустовой. Пребываніе въ Маульброннѣ можно считать началомъ дѣятельности Фауста; его смерть, по словамъ Меланхтона, произошла около 1540 года. Извѣстія о Фаустѣ, дошедшія до насъ отъ его современниковъ, настолько обстоятельны, что не только дѣлаютъ несомнѣннымъ реальное существованіе этой личности, но даютъ нѣкоторыя подробности его жизни и довольно живо рисуютъ передъ нами его образъ. Ученикъ Меланхтона, Лерхэймеръ, рассказываетъ ¹⁾, что развратный дьявольскій плутъ Фаустъ находился нѣкоторое время въ Виттенбергѣ и однажды пришелъ къ господину Филиппу, который прочелъ ему добрый текстъ и, побранивъ, убѣждалъ заблаговременно бросить это дѣло, иначе онъ можетъ дурно кончить, что и случилось. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ передаетъ о попыткахъ Лютера и Меланхтона отвлечь Фауста отъ занятій магіей, «но это не удалось, наоборотъ—онъ соблазняетъ другихъ, такъ что князь приказалъ посадить его въ тюрьму, откуда Фаусту удалось убѣжать». Съ этихъ поръ начинаются его странствованія по Европѣ: онъ былъ въ Лейпцигѣ (около 1525 года), Эрфуртѣ, Базелѣ; подвергался арестамъ въ Нюрнбергѣ, Баттенбургѣ на Маасѣ, но всегда, такъ или иначе, избѣгалъ наказанія; леталъ по воздуху въ Венецію, и наконецъ, умеръ около 1540 г. Что касается мѣста смерти Фауста, то всѣ современники указываютъ Виттенбергъ.

Если историческія свидѣтельства и не могутъ дать намъ болѣе точныхъ свѣдѣній о біографіи Фауста, если нельзя на ихъ

¹⁾ Ein christlich Bedenken und Erinnerung vor Zauberey.

основаніи прослѣдить строго хронологически всѣ событія его жизни, то все-таки они имѣютъ то достоинство, что съ помощью ихъ можно ясно представить себѣ нравственную фязіономію героя легенды. Фаустъ принадлежитъ въ странствующимъ схоластамъ. «Изъ школы маговъ вышли тѣ, которыхъ называли странствующими схоластами, между которыми особенно славится (*mirè celebratur*) нѣкто Фаустъ, недавно умершій», писалъ въ 1546 году Геснеръ ¹⁾.

И такъ, Фаустъ былъ ученый и какъ почти всѣ ученые XVI столѣтія, изучавшіе природу, былъ магъ, рабъ дьявола въ глазахъ не одной только черни. Его образъ жизни особенно былъ удобенъ для того, чтобы расширить печальную репутацію, которую доставляла ему наука. Фаустъ не боится этой репутаціи, хотя попасть изъ-за нея на костеръ въ то время было особенно легко. Быть магомъ, хотя опасно, но пріятно, а главное выгодно. Въ такихъ чертахъ представляется намъ эта фигура и въ слѣдующемъ описаніи врача Беггарди ²⁾.

«Существуетъ одинъ смѣлый и предпріимчивый человекъ; я не хотѣлъ бы называть его имени, но онъ не желаетъ скрываться и оставаться въ неизвѣстности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ прошелъ почти всѣ страны, княжества и королевства и сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ всякому. Онъ хвастается своимъ великимъ искусствомъ не только въ медицинѣ, но и въ хиромантіи, некромантіи, фязіогномикѣ и въ многихъ другихъ искусствахъ, и не только хвастается, но даже искренно считаетъ себя знаменитымъ и опытнымъ мастеромъ. Онъ называетъ себя Фаустомъ, не скрываетъ, что онъ магъ и подписывается *philosophus philosophorum* (философъ философовъ), но многіе мнѣ жаловались, что были имъ обмануты и число такихъ людей очень велико. Его обѣщанія такъ же широки, какъ обѣщанія Тессала (волшебникъ временъ римской имперіи), его слава подобна славѣ Теофраста Парацельса; но его дѣла, какъ я слышу, очень ничтожны и лживы, однако въ приобрѣтеніи денегъ онъ весьма успѣвалъ и его прославляли даже въ стихахъ».

Старанія Фауста должны были увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, потому что общественное настроеніе было чрезвычайно благоприятно для него. Вѣра въ колдовство была въ полномъ ходу, и смѣлый магъ скоро началъ пожинать плоды своего, можетъ быть, сознательнаго шарлатанства.

¹⁾ *Onomasticon nominum propriorum.*

²⁾ *Liber der Gesundheit, 1539.*

III.

Рассказы о волшебствах Фауста начали распространяться еще при его жизни. Тѣ же самые современники, которые оставили намъ фактическія данныя для біографіи Фауста, сообщаютъ уже и невѣроятные рассказы о его волшебствѣ. Даже знакомые Фауста, какъ Меланхтонъ и самъ Лютеръ, считаютъ его колдуномъ и рассказываютъ о немъ самыя невѣроятныя вещи. Это обстоятельство, какъ оно ни странно съ перваго взгляда, объясняется весьма легко, если познакомиться съ взглядами людей этой эпохи на колдовство вообще. Для этой цѣли мы выберемъ двухъ личностей, которыя могутъ быть названы лучшими представителями своего времени — Меланхтона и Лютера.

Великій реформаторъ считалъ весь міръ населеннымъ бѣсовскою силою. «Злые духи, говоритъ онъ, носятся въ воздухѣ, какъ тучи. Повсюду порхаютъ и рѣютъ они надъ нами, какъ шмели, громадною, безчисленною толпою, иногда показываются въ привлекательномъ видѣ, огоньками, движущимися по небу, а иногда въ видѣ дракона, или принимаютъ другіе образы. Часто видятъ, какъ они, подобно козламъ, прыгаютъ въ лѣсахъ или плескаются въ водѣ, какъ рыбы; иногда духи ползаютъ по болотамъ и безднамъ, гдѣ или топятъ людей, или ломаютъ имъ шею; охотно поселяются они въ пустыхъ мѣстахъ и занимаютъ нежилые дома. Однимъ словомъ, бѣсы владѣютъ всѣмъ, что вокругъ насъ и надъ нами до самаго неба.

Лютеръ до такой степени привыкъ къ чорту, что, когда его однажды въ Вюртенбергскомъ монастырѣ разбудилъ шумъ, то онъ, узнавъ, что это *только* дьяволъ, тотчасъ же заснулъ. Злой духъ доставилъ ему однажды новый аргументъ по вопросу о пресуществленіи. О продѣлкахъ чорта Лютеръ умѣетъ многое порассказать: то дьяволъ, по его рассказамъ, хрюкаетъ свиньей и смущаетъ молитву священника, то въ священника же бросаетъ всякую посуду и выживаетъ его изъ дому. Чортъ производитъ болѣзни: такъ, свою ушную болѣзнь Лютеръ считаетъ дѣломъ дьявола. Бѣсъ удачно занимается адвокатурой; всѣ, такъ-называемыя, самоубійцы умерщвлены дьяволомъ. Такой взглядъ на могущество дьявольской силы необходимо велъ за собою вѣру въ колдовство. И дѣйствительно, Лютеръ называетъ чародѣйство «собственнымъ дѣломъ дьявола», вѣритъ, что дьяволъ, по поущенію Божію, можетъ вредить душѣ и тѣлу человека «черезъ своихъ наложницъ-колдуній». Нужна большая осторожность, чтобы

не потерпѣть отъ дьявола и отъ его слугъ-колдуновъ. Въ одной изъ застольных бесѣдъ Лютеръ такъ рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ колдунамъ. «Дьяволъ не пользовался противъ меня услугами колдуновъ; если бы онъ былъ въ состояніи причинить мнѣ вредъ такимъ образомъ, то онъ давно бы это сдѣлалъ. Часто онъ уже держалъ меня за голову, но все-таки принужденъ былъ отпустить. Я хорошо знаю, что онъ за товарищъ; часто онъ такъ мучилъ меня, что я не зналъ, живъ я или уже умеръ. Онъ приводилъ меня иногда въ отчаяніе, такъ что я не зналъ, существуетъ ли Богъ, и совершенно терялъ надежду на его милость. Но я всегда защищался отъ чорта словомъ Божіимъ».

Слѣдующій случай, рассказанный Лерхеймеромъ яро характеризуетъ отношеніе Лютера къ колдовству: «одинъ студентъ, занимавшійся у доктора Георга Маіора, пристрастился къ игрѣ и пьянству. Однажды у него оказался недостатокъ въ деньгахъ, и онъ въ тяжеломъ раздумьѣ вышелъ погулять за ворота; его встрѣтилъ какой-то человѣкъ и спросилъ, отчего онъ такъ печаленъ, ужъ не въ деньгахъ ли у него недостатокъ? Затѣмъ предложилъ достать денегъ, если тотъ отдастся ему, въ удостовѣреніе чего потребовалъ записъ, сдѣланную не чернилами, а кровью. Студентъ согласился. На слѣдующій день, въ назначенный часъ они снова сошлись: одинъ принесъ записъ, другой — деньги. Между тѣмъ докторъ, замѣтивъ у студента деньги, недоумѣвалъ, откуда онѣ у него взялись, потому что родители его, какъ было извѣстно, ничего не прислали сыну. Допросивъ студента, докторъ съ ужасомъ узналъ, какимъ путемъ пріобрѣтены были деньги. Тогда онъ обратился съ жалобою на студента къ Лютеру и другимъ, которые призвали несчастнаго къ себѣ и, побранивъ, научили, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы избавиться отъ выданнаго обязательства. Затѣмъ всѣ начали молиться Богу и пребывали въ молитвѣ до тѣхъ поръ, пока не вынудили у дьявола возвращенія записи.

Наименьшимъ суевѣріемъ отличался другой реформаторъ, — Филиппъ Меланхтонъ. О кометѣ, появившейся въ 1539 году, онъ говорилъ, что она предвѣщаетъ гибель нѣкоторыхъ тирановъ. Въ сочиненіи о душѣ онъ рассказываетъ, что видалъ привидѣнія, отъ которыхъ предостерегаетъ студентовъ, особенно не совѣтуетъ впасть въ Эльбѣ, гдѣ ихъ много и гдѣ они преимущественно опасны. Въ оборотней Меланхтонъ вѣрилъ безусловно.

Если передовые люди XVI в., истинные представители своей эпохи, были такъ суевѣрны, то тѣмъ болѣе должна была отли-

чатся этимъ свойствомъ масса. Почва для волшебнаго сказанія въ то время была чрезвычайно благопріятна, поэтому оно и начинается еще при жизни своего героя и развивается необыкновенно быстро. Изъ вышеприведенной характеристики Беггарди видно, что Фаустъ самъ старался распространять молву о своей волшебной силѣ. Интересный примѣръ такого рода приводитъ Меннелъ: ¹⁾ «Этотъ магъ Фаустъ, презрѣннѣйшая тварь, клоака многихъ дьяволовъ, хвастался, что всѣ побѣды императорскихъ войскъ въ Италіи одержаны имъ съ помощью магіи».

Суевѣрная толпа въ свою очередь быстро измышляла различные, волшебныя похождения мага, и не менѣе суевѣрные писатели охотно повторяли ихъ. Рассказывали, что Фаустъ водилъ постоянно съ собою, подъ видомъ собаки, чорта, который иногда принималъ видъ слуги и доставлялъ пищу своему господину. Кроме того, у Фауста былъ еще чортъ въ видѣ лошади. Затѣмъ, у Меннеля же встрѣчается рассказъ о томъ, какъ Фаустъ предпринималъ воздушное путешествіе въ Венецію. «Желая показать въ Венеціи любопытное зрѣлище, рассказываетъ этотъ писатель, Фаустъ объявилъ, что полетитъ на небо. Дьяволъ поднялъ его, но потомъ бросилъ съ такою силою, что онъ, при паденіи на землю, едва не испустилъ духъ, но все-таки не умеръ».

Иногда рассказываются комическія продѣлки Фауста безъ всякаго сатанинскаго характера. По прибытіи въ Баттенбургъ въ Маасѣ, Фаустъ былъ арестованъ, и надворъ за нимъ былъ порученъ капеллану Дорстенію, который обходился съ нимъ очень мягко; желая научиться тайнымъ наукамъ, капелланъ доставлялъ Фаусту вино, до котораго тотъ былъ большой охотникъ. Когда однажды они допили боченокъ и капелланъ хотѣлъ идти бриться, то Фаустъ обѣщалъ научить его обходиться безъ помощи цирюльника, если Дорстеній дастъ ему еще вина. Капелланъ согласился. Тогда Фаустъ велѣлъ ему намазать подбородокъ арсеникомъ, отчего у бѣднаго капеллана сошла кожа вмѣстѣ съ тѣломъ. Но по большей части рассказывались вѣдовскія дѣла Фауста. Два такихъ рассказа встрѣчаются у Гаста ²⁾. «Однажды Фаустъ зашелъ переночевать въ очень богатый монастырь; послушникъ предложилъ ему вина, которое, однако не понравилось, гостю. Онъ потребовалъ себѣ другого, предназначеннаго для почетныхъ посѣтителей; послушникъ отказалъ ему подъ тѣмъ предлогомъ, что ключи у пріора, который спитъ. «Ключи лежатъ тамъ въ

¹⁾ Въ *Locorum communium collectanea*. 1563.

²⁾ *Sermones convivales*. 1554.

углу, сказалъ Фаустъ, возьми ихъ, отерой бочку, которая стоитъ налѣво и принеси мнѣ изъ нея вина». Послѣ вторичнаго отказа Фаустъ послалъ въ монастырь буйнаго дьявола, который шумѣлъ день и ночь, приводилъ въ движеніе все въ церкви и въ кельяхъ, такъ что монахи не имѣли никогда покоя. Они начали обдумывать, оставить ли этотъ монастырь или совсѣмъ его разрушить. Донесли пфальцграфу; тотъ принялъ монастырь подъ свое покровительство и выгналъ оттуда монаховъ, приказавъ выдавать имъ только необходимое. Нѣкоторые говорятъ, заключаетъ свой рассказъ Гастъ, что если и теперь входятъ въ монастырь монахи, то подымается такой шумъ, что жители совершенно лишаются покоя. Вотъ что сумѣлъ сдѣлать сатана». Въ другомъ примѣрѣ Фаустова колдовства Гастъ рассказываетъ, что къ одному обѣду, бывшему въ Базелѣ, гдѣ присутствовалъ вмѣстѣ съ Фаустомъ самъ авторъ, магъ доставилъ такихъ птицъ, какиихъ Гастъ никогда не видывалъ, какиихъ нельзя было достать не только въ Базелѣ, но и во всей странѣ.

Особенно много рассказовъ о волшебствѣ Фауста мы находимъ у Лерхэймера, книга котораго появилась 1585 г. Большая часть этихъ рассказовъ вошла въ первую литературную обработку легенды о Фаустѣ, сдѣланную Шписомъ въ 1587 г.; поэтому мы рассмотримъ ихъ послѣ, а теперь приведемъ только одинъ, вошедшій въ одну изъ позднѣйшихъ обработокъ.

Фаустъ пировалъ въ гостинницѣ съ своими пріятелями. Слуга, который разливалъ вино, слишкомъ полно налилъ кубокъ Фауста. Разсерженный волшебникъ пригрозилъ, что съѣстъ слугу, если тотъ осмѣлится повторить свой поступокъ. Слуга нарочно переполнилъ кубокъ Фауста, за что былъ проглоченъ и запитъ цѣлымъ ушатомъ воды. Испуганный хозяинъ потребовалъ, чтобы магъ возвратилъ ему слугу, грозя въ противномъ случаѣ подать жалобу. Тогда Фаустъ приказалъ трактирщику взглянуть за печку; проглоченный слуга оказался тамъ: онъ былъ весь мокрый и дрожалъ отъ холода и страху.

О смерти Фауста рассказывались особенно страшныя легенды. Замѣчательно, что всѣ современники описываютъ обстоятельства его кончины съ удивительнымъ единодушіемъ, что указываетъ на опредѣленность и распространенность преданія. Въ книгѣ Гаста она описывается такъ: «несчастному достался на долю печальный конецъ, ибо онъ былъ задушенъ дьяволомъ. На носилкахъ его трупъ лежалъ постоянно ничкомъ, не смотря на то, что его пять разъ переворачивали на спину. Да сохранить насъ Богъ, чтобы мы не сдѣлались рабами сатаны». У Меннеля е

смерти Фауста говорится слѣдующее: «не много лѣтъ тому назадъ, въ послѣдній день своей жизни Фаустъ сидѣлъ печально въ одной деревнѣ Виртембергскаго герцогства. Хозяинъ гостиницы спросилъ его, почему онъ сегодня противъ обыкновенія такъ печаленъ? Обыкновенно же этотъ презрѣннѣйшій негодяй отличался такою порочною жизнію, что нѣсколько разъ едва не былъ доведенъ до гибели своими страстями. Фаустъ сказалъ хозяину: въ эту ночь домъ будетъ потрясенъ до основанія, но ты не пугайся. Такъ какъ на другой день Фаустъ не выходилъ изъ комнаты, то въ полдень хозяинъ самъ вошелъ къ нему и нашелъ его лежащимъ около постели съ свернутою шею. Такимъ образомъ погубилъ его дьяволъ». Вейгеръ (De Praestigiis daemонum. Basileae, 1563 г.) такъ говоритъ о смерти Фауста: «Наконецъ онъ (Фаустъ) найденъ былъ въ одномъ селеніи герцогства Виртембергскаго мертвымъ, съ свернутою шею возлѣ своей постели; въ предшествующую полночь, какъ говорятъ, весь домъ колебался».

Всѣ эти рассказы, переданные намъ современниками Фауста, сложились, какъ показываютъ года изданія книгъ, приведенныхъ авторовъ, еще при жизни ихъ виновника, или вскорѣ послѣ его смерти. Слѣдовательно, реальная личность превратилась въ сказочнаго героя, еще не окончивши своего земнаго странствія. Писатели половины XVI в. приводятъ Фауста, какъ наиболѣе извѣстный примѣръ чародѣя. Буллингеръ, умершій въ 1575 г., указавъ въ своей книгѣ «Противъ чернокожиія» признаки людей, слывшихъ колдунами, говоритъ: «такихъ людей называютъ магами, и таковъ былъ въ наше время чернокожиикъ Фаустъ».

Кромѣ этихъ рассказовъ, существуетъ еще множество мѣстныхъ легендъ о приключеніяхъ Фауста. Конечно, опредѣлить строго хронологически время возникновенія всѣхъ этихъ легендъ невозможно. Можетъ быть, онѣ развились позже, подъ вліяніемъ весьма распространенныхъ литературныхъ обработокъ; во всякомъ случаѣ эти преданія важны потому, что даютъ болѣе полное понятіе о степени популярности легенды и знакомятъ съ географическимъ ея распространеніемъ *въ устной передачѣ*. Сказаніе о Фаустѣ образовалось прежде всего въ Виттенбергѣ, недалеко отъ котораго герой легенды родился и бѣдственно покончилъ свою веселую, полную приключеній жизнь. Затѣмъ легенды о Фаустѣ встрѣчаются въ Эрфуртѣ. Въ этомъ городѣ есть одинъ переулокъ, который носитъ имя Фауста. Это очень тѣсное пространство между двумя домами, гдѣ съ трудомъ можетъ пройти дитя. Названіе свое получилъ онъ по слѣдующему поводу: живя

въ Эрфуртѣ, Фаустъ сдѣлалъ однажды это мѣсто сценою волшебнаго представленія; въ этомъ узкомъ переулкѣ, гдѣ прежде не могъ пробраться взрослый человѣкъ, вдругъ оказались двѣ сильныя лошади съ огромнымъ возомъ сѣна. Случайно проходилъ здѣсь монахъ; возмущенный такимъ наглýmъ волшебствомъ, святой отецъ произнесъ слова заклинанія, и лошади тотчасъ превратились въ красныхъ пѣтуховъ, а возъ сѣна въ соломину; пѣтухи быстро исчезли среди толпы. Этотъ монахъ былъ не кто иной, какъ знаменитый Мартинъ Лютеръ.

Въ другой разъ, въ Эрфуртѣ Фаустъ объяснялъ студентамъ Гомера и иллюстрировалъ лекцію съ помощью магическаго искусства. Онъ вызывалъ въ аудиторію тѣни тѣхъ героевъ, о которыхъ упоминалъ въ лекціи. Наконецъ, появился одноглазый великанъ Полифемъ съ длинною огненно-красною бородою; изо рта у него торчало плечо человѣка, котораго онъ въ это время пожиралъ. Одинъ взглядъ на него привелъ всѣхъ въ ужасъ. Великанъ не пожелалъ уйти, когда Фаустъ подаль ему знакъ, но ударилъ о полъ своимъ громаднымъ желѣзнымъ копьемъ съ такою силою, что вся коллегія затряслась». Въ Эрфуртѣ же Фаустъ предлагалъ восстановить потеряныя комедіи Теренція и Плавта, но «ни богословы, ни совѣтники не пожелали принять этого предложенія». Изъ своихъ эрфуртскихъ знакомыхъ Фаустъ чаще всего посѣщалъ одного молодого дворянина. Однажды, когда магъ былъ въ Прагѣ, у этого дворянина собрались гости и за бесѣдою вспомнили объ отсутствующемъ. Не успѣли они вымолвить о немъ слова, какъ онъ уже явился на пиръ и силою своихъ чаръ доставилъ гостямъ прямо изъ доски стола вино всѣхъ сортовъ, пировалъ съ ними всю ночь, а къ утру исчезъ въ высотѣ и снова оказался въ Прагѣ.

Въ Эрфуртѣ, у св. Михаила, Фаустъ имѣлъ домъ, гдѣ часто съ помощью волшебства устраивалъ роскошныя угощенія для друзей.

Въ Лейпцигѣ сложилась одна изъ самыхъ популярныхъ легендъ о Фаустѣ; она связана съ знаменитымъ погребомъ Ауэрбаха. Въ «Лейпцигскихъ Анналахъ» Фогеля 1714 года, подъ 1525 годомъ говорится: «къ этому году относится извѣстное сказаніе, что знаменитый черновнижникъ Фаустъ съ помощью своего искусства выѣхалъ изъ погреба Ауэрбаха на улицу, сидя на бочкѣ съ виномъ; бочка эта была такъ тяжела, что рабочіе не могли вытащить ее. Это событіе изображено въ погребѣ Ауэрбаха на двухъ картинахъ. Она представляетъ пиръ Фауста съ студентами: за столомъ сидятъ, кромѣ пирующихъ, музыканты;

въ углу бочка съ виномъ, около которой стоитъ слуга съ кружкой въ рукѣ. Подъ картиною надпись:— Живи, пей и пируй, однако вспоминай о Фаустѣ и о наказаніи, которое было, хотя не очень быстро, но за то ужасно.

На другой картинѣ Фаустъ выѣзжаетъ на бочкѣ изъ дверей погребца; впереди его бѣжитъ собака (это дьяволъ); присутствующіе жестами выражаютъ свое удивленіе. Внизу подпись, объясняющая картину. Надъ обѣими картинами поставленъ 1525 годъ. Хотя происхожденіе этихъ картинъ, именно, въ 1525 году, въ высшей степени сомнительно, потому что домъ, въ которомъ находится погребъ, выстроенъ только въ 1530 г., но тѣмъ не менѣе онѣ очень стары, потому что, какъ извѣстно, въ 1636 г. ихъ подновляли. О посѣщеніи Фаустомъ Праги упоминаетъ уже эрфуртская хроника; время того, въ этомъ городѣ указывали домъ Фауста, снабженный таинственными, подземными ходами.

Въ Вѣнѣ также были преданія о Фаустѣ. Именно, тамъ рассказывалось, что Фаустъ однажды пригласилъ къ себѣ на пиръ извѣстныхъ астрономовъ и просилъ ихъ принести съ собою серебряную посуду, чтобы придать пиршеству болѣе торжественности. Когда гости во время пира перепились до безчувствія, то Фаустъ приказалъ своимъ помощникамъ отнести ихъ подъ висѣлицу, а самъ убѣжалъ, захвативъ съ собою серебро. Кромѣ того, въ Вѣнѣ нѣсколько домовъ считались жилищами Фауста. Въ Дрезденѣ Фаустъ сдѣлалъ одного человѣка неспособнымъ къ супружеской жизни и тѣмъ принудилъ жену его къ измѣнѣ. Въ Готѣ онъ довелъ жену одного ночтеннаго человѣка до нарушенія супружескаго долга и, кромѣ того, послалъ къ нему въ домъ чорта, который производилъ тамъ такой шумъ, что домъ пришлось оставить.

Въ Госларѣ Фаустъ научилъ ректора школы, какъ съ помощью волшебныхъ формулъ загнать дьявола въ какую-нибудь стеклянную посудину; когда же ректоръ попытался это сдѣлать, то едва не лишился жизни.

Кромѣ того, мы знаемъ уже изъ свидѣтельствъ современниковъ о популярности имени Фауста въ Маульброннѣ, Базелѣ, Краковѣ, Виттенбергѣ, Нюрнбергѣ, Баттенбургѣ и Венеціи. Въ литературной обработкѣ мы встрѣтимся съ Фаустомъ въ Магдебургѣ, Мейселѣ и Зальцбургѣ. Кромѣ того, преданія о Фаустѣ существовали въ Нидерландахъ и Польшѣ, гдѣ впоследствии появляется свой національный герой, въ родѣ Фауста, Твардовскій, легенда о которомъ дала содержаніе одному изъ произведеній Мицкевича.

IV.

Народное сказаніе, столь измѣнчивое въ устной передачѣ, получило въ первый разъ прочную форму въ 1587 году. Іоганнъ Шписъ, типографъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, первый записалъ это сказаніе и напечаталъ его, съ обычнымъ въ то время очень длиннымъ заглавіемъ: «Исторія доктора Іоганна Фауста, весьма извѣстнаго волшебника и черножизника, какъ онъ заключилъ письменный договоръ съ дьяволомъ, какія странныя приключенія онъ испыталъ, какія удивительныя дѣянія совершилъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ получилъ вполнѣ заслуженное возмездіе. Книга составлена и напечатана большею частью по его собственнымъ сочиненіямъ съ тою цѣлью, чтобы она служила страшнымъ примѣромъ для всѣхъ гордыхъ, надменныхъ и безбожныхъ людей съ предостереженіемъ для честныхъ людей».

Изложенію легенды предпослано посвященіе «достопочтеннымъ, многоуважаемымъ и знаменитымъ» мужамъ Каспару Кольку и Гофу, и предисловіе въ христіанскимъ читателямъ.

Прежде всего тутъ возникаетъ вопросъ, какія причины вызвали на свѣтъ это сочиненіе? Выше мы видѣли, что протестантизмъ, видоизмѣнивъ легенду о волшебникахъ, не уничтожилъ вѣры въ колдовство. Эта вѣра продолжала развиваться и даже усиливаться. «Я знаю мало картинъ болѣе странныхъ и вмѣстѣ ужасныхъ, говоритъ Лекке, чѣмъ тѣ, какія представляетъ исторія колдовства въ столѣтіе, предшествовавшее реформаціи, и въ столѣтіе, слѣдовавшее за нею... Протестанты соперничали съ католиками своею ревностью въ преслѣдованіи его». — «Сумасшествіе, говоритъ онъ далѣе, бываетъ всегда особенно часто во время великихъ религіозныхъ или политическихъ переворотовъ, а въ XVI столѣтіи всѣ его формы были поглощены системой колдовства и носили на себѣ характеръ господствующаго предрасположенія» ¹⁾. Количество маговъ такимъ образомъ увеличилось; положеніе же ихъ, по тогдашнему возрѣнію, сдѣлалось еще ужаснѣе; если они избѣгали суроваго меча земного правосудія, то все равно, не могли никомъ образомъ избѣгнуть когтей дьявола, какъ это иногда удавалось католическимъ колдунамъ при заступничествѣ святыхъ. Это обстоятельство побуждало благочестивыхъ ревнителей реформированнаго христіанства воспользоваться легендами о магахъ для предостереженія современниковъ отъ возней дья-

¹⁾ Исторія раціонализма, т. I. ст. 58 и 59.

вола. Къ числу такихъ ревнителей принадлежать и составитель первой литературной обработки Шписъ. Въ своемъ предисловіи къ христіанскимъ читателямъ, онъ такъ объясняетъ цѣль своей книги: «Я выставилъ на видъ страшный примѣръ Фауста и ужасный исходъ его занятій волшебствомъ, чтобы всѣ христіане и всѣ разумные люди лучше узнали дьявола и его приемы и такимъ образомъ научились бы его остерегаться». Далѣе онъ напоминаетъ имъ всю страшную грѣховность колдовства. «Безъ сомнѣнія, колдовство и чернокнижіе есть величайшій и тягчайшій грѣхъ передъ Богомъ и передъ всѣмъ міромъ... Это не есть человѣческая слабость, глупость, самозабвеніе или, какъ называется ап. Павелъ, человѣческое искушеніе, а прямо дьявольская злоба, своевольное безуміе, ужасное ожесточеніе, которое невозможно понять въ мысляхъ, не только выразить словами». Шписъ очень хорошо понимаетъ всю привлекательность занятій магіей; онъ боится даже, какъ бы его книга не принесла прямо противоположныхъ плодовъ, чѣмъ тѣ, на которые онъ рассчитывалъ при ея составленіи, поэтому онъ принимаетъ нѣкоторыя предосторожности: «чтобы никто не могъ быть увлеченъ этой исторіей къ дерзкому подражанію (Фаусту), старательно обойденъ и выпущены всѣ формулы заклинаній».

Исторія Фауста, по мнѣнію Шписа, поучительна тѣмъ, что «она есть замѣчательный и страшный примѣръ, въ которомъ не только можно видѣть зависть, обманъ и жестокость дьявола по отношенію къ роду человѣческому, но можно съ очевидностью прослѣдить, куда приводитъ человѣка безпечность, *дерзость* и *заносчивость*».

Послѣднія слова приведеннаго мѣста особенно поучительны, потому что въ нихъ ясно указаны главнѣйшія побужденія, приводящія къ союзу съ дьяволомъ. Дерзость и заносчивость, являющіяся особенно часто результатомъ научныхъ занятій,—вотъ въ чемъ главная опасность, которую произвело возрожденіе.

Предостерегая читателей, Шписъ отмѣчаетъ въ своемъ предисловіи новую черту, которую внесла реформація въ легенды о магахъ; онъ указываетъ на печальный исходъ волшебныхъ занятій.

«Зороастръ, котораго считаютъ сыномъ Мисганма, сына Хамова, былъ сожженъ дьяволомъ; другаго чародѣя, который осмѣлился передъ однимъ дерзкимъ княземъ представить разрушеніе Трои, чортъ живьемъ унесъ на воздухъ», и т. д. «Вообще, заклинатели дьяволовъ рѣдко доживали до добраго конца». Такимъ образомъ, первая литературная обработка имѣетъ душе-

спасительную цѣль и отличается поучительнымъ характеромъ. Главная ея задача заключается въ томъ, чтобы предостеречь читателя отъ колдовства; въ концѣ книги Шписъ выставляетъ это, какъ главную цѣль своей работы. Его обработка заключается слѣдующими словами: «Такъ окончилась истинная исторія и чародѣйство доктора Фауста. Всякій христіанинъ, а особенно люди съ надменною, гордою, дерзкою и упрямою головою должны научиться изъ нея бояться Бога, избѣгать колдовства, заклинаній и другихъ бѣсовскихъ дѣлъ, строго запрещенныхъ Богомъ, никогда не приглашать къ себѣ въ гости дьявола и не давать ему у себя мѣста, какъ это сдѣлалъ Фаустъ. Такъ какъ намъ представленъ здѣсь ужасный примѣръ Фаустова закладничества дьяволу и изображенъ ужасный конецъ Фауста, то мы не должны заниматься этимъ дѣломъ, должны любить одного Бога, имѣть его передъ глазами, ему одному молиться и служить; напротивъ, должны отвязаться отъ дьявола и отъ всякаго съ нимъ сообщества, чтобы сдѣлаться вмѣстѣ съ Христомъ вѣчно блаженными. Аминь, аминь! Этого желаю я всякому изъ глубины моего сердца. Аминь!» Но этой чисто отрицательною цѣлью не исчерпывается поучительный характеръ обработки Шписа. Она имѣетъ другую положительную задачу — проводить въ общество новыя, реформаціонныя догматы и вообще взгляды новаго времени. Эта вторая сторона обработки имѣетъ для насъ особенную важность, поэтому мы рассмотримъ ее ниже отдѣльно.

Книга Шписа распадается на три части и заключеніе: въ 1-ой излагается біографія Фауста и его бесѣды съ Мефистофелемъ о научныхъ предметахъ; во 2-й продолжается изложеніе бесѣдъ, а также описываются путешествія Фауста; въ 3-й рассказаны его волшебныя дѣянія; наконецъ, заключеніе содержитъ описаніе послѣднихъ дней его жизни.

Сказаніе начинается коротенькой біографіей Фауста, изъ которой мы узнаемъ, что онъ сынъ крестьянина, родился въ Родѣ, близъ Веймара, воспитаніе получилъ въ Виттенбергѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ его родственниковъ, человекъ очень достаточный. Въ Виттенбергѣ проводилъ Фаустъ большую часть своего времени, дѣлая экскурсіи въ другіе города Германіи. Такъ, Шписъ рассказываетъ о нѣсколькихъ дѣлахъ Фауста, которыя произошли въ Инспругѣ, Готѣ, Мюнхенѣ, Цвикау, Брауншвейгѣ, Франкфуртѣ и Эйслебенѣ; умеръ Фаустъ въ Римлихѣ, близъ Виттенберга. Такимъ образомъ, первая литературная обработка въ общемъ представляетъ мѣсто дѣятельности Фауста сходно съ историческими данными. И здѣсь Виттенбергъ служить опера-

ціоннымъ базисомъ для Фауста; легенда слагается въ исходномъ пунктѣ протестантизма; такъ что реформаціонная окраска сказанія—неизбѣжна.

Въ основѣ сказанія лежитъ договоръ съ дьяволомъ: поэтому Фаустъ прежде всего приступаетъ къ заклинанію. Для этой цѣли онъ отправляется въ густой лѣсъ, который находился недалеко отъ Виттенберга и носилъ названіе Шпилерскаго. Въ основаніи описанія самаго вызова лежитъ народное представленіе. «Въ этомъ лѣсу провелъ Фаустъ на перекресткѣ нѣсколько круговъ... и такимъ образомъ сталъ заклинать дьявола ночью между 9-ью и 10-ью часами»¹⁾. Но въ дальнѣйшемъ описаніи перваго появленія бѣса Шписъ даетъ полную волю своей фантазіи. «Въ лѣсу поднялся такой ужасный шумъ, что, казалось, все сейчасъ погибнетъ: деревья прыгали до земли; весь лѣсъ, повидимому, былъ наполненъ дьяволами, которые появлялись то тамъ, то здѣсь около Фаустова круга. Затѣмъ, появилась молнія, послышался громъ и страшные ружейные выстрѣлы; потомъ разлился по лѣсу свѣтъ, раздались сладкіе звуки музыкальныхъ инструментовъ, послышалось пѣніе, начались танцы, поединки на копьяхъ и мечахъ. Затѣмъ, около круга началъ летать грифъ или драконъ, который при заклинаніяхъ Фауста издавалъ жалобные звуки; потомъ опустилась сверху и остановилась на разстояніи трехъ или четырехъ сажень отъ земли огненная звѣзда, которая превратилась въ огненный шаръ». Фантазія такъ далеко увлекаетъ Шписа, что онъ, сдѣлавъ отступленіе и возвращаясь снова къ описанію, позабылъ на чемъ остановился. «И такъ, продолжаетъ онъ, Фаустъ заклинаетъ эту звѣзду разъ, два и три; тогда появляется огромный огненный потокъ въ видѣ человѣка; этотъ потокъ опускается внизъ; тогда появляется шесть огоньковъ: одинъ изъ нихъ то опускается, то подымается, пока, наконецъ, образовался огненный человѣкъ, который около четверти часа ходилъ около круга. Наконецъ, дьяволъ принялъ образъ сѣраго монаха и спросилъ Фауста, что ему угодно?» Впослѣдствіи Фаустъ еще нѣсколько разъ вызывалъ дьявола у себя дома. Шписъ не описываетъ этихъ вызывовъ въ подробностяхъ, и только, рассказывая о послѣднемъ заклинаніи, пере-

¹⁾ Перекрестокъ играетъ весьма важную роль и въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ; но народному воззрѣнію германцевъ, «вѣдьмъ, охотно собираются на перекресткахъ; тамъ же слѣдуетъ вызывать чорта. (Grimm, Deutsche Mythologie p. 1028). Это вѣрованіе въ особенное значеніе перекрестка существуетъ и у евреевъ: именно, туда идетъ царь вавилонскій для вызова тѣней; не менѣе значающіе и волшебный кругъ.

дасть, что Фаустъ «потребовалъ отъ Мефистофеля, чтобы тотъ являлся въ нему всегда въ образъ францисканскаго монаха съ колокольчиками, чтобы онъ звономъ давалъ знать о своемъ прибытіи»¹⁾. Результатомъ всѣхъ этихъ заклинаній было заключеніе договора между Фаустомъ и Мефистофелемъ. «Докторъ Фаустъ взялъ острый ножъ, прокололъ на лѣвой рукѣ жилу, собралъ кровь въ стьянку, поставилъ ее на горячіе уголья и подписалъ договоръ»²⁾.

Въ изложеніи содержанія исторіи о докторѣ Фаустѣ, мы рассмотримъ сначала ту ея часть, въ которой трактуется о различныхъ научныхъ, религиозныхъ и метафизическихъ предметахъ.

Бесѣды Фауста съ Мефистофелемъ касаются преимущественно тѣхъ вопросовъ, которые наиболѣе занимали средневѣковыхъ схоластиковъ, представлялись имъ наиболѣе затруднительными: о происхожденіи міра, о раѣ, объ адѣ и его обитателяхъ; затѣмъ слѣдуютъ астрономо-астрологическіе вопросы и даже естественно-научные и историческіе. Такимъ образомъ, въ этихъ бесѣдахъ популярно излагается почти цѣлая система схоластической мудрости.

Для рѣшенія вопроса о происхожденіи міра схоластическое ученіе имѣло твердое основаніе въ описаніи мірозданія въ книгѣ Бытія. Но Фаустъ тѣмъ не менѣе предлагаетъ этотъ вопросъ Мефистофелю. Тотъ даетъ слѣдующее «безбожное и лживое показаніе»: «Міръ не рожденъ и бессмертенъ, точно также и родъ человѣческій отъ вѣчности здѣсь обрѣтается и въ началѣ не имѣлъ никакого происхожденія; земля должна была сама дер-

¹⁾ Это послѣднее замѣчаніе интересно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ Шписъ, пользуясь народнымъ представленіемъ, не понимаетъ его значенія и старается дать ему подходящее объясненіе. «Домовой, читаемъ мы у Гримма, дозвольствуется небольшимъ вознагражденіемъ: ему достаточно красной шапки и пестраго платя съ звенящимъ колокольчикомъ».

Понятно, что колокольчикъ является, атрибутомъ Мефистофеля не по капризу Фауста.

²⁾ Къ такому средству прибѣгаютъ почти всѣ волшебники. Вопросъ о томъ, почему для подписанія подобнаго договора необходима кровь, рѣшаютъ различными образомъ: одни изслѣдователи думаютъ, что кровь на договоръ—остатокъ языческой кровавой жертвы; другіе, какъ, напр., извѣстный комментаторъ Фауста Дюндеръ, полагаютъ, что въ этомъ заключается насмѣшка дьявола надъ Христомъ, освобожденнымъ міръ своею кровью. Вѣрнѣе, просто потому, что «кровь есть совсѣмъ особенный сокъ», какъ говоритъ Мефистофель у Гёте. Какъ бы то ни было, на такой способъ заключенія договора съ дьяволомъ указываютъ почти всѣ сказанія второй половины среднихъ вѣковъ. Для вѣдми же вмѣсто кровавой подписи нужна только любовная связь съ дьяволомъ, послѣ чего она получаетъ свои атрибуты: хвостъ и козлиныя ноги.

зався, и море само отдѣлилось отъ земли; земля и море, такимъ образомъ, были въ столь дружественномъ согласіи, какъ будто бы умѣли говорить. Земля требовала себѣ господства надъ полями, лугами, лѣсами, травой и листьями; напротивъ, море — надъ рыбами и всѣмъ, что въ немъ находится; Богу же они предоставили только создать людей и небо, съ тѣмъ чтобы впоследствии все это было ему подвластно. Отсюда возникаютъ четыре власти: воздухъ, огонь, вода и земля». Эта странная космогонія представляетъ изъ себя, вѣроятно, умышленную смѣсь грѣховныхъ возрѣній, чтобы отвѣтъ дьявола былъ какъ можно безбожнѣе.

Далѣе слѣдуетъ весьма интересное описаніе положенія рая. Чтобы его осмотрѣть, Мефистофель возводитъ Фауста на самую высокую вершину *острова* Кавказа; взглянувъ отсюда на востокъ, Фаустъ увидалъ громадную огненную рѣку, которая поднимается отъ земли до неба, это — райская ограда; за оградой въ срединѣ поднимается высокій островъ, изъ котораго текутъ четыре рѣки: одна въ Индію, другая въ Египеть, третья и четвертая въ Арменію. Это, по объясненію Мефистофеля, Гангъ или Фисонъ, Нилъ или Гигонъ и Тигръ съ Евфратомъ ¹⁾.

Прежде всего въ легендѣ рай называется островомъ. Для объясненія этого мѣста издатель первой обработки легенды о Фаустѣ, Кюне, приводитъ въ связь средневѣковое *insula* съ французскимъ *isoler* — уединять, и переводитъ его: «отдѣльно стоящій домъ, уединенное мѣсто». Но это едва-ли такъ. По древне-германскимъ вѣрованіямъ «души умершихъ перевозились на тотъ островъ». (Grimm. Deutche Mythol. p. 792). Этотъ островъ назывался *Brittia*.

Не менѣе интереса представляетъ описаніе ада. Въ это описаніе вошло какъ христіанское возрѣніе на мѣсто мукъ, такъ и старинныя народныя преданія объ адѣ. Эти преданія столь разнообразны и противоположны христіанскому представленію, что сказаніе сначала, повидимому, не хотеть ихъ приводить. «Мы не открываемъ челобѣку, говоритъ Мефистофель, настоящаго основанія нашего жилища, ибо осужденный послѣ смерти будетъ тамъ и самъ все узнаеть». Въ другомъ мѣстѣ Мефистофель говоритъ: «даже мы, дьяволы, не можемъ знать, въ какомъ видѣ созданъ адъ, какимъ образомъ онъ основанъ и выстроенъ Богомъ, ибо онъ не имѣеть ни конца, ни начала». Но подобное колебаніе въ сказаніи скоро прекращается, и изъ дальнѣй-

¹⁾ Этотъ рассказъ имѣеть своимъ основаніемъ весьма древнее вѣрованіе.

шихъ бесѣдъ Фауста съ духомъ мы знакомимся съ самыми разнообразными воззрѣніями на адъ. Всѣ они распадаются на три категоріи: древнѣйшія народныя воззрѣнія, христіанскія и классическія. Главнымъ образомъ, въ описаніяхъ ада и мукъ преобладаютъ христіанскія воззрѣнія, основанныя на указаніяхъ священнаго писанія, или легендарныя, разившіяся изъ первыхъ.

Мефистофель описываетъ адъ слѣдующимъ образомъ: послѣ отпаденія своего Люциферъ былъ тотчасъ же низверженъ въ приготовленный для него адъ. Тамъ онъ былъ закованъ въ цѣпи ¹⁾, и среди мрака, огня, сѣры и пепла, въ страшномъ зловоніи ожидаетъ послѣдняго суда. Въ дальнѣйшихъ описаніяхъ ада сказаніе также держится намековъ и указаній св. писанія. Таково представленіе ада въ видѣ пронасти, основанное на словахъ бѣднаго Лазаря богатому: между нами и вами пропасть велика. Подобнымъ же образомъ произошло представленіе ада въ видѣ долины (Иосафатова долина), которая лежитъ недалеко отъ Іерусалима. Адъ занимаетъ такую далекую и глубокую часть долины, что находится совершенно напротивъ Іерусалима, т.-е. небеснаго трона, такъ что осужденные должны будутъ постоянно жить въ глубинѣ долины и никогда не могутъ достигнуть высоты города Іерусалима.

Отсюда же произошли различныя названія ада, какъ осужденіе, темница, гибель и т. п. Здѣсь, мы находимъ также, и червь неутолимый, и огонь неугасимый, вопль и сирезель любовный.

Среди этихъ-то описаній попадаются воззрѣнія сѣдой, народной старины. Таково встрѣчающееся здѣсь представленіе о невыносимомъ холодѣ. Осужденные жалуются также на нестерпимый холодъ. Это представленіе ада, чуждое евангельскому, мы находимъ у Данте и въ нѣкоторыхъ русскихъ сказаніяхъ. Его можно сблизить съ неопредѣленнымъ языческимъ германскимъ представленіемъ объ адѣ. То же самое можно замѣтить про изображеніе ада въ видѣ скалы; адъ называется также петро, т.-е. скала, ибо онъ имѣетъ такую форму. Подобно тому, какъ пропасть, отдѣляющая адъ отъ рая, понималась, какъ самый адъ, такъ и скала, которая не имѣетъ ничего общаго съ адомъ, сдѣлалась его изображеніемъ.

Съ внутренностью ада знакомитъ видѣніе Фауста, во время котораго онъ совершаетъ свое путешествіе въ адскую беду.

¹⁾ Въ посланіи ап. Петра говорится: „Богъ ангеловъ согрѣшившихъ не оставилъ, но, связавъ узами мрака, предастъ блести на судъ для наказанія“. II. 2. 4

Пылкая фантазія населяетъ адъ страшными чудовищами, имѣющими, кажется, восточный характеръ. Адъ расположенъ въ глубинѣ, на днѣ пропасти, отверстіе которой лежитъ на огнедышащей горѣ. Въ отверстіе вулкана въѣзжаетъ Фаустъ на дьяволь, который устроилъ доктору на своей спинѣ кресло; здѣсь, по мѣрѣ углубленія, онъ встрѣчаетъ различныхъ чудовищъ: вначалѣ трехъ дьяволовъ, въ видѣ громадныхъ червей, потомъ крылатаго оленя, который пытается столкнуть Фауста, затѣмъ на него нападаютъ гигантскіе змѣи, но ихъ побѣждаетъ летучій медвѣдь. Еще глубже появляется крылатый быкъ, который столкнулъ Фауста, такъ что тотъ полетѣлъ въ пропасть. Долго летѣлъ онъ, наконецъ, въ туманномъ предмѣстьѣ настоящаго ада его спасла старая обезьяна и посадила на колесницу, запряженную двумя драконами. Тогда вступилъ Фаустъ въ область мрака. «На четверть часа наступилъ столь густой мракъ, что докторъ Фаустъ не могъ видѣть ни колесницы, ни драконовъ. Затѣмъ, онъ въѣхалъ въ воду, но не чувствовалъ никакой влаги, только страшный жаръ». Волны сбили его съ колесницы, онъ удержался на краю скалы, откуда можно было броситься или въ воду, или въ пропасть. Фаустъ предпочелъ послѣднее и бросился въ пропасть, тогда онъ достигъ основанія ада, гдѣ увидаль мучащіяся души. Описаніе мукъ обыкновенное. Интересно только представленіе души умершаго. Фаустъ хотѣлъ схватить одну изъ нихъ, но она исчезла въ его рукѣ.

Между чертами чисто христіанскаго изображенія ада мы находимъ въ описаніи Шписа нѣсколько представленій, коренящихся въ народномъ міросозерцаніи, къ которымъ принадлежатъ и представленія объ адскомъ туманѣ, мракѣ, холодѣ и объ адскихъ водахъ. Но гораздо болѣе выдѣляется среди этихъ представленій классическій элементъ. Въ аду сказаніе насчитываетъ десять слѣдующихъ королевствъ, несомнѣнно классическаго происхожденія (за исключеніемъ одного): 1) *Lacus mortis* (озеро смерти); 2) *Stagnum ignis* (огненное болото); 3) *Terra tenebrosa* (страна мрака); 4) *Tartarus* (Тартаръ); 5) *Terra oblivionis* (страна забвенія); 6) *Gehenna* (христіанское); 7) *Herebus* (Эребъ); 8) *Vagathum* (бездна); 9) *Styx*; 10) *Acheron*, «въ которомъ царствуетъ дьяволь, по имени Флегетонъ.

Что касается до возрѣвнй сказанія на происхожденіе и сущность демонической силы, то они вообще отличаются церковнымъ характеромъ. Это или просто библейскій разсказъ, или легенда образовавшаяся на его почвѣ. «Мой господинъ, Люциферъ, говорить Мефистофель, который теперь такъ называется вслѣдствіе

низверженія изъ области яснаго, небснаго свѣта, былъ также ангеломъ и херувимомъ Божиимъ. На небѣ онъ видѣлъ все дѣло и созданіе Божіе; онъ обладалъ такою красотой, блескомъ, властію, достоинствомъ и жилищемъ, что возвышался надъ прочимъ созданіемъ Божиимъ; онъ былъ такъ просвѣтленъ Господомъ, что превосходилъ свѣтъ солнца и звѣздъ. Но легенда, развивавшаяся на библейской почвѣ, идетъ далѣе и варьируетъ христіанскія представленія. Такъ, предъ Фаустомъ появляются обсы въ видѣ разныхъ чудовищныхъ животныхъ — Беліаль — въ видѣ крылатаго медвѣдя, Вельзевулъ — крылатаго быка, Астерать — чудовищнаго червя и т. п.

Въ основѣ этихъ представленій лежитъ старинное вѣрованіе о переселеніи душъ, съ которыми стоятъ въ связи и наши оборотни. Въ средневѣковыхъ волшебныхъ сказаніяхъ такое возрѣніе встрѣчается постоянно. Съ христіанствомъ и развитіемъ ученія и сказаній объ адскихъ мукахъ появился принципъ: *per quod quis peccat, per idem punitur*. Дѣйствительно, и въ нашихъ сказаніяхъ, и въ изображеніяхъ страшнаго суда, наказаніе, по большей части, соотвѣтствуетъ преступленію (клеветники повѣшены за языкъ и т. п.). Въ Западной Европѣ это соотвѣтствіе выразилось нѣсколько иначе. Тираны, гонители, разбойники, убійцы, показавшіе себя въ жизни львами, медвѣдами и волками, были мучимы послѣ смерти дьяволами въ подобныхъ образахъ. Особенно любопытна одна подробность: къ Фаусту является чортъ Алубисъ съ собачьей головой. Египетскій богъ, знакомый на западѣ, благодаря классикамъ, занялъ свое мѣсто въ аду, сохранивъ старинное изображеніе. Описанія рая и ада, занимающія довольно много мѣста въ первой литературной обработкѣ легенды о Фаустѣ, введены Шписомъ и вмѣстѣ съ прочими учеными объясненіями Мефистофеля пришиты на живую нитку къ сказанію. Такое введеніе въ преданіе схоластическаго балласта произошло съ одной стороны подъ вліяніемъ дидактической цѣли обработки, а съ другой — подъ вліяніемъ увлеченія автора литературными источниками. Желаніе поучать доводитъ ипогда Шписа до абсурда. Вотъ, напр., какъ описываетъ у него Мефистофель, дьяволь, духъ жи, хорошо извѣстный ему адъ:

«Замѣть, что адъ — это адъ смерти, пламя огненное», въ немъ навсегда нужно забыть о лучшемъ, потому что «въ немъ вѣчная мука и вопль, вѣчный огонь неугасимый; онъ жилище адскихъ драконовъ, червей, чудовищъ; онъ — мѣсто пребыванія низверженныхъ дьяволовъ; въ немъ ужасная вонь отъ воды, смолы и сѣры и всѣхъ расплавленныхъ металловъ. Скорбь и ужасъ

тамъ болѣе и тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь», потому что они служатъ «безмѣрнымъ наказаніемъ за безмѣрные грѣхи». Отчаяніе, невыносимый холодъ, неугасимый огонь и ужасная вонь—вѣчныя орудія мученій для грѣшниковъ; «съ плачемъ, со скрежетомъ зубовъ, съ воплями, съ дрожью въ рукахъ и ногахъ оплакиваютъ они свои мученія». Вообще, глава, описывающая адъ, есть настоящая проповѣдь средневѣкового монаха. Обиліе описаній ада, дьяволовъ и мукъ—обычный приемъ средневѣковыхъ проповѣдниковъ, имѣвшихъ въ виду привести въ ужасъ слушателя, фантазія котораго и безъ того была запугана всякою чертовщиною.

Съ другой стороны, источники Шписа давали обильный матеріалъ для такихъ описаній. Вообще, рассказы о раѣ и адѣ были особенно распространены въ XIV и XV столѣтіяхъ, подъ общиною формою видѣній или сновъ. Они начали распространяться на западъ довольно рано и шли частью изъ Византіи, частью развивались на мѣстной почвѣ. Существовали также рассказы о раѣ и адѣ людей, воскресшихъ изъ мертвыхъ. Непосредственнымъ источникомъ Шпису служили въ данномъ случаѣ сказанія о видѣніи Альбериха въ Монте-Кассино (1127) и Тундала (1147).

Наконецъ, волшебныя книги, изъ которыхъ многія приписывались Фаусту и которыя служили однимъ изъ главныхъ источниковъ для Шписа, съ большою охотою останавливаются на описаніи адской силы и ея организаціи ¹⁾.

Но не только вопросы теологическаго характера интересуютъ Фауста, онъ требуетъ также отъ Мефистофеля разрѣшенія своихъ философскихъ и ученыхъ сомнѣній: на первомъ планѣ здѣсь стоитъ астрологія.

Въ началѣ XVI и даже въ концѣ XV вѣка вѣрованіе въ астрологію значительно ослабло, на нее начали нападать съ различныхъ точекъ зрѣнія: богословы видѣли въ ней безбожіе; ученые оспаривали ее съ точки зрѣнія разума. Въ «Застольныхъ бесѣдахъ» Лютеръ такъ отзывается объ астрологіи: «вѣрованіе

¹⁾ Взглядъ на устройство ада въ волшебныхъ книгахъ весьма интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ феодальные порядки перенесены и въ подземный міръ. Рахис *fabulae nigrae doctoris Iohannis Faustii, magi celeberrimi. Passau, 1612*, насчитываетъ въ аду семь курфюрстовъ, семь пфальц-графовъ, семь малыхъ графовъ, семь бароновъ, семь дворянъ, семь буржуа и семь крестьянъ. Въ «Черномъ воронѣ» устройство дьявольской монархіи носитъ слѣды болѣе новаго государственнаго порядка: Люциферъ—король, Беліалъ—вице-король, затѣмъ—четыре губернатора, 7 великихъ князей, 5 великихъ министровъ или адскихъ тайныхъ совѣтниковъ, одинъ государственный секретарь.

въ звѣзды есть безбожіе, ибо оно противно первой заповѣди». Известный гуманистъ Бебель въ 1509 г. написалъ сатиру: «Предсказанія, переведенныя съ этрусскаго языка на латинскій», гдѣ онъ осмѣиваетъ астрологовъ за то, что они пророчествуютъ вещи, известныя всякому, въ родѣ того, что «лѣтомъ будетъ изобиліе лилій и розъ, но слѣдуетъ бояться грома и молніи. Осенью спадутъ листья съ деревъ и, украшеніе полей, цвѣты отцвѣтутъ и завянутъ. Зимой люди будутъ склонны къ вину, какъ говорятъ всѣ школы астрологовъ. Весною вся сила земли будетъ направлена въ произведенію цвѣтовъ и хлѣба». Такія же воззрѣнія высказываетъ и Шписъ въ своей обработкѣ. На занятіе астрологіей онъ смотритъ, какъ на стремленіе проникнуть въ сокровитное дѣло Божье. «Кромѣ того, это стремленіе неисполнимо для современнаго человѣка. Совершенно справедливо, говоритъ Мефистофель, что старинные люди, которые жили 500 или 600 лѣтъ, могли основательно изучить и постичь это искусство, ибо по прошествіи столь многихъ лѣтъ исполняется великій годъ, поэтому они могли давать подобныя объясненія и предсказывать кометы. Духи существуютъ уже много лѣтъ, летаютъ подъ небесами, видятъ предопредѣленія Божія, поэтому они могутъ предсказывать будущее. Руководимый Мефистофелемъ Фаустъ составилъ хорошій календарь съ предсказаніями, тогда какъ въ некоторые неопытные астрологи предсказывали на зиму холодъ, морозъ и снѣгъ, а на лѣто, на каникулы — тепло, громъ и грозу». Въ основѣ астрономическихъ представленій сказанія, какъ мы сейчасъ видѣли, лежитъ понятіе о большомъ годѣ. Это раздѣленіе времени на большіе и малые годы встрѣчается у индусовъ; въ средніе вѣка оно было также довольно распространено.

Незадолго до появленія книги Шписа, въ Виттенбергѣ была напечатана книга *Libellus de Sphaera*, изъ которой авторъ заимствовалъ свои воззрѣнія на этотъ предметъ. Въ этой книгѣ говорится: «великій годъ составляетъ то пространство времени, въ которое всѣ планеты, вмѣстѣ со всѣми неподвижными звѣздами свода, возвращаются на тѣ мѣста, которыя занимали при началѣ міра. Этотъ годъ считался то въ 600 нашихъ лѣтъ, то въ 15,000.

Вообще говоря, большая часть космографическихъ бесѣдъ сказанія заимствована изъ средневѣковыхъ передѣлокъ системы Птолемея, обработанной въ духѣ священнаго писанія. Происхожденіе вселенной описывается почти буквально словами писанія: «Въ началѣ Богъ отдѣлилъ небо отъ воды, раздѣлилъ воды и основалъ небесную твердь». Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы на-

ходимъ пересказъ средневѣковыхъ воззрѣній, заимствованный изъ упомянутого сочиненія *Libellus de Sphaera*. «Ты долженъ знать, говоритъ Мефистофель Фаусту, что отъ луны до звѣздъ все состоитъ изъ огня, напротивъ того, земля холодна и мерзла».

Далѣе сказаніе знаетъ семь планетъ, извѣстныхъ въ средніе вѣка, признаетъ знаменитые четыре элемента: огонь, воздухъ, землю и воду. Оно такъ твердо держится Птолемеева ученія о подвижности небснаго свода, а не земли, что въ частомъ повтореніи этого воззрѣнія слышится какъ бы полемическій тонъ. «Небо вращается такъ быстро, что вселенная разрушилась бы, если бы планеты въ своемъ ходѣ не препятствовали этому». Далѣе, всѣ небеса (т. е. различныя сферы, окружающія огненную), движутся, только огненное находится въ покоѣ. Въ другомъ мѣстѣ говорится: «небо движется и вращается столь быстро, какъ будто оно хочетъ распаяться на тысячу кусочковъ или разрушить всю вселенную». Такія воззрѣнія даютъ возможность и здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, видѣть непосредственное вліяніе Лютеровыхъ «Застольныхъ бесѣдъ». Великій реформаторъ стоялъ въ этомъ вопросѣ на одной точкѣ зрѣнія съ враждебной ему старой церковью. «Разсказываютъ объ одномъ новомъ астрологѣ, говоритъ онъ, намекая на Коперника, который хотѣлъ доказать, что земля подвижна, и что вращается она, а не небо или твердь, ни солнце, ни луна. Безразсудный человѣкъ хочетъ ниспровергнуть все искусство астрономіи, но, какъ показываетъ св. писаніе, Иисусъ Навинъ приказалъ остановиться солнцу, а не землѣ». Далѣе, въ «бесѣдахъ» Лютера мы находимъ такое опредѣленіе кометы: «комета есть также звѣзда, но она бѣгаетъ и не прикрѣплена къ одному мѣсту, какъ планета; она — незаконное дитя между планетами». Это метафорическое выраженіе Лютера въ изложеніи Шписа принимаетъ реальную окраску; въ коротенькой главѣ «о кометахъ» встрѣчаются слѣдующія выраженія: «когда мѣсяць подходитъ близко къ солнцу, то оно, будучи весьма сильнымъ и крѣпкимъ, отнимаетъ у него свѣтъ, такъ что луна дѣлается совершенно красною. Когда потомъ мѣсяць снова подымается на высоту, то измѣняется въ различныя цвѣта и сверху появляется чудо—это и есть комета... Черезъ такіа соединенія луны и солнца появляется чудовище—комета... Эта звѣзда есть какъ бы незаконное дитя между другими, такъ какъ ея родители, какъ сказано выше, солнце и луна».

Всѣ народныя предразсудки, раздѣляемые въ то время и образованнымъ обществомъ, входятъ въ изложеніе Шписа. О паденіи звѣздъ говорится слѣдующимъ образомъ: «То, что мы

называемъ паденіемъ звѣздъ, это только огоньки и искры, спадающіе съ звѣздъ, но, что падаетъ самая звѣзда, это только такъ кажется людямъ». Впрочемъ, иногда падаетъ и звѣзда, но по особеннымъ причинамъ. «Ни одна звѣзда не упадетъ съ неба безъ особеннаго повелѣнія Божія; Богу угодно, значить, наказать страну и жителей, если небесныя тучи приносятъ съ собою такія звѣзды; тогда происходитъ или наводненіе, или пожаръ; гибель страны и ея жителей». Точно также смотритъ сказаніе и на кометы. «Фигура и значеніе кометы бываютъ различны, смотря по волѣ Божіей». Иногда она приноситъ съ собою въ страну восстаніе, войну, смерть, чуму и другія эпидеміи, иногда наводненіе, безводіе, засуху, дороговизну и т. п.

Кромѣ космографическихъ свѣдѣній, сказаніе даетъ намъ также географическія и историческія. Любознательность Фауста заставила его предпринять путешествіе, и дорогою Мефистофель, на которомъ онъ ѣхалъ, знакомитъ его съ исторіей, а иногда съ статистикою города. Такъ, объ Ахенѣ говорится, что онъ построенъ Карломъ Великимъ, объ Аугсбургѣ, — что онъ прежде назывался *Vindelica*, потомъ *Zizagia*, потомъ *Eisenburg*, и, наконецъ, отъ *Октавіана Августа* получилъ названіе *Augusta*, изъ котораго образовалось его повдѣйшее имя ¹⁾. Статистическія данныя о нѣкоторыхъ городахъ весьма подробны и обстоятельны.

М. Корелинъ.

¹⁾ Что касается литературныхъ источниковъ, изъ которыхъ Мефистофель черпалъ свои географическія познанія, можно указать главнымъ образомъ двѣ книги: *Cajus Iulius Solonus. De situ orbis terrarum. Ven. 1473;* и *Brodæus Turnensis. Miscellaneorum libri sex. Basileae, 1555.*

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ФРИДРИХА-ВИЛЬГЕЛЬМА II

1792—1797 гг.

Martin Philippon, Geschichte des preussischen Staatswesens vom Tode Friedrich des Grossen bis zu den Freiheitskriegen. Zweiter Band. Leipzig, 1882.

Два года тому назадъ читатели нашего журнала имѣли случай познакомиться съ первою частью обширнаго труда, посвященнаго Мартиномъ Филиппсономъ малозвѣстной, но крайне любопытной эпохѣ прусской исторіи ¹⁾. Второю томъ этого сочиненія, вышедшій въ свѣтъ лѣтомъ нынѣшняго года, не менѣе замѣчательнъ, чѣмъ первый. Онъ обнимаетъ собою послѣдніе годы царствованія Фридриха - Вильгельма II-го (1792 — 97); почти цѣлый вѣкъ отдѣляетъ насъ отъ этого времени. Реакція, которою новый король поспѣшилъ замѣнить систему своего великаго предшественника, въ самые первые годы своего царствованія (1786—1791), успѣла уже принести свои плоды; посмотримъ, въ какой степени они были горьки для прусскаго народа и для прусскаго государства.

Фридрихъ II-ой допускалъ нѣкоторую свободу печати и благопріятствовалъ свободѣ мысли въ вопросахъ религіозныхъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его преемника было ограниченіе той

---

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, июль, 1880 г., стр. 554—594.

и другой. Знаменитый «Religionsedict» Вельнера состоялся уже въ 1788 г., до истеченія двухъ лѣтъ со времени воцаренія Фридриха-Вильгельма II-го; въ томъ же году былъ изданъ законъ, восстановившій упраздненную, по крайней мѣрѣ de facto, книжную цензуру. Усиленію реакціи способствовали, какъ и слѣдовало ожидать, событія во Франціи, напугавшія короля и не оставшіяся безъ отголоска въ нѣмецкомъ обществѣ. Замѣчательно, однако, что рядомъ съ гасильниками мысли, въ правительственныхъ сферахъ никогда, даже въ самыя трудныя минуты, не переставали дѣйствовать люди противоположнаго направленія. Мракобѣсіе Вельнера и такъ-называемой «испытательной комиссіи» — учрежденія, специально созданнаго для охраны лютеранскаго правобѣрія въ печати и школахъ — постоянно встрѣчало отпоръ со стороны другихъ вѣдомствъ, со стороны генеральной директоріи (составлявшей тогда нѣчто въ родѣ совѣта министровъ). Въ февралѣ 1792 года, король приказываетъ усилить надзоръ за книгопродавцами и типографіями, увеличить строгость цензуры, наложить молчаніе на свободномыслящихъ богослововъ, запретить обращеніе въ Пруссіи двухъ либеральныхъ газетъ, выходящихъ въ свѣтъ за ея предѣлами (въ Готѣ и Іенѣ). Министерство юстиціи, а вслѣдъ за нимъ и другія, представляетъ почтительныя, но твердыя возраженія противъ этого приказа. Оно указываетъ на то, что спокойствіе государства не требуетъ никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ, что запрещеніе газетъ, никогда не касавшихся ни личности монарха, ни основъ прусскаго государственнаго устройства, поколебало бы нравственный авторитетъ Пруссіи въ глазахъ Германіи и всей Европы, что государственнымъ людямъ, сознающимъ чистоту своихъ намѣреній, не зачѣмъ обращать вниманіе на отзывы о нихъ въ печати (прямой намекъ на Вельнера, лично задѣятаго тѣми газетами, на запрещеніи которыхъ, по совѣту своего любимца, настаивалъ король). Одну изъ газетъ министерству удалось отстоять; запрещеніе другой состоялось, вслѣдствіе повтореннаго требованія свыше. Болѣе рѣшительную побѣду умѣренная партія одержала три года спустя, послѣ кратковременнаго торжества обскурантовъ (Dunkelshäpfer, какъ справедливо называетъ Филиппсонъ этихъ преемниковъ Гуттеновскихъ obscurorum virorum). 26-го апрѣля 1794 г., обнародованъ былъ королевскій указъ, возлагавшій на книгопродавцевъ отвѣтственность за содержаніе всѣхъ продаваемыхъ ими сочиненій — другими словами, обращавшій книгопродавцевъ въ цензоровъ, въ служителей литературной полиціи. Составленіе оффиціального списка запрещаемыхъ сочиненій признано было

непосильнымъ для государственной власти; опредѣленіе того, что позволено и что непозволено было предоставлено самимъ книгопродавцамъ, подъ страхомъ взыскаія, денежнаго и личнаго, за каждую ошибку. Почти въ то же самое время было запрещено обращеніе въ Пруссіи «Всеобщей нѣмецкой бібліотеки», самаго вліятельнаго и распространеннаго изъ всѣхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ журналовъ. Издатель его, столь извѣстный въ нѣмецкой литературной исторіи Николай, уже за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ вынужденъ перенести печатаніе журнала изъ Берлина въ Киль, — но Вѣльнеру (нѣкогда принадлежавшему къ числу сотрудниковъ Николая) этого было мало: онъ хотѣлъ нанести смертельный ударъ главному органу «просвѣтительнаго» направленія. Обѣ мѣры вызвали сильнѣйшій ропотъ не только въ средѣ книгопродавцевъ, но и въ другихъ сферахъ образованнаго общества. Протесты, жалобы, просьбы посыпались со всѣхъ сторонъ; къ частнымъ заявленіямъ скоро присоединились и официальные. Первый шагъ былъ сдѣланъ провинціальнымъ управленіемъ Бранденбурга. Начавъ съ заступничества за матеріальные интересы, пострадавшіе и могущіе пострадать отъ новыхъ правительственныхъ распоряженій, оно обобщаетъ вопросъ и заключаетъ свое представленіе слѣдующими характерными словами: «неправильно разсуждаютъ тѣ, которые видятъ въ невѣжествѣ народа лучшую опору порядка и послушанія. Заподозрѣвать цѣлую націю, значить не понимать положенія государства и его гражданъ». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя примѣру этого провинціального управленія послѣдовала генеральная директорія. «Не только нашъ долгъ», говорятъ министры — «но и самая честь государя и націи побуждаетъ насъ заявить о бесплодности и крайнемъ вредѣ строгихъ мѣръ по отношенію къ печати и книжной торговлѣ». Результатомъ этихъ откровенныхъ, честныхъ представленій было разрѣшеніе «Всеобщей нѣмецкой бібліотеки» (въ апрѣлѣ 1795 года), и такое разъясненіе указа о книжной торговлѣ, которое было равносильно его отменѣ. Противудѣйствуя, такимъ образомъ, реакціоннымъ тенденціямъ властныхъ пѣтистовъ, большинство прусскихъ министровъ охраняло печать и отъ добровольцевъ, всегда готовыхъ поднять на нее свое ослиное копыто. Редакторъ «Откровенной нѣмецкой народнои газеты», основанной съ цѣлью борьбы противъ политическаго и философскаго либерализма, просилъ о правительственной поддержкѣ; генеральная директорія отказала въ этой просьбѣ. Такая же участь постигла предложеніе разорившагося книгопродавца Эмигге, желавшаго взять на себя

разборъ вновь привозимыхъ въ Пруссію сочиненій, съ цѣлью отдѣленія «овець отъ возлицъ». Отдать судьбу книжной торговли въ руки неудачника, ничѣмъ не доказавшаго своего критическаго такта, значило бы, по мнѣнію генеральной директоріи, сдѣлать книгопродавцевъ жертвой недоброжелательства и зависти. Предложеніе Эмигге найдено было, поэтому, не выдерживающимъ никакой критики (unter aller Kritik), и изобрѣтательному автору его внушено было не утруждать больше правительство своими просьбами (er wurde ein für alle Mal zur Ruhe verwiesen).

Просвѣщеннымъ благоразуміемъ большинства министровъ, дѣятельность Вѣльнера и его сподвижниковъ сдерживалась только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда шла рѣчь объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ или о чрезвычайныхъ мѣрахъ противъ періодической печати. Въ домашнемъ, ежедневномъ обиходѣ усердіе обскурантовъ долго не встрѣчало никакихъ стѣсненій. Главные помощники Вѣльнера по дѣламъ цензуры—члены «испытательной комиссіи», Гермесъ и Гилльмеръ—безпрепятственно могли распоряжаться представляемыми имъ рукописями, исправлять мнимыя ошибки авторовъ, вставлять въ чужой текстъ свои собственные разсужденія, мѣшать печатанію строго-ученыхъ трудовъ—напр., статьи Канта «О религіи въ предѣлахъ чистаго разума». Запрещеніе статьи или книги не исключало личной отвѣтственности писателя; непочтительнаго отзыва о дворянствѣ или католическомъ духовенствѣ, строгаго сужденія о королѣ, царствовавшемъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, было достаточно для назначенія слѣдствія надъ авторомъ, для потери правъ, пріобрѣтенныхъ имъ на службѣ. Наблюденію испытательной комиссіи подчинено было, наравнѣ съ печатью, и университетское преподаваніе. Отъ всѣхъ вновь назначаемыхъ профессоровъ богословія требовалась подписка ничего не писать и не говорить, даже внѣ аудиторіи, противъ правительственныхъ распоряженій по вопросамъ вѣры и дѣламъ церковнымъ. Нѣсколько времени спустя это обязательство было распространено на вновь назначаемыхъ профессоровъ и въ другихъ университетскихъ факультетахъ, съ тою преимущественно цѣлью, чтобы имѣть въ рукахъ всегда готовое оружіе противъ людей «неблагонадежнаго» образа мыслей. Наиболѣе уважаемымъ профессорамъ богословія въ Галле,—Нимейеру и Нессельту, сдѣлано было, въ 1794 г., рѣзко мотивированное замѣчаніе за *неологическій* образъ мыслей, смущающей учащуюся молодежь и сбивающей ее съ пути истиннаго; имъ было предоставлено на выборъ или измѣнить способъ преподаванія, или лишиться каеедры. Съ такой же угрозой, выра-

женной лишь въ нѣсколько болѣе мягкой формѣ, Вельнеръ обратился и къ Канту, семидесяти-лѣтнему старцу, за которымъ уже тогда было признано первое мѣсто между всѣми философами Германіи. Онъ былъ обвиненъ въ неуваженіи къ истинамъ религіи, а, слѣдовательно, и къ намѣреніямъ монарха. Впечатлѣніе, произведенное этимъ обвиненіемъ на Канта, было самое тяжелое; онъ рѣшился не касаться на будущее время религиозныхъ вопросовъ и сообщилъ объ этомъ королю, не столько оправдывая, сколько извиняя свой прежній образъ дѣйствій. Уступчивость философа не обезоружила его враговъ; всѣмъ прусскимъ профессорамъ запрещено было разбирать послѣднее сочиненіе Канта, послужившее поводомъ къ преслѣдованію. Нимейеръ и Нессельтъ поступили смѣлѣе, чѣмъ великій кенигсбергскій ученый; они обратились къ королю съ письмами, въ которыхъ не признавали за собой никакой вины и не брали назадъ ни одного произнесеннаго ими слова. Письмо Нессельта осталось безъ отвѣта, но письмо Нимейера подѣйствовало на короля, и комиссія не рѣшилась продолжать гоненіе, воздвигнутое ею противъ обонхъ богослововъ. Достигнуть своей цѣли она рѣшилась другимъ путемъ; Вельнеръ испросилъ разрѣшеніе короля на ревизію всѣхъ учебныхъ заведеній въ Галле и сосѣднихъ городахъ, съ тѣмъ, чтобы особенное вниманіе ревизоровъ — а ревизорами были все тѣ же Гермесъ и Гилльмеръ — было обращено на преподаваніе Закона Божія. Приѣздъ Гермеса и Гилльмера въ Галле сдѣлался сигналомъ безпорядковъ, до такой степени напугавшихъ ревизионную комиссію, что она поспѣшила, ничего не сдѣлавъ, возвратиться въ Берлинъ. Какъ велико было раздраженіе противъ вельнеровскаго зилотизма, объ этомъ можно судить по запискѣ, представленной профессорами въ объясненіе и извиненіе безпорядковъ. «Здѣсь распространилось убѣжденіе» — сказано въ этой запискѣ — «что ревизоры намѣрены навязать всѣмъ преподавателямъ свои личные взгляды, уничтожить всѣ несогласныя съ этими взглядами книги и учредить нѣчто въ родѣ инквизиціоннаго суда. Истина, казалось, будетъ принесена въ жертву самовластію нѣсколькихъ мало образованныхъ богослововъ; отсюда волненіе, овладѣвшее учащеюся молодежью».

Параллельно съ «дисциплинированіемъ» печати и университетовъ шло преслѣдованіе проповѣдниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, неугодныхъ Вельнеру или его аюлтамъ. И здѣсь, впрочемъ, побѣда не всегда оставалась на сторонѣ «испытательной комиссіи» и министерства духовныхъ дѣлъ. Верховная консисторія по прежнему была враждебна шетизму; генеральная ди-

ректорія, государственный канцлеръ, судьи—отстаивали, гдѣ и какъ могли, свободу убѣжденій пастырей и паствы. Сами преслѣдуемые не сдавались безъ боя и часто удерживали свою позицію. Ударъ, задуманный противъ Цёлльнера — одного изъ любимыхъ берлинскихъ проповѣдниковъ и наиболѣе самостоятельныхъ членовъ верховной консисторіи — не удался потому, что одинъ слухъ о немъ вызвалъ бурю негодованія въ Берлинѣ. Діаконы одной изъ берлинскихъ церквей, Трошель и Рейнбекъ, участвовали нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду въ испытаніи кандидатовъ богословія; Вѣльнеръ, лично враждебный Рейнбеку — за неудовлетворительную отмѣтку, нѣкогда поставленную ему послѣднимъ — предписалъ обомъ заслуженнымъ ученымъ не допускать на будущее время, въ предлагаемыхъ ими вопросахъ, ничего противнаго христіанскому ученію. Трошель и Рейнбекъ громко протестовали противъ обвиненія, заключавшагося въ этихъ словахъ, и добились отвѣта, равносильнаго извиненію. Двое провинціальныхъ пасторовъ привлечены были къ слѣдствію по обвиненію въ анти-правительственномъ образѣ мыслей. Несмотря на то, что въ королевскомъ указѣ — произведенія Вѣльнера — ихъ виновность была выставлена какъ нѣчто неподлежащее сомнѣнію, одинъ изъ нихъ былъ оправданъ судомъ, другой приговоренъ лишь къ денежному штрафу въ десять талеровъ. Въ вопросахъ общихъ свѣтскихъ правительственныхъ учрежденій точно такъ же противодействовали вѣльнеровской системѣ: апелляціонныя суды принуждали пасторовъ къ вѣнчанію браковъ, допускаемыхъ гражданскимъ закономъ, а генеральная директорія отказалась принять мѣры къ болѣе строгому соблюденію воскреснаго дня. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, зилотизмъ настаивалъ на своемъ, и мертвящее вліяніе его чувствовалось всюду. Отъ студентовъ богословія требовались преимущественно внѣшніе признаки благочестія, отъ учениковъ начальной школы — знаніе наизусть всего катехизиса и возможно ббльшаго числа церковныхъ пѣсенъ. Пасторамъ предписывалось проповѣдовать на заданныя темы, учителямъ — руководствоваться сочиненіями, вѣнсанскими въ духѣ узко-лютеранской исключительности. Увольненіе пасторовъ, прежде невозможное безъ согласія свѣтской власти, было предоставлено усмотрѣнію консисторіи. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было, между прочимъ, быстрое уменьшеніе числа студентовъ въ прусскихъ университетахъ. На богословскомъ факультетѣ въ Галле было въ 1787 г. семьсотъ двадцать шесть слушателей, въ 1795 г. — только пятьсотъ. Невѣріе, съ другой стороны, распространялось все больше и больше, церкви пустѣли,

число противниковъ «эдикта о религіи» постоянно возрастало. Начальныя школы находились въ полномъ пренебреженіи, учителя получали ничтожное содержаніе, голодали и были близки къ отчаянію, училищныя зданія приходили въ упадокъ. На пособіе учебному дѣлу было ассигновано королемъ, въ 1795 г., двѣ тысячи талеровъ—а на постройки и перестройки придворное вѣдомство тратило ежегодно по нѣскольку сотъ тысячъ талеровъ. Ничего или почти ничего не дѣлалось для народнаго образованія даже тамъ, гдѣ оно могло служить орудіемъ къ достиженію политическихъ цѣлей—въ провинціяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши. Въ католическихъ школахъ западной Пруссіи преподаваніе возложено было, болѣею частью, на священниковъ и органистовъ,—но послѣдніе не умѣли, первые не хотѣли имъ заниматься. Около Вислы были пространства земли въ сто пятьдесятъ квадратныхъ миль, на которыя приходилось только по одной лютеранской школѣ; большинство лютеранъ вынуждено было посылать своихъ дѣтей въ католическія училища. Въ варшавской провинціи черезъ четыре года послѣ пріобрѣтенія ея Пруссією, было только семь элементарныхъ школъ, существовавшихъ почти исключительно добровольными приношеніями и платой за ученье.

Въ концѣ царствованія Фридриха-Вильгельма II-го вліяніе Вѣльнера нѣсколько ослабло, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилась и интенсивность реакціи. Способствовали этому—помимо возраставшей физической слабости и умственной апатіи короля, помимо примиренія съ Франціей—раздоры въ лагерѣ самихъ пѣтистовъ. Любимцы короля, Вѣльнеръ и Бишоффердеръ, перестали идти рука объ руку; рвеніе перваго не оскудѣвало, но послѣдній, болѣе проникательный и менѣе ожесточенный, почувствовалъ необходимость щадить слабѣющаго монарха и не нарушать его спокойствія политикою преслѣдованій и запрещеній. Охладили, съ другой стороны, отношенія между Вѣльнеромъ и Гермесомъ; подчиненный началъ упрекать начальника въ излишней мягкости, начальникъ—подчиненнаго, въ усердіи не по разуму. Привычная колея не была оставлена вовсе, общее направленіе политики не измѣнилось; но рѣшительныя сраженія уступили мѣсто малой войнѣ, партизанскимъ набѣгамъ. Однимъ изъ самыхъ послушныхъ орудій вѣльнеровской системы, въ эпоху всемогущества ея, былъ оберъ-президентъ Силезіи, графъ Гоймъ; теперь онъ является врагомъ цензурныхъ придиорокъ, защитникомъ умѣренной свободы печати. На предложеніе полиціи запретить чтеніе газетъ въ трактирахъ, пивныхъ и кабакахъ, онъ

отвѣчаетъ слѣдующими словами, которыя Филиппсонъ справедливо рекомендуетъ вниманію современныхъ администраторовъ: «правительство, слишкомъ легко поддающееся страху, увеличиваетъ этимъ только смѣлость людей неблагонамѣренныхъ» (eine Regierung, die zu viel Furcht verrieth, reizt nur die Dreistigkeit der Uebelgesinnten).

Фридрихъ II-й завѣщалъ своему преемнику издание такъ называемаго «Всеобщаго уложенія» (Allgemeines Gesetzbuch), регулировавшаго вновь гражданскій бытъ, а отчасти и государственное устройство Пруссіи. Составленный юристами фридрициановской школы—во главѣ ихъ стоялъ государственный канцлеръ Кармеръ—этотъ законодательный актъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, достиженіе двухъ существенно-важныхъ цѣлей: установленіе законности, устраненіе произвола (насколько это возможно въ неограниченной монархіи)—и сближеніе сословій путемъ уменьшенія сословныхъ привилегій. Отсюда противудѣйствіе, встрѣченное Уложеніемъ съ двухъ сторонъ—въ придворныхъ и въ дворянскихъ, «юнкерскихъ» сферахъ. Уложеніе должно было вступить въ силу 1-го іюня 1792 года. За полгода передъ тѣмъ, вестфальское дворянство обратилось къ королю съ горячимъ, страстнымъ протестомъ противъ новаго закона. Оно опровергало его и со стороны формы, доказывая необходимость предварительнаго разсмотрѣнія его сословными провинціальными учреждениями, и со стороны содержанія, возставая противъ запрещенія дуэлей, противъ допущенія браковъ между дворянами и недворянами, противъ предоставленія обманутымъ дѣвушкамъ права требовать отъ своихъ соблазнительей обезпеченія для себя и для своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Эта первая атака была отражена Кармеромъ съ помощью государственнаго совѣта; но вслѣдъ затѣмъ выступилъ на сцену болѣе опасный противникъ—одинъ изъ министровъ, Данкельманнъ, тайно поддерживаемый Гоймомъ, Бишоффердереромъ, Вельнеромъ и личнымъ соперникомъ Кармера, Гольдбекомъ. Напрасно Кармеръ напоминалъ о томъ, что каждая статья Уложенія одобрена законодательною комиссіею, судами, нѣмецкой наукой, самимъ монархомъ; въ апрѣлѣ 1792 года состоялся указъ, отлагавшій осуществленіе реформы на неопредѣленное время, подъ предлогомъ недостаточнаго знакомства населенія съ Уложеніемъ (задолго передъ тѣмъ изданнымъ въ свѣтъ въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ). Не довольствуясь этой побѣдой, Данкельманнъ и Гольдбекъ—или, лучше сказать, дѣйствовавшая ихъ именемъ

розенкрейцерская влика — возобновили, полтора года спустя, походъ противъ Уложения, настаивая на его пересмотрѣ и даже на измѣненіи его названія (вмѣсто Allgemeines Gesetzbuch—Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten; второе заглавіе казалось болѣе консервативнымъ и уменьшало славу Кармера, обращая его работу, повидимому, въ свѣдѣ дѣйствовавшихъ узаконеній). На этотъ разъ король не спросилъ даже мнѣнія Кармера и прямо предписалъ ему (въ ноябрѣ 1793 г.) приступить къ исправленію Уложения, согласно съ замѣчаніями Данкельмана и Гольдбека. Кармеръ и теперь не уступилъ безъ боя; ему удалось отстоять нѣкоторыя постановленія, направленные противъ дворянства (напримѣръ, ненавистное послѣднему право обманутыхъ дѣвушекъ на судебную защиту). Исчезли или обездѣйствились преимущественно тѣ статьи Уложения, которыми предполагалось достигнуть обращенія Пруссіи въ *правомѣрное* государство (Rechtsstaat; этотъ терминъ тогда еще не былъ созданъ, но понятіе, лежащее въ его основѣ, уже существовало). Противники Кармера хотѣли исключить изъ Уложения правило объ обязательномъ разсмотрѣніи каждаго законопроекта въ законодательной комиссіи (соотвѣтствовавшей нашему государственному совѣту); правило это осталось, но безъ санкціи, которою обезпечивалась его сила — безъ предоставленія судебнымъ мѣстамъ права повѣрять его соблюденіе и не принимать къ исполненію законовъ, изданныхъ инымъ порядкомъ. Совсе уничтожены были статьи, провозглашавшія благо гражданъ цѣлью государства и осуждавшія чрезмѣрное ограниченіе естественныхъ правъ и гражданской свободы. Вмѣсто прямого и яснаго отказа королевской власти отъ такъ-называемыхъ «Machtsprüche», т.-е. отъ вмѣшательства въ отправленіе правосудія, — въ окончательной редакціи уложения сказано было только, что никому не будетъ отказано въ судебной защитѣ. Измѣненное такимъ образомъ Уложение введено было въ дѣйствіе — кромѣ постановленій, относившихся къ семейному и наследственному праву, — въ іюнѣ 1794 года, съ сохраненіемъ, однако, въ силѣ и мѣстныхъ провинціальныхъ законовъ; впредь до пересмотра и согласованія ихъ съ Уложениемъ, послѣднее должно было имѣть только значеніе вспомогательнаго права. Несмотря на эту оговорку, Уложение не переставало быть предметомъ яростныхъ нападеній со стороны привилегированныхъ сословій. Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія его въ силу, бранденбургское дворянство обратилось къ королю съ просьбой приостановить его дѣйствіе, объясняя, между прочимъ, что самое изложеніе его на нѣмецкомъ,

т.-е. общедоступномъ языкѣ, можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія; малообразованные люди, читая законы, могутъ повѣть ихъ превратно, въ особенности при обилии въ нихъ такихъ выраженій, какъ: «свободные граждане государства». Ходатайство дворянъ не было уважено, но при распространеніи Уложенія на вновь приобрѣтенныя польскія провинціи оно было опубликовано тамъ не на польскомъ, а на латинскомъ языкѣ. Авторъ уложенія, Кармеръ, не только не былъ почтенъ королемъ по заслугамъ, но вскорѣ устранилъ отъ управления судебнымъ вѣдомствомъ; титулъ государственнаго канцлера былъ оставленъ за нимъ, но вторымъ канцлеромъ, со всѣми правами министра юстиціи, назначенъ Гольдбекъ.

Какъ важенъ былъ проигранный Кармеромъ вопросъ объ административномъ вѣншательствѣ въ отправленіе правосудія— это показываютъ многія событія разсматриваемой нами эпохи. Начало второго пятилѣтія царствованія Фридриха-Вильгельма II-го было ознаменовано беспорядками въ средѣ городского и сельскаго населенія (особенно въ Силезіи), вызванными отчасти нуждою, отчасти злоупотребленіями помѣщичьей власти. Силезскій оберъ-президентъ, графъ Гоймъ, переходилъ отъ уступчивости передъ бунтовщиками къ мѣрамъ крайней строгости, смотря по степени страха, который нагоняла на него смута. Въ Бреславлѣ онъ исполнилъ всѣ требованія взволновавшихся рабочихъ, пригласилъ представителей отъ города къ участию въ городскомъ управленіи, допустилъ возвращеніе въ городъ того рабочаго (иностранца), высылка котораго послужила сигналомъ къ беспорядкамъ, и разрѣшилъ, наконецъ, торжественныя похороны убитыхъ во время уличной схватки (здѣсь невольно приходитъ на мысль повтореніе того же факта въ Берлинѣ, послѣ мартовскихъ дней 1848 года). Въ сельскихъ округахъ за то онъ не ограничивался судебнымъ преслѣдованіемъ виновныхъ, а испрашивалъ разрѣшенія на наказаніе ихъ шпицрутенами, безъ суда и вопреки закону. Напрасно возставало противъ этого судебное вѣдомство; желанное разрѣшеніе было дано, и населеніе цѣлыхъ деревень подвергнуто жестокой карѣ, не только не установленной дѣйствовавшими законами, но прямо ими запрещенной. Аналогическія явленія встрѣчались и въ другихъ сферахъ, по другимъ поводамъ. Члены берлинскаго суда, постановившіе оправдательный приговоръ по дѣлу о пасторѣ Шульцѣ (одной изъ жертвъ вѣльнеровскаго обскурантизма), были привлечены къ отвѣтственности самимъ королемъ и присуждены имъ къ денежному штрафу или временному удаленію отъ должности.

Начальникъ бреславльской полиціи Верверъ, на котораго Гоймъ хотѣлъ взвалить всю отвѣтственность за бреславльскіе безпорядки, былъ оправданъ судомъ, но вслѣдъ затѣмъ королевскимъ указомъ отрѣшенъ отъ должности и признанъ навсегда неспособнымъ къ государственной службѣ. Всего поразительнѣе исторія ассесора Цербони, подробно разсказанная Филиппсономъ. Онъ служилъ въ Южной Пруссіи (такъ назывались тогда привислянскія земли, только-что доставшіяся Пруссіи при третьемъ раздѣлѣ Польши), подъ начальствомъ знакомаго намъ уже графа Гойма. Попытка раскрыть вопіющее казнокрадство, о которомъ мы скажемъ ниже, навлекла на Цербони мщеніе всемогущаго губернатора-министра (Гоймъ соединялъ въ своемъ лицѣ оба эти званія). Обвинивъ Цербони въ нарушеніи чинопочитанія, Гоймъ добился королевскаго указа о заключеніи его подъ стражу—указа, мотивированнаго неопредѣленною ссылкой на образъ мыслей и поведеніе Цербони. Для продолжительнаго ареста такіе мотивы, очевидно, были недостаточны. Случай помогъ Гойму; при обыскѣ, произведенномъ въ квартирѣ Цербони, нашлись бумаги, изъ которыхъ оказалось, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Цербони, вмѣстѣ съ пятью-шестью другими молодыми людьми, основалъ «союзъ эвергетовъ»—нѣчто въ родѣ отрасли масонскаго ордена, съ невинною, туманною цѣлью «служить развитію человѣчества». Никакими политическими идеями этотъ союзъ не задавался, никакихъ дѣйствій не предпринималъ; но Гойму нуженъ былъ только предлогъ—а предлогъ теперь былъ на лицо. Противъ Цербони и его «сообщниковъ» было возбуждено обвиненіе въ государственной измѣнѣ; исключеніе было сдѣлано, по приказанію самого короля, только для одного изъ участниковъ союза, Фесслера, потому что сочиненіе его о Маркѣ-Авреліѣ было понято какъ похвальное слово Фридриху-Вильгельму II-му. Слѣдствіе было произведено не компетентнымъ судомъ, а чрезвычайною комиссіею, составившею докладъ, неблагоприятный для обвиняемыхъ. Этимъ и ограничилось все производство; рассмотрѣвъ докладъ комиссіи, король приговорилъ Цербони и еще двухъ такихъ же «преступниковъ» къ заключенію въ крѣпости, безъ означенія срока; четвертый преступникъ былъ изгнанъ изъ Пруссіи, пятый—офицеръ—преданъ военному суду. Цербони содержался въ магдебургской крѣпости какъ «опасный государственный преступникъ», строже чѣмъ осужденные судомъ убійцы; онъ былъ помѣщенъ въ сырой, вонючій подвалъ, лишень чистаго воздуха, книгъ, письменныхъ принадлежностей, свиданій съ родными, даже

возможности получать о нихъ вѣсти. Свобода была ему возвращена лишь при преемникѣ Фридриха-Вильгельма II-го.

Чтобы оцѣнить вполнѣ все значеніе преслѣдованія, которому подвергся Цербони, необходимо познакомиться съ истинными его причинами. Въ провинціяхъ, приобрѣтенныхъ отъ Польши, было много казенныхъ имѣній, бѣльшая часть которыхъ находилась въ наслѣдственномъ пользованіи польскихъ магнатовъ или высшего духовенства. Прусское правительство рѣшилось положить конецъ этому порядку вещей, крайне невыгодному для государственной казны; предполагено было отобрать казенныя имѣнія отъ прежнихъ владѣльцевъ и отдать ихъ либо въ казенное управленіе, либо въ арендное содержаніе. Исполненіе этого плана зависѣло отъ графа Гойма, соединившаго въ своихъ рукахъ управленіе Силезіей и Южной Пруссіей. Между приближенными Гойма былъ нѣкто Трибенфельдъ, прежде служившій егеремъ у разныхъ польскихъ пановъ и публично наказанный за воровство, а теперь счумѣвшій достигнуть довольно высокаго служебнаго положенія и репутаціи знатока польскихъ дѣлъ. Этому проходнику удалось убѣдить Гойма, что всего лучше продать казенныя имѣнія въ частныя руки. Официальнымъ, гласнымъ мотивомъ такой мѣры послужили обычныя общія мѣста о преимуществѣ частнаго хозяйства передъ казеннымъ; настоящею ея цѣлью была организація систематическаго хищенія. Нужно было удалить всѣхъ тѣхъ, кто могъ помѣшать задуманному грабежу, и заручиться могущественными союзниками; и то, и другое было сдѣлано съ полнымъ успѣхомъ. Непосредственные помощники Гойма, Фоссъ и Бухгольцъ, оказались честными людьми; они получили другое назначеніе, равно какъ и сотрудникъ Гойма по судебной части, силезскій министръ юстиціи Дангельманнъ. Кармеръ, какъ мы уже видѣли, былъ замѣненъ Гольдбекомъ, колебанія котораго скоро были прекращены полновѣсными аргументами. Участниками шайки, организованной Трибенфельдомъ, сдѣлались любимецъ короля, Бишоффердеръ, и номинальный, «фиктивный» мужъ королевской фаворитки, Рицъ. Налаженное такимъ образомъ дѣло пошло какъ по маслу. Оцѣнка казенныхъ имѣній, произведенная еще при польскомъ управленіи, въ интересахъ знатныхъ посессоровъ, была крайне низка, едва доходила до $\frac{2}{3}$ дѣйствительной стоимости имѣній; этой оцѣнкой опредѣлялись теперь продажныя цѣны. Покупатели, не ограничиваясь одной выгодной аферой, стремились присоединить къ ней и другую; они предъявляли претензіи на лѣсные участки, будто бы составлявшіе принадлежность купленныхъ ими имѣній. Заговорщики увѣ-

ряли короля, что покупщики имѣній—все отличные хозяева, имѣющіе въ виду лично завѣдывать имѣніями и увеличивать ихъ доходность; на самомъ дѣлѣ громадное большинство этихъ «отличныхъ хозяевъ», предвидя неминуемый крахъ, думало только о томъ, какъ бы скорѣе передать свои «благопріобрѣтенныя» помятыя въ третьи руки. О размѣрахъ хищенія можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: Трибенфельдъ заплатилъ за купленные имъ имѣнія 52,000 талеровъ; черезъ четыре года они были оцѣнены въ 700,000 талеровъ. Графъ Люттихау, одинъ изъ главныхъ «сотрудниковъ» Трибенфельда, заплатилъ 26,000 талеровъ за восемь имѣній, изъ которыхъ одно было оцѣнено въ 90,000 тал. Генералъ-майоръ Рюхель купилъ имѣніе за 30,000 тал. и тотчасъ же перепродалъ его за 130,000. Чтобы попасть въ число «покупателей», стоило только заплатить Рипу или Трибенфельду назначенную ими сумму. Рядомъ съ продажей имѣній и на тѣхъ же основаніяхъ шло дареніе ихъ. Одаряемые обязывались, правда, платить, въ видѣ налога, 24⁰/₁₀₀ съ чистаго дохода, но количество дохода опредѣлялось по оцѣнкѣ столь же низкой, какъ и оцѣнка продаваемыхъ имѣній. Графъ Гоймъ получалъ въ даръ имѣніе, оцѣненное имъ самимъ въ 40,000 тал., между тѣмъ какъ даже официальная оцѣнка превышала эту сумму слишкомъ въ полтора раза—и тотчасъ же перепродалъ его за 200,000 тал. Сынъ канцлера Гольдбека перепродалъ подаренное ему имѣніе, въ томъ же году, за тройную противъ оцѣнки цѣну; Бишоффердеръ, съ помощью такой же операціи, получилъ 115,000 талеровъ за 18,000. Не менѣе блестящія аферы сдѣлали графъ Гаугвицъ, маркизъ Луквезини, довѣренный совѣтникъ короля фонъ-Бейеръ и... увя!—Блюхеръ (перу прусскаго историка нелегко было написать здѣсь это имя, но главная заслуга Филиппсона—свобода отъ мнимо-патріотическихъ умолчаній). Самое арендованіе казенныхъ имѣній, почему-либо непроданныхъ, сдѣлалось источникомъ злоупотребленій; тотъ же графъ Люттихау, о которомъ упомянуто выше, получилъ въ аренду, за 50,000 тал. въ годъ, имѣніе, до тѣхъ поръ приносявшее казнѣ ежегодно 64,000 талеровъ. Матеріальную потерю государства отъ всѣхъ подобныхъ «сдѣлокъ» Филиппсонъ опредѣляетъ приблизительно въ семь милліоновъ талеровъ; но еще важнѣе, по справедливому замѣчанію его, былъ нравственный вредъ, съ ними сопряженный. Министры, генералы, тайные совѣтники—не говоря уже о прочихъ—бросались, какъ стая голодныхъ собакъ, на общественное достояніе, стараясь урвать для себя возможно большій кусокъ его. И когда же кѣмъ же это дѣлалось? Въ эпоху крайняго истощенія финан-

совъ, людьми, какъ нельзя лучше знакомыми съ бѣдственнымъ положеніемъ вновь приобрѣтенныхъ провинцій, и съ жертвами, которыхъ онѣ требуютъ отъ государства. Само собою разумѣется, что зараза охватила не все чиновничество. Оберъ-президентъ Восточной Пруссіи, Шрѣттеръ, не допускаетъ ее въ свою провинцію; Бухгольцъ, отчаяваясь раскрыть глаза королю, апеллируетъ къ наслѣдному принцу; лѣсничій Кемницъ громко протестуетъ противъ расхищенія казенныхъ лѣсовъ; Цербони пытается усовершенствовать самого Гойма. Чего стоила Цербони его благородная попытка— это мы уже знаемъ.

Почти одновременно съ разграбленіемъ южно-пруссскихъ казенныхъ имѣній, въ самомъ центрѣ государства разыгрывалась другая исторія, не менѣе знаменательная. Одною изъ первыхъ правительственныхъ мѣръ Фридриха-Вильгельма II-го была отмена ненавистой народу табачной монополіи; одною— изъ послѣднихъ— попытка возстановить эту монополію. Официальнымъ заявленіемъ и здѣсь далеко не соответствовала закулисная сторона дѣла. Въ королевскихъ указахъ говорилось о тяжеломъ положеніи финансовъ, о необходимости помочь низшимъ классамъ народа, дорого платящимъ за табакъ дурного качества; на самомъ дѣлѣ, въ основаніи реформы лежала интрига той же компаніи Гоймъ-Рицъ-Бишоффердеръ, главными орудіями которой на этотъ разъ были оберъ-президентъ Буггенгагенъ и тайный совѣтникъ фонъ-Бейеръ. Безъ вѣдома министра финансовъ, безъ участія генеральной директоріи, вопросъ предпріяется королевскимъ повелѣніемъ и подвигается впередъ тѣмъ же путемъ, не взирая на общій ропотъ, на массу протестовъ со стороны производителей и потребителей. На покрытие расходовъ, сопряженныхъ съ установленіемъ монополіи, требовалось два милліона; вмѣсто того, чтобы занять эту сумму въ государственномъ банкѣ за 4⁰/₀, образуется акціонерное общество, съ капиталомъ въ 1¹/₂ милліона и съ акціями, приносящими 6⁰/₀ дохода; уплату этихъ 6⁰/₀ принимаетъ на себя казна, а изъ банка предполагается заимствовать только полъ-милліона. Акціи общества тотчасъ же разбираются членами и прихвостнями названной нами компаніи, и вслѣдъ затѣмъ закладываются ими въ банкъ изъ 4⁰/₀; 2⁰/₀ составляютъ, такимъ образомъ, чистый барышъ мнимыхъ акціонеровъ. Разлакомившись этимъ первымъ успѣхомъ, компанія добивается того, что и остальные полъ-милліона покрываются вторымъ выпускомъ акцій; роль банка ограничивается принятіемъ въ закладъ новыхъ акцій, наравнѣ съ прежними. Въ центральное управленіе, учреждаемое, подъ предсѣдательствомъ Буггенгагена,

для завѣдыванія табачной монополіей, проникають цѣлыми массами родственники и друзья акціонеровъ; двадцативосьми-лѣтній сынъ Буггенгагена занимаетъ одну изъ высшихъ должностей новаго управленія; табачный фабрикантъ Фаудель, помогающій компаніи въ качествѣ эксперта, приводитъ съ собой пять зятьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ до тѣхъ поръ фортепіаннымъ настройщикомъ. Король хочетъ воспользоваться вновь открываемыми мѣстами, какъ средствомъ для обезпеченія инвалидовъ; Буггенгагенъ и К^o раздають ихъ домашнимъ учителямъ, лакеямъ, иностранцамъ, нарочно выписываемымъ изъ-за границы. Представленія генеральной директоріи, желающей по крайней мѣрѣ удерживать за собой контроль надъ табачнымъ управленіемъ, оставляются безъ вниманія; министрамъ остается только косвенное противудѣйствіе Буггенгагену—напр., отказъ въ подчиненіи—его цензурѣ—всѣхъ статей и сочиненій по табачному вопросу. Введеніе новаго закона въ дѣйствіе (октябрь 1797 г.) вызываетъ въ Данцигѣ и другихъ мѣстахъ открытое неповиновеніе, скорѣе поощряемое, чѣмъ подавляемое генеральною директоріею и подчиненными ей мѣстными властями. Трудно сказать, къ какимъ результатамъ привела бы эта своеобразная междоусобная война, если бы ей не положила конецъ смерть короля Фридриха-Вильгельма II-го (16 ноября 1797 г.).

Сказанное нами до сихъ поръ даетъ уже довольно ясное понятіе о томъ, въ какихъ рукахъ находился Фридрихъ-Вильгельмъ II-й, отъ природы добрый, мягкій, полный хорошихъ намѣреній, но слабый и неразборчивый въ выборѣ совѣтниковъ. Вельнеръ и Бишоффердеръ, главные вожди pietistической влики, извѣстны читателямъ «Вѣстника Европы» по первой статьѣ о сочиненіи Филиппсона; прибавимъ только, что Бишоффердеръ, обязанный значительною частью своего авторитета репутаціи строго-нравственнаго человѣка, оказался «явнымъ прелюбодѣмъ», и сообразно съ этимъ палъ въ глазахъ монарха, которому онъ такъ долго проповѣдовалъ розенкрейцерское цѣломудріе. Долю вліянія, сохранившуюся за нимъ, онъ употреблялъ для своего обогащенія; помимо участія въ южно-прусскомъ хищеніи и въ табачномъ дѣлѣ, онъ бралъ взятки съ французскаго посланника, за поддержку передъ королемъ французскихъ интересовъ. Графъ Гоймъ не былъ розенкрейцеромъ, но искусно умѣлъ носить pietistическую маску; сантиментальный и мстительный, льстець въ Берлинѣ, деспотъ въ Бреславлѣ, онъ былъ проникнуть до мозга

костей дворянскими предрасудками. Когда онъ былъ поставленъ во главѣ управленія Южной Пруссіей, отобраніе казенныхъ имѣній отъ польскихъ магнатовъ было, какъ мы уже говорили выше, вопросомъ рѣшеннымъ; онъ сумѣлъ устроить дѣло такъ, что значительная часть имѣній осталась въ прежнихъ рукахъ—отобранные въ казну были почти исключительно тѣ, владѣльцы которыхъ были убиты или бѣжали за границу. Еще ближе къ мистивамъ, чѣмъ Гоймъ, стоялъ графъ Гаугвицъ, съ 1793-го года руководившій внѣшней политикой Пруссіи. Возвышеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ преимущественно угодливости передъ королевской фавориткой. Наружное благочестіе не мѣшало ему предаваться излишествамъ всякаго рода. Поверхностно образованный, онъ импонировалъ, въ свѣтскихъ кружкахъ, изяществомъ манеръ и литературнымъ дилеттантизмомъ. Онъ служилъ, номинально, безъ жалованья, но на самомъ дѣлѣ наживался на счетъ казны, получая то денежные подарки, то богатые польскія имѣнія. Единственнымъ способнымъ и честнымъ человѣкомъ въ высшей администраціи—кромѣ Кармера, исторія удаленія котораго отъ дѣлъ уже разсказана нами—былъ министръ финансовъ Струензее; но всѣ усилія его водворить экономію и избѣжать дефицита разбивались объ апатію короля, объ испорченность придворныхъ сферъ, объ ошибки внѣшней и внутренней политики. Гарденбергъ и Штейнъ только-что выступали на сцену—первый въ франконскихъ владѣніяхъ Пруссіи (Ансбахъ и Байрейтъ), послѣдній въ Вестфалии; для благосостоянія этихъ провинцій они сдѣлали многое, но влияния на общій ходъ дѣлъ еще не имѣли.

Положеніе крестьянъ, въ царствованіе Фридриха-Вильгельма II-го, было такъ тяжело, что во многихъ мѣстахъ дѣло доходило до беспорядковъ, вызванныхъ отчаяніемъ. Правительству это было хорошо извѣстно—но сословные интересы постоянно брали верхъ надъ народными, предупреждая или останавливая въ самомъ началѣ всякую освободительную работу. Единственнымъ послѣдствіемъ силескихъ волненій было нѣкоторое ограниченіе помѣщичьей домашней расправы. Уничтоженіе барщины, о которомъ носился слухъ между крестьянами, торжественно провозглашалось немислимымъ, какъ нарушеніе правъ собственности; король объявлялъ во всеуслышаніе, что никогда не принудитъ помѣщиковъ даже къ превращенію барщины въ денежный оброкъ. Потребность въ правительственной защитѣ нигдѣ не чувствовалась такъ сильно, какъ въ сельскомъ населеніи приобрѣтенныхъ отъ Польши провинцій; покровительство польскимъ крестьянамъ было бы притомъ мѣрою государственной мудрости, средствомъ

къ закрѣпленію за Пруссіей завоеваннаго края. И здѣсь, однако, не было сдѣлано ничего, или почти ничего. Помѣщикамъ предписано было, правда, болѣе справедливое и гуманное обращеніе съ крестьянами, запрещено отягощеніе ихъ работами, переселеніе ихъ, противъ ихъ воли, въ другія помѣстья; но всѣ эти предписанія и запрещенія оставались тайной для крестьянъ. Гласныя правительственныя распоряженія потребовали отъ крестьянъ безусловнаго повиновенія помѣщикамъ, грозили строжайшими наказаніями даже за пассивное противудѣйствіе помѣщичьей власти; среди такихъ требованій и угрозъ, разрѣшеніе жаловаться на помѣщиковъ прошло почти незамѣченнымъ и ни мало не облегчило положеніе крестьянъ.

Главнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ оставалось по прежнему войско; но всеобщій упадокъ проникъ и въ эту привилегированную сферу. Безправные по отношенію къ начальству, эксплуатируемые имъ, жестоко наказываемые (въ Потсдамѣ приходилось содержать нѣсколькихъ палачей), солдаты могли позволять себѣ что угодно по отношенію къ мирнымъ гражданамъ; еще болѣе безпредѣльно было самовластіе офицеровъ. Горожане и крестьяне существовали, повидимому, только ради войска; понятно, что они смотрѣли на него какъ на нѣчто имъ чуждое, если не враждебное. Каждый избѣгалъ, по возможности, встрѣчи съ солдатами и офицерами. Офицеры, начиная съ ротныхъ командировъ, были болѣею частью пожилые, опустившіеся люди, до 1792 г. едва знакомые съ войною; командуемые ими отряды были для нихъ, главнымъ образомъ, доходными статьями. Гнейзенау, въ послѣдствіи столь извѣстный сотрудникъ Блюхера, считался строго-честнымъ офицеромъ и все-таки получалъ съ своей роты до 2,000 талеровъ въ годъ. Господствующая стратегія была наукой медленныхъ, осторожныхъ движеній; боязнь быть отрѣзаннымъ или обойденнымъ парализовала предпріимчивость полководцевъ. Походъ 1794 г. противъ польскихъ инсургентовъ не удался, между прочимъ, потому что генераль Фавра не рѣшался двинуться въ путь, пока не снаряжены были полковыя булочныя. Въ параллель съ разстройствомъ войска могло идти только разстройство финансовъ, раздробленныхъ между нѣсколькими самостоятельными кассами и управленіями, обремененныхъ непроезводительными расходами, истощенныхъ войной противъ Франціи и Польши. Въ 1792—93 г., когда прусскія войска готовились уже перейти черезъ Рейнъ, ассигновано было на постройки для госпожи Рицъ болѣе 100,000, на другія постройки въ Берлинѣ и Потсдамѣ—почти 900,000, на «маскарадные удо-

вольствія» — почти 180,000 талеровъ, всего около милліона (при бюджетѣ въ девятнадцать милліоновъ). Еще въ 1795—96 г., несмотря на пониженіе доходовъ, несмотря на всѣ издержки только что окончившагося военнаго времени, расходъ на придворныя постройки простирался до 400,000 талеровъ. Удивительно ли, что при такой администраціи, при такомъ войскѣ, при такихъ финансахъ, не только французскій, но и польскій походъ былъ рядомъ неудачъ и поражений? Побѣда надъ Польшей всецѣло принадлежала Россіи; базельскій миръ 1795 г. былъ уступкой требованіямъ необходимости. Болѣе чѣмъ когда-нибудь окруженный французскими эмигрантами, Фридрихъ-Вильгельмъ II былъ вынужденъ терпѣть при своемъ дворѣ посланника французской республики.

Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько интересныхъ подробностей, сообщаемыхъ Филиппсономъ о Берлинѣ временъ Фридриха-Вильгельма II. Въ десятилѣтнее царствованіе этого государя число жителей Берлина увеличилось съ 145 до 165 тысячъ; приростъ составлялъ, среднимъ числомъ, ежегодно $1\frac{1}{4}\%$. Скученность населенія была уже тогда одною изъ невыгодныхъ сторонъ берлинской жизни; всѣхъ домовъ, въ 1797 г., было 6,930, на каждый домъ приходилось, среднимъ числомъ, по 24 чело-вѣка. Городской бюджетъ тогда казался значительнымъ — въ сравненіи съ настоящимъ, онъ можетъ быть названъ ничтожнымъ; сумма доходовъ простиралась до 108, сумма расходовъ — до 97 тысячъ талеровъ. Перевѣсъ первыхъ надъ послѣдними составляетъ рѣзкій контрастъ съ дефицитами, изъ которыхъ не выходитъ современное городское управленіе Берлина; но положеніе городского хозяйства было за то крайне жалкое, мостовыя были ужасны, освѣщеніе — болѣе чѣмъ скудное, на многихъ улицахъ вовсе не было стоковъ для воды. Въ высшемъ, отчасти и въ среднемъ сословіи господствовала большая роскошь, часто прикрывавшая собою столь же большую бѣдность. Число каменныхъ зданій быстро увеличивалось, меблировка становилась все богаче и богаче, дорогими туалетами щеголяли не только дамы, но и мужчины, каждый купецъ хотѣлъ имѣть собственную карету; но для поддержанія этого наружнаго блеска многимъ приходилось отказывать себѣ въ необходимомъ. Большинство вело замкнутую жизнь, именно потому, что не хватало средствъ на постоянный приемъ гостей; во многихъ домахъ парадныя комнаты открывались только одинъ разъ въ годъ, для шумнаго, многолюднаго бала. Мужчины проводили вечера чаще въ клубѣ, чѣмъ дома.

Интеллигентное общество собиралось преимущественно у образованных евреевъ, или, лучше сказать, у образованных евреекъ — Доротей Фейтъ (дочери Мендельсона), Генриетты Герцъ, Рахили Левинъ (позже вышедшей замужъ за Фарнхагена). Въ ихъ салонахъ толпились профессора, писатели, композиторы, пасторы, генералы, высшіе чиновники, выдающіеся иностранцы — Шлейермахеръ и Целльнеръ, Мирабо, графы Бернсторфъ, Дона, будущій министр Авсильонъ и будущій оберъ-президентъ фонъ-Шёнъ, Генцъ и братья Гумбольдтъ, Рамлеръ и Николай. Чтеніе лучшихъ литературныхъ произведеній, слушаніе научныхъ лекцій, бесѣда о новыхъ пьесахъ и книгахъ — таковы были главныя занятія этихъ кружковъ. «Кто не видѣлъ Жандармскаго-рынка (одна изъ главныхъ площадей Берлина, съ театромъ и двумя церквами) и Генриетты Герцъ» — гласила тогдашняя поговорка — «тотъ не видѣлъ Берлина». Въ другихъ сферахъ берлинскаго высшаго общества господствовала крайняя безнравственность. Расходы, сопряженные съ дамскимъ туалетомъ и съ модною жизнью, удерживали многихъ молодыхъ людей отъ женитьбы; это еще болѣе способствовало распущенности, вліянію которой сплошь и рядомъ поддавались даже молодыя дѣвушки. Излишества всякаго рода казались чѣмъ-то вполне естественнымъ, некого не удивляли и не возмущали. Низшіе классы населенія были гораздо менѣ испорчены, но въ ихъ средѣ сильно было развито пьянство; въ промежутокъ времени съ 1720 по 1790 г., потребление водки въ городахъ бранденбургской провинціи возрасло почти въ восемнадцать разъ.

Прусское до-реформенное чиновничество издавна славилось знаніемъ дѣла, честностью, глубокимъ чувствомъ долга; его примѣромъ часто старались и стараются доказать благотѣльное вліяніе того строя, при которомъ оно сложилось и дѣйствовало, бесполезность правового порядка, возможность правомѣрнаго управленія въ неправомѣрномъ государствѣ. Исслѣдованіе Филиппсона раскрываетъ всю несостоятельность этого взгляда. Нисколько не умаляя дѣйствительныхъ заслугъ прусской бюрократіи, оно намѣчаетъ яркими чертами тѣ оговорки, которыя должны быть включены въ обычный панегирикъ, тѣ поправки, которыя должны быть сдѣланы въ традиціонныхъ представленіяхъ. Прусская администрація, въ моментъ смерти Фридриха II, носила на себѣ отпечатокъ его твердой руки, его во многихъ отношеніяхъ свѣтлой и широкой мысли. Лучшие представители бюрократіи сознавали себя слугами государства, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ называлъ себя этимъ именемъ великій король. Обще-

ственная польза понималась ими не всегда правильно, иногда крайне странно, но оставалась первой и послѣдней цѣлью ихъ служебной дѣятельности. Чувствуя себя силой, они считали ненужнымъ налагать молчаніе на общественное мнѣніе. Просвѣтительныя идеи столѣтія не были имъ чужды; высшее образованіе, полученное ими въ университетахъ, расширяло ихъ кругозоръ за предѣлы суда или канцеляріи. Условія, такимъ образомъ, были соединены самыя благоприятныя; комбинація была изъ числа тѣхъ, которыя повторяются крайне рѣдко. Что же мы видимъ, однако, черезъ десять—только десять—лѣтъ со времени наступленія новой эры? Въ бюрократіи, не сдерживаемой и не руководимой болѣе Фридрихомъ Великимъ, произошелъ расколъ. Одна часть ея отстаиваетъ славныя преданія, отстаиваетъ ихъ даже противъ самого короля—оправдываетъ неправильно обвиняемыхъ, охраняетъ свободу совѣсти, защищаетъ умѣренную свободу печати, старается поддержать порядокъ въ финансахъ, прогрессъ въ законахъ, добросовѣстность въ ихъ исполненіи; другая—угнетаетъ университеты, не даетъ хода народной школѣ, усугубляетъ цензурныя строгости, приказываетъ вѣрить по шаблону, водворяетъ наружное благочестіе, сѣетъ и пожинаетъ лицемеріе; третья, отчасти въ союзѣ со второю, обманываетъ короля и грабитъ государство. Усилія фридрициановской партіи нельзя назвать совершенно тщетными; они уменьшаютъ, до извѣстной степени, интенсивность реакціи, предохраняютъ отъ ея ударовъ то или другое лицо, рѣже—то или другое учрежденіе; но въ концѣ-концѣ почва все больше и больше ускользаетъ изъ-подъ ногъ послѣднихъ могиканъ минувшей, славной эпохи. Сотрудники Фридриха II одинъ за другимъ сходятъ со сцены, оставляя ее, болѣею частью, не добровольно; государство, предоставленное немѣлымъ или нечистымъ рукамъ, все быстрѣе и быстрѣе идетъ подъ гору. Разногласіе въ правительственныхъ сферахъ, составляющее отличительную черту царствованія Фридриха-Вильгельма II, безспорно принесло свою долю пользы, помѣшавъ полному успѣху вѣльнеровской системы, полному разгулу Гоймъ-Гольдбекъ-Бишоффердерскихъ безобразій; но нельзя отрицать, что оно было явленіемъ ненормальнымъ, à la longue невозможнымъ, и что оно внесло свою лепту въ разстройство государственной машины. Съ другой стороны, не всѣ святоши, не всѣ казнокрады были *homines novi*, только-что призванные къ власти; такіе люди, какъ Гольдбекъ, какъ графъ Гоймъ, играли важную роль уже при предшественникѣ Фридриха-Вильгельма II. Освобожденные отъ

уады, они быстро понеслись по тому пути, на который ихъ уже давно манили ихъ интересы или инстинкты.

Дѣло, предпринятое Фридрихомъ II, какъ то оказалось тотчасъ послѣ его смерти, носило въ самомъ себѣ зародыши неудачи, страдало внутреннимъ противурѣчiemъ. Задачей великаго короля было совмѣщеніе несовмѣстимаго, его идеаломъ — неограниченная и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняющаяся ограниченіямъ воля; безусловно-исполнительное и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельное чиновничество; независимый и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольно привлекаемый къ отвѣтственности судъ; свободное и вмѣстѣ съ тѣмъ бессильное общественное мнѣніе. Эти антиноміи могли не быть замѣтны, пока надъ всѣмъ и надъ всѣми господствовала одна желѣзная воля, пока система воплощалась въ одномъ лицѣ, умѣвшемъ управлять другими и сдерживать самого себя. Съ паденіемъ краеугольнаго камня исчезла и крѣпость, и мнимая симметрія постройки. Элементы, искусственно соединенные, стали тянуть врознь, и побѣда видимо склонялась на сторону наименѣе достойныхъ.

До чего дошла бы Пруссія подъ властью Вѣльнеровъ и Бишоффердеровъ, Буггенгаеновъ и Гоймовъ — объ этомъ позднѣйшія событія 1806 года даютъ только приблизительное понятіе. Іенской катастрофѣ предшествовали еще девять лѣтъ царствованія Фридриха - Вильгельма III, составлявшихъ несомнѣнный поворотъ къ лучшему въ сравненіи съ предъидущимъ; при безостановочномъ спускѣ по наклонной плоскости, государство очутилось бы, въ критическую минуту, еще гораздо ниже. Какъ бы то ни было, легендѣ о неправомѣрномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правомѣрномъ государствѣ можно противопоставить — исторію Уложения 1794 года, судьбу ассесора Цербони; легендѣ о безупречной честности до-реформеннаго чиновничества — эпопею южно-пруссскихъ «хищеній» и табачнаго вопроса; теоріи государственнаго управленія совѣстью — результаты «эдикта о религіи» и вѣльнеровскаго обскурантизма.

А — н —

ПОВѢСТИ-ПАРОДИИ БРЕТЬ-ГАРТА

Съ англійскаго.

При всей извѣстности имени американскаго писателя Бретъ-Гарта, какою онъ справедливо пользуется въ нашей публикѣ, — его, такъ-названныя имъ, «Condensed Novels», если не ошибаемся, прошли у насъ незамѣченными. Принимая въ соображеніе замысль автора, мы назвали ихъ, въ переводѣ — «Повѣсти-пародіи»: Бретъ-Гартъ поставилъ въ нихъ себѣ задачу, подражая слабостямъ нѣкоторыхъ извѣстнѣйшихъ писателей, англійскихъ и французскихъ, поддѣлаться подъ ихъ обычную манеру писать романы, — и такимъ образомъ, въ своихъ «сжатыхъ» (condensed) очеркахъ онъ представилъ читателямъ остроумную и иногда забавную характеристику манеры Купера, миссъ Брэддонъ, Александра Дюма и другихъ. Мысль Бретъ-Гарта, очевидно, идегъ далѣе того, чтобъ пародировать недостатки извѣстныхъ талантовъ и забавлять тѣмъ читателя; ложный вкусъ самихъ читателей поддерживаетъ ложную манеру въ авторахъ, а потому пародіи Бретъ-Гарта столько же предназначены для борьбы съ испорченнымъ вкусомъ публики, сколько и съ писателями, угождающими этимъ вкусамъ. Приемъ Бретъ-Гарта очень простъ: онъ доводитъ все ad absurdum, но доводитъ весьма талантливо и умѣло, а потому его шуточные рассказы могутъ имѣть серьезное и выгодное вліяніе на читателей, глотающихъ безъ разбора фабрикуемые, по образцу ихъ вкуса, новѣйшіе романы.

I.

МУКЪ-А-МУКЪ.

Новѣйшая индѣйская повѣсть.

По Кутеру.

Ясный октябрьскій день влился въ западу. Послѣдніе лучи заходящаго солнца отражались въ водахъ одного изъ лѣсныхъ озеръ, которыми изобилуетъ калифорнская Сіерра. Съ правой стороны, между стройными стволами высокихъ сосенъ вилась дымокъ надъ кровлями индѣйскаго селенія, а съ лѣвой—картина дополнялась коттеджемъ судьи Томпкинса; коттеджъ стоялъ на древесныхъ срубкахъ и былъ окруженъ буковыми деревьями. Хотя наружный видъ этого коттеджа былъ очень скромный, мѣстность вокругъ — дикая, тѣмъ не менѣе его внутреннее убранство говорило о томъ, что тутъ жили люди и образованные, и благовоспитанные. Въ одномъ концѣ комнаты на мраморномъ столѣ помѣщался акваріумъ, наполненный золотыми рыбками, а по другую сторону—великолѣпный рояль. Полъ былъ покрытъ узорчатыми коврами; стѣны украшены картинами Ванъ-Дива, Рубенса, Тинторетто, Микэль-Анджело, и произведеніями кисти болѣе современныхъ художниковъ: Тернера, Кенсетта, Черча и Бирштадта. Хотя судья Томпкинсъ и поселился въ послѣднихъ предѣлахъ цивилизованнаго міра, но онъ не могъ отстать отъ своихъ прежнихъ привычекъ и вкусовъ. Сидя въ роскошномъ креслѣ за письменнымъ столомъ краснаго дерева, въ настоящую минуту онъ писалъ; подлѣ него на оттоманкѣ помѣщалась миловидная семнадцатилѣтняя его дочь и вязала крючкомъ. Громадныя сосновыя полѣнья пылали въ огромномъ каминѣ, освѣщая комнату ярнымъ пламенемъ.

Женевра Октавія Томпкинсъ была единственною дочерью судьи. Мать ея умерла давно, когда они жили еще въ долинахъ. Женевра выросла въ роскоши, для ея воспитанія ничего не жалѣли. Она кончила курсъ съ наградою въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній и говорила по-французски съ великолѣпнымъ акцентомъ. Она была замѣчательной красоты; на ней было надѣто платье изъ бѣлаго муаръ-антикъ, убранный тюлемъ. Въ ея черныхъ, какъ воронье крыло, волосахъ приколотъ скромный розовый бутонъ.

Судья первый прервалъ молчаніе.

— Дрова въ каминѣ, кажется, плохіе, — началъ онъ; — ихъ трескотня и шипѣніе мало помогаютъ моему работѣ.

— Но я думаю, что дрова трещать оттого, что они уже слишкомъ сухи.

Судья съ наслажденіемъ взглянулъ на умныя черты лица граціозной дѣвушки и почти забылъ, слушая музыкальный ея голосъ, — о трескотнѣ дровъ. Онъ нѣжно наклонился къ ней, погладилъ ее по волосамъ; но высокая фигура, появившаяся въ дверяхъ, заставила его поднять голову.

Достаточно было одного взгляда, чтобы признать, по наружности пришельца, горделивыя черты туземца, дѣлаго и свободного сына лѣсовъ. Черезъ плечо у него былъ накинута кусокъ ткани, обнаруживавшій мощную грудь, украшенную нѣсколькими сотнями почтовыхъ марокъ; онъ добылъ ихъ, ограбивъ три недѣли тому назадъ почтовую станцію въ Оверландѣ. Туземецъ снялъ пуховую шляпу, украшенную простымъ птичьимъ перомъ, и высоко вздернулъ голову, съ которой ниспадали длинныя прямыя пряди волосъ. Правая рука его свободно висѣла, лѣвою же онъ старался придержать панталоны, съ которыми его непричесшія ноги плохо мирились.

— Зачѣмъ, — сказалъ индеецъ тихимъ, мягкимъ голосомъ, — зачѣмъ блѣдножіе слѣдятъ за краснокожими? Зачѣмъ они преслѣдуютъ ихъ подобно дикой кошкѣ О-ви-хо, гонящейся за скунсомъ Ка-ка? Зачѣмъ нога начальника блѣднолицыхъ Соррельтопа ступаетъ по желудямъ въ горныхъ дубравахъ Мукъ-а-Мука? Зачѣмъ, — повторилъ онъ, и при этомъ совершенно спокойно и смѣло стащилъ серебряную ложку со стола, — зачѣмъ вы хотите вигнать его изъ вигамовъ его отцевъ? Его братья уже переселились въ счастливыя селенія, гдѣ вѣчное ихъ занятіе — охота. Пойдетъ ли туда за ними блѣдножій? — И отвернувшись отъ судьи, какъ будто для того, чтобы скрыть свое волненіе, онъ быстро сунулъ подъ одежду серебряную сахарницу.

— Мукъ-а-Мукъ все сказалъ, — начала внятно Женева: — пусть онъ теперь слушаетъ. Слаще ли желуди на горахъ, чѣмъ сочные и питательные стручья блѣднолицаго рудокопа? какъ находить братъ мой, вкуснѣе ли улитка, употребляемая въ пищу, жирной и сочной ветчины? Прелестны кузнечики, скачущіе по склонамъ холмовъ, — но вкуснѣе ли они сушеныхъ яблокъ блѣдножіихъ? Прелестно влокотанье горнаго потока Кипъ-вишь, но

не пріятнѣ ли для слуха вѣжнѣй буль-буль, производимѣй старымъ бургундскимъ, когда оно льется изъ каменнаго кувшина?

— О, — произнесъ индѣецъ, — о! какъ хорошо! Бѣлая Кроличиха очень умна. Слова ея падаютъ точно снѣгъ на Тутдиоло, она тронула сердце Музъ-а-Муза. Что скажетъ братъ мой Грей Гоферъ изъ Дючъ-Флета?

— Она все сказала, Музъ-а-Музъ, — отвѣчалъ судья, взглянувъ съ любовью на дочь. — Хорошо. Нашъ союзъ заключенъ... Нѣтъ, благодарю; тебѣ не нужно будетъ плясать зимою танецъ въ зимнихъ башмакахъ ни также танецъ зеленой ржи, или танецъ договора. Я желаю остаться одинъ. Грусть меня одолеваетъ.

— Я уйду, — сказалъ индѣецъ. — Передай вашему главному вождю въ Вашингтонѣ Савемъ-Анди, что краснокожій удаляется передъ наступательнымъ движеніемъ предприимчиваго піонера. Увѣдомъ его, пожалуйста, что на западѣ восходитъ звѣзда имперіи, что вожди народа Пи-Ютъ желаютъ сосредоточить власть въ рукахъ одного человека, и что племя Клататъ подаетъ голосъ за республику съ наступленіемъ осени.

И плотно завернувшись въ свою хламиду, Музъ-а-Музъ удалился.

Женевра Томпкинсъ стояла у дверей бревенчатаго шалаша, глядя въ слѣдъ удаляющейся почтовой каретѣ; это отецъ ея уѣзжалъ въ Виргинію. «Можетъ быть, онъ никогда не вернется, думала со вздохомъ молодая дѣвушка, смотря на экипажъ, мчавшійся съ страшною быстротою; лошади неслись карьеромъ; — если онъ и вернется, то съ исковерканными членами. Какъ бы не случилось несчастья! Я припоминаю страшный разговоръ, который часто слыхала въ дѣтствѣ. Можетъ ли это быть, чтобы кучерамъ давали тайное наставленіе поканчивать съ изувѣченными пассажирами во избѣжаніе судебного дѣла? Нѣтъ, нѣтъ! Но почему мнѣ такъ тяжело на сердцѣ?»

Она присѣла къ фортепяно и сѣгва провела пальцами по клавишамъ. И чистымъ меццо-сопрано запѣла первую строфу одной изъ самыхъ извѣстныхъ ирландскихъ балладъ:

„O Arrah, ma dheelish, the distant *dudheen*
Lies soft in the moonlight, ma *bouchal vourneen*:
The springing *gossoons* on the heather are still,
And the *caubeens* and *colleens* are heard on the hill.“

Когда замерли звуки восхитительнаго голоса, она безсильно уронила руки на колѣни. Музыка не могла разсѣять ея непо-

натной тоске. Она встала и надѣла бѣлую креповую шляпу, на свои тонкіе пальцы натянула перчатки лимоннаго цвѣта и, схвативъ зонтикъ, пошла въ глубь сосноваго лѣса.

Женевра не успѣла пройти нѣсколькихъ миль, какъ почувствовала страшную усталость во всѣхъ членахъ и въ изнеможеніи опустилась на стволъ лежавшей на землѣ сосны, предварительно стеревъ съ него пыль носовымъ платкомъ. Солнце начинало садиться; картина лѣса была замѣчательно роскошна по разнообразію красокъ. «Какъ все прекрасно въ природѣ! — вымолвила невинная дѣвушка, — и граціозно облокотясь на пень дерева, она подобрала юбки и надѣла платокъ на шею. Тихое рычанье прервало ея думы. Вскочивъ на ноги, она увидала зрѣлище, отъ котораго вся кровь застыла у нея въ жилахъ.

Единственнымъ выходомъ изъ лѣсу была узенькая тропинка, едва достаточная для одного человѣка, — по ней она только-что вошла въ лѣсъ; съ одной стороны тропинка была окаймлена деревьями и скалами. При началѣ этой самой тропинки показался страшный и злой медвѣдь, а за нимъ по-индійски одинъ за другимъ шли слѣдомъ калифорнійскій левъ, дивая кошка и буйволъ; шестіе замыкалъ двій испанскій быкъ. Отверстыя пасти первыхъ трехъ животныхъ, равно и опущенные рога послѣдняго имѣли одинаковое зловѣщее значеніе. Женевра уже готова была упасть въ обморокъ, какъ подлѣ нея раздался тихій голосъ.

— Пусть собаки разорвутъ меня на куски, если это мнѣ не удастся!

Въ ту же минуту, изъ-за спины Женевры высунулся блестящій стволъ карабина и легъ ей на плечо.

Она вздрогнула.

— Смирно, — не двигаться!

Женевра стала какъ вкопаная.

По лѣсу раздался выстрѣлъ винтовки. Послышался страшный ревъ трюхъ и злобный вопль двоихъ. Пять туловищъ кувырнулись въ воздухъ, пять мертвыхъ тѣлъ свалилось въ долину.

Хорошо направленная пуля сдѣлала свое дѣло. Войдя въ открытую пасть медвѣдя, она только прошла насквозь, чтобы попасть въ гортань калифорнійскаго льва — и такимъ же образомъ въ зѣвъ кошки, пока не достигла лобовъ быка и буйвола и, наконецъ, сплюснутая, скатилась со скалы.

Женевра живо обернулась. — Мой спаситель! — воскликнула

она и упала на руки Натти Бёмпо, знаменитаго стрѣлка на озерѣ Доннерь.

Весело взошла луна надъ озеромъ Доннерь. По его тихой поверхности быстро скользила лодка, выдолбленная изъ древеснаго ствола; въ ней сидѣли Натти Бёмпо и Женевра Томпкинсъ.

Оба молчали. Одна и та же мысль поглощала обоихъ, а можетъ быть въ этомъ безмолвіи было дивное единодушіе. Женевра кусала ручку своего зонтика, и щеки ея поминутно покрывались румянцемъ. Натти Бёмпо взялъ опять въ ротъ щепотку табаку. Наконецъ, точно въ полуснѣ, Женевра сказала:

— Кроткій свѣтъ луны и тихо журчащія струи озера являютъ намъ прелести, имѣющія для насъ нравственное и поучительное значеніе.

— Объ этомъ можно еще поспорить, миссъ, — сказалъ серьезно ея спутникъ. — Все это я слышалъ въ дѣтствѣ въ проповѣдяхъ, читалъ въ псалмахъ.

— Благородный человекъ! — промолвила миссъ Томпкинсъ, смотря на стройнаго стрѣлка, который склонился надъ весломъ, желая скрыть свое волненіе. Хотя онъ и выросъ въ дикомъ уединеніи, тѣмъ не менѣе былъ проникнутъ сознаниемъ великаго двигателя вселенной.

Собравшись съ духомъ, Женевра сказала громко:

— Мнѣ кажется, хорошо было бы пройти жизненный путь рука объ руку двумъ существамъ, души которыхъ родственны одна съ другою... Но что я говорю!? — и скромная дѣвушка закрыла лицо руками.

Наступило длинное молчаніе; ея товарищъ, наконецъ, нарушилъ его.

— Если ты хотѣла намекнуть на свадьбу, то я, — сказалъ онъ въ раздумьѣ, — очень радъ этому!

— Мой супругъ, — пролепетала падающимъ голосомъ дѣвушка, вся покраснѣвъ, и упала въ его объятія.

Черезъ десять минутъ послѣ того, влюбленная пара причалила къ дому судьи Томпкинса.

Прошелъ годъ. Натти Бёмпо возвращался изъ Гольдъ-Гилла, куда онъ ходилъ купить припасовъ. На пути къ озеру Доннерь онъ услышалъ о возстаніи индійцевъ. — Не одобровать ихъ шкуркамъ, — пробормоталъ сквозь зубы онъ, — только смѣй они дотронуться до моей Дженни.

Было уже темно, когда онъ достигъ берега озера. Вокругъ плававшего востра онъ разглядѣлъ какія-то черныя пляшущія фигуры. Они были татуированы, какъ бы готовые къ войнѣ. Между ними былъ извѣстный Мукъ-а-Мукъ. Почему пальцы Натти Бѣмпо конвульсивно сжали винтовку?

Вождь индійцевъ держалъ въ рукахъ длинныя пряди черныхъ какъ воронье крыло волосъ. Сердце стрѣла упало, когда въ нихъ онъ призналъ густые локоны Женевры. Мгновенно онъ навелъ винтовку, и слѣдомъ за выстрѣломъ фигура Мукъ-а-Мука какъ-то привскочила, и онъ упалъ мертвымъ. Вышибить мозги изъ головъ остальныхъ дикарей, вырвать косы изъ окованныхъ рукъ Мукъ-а-Мука и броситься стремглавъ въ котѣдъ судьи Томпинса было для Бѣмпо дѣломъ одной минуты.

Онъ настѣжь отворилъ дверь. Но почему-то остановился съ искаженнымъ лицомъ, широко раскрывъ ротъ и выпуча глаза? Не слишкомъ ли уже тяжелое зрѣлище представилось его глазамъ? Напротивъ,—передъ нимъ, блистая чистою красотою, стояла Женевра Томпинсъ, опираясь на руку отца.

— Тебя не скальпировали?—съ трудомъ дыша, произнесъ ей возлюбленный.

— Нѣтъ. Я, не колеблясь, говорю тебѣ это; но чѣмъ ты пораженъ такъ? — спросила Женевра. Бѣмпо не могъ произнести ни слова и съ бѣшенствомъ показалъ шелковистыя косы. Женевра съ удовольствіемъ отвернулась.—Да это ея шиньонъ,—сказалъ судья. Бѣмпо повалился въ обморокъ на полъ.

Знаменитый стрѣлокъ никогда не могъ забыть обмана и отказался жениться на Женеврѣ; черезъ двадцать лѣтъ она умерла отъ того съ горя. Судья Томпинсъ потерялъ состояніе въ Вильдъ-Кэтѣ. Почтовая карета два раза въ недѣлю проѣзжаетъ теперь мимо опустѣлаго котѣджа у озера Доннеръ.

Такъ была отомщена смерть Мукъ-а-Мука.

II.

СЕЛИНА СЕДИЛІА.

Соч. миссъ М. Е. В-дд-н, и миссисъ Н-н-у W-д.

Садящееся солнце красноватыми лучами освѣщало единственное окно въ западной башнѣ Слупертонъ-Грэнжа; ходили слухи о томъ, что духъ сэръ Эдварда Седиліа, основателя Грэнжа, яв-

ляется тутъ. Вблизи поэтично возвышался позолоченный мавзолей лэди Фелициі Седиліа, духъ которой бродилъ въ части замка, известной подъ именемъ «Стифъ-энсъ-Акръ». Немного лѣвѣе Грэнжа видѣлись развалины, известные подъ именемъ «Башни-Гая», тамъ являлся духъ сэра Гвидо Седиліа; его разъ утромъ нашли мертвымъ на этомъ мѣстѣ,—зданіе разрушилось и придавило его. При закатѣ солнца, когда оно золотыми лучами обливало всю эту картину, вокругъ Грэнжа, казалось, разливалась чудная, таинственная тишина.

Лэди Селина сидѣла у окна, выходящаго въ паркъ. Солнце медленно погружалось въ волны океана; лэди сидѣла, склонивъ головку на чудную, словно выточенную, крохотную ручку. Когда ночь своимъ покрываломъ скрыла совершенно отъ глазъ всю картину, лэди вздрогнула, въ аллеѣ прозвучать стукъ лошадиныхъ копытъ и коляски. Она не успѣла еще привстать, какъ передъ нею упалъ на колѣни молодой человѣкъ съ аристократическими манерами.

— Моя Селина!

— Эдгаръ! Ты здѣсь?

— Да, моя дорогая.

— И ты... ты ничего не видалъ?— сказала нервно лэди взволнованнымъ голосомъ и отворачиваясь, чтобъ скрыть волненіе.

— Ничего, то-есть, ничего особеннаго,—сказалъ Эдгаръ.— Я проѣхалъ мимо духа твоей тетки въ паркѣ, замѣтилъ призракъ твоего дяди въ развалившейся башенкѣ, и обратилъ вниманіе на хорошо знакомыя черты привидѣнія твоего прадѣда, на его всегдашнемъ мѣстѣ... Болѣе ничего замѣчательнаго, моя Селина. Ничего моя возлюбленная, рѣшительно ничего!

Молодой человѣкъ устремилъ свои большіе черные, ясные глаза на невинное личико своей невѣсты.

— Мой Эдгаръ!—и ты все-таки любишь меня? Ты все-таки хочешь жениться на мнѣ, несмотря на мрачную тайну, которою я окружена? Несмотря на роковую судьбу моего рода? Несмотря на зловѣщія предсказанія моей няни?

— Да, Селина;—и молодой человѣкъ обвилъ рукою ея стройную талию. Влюбленные съ невыразимымъ счастьемъ смотрѣли другъ на друга. Вдругъ Селина вздрогнула.

— Оставь меня, Эдгаръ! оставь меня! Какое-то таинственное или роковое предчувствіе — что-то необъяснимое — какое-то сомнѣніе давитъ мнѣ сердце. Я желала бы остаться одна.

Молодой человѣкъ всталъ, и бросивъ на лэди взглядъ, полный любви, произнесъ:—Наша свадьба совершится семнадцатаго.

— Семнадцатаго,—повторила Селина съ тайнымъ страхомъ.

Они обнялись и расстались. Когда на дворѣ замеръ звукъ копытъ, леди Селина упала въ кресло, съ котораго только-что встала.

— Семнадцатое, — повторила она медленно, снова вздрогнувъ. — Ахъ!—что, если онъ узнаетъ, что у меня въ живыхъ мужъ? Смѣю ли я открыть ему, что у меня двое законныхъ и трое незаконныхъ дѣтей? Могу ли я повторить ему исторію моей юности? Могу ли я сознаться ему въ томъ, что, будучи семи лѣтъ, я отравила сестру, положивъ ей мѣдянку въ сливочные пироги, — что двадцати лѣтъ я сбросила съ качели двоюродную сестру?—что горничная, которою я была недовольна, будучи еще молодою дѣвушкою, лежитъ теперь на днѣ пруда, гдѣ поятъ лошадей... Нѣтъ! нѣтъ! Эдгаръ слишкомъ непороченъ, — слишкомъ добръ, слишкомъ невиненъ, чтобы выслушивать подобныя ужасныя рассказы!—Все тѣло Селины содрогалось отъ страшныхъ приступовъ скорби и рыданія. Но скоро она успокоилась. Она встала, открыла потаенную дверку въ стѣнѣ и вынула оттуда трубку съ фитилемъ готовымъ для горѣнія.

— Этотъ фитиль,—сказала леди Селина,—соединяется съ мвиною подъ западную башню, гдѣ заключены трое моихъ дѣтей; другая часть его проведена подъ приходскую церковь, гдѣ хранится запись моего перваго брака. Мнѣ стоить только зажечь этотъ фитиль—и все прошлое моей жизни согрется съ лица земли!—Она поднесла къ фитилю зажженую свѣчу.

Въ эту минуту на ея руку легла другая рука; пронзительно вскрикнувъ, она упала на колѣни передъ призракомъ сэра Гвидо.

— Подожди, Селина, — сказала привидѣніе гробовымъ голосомъ.

— Зачѣмъ я буду ждать? — возразила гордо Селина, когда самообладаніе снова вернулось къ ней. — Ты знаешь тайну нашего рода?

— Знаю. Пойми меня, — я не встаю противъ приключеній твоей молодости. Мнѣ хорошо извѣстна ужасная судьба, которая тебя преслѣдуетъ; она вынудила тебя отравить сестру и утопить горничную. Я знаю, какое роковое несчастье принесъ я этому дому! Но если ты покончишь съ этими дѣтьми...

— Что же, — сказала поспѣшно леди Селина.

— Они будутъ являться тебѣ!

— Что же, я не боюсь ихъ, — отвѣтила Селина, красиво выпрямившись во весь ростъ.

— Но, милое дитя мое, гдѣ же имъ можно являться! Развалины посвящены духу твоего дяди. Твоя тетя завладѣла паркомъ и, я долженъ замѣтить, часто переходить за границы въ мѣстность, принадлежащую другимъ. Подлѣ пруда бродитъ духъ твоей горничной, а тѣнь убитой сестры твоей гуляетъ здѣсь по корридорамъ. Однимъ словомъ, въ Слопертонъ-Грэнжѣ нѣтъ болѣе мѣста для другихъ духовъ. Я не могу взять ихъ въ свою комнату,—потому что, ты знаешь, я не люблю дѣтей. Подумай объ этомъ, сумасбродная женщина и подожди! Ужели, захочешь ты, Селина,—сказало грустно привидѣнiе,—чтобы духъ твоего пра-дѣда поселился въ иномъ мѣстѣ?

Рука леди Селины задрожала; зажженная свѣча выпала изъ ея обезсиленныхъ пальцевъ.

— Нѣтъ,—страстно воскликнула она:—никогда!—и въ обмо-рокѣ упала на полъ.

Эдгаръ между тѣмъ, торопливо ѣхалъ въ Слопертону. Когда во мракѣ исчезли очертанiя Грэнжа, онъ остановилъ своего красавца-жюна подлѣ развалинъ Башенки-Гвидо.

— Недостаетъ нѣсколькихъ минутъ до условленнаго часа,—сказалъ онъ, смотря на часы при свѣтѣ мѣсяца.—Онъ не посмѣетъ нарушить данное слово. Онъ придетъ.—Эдгаръ остановился, съ безпокойствомъ вглядываясь въ темноту ночи.—Но будь что будеть!—продолжалъ онъ, и мысли его съ любовью сосредоточились на красавицѣ, которую онъ только-что повинулъ.—Когда бы она знала все! Когда бы узнала, что я несчастный чело-вѣкъ, что я разоренъ,—что я преступникъ, что я изгнанникъ. Когда бы она знала, что четырнадцать лѣтъ я убилъ своего учителя латинскаго языка и поддѣлалъ завѣщанiе дяди. Когда бы она знала, что я уже былъ трижды женатъ, и что четвертая жертва моей несчастной страсти, напрасно мнѣ довѣрившаяся, сегодня вмѣстѣ съ нашимъ ребенкомъ прiѣдетъ съ вечернимъ поѣдомъ въ Слопертонъ. Но—нѣтъ! она не должна этого знать. Констанція не прiѣдетъ; Буркъ-Слоггеръ долженъ объ этомъ позаботиться.

— А! вотъ и онъ! Отлично!

Эти слова относились къ оборванцу съ нахлобученною на глаза шляпою; онъ высочилъ изъ Башенки-Гвидо.

— Я здѣсь, сэръ, — сказалъ злодѣй грубымъ, простымъ голосомъ, съ полнѣйшимъ отсутствiемъ грамматическихъ правилъ.

— Хорошо. Слушай: мнѣ извѣстны факты, за которые ты долженъ идти на каторгу. Я знаю объ убiйствѣ Билль Смитерса,

объ ограбленіи сборщика пошлинъ, о томъ, какимъ образомъ исчезла младшая дочь сэра Режинальда де-Вальтона. Одно мое слово, и ты въ рукахъ правосудія. — Буркъ-Слоггеръ затрясся.

— Слушай! исполни мое желаніе, и я еще спасу тебя. Поѣздъ 5 ч. 30 м. изъ Клафѣма долженъ прибыть въ Слоспертонъ въ 9 ч. 25 м. Онъ не долженъ придти на мѣсто.

У злодѣя свернулись глаза, и онъ вивнулъ Эдгару головою въ знакъ согласія.

— Довольно,—ты понимаешь, оставь меня!

За полмили отъ станціи Слоспертонъ, кожная линія Клафѣма и Медвея переходитъ мостъ, перекинутый черезъ Слоспертонъ къ Трентъ. Когда стемнѣло, можно было примѣтить человѣка, въ надвинутой на глаза шляпѣ, бродившаго съ топоромъ и пилою въ рукахъ подъ мостомъ. Время отъ времени онъ скрывался подъ устоями моста, но можно было догадаться о его присутствіи, по звуку, производимому топоромъ, и визгу пилы. Ровно въ девять, онъ снова появился и, перейдя на сторону Слоспертона, легонько оперся на устоя и далъ толчекъ. Мостъ наклонился, и затѣмъ съ трескомъ обрушился въ воду, оставивъ зияющее пространство въ сто футовъ между двумя берегами. Исполнивъ это, Буркъ-Слоггеръ,—это былъ онъ,—съ звѣрскимъ хохотомъ ушелъ у раздѣленнаго желѣзнодорожнаго полотна и ждалъ прихода поѣзда.

Изъ лѣсу послышался свистокъ, возвѣщавшій приближеніе локомотива. На минуту блеснулъ красный свѣтъ фонаря. Земля дрожала. Поѣздъ несся съ страшною быстротою. Еще секунда, и онъ у берега. Буркъ-Слоггеръ злорадно смѣется. Но мгновенно поѣздъ перескочилъ пучину и, попавъ прямо на рельсы съ другой стороны, раздавилъ Буркъ Слоггера, быстро уносясь въ Слоспертону.

Первое, что попало на глаза Эдгару, когда онъ подѣхалъ къ станціи, при приходѣ поѣзда, было тѣло Буркъ-Слоггера, висѣвшее спереди локомотива; второе—лицо повинутой жены, выглядывавшее изъ вагона второго класса.

Непонятный страхъ, казалось, обуялъ Клариссу, горничную лэди Селины, когда она стремительно прибѣжала къ своей госпожѣ.

— О, миледи! какія извѣстія!

— Объяснитесь,—сказала ей госпожа, вставая.

— На желѣзной дорогѣ случилось несчастье, — убить одинъ человекѣвъ.

— Что! Эдгаръ!—почти кривнула Селина.

— Нѣтъ, Буркъ-Слоггеръ, сударыня!

— Мой первый мужъ!—произнесла лэди Селина, опускаясь на колѣни.—Справедливый Боже, благодарю тебя!

Утро семнадцатаго числа наступило въ Слупертонѣ ясное и свѣтлое.—Прекрасный день для свадьбы,—сказалъ пономарь дворецкому Слупертонѣ-Грэнжа.—Престарѣлый слуга грустно покачалъ головою.—Увы! нельзя вѣрить въ предзнаменованія!—возразилъ онъ. Семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, точно въ такой же ясный день моя молодая госпожа...—но онъ вдругъ смолкъ при видѣ незнакомца.

— Мнѣ нужно видѣть сѣра Эдгара, —сказалъ нетерпѣливо вошедшій.

Женихъ, собиравшійся вмѣстѣ съ приглашенными на свадьбу садиться въ экипажи, чтобы ѣхать въ церковь, отозвалъ въ сторону неизвѣстнаго.

— Все кончено!—шепнулъ отрывисто незнакомецъ.

— А! и ты похоронилъ ее?

— Вмѣстѣ съ остальными!

— Довольно. Ни слова болѣе теперѣ. Приди ко мнѣ по окончаніи церемоніи, и ты получишь вознагражденіе.—Незнакомецъ скрылся, а Эдгаръ вернулся къ своей невѣстѣ. — Пустое дѣло, о которомъ я и позабылъ, милая Селина; ѣдемъ. —И молодой человекѣвъ, сажая въ карету невѣсту крѣпко пожалъ ея руку, трепетавшую въ его рукѣ, при чемъ щеки невѣсты покраснѣли яркою краскою. Поѣздъ тронулся со двора. Одновременно на Башнѣ Гвидо раздавался зловѣщій гулъ колокола.

Едва свадебный кортежъ выѣхалъ изъ Грэнжа, какъ Алиса Седлиа, младшая дочь лэди Селины, выѣжала изъ западной башни, благодаря недостатку бдительности со стороны Клариссы. Невинное дитя, освободясь отъ присмотра, бродило по пустыннымъ корридорамъ, и наконецъ, отворивъ дверь, очутилась въ будуарѣ своей матери. Нѣсколько времени она забавлялась, разсматривая убранство и изящныя бездѣлушки, въ изобиліи украшавшія комнату. Затѣмъ шалуныя нарядилась въ ленты и кружева матери. Одѣваясь, она нечаянно задѣла за пуговицу, кото-

рая была не что иное какъ пружина, отворившая потайную дверь въ стѣнѣ. Алиса восторженно вскрикнула при видѣ трубки съ фитилемъ; по своему дѣтскому разумѣнію, она вообразила, что это фитиль отъ фейерверка, и взявъ зажигательную спичку, приблизила ее къ трубкѣ. Минуту она колебалась. Что скажутъ мать и няня? Но вдругъ до ея слуха долетѣлъ колокольный звонъ въ приходской церкви въ Слупертонѣ. Алиса знала, что это знакъ того, что свадебный кортежъ вступилъ въ церковь, и была увѣрена, что теперь ей нѣчто не помѣшаетъ. Съ дѣтскою улыбкою на устахъ, Алиса Седлиа воспламяла трубку съ фитилемъ.

Ровно въ два часа семнадцатаго, Рупертъ Седлиа, только-что вернувшійся изъ Индіи, — погруженный въ глубокія думы, спустился съ холма, направляясь къ Слупертонскому замку. — Если я докажу, что моя тетка леди Селина вышла замужъ до смерти моего отца, — тогда я могу заявить свои права на Слупертонъ, Грэнжъ, — провознесъ онъ почти вслухъ, и остановился: земля заколебалась у него подъ ногами, и страшный взрывъ, точно произведенный цѣлымъ артиллерійскимъ паркомъ, призывалъ его на мѣстѣ. Въ ту же минуту онъ увидалъ густое облако дыма, застилавшее церковный дворъ Слупертонна, а западная башня Грэнжа, казалось, была приподнята на воздухъ, вырванная съ основаніемъ. Въ воздухѣ летѣли обломки, и двѣ вещи темнаго цвѣта упали почти къ его ногамъ. Рупертъ поднялъ ихъ. Одна изъ нихъ оказалась тяжелымъ томомъ съ мѣдными застежками. Онъ не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть. Записи приходской церкви! Онъ поспѣшно открылъ книгу. Въ ней увидѣлъ онъ и записку о бракѣ леди Селины съ Буркъ-Слоггеромъ. Вторая вещь — кусокъ пергамента. Дрожащими руками онъ развернулъ его. То было завѣщаніе Джемса Седлиа, котораго ему недоставало.

Вскорѣ снова зазвонили на новой приходской церкви Слупертонна; колокольный звонъ возвѣщалъ о свадьбѣ сэра Руперта Седлиа съ его двоюродной сестрою; они были единственные оставшіеся въ живыхъ.

Еще пять привраговъ прибавилось къ сверхъ-естественному населенію Слупертонъ-Грэнжа. Можетъ быть, это было причиною, почему сэръ Рупертъ вскорѣ продалъ свое владѣніе. Въ теченіе многихъ лѣтъ мрачная тѣнь налегла на развалины Слупертонъ-Грэнжа.

III.

ДЕВЯНОСТО-ДЕВЯТЬ ТЪЛОХРАНИТЕЛЕЙ.

Соч. Ал-ж-д-т D-m-s.

I.—О достоинствахъ посвѣтливой трактирщика въ Провансѣ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, провансальскій трактирщикъ, гигантскаго роста, стоялъ подлѣ своей гостинницы, глядя на столбъ пыли на проѣзжей дорогѣ. Столбъ пыли обѣщаль прїѣздъ путешественника. Въ это время года путешественники были рѣдки между Парижемъ и Провансомъ.

Сердце трактирщика возрадовалось. Обратясь къ мадамъ Перигоръ, своей женѣ, и хлопнувъ рукою по бѣлому фартуку, онъ сказалъ:

— Сень-Дени!.. Поспѣши, жена, накрыть скатерть. Прибавь бутылку шарльвуа на столъ. Этотъ путешественникъ, ѣдущій такъ скоро,—судя по быстротѣ ѣзды, долженъ быть монсевиоръ.

Дѣйствительно, когда путникъ, въ формѣ мускетера, подѣхалъ къ дверямъ гостинницы, видно было, что онъ не жалѣлъ своего коня.

Бросивъ поводья хозяину гостинницы, онъ легко соскочилъ на землю. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати четырехъ, говорившій съ легкимъ гасконскимъ акцентомъ.

— Я голоденъ, чортъ возьми! Давай обѣдать!

Гигантъ-хозяинъ поклонился и повелъ его въ прелестное помѣщеніе, гдѣ стоялъ столъ, покрытый прекрасными яствами.

Мускетеръ тотчасъ же принялся за работу. Дичь, рыба, пироги,—онъ пожиралъ все. Перигоръ вдыхалъ, смотря, какъ пустѣли блюда. Только разъ прїѣзжій остановился.

— Вина!—Перигоръ принесъ вино. Прїѣзжій выпилъ двѣнадцать бутылокъ. Наконецъ, онъ всталъ и собрался уѣзжать. Обратясь къ стоявшему въ ожиданіи хозяину, онъ сказалъ:

— Поставь на счетъ.

— На чье имя, ваша свѣтлость?—спросилъ боязливо Перигоръ.

— На имя его высочайшаго преосвященства!

— Мазарини! воскликнулъ трактирщикъ.

— Именно. Подай мнѣ мою лошадь,—и мускетеръ, сѣвъ на своего любимаго коня, ускакалъ.

Трактирщикъ медленно вернулся въ домъ. Едва успѣлъ онъ

войти во дворъ, какъ шумъ подковъ привлекъ его снова къ воротамъ. Подъѣхалъ молодой мускетеръ съ привѣтливой и граціозной наружностью.

— *Parbleu!* любезный Перигоръ, я умираю съ голоду. Что у тебя къ обѣду?

— Дичь, каплуны, жаворонки и голуби, ваше превосходительство, — отвѣчалъ услужливый хозяинъ, кланяясь до земли.

— Достаточно! — молодой мускетеръ сошелъ съ лошади и вошелъ въ гостиницу. Съѣвъ за столъ, снова накрытый заботливымъ Перигоромъ, онъ быстро очистилъ его такъ же хорошо, какъ и первый прїѣзжій.

— Дай какого-нибудь вина, любезный Перигоръ, — сказалъ изящный молодой мускетеръ, какъ только былъ въ состояніи произнести хоть одно слово.

Перигоръ принесъ три дюжины шарльвуа. Молодой человѣкъ почти залпомъ опорожнилъ ихъ.

— Спать пора тебѣ, Перигоръ, — сказалъ онъ весело, дѣлая знакъ ручкою и идя медленно впереди удивленнаго хозяина.

— Но, ваша свѣтлость, счетъ, — сказалъ пораженный Перигоръ.

— А, счетъ! Запиши.

— На чье имя?

— На имя королевы!

— На имя мадамъ?

— Именно. Прощай, милѣйшій Перигоръ. — И изящный незнакомецъ уѣхалъ. Наступило молчаніе, трактирщикъ со скорбью глядѣлъ на жену. Вдругъ онъ снова вздрогнулъ отъ шума копытъ, и господинъ съ аристократическою наружностью показался въ дверяхъ.

— А, — сказалъ добродушно царедворецъ! — Не обманываешь ли меня зрѣніе? Нѣтъ, это радушный и щедрый Перигоръ. Перигоръ, слушай. Я умираю съ голоду. Я совсѣмъ ослабѣлъ. Я хотѣлъ бы пообѣдать.

Трактирщикъ снова оставилъ столъ блюдами. И снова все было до чиста съѣдено, подобно стаямъ саранчи, пожравшимъ египетскія нивы. Прїѣзжій поднялъ голову.

— Принеси мнѣ еще курицу, милый Перигоръ.

— Невозможно, ваше превосходительство, — кладовая вся очищена.

— Ну, такъ еще кусокъ ветчины.

— Невозможно, ваша свѣтлость, — вся вышла.

— Ну, такъ вина!

Козяинъ принесъ сто-сорокъ четыре бутылки. Царедворецъ всѣ ихъ выпилъ.

— Если нечего ѣсть, то можно пить, — сказалъ добродушно аристократъ-незнакомецъ.

Трактирщикъ вздрогнулъ.

Гость всталъ и собрался ѣхать. Перигоръ медленно выступилъ со счетомъ, въ второму онъ украдкою приписалъ убытки, потерпѣнные имъ отъ прежнихъ незнакомецъ.

— А, счетъ! Запиши.

— Записать! на кого?

— На имя короля, — сказалъ гость.

— Что! Его Величества?

— Конечно. Прощай, Перигоръ.

Трактирщикъ заворчалъ. Онъ вышелъ и взялъ съ собою записку. Женѣ онъ замѣтилъ:

— Я простой человекъ и ничего не понимаю въ политикѣ. Кажется, однако, у насъ не спокойно. Благодаря его высокопреосвященству, его величеству королю и ея величеству королевы, я совсѣмъ разоренъ.

— Постой, — сказала мадамъ Перигоръ, — мнѣ пришла въ голову мысль.

— А, то-есть...

— Сдѣлайся самъ мускетеромъ.

II.—Битва.

Оставивъ Провансъ, первый мускетеръ направился въ Нанжись, гдѣ къ нему пристало еще тридцать-три человека. Второй мускетеръ, приѣхавъ въ Нанжись одновременно, сталъ во главѣ тоже тридцати-трехъ. Третій гость, крупный владѣтель въ Провансѣ, приѣхалъ также въ Нанжись, чтобы собрать тоже тридцать-три мускетера. Первый незнакомецъ предводительствовалъ войскомъ его высокопреосвященства.

Второй — войскомъ королевы.

Третій — короля.

Битва началась. Съ страшнымъ остервенѣніемъ она длилась въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Первый мускетеръ убилъ тридцать человекъ изъ войска королевы. Второй мускетеръ — тридцать изъ войска короля. Третій мускетеръ — тридцать изъ войска его высокопреосвященства. Обратимъ вниманіе, что такимъ образомъ число мускетеровъ убавилось до четырехъ съ каждой стороны.

Естественно, военачальники приближались другъ къ другу. Они всё вмѣстѣ восклицали.

— Арамись!

— Атось!

— Д'Артаньянъ!

И пали въ объятія другъ друга.

— Какъ кажется, дѣти мои, мы деремся другъ съ другомъ, — сказалъ графъ де-ла-Феръ, — съ грустью.

— Какъ странно! — восклицали Арамись и д'Артаньянъ.

— Остановимъ эту братоубійственную войну, — промолвилъ Атось.

— Остановимъ! — восклицали всё вмѣстѣ.

— Но какъ распустить нашихъ приверженцевъ? — спросилъ д'Артаньянъ.

Арамись подмигнулъ. Они поняли другъ друга. — Перерѣжемъ ихъ всёхъ!

Они перерѣзали ихъ всёхъ. Арамись убилъ троихъ, д'Артаньянъ — троихъ, Атось — троихъ. Друзья снова обнялись. — Точно въ доброе старое время! — сказалъ Арамись. — Какъ трогательно! — восклицнулъ серьезно философъ графъ де-ла-Феръ.

Конскій топотъ принудилъ ихъ вырваться изъ взаимныхъ объятій. Фигура гигантскихъ размѣровъ быстро къ нимъ приближалась.

— Трактирщикъ изъ Прованса? — восклицали они, обнажая шпаги.

— Перигоръ, надо покончить съ нимъ, — заревѣлъ д'Артаньянъ.

— Остановись, — сказалъ Атось.

Гигантъ стоялъ уже подлѣ. Всё вскрикнули. — Атось, Арамись, д'Артаньянъ!

— Портось! — восклицнула удивленная троица.

— Онъ самый. — Всё они бросились снова обнимать другъ друга.

Графъ де-ла-Феръ воздѣлъ медленно руки къ небу. — Да благословить васъ Богъ! Да благословить онъ насъ, дѣти! Какая бы ни была равнища въ нашихъ политическихъ взглядахъ, мы одного мнѣнія относительно нашихъ личныхъ достоинствъ. Гдѣ найдете вы челоуѣка лучше Арамиса?

— Лучше Портоса? — сказалъ Арамись.

— Лучше д'Артаньяна? — повторилъ Портось.

— Лучше Атоса? — закончилъ д'Артаньянъ.

III.—Какъ король Франціи гѣзъ по веревочной гѣстницѣ.

Король сошелъ въ садъ. Идя осторожно по ступенямъ террасы, онъ приблизился къ стѣнѣ подь окнами мадамъ. Съ лѣвой стороны было два окна, скрытыя виноградными лозами. Эти окна выходили изъ апартаментовъ Ла-Вальеръ.

Король вздохнулъ.

— До этого окошка около девятнадцати футовъ, — сказалъ король. — Если бы у меня была веревочная гѣстница девятнадцати футовъ длиною, она дошла бы до этого окна. Логично.

Вдругъ король споткнулся обо что-то.

— Сеиъ Дени! — воскликнулъ онъ, смотря подь ноги.

Онъ наступилъ на веревочную гѣстницу, именно девятнадцати футовъ длиною.

Король приставилъ ее къ стѣнѣ и прикрѣпилъ нижній конецъ ея къ задней части тѣла человѣка, спрятаннаго подь стѣвою. Человѣкъ этотъ не вскрикнулъ, не сдѣлалъ даже никакого движенія ногою. Король ничего не подовѣривалъ. Онъ сталъ взбираться по гѣстницѣ.

Гѣстница была слишкомъ коротка. Людовикъ Великій былъ небольшого роста. Все-таки ему не хватало двухъ футовъ до окна.

— Боже мой! — воскликнулъ король.

Неожиданно кто-то снизу приподнял гѣстницу на два фута. Это дало возможность королю прыгнуть въ окно. Въ дальнемъ концѣ комнаты стояла молодая дѣвушка хромоногая, съ красными волосами. Она дрожала отъ волненія.

— Луиза!

— Король!

— Ахъ, Боже мой, мадемуазель!

— Ахъ, Боже мой, государь!

Но легкой стукъ въ дверь помѣшалъ влюбленнымъ. Король вскрикнулъ отъ ярости, Луиза — отъ отчаянія. Дверь отворилась, вошелъ д'Артаньянъ.

— Добрый вечеръ, государь, — сказалъ мускетеръ. Король дотронулся до колокольчика. Портосъ показался въ дверяхъ.

— Добрый вечеръ, государь.

— Арестуйте д'Артаньяна.

Портосъ взглянулъ на д'Артаньяна и не двинулся.

Король побагровѣлъ отъ ярости. Онъ снова позвонилъ. Вошелъ Атосъ.

— Графъ, арестуйте Портоса и д'Артаньяна. Графъ де-ла-Феръ взглянулъ на Портоса и д'Артаньяна и сладко улыбнулся.

— Sacre! Гдѣ Арамись,—спросилъ гнѣвно король.

— Здѣсь, государь, и Арамись вошелъ.

— Арестуйте Атоса, Портоса и д'Артаньяна.

Арамись поклонился и скрестилъ руки.

— Арестуйте сами себя.

— Арамись не двинулся.

Король задрожалъ и поблѣднѣлъ. Развѣ я не король Франціи?

— Безъ сомнѣнія, государь, но и мы тоже—каждый отдѣльно, Портосъ, Арамись, д'Артаньянъ и Атосъ.

— А!—сказалъ король.

— Да, государь.

— Что это обозначаетъ?

— Это обозначаетъ ваше величество,—сказалъ Арамись, выступивъ впередъ, что ваше поведеніе, какъ женатаго человѣка, очень неприлично. Я—аббатъ и встаю противъ этихъ непристойностей. Мои друзья, д'Артаньянъ, Атосъ и Портосъ, молодые люди съ честнымъ направленіемъ, сильно на это негодуютъ. Забудьте, государь, какъ они покраснѣли.

— А,—сказалъ король задумчиво.—Вы даете мнѣ урокъ. Вы преданные и благородные молодые люди; единственный вашъ недостатокъ—слишкомъ большая скромность. Съ этой минуты я дѣлаю васъ всѣхъ маршалами и герцогами, за исключеніемъ Арамиса.

— А меня, государь?—спросилъ Арамись.

— Вы будете архіепископомъ.

Всѣ четверо взглянули другъ на друга и бросились обниматься. Чтобы поддержать компанію, короля обняла Ла-Вальеръ. Наступила минута молчанія. Наконецъ, Атосъ заговорилъ.

— Поклянитесь, дѣти мои, что, послѣ самихъ себя, вы будете больше всего чтить короля Франціи; и помните, что «черезъ сорокъ лѣтъ» мы снова встрѣтимся.

IV.

МИССЪ МИКСЪ.

Соч. Ch-l-te Br-nte.

Самымъ раннимъ воспоминаніемъ моего дѣтства ясно рисуется большой днѣвій утесъ и слышится шумъ морскихъ волнъ, разбивающихся о него. На утесѣ стоятъ три пеликана съ вызы-

вещимъ видомъ. На заднемъ планѣ низко нависли темныя тучи небосклона, а на первомъ планѣ—двѣ морскія чайки и гигантъ бакланъ зорко посматриваютъ на тѣло утопленницы. Нѣсколько браслетовъ, коралловыя ожерелья и другія драгоценности дополняютъ картину.

Одна изъ этихъ картинъ, рисующихся воображенію, непрежнно, по моему мнѣнію, согласуется съ характеромъ челоѣка. Почему—я никогда не была въ состояніи объяснить причину. Вѣроятно, ребенкомъ я видѣла эту картину въ какой-нибудь иллюстраціи, или мать моя видѣла ее во снѣ до моего рожденія.

Я была очень некрасивый ребенокъ. Когда я глядѣла на себя въ треугольный зеркальный осколокъ, который всегда носила съ собою, въ немъ отражалось блѣдное лицо, усѣянное веснушками, съ желто-зелеными волосами цѣвта водоросли, когда солнце прямо ударяетъ на нее надъ водою. Говорили, что глаза мои безцвѣтны; они были свѣтло-сѣрые; единственнымъ украшеніемъ моего лица былъ большой, высокій, открытый лобъ съ висками бѣлыми и блестящими какъ фарфоръ у дверныхъ ручекъ.

Всѣ въ нашей семьѣ были гувернантками. Мать моя была гувернанткою, и сестра также. Когда мнѣ минуло тринадцать лѣтъ, и моя старшая сестра подала мнѣ объявленіе м-ра Рожестера эскв., вырѣзанное изъ «Times'a» того дня, я уже приняла это какъ свое назначеніе. Тѣмъ не менѣе таинственное предчувствіе чего-то въ будущемъ чудилось мнѣ во снѣ всю ту ночь, когда я лежала на своей бѣлеснѣжной постелькѣ. На слѣдующее утро, связавъ двѣ картонки въ два шелковыхъ платка и закативъ ящичекъ съ гребенками, я покинула навсегда востѣкъ Миснервы.

Блундерборъ-Голль—мѣстопребываніе Джемса Рожестера эскв-ра было окружено со всѣхъ сторонъ мрачными соснами и печальными кипарисами. Вѣтеръ уныло завывалъ въ длинныхъ аллеяхъ парка. Когда я подошла къ дому,—я замѣтила какія-то таинственныя фигуры мелькнувшія въ окнахъ, а дьявольскій ревъ и хохотъ раздавался въ отвѣтъ на мой звонокъ. Пока я старалась побороть въ себѣ мрачныя предчувствія, экономка, застѣнчивая и запуганная старушка, впустила меня въ бібліотеку. Я вошла подъ тяжестью разнообразныхъ ощущеній. На мнѣ было узенькое платье изъ темной саржи, отдѣланное чернымъ стеклярусомъ. Толстая, зеленая шаль была заволота у меня на

груди. На рукахъ были черныя полу-миттеньки, отдѣланныя стальными пуговками; на ногахъ — широкія резиновыя галоши, принадлежавшія ранѣе моея бабушкѣ. Въ рукахъ я держала синій зонтикъ. Проходя мимо зеркала, я не могла удержаться, чтобы не взглянуть на себя и не могла не замѣтить, что была некрасива.

Я взяла стулъ, сѣла въ уголокъ и, сложивъ руки, спокойно ожидала прихода хозяина дома. Разъ или два, тишину нарушилъ страшный гулъ, точно звонъ цѣпей, пронесшійся по всему дому, слышались проклятія, произносимыя глухимъ мужскимъ голосомъ. Внутренно я старалась приготовить себя ко всякой случайности и неожиданности.

— Вы, кажется, испугались миссъ? Вы ничего не слышите милая моя?— сказала нервно экономка.

— Ровно ничего, — отвѣтила я спокойнымъ голосомъ; но въ ту минуту ужасающій крикъ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ въ комнатѣ надъ тою, въ которой я находилась, заглушилъ мой отвѣтъ. — Наоборотъ, здѣшняя тишина сдѣлала меня такъ страшно нервною. — Экономка одобрительно взглянула на меня и тотчасъ заварила мнѣ чай.

Я выпила семь чашекъ; когда я принималась за восьмую, я услышала трескъ, и слѣдомъ за тѣмъ въ разбитое окно въ комнату кто-то прыгнулъ.

Этотъ трескъ отнял у меня самообладаніе. Экономка наклонилась ко мнѣ и шепнула.

— Успокойтесь. Это м-ръ Рожестеръ, онъ предпочитаетъ входить иногда такимъ образомъ. Онъ шутить, ха! ха! ха!

— Это и замѣтно, — спокойно возразила я. Свободный порывъ возвышенной души, порывающей нити, накладываемыя обычаемъ. И я обернулась къ нему. Онъ ни разу не взглянулъ на меня. Онъ стоялъ спиною къ камину, ярко освѣщавшему его геркулесовскую фигуру. Лицо его было мрачно и выразительно; нижняя его челюсть была широкая и замѣчательной величины. Я была поражена его громаднымъ сходствомъ съ гориллою. Внимательно слѣдила я затѣмъ, какъ онъ своими мускулистыми пальцами разсѣянно вязалъ узлы изъ вочерги. Вдругъ онъ повернулся ко мнѣ.

— Находите ли вы меня красивымъ, юная барышня?

— Вы не классически красивы, — возразила я спокойно, но въ васъ есть, если я могу такъ выразиться, отвлеченное мужество, искренній, цѣльный барбаризмъ, который, поглощая естествен-

ность...—но я остановилась, потому что онъ вѣзнулъ въ эту минуту и показалъ при этомъ чрезмѣрную величину нижней челюсти; я замѣтила, что онъ уже забылъ обо мнѣ. Онъ обратился къ экономѣ.

— Оставьте насъ.

Старуха съ поклономъ удалилась.

М-ръ Рожестеръ умышленно повернулся ко мнѣ спиною и молчалъ въ теченіи двадцати минутъ. Я вѣрнѣе завернулась въ свою шаль и закрыла глаза.

— Вы гувернантка?—сказалъ онъ, наконецъ.

— Да, сэръ.

— Существо, преподающее географію, ариметику и обращеніе съ глобусами, ха!—несчастное женское отродье, жалкій образецъ дѣвчества съ преждевременнымъ запахомъ чайныхъ листьевъ и нравственности... Уфъ!

Я молча наклонила голову.

— Слушайте, барышня!—сказалъ онъ мнѣ сурово;—ребенокъ, котораго вы будете обучать—моя воспитанница—незаконный. Она родилась отъ моей любовницы, — простой дѣвки... А! миссъ Мивсъ, что вы теперь думаете обо мнѣ?

— Я восхищаюсь—возразила я спокойно—вашею откровенностью. Презрѣнная деликатность заставила бы васъ утаить это. Въ вашей откровенности я узнаю полную общность мысли и чувства, кавая должна существовать у оригинальныхъ натуръ.

Я подняла глаза; онъ уже позабылъ о моемъ присутствіи и стаскивалъ съ себя сапоги и сюртукъ. Исполнивъ это, онъ опустился въ кресло у камина и лѣниво водилъ вочергою по волосамъ. Я не могла удержаться, чтобы не пожалѣть его. На дворѣ страшно шумѣлъ вѣтеръ, дождь съ силою стучалъ въ окна. Я тихо подошла къ нему и сѣла на низенькомъ стулѣ подлѣ него.

Онъ повернулся и, не примѣта меня, въ разсѣянности положилъ мнѣ ногу на колѣни. Я сдѣлала видъ, что не примѣчаю. Но онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ внизъ.

— Вы еще все здѣсь... *Tête de carotte!* Ахъ, я забываю. Вы говорите по-французски?

— Oui, monsieur.

— *Taisez-vous!*—сказалъ онъ рѣзко, съ замѣчательно-чистымъ акцентомъ. Я послушалась. Вѣтеръ страшно завывалъ въ трубѣ, свѣча слабо горѣла. Я невольно вздрогнула.

— А, вы дрожите, барышня!

— Ужасная ночь!

— Ужасная! Вы это называете ужаснымъ, ха! ха! ха! Смо-

трите! вы, жалкій, ничтожный атомъ, смотрите! — онъ ринулся впередъ и, выскочивъ въ окно, сложилъ руки и замеръ, точно статуя среди бушующей бури. Онъ простоялъ не долго и черезъ нѣсколько минутъ вернулся обратно черезъ каминную трубу. Глядя, какъ онъ вытираетъ ноги о мое платье, я примѣтила, что онъ забылъ о моемъ присутствіи.

— Вы гувернантка? Чему вы можете учить? — спросилъ онъ неожиданно, вдругъ заглянувъ мнѣ въ лицо.

— Хорошимъ манерамъ! — отвѣтила я спокойно.

— Ха! учите меня!

— Вы ошибаетесь, — сказала я, натягивая миттени. — Ваши манеры не требуютъ искусственной, особенной выдержки, въ сущности вы вѣжливы; эти порывы и суровое обращеніе естественны, а естественность — настоящая основа умѣнья прилично держать себя. Ваши инстинкты нравственны; я вижу, вы религіозны. Какъ замѣчаетъ св. Павелъ — см. главы 6, 8, 9 и 10...

Онъ схватилъ тяжелый шандаль и пустилъ имъ въ меня. Я покорно, но ловко увернулась отъ удара.

— Извините меня, — замѣтилъ онъ, причежь его нижняя челюсть немного отвалилась. — Извините меня, миссъ Мивсъ — но я не переносу св. Павла. Впрочемъ, довольно — вы поступаете ко мнѣ.

Я послѣдовала за экономкою, застѣнчиво указывавшею мнѣ дорогу въ мою комнату. Когда мы вступили въ темную залу во флигелѣ, я примѣтила, что она была заперта желѣзными дверями и окружена рѣшеткою. Три двери въ корридорѣ тоже имѣли рѣшетки. Странный шумъ — точно кто-то ходитъ — и ревъ разсвирѣпѣвшихъ животныхъ проносился по залѣ. Пожелавъ экономкѣ покойной ночи и взявъ свѣчу, я вошла въ свою спальную.

Я сняла платье и, надѣвъ желтый фланелевый капоть, вовсе не подходившій къ цвѣту моего лица, собралась заснуть, читая «Риторику Блера» и «Нравственную философію» Пэля. Только-что я погасила свѣчу, какъ въ корридорѣ раздались голоса. Я внимательно вслушивалась, и узнала грубый голосъ м-ра Рожестера.

— Вы дали кормъ № 1-му — спросилъ онъ.

— Да, сэръ, — отвѣтилъ угрюмый голосъ, видимо принадлежавшій слугѣ.

— Что съ № 2?

— Теперь она мало ѣстъ, но черезъ день или два поправится.

— №... А № 3?

— Въ страшной ярости, сэръ. Нѣтъ силы справиться съ дурнымъ расположеніемъ ея духа.

— Тсъ!

Голоса смолкли, и я заснула крѣпкимъ сномъ. Мнѣ снилась тропинка въ лѣсу, по которой я иду. Вдругъ ко мнѣ подошла горилла; когда она близко стояла подлѣ меня, я узнала черты м-ра Рожестера. Онъ придерживалъ рукою бокъ, точно отъ боли. Я примѣтила, что онъ раненъ. Онъ узналъ меня и назвалъ по имени, но въ ту же минуту видѣніе исчезло; мнѣ снилось теперь, что я въ селеніи Ашантиевъ; вокругъ огня плясали группы негровъ, принимая участіе въ дикомъ празднествѣ Оби. Я проснулась, но въ умѣ у меня все еще звенѣла ихъ музыка.

— Гога-пока-воки-фум!

— Боже мой! неужели я сплю!.. Я ясно услышала голоса подъ поломъ и почувствовала запахъ гари. Я встала съ неяснымъ предчувствіемъ чего-то дурного, и поспѣшно положивъ вату въ уши и обвязавъ полотенцемъ голову, завернулась въ шаль и побѣжала внизъ. Дверь въ комнату м-ра Рожестера была открыта. Я вошла.

М-ръ Рожестеръ, повидимому, крѣпко спалъ; онъ не проснулся, несмотря на клубы дыма отъ пылавшихъ занавѣсокъ его кровати. Вокругъ комнаты негритянка высокаго роста и сильнаго сложенія полуодѣтая, — на головѣ ея красовались перья — бѣшено плясала подъ звуки востяныхъ кастаньетъ, — картина имѣла сильно языческой характеръ.

Я не потеряла присутствія духа. Смѣло опрокинувъ рукомойникъ, лоханку и ведро съ помоями на пылавшую постель, я побѣжала въ садъ, и вернувшись оттуда съ трубою для поливки, направила слабую струю на м-ра Рожестера. При моемъ появленіи, гигантъ-негритянка убѣжала. М-ръ Рожестеръ зѣвнулъ и проснулся. Капли воды струились съ него, когда онъ всталъ съ постели; я объяснила ему причину моего присутствія. Онъ нисколько не казался возбужденнымъ, испуганнымъ или разстроеннымъ. Онъ съ любопытствомъ взглянулъ на меня.

— И такъ, вы рисковали жизнью, чтобы спасти меня? о, милая наставница дѣтей!

Я сильно покраснѣла и крѣпко закуталась въ шаль, надѣтую поверхъ моего капота изъ желтой фланели.

— Вы любите меня, Мери Дженъ, — не отрицайте этого! Вы дрожите, и это доказываетъ, что я правъ. Онъ прижалъ меня и сказалъ нѣжно своимъ чуднымъ глубокимъ голосомъ:

— Что ножки, — не промочили ли вы ихъ?

Я поняла, что онъ намекаетъ на мои ноги. Я взглянула внизъ и увидала, что въ своей поспѣшности я надѣла его старыя, резиновыя галоши. Мои ноги были не крошки и вовсе не малы, и эта обувь не прибавляла имъ красоты.

— Пустите меня, сэръ, — сказала я спокойно. Это совершенно не прилично; дурной примѣръ для вашего ребенка. — И я съ твердостью, но осторожно, высвободилась отъ него. Я подошла къ двери. На минуту онъ, казалось, погрузился въ глубокую думу.

— Вы говорите, что здѣсь была негритянка?

— Да, сэръ.

— Гмъ! № 1, полагаю.

— Кто первый номеръ, сэръ?

— Моя первая, — возразилъ онъ, значительно и саркастически улыбаясь. Затѣмъ онъ сталъ обращаться со мною по прежнему, швырнулъ мнѣ сапоги въ голову и велѣлъ убраться. Я спокойно удалилась.

Воспитанница моя была прелестная дѣвочка, говорившая великозвѣрно по-французски. Вѣроятно потому, что мать ея была французенка танцовщица. Хотя ей всего шесть лѣтъ, тѣмъ не менѣе видно было, что она уже разъ шесть влюблялась. Однажды она сказала мнѣ:

— Миссъ Миксъ, питали ли вы къ кому-нибудь сильную страсть? Чувствовали ли вы когда-нибудь здѣсь трепеть? — и она положила свою ручену на узкую грудь и мило вздохнула; — при этомъ чувствовали ли вы полнѣйшее отвращеніе къ конфетамъ и карамелькамъ, и казался ли міръ вамъ пустымъ, невѣтереснымъ, какъ разбитый флаконъ отъ лавровишневыхъ капель.

— Такъ вы испытали это, Нина? — сказала я спокойно.

— О, да, милая. Вотъ, напримѣръ, Буттонъ нашъ пажъ, вы знаете, я очень любила его, но папа прогналъ его. Затѣмъ грумъ Дикъ, — но онъ смѣялся надо мною, и я такъ была несчастлива! — говоря это, она приняла, совсѣмъ по-французски, трагическую позу. — Завтра утромъ будутъ здѣсь гости, — прибавила она, болтая наивно по-дѣтски, — возлюбленная папы Бланшъ-Марабу будетъ тоже. Знаете, говорить, она будетъ моею мамою.

Эти слова какъ ударъ поразили меня! Но я спокойно приподнялась со стула и, погладивъ слегка ребенка, вышла изъ комнаты.

Слѣдующая недѣля въ Блундерборъ-Гаузѣ прошла вся въ удовольствіяхъ и увлеченіяхъ. Гдѣ была рѣшетка, тамъ эту часть замка

зажали камнями, и полуночные крики меня болѣе не беспокоили. Но я сильнѣе сознала свое унижительное положеніе. Я должна была прислуживать леди Бланшъ при ея туалетѣ, помогать ей украшать себя. Зачѣмъ? Чтобы плѣнять его? О, нѣтъ, нѣтъ! но къ чему эта дрожь, эта слабость? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ ее любитъ? Я видѣла, какъ онъ щипалъ ее, какъ былъ дерзокъ съ нею. Но я вспомнила, что онъ швырялъ и въ меня подсвѣчникомъ, и мое сумасбродное сердце успокоилось.

Мы пировали ночью, какъ вдругъ неожиданное посланіе вынудило м-ра Рожестера повинуть своихъ гостей. — Веселитесь, дураки, — прибавилъ онъ вполголоса, проходя мимо меня. — Дверь за нимъ затворилась, и онъ уѣхалъ.

Прошло полчаса. Во время танцевъ раздался пронзительный крикъ, и среди разступившейся толпы падавшихъ въ обморокъ женщинъ и испуганныхъ мужчинъ, вошла въ комнату страшная мужская фигура. Сразу въ немъ можно было признать разбойника, сильно вооруженнаго: онъ держалъ въ каждой рукѣ по пистолету.

— Чтобы ни одинъ человекъ не выходилъ изъ этой комнаты! — сказалъ онъ громовымъ голосомъ. — Домъ окруженъ, вы не можете спастись. Первый, который переступитъ вонъ тотъ порогъ, будетъ убитъ какъ собака. Господа, прошу васъ идите другъ за другомъ въ линію и подавайте мнѣ ваши кошельки и часы.

Находя послушаніе бесполезнымъ, всѣ хотя весьма неохотно, но подчинились ему.

— Теперь, сударьни, прошу васъ передать мнѣ ваши брилліанты и драгоценности.

Это приказаніе еще менѣе охотно исполнили. Бланшъ, подавая разбойнику браслетъ, старалась спрятать подъ лифомъ брилліантовое ожерелье, подарокъ м-ра Рожестера. Но съ дявольскимъ хохотомъ силачъ вырвалъ его у нея и, сильно дернувъ молодую дѣвушку за ухо, оттолкнулъ ее въ сторону. Настала моя очередь. Съ трепещущимъ сердцемъ я пробиралась къ разбойнику и упала къ его ногамъ. — Сэръ, я бѣдная гувернантка, пощадите меня.

— Ого! гувернантка! Дайте мнѣ ваше жалованье за послѣдній мѣсяцъ. Отдайте мнѣ то, что вы украли у вашего господина, — и онъ чертовски засмѣялся.

Я спокойно взглянула на него и сказала тихо: — Я ничего не украдала у васъ, м-ръ Рожестеръ!

— А, узнали! Тсъ! слушайте, барышня, — онъ сердито шепнулъ мнѣ: — скажите еще одно слово, чтобы помѣшать моимъ планамъ — и вы умрете; помогите мнѣ, и...

И онъ исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все общество, за исключеніемъ меня, заперли въ погребъ. Въ слѣдующій моментъ приблизили фавелы къ богатымъ драпировкамъ, и весь домъ запылалъ. Я почувствовала, какъ сильная рука схватила меня, кто-то тащилъ меня на пригоробъ, откуда можно было смотрѣть на пожаръ замка. Это былъ м-ръ Рожестеръ.—Гори!—сказалъ онъ,—грозя кулакомъ на горѣвшій замокъ. Затѣмъ, упавъ на колѣни передо мною, торопливо произнесъ:

— Мери-Дженъ, я люблю васъ; то, что служило помѣхою нашему соединенію, уже исчезло, или скоро исчезнетъ. Въ томъ замкѣ были заключены мои три сумасшедшія жены. Одна изъ нихъ, какъ вамъ извѣстно, пыталась убить меня... Ха! вотъ мое мщеніе. Но будете ли вы моею?

Я безъ словъ бросилась къ нему на шею.

V.

МИЧМАНЪ БРИЗИ.

Соч. капитана M-rry—t, R. N.

Отецъ мой былъ лекаремъ въ сѣверной части нашего отечества. Онъ вдовцемъ вышелъ въ отставку нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ королевскаго флота; у него была небольшая практика въ родной деревушкѣ. Когда мнѣ минуло семь лѣтъ, онъ посылалъ меня разносить лекарства къ его больнымъ. Я былъ очень живой мальчикъ и иногда забавлялся тѣмъ, что во время моихъ странствованій перемѣшивалъ содержимое въ различныхъ стѣлянкахъ. Хотя я не имѣлъ причины сомнѣваться, что въ общемъ этотъ способъ леченія приносилъ пользу, тѣмъ не менѣе, когда послѣ примѣси крѣпкой ртутиальной воды къ мокротогонному средству, предписанному нашему пастору, онъ умеръ, отецъ рѣшилъ лишить меня моей должности и отправить въ школу.

Школьный учитель Груббинсъ былъ тиранъ, и въ скоромъ времени я съ своимъ непокорнымъ и упрямымъ характеромъ возсталъ противъ него. Я началъ составлять планъ мщенія. Въ этомъ помогъ мнѣ Томъ Свафль, школьный товарищъ. Какъ-то Томъ предложилъ:

— Взорвемъ его.—Я досталъ два фунта пороху.

— Нѣтъ, слишкомъ шумно,—возразилъ я.

Томъ съ минугу помолчалъ и снова сказалъ:

— Помнишь, какъ ты успокоилъ пастора, Пильсъ? Не можешь ли ты дать что-нибудь Груббинсу, чтобы его раздуло? Э?

Искра вдохновенія осѣнила меня. Я отправился къ деревенскому аптекарю. Онъ зналъ меня; я часто покупалъ у него купоросъ и наливалъ въ чернильницу Груббинса, чтобы портить его перья и прожигать фалды его сюртука, о которыя онъ всегда вытиралъ ихъ. Я смѣло спросилъ у него унцію хлороформу. Молодой аптекарь подмигнулъ мнѣ и подалъ бутылочку.

У Груббинса была привычка навидывать на лицо носовой платокъ, ложиться на спинку кресла и немного соснуть во время рекреации. Улучивъ удобную минуту, когда онъ задремалъ, мнѣ удалось сдернуть съ его лица платокъ и замѣнить его мимъ, пропитаннымъ хлороформомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ впалъ въ безчувственное состояніе. Тогда я и Томъ послѣдшне обрили ему голову, бороду, брови, намазали лицо смѣсью купороса со жженою пробкою и убѣжали. На другой день произошла страшная суматоха и скандалъ. Отецъ всегда извинялъ меня, говоря, что Груббинсъ постоянно пьянъ,—но почему-то все-таки намель удобнымъ рано опредѣлить меня въ королевскій флотъ.

Официальнымъ письмомъ за печатью адмиралтейства извѣщали отца, что безотлагательно ожидаютъ меня на кораблѣ Бельхеръ королевскаго флота капитана Больтропа, находившагося въ Портсмутѣ. Черезъ нѣсколько дней я явился къ высочому съ суровымъ лицомъ господину, медленно ходившему взадъ и впередъ по защищенной отъ вѣтра сторонѣ палубы. Когда я дотронулся рукою до фуражки, онъ сурово посмотрѣлъ на меня.

— Хорошо! Еще молокососъ. Вся служба пойдетъ въ чорту. Дѣти вмѣсто взрослыхъ, и баре—тамъ, гдѣ нужно дѣло дѣлать... —Помощникъ шкипера, передайте приказаніе м-ру Чикку.

Появился м-ръ Чикъ, прикладывая руку къ фуражкѣ.

— Представьте м-ра Бриви молодымъ людямъ. Стойте! Гдѣ м-ръ Свизль?

— На верху мачты, сэръ.

— Гдѣ м-ръ Ланкей?

— На верху мачты, сэръ.

— М-ръ Бригтсъ?

— Тоже на верху мачты, сэръ.

— А остальные молодые господа, — заоралъ разсерженный капитанъ.

— Всѣ на верху мачты, сэръ.

— А! — сказалъ Больтропъ, сердито улыбаясь, — при такихъ обстоятельствахъ, м-ръ Бризи, вамъ тоже лучше идти на верху мачты.

На мачтѣ я познакомился съ двумя новичками приблизительно моихъ лѣтъ; одинъ изъ нихъ объявилъ мнѣ, что онъ находится тутъ въ теченіе трехъ сотъ тридцати-двухъ дней въ году.

— Въ дурную погоду, когда старый пѣтухъ не въ духѣ, мы никогда не спускаемся, — прибавилъ мальчикъ лѣтъ девяти съ кортикомъ такимъ же большимъ, какъ онъ самъ; его представили мнѣ подъ именемъ м-ра Бригса. Скажите, однако, Пильсъ, — продолжалъ онъ, — какимъ образомъ вы забыли отдать честь капитану?

— Какъ! я дотронулся до фуражки, — сказалъ я наивно.

— Да, но это, знаете, не достаточно. Это хорошо въ другое время. Ему надо отдать честь какъ моряку, когда вы вступаете на бортъ корабля — новичекъ!

Я испугался и просилъ его объяснить мнѣ въ чемъ дѣло.

— Видите ли, приложившись къ своей фуражкѣ, вы должны были слегка дотронуться указательнымъ пальцемъ до его сюртука, вотъ такъ, — и спросить, что подѣлываетъ кончикъ его носа? вотъ что!

— Что подѣлываетъ кончикъ его носа? — повторилъ я.

— Именно. Онъ немножко бы отступилъ при этомъ, и вы повторили бы привѣтствіе, спросивъ снова, какъ поживаетъ его королевскій носъ? а потомъ, спросивъ заботливо о его женѣ и семействѣ, и прося представить васъ дочери канонира.

— Дочери канонира?

— Именно; она вѣдь ходитъ за нами; смотрите, не забудьте, Пильсъ!

Когда насъ позвали на палубу, я подумалъ, что вотъ удобный случай воспользоваться наставленіемъ. Я подошелъ къ капитану Больтропу и повторилъ очень добросовѣстно привѣтствіе, не забывъ ничего. Онъ позеленѣлъ и съ минуту не могъ проговорить ни слова. Наконецъ, онъ проманесъ, еле переводя духъ.

— Помощникъ шкипера?

— Что вамъ угодно, сэръ, — спросилъ я, дрожа, — я просилъ бы, чтобы меня представили дочери канонира!

— О, отлично, сэръ! — воскликнулъ капитанъ Больтропъ, по-

тирая руки и положительно съ бѣшенствомъ кидаясь по палубѣ.— Охъ, чортъ васъ побори! конечно, я васъ представляю!.. Ого, дочери канонира! Чортъ возьми, это слишкомъ! Помощникъ швипера!

Я не успѣлъ придти въ себя, какъ меня схватили, потащили, приваляли къ восьми фунтовой пушкѣ и выдрали розгами.

Когда мы собрались на вахтѣ и очищали червяковъ изъ нашихъ сухарей, Бригсъ утѣшалъ меня въ моей неудачѣ, прибавивъ, что привѣтствіе моряку было болѣе наказуемо, когда его нарушали, нежели когда исполняли. Я присоединился къ общему смѣху надъ его остроуміемъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ были друзья. Теперь Свизль обратился ко мнѣ.

— Мы только-что составляли планъ, какимъ образомъ забрать боченокъ бордо, которое комиссаръ Нипсъ все закладываетъ втулкою. Старая крыса лежитъ тамъ полдня пьяный, и нельзя пробраться къ нему.

— Пройдемъ за нимъ подъ приѣмной каютой, протащимъ черезъ палубу и такъ прокатимъ его, — сказалъ Ланкей.

Предложеніе было принято при громѣ рукоплесканій.

У Чипса, помощника плотника, достали буравъ въ полдюйма, и Свизль, тщательно осмотрѣвъ доски подъ каютъ-компаніей, приступилъ въ дѣлу. Наконецъ, буравъ исчезъ, но на палубѣ послышалось легкое смятеніе. Свизль торопливо вытащилъ буравъ; на концѣ его было нѣсколько ярко красныхъ капель.

— Ура! начинай скова! — закричалъ Ланкей. Буравъ снова вставилъ. Раздался крикъ въ каютѣ комиссара. Немедленно погасли огонь, и компанія поспѣшно удалилась на вахту. Когда караульный просунулъ голову въ дверь, раздался крикъ.

— Все обстоитъ благополучно, сэръ, — отвѣтилъ онъ на вопросъ дежурнаго на палубѣ офицера.

На слѣдующее утро узнали, что Нипсъ на рукахъ у доктора, что у него опасная рана въ мягкой части ноги, и что буравъ не достигъ бордосскаго.

— Ну; Пильсъ, теперь понюхаемъ пороху, — сказалъ Бригсъ входя на вахту и застегивая у пояса громадный тесакъ. — Сейчасъ показался въ виду французскій корабль. — Мы пошли на палубу. Капитанъ Больтропъ оскалилъ зубы, когда мы приложились къ фуражкамъ. Онъ ненавидѣлъ комиссара. — Идите сюда, молодые люди; если вы сверлите буравомъ, чтобъ достать французскаго бордо, то вонъ тамъ — его изрядное количество.

Но вотъ французъ открылъ пальбу; выстрѣлъ изъ тридцатидвухъ-фунтоваго орудія прогремѣлъ надъ водою. Имъ убило квартирмистра и оторвало обѣ ноги Ланкею. — Скажите комиссару, — наши счеты покончены, — сказалъ, улыбаясь, умирающій мальчикъ.

Бой съ остервенѣнiемъ длился два часа. Помню, что я убилъ французскаго адмирала, когда мы пошли на abordажъ; но когда дымъ разсѣялся, и я глазами искалъ Бригса, меня очень позабавило новое зрѣлище. Бригсъ своимъ тесагомъ пришилъ французскаго капитана къ мачтѣ, и теперь со свойственною молодости веселостью занимался тѣмъ, что тянулъ за фалды капитана, какъ дергаютъ игрушку-паяца. Всякій разъ, когда Бригсъ дергалъ его, французъ подымалъ руки и ноги, и я не могъ удержаться, чтобы не принять участiе въ общей забавѣ.

— Что вы дѣлаете, бѣсенята? — послышался за мною сильный голосъ; я взглянулъ и увидалъ капитана Больтропа; онъ напрасно хотѣлъ казаться серьезнымъ, судорожное подергиванье губъ выдавало его живое участiе къ происходившей сценѣ. — Ступайте на верхъ мачты, сэръ! Ступайте вонъ! — повторилъ онъ сердито Бригсу.

— Слушаю-съ, — сказалъ мальчикъ, хладнокровно собираясь лѣзть на верхъ. — Гмъ! — прибавилъ онъ мнѣ на ухо, — хорошее обращенiе съ героями! Служба ни къ чорту не годится!

Я думалъ одинаково съ нимъ.

Намъ велѣно было плыть въ Вестъ-Индію. Хотя обращенiе со мною капитана Больтропа было также строго и даже сурово, но я понялъ, что въ донесенiяхъ обо мнѣ хорошо отзывались.

Читатели, были ли вы когда-нибудь въ Ямайкѣ? Если были, то помните неграмянокъ, апельсины, Портъ-Рояль-Томъ, желтую лихорадку. Пробывъ двѣ недѣли на стоянкѣ, я схватилъ лихорадку. Черезъ мѣсяць я былъ въ бреду. Во время пароксизмовъ мнѣ смутно грезилось строгое лицо, съ безповойствомъ склонившееся къ моей подушкѣ, жесткая рука поправляла мнѣ волосы и ласковымъ голосомъ мнѣ кто-то говорилъ:

— Господь съ тобою, сердечный! Неужели у тебя гадкая лихорадка? — Это лицо затѣмъ обращалось въ хорошо знакомыя строгія черты капитана Больтропа. Когда я сталъ поправляться, мнѣ подали пакетъ съ черною каймой. Онъ заключалъ въ себѣ извѣстiе о смерти моего отца, и запечатанное письмо, которое онъ во время своей болѣзни просилъ передать мнѣ. Съ трепетомъ открылъ я его. Вотъ что я прочелъ:

«Мой милый мальчикъ, съ сожалѣніемъ я долженъ сказать тебѣ, что, по всей вѣроятности, ты не мой сынъ. Твоя мать, какъ ни грустно мнѣ писать это, была женщина очень плохого поведенія. Кто твой отецъ, я положительно не могу сказать; но, можетъ быть, многоуважаемый Генри Болътропъ, капитанъ К. Ф., въ состояніи тебѣ объяснить это. По независимымъ отъ меня обстоятельствамъ, я долженъ былъ отложить это важное для тебя сообщеніе. —Твой огорченный родитель».

И такъ, капитанъ Болътропъ былъ мой отецъ. Боже! Не сонъ ли это? Я припоминалъ его суровое обращеніе, его пытливый взглядъ, его плохо скрытое смущеніе въ моемъ присутствіи. Мнѣ хотѣлось обнять его. Шатаясь отъ слабости, я бросился въ моей весьма легкой одеждѣ на палубу, гдѣ въ ту минуту капитанъ Болътропъ былъ именно занятъ приѣмомъ жены губернатора и его дочери. Дамы вскрикнули; младшая, красавица-дѣвушка, сильно покраснѣла. Не обращая на нихъ никакого вниманія, я упалъ къ его ногамъ и обнимая его колѣни, восклицалъ:

— Отецъ мой!

— За бортъ его!—заревѣлъ капитанъ Болътропъ.

— Остановитесь,—раздался нѣжный голосъ Клары Мэтландъ, дочери губернатора.

— Обрѣйте ему волосы! онъ несчастный лунатикъ! — продолжалъ капитанъ Болътропъ, и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ ходить за нимъ и заботиться о немъ, — сказала милая дѣвушка, краснѣя при этихъ словахъ.

— Мама, не можемъ ли мы взять его съ собой?

Просьба дочери не осталась безуспѣшна. Въ то же время со мною сдѣлалось дурно; когда я пришелъ въ себя, я былъ въ домѣ губернатора Мэтландъ.

Читатель отгадалъ, что было далѣе. Я сильно влюбился въ Клару Мэтландъ, которой я сообщилъ тайну моего рожденія. Милая дѣвушка утверждала, что она сразу примѣтила мое благородство. Мы дали слово другъ другу и рѣшили выждать что будетъ.

Черезъ нѣсколько дней Бригсъ навѣстилъ меня. Онъ сообщилъ мнѣ что комиссаръ оскорбилъ всю вахту, и всѣ мичмана вывели его. Но онъ прибавилъ въ раздумьѣ: -- Я не знаю, какъ

мы устроимъ дуэль. Видишь ли, насъ шестеро должны драться съ нимъ.

— Очень легко, — возразилъ я. — Пусть всё твои товарищи станутъ въ рядъ и примутъ его выстрѣлы; онъ будетъ плохой стрѣлокъ, если не попадетъ ни въ одного изъ васъ; между тѣмъ, съ другой стороны, вы шестеро выстрѣлите въ него залпомъ, и одинъ изъ васъ, вѣроятно, въ него угодитъ.

Дѣйствительно, Бригсъ ушелъ, но скоро вернулся и сказалъ, что комиссаръ отказался. — Проклятый трусъ, — прибавилъ онъ.

Неожиданное извѣстiе о серьезной болѣзни капитана Болътропа заставило отложить дуэль. Я поспѣшилъ къ нему, но было уже поздно, — часомъ ранѣе онъ отдалъ Богу душу.

Я рѣшилъ вернуться въ Англію. Я сообщилъ о тайнѣ моего рожденія и показалъ лэди Мэтландъ письмо моего пріемнаго отца; она тотчасъ же предложила мнѣ жениться на ея дочери, прежде, нежели я предъявлю права на его собственность. Насъ повѣнчали, и на слѣдующій день мы уѣхали.

Я не откладывая отправился тотчасъ же въ сопровожденіи моей жены и моего друга Бригса въ мою родную деревушку. Судите о моемъ удивленіи и ужасѣ, когда мой пріемный отецъ вышелъ изъ своей лавочки ко мнѣ на встрѣчу.

— Такъ вы не умерли! — черезъ силу сказалъ я.

— Нѣтъ, мой милый сынъ.

— А это письмо?

Отецъ мой, какъ я еще долженъ его называть, взглянулъ на бумагу и сказалъ, что это поддѣлка. Бригсъ катался отъ смѣху. Я обратился къ нему и просилъ объяснить.

— Какъ, развѣ ты не видишь, молокососъ, что эта шутка, шутка мичмана?

— Но, — спросилъ я.

— Не будь дуракомъ. Ты досталъ себѣ хорошую жену, — и будешь съ нея.

Я взглянулъ на Клару и успокоился. Миссисъ Мэтландъ никогда не простила мнѣ этого, но добродушный старикъ губернаторъ отъ всего сердца смѣялся шуткѣ, и такъ хорошо употребилъ свое вліяніе, что я скоро сталъ, любезный читатель, адмираломъ Бриси, командоромъ ордена Бани.

VI.

ГАЙ ГЕВИСТОНЪ.

МУСКУЛЯРНАЯ ПОВЕСТЬ.

Соч. автора „Sword and gun“.

Вѣтрено, грязно, моросить, стоитъ октябрьское утро; школьный дворъ наполненъ толпою шалуновъ-мальчугановъ. Часть насъ стоитъ внѣ двора.

Вдругъ изъ школьной комнаты раздался глухой трескъ. Зловѣщій звукъ невольно заставилъ меня вздрогнуть и спросить Смитси.

— Что тамъ, Смитумсь?

— Гай чистить четвертую форму,—отвѣчалъ онъ.

Въ ту же минуту Жоржъ де-Коверли прошелъ мимо меня держа руку у носа, изъ котораго текла яркая струя нормандской крови. Плебей Смитси обратился къ нему смѣясь.

— Кулли! что съ вашимъ носикомъ?

Я отворилъ настежь дверь классной. Есть сцены, которыя человѣкъ никогда не забываетъ. Пожаръ Трон казался благочестивому Энею страшнымъ пожарищемъ и произвелъ на него впечатлѣнiе, которое онъ вынесъ вмѣстѣ съ слабымъ Анхизомъ.

Посреди комнаты стоялъ одинъ Гай Гевистонъ и размахивалъ поршневымъ стержнемъ отъ паровой машины. Я говорю одинъ, потому что кучку маленькихъ мальчиковъ прижавшихся на полу въ углу нельзя считать за общество.

Я постараюсь описать все это читателю. Гаю Гевистону было тогда всего пятнадцать лѣтъ. Его широкая открытая грудь, его тонкія, стройныя бедра, прямая спина, доказывали его хорошее происхожденіе. Можетъ быть, онъ былъ немного тяжелъ на подъемъ, но голову держалъ прямо съ гордостью. Глаза его блестяли, но были недобрые. Нижняя часть его лица носила какое-то строгое выраженіе,—взглядъ былъ какъ у всѣхъ Гевистоновъ,—строгость эта, можетъ быть, немного увеличивалась уздечкою, которую онъ по свойственной ему причудливости носилъ во рту, чтобы обуздывать частые порывы жестовости. Его платье отлично шло къ его коренастой геркулесовской фигурѣ. Полосатая вязанная фуфайка, узкіе, полосатые штаны; одежда его была усѣяна блестящими; хорошенькая шотландская шапочка была надѣта на головѣ. На ней видѣлся гербъ Гевистоновъ,—пѣтухъ, смотря-

щій на навозную кучу, и девизъ «Devil a better!» Я подумалъ о Гораціѣ на мосту, о Гекторѣ на стѣнахъ родного города. Въ такія минуты у меня всегда привычка думать о чемъ нибудь классическомъ.

Онъ примѣтилъ меня, и его грозный видъ смягчился. Что-то въ родѣ улыбки блеснуло на его суровыхъ чертахъ. Мнѣ казалось, что я вижу теперь Юнгфрау, предварительно полюбовавшись на Монбланъ, — немного, немного менѣе величественно и страшно. Слегка опираясь рукою на плечо шволинаго учителя, который вздрогнулъ и присѣлъ отъ его прикосновеній, онъ направился ко мнѣ.

Походка его была какая-то особенная. Нельзя было сказать, чтобы онъ дѣлалъ большіе шаги. Точно «качающійся гребень Беллорофона», онъ высоко подымалъ ногу и шелъ съ развальцемъ. Итакъ, Гай Гевистонъ раскачиваясь направлялся ко мнѣ.

Въ слѣдующій разъ я встрѣтилъ Гая Гевистона зимою 186. — Онъ вышелъ изъ университета и поступилъ въ 79 «Heavies». — Видите, я перемѣнилъ сюртукъ на мундиръ, — сказалъ онъ, пожимая мнѣ крѣпко руку и едва не раздавивъ кость у мизанца.

Я взглянулъ на него съ полнымъ восхищеніемъ. Онъ сталъ еще коренастѣе, угрюмѣе, и во всѣхъ отношеніяхъ члены его увеличились, онъ сдѣлался замѣчательнѣе тѣмъ когда-нибудь. У меня родилось къ этому человѣку такое же чувство, которое существовало у Фаластера къ Фиржилю, какое питали къ Архидидасулу, чувство, которое питалъ Босвелъ къ Жонсону.

— Пойдемъ въ мою берлогу, — сказалъ онъ, приподымая меня за поясъ моихъ панталонъ, онъ понесъ меня наверхъ и посадилъ на софу прежде, нежели я успѣлъ извиниться. Я оглядѣлъ комнату. Это была комната холостяка, убранная какъ-то особенно во вкусъ хозяина. Нѣсколько палашей и бердышей было развѣшано на стѣнѣ, кулеврина, захваченная сэромъ Ральфомъ Гевистономъ стояла въ углу; на другомъ концѣ комнаты помѣщалась небольшая батарея. Вокругъ въ безпорядкѣ валялись рапиры, перчатки для боксированія, сѣдла и удочки. Небольшая пачка любовныхъ записокъ лежала на серебряномъ подносѣ. Хозяинъ не былъ ни анахоретомъ, ни еще сэромъ Галагадъ.

Я никакъ не могу опредѣлить, что думалъ Гай о женщинахъ. «Бѣдняжки, дурочки», часто говаривалъ онъ, когда разговоръ касался одной изъ его новыхъ побѣдъ. Затѣмъ онъ проводилъ рукою по своему мраморному лбу; появлялся его всег-

дашній взглядъ, выразившій непоколебимую суровость, линіи рта вытягивались принимая строгое выраженіе, и онъ вполголоса проговаривалъ: «чортъ возьми»!

— Поедемъ со мною въ Гевистонъ-Грэнжъ. Я дамъ тебѣ верховую лошадь, — сказалъ онъ, свертывая въ трубочку серебряный подсвѣчникъ. Я дамъ тебѣ *Клеопатру*. Нѣтъ, — сказалъ онъ въ раздумьѣ; — я вспомнилъ, что сегодня утромъ приказалъ застрѣлить *Клеопатру*.

— Зачѣмъ? — спросилъ я.

— Она сбросила вчера своего сѣдока и упала на него.

— И убила его?

— Нѣтъ. Вотъ почему я и приказалъ застрѣлить ее. Я не держу животныхъ, которыя безопасны — прибавлю — смертельно безопасны. — Послѣднія слова онъ проговорилъ сквозь зубы, и тѣнь легла на его спокойное чело. Я сдѣлалъ видъ, что перелистываю счеты, лежавшіе на столѣ. Какъ всѣ Гевистоны, Гай рѣдко платилъ чистыми деньгами, и я сказалъ:

— Ты напоминаешь мнѣ время, когда Леонидъ...

— О, отстань съ Леонидомъ и со всѣми твоими классическими воспоминаніями. Пойдемъ!

Мы пошли обѣдать.

— Вотъ, Флора Виллингсетъ, самая ужасная кокетка и смѣлая наѣздница во всей окрестности, — сказалъ мой товарищъ Ральфъ Мортменъ, когда мы стояли съ нимъ у подъѣзда Динглеби-Коммонъ. Я взглянулъ и увидаль Гая Гевистона, надменно склонившагося надъ сѣдломъ, онъ разговаривалъ съ красивою брюнеткой. Она въ дѣйствительности была прелестно одѣта — и очень веселая, умная женщина. Мы были достаточно близко, чтобы слышать слѣдующій разговоръ; каждый читатель, знакомый съ хорошимъ тономъ, сейчасъ признаетъ выраженія свойственныя и обычныя въ высшихъ классахъ.

— Когда Діана завладѣваетъ полемъ, охота не всегда касается предметов *ferae naturae*, — сказалъ Гай значительно взглянувъ на свою собесѣдницу. — Флора не смутилась ни отъ взгляда, ни отъ смысла сарказма.

— Если бы я искала теперь Эндиміона, — сказала она весело, и шутя вурцъ-галопомъ переѣхала черезъ нѣсколько собакъ и перескочила ворота въ пять заставъ.

Гай сказалъ нѣсколько словъ шопотомъ, такъ что остальная часть общества не могла ихъ слышать; сдѣлавъ поворотъ, онъ ловко перескочилъ черезъ двухъ охотниковъ, галопомъ

въѣхалъ по ступенямъ подъѣзда замка и, полнымъ карьеромъ пронесясь черезъ залу, выскочилъ черезъ окно гостиной и медленно подъѣхалъ ко мнѣ на лугу.

— Берегись Флора Биллингсгетъ,—сказалъ онъ мнѣ весьма серьезнымъ голосомъ, причеиъ глаза его метали искры.—*Gardez vous!*—*Gnothi seauton*,—возразилъ я спокойно, не желая отстать отъ него въ смѣтливости.

Гай въ отличномъ расположеніи духа началъ охоту. Онъ скакалъ хорошо. Онъ и пивѣръ шли рядомъ у послѣдней изгороди, а собаки на сто ярдовъ впереди гнали лисицу въ открытомъ полѣ. Но случилось неожиданное обстоятельство. Вернувшись назадъ, его гнѣдая кобыла отказалась перескочить стѣну въ десять футовъ вышиною. Она стала на дыбы и упала навзничь. Онъ снова легонько направилъ ее туда; снова она отказалась, грузно упавъ съ высоты. Гай всталъ. Прежнее безсердечное выраженіе появилось у него въ глазахъ; выраженіе суровости легло вокругъ линіи рта. Схвативъ кобылу за хвостъ и гриву, онъ перекинулъ ее черезъ стѣну. Она упала на другую сторону съ вышины двадцати футовъ и встала на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ. Легко перескочилъ онъ самъ преграду и снова сѣлъ на нее верхомъ. Во-второй разъ она уже не отказывалась перескочить стѣну.

Гай охотился на глухарей на сѣверѣ Ирландіи. Такъ сказалъ мнѣ Ральфъ Мортменъ; равно онъ сообщилъ о томъ, что предполагаемый бракъ между Мери Брандажи и Гаемъ разрушенъ Флорою Биллингсгетъ.—Я не люблю этихъ Биллингсгетъ,—сказалъ Рольфъ,—они дурные люди. Отецъ ея Смитфильдъ де Биллингсгетъ умѣлъ какъ-то подтасовывать карты. Но *nous verrons*; пойдемъ къ Гаю.

На слѣдующее утро мы отправились въ Финъ-ма-кульсъ Кроссингъ. Когда я достигъ охотничьяго павильона, гдѣ Гай угощалъ избранное общество друзей, Флора Биллингсгетъ встрѣтила меня съ пріятною улыбкою.

Гай казался еще суровѣе и громаднѣе, чѣмъ когда-либо. Его приступы бѣшенства стали чаще повторяться, и онъ съ трудомъ могъ удержать въ семьѣ своей смышленнаго слугу. Его настоящіе слуги были болѣе или менѣе изувѣченны, подвергавсь ярости господина. Былъ какой-то странный цинизмъ, ѣдкій сарказмъ въ его манерѣ говорить, проглядывавшій даже сквозь его благовоспитанныя манеры. Я вспомнилъ о Тимонѣ, и т. д.

Какъ-то вечеромъ мы сидѣли за бутылкою шамбертена послѣ

утомительнаго дня; Гай разсѣянно перелистывалъ письмо, и вдругъ вскрикнулъ. Слыкали ли вы когда-нибудь крикъ раненаго слона? Его крикъ напоминалъ это.

Пораженный, я взглянулъ на него. Онъ разглядывалъ письмо, держа его на нѣкоторомъ разстояніи и, глядя на него, фырчалъ. Нижняя часть его лица приняла строгое выраженіе, но не такое суровое какъ обыкновенно. Онъ медленно грызъ зубами осколки стакана, изъ котораго только что пилъ. Вдругъ онъ схватилъ одного изъ слугъ и, заставивъ несчастнаго стать на колѣни, заревѣлъ подобно тигру:

— Собака! зачѣмъ это скрыли отъ меня?

— Вѣдь, сэръ, миссъ Флора сказала, что это примирительное письмо отъ миссъ Брандажи и велѣла спрятать его такъ, чтобы вы не видали его—и-и...

— Говори, собака! и вы...

— Я положилъ его между вашими счетами, сэръ!

Съ воплемъ, подобно громовому раскату, Гай упалъ на полъ въ обморокъ. Онъ скоро пришелъ въ себя, потому что слѣдомъ за этимъ въ комнату вбѣжалъ слуга сообщить, что толпа сосѣднихъ крестьянъ собирается въ этотъ вечеръ по мѣстному обычаю поджечь ферму и подстрѣлить землевладѣльца. Гай страшно улыбнулся, суровое, жестокое выраженіе не покинуло его лица.

— Пусть придутъ,—сказалъ онъ спокойно,—я чувствую потребность принять гостей.

Мы поставили баррикады у оконъ, и выбрали изъ шкapa оружіе. Гай сдѣлалъ странный выборъ: онъ выбралъ сѣтку на длинной ручкѣ и острую кавалерійскую саблю.

Не долго пришлось намъ остаться въ невѣдѣніи относительно ея употребленія. На дворѣ раздались крики, и пятьдесятъ или шестьдесятъ вооруженныхъ людей стали напирать на двери.

Вдругъ открылось окно. Съ быстротою молніи Гай Гевистонъ накиннулъ сѣтъ на голову вожака партіи, крикнувъ: *Habet!* лезвіемъ кавалерійской сабли онъ отдѣлилъ голову отъ туловища и, дернувъ назадъ сѣтку, бросилъ на полъ окровавленную голову, сказавъ спокойно:—Одинъ готовъ.

Снова была закинута сѣтка, блеснула сталь, сѣтку вздернули обратно съ ужасными словами:—Вотъ и два! когда голова катилась на полъ.

— Помните ли вы, что Плиніи говоритъ о гладиаторѣ?—сказалъ спокойно Гай, вытирая саблю.—Какъ живописенъ этотъ пассажъ; начинающійся такъ: «*Inter nos, etc.*».—Забава продолжа-

лась, покуда у насъ не набралось двадцать головъ этихъ отчаянныхъ людей. Остальные собирались разбѣжаться. Но Гай неосторожно показался у дверей; раздался громкій выстрѣлъ, и онъ упалъ навзничъ, пронзенный въ сердце. Въ послѣднемъ безсознательномъ движеніи онъ схватился за притолоку двери, и сила его мускуловъ была такова, что цѣлая сторона дома подалась отъ происшедшаго, вслѣдствіе его движенія, землетрасенія, и мы едва успѣли выбѣжать, какъ домъ обрушился. Я подумалъ о Самсонѣ, гигантѣ судьѣ и т. д.; но все было кончено.

Гай Гевистонъ умеръ какъ и жилъ, — жестоко!

Е. А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое ноябра, 1882.

Законъ о вольныхъ людяхъ сѣверо-западнаго края.—Вѣроятный способъ разсмотрѣнія новыхъ законопроектвъ.—Переустройство мѣстнаго финансоваго управленія.—Городскіе налоги въ Петербургѣ.—Скопинскій „крахъ“ и вызванныя имъ предположенія въ печати.—Хлѣбная торговля и «Московскія Вѣдомости».—Толки объ «объединеніи министерствъ».—Статья г. В. Соловьева о расколѣ.—Московскіе избиратели и баронъ Н. А. Корфъ.

Законодательный періодъ 1881—82 г. былъ сравнительно благопріятенъ для крестьянскаго вопроса. Застой, продолжавшійся болѣе десяти лѣтъ, уступилъ мѣсто движенію, задуманному еще при графѣ Лорисъ-Меликовѣ, но принесшему плоды при графѣ Игнатьевѣ. О мѣрахъ общаго характера—пониженіи выкупныхъ платежей, прекращеніи обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, приступѣ къ замѣнѣ подушной подати, учрежденіи крестьянскаго поземельнаго банка—мы уже говорили въ свое время; намъ остается только упомянуть о постановленіи болѣе спеціальномъ, но тѣмъ не менѣе существенно важномъ. Это—законъ объ устройствѣ быта такъ-называемыхъ „вольныхъ людей“, утвержденный 3-го іюня, но обнародованный гораздо позже, лишь въ концѣ сентября. Вопросъ о вольныхъ людяхъ такъ же старъ, какъ и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Правила 1864 года разрѣшили его лишь на время; они обезпечили за вольными людьми двѣнадцатилѣтнее пользование состоявшею въ ихъ владѣніи землею, на правѣ арендномъ, но ничего не установили относительно судьбы вольныхъ людей по истеченіи этого срока. При нормальномъ положеніи дѣлъ, этотъ пробѣлъ, безъ сомнѣнія, былъ бы пополненъ до 1876 года; но въ семидесятихъ годахъ крестьянскій вопросъ, со всѣми его развѣтвленіями, принадлежалъ къ числу вопросовъ забытыхъ—забытыми оказались и вольные люди. Началось выселеніе ихъ судебнымъ порядкомъ, на-

чалось противудѣйствіе выселяемыхъ и неизбежно слѣдующія за нимъ сцены. Необходимость вмѣшательства законодательной власти становилась все болѣе и болѣе очевидной, и вызвала, наконецъ, правила 3-го іюня, относящіяся, однако, только къ вольнымъ людямъ сѣверо-западнаго края; примѣненіе ихъ къ юго-западнымъ губерніямъ составить предметъ особой мѣры, для которой еще собираются свѣдѣнія. Вольнымъ людямъ сѣверо-западнаго края предоставлено на выборъ—или выкупить занимаемые ими участки въ собственность, или взять ихъ въ аренду на шесть лѣтъ. Въ первомъ случаѣ, 85% продажной цѣны выдаются правительствомъ въ видѣ выкупной ссуды, а остальные 15% уплачиваются покупателемъ, съ правомъ разсрочки ихъ на шесть лѣтъ, по равнымъ частямъ ежегодно. Продажная цѣна установлена либо однообразная для цѣлой губерніи (39 р. за десятину въ виленской губерніи; 32 р. 50 к. въ гродненской), либо различная по уѣздамъ (въ ковенской губерніи—отъ 48 р. 75 к. до 71 р. 50 к.); арендная плата, опредѣленная на томъ же основаніи, колеблется между 1 р. 62½ к. и 3 р. 57½ к. за десятину. Срокомъ для заявленія вольными людьми желанія выкупить участокъ или взять его въ аренду на шесть лѣтъ назначено 23-е апрѣля 1885 года; тѣ, къмъ не будетъ въ этому времени сдѣлано ни того, ни другого, обязаны очистить занимаемые ими участки въ теченіе слѣдующаго года. Для тѣхъ, кто возьметъ участокъ въ аренду на шесть лѣтъ, право на дальнѣйшее арендованіе его существуетъ лишь на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, т.-е. при согласіи на то землевладѣльца и на установленныхъ по взаимному соглашенію условіяхъ. Выкупъ участка въ собственность прекращаетъ всѣ права вольныхъ людей на пользованіе другими землями помѣщика; но за лишеніе пастбищнаго сервитута дѣлается скидка съ продажной цѣны, въ размѣрѣ не свыше 10%. Если занимаемый вольнымъ человѣкомъ участокъ причиняетъ явный вредъ или стѣсненіе хозяйству землевладѣльца, послѣдній имѣетъ право замѣнить его другимъ соотвѣтственнаго достоинства участкомъ, при чемъ такой участокъ можетъ быть даже купленъ на сторонѣ. Еслибы, за выдѣломъ участковъ вольнымъ людямъ, у землевладѣльца, не имѣющаго другой земельной собственности, должно было остаться меньше ста десятинъ удобной земли, то выдѣлъ вовсе не производился. Исполненіе правилъ 3-го іюня возложено на уѣздныхъ предводителей дворянства, совмѣстно съ мировыми посредниками.

Такова сущность новыхъ правилъ, весьма важныхъ уже потому, что они, вѣроятно, будутъ приняты въ руководство не только при устройствѣ быта вольныхъ людей юго-западнаго края, но и при устройствѣ быта чиншевиковъ, давно уже возлагающихъ всѣ свои

надежды на внимательство правительственной власти. Принципъ, лежащій въ основаніи этого закона—обязательный, по требованію фактическаго владѣльца, выкупъ земли—съ назначеніемъ, изъ средствъ казны, выкупной ссуды—вполнѣ правиленъ; нельзя сказать того же самаго о всѣхъ условіяхъ, которыми обставлено его примѣненіе. Выкупъ участковъ затрудненъ, прежде всего, выдачею въ ссуду не полной продажной суммы и требованіемъ доплаты отъ покупателя. Несмотря на небольшой, сравнительно, размѣръ этой доплаты, несмотря на возможность ея разсрочки, она можетъ оказаться слишкомъ обременительною для покупателя, тѣмъ болѣе, что параллельно съ нею долженъ идти платежъ процентовъ и погашенія по выкупной ссудѣ. Съ какою собственно цѣлью установлена доплата къ выкупной ссудѣ? Съ цѣлью ограничить выкупъ тѣми случаями, когда у покупателя есть кое-какія сбереженія, когда онъ не совѣмъ бѣденъ? Но чѣмъ бѣднѣе вольный человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему обойтись безъ насижennaго участка, отыскать другія средства къ существованію—тѣмъ справедливѣе, слѣдовательно, облегчить для него выкупъ участка. Съ цѣлью побудить покупателя къ большей осторожности, удержать его отъ поспѣшнаго, необдуманнаго рѣшенія? Но земля, выкупаемая вольнымъ человѣкомъ, находится въ его владѣніи издавна; онъ знаетъ какъ нельзя лучше ея доходность, ея стоимость, и ограждать его отъ увлеченій нѣтъ никакой надобности. Въ первоначальный проектъ положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ было включено правило, по которому выдача ссуды на покупку земли (по специальной оцѣнкѣ) обуславливалась, между прочимъ, представленіемъ доказательствъ, что покупатель располагаетъ по меньшей мѣрѣ одною пятою частью всей покупной суммы. Въ окончательной редакціи положенія, это правило не сохранилось вѣроятно потому, что оно было признано напраснымъ отягощеніемъ для покупателя; между тѣмъ, при покупкѣ земли, прежде во владѣніи покупателя не состоявшей, шансовъ ошибки въ расчетахъ гораздо больше, чѣмъ при покупкѣ земли давнишнимъ ея арендаторомъ или владѣльцемъ. Если основаніемъ доплаты, требуемой отъ вольныхъ людей, послужилъ дополнительный платежъ, установленный Положеніемъ о выкупѣ, то не слѣдовало бы упускать изъ виду, что въ большинствѣ случаевъ этотъ платежъ вовсе не имѣлъ мѣста, и что отъ него освобождены всѣ крестьяне, переходящіе въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ по указу 28-го декабря 1881 года.

Не вполнѣ цѣлесообразнымъ кажется намъ, далѣе, установленіе однообразныхъ продажныхъ цѣнъ для цѣльныхъ уѣздовъ и даже для цѣльныхъ губерній. Огульная оцѣнка крестьянскихъ надѣловъ была невѣжна въ 1861 г. уже потому, что переходъ земли совершался

въ громаднѣхъ размѣрахъ, и отдѣльная оцѣнка каждаго участка оказалась бы не по силамъ нравительственныхъ органовъ; но вольныхъ людей не такъ много, чтобы участки, выкупаемые ими, необходимо было подвести подъ нѣсколько заранѣе установленныхъ, неподвижныхъ нормъ. Цѣны, опредѣленныя теперь, должны были бы имѣть значеніе максимальныхъ, не устраняя возможности болѣе низкой оцѣнки отдѣльныхъ участковъ. Срокъ, въ предѣлахъ котораго должно быть сдѣлано заявленіе о выкупѣ, едва ли можетъ быть названъ достаточно продолжительнымъ, особенно въ виду доплаты, для которой многіе вольные люди должны будутъ предварительно собрать средства. Разрѣшеніе арендовать участки на шесть лѣтъ, по установленной закономъ цѣнѣ, и затѣмъ уже приступить къ выкупу, несомнѣнно увеличило бы число будущихъ собственниковъ изъ среды вольныхъ людей. Обязательная отмѣна сервитутовъ не составляетъ, въ нашихъ глазахъ, такой перемѣны къ лучшему, какову видать въ ней нѣкоторыя газеты. Чтобы понять значеніе сервитутовъ для крестьянъ западныхъ губерній, а слѣдовательно и для вольныхъ людей, стоитъ только припомнить, какимъ источникомъ зависимости и экономическихъ стѣсненій служить для великорусскихъ крестьянъ недостатокъ пастбищъ и вообще отсутствіе или слабое развитіе у насъ такъ-называемаго *juris in re aliena* (права пользованія тѣмъ или другимъ въ чужомъ имуществѣ). Запрещеніе проѣзда по проселочнымъ (не-плановымъ) и полевымъ дорогамъ, запрещеніе прогона скота къ водопоямъ отзывается на крестьянахъ тѣмъ тяжелѣе, что во многихъ мѣстахъ помѣщичья земля подходит очень близко къ ихъ поселеніямъ, или даже отдѣляетъ ихъ отъ болѣе отдаленной части ихъ надѣла. За пользованіе выгономъ крестьяне нерѣдко должны платить несоразмѣрно-высокія суммы или обявываться работами, далеко превышающими цѣнность получаемого за нихъ эквивалента. Желательнымъ, съ этой точки зрѣнія, представляется скорѣе распространеніе, чѣмъ ограниченіе сервитутовъ, скорѣе—введеніе ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, чѣмъ уничтоженіе ихъ тамъ, гдѣ они существуютъ. Если нѣкоторые изъ нихъ обременяютъ землевладѣльцевъ безъ соотвѣтствующей пользы для крестьянъ, то это можетъ служить поводомъ къ болѣе правильному опредѣленію ихъ, но не къ ихъ отмѣнѣ. Весьма можетъ быть, что потеря сервитутныхъ правъ удержитъ нѣкоторыхъ изъ числа вольныхъ людей отъ выкупа участка, цѣнность котораго въ значительной степени обуславливалась именно этими правами.

Еще болѣе сильнымъ препятствіемъ къ выкупу можетъ послужить предоставляемое помѣщику право замѣнить участки, состоящій во владѣніи вольнаго человѣка, другимъ, не только въ чертѣ, но и за

чертою имѣнія. Пользованіе этимъ правомъ допущено въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мѣстнымъ для крестьянъ Сѣверо-Западнаго края положеніемъ разрѣшено обязательное перенесеніе крестьянскихъ усадебъ и разверстаніе угодій. Обращаясь къ мѣстному положенію, мы находимъ, что обязательное для крестьянъ разверстаніе угодій поставлено имъ въ зависимость исключительно отъ усмотрѣнія помѣщика; точныя правила установлены только относительно перенесенія усадебъ и *обмѣна земель и угодій*, и установлены, притомъ, исключительно въ интересахъ землевладѣльцевъ. Достаточнымъ поводомъ къ обмѣну признается, напримѣръ, открытіе въ крестьянской землѣ торфа, *предполагаемое* помѣщикомъ устройство мельницы или иного промышленнаго заведенія, необходимость провести по крестьянскимъ угодьямъ каналы и т. п. Въ одномъ отношеніи, правила 3-го іюня идутъ еще дальше, чѣмъ мѣстное положеніе; послѣднее не допускало отвода крестьянамъ земли *отъ предѣловъ* имѣнія и требовало надѣленія ихъ, при разверстаніи, *смежными* участками. Новыя правила не назначаютъ даже разстоянія, дальше котораго покупаемый помѣщикомъ для вольныхъ людей участокъ не можетъ отстоять отъ прежняго мѣста жительства ихъ. Что скажутъ вольные люди, если имъ предложатъ поселиться въ другомъ уѣздѣ, можетъ быть, въ другой губерніи? Многіе ли изъ нихъ, при такихъ условіяхъ, будутъ настаивать на выкупѣ? Законъ 3-го іюня выигралъ бы, въ нашихъ глазахъ, очень много, если бы вовсе не заключалъ въ себѣ правилъ о замѣнѣ участковъ; другими словами — если бы вольнымъ людямъ было предоставлено безусловное право на выкупъ именно тѣхъ участковъ, которые состоятъ въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи. Разверстаніе и обмѣнъ угодій, установленныя мѣстнымъ положеніемъ, на самомъ дѣлѣ въ сѣверо-западномъ краѣ почти вовсе не примѣнялись; они были признаны несомѣстными съ правомъ собственности, приобретеннымъ крестьянами вслѣдствіе обязательнаго выкупа 1863 года. Сохраненіе за вольными людьми занимаемыхъ ими участковъ не противурѣчило бы, такимъ образомъ, общему порядку, созданному силою вещей въ сѣверо-западномъ краѣ. Еще болѣе важнымъ соображеніемъ противъ замѣны участковъ служить самая давность владѣнія вольныхъ людей. Надѣленіе земель вновь освобождаемыхъ крестьянъ было коренной переменною въ поземельныхъ отношеніяхъ, до тѣхъ поръ существовавшихъ; этимъ обусловливались правила, позволявшія помѣщику приспособиться къ переменною, уменьшить невыгодныя для него ея результаты. Ничего подобнаго отношенія помѣщиковъ къ вольнымъ людямъ въ настоящую минуту не представляютъ; они существуютъ давно, обѣ стороны къ нимъ привыкли — необходимо было только юридическое регулированіе ихъ, а не фак-

тическое измѣненіе. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть и о томъ постановленіи новаго закона, которое обезпечиваетъ за помѣщикомъ обладаніе по меньшей мѣрѣ ста десятинами земли. Въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя подойдутъ подъ дѣйствіе этого постановленія, помѣщикъ *de facto* давно уже владѣлъ меньшимъ количествомъ земли; оставленіе за вольными людьми занятыхъ ими участковъ было бы простымъ сохраненіемъ *status quo*, привычнаго для обѣихъ сторонъ. Дальнѣйшая судьба вольныхъ людей, лишаемыхъ земли въ силу правила о ста десятинахъ, не предусмотрѣна закономъ 3-го іюня; слѣдуетъ надѣяться, что она будетъ обезпечена правительствомъ.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ газетъ, мы не можемъ отнести къ числу достоинствъ новаго закона ту роль, которую онъ отводитъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Замѣщаемая по назначенію отъ правительства, эта должность, въ сѣверо-западномъ краѣ, немногимъ отличается отъ другихъ административныхъ званій; но если предводители виленскаго, ковенскаго и гродненскаго дворянства считаютъ себя представителями своего сословія, то участіе ихъ въ исполненіи закона 3-го іюня тѣмъ меньше можетъ служить гарантіей для вольныхъ людей. Дворяне, какъ землевладѣльцы, являются въ сдѣлкахъ съ вольными людьми прямо заинтересованною стороною; гораздо правильнѣе, поэтому, было бы устранить сословный элементъ отъ всякаго вліянія на совершеніе этихъ сдѣлокъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что недостатки новаго закона зависятъ отчасти отъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ его изданію; въ обсужденіи его участвовали нѣкоторые предводители дворянства, но не участвовали уполномоченные или свѣдущіе люди изъ среды вольныхъ людей.

Упомянувъ о способѣ обсужденія законопроектовъ и вспомнивъ о призывѣ свѣдущихъ людей, составлявшемъ отличительную черту недавно закончившейся эпохи, мы невольно останавливаемся на вопросѣ, чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ ближайшаго будущаго? Какимъ путемъ, въ какомъ порядкѣ будутъ выработаны тѣ мѣры, которыя должны ознаменовать собою новый, только что начавшійся законодательный періодъ? Косвеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ два циркуляра, недавно разосланные министромъ внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ. Одинъ изъ нихъ касается вопроса о крестьянскихъ переселеніяхъ, рассмотрѣннаго, годъ тому назадъ, свѣдущими людьми, другой—вопроса о семейныхъ раздѣлахъ. По обимъ вопросамъ требуются не только свѣдѣнія и числовыя данныя, но и мнѣнія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Не слѣдуетъ ли ви-

дѣтъ въ этомъ поворотъ на старую дорогу, возвращеніе къ исключительно-административному, канцеларско-кабинетному обсужденію реформъ? Мало хорошаго общаетъ и самая постановка на очередь вопроса о семейныхъ раздѣлахъ. Прочное улучшеніе крестьянскаго быта не можетъ быть достигнуто внѣшней регламентаціей его явленій. Семейные раздѣлы — произведеніе сложныхъ экономическихъ и нравственныхъ условий; запрещеніе или ограниченіе первыхъ, безъ измѣненія послѣднихъ, не приведетъ къ желанной цѣли. Злоупотребленія, сопряженныя съ семейными раздѣлами, зависятъ преимущественно отъ неустройствъ крестьянскаго самоуправления и крестьянскаго суда — неустройствъ, требующихъ радикальнаго леченія. Пока сельскій сходъ остается безформенной массой, а волостной судъ — властью безапелляціонной и безконтрольной, до тѣхъ поръ нельзя ожидать правильности и порядка въ семейныхъ раздѣлахъ. Утвержденіе ихъ уѣзднымъ крестьянскимъ присутствіемъ неизбѣжно обратилось бы въ пустую формальность, какъ все то, съ чѣмъ соприкасается это мертворожденное учрежденіе; предварительная повѣрка каждаго раздѣла непремѣннымъ членомъ присутствія оказалась бы невозможной уже въ виду обширности нашихъ уѣздовъ и многочисленности селеній. Обусловливать семейный раздѣлъ отсутствіемъ недоимокъ на раздѣляющемся семействѣ, значило бы забыть, что самое накопленіе недоимокъ зависитъ иногда отъ внутреннихъ несогласій и раздоровъ, прекратить которые можетъ только раздробленіе существующей хозяйственной единицы. Не отрицая вродѣ, часто причиняемаго семейными раздѣлами, мы думаемъ, однако, что стремленіе регулировать ихъ въ возможно-ограничительномъ смыслѣ вытекаетъ преимущественно изъ непониманія крестьянскаго быта, изъ навязыванія ему чуждыхъ представленій и взглядовъ. Противники семейныхъ раздѣловъ любятъ ссылаться на десятый томъ свода законовъ, на общія начала, принятыя нашимъ гражданскимъ законодательствомъ; они не хотятъ видѣть разницы между городомъ и деревней, между крестьянскими и не-крестьянскими понятіями о личной и семейной собственности. Отъ возрѣній этого рода не всегда свободны даже земскія собранія; все же разрѣшеніе вопроса о семейныхъ раздѣлахъ исключительно на основаніи земскихъ отзывовъ или ходатайствъ было бы ошибкой меньшей, чѣмъ разрѣшеніе его исключительно на основаніи административныхъ заключеній — но все-таки ошибкой. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, необходимо выслушать не только мнѣнія людей, близко знакомыхъ съ крестьянскою жизнью, но и мнѣнія самихъ крестьянъ.

Реформы, совершаемыя или приготовляемыя путемъ чисто-административнымъ, безъ участія общества, не могутъ возбуждать въ послѣднемъ большихъ надеждъ, а слѣдовательно и представлять для него большого интереса—за исключеніемъ развѣ интереса, обусловливаемаго опасеніями за будущее. Если коммиссія М. С. Каханова, вызвавшая, годъ тому назадъ, столько толковъ и предположеній, перестала, съ нѣкоторыхъ поръ, занимать общественное мнѣніе, то это слѣдуетъ приписать не одной только медленности, съ которою подвигаются ея работы. Въ программѣ дѣятельности коммиссіи стоялъ призывъ свѣдущихъ людей; форма и размѣръ призыва не были опредѣлены заранѣе, но тѣмъ больше простора оставалось для ожиданій. Труды самой коммиссіи казались только приготовительнымъ фазисомъ дѣла; рѣшительная минута, по общему убѣжденію, должна была наступить только съ открытіемъ совѣщаній въ такъ называемомъ „усиленномъ составѣ“ коммиссіи. Теперь объ этомъ составѣ давно уже ничего не слышно; рѣчь идетъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, только о „полномъ составѣ“ коммиссіи, т. е. о совокупномъ обсужденіи всѣми *назначенными* ея членами проектовъ, составляемыхъ нѣкоторыми изъ нихъ. Повятно, что при такомъ положеніи вопроса нѣтъ мѣста для нетерпѣнія; повятно также, что не могли произвести большого впечатлѣнія ни догадки о предстоящемъ закрытіи коммиссіи или ограниченіи ея задачи, ни оффиціальное опроверженіе этихъ догадокъ. Учрежденіе при министерствѣ финансовъ особой коммиссіи для разсмотрѣнія проектовъ мѣстнаго финансоваго управленія дало поводъ предполагать, что административная реформа будетъ совершена по кускамъ, каждымъ вѣдомствомъ отдѣльно, безъ участія центральной коммиссіи, которая затѣмъ и окажется совершенно излишней. Министерство финансовъ посмѣшило объявить, что эти предположенія неосновательны, что преобразование финансоваго управленія будетъ согласовано съ общимъ планомъ административной реформы, что работы министерской коммиссіи послужатъ только готовымъ матеріаломъ для коммиссіи М. С. Каханова. По словамъ нѣкоторыхъ газетъ, объявленіе министерства финансовъ положило конецъ „тревожному чувству“, вызванному опасеніями за участь Кахановской коммиссіи; мы сомнѣваемся въ этомъ по той простой причинѣ, что конецъ предполагаетъ начало—а тревога вовсе и не начиналась, никакихъ опасеній въ сущности не возникало. Не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ будутъ выработаны проекты административной реформы—отдѣльными вѣдомствами или коммиссіей, составленной изъ ихъ представителей? Шансовъ успѣха послѣдній способъ работы представляетъ ничуть не больше, чѣмъ первый. Внѣшнее единство, и въ томъ, и

въ другомъ случаѣ, можетъ быть установлено высшею законодательною инстанціею; внутреннее достоинство закона зависитъ отъ условій, и тамъ, и здѣсь одинаково недостающихъ. Разсмотрѣніе вопроса сначала министерствомъ, потомъ центральной комиссіею безспорно замедляетъ движеніе работы; но мы не видимъ причины желать скорого ея окончанія. Переживаемая нами эпоха неблагоприятна для крупныхъ преобразованій. Успѣхъ административной реформы возможенъ лишь подъ условіемъ рѣшительнаго разрыва съ старыми административными преданіями; пока такой разрывъ немислимъ, лучше оставаться при существующемъ порядкѣ. Поверхностная починка можетъ устранить самые вонющіе его недостатки, сгладить его шероховатости, покрыть его наружнымъ глянцемъ — и этимъ самымъ затруднить капитальную перестройку, когда для нея настанетъ удобное время.

Если точка зрѣнія, только что указанная нами, не лишена основанія, то не можетъ, очевидно, имѣть большого значенія и проектъ мѣстнаго финансоваго управленія, составленный министерствомъ финансовъ. Подробный разборъ этого проекта представляется тѣмъ болѣе излишнимъ, что, по словамъ правительственнаго сообщенія, онъ „самъ по себѣ ничего не предрѣшаетъ и долженъ послужить только пособіемъ при постановкѣ подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ“. Достаточно замѣтить, что проектъ, объединяя разныя стороны мѣстнаго финансоваго управленія и создавая для него новые органы (городскія и уѣздныя податныя управленія, участковые податные надзиратели), учреждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ губерніяхъ, городахъ и уѣздахъ особы податныя присутствія, составленныя отчасти изъ чиновниковъ, отчасти изъ уполномоченныхъ отъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Увеличивая, такимъ образомъ, число существующихъ уже теперь смѣшанныхъ присутствій, проектъ не принимаетъ въ соображеніе неудобствъ, сопряженныхъ съ размноженіемъ органовъ управленія, игнорируетъ много разъ заявленную мысль о возможности и пользѣ такой коллегіи, которая соединяла бы въ своихъ рукахъ надзоръ за всѣми отраслями уѣздной и губернской администраціи. Участіе мѣстныхъ представителей въ финансовомъ управленіи — принципъ самъ по себѣ совершенно вѣрный; но плодотворное примѣненіе его сдѣлается возможнымъ только тогда, когда измѣнится земская и городская избирательная система, а вмѣстѣ съ нею и составъ городскимъ думъ и земскихъ собраній, когда прекратится антагонизмъ между выборными учреждениями и органами правительственной власти. Съ другой стороны, дѣятельность участковыхъ податныхъ надзирателей можетъ быть успѣшной лишь подъ условіемъ преобразованія волостныхъ и сельскихъ учреждений,

остающихся, по смыслу проекта, первой инстанціей въ дѣлѣ взима- нія съ крестьянъ прямыхъ налоговъ. Въ связи съ кореннымъ пре- образованіемъ всей системы мѣстнаго управленія и самоуправленія, проектъ министерства финансовъ могъ бы принести существенную пользу; отдѣльно ватный, онъ представляется одной изъ тѣхъ почи- нокъ, которыя, какъ мы уже сказали, могутъ только задержать не- обходимую перестройку.

Если бы несостоятельность избирательной системы, лежащей въ основаніи городского положенія, могла еще подлежать какому-либо сомнѣнію, оно было бы устранено проектомъ новыхъ городскихъ на- логовъ, выработанныхъ недавно особою комиссіею петербургской городской думы. Но въ то самое время, когда правительство присту- пило къ отмінію подушной подати, городская комиссія предложила ввести поголовный сборъ не только со всѣхъ постоянно живущихъ въ столицѣ (кромя плательщиковъ квартирнаго налога), но и со всѣхъ прїѣзжающихъ туда больше, чѣмъ на семь дней—сборъ одно- образный, независящій отъ степени достатка и средствъ къ жизни. Рабочій, прїѣхавшій въ Петербургъ искать работы и не нашедшій ея, долженъ, по плану комиссіи, уплатить въ пользу города одинъ рубль, если только поиски его продолжались болѣе недѣли. Менѣе снисходительная, чѣмъ Петръ Великій, комиссія подчинила сбору не только мужчинъ, но и женщинъ. Освобожденіе отъ квартирнаго налога квартиръ, стоящихъ менѣе двухсотъ рублей, является, такимъ образомъ, только мнимой льготой для лицъ недостаточныхъ; по спра- ведливому замѣчанію одного изъ противниковъ проекта, бѣдные жители столицы, слученные въ тѣсной, дешевой квартирѣ, часто платили бы гораздо больше, чѣмъ равное число лицъ, занимающихъ сравнительно дорогую квартиру. Всѣ квартиры, стоящія болѣе двух- сотъ рублей, комиссія полагала обложить пропорціональнымъ сбо- ромъ, въ размѣрѣ одного процента съ квартирной платы. Жильцу, платящему за квартиру 200 рублей (какое помѣщеніе можно имѣть въ Петербургѣ за эту плату, это слишкомъ хорошо извѣстно), при- шлось бы вносить въ думу сборъ относительно столь же высокой, какъ и хозяину квартиры, оплачиваемой нѣсколькими тысячами руб- лей. Привлекая населеніе Петербурга къ платежу квартирнаго налога и поголовнаго сбора, комиссія не проектировала никакихъ измѣ- неній въ городскомъ представительствѣ; между тѣмъ эти два воп- роса неразрывно связаны между собою. Заключение комиссія вы- звало въ думѣ не мало основательныхъ возраженій и было передано для новаго разсмотрѣнія въ городскую управу; но самый фактъ полме-

нія его тѣмъ не менѣе остается знаменательнымъ. Если припомнить, какъ относилась до сихъ поръ петербургская дума ко всякой мысли объ измѣненіи основъ городского представительства, то рассчитывать на успѣшное окончаніе начатаго ею дѣла довольно трудно. Коренныхъ, справедливыхъ перемѣнъ въ городскомъ обложеніи можно ожидать только тогда, когда будутъ устранены существенные недостатки дѣйствующаго Городового Положенія — другими словами, когда состоится поставленная было на очередь, но опять, повидимому, отложенная на неопредѣленное время, широкая и глубокая административная реформа.

Обнаружившаяся, мѣсяць тому назадъ, несостоятельность скопинскаго городского общественнаго банка не выходитъ изъ ряда тѣхъ печальныхъ явленій, къ которымъ насъ давно уже приучила текущая жизнь; ничего новаго, къ несчастію, нельзя найти и въ причинахъ крушенія, отразившагося на всѣхъ концахъ Россіи. Интересъ новизны представляетъ, на этотъ разъ, исключительно вопросъ о томъ, кто и въ какой степени долженъ покрыть убытки, причиненные крахомъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ принадлежитъ авторское право на мысль объ отвѣтственности правительства передъ вкладчиками банка „Скопинскому банку“, утверждаютъ онѣ, „довѣрились влады не столько подъ гарантію его капиталовъ и общественной городской собственности, сколько по довѣрію къ правительству—а для огражденія правительственнаго кредита можно не скупиться и на нѣкоторыя жертвы“. Въ какой бы мѣрѣ ни отвѣчало за свой банкъ, по закону, скопинское городское общество, справедливость позволяетъ взыскать съ него только сумму, дѣйствительно полученную имъ изъ банковыхъ доходовъ; „всю остальную недостаку банковыхъ средствъ на покрытіе его обязательствъ всего приличіе было бы принять на себя правительству, которое не можетъ же устранить отъ себя всю тяжесть отвѣтственности, лежащей на немъ въ имъ самимъ организованномъ дѣлѣ городскихъ общественныхъ банковъ“. Другая газета, не признавая за правительствомъ ни юридической, ни нравственной обязанности удовлетворить вкладчиковъ скопинскаго банка, допускаетъ такое удовлетвореніе „изъ соображеній оппортунизма“, не только въ интересахъ вкладчиковъ, но и въ интересахъ бѣдныхъ скопинскихъ гражданъ-домовладѣльцевъ, рискующихъ, будто бы, потерять за грѣхи банка все свое недвижимое имущество. По мнѣнію этой газеты, кредиторы скопинскаго банка имѣютъ „несомнѣнное право продать съ молотка весь городъ Скопинъ“. Напрасно скопинскіе купцы и мѣщане переводятъ свои дома на имя женовъ и иногородныхъ; все имущество въ чертѣ города подлежитъ продажѣ съ

молотка — отвѣчаютъ не лица, отвѣчаетъ общественная единица, городъ“. Въ основаніи обоихъ приведенныхъ нами мнѣній—крайняго и не-крайняго—лежитъ, прежде всего, явная ошибка въ пониманіи закона. Отвѣтственность города за долги банка вовсе не такъ велика, какъ намекаетъ московская и рѣшительно утверждаетъ петербургская газета. На основаніи положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ (ст. 25), ввѣренные банку вклады обезпечиваются ручательствомъ всего городского общества, которое отвѣтствуетъ и за цѣлость всѣхъ суммъ банка. Городское общество и горожане, жители города — далеко не одно и то же; послѣдніе, въ качествѣ частныхъ лицъ, не отвѣчаютъ за первое, подобно тому, какъ вообще не отвѣчаютъ за юридическое лицо реальныя единицы, изъ которыхъ оно составлено. Долги городского общества—все равно, происходятъ ли они изъ непосредственно принятыхъ имъ на себя обязательствъ или изъ ручательства, основаннаго на законѣ—могутъ упасть только на *городское общественное имущество*, т. е. на имущество, принадлежащее городу, какъ коллективной единицѣ. Частное имущество скопинскихъ гражданъ ограждено отъ всякаго взысканія со стороны кредиторовъ скопинскаго банка ничуть не меньше, чѣмъ частное имущество отдѣльныхъ акціонеровъ — отъ взысканія со стороны кредиторовъ акціонернаго общества. Если на скопинскихъ домовладѣльцевъ дѣйствительно напалъ паническій страхъ, поддерживаемый неосновательными газетными толками, то страхъ этотъ совершенно напрасенъ. Продажѣ съ молотка могутъ подлежать только общественныя постройки, составляющія собственность города—если въ Скопинѣ имѣются на лицо такія постройки. На земли, которыми надѣленъ городъ въ силу межевыхъ законовъ, взысканіе обращено быть не можетъ, потому что онѣ предоставлены городу только въ вѣчное пользованіе. Текущіе городскіе доходы могутъ идти на покрытие взысканія лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не поглощаются необходимыми расходами на городское управленіе и хозяйство. Итакъ, за судьбу скопинскихъ гражданъ опасаться нечего: крушеніе скопинскаго банка не можетъ разорить ихъ, хотя и можетъ разстроить и запутать дѣла города, рассматриваемаго какъ юридическое лицо. Спастись Скопинѣ правительству вовсе не предстоитъ надобности, и „соображенія оппортунизма“, съ этой точки зрѣнія, могутъ быть спокойно отложены въ сторону.

Что касается до отвѣтственности правительства передъ вкладчиками, то о ней, въ нашихъ глазахъ, не можетъ быть и рѣчи. Дѣло городскихъ общественныхъ банковъ „организовано“ правительствомъ лишь настолько, насколько и всякое другое предпріятіе, разрѣшаемое и регулируемое закономъ. Нормальное положе-

ніе о городскихъ общественныхъ банкахъ утверждено правительственной властью — но ею утверждены и уставы частныхъ банковъ, и уставы всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ; никому, однако, не приходило въ голову возлагать на правительство отвѣтственность передъ вкладчиками московскаго коммерческаго банка, передъ кредиторами той или другой обанкротившейся акціонерной компаніи. Въ ст. 21-ой нормальнаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ прямо сказано, что отчеты банковъ не подвергаются никакой, внѣ городского общества, контрольной повѣркѣ, и представляются министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ только для свѣдѣнія. Хорошо ли, цѣлесообразенъ ли такой порядокъ—это другой вопросъ; для насъ важно теперь только то, что разсчитывать на правительственный контроль вкладчики скопинскаго банка не имѣли ни основанія, ни права. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они на него и не разсчитывали, что „довѣріе къ правительству“ было не приче́мъ въ небываломъ успѣхѣ́ банка. По справедливому замѣчанію всѣхъ сколько-нибудь безпристрастныхъ органовъ прессы, наплывъ капиталовъ въ скопинскій банкъ зависѣлъ отъ соблазнительно-выгодныхъ условій, которыя онъ предлагалъ вкладчикамъ, отъ искусства, съ которымъ заправители банка пускали въ ходъ могучее орудіе рекламы. Общественныхъ городскихъ банковъ много, отношеніе ихъ къ правительству вездѣ одно и то же; почему же одинъ только скопинскій банкъ, по громадности оборотовъ и по обширности круга дѣйствій, сталъ банкомъ уже не городскимъ, даже не губернскимъ или областнымъ, а всероссійскимъ? Почему „довѣріе къ правительству“ не побуждало вкладчиковъ стремиться цѣлыми толпами въ коломенскій или раненбургскій, егорьевскій или зарайскій банкъ? Неужели желаніе получить восемь процентовъ, вмѣсто пяти или шести, такъ похвально, что даетъ право на правительственное пособіе? Если бы отвѣтственность правительства исчерпывалась отвѣтственностью должностныхъ лицъ, сочинившихъ неудачное положеніе о городскихъ банкахъ и сохранившихъ его въ силѣ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, несмотря на указанія опыта, несмотря на разъясненія печати,—мы не возразили бы противъ нея ни слова; но вѣдь рѣчь идетъ о принятіи убытка на счетъ казны, т.-е. на счетъ народа. Вознагражденіе капиталистовъ, желавшихъ получить слишкомъ много и потерпѣвшихъ, вслѣдствіе того, большія потери, предполагается возложить преимущественно на тѣхъ, кто никогда не дѣлалъ и не могъ дѣлать сбереженій. Болѣе явную несправедливость трудно себѣ и представить. „Государственная политика“, правильно понимаемая, не можетъ требовать обогащенія однихъ въ ущербъ другимъ, не можетъ привлекать массу къ отвѣтственности за не-

большую группу лицъ, ошибшихся въ расчетѣ. Оставаясь въ сторонѣ отъ дѣла, имѣющаго совершенно частный характеръ, государство не уронитъ своего достоинства, не повредитъ своему кредиту; гораздо болѣе опаснымъ было бы удовлетвореніе вкладчиковъ изъ средствъ казны, какъ поощреніе спекуляціи и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ прецедентъ, обязательный для правительства на будущее время. Всеобщая паника, которою грозили адвокаты вкладчиковъ, не наступила; со времени скопинскаго краха прошло уже болѣе мѣсяца— а о штурмѣ вкладчиковъ на другіе городскіе банки ничего не слышно; ни одинъ городской банкъ не прекратилъ платежей, не оказался несостоятельнымъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нѣтъ надобности въ какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣрахъ по отношенію къ вкладчикамъ скопинскаго банка; необходимо только предупредить повтореніе подобныхъ катастрофъ, путемъ пересмотра положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ.

Возражая „Московскимъ Вѣдомостямъ“ по вопросу объ отвѣтственности правительства передъ вкладчиками скопинскаго банка, нѣкоторыя газеты выразили мысль, что органъ г. Каткова остается въ данномъ случаѣ вполне вѣрнымъ самому себѣ, своей теоріи о всемогущей, во всемъ присутствующей и во все вмѣшивающейся правительственной власти. Эта мысль справедлива лишь отчасти. Вмѣшательство въ смыслѣ пособія, поддержки, покровительства проповѣдуется „Московскими Вѣдомостями“ далеко не безусловно; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить отношеніе газеты къ вопросу о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ и вообще ко всемъ мѣрамъ, имѣющимъ въ виду улучшеніе быта крестьянъ. Обычные кліенты „Московскихъ Вѣдомостей“, горячо рекомендуемые газетою заботливости государства— это фабриканты, оптовые торговцы, крупные землевладѣльцы, капиталисты; кредиторы скопинскаго банка принадлежать къ послѣдней категоріи, и съ этой—исключительно съ этой—точки зрѣнія защита ихъ „Московскими Вѣдомостями“ безспорно можетъ быть названа послѣдовательною. Столь же послѣдовательно отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ къ другому вопросу минуты—къ паденію цѣнъ на хлѣбъ и къ обуславливаемому имъ застою хлѣбной торговли. Массѣ народа, покупающей хлѣбъ даже въ урожайные годы—а текущій годъ былъ у насъ урожайнымъ далеко не вездѣ—удешевленіе хлѣба безспорно можетъ принести только пользу; чѣмъ меньше его пойдетъ за-границу, тѣмъ доступнѣе онъ будетъ для домашнихъ покупателей. Въ виду того свойства цѣнъ, по которому онѣ гораздо скорѣе идутъ вверхъ, не-

если обратно, можно было опасаться, что высокія цѣны на хлѣбъ, установившіяся въ послѣдніе годы, сдѣлаются чѣмъ-то постояннымъ, къ крайнему ущербу для крестьянскаго населенія. Неожиданное паденіе ихъ, вызванное рѣдкимъ стеченіемъ обстоятельствъ—одновременнымъ урожаемъ хлѣба въ Америкѣ, въ западной Европѣ и во многихъ губерніяхъ Россіи—должно быть разсматриваемо какъ великое счастье для народа; но оно невыгодно для землевладѣльцевъ, продающихъ хлѣбъ, и для крупныхъ хлѣботорговцевъ—и этого достаточно, чтобы опредѣлить образъ дѣйствій „Московскихъ Вѣдомостей“. Забывая о громадныхъ барышахъ, доставленныхъ хлѣбнымъ торговцамъ цѣнами 1880 года, забывая о томъ, что главнымъ мотивомъ къ закупкѣ хлѣба большими партіями, прежде установленія окончательныхъ цѣнъ, была опять-таки надежда на крупный барышъ, московская газета предлагаетъ удешевленіе казенныхъ ссудъ подъ залогъ хлѣба, т. е. такую мѣру, которая, приостановивъ сбытъ хлѣба, неминуемо повыситъ его цѣну. Интересы массы и здѣсь, *по-смысловательно* приносятся въ жертву интересамъ небольшого меньшинства. Кредитъ, государственный и частный, безъ того доступенъ хлѣбнымъ торговцамъ; искусственно напрягать его для огражденія ихъ отъ потерь, часто равняющихся только отсутствію барыша, было бы явною несправедливостью по отношенію къ цѣлому народу. Кто жаждетъ о торговцѣ, накупившемъ слишкомъ много хлѣба, или о вкладчикѣ, попавшемся на удочку высокаго процента,—тотъ можетъ помочь имъ изъ собственныхъ средствъ или устроить въ ихъ пользу частную подписку, но не призывать на помощь государство, имѣющее обязанности совершенно другого рода.

Два года тому назадъ въ нашей періодической печати горячо обсуждался вопросъ объ „объединеніи министерства“, объ установленіи должности вице-предсѣдателя совѣта министровъ или перваго министра. Если припомнить обстоятельства тогдашняго времени—времени „диктатуры сердца“,—то возбужденіе этого вопроса тогда сдѣлается до извѣстной степени понятнымъ. И тогда, однако, мы принадлежали къ числу противниковъ перемѣны, по меньшей мѣрѣ обходоострой ¹⁾. Намъ казалось, что вмѣсто ожидаемаго премьера слишкомъ легко можетъ явиться великій визирь; мы думали, что при измѣнившихся общихъ условіяхъ „кабинетъ“ образуется самъ собою, а до измѣненія ихъ образованіе его было бы нежелательно

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, 1880 г. № 10, Внутреннее обозрѣніе, стр. 754—755; а также „Вѣстникъ Европы“ 1882 г. № 6, Общественную хронику, стр. 892.

и бездѣльно. Какъ бы то ни было, наступила другая эпоха, исключавшая, повидимому, всякую мысль о „кабинетѣ“. Велико было наше удивленіе, когда мы недавно встрѣтились съ нею вновь, въ разсужденіи о причинахъ возрастанія государственныхъ расходовъ. „Въ обособленности министерствъ“—увѣряютъ насъ—„лежитъ главный корень зла, разрушающаго въ основаніи всѣ блага намѣренія и попытки ввести начало справедливой и разумной экономіи въ расходваніи государственныхъ суммъ. Объединеніе министерствъ, поэтому, является единственнымъ возможнымъ факторомъ, при существованіи и помощи котораго политика сбереженій могла бы сдѣлаться дѣйствительною“. Не значить ли это гоняться за тѣнью, рискуя потерять нѣчто весьма существенное—ту возможность частнаго движенія среди общаго застою, доказательствами которой такъ богата исторія семидесятихъ годовъ? Корень зла, о которомъ говоритъ газета, лежитъ гораздо глубже и устраняется совсѣмъ не такъ легко. Гдѣ основанія предполагать, что „объединенное министерство“, при *настоящихъ условіяхъ*, относилось бы къ политикѣ сбереженій болѣе серьезно, проводило бы ее болѣе успѣшно, чѣмъ министерства разрозненныя, обособленныя? Что побудило бы его къ такой системѣ дѣйствій, что заставило бы его оставаться ей вѣрнымъ? Что помѣшало бы ему провозглашать одно, а дѣлать другое? Въ дѣлахъ финансовыхъ, то высшее, формальное единство, о которомъ мечтаетъ газета, существуетъ и теперь; его носитель—государственный совѣтъ. Если контроль этого высшаго учрежденія оказывается недостаточнымъ для достиженія цѣли, то гдѣ же ручательство въ томъ, что ея достигнетъ контроль перваго министра или совѣта министровъ? Намъ говорятъ, что государственный совѣтъ часто не имѣетъ возможности входить въ подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ смѣтныхъ статей; въ видѣ примѣра указывается на вопросъ объ увеличеніи содержанія казенныхъ палатъ, по которому совѣтъ, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, принужденъ будетъ, будто бы, согласиться съ представленіемъ министерства финансовъ. Мы рѣшительно отказываемся понять это указаніе. Государственный совѣтъ не связанъ свѣдѣніями, которыя представляются ему тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ вѣдомствомъ; онъ имѣетъ и право, и возможность истребовать всѣ необходимыя дополнительныя данныя, и въ случаѣ недостаточности ихъ—отказать въ просьбѣ прибавки. Ему принадлежитъ, въ этомъ отношеніи, власть,—ничуть не меньшая власть, чѣмъ та, которая, при „объединеніи министерствъ“, принадлежала бы совѣту министровъ. Если государственный совѣтъ не всегда пользуется своею властью, если смѣты отдѣльныхъ вѣдомствъ растутъ не всегда пропорціонально дѣйствительной потребности, если параллельно съ „по-

литкой сбереженій", возвыщенной еще въ 1879 г., постоянно нго до сихъ поръ возвышеніе бюджетныхъ цифръ, то этому должны быть причины, независяція отъ формальнаго распредѣленія власти между различными органами управленія. Отдѣльными министерства, совѣтъ министровъ, государственннй совѣтъ — все это только различныя видоизмѣненія одной и той же среды, различныя наименованія одной и той же силы; крутныхъ результатовъ отъ простой перемѣны въ группировкѣ однородныхъ элементовъ ожидать ни въ какомъ случаѣ нельзя. Разставьте слагаемыя въ другомъ порядкѣ или увеличьте одно изъ нихъ настолько же, насколько уменьшается другое — сумма останется прежняя. Это арифметическое правило пригодно и къ политической жизни.

Попытка измѣнить выводъ, не измѣняя условій, обречена на неудачу, въ какой бы сферѣ она ни происходила. Исходя изъ этой аксіомы, мы заранѣе убѣждены и въ бесплодности призыва, обращеннаго г. В. Соловьевымъ къ русскому расколу („Русь“, №№ 38—40). Не дождавшись устраненія тѣхъ печальныхъ явленій, которыя были констатированы имъ самимъ, годъ тому назадъ, въ замѣчательной статьѣ о духовной власти въ Россіи („Русь“ 1881 г. № 56), г. Соловьевъ требуетъ отъ раскольниковъ свободнаго воссоединенія съ православною церковью. *Свободное* воссоединеніе предполагаетъ отсутствіе внѣшнихъ побужденій къ сближенію, предполагаетъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ разница въ вѣрованіяхъ не влечла бы за собою разницы въ правахъ, не была бы сопряжена съ внѣшними неудобствами и стѣсненіями. Капитальнымъ препятствіемъ на пути нашего внутренняго миссіонерства было и продолжаетъ быть до сихъ поръ именно неравенство условій, въ которыя поставлены обращающіе и обращаемые. Проповѣдь г. Соловьева была бы выслушана тѣми, которыхъ она имѣетъ въ виду, съ совершенно другимъ чувствомъ, если бы она была произнесена въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Авторъ, мы въ этомъ убѣждены, исполненъ самыхъ лучшихъ намѣреній и искренно расположенъ къ вѣротерпимости, въ широкомъ, истинномъ смыслѣ этого слова; но лагерь, въ которомъ онъ стоитъ, ничѣмъ не заявилъ своей готовности слѣдовать за нимъ по этой дорогѣ. Слухи о пересмотрѣ постановленій, касающихся раскола, замолкли совершенно; все заставляетъ думать, что реформа, еще недавно казавшаяся близкой, опять отложена въ долгій ящикъ. Мыслима ли безусловная уступчивость съ одной стороны, когда другая ничего не уступаетъ? Какъ бы велики ни были богословскія знанія г. Соловьева, съ какимъ искусствомъ онъ бы ни владѣлъ ими

не можетъ же онъ ожидать, чтобы его слово, не поддержанное фактами, измѣнило хоть что-нибудь въ отношеніяхъ, созданныхъ вѣками. А между тѣмъ, неуспѣхъ г. Соловьева—это преимущественно и составляетъ насъ коснуться его статей—легко можетъ послужить поводомъ къ новымъ обвиненіямъ противъ раскольниковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть нѣсколько строкъ изъ статьи г. Соловьева и изъ комментаріевъ къ ней редакціи „Руси“. Призывая за „явный и непреложный фактъ“, что „добрыя *человѣческія* побужденія сектантовъ ни въ чему кромѣ худого не привели“, г. Соловьевъ восклицаетъ: „если ихъ *человѣческой* путь не ведетъ къ добру, обязательно имъ избрать другой... Какъ люди, ищущіе добра и правды, они должны всю энергію *человѣческаго* начала обратить отъ своихъ отдѣльныхъ цѣлей на общее дѣло Божіе. Если они свободно отдѣлились отъ церкви, то неужели не могутъ свободно съ нею соединиться? Ибо требуется не рабское подчиненіе *человѣческому* произволу, но лишь добровольное согласіе на волю Божію“.— „И не безчеловѣчно ли съ вашей стороны“, говоритъ онъ сектантамъ нѣсколько дальше, „въ тяжелыя для всѣхъ и смутныя времена враждебно выдѣляться изъ общественнаго тѣла, замыкаться въ своихъ тѣсныхъ кругахъ, отказываться отъ общей работы?.. И нинѣ всякій изъ васъ, пребывающихъ въ раздорѣ и противящихся волѣ Божіей, имѣетъ силу и власть ускорить откровеніе для насъ обѣтованной земли, если только, удаливъ изъ своей воли всякую тѣнь самоутвержденія, прямо обратится къ солнцу правды и всею душою скажетъ: да будетъ воля Твоя“... „Отношеніе старообрядцевъ къ статьямъ г. Соловьева“—прибавляетъ отъ себя редакція „Руси“— „должно явить, живъ ли еще въ нихъ духъ испытующій истину, или уже омертвѣли они въ своемъ самоинѣнн, закоснѣли въ тѣснотѣ духа. Во всякомъ случаѣ вопросъ поставленъ гласно и повелительно стучится въ нимъ въ дверь, требуя отвѣта, отъ котораго совѣсть ихъ уклониться не можетъ... Не знаменуетъ ли самъ Господь исполняемыми нашей землѣ испытаніями время благопотребно для устранения нашей братской розни, для восстановленія нашего единства церковнаго?“

Итакъ, сектанты *обязаны* избрать новый путь, ясно указанный имъ г. Соловьевымъ. Они *обязаны* откликнуться на его призывъ, хотя конечно ни г. Соловьевъ, ни „Русь“, не могутъ гарантировать имъ возможность *ласкано* отвѣта. Если они промолчатъ или скажутъ не то, чего отъ нихъ ожидаетъ учитель, ихъ объявятъ не только „омертвѣвшими“ и „закоснѣвшими“, но и врагами отечества, „безчеловѣчно отказывающимися отъ общей работы“, злонамеренно замедляющими „откровеніе обѣтованной земли“, прекраще-

шіе братской розни. Практическіе результаты такого объявленія не трудно предвидѣть; вмѣсто сближенія и примиренія получится нѣчто прямо противоположное: „упорство“ раскольниковъ прочнѣе чѣмъ когда-либо будетъ возведено на степень злой воли. Не такова, конечно, цѣль, къ которой стремится г. Соловьевъ — но таковъ логическій выводъ изъ его фразъ, который не преминуть сдѣлать за него другіе. Несчастное свойство фразы заключается именно въ томъ, что она оглушаетъ и отуманиваетъ самого автора; увлекаясь ею трескомъ и блескомъ, онъ перестаетъ владѣть своею мыслью и идетъ дальше первоначально намѣченной границы. Положеніе вопроса остается, въ сущности, такимъ же точно, какимъ оно было до статей г. Соловьева; никакихъ новыхъ *обязанностей* онъ на раскольниковъ не возложилъ, пробнымъ камнемъ для жизненности въ средѣ сектантовъ „духа, испытующаго истину“, онъ служить не могутъ. Представимъ себѣ, что нѣмецкій католическій писатель, талантливый на маверъ г. Соловьева, изложилъ бы въ цѣломъ рядѣ статей обычные доводы католической пропаганды и заключилъ бы призывомъ къ единенію, къ прекращенію „братской розни“; представимъ себѣ, что редакция газеты, напечатавшей эти статьи, вывела бы изъ нихъ нравственную обязанность протестантовъ немедленно отказаться отъ своихъ заблужденій, подъ опасеніемъ прослыть помѣхой къ вступленію въ „обѣтованную землю“. Какъ оцѣнили бы такой выводъ г. Соловьевъ или г. Аксаковъ? А между тѣмъ, по словамъ самого г. Соловьева, русское сектантство, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ — это русскій протестантизмъ. Въ одномъ отношеніи даже г. Аксаковъ осторожнѣе г. Соловьева; онъ обращается пока только къ старообрядцамъ, между тѣмъ какъ призывъ г. Соловьева относится и къ мистикамъ, и къ рационалистамъ. Оба союзника упускаютъ изъ виду, что въ вопросахъ религіозныхъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, переходъ отъ одного ученія къ другому зависитъ не только отъ правильности ученія, но и отъ массы другихъ причинъ — отъ силъ инерціи, отъ привычки, отъ нежеланія разрывать старыя, дорогія связи, отъ страха передъ мнѣніемъ среды, отъ личныхъ свойствъ обращающаго и обращаемого. Недостаточно сказать: „вотъ истина“ — и ожидать затѣмъ признанія ея со стороны противниковъ; нужно приготовить и открыть путь, по которому послѣдніе могли бы идти — говоря языкомъ „Руси“ — „безболѣзненно, непостыдно, мирно“. И при существованіи такого пути всеобщее воссоединеніе, котораго требуетъ г. Соловьевъ, осталось бы, впрочемъ, не осуществимою мечтою; различіе мнѣній и взглядовъ коренится слишкомъ глубоко въ человѣческой природѣ. Устраненіе видѣнныхъ преградъ привело бы, по всей вѣроятности, къ сліянію элементовъ родственныхъ, разбѣдненныхъ лишь формально, какими

представляется, напримѣръ, по отношенію къ православной церкви старообрядцы пріемлющіе священство.

Въ Москвѣ произошло недавно самое обыкновенное событіе, радующее нѣкоторыми газетами въ вопиющій фактъ или по меньшей мѣрѣ въ непростительную глупость; при избраніи въ московской городской думѣ кандидатовъ на должность завѣдующаго московскими городскими начальными училищами, наибольшее число голосовъ получилъ бар. Н. А. Корфъ, ничѣмъ формально не связанный съ Москвою. Когда московскимъ городскимъ головой былъ избранъ столь же чуждый Москвѣ г. Чичеринъ,—можно было удивляться тому, что въ средѣ московской городской думы, или по меньшей мѣрѣ въ средѣ московскихъ жителей, не нашлось подходящаго лица для перваго мѣста въ городскомъ управленіи; можно было находить, что въ каждомъ городѣ есть свои условія, знаніе которыхъ необходимо для правильнаго веденія городского хозяйства; что знаніе это не пріобрѣтается въ нѣсколько мѣсяцевъ; что человѣку пришлому гораздо труднѣе справиться съ задачей, безъ того уже крайне трудной; можно было, наконецъ, возставать противъ той процедуры, съ помощью которой г. Чичеринъ внезапно и искусственно сдѣлался московскимъ гражданномъ (для избранія на должность завѣдующаго школами, повтореніе этой процедуры, если мы не ошибаемся, не представляется необходимымъ). Избраніе барона Н. А. Корфа не возбуждаетъ ни одного изъ этихъ возраженій. Начальныя училища, въ главныхъ чертахъ, вездѣ соотвѣтствуютъ одному и тому же типу; начальное обученіе въ весьма незначительной лишь степени зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Завѣдываніе имъ требуетъ, если не спеціальныхъ знаній, то спеціальной опытности. Мы не знаемъ, удовлетворяетъ ли этому требованію кто-либо изъ гласныхъ московской городской думы, или кто-либо изъ всѣхъ извѣстныхъ жителей Москвы; весьма можетъ быть, что да—но фактъ жительства въ Москвѣ не даетъ еще самъ по себѣ преимущественнаго права на должность завѣдующаго московскими начальными училищами. Чтобы оцѣнить выборъ думы, нужно было бы знать имена другихъ кандидатовъ, побѣжденныхъ барономъ Корфомъ. Не имѣя подъ рукою этого свѣдѣнія, мы можемъ приложить къ рѣшенію думы одинъ только критерій, заимствованный изъ дѣятельности ея избранника. Съ легкой руки „Московскихъ Вѣдомостей“, обвинявшихъ недавно барона Корфа чуть ли не въ безбожін и матеріализмъ, нападенія противъ него вошли въ моду; въ газетахъ извѣстнаго направленія стали появляться мнимокритическія замѣтки, мишенью для которыхъ служить въ особен-

ности „Нашъ другъ“, известная книга для чтенія въ начальныхъ школахъ. Разборъ этой книги не входитъ въ предѣлы нашей задачи; мы вовсе не считаемъ ее свободной отъ недостатковъ—но всякій безпристрастный читатель найдетъ, что она не лишена существенныхъ достоинствъ, что успѣхъ ея не можетъ быть приписанъ одному случаю, или одной рекламѣ. Гораздо выше ея стоитъ, въ нашихъ глазахъ, книга барона Корфа о русской начальной школѣ, не безъ причины приорируемая его противниками; еще важнѣе, наконецъ, его заслуги въ исторіи земской начальной школы, которую онъ не только защищалъ на бумагѣ, но и проводилъ въ жизнь. Александровское земство (сенатеринославской губерніи) — не единственное, можетъ быть, даже не первое, потрудившееся для земской школы; но несомнѣнно одно—что оно послужило образцомъ для многихъ другихъ, что оно работало въ первыхъ рядахъ той мирной земской рати, которою сдѣлано такъ много для народнаго образованія въ Россіи,—а съ трудами александровскаго земства неразрывно связано имя бар. Корфа. Удивительно не то, что это имя обратило на себя вниманіе московскихъ избирателей; удивительно то, что выборъ московской думы подвергся не только критикѣ—она всегда возможна—но и злобнымъ насмѣшкамъ. Достоинство Москвы не пострадаетъ отъ того, что она забыла на этотъ разъ изрѣченіе Грибоѣдовскаго писателя:—„Ну, какъ не порадовать родному человѣчку!“

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ, „Современныя Извѣстія“ (московская газета) дошли наконецъ до такого рода разсужденій, по поводу избранія бар. Н. А. Корфа: „Политическій (!) смыслъ, скрывавшійся въ кандидатурѣ г. Корфа, собственно и послужилъ началомъ негодованію и удивленію, выражаемому одними, и похваламъ, провозглашаемымъ другими. Мы знаемъ за достовѣрное, что нѣкоторые изъ гласныхъ, довольно равнодушные въ сущности къ тому, кто будетъ на мѣстѣ Басистова, самого же г. Корфа считающіе въ душѣ посредствомъ (!), которая граничитъ съ бездарностью (!?), рѣшились, однако, водать за него голосъ на выборахъ, единственно потому, что противъ его кандидатуры встали „Московскія Вѣдомости“ изъ политическихъ оснований. Какъ ни мало это вѣроятно, а достовѣрно. Печать мгновенно раздѣлилась на два стана, почувствовавъ, что вопросъ поставленъ на политическую почву, и каждый принялъ позицію, соотвѣтствующую его политическому направленію.“

Оставляемъ на отвѣтственности редакціи московской газеты степень достовѣрности тѣхъ свѣдѣній, которыя она сообщаетъ о томъ, что происходило „въ душѣ“ нѣкоторыхъ „равнодушныхъ“ гласныхъ при избраніи бар. Корфа; но не можемъ не замѣтить, что эпитеты, присоединенные къ имени избраннаго лица, свидѣтельствуютъ болѣе

о господствующихъ некрасивыхъ нравахъ современнаго печатнаго слова, нежели о дѣйствительныхъ качествахъ того, къ кому эти эпитеты относятся. „Мы хранили до сихъ поръ молчаніе“, — говорятъ далѣе „Современныя Извѣстія“, и прибавимъ—газета нарушила это молчаніе не къ своей выгодѣ.

Но какой же, однако, „политическій смыслъ“ можетъ заключаться въ выборѣ новаго члена городской училищной комиссіи, и притомъ по такому спеціальному дѣлу, какъ народное просвѣщеніе?

По убѣжденію московской газеты, оказывается, будто „высшее правительство обдумываетъ сейчасъ, какъ бы поставить первоначальное обученіе на основаніи преимущественно религіозномъ; желаетъ усвоить церковно-приходскимъ школамъ типъ преобладающій. Въ печать проринули слухи, что церковно-приходскимъ училищамъ предполагается уже вспомошествованія изъ государственной казны. Безъ сомнѣнія, съ этимъ на ряду возникаютъ предположенія объ измѣненіяхъ въ самомъ управленіи школами, а особенно въ ихъ курсѣ и методѣ преподаванія. Избраніе барона Корфа, въ виду этого, представляется выкинутымъ знаменемъ, своего рода перчаткою, брошеною преднамѣреваемому правительствомъ направленію первоначальнаго обученія. Со стороны, безъ сомнѣнія, и не можетъ иначе казаться. Такъ поняли и *Московскія Видомости*; въ томъ же смыслѣ за барона Корфа ухватились и органы противоположнаго лагеря; въ томъ же смыслѣ нашель нужнымъ замолвить за него г. Кошелевъ въ *Голосъ*“.

Итакъ, весь „политическій смыслъ“ агитациі противъ бар. Корфа исчерпывается тѣмъ, что-моль „такъ поняли“ *Московскія Видомости*!! Что же касается до упоминаемыхъ „слуховъ въ печати“, то, безъ сомнѣнія, высшее правительство, прежде нежели рѣшится возвратиться къ дореформеннымъ порядкамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, обратитъ вниманіе на причины, которыя дѣлали его совершенно безуспѣшнымъ въ прежнее время. Этого требуетъ вовсе не „политика“, а простой здравый смыслъ; точно также простой здравый смыслъ говорить, что пониженіе образовательныхъ требованій отъ лицъ, поступающихъ въ духовное сословіе, нельзя отнести къ числу мѣръ, которыя могли теперь бы устранить прежнюю безуспѣшность дѣятельности духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Остается денежный вопросъ; не по поводу опредѣленій, въ этомъ смыслѣ, съѣзда представителей духовенства кievской епархіи, въ пертыкъ числахъ октября, какъ передаютъ мѣстныя газеты, высокопреосвященный Платовъ, съ авторитетомъ, какой принадлежитъ архиепископу, замѣтилъ, что „конечно, не жалованье возвыситъ школы, а добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу самихъ священниковъ, такъ какъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ уже выдается жалованье священникамъ за пре-

подаваніе въ школахъ, бывають случаи, что священники являються въ школу на уроки только къ полученію жалованья, все же остальное время не заглядываютъ туда".

Относительно вопросовъ „управленія школами“, „ихъ курсовъ и методовъ преподаванія“—всякій согласится, что такіе вопросы не имѣють ничего общаго ни съ „политикой“, ни съ „религіей“; это вопросы чисто-педагогическіе.

Наконецъ, по поводу все того же избранія бар. Корфа, противники народнаго образованія, стремящіеся возвратить насъ къ дореформенной школѣ, обвиняють печать еще въ томъ, что она создала „призракъ клерикализма, подъ которымъ будто бы изнываетъ Россія“... „Если судить,—продолжаютъ *Московскія Вѣдомости*,—по примѣру историческаго развитія другихъ вымышленныхъ и раздутыхъ за послѣднее время „вопросовъ“, можно ожидать, что черезъ нѣсколько времени правительство само повѣритъ въ существованіе у насъ „клерикальнаго вопроса“, которымъ успѣють прожужжать ему уши, и созоветъ „свѣдущихъ людей“ для рѣшенія этого головоломнаго вопроса“.

Слѣдемъ увѣрить московскую газету, что ни для правительства, ни для общества—тутъ нѣтъ не только головоломнаго, но и никакого вопроса. Во всякомъ случаѣ, клерикализмъ у насъ не представляетъ пока никакой опасности, по самой простой причинѣ: онъ могутъ только тамъ, гдѣ духовенство, опираясь на свое, дѣйствительно, высокое образованіе и матеріальныя богатства, стремится сдѣлаться политической и независимой отъ свѣтской власти силой. Но если вѣрить мнѣніямъ, высказаннымъ на томъ же вышеупомянутомъ съѣздѣ кievскаго духовенства, то у насъ дѣло должно пока идти не о распространеніи народнаго образованія, при помощи духовенства, а о поднятіи умственнаго уровня самого духовенства; не объ устраненіи его отъ клерикальнаго вліянія на народныя массы, а, напротивъ, о возбужденіи въ этихъ массахъ уваженія къ духовенству, при помощи поднятія нравственнаго уровня въ послѣднемъ...

Газеты извѣщаютъ насъ, въ послѣднюю минуту, что декорации уже перемѣнились: избиратели барона Корфа просятъ его, съ тѣмъ же усердіемъ, отказаться отъ выборовъ — и онъ отказался. Не беремъ на себя рѣшить вопроса, когда избиратели барона Корфа дѣйствовали искреннѣе и убѣжденнѣе—въ началѣ или въ концѣ? — но почему все это могло случиться,—читатели найдуть тому достаточное объясненіе въ вѣснѣ, только-что полученномъ нами и помѣщаемомъ вслѣдъ за сѣмъ.

НАШЕ ГОРОДСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Давно ли стало создаваться наше городское самоуправленіе, на началахъ болѣе близкихъ къ общимъ муниципальнымъ учрежденіямъ въ другихъ европейскихъ странахъ? Давно ли наши прежніе, теперь уже почти сказочныя шестигласныя или купеческія думы, магистраты и ратуши, стали мало-по-малу превращаться въ болѣе самостоятельныя управленія городовъ, съ участіемъ въ нихъ всесословнаго представительства? Какимъ-нибудь два десятка лѣтъ тому назадъ — не болѣе — дума и купечество, управленіе городомъ и губернаторскіе чиновники, общественная служба и медаль на долгоголоомъ мундирѣ — были ненабѣжными синонимами. Наша городская реформа, дѣйствительно, такъ нова, что еще и до сихъ поръ только вводится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго государства; найдется не мало и такихъ „медвѣжьихъ уголковъ“, куда она, быть можетъ, не скоро еще проникнетъ даже официально, — не говоря уже о ея исполнѣ широкомъ и разумномъ приѣненіи. Въ нашей столицѣ, на примѣръ, новое городское положеніе стало вводиться въ дѣйствіе только съ 1873 года.

Давно желанная и такъ недавно дарованная, столь необходимая, — эта реформа, казалось бы, должна была повсюду вдохнуть новую жизнь въ новыя дѣятелей русскаго городского самоуправления и двинуть впередъ успѣхи нашего городского хозяйства, вслѣдствіе полученнаго имъ болѣе самостоятельнаго значенія; эта реформа, на которую такъ много возлагалось надеждъ, должна была бы освѣжить и укрѣпить въ нашихъ городахъ силы городского самоуправления, имѣющаго столь важное общественное и государственное значеніе. Однимъ словомъ, такое рѣшительное обновленіе всего строя городскихъ порядковъ могло только обѣщать проявленіе повсюду городской жизни въ цѣломъ рядѣ новыхъ улучшеній, въ заботахъ о благоустройствѣ и удобствахъ, на которыя имѣли право рассчитывать населенія городовъ, какъ прямо, такъ и косвенно, участвующія своими деньгами въ доходахъ городской казны. Такія надежды, такія ожиданія вселяло всѣмъ преобразование нашего общественнаго управленія. Но что же мы увидѣли, и что же мы видимъ? Даже уродившаяся на нашей почвѣ пословица, а именно, что „новая метла чисто мететь“, къ сожа-

дѣвию, нигдѣ не нашла себѣ примѣненія въ данномъ случаѣ. Въ городскомъ самоуправленіи, куда бы мы ни обратились, такъ мало былъ замѣтенъ переходъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ и такъ ничтожны результаты его обновленной дѣятельности, вопреки ожидаемымъ благимъ послѣдствіямъ изданія новаго городского положенія, что до сихъ поръ, за немногими лишь исключеніями, эта реформа коснулась только нѣкоторыхъ, преимущественно внѣшнихъ видоизмѣненій и устройствъ городской представительной власти. Если и проявлялись добрыя стремленія, заслуживавшія вниманія и одобренія, то и они оставались, по большей части, только стремленіями и рѣдко переходили въ область дѣйствительности. Если возбуждались и возбуждаются вопросы, касающіеся существенныхъ польвъ и нуждъ города, то они, въ большинствѣ случаевъ, остаются на почвѣ вопросовъ, разрабатываемыхъ безконечно долгое время. Всѣ встрѣчающіеся благія начинанія остаются какъ-то безрезультатны, и въ общественномъ управленіи нашихъ городовъ, говоря вообще, незамѣтно никакой твердо-опредѣленной системы дѣйствій. Даже столичному городскому управленію постоянно шлются упреки на недостатокъ энергій въ его дѣятельности; раздаются сѣтованія на неудовлетворительность организаціи совѣщательной общественной власти и ея исполнительныхъ органовъ; дѣлаются намеки на небрежное и лицепріятное отношеніе къ дѣлу заправителей городскимъ хозяйствомъ. Допустимъ, что въ этихъ упрекахъ, сѣтованіяхъ и обвиненіяхъ встрѣчается иногда значительная доля преувеличеній, излишняго, впрочемъ весьма понятнаго, раздраженія; быть можетъ, есть во всемъ этомъ и доля недоброжелательства со стороны тѣхъ, которые такимъ образомъ желали бы доказать преимущество прежнихъ, патріархальныхъ порядковъ; наконецъ, нельзя при этомъ не принять въ соображеніе и то, что дѣйствія городского управленія вполнѣ открыты для нападокъ со всѣхъ сторонъ, и критики его охотно возмѣщаютъ на немъ недоступность для нихъ другихъ сферъ управленія; но все же нельзя не согласиться, что упреки городскому управленію далеко не всегда лишены основанія, и поводовъ къ нимъ существуетъ не мало.

Подтверженіемъ справедливости всего этого служить то, что въ средѣ самого общественнаго управленія нерѣдко высказывается недовольство установившимися порядками, существуетъ какъ будто какое-то недоразумѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то нерѣшимость предпринять коренныя измѣненія и улучшенія. Однимъ словомъ, во всемъ замѣчается неопредѣленность, неясность; постоянно проявляется сильная разрозненность взглядовъ, убѣжденій; все это вызываетъ *безцѣльную* борьбу отдѣльныхъ кружковъ, даже личностей; часто порождаетъ интригу, происки, и наноситъ вредъ спокойному, трезвому и едино-

душному отношенію къ общественнымъ пользамъ и нуждамъ. Какими же причинами все это вызывается? Въ чемъ онѣ, главнѣйше, кроются? Чѣмъ возможно было бы устранить это недовольство, взаимно ощущаемое, какъ самими избранными представителями, такъ и всѣмъ населеніемъ, заинтересованнымъ въ наибольшей плодотворности ихъ дѣятельности?

Въ послѣдніе годы много было говорено въ печати и продолжается указывать на главнѣйшій, коренной недостатокъ городского положенія: на ничтожный, сравнительно, процентъ образованныхъ классовъ, входящихъ въ составъ городскихъ представителей общественнаго управленія, а слѣдовательно, и въ составъ гласныхъ. Дѣло въ томъ, что, при опредѣленіи Положеніемъ имущественнаго ценза, былъ вовсе упущенъ изъ виду цензъ образовательный. По статьѣ 17-й городского Положенія, всякій городской обыватель, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право голоса въ избраніи гласныхъ, при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если онъ русскій подданный; 2) если ему не менѣе 25 лѣтъ отъ рожденія; 3) если онъ, при этихъ двухъ условіяхъ, владѣетъ въ городскихъ предѣлахъ на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержитъ торговое или промышленное заведеніе по свидѣтельству купеческому, или же, проживъ въ городѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сразу предъ производствомъ выборовъ, хотя бы и съ временными отлучками, уплачиваетъ въ пользу города установленный сборъ со свидѣтельствъ купеческаго или промысловаго на мелочной торговѣ, или приказничьяго 1-го разряда, или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній; и 4) если на немъ не числится недоимокъ по городскимъ сборамъ. — Изъ этого видно, что право участія въ общественномъ управленіи, право подачи голоса на выборахъ и право самаго избранія предоставлено имѣть относительно весьма небольшому числу обывателей, а именно: только собственникамъ и владѣльцамъ торговыхъ свидѣтельствъ, составляющимъ большинство изъ числа тѣхъ лицъ, которымъ, по Положенію, можетъ быть ввѣрено управленіе дѣлами города. Вслѣдствіе этого, въ составѣ избирателей въ нашихъ городахъ стали преобладать люди малообразованные и даже, частію, вовсе безграмотные. Лица эти, принадлежа преимущественно къ классу торговцевъ, мелкихъ промышленниковъ, при нынѣшней избирательной системѣ, господствуютъ въ разрядныхъ собраніяхъ и, благодаря своей сплоченности и разнымъ маневрамъ, усѣиваютъ пробираться въ число гласныхъ. Эти же самые „ловлячи“, какъ ихъ прозывали въ мое время, искусно проводили въ число гласныхъ и такихъ лицъ, которыя, по своему положенію, хотя и имѣли право считаться людьми образованныхъ

классовъ, но, по своему образу мыслей и дѣйствій, принадлежали сами къ партіи „ловкачей“. Заручаясь такими интеллигентными союзниками, эта партія дѣлается еще могущественнѣе, и съ полнымъ успѣхомъ опирается въ нашихъ думахъ на обязанныхъ имъ своимъ выборомъ образованныхъ приспѣшниковъ. Съ этою партіею, которая въ разныхъ городахъ носитъ различныя спеціальныя названія,—иногда вовсе неслестныя для нея,—приходится вездѣ и постоянно бороться, чтобы, по возможности, отстаивать общіе интересы города, вводить благія начинанія и измѣнять старыя порядки, вопреки желаніямъ этой силы. Вообще крайне трудно ожидать правяльнаго, спокойнаго и безпристрастнаго разрѣшенія разныхъ дѣлъ и вопросовъ, при существованіи такой борьбы среди городскихъ представителей.

Существующая нынѣ возможность извѣстному кружку лицъ, при каждомъ новыхъ городскихъ выборахъ, пробираться въ гласныя, въ своемъ сплоченномъ составѣ единомышленниковъ и, по большей части, товарищей по профессіи,—зависитъ отъ принятой выборной системы, успѣвшей обнаружить свою несостоятельность.

По ст. 24-й городского Положенія, для составленія избирательныхъ списковъ установленъ такой порядокъ: лица, имѣющія право участія въ выборахъ, вносятся въ списокъ избирателей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по суммѣ причитающихся съ каждаго изъ нихъ въ доходъ города сборовъ; затѣмъ лица, внесенныя въ означенный списокъ, дѣлятся на три разряда, или собранія, такимъ образомъ: къ первому разряду причисляются тѣ, изъ показанныхъ въ началѣ списка, избиратели, которые, внося высшіе размѣры сборовъ, уплачиваютъ вмѣстѣ одну треть общей суммы сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями; во второму—причисляются слѣдующіе за ними по списку избиратели, уплачивающіе вмѣстѣ также треть всѣхъ сборовъ; къ третьему—всѣ остальные избиратели. Составленный такимъ образомъ каждый разрядъ выбираетъ одну треть гласныхъ. При такомъ порядкѣ призыва избирателей, вполне исчезаетъ прежнее сословное положеніе, но является представительство исключительно имущественное. Этимъ, конечно, осуществляется главнѣйшая идея новаго городского положенія—уничтоженіе въ общественномъ управленіи сословнаго подраздѣленія городскихъ обывателей. Но даже и сохраняя въ основаніи такое имущественное представительство, казалось бы, однако, вполне возможнымъ, для устройства его принять нынѣ начала, болѣе справедливыя и лучше применимыя къ дѣлу, въ смыслѣ достиженія правильности и удобства самыхъ выборовъ. При настоящемъ порядкѣ, первый разрядъ, состоящій изъ крупныхъ владѣльцевъ, бываетъ обыкновенно самый малочисленный по своему составу, въ Петербургѣ, напримѣръ, до 300—400 лицъ. Въ такомъ

небольшомъ составѣ избирателей, извѣстная группа нѣсколькихъ лицъ, заинтересованныхъ выборами, при заблаговременной подготовкѣ, чрезъ личныя отношенія, чрезъ знакомство и чрезъ добываніе довѣренностей или полномочій на подачу голоса отъ лицъ отсутствующихъ, легко можетъ составить большинство въ пользу желаемыхъ для этого разряда—гласныхъ. И вотъ, третья часть представителей интересовъ всего девятисотъ-тысячнаго населенія избирается, безъ всякаго вѣдома и желанія этого населенія, по волѣ какого-нибудь десятка лицъ, заправляющихъ выборами. Изъ этого одного легко судить, насколько правилевъ такой порядокъ.

Въ этомъ, т.-е. первомъ разрядѣ, такой произволъ возможенъ, благодаря малочисленности состава и легкости стачка. Въ остальныхъ двухъ разрядахъ, въ особенности въ послѣднемъ, куда входятъ всѣ мелкіе плательщики,—у насъ, до 17,000 избирателей,—тотъ же произволъ, та же подготовка, та же стачка, которые здѣсь являются результатомъ созыва такой многочисленной, разрозненной и вовсе не подготовленной къ выборамъ толпы. Въ такомъ сборищѣ, конечно, не можетъ не царить полный безпорядокъ, дающій возможность лицамъ, взявшимся за дѣло, „ловкачамъ“, вербовать разными путями бѣлые шары и устраивать желаемый выборъ своихъ гласныхъ.

И вотъ, при существующей нынѣ системѣ, такимъ образомъ избираются наши представители для завѣдыванія общественными дѣлами: они представляютъ собою все что угодно, но только не городъ. Надо замѣтить, что всѣ недостатки введенной выборной системы обнаружались при первомъ же опытѣ, при введеніи въ дѣйствіе городского Положенія. Между тѣмъ, городскіе выборы уже третье четырехлѣтіе производятся тѣмъ же порядкомъ, ропотъ на этотъ порядокъ раздается въ средѣ избирателей, въ средѣ самой думы, но мѣръ къ его устраненію никакихъ не принимается. Нѣсколько разъ, по окончаніи выборовъ, заявлялось объ этомъ въ думѣ, образовывались комиссіи, въ составъ которыхъ, конечно, попадали и приверженцы стараго порядка; комиссіи эти выносили, уже предъ наступленіемъ срока новыхъ выборовъ, докладъ, предлагающій, за недостаткомъ времени, остаться при существующемъ порядкѣ; докладъ этотъ ретиво поддерживался массою, утверждался, и тѣмъ все оканчивалось. Ходъ этого дѣла, представляющаго столь существенно важный вопросъ для общественнаго управленія, лучше всего доказываетъ, какъ трудно, при настоящемъ составѣ, провести въ думѣ какое-нибудь предположеніе, касающееся хотя бы весьма полезныхъ и самыхъ необходимѣйшихъ нововведеній или преобразований. И долго вопросъ этотъ можетъ тщетно составлять злобу дня,

если только большинство думы не осилитъ партію тѣхъ гласныхъ, которые въ преобразованіи нынѣшней выборной системы видятъ посягательство на уничтоженіе ихъ силы и предчувствуютъ, что новый порядокъ можетъ положить конецъ ихъ несмѣняемости въ качествѣ городскихъ представителей.

Но что же слѣдовало бы предпринять въ отвращеніе всѣхъ высказанныхъ неудобствъ, и какъ это сдѣлать? Казалось бы, что дума, заблаговременно до наступленія срока новыхъ выборовъ, могла бы войти съ ходатайствомъ къ правительству объ измѣненіи и дополненіи тѣхъ статей городского Положенія, касающихся выборовъ, примѣненіе которыхъ на практикѣ, по опыту уже истекшихъ десяти лѣтъ, вызвало многія неудобства и указало на нѣкоторые недостатки въ организаціи избирательныхъ собраній. Можно надѣяться, что правительство сочувственно отнесется къ такому ходатайству, убѣдительно мотивированному и, очень быть можетъ, признаетъ возможнымъ издать желаемое дополнительное къ городскому Положенію узаконеніе, такимъ образомъ, чтобы къ выборамъ у насъ въ 1885 году всѣ могли воспользоваться новымъ узаконеніемъ; а для того необходимо рѣшить этотъ вопросъ въ 1882 году, такъ какъ необходимо въ теченіе 2 лѣтъ до выборовъ вносить тотъ или другой налогъ въ пользу города. Вслѣдствіе такой реформы, было бы привлечено къ участію въ дѣлахъ общественнаго управленія наибольшее число гражданъ, которое соотвѣтствовало бы общей численности столичнаго населенія. До сихъ поръ число лицъ, имѣющихъ право быть избирателями, ограничивалось въ отношеніи къ населенію самымъ ничтожнымъ процентомъ, а именно *менѣе двухъ*. Существующее нынѣ опредѣленіе правъ гражданъ на участіе въ дѣлахъ города (ст. 17 Гор. Пол.) исключаетъ возможность привлеченія къ общественной дѣятельности большинства людей образованныхъ. А потому такое право участія въ общественныхъ выборахъ должно быть распространено на большее число гражданъ: или установленіемъ, какъ уже существуетъ предположеніе, поквартирнаго налога, имѣющаго служить избирательнымъ цензомъ; или, впредь до установленія такого налога, предоставленіемъ права участія въ городскихъ выборахъ всѣмъ лицамъ, проживающимъ въ столицѣ не менѣе извѣстнаго числа лѣтъ сряду предъ выборами и окончившимъ образованіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Далѣе. Выборъ гласныхъ производить по городскимъ участкамъ, составляя самые списки избирателей по частямъ города. Каждая часть города, по численности состоящихъ въ ней избирателей, должна быть раздѣляема на три приблизительно равномѣрныхъ участка. Та-

кимъ образомъ составится всего 36 выборныхъ участковъ ¹⁾. При условіи избранія въ Петербургѣ 252-хъ гласныхъ, исчисляется, каковой это составляетъ процентъ къ общему числу избирателей, и затѣмъ въ размѣрѣ этого процента избирать гласныхъ отъ каждаго столичнаго участка. Этимъ способомъ достигнется необходимая уравнительность представительства отъ каждой изъ городскихъ мѣстностей, одинаково заинтересованныхъ въ дѣлахъ общаго управленія. Способъ этотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ возможность каждому кружку избирателей, — болѣе или менѣе извѣстныхъ другъ другу и всегда могущихъ ознакомиться между собою чрезъ взаимное сообщаніе, — сознательно останавливаться на выборѣ изъ своей среды относительно небольшого числа лицъ, уполномочиваемыхъ ими быть гласными, т.-е. представителями и защитниками общаго интереса.

Принятіе этихъ двухъ мѣръ, по моему мнѣнію, можетъ обезпечить наибольшій порядокъ и успѣхъ въ выборѣ довѣренныхъ отъ населенія лицъ, и тѣмъ самымъ улучшить составъ городского представительства, — эту главную основу преуспѣванія въ дѣлахъ общаго управленія.

N. N.

Спб.—19 октября, 1862.

---

¹⁾ Въ случаѣ необходимости, вызванной слишкомъ большою численностью избирателей той или другой части, число участковъ въ этой части можетъ быть увеличено.

АНГЛІЙСКАЯ ПОЛИТИКА И ДѢЛА.

Письмо изъ Лондона.

Египетская кампанія.—Ирландскія дѣла.—Виды объ имуществахъ женщинъ.—
Соціальное движеніе въ Англіи.

Со времени моего послѣдняго письма началась и успѣла уже окончиться наша египетская кампанія. Съ военной точки зрѣнія, эта кампанія была безспорно славною для англичанъ. Исходъ ея, впрочемъ, не трудно было предвидѣть, и англичане могли спокойно улыбаться, читая описанія эффекта, произведеннаго въ Александріи появленіемъ статныхъ англійскихъ гвардейцевъ. Египетская война и не представила собою никакихъ особенныхъ баталій, никакихъ катастрофъ. Въ этомъ отношеніи, войны съ зулусами и боэрами были гораздо интереснѣе. Кончилась эта война также нѣсколько неожиданно: въ то время, когда всѣ ждали отчаяннаго боя, пришло извѣстіе о дѣлѣ при Іель-эль-Кебирѣ, которымъ, фактически, и рѣшилась вся кампанія.

Но нельзя сказать, чтобы эта война была у насъ популярна. Въ массахъ она не возбуждала энтузіазма и въ началѣ, когда мы, одни, ввязались за оружіе для защиты дѣла, въ которомъ были замѣшаны интересы всей Европы;—а въ демократическомъ лагерѣ замѣчались даже явные признаки неудовольствія. Въ подобномъ дѣлѣ, конечно, все зависѣло отъ результата. Затянулась эта война, прими она неблагоприятный для англичанъ оборотъ, — правительству пришлось бы серьезно подумать о своемъ оправданіи передъ націей. Но успѣхъ увѣнчалъ его политику. Англійское честолюбіе удовлетворено. Когда, въ половинѣ іюля, была заключена, на три мѣсяца, конвенція съ Франціей, на счетъ совмѣстнаго занятія суэскаго канала, англійская публика продолжала относиться къ дѣлу пассивно; энергія ея пробудилась только тогда, когда французская палата отказала въ кредитъ на это предпріятіе. Англійскій народъ созналъ тогда лежащую на немъ отвѣтственность, и съ этого времени положеніе англійскаго министерства укрѣпилось. Гладстонъ и его товарищи могутъ смѣло выступить съ своимъ отчетомъ передъ палатой, и расходы на экспедицію будутъ покрыты безъ оппозиціи. Англіи пріятно получить новое подтвержденіе того, что силы ея арміи и флота не слабѣютъ. Сэра Гарнета

Уольсли и сэра Бьючэмпса Сеймура, украшенныхъ лаврами побѣды и новымъ перствомъ, ждуть въ отечествѣ блестящій пріемъ.

Возстаніе Араби-паши не было прямымъ вызывомъ Англіи, и вотъ почему и нельзя было ожидать съ ея стороны такого воинственного задора, какой не разъ бывалъ при министерствѣ Биконсфильда, усердно старавшемся вызывать шовинизмъ. На этотъ разъ, задоръ, къ удивленію, проявился преимущественно между представителями „національной“ церкви, предписавшими молебствія по случаю побѣды. Архіепископъ іоркскій издалъ даже по этому поводу родъ политическаго манифеста, въ которомъ говорится, что Англія была обязана сражаться противъ анархіи въ Египтѣ, грозившей опасностью ея собственнымъ владѣніямъ. Въ особой молитвѣ, предписанной на этотъ случай, выражается благодарность Богу, за то, что Онъ помогъ Англіи „возстановить въ Египтѣ порядокъ и обезпечить безопасность пути въ ея индійскія владѣнія“. Надо признаться, что это привлеченіе Бога къ вмѣшательству въ защиту нашего пути въ Египетъ можетъ показаться, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, не говоря уже о томъ, что вся эта война была чисто дѣломъ партіи;—заставлять *есть* благодарить Бога за успѣхъ ея, значить слишкомъ явно обнаруживать притворство.

Обсужденіе египетской экспедиціи въ парламентѣ, передъ его закрытіемъ, ограничивалось одними преніями о кредитѣ. Передъ тѣмъ было сообщено о выходѣ въ отставку Брайта, который объяснилъ побудившія его къ тому причины. Если онъ не удался ранѣе, то это объясняется, по его словамъ, его глубокимъ уваженіемъ къ первому министру и другимъ своимъ товарищамъ, съ которыми онъ, до послѣдней минуты, медлилъ расставаться. Но различіе взглядовъ оказалось столь сильнымъ, что, оставаясь въ кабинетѣ, онъ сталъ бы въ настоящую оппозицію къ другимъ членамъ его. Въ продолженіе сорока лѣтъ, онъ отстаивалъ тотъ принципъ, что начала нравственности должны служить закономъ, какъ въ частной, такъ и въ международной жизни; египетское же дѣло явно нарушаетъ, по его мнѣнію, и международныя, и нравственные законы. Однако, отпаденіе Брайта не поколебало положенія кабинета, политика котораго поддерживалась значительнымъ большинствомъ палаты. Сама либеральная партія признала, что дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы можно было отступить.

24-го (12-го) іюля было назначено общее обсужденіе египетскаго вопроса въ обѣихъ палатахъ.

Особенный интересъ при этомъ возбуждали отношенія Франціи и Порты къ англійской политикѣ. Лордъ Грэнвилль объявилъ, что политика послѣдней еще не выяснилась. Онъ признаетъ, что ближе

всего было бы вмѣшаться въ египетскія дѣла султану, какъ верховному властителю страны; но Порта упустила благоприятное время и такъ при этомъ медлила, что дожидаться ея долге было невозможно. Султанъ, лишь послѣ долгихъ колебаній, назначилъ своего представителя на конференцію; вопросъ же, согласенъ ли онъ послать свои войска въ Египетъ, все еще оставался безъ отвѣта. Еще важнѣе былъ вопросъ объ отношеніяхъ къ Франціи. Иные сожалѣли, что Англія съ самаго начала не отдѣлилась, въ египетской политикѣ, отъ Франціи и не стала дѣйствовать независимо. Но лордъ Грэнвилль пояснилъ, что это было бы роковою ошибкой. Правительство думаетъ, что главнымъ поощреніемъ для Араби-паши послужила увѣренность, что интересы Англіи и Франціи придутъ въ столкновение, какъ скоро дойдетъ дѣло до вооруженнаго вмѣшательства въ Египтъ. Между тѣмъ, до сихъ поръ политика обѣихъ странъ остается вполнѣ согласной относительно главнаго пункта вопроса:—суэзскаго канала,—тѣмъ болѣе, что взгляды Англіи на этотъ пунктъ чужды всякой монополіи. По мнѣнію правительства, при настоящемъ положеніи дѣлъ, вооруженное вмѣшательство въ Египтъ безусловно необходимо. На Турцію нечего болѣе рассчитывать. Что касается до Франціи, то, хотя поддержка ея въ защитѣ суэзскаго канала и обезпечена за Англіей, но по вопросу о движеніи внутрь Египта Франція еще не дала никакого отвѣта. Есть поводъ думать, что она не склонна участвовать въ этомъ предпріятіи, хотя, какъ формально заявило французское правительство, съ его стороны не имѣется никакихъ возраженій противъ движенія англійскихъ силъ внутрь Египта. Другія державы еще не высказались, но нѣтъ сомнѣнія, что и онѣ не откажутъ Англіи въ нравственной поддержкѣ, въ ея попыткахъ возстановить порядокъ въ Египтъ.

Правительство предложило палатѣ общинъ вотировать дополнительный кредитъ для арміи и флота въ 2.300,000 фунтовъ стерлинговъ, который дастъ возможность правительству вооружить силу въ 17,500 человекъ, съ резервомъ въ 3,000. Сумму эту предлагалось покрыть дополнительнымъ подоходнымъ налогомъ. Первый министръ, давая свои объясненія въ палатѣ общинъ, сказалъ почти то же, что и лордъ Грэнвилль, но болѣе наирая на нравственную сторону вопроса. Онъ не видитъ никакого повода къ предположенію, что египетскій народъ тяготится властью хедива. Никакіе факты не подтверждаютъ мнѣнія, будто военная партія борется за освобожденіе Египта отъ деспотизма иностранцевъ. Араби-паша—не болѣе, какъ военный узурпаторъ. Онъ, безъ сомнѣнія, находитъ себѣ поддержку въ религиозномъ фанатизмѣ, но фанатизмъ этотъ не раздѣляется большинствомъ египтянъ. Но какое дѣло англичанамъ до Египта?

Почему не предоставить ему самому распутывать свои дѣла? На этотъ вопросъ Гладстонъ отвѣтилъ, что, разъ Англія взяла на себя, въ силу международнаго договора, нѣкоторыя изъ важныхъ функцій египетскаго правительства, она не можетъ относиться къ египетской анархіи, какъ къ чуждому ей дѣлу, не говоря уже о томъ, что междоусобная война въ Египтѣ вредитъ важнѣйшимъ интересамъ Англіи. Наконецъ, уже и тотъ фактъ, что нынѣшній хедивъ принялъ власть по инициативѣ Англіи, обязываетъ ее поддержать эту власть. Отвѣтственность за внутреннія дѣла Египта лежитъ отчасти и на Франціи. По инициативѣ англійскаго и французскаго правительствъ, въ Египтѣ были назначены европейскіе контролеры, участвовавшіе въ совѣтѣ хедива и имѣвшіе дѣйствительный контроль надъ египетскими финансами. Гладстонъ воздержался отъ всякаго сужденія объ этой мѣрѣ, рѣшенной не его кабинетомъ. Его правительство нашло извѣстный порядокъ вещей и подчинилось обязательствамъ, которыми оны налагалъ на него.

Парламентскія пренія продолжались четыре дня. На второй день, лордъ Элько внесъ поправку, заявляющую, что палата, при всей своей готовности дать необходимыя средства для защиты хедива и суэзскаго канала, не намѣрена, однако, воевать за восстановленіе власти хедива иначе, какъ съ содѣйствіемъ Турціи. Лордъ Элько мотивировалъ свою поправку тѣмъ, что Англія начала войну не съ согласія Европы и не въ качествѣ ея уполномоченной. Франція же содѣйствуетъ ей только въ охранѣ суэзскаго канала. Между тѣмъ, по окончаніи войны, державы, сохраняющія теперь выжидательное положеніе, потребуютъ себѣ права рѣшать ея результаты. Поправка была отклонена безъ голосованія, и Гладстонъ формально повторилъ свое требованіе кредита.

Изъ множества рѣчей, которыя были произнесены во время всѣхъ этихъ преній, наибольшаго вниманія, въ смыслѣ мнѣнія партій, заслуживаютъ рѣчи Уильфрида Лоусона, Чарльса Дилька и Чэмберлена. Лоусонъ, представитель партіи непримиримыхъ—небольшой группы либераловъ, безусловно противной войнѣ—сказалъ, что изъ всѣхъ англійскихъ интересовъ, самые важныя—интересы мира. Онъ не видитъ достаточнаго повода къ египетской кампаніи и относитъ происхожденіе беспорядковъ къ египетскому долгу. Причиною огромнаго долга Египта былъ, прежде всего, суэзскій каналъ. Чтобы регулировать уплату долга, Англія предложила свое содѣйствіе въ преобразованіи финансовой администраціи страны, но нельзя сказать, чтобы преобразование это оказалось выгоднымъ для Египта. Изъ 9.500,000 фунтовъ государственнаго дохода, около 4½ милліоновъ пошло на удовлетвореніе кредиторовъ, причемъ египтяне платили

въ десятеро болѣе налоговъ, чѣмъ платятъ индійскіе подданные Англій. Араби-паша, слыша ропотъ народа, началъ борьбу противъ такого порядка вещей, и армія поддержала его. Онъ, безспорно, борется за національное дѣло, тогда какъ Англія домогается восстановления такого порядка вещей, при которомъ изъ египетскаго народа выжимали соки для удовлетворенія европейскихъ кредиторовъ. Египтяне ничего не требуютъ, кромѣ права самимъ управлять своими дѣлами. Принципъ, примѣненный къ Афганистану и Трансваалу, долженъ быть примѣненъ и къ Египту; но англійское правительство продолжаетъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, не чувствуя въ себѣ мужества свернуть съ этого пути.

Чарльсъ Дилъкъ и Чэмберленъ были выразителями мнѣній радикальной партіи въ министерствѣ. Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ пояснилъ, что начало настоящаго движенія въ Египтѣ не встревожило англійскаго правительства. Чѣмъ либеральнѣе становились учрежденія этой страны, тѣмъ болѣе отвѣчали они интересамъ и принципамъ Англій. Въ то же время она полагала, что присутствіе контролирующаго элемента въ совѣтѣ хедива послужитъ предохраненіемъ, съ одной стороны, противъ анархіи, съ другой — противъ правительственнаго произвола. Видя возрастающее могущество военной партіи, Англія пожелала, чтобы было спрошено мнѣніе державъ на этотъ счетъ. Отправка англо-французскаго флота къ Александріи состоялась по желанію Франціи. Англія хотѣла, чтобы всѣ державы участвовали въ этой демонстраціи, Франція же настояла на соединеніи только двухъ флаговъ, желая дѣйствовать, вдвоемъ съ Англіей, независимо отъ другихъ державъ. Англія была вынуждена поступать, какъ она поступала, необходимою, договорами и обязанностью. Защита суэзскаго канала важна для англійскихъ интересовъ въ двоякомъ отношеніи: въ торговомъ и въ политическомъ. Въ торговомъ, — потому что англійская торговля составляетъ 82% общей суммы торговаго движенія по этому каналу; въ политическомъ — потому что это главный путь Англій въ ея восточныя владѣнія. Впрочемъ, онъ, Дилъкъ, никогда не выставлялъ торговыхъ интересовъ, какъ поводъ къ вмѣшательству. Фактически, торговля съ Англійей прежде всего выгодна для самого Египта, который продаетъ Англій одного хлопка на 6.000,000 фунтовъ въ годъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хлопка почти не разводилось въ Египтѣ. Относительно будущаго Дилъкъ замѣтилъ, что, конечно, ни Англія, ни другія державы, не согласятся на введеніе въ Египтѣ такого порядка вещей, который подрывалъ бы вліяніе Европы на Востокъ. Это не помѣшаетъ, однако, Англій избѣгать всего, что было бы способно оскорбить національное чувство египтянъ. Араби-паша вовсе не служитъ представителемъ

этихъ чувствъ. Это не болѣе, какъ военный авантюристъ, увлекшій за собою армію заманчивыми обѣщаніями и повышеніями. Истинные представители египетскаго народа отреклись отъ него, рискуя жизнью. Англійское правительство не намѣрено навязывать Египту никакихъ внутреннихъ учрежденій; оно не только готово уважать его учрежденія, но и желаетъ, чтобы ничто не стѣсняло ихъ постепеннаго развитія. Коль скоро исполненіе международныхъ обязательствъ и безопасность европейцевъ въ Египтѣ будутъ обезпечены, Англія не выступитъ, въ своемъ вмѣшательствѣ въ дѣла этой страны, за предѣлы строгой необходимости.

Что касается до Чэмберлена, то онъ рѣшительно отвергаетъ теорію абсолютнаго невмѣшательства и отказывается понять, какъ можно согласить эту теорію съ началами международнаго посредничества. Въ настоящемъ случаѣ Англія только исполняетъ тѣ обязательства, которыя налагаетъ на нее эта послѣдняя. Чэмберленъ рѣшительно отрицаетъ, что Англія защищаетъ въ Египтѣ интересы англійскихъ владѣльцевъ египетскихъ облигацій. Люди, вдающіеся въ этого рода спекуляціи, должны нести на себѣ весь рискъ и не имѣютъ права требовать вмѣшательства правительства въ ихъ пользу. Другое дѣло—англійскіе купцы. Англійская торговля съ Египтомъ простирается до 30.000,000 фунтовъ оборота; она въ правѣ рассчитывать на покровительство своего правительства. Чэмберленъ отнюдь не допускаетъ, чтобы и купцы также были обязаны вести торговлю исключительно на свой рискъ.

Нельзя оставить при этомъ безъ вниманія идеи „Times“, высказанныя въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ былъ напечатанъ отчетъ о парламентскихъ преніяхъ. Еслибы эта газета спеціально имѣла цѣлью возбудить недовѣріе Европы, то она не могла бы выбрать лучшаго средства, чѣмъ эта статья. Къ счастью, въ ней выразилось не мнѣніе націи, а то, что лордъ Биконсфилдъ мѣтко назвалъ „безответственнымъ легкомысліемъ“. Вотъ, что говоритъ органъ Сити: „Мы не можемъ воевать со связанными руками; Европа и Турція должны знать, что мы сдѣлаемъ дѣло основательно и удержимъ за собою контроль надъ его результатами. Правительство Гладстона должно будетъ подчиниться силѣ обстоятельствъ. Лучшимъ и прочѣйшимъ результатомъ будетъ установленіе въ Египтѣ сильнаго правительства подъ покровительствомъ Англіи. Этимъ способомъ будутъ надежно обезпечены, съ одной стороны, преуспѣваніе и спокойствіе страны, съ другой—нашъ путь въ Индію и всѣ торговые и финансовыя интересы, замѣшанные въ египетскихъ дѣлахъ. Нашъ могущественный флотъ, наша превосходно организованная армія, поддержаемые могуществомъ нашего кошелька и энтузіазмомъ сильной духомъ на-

дѣя, помогутъ намъ совершить это дѣло, если только министерство наше не поколеблется вступить на открытый передъ нимъ путь, на который, рано или поздно, оно должно будетъ вступить, если желаетъ оставаться у кормила правленія. Въ этихъ словахъ, какъ нельзя полнѣе, выразился духъ бывшаго кабинета Биконсфильда. Вотъ этотъ-то духъ и придавалъ моральную силу партіи абсолютнаго невмѣшательства. Къ счастью, Гладстона и его партію нельзя заподозрить въ сочувствіи теоріямъ „Times“, иначе въ кабинетѣ его не оставались бы люди, въ родѣ Чарльса Дилка и Чэмберлена.

Предложеніе о кредитѣ прошло при поддержкѣ 275 голосовъ противъ 19. Оппозицію составляли группа непримиримыхъ и ирландцы, всегда готовые создавать затрудненія правительству.

Послѣ этого парламентъ занялся ирландскими дѣлами и разошелся, не дождавшись дальнѣйшихъ результатовъ египетской кампаніи.

Со времени ея окончанія, общественное мнѣніе теперь живо интересуется вопросомъ, какъ воспользуется Англія своимъ успѣхомъ: потребуетъ ли она преобразованія египетскаго правительства, или восстановитъ положеніе, бывшее до войны. Многіе считаютъ это положеніе измѣненнымъ въ принципѣ новѣйшими событіями, хотя фактически англо-французскій контроль возобновилъ свою дѣятельность тотчасъ послѣ сраженія при Іель-эль-Кебирѣ, и египетское правительство немедленно вступило въ дѣятельныя сношенія со всѣми европейскими державами, по поводу новаго займа для вознагражденія иностранныхъ резидентовъ, пострадавшихъ во время безпорядковъ. Однако, скоро стало очевиднымъ, что англо-французскій контроль отжилъ свое время. Разъ Англіи было предоставлено, одной, вести войну, само собою разумѣется, что ей же должно быть предоставлено и восстановленіе порядка. Подробныя планы правительства на счетъ этой трудной задачи пока еще неизвѣстны. Суда по его прежнимъ заявленіямъ, оно имѣетъ въ виду восстановить власть настоящаго хедива и содѣйствовать законнымъ усиліямъ египтянъ утвердить свою національную независимость. Но какими мѣрами все это предполагается достигнуть,—этого англійская публика еще не знаетъ. Единственнымъ министерскимъ заявленіемъ, послѣ окончанія войны, была ливерпульская рѣчь лорда Норсбрука, ирландскаго лорда адмиралтейства, но изъ этой рѣчи нельзя вывести никакихъ заключеній. Онъ сказалъ только, что правительство остается вѣрнымъ своимъ взглядамъ на обязанности Англіи относительно Египта. Ни одна партія не требуетъ присоединенія Египта, но Англія не можетъ также допустить, чтобы онъ подпалъ подъ власть другой державы или сдѣлался жертвою анархіи. Правительство не

жадаетъ пользоваться исключительною властью надъ суэскимъ каналомъ, но считаетъ долгомъ обезпечить его постоянную свободу для англійскаго судоходства. На все это нужно, однако, время. Опрометчивостью ничего нельзя достигнуть. Лордъ Норсбрукъ подтвердилъ, что, со времени утверженія контроля, положеніе египетскихъ крестьянъ замѣтно улучшилось. Все это такъ, но въ настоящее время не достаточно оправдывать ту или другую политику только тѣмъ, что она послужила къ пользѣ египетскаго народа. Въ общественномъ мнѣніи все болѣе и болѣе укореняется тотъ взглядъ, что самоуправленіе, даже въ его низшей формѣ, полезнѣе для народа, чѣмъ высшая форма—иностранныя правленія. Утверженіе англійской власти въ Афганистанѣ, безъ сомнѣнія, принесло бы пользу афганскому народу во многихъ отношеніяхъ, однако ясно, что независимость для него еще полезнѣе. Англія вовсе не призвана распространять среди египтянъ европейскую цивилизацію; у нея есть другія задачи, которыя только усложнились бы этимъ предпріятіемъ.

21-го (9-го) іюля, въ палатѣ общинъ произошло третье чтеніе билля объ облегченіи для фермеровъ уплаты недоимокъ, и билль былъ принятъ. Всѣ предвидѣли, что въ палатѣ лордовъ онъ подвергнется значительнымъ измѣненіямъ, хотя никто не ожидалъ, чтобы она совсѣмъ отвергла его. Люди, хорошо знакомые съ ирландскими дѣлами, утверждали, что принятіе билля въ его цѣлости безусловно необходимо для замиренія Ирландіи. Значительныя уступки, дѣлаемыя биллемъ въ пользу фермеровъ, въ сущности составляютъ только наименьшую часть тѣхъ уступокъ, которыя необходимы для того, чтобы эта мѣра оказала какое-нибудь дѣйствіе. Десятки тысячъ ирландскихъ фермеровъ не пользуются выгодами земельного закона вслѣдствіе лежащихъ на нихъ недоимокъ. Ирландскіе депутаты тщетно указывали на это палатѣ общинъ, во время обсужденія этого закона, и теперь опытъ исполнѣ подтвердилъ ихъ предостереженія. Несмотря на то, лорды, не задумываясь, внесли поправки, равнявшіяся въ сущности отклоненію билля. Существеннымъ результатомъ преній въ палатѣ лордовъ было принятіе двухъ поправокъ, предложенныхъ лордомъ Сольсбери. Первою изъ нихъ требовалось, чтобы фермерамъ было дано право прибѣгать къ земельной комиссіи для облегченія недоимокъ не иначе, какъ съ согласія лэндлордовъ. Палата лордовъ считаетъ своимъ долгомъ оградить имущественныя права. Ясно, что на облегченіе недоимокъ имѣютъ право только тѣ изъ фермеровъ, которые не въ состояніи уплатить ихъ, а въ такомъ случаѣ—по мнѣнію лорда Сольсбери—для лэндлорда нѣтъ никакого расчета не соглашаться на облегченіе. Этимъ будетъ обезпечена уплата хотя части долга, и всякій землевладѣлецъ навѣрное предпочтетъ такую

сдѣлку выселенію фермера. На этотъ оптимистическій аргументъ лорда Сольсбэри не трудно было возразить. Дѣло въ томъ, что наиболѣе недоимокъ лежитъ на арендаторахъ, платящихъ самую высокую ренту, и владѣльцы такихъ земель окажутся всего менѣе расположенными давать свое согласіе на то, чтобы фермеры обращались къ земельной комиссіи, такъ какъ это могло бы повести къ уменьшенію ренты. О кризисѣ, къ которому можетъ повести непринятіе билля о недоимкахъ, лордъ Сольсбэри говорилъ съ легкомысленнымъ равнодушіемъ, давая понять, что предупрежденіе кризиса зависитъ отъ твердости правительства. Лордъ Дерби объяснилъ лордамъ, что предложенная поправка нарушаетъ самый принципъ билля. Принять ее—значило бы потребовать отъ правительства, чтобы оно уничтожило свое собственное дѣло. Билль читается во второй разъ и въ принципѣ уже принятъ лордами. Они хорошо понимаютъ, что уничтожать его косвеннымъ путемъ, значить идти на переکورъ общественному мнѣнію. Рѣчь лорда Дерби не оказала дѣйствія, и палата лордовъ приняла поправку значительнымъ большинствомъ. Вторая поправка, предложенная лордомъ Сольсбэри, требовала, чтобы, въ случаѣ согласія лэндлорда на обращеніе къ земельному суду, часть недоимки, на которую лэндлордъ не будетъ удовлетворенъ комиссіею, покрывалась изъ послѣдующей продажи аренды. Это значило бы оставить долгъ висящимъ надъ головою арендатора и сдѣлать облегченіе, которое имѣлось въ виду доставить фермерамъ, чисто фиктивнымъ. Цѣлью правительства, при изданіи земельного закона, было именно прекращеніе всякихъ тяжбъ между арендаторами и лэндлордами. Тѣмъ не менѣе лорды приняли и эту поправку. Первый министръ, прежде чѣмъ высказаться на счетъ этихъ поправокъ, потребовалъ времени на размышленіе. Всѣ съ тревогой и любопытствомъ ждали его рѣшенія, спрашивая себя, неужели министерство подастъ въ отставку изъ-за ирландскаго вопроса—уже порадеомъ веѣмъ надоѣвшаго—въ такую критическую минуту, когда Англія вступалась въ иностранную войну. Гладстонъ объявилъ, наконецъ, что первую поправку Сольсбэри онъ абсолютно не можетъ принять и согласенъ только допустить, чтобы лэндлордъ или фермеръ предупреджали другъ друга за десять дней о своемъ намѣреніи обратиться къ суду за облегченіемъ недоимки. Вторую поправку правительство соглашалось принять, но съ слѣдующимъ измѣненіемъ: въ случаѣ продажи права аренды въ семилѣтній срокъ со времени приѣненія къ ней билля объ облегченіи недоимокъ, недоплаченная лэндлорду недоимка доплачивается изъ суммы отъ продажи въ размѣрѣ годовой ренты, но лишь съ тѣмъ, чтобы для малыхъ фермъ доплата не превышала половины цѣны, за которую продано право аренды.

Такимъ образомъ, билль былъ возвращенъ палатѣ лордовъ почти въ его первоначальномъ видѣ, лишь съ незначительными уступками. Видя бесполезность своихъ усилій, глава оппозиціи въ палатѣ лордовъ, вмѣсто того, чтобы съ достоинствомъ перенести поражение, разразился рѣчью, въ которой онъ рѣзко раскритиковалъ билль, назвавъ его „общественнымъ грабежомъ“, опаснымъ прецедентомъ для будущихъ ирландскихъ поколѣній. Онъ знаетъ, что большая часть его товарищей, поддержавшихъ его поправки, считаетъ неудобнымъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, совершенно отвергнуть билль о недоимкахъ, но онъ не раздѣляетъ этого мнѣнія. Онъ продолжалъ бы отстаивать свои предложенія, если бы не предвидѣлъ, что онъ останется въ меньшинствѣ; поэтому онъ предпочитаетъ не раздѣлять палату. Высказавъ это съ видомъ человѣка, махнувшего на все рукой, лордъ Сольсбери возвратился на свое мѣсто и не принималъ болѣе участія въ преніяхъ. Этимъ онъ сложилъ съ себя въ некоторомъ образѣ званіе вождя оппозиціи и умылъ руки въ ея дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, билль о недоимкахъ прошелъ черезъ палату лордовъ и получилъ силу закона.

Сессія, встрѣченная съ такими ожиданіями, дала въ результатѣ только билли о подавленіи преступленій въ Ирландіи, о ношеніи оружія и объ облегченіи недоимокъ; всѣ же другіе важные вопросы, стоявшіе на очереди, остались почти нетронутыми. Публика спрашивала себя, почему члены парламента непремѣнно должны полгода бездѣйствовать, когда столько важныхъ дѣлъ такъ давно ждутъ ихъ рѣшенія. Неужели возможны подобныя несообразности, единственно изъ уваженія къ рутинѣ? Первый министръ разрѣшилъ это недоумѣніе, пригласивъ палату, передъ ея распущеніемъ, собраться 24-го (12-го) октября, на осеннюю сессію.

18-го (6-го) августа парламентъ былъ распущенъ. Однимъ изъ серьезныхъ результатовъ той же сессіи было принатіе закона объ имуществѣ замужнихъ женщинъ, получившаго королевское утвержденіе еще до распущенія парламента. Законъ этотъ давно уже требовался общественнымъ мнѣніемъ. По старому закону, все имущество жены, какъ наслѣдованное, такъ и пріобрѣтенное ея трудами, принадлежало мужу. Обычай давно уже смягчилъ на практикѣ эту явную несправедливость, закрѣпляя за женщиной ея имущество различными способами. Чаще всего дѣлалось это посредствомъ спеціальной оговорки въ завѣщаніи, закрѣпляющей исключительно за женою пользованіе наслѣдствомъ или приданымъ, или извѣстной частью того или другого. Но этия обычаи пользовались почти исключительно одніи богатныя женщины, жены же рабочихъ, всего болѣе нуждавшіяся въ защитѣ закона, ни-

чѣмъ не могли оградить своихъ сбереженій и даже своего заработка отъ рукъ мужа, нерѣдко пропивающаго все имущество жены. Противъ этого вопіющаго зла былъ издавъ, въ 1870 г., билль, обезпечивавшій за женою ея заработокъ и наслѣдство, опредѣляя размѣръ собственности, которая должна по закону принадлежать ей. Однако, билль этотъ былъ такъ затѣмненъ различными оговорками и подраздѣленіями, что клонился болѣе къ выгодѣ адвокатовъ, чѣмъ женщинъ. Новый законъ имѣетъ гораздо болѣе ясный и общій смыслъ. Въ силу его, вся собственность, пріобрѣтенная или наслѣдованная женщиною, принадлежитъ исключительно ей, какъ если бы она была незамужнею. Новый законъ примѣняется и къ женщинамъ, уже состоящимъ въ замужствѣ во время его изданія, но лишь къ той части собственности, которая будетъ пріобрѣтена ими послѣ вступленія его въ силу. Въ замѣнъ женщина признается отвѣтственною за свои долги, заключенные, какъ до брака, такъ и послѣ него, и обязывается содержать своихъ дѣтей, въ случаѣ несостоятельности мужа. Она обязывается даже содержать и мужа, если ему грозитъ нищета, а у нея есть деньги. Эти постановленія, не лишены значенія и для высшихъ классовъ, въ особенности благотѣльны для низшихъ, освобождая женщинъ отъ семейнаго деспотизма, порождающаго такую массу безвѣстныхъ страданій.

Раздраженіе, возбужденное новѣйшими убійствами въ Дублинѣ, произвело реакцію въ чувствахъ англійскаго народа относительно Ирландіи и охладило въ немъ интересъ къ ея дѣламъ. Газеты стали гораздо менѣе заниматься ими, несмотря на повторявшіеся аграрныя преступленія и судебные процессы. Самымъ утѣшительнымъ фактомъ, въ новѣйшихъ извѣстіяхъ изъ Ирландіи, было окончаніе срока дѣйствія (въ концѣ сентября) суроваго принудительнаго закона Форстера. Законъ этотъ былъ несомнѣнною ошибкой, въ чемъ сознался даже и самъ авторъ его. Заключение людей въ тюрьму безъ суда, привело лишь къ тому, что тюрьмы наполнились людьми, наименѣе вредными; негодяи же, отброски общества, которыми совершались аграрныя преступленія, оставались на свободѣ, не выдаваясь, ни ораторскою, ни публицистическою дѣятельностью, которою прежде всего навлекалась строгость этого закона.

Ирландскіе вожди въ парламентѣ придерживаются пока выжидательной политики, хотя виѣ-парламентскіе предводители ирландцевъ видимо желаютъ продолжать агитацію и двигать дѣло впередъ. Такой разладъ между ирландцами и представителями ихъ въ парламентѣ врядъ ли способенъ поддержать вліяніе послѣднихъ. Поговариваютъ, впрочемъ, что ирландскіе члены замышляютъ возобновить, въ осеннюю сессію, свою систему затягиванья преній, чтобы помѣшать успѣху

билля о парламентской реформѣ, который долженъ безотлагательно поступить на очередь. Однимъ изъ признаковъ несогласія между ирландскими коноводами считаютъ выходъ изъ палаты Диллона, сложившаго съ себя полномочія подѣ предлогомъ разстроеннаго здоровья. Диллонъ справедливо считается однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ ирландскихъ гомрулеровъ; въ его политическихъ убѣжденіяхъ замѣчается идеализмъ, который отрадно видѣть среди всеобщей склонности къ прожектерству и компромиссамъ. Самъ Гладстонъ отдалъ ему справедливость, отозвавшись о немъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, какъ объ агитаторѣ, чуждающемся безчестныхъ средствъ. Если вѣрить слухамъ, причиной его выхода въ отставку былъ отказъ ирландскихъ членовъ поддерживать проектъ политической и социальной организаціи Ирландіи, выработанный Микелемъ Дэвиттомъ, основателемъ аграрной лиги. Проектъ этотъ, хотя и признаваемый непрактичнымъ, тѣмъ не менѣе, любопытенъ, и о немъ, быть можетъ, мы еще не разъ услышимъ въ продолженіи ирландской агитаціи. Овъ состоитъ въ учрежденіи обширной организаціи, съ цѣлью социального и политическаго улучшенія положенія ирландскаго народа посредствомъ примѣненія „законныхъ и конституціонныхъ реформъ“. Реформы дѣлятся въ проектѣ на общественныя, промышленныя, образовательныя и политическія. Къ первой группѣ относятся: полная отмена настоящей системы землевладѣнія, улучшеніе быта земледѣльческихъ рабочихъ, устройство лучшихъ жилищъ для народа. Ко второй: оживленіе фабричной промышленности, развитіе рыболовства, улучшеніе земледѣлія и учрежденіе кооперативныхъ кредитныхъ обществъ, для ссуды денегъ на обработку пустошей. Къ третьей: улучшеніе теоретическаго и практическаго образованія земледѣльцевъ и ремесленниковъ, посредствомъ учрежденія по всей странѣ техническихъ училищъ; поощреніе національной литературы и усовершенствованіе ирландскаго языка. Къ четвертой, политической группѣ принадлежать: отмена союза съ Англіей, учрежденіе автономнаго правительства, улучшеніе представительства въ мѣстной администраціи и муниципальных корпусахъ. Въ ожиданіи отмены союза,—о которой англичане не хотятъ и слышать,—Диллонъ предлагаетъ направить политическую агитацію въ Ирландіи къ тремъ цѣлямъ: къ улучшенію парламскаго представительства, къ учрежденію представителей на жалованьѣ и къ расширенію избирательнаго права. Проектъ этотъ будетъ разсматриваться на одной изъ предстоящихъ дублинскихъ сходокъ. Ясно, что практическій Парнелль не можетъ одобрять его; до такого идеальнаго устройства Ирландіи еще далеко, и едва ли даже въ ней нашлись бы, въ на-

стоящее время, годные элементы для развитія на такихъ возвышенныхъ началахъ.

Вскорѣ послѣ оглашенія проекта Дэвитта, органъ американскихъ ирландцевъ, „Irish World“ объявилъ, что они прекращаютъ высылку субсидій на дѣло аграрной лиги. Американскія деньги составляли ея главную поддержку и, безъ нихъ, она значительно ослабѣетъ. Всего прислано изъ Америки на ея дѣло около 350,000 долларовъ. Прекращеніе субсидій мотивируется тѣмъ, что аграрная лига не существуетъ болѣе, кончившись съ той минуты, когда Парнелль вступилъ „въ договоръ“ съ Гладстономъ и былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Въ сущности эту демонстрацію газеты „Irish World“ объясняютъ досадой за неудачную попытку отторгнуть отъ Парнелля членовъ лиги и заставить ихъ принять планъ Дэвитта. Въ Англии, извѣстіе о прекращеніи субсидій, разумѣется, встрѣчено съ радостью и истолковано въ смыслѣ успѣха земельного закона. Впрочемъ, ожиданіе, что лига распадется, не оправдалось. Ирландскіе члены ея послѣшили протестовать противъ заявленія газеты „Irish World“, и, судя по всему, вліяніе Парнелля еще далеко не ослабѣло. Съ другой стороны, Дэвиттъ созвалъ въ Ирландіи сходку, на которой объяснилъ взглядъ тѣхъ членовъ лиги, которые требуютъ социалистическаго рѣшенія ирландскаго земельного вопроса, и высказалъ полное недовольство результатами движенія за три послѣдніе года. Онъ сказалъ, что это „гора, родившая мышъ“, и что земельный законъ направленъ къ защитѣ лэндлордовъ. Онъ совѣтовалъ земледѣльческимъ рабочимъ требовать отміны монополіи земли. Парламентская ирландская партія выработала, съ своей стороны, слѣдующую программу, которая будетъ предложена на обсужденіе національной сродки въ Дублинѣ: организовать ассоціацію подъ именемъ ирландской національной лиги и предположить цѣлью этой ассоціаціи слѣдующее: національное самоуправленіе, реформу земельного закона, мѣстное самоуправленіе, расширеніе парламентскихъ и муниципальных правъ и поощреніе труда и промышленныхъ интересовъ Ирландіи. Къ земельной реформѣ относится созданіе крестынина-собственника, съ помощью ссуды, съ разсрочкой погашенія на 63 года. Къ самоуправленію относятся: отміна вице-королевскаго поста, мѣстная выборная администрація, замѣна англійской полиціи полиціею мѣстною, свободное и народное избирательное право, особый законъ для улучшенія быта земледѣльцевъ и для развитія промышленности.

Хорошему дѣйствию земельного закона угрожаетъ повредить новая мѣра правительства:—назначеніе къ земельнымъ коммиссіямъ оффиціионыхъ земель, составляющихъ предметъ тяжбы. По поводу этой мѣры, въ Тривияйну, въ Дублинѣ, являлась съ протестомъ депутація отъ фер-

меровъ, заявившая, что назначеніе оцѣнщиковъ сильно подрываетъ довѣріе фермеровъ къ земельному суду, такъ какъ они подовѣриваютъ, что оцѣнщики держатъ руку лэндлордовъ, принадлежа, сами, къ ихъ сословію. Самый способъ подачи мнѣнія оцѣнщиками, будучи тайнымъ, недопускающимъ возможности гласной провѣрки, вызываетъ возраженія. Съ другой стороны, фермеровъ беспокоитъ масса апелляцій, подаваемыхъ лэндлордами. Существуетъ подовѣрніе, что это дѣлается съ цѣлью создать затрудненія земельнымъ коммиссіямъ, заваливъ ихъ массою дѣлъ, и тѣмъ принудить ихъ рѣшать тѣлобы къ выгодѣ лэндлордовъ. Въ своемъ отвѣтѣ статсъ-секретарь Ирландіи взглянулъ на дѣло съ обратной стороны; онъ убѣжденъ, что, въ результатѣ привлеченіе оцѣнщиковъ поддержитъ довѣріе фермеровъ. Оцѣнщики собственно для того и назначены, чтобы претатствовать накопленію апелляцій, чрезмѣрное количество которыхъ, дѣйствительно, служитъ во вреду фермеровъ, хотя Тривилляйнъ и не вѣритъ, чтобы оно могло вліять на безпристрастіе судей.

Идея предоставленія земли народу, вложенная въ проектъ Дэвитта, находитъ себѣ приверженцевъ не въ одной Ирландіи. Она проникла и въ англійскіе рабочіе союзы, представители которыхъ имѣютъ не малое вліяніе на законодательство. Въ годичномъ конгрессѣ союзовъ, собиравшемся въ сентябрѣ, въ числѣ другихъ мѣръ, преимущественно технического характера, была внесена резолюція, требующая реформы англійскаго землевладѣнія. Резолюція вызвала поправку, требующую, ни больше, ни меньше, какъ „націонализациа“ земли, и поправка эта была принята 71 голосомъ противъ 31. Эта идея находитъ уже себѣ сторонниковъ и среди представителей демократической партіи, что составляетъ совершенно новую черту въ политической жизни Англии, до настоящаго времени отличавшейся полнымъ отсутствіемъ социалистическихъ стремленій.

Не мѣшаетъ рассмотреть, что подразумѣвается въ этомъ случаѣ подъ словомъ „націонализациа“. Ключемъ къ этому слову служитъ книга американскаго экономиста, Генри Джорджа, подъ заглавіемъ: „Progress and Poverty“ („Прогрессъ и бѣдность“), дешевое изданіе, имѣющее весьма широкій сбытъ. Подъ вліяніемъ этого автора началась, какъ полагаютъ, и новая пропаганда Дэвитта. Джорджъ видитъ корень неравномѣрнаго распредѣленія богатства, составляющаго зло и опасность новѣйшей цивилизации, въ учрежденіи частной земельной собственности. Пока существуетъ такой порядокъ, до тѣхъ поръ всякое расширеніе производительности должно, по его мнѣнію, только все болѣе и болѣе ухудшать положеніе народа. Всѣ средства, къ которымъ прибѣгали до сихъ поръ противъ этого зла, безсильны. Чѣмъ болѣе растетъ производительная сила, тѣмъ ниже опускается заработ-

ная плата, потому что земля, источникъ всякаго богатства, монополизирована. Единственное лекарство,—это общественное право на землю. Но какъ его ввести? Проще всего было бы конфисковать всю землю въ казну, объявить ее общественною собственностью и раздать участками тѣмъ, кто за нее больше предложитъ, на условіяхъ, обеспечивающихъ частныя права на плоды сдѣланныхъ въ ней улучшеній. Но такой способъ былъ бы слишкомъ рѣзкимъ переломомъ въ существующихъ обычаяхъ, да и потребовалъ бы слишкомъ большихъ усложненій въ правительственномъ механизмѣ. Можно ограничиться конфискаціею одной ренты. Правительство уже беретъ часть ея въ формѣ налога; оно можетъ, измѣнивъ эту форму, брать и всю. Такимъ образомъ, единственнымъ землевладѣльцемъ сдѣлается государство, формально же земля останется за ея настоящими владѣльцами и ни для кого не будетъ препятствія приобрѣтать ее, сколько кто пожелаетъ. Практически предложеніе это равняется отмѣнѣ всѣхъ налоговъ, за исключеніемъ земельного. Освободить трудъ и капиталъ отъ всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, и сложить всю тяжесть ихъ на землю, присвоивъ государству всю земельную ренту, — значить, по мнѣнію автора, совершенно уничтожить причину неравенства. Продукты труда и капитала возвратятся имъ тогда сполна, исключая ту часть, которая будетъ удержана государствомъ въ формѣ налога на землю, — налога, который, будучи употребленъ на общественныя нужды, также обратится на пользу народа. Вся эта теорія, со всѣми ожидаемыми отъ нея удивительными результатами, подробно разработана въ книгѣ Джорджа. Что же касается до вознагражденія лэндлордовъ, то объ этомъ авторъ и не помышляетъ. Глядя на завладѣніе землею, какъ на хищеніе, онъ считаетъ совершенно въ порядкѣ вещей отнимать украденное. Это ученіе не можетъ не нравиться ирландскимъ агитаторамъ, тѣмъ болѣе, что оно ближе всего примѣняется къ Ирландіи, гдѣ англійскіе лэндлорды завладѣли землею сравнительно недавно. Известный политико-экономистъ Фаусеттъ разбиралъ недавно эту новую теорію въ одной изъ своихъ рѣчей. Само собою разумѣется, что онъ не можетъ ей сочувствовать, какъ противной наукѣ, которой онъ служитъ. Лучшей земельной реформой было бы, по его мнѣнію, устраненіе всякихъ ограниченій въ правѣ покупки земли. Отнимать землю, безъ вознагражденія владѣльцевъ, было бы чудовищною несправедливостью. Чѣмъ руководствовалося бы правительство въ регулированіи ренты, сдѣлавшись единственнымъ владѣльцемъ земли? Если рыночными цѣнами, то чѣмъ же это улучшило бы положеніе земледѣльца? не все ли равно было бы ему, кому онъ платитъ ренту, государству или частному лицу? Фаусеттъ совершенно игнорировалъ обстоятельныя от-

вѣты, данные на всѣ эти вопросы въ книгѣ Джорджа. Онъ рекомендуетъ своимъ набирателямъ „практичность“, забывая, что въ наше время, планы, кажущіеся сегодня безусловно непрактичными, — завтра дѣлаются лозунгомъ партій и быстро осуществляются. Мы не беремся пророчить того же проекту „націонализація“ земли—это было бы слишкомъ смѣло; но нельзя отрицать, что обсужденіе подобныхъ проектовъ въ политическихъ кружкахъ—фактъ весьма знаменательный. Возможно, что хорошее примѣненіе земельного закона устранить на время аграрныя затрудненія въ Ирландіи. Но, въ Англіи, судя по всѣмъ признакамъ, нарастаетъ свой аграрный вопросъ, гораздо болѣе важный — и онъ сулитъ много дѣла английскимъ законодателямъ.

G. R. G.

ГИГИЕНА И ДЕМОГРАФІЯ

НА МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ ВЪ ЖЕНЕВѢ, 4—9 СЕНТЯБРЯ 1882 Г.

Письма изъ-за границы.

Окончаніе.

III *).

Засѣданія третьяго отдѣла конгресса. — Оздоровленіе городовъ путемъ канализаціи и стоковъ. — Сущность системы канализаціи. — Стоки Парижа. — Система: tout à l'égoût. — Орошеніе полей въ Женевѣ. — Возраженія противъ системы канализаціи. — Общій выводъ. — Доклады о проницаемости стѣнъ, о естественной фильтраціи воды, о вредныхъ поддѣлкахъ предметовъ ежедневнаго употребленія и др.

Въ третьемъ отдѣлѣ (section) международного женевского конгресса, посвященномъ приложенію къ гигиенѣ, физики, химіи, инженерному и строительному искусству, — самымъ важнымъ и интереснымъ вопросомъ представлялся вопросъ о канализаціи городовъ, о стокахъ и выгребяхъ. Этому предмету посвящено было цѣлыхъ три засѣданія; онъ вызвалъ оживленныя пренія и цѣлый рядъ рѣчей, горячо отстаивавшихъ систему канализаціи отъ нападеній не столько на самую систему, сколько на нѣкоторыя несовершенства ея исполненія въ Парижѣ.

*.) См. выше: октябрь, 854 стр.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, что говорили объ этомъ важнѣйшемъ для оздоровленія городовъ предметѣ Дюрантъ-Клеё (A. Durand Klaye) главный инженеръ Парижа, профессоръ въ Ecole des Ponts et Chaussées и въ Ecole des Beaux-Arts, Фаррентрапъ, изъ Франкфурта на Майнѣ, Луазо, Дюверди и Трелл изъ Парижа, Смитъ изъ Лондона и др.

Человѣческая осѣдлость, жилье, производитъ троякаго рода нечистоты: кухонные отбросы и другіе твердые остатки, какъ-то: соръ, золу, и т. п. жидкіе помои разнаго рода и, наконецъ, экскременты челоѣка и живущихъ при немъ домашнихъ животныхъ. Въ прежнее время, когда людскія населенія не были еще густы, въ старинныхъ городахъ всѣ эти нечистоты выбрасывались просто на улицу; впоследствии ихъ стали собирать въ особыя ямы, которыя очищались болѣе или менѣе часто, пока наконецъ сами жители городовъ не убѣдились, что копить въ домахъ, воалѣ своего жилья, такіе склады нечистоты всякаго рода, подвергающихся броженію и производящихъ зловонье и заразу, вредно и опасно. Новая Европа вспомнила древній Римъ, его cloaca maxima и водопроводы, — и всѣ европейскіе города ¹⁾ нынѣ озабочены одною мыслью: удалить отъ челоѣческаго жилья, изъ города, какъ можно скорѣе всякаго рода соръ и нечистоты, не дозволяя имъ скопиться, заражать воду, воздухъ и почву и вызывать усиленную болѣзненность, а иногда и цѣлыя эпидеміи. Но недостаточно еще вывозить за городъ и выбрасывать близъ лежащихъ селеній всѣ накопляющіяся въ городѣ нечистоты. Нужно удалить ихъ въ такомъ видѣ, чтобы онѣ и за городской чертою были не только безвредны, но и полезны.

Какимъ же путемъ дѣлается это удаленіе нечистотъ изъ благоустроеннаго города, напримѣръ, Парижа, съ его двухмилліоннымъ населеніемъ, живущимъ въ 73,000 домахъ, занимающихъ площадь въ 7,802 гектара. Кухонные отбросы, остатки и соръ (словомъ, все то, что копится въ Петербургѣ въ помойныхъ ямахъ) ежедневно рано утромъ ²⁾, около семи часовъ, изъ всѣхъ домовъ выставляются на

¹⁾ До насъ это еще не дошло: всѣ города Россіи живутъ съ помойными и выгребными ямами, очень рѣдко очищаемыми, и даже петербургская дума не рѣшилась въ нынѣшнемъ году принять предложеніе городской комиссіи общественнаго зданія объ уничтоженіи въ Петербургѣ помойныхъ и мусорныхъ ямъ и ежедневномъ вывозѣ кухонныхъ отбросовъ и сора черезъ городского подрядчика, т.-е. сдѣлать первый шагъ къ очищенію воздуха и почвы во дворахъ и домахъ.

²⁾ Этотъ порядокъ введень только послѣ войны 1870 года и осады Парижа. Прежде всѣ кухонные остатки и отбросы выбрасывались изъ домовъ вечеромъ и оставались до утра на улицахъ, доставляя заработокъ 9,000 тряпичникамъ, выкапывавшимъ изъ мусора бумагу, кости, тряпки, хлѣбныя корки и проч. Осаденіе лишило заработка 9,000 безвнкойнаго люда удерживало такой порядокъ. Осада Парижа

улицу въ различной формѣ и величинѣ ящики и корзины, которыя и опораниваются въ проезжающіе мимо фургоны и ящики городского подрядчика, очищающаго улицы отъ всякаго рода сора, грязи и снѣга; весь этотъ соръ и отбросы свозятся въ окрестныя деревни и идутъ преимущественно на удобреніе огородовъ около Парижа, приобретающихъ всемірную славу своими овощами. Эта вывозка освобождаетъ ежедневно городъ отъ массы веществъ, которыя, оставаясь во дворахъ домовъ, подвергались бы разложенію и вредно вліяли бы на здоровье жителей; очистка эта, правда, обходится не дешево: парижское городское управленіе платитъ ежегодно подрядчикамъ за очистку улицъ отъ сора, грязи, снѣга и мусора около 2 милліоновъ франковъ¹⁾; но за то домовладельцы избавлены отъ нескромныхъ подрядчиковъ, а жители отъ вонючихъ дворовъ и лѣстницъ. За вывозомъ изъ города всѣхъ кухонныхъ отбросовъ и сора въ домахъ остаются еще: жидкія помои, грязная и дождевая вода и экскременты. Для удаленія ихъ необходима цѣлая система каналовъ и стоковъ, по которымъ эти нечистоты вытекаютъ изъ города. Такой способъ удаленія жидкихъ нечистотъ явился не сразу. Долгое время не рѣшались всѣ, какъ густыя, такъ и жидкія нечистоты спускать въ общіе каналы. Еще и теперь въ Парижѣ часть домовъ устроена такимъ образомъ, что густыя экскременты собираются въ особыя вѣстияща, ящики или ямы, и вывозятся отдѣльно за городъ, гдѣ ихъ выливаютъ на большое плоское пространство для просушки и производства пудрета, производства, вызывающаго сильнѣйшее зловоніе и требующаго отвратительной и грязной ручной работы. Въ настоящее время болѣе распространяется другой способъ удаленія нечистотъ: посредствомъ каналовъ (*système: tout à l'égoût*). Вода, составляющая необходимую принадлежность канализаціи, безъ которой она вовсе невозможна, и притомъ вода, какъ падающая съ неба въ видѣ дождя или снѣга, такъ и вода рѣчная, или ключевая, доставляемая водопроводами, служитъ какъ двигателемъ всѣхъ нечистотъ, спускаемыхъ въ каналы, такъ и средствомъ для очищенія каналовъ; вода разжижаетъ всѣ поступающія въ каналы вещества, такъ что въ этой жидкости, выходящей изъ каналовъ содержится всего одна десятая часть веществъ твердыхъ, а остальные девять десятыхъ частей составляетъ вещество жидкое. Вся эта масса нечистотъ движется въ подземныхъ стокахъ по извѣстной наклонности; тамъ же, гдѣ наклонность невозможна, она замѣняется особою системою насосовъ, направленныхъ

заставляла замѣнить это положеніе, и теперь парижскіе трамвайчики производятъ свою работу не на улицахъ, а за городомъ, куда свозится мусоръ.

¹⁾ Вычислено, что количество уличныхъ нечистотъ составляетъ ежедневно въ Парижѣ массу въ 1,200—1,500 кубическихъ метровъ.

съ той же цѣли—не допускать малѣйшей остановки въ движеніи по стокамъ всѣхъ веществъ, въ нихъ поступающихъ.

Въ самой постройкѣ стоковъ нынѣ различаютъ двѣ системы: французскую и англійскую. Французскіе стоки (*égouts*), которые вообще гораздо дороже англійскихъ, состоятъ изъ двухъ частей: верхней и нижней (*cuvette*); по этой послѣдней и движутся въ обыкновенное время всѣ жидкости и нечистоты, поступающія въ стоки; верхняя же часть, образующая надъ нею довольно обширный и высокій сводъ, въ обыкновенное время свободна: въ ней ходятъ рабочіе, наблюдающіе за стоками, по ея стѣнамъ проведены телеграфныя и телефонныя проволоки, газовыя трубы и т. п., словомъ всѣ тѣ различные проводы, которые въ другихъ городахъ прокладываются подъ мостовою на улицахъ, останавливаясь при прокладкѣ и починкахъ движенія экипажей и пѣшеходовъ; эта верхняя часть стока наполняется только во время большого дожда или таянія снѣга. Въ англійской системѣ не употребляются такіе обширные стоки; тамъ канализація состоитъ изъ большихъ и малыхъ трубъ (отъ 2-хъ и 3-хъ метровъ до 20 и 30 сантиметровъ въ діаметрѣ), по которымъ постоянно и движутся попадающія въ нихъ вещества.

Вся эта система трубъ, расположенная на огромномъ пространствѣ (въ Парижѣ она обнимаетъ пространство въ 7,800 гектаровъ; въ Лондонѣ въ 30,000 гектаровъ, и въ Брюсселѣ въ 1,200 гектаровъ) имѣетъ свою цѣль вывести изъ города всѣ нечистоты. Но развѣ выведены онѣ изъ города, что съ ними дѣлать? Выпускать ихъ въ рѣку, какъ это дѣлается отчасти еще и до сихъ поръ въ Парижѣ, вредно и опасно; выпускать ихъ въ море также неудобно, потому что примѣръ Лондона показалъ, что нерѣдко море въ приливъ и бурю возвращаетъ въ Темзу часть спущенныхъ въ него нечистотъ. Вотъ почему въ послѣднее время всего болѣе останавливаются на мысли выпускать всю эту жидкость изъ стоковъ на землю, просачиваясь черезъ которую, она очищалась бы, содержащаяся въ ней твердыя части удобряли бы нуждающуюся въ томъ землю, а очищенная и профильтрированная вода поступала бы въ рѣку или каналъ. Это дѣлаютъ уже нѣкоторые города, въ томъ числѣ отчасти и Парижъ. Опытъ ирригаціи песчаныхъ и бесплодныхъ окрестностей начался съ долины Женвилльѣ (*Gennevilliers*), на которую городъ Парижъ ни какихъ правъ не имѣетъ, и потому орошеніе этой мѣстности могло производиться не иначе, какъ по соглашенію съ мѣстными жителями селенія Женвилльѣ. Селеніе это лежитъ въ песчаной, съ жалкой растительностью равнинѣ, составляющей полуостровъ, такъ мало возвышающійся надъ обыкновеннымъ уровнемъ Сены, что не только всякое возвышеніе воды въ рѣкѣ производило наводненіе въ долинѣ,

но даже близость почвенныхъ водъ къ поверхности дѣлала невозможнымъ устройство въ этой мѣстности погребовъ. Еще 35-ть лѣтъ тому назадъ, даже въ серединѣ лѣта, въ этой долинѣ стояла вода огромными лужами. Съ тѣхъ поръ, благодаря ирригаціи, положеніе Женевилье существенно измѣнилось. Опытъ орошенія начался въ 1869 году; сначала мѣстные жители сильно возстали противъ спуска нечистотъ въ ихъ равнину; жаловались на зараженіе воздуха и почвы, боялись развитія болѣзней, наконецъ, обратились въ судъ съ искомъ къ городскому управленію Парижа. Только постепенно, путемъ опыта, и мѣстные жители, и правительство, пришли къ убѣжденію не только относительно безвредности, но и громадной пользы орошенія полей нечистотами изъ стоковъ. Дѣйствительно, любопытны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя сравнительныя цифры постепеннаго увеличенія орошаемаго пространства и возвышенія цѣнности земель въ Женевилье. Въ 1869 году, орошалось всего 7 гектаровъ; пять лѣтъ спустя, въ 1874 году—уже 115 гектаровъ; въ 1880 году—430 гектаровъ, а теперь—болѣе 500 гектаровъ. Земли, которыя десять лѣтъ назадъ отдавались въ аренду за 100 франковъ въ годъ, стоятъ теперь не менѣе 500 франковъ въ годъ. И это неудивительно,—бывшая безплодною земля сдѣлалась чрезвычайно плодородной, на ней съ успѣхомъ производится огородничество и разводятся фруктовыя деревья. Капуста простая и цвѣтная, свекла, морковь, бобы, лукъ, чеснокъ, артишоки, тминъ, мята и проч., даютъ превосходные урожаи продуктовъ, которые скоро завоевали себѣ почетное мѣсто на парижскомъ рынкѣ, и не разъ, при конкурсахъ, получали за свои превосходныя качества—величину и вкусъ—первыя преміи. Самое орошеніе производится не посредствомъ поливанія земли или всходовъ, а посредствомъ ирригаціи небольшими канавками, раздѣляющими гряды, на которыхъ сажаютъ овощи; время отъ времени гряды перепахиваются, и дѣлаются лопатою или плугомъ новыя канавы на новомъ мѣстѣ, болшею частью по серединѣ бывшей прежде гряды. Такимъ путемъ каждый гектаръ земли поглощаетъ ежегодно 45,000 кубическихъ метровъ нечистотъ изъ стоковъ; а такъ какъ высчитано, что Парижъ извергаетъ въ годъ 100,000 кубическихъ метровъ нечистотъ, то для поглощенія ихъ требуется пространство земли въ 2,200 гектаровъ. Такого пространства земли нѣтъ въ Женевилье, и потому городское управленіе Парижа ведетъ нынѣ переговоры о томъ, чтобы приобрести для орошенія нечистотами изъ стоковъ 2,000 гектаровъ земли близъ Сень-Жермена.

Такимъ образомъ, самая трудная часть задачи системы стоковъ для всѣхъ нечистотъ (*système de tout à l'égoût*),—вопросъ о томъ: куда дѣвать эту страшную массу нечистотъ,—разрѣшается довольно просто

при возможности употребить послѣднія на удобреніе бесплодныхъ и вѣчныхъ мѣстностей. То, что дѣлаетъ Парижъ въ Женевиллѣ, дѣлаютъ и другіе города, въ томъ числѣ Берлинъ и Данцигъ. Этими путемъ уничтожается необходимость разныхъ заводовъ для обработки удобрительныхъ и другихъ полезныхъ продуктовъ изъ нечистотъ, — заводовъ, стоящихъ очень дорого и производящихъ зловоніе, наносимое вѣтромъ на городъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и въ этомъ отношеніи дѣло значительно подвинуто впередъ: г. Шлѣзингъ (Schloesing) изобрѣлъ во Франціи новый способъ извлекать изъ нечистотъ огромное количество азота и магnezіа безъ всякаго запаха и весьма упрощеннымъ способомъ.

Противъ изложенной системы канализаціи, по которой всѣ нечистоты должны поступать въ стоки (système de tout à l'égoût), говорили, что нынѣшніе парижскіе стоки дурно вентилируются; что въ нихъ часто застаиваются нечистоты, а дурной, наполненный мiasмами воздухъ выходитъ на улицу и производитъ зловоніе; что движеніе нечистоты по стокамъ значительно замедляется и даже приостанавливается ночью отъ того, что въ это время воды и разныхъ жидкихъ веществъ поступаетъ въ стоки гораздо меньше, нежели днемъ; что еще нельзя считать доказаннымъ, будто бы изверженія больныхъ людей, поступаая въ стоки, не могутъ производить заразу и вызывать усиленную болѣзненность; и наконецъ, что орошеніе полей нечистотами изъ стоковъ производится до сихъ поръ еще на очень незначительныхъ пространствахъ, и что опытъ въ Женевиллѣ слишкомъ недостаточенъ, а орошеніе полей подъ Берлиномъ вовсе не такъ удачно, чтобы можно было на основаніи этихъ опытовъ дѣлать безусловно благоприятныя заключенія въ пользу удобренія полей нечистотами изъ стоковъ. При этомъ одинъ изъ ораторовъ прямо даже разсказалъ, какъ очевидецъ, что Берлинъ такъ сильно заливаешь нечистотами поля фермы Осдорфъ, что луга сдѣлались топки и на нихъ не можетъ пастись скотъ, потому что валяеть чуть не по колѣно. Въ силу всѣхъ этихъ доводовъ и данныхъ, нѣкоторымъ ораторамъ казалось безопаснѣе и удобнѣе отдѣлать изверженія отъ другихъ нечистотъ и устроить двойную систему канализаціи по системѣ Лирлура, съ успѣхомъ дѣйствующей въ Амстердамѣ ¹⁾.

¹⁾ Мнѣ непремѣнно хотѣлось лично провѣрить, насколько основательны были возраженія ораторовъ противъ системы канализаціи, и насколько справедлива была ссылка на неудачное удобреніе полей принадлежащей Берлину фермы Осдорфъ. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы практическіе берлинцы рѣшились затрачивать до ста милліоновъ марокъ на постройку канализаціи и покупку земель для орошенія, не убѣдившись предварительно въ дривѣности этой системы. Съ этой цѣлью и возможностию я проѣздомъ черезъ Берлинъ и, благодаря любезности строителя берлин-

Впрочемъ, нужно замѣтить, что защитивовъ этой послѣдней системы было очень не много, всего два или три оратора, и что даже тѣ гигиенисты, которые выражали опасеніе относительно примѣненія во всемъ объемѣ системы „tout à l'égout“, т.-е. такой, при которой всѣ нечистоты съ улицъ и изъ домовъ (крошъ сухого мусора, сора и кухонныхъ отбросовъ) должны одинаково поступать въ стоки, имѣли передъ собою въ виду нынѣшніе парижскіе стоки, несовершенство которыхъ уже признано самимъ городскимъ управленіемъ, ежегодно ассигнующимъ громадную сумму на исправленіе и передѣлку ихъ, на проложеніе новыхъ стоковъ и на увеличеніе количества воды какъ для различныхъ потребностей населенія и города, такъ и для пиши и питья.

Общій выводъ изъ всѣхъ преній, продолжавшихся три дня по вопросу объ очищеніи городовъ путемъ канализація, можетъ быть сдѣланъ такой: для большихъ городовъ, — имѣющихъ достаточныя денежныя средства и возможность извергать содержимое стоковъ на близлежащія отъ города пустыя пространства, на которыхъ эти извергаемыя нечистоты очищались бы и фильтровались, проходя черезъ почву, — вполне примѣнима система канализація съ обращеніемъ всѣхъ нечистотъ въ стоки. Въ городахъ же небольшихъ и

слизъ стоковъ, инженеръ Хобрехта, подробно ознакомился съ системою этихъ стоковъ. Берлинъ, при устройствѣ въ немъ канализація, раздѣленъ на 5 округовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою самостоятельную систему стоковъ, направленныхъ въ резервуаръ, откуда, при помощи паровой машины, нечистоты перекачиваются въ трубы, идущія въ окрестныя деревни для орошенія. Одна изъ ближайшихъ мѣстностей, гдѣ производится орошеніе, — ферма Осдорфъ, вполне доступна осмотру каждому путешественника. Нужно для этого проѣхать всего минутъ двадцать по амгальской дорогѣ до станціи Дихтерфельде, а оттуда въ пятнадцать минутъ — до Осдорфа и его полей. По дорогѣ отъ станціи къ Осдорфу легко русскому человѣку вообразить себя на роднѣ, гдѣ-нибудь въ исконной губерніи: тотъ же песокъ, ель и осина кругомъ. Но скоро глазъ начинаетъ отдыхать на видѣнныхъ сначала вдаль, а потомъ все приближающихся ярко зеленыхъ поляхъ. Окипая сворачиваетъ лѣвое, многобольшаго количества фруктовыхъ деревьевъ, уже передъ тѣмъ попадающихся по обѣимъ сторонамъ дороги; кругомъ гряды громадной капусты, исполкинской свеклы, ярко-зеленой кукурузы. Это и есть владѣнія города Берлина, недавніе пустыри, купленные городомъ для орошенія изъ стоковъ. Система орошенія очень проста: для сѣнокосовъ нечистоты изъ стоковъ прямо выпускаются на поверхность, затѣмъ, когда поле нѣсколько просохнетъ, т.-е. впитаетъ въ себя жидкія части нечистоты, поле засѣвается, послѣ чего всходы иногда еще разъ поливаются тѣми же нечистотами изъ стоковъ. Трава на этихъ лугахъ, по которымъ свободно можно ходить, какъ по сухому полю, вырастаетъ необыкновенно густая, сочная; ее скотъ ѣстъ охотно, и въ то время какъ всюду кругомъ Берлина бываетъ не болѣе двухъ сѣнокосовъ въ годъ, я присутствовалъ 17 сентября въ Осдорфѣ на местожъ сѣнокоса. Капуста, свекла, рѣпа, кукуруза оглавно провращаются на огородахъ, орошаемыхъ какъ и въ Жемальѣ посредствомъ канавокъ. При-мѣнъ производилась уборка капусты, и въ это время

необходимых въ особня мѣстныхъ условіахъ, какъ, напримеръ, Амстердамъ или Флоренція (въ которой накапливающаяся въ выгребѣхъ нечистота составляетъ статью дохода),—тамъ возможно примѣненіе иной системы очищенія города безъ устройства обширной и дорого стоящей системы общихъ стоковъ.

Всякія сомнѣнія относительно того, насколько оздоровляются города при помощи канализаціи и соединеннаго съ нею водоснабженія, устраняются цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ, изъ которыхъ стоить привести нѣкоторыя о городахъ, въ недавнее время устроившихъ у себя канализацію: въ Данцигѣ до 1869 года средняя смертность достигала 36,59 на 1,000 жителей; въ 1870—1871 гг., когда уже были устроены водопроводы, но еще стоки не были окончены, смертность незначительно уменьшилась до 36,25, а въ 1872—1879 гг. когда постройка стоковъ для приѣма всѣхъ нечистотъ была окончена, смертность понизилась до 28,25. Въ Берлинѣ, гдѣ Фарховъ выступилъ горячимъ защитникомъ системы спуска всѣхъ нечистотъ въ стоки, и гдѣ канализація распространена только на $\frac{2}{5}$ города, смертность, достигавшая въ 1841—1850 гг. до 37,74 на 1,000, опустилась въ 1881 году до 29,50 на тысячу. При этомъ, поразительна разниа заболѣваемости и смертности въ частяхъ города, въ ко-

нечисленіи между грядями были сухи; бока и дно этихъ канавокъ покрыты тонкимъ слоемъ осадка отъ нечистоты; этотъ слой почти черного цвѣта, хрупокъ, но не имѣетъ другого запаха, кромѣ запаха жирной земли. Для пробы мы въ одномъ мѣстѣ открыли край у трубъ: воиочка, черная какъ чернила, жидкость сильнымъ напоромъ стала быстро наполнять канавки между грядъ, причемъ направлять эту жидкость въ какое угодно мѣсто очень не трудно при помощи маленькихъ деревянныхъ шлюзъ самаго простаго устройства, расположенныхъ довольно часто по канавкамъ. Такое орошеніе производится и зимой, такъ какъ нечистоты въ стокахъ не замерзаютъ, и температура въ нихъ не понижается ниже 4° Р. Послѣ подробнаго осмотра полей и огородовъ, двухъ городскихъ фермъ, гдѣ скотъ кормится преимущественно травою съ осдорфскихъ полей и многія коровы даютъ по 26 бутылокъ молока въ день, мы подѣлились въ тому мѣсту, гдѣ просочившаяся сквозь почву вода изъ стоковъ спускается въ большую ямку и затѣмъ въ рѣку. Вода эта, выходящая изъ подземной трубы прозрачною какъ кристалъ струей, нѣсколько теплѣе обыкновенной ключевой, чрезвычайно чиста, пріятна и мила на вкусъ, и я попробовалъ ее съ меньшимъ отвращеніемъ и большою увѣренностью въ ея безвредности, нежели берлинскую воду, пропущенную изъ какихъ то ключей,—воду, въ которой нерѣдко простымъ глазомъ видно присутствіе „септопгикъ“а, животно-растенія, вызывающаго, послѣ 20 часовъ стоянія воды въ сосудѣ на воздухѣ, такъ называемое цвѣтеніе воды, приобретающей при этомъ, очень непріятный запахъ.

Послѣ всего того, что я видѣлъ въ Берлинѣ и Осдорфѣ, я не могъ не убѣдиться, что смыслъ на нихъ, сдѣланная въ Женевѣ въ подтвержденіе неудобства и неудовлетворительности орошенія осдорфскихъ полей, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, и что доказательствъ непригодности системы „все въ стоки“ и орошенія полей прохлупами сточныхъ складуетъ искать въ другомъ мѣстѣ, а не въ Берлинѣ и Осдорфѣ.

торыхъ уже устроена и дѣйствуетъ система стоковъ, и гдѣ она еще не окончена; такъ, въ-первыхъ—въ 1879 году заболѣваемость равнялась 1,55 и смертность 0,45, а во-вторыхъ—заболѣваемость равнялась 5,60 и смертность 1,23,—въ 1880 году заболѣваемость въ первыхъ составляла 2,02 и смертность 0,66, а во-вторыхъ 10,69 и 2,32.

Посвятивши цѣлыхъ три дня преніямъ и разсужденіямъ объ удаленіи изъ города нечистотъ путемъ канализаціи или инымъ способомъ, отдѣленіе имѣло слишкомъ мало времени на выслушаніе остальныхъ, значившихся въ программѣ сообщений и докладовъ. Только нѣкоторые изъ этихъ докладовъ были сдѣланы, и то въ самомъ краткомъ видѣ. Такъ, женевскій врачъ Колладонъ (Colladon) изложилъ въ немногихъ словахъ о тѣхъ крайне вредныхъ условіяхъ, въ которыхъ были поставлены рабочіе при прорѣзѣ туннеля черезъ Готардъ; парижскій архитекторъ Трелъ (Trelat) указалъ на важность вытѣ уже доказаннаго явленія — проницаемости каменныхъ стѣнъ; докторъ Роллѣ (Rollet) изъ Ліона сообщалъ въ самыхъ общихъ чертахъ о вліяніи натуральныхъ фильтровъ на проходящую черезъ нихъ воду, которая въ этихъ фильтрахъ нерѣдко вовсе не очищается, и при этомъ высказалъ категорически, какъ неопроверженное мнѣніе, что никакая рѣчная вода, какъ подверженная при своемъ теченіи всякаго рода загрязненіямъ, не годится для употребленія въ пищу и питье безъ предварительной фильтраціи; наконецъ, парижскій докторъ Бруардель (Brouardel), наложивъ рядъ имъ самимъ провѣренныхъ случаевъ болѣзни и смерти вслѣдствіе употребленія различныхъ обращающихся свободно въ торговлѣ лечебныхъ средствъ и другихъ предметовъ, доказывалъ необходимость принятія международныхъ мѣръ противъ всякаго рода фальсификацій и поддѣлокъ, преслѣдованіе которыхъ особенно затруднено тѣмъ, что люди науки, замѣчательные ученые, не брезгаютъ продавать свои знанія и изобрѣтательность на пользу всевозможной фальсификаціи и на пагубу человѣчества.

Тѣмъ и окончилась занятія третьяго отдѣла конгресса.

IV.

Предметы засѣданій второго и четвертаго отдѣловъ.—Дѣтская гигиена.—Мѣры противъ водоболѣзни.—Мѣры противъ вредной обуви.—Гигиеническая выставка.

Намъ очень жаль, что отсутствіе печатныхъ протоколовъ не позволило намъ познакомиться съ наиболѣе замѣчательными докладами и преніями въ отдѣленіяхъ второмъ и четвертомъ, на которыхъ не пришлось лично являться. Большую массу публики привлекало чет-

верное отделение дѣтской гигиены, по живости затронутых вопросов, имѣющих тѣсное соприкосновение съ дѣломъ педагогич., и количество посѣтителей было на немъ такъ велико, что не хватало мѣстъ, такъ что послѣднее свое засѣданіе отделение должно было перенести въ главный университетскій залъ. Надѣмся, что д-ръ Сиворскій, принимавшій дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ дѣтской секціи, сообщитъ самъ русской публикѣ о всемъ, что можетъ заслужить ея вниманіе; мы же слышали, что собственный доклад нашего почтеннаго доктора *о дѣтяхъ трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи*, въ которомъ онъ говорилъ о нашей военной протимназии въ г. Вольскѣ, учрежденной по инициативѣ графа Д. А. Милютина для нравственно-испорченныхъ учениковъ, возбудилъ большой интересъ въ членахъ отдѣленія и вызвалъ ихъ сочувствіе и просьбы пополнить докладъ впоследствии дальнѣйшими изслѣдованіями ¹⁾.

Заслуживаетъ также вниманія докладъ utrechtскаго профессора гигиены, фонъ-Овербеескъ-Мейера, въ четвертомъ отдѣленіи *о международномъ предупрежденіи водоболѣзней*, въ которомъ докладчикъ для борьбы съ этою болѣзнью, кромѣ извѣстныхъ уже мѣръ (уменьшеніе числа бродячихъ собакъ, обложение хозяевъ налогомъ, умерщвленіе не записанныхъ собакъ, отдѣленіе собакъ, подозрѣваемыхъ въ бѣшенствѣ, на срокъ не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ и проч.), особенно энергически настаивалъ на введеніи постоянныхъ намордниковъ. Это единственная разумная мѣра ²⁾, и она должна быть принята сообща

¹⁾ Этотъ докладъ напечатанъ въ № 26 Еженедѣльной клинической газеты, изд. проф. С. П. Боткина.

²⁾ Удивительно, что по этому вопросу на съѣздѣ не было, по крайней мѣрѣ, указано на существованіе прямо противоположнаго мнѣнія, каждаго въ свою пользу много фактовъ, засвидѣтельствованныхъ также путемъ наблюденія, а именно что намордники сами нерѣдко служатъ источникомъ бѣшенства собакъ и увеличиваютъ, такимъ образомъ, число несчастій съ людьми. Это и весьма понятно: намордникъ затрудняетъ собакѣ свободу открывать ротъ и высунывать языкъ, и тѣмъ самымъ затрудняетъ ей и процессъ вдыханія воздуха, для котораго отверстіе ноздрей оказывается недостаточнымъ, при возвышенной температурѣ или усиленномъ бѣгѣ животнаго. Недостатокъ же воздуха, равно какъ и худое питаніе, относится къ числу причинъ заболѣванія собакъ бѣшенствомъ, или какъ называется то въ простонародьи—водоболѣзнью. Кромѣ того, бывавшіе за границею хорошо знаютъ, что законъ о намордникахъ легко обходится: весьма многие хозяева, зная нераціональность подобной мѣры, приобретаютъ намордники, которые только имѣютъ видъ таковыхъ, но на дѣлѣ не стѣсняютъ дыханіе животнаго, и слѣдов. не предупреждаютъ и укушенія. Наконецъ, законъ не запрещаетъ оставлять собаку безъ намордника въ комнатѣ у себя или на дворѣ, а потому прислуга и живущіе въ одномъ домѣ не ограждены этою мѣрою, самъ же намордникъ только увеличиваетъ шансы бѣшенства собаки, если она по природѣ окажется пераномъ. Есть другія мѣры болѣе рациональныя, какъ-то, хорошій уходъ за ними, привлеченіе къ суду тѣхъ

всѣми образованными правительствами въ силу международной конвенціи. Въ подтвержденіе этого, онъ указалъ на примѣръ Берлина, гдѣ постоянные намордники почти (?) совсѣмъ прекратили случаи водобоязни; то же самое замѣчено въ Гейдельбергѣ и въ итальянскомъ королевствѣ, установившихъ также постоянное ношеніе намордниковъ, временное же употребленіе ихъ на 4 мѣсяца, принятое въ Голландіи закономъ 1875 г., хотя и содѣйствуетъ значительно уменьшенію водобоязни, но не въ такой степени, и притомъ, какъ мѣра не международная, не исключаетъ возможности укушеній бѣшенными собаками, забѣгающими изъ пограничныхъ государствъ. Большинство членовъ отдѣленія высказалось за предложеніе докладчика о повсемѣстномъ введеніи постоянныхъ намордниковъ.

Весьма интересное сообщеніе на второй сессіи сдѣлано было главнымъ врачомъ швейцарской арміи Циглеромъ о *аминіи* не *правильной* обуви, — вліяніи столь вредномъ и значительномъ, что маленькая швейцарская армія термлетъ ежегодно отъ 700 до 800 рекрутъ (6%), вслѣдствіе напѣванной въ формѣ цога, прицѣпленныхъ неправильно шнитою обувью. Анатомически правильная нога требуетъ, чтобы продолженная ось большого пальца проходила черезъ середину пятки, и этотъ принципъ долженъ прежде всего соблюдаться при фабрикаціи обуви, о чемъ, къ сожалѣнію, наши сапожники не имѣютъ совсѣмъ понятія, а потому большой палецъ не получаетъ необходимой свободы движенія и прижимается къ другимъ пальцамъ; отсюда — частыя воспаленія большого пальца, ущемленіе ногтя, происхожденіе мозолей, язвъ и иногда даже воспаленіе сустава. Другой недостатокъ, причиняемый неправильною обувью, есть развитіе плоской ступни (*pes planus*), которое, впрочемъ, происходитъ часто также отъ ношенія невеселыхъ тяжести, отъ воспаленія сухожилій и т. п. Кромѣ того, правильная обувь должна на 15—20 миллиметровъ быть длиннѣе ступни по причинѣ естественнаго удлиненія послѣдней во время движенія, и соответствовать всѣмъ естественнымъ вынуклостямъ и впадинамъ формы ноги. До сихъ поръ только Італія и Германія требуютъ правильнаго шиття военной обуви, во Франціи же на этотъ предметъ пока мало обращали вниманія; русская военная обувь крайне вредна. Раціональная гигиена ноги, кромѣ обмыванія холодною водою для укрѣпленія, требуетъ обуви, сохраняющей природную форму ступни, и для достиже-

хомаевъ, во небрежности веторихъ не было своевременно предупреждено вообще несчастіе; это заставило бы хозяевъ понять, что держать собаку составляетъ не одно удовольствіе, а и узловную отвѣтственность; наконецъ, собаки, безъ хозяевъ должны быть потребляемы съ соблюденіемъ при этомъ всѣхъ мѣръ, устраивающихъ никому не нужное мученіе животнаго. — Ред.

нія ея предлагаются слѣдующія мѣры: 1) ознакомленіе публики и сапожниковъ съ вредными послѣдствіями дурной обуви и съ главными признаками обуви рациональной; 2) специальное обученіе сапожниковъ, начавши его съ сапожниковъ военныхъ; 3) введеніе рациональной обуви во все учрежденія, содержимыя и обуваемыя государствомъ, общинами или на общественныя средства (въ арміи, тюрьмахъ, пріютахъ и т. п.); 4) моральное и денежное поощреніе сапожныхъ заведеній, снабжающихъ рациональною обувью. Докладчикъ получилъ тутъ же благодарность отъ французскихъ гигиенистовъ за обращеніе ихъ вниманія на этотъ важный предметъ, находившійся до сихъ поръ въ пренебреженіи у врачей, которые потому и не распространяли правильнаго взгляда на него въ публикѣ.

По поводу женеваго гигиеническаго конгресса была устроена особая гигиеническая выставка съ демографическимъ отдѣломъ. Выставка гигиеническая не велика, да она и не могла быть особенно богата и разнообразна, во-первыхъ, потому что множество предметовъ, касающихся гигиены, еще раньше отправлены были въ Берлинъ, гдѣ, какъ извѣстно, пожаръ уничтожившій строеніе и часть предметовъ, помѣшала открытію международной обширной выставки, которая поэтому и отложена до 1883 года; а во-вторыхъ, потому что женева выставку не обѣщала экспонентамъ ни наградъ, ни особыхъ льготъ не пересылѣ выставленныхъ предметовъ. Тѣмъ не менѣе и та небольшая, сравнительно, выставка, которую мы видѣли въ Женевѣ, представляла не мало интереснаго; почти половину ея занялъ городъ Парижъ моделями и чертежами предметовъ, касающихся различныхъ областей гигиены.

При входѣ въ помѣщеніе выставки, устроенной въ шкалахъ, разукрашенныхъ внутри и снаружи флагами и зеленью, стояла большая накладка швейцарскаго краснаго креста, и возлѣ нея двѣ больничныя кареты для перевозки больныхъ, особенно заразительныхъ. У насъ, какъ извѣстно, больныхъ и осною, и холерою, и дифтеритомъ, и тифомъ, возятъ на извозникахъ, на дрожжахъ и въ каретахъ, что несомнѣнно не можетъ не пронаводить зараженій. Городское управленіе Парижа этого дѣлать не хочетъ, и оно-то и выставило двѣ модели каретъ, специально устроенныхъ для больныхъ; одна изъ этихъ каретъ нагрѣвается особымъ приборомъ на случай надобности; обѣ кареты не велики, не много длиннѣе обыкновенной четырехмѣстной кареты; одна половина кареты въ длину занята носилками съ складными ручками, для переноски и перевозки тяжело-больныхъ; эти же носилки могутъ служить сидѣньемъ для двухъ больныхъ; другая половина кареты занята двумя сидѣньями

для одного больного и сестры милосердія, или фельдшера, сопровождающихъ больныхъ ¹⁾.

На самой выставкѣ обращалъ на себя вниманіе цѣлый рядъ приспособленій по части дѣтской гігіены, начиная съ ящичка особаго устройства подъ названіемъ „искусственной матери“ (mère artificielle), для помѣщенія въ постоянно теплой температурѣ новорожденныхъ недоношенныхъ или слабыхъ,—искусственнаго кормленія дѣтей ослинымъ молокомъ прямо изъ груди ослицы, лечебницы для проходящихъ больныхъ дѣтей (въ Гаврѣ), и кончая школьными скамейками различныхъ системъ и большими моделями построекъ для школъ начальныхъ, рисовальныхъ и другихъ. Знаю, что одинъ городъ Парижъ издержалъ въ послѣдніе годы не менѣе миллиарда франковъ только на постройку и устройство различныхъ учебныхъ заведеній, смотришь съ удовольствіемъ на эти красивыя модели и планы классовъ съ массою свѣта и воздуха, въ увѣренности, что всѣ эти проекты сочинены не „на выставку“, а для дѣйствительнаго исполненія. Въ числѣ плановъ начальной школы, по своей простотѣ и практичности, обращалъ на себя вниманіе планъ архитектора Трелатъ (Trelat); въ этомъ планѣ классъ освѣщается большими окнами, расположенными съ лѣвой стороны, нижняя часть которыхъ отстоитъ отъ пола около двухъ аршинъ; съ правой стороны класса въ стѣнѣ устроены отдушины, плотно закрыты ставнями; такое устройство доставляетъ во время занятій отличное и правильное освѣщеніе съ лѣвой стороны учащихся и нѣсколько сверху; во время же рекреаціи, когда учениковъ нѣтъ въ классѣ, окна и отдушины отворяются, и въ нѣсколько минутъ классъ превосходно провѣтривается.

За разными приспособленіями по части дѣтской гігіены идутъ планы, чертежи и модели парижскихъ стоковъ; тутъ же выставлены огромной величины кочны валусты, морковь, свекла, артишоки и бобы, произрастающіе въ Женнвиллѣ на огородахъ, орошаемыхъ парижскими стоками; всѣ эти овощи, присланные изъ Парижа, пролежали на выставкѣ цѣлую недѣлю, не подвергаясь ни малѣйшей портчѣ; рядомъ съ этими овощами въ двухъ стеклянныхъ сосудахъ стоятъ: отвратительная грязно-бурая жидкость, выливаемая изъ стоковъ на огороды Женнвиллѣ, и чистѣйшая, какъ кристалъ, вода, получаемая изъ этой отвратительной жидкости послѣ того, какъ она прошла сквозь почву и профильтрировалась ею. Цѣлый рядъ висящихъ постѣнамъ плановъ казармъ и больницъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ

¹⁾ Похожая на эти образцы, единственная въ Петербургѣ, карета существуетъ съ половини нынѣшняго года въ Еленинскомъ повязальномъ институтѣ для перевозки рожевицъ.

о томъ, что во всѣхъ проектахъ построекъ для человѣческаго жилья и леченія большими группами нынѣ уже брошена система многоэтажныхъ, дорого стоящихъ сооружений и отдается предпочтеніе системѣ постройки отдѣльныхъ небольшихъ и невысокихъ павильоновъ или бараконъ, при которыхъ возможны хорошая вентиляция и большое количество воздуха, одинаково необходимы какъ для здоровыхъ, такъ и для больныхъ.

Не останавливаясь подробно на различныхъ, отдѣльныхъ выставленныхъ предметахъ, мы замѣтимъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ на пользу гигиены несомнѣнно представляетъ, составленная по поводу конгресса двумя секретарями парижскаго общества общественной медицины и гигиены, книга, содержащая въ себѣ подробное изложеніе всѣхъ гигиеническихъ мѣръ, принятыхъ во Франціи въ послѣдніе четыре года, съ 1878 по 1882 годъ. Вотъ полное заглавіе этой книги: „*l'Etude et les progrès de l'Hygiène en France de 1878 à 1882, par M. M. N. Napias et A. J. Martin, avec une préface de M. le professeur Brouardel. Paris. G. Masson, éditeur. 1882.*”

Мы нарочно выписали полное заглавіе этой книги для того, чтобы лица и учрежденія, сколько-нибудь интересующіяся у насъ вопросами гигиены, обратили на нее вниманіе. У насъ въ Россіи гигиена дѣлаетъ только первые свои шаги, и многое, надъ чѣмъ у насъ задумываются и о чемъ еще спорять, давно уже разрѣшено опытомъ во Франціи. Съ другой стороны, у насъ нерѣдко чье-нибудь личное вліяніе, желаніе отличиться заботливостью о народномъ здоровіи, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ дорого стояща мѣра весьма сомнительнаго свойства, необходимость которыхъ вовсе не доказана, и въ которыхъ не прибѣгаетъ даже Парижъ, тратящій милліарды на нужды городского населенія. Мы это говоримъ не голословно; примѣры у насъ передъ глазами въ Петербургѣ: лѣтъ десять тому назадъ, столичная администрація подняла громкій вопль противъ петербургскихъ кладбищъ; вмѣсто приведенія существующихъ кладбищъ въ порядочное и безвредное состояніе, заговорили о закрытіи существующихъ кладбищъ и перенесеніи кладбищъ за-городъ; столичное городское управленіе не замедлило исполнить желаніе администраціи и издержало сотни тысячъ рублей на приобрѣтеніе земли внѣ города и устройство двухъ кладбищъ: преображенскаго и успенскаго. Устройство этихъ кладбищъ обошлось городу дорого, пользы они ему не принесли никакой; прежнія кладбища продолжаютъ существовать; на новыхъ, загородныхъ хоронятъ преимущественно лицъ немущихъ, умершихъ въ больницахъ, а вопросъ о вредѣ кладбищъ все еще и понынѣ остается открытымъ. Послѣднее вполне подтверждается положеніемъ этого вопроса въ Парижѣ, городское управленіе

котораго, высказавшись за сожженіе труповъ, какъ мѣру, наиболѣе гигиеническую, — до приведенія ея въ исполненіе путемъ законодательнымъ, заботится однако о хорошемъ содержаніи кладбищъ существующихъ, и въ виду тѣсноты нѣкоторыхъ изъ нихъ (Batignolles и de la Charrelle) не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году ассигновало 1.660,000 франковъ на ихъ расширеніе покупкою близъ лежащихъ земель.

Приведенный нами выше случай далеко не единственный, въ которомъ у насъ общественныя деньги употребляются на дѣло вовсе не первой надобности, въ то самое время, когда насущнѣйшія потребности городского населенія остаются не удовлетворенными. Образецъ того, на что и какъ должны употребляться общественныя суммы въ видахъ оздоровленія городовъ и селъ, и представляетъ собою тотъ французскій сборникъ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ въ немъ указано все, что сдѣлано въ послѣдніе годы во Франціи: по дѣтской и школьной гигиенѣ, по гигиенѣ витанія, по гигиенѣ мастерскихъ, по оздоровленію городовъ и селъ, въ больницахъ, богадельняхъ и лечебницахъ, по организаціи врачебной помощи и проч., и проч.; множество рисунковъ и плановъ служатъ къ поясненію текста, въ которомъ, повторяемъ еще разъ, не мало полезныхъ указаній найдутъ для себя наши городскіе и общественные дѣятели, заботащіея искренно о народномъ здравіи.

Такой же гигиенической сборникъ готовило и итальянское гигиеническое общество, но къ сожалѣнію онъ не успѣлъ выйти изъ печати ко времени женеваго конгресса.

V.

Платое отдѣленіе конгресса, посвященное демографіи. — Предметы засѣданій демографическаго отдѣла. — Сообщенія Кёрван и Бертильона о содержаніи и предѣлахъ демографіи. — Докладъ доктора Ладама о незаконныхъ рожденіяхъ въ Швейцаріи. — Сообщеніе Бертильона о вѣроятности брака съ лицомъ много вѣроисповѣданія. — Стереогаммы профессора Водіо. — Докладъ Кумера о способахъ разработки статистики смертности. — Сообщеніе Водіо объ эмиграціи итальянцевъ. — Эмиграція изъ Россіи. — Докладъ Сормани о вліяніи времени года на рождаемость. — Различныя работы въ демографическомъ отдѣлѣ международной выставки.

На туринскомъ конгрессѣ гигиены 1880 года было предложено присоединить къ слѣдующему конгрессу, назначенному въ Женевѣ, отдѣленіе демографическое. Это предложеніе было тогда же поддержано Бертильономъ, Водіо и другими членами комиссіи парижскаго демографическаго конгресса 1878 года. Такое соединеніе на конгрессѣ двухъ отраслей человѣческаго знанія, хотя и помогающихъ другъ другу, во вполнѣ самостоятельныхъ, не могло не вызвать нѣкоторыхъ недоразумѣній. Именно, на первомъ засѣданіи демографи-

ческой секции въ Женевѣ возникъ вопросъ о томъ, составляетъ ли это отдѣленіе лишь часть конгресса гигиены, или же оно будетъ держаться вполне самостоятельно, и, слѣдовательно, соединеніе демографіи съ гигиеной должно рассматриваться какъ чисто случайное. Понятно, что вромѣ нѣкотораго числа самолюбивъ многихъ представителей демографіи, которая лишь недавно стала признаваться самостоятельной, казалось опаснымъ соединеніе ея съ гигиеной, причемъ и рефераты секціи могли бы получить особую окраску и, будучи интересны статистикамъ-врачамъ, не представлять интереса демографамъ-специалистамъ. Было рѣшено, что демографическая секція будетъ заниматься самостоятельно, придерживаясь обычая демографическихъ конгрессовъ. Ходъ засѣданій секціи показалъ, что присоединеніе ея въ конгрессу гигиены не было ей во вредъ; читанные рефераты слушались съ одинаковымъ интересомъ присутствовавшими врачами и статистиками по профессіи, секція имѣла вдвое больше засѣданій, нежели прочія отдѣленія конгресса, и на послѣднемъ засѣданіи вотирована благодарность распорядителямъ конгресса гигиены за то, что они дали возможность собраться на немъ и представителямъ демографіи.

Демографіи была предоставлена пятая секція конгресса. Предсѣдательствовалъ директоръ швейцарскаго статистическаго бюро, докторъ Куммеръ. По напечатанной программѣ секціи предстояло выслушать слѣдующія сообщенія: директора нештскаго статистическаго бюро Кёрэзи—о содержаніи и предѣлахъ демографіи; его же: объ однообразной обработкѣ данныхъ изъ переписей; знаменитаго французскаго статистика Вертильона—программу преподаванія демографіи; базельскаго профессора Кинкелина—о единицахъ времени въ видахъ согласованія демографическихъ работъ; директора итальянскаго статистическаго бюро, профессора Бодіо—о статистикѣ эмиграціи; Мюлемана, секретаря статистическаго бюро бернскаго кантона—о движеніи народонаселенія въ соотношеніи съ цѣнами на съѣстные припасы; доктора Ладама изъ Невшатела—о незаконныхъ дѣтяхъ въ Швейцаріи; базельскаго доктора Лотца и доктора Ринэ и Партаса изъ Варцелонны—о медицинскомъ констатированіи смертей; доктора Янсеня, главнаго санитарнаго инспектора въ Брюсселѣ, и доктора Кабелло изъ Мадрида—о однообразныхъ бюллетеняхъ санитарной статистики; доктора Шервена, редактора „*Annales de démographie*“—о международномъ демографическомъ ежегодникѣ; доктора Куммера, предсѣдателя секціи—о смертности въ Швейцаріи; Дюррера, чиновника швейцарскаго статистическаго бюро—объ исчисленіи смертности дѣтей.

Программѣ этой, однако, не суждено было осуществиться въ точ-

ности. На первомъ засѣданіи обнаружилось, что не пріѣхали ни Вертильонъ, ни Шервенъ; первый поручилъ прочесть свой мемуаръ сыну, прибывшему на конгрессъ, мемуаръ же второго не былъ прочтенъ.

Первое сообщеніе по открытіи засѣданія было сдѣлано Кёрэзи. Обширное, строго теоретическое изслѣдованіе о сущности науки, вполне развитой лишь въ срединѣ XIX вѣка, будетъ напечатано въ протоколахъ конгресса. На разсмотрѣніе секціи, Кёрэзи представилъ краткій конспектъ своего труда. По мнѣнію венгерскаго ученаго демографія, — иначе, демология, политическая арифметика, социальная физика, — благодаря разнообразію взглядовъ отдѣльных ученыхъ, обнимаетъ множество отличныхъ одинъ отъ другого предметовъ, и подобно статистикѣ, на почвѣ которой она выросла и методомъ которой пользуется, въ значительной степени рискуетъ перестать быть наукой или утратить самостоятельность. Въ настоящее время демографія придается самое разнообразное содержаніе: одни ограничиваютъ ее область составомъ и движеніемъ населенія; другіе называютъ ее ученіемъ о людскихъ общеніяхъ (*Lehre von den menschlichen Gemeinschaften*); третьи признаютъ ее статистикою человечества и включаютъ въ обнимаемую ею сферу все, что имѣетъ отношеніе къ человѣку и можетъ быть выражено въ цифрахъ и среднихъ величинахъ. Въ виду этого, молодой ученый постарался опредѣлить мѣсто демографіи среди наукъ о человѣкѣ, наукъ антропологическихъ. Въ этомъ отношеніи, ему принадлежитъ большая заслуга, такъ какъ классификація наукъ до сихъ поръ шатка, и очень не многіе (напр., профессоръ Румелинъ) пробовали дать теоретическое опредѣленіе демографіи.

На основаніи классификаціи Кёрэзи, демографія является наукою о физическихъ явленіяхъ, представляющихся въ человѣческомъ обществѣ. Давъ это точное опредѣленіе молодой науки, ученый задается вопросомъ о значеніи разницы въ опредѣленіи ея содержанія. Взявъ три опредѣленія области демографіи — какъ науки о народонаселеніи (популяціонистика), какъ науки о человѣческихъ общеніяхъ (*science des collectivités humaines*), и наконецъ опредѣленіе, соответствующее наиболѣе широкому возрѣнію на область науки, въ которую вводится множество явленій, начиная отъ дръта волосъ, глазъ и т. д., — г. Кёрэзи изобразилъ ихъ тремя концентрическими кругами, при чемъ кругъ съ наименьшимъ радіусомъ соответствуетъ популяціонистикѣ, съ среднимъ — второму опредѣленію, и наибольшій — послѣднему; окружность второго круга, по мнѣнію автора должна отдѣлять область науки демографіи отъ этнографіи.

Несмотря на высокій интересъ этой попытки теоретическаго опре-

дѣленія науки, ради которой собрался демографическій конгрессъ, сообщеніе г. Кёрёзи было встрѣчено довольно безучастно и, вмѣсто споровъ по существу, привело лишь къ выраженію многими членами желанія, чтобы секція занялась работами практическаго свойства. Г. Кёрёзи напрасно возражалъ, что нельзя ожидать пользы отъ практическихъ работъ, если область науки не будетъ опредѣлена и, слѣдовательно, не будетъ точно опредѣленныхъ предметовъ изслѣдованія.

Г. Бертильонъ младшій прочелъ, однако, сообщеніе своего отца, касающагося того же предмета, какъ и работа Кёрёзи: опредѣленія предмета науки. Въ этихъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, сообщеніяхъ выразилось принципиальное различіе между французскимъ и нѣмецкимъ направленіемъ въ наукѣ. Въ противоположность философскому характеру труда г. Кёрёзи, Бертильонъ рѣзко и точно перечислялъ предметы, подлежащіе вѣдѣнію демографа. Область науки онъ раздѣляетъ на двѣ части: первая обнимаетъ изученіе состава населенія и представляетъ его статику; вторая—изученіе движенія населенія—его динамику.

Слѣдующее затѣмъ сообщеніе доктора Ладама касалось вопроса *о незаконныхъ рожденіяхъ въ Швейцаріи*. Докладчикъ началъ съ интереснаго очерка о вытравленіи плода въ большихъ городахъ. Въ настоящее время, по его словамъ, достаточно прокуратуръ привлечь къ суду одно лицо по такому обвиненію, чтобы процессъ открылъ цѣлую цѣпь личностей, виновныхъ въ томъ же преступленіи. Въ Парижѣ огромное число выкидышей попадаетъ въ городскіе стоки (égouts), такъ что стали придумывать особый снарядъ для очистки стоковъ отъ этого ужаснаго груза. Замѣчательно, что въ то время какъ продукты преждевременныхъ родовъ часто бросаются въ отхожія мѣста, ихъ совсѣмъ не встрѣчаютъ въ Парижѣ по близости домовъ, гдѣ живутъ акушерки; послѣднія уничтожаютъ продуктъ своей операциіи обыкновенно безслѣдно—посредствомъ огня. Возрастающее число изгнаний плода и дѣтоубійствъ сопровождается громаднымъ числомъ самоубійствъ дѣвицъ-матерей (filles-mères). Наблюденія докладчика въ Швейцаріи за пятилѣтіе 1876—1880 г. не позволяютъ ему присоединяться къ мнѣнію многихъ статистиковъ, будто бы несчастная любовь и виѣбрачная беременность очень рѣдко бывають мотивомъ самоубійства женщинъ. Докторъ Ладамъ напротивъ нашелъ подобный мотивъ у 135 самоубійцъ женскаго пола, въ возрастѣ между 15 и 30 годами: изъ нихъ 25 были замужнія женщины, а 110—незамужнія. Наблюденія докладчика подтверждаютъ выводъ Тардѣ, который тоже считаетъ довольно частыми подобныя самоубійства женщинъ. Но ежели незаконнорожденное дитя счастливо родилось на свѣтъ, т. е. не для того, чтобы быть сейчасъ же

брошеннымъ въ зловонную яму или задушеннымъ, то нельзя сказать, чтобы его рожденіе приносило радость и встрѣчало привѣтствіе и заботы семьи. Смертность незаконнорожденныхъ дѣтей въ первый годъ жизни въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, нежели смертность законнорожденныхъ. Изъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ, собранныхъ докторомъ Ладомъ въ Швейцаріи, видно, какъ съ каждымъ мѣсяцемъ уменьшается разница смертности законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ періодъ 1876—1879 г.г. на 100 законнорожденныхъ умерло дѣтей незаконнорожденныхъ:

Въ 1-й мѣсяцъ жизни.	171
” 2-й ” ”	208
” 3-й ” ”	178
” 4-й ” ”	160
” 5-й ” ”	157
” 6-й ” ”	127
” 7-й ” ”	127
” 8-й ” ”	132
” 9-й ” ”	110
” 10-й ” ”	107
” 11-й ” ”	98
” 12-й ” ”	131

Различны причины большого числа незаконныхъ роженій въ странѣ. Въ Женевѣ, по мнѣнію докладчика, большинство незаконнорожденныхъ имѣетъ отцами пришлыхъ людей: отчасти швейцарцевъ другихъ кантоновъ, проживающихъ временно въ Женевѣ по дѣламъ, отчасти политическихъ эмигрантовъ. Часто такіа лица вступаютъ въ незаконную связь въ ожиданіи присылки съ родины нужныхъ для брака документовъ; но документы не приходятъ, связь затягивается, а дѣти остаются незаконными. Положеніе незаконнорожденныхъ до нѣкоторой степени улучшилось въ Швейцаріи, благодаря федеральному закону 1874 года, разрѣшившему узаконеніе подобныхъ дѣтей черезъ послѣдующій бракъ.

За докладомъ доктора Ладама послѣдовало коротенькое сообщеніе Бертильона-сына *о вѣроятности брака съ лицомъ иного вѣроисповѣданія* для мужчинъ и женщинъ въ отдѣльныхъ странахъ. Докладчикъ полагаетъ, что относительное число смѣшанныхъ браковъ въ странѣ свидѣтельствуетъ о вѣротерпимости ея населенія. Но это можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, ежели въ населеніи есть достаточное число лицъ различнаго вѣроисповѣданія и пола, и слѣдовательно для лица мужскаго или женскаго пола существуетъ значительная вѣроятность получить жену или мужа другого вѣроисповѣданія. Въ Парижѣ, на примѣръ, смѣшанные браки весьма рѣдки, не вслѣдствіе отсутствія вѣротерпимости, а потому, что въ Парижѣ

населеніе почти исключительно католическое, и молодой парижанинъ въ своей жизни встрѣчается почти исключительно съ католическими.

Профессоръ Водіо, глава итальянской статистики, представилъ на разсмотрѣніе секціи изготовленные въ Италіи *стереограммы*, т. е. рельефныя изображенія разныхъ демографическихъ явленій, сдѣланныя изъ гипса. До послѣдняго времени данныя статистическаго наблюденія изображались графически на плоскости, путемъ абсциссъ и ординатъ; въ Италіи же стали теперь дѣлать изображенія о трехъ измѣреніяхъ. Простое графическое изображеніе на плоскости, напримеръ, возрастнаго состава населенія Швеціи, ограничится его составомъ по возрасту на основаніи данныхъ отдѣльной переписи; представленное же профессоромъ Водіо изображеніе о трехъ измѣреніяхъ, изготовленное въ Италіи, того же населенія Швеціи представляетъ одновременно и возрастныя составы этого населенія по каждой отдѣльной переписи, и возрастаніе населенія за весь періодъ наблюденія по даннымъ всѣхъ бывшихъ переписей. Кривая линія графическаго изображенія замѣняется въ стереограммѣ кривою поверхностью.

Докторъ Куммеръ сдѣлалъ сообщеніе о способѣ разработки швейцарской статистики смертности и представилъ сдѣланное имъ вычисленіе смертности по отдѣльнымъ профессіямъ, впрочемъ, по англійскимъ даннымъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что многіе статистики указываютъ на весьма долгую среднюю жизнь высшихъ чиновниковъ, духовныхъ лицъ, собственниковъ и отставныхъ офицеровъ. Но такой выводъ совершенно неѣренъ, потому что эти общественныя положенія достигаются обыкновенно лишь лицами уже довольно зрѣлаго возраста. Подобно этому можно было бы признать очень не долговѣчными учительницъ, потому что умирающія учительницы обыкновенно бываютъ очень молодыя; но за то большая часть лицъ этой профессіи достигаетъ весьма преклоннаго возраста послѣ оставленія ими учительскаго поприща, превратившись въ матерей семействъ.

Сообщеніе секретаря бернскаго статистическаго бюро, г. Мюлемана, показало, что хотя повышеніе цѣнъ и увеличиваетъ, повидимому, смертность, уменьшая въ то же время число браковъ, въ особенности въ земледѣльческой странѣ, но при современныхъ условіяхъ жизни трудно измѣрить вліяніе этого фактора, такъ какъ на тѣ же явленія вліяютъ очень сильно множество другихъ факторовъ современной жизни. Это весьма тщательное изслѣдованіе было произведено по даннымъ статистики бернскаго кантона за столѣтній періодъ 1782—1881 гг.

Послѣдній день засѣданій конгресса—суббота 9 сентября—пред-

ставлялъ значительный интересъ, благодаря сообщеніямъ итальянскихъ ученыхъ. Въ этотъ же день Керези сдѣлалъ свой послѣдній докладъ конгрессу—о единообразной разработкѣ данныхъ переписей, и предложилъ на разсмотрѣніе членовъ конгресса напечатанную въ Парижѣ брошюру „Projet d'un recensement du monde“. Венгерскій статистикъ выдавался на конгрессѣ своими всегда остроумными, полными интереса докладами. Въ то время, какъ прочіе представители статистики нѣмецкихъ государствъ очень мало или вовсе не владѣютъ французскимъ языкомъ, Керези говоритъ на немъ бойко и смѣло, хотя и съ своеобразнымъ удареніемъ. Но, какъ мы уже замѣтили, наиболѣе общимъ интересомъ отличались итальянскія работы. Директоръ итальянской статистики, неутомимый изслѣдователь, профессоръ Лунджи Бодіо, представилъ обширную работу *объ эмиграціи итальянцевъ*, снабженную многочисленными діаграммами, какъ почти всѣ итальянскія статистическія работы, что дѣлаетъ ихъ особенно интересными и удобопонятными. Но изслѣдованіе итальянской эмиграціи весьма затруднительно. Въ то время, какъ, напримѣръ, германская эмиграція можетъ быть очень легко исчислена, такъ какъ нѣмецкіе эмигранты собираются въ Гамбургѣ, Бременѣ и не многихъ другихъ портахъ, откуда на особо для того устроенныхъ пароходахъ уѣзжаютъ въ Соединенные Штаты, въ Бразилію, въ Австралію и т. п.,—итальянская эмиграція фильтруется сквозь сухопутную границу въ 1,500 километровъ и сквозь слишкомъ 6,000 километровъ морского побережья. Итальянское статистическое бюро должно было собирать свѣдѣнія объ эмиграціи по отдѣльнымъ общинамъ (8,259), управленія которыхъ обязаны были доставлять по возможности точныя свѣдѣнія о томъ: сколько эмигрантовъ выѣхало за границу, куда именно, какого возраста были эмигранты, какой профессіи и т. д.; свѣдѣнія эти добываются съ большимъ трудомъ. Паспорты, могущіе дать возможность точной регистраціи эмигрантовъ, не требуются при выѣздѣ въ ближайшія къ Италіи государства—Францію, Австрію, Швейцарію, Германію, Англію, Бельгію, Голландію. Да и изъ числа лицъ, берущихъ паспорта, многія вовсе не эмигранты, а простые путешественники, ѣдущіе за границу по дѣламъ, съ ученою цѣлью, или просто ради удовольствія, не имѣя вовсе намѣренія устроиться въ чужомъ государствѣ. Не легко опредѣлить и самое понятіе „эмигранта“. Ни лицо безвѣстно-отсутствующее, ни изгнанникъ, ни путешественникъ съ цѣлью научнаго изслѣдованія—не есть эмигрантъ. Эмигрантомъ можетъ быть названо только лицо, оставляющее родину въ надеждѣ выгодно устроиться (*faire fortune*) въ чужой землѣ; это—лицо, отправляющееся на поиски за физическимъ трудомъ или другимъ прибыльнымъ занятіемъ, съ мыслью сдѣлаться осѣдлымъ въ другомъ государствѣ; эмигрантъ имѣетъ намѣреніе не возвращаться

ча родину или, по крайней мѣрѣ, не имѣть намѣренія возвратиться, или не предвидитъ, вернется ли онъ и когда вернется. Всѣ же прочія лица, оставляющія родину на болѣе или менѣе продолжительное время съ намѣреніемъ возвратиться и приблизительно знающія, когда они могутъ возвратиться, эмигрирующія только на время, не должны называться собственно эмигрантами. Въ Италіи число временно эмигрирующихъ лицъ превосходитъ ежегодно въ три или четыре раза число настоящихъ эмигрантовъ. Число первыхъ остается изъ года въ годъ болѣе или менѣе постояннымъ, тогда какъ настоящая эмиграція иногда вдругъ возвышается съ 20 тысячъ до сорока. Около 80 и 85 тысячъ лицъ ежегодно уходятъ изъ Піемонта, Ломбардіи, Венеціи, въ меньшемъ числѣ—изъ другихъ провинцій, во Францію, въ Корсику, въ Швейцарію, въ Германію, въ Австрію, на полуостровъ Балканскій и т. д. Они выступаютъ обыкновенно весною и возвращаются осенью. По профессіи это земледѣльцы, каменщики, землекопы, которые и идутъ въ тѣ страны, гдѣ производятся обширныя работы, строятся желѣзныя дороги, роятся каналы. Они хорошо работаютъ, отлѣчаются трезвостью и довольствуются сравнительно невысокою платой.

Настоящая эмиграція на неопредѣленное время выражается числомъ отъ 20 до 40 тысячъ человекъ въ годъ, оставляющихъ Италію. Въ послѣдніе годы эта цифра возрастаетъ. Всего болѣе эмигрируютъ изъ Лигуріи и изъ нѣкоторыхъ общинъ провинцій Козенцы и Потенцы; впрочемъ, и провинціи піемонтскія, ломбардскія и венеціанскія, которыя даютъ большинство временныхъ выходцевъ, также участвуютъ въ общей массѣ эмиграціи. Изъ Лигуріи эмигрируютъ лица, сравнительно зажиточныя, преимущественно торговцы и моряки; среди эмигрантовъ отсюда очень мало земледѣльцевъ, лишь небольшое число ихъ воздѣлываетъ огороды и фруктовые сады въ Калифорніи, въ окрестностяхъ Санъ-Франциско. Изъ Піемонта эмигрируютъ землекопы, каменщики и разныя рабочіе, далеко не бѣдные. Изъ Ломбардіи эмигрируютъ каменщики и земледѣльцы. Изъ венеціанской области какъ временные выходцы, такъ и настоящіе эмигранты вынуждаются къ оставленію родины скудостью средствъ къ жизни. Калабрія и провинція Потенцы даютъ значительное число овощныхъ торговцевъ въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, шарманщиковъ и бродячихъ торгашей вообще.

Не довольствуясь собираніемъ цифровыхъ данныхъ объ эмиграціи, итальянское бюро предложило консуламъ Италіи доставлять свѣдѣнія объ иммиграціи итальянцевъ и объ ихъ положеніи въ тѣхъ странахъ, гдѣ консулы состоятъ. Для образца мы приведемъ не безынтересныя донесенія итальянскихъ консуловъ изъ Петербурга и Одессы объ иммиграціи въ Россію. По донесенію перваго, отъ 19 марта

1880 года, иммиграція итальянцевъ въ первомъ консульскомъ округѣ незначительна; свойства почвы и климата не привлекаютъ сюда ни земледѣльцевъ, ни рабочихъ, ни предпринимателей. Одесскій консулъ въ то же время сообщалъ слѣдующее: „Ни одинъ народъ не доставляетъ значительнаго контингента русской иммиграціи; лишь австрійская Галиція даетъ нѣсколько тысячъ иммигрантовъ, почти исключительно евреевъ, которые представляютъ элементъ летучей иммиграціи и эмиграціи, имѣющихъ преимущественною цѣлью высосать объ страны и избѣгнуть повинностей обонхъ государствъ, въ особенности воинской. Вслѣдствіе этого, русскія власти, которыя вообще не регулируютъ такія движенія никакими законами или постановленіями, начали дурно смотрѣть на этотъ классъ иммигрантовъ.

„Въ 1874 году, были уничтожены привилегіи, которыя предоставлялись нѣмцамъ колонистамъ, вслѣдствіе чего и нѣмецкая иммиграція, постепенно парализованная, перешла отчасти въ эмиграцію. Въ настоящее время Германія доставляетъ намъ лишь нѣвѣстное число искусныхъ рабочихъ, которые довольно легко акклиматизируются и въ состояніи дѣлать нѣкоторыя сбереженія, такъ какъ обмѣновенно свободны отъ пороковъ туземнаго рабочаго класса, не очень пристрастнаго къ работѣ и злоупотребляющаго спиртными напитками.

„Итальянская иммиграція процвѣтала до 1875 года, съ тѣхъ поръ она падаетъ, вслѣдствіе прекращенія обширныхъ желѣзно-дорожныхъ работъ, на которыя сходились тысячами рабочіе.

„Итальянцы, живущіе въ этомъ консульскомъ округѣ, суть не многочисленныя выходцы изъ Лигуріи, Піемонта, Эмиліи и Аббруццо, по профессіи моряки, землекопы, каменщики и музыканты. Въ теченіе 1879-го года итальянская эмиграція была ничтожна“¹⁾.

Сообщая эти отзывы итальянскихъ консуловъ, мы бы желали имѣть нѣчто подобное и отъ нашихъ консуловъ объ русской эмиграціи, которая въ послѣднее время, какъ видно изъ работы итальянскаго статистическаго бюро, довольно значительна. По свѣдѣніямъ германскихъ портовъ, русскіе эмигрировали изъ Европы въ слѣдующемъ количествѣ: изъ Гамбурга, въ 1871 г.—2393 человекъ и въ 1881 г.—9068 человекъ, а изъ Бремена въ 1871 г.—87 человекъ и въ 1881 г.—341 человекъ; за 11-ть лѣтъ, 1871—1881 гг., изъ обонхъ портовъ выѣхало 67,332 русскихъ эмигранта. За тотъ же періодъ наблюденія, русскіе эмигранты распредѣлялись по направленію эмиграціи такъ: въ Соединенные Штаты уѣхало 55,409 человекъ, въ британскія владѣнія Сѣверной Америки 6,491, въ центральную Америку и Мексику—1, въ Вестъ-Индію—8, въ Бразилію—4,221, въ Ла-Плату—959, въ Перу—2, въ Чили—2, въ прочія го-

¹⁾ Statistica della emigrazione italiana, p. 168.

сударства южной Америки—7, въ Африку—186, въ Азію 3, въ Австралію—43. По даннымъ американской статистики, число русскихъ эмигрантовъ, прибывающихъ въ Соединенные Штаты за періодъ 1871—1881 гг. возрастало изъ года въ годъ; туда въ 1871 г. прибыло 1,861, а въ 1881 г. — 14,796 русскихъ. Здѣсь вездѣ подразумѣваются эмигранты изъ всей европейской Россіи, вмѣстѣ съ Польшей и Финляндіей.

Послѣ сообщенія профессора Бодіо, профессоръ гигиены въ папійскомъ университетѣ, докторъ Сормани, сдѣлалъ интересный докладъ о *вліяніи временъ года на рождаемость и на смертность обоего пола въ Италіи*. Докладчикъ дѣлалъ свои наблюденія по даннымъ 1863—1869 и 1872—1879 годовъ. Онъ отмѣтилъ прежде всего тотъ фактъ, что пропорція рождающихся мальчиковъ и дѣвочекъ дѣлается тѣмъ рѣзче, чѣмъ сѣвернѣе лежитъ страна. Такъ, въ Польшѣ на 100 дѣвочекъ родится 102 мальчика, въ Англіи—104, въ Швейцаріи—105, въ Италіи и Испаніи—107, въ Греціи—111. Большинство рожденій вообще приходится въ Италіи на декабрь и на январь; первыя соотвѣтствуютъ зачатіямъ мартовскимъ, вторыя—апрѣльскимъ. Не въ декабрѣ большинство мальчиковъ родится, повидимому, во второй половинѣ, ближе къ концу мѣсяца, нежели дѣвочки; этотъ странный фактъ можно объяснить лишь тѣмъ, что почему-либо родители медлятъ записываніемъ въ гражданскіе регистры мальчиковъ, и потому это опаздываніе ихъ рожденій только кажущееся. Въ первую половину года происходитъ меньшее число зачатій мальчиковъ, чѣмъ во вторую; вообще же въ тѣ мѣсяцы, гдѣ очень незначительно общее число зачатій, преобладаютъ зачатія мужского пола. Въ новѣйшее время въ статьѣ, напечатанной въ „*Journal de la statistique*“, однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, недавно умершимъ, была сдѣлана вполне своеобразная гипотеза для объясненія рожденія дѣтей того или иного пола, а именно—чѣмъ жена счастливѣе въ супружеской жизни, тѣмъ болѣе вѣроятности рожденія мальчиковъ. Бертильонъ старшій, пользуясь преимущественно норвежскими данными, высказалъ предположеніе, что чѣмъ моложе супруги женились, тѣмъ больше пропорція рожденій мальчиковъ; среди перворожденныхъ пропорція мужского пола особенно велика.

За докладомъ Сормани, докторъ Пальяни, профессоръ туринскаго университета, сообщилъ результаты весьма подробныхъ наблюденій доктора Біанко въ Туринѣ. Этотъ изслѣдователь задался цѣлью опредѣлить вѣроятность для женщины, выходящей замужъ, имѣть одного, двухъ-трехъ или болѣе дѣтей. На основаніи наблюденій надъ 3500 случаевъ, онъ пришелъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ: въ богатыхъ и въ бѣдныхъ классахъ населенія родится вообще больше дѣвочекъ, нежели мальчиковъ, а въ среднемъ классѣ—больше

мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ; сравнительно позже выходящіа замужъ женщины употребляютъ сравнительно большій промежутокъ времени для произведенія на свѣтъ перваго ребенка, нежели женщины, сравнительно раньше вступившіа въ супружество.

Нельзя не сказать, что вообще итальянская статистика отличалась на конгрессѣ обиліемъ докладовъ и выгодно выдавалась среди прочихъ. Родившись такъ недавно, она сумѣла быстро развиться и привлечь къ себѣ научныя силы молодого государства. Съ профессоромъ Водіо во главѣ, въ итальянскомъ министерствѣ земледѣлія, промышленности и торговли, въ вѣдомствѣ котораго находится статистика, работаетъ не мало лицъ, пользующихся значительнымъ научнымъ авторитетомъ. Въ послѣднее время тамъ занимался профессоръ туринскаго университета Морзелли, авторъ обширнаго изслѣдованія о самоубійствѣ, профессоръ Сормани и другіе ученые. Уголовная статистика до послѣдняго времени весьма неудовлетворительно разрабатывалась въ Италіи министерствомъ юстиціи, но теперь и ея разработка передается въ бюро общей статистики, которое обратило особенное вниманіе на все то, что входитъ въ область такъ называемой нравственной статистики—самоубійства и преступность. Придерживаясь пожеланій (voeux) конгрессовъ, дирекція общей статистики итальянскаго королевства предприняла съ 1878 года, послѣдняго статистическаго парижскаго конгресса, множество изысканій, чрезвычайно интересныхъ, которыя перечислены въ раздававшейся членамъ демографической секціи женеваго конгресса брошюрѣ: „Note sur les travaux de démographie du bureau de statistique du royaume d'Italie, depuis 1878 jusqu'à 1882". Между прочимъ, бюро составило таблицы смертности вдовъ и сиротъ и лицъ, получающихъ отъ государства пенсію; эти вычисленія дѣлаютъ возможною организацію пенсіонной кассы для чиновниковъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ устанавливаются размѣры капиталовъ страховыхъ обществъ. Подобныя же изысканія были предприняты въ виду болѣе практическаго устройства различныхъ обществъ вспоможенія больнымъ и нуждающимся рабочимъ. Для болѣе успѣшнаго веденія статистики причинъ смертей итальянское бюро предложило всѣмъ врачамъ съ 1-го января 1881 года давать необходимыя свѣдѣнія. Чиновники, ведущіе регистры гражданскаго состоянія (officiers d'état civil) въ общинахъ, требуютъ по поводу каждаго заявленія о смерти свидѣтельство врача, указывающее причину смерти, полъ, гражданское состояніе, профессію умершаго, его постоянное мѣсто жительства и мѣсто смерти; ежемѣсячно они доставляютъ всѣ такіе бюллетени въ бюро общей статистики, которое разрабатываетъ и классифицируетъ ихъ данныя.

На *выставкѣ* женеvскаго конгресса въ отдѣлѣ, предоставленномъ демографической секціи, кромѣ стереограммъ обращали на себя вниманіе многочисленныя изданія итальянскаго бюро. Наиболѣе интересныя изслѣдованія, помѣщенныя въ журналѣ послѣдняго „*Annali di Statistica*“, отпечатаны отдѣльными брошюрами, которыя предлагались для просмотра посѣтителямъ выставки и раздавались членамъ конгресса. Между изданіями бюро выдавался богато-исполненный атласъ статистическихъ діаграммъ, иллюстрирующій данныя о ростѣ рекрутъ различныхъ провинцій Италіи за періодъ 1874—1879 годовъ. Многія брошюры представляютъ живой и вполне современный интересъ, на примѣръ, свѣдѣнія о разводахъ и разлученіяхъ въ Бельгіи, Голландіи и Франціи, и данныя о сумасшедшихъ въ Италіи. Послѣдняя работа основана на переписи сумасшедшихъ, находившихся въ 62-хъ итальянскихъ пріютахъ и больницахъ въ послѣдній день 1880 года. Результаты этого изслѣдованія были бы гораздо богаче, если бы авторъ могъ пользоваться данными общей переписи 1881 года; но послѣднія еще не были обнародованы, когда эта брошюра вышла изъ печати. Авторъ, итальянскій сенаторъ, уже не въ первый разъ занимается этою отраслью статистики; результаты его послѣдняго труда подтверждаютъ его прежніе выводы. Въ Италіи, какъ и вездѣ, замѣчается увеличеніе вообще душевныхъ болѣзней, въ особености же нѣкоторыхъ ихъ формъ, на примѣръ, алкоголическаго умопомѣшательства, эпилептическаго помѣшательства, истерическаго; нѣкоторыя формы, напротивъ, появляются все рѣже, на примѣръ, нравственное помѣшательство (*moral insanity*). Число идиотовъ, по видимому, также возрастаетъ. Формы неистовства или бѣшенства (*mania furiosa*) стали проявляться все рѣже съ тѣхъ поръ, какъ краткое обращеніе замѣнило мѣры строгости въ отношеніи душевно-больныхъ. Формы возбужденія (манія) преобладаютъ надъ формами угнетенія (меланхолія). Среди мужчинъ чаще встрѣчаются врожденное безуміе, нравственное, алкоголическое, эпилептическое помѣшательства и паралитическое сумасшествіе; среди женщинъ—манія съ неистовствомъ, пеллагрическое помѣшательство ¹⁾.

Нѣкоторыя формы душевныхъ болѣзней преимущественно распро-

¹⁾ Пеллагра (*pellagra, mal rosso*) или миланская сыпь, кожная болѣзнь, и происходящая, какъ полагаютъ, отъ особаго грибка, растущаго на ямкѣ, свойственна, преимущественно сѣверной Испаніи, южной Франціи и нѣкоторымъ мѣстамъ Италіи; она чаще случается у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; болные покрываются сыпью и съ теченіемъ времени у нихъ начинается болѣть голова, яляются судороги, меланхолія и стремленіе къ самоубійству, или сумасшествіе. Болѣзнь эта составляетъ въ настоящее время предметъ изученія извѣстнаго итальянскаго ученаго, профессора туринскаго университета Ломброзо.

странены въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Такъ, пеллагрическое помѣшательство неизвѣстно въ Сициліи, Сардиніи, Неаполитанской области, и свирѣпствуетъ въ Венеціанской области. Алкоголическое умопомѣшательство гораздо болѣе распространено въ верхней, нежели въ нижней Италіи. Ломбардіи преимущественно свойственъ кретинизмъ. Истерическое помѣшательство особенно распространено въ Венеціанской области; эпилептическое — въ Тосканѣ; алкоголическое — въ Лигуріи. Последнія двѣ переписи обнаружили, что наибольшее число душевно-больныхъ приходится на второе двадцатилѣтіе жизни отъ 21 до 40 лѣтъ, и на лицъ, не состоящихъ въ бракѣ, среди протестантовъ и евреевъ, и среди населенія, не вполне лишеннаго первоначальнаго образованія.

Статистическое изученіе преступности, привлекающее теперь вниманіе многихъ ученыхъ, занимало видное мѣсто на выставкѣ. Изъ работъ этого рода выдавались висѣвшія на стѣнахъ многочисленныя картограммы, изображающія распространеніе различныхъ преступленій по департаментамъ Франціи; эти картограммы, составленныя по статистическимъ даннымъ за послѣднія 50 лѣтъ, профессоромъ лионскаго университета, докторомъ Лакассаномъ, чрезвычайно интересны; онѣ будутъ напечатаны французскимъ министерствомъ юстиціи въ его отчетахъ по уголовной статистикѣ.

Заканчивая этотъ краткій отчетъ о четвертомъ гигиеническомъ конгрессѣ, нельзя не замѣтить, что онъ возбудилъ и затронулъ много серьезныхъ вопросовъ, и было бы излишнею притязательностью требовать отъ него разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ въ теченіе четырехъ-дневныхъ его засѣданій.

До пятисотъ записанныхъ членовъ конгресса вынесли изъ него много для себя поучительнаго и развѣхались по домамъ, завязавши не мало дружескихъ связей, какъ для пользы самой науки, такъ и своихъ личныхъ работъ, и освѣженные тѣмъ сочувственнымъ приѣмомъ, который они всюду встрѣчали со стороны женевской публики. Полагаемъ, что для русскихъ представителей науки такое ободряющее освѣженіе было бы особенно полезно и кстати именно въ переживаемое нами время; пожалѣемъ также въ заключеніе, что очень мало соотечественниковъ пришлось намъ встрѣтить на женевскомъ конгрессѣ.

В. А. Лихачевъ.

Женева.—1882, сентябрь.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е ноября, 1882.

— В. Ключевскій, Боярская дума древней Руси. Москва, 1882.

Сочиненіе г. Ключевскаго—капитальное приобрѣтеніе для русской исторической литературы. Давно уже у насъ не подвѣлялось книги, которая соединяла бы въ такой степени глубокое изученіе, искусную группировку фактовъ—съ богатствомъ и широтой общихъ выводовъ. Несмотря на скудость матеріала, г. Ключевскій создалъ цѣльную и послѣдовательную исторію учрежденія, много вѣковъ сряду стоявшаго всего ближе къ верховной власти, раздѣлявшаго съ неправительственную дѣятельность. Передъ нами проходятъ, говоря словами автора,—„русскій бояринъ X-го вѣка, не то купецъ, не то воинъ; кіевскій бояринъ XI—XII в., вольный товарищъ своего князя и подобно ему политическій бродяга; сѣверный великорусскій бояринъ XIV в., не знавшій какъ стать между княземъ, плотно усѣвшимся въ своей вотчинѣ, и между подвижнымъ, текущимъ населеніемъ; московскій бояринъ XVI в., недавно переименовавшійся въ бояре изъ удѣльныхъ князей, недовольный политическимъ и хозяйственнымъ настоящимъ; московскій бояринъ XVII в., смирившійся князь или выслужившійся разночинецъ, отказавшійся отъ политическихъ грѣзъ, покорный государю, широкой рукой забиравшій нити крестьянскаго труда“. Политическая исторія у г. Ключевскаго вездѣ по возможности связана съ общественной, съ экономическимъ бытомъ народа. Анатомія и физиологія боярской думы, ея составъ и ея функціи—все это служитъ предметомъ одинаковаго вниманія со стороны автора. Въ его трудѣ все связано между собою, все интересно и полно значенія; но особенно ярко, какъ и слѣдовало ожидать, выдаются тѣ главы, которыя посвящены критической эпохѣ въ жизни боярской думы,—эпохѣ, обнимающей собою вторую половину XVI-го и первую половину XVII-го вѣка.

Московская боярская дума рано, еще до окончанія удѣльнаго періода, начала отличаться отъ другихъ сѣверно-русскихъ думъ, малочисленныхъ, наполненныхъ преимущественно приказчиками князя, распорядителями дворцоваго хозяйства, и крайне измѣнчивыхъ по своему составу, вслѣдствіе частаго отъѣзда бояръ. „Уже въ XIV в. московская служба представляла выгоды, какихъ бояринъ не находилъ при другихъ дворахъ; отсюда и усиленный приливъ служилыхъ людей въ Москву, и сравнительно меньшая склонность московскихъ бояръ переѣзжать къ другимъ князьямъ. Около половины XV в., московское боярство представляло собою, по происхожденію своему, всю русскую землю. Тѣснѣе связанные между собою и съ княземъ, московскіе бояре переставали быть случайными товарищами по службѣ, подвижными правительственными наемниками. Въ московской думѣ бояринъ былъ важенъ для князя какъ хранитель мѣстной политической *пошлины*, какъ старшій и вѣрный отцовскій слуга, радѣвшій княжескому дому и его отчинѣ. Удѣльный князь правилъ собственно посредствомъ *лицъ*, случайныхъ, слабо связанныхъ и съ нимъ, и между собою; московскій князь, еще прежде, чѣмъ сталъ во главѣ соединенной сѣверо-восточной Руси, правилъ уже посредствомъ довольно плотнаго *класса*“. Позже, начиная со второй половины XV в., новые слуги приливали въ Москву уже не единицами, а цѣлыми массами, и между ними первое мѣсто занимали тѣ, которые еще недавно сами имѣли своихъ слугъ, т.-е. прежніе удѣльные князья или ихъ потомки. Перебирая имена бояръ, засѣдавшихъ въ XVI-мъ в. въ московской государевой думѣ, г. Ключевскій насчиталъ до ста тридцати князей и только около семидесяти лицъ изъ не княжескихъ фамилій. „Можно думать“, замѣчаетъ авторъ, „что большая часть удѣльныхъ князей и бояръ перенесла безъ особенной боли перемѣну въ своемъ положеніи, переѣздъ изъ уѣзда въ Москву. Это перемѣщеніе не было для нихъ разгромомъ; многіе изъ нихъ утратили уже до того нѣкоторую долю привычекъ и правъ власти; а остатокъ этихъ правъ, вмѣстѣ съ удѣльными понятіями и воспоминаніями, сначала шадли и въ Москвѣ, не чувствуя ни надобности, ни охоты дебивать ихъ, пока они ничему не мѣшали“. Преданіе власти для бывшихъ удѣльныхъ князей не прервалось, а преобразилось; переставъ быть одиночной, личной и мѣстной, она сдѣлалась собирательной, сословной и общеземскою. Боярская дума, въ глазахъ ея членовъ, была сборнымъ мѣстомъ, откуда они продолжали править русскою землею, какъ правили ею ихъ отцы, сидя или служа по удѣламъ. Сущность боярскихъ притязаній состояла въ требованіи, чтобы центральнымъ и областнымъ управленіемъ руководилъ вмѣстѣ съ государемъ люди извѣстнаго класса, разставляли-

ваясь согласно съ мѣстническимъ „отечествомъ“ въ порядкѣ родового старшинства лицъ и фамилій. Въ правительственныхъ понятіяхъ не было ничего непримиримаго съ такими притязаніями. „Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ,—а потому, что въ кругу его политическихъ представлений не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами. Еслибы великому князю Василию Ивановичу какой-нибудь политикъ сталъ доказывать, что согласно съ его достоинствомъ ввѣрять управленіе строптивымъ боярамъ, ставить родовитость выше заслуги, то великій князь едва ли понялъ бы подобныя разсужденія, или нашелъ бы только, что это такая же бездѣлица, какъ спать передъ обѣдомъ, обѣдать до обѣда, играя въ *шахи*, ходить съ черной клѣтки на бѣлую и т. п. Все это можно и легко сдѣлать, да такъ не повелось, и дѣлать такъ—значило бы показывать не самодержавную власть свою, а только свое неумѣнье жить съ людьми и играть въ шахи“.

При такихъ благоприятныхъ условіяхъ, думное боярство могло, повидимому, стремиться къ болѣе прочному устройству своего положенія, путемъ пополненія думы исключительно изъ среды привилегированнаго класса и—присвоенія думѣ законодательной инициативы. На самомъ дѣлѣ, однако, исторія думы въ XVI в. не представляетъ ни того, ни другого. Авторъ объясняетъ это отсутствіемъ у бояръ опредѣленнаго плана государственнаго устройства. Нельзя сказать, чтобы они были вполне довольны настоящимъ. Многіе изъ нихъ, по удачному выраженію г. Ключевскаго, смотрѣли на государей, какъ смотрять разорившіеся капиталисты на сыновей счастливаго богача, къ которымъ перешли ихъ отцовскіе капиталы, и къ которымъ они сами должны были пойти въ приказчики. Не нравились боярамъ новыя церемоніи и титулы, которые носили въ ходъ со временъ Ивана III-го; не нравилось имъ вліяніе монашествующаго духовенства, особенно той его части, которая шла по стопамъ Іосифа Санина. Монахъ—*осифлянинъ*, какимъ изображаютъ его бояре и писатели боярской партіи—это „раболѣпный ласкатель и потаковникъ властей, исполненный презорства и гордыни съ низшими, расхититель и наставникъ расхитителей, сребролюбецъ ненасытный, питающійся мірскими крестьянскими слезами“. Отсутствіе правды въ судахъ, безпорядочность и жестокость управленія, убожество дворянства, разореніе купцовъ и крестьянъ—все это также было предметомъ сѣтованій и жалобъ со стороны бояръ. Въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ не замѣтно узкаго сословнаго эгоизма; они не только думали о нуждахъ простаго земскаго люда, но готовы были дѣлиться

съ нимъ правительственною властью. „Царь“, по словамъ кн. Курбскаго, „долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у *всепородныхъ* *человѣкъ*, повсѣе даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной“. Ратуя за „единомысленный вселенскій совѣтъ отъ всѣхъ градовъ и уѣздовъ“, публицистъ боярскаго направленія (неизвѣстный авторъ „валаамской бесѣды“) рекомендуетъ царю держать при себѣ этотъ совѣтъ „безпрестанно всегда погодно“, расширявать „всякихъ людей на всякъ день про всякое дѣло мира“. Несмотря на опасность, уже висѣвшую надъ боярствомъ, оно не принимало, однако, никакихъ мѣръ къ обезпеченію за собою того, чѣмъ оно обладало. Въ думѣ оно всего больше занималось мѣстническими счѣтами, не возражала противъ назначенія новыхъ бояръ и окольничихъ, потому что пожалованіе этого званія не открывало, само по себѣ, доступа въ родословную знать, не давало почета, связаннаго съ старшинствомъ происхожденія. Власть и почетъ переставали, такимъ образомъ, сосредоточиваться въ однихъ и тѣхъ же рукахъ; рядомъ съ боярами, спорящими о мѣстѣ,—дѣйствительными начальниками или распорядителями дѣла уже въ XVI в. являлись иногда простые дьяки или дворяне. Съ другой стороны, всѣ вопросы, подлежащія разрѣшенію думы, исходили къ ней сверху или восходили снизу, а не возбуждались по собственному ея почину. Московскій государственный порядокъ строился боярскими руками, но не во имя боярскихъ интересовъ. Боярство XVI в. является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ охоты или умѣнья вліять на общество.

Въ чемъ же заключается причина этого страннаго явленія? Въ способѣ ли образованія московскаго боярства, составившагося преимущественно не изъ завоевателей, а изъ павшихъ, побѣжденныхъ? Въ прикрѣпленіи ли его къ Москвѣ, порвавшимъ непосредственную его связь съ землемъ? Этимъ обстоятельствомъ г. Ключевскій не придаетъ большого значенія; главную разгадку вопроса онъ видитъ въ положеніи народнаго хозяйства, въ экономическихъ условіяхъ, которыя принесъ съ собою для боярства XVI-й вѣкъ. Отличительная черта предшествовавшей эпохи—это затѣхъ въ движеніи народной колонизаціи, задержанной на время въ тѣсномъ пространствѣ между Окой и верхней Волгой. Въ XVI в., съ расширеніемъ границъ московскаго государства, движеніе возобновляется съ новой силой, направляется одновременно на сѣверъ и сѣверо-востокъ, на юго-востокъ и югъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается запустѣніе деревень въ центрѣ государства, начинается земледѣльческій кризисъ, обусловливаемый недостаткомъ рабочихъ рукъ. Въ то самое время, когда бо-

ярство складывалось въ правительственную аристократію, его вотчинное благосостояніе становилось вопросомъ. Всѣ добытыя имъ землевладѣльческія привилегіи стали терять свою цѣну, потому что плохо обезпечивали главную силу, на которой могло основаться прочное вотчинное хозяйство—надежныя рабочія руки. Интересъ политическихъ гарантій отступалъ передъ интересомъ экономическаго обезпеченія, забота о частныхъ имущественныхъ привилегіяхъ брала перевѣсъ надъ вопросомъ о сословныхъ политическихъ правахъ. Въ отношеніяхъ къ дворцу боярство стало искать опоры для обезпеченія отношеній къ селу, а не наоборотъ. Его усилія не остались безъ успѣха: оно отстояло вредное для государства право принимать вольныхъ людей въ закладъ, въ личную зависимость, литовско-польскими королями уничтоженное уже въ половинѣ XV в., прикрѣпило къ своимъ имѣніямъ, посредствомъ ссудъ, множество крестьянъ, и провело въ Судебникъ 1550 года дозволеніе крестьянамъ во всякое время, не стѣсняясь юрьевымъ днемъ, покидать пашню для поступленія „въ полную въ холопи“.

Весьма любопытно мнѣніе г. Ключевского о внутренней связи между опричниной и ближней или тайной думой, ближнимъ совѣтомъ государя, т.-е. той небольшой группой довѣренныхъ лицъ, съ которой частнымъ образомъ, въ важныхъ случаяхъ, совѣщался государь, прежде чѣмъ обратиться официально къ боярской думѣ. Политическая форма опричнины была не нововведеніемъ, а возвращеніемъ къ старымъ удѣльнымъ образцамъ; новизной была ея политическая цѣль, заключавшаяся въ искорененіи государственной измѣны. Учрежденіе опричнины объясняютъ обыкновенно непримиримостью политическихъ притязаній боярства съ политическими понятіями и стремленіями Грознаго царя. Г-нъ Ключевскій не раздѣляетъ этого взгляда, хотя онъ основывается, между прочимъ, на свидѣтельствѣ современниковъ, на перепискѣ Ивана съ кн. Курбскимъ. Яблокомъ раздора, по мнѣнію автора, служилъ не тотъ или другой опредѣленный планъ государственнаго устройства—такого плана не было ни у одной изъ спорившихъ сторонъ,—а вопросъ династическій, вопросъ престолонаслѣдія. Иванъ не могъ простить боярамъ ихъ колебаній 1553 г., когда во время болѣзни царя отъ нихъ потребовалась присяга малолѣтнему его сыну. Отсюда вражда, усложнявшаяся, впрочемъ, и другими обстоятельствами. Правительственный обычай и общіе интересы заставляли обѣ стороны дѣйствовать вынѣстѣ, дѣлали ихъ необходимыми другъ для друга, а эта необходимость обостряла антагонизмъ, усиливала столкновеніе. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, накою она была тогда, ни государь не умѣлъ

уравнѣться безъ боярскаго содѣйствія; ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужитья другъ съ другомъ и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ попытались раздѣлиться, живя рядомъ, но не виѣстѣ; это и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Опричнина боролась не противъ класса, а противъ отдѣльныхъ лицъ; представительницѣ класса—боярской думѣ—поручено было даже веденіе текущихъ дѣлъ управленія безъ участія царя. Правда, въ средѣ опричнины бродили смутныя идеи дворянской демократіи, зависимой исключительно отъ царя, ему одному обязанной своимъ возвышеніемъ; но эти идеи не переходили въ жизнь, сдерживаемыя преданіемъ и обычаемъ. Попытки измѣнить старинный государственный порядокъ сдѣлались возможными лишь тогда, когда рушился, не отъ рукъ человѣческихъ, краеугольный камень этого порядка—когда пресѣклась царская династія.

Мысль о формальномъ политическомъ контрактѣ съ государемъ появилась въ средѣ бояръ, по мнѣнію г. Ключевскаго, тотчасъ же послѣ смерти Федора Ивановича. Онъ объясняетъ ея образъ дѣйствій Бориса и бояръ передъ вступленіемъ перваго на царскій престолъ. Бояре ждали, что Борисъ догадается и заговоритъ объ обязательствахъ, объ уговорѣ—а Борисъ ждалъ, пока московскій народъ и земскій соборъ заставятъ бояръ признать его царемъ безъ всякихъ ограниченій. Лжедмитрій былъ провозглашенъ царемъ безъ условій, потому что онъ считался прямымъ наслѣдникомъ прежнихъ царей; но при воцареніи Василія Шуйскаго бояре, наконецъ, достигли своей цѣли. Царь, вышедшій изъ ихъ среды, обязался безъ совѣщанія съ думой никого не казнить, не отнимать имѣнія у семействъ преступниковъ, не слушать доносовъ, но разслѣдовать дѣло, ставя обвинителя и обвиняемаго съ очей на очи. Какое значеніе имѣлъ земскій соборъ по боярской конституціи Шуйскаго—это г. Ключевскій признаетъ не яснымъ; слова Шуйскаго въ Успенскомъ соборѣ: „дѣлаю я крестъ *всей землѣ* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлать *безъ собору* никакого дурна“—понимаются имъ въ смыслѣ намѣренія царя ограничить свою власть не боярской думой, а земскимъ собраніемъ. „Присяга *всей землѣ*“, говоритъ г. Ключевскій, „была попыткой государственнаго удара, который долженъ былъ освободить царя отъ обязательствъ передъ боярами“. Отсюда возраженіе, вызванное этой присягой; бояре и *всякіе люди* говорили Василію, чтобы „онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ московскомъ государствѣ того не повелось“. Консервативнымъ направленіемъ боярства г. Ключевскій объясняетъ и ограниченное число условій, включенныхъ въ договоръ съ Шуйскими—условія, направленныхъ исключительно къ

охраненію личной и имущественной безопасности. Обеспечивать свое участіе въ управленіи, безъ того освященное вѣковыми обычаями, бояре не считали нужнымъ, и дѣйствительно, при Шуйскомъ они были сильнѣе самого царя. Одной ступенью ниже, въ средѣ недавно выслужившагося дворянства, потребность въ переиначкахъ чувствовалась живѣе. Произведеніемъ ея были условія договора 1610 г., призывавшаго на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Заключенный по инициативѣ одного изъ меньшихъ людей, Салтыкова, этотъ договоръ ограничиваетъ власть царя не только боярской думой, но и земскимъ соборомъ; послѣднему предоставляется учредительная власть, первой — текущее законодательство, установленіе новыхъ налоговъ и высшая судебная власть. Вскорѣ по низверженіи Шуйскаго, въ договору присоединяются и московскіе бояре, исключая изъ него только условія о повышеніи меньшихъ людей и о свободномъ отъѣздѣ за границу для науки, т. е. для образованія. Несомнѣнно, что и царь Михаилъ вступилъ на престолъ съ ограниченной властью; но условія ограниченія передаются различно. Предусматривалось ли въ нихъ значеніе земскаго собора — неизвѣстно; но на самомъ дѣлѣ царствованіе Михаила Федоровича было временемъ усиленной дѣятельности земскаго собора, на обсужденіе котораго предлагались даже вопросы о новыхъ налогахъ, договоромъ 1610 г. отнесенные къ вѣдѣнію государя съ боярской думой. Земскій соборъ созывался и при Алексѣѣ Михайловичѣ, хотя послѣдній, по выраженію Котошихина, „письма на себя не далъ никакого, что прежніе цари даывали“; съ него такого письма и не спрашивали, „потому что разумѣли его гораздо тихимъ“.

„Опытами политическаго договора“, говорятъ г. Ключевскій, „кончилась политическая исторія боярской думы. Далѣе она перестаетъ быть участницей верховной власти, становясь только ея орудіемъ, остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ, но изъ политической силы превращается въ простое правительственное удобство“. Боярство, какъ *классъ*, терлетъ свое прежнее значеніе, главнѣйшимъ образомъ потому, что перестаетъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ огромную массу земледѣльческаго населенія и труда. Многое было въ этомъ отношеніи потеряно боярствомъ въ смутное время, многое вновь приобрѣтено при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ — но приобрѣтено уже не однимъ боярствомъ, а всѣмъ служилымъ сословіемъ, средніе классы котораго въ XVII в. успѣшно соперничаютъ съ боярами, отбивая у нихъ и чины, и помѣстья, и вліяніе въ думѣ. Боярство растворяется въ служилой дворянской массѣ; въ 1687 г. Шаховитый имѣлъ уже полное основаніе назвать его „забытымъ, уванившимъ деревомъ“. При Петрѣ боярская дума все больше и больше

обращается въ простое административное учрежденіе, безъ шуму уступающее мѣсто севату. Любопытно усиліе, сдѣланное умирающимъ боярствомъ одновременно съ уничтоженіемъ мѣстничества — усиліе, направленное, по выраженію г. Ключевскаго, къ административной децентрализаціи государства. „Палатствія бояре“ предложили Федору Алексѣевичу, чтобы въ его державѣ, „по подчиненнымъ единой власти государствамъ и царствамъ“, были царскіе намѣстники, „великородные бояре“, вѣчно, и носили бы они „тѣла тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ“; одинъ, напримѣръ, назывался бы бояриномъ и намѣстникомъ — княземъ царства казанскаго, другой — царства сибирскаго и т. д. Царь согласился было на это предложеніе, неосуществившееся лишь вслѣдствіе возраженій патріарха. Единственнымъ плодомъ неудавшагося проекта осталась роспись высшихъ чиновъ и должностей, распределенныхъ на тридцать четыре степени. Многія не только вновь проектированныя, но и старыя должности названы въ этой росписи греческими, или, лучше сказать, византійскими терминами; первый бояринъ расправной палаты именуется, напримѣръ, *дижеофилаксомъ*, кравчій — *куропалатомъ* и т. п. Удивляется ли послѣ того — прибавимъ мы отъ себя — появленію петровской таблицы о рангахъ, съ ея коллежскими регистраторами, всяческими совѣтниками и провинціальными секретарями? Германія и Швеція разыграли здѣсь роль, прежде предназначавшуюся Византіи.

Сказанное нами до сихъ поръ представляетъ сжатый, но по возможности полный сводъ главныхъ положеній г. Ключевскаго, относящихся къ важнѣйшему отдѣлу исторіи боярской думы. Не всѣ эти положенія кажутся намъ одинаково бесспорными и достовѣрными; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ характеръ гипотезъ, остроумныхъ и болѣе или менѣе правдоподобныхъ, но еще требующихъ подтвержденія. Такова, напримѣръ, попытка объяснить образъ дѣйствій боярства въ XVI в. тогдашнимъ земледѣльческимъ кризисомъ, возобновленіемъ колонизаціоннаго движенія. Своимъ вліяніемъ и силой бояре, безъ сомнѣнія, были обязаны отчасти богатству, основанному, въ свою очередь, на крупномъ землевладѣніи; но эта опора только пошатнулась и притомъ пошатнулась тогда, когда положеніе бояръ было еще прочно и позволяло имъ принять мѣры къ самооборонѣ. Моущество бояръ, при Иванѣ Грозномъ и ближайшихъ преемникахъ его, коренилось въ Москвѣ, а не въ селахъ; оскуднѣніе помѣстій не было для бояръ такимъ ударомъ, какимъ было бы, напримѣръ, для средневѣковаго западно-европейскаго феодала поголовное бѣгство вилланъ, платившихъ ему оброкъ и выхोдившихъ за него въ поле. Утверждать, что вниманіе бояръ, въ рѣшительную для нихъ минуту, было отвлечено отъ столицы и направлено къ

деревнѣ, можно было бы въ такомъ только случаѣ, еслибы было доказано, что деревенская неурядица требовала личнаго присутствія бояръ на мѣстѣ, отражалась на занятіяхъ думы, надолго отнимала у нея значительное число членовъ, или побуждала ее входить въ компромиссы съ верховною властью, уступать въ вопросахъ политическихъ, за уступки въ вопросахъ аграрныхъ. Фактовъ этого рода мы у г. Ключевского не находимъ. Мы видимъ, наоборотъ, что поземельныя отношенія устриваются въ боярскихъ интересахъ даже тогда, когда послѣдніе идутъ въ разрѣзъ съ интересами государства и намѣреніями государя, что Иванъ Васильевичъ напрасно старается поднять на Стоглавомъ соборѣ вопросъ о закладничествѣ, что въ Судебникъ 1550 г. включаются постановленія, благопріятны именно для крупныхъ землевладѣльцевъ. Какъ бы важенъ ни былъ для боярства вопросъ о рабочихъ рукахъ, еще важнѣе былъ для него вопросъ о жизни и благосостояніи, о предупрежденіи такихъ явленій, какъ опричнина; непріятіе имъ (до начала смутнаго времени) никакихъ мѣръ въ этомъ направленіи едва ли можно приписать заботливости его о деревнѣ. Много ли выигрывалъ бояринъ отъ пріобрѣтенія рабочихъ рукъ, если имѣніе его, вмѣстѣ съ этими руками, во всякую данную минуту могло быть отнято у него и передано другому? Объясненія, отвергаемыя г. Ключевскимъ или удаляемыя имъ на задній планъ, кажутся намъ болѣе вѣскими, чѣмъ то, которому онъ отводитъ первое мѣсто. Способъ образованія московскаго боярства и сосредоточеніе его въ Москвѣ, при дворѣ государя, несомнѣнно предрѣшили, до извѣстной степени, дальнѣйшую его исторію. Численное преобладаніе *побѣжденныхъ* не могло не наложить печать на дѣятельность думы, не могло не уменьшить ея самостоятельность, ея довѣріе къ собственнымъ силамъ; въ такомъ же смыслѣ дѣйствовало и оставленіе боярами той среды, въ которой имъ всего легче было бы сохранить за собою могучія точки опоры. Аналогія между князьями, перенесенными изъ удѣловъ въ Москву, и большими феодальными владѣльцами, промѣнявшими свои замки на Парижъ или Версаль, напрашивается сама собою, и едва ли можетъ быть устраниена предвзвѣтой мыслью о несходствѣ русской исторіи съ западно-европейскою. Есть условія, одинаково дѣйствующія вездѣ и всегда—и къ числу подобныхъ условій принадлежитъ живая связь между лицомъ и средой, какъ источникъ силы и вліянія для перваго. Подтачивать энергію, инициативу бояръ должны были, далѣе, и мѣстныя счеты, обусловливаемые въ свою очередь самымъ генезисомъ боярства, наплывомъ развѣнчаныхъ князей, антагонизмомъ между элементами пришлымъ и туземнымъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще одну черту, какъ нельзя лучше выяснен-

ную авторомъ „Боярской думы“—консервативный строй мысли, господствовавшій въ московскомъ государствѣ. „Отношенія и стремленія людей, правившихъ тогдашнимъ обществомъ“, справедливо замѣчаетъ г. Ключевскій, „управлялись гораздо болѣе привычками, преданіемъ, нежели идеями. О времени царя Ивана Грознаго преимущественно можно сказать, что люди тогда дѣйствовали такъ, а не иначе, не потому, что извѣстнымъ образомъ предназначали себѣ будущее, а потому, что не умѣли достаточно отвыкнуть отъ прошедшаго“. Излагая политическіе взгляды бояръ, выразившіеся въ письменныхъ памятникахъ XVI в., г. Ключевскій недостаточно, какъ намъ кажется, отгѣнилъ личный характеръ этихъ взглядовъ. Читая его книгу, можно подумать, что рѣчь идетъ о мнѣніяхъ всего боярства или значительной его части, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ цитируются исключительно слова кн. Василя Косого Патрикеева (въ монашествѣ Вассіана), кн. Курбскаго и неизвѣстнаго автора валаамской бесѣды. Вассіанъ и кн. Курбскій были передовыми людьми своего времени; на князя Курбскаго подѣйствовало, кромѣ того, все видѣнное и слышанное имъ въ Литвѣ. Само собою разумѣется, что у нихъ были послѣдователи и единомышленники; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ ихъ сочиненіяхъ отражалось общее настроеніе боярства. У нихъ работаетъ мысль, расширяется кругозоръ, ступенькаются сословные предрасудки; ихъ подвижность составляетъ яркій контрастъ съ инерціей боярства. Если бы въ средѣ послѣднаго было больше Курбскихъ и Вассіановъ, его судьба, а вмѣстѣ съ нею, быть можетъ, и судьба Россіи, была бы совершенно другая. Большинство бояръ коснѣло въ умственной лѣни, оставалось чуждо всякимъ умственнымъ интересамъ; замкнутость русской жизни брала свое, преодолѣть ея гнетъ удавалось лишь не многимъ. Сила привычки, не встрѣчая достаточнаго отпора, удерживала боярство отъ всякой инициативы, даже тогда, когда она требовалась самозащитой.

Отказываясь признать Вассіана и кн. Курбскаго типическими представителями современной имъ знати, мы не видимъ основанія предполагать, что боярство Ивана Грознаго, какъ правительственный классъ, было расположено подѣлиться властью съ другими сословіями, ввести земскій соборъ въ обиходъ русской государственной жизни. Въ эпоху Стоглаваго собора преобладающая роль принадлежала не боярамъ, а Сильвестру и Адашеву; имъ, преимущественно, принадлежить и заслуга преобразовательной политики, восторжествовавшей невдалеко при дворѣ Ивана Грознаго. Если бы мнѣніе о земскомъ соборѣ, выраженное Курбскимъ и авторомъ валаамской бесѣды, было мнѣніемъ большинства бояръ, то оно сказалось бы въ такіа критическіа минуты, какъ воцареніе Бориса Годунова и Василя Шуйскаго.

Обязательства, навязанныя послѣдному, свидѣлствуютъ, наоборотъ, о крайней близорукости и себялюбіи боярства; еще характеристичнѣе осужденіе боярами присяги, которую Шуйскій принесъ *всей землѣ*,—если только правильно объясненіе, данное этому факту г. Ключевскимъ (а оно представляется въ высшей степени правдоподобнымъ). Мысль о земскомъ соборѣ, какъ о необходимомъ органѣ управления, является уже въ смутное время и исходитъ не отъ боярства, а только усвоивается имъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ. Предоставленное самому себѣ, призванное номимо воли къ политическому творчеству, боярство оказалось столь же неспособнымъ къ энергической и широкой инициативѣ, каковымъ оно было подъ рукою царя, подъ господствомъ обычая и преданія. Неудивительно, что оно не сумѣло постоять за себя и незамѣтно растеряло все, что имѣло. Петровская реформа не убила, а только похоронила боярство и боярскую думу. До какой степени немислима въ Россіи аристократія, какъ политическая сила—это написано яркими буквами на каждой страницѣ книги г. Ключевского.

Остановимся, въ заключеніе, на нѣсколькихъ интересныхъ фактахъ, приводимыхъ г. Ключевскимъ, и на нѣсколькихъ отдѣльных его мнѣніяхъ, могущихъ быть предметомъ спора. Несмотря на неопредѣленность формъ дѣлопроизводства, соблюдавшихся въ боярской думѣ, во второй половинѣ XVII вѣка выработалось виѣшнее различіе между постановленіями общаго, органическаго характера, и опредѣленіями, относившимися къ частнымъ случаямъ; первыя скрѣплялись „всѣхъ думныхъ дьяковъ руками“, вторыя помѣчались однимъ изъ думныхъ дьяковъ. Различіе между *закрѣпой* и *помѣтой* соответствовало, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ приблизительно — современному различію между закономъ и административнымъ распоряженіемъ (или судебнымъ рѣшеніемъ). Встрѣчались, однако, случаи помѣты актовъ, требовавшихъ закрѣпы, и наоборотъ—подобно тому, какъ и въ настоящее время не всѣ постановленія, имѣющія характеръ законовъ, издаются въ законодательномъ порядкѣ. Въ оправданіе нашихъ предковъ можно сказать, что различіе между актами того и другого рода не было для нихъ вполне ясно, да и не было, притомъ, освящено закономъ. Другая черта сходства и вмѣстѣ съ тѣмъ различія между прошедшимъ и настоящимъ—это *челобитныя* (но выѣшнему—ходатайства). „Подписныя челобитныя“—говоритъ г. Ключевскій (*подписными* онѣ назывались потому, что революціи государя съ боярами отмѣчались на нихъ подписью или помѣтой думнаго дьяка)—, имѣли очень важное значеніе въ развитіи московскаго законодательства; это была наиболѣе обычная, такъ-сказать, ежедневная форма участія общества въ устроеніи общественнаго

порядка. Въ памятникахъ XVII вѣка находимъ многочисленныя слѣды коллективныхъ челобитныхъ, поданныхъ служилыми людьми московскихъ чиновъ, дворянами разныхъ уѣздовъ и другими классами съ заявленіемъ своихъ мѣстныхъ или сословныхъ нуждъ, съ указаніемъ на какой-либо пробѣлъ въ законодательствѣ. Довольно сказать, что статьи уложенія 1649 г., зачислившія въ городское тягло городскія и подгородныя слободы частныхъ привилегированныхъ владѣльцевъ и при этомъ уничтожившія льготное состояніе „закладчиковъ“, были внушены просьбами разныхъ чиновъ выборныхъ людей земскаго себѣта, доложенными и помѣченными думнымъ дьякомъ, какъ докладывались и помѣчались всѣ частныя челобитныя, поданныя самому государю. О чемъ безуспѣшно хлопоталъ царь Иванъ Грозный въ своихъ предложеніяхъ собору 1551 г., то спустя столѣтіе проведено было снизу скромной подписной челобитной земскихъ людей“. Въ настоящее время у насъ существуютъ только земскія ходатайства; коллективныя петиціи другого рода не допускаются ни закономъ, ни практикой. Подписныя челобитныя не были ограничены определенными предметами; земскія ходатайства должны относиться къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ. Подписныя челобитныя восходили на разсмотрѣніе боярскаго думы и государя, т.-е. законодательной власти; на долю земскихъ ходатайствъ такая судьба выпадаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и лишь по умотрѣнію администраціи.

Свободный, вообще говоря, отъ пристрастія къ боярскаго думѣ, г. Ключевскій кажется намъ, однако, слишкомъ свискодительнымъ въ оцѣнкѣ ея судебно-законодательной дѣятельности. „Слѣда за тѣмъ“, говоритъ онъ, „какъ двигались неуклюжія, неповоротливыя и не всегда опрятныя колеса центральной правительственной машины, какъ среди безконечной волокиты и постоянныхъ остановокъ, среди ябеды, взяткоу, встрѣчныхъ и поперечныхъ исконъ и клаузу или по этимъ колесамъ частныя дѣла, поднимаясь „въ верхъ къ бояромъ“, и какъ въ концѣ этой трудной и медленной работы являлся боярскій приговоръ съ его обычнымъ: „да и впредь“, иногда пераживающимъ своею ясностью, простотой и практическимъ смысломъ, — слѣда за всѣмъ этимъ, невольно воспоминаешь трудную и грязную работу хлѣбопашца, въ концѣ которой является полное, чисто провѣянное и питательное зерно“. Примѣры, приводимые г. Ключевскимъ, плохо подтверждаютъ это сравненіе. Прибавка новаго прецедента по вопросу о выкупѣ родовыхъ вотчинъ едва ли можетъ быть рассматриваема какъ эквивалентъ тѣмъ мытарствамъ, черезъ которыя прошла тѣжба Плещеевой и Вердеревскихъ съ Македонскимъ; что касается до продолжавшагося около тридцати лѣтъ дѣла Фефилатьева съ Угрѣшскимъ монастыремъ, то оно даже и вовсе не привело къ раз-

явленію или дополненію закона. Положеніе тяжущихся и вообще всѣхъ страдавшихъ отъ ябеды и воловты не становилось лучшимъ отъ того, что приговоръ, разрѣшавшій частное дѣло, иногда отличался практическимъ смысломъ. Законодательство, слагавшееся казуистическимъ путемъ, подъ вліяніемъ случая и кляузы, далеко не было „питательнымъ зерномъ“ для массы народа.

Г-нъ Ключевскій не раздѣляетъ мнѣнія, связывающаго екатерининскую „комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія“ съ старинными земскими соборами — не раздѣляетъ его потому, что земскіе соборы никогда не созывались для составленія законопроектовъ. „Скромный первообразъ, неясный силуэтъ“ екатерининской комиссіи — г. Ключевскій видитъ въ той комиссіи (изъ 12 членовъ думы, 28 стольниковъ, 2 дворянъ и 6 дьяковъ), которой Петръ Великій поручилъ, въ 1700 г., составленіе проекта уложенія. Общепринятый взглядъ кажется намъ болѣе правильнымъ, чѣмъ параллель, проводимая г. Ключевскимъ. Отличительная черта земскихъ соборовъ — это совѣщаніе государя съ уполномоченными отъ всѣхъ сословій государства; наличность этой черты служитъ несомнѣнной и весьма важной точкой сопоставленія между екатерининской комиссіей и земскими соборами. Задача, возложенная на екатерининскую комиссію, дѣйствительно была сходна съ той, которую за семьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ преслѣдовалъ Петръ Великій; но это сходство не перевѣшиваетъ разницы между обѣими комиссіями, обуславливаемой ихъ составомъ и способомъ созыва. Петровская комиссія была учрежденіемъ административнымъ, вполне однороднымъ съ комиссіями, выдѣлявшимися и прежде изъ среды боярской думы; екатерининская комиссія, по своей основной мысли, была учрежденіемъ представительнымъ, народнымъ. Первая была явленіемъ зауряднымъ, будничнымъ, вторая — явленіемъ чрезвычайнымъ, высоко поднимавшимся надъ обычнымъ уровнемъ русской государственной жизни. Комиссіей въ родѣ Петровской достаточно, даже слишкомъ достаточно — и въ настоящемъ, не представляющемъ, однако, ничего похожаго на екатерининскую комиссію.

Л. Владиміровъ. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Общая часть. Книга первая. Уголовно-судебная достоверность. Харьковъ, 1882.

Новые судебные уставы, уничтоживъ формальную теорію доказательствъ, не уничтожили и не могли уничтожить потребность въ такихъ общихъ началахъ, которыя служили бы руководствомъ для судей при оцѣнѣ фактическихъ данныхъ, обуславливающихъ рѣшеніе. Истинныя или вредныя въ положительномъ законѣ, даже въ

официальной инструкціи, эти общія начала вѣдѣній умѣстны въ наукѣ права. Она заимствуетъ ихъ, болѣе частью, изъ другихъ, болѣе точныхъ наукъ, но научаетъ пользоваться ими въ специальной сферѣ уголовного процесса, освѣщаетъ ихъ указаніями опыта, накопившимися, въ продолженіе—многихъ столѣтій. Трудъ г. Владимірова, давно составившаго себѣ почетную извѣстность монографіями по уголовному судопроизводству (о судѣ присяжныхъ, о значеніи экспертовъ въ дѣлахъ уголовныхъ), представляется тѣмъ болѣе полезнымъ, что оригинальными сочиненіями по теоріи доказательствъ наша юридическая литература весьма небогата. Первый отдѣлъ названнаго нами труда посвященъ вопросу объ уголовной достовѣрности; вторымъ отдѣломъ заключится общая часть ученія объ уголовныхъ доказательствахъ, особенную часть котораго авторъ предполагаетъ положить въ пяти дальнѣйшихъ книгахъ. Книга, лежащая теперь передъ нами, соответствуетъ, вообще говоря, своей дѣли; пожалѣть можно только о томъ, что въ ней слишкомъ много цитатъ и слишкомъ мало приѣзровъ, разъясняющихъ общее правило. Перечислена, на 24 страницахъ (изъ 156), постановленій о доказательствахъ не только изъ нашего XV-го тома, но и изъ двухъ иностранныхъ кодексовъ (австрійскаго и вюртембергскаго), представляется совершенно излишней, равно какъ и подробныя выписки изъ заводоуправленія Ману, имѣющія, на-половину, только значеніе курьезовъ. Не вполне правильнымъ кажется намъ, далѣе, отношеніе автора къ нашей кассационной практикѣ; онъ говоритъ о ней или слишкомъ много, или слишкомъ мало,—слишкомъ много, если онъ считаетъ ее не имѣющею существеннаго значенія, слишкомъ мало, если онъ признаетъ необходимымъ познакомиться съ нею своихъ читателей. Такъ, напримѣръ, изъ всѣхъ многочисленныхъ сенатскихъ рѣшеній по вопросу о заключительномъ словѣ председателя, г. Владиміровымъ приведено только одно, состоявшееся, притомъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ и едва ли выражающее особю окончательный взглядъ сената на данный предметъ.

Къ числу лучшихъ страницъ книги принадлежитъ разборъ тѣхъ соображеній, которыя приводятся обыкновенно въ защиту формальной теоріи доказательствъ. Защитники этой теоріи видятъ въ ней произведеніе вѣковой мудрости народовъ, именно потому пересѣивающее свободу личнаго убѣжденія и обязательное для судей. По справедливому замѣчанію г. Владимірова, пословицы—также произведеніе народной мудрости; однако никто еще не считалъ возможнымъ возвести ихъ на степень правилъ, обязательныхъ регулирующихъ образъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ. Въ подтвержденіе того, что пословицы ни въ чемъ не уступаютъ формальной теоріи доказательствъ,

г. Владиміровъ цитируетъ длинный рядъ нѣмецкихъ юридическихъ поговорокъ, относящихся именно къ значенію доказательствъ. Этотъ поламическій пріемъ очень удаченъ, напрасно только авторъ смѣшиваетъ пословицы, заслуживающія названіе *прекрасныхъ*, съ пословицами совершенно другого сорта. „Behaupten ist nicht beweisen“ (утверждать—не значить доказывать); „Argwohn ist nicht Beweis“ (подозрѣніе—не доказательство); „Hörensagen ist halb gelogen“ (свидѣтельство по слуху на половину вымышлено)—это поистинѣ золотыя правила, достойныя быть начертанными на стѣнахъ суда; но нельзя сказать того же самаго объ изреченіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: „Gemein Gerücht ist selten ganz erlogen“ (народная молва рѣдко цѣлкомъ выдумана); „ein Zeuge ist genug mit einem bösen Gerüchte“ (одного свидѣтеля достаточно, чтобы осудить того, противъ кого идетъ народная молва); „durch zwei Zeugen Mund wird allerwärts die Wahrheit Kund“ (двумя свидѣтельскими показаніями всегда раскрывается правда). Эти изреченія мы никакъ не можемъ назвать прекрасными; они свидѣлствуютъ только о томъ, какъ мало можно полагаться на „опытъ народовъ“, не повѣренный критикою и наукой. Второй аргументъ въ пользу теоріи доказательствъ—это господство ея въ Англіи; но г. Владимірову удалось показать съ полною ясностью, что англійская теорія доказательствъ есть методъ изслѣдованія истины, а не совокупность правилъ, заранѣе опредѣляющихъ вѣсъ и цѣну доказательствъ.

Книга г. Владимірова заключаетъ въ себѣ не мало практическихъ замѣчаній, болѣею частью вполне правильныхъ и весьма полезныхъ для защитниковъ, обвинителей и судей. Сюда относится, на примѣръ, указаніе на то, что защитнику (г. Владиміровъ могъ бы прибавить и *обвинителю*) не слѣдуетъ говорить о полномъ убѣжденіи своемъ въ достовѣрности того или другого факта, составляющаго предметъ судебного слѣдствія, не слѣдуетъ ссылаться на свой личный опытъ, на свои совѣты. Выражалась такимъ образомъ, сторона требуетъ какъ бы вѣры ея словамъ—а она можетъ требовать лишь безпристрастнаго и внимательнаго разбора приводимыхъ ею мнѣній и аргументовъ. Съ другимъ ограниченіемъ свободы дѣйствій стороны, предлагаемыхъ г. Владиміровымъ, мы согласиться не можемъ. Стороны, утверждаетъ авторъ, не имѣютъ права приводить мнѣнія изъ ученыхъ сочиненій съ цѣлью опроверженія эксперта, давашаго заключеніе на судѣ; онѣ могутъ опровергать это заключеніе только заключеніемъ другого эксперта, даннымъ по тому же дѣлу и при тѣхъ же условіяхъ. Съ практической точки зрѣнія мнѣніе г. Владимірова кажется намъ весьма опаснымъ. Экспертами на судѣ у насъ въ Россіи часто являются лица, мало свѣдущія (напр. уѣзд-

ные врачи, далеко не всегда слѣдящіе за наукой, не всегда даже хорошо помнящіе приобрѣтенное на школьной скамьѣ); запретить сторонамъ оспаривать ихъ заключеніе—а средствомъ оспариванія, въ особенности при наличности одного только эксперта, могутъ служить лишь ссылки на судебно-медицинскую литературу.—значило бы иногда вводить присяжныхъ въ явную ошибку. Неправильность или неточность ссылки, сдѣланной стороною, можетъ быть тотчасъ же обнаружена ея противникомъ или предсѣдательствующимъ на судѣ. Съ теоретической точки зрѣнія мы признаемъ за сторонами право критической оцѣнки всего происходившаго на судѣ, безъ всякаго исключенія; только при этомъ условіи возможно всестороннее, полное освѣщеніе дѣла. Авторъ цитируемаго сочиненія—замѣчаетъ г. Владиміровъ—не присутствуетъ на судѣ и не подвергается перекрестному допросу; въ нашихъ глазахъ это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ мнѣніе, приводимое стороною, высказано не по поводу даннаго дѣла и имѣетъ чисто-научный характеръ. Присяжные, съ помощью предсѣдательскихъ разъясненій, сами сумѣютъ опредѣлить сравнительный вѣсъ заключенія, ими выслушаннаго, и мнѣнія, прочитаннаго передъ ними.—К.

— *Король Лиръ*. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ В. Шекспира. Переводъ С. Юрьева. Москва, 1882.

Изъ всѣхъ созданий англійскаго генія особенною популярностью пользуются у насъ, какъ и повсюду въ Европѣ, „Гамлетъ“, „Отелло“ и „Король Лиръ“. Въ нашей литературѣ объ этихъ трагедіяхъ было говорено едва ли не больше, чѣмъ обо всѣхъ остальныхъ пьесахъ Шекспира, вѣстѣ ввѣтыхъ; онѣ же преимущественно останавливали на себѣ и вниманіе переводчиковъ. „Гамлета“ мы имѣемъ въ явномъ полныхъ переводахъ, „Отелло“—въ шести; „Король Лиръ“ былъ переведенъ три раза стихами и одинъ разъ прозою; теперь является четвертый стихотворный переводъ этой трагедіи, исполненный г. Юрьевымъ. Трудъ этотъ заслуживаетъ вниманія именно потому, что онъ (за исключеніемъ прозаическихъ переводовъ г. Кетчера) представляетъ первую въ нашей литературѣ попытку дословнаго, буквального (насколько это согласно съ стихотворной формой) и совершенно *помаю*, безъ всякихъ пропусковъ, перевода шекспировской трагедіи. Это и заставляетъ насъ остановиться на немъ подробнѣе и рассмотреть, насколько удалось переводчику выполнить свою нелегкую задачу.

Переводить такого писателя, какъ Шекспиръ, вообще, дѣло очень трудное, требующее значительнаго таланта и глубокаго знанія не

только шекспировскаго, но и своего родного языка; переводить Шекспира буквально—дѣло, скажемъ прямо, не только трудное, но и не благодарное, потому что большинство читающей публики не въ состояніи понять и оцѣнить по достоинству подобный трудъ. Бѣлинскій, разсуждая о переводахъ вообще, раздѣлялъ ихъ на два отдѣла: переводы, подстроично близкіе къ подлиннику, и переводы, представляющіе поэтическое воспроизведеніе оригинала; при этомъ онъ совершенно правильно замѣтилъ, что слить оба условія въ одномъ трудѣ, въ одно и то же время передать и поэзію, и букву подлинника—есть трудъ едва ли доступный силамъ человѣческимъ, идеальнo-практически недостижимый. Въ примѣненіи къ Шекспиру это замѣчаніе, пожалуй, еще болѣе вѣрно, чѣмъ въ примѣненіи къ любому изъ остальныхъ европейскихъ писателей (вромѣ, развѣ, Рабля). Шекспировскій языкъ, не говоря уже о вообще присущей англійскому языку особенной силѣ и лаконичности, верѣдью однимъ словомъ замѣняющей цѣлую мысль, представляетъ для переводчика множество непреодолимыхъ затрудненій своею чрезвычайною образностью, метафоричностью, обиліемъ всевозможныхъ фигуръ и причудливыхъ украшеній слога, словомъ, тѣми качествами, какія характеризуются въ исторіи литературы названіемъ эффонизма. Прибавьте къ этому колоссальное богатство и разнообразіе отгѣнновъ рѣчи, отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ грубыхъ и площадныхъ, обиліе всевозможныхъ нословницъ, поговорокъ, намековъ, смыслъ которыхъ иногда не вполне понятенъ даже и современному англичанину, вынужденному прибѣгать къ помощи особенныхъ шекспировскихъ словарей, наконецъ—частое употребленіе синонимовъ, различіе между которыми совершенно неуловимо для иностранца,—и вы получите нѣкоторое, приблизительное понятіе о тѣхъ трудностяхъ, съ какими приходится бороться русскому переводчику, воспитанному въ совершенно иныхъ понятіяхъ и на языкѣ, по самой натурѣ своей недопускающемъ ничего преувеличенно-напыщеннаго.

Эти причины побудили одного изъ прежнихъ переводчиковъ „Короля Лира“, Дружинина, совершенно отказаться отъ желанія какъ можно ближе подойти къ буквѣ оригинала. Передавая трагедію Шекспира на русскомъ языкѣ, онъ поставилъ себѣ цѣлью, какъ онъ самъ говоритъ въ прекрасномъ вступительномъ этюдѣ, сдѣлать это произведеніе доступнымъ для всѣхъ русскихъ читателей, безъ различія пола, возраста и развитія, стараясь, чтобы переводъ не поразилъ изысканностью своего слога ни одного человѣка, воспитаннаго на простой русской рѣчи. Вслѣдствіе этого Дружининъ обратилъ преимущественное вниманіе не на буквальность и полноту своего перевода, а на его литературную и поэтическую обработку. Резуль-

татомъ этого труда было произведеніе, пріобрѣвшее значительную популярность и, въ самомъ дѣлѣ, представляющее, по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, цѣнный вкладъ въ нашу переводную литературу. Правила, высказанныя Дружининимъ, были приняты въ руководство даровитѣйшими изъ русскихъ переводчиковъ Шекспира, труды которыхъ были встрѣчены образованными читателями съ полнымъ сочувствіемъ. Переводъ „Лира“, сдѣланный Дружининимъ, извѣстенъ всякому, читающему Шекспира по-русски, между тѣмъ какъ болѣе точные и полные переводы гг. Леймова и Лазаревского знакомы лишь весьма немногимъ,—именно, благодаря тому, что излишнее пристрастіе къ буквѣ оригинала послужило здѣсь въ ущербъ литературному достоинству перевода.

Но Дружининъ, перевода „Лира“, можетъ быть, слишкомъ уже увлекся стремленіемъ *упростить* шекспировскую трагедію и позволилъ себѣ сдѣлать слишкомъ много пропусковъ, далеко не всегда оправдываемыхъ тою цѣлью, какую онъ имѣлъ въ виду. Позднѣйшіе его переводы „Кориолана“, „Ричарда III“, „Короля Джона“ почти вовсе не заслуживаютъ упрека въ этомъ излишне-свободномъ отношеніи къ подлиннику; въ примѣненіи къ „Лирѣ“ упрекъ этотъ вполне основателенъ. Литературное достоинство перевода несколько не пострадало бы, если бы въ немъ были воспроизведены, съ искусствомъ, отличавшимъ талантливаго переводчика, исключенныя имъ сцены и рѣчи. Въ виду этого недостатка, вполне естественно желаніе другого переводчика исправить ошибки своего предшественника и дать новый переводъ шекспировской трагедіи, въ которомъ, при всей возможной близости къ подлиннику, были бы соблюдены и условія, требуемыя отъ каждаго хорошаго литературнаго произведенія.

Въ такомъ переводѣ „Короля Лира“ мы, дѣйствительно, нуждаемся, и г. Юрьевъ, по всей вѣроятности, руководился именно этими соображеніями, предпринимая свой трудъ. Говоримъ: „по всей вѣроятности“, потому что самъ онъ не предпослалъ своему труду никакихъ объясненій и указаній. Но такъ какъ, судя по исполненію перевода, его слѣдуетъ причислить скорѣе къ первому, чѣмъ ко второму изъ отдѣловъ, установленныхъ Вѣлискимъ, то мы позволяемъ себѣ думать, что переводчикъ имѣлъ въ виду не столько „средняго“, простаго читателя, о которомъ заботился Дружининъ, сколько любителей и знатоковъ англійскаго поэта. Этимъ опредѣляется и мѣрка, которую должно прилагать къ труду г. Юрьева: точность, буквальность, полнота—на первомъ планѣ; поэзія—на второмъ; только по отношенію къ первому читатель можетъ быть особенно требовательнымъ.

Итакъ, прежде всего—о точности и полнотѣ.

Переводъ г. Юрьева можно признать самымъ полнымъ изъ всѣхъ русскихъ переводовъ „Короля Лира“. По крайней мѣрѣ, при внимательномъ чтеніи его en regard съ подлинникомъ, мы отиѣтили только три—и при томъ самыхъ незначительныхъ, въ два-три слова,—пропусковъ (въ рѣчахъ Эдгара, III, 4), происшедшихъ, вѣроятно, просто отъ недосмотра. То же слѣдуетъ сказать и относительно *внѣшней* точности: стихи вездѣ переведены стихами (за исключеніемъ лишь немногихъ строкъ въ 3-й сценѣ IV акта), проза—прозой. Но нельзя того же сказать о точности *внутренней*, о близости къ подлиннику и вмѣстѣ съ тѣмъ—къ духу правильной, ясной русской рѣчи; въ этомъ отношеніи переводъ г. Юрьева не вездѣ свободенъ отъ недостатковъ. Предѣлы настоящей замѣтки не позволяютъ намъ останавливаться на этихъ недостаткахъ во всей подробности; поэтому мы будемъ указывать лишь на такія мѣста, гдѣ неточность перевода является особенно замѣтною.

Въ первой же сценѣ I акта, Глостеръ, говоря объ Эдмундѣ, выражается такъ: „у меня есть сынъ, нѣсколькими годами старше его“ (стр. 4); между тѣмъ, во второй сценѣ II акта (стр. 18), Эдмундъ говоритъ о себѣ: „раньше брата однимъ лишь годомъ вышелъ я на свѣтъ“. Кто же старше: Эдмундъ или Эдгаръ? Соответствующія мѣста подлинника совершенно ясны: тамъ Глостеръ говоритъ, что законный сынъ, Эдгаръ *всего какимъ-нибудь годомъ* (some year) старше незаконнаго, и послѣдній, согласно съ этимъ, замѣчаетъ: „I am some twelve or fourteen moonshines lag of my brother“, т.-е. „я отсталъ отъ брата всего на какихъ-нибудь 12—14 мѣсяцевъ“.

Корделія (I, 1), отвѣчая на вопросъ отца о своей любви къ нему, говоритъ о сестрахъ: „Sure, I shall never marry like my sisters to love my father all“, т.-е. „навѣрно, я никогда не выйду замужъ, съ тѣмъ, чтобы любить только моего отца“, или, какъ перевелъ Дружининъ: „когда бъ я одного отца любила, то замужъ бы не вышла никогда“. Г. Юрьевъ понялъ эту фразу совершенно иначе: онъ заставляетъ Корделію, ради любви къ отцу, клятвенно отречься отъ супружества: „Клянусь, не выйду замужъ, какъ онѣ (сестры), чтобы любить лишь одного отца!“ (стр. 8).

Въ той же сценѣ изгнанный Лиромъ Кентъ говоритъ о себѣ: „He'll share his old course in a country new“, т.-е. „онъ пойдетъ старымъ путемъ въ новой странѣ“, останется прежнимъ Кентомъ (такъ и у Дружинина). Г. Юрьевъ (стр. 12) отступаетъ отъ подлинника. „Въ далекія страны нести онъ хочетъ глубокой бремя старости своей“. Шекспиръ вовсе не представляетъ Кента человѣкомъ, изнемогающимъ подъ бременемъ глубокой старости; онъ хотѣлъ только сказать, что Кентъ и въ изгнаніи будетъ вѣренъ самому себѣ.

Переводчикъ нѣсколько разъ заставляетъ Лира называть Кента *рабомъ*; самъ Кентъ говоритъ, что онъ служилъ королю „*рабски*“. Кентъ не рабъ, а только *вассалъ*, котораго Лиръ называетъ *гескреант*, *miscrœant* (у г. Юрьева—„безбожникъ“, „бунтовщикъ“), т.-е. невѣрнымъ данной клятвѣ своему сюзерену: *homo tuus sum*—говорилъ вассалъ, присягая на вѣрность,—но не *servus*. До Екатерины II, только у насъ, въ подобномъ случаѣ, называли себя—рабами. Объ этой клятвѣ вассала Лиръ прямо напоминаетъ Кенту словами: „*on thy allegiance hear me*“, оставленными г. Юрьевымъ безъ перевода (стр. 11).

Слова Лира: „*Better thou had'st not been born, than not to have pleas'd me better*“ также переданы не совсѣмъ точно: „Лучше бъ не родиться (кому?) чѣмъ пренебречь любовью моей“ (стр. 14), — что нѣсколько измѣняетъ характеръ короля (у Дружинина: „Лучше бъ не родиться тебѣ на свѣтъ, чѣмъ мнѣ не угодить“).

Въ 4-й сценѣ I акта, Лиръ обращается къ дерзкому дворецкому Гонерильи: „*Oh, you, sir, you, sir, come you hither; Who am I sir?*“ Это провинческое величанье слуги *сэррожъ*, вмѣсто обычнаго *сигна*, совершенно исчезаетъ въ переводѣ г. Юрьева: „А, ты пришелъ, дружище? Поди-ка сюда. Ты знаешь ли, кто я?“ (стр. 30). Точно также въ словахъ „благодарю, благодарю“ исчезла фраза: „*ther's earnest of thy service*“ (вотъ тебѣ за трудъ), произнося которую, Лиръ даетъ Кенту деньги (стр. 30).

Въ отвѣтъ на просьбу Кента укрыться отъ бури въ хижинѣ (III, 3), Лиръ говоритъ: „Ты хочешь сердце мнѣ разорвать?“ (*Wilt break my heart?*)—„Скорѣе я разорву свое“ (*I'd rather break my own*)—отвѣчаетъ Кентъ. У г. Юрьева это передано не совсѣмъ ясно: „О!.. не разорвется мое сердце?—Ахъ, скорѣй мое!“ (стр. 84).

Не останавливаясь на мелочахъ, возьмемъ на выдержку еще нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ, по нашему мнѣнью, о томъ, что почтенный переводчикъ, желая соблюдать точность, не вездѣ оставался вѣрнымъ духу родного языка.

„Кланусь... живущими въ кругахъ свѣтилъ судьбами“ (стр. 8; въ подл.: *by all the operations of the orbs*). — „На жизнь мою, что дочь тебя меньшая не меньше любить, чѣмъ онѣ“ (т.-е. ручаюсь головой, стр. 10). — „Безумныя безсилны клятвы богамъ“ (стр. 11). — „Неблагодарности!.. въ дѣтищѣ родномъ *отвратный* ты, чѣмъ чудилще морское!“ (37). — „Но ежели услышитъ про тебя, ногтями *bohrie* лицо твое все изорветъ“ (39). — „Такіе образцы мнѣ представляеть нашъ край *съ Бедлама нищихъ сумасшедшихъ*“ (59). — „А вы, *противъ-естественныя* чуда, вѣдмы!“ (74). — „Ты, громъ всепотрясающій,

расплющи всю эту круглую земли чреватости!" (79). — „Намъ *переносной* нашей муки часъ" (99). — Вотъ еще одно мѣсто:

„...Лучше,
„Когда-бъ мой умъ расшибенъ былъ, и мысль,
„Отъ горя отдѣлалъ совсѣмъ, игрою
„Воображенія туманясь часто,
„Самосознанье потерялъ!" (188).

Для уразумѣнія этого мѣста необходимо обратиться къ подлиннику, гдѣ сказано: „Лучше бы я сошелъ съ ума: тогда мои мысли отдѣлились бы отъ моего горя, и страданье, утѣшаясь игрою обманчиваго воображенія, перестало бы давать знать о себѣ".

Стремленіе къ буквальности иногда, повидному, заставляетъ вѣжливаго переводчика игнорировать требованія русскаго слога понятій. Такъ, напримѣръ, Лиръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

„Да эдакъ можно обратиться въ соль,
„И очи станутъ лейками воды
„Соленой, чтобы осенью сухой
„Пыль по дорогѣ прибавать..." (183).

Для русскаго уха этотъ соленый человѣкъ, съ лейками вмѣсто глазъ, нѣсколько страненъ. Здѣсь шекспировская метафора слишкомъ расходится съ духомъ русской рѣчи, такъ что буквальность перевода едва ли можетъ искупить неловкое впечатлѣніе, ею производимое.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести и еще нѣсколько. Укажемъ только на „пророчество" шута, начинающееся стихами:

„Когда духовный важенъ будетъ на словахъ,
„А не на дѣлѣ самомъ,—на костра огняхъ
„Не еретикъ, а другъ блудницъ, ихъ покровитель,
„Горѣть начнетъ, и жадный пивоваръ водой
„Свое испортитъ пиво, и пойметъ портной,
„Что ужъ не онъ, а дворянинъ ему учитель", и т. д. (82).

Въ этой пѣснѣ шута (стр. 81) г. Юрьевъ почти дословно перевелъ стихи: „With heigh, ho, the wind and the rain... For the gain it gaineth ewery day", составляющіе не болѣе, какъ припѣвъ, заимствованный изъ какой-нибудь старинной баллады, и не имѣющій подобно нашему: „ди-ди-ди, калинка моя", никакого отношенія къ пѣснѣ и никакого особеннаго смысла. Въ этомъ легко убѣдиться, взглянувъ на пѣсню, которою оканчивается комедія „Двѣнадцатая вочь": тамъ повторенъ, слово въ слово, тотъ же самый припѣвъ точно также чередующійся со стихами текста пѣсни въ нѣсколькихъ куплетахъ:

„When that I was and a little tiny boy,
 „With hey, ho, the wind and the rain,
 „A foolish thing was but a toy,
 „For the rain it raineth every day“.

Попробуйте перевести слово въ слово,—выйдетъ ли что-нибудь? То же стремленіе къ дословности отразилось на переводѣ г. Юрьева еще другою стороною: въ переводѣ вышло, по крайней мѣрѣ, втрое больше стиховъ, чѣмъ въ оригиналѣ. Конечно, въ этомъ всего болѣе виноваты тотъ законизмъ, которымъ, какъ мы говорили, отличается англійская рѣчь, и благодаря которому иное слово приходится передавать цѣлымъ предложеніемъ; но къ этому можно прибѣгать только въ случаѣ необходимости. Беремъ въ переводѣ на удачу два-три примѣра: „Meantime we shall express our darker purpose“ переведено—

„А между тѣмъ, предъ вами мы объявимъ
 „Живущее во глубинѣ души
 „Намѣреніе наше“. (5).

Также многословно, и безъ надобности, переданы стихи:

„...Love is not love,
 „When it is mingled with respects, that stand
 „Aloof from the entire point“.—

„Любовь ужъ не любовь,
 „Когда она расчеетомъ занята.
 „Отъ должетъ изнанъ быть на отъкъ изъ всякъ
 „Люби владѣтій гордымъ и свободнымъ“ (14).

Въ монологѣ Эдмунда (I, 2) для передачи *четыре* стиховъ подлинника потребовалось *десять* стиховъ перевода (стр. 18).

Въ первыхъ словахъ III акта, на вопросъ Кента: „Кто, кромѣ этой страшной бури, здѣсь?“ дворянинъ отвѣчаетъ:

„Здѣсь тотъ, чей духъ взволнованъ, какъ она,
 „А тѣло терпитъ отъ нея вдобавокъ“ (76).

Въ подлинникѣ сказано просто: „One minded like the weather, most unquietly“ (у Дружинина: „Тотъ, въ чьей душѣ теперь такая жъ буря“).

Кентъ говоритъ, что онъ, между прочимъ, умѣетъ „to mar a serious tale in telling it“; въ переводѣ сказано: „Я не умю подстрекать любопытство, не мастеръ болтать, могу испортить, опозилить любой остроумный рассказъ, если вздумаю передавать его моими словами“ (28). Подчернутыя слова здѣсь—лишнія, въ оригиналѣ ихъ нѣтъ.

На поэтическую сторону перевода мы, какъ замѣчено выше, должны обращать меньше вниманія, соображаясь со взглядами переводчика, очевидно, не придающаго этой сторонѣ своего труда первостепенной важности. Но все же, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы избѣгать явныхъ нарушеній правильности въ удареніяхъ и гладкости стиха, допущенныхъ въ переводѣ, повидимому, безъ особой надобности. Напримѣръ: „На перерывѣ слѣшать и вина *Францы*—И млечныя сокровища *Буртунды*“ (7).—„Она нужна для безопасности—Твоей...“ (10).—„Не мѣнѣй любить, чѣмъ законнаго...“ (18).—„Ищи, онъ тамъ. О, смѣръ неожиданная...“ (137).—„Я радъ прибытію высочествъ вашихъ...“ (50); и т. п. Надѣмся, однако, что эти и имъ подобныя, чисто-формальныя, недостатки, неизбежныя во всякомъ трудномъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе—въ переводѣ произведеній Шекспира, не помѣшаютъ „среднему“ читателю оцѣнить по достоинству новый переводъ „Короля Лира“ и воспользоваться имъ для уразумѣнія безсмертной трагедіи великаго британца.—О.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е ноября, 1882.

Закритіе московской выставки. — Повѣдка г. де-Молливари, нинѣшнимъ лѣтомъ, въ Россію. — Двадцать лѣтъ тому назадъ и сегодня. — Сужденіе иностранца по этому поводу. — Его гипотезы и противорѣчія самому себѣ. — Оцѣнка имъ результатовъ выставки, и вопросъ о протекціонизмѣ. — Письма К. Д. Кавелина о русской культурѣ. — Прощальная рѣчь просвященнаго Амвросія, въ Москвѣ, о томъ же предметѣ. — Письмо г. Чичерина къ барону Н. А. Корфу.

Первый день истекшаго мѣсяца ознаменовался официальнымъ закрытіемъ въ Москвѣ Всероссийской Промышленно-художественной Выставки. Если измѣрять степень возбужденнаго ею интереса въ нашемъ обществѣ цифрою посѣтителей Выставки, за все ея почти полугодовое существованіе, — то и тутъ, пожалуй, придется признать всю силу наблюдательности Пушкина, который, хотя и по другому поводу, замѣтилъ, что вообще „мы не любопытны“. Въ мѣстныхъ газетахъ подводились итоги посѣтителей Выставки, и оказалось, что на ней перебувало не болѣе, какъ половина жителей самой Москвы, — и только 200,000 придется на все многомилліонное населеніе Россіи. Однимъ словомъ, московская Выставка, какъ „выставка“ нашего общественнаго, къ ней интереса, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа удачною; если даже допустить, что упомянутыя цифры посѣтителей въ дѣйствительности были нѣсколько выше, — то и въ такомъ случаѣ, сравнительно съ интересомъ, какой вызывается къ выставкамъ въ другихъ государствахъ, едва ли бы наше общество заслужило какую-нибудь премію за свое „любопытство“. Но дѣло въ томъ, что выставки вообще, — если онѣ о чемъ говорить, то преимущественно объ одномъ матеріальномъ прогрессѣ въ странѣ; вытекаетъ ли этотъ матеріальный прогрессъ изъ прогресса всѣхъ общественныхъ силъ страны, а не однихъ матеріальныхъ, или не вытекаетъ, — объ этомъ выставки не говорятъ — и говорить не могутъ; это высказывается болѣе цифрою посѣтителей выставки, нежели ея содержаніемъ. Въ соотвѣтствіи успѣховъ матеріальныхъ силъ съ успѣхами силъ умственныхъ и духовныхъ въ странѣ заключается главная причина, вызывающая болѣшую или меньшую степень „любопытства“ общества къ своимъ выставкамъ. Такимъ образомъ, если нашъ поэтъ и былъ правъ, подмѣтивъ, что „мы не любопытны“, то онъ собственно только констатировалъ самый фактъ, но не объяснилъ причины его. Гдѣ сама общественная жизнь, въ своихъ умственныхъ и духовныхъ

проявленіяхъ, служить постоянно и ежедневной „выставкою“ иного порядка явленій, мало свидѣтельствующаго объ успѣхахъ этой жизни, тамъ временныя выставки успѣховъ изъ матеріальнаго порядка вещей, естественно, не могутъ возбуждать того живого интереса, какой онѣ, быть можетъ, даже заслуживаютъ вполне, будучи разсматриваемы сами по себѣ. И это совершенно понятно. Возьмемъ какой-нибудь отдѣльный, случайно попавшій намъ подъ-руку примѣръ. Что нужно для того, чтобы въ нашемъ отечествѣ возникли собственныя превосходныя фабрики, выдѣлывающія, напримѣръ, печатныя станки съ такимъ совершенствомъ, съ каковымъ они выдѣлываются въ Германіи, Франціи или въ Англіи,—такъ что намъ не было бы надобности вывезывать ихъ изъ-за границы?—Повидимому,—ничего, кромѣ денегъ и предприимчивости; а на дѣлѣ окажется, что употребленіе капитала и труда на такое производство будетъ однимъ напраснымъ жертвоуваженіемъ; искусственное же развитіе промысла, не вызваннаго потребностями, и его производство, обставленное въ примѣненіи неблагоприятными условіями,—не представляетъ собою никакихъ доказательствъ преуспѣванія страны. Возьмемъ другой примѣръ—болѣе популярный. У насъ, напримѣръ, желѣзныя дороги съ легкостью и быстротою заимствованы у западной Европы, при всей великой стоимости ихъ для казны; а паспортная система остается самобытною, какъ она могла создаться въ такую эпоху, когда не было не только желѣзныхъ, но и шоссейныхъ путей. Орудія къ движенію, такимъ образомъ, у насъ такъ же совершенны, съ нѣкоторымъ только отбѣномъ различія въ хозяйствѣ, какъ и въ Европѣ, и заведены свои рельсопрокатныя заводы, а паспортная система такова, что не только задерживать, но и ходить—съ нею не представляется никакихъ удобствъ.

Да и вообще, по этому вопросу, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что уже давно сказалъ Гизо, изучая ходъ цивилизаціи въ Европѣ: „Я боюсь за общество, въ которомъ преуспѣваютъ одни матеріальныя интересы, безъ поддержки ихъ успѣхами въ политической и умственной его жизни;“—до сихъ поръ, эта мысль находила себѣ на практикѣ не одно подтвержденіе, и нѣтъ основанія думать, чтобы кто-нибудь могъ претендовать на исключеніе изъ такого закона—въ свою пользу.

Этотъ непреложный историческій законъ развитія всѣхъ человѣческихъ обществъ, приведенный нами мимоходомъ, съ цѣлью хотя нѣсколько разъяснить причину того, почему мы „не любопытны,“—видѣть съ тѣмъ можетъ дать ключъ къ пониманію того колоссальнаго недоумѣнія—если только тутъ есть недоумѣніе,—которое, повидимому, раздѣляетъ нашихъ такъ-называемыхъ „народниковъ“ отъ тѣхъ, кого эти послѣдніе обзываютъ „желибералами“. Не будемъ

останавливаться на самой кличѣ: народники правы, называя либераловъ—„желибералами“, какъ правъ былъ по-своему тотъ цензоръ древнихъ временъ, который въ русскомъ историческомъ учебникѣ сдѣлалъ поправку тамъ, гдѣ приводилось извѣстное мусульманское изреченіе,—и вышло такъ, какъ будто мусульмане сами восклицаютъ: „Великъ Аллахъ, и его *лже*-пророкъ Магометъ!“ Оставляя взаимныя клички въ сторонѣ—такъ какъ клички ничего не доказываютъ—нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно объяснять значеніе партій въ Англіи значеніемъ именъ, которыя онѣ носятъ и до сихъ поръ (тори—разбойники; виги—сыворотка)—итакъ, не входя въ препирательство съ „народниками“, относительно словечка: „*лже*“, присоединяемаго ими къ названію либераловъ,—постараемся взглянуть на дѣло прямо. Быть можетъ, окажется, что если останавливаться на одной поверхности вещей, на фразахъ, словахъ—то народники-то и есть настоящіе либералы (какъ они, безъ сомнѣнія, въ томъ внутренне и убѣждены); но за то, всматриваясь въ *сущность* дѣла, мы должны будемъ признать либераловъ—народниками. Безъ умственныхъ и политическихъ успѣховъ внутренней жизни—думаютъ либералы—напрасно бороться съ иностраннымъ преобладаніемъ, возставать противъ него, въ немъ одномъ видѣть все зло, а въ удаленіи его—торжество развитія народныхъ силъ. Но значить ли быть противникомъ развитія этихъ силъ, быть космополитомъ, наконецъ, даже врагомъ своего отечества—если указывать на необходимость нормальныхъ условій для такого развитія. По мнѣнію „народниковъ“—да!—такъ какъ народность, благодаря ихъ мистическому представленію, есть какой-то самостоятельный факторъ, изъ котораго волшебнымъ образомъ вырастаетъ культура сама собою. Между тѣмъ, народность, въ высшемъ смыслѣ этого слова, опредѣляется и характеризуется не числомъ душъ населенія, не продолжительностью времени существованія, а именно, степенью политическаго и умственнаго развитія страны; а потому единственно правильною и истинно-народною политикою можетъ быть названа только такая, которая ведетъ народъ по пути прогресса внутренней политической и умственной жизни, а не та, которая ставитъ себѣ задачею—водрузить крестъ на св. Софіи, изгнать иностранцевъ изъ своей страны, перенести къ себѣ одни орудія высшей цивилизаціи, не допуская къ себѣ тщательно тѣхъ идей и порядковъ, среди которыхъ были созданы эти орудія,—и на этомъ успокоивается. Если посмотрѣть съ точки зрѣнія результатовъ подобной народной политики, то она, по всей справедливости, могла бы быть названа противународной, несмотря на все ея народничанье, такъ какъ въ концѣ-концовъ она ведетъ къ застою и омертвѣнію народныхъ силъ.—Но возвратимся къ Выставкѣ.

Московская Выставка привлекла нынѣшнимъ дѣтомъ въ Россію многихъ иностранцевъ и вызвала въ заграничной печати не мало сужденій о современномъ положеніи у насъ вещей. Конечно, не многіе изъ такихъ посѣтителей были подготовлены къ наблюденію за жизнью невѣдомой для нихъ страны; но нашлись между ними и такіе, которые знали Россію давно, или, по крайней мѣрѣ, слѣдили, хотя и изъ далека, за судьбами нашего общества въ теченіе многихъ лѣтъ. Сужденія такихъ постороннихъ наблюденій, стоящихъ внѣ ежедневныхъ теченій жизни, внѣ столкновеній различныхъ интересовъ, а потому и независимыхъ отъ впечатлѣній минуты,—всегда имѣютъ свою цѣну, особенно если такое лицо, какъ можно думать, не только не принесло съ собою завѣдомаго нерасположенія и предразсудковъ,—а напротивъ, успѣло даже доказать свой безкорыстный интересъ иностранца ко всему, что совершается въ судьбахъ такого много-милліоннаго народа, какъ нашъ. Въ осеннихъ нумерахъ парижскаго „Journal des Débats“ появилась, подъ заглавіемъ: „En Russie“, цѣлая серія писемъ извѣстнаго бельгійскаго экономиста, г. де-Молилари, издавна принимавшаго такое дѣятельное участіе въ московской журналистикѣ, и своими корреспонденціями, и отдѣльными статьями, что имя его у насъ сдѣлалось извѣстнымъ почти наравнѣ съ отечественными публицистами. „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“ могутъ считать его однимъ изъ своихъ выдающихся сотрудниковъ по экономическимъ вопросамъ; мы не хотимъ этимъ сказать что-нибудь о направленіи мысли самого г. де-Молилари; притомъ, онъ пишетъ нынѣшній разъ не чрезъ посредство органовъ московской журналистики—и пишетъ для своей, французской публики; но во всякомъ случаѣ, его близкія отношенія къ московской журналистикѣ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, хотя то значеніе, что онъ скорѣе склоненъ къ идеямъ тѣхъ органовъ, гдѣ такъ часто появлялись его труды, нежели—ихъ противниковъ. Мы, съ своей стороны, находимъ, что можно не соглашаться со всѣми взглядами и выводами бельгійскаго путешественника, но нельзя обходить ихъ молчаніемъ. Его показанія имѣютъ еще особенное значеніе. Онъ знаетъ Россію съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, а потому ему доступенъ и сравнительный методъ, при его наблюденіяхъ надъ современностью. Предъ многими онъ останавливается, какъ иностранецъ, въ недоумѣніи; ему случается придумывать иногда весьма сложныя объясненія тому, что для насъ, ближе знакомыхъ съ внутренними причинами явленій, бываетъ непосредственно ясно; но все же, и самыя его недоумѣнія, и тщетныя усилія объяснить то, что весьма просто само по себѣ—все это не можетъ не представлять особаго интереса для русскаго читателя: послѣдній знаетъ уже наизусть, что мы думаемъ сами о

себѣ, о своемъ положеніи; въ письмахъ изъ Россіи г. де-Моли-
нари онъ узнаеть и то, чѣмъ представлялись мы, двадцать лѣтъ тому
назадъ, со стороны,—и чѣмъ мы являемся, въ глазахъ того же на-
блюдателя, въ настоящую, переживаемую нами эпоху.

Еслибы мы могли предположить, что наши слова могутъ какимъ-
нибудь путемъ дойти до г. де-Молинали, то мы сочли бы долгомъ
прежде всего пріятно разуверить его относительно предполагае-
мой имъ печальной участи, какой, по его мнѣнію, ожидаютъ его
письма изъ Россіи—въ Россіи: „они — эти письма — полагаеть онъ,
исчезнуть подъ толстымъ слоемъ черной краски, которой покроеть
ихъ цензура“. Ничего подобнаго съ ними, въ дѣйствительности, не
случилось; письма свободно циркулировали въ рукахъ русскихъ чи-
тателей парижской газеты, — но, быть можетъ, наша печать обра-
тила на нихъ менѣе вниманія, нежели они того заслуживали.

„Я посѣтилъ—говорить г. де-Молинали—Россію въ первый разъ
въ 1860 году; я вижу ее снова, спустя 22 года, и сравненіе, какое
я могу сдѣлать, тогдашнихъ впечатлѣній съ нынѣшними,—къ сожа-
лѣнію, не въ пользу послѣднихъ. Въ 1860 г. русское общество было
оквачено настоящею горячкою либерализма; молодое тогда поко-
лѣніе, выступившее на сцену, вмѣстѣ съ молодымъ императоромъ
Александромъ II, только и думало объ улучшеніяхъ, о реформахъ
всякаго рода; коммиссія, состоявшая изъ избранниковъ этой про-
грессивной молодежи, подготовила великое дѣло освобожденія крѣ-
постныхъ; почти все дворянство присоединилось къ великодушнымъ
стремленіямъ монарха; въ гостинныхъ, этихъ маленькихъ парламен-
тахъ, обсуждали съ жаромъ вопросы политическихъ, финансовыхъ и
административныхъ преобразованій; дамы принимали участіе въ пре-
ніяхъ и приводили наизусть цитаты изъ Бастіа и Ст. Милля; газеты
и журналы встрѣчали себѣ снисходительную цензуру, пропускавшую
самыя смѣлыя нападки на *старый режимъ*; въ университетахъ (при-
бавимъ отъ себя: и не въ однихъ университетахъ, а также и въ
печати, какъ наприм., въ „Русскомъ Вѣстникѣ“) профессора при-
обрѣтали популярность, воздавая хвалу конституціоннымъ поряд-
камъ Англіи, и ихъ прозрачныя намеки возбуждали энтузіазмъ въ
слушателяхъ... Одни упорные консерваторы пытались противостоятъ
этому потоку и дѣлали мрачныя предсказанія; но ихъ никто не слу-
шалъ,—будущее являлось въ розовомъ свѣтѣ. — Въ настоящую ми-
нуту на будущее смотрять сквозь черныя очка. Паденіе духа и не-
довольство ничѣмъ—вотъ тѣ два слова, которыми можно характе-
ризовать нравственное состояніе Россіи. Съ *подвижною впечатли-
тельностью славянской натуры*,—такъ объясняетъ себѣ г. де-Моли-
нали эту подмѣченную имъ быструю и прямопротивоположную пере-

мѣну въ состояніи нашихъ умовъ, — русское общество перешло отъ одной крайности къ другой“.

Нѣтъ сомнѣнія, что почтенный авторъ путешествія „En Russie“ взялъ первое попавшее ему подъ руку объясненіе замѣченнаго имъ факта въ исторіи развитія нашихъ общественныхъ идей; это объясненіе шло бы еще къ дѣлу, если бы былъ поднятъ вопросъ о національномъ характерѣ французовъ — и то, до послѣдней франко-прусской войны; но принять слабость нашего общественнаго мнѣнія, или даже полное его отсутствіе за „подвижную впечатлительность“ — это большая ошибка со стороны г. де-Моллиари, которую, впрочемъ, нельзя не извинить иностранцу, вынужденному поневолѣ приглядывать къ намъ мѣрку изъ исторіи другихъ обществъ. Эта ошибка иностранца извинительна тѣмъ болѣе, что ее повторяютъ весьма усердно и отечественные публицисты, сами, какъ будто, не замѣчая того противорѣчія, въ которое имъ приходится при этомъ впадать: въ послѣднее время, у насъ особенно любятъ указывать одновременно и на непостоянство, на невыдержанность; на нравственное ничтожество общественныхъ силъ у насъ, и тутъ же слагаютъ всю вину на общество во всѣхъ нашихъ невзгодахъ, рекомендуя въ то же время — питать довѣріе къ нашимъ общественнымъ силамъ и полагаться на ихъ содѣйствіе. Ошибка весьма ясная и понятная даже для юриста: нельзя, въ самомъ дѣлѣ, возлагать какую-нибудь отвѣтственность на того, кто не принимаетъ участія въ совершеніи какого-нибудь акта, дурного, или хорошаго, кто, такъ сказать, не существуетъ, — и потомъ усматривать его непостоянство въ томъ, что онъ самъ безучастно присутствуетъ при всѣхъ переиначкахъ въ направленіи. Съ такимъ упрекомъ можно было бы справедливо обращаться только къ тѣмъ, которые бывають призваны къ дѣйствию. „Славянская натура“, наконецъ, скорѣе извѣстна, какъ натура консервативная, съ трудомъ поддающаяся переиначкамъ, и обвинить ее въ „подвижности впечатлѣнія“ — значитъ, не знать этой природы. И теперь, какъ и 22 года тому назадъ, въ представленіяхъ лучшей части общества ничего не переиначилось, бѣлое осталось бѣлымъ, а черное — чернымъ; если же совпаденіе правительственной мысли съ мыслями этой части общества вызывало нѣкогда восторги, а потомъ эти восторги замѣнились уныніемъ и паденіемъ духа, то разъясненіе такихъ явленій лежитъ не въ „подвижности славянской природы“ а въ самой природѣ вещей. Все это упустилъ изъ виду иностранный наблюдатель нашихъ судебъ, и этимъ же самымъ грѣшатъ многіе изъ отечественныхъ публицистовъ, упрекая общество въ томъ, въ чемъ оно совершенно неповинно: не оно представляетъ собою неустойчивость,

отсутствіе ясныхъ идей и программъ, и не оно безпрерывно сожигаетъ то, чему поклонялось вчера—и наоборотъ.

Г-нъ де-Моливари, впрочемъ, не останавливается на одномъ констатированіи факта „подвижной впечатлительности славянской натуры“ нашего общества;—онъ идетъ далѣе и обвиняетъ его въ „самой черной неблагодарности: „Нѣтъ правительства—говоритъ авторъ путешествія „En Russie“—даже въ странахъ наиболѣе демократическихъ, которое, при всѣхъ обстоятельствахъ, обнаружило бы большую готовность удовлетворять общественное мнѣніе страны, какъ то мы видимъ именно въ Россіи; ни одно не принесло столько жертвъ, съ цѣлью сохранить популярность. И несмотря на то,— вмѣсто того, чтобы выразить признательность за такое постоянное вниманіе своего правительства къ самымъ разнообразнымъ и измѣнчивымъ требованіямъ общества,—это общество заплатило ему самую черную неблагодарностью! Конечно, нѣтъ въ мірѣ правительства, которое могло бы похвастаться тѣмъ, что оно успѣло угодить всякому; вездѣ найдутся недовольные: есть они и въ Англіи, и въ Бельгіи, и въ Германіи, и въ с.-американскихъ штатахъ, и въ Китаѣ. Но, если бы кто пожелалъ графически изобразить состояніе общественнаго мнѣнія въ различныхъ странахъ образованнаго міра, то, я думаю, пришлось бы употребить самую черную типографскую краску для выраженія состоянія русскаго общественнаго мнѣнія,—даже болѣе черную, чѣмъ та, которою цензура, вѣроятно, покрываетъ это мое письмо (мы уже замѣтили выше, что она севія автора, въ этомъ отношеніи, не оправдалась). На десять русскихъ, съ которыми пришлось бы вамъ теперь разговаривать,—по крайней мѣрѣ девять недовольныхъ. Правда, такое недовольство имѣетъ весьма различныя степени; либераловъ и даже славянофиловъ, мечтающихъ съ одной стороны—перенести въ Россію англійскую конституцію, а съ другой—уничтожить вредное дѣло Петра Великаго—отдѣляетъ бездонная пропасть отъ нигилистовъ, этихъ мономановъ динамита. Тѣмъ не менѣе всѣ, какого бы кто ни былъ общественнаго положенія или профессіи,—крестьяне, землевладѣльцы, промышленники, коммерсанты, чиновники всѣхъ ранговъ—чиновники, въ особенности—всѣ недовольны“,—а судя по предположенію автора относительно печальной судьбы, которая ожидаетъ его письма о Россіи въ Россіи, и самъ авторъ долженъ былъ, хотя временно, принадлежать къ числу „недовольныхъ“.

Положимъ, что узнавъ объ ошибочности своего послѣдняго предположенія, авторъ, конечно, откажется отъ личнаго недовольства, но его недоумѣніе, относительно причинъ „черной неблагодарности“ общества, все-таки останется во всей силѣ. Онъ находитъ даже, что всякое

правительство могло бы придти въ отчаяніе отъ русскаго общества: „Въ теченіе двадцати лѣтъ, по словамъ автора, правительство осуществило большую часть реформъ, которыхъ требовало общественное мнѣніе: оно освободило крѣпостныхъ; дало крестьянамъ общинный *self government* (самоуправленіе), самый демократическій; заимствовало у либеральной Бельгіи ея провинціальныя (земскія) учрежденія, и у Пруссіи—военную реформу; подняло народное образованіе на высоту просвѣщенныхъ народовъ цивилизованнаго міра, сдѣлавъ обязательнымъ обученіе мертвымъ языкамъ; оказало покровительство народной промышленности, возвысивъ тарифъ до степени запрещенія; почти освободило печать отъ цензуры, заимствовавъ у Франціи ту систему, какою эта страна довольствовалась 15 лѣтъ тому назадъ. Оно сдѣлало больше: когда московскіе славянофилы взволновались, въ виду страданій, претерпѣваемыхъ ихъ братьями по религіи и происхожденію, въ Сербіи и Болгаріи, оно не поколебалось, и, отказавшись отъ своихъ консервативныхъ традицій, оказало поддержку революціонному движенію, обнаружившемуся въ сосѣднемъ и дружественномъ государствѣ, съ цѣлью освобожденія угнетенныхъ братьевъ; оно пожертвовало при этомъ сотни тысячъ человѣческихъ жизней и миллиардъ рублей; въ недавнее время, когда общественное мнѣніе возстало противъ евреевъ, оно допустило (?) безпорядки; пусть общественное мнѣніе—заключаетъ авторъ—потребуетъ изгнанія нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, оно, вѣроятно, уступитъ точно также подъему національнаго чувства“...

Послѣднее предположеніе автора уже совсѣмъ рискованное; а предпослѣднее, вѣроятно, относится исключительно ко времени управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьева; по крайней мѣрѣ и „Московскія Вѣдомости“ на этихъ дняхъ, по поводу извѣстнаго процесса газеты „Кіевлянинъ“ съ г. Конисскимъ, указывая на „достоинства и заслуги“ этой газеты, находятъ, однако, въ ней одинъ недостатокъ, а именно, что „она давала увлечь себя общимъ теченіемъ, какъ было во дни еврейскихъ побищъ, которыми даже высшіе администраторы (?) считали возможнымъ разрѣшить еврейскій вопросъ“.—Но что сказать о всѣхъ предъидущихъ предположеніяхъ автора относительно непреодолимой силы общественнаго мнѣнія у насъ? Они, конечно, могутъ только вызвать улыбку на устахъ русскаго читателя, и не заслуживаютъ никакихъ серьезныхъ возраженій; даже, кажется намъ, самъ авторъ, если бы захотѣлъ сравнить только-что высказанный имъ взглядъ съ тѣмъ, что ему же пришлось говорить въ другихъ мѣстахъ своихъ писемъ—могъ бы замѣтить все колоссальное преувеличеніе, которымъ страдаетъ его убѣжденіе въ томъ, что будто вся наша исторія послѣд-

наго времени совершалась какъ бы подъ диктовку общественнаго мнѣнія, и тѣмъ не менѣе оно обнаружило послѣ „черную неблагодарность“.

Дѣйствительно, самъ авторъ, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ, что неудача реформъ много зависѣла отъ того, что „онѣ не имѣли для себя общей твердой программы и самостоятельныхъ идей“. Какъ на отдѣльный примѣръ отступленій отъ общаго хода реформъ, онъ указываетъ, между прочимъ, и на то, что „въ дѣлѣ народнаго образованія руководились не общественнымъ мнѣниемъ, а мнѣниемъ двухъ ученыхъ профессоровъ мертвыхъ языковъ, бывшихъ редакторами *Московской Газеты* (т.-е. „Московскихъ Вѣдомостей“); въ тамошнемъ вопросѣ прислушивались однимъ московскихъ фабрикантовъ“, и т. д. Говоря такъ, авторъ пишетъ какъ бы забываетъ все, что было выше сказано имъ же самимъ, гдѣ онъ разсматривалъ реформы, какъ уступки не тѣмъ или другимъ лицамъ, или группамъ лицъ, а—общественному мнѣнію.

„Консерваторы,—говоритъ онъ опять въ другомъ мѣстѣ—склонны, возлагать всю отвѣтственность, за нынѣшнее неудовлетворительное положеніе вещей, на реформы, совершенныя императоромъ Александромъ II; но они забываютъ, что продолжительность періода подавленія (*période de compression*), въ эпоху императора Николая I, сдѣлала реформы неизбежными (*la politique des réformes s'imposait*), и что тѣ самыя лица, которыя впоследствии сдѣлались самыми упорными реакціонерами,—эти же самыя лица, въ 1860 годахъ, стояли во главѣ либеральнаго лагеря. Реформы были *необходимы*—и то, что императоръ Александръ II обратился къ нимъ, составить его вѣчную славу“.

Итакъ, теперь оказывается вдругъ, что реформы вовсе не были уступкою требованіямъ общественнаго мнѣнія, какъ то сказано было авторомъ выше; онѣ были болѣе чѣмъ внушены (*s'imposaient*) необходимостью, а потому неудивительно, что и исполненіе ихъ не могло имѣть „твердой общей программы“, или преслѣдовать удовлетвореніе общественнаго мнѣнія: онѣ проводились ровно настолько, насколько то было неизбежно, но не ради ихъ самихъ;—въ такомъ случаѣ, обвиненіе общества въ „черной неблагодарности“ падаетъ опять само собою.

Напрасно также авторъ говоритъ далѣе, что „въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, мало понимаютъ то, что нѣтъ ничего болѣе сложнаго и деликатнаго, какъ правительственное и общественное устройство, и для улучшеній и исправленій мало имѣть однихъ добрыхъ намѣреній. Когда часы испортятся,—ихъ несутъ къ часовому мастеру. Въ политическихъ же и экономическихъ вопросахъ

вся бѣда состоитъ въ томъ, что каждый считаетъ себя часовымъ мастеромъ. Каждый имѣетъ свою систему, которую и считаетъ непогрѣшимой: одни убѣждены, что лучше всего повѣсить часы на гвоздь и не трогать ихъ: пусть со временемъ поправятся сами; другіе, напротивъ, думаютъ, что надобно разобрать ихъ на куски, чтобы заставить ихъ ходить по своему. Сторонники реформъ не имѣли недостатка въ доброй волѣ, но имъ мало было знакомо часовое мастерство этого рода,—и часы еще больше испортились“.

При всемъ остроуміи сравненія, авторъ самъ безпрестанно представляетъ собою примѣры неустойчивости въ идеяхъ, а потому всякое истинное рѣшеніе вопроса, и самое простое, постоянно ускользаетъ изъ его рукъ. То онъ объявляетъ реформы—и совершенно справедливо—продуктомъ *необходимости*, а слѣдовательно независимыми ни отъ чьей доброй или злой воли,—то усматриваетъ въ нихъ актъ доброй воли, и видитъ бѣду только въ томъ, что добрая воля не нашла себѣ поддержки въ умѣнъ и въ искусствѣ дѣйствовать—да еще вдобавокъ винить общество въ „черной неблагодарности“.

Одинъ разъ, однако, автору удалось подойти къ истинѣ нѣсколько ближе и взглянуть на вещи болѣе просто, не дѣлая никакихъ особенно рискованныхъ предположеній. Его, главнымъ образомъ, поразило то, что въ результатѣ всѣхъ, дѣйствительно, благодѣтельныхъ реформъ, какими были реформы послѣдняго царствованія, оказалось то, что „жизнь съ того времени сдѣлалась тяжелѣе и затруднительнѣе для всѣхъ общественныхъ классовъ, и сверхъ того, реформы породили постоянно растущую массу людей обездоленныхъ (*déclassés*)“. Откуда могло произойти такое совершенно аномальное явленіе—спрашиваетъ себя авторъ, какъ бы забывъ, что онъ же не задолго передъ тѣмъ объяснялъ все одною „черною неблагодарностью“ общества. —„Такой печальный результатъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ приписывать отнюдь не реформамъ, а способу—какъ онѣ были поняты и вводимы въ практику. Конечно, необходимо было, говорить онъ, освободить крестьянъ, но эту свободу слѣдовало отдать имъ самимъ, а не просто перенести право помѣщиковъ на администрацію и общину; особенно не слѣдовало обременять ихъ новыми тягостями; необходимо было также преобразовать судъ и народное просвѣщеніе, но необходимо было вмѣстѣ сдѣлать правосудіе болѣе скорымъ и менѣе дорогимъ; открывъ доступъ въ университетъ и высшія школы всѣмъ, не слѣдовало преувеличивать требованіе экзаменаціонныхъ программъ, и такимъ образомъ, выкидывая массу на улицу, давать пищу и матеріалъ безпокойнымъ элементамъ; надобно было реорганизовать и армію, но нужно ли было для того удвоивать (?) наличный ея составъ;—необходимо было очистить администрацію;

но развѣ можно того достигнуть новыми осложненіями ея, да и вообще,—увеличивая контингентъ чиновниковъ, развѣ можно уничтожить тѣмъ хищенія и продажность;—слѣдовало отмѣнить устарѣлые законы, тормазившіе земледѣліе, промышленность и торговлю; но и этого нельзя было достигнуть посредствомъ отвлеченія интеллигенціи и капиталовъ отъ производительныхъ операций, направляя ихъ притомъ на предпріятія паразитныя. Что же вышло изъ всего этого? А то, что когда къ прежнимъ неполнымъ реформамъ (*pseudo-réformes*) присоединялась новая, такая же, то въ обществѣ всякій разъ появлялось новое недовольство, которое росло тѣмъ легче, что все-таки реформы, и въ этомъ своемъ недостаточномъ видѣ, возбуждали въ обществѣ самыя пылкія надежды“.

Сама московская Выставка, которая послужила, повидимому, главнымъ поводомъ и цѣлью путешествія г. де-Моллиари, произвела на автора „Писемъ“ мало удовлетворительное впечатлѣніе. „Въ общемъ выводѣ—говоритъ онъ—выставка является весьма пріятнымъ явленіемъ и воишь стоитъ тѣхъ милліоновъ рублей, которые издержало на нее правительство, отстроившее на свой счетъ самое зданіе, и экспоненты, взявшіе на себя отдѣлку помѣщений и кіосковъ. Но если необходимо высказать всю мысль до конца,—это очень красивая теплица. Благодаря искусственному удобренію почвы посредствомъ системы протекціонизма, на ней насадили на скорую руку иноземныя растенія всякаго рода; нѣкоторыя изъ нихъ удастся акклиматизировать, но многія останутся тщедушными и хилыми, и удобреніе дорого обойдется Россіи... Постоянное поднятіе русскаго тарифа, безъ сомнѣнія, до извѣстной степени содѣйствовало развитію покровительствуемыхъ промысловъ, и ему обязаны своимъ происхожденіемъ лучшіе цвѣты Петровскаго парка; но, сравнительно съ массою естественныхъ продуктовъ имперіи, которые собственно и оплачиваютъ всѣ издержки по протекціонизму, эти искусственные продукты имѣютъ второстепенное значеніе. По новѣйшей статистикѣ г. П. Орлова, значеніе русской мануфактурной промышленности выражается слѣдующими цифрами: 35,159 фабрикъ и заводовъ, при 873,246 постоянныхъ рабочихъ... Если припомнить общую цифру массы русскаго населенія, то всякій согласится съ тѣмъ, что это не много. Кромѣ того, и это незначительное развитіе промышленности искусственно поддерживалось на счетъ земледѣлія и другихъ естественныхъ промысловъ. Если капиталы искусственно привлекаются громадною премією къ извѣстнымъ отраслямъ, то это значить, что капиталовъ недостаетъ другимъ отраслямъ. Будутъ имѣть

больше шелковыхъ фабрикъ или фарфоровыхъ заводовъ, но за то будутъ имѣть меньше образцовыхъ фермъ, а главное—меньше капиталовъ будетъ употреблено на земледѣльческія фермы. Земледѣліе остановится на одномъ пунктѣ, и мало-по-малу его продукты будутъ вытѣснены съ всемірнаго рынка. Съ русскимъ земледѣліемъ это уже и случилось... Но за то русскіе протекціонисты получаютъ огромные барыши и прекрасный дивидендъ,—и этого имъ довольно... Пока покровительственная система будетъ поднимать одни барыши и дивиденды частныхъ предпринимателей—всѣ они останутся протекціонистами, и всѣ будутъ смѣяться надъ противоположнымъ ученіемъ экономистовъ“.

Взгляды, высказанные г-мъ де-Молинари, по поводу впечатлѣнія, какое произвела на него наша промышленная Выставка, могутъ вывести насъ на знакомую почву борьбы фритредеровъ, защитниковъ свободы промысловъ и торговли, съ протекціонистами. Но едва ли есть какое-нибудь слово или доводъ, которые были бы забыты или не заявлены съ той или другой стороны, а потому и намъ грозила бы неизбежная и невольная опасность повторенія въ сотый, тысячный разъ того, что уже давно и весьма убѣдительно высказывалось въ пользу своей теоріи, какъ фритредерами, такъ и протекціонистами. Въ этомъ вѣковѣчномъ спорѣ всегда и всего менѣе выслушивается голосъ третьей стороны, и самой важной, это—голосъ общественной массы, голосъ потребителей: для нихъ результатъ является одинъ и тотъ же,—отдаются ли они на жертву эксплуатаціи своихъ отечественныхъ предпринимателей, съ фамиліями на *овъ* и *инъ*, въ силу теоріи протекціонистовъ, или иностранныхъ—на *бертъ*, *манъ* и т. п., въ силу теоріи фритредеровъ; отечественной массѣ населенія естественно желать одного—не быть ни въ какомъ случаѣ *жертвою*. А это возможно, по нашему мнѣнію, только въ такомъ случаѣ, еслибы господствующая въ данную минуту протекціонистская система не была бы, такъ сказать, чисто-профессиональною,—если бы она вытекала изъ болѣе широкаго государственнаго взгляда, который не ограничивался бы узкою сферою матеріальнаго порядка вещей, а главное—не вступалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою всякій разъ, когда вопросъ о „протекціонизмѣ“ является по отношенію къ фактамъ и явленіямъ изъ области умственной и нравственной жизни нашего общества. Въ самый разгаръ реакціи, гдѣ бы она ни происходила,—можно оказывать покровительство и поддержку той или другой фабрицѣ, или заводу,—и въ то же время, не только не покровительствовать, но еще тормазить всячески развитіе народной школы, противодѣйствовать широкому распространенію высшаго образованія, т.-е., одною рукою, какъ будто освобождать свое общество отъ вліянія иностран-

цевъ, а другою—обеспечивать въ будущемъ ихъ господство надъ этимъ обществомъ. Не выходя изъ области нашего печатнаго слова, мы можемъ безъ труда указать примѣры подобной аномалии; развѣ, напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ мы не найдемъ одновременно и проповѣди профессиональнаго протекціонизма,—слова г. де-Молинаря и могутъ быть справедливы только по отношенію къ нему,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, та же газета ратуетъ противъ покровительства реальному образованію, противъ доступности высшаго образованія, однимъ словомъ, противъ всего, что могло бы послужить почвою для матеріальнаго благосостоянія страны и дало бы ей внутреннюю силу въ конкуренціи съ иностранною матеріальною производительною.

Намъ невольно припоминается по этому поводу анекдотъ исторической, за подлинность котораго мы можемъ поручиться. Когда, при открытіи въ Петербургѣ Александровскаго сада, на мѣстѣ Исакиевской площади, одинъ изъ главныхъ его учредителей водилъ по новому саду одну высокопоставленную особу,—она сдѣлала ему замѣчаніе: „Я всегда удивлялась въ Россіи одному обстоятельству, которое повторяется и въ настоящемъ случаѣ, а именно,—всѣ мѣста повыше, требующіе, слѣдовательно, извѣстной степени культуры, какъ, напри- мѣръ, главнаго садовника, даже его помощника,—всѣ такіа мѣста заняты у насъ, болѣею частью, людьми иностраннаго происхожденія, а дорожки метуть—русскіе“.

Въ разныхъ видахъ эта сцена встрѣчается не въ одномъ Александровскомъ саду, и мы отличаемся отъ „народниковъ“ не тѣмъ, что мы менѣе ихъ скорбимъ о такихъ явленіяхъ,—вовсе нѣтъ!—но „народники“ (искренніе между ними) полагаютъ, что достаточно одинъ фактъ замѣнить другимъ фактомъ—въ настоящемъ примѣрѣ оказать покровительство своей національности, и метущихъ дорожки сдѣлать садовниками—и тогда цѣль будетъ достигнута. А по нашему мнѣнію, ненормальный фактъ долженъ быть уничтоженъ переименованіемъ общей системы; мы также готовы проповѣдывать протекціонизмъ, но не въ грубой его формѣ: истинный протекціонизмъ состоитъ въ покровительствѣ развитію народнаго образованія, въ привлеченіи общественныхъ массъ къ интересу общественными дѣлами; въ уваженіи въ общественному мнѣнію и въ дарованіи свободы его выраженія путемъ устнаго и печатнаго слова, и т. п. Тамъ же, гдѣ въ этихъ вопросахъ не оказывается покровительства такимъ общественнымъ силамъ,—тамъ готовится въ будущемъ покровительство иностранному вліянію и преобладанію. Напрасно было бы издавать узаконенія, которыя затрудняли бы иностранцевъ и покровительствовали бы отечественнымъ предпринимателямъ, если одновременно съ тѣмъ мы захотѣли бы стѣснять мысль

въ своемъ обществѣ и держать его въ пелѣнкахъ; мы попали бы въ безвыходный кругъ: одно, какъ будто, освобождало бы насъ отъ иностраннаго вліянія, а другое дѣлало бы необходимымъ это вліяніе и обезпечивало бы его на будущія времена. Истинно „народная“ политика требуетъ себѣ именно того высшаго протекціонизма, свойства котораго мы опредѣлили выше; протекціонизмъ же низшаго порядка долженъ кончаться тамъ, гдѣ онъ начинаетъ приносить одни убытки г. де-Моллиари плоды, а именно, хорошіе „барыши“ и жирные „дивиденды“ частныхъ лицъ.

Если иностранный наблюдатель, вращаясь нынѣшнимъ лѣтомъ среди насъ, не одинъ разъ затруднялся понять и разгадать смыслъ всего, что совершается у насъ въ данную минуту, — то въ извиненіе себѣ онъ могъ бы указать на печальныя, но справедливыя признанія такихъ почтенныхъ, опытныхъ публицистовъ, какъ К. Д. Кавелинъ. Въ своихъ двухъ письмахъ въ редакцію одной изъ петербургскихъ газетъ „Новости“, вызвавшихъ въ себѣ большой интересъ въ обществѣ, какъ благодаря заслуженному имени автора, такъ и предмету, которому они были посвящены,—авторъ говоритъ между прочимъ: „Мы совершенно другъ друга не понимаемъ, точно говоримъ на разныхъ языкахъ... Нѣтъ силъ долже жить въ теперешнемъ разбродѣ и хаосѣ мыслей и стремленій! Если мы сами другъ друга не понимаемъ,—а это, во многихъ случаяхъ, чрезвычайно вѣрно,—то какъ же тутъ уразумѣть что-нибудь у насъ иностранцу. Нельзя, однако, не быть признательнымъ К. Д. Кавелину за то, что онъ не ограничился однимъ указаніемъ на существованіе у насъ самого факта „хаоса“, или, лучше сказать, вавилонскаго столпотворенія умовъ — только не послѣ потопа, — а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ свойственною ему откровенностью и съ полнѣйшимъ отсутствіемъ „заднихъ мыслей“, попытался разобраться въ вопросахъ, около которыхъ всѣ ходятъ, ища практическаго ихъ разрѣшенія.

К. Д. Кавелинъ, почти въ самый день закрытія московской Выставки, и какъ бы несмотря на нее, выразилъ мысль, что „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ азіатскія племена по культурѣ выше насъ“. Быть можетъ, ему слѣдовало выразиться точнѣе, и припоминая нѣкоторыя черты изъ нашего законодательства временъ Ярослава Мудраго, и изъ другихъ порядковъ до-монгольской эпохи, сказать, что мы когда-то шли не только рядомъ съ европейскою цивилизаціею, а и преуспѣвали ея во многомъ,—но послѣдующею политическою жизнью были низведены до того, что отстали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,

по культурѣ, даже отъ азіатскихъ племенъ. Но противники К. Д. Кавелина обратили вниманіе не на неточность выраженія, и вывели только заключеніе, что, будто бы, по мнѣнію автора писемъ, „нашъ народъ, въ отношеніи политическаго творчества, — если можно (?) такъ выразиться, — стоитъ даже ниже азіатскихъ племенъ, населяющихъ Россію“;... что „этотъ народъ не только не способенъ что-либо создать, но даже, напротивъ, систематически разрушаетъ все то, что ему досталось историческимъ путемъ, или благодаря усиліямъ правительства“. Однимъ словомъ, К. Д. Кавелинъ говоритъ о культурѣ русскаго народа; а ему возражаютъ такъ, какъ будто онъ говоритъ о его *политическихъ способностяхъ*. На это авторъ писемъ отвѣчаетъ категорически: „Отрицаю я въ великорусскомъ народѣ не способность въ политическому творчеству, а культуру, разумѣя подъ культурой порядочные домашніе и общественные нравы, привычки благоустроенной общественности и образованной жизни въ отношеніяхъ между членами семьи, во всякихъ, вообще, отношеніяхъ между людьми въ публичномъ и частномъ быту. Ихъ я не вижу ни въ древней, ни въ новой Россіи, ни въ какихъ классахъ и слояхъ великорусскаго народа и общества“.

Авторъ писемъ вполне правъ, если всѣмъ этимъ онъ хочетъ сказать, что политическая исторія какого-нибудь народа и его исторія культуры могутъ составить каждая совершенно особый предметъ научнаго изслѣдованія; но въ исторической жизни народовъ, онѣ сливаются тѣсно одна съ другой, и политическій строй общества неотразимо влияетъ на его „домашніе и общественные нравы“, точно такъ же какъ послѣдніе не остаются безъ вліянія на первыя. Ученый изслѣдователь совершенно правъ, прибѣгая къ искусственному выдѣленію той или другой функціи изучаемаго имъ предмета; но практическій дѣятель не имѣетъ права на такое спеціализированіе того, что въ природѣ составляетъ только разнообразныя проявленія одной и той же силы. А такая ошибка на практикѣ дѣлается непрерывно: въ силу этой ошибки, мы часто встрѣчаемъ усилія поддержать въ обществѣ нравственность непосредственно, оставляя безъ всякихъ улучшеній политическій бытъ страны, — и потомъ, видя тщету такихъ усилій, благородныхъ и похвальныхъ по себѣ, но не опирающихся на природу вещей, такіе политическіе дѣятели обвиняютъ общество въ его негодности, безнравственности и даже „черной неблагодарности“, какъ то сдѣлалъ г. де-Молливаръ.

Доказательство справедливости нашихъ словъ мы можемъ найти въ тѣхъ же письмахъ К. Д. Кавелина. Вотъ, какимъ образомъ онъ доказываетъ „политическія способности“ великорусскаго человека, если разсматривать ихъ, выдѣляя искусственно изъ исторіи культуры.

„Вглядитесь хорошенько въ великорусса—говорить К. Д. Кавелинъ:—вѣдь это прежде и больше всего дипломатъ и политическій человѣкъ. Пробѣгите старинные статейные списки и наказы посламъ, и вы удивитесь, какіе мудрецы и искусники были наши предки по части переговоровъ. Въ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда дипломатія еще что нибудь значила, наши агенты при иностранныхъ дворахъ, наши чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ считались лучшими дипломатами въ мірѣ“.—Мы не можемъ только при этомъ не припомнить, что до послѣднихъ событій въ Египтѣ, не только западные кабинеты, но и мы принуждены были считать лучшими дипломатами въ мірѣ—турецкихъ дипломатовъ, какъ самыхъ ловкихъ и искусныхъ. Но что говоритъ такая „политическая способность“ турокъ о ихъ политическомъ строѣ и о выгодахъ этого строя для культуры страны; можно ли видѣть тутъ залогъ и надежду на будущее? Другое дѣло—отзывъ автора писемъ, и вполнѣ справедливый, о „способности нашего простого народа найтись и ужиться со всѣми національностями въ мірѣ,—у себя дома, на окраинахъ сѣверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, въ Азіи, даже съ краснокожими въ Америкѣ“. Вотъ, это—черта, свидѣтельствующая несомнѣнно о высокой культурной способности нашего народа, которая вовсе не встрѣчается между азіатскими племенами, да и въ средѣ европейскихъ народовъ не составляетъ обыденнаго явленія. Какъ воздѣйствовала эта, повстинѣ, прекрасная черта великорусскаго племени на нашу внутреннюю, такъ сказать, междуплеменную политику; привлекла ли она къ намъ наши окраины въ той степени, которая соотвѣтствовала бы широтѣ прирожденнаго народнаго чувства къ иноплеменникамъ? Первый К. Д. Кавелинъ не рѣшится утверждать что нибудь подобное; а въ такомъ случаѣ, надобно отказаться отъ высокой оцѣнки нашихъ „политическихъ способностей“, или точнѣе опредѣлить, кого мы разумѣемъ подъ словомъ: „нашихъ“;—кромя того, остается еще вопросъ: дѣйствительно ли подобныя „политическія способности“ могутъ быть признаны творческою силою?

Во имя выше указаннаго самимъ К. Д. Кавелинымъ свойства нашего „простого народа“, мы и позволяемъ себѣ не согласиться съ нимъ и относительно его культурной низменности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сравнительно даже съ азіатскими племенами. Пусть, какъ справедливо указываетъ авторъ писемъ, „наши монгольскіе подданные умѣютъ обращать бесплодныя степи въ богатныя растительностью мѣста, посредствомъ искусственнаго орошенія“, а нашъ народъ за Волгой „безопасно истребляетъ и тѣ жалкія, тощія ветлы, которыя случайно выростила степь“;—все это вѣрно, какъ вѣрно и то, что муравьи, пчелы, бобры въ правильности хозяйственныхъ приемовъ оста-

вляють очень часто повади себя самихъ людей, и при всемъ томъ—они ниже человѣка; они никогда не страдаютъ такими пороками, какъ пьянство, и все-таки они—не люди. Въ ихъ высокой культурѣ, какъ извѣстно, есть большой недостатокъ—человѣчности. Въ этомъ недостаткѣ, какъ то видно и изъ вышеприведеннаго отзыва К. Д. Кавелина о свойствахъ великорусскаго племени, прямо такъ-сказать антиживотныхъ, въ силу которыхъ одна порода собакъ не можетъ ужиться съ другой,—онъ и не думаетъ отказывать великорусскому племени. Онъ только свидѣтельствуетъ о томъ, что и народъ какъ будто сознаетъ, говоря, что у него „шуба овечья—да душа человѣчья“; но другое дѣло—почему у него шуба овечья? Онъ, конечно, съ нею не родился, она выросла на немъ постепенно, и прежде всего, подъ вліаніемъ тѣхъ „политическихъ способностей“, о которыхъ мы говорили выше. Что можетъ снять эту овечью шкуру и одѣть народъ болѣе культурно?—вотъ тутъ теоретическіе взгляды раскодаются точно такъ, какъ въ извѣстномъ вопросѣ: что нужно прежде—войти ли въ воду, и тамъ выучиться плавать, или наоборотъ: прежде выучиться плавать, а потомъ войти въ воду? Мнѣніе К. Д. Кавелина таково: „пома культура, въ объясненномъ смыслѣ, не проникнетъ въ массы, до тѣхъ поръ о коренной переустройкѣ учреждений нечего и думать; возможны одни лишь *частичныя* улучшения законодательства и администраціи“. Мы уже сказали, что въ дѣлѣ науки, какъ извѣстный и незыблемый приемъ, мы допускаемъ самую строгую спеціализацію; можно, напримѣръ, въ психологіи изучать отдѣльно умъ, память и т. д.; но для практическаго педагога это только различныя проявленія одной и той же духовной силы, а потому онъ не поставитъ себя задачей развить сначала одну память, а потомъ уже приступить къ упражненіямъ ума. Практическіе политики дѣлають весьма часто эту ошибку, требуя предварительно высшей культуры, при неизмѣнности того, что К. Д. Кавелинъ называетъ „учрежденіями“, какъ бы забывая при этомъ, что самая важная доля отсталости культурной объясняется отсутствіемъ выгодныхъ условій для ея преуспѣянія. Пусть К. Д. Кавелинъ правъ, и мы готовы съ нимъ согласиться, что при томъ состояніи, до котораго доведена наша культура, нельзя и думать „о коренной переустройкѣ учреждений“; но мы не видимъ, и съ его точки зрѣнія, причинъ, почему у насъ „возможны одни лишь *частичныя* улучшения законодательства и администраціи“,—а не коренныя. Для улучшения законодательства и администраціи, не зависящаго нисколько отъ культуры общества, такъ какъ оно не вліяетъ никакимъ образомъ на подобные вопросы и находится въ рукахъ исключительно правительства, почему необходимо ограничиваться „частичными“ улучшениями, а не коренными? Въ вопросѣ уничтоженія крѣпостнаго права правительство произвело коренную перестройку, не

обращая вниманія, и весьма справедливо, на низкую народную культуру, — а не одни частичныя улучшения; самъ К. Д. Кавелинъ составилъ себѣ тогда большое и почтенное имя, стоя на сторонѣ необходимости *коренной* реформы въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Правительство и сдѣлало самую коренную реформу, несмотря на то, что многіе при этомъ и тогда указывали на весьма низменное положеніе нашей народной культуры и предлагали довольствоваться частичными улучшениями быта крестьянъ. Мы и теперь не считаемъ себя въ правѣ отрицать у правительства возможность всякихъ другихъ коренныхъ улучшеній законодательства и администраціи. Вообще, этотъ пунктъ въ заключительныхъ словахъ К. Д. Кавелина мы считаемъ неяснымъ, и даже склонны думать, что мы не такъ понимаемъ приведенное имъ слово: „частичныя“; быть можетъ, это слово относится къ предмету, а не къ духу законодательства: только по предмету законодательство должно дѣйствовать частично, отмѣняя сегодня одно, завтра—другое, но, по духу, каждое улучшение должно являться кореннымъ — сравнительно съ прежними воззрѣніями на тотъ или другой предметъ. Правда, тутъ можетъ явиться опять одно затрудненіе: какой-нибудь частичный порядокъ вещей, испытавшій коренное улучшение, очутится при этомъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ другими явленіями, продолжающими вытекать изъ старыхъ, неуспѣвшихъ улучшиться, началъ — и тогда намъ придется снова воскликнуть, вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ: „вѣтъ силъ долѣе жить въ теперешнемъ разбродѣ и хаосѣ мыслей и стремленій“ — улучшенныхъ и ожидающихъ своего улучшения! — Можетъ быть, наше предположеніе неосновательно, — но намъ кажется, что и теперешній разбродъ и хаосъ мыслей и стремленій — не имѣютъ ли они для себя авалогическій источникъ въ томъ ходѣ вещей, при которомъ мы присутствовали на пространствѣ болѣе, чѣмъ четверть столѣтія, испытывая на себѣ частичныя улучшения законодательства и администраціи.

Истекшему мѣсяцу особенно повсчастливилось на оцѣнку того главнаго и существеннаго матеріала, который легъ въ основаніи нашей исторіи, и на которомъ одномъ могутъ быть построены надежды на наше будущее. Мы только-что познакомились съ письмами К. Д. Кавелина; почти одновременно съ ними явилась въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ прощальная рѣчь перваго викарія московской епархіи пресвященнаго Амвросія, нынѣ — епископа Харьковскаго. Предметъ рѣчи тотъ же, какъ и въ письмахъ К. Д. Кавелина: оцѣнка русскаго народа, его умственныхъ и нравственныхъ силъ. Среди „теперешняго разброда мыслей и стремленій“, столь вѣрно засвидѣтельствованныхъ К. Д. Кавелинымъ, весьма важно появленіе въ пе-

чати, и притомъ въ печати официальной, взглядовъ и мыслей на существенные вопросы нашей умственной и нравственной жизни со стороны такого высокопочтеннаго оратора, въ одну изъ самыхъ торжественныхъ минутъ его жизни, при прощаньи съ городомъ, въ которомъ онъ провелъ цѣлыхъ 33 года—*agnam aevi spatium*. Все сказанное въ рѣчи дышетъ неподдѣльною и вмѣстѣ краснорѣчивою любовью къ русскому народу; но искренность оратора такъ велика, что, несмотря на то, внимательный читатель текста самой рѣчи легко уемотритъ причину, почему дѣйствительное умственное, экономическое и даже нравственное положеніе русскаго народа далеко не соотвѣтствуетъ главной тѣмѣ оратора, а именно, что „народъ русскій—великій народъ“. — Пусть такъ, но къ чему же—спроситъ читатель—служить величіе народа, если, по всеобщему признанію, онъ, почти на 90% всего населенія до такой степени умственно обезоруженъ, что, будучи даже, по словамъ оратора, „обезпеченъ въ вѣрности рѣшенія высшихъ вопросовъ жизни, и безъ философіи, вѣчно вѣрнымъ и неизмѣннымъ ученіемъ православной церкви“—не можетъ самъ читать евангелія, этой основы христіанства; каждый прохожимецъ легко обманетъ этотъ „великій народъ“, выдавъ ему за царскій указъ какую-нибудь свою нелѣпую, а иногда и влую выдумку, —и онъ, этотъ великій народъ, всему легко повѣритъ; къ чему служить величіе—спроситъ еще читатель—если оно приводитъ, сверхъ того, и къ матеріальной бѣдности, сопутствуемой всегда паденіемъ нравовъ, грязною домашнею обстановкой и дурными привычками?

Самъ преосвященный Амвросій свидѣтельствуетъ, что „нашъ народъ всегда вѣрилъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, но онъ возненавидѣлъ современную науку за смуты, произведенныя учащимися молодыми людьми“. Какой же другой, болѣе рѣзкій примѣръ можно представить неразвита нашихъ народныхъ массъ, которыя способны ненавидѣть науку—за смуты, произведенныя учащимися; развѣ это не полное отсутствіе здраваго смысла, въ которомъ, однако, ораторъ не отказываетъ русскому народу. И намъ кажется вообще, что это обвиненіе нашего народа въ неестественной ненависти къ наукѣ нѣсколько только обобщено изъ тѣхъ, къ счастью, рѣдкихъ, фанатическихъ сценъ, какія происходили въ Москвѣ же; но едва ли было бы вполне основательно—переносить нравы какого-нибудь Охотнаго-Ряда на цѣлый народъ. Нашъ народъ, въ большинствѣ, по справедливому замѣчанію преосв. Амвросія, „живетъ доселѣ тѣмъ умомъ, какииъ наши предки жили тысячу лѣтъ до европейской науки“, т.-е. умомъ IX-го, X-го столѣтій; это очень прискорбно, но неоспоримо,—и вслѣдствіе того, нашъ народъ не только не питаетъ ненависти къ наукѣ, но готовъ предъ нею испытывать суевѣрный страхъ и почтеніе, какъ то испытывали люди IX-го и X-го столѣтій. Нашъ народъ, опять по сира-

ведливому замѣчанію бывшаго московскаго архипастыря, „способенъ къ постиженію самыхъ высшихъ идей и глубокихъ мыслей, къ быстрому соображенію и точному опредѣленію понятій, — но онъ не терпитъ отвлеченныхъ, ложныхъ систематическихъ построеній, имѣющихъ притязаніе подчинить себѣ цѣлую область свободныхъ явленій жизни“;— вотъ, новое доказательство полуварварскаго состоянія народнаго ума, обладающаго огромными естественными способностями; — и дѣйствительно, нашъ народъ, въ большинствѣ случаевъ, и теперь еще предпочтетъ знахаря—медика, простого начетчика—образованному священнику, такъ какъ медикъ будетъ дѣйствовать, а богословъ—равсуждать и убѣждать на основаніи „отвлеченныхъ, сложныхъ систематическихъ построеній, имѣющихъ притязаніе подчинить себѣ цѣлую область свободныхъ явленій жизни“. По мнѣнію оратора, народъ „называетъ отвлеченныя, сложныя, систематическія построенія—*мутною водою*, гдѣ легко попадаетъ въ сѣти рыба, лишенная возможности далеко и ясно видѣть“; мы не знаемъ, таковъ ли народный взглядъ на науку, какъ на мутную воду, но вѣрно и несомнѣнно то, что болѣе было бы правильно сравнить умственное состояніе нашего народа съ подобною „мутною водою“, въ которой весьма удобно ловить рыбу: самому просвященному болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, съ какою легкостью нашъ народъ, благодаря своему невѣжеству, излавливается, напримѣръ, изувѣрами на весьма отвлеченныя, сложныя и систематическія построенія какой-нибудь даже чепухи,—вовсе уже не науки.

Но пойдѣмъ далѣе. „*Нашъ народъ*, по словамъ оратора, *негодуетъ, когда ослобляются и затуманиваются учеными приемами* практическіе вопросы о народныхъ нуждахъ, легко разрѣшаемые простымъ соображеніемъ“;—мы рискуемъ, конечно, понести со стороны высокопочтеннаго оратора упрекъ въ недостатокъ либерализма, но тѣмъ не менѣе выскажемся откровенно по поводу вышеприведенной характеристики нашего народа. Если ораторъ допускаетъ разъ — и весьма справедливо—что нашъ народный умъ, въ большинствѣ, стоитъ не выше того уровня, на какомъ онъ стоялъ въ IX и X вѣкѣхъ, — то едва ли было бы желательно встрѣтить въ немъ — и даже одобрить — склонность „легко“ разрѣшать „практическіе вопросы о народныхъ нуждахъ“, или, какъ говорится, рубить гордіевы узлы, негодую на „ученые приемы“. Другое дѣло, если ораторъ употребляетъ въ настоящемъ случаѣ, слово: „ученый“ — не въ прямомъ, а въ его переносномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ, напримѣръ, „искусственный“; но это измѣнило бы весь ходъ мысли, такъ какъ „искусственные приемы“, въ подобнаго рода вопросахъ, даже и независимо отъ тѣхъ или другихъ народныхъ свойствъ, всегда должны быть осуждаемы, какъ ведущіе очень часто къ печальнымъ результатамъ.

Если ораторъ далѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что „нашъ народъ оскорбляется, когда во имя *отвлеченной* (?) любви ко всему человѣчеству, жертвуютъ благомъ народовъ, близкаихъ въ нему по племени и вѣрѣ“,—то такое качество, если оно дѣйствительно принадлежитъ народу, говорить только о его необычайной способности къ „отвлеченностямъ“, такъ какъ рядомъ съ предполагаемыми въ немъ заботами о благѣ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ, мы не видимъ въ немъ заботы о собственномъ благѣ; по крайней мѣрѣ, такъ приходится судить, глядя на собственное его положеніе, которое ни онъ самъ, ни его защитники не могутъ признать удовлетворительнымъ. Сказать мимоходомъ, мы не понимаемъ также, почему ораторъ, какъ будто укоризненно, отнесся къ „любви ко всему человѣчеству“, называя такую любовь „отвлеченной“: мы всегда думали, что такую любовь слѣдовало бы болѣе справедливо называть не „отвлеченною“, а истинно-христіанскою, такъ какъ идея о любви къ человѣчеству принадлежитъ безспорно Евангелію; только ветхозавѣтное ученіе требовало не прикасаться къ „самарянамъ“.

Если нашъ народъ—какъ продолжаютъ ораторъ—„сомнѣвается въ искренности вѣры и благочестіи образованныхъ людей, когда не видятъ въ нихъ склонности въ благочестивымъ выраженіямъ и трудамъ, предписаннымъ церковью“,—то вѣдь это только потому, что онъ, при его низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, не можетъ подняться выше формальной стороны религіи,—и сколько бывало случаевъ, что простолюдинъ, отправляясь на преступленіе, ставилъ свѣчку за успѣхъ предпринимаемаго имъ дѣла.

Въ заключеніе, намъ говорятъ, что „русскій народъ не вѣритъ и въ благотворность современной цивилизаціи, нитавицей роскоши, праздноствіи и легкомыслію“;—но справедливо ли требовать отъ простолюдина того, чего мы часто не находимъ и у людей, знакомыхъ съ современной цивилизаціею хотя бы совершенно, а именно:—правильнаго взгляда на ея сущность и умѣнье отличать эту сущность отъ злоупотребленій и излишествъ въ пользованіи благами цивилизаціи. Пусть тѣ, которые говорятъ противъ „современной цивилизаціи“, помнятъ, что она сама есть не что иное, какъ послѣдній результатъ того великаго и всесвѣтнаго освобожденія человѣческой мысли и чувства отъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ они находились девятнадцать вѣковъ тому назадъ. Относительно же нашего народа можно справедливо сказать только то, что онъ и понятія не имѣетъ о современной цивилизаціи, именно вслѣдствіе того, что благотворность, какую она несомнѣнно представляетъ, дѣйствительно почти и не воспламялась—его одного. Самъ высокопочтенный ораторъ свидѣтельствуетъ о томъ, говоря, „что ученые русскіе мыслители (здѣсь говорится о всѣхъ вообще, а слѣдовательно также и о тѣхъ, которые не заслужили бы

осужденія оратора) разсуждаютъ, пишутъ и спорятъ о вопросахъ религіи и внутренней и внѣшней политики, — но независимо отъ нихъ умственная и нравственная жизнь народа, *какъ кровь* переливается и движется отъ Москвы къ окраинамъ Россіи, и отъ нихъ къ ней, какъ къ сердцу". Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть справедливѣе и вмѣстѣ безнадежнѣе этой картины?—умственная и нравственная жизнь народа приравнивается къ бессознательному процессу кровообращенія,—и приравнивается справедливо. Что печальнѣе картины народа, среди котораго напрасно „разсуждаютъ, пишутъ и спорятъ“ его же „ученые мыслители“,—и все это остается на воздухѣ, а въ нѣдрахъ народной жизни, по картинному выраженію оратора, продолжается „теченіе нижнее, глубокое, постоянное и однородное“,—но какого качества?—во всякомъ случаѣ, оно таково, какъ и было, по свидѣтельству самого оратора, тысячу лѣтъ тому назадъ.

Зачѣмъ, впрочемъ, удалаться въ такую сѣдую старину,—не дальше, какъ сто лѣтъ тому назадъ, въ этой же Москвѣ, о которой ораторъ говоритъ: *она есть по преимуществу столица русскаго разума*“ (вурсы въ подлинникѣ), въ этой самой Москвѣ, народъ, негодуя на ученые приемы, вызванные по поводу моровой язвы, жестоко и варварски обнаружилъ свое нижнее теченіе, которое бываетъ, дѣйствительно, всегда однородно—и печальною жертвою умственнаго и нравственнаго состоянія народа палъ архипастырь Москвы, одинъ изъ предшественниковъ преосвященнаго Амвросія, ему соименный. Тамъ, гдѣ народъ не остается въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ чуждымъ тому, что пишутъ, о чемъ разсуждаютъ и спорятъ его „ученые мыслители“,—тамъ такіа отвратительныя явленія дѣлаются гораздо менѣе возможными. Но гдѣ другой порядокъ вещей, тамъ, дѣйствительно, какъ справедливо выражается преосвященный Амвросій,—*пока мы собираемся путемъ газетъ распространять по Россіи свои взгляды, — мнѣніе народа по извѣстному вопросу (разумѣется, для него близкому, замѣчаетъ ораторъ) уже сложилось, и его не сломитъ никакая журнальная полемика*“! Это столько же вѣрно, сколько и печально; „журнальная полемика“, особенно если она пользуется, въ предѣлахъ установленныхъ закономъ для всякой дѣятельности, свободою, — по нашему убѣжденію, содѣйствуетъ много къ замѣнѣ бессознательнаго кровообращенія въ умственной жизни народа сознательнымъ обращеніемъ мысли, и къ тому, чтобы все болѣе и болѣе сокращалась та глубокая пропасть, которая отдѣляетъ „ученыхъ мыслителей“ отъ невѣжества народныхъ массъ. Мы сдѣлались слишкомъ опытными въ эти послѣднія времена, чтобы увлекаться теоріями Ж.-Ж. Руссо и повторять его нѣкогда остроумный парадоксъ о вредѣ образованія и прелестяхъ и невинности первобытнаго невѣ-

жества. Самое меньшее, что можно сказать о последнемъ,—это повторить слова Гуса на кострѣ; когда Гусъ увидѣлъ благочестивую старуху, тащившую полѣно, чтобы подбросить его въ костеръ, на которомъ, она думала, должна погибнуть интеллигенція, отказавшаяся отъ вѣковыхъ народныхъ преданій,—несчастный, съ кротостью древнихъ мучениковъ, воскликнулъ:— „O, sancta simplicitas“!

— „O, святая простота“!—вотъ что приходится воскликнуть также и по поводу постановки на сцену въ московской думѣ избранія бар. Н. А. Корфа—настоящій водевилъ съ переодѣваньемъ: мнѣнія были переиѣнены, какъ переиѣняются костюмы. Впрочемъ, тутъ было нѣчто и худшее. „Собраніе гласныхъ—говорить г. городской голова въ письмѣ къ барону Корфу—*цѣня ваши заслуги по дѣлу народнаго образованія... поручило мнѣ просить васъ снять свою кандидатуру*“!—Что это такое?!—описка ли, или просго опечатка: можетъ быть, въ письмѣ было сказано: „не цѣня“; или, наконецъ, это насмѣшка надъ здравымъ смысломъ?—однихъ ли гласныхъ московской думы, или всего русскаго общества? Сама „исторія“, впрочемъ, уже извѣстна нашимъ читателямъ изъ сказаннаго о томъ же во „Внутреннемъ Обзорѣннѣ“—и потому не будемъ къ ней возвращаться. Но все же,—нельзя не сказать—московскіе гласные подбросили въ костеръ свое „полѣно“,—только едва ли они имѣютъ право на ту искренность и простоту души, какую обнаружила та историческая старуха. Какъ жаль, что Н. Щедринъ покончилъ переписку съ „тѣтенкой“—какой бы это былъ матеріалъ для него!!..

Издатель и редакторъ М. Стасюлевичъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ ПРОЗѢ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая, — тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ уже законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ, и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ.

Въ письмѣ къ намъ, сопровождавшемъ печатаемые нами теперь листки, И. С. Тургеневъ въ заключеніе говоритъ:

... «Пусть вашъ читатель не пробѣгаетъ этихъ *стихотвореній въ прозѣ* сподрядъ: ему, вѣроятно, скучно станетъ — и книжка вывалится у него изъ рукъ. Но пусть онъ читаетъ ихъ въ раздробь: сегодня одно, завтра другое, — и которое-нибудь изъ нихъ, можетъ быть, заронитъ ему что-нибудь въ душу»...

Листки не имѣютъ общаго заглавія; авторъ на оберткѣ называлъ ихъ: «*Senilia*» — стариковскія; — но мы предпочли невзначай оброченныя авторомъ слова въ вышеприведенномъ заключеніи его письма къ намъ: «Стихотворенія въ прозѣ», — и печатаемъ листки подъ этимъ именно, общимъ заглавіемъ. Оно, по нашему мнѣнію, вполне выражаетъ какъ источникъ, изъ котораго могли явиться подобныя замѣтки въ душѣ писателя, известнаго своею чуткостью къ разнообразнымъ вопросамъ жизни, такъ и то впечатлѣніе, которое они могутъ произвести на читателя, «заронивъ ему въ душу» — многое. Это, дѣйствительно, — стихотворенія, несмотря на то, что они написаны въ прозѣ. Помѣщаемъ ихъ — въ хронологическомъ порядкѣ, — начиная съ 1878 года.

Полученная нами на-дняхъ новая повѣсть И. С. Тургенева — трудъ вынѣшняго лѣта — отлагается до слѣдующей книги журнала.

28 октября, 1882 г.

I

1878-ой годъ.

Деревня.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Бевѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ zobастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смиренно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой—и дѣгтемъ маленько—и маленько кожей.—Конопляники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастья, къ низу исцеленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь.—Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба—синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтшки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокой шесть сворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка: на завалинкахъ кошки свернулись влбочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самого края оврага на разостланной попонтѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скопшеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припѣкѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ cadaго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко-подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпращенную телѣгу, — зубоскалять.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребята въ наваленномъ снѣгѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожить и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой вѣтчатой паневѣ, въ новыхъ ботахъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвилися вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко наѣясь онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки держать она горшокъ съ холоднымъ, несвятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба. — «Кушай, моль, на здоровье, заѣзжій гость!»

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не снѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— «Ай да овесь!» слышится голосъ моего вучера...

О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

Февраль, 1878.

Разговоръ.

„Ни на Юнгфрау, ни на Флистерааргорнѣ еще не бывало человѣческой ноги!“

Вершины Альпъ... Цѣлая цѣпь крутыхъ уступовъ... Самая сердцевина горъ.

Надъ горами блѣдно-зеленое, свѣтлое, нѣмое небо. Сильный, жесткій морозъ; твердый, искристый снѣгъ; изъ-подъ снѣгу торчатъ суровыя глыбы обледенѣлыхъ, обвѣтренныхъ скалъ.

Двѣ громады, два великана вздымаются по обѣимъ сторонамъ небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорнъ.

И говоритъ Юнгфрау сосѣду:—Что скажешь новаго? тебѣ виднѣй.—Что тамъ внизу?

Проходятъ нѣсколько тысячъ лѣтъ: одна минута. И грохочетъ въ отвѣтъ Финстерааргорнъ:—Сплошныя облака застилаютъ землю... Погоди!

Проходятъ еще тысячелѣтія: одна минута.

— Ну а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Теперь вижу; тамъ внизу все тоже: пестро, мелко. Воды свиѣютъ; чернѣютъ лѣса; сѣрѣютъ груды скученныхъ камней. Около нихъ все еще копошатся козявки, знаешь, тѣ двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?

— Да; люди.

Проходятъ тысячи лѣтъ: одна минута.

— Ну а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Какъ будто меньше видать козявокъ,—гремѣтъ Финстерааргорнъ:—яснѣе стало внизу; съузились воды; порѣдѣли лѣса.

Прошли еще тысячи лѣтъ: одна минута.

— Что ты видишь?—говоритъ Юнгфрау.

— Около насъ, вблизи, словно прочистилось, — отвѣчаетъ Финстерааргорнъ; — ну а тамъ, вдали, по долинамъ есть еще пятна, и шевелится что-то.

— А теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау, спустя другія тысячи лѣтъ—одну минуту.

— Теперь хорошо,—отвѣчаетъ Финстерааргорнъ;—опятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вездѣ нашъ свѣтъ, ровный свѣтъ и ледъ. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо,—промолвила Юнгфрау.—Однако, довольно мы съ тобой поболтали, старикъ. Пора вздремнуть.

— Пора.

Спать громадныя горы; спать зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолешей землей.

Февраль, 1878.

Старуха.

Я шелъ по широкому полю, одинъ.

И вдругъ мнѣ почудились легкіе, осторожные шаги за моей спиною... Кто-то шелъ по моему слѣду.

Я оглянулся—и увидалъ маленькую, сгорбленную старушку,

всю закутанную въ сѣрыя лохмотья. Лицо старушки одно видѣлось изъ-подъ нихъ: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошелъ къ ней... Она остановилась.

— Кто ты? Чего тебѣ нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвѣтила. Я наклонился къ ней и замѣтилъ, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, бѣловатой перепонкой или пленой, какая бываетъ у иныхъ птицъ: онѣ защищаютъ ею свои глаза отъ слишкомъ ярмаго свѣта.

Но у старушки та плева не двигалась и не отрывала зѣвицы... изъ чего я заключилъ, что она слѣпая.

— Хочешь милостыни?—повторилъ я свой вопросъ. — Зачѣмъ ты идешь за мною? — Но старушка по прежнему не отвѣчала, а только съежилась чуть-чуть.

Я отвернулся отъ нея и пошелъ своей дорогой.

И вотъ опять слышу я за собою тѣ же легкіе, мѣрные, словно крадущіеся шаги.

— Опять эта женщина!—подумалось мнѣ;—что она ко мнѣ пристала? — Но я тутъ же мысленно прибавилъ: вѣроятно, она со-слѣпу сбилась съ дороги, идетъ теперь по слуху за моими шагами, чтобы вмѣстѣ со мною выйти въ жилое мѣсто. Да, да; это такъ.

Но странное безпокойство понемногу овладѣло моими мыслями: мнѣ начало казаться, что эта старушка не идетъ только за мною, но что она направляетъ меня, что она меня толкаетъ то направо, то налѣво, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако, я продолжаю идти... но вотъ впереди на самой моей дорогѣ что-то чернѣетъ и ширится... какая-то яма... «Могла!» свернуло у меня въ головѣ.—Вотъ куда она толкаетъ меня!

Я круто поворачиваю назадъ. Старуха опять передо мною... но она видитъ! Она смотритъ на меня большими, злыми, злобѣщими глазами... глазами хищной птицы... Я надвигаюсь къ ея лицу, къ ея глазамъ... Опять та же тусклая плева, тотъ же слѣпой и тупой обликъ...

«Ахъ! думаю я... эта старуха—моя судьба. Та судьба, отъ которой не уйти человѣку!»

«Не уйти! не уйти!—Что за сумасшествіе... Надо попытаться».

И я бросаюсь въ сторону, по другому направленію.

Я иду проворно... Но легкіе шаги по прежнему шелестятъ за мною, близко, близко... И впереди опять темнѣетъ яма.

Я опять поворачиваю въ другую сторону... И опять тотъ же шелестъ сзади, и то же грозное пятно впереди.

И куда я ни мечусь, какъ заяцъ на угонкахъ... все то же, то же!

— Стой! думаю я.—Обману-жь я ее! Не пойду я никуда!—и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоитъ позади, въ двухъ шагахъ отъ меня.—Я ее не слышу, но я чувствую, что она тутъ.

И вдругъ я вижу: то пятно, что чернѣло вдали, плыветъ, ползетъ само ко мнѣ!

Боже! Я оглядываюсь назадъ... Старуха смотреть прямо на меня—и беззубый ротъ скривленъ усмѣшкой...

— Не уйдешь!

Февраль, 1878.

Собака.

Насъ двое въ комнатѣ: собака моя и я... На дворѣ востъ страшная буря.

Собака сидитъ передо мною—и смотритъ мнѣ прямо въ глаза.

И я тоже гляжу ей въ глаза.

Она словно хочетъ сказать мнѣ что-то. Она нѣмая, она безъ словъ, она сама себя не понимаетъ—но я ее понимаю.

Я понимаю, что въ это мгновеніе и въ ней, и во мнѣ, живетъ одно и то же чувство, что между нами нѣтъ никакой разницы. Мы тождественны; въ каждомъ изъ насъ горитъ и свѣтится тотъ же трепетный огонекъ.

Смерть налетитъ, махнетъ своимъ холоднымъ широкимъ крыломъ...

И конецъ!

Кто потомъ разберетъ, какою именно въ каждомъ изъ насъ горѣлъ огонекъ?

Нѣтъ! это не животное и не человѣкъ мѣняются взглядами...

Это двѣ пары одинаковыхъ глазъ устремлены другъ на друга.

И въ каждой изъ этихъ паръ, въ животномъ и въ человѣкѣ—одна и та же жизнь жметъ пугливо къ другой.

Февраль, 1878.

Соперникъ.

У меня былъ товарищъ-соперникъ; не по занятіямъ, не по службѣ или любви; но наши воззрѣнія ни въ чемъ не сходились, и всякій разъ, когда мы встрѣчались—между нами возникали нескончаемые споры.

Мы спорили обо всѣмъ: объ искусствѣ, о религiи, о наукѣ, о земной и загробной—особенно о загробной жизни.

Онъ былъ человѣкъ вѣрующій и восторженный. Однажды онъ сказалъ мнѣ: «Ты надо всѣмъ смѣешься; но если я умру прежде тебя, то я явлюсь къ тебѣ съ того свѣта... Увидимъ, засмѣешься ли ты тогда?»

И онъ, точно, умеръ прежде меня, въ молодыхъ лѣтахъ еще будучи; но прошли года—и я позабылъ объ его обѣщанiи—объ его угрозѣ.

Разъ, ночью, я лежалъ въ постели—и не могъ, да и не хотѣлъ заснуть.

Въ комнатѣ не было ни темно, ни свѣтло; я принялся глядѣть въ сѣдой полумракъ.

И вдругъ мнѣ почудилось, что между двухъ оконъ стоитъ мой соперникъ—и тихо, и печально качаетъ сверху внизъ головою.

Я не испугался—даже не удивился... но, приподнявшись слегка и опершись на локоть, сталъ еще пристальнѣе глядѣть на неожиданно появившуюся фигуру.

Тотъ продолжалъ качать головою.

— Что?—промолвилъ я наконецъ.—Ты торжествуешь? или жалѣешь?—Что это: предостереженiе или упрекъ?.. Или ты мнѣ хочешь дать понять, что ты былъ неправъ? что мы оба неправы? Что ты испытываешь? Муки ли ада? Блаженство ли рая? Промолви хоть слово!

Но мой соперникъ не издалъ ни единого звука—и только по-прежнему печально и покорно качалъ головою—сверху внизъ.

Я засмѣялся... онъ исчезъ.

Февраль, 1878.

Нищій.

Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шаршавыя лохмотья, нечистыя раны... О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка... Я ничего не взялъ съ собою.

А нищій все ждалъ... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я вѣрно пожалъ эту грязную, трепетную руку... «Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ».

Ничій оставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись—и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похлѣвшіе пальцы.

— Чтѣ же, братъ,—прошамкалъ онъ;—и на томъ спасибо.— Это тоже подаваніе, братъ.

Я понялъ, что и я получилъ подаваніе отъ моего брата.

Февраль, 1878.

«Услышишишь судъ глупца»...

Пушкинъ.

«Услышишишь судъ глупца»... Ты всегда говорилъ правду, великій нашъ пѣвецъ; ты сказалъ ее и на этотъ разъ.

«Судъ глупца и смѣхъ толпы»... Кто не извѣдалъ и того, и другого?

Всѣ это можно—и должно переносить; а кто въ силахъ— пусть презираетъ!

Но есть удары, которые больнѣе бьютъ по самому сердцу... Человѣкъ сдѣлалъ всё, чтѣ могъ; работалъ усиленно, любовно, честно... И честныя души гадливо отворачиваются отъ него; честныя лица загораются негодованіемъ при его имени. «Удались! Ступай вонъ!» кричатъ ему честныя, молодые голоса.— «Ни ты намъ не нуженъ, ни твой трудъ; ты осквернишь наше жилище—ты насъ не знаешь и не понимаешь... Ты нашъ врагъ!»

Что тогда дѣлать этому человѣку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться—и даже не ждать болѣе справедливой оцѣнки.

Нѣкогда землепашцы проклинали путешественника, принесшаго имъ картофель, замѣну хлѣба, ежедневную пищу бѣдняка... Они выбивали изъ протянутыхъ къ нимъ рукъ драгоценный даръ, бросали его въ грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются имъ—и даже не вѣдаютъ имени своего благодѣтеля.

Пускай! На что имъ его имя? Онъ, и безымянный, спасаетъ ихъ отъ голода.

Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей.

Горька неправая укоризна въ устахъ людей, которыхъ любишь... Но перенести можно и это...

«Бей меня! но выслушай!» — говорилъ военскій вождь спартавскому.

«Бей меня—но будь здоровъ и сытъ!» — должны говорить мы.

Февраль, 1878.

ДОВОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

По улицѣ столицы мчится въ припрыжку молодой еще человекъ.—Его движенья веселы, бойки; глаза сияютъ, ухмыляются губы, приятно алѣетъ умиленное лицо... Онъ весь—довольство и радость.

Что съ нимъ случилось? Досталось ли ему наслѣдство? Повысили ли его чиномъ? Спѣшить ли онъ на любовное свиданіе? Или просто—онъ хорошо позавтракалъ,—и чувство здоровья, чувство сытой силы выиграло во всѣхъ его членахъ? Ужъ не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крестъ, о, польскій король Станиславъ!

Нѣтъ. Онъ сочинилъ клевету на знакомаго, распространилъ ее тщательно, услышалъ ее, эту самую клевету, изъ устъ другого знакомаго—и *самъ ей поверилъ*.

О, какъ доволенъ, какъ даже добръ въ эту минуту этотъ милый, многообщающій, молодой человекъ!

Февраль, 1878.

ЖИТЕЙСКОЕ ПРАВИЛО.

— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, говорилъ мнѣ одинъ старый пройдоха — то упрекайте его въ томъ самомъ недостаткѣ или порокѣ, который вы за собою чувствуете.—Негодуйте... и упрекайте!

Во-первыхъ—это заставитъ другихъ думать, что у васъ этого порока нѣтъ.

Во-вторыхъ—негодованіе ваше можетъ даже быть искреннимъ... Вы можете воспользоваться уворотами собственной совѣсти.

Если вы, напр., ренегатъ — упрекайте противника въ томъ, что у него нѣтъ убѣжденій!

Если вы сами лакей въ душѣ — говорите ему съ уворизной, что онъ лакей... лакей цивилизаци, Европы, социализма!

— Можно даже сказать: лакей безаламейства! — замѣтилъ я.

— И это можно, — подхватилъ пройдоха.

Февраль, 1878.

Конецъ свѣта.

Сонъ.

Чудилось мнѣ, что я нахожусь гдѣ-то въ Россіи, въ глуши, въ простомъ деревенскомъ домѣ.

Комната большая, низкая, въ три окна; стѣны вымазаны бѣлой краской; мебели нѣтъ. Передъ домомъ голая равнина; постепенно понижаясь, уходитъ она въ даль; сѣрое, одноцвѣтное небо виситъ надъ нею какъ пологъ.

Я не одинъ; человѣкъ десять со мною въ комнатѣ. Люди все простые, просто одѣтые; они ходятъ вдоль и поперекъ, молча, словно крадучись. Они избѣгаютъ другъ друга—и однако безпрестанно мѣняются тревожными взорами.

Ни одинъ не знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ этотъ домъ и что за люди съ нимъ? На всѣхъ лицахъ безпокойство и унылость... всѣ поочередно подходятъ къ окнамъ и внимательно оглядываются, какъ бы ожидая чего-то извѣя.

Потомъ опять принимаются бродить вдоль и поперекъ. Между нами вертится небольшого росту мальчикъ; отъ времени до времени онъ пищитъ тонкимъ однозвучнымъ голосомъ: «Тятенъка, боюсь!»—Мнѣ тошно на сердцѣ отъ этого писку—и я тоже начинаю бояться... чего? не знаю самъ. Только я чувствую: идетъ и близится большая, большая бѣда.

А мальчикъ нѣтъ, нѣтъ—да запищитъ. Ахъ, какъ бы уйти отсюда! Какъ душно! Какъ томно! какъ тяжело!.. Но уйти невозможно.

Это небо—точно саванъ. И вѣтра нѣтъ... Умеръ воздухъ, что-ли?

Вдругъ мальчикъ подскочилъ въ окну и закричалъ тѣмъ же жалобнымъ голосомъ: «Гляньте! гляньте! земля провалилась!»

— «Какъ? провалилась!»—Точно: прежде передъ домомъ была равнина—а теперь онъ стоитъ на вершинѣ страшной горы!—Небосклонъ упалъ, ушелъ внизъ—а отъ самаго дома спускается почти отвѣсная, точно разрытая, черная кручь.

Мы всѣ столпились у окна... Ужасъ леденить наши сердца.— «Вотъ оно... вотъ оно!» шепчетъ мой сосѣдъ.

И вотъ, вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какіе-то небольшіе, кругловатые бугорки.

«Это—море!» подумалось всѣмъ намъ въ одно и то же мгно-

веніе.—«Оно сейчасъ насъ всѣхъ затопитъ... Только какже оно можетъ расти и подниматься вверхъ? На эту кручу?»

И однако, оно растетъ, растетъ громадно... Это уже не отдѣльные бугорки мечутся вдали... Одна сплошная чудовищная волна обхватываетъ весь кругъ небосклона.

Она летитъ, летитъ на насъ!—Морознымъ вихремъ несется она, крутится тьмой вромѣшной. Все задрожало вокругъ—а тамъ, въ этой налетающей громадѣ—и трескъ, и громъ, и тысячегортанный, желѣзный лай...

Га! Какой ревъ и вой! Это земля завyla отъ страха...

Конецъ ей! Конецъ всему!

Мальчикъ пискнулъ еще разъ... Я хотѣлъ было ухватиться за товарищя—но мы уже всѣ раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, какъ чернила, черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... темнота вѣчная!

Едва переводя дыханіе, я проснулся.

Мартъ, 1878.

Маша.

Проживая—много лѣтъ тому назадъ—въ Петербургѣ, я, всякій разъ какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишьями и плохой клячѣнкой—въ надеждѣ и самимъ прокормиться, и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ однажды нанялъ я такого извозчика... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодець-молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-подъ на-двинутой на самыя брови заплатаанной шапоники.—И какъ только налѣвъ этотъ рванный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

—Что, братъ?—спросилъ я его.—Отчего ты не весель? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

—Есть, баринъ, есть,—промолвилъ онъ наконецъ.—Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любишь... Жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ; только голову наклонилъ немного.

— Любишь, баринъ. Восьмой мѣсяць пошелъ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!.. Въ одинъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ!—тяжело вздохнулъ бѣднякъ.—И какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значить, уже похоронили,—сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Приѣхалъ—а ужъ за-полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился по серѣдкѣ и говорю такъ-то тихохонько: «Маша! а Маша!» Только сверчокъ трещить.—Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ—да ладонью по землѣ какъ хлопнул!—Ненасытная, говорю, утроба!.. Сожрала ты ее... сожри-жь и меня!—Ахъ, Маша!

— Маша!—прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И не выпуская изъ рукъ веревочныхъ возжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, страхнулъ ее, сбросилъ въ сторону, повелъ плечами—и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣвая съ саней, я далъ ему лишній пяти-алтынникъ.—Онъ поклонился мнѣ нивехонько, взявшись обѣими руками за шапку—и пошелъ шагкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январьскаго мороза.

Апрѣль, 1878.

Дуракъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дуракъ.

Долгое время онъ жилъ припѣваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что онъ всюду слыветъ за безмозглаго пошлеца.

Смутился дуракъ и началъ печалиться о томъ, какъ бы прекратить тѣ непріятные слухи?

Внезапная мысль озарила наконецъ его темный умишко... И онъ, ни мало не медля, привелъ ее въ исполненіе.

Встрѣтился ему на улицѣ знакомый—и принялся хвалить извѣстнаго живописца...

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Живописецъ этотъ давно данъ въ архивъ... Вы этого не знаете?—Я отъ васъ этого не ожидалъ... Вы—отсталый человѣкъ.

Знакомый испугался—и тотчасъ согласился съ дуракомъ.

— Какую прекрасную книгу я прочелъ сегодня!—говорилъ ему другой знакомый.

— Помилуйте!—воскликнулъ дуракъ. —Какъ вамъ не стыдно? Никуда эта книга не годится; всѣ на нее давно махнули рукою. —Вы этого не знаете?—Вы—отсталый человѣкъ.

И этотъ знакомый испугался—и согласился съ дуракомъ.

— Что за чудесный человѣкъ мой другъ N. N.!—говорилъ дураку третій знакомый. —Вотъ истинно благородное существо!

— Помилуйте!—воскликнулъ дуракъ. —N. N. завѣдомый подлецъ! Родню всю ограбилъ. Кто-жъ этого не знаетъ? Вы—отсталый человѣкъ!

Третій знакомый тоже испугался и согласился съ дуракомъ, отступился отъ друга. И кого бы, что бы ни хвалили при дуракѣ—у него на все была одна отвѣдь.

Развѣ иногда прибавить съ укоризной: —А вы все еще вѣрите въ авторитеты?

«Злюкъ! Желчевикъ!» начинали толковать о дуракѣ его знакомые. —«Но какая голова!»

«И какой языкъ!»—прибавляли другіе. —«О, да онъ талантъ!»

Кончилось тѣмъ, что издатель одной газеты предложилъ дураку завѣдывать у него критическимъ отдѣломъ.

И дуракъ сталъ критиковать все и всѣхъ, нисколько не мѣняя манеры своей, ни своихъ восклицаній.

Теперь онъ, кричавшій нѣкогда противъ авторитетовъ—самъ авторитетъ, —а юноши передъ нимъ благоговѣютъ—и боятся его.

Да и какъ имъ быть, бѣднымъ юношамъ?—Хоть и не слѣдуетъ—вообще говоря—благоговѣть... но тутъ, поди, не возблаговѣй—въ отсталые люди попадешь!

Житье дуракамъ между трусами.

Апрѣль, 1878.

Восточная легенда.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ великаго Джіаффаръ, солнца вселенной?

Однажды—много лѣтъ тому назадъ—онъ былъ еще юношей,—прогуливался Джіаффаръ въ окрестностяхъ Багдада.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ хриплый крикъ: кто-то отчаянно взывалъ о помощи.

Джіаффаръ отличался между своими сверстниками блгора-

зуюмъ и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое— и онъ надѣялся на свою силу.

Онъ побѣждалъ на крикъ и увидѣлъ драхлаго старика, притиснутого къ городской стѣнѣ двумя разбойниками, которые его грабили.

Джіаффаръ выхватилъ свою саблю и напалъ на злодѣевъ: одного убилъ, другого прогналъ.

Освобожденный старецъ палъ къ ногамъ своего избавителя и, облобызавъ край его одежды, воскликнулъ: «Храбрый юноша, твое великодушіе не останется безъ награды. На видъ я—убогій нищій; но только на видъ. Я человекъ не простой.—Приходи завтра раннимъ утромъ на главный базаръ; я буду ждать тебя у фонтана—и ты убѣдишься въ справедливости моихъ словъ».

Джіаффаръ подумалъ: «На видъ человекъ этотъ нищій, точно; однако—всяко бываетъ. Отчего не попытаться?»—и отвѣчалъ: «Хорошо, отецъ мой; приду».

Старикъ взглянулъ ему въ глаза—и удалился.

На другое утро, чуть забрезжилъ свѣтъ, Джіаффаръ отправился на базаръ. Старикъ уже ожидалъ его, облокотась на мраморную чашу фонтана.

Молча взялъ онъ Джіаффара за руку и привелъ его въ небольшой садъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими стѣнами.

По самой серединѣ этого сада, на зеленой лужайкѣ, росло дерево необычайнаго вида.

Оно походило на кипарисъ; только листва на немъ была лазореваго цвѣта.

Три плода—три яблока—висѣло на тонкихъ, къверху загнутыхъ вѣтвяхъ:—одно, средней величины, продолговатое, молочно-бѣлое; другое, большое, круглое, ярко-красное; третье маленькое, сморщенное, желтоватое.

Все дерево слабо шумѣло, хотъ и не было вѣтра. Оно звѣло тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближеніе Джіаффара.

«Юноша!»—промолвилъ старецъ.—«Сорви любой изъ этихъ плодовъ и знай: сорвешь и съѣшь бѣлый—будешь умнѣе всѣхъ людей; сорвешь и съѣшь красный—будешь богатъ, какъ еврей Ротшильдъ; сорвешь и съѣшь желтый—будешь нравиться старымъ женщинамъ. Рѣшайся!... и не мѣшкай. Черезъ часъ и плоды завянутъ, и само дерево уйдетъ въ нѣмую глубь земли!»

Джіаффаръ понурилъ голову—и задумался.—«Какъ тутъ поступить?»—произнесъ онъ въ полголоса, какъ бы разсуждая самъ съ собою.—«Сдѣлаешься слишкомъ умнымъ—пожалуй, жить

не захочется; сдѣлаешься богаче всѣхъ людей—будутъ всѣ тебѣ завидовать; лучше же я сорву и съѣмъ третье, сморщенное яблоко!»

Онъ такъ и поступилъ; а старецъ засмѣялся беззубнымъ смѣхомъ и промолвилъ: «О, мудрѣйшій юноша! Ты избралъ благую часть!—На что тебѣ бѣлое яблоко? Ты и такъ умнѣ Соломона.—Красное яблоко также тебѣ не нужно... И безъ него ты будешь богатъ. Только богатству твоему никто завидовать не станетъ».

— «Повѣдай мнѣ, старецъ»,—промолвилъ, востепенувшись, Джаффаръ. «Гдѣ живетъ почтенная мать нашего богоспасаемаго халифа?»

Старикъ поклонился до земли—и указалъ юношѣ дорогу.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ солнца вселенной, великаго, знаменитаго Джаффара?

Апрѣль, 1878.

Два четверостишія.

Существовалъ нѣкогда городъ, жители котораго до того страстно любили поэзію, что если проходило нѣсколько недѣль и не появлялось новыхъ прекрасныхъ стиховъ—они считали такой поэтической неурожай общественнымъ бѣдствіемъ.

Они надѣвали тогда свои худшія одежды, посыпали пепломъ головы—и, собираясь толпами на площадяхъ, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую ихъ.

Въ одинъ подобный злополучный день молодой поэтъ Юній появился на площади, переполненной скорбѣвшимъ народомъ.

Проворными шагами взобрался онъ на особенно-устроенный амвонъ—и подаль знакъ, что желаетъ произнести стихотвореніе.

Ликторы тотчасъ замахали жезлами. «Молчаніе! вниманіе!»—вычно возопили они—и толпа затихла, выжидая.

«Друзья! Товарищи!»—началъ Юній громкимъ, но не совсемъ твердымъ голосомъ:

«Друзья! Товарищи! Любители стиховъ!
Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущаетъ васъ мгновенно грусти темной!
Придетъ желанный мигъ... и свѣтъ разсѣетъ тьму.»

Юній умолкъ... а въ отвѣтъ ему со всѣхъ концовъ площади, поднялся гамъ, свистъ, хохотъ.

Всѣ обращенныя къ нему лица пылали негодованіемъ, всѣ

глаза сверкали злобой, всѣ руки поднимались, угрожали, сжимались въ кулаки!

«Чѣмъ вздумалъ удивить!» — ревѣли сердитые голоса. «Долой съ амвона бездарнаго риемоплета! Вонъ дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута гороховаго! Подайте камней! Камней сюда!»

Кубаремъ сватился съ амвона Юній... но онъ еще не успѣлъ прибѣжать къ себѣ домой, — какъ до слуха его долетѣли раскаты восторженныхъ рукоплесканій, хвалебныхъ возгласовъ и кливовъ.

Исполненный недоумѣнья, стараясь, однако, не быть замѣченнымъ (ибо опасно раздражать залютѣвшаго звѣря) — возвратился Юній на площадь.

И что же онъ увидѣлъ?

Высоко надъ толпою, надъ ея плечами, стоялъ на золотомъ плоскомъ щитѣ, облеченный пурпурной хламидой, съ лавровымъ вѣнкомъ на взвившихся кудряхъ, стоялъ его соперникъ, молодой поэтъ Юлій... А народъ вопилъ кругомъ: «Слава! Слава! Слава безсмертному Юлію! Онъ утѣшилъ насъ въ нашей печали, въ нашемъ горѣ великомъ! Онъ подарилъ насъ стихами слаще меду, звучнѣе кимвала, душистѣе розы, чище небесной лазури! Несите его съ торжествомъ, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной еміама, прохлаждайте его чело мѣрнымъ колебаніемъ пальмовыхъ вѣтвей, расточайте у ногъ его всѣ благовонія аравійскихъ мирръ! Слава!»

Юній приблизился къ одному изъ славословящихъ. — Повѣдай мнѣ, о, мой согражданинъ! какими стихами осчастливилъ васъ Юлій? — Увы! меня не было на площади, когда онъ произнесъ ихъ! Повтори ихъ, если ты ихъ запомнилъ, сдѣлай милость!

— «Такіе стихи — да не запомнить?» ретиво отвѣтствовала вопрошенный. — «За кого-жъ ты меня принимаешь? Слушай — и ликуй, ликуй вмѣстѣ съ нами!»

«Любители стиховъ!» — такъ началъ божественный Юлій...

«Любители стиховъ! Товарищи! друзья!

Поклонники всего, что стройно, звучно, нѣжно!

Да не смущаетъ васъ мгновенье скорби тажкой!

Желанный мигъ придетъ — и день прогонитъ ночь!

— «Каково?»

— Помилуй! — возопилъ Юній — да это мои стихи! — Юлій, должно быть, находился въ толпѣ, когда я произнесъ ихъ — онъ услышалъ и повторилъ ихъ, едва измѣнивъ — и ужъ конечно не къ лучшему, — нѣсколько выраженій!

— «Ага! Теперь я узнаю тебя... Ты Юній», — возразилъ, наступивъ брови, остановленный имъ гражданинъ. — «Завистникъ или глупецъ!.. вообрази только одно, несчастный! У Юлія какъ возвышенно сказано; «И день прогнать ночь!..». А у тебя — чепуха какая-то: «И свѣтъ разсѣтъ тьму!» — Какой свѣтъ?! Какую тьму?!»

— Да развѣ это не все едино... — началъ было Юній...

— «Прибавь еще слово, перебилъ его гражданинъ — я крикну народу... и онъ тебя растерзаетъ!»

Юній благоразумно умоляе, а слышавшій его разговоръ съ гражданиномъ сѣдовласый старецъ подошелъ къ бѣдному поэту и, положивъ ему руку на плечо, промолвилъ:

— «Юній! Ты сказалъ свое — да не во время; а тотъ не свое сказалъ — да во время. — Слѣдовательно, онъ правъ — а тебѣ остаются утѣшенія собственной твоей совѣсти».

Но пока совѣсть — какъ могла и какъ умѣла... довольно плохо, правду сказать — утѣшала прижавшагося къ сторонкѣ Юнія — вдали, среди грома и пѣсека ликованій, въ золотой пыли всепобѣднаго солнца, блистая пурпуромъ, темнѣя лавромъ съвозъ волнистыя струи обильнаго олимпіама, съ величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо-выпрямленная фигура Юлія... и длинныя вѣтви падалью поочередно склонялись передъ нимъ, какъ бы выражая своимъ тихимъ вздыманьемъ, своимъ покорнымъ наклономъ — то непрерывно возобновлявшееся обожаніе, которое переполняло сердца очарованныхъ имъ согражданъ!

Апрѣль, 1878.

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, беспомощно растопыривъ едва пророставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой — и весь възрошенный,

искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнуть раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попытлся... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я постѣшилъ отозвать смущеннаго пса—и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти.—Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрѣль, 1878.

Черепья.

Роскопная, пышно-освѣщенная зала; множество кавалеровъ и дамъ.

Всѣ лица оживлены, рѣчи бойки... Идетъ трескучій разговоръ объ одной извѣстной пѣвицѣ. Ее величаютъ божественной, бессмертной... О, какъ хорошо пустила она вчера свою послѣднюю трель!

И вдругъ—словно по манію волшебнаго жезла—со всѣхъ головъ и со всѣхъ лицъ слетѣла тонкая шелуха кожи—и мгновенно выступила наружу мертвенная бѣлизна черепьевъ, зарыбили синеватымъ оловомъ обнаженные десны и скулы.

Съ ужасомъ глядѣлъ я, какъ двигались и шевелились эти десны и скулы—какъ поворачивались, лоснясь при свѣтѣ лампъ и свѣчей, эти шишковатые, костяные шары—и какъ вертѣлись въ нихъ другіе, меньшіе шары—шары обезсмысленныхъ глазъ.

Я не смѣлъ прикоснуться къ собственному лицу, не смѣлъ взглянуть на себя въ зеркало.

А черепья поворачивались по прежнему... И съ прежнимъ трескомъ, мелькая красными лоскуточками изъ-за оскаленныхъ зубовъ, проворные языки лепетали о томъ, какъ удивительно, какъ неподражаемо бессмертная... да, бессмертная пѣвица пустила свою послѣднюю трель!

Апрѣль 1878.

Чернорабочій и Бѣлоручка.

Разговоръ.

ЧЕРНОРАБОЧИЙ.

Что ты къ намъ лѣзешь? Чего тебѣ надо? Ты не нашъ...
Ступай прочь!

БѢЛОРУЧКА.

Я вашъ, братцы!

ЧЕРНОРАБОЧИЙ.

Какъ бы не такъ! Нашъ! Что выдумалъ! Посмотри хоть на
мои руки. Видишь, какія онѣ грязныя? И навозомъ отъ нихъ
несеть, и дегтемъ, — а твои вонъ руки бѣлыя. И чѣмъ отъ нихъ
пахнуть?

БѢЛОРУЧКА — *подавая свои руки.*

Понюхай.

ЧЕРНОРАБОЧИЙ — *понюхавъ руки.*

Что за притча? Словно желѣзомъ отъ нихъ отдасть.

БѢЛОРУЧКА.

Желѣзомъ и есть. Цѣлыхъ шесть лѣтъ я на нихъ носилъ
кандалы.

ЧЕРНОРАБОЧИЙ.

А за что же это?

БѢЛОРУЧКА.

А за то, что я о вашемъ же добрѣ заботился, хотѣлъ осво-
бодить васъ, сѣрыхъ темныхъ людей, возставалъ противъ притѣс-
нителей вашихъ, бунтовалъ... Ну меня и засадили.

ЧЕРНОРАБОЧИЙ.

Засадили? Вольно-жъ тебѣ было бунтовать!

*Два года спустя.*Тотъ же чернорабочій — *другому.*

Слышь, Пётра!.. Помнишь, позапрошлымъ лѣтомъ одинъ та-
кой бѣлоручка съ тобой бесѣдовалъ?

ДРУГОЙ ЧЕРНОРАВОЧИЙ.

Помню... а что?

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОРАВОЧИЙ.

Его сегодня, слышь, повѣсятъ; такой привазь вышелъ.

ВТОРОЙ ЧЕРНОРАВОЧИЙ.

Все бунтоваль?

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОРАВОЧИЙ.

Все бунтоваль.

ВТОРОЙ ЧЕРНОРАВОЧИЙ.

Да... Ну вотъ что, братъ Митрій; нельзя-ли намъ той самой веревочки раздобыть, на которой его вѣшать будутъ; говорить, ба-альшее счастье отъ этого въ дому бываетъ!

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОРАВОЧИЙ.

Это ты справедливо. Надо попытаться, братъ Пётра.

Апрѣль, 1878.

Роза.

Послѣдніе дни августа... Осень уже наступала.

Солнце садилось. Внезапный, порывистый ливень, безъ грома и безъ молній, только-что промчался надъ нашей широкой равниной.

Садъ передъ домою горѣлъ и дымился, весь залитый пожаромъ зари и потопомъ дождя.

Она сидѣла за столомъ въ гостиной и съ упорной задумчивостью глядѣла въ садъ сквозь полу-раскрытую дверь.

Я зналъ, что свершалось тогда въ ея душѣ; я зналъ, что послѣ недолгой, хоть и мучительной борьбы, она въ этотъ самый мигъ отдавалась чувству, съ которымъ уже не могла болѣе сладить.

Вдругъ она поднялась, проворно вышла въ садъ и скрылась.

Пробилъ часъ... пробилъ другой; она не возвращалась.

Тогда я всталъ, и выйдя изъ дому, отправился по аллеѣ, по которой—я въ томъ не сомнѣвался—пошла и она.

Все потемнѣло вокругъ; ночь уже надвинулась. Но на сы-

ромъ песку дорожки, ярко алѣя даже сквозь разлитую мглу, видѣлся кругловатый предметъ.

Я наклонился. Тѣ была молодая, чуть распутившаяся роза. Два часа тому назадъ, я видѣлъ эту самую розу на ея груди.

Я бережно поднялъ упавшій въ грязь цвѣтокъ и, вернувшись въ гостиную, положилъ его на столъ, передъ ея кресломъ.

Вотъ и она вернулась наконецъ—и, легкими шагами пройдя всю комнату, сѣла за столъ.

Ея лицо и поблѣднѣло, и ожило; быстро, съ веселымъ смущеньемъ, бѣгали по сторонамъ опущенные, какъ бы уменьшенные глаза.

Она увидала розу, схватила ее, взглянула на ея измятые, запачканные лепестки, взглянула на меня—и глаза ея, внезапно остановившись, засіяли слезами.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ я.

— Да вотъ объ этой розѣ. Посмотрите, что съ ней случилось.

Тутъ я вздумалъ высказать глубокомыслие.

— Ваши слезы смоютъ эту грязь,—промолвилъ я съ значительнымъ выраженьемъ.

— Слезы не моютъ, слезы жгутъ,—отвѣчала она и, обернувшись въ камину, бросила цвѣтокъ въ умиравшее пламя.

— Огонь сожжетъ еще лучше слезъ,—воскликнула она не безъ удачи,—и прекрасные глаза, еще блестяшіе отъ слезъ, засмѣялись дерзостно и счастливо.

Я понялъ, что и она была сожжена.

Апрѣль, 1878.

Памяти Ю. П. В—всвой.

На грази, на вонючей сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ походный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ—слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ—и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ—поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ; объ ней освѣдомлялись даже савонники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывають улыбки хуже слезъ.

Нѣжное, вѣтное сердце... и такая сила, такая жажда жертвы!—Помогать нуждающимся въ помощи... она не вѣдала другого счастья... не вѣдала—и не взвѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась—и вся пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась на служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные вклады схоронила она тамъ въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ—никто не зналъ никогда—а теперь, конечно, не узнаеть.

Да и къ чему? Жертва принесена... дѣло сдѣлано.

Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо даже ея трупу—хоть она сама и стыдилась, и чуждалась всякаго спасибо.

Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ позднимъ цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу!

Сентябрь, 1878.

Послѣднее свиданіе.

Мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но настала недобрый мигъ—и мы разстались, какъ враги.

Прошло много лѣтъ... И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ—и желаетъ видѣться со мною.

Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились.

Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ!

Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ—привѣтъ-ли то былъ, упрекъ-ли—кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась—и на съезженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупныя, страдальческія слезинки.

Сердце во мнѣ упало... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него—и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку.

Но мнѣ почудилось, что не его рука взялась за мою.

Мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, блѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотреть ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы...

Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила насъ.

Да... Смерть насъ примирила...

Апрѣль, 1878.

Посѣщеніе.

Я сидѣлъ у раскрытаго окна... утромъ, раннимъ утромъ перваго мая.

Заря еще не занималась; но уже блѣднѣла, уже холодѣла темная, теплая ночь.

Туманъ не вставалъ, не бродилъ вѣтерокъ, все было одноцвѣтно и безмолвно... но чуялась близость пробужденія — и въ порѣдѣвшемъ воздухѣ пахло жѣсткой сыростью росы.

Вдругъ, въ мою комнату, сквозь раскрытое окно, легко позванивая и шурша, влетѣла большая птица.

Я вздрогнулъ, взглянулъ... То была не птица, то была крылатая, маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, къ низу волнистое платье.

Вся она была сѣрая, перламутроваго цвѣта; одна лишь внутренняя сторона ея крылышекъ алѣла нѣжной алою распускающейся розы; вѣнокъ изъ ландышей охватывалъ разбросанныя кудри бруглой головки, — и, подобныя усикамъ бабочки, два павлиньихъ пера забавно колебались надъ красивымъ, выпуклымъ лобикомъ.

Она пронеслась раза два подъ потолкомъ; ея крошечное лицо смѣялось; смѣялись также огромные, черные, свѣтлые глаза.

Веселая рѣзвость прихотливаго полета дробила ихъ алмазные лучи.

Она держала въ рукѣ длинный стебель степного цвѣта: «царскимъ жезломъ» зовутъ его русскіе люди, — онъ и то похожъ на скипетръ.

Стремительно пролетая надо мною, коснулась она моей головы тѣмъ цвѣткомъ.

Я рванулся къ ней... Но она уже выпорхнула изъ окна — и умчалась...

Въ саду, въ глуши сиреневыхъ кустовъ, горбинка встрѣтила ее первымъ воркованьемъ — а тамъ, гдѣ она скрылась, молочно-бѣлое небо тихонько закраснѣлось.

Я узналъ тебя, богиня фантазіи! Ты посѣтила меня случайно — ты полетѣла къ молодымъ поэтамъ.

О, поэзія! Молодость! Женская, дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть передо мною—раннимъ утромъ ранней весны!

Май, 1878.

Necessitas—Vis—Libertas.

Барельефъ.

Высокая, костлявая старуха, съ желѣзнымъ лицомъ и неподвижно-тупымъ взоромъ, идетъ большими шагами, и сухою какъ палка рукою толкаетъ передъ собой другую женщину.

Женщина эта огромнаго роста, могучая, дебелая, съ мышцами какъ у Геркулеса, съ крохотной головкой на бычачьей шеѣ—и слѣпая—въ свою очередь толкаетъ небольшую, худенькую дѣвочку.

У одной этой дѣвочки зрячіе глаза; она упирается, обращивается назадъ, поднимаетъ тонкія, красивыя руки; съ оживленное лицо выражаетъ нетерпѣніе и отвагу... Она не хочетъ слушаться, она не хочетъ идти, куда ее толкають... и все-таки должна повиноваться и идти.

NECESSITAS—VIS—LIBERTAS.

Кому угодно—пусть переводить.

Май, 1878.

Милостыня.

Вблизи большого города, по широкой проѣзжей дорогѣ шелъ старый, больной человекъ.

Онъ шатался на ходу; его исхудалыя ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжело и слабо, словно чужія; одежда на немъ висѣла лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь... Онъ изнемогалъ.

Онъ присѣлъ на придорожный камень, наклонился впередъ, обловетился, закрылъ лицо обѣими руками—и севозь искривленные пальцы завапали слезы на сухую, сѣдую пыль.

Онъ вспоминалъ...

Вспоминалъ онъ, какъ и онъ былъ нѣкогда здоровъ и богатъ—и какъ онъ здоровье истратилъ—и богатство роздалъ другимъ, друзьямъ и недругамъ... И вотъ, теперь у него нѣтъ куска хлѣба—и всѣ его покинули, друзья еще раньше враговъ... Не-

ужли жъ ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердцѣ, и стыдно.

А слезы все капали да капали, пестря сѣдую пыль.

Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени: онъ поднялъ усталую голову—и увидалъ передъ собою незнакомца.

Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а свѣтлые; взоръ пронзительный, но не злой.

— Ты все свое богатство роздалъ, — слышался ровный голосъ...—Но вѣдь ты не жалѣешь о томъ, что добро дѣлалъ?

— Не жалѣю, — отвѣтилъ со вздохомъ старикъ; — только вотъ умираю я теперь.

— И не было бы на свѣтѣ нищихъ, которые къ тебѣ протягивали руку, — продолжалъ незнакомецъ, — не надъ вѣмъ было бы тебѣ показать свою добродѣтель, не могъ бы ты упражняться въ ней?

Старикъ ничего не отвѣтилъ—и задумался.

— Такъ и ты теперь не гордись, бѣднякъ, — заговорилъ опять незнакомецъ: — ступай, протягивай руку, доставь и ты другимъ добрымъ людямъ возможность показать на дѣлѣ, что они добры.

Старикъ встрепенулся, вскинулъ глазами... но незнакомецъ уже исчезъ; — а вдали на дорогѣ показался прохожій.

Старикъ подошелъ къ нему — и протянулъ руку. — Этотъ прохожій отвернулся съ суровымъ видомъ и не далъ ничего.

Но за нимъ шелъ другой — и тотъ подаль старику малую милостыню.

И старикъ купилъ себѣ на данные гроши хлѣба — и сладокъ показался ему выпрошенный кусокъ — и не было стыда у него на сердцѣ — а напротивъ: его осѣнила тихая радость.

Май, 1878.

Насѣемое.

Снилось мнѣ, что сидеть насъ человѣкъ двадцать въ большой комнатѣ съ раскрытыми окнами.

Между нами женщины, дѣти, старики... Всѣ мы говоримъ о какомъ-то очень извѣстномъ предметѣ — говоримъ шумно и невнятно.

Вдругъ въ комнату съ сухимъ трескомъ влетѣло большое насѣемое, вершка въ два длиною... влетѣло, покружилось и сѣло на стѣну.

Оно походило на муху или на осу. — Туловище грязнобу-

раго цвѣту; такого же цвѣту и плоскія, жѣсткія крылья; растопыренные мохнатыя лапки да голова угловатая и крупная, какъ у коромысловъ; и голова эта, и лапки—ярко красныя, точно кровавыя.

Странное это насѣкомое безпрестанно поворачивало голову внизъ, вверхъ, вправо, влѣво, передвигало лапки... потомъ вдругъ срывалось со стѣны, съ трескомъ летало по комнатѣ — и опять садилось, опять жутко и противно шевелилось, не трогаясь съ мѣста.

Во всѣхъ насъ оно возбуждало отвращеніе, страхъ, даже ужасъ... Никто изъ насъ не видалъ ничего подобнаго, всѣ кричали: «гоните вонъ это чудовище!» всѣ махали платками издали... ибо никто не рѣшался подойти... и когда насѣкомое влетало — всѣ невольно сторонились.

Лишь одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, молодой еще, блѣднотлицый человѣкъ оглядывалъ насъ всѣхъ съ недоумѣніемъ. — Онъ пожималъ плечами, онъ улыбался, онъ рѣшительно не могъ понять, что съ нами случилось и съ чего мы такъ волнуемся. Самъ онъ не видѣлъ никакого насѣкомаго — не слышалъ зловѣщаго треска его крыль.

Вдругъ насѣкомое словно уставилось на него, взвилось и, прикинувъ къ его головѣ, ужалило его въ лобъ повыше глазъ... Молодой человѣкъ слабо ахнулъ — и упалъ мертвымъ.

Страшная муха тотчасъ улетѣла... Мы только тогда догадались, что это была за гостья.

Май, 1878.

Щи.

У бабы-вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣтній сынъ, первый на селѣ работникъ.

Барыня, помѣщица того самаго села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить ее въ самый день похоронъ.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, передъ столомъ, она, не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закопѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли и опухли... но она держалась истово и прямо, какъ въ церкви.

«Господи! подумала барыня. Она можетъ ѣсть въ такую минуту... какія, однако, у нихъ у всѣхъ грубыя чувства!»

И вспомнила тутъ барыня, какъ, потерявъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, девятимѣсячную дочь, она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подь Петербургомъ—и прожила цѣлое лѣто въ городѣ!—А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпѣла наконецъ.—Татьяна!—промолвила она... Помилуй! — Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропалъ аппетитъ? — Какъ можешь ты ѣсть эти щи!

— Вася мой померъ,— тихо проговорила баба—и наболѣвшія слезы снова побѣжали по ея впалымъ щекамъ.—Значить, и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь они посолѣныя.

Барыня только плечами пожала—и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево.

Май, 1878.

Лазурное царство.

О, лазурное царство! О, царство лазури, свѣта, молодости и счастья! Я видѣлъ тебя... во снѣ.

Насъ было нѣсколько человекъ на красивой, разубранной лодкѣ. Лебединой грудью вздымался бѣлый парусъ подь рѣвыми вымпелами.

Я не зналъ, кто были мои товарищи; но я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что они были такъ же молоды, веселы и счастливы, какъ и я!

Да я и не замѣчалъ ихъ. Я видѣлъ кругомъ одно безбрежное лазурное море, все покрытое мелкой рябью золотыхъ чешуекъ—а надъ головою такое же безбрежное, такое же лазурное море—и по немъ, торжествуя и словно смѣясь, катилось ласковое солнце.

И между нами по временамъ поднимался смѣхъ звонкій и радостный, какъ смѣхъ боговъ!

А не то вдругъ съ чьихъ-нибудь устъ слетали слова, стихи, исполненные дивною красотой и вдохновенной силой... казалось, самое небо звучало имъ въ отвѣтъ—и кругомъ море сочувственно трепетало... А тамъ опять наступала блаженная тишина.

Слегка ныряя по мягкимъ волнамъ, плыла наша быстрая лодка. Не вѣтромъ двигалась она; ею правили наши собственныя играющія сердца. Куда мы хотѣли, туда она и неслась, послушно, какъ живая.

Намъ попадались острова, волшебные, полупрозрачные острова съ отливами драгоценныхъ камней, яхонтовъ и изумрудовъ. Упоительныя благовопія неслись съ округлыхъ береговъ; одни изъ этихъ острововъ осыпали насъ дождемъ бѣлыхъ розъ и ландышей; съ другихъ внезапно поднимались радужныя, длиннокрылыя птицы.

Птицы кружились надъ нами, ландыши и розы таали въ жемчужной пѣнѣ, скользившей вдоль гладкихъ боковъ нашей лодки.

Вмѣстѣ съ цвѣтами, съ птицами прилетали сладкіе, сладкіе звуки... Женскіе голоса чудились въ нихъ... И все вокругъ: небо, море, колыханіе паруса въ вышинѣ, журчаніе струи за кормою — все говорило о любви, о блаженной любви!

И та, которую каждый изъ насъ любилъ — она была тутъ... невидимо и близко. Еще мгновеніе — и вотъ засіяютъ ея глаза, расцвѣтетъ ея улыбка... Ея рука возьметъ твою руку — и увлечетъ тебя за собою въ неувядаемый рай!

О, лазурное царство! я видѣлъ тебя во снѣ.

Іюль, 1878.

Два богача.

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громаднхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на леченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хвала и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту — племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катъку, — говорила баба, — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, — нѣ на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ. Далеко Ротшильду до этого мужика!

Іюль, 1878.

Старикъ.

Настали темные, тяжелые дни...

Свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно—никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога.

Что же дѣлать? Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь...

На засыхающемъ, поворобленномъ деревѣ листь мельче и рѣже,—но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанья, и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобою своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской и силой весны!

Но будь остороженъ... не гляди впередъ, бѣдный старикъ!

Июль, 1878.

Корреспондентъ.

Двое друзей сидятъ за столомъ и пьютъ чай.

Внезапный шумъ поднялся на улицѣ. Слышны жалобные стоны, ярма ругательства, взрывы злораднаго смѣха.

— Кого-то бьютъ,—замѣтилъ одинъ изъ друзей, выглянувъ изъ окна.

— Преступника? Убийцу? — спросилъ другой. — Слушай, кто бы онъ ни былъ, нельзя допустить безсудную расправу. Пойдемъ, заступимся за него.

— Да это бьютъ не убийцу.

— Не убийцу? Такъ вора? Все равно, пойдемъ, отнимемъ его у толпы.

— И не вора.

— Не вора? Такъ кассира, желѣзнодорожника, военного поставщика, російскаго мецената, адвоката, благонамѣреннаго редактора, общественнаго жертвователя?.. Все-таки пойдемъ, поможемъ ему!

— Нѣтъ... это бьютъ корреспондента.

— Корреспондента?—Ну, знаешь что: допьемъ сперва стаканъ чаю.

Июль, 1878.

Два брата.

То было видѣніе...

Передо мною появилось два ангела... два генія.

Я говорю: ангелы... геніи—потому что у обоихъ на обнаженныхъ тѣлахъ не было никакой одежды и за плечами у каждаго вдыхались сильныя, длинныя крылья.

Оба—юноши. Одинъ—нѣсколько полный, гладкокожій, чернокудрый. Глаза каріе, съ поволокой, съ густыми рѣсницами; взглядъ вкрадчивый, веселый и жадный. Лицо прелестное, плѣнительное, чуть-чуть дерзкое, чуть-чуть злое. Алыя, пухлявыя губы слегка вздрагиваютъ. Юноша улыбается, какъ власть имѣющій—самоувѣренно и лѣнливо; пышный цвѣточный вѣнокъ слегка покоится на блестящихъ волосахъ, почти касаясь бархатныхъ бровей. Пестрая шкурка леопарда, перехваченная золотой стрѣлою, легко повисла съ округлаго плеча на выгнутое бедро. Перья крыльевъ отливаютъ розовымъ цвѣтомъ: концы ихъ ярко красны, точно омочены багряной, свѣжей кровью. Отъ времени до времени они трепещутъ быстро, съ пріятнымъ серебристымъ шумомъ, шумомъ весенняго дождя.

Другой былъ худъ и желтовать тѣломъ. Ребра слабо видѣлись при каждомъ вдыханіи. Волосы бѣлокурые, жидкіе, прямые; огромныя, круглыя, блѣдно-сѣрые глаза... взглядъ безпокойный и странно-свѣтлый. Всѣ черты лица заостренныя; маленькій, полураскрытый ротъ съ рыбьими зубами; сжатый, ординный носъ, выдающійся подбородокъ, покрытый бѣловатымъ пухомъ. Эти сухія губы ни разу, никогда не улыбнулись.

То было правильное, страшное, безжалостное лицо! (Впрочемъ и у перваго, у красавца—лицо, хоть и милое и сладкое, жалости не выражало—тоже). Вокругъ головы второго зацѣнилось нѣсколько пустыхъ, поломанныхъ колосцевъ, перевитыхъ поблеклой былинкой. Грубая, сѣрая ткань обвивала чресла; крылья за спиною, темно-синія, матоваго цвѣта, двигались тихо и грозно.

Оба юноши казались неразлучными товарищами.

Каждый изъ нихъ опирался на плечо другого. Мягкая ручка перваго лежала, какъ виноградный гроздь, на сухой ключицѣ второго; узкая кисть второго съ длинными тонкими пальцами протянулась какъ змѣя по женоподобной груди перваго.

И послышался мнѣ голосъ. Вотъ, что произнесъ онъ:

«Передъ тобой Любовь и Голодъ—два родныхъ брата, двѣ коренныхъ основы всего живущаго.

«Все, что живетъ—движется, чтобы питаться, и питается, чтобы воспроизводить.

«Любовь и Голодъ—цѣль ихъ одна: нужно, чтобъ жизнь не прекращалась,—собственная и чужая—все та же, всеобщая жизнь».

Августъ, 1878.

Эгоистъ.

Въ немъ было все нужное для того, чтобы сдѣлаться бичемъ своей семьи.

Онъ родился здоровымъ, родился богатымъ—и въ теченіе всей своей долгой жизни, оставаясь богатымъ и здоровымъ, не совершилъ ни одного проступка, не впалъ ни въ одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Онъ былъ безуворизненно честенъ!.. И гордый сознаниемъ своей честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ.

Честность была его капиталомъ... и онъ бралъ съ него ротовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостнымъ и не дѣлать неуказнаго добра;—и онъ былъ безжалостнымъ—и не дѣлалъ добра... потому что добро по указу—не добро.

Онъ никогда не заботился ни о комъ, кромѣ собственной—столь примѣрной особы, и искренно возмущался, если и другіе также старательно не заботились о ней!

И въ то же время онъ не считалъ себя эгоистомъ—и пуще всего порицалъ и преслѣдовалъ эгоистовъ и эгоизмъ!—Еще бы! Чужой эгоизмъ мѣшалъ его собственному.

Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, свади и спереди, окруженъ самимъ собою.

Онъ даже не понималъ, что значить прощать? Самому себѣ прощать ему не приходилось... Съ какой стати сталъ бы онъ прощать другимъ?

Передъ судомъ собственной совѣсти, передъ лицомъ собственного Бога—онъ, это чудо, этотъ извергъ добродѣтели, возводилъ очи горѣ—и твердымъ и яснымъ голосомъ произносилъ: «Да; я достойный, я нравственный человѣкъ!»

Онъ повторить эти слова на смертномъ ложѣ—и ничего не дрогнетъ даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ—въ этомъ сердцѣ безъ пятнышка и безъ трещины.

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели—ты едва ли не противнѣй отвроченнаго безобразія порока!

Декабрь, 1878.

Пиръ у Верховнаго существа.

Однажды, Верховное существо вздумало задать великій пиръ въ своихъ лазоревыхъ чертогахъ.

Всѣ добродѣтели были имъ позваны въ гости. Однѣ добродѣтели... мужчинъ онъ не приглашалъ... однѣхъ только дамъ.

Собралось ихъ очень много—великихъ и малыхъ. Малыя добродѣтели были пріятнѣе и любезнѣе великихъ; но всѣ казались довольными—и вѣжливо разговаривали между собою, какъ приличествуетъ близкимъ родственникамъ и знакомымъ.

Но вотъ Верховное существо замѣтило двухъ прекрасныхъ дамъ, которыя, казалось, вовсе не были знакомы другъ съ дружкой.

Хозяинъ взялъ за руку одну изъ этихъ дамъ и подвелъ ее къ другой.

«Благодѣтельность!»—сказалъ онъ, указавъ на первую.

«Благодарность!»—прибавилъ онъ, указавъ на вторую.

Обѣ добродѣтели несказанно удивились: съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоялъ—а стоялъ онъ давно—онѣ встрѣчались въ первый разъ.

Декабрь, 1878.

Сфинесъ.

Изжелта сѣрый, сверху рыхлый, изподнизу твердый, скрыпучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни взглянешь!

И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха висится громадная голова египетскаго сфинеса.

Что хотять сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно-расширенныя, вздѣрнутыя ноздри—и эти глаза, эти длинныя, полу-сонныя, полувнимательныя глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей?

А что-то хотять сказать они! Они даже говорятъ—но одинъ

Томъ VI.—Декабрь, 1882.

33/4

лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

Ба! Да я узнаю эти черты... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткий и прямой, красивый бѣловубый ротъ, мягкій усъ и борода курчавая—и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семень, ярославскій, рязанскій мужичокъ, соотчичъ мой, русская восточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

Или и ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже—сфинксъ.

И глаза твои—эти безцвѣтные, но глубокіе глаза говорятъ тоже... И также безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

Только гдѣ твой Эдипъ?

Увы! не довольно надѣтъ мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ!

Декабрь, 1878.

НИМФЫ.

Я стоялъ передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ; молодой, зеленый лѣсъ покрывалъ ихъ сверху до низу.

Прозрачно синѣло надъ ними южное небо; солнце съ вышины играло лучами; внизу, полузакрытые травой болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о томъ, какъ, въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ, одинъ греческій корабль плылъ по Эгейскому морю.

Часъ былъ полуденный... Стояла тихая погода. И вдругъ, въ высотѣ, надъ головою кормчаго, кто-то явственно произнесъ: «Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громкимъ голосомъ:—Умеръ великій Панъ!»

Кормчій удивился... испугался. Но когда корабль побѣжалъ мимо острова, онъ послушался, онъ воззвалъ:—Умеръ великій Панъ!

И тотчасъ же, въ отвѣтъ на его кликъ, по всему протяженію берега (а островъ былъ необитаемъ) раздались громкія рыданья, стоны, протяжные, жалостные возгласы:—Умеръ! Умеръ великій Панъ!

Мнѣ вспомнилось это сказаніе... и странная мысль посѣтила меня.—«Что, если и я кликну кликъ?»

Но въ виду окружавшаго меня ликоваія, я не могъ подумать о смерти—и, что было во мнѣ силы, закричалъ:— «Воскресъ! воскресъ великій Панъ!»

И тотчасъ же, о, чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкую полуокружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. «Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!» шумѣли молодые голоса.—Все тамъ впереди внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травой. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, съвозъ зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туннѣвъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дриады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину...

Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣвни и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними...

Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—кочанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны...

Диана, это—ты?

Но вдругъ богиня остановилась... и тотчасъ, вслѣдъ за нею, остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онѣмѣвшей богини померкло смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги, какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные въ даль... Что она увидала? Куда глядѣла она?

Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла...

На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви... Этотъ крестъ увидала богиня.

Я услышалъ за собою неровный, длинный вздохъ, подобный трепетанію лопнувшей струны,—и когда я обернулся снова, уже отъ нимфъ не осталось слѣда... Широкій лѣсъ зеленѣлъ по прежнему и только мѣстами, съвозъ частую сѣть вѣтвей виднѣлись, таяли клочки чего-то бѣлаго. Были ли то тунники нимфъ, поднимался ли паръ со дна долинъ—не знаю.

Но какъ мнѣ было жаль исчезнувшихъ богинь!

Декабрь, 1878.

Врагъ и Другъ.

Осужденный на вѣчное заточенье узникъ вырвался изъ тюрьмы и стремглавъ пустился бѣжать... За нимъ по пятамъ мчалась погоня.

Онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ... Преслѣдователи начинали отставать.

Но вотъ передъ нимъ рѣка съ крутыми берегами, узкая — но глубокая рѣка... А онъ не умѣетъ плавать!

Съ одного берега на другой перекинута тонкая гнилая доска. Бѣглець уже занесъ на нее ногу... Но случилось такъ, что тутъ же возлѣ рѣки стояли: лучший его другъ и самый жестокий его врагъ.

Врагъ ничего не сказалъ и только скрестилъ руки; за то другъ закричалъ во все горло: — «Помилуй! Что ты дѣлаешь? Опомнись, безумецъ! Развѣ ты не видишь, что доска совсѣмъ сгнила? — Она сломится подъ твоею тяжестью — и ты неизбежно погибнешь!»

— «Но вѣдь другой переправы нѣтъ... а погоню слышишь?» отчаянно простоналъ несчастный и ступилъ на доску.

— Не допущу!.. Нѣтъ, не допущу, чтобы ты погибнул! — возопилъ ревностный другъ и выхватилъ изъ подъ ногъ бѣглеца доску. — Тотъ мгновенно бухнулъ въ бурныя волны — и утонулъ.

Врагъ засмѣялся самодовольно — и пошелъ прочь; а другъ присѣлъ на бережку — и началъ горько плакать о своемъ бѣдномъ... бѣдномъ другѣ!

Обвинять самого себя въ его гибели онъ, однако, не подумалъ... ни на мигъ.

«Не послушался меня! Не послушался!» — шепталъ онъ уныло.

«А впрочемъ! — промолвилъ онъ наконецъ. Вѣдь онъ всю жизнь свою долженъ былъ томиться въ ужасной тюрьмѣ! По крайней мѣрѣ онъ теперь не страдаетъ! Теперь ему легче! Знать, ужъ такая ему выпала доля!»

«А все-таки жалко, по человечеству!»

И добрая душа продолжала неутѣшно рыдать о своемъ злополучномъ другѣ.

Декабрь, 1878.

Христось.

Я видѣлъ себя юношей, почти мальчикомъ въ низкой деревенской церкви.—Красными пятнышками теплились передъ старинными образами восковыя тонкія свѣчи.

Радужный вѣнчикъ окружалъ каждое маленькое пламя.—Темно и тускло было въ церкви... Но народу стояло передо мною много.

Все русыя, крестьянскія головы. Отъ времени до времени онѣ начинали колыхаться, еадать, подниматься снова, словно зрѣлые колосья, когда по нимъ медленной волной пробѣгаетъ лѣтній вѣтеръ.

Вдругъ какой-то человекъ подошелъ сюда и сталъ со мною рядомъ.

Я не обернулся къ нему—но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человекъ—Христось.

Умиленіе, любознательство, страхъ разомъ овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усилие... и посмотрѣлъ на своего сосѣда.

Лицо какъ у всѣхъ,—лицо, похожее на всѣ человѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа какъ бы покоится на нижней; небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на немъ, какъ на всѣхъ.

«Какой же это Христось!» подумалось мнѣ. «Такой простой, простой человекъ! Быть не можетъ!»

Я отвернулся прочь.—Но не успѣлъ я отвести взоръ отъ того простого человека, какъ мнѣ опять почудилось, что это именно Христось стоялъ со мной рядомъ.

Я опять сдѣлалъ надъ собою усилие... И опять увидѣлъ то же лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, тѣ же обычныя, хотъ и незнакомыя черты.

И мнѣ вдругъ стало жутко—и я пришелъ въ себя. Только тогда я понялъ, что именно такое лицо,—лицо, похожее на всѣ человѣческія лица—оно и есть лицо Христа.

Декабрь, 1878.

II

1879 — 1882 гг.

Камень.

Видали-ли вы старый, сѣрый камень на морскомъ прибрежѣ, когда на него, въ часъ прилива, въ солнечный весенній день, со всѣхъ сторонъ бьютъ живыя волны—бьютъ и играютъ и ластятся къ нему—и обливаютъ его мшистую голову расщепчатымъ жемчугомъ блестящей пѣны?

Камень остается тѣмъ же камнемъ—но по хмурой его поверхности выступаютъ яркіе цвѣта.

Они свидѣтельствуютъ о томъ далекомъ времени, когда только начиналъ твердѣть расплавленный гранитъ и весь горѣлъ огнистыми цвѣтами.

Такъ и на мое старое сердце недавно со всѣхъ сторонъ нахлынули молодыя, женскія души—и подъ ихъ ласкающимъ прикосновеніемъ зардѣлось оно уже давно поблекшими красками, слѣдами бывалаго огня!

Волны отхлынули... но краски еще не потускнѣли—хоть и сушить ихъ рѣзкій вѣтеръ.

Май, 1879.

Голуби.

Я стоялъ на вершинѣ пологого холма; передо мною—то золотымъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая розь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло; но тамъ, за розью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаялось... все изнывало подъ злобѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слышать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на сѣ-

нюю громаду... и смутно было на душѣ. Ну скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ, сверени, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она по прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнѣла.

И вотъ по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комочекъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновений — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже два платка мелькаютъ, два комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ два бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря — и пошла потѣха!

Я едва домой добѣжалъ. — Визжитъ вѣтеръ, мечется какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отъ вѣсныхъ столбами рьяный ливень, молніи слѣпять огнистой зеленью, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой...

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя — и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ — и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ быть, спасъ.

Нахохлились оба — и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ... Хоть я и одинъ... одинъ какъ всегда.

Май, 1879.

Завтра! Завтра!

Какъ пусть и вялъ, и ничтоженъ почти всякій прожитой день! Какъ мало слѣдовъ оставляетъ онъ за собою! Какъ бессмысленно-глупо пробѣжали эти часы за часами!

И между тѣмъ человѣку хочется существовать; онъ дорожить жизнью, онъ надѣется на нее, на себя, на будущее... О, какихъ благъ онъ ждетъ отъ будущаго!

Но почему же онъ воображаетъ, что другіе, грядущіе дни не будутъ похожи на этотъ только — что прожитой день?

Да онъ этого и не воображаетъ. Онъ вообще не любитъ размышлять — и хорошо дѣлаетъ.

«Вотъ, завтра, завтра!» — утѣшаетъ онъ себя, — пока это «завтра» не свалитъ его въ могилу.

Ну — а развѣ въ могилѣ — поневолѣ размышлять перестанешь.

Май, 1879.

Природа.

Мнѣ снилось, что я вошелъ въ огромную подземную хранину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный, ровный свѣтъ.

По самой серединѣ хранины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ валенаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина — сама природа, — и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ — и отдавъ почтительный поклонъ: «О, наша общая мать!» — воскликнулъ я. — «О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?»

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись — и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спастись отъ враговъ своихъ. Равновѣсiе нападенiя и отпора нарушено... Надо его восстановить.

— Какъ? — пролепеталъ я въ отвѣтъ. — Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы — люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови: — Всѣ твари мои дѣти, — промолвила она — и я одинаково о нихъ забочусь — и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро... разумъ... справедливость... — пролепеталъ я снова.

— Это человѣческiя слова, — раздался желѣзный голосъ. — Я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ — и что такое справедливость? — Я тебѣ дала жизнь — я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока, защищайся — и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ было возражать... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула — и я проснулся.

Августъ, 1879.

„Повѣсите его!“

Это случилось въ 1803 году, — началъ мой старѣйшій знакомый, — незадолго до Аустерлица. Полкъ, въ которомъ я служилъ офицеромъ, стоялъ на квартирахъ въ Моравіи.

Намъ было строго запрещено безпокоить и притѣснять жителей; они и такъ смотрѣли на насъ косо, хоть мы и считались союзниками.

У меня былъ деньщикъ, бывшій крѣпостной моеѣ матери, Егоръ по имени. Человѣкъ онъ былъ честный и смиренный; я зналъ его съ дѣтства и обращался съ нимъ какъ съ другомъ.

Вотъ, однажды въ домѣ, гдѣ я жилъ, поднялись бранчивые крики, воли: у хозяйки украли двухъ куръ, и она въ этой кражѣ обвиняла моего деньщика. Онъ оправдывался, призывалъ меня въ свидѣтели... — «Станетъ онъ красть, онъ, Егоръ Автамоновъ!» Я увѣрялъ хозяйку въ честности Егора, но она ничего слушать не хотѣла.

Вдругъ вдоль улицы раздался дружный конскій топотъ: то самъ главнокомандующій проѣзжалъ со своимъ штабомъ.

Онъ ѣхалъ шагомъ, толстый, обрюзглый, съ понурой головой и свислыми на грудь эполетами.

Хозяйка увидала его — и, бросившись на перерѣвъ его лошади, пала на колѣни — и вся растерзанная, простоволосая, начала громко жаловаться на моего деньщика, указывая на него рукою.

— «Господинъ генералъ!» кричала она: — «ваше сіятельство! рассудите! помогите! спасите! этотъ солдатъ меня ограбилъ!»

Егоръ стоялъ на порогѣ дома, вытянувшись въ струнку, съ шапкой въ рукѣ, даже грудь выставилъ и ноги сдвинулъ какъ часовой — и хоть бы слово! Смутилъ ли его весь этотъ остановившійся посреди улицы генералитетъ, озаменѣлъ ли онъ передъ налетающей бѣдою — только стоитъ мой Егоръ да мигаетъ глазами, а самъ бѣлъ какъ глина!

Главнокомандующій бросилъ на него разсѣянный и угрюмый взглядъ, промчалъ сердито: — Ну?.. Стоитъ Егоръ какъ истуканъ и зубы оскалилъ! Со стороны посмотришь: словно смѣется человѣкъ.

Тогда главнокомандующій промолвилъ отрывисто: — Повѣсите его! — толкнулъ лошадь подъ бока и двинулся дальше — сперва опять-таки шагомъ — а потомъ шибкой рысью. Весь штабъ по-

мчался вслѣдъ за нимъ; одинъ только адъютантъ, повернувшись на сѣдлѣ, взглянулъ мелькомъ на Егора.

Ослушаться было невозможно... Егора тотчасъ схватили и повели на казнь.

Тутъ онъ совсѣмъ помертвѣлъ—и только два раза съ трудомъ воскликнулъ: «батюшки! батюшки!»—а потомъ въ полголоса: «видитъ Богъ—не я!»

Горько, горько заплакалъ онъ, прощаясь со мною. Я былъ въ отчаяніи.—«Егоръ! Егоръ!»—кричалъ я—какъ же ты это ничего не сказалъ генералу!»

— Видитъ Богъ, не я,—повторялъ, всхлипывая, бѣднякъ.— Сама хозяйка ужаснулась. Она никакъ не ожидала такого страшнаго рѣшенія и въ свою очередь разревѣлась! Начала умолять всѣхъ и каждого о пощаду, увѣряла, что куры ея отыскались, что она сама готова все объяснить...

Разумѣется, все это ни къ чему не послужило. Военные, сударь, порядки! Дисциплина!—Хозяйка рыдала все громче и громче.

Егоръ, котораго священникъ уже исповѣдалъ и причастилъ, обратился ко мнѣ:

— Скажите ей, ваше благородіе, чтобъ она не убивалась... Вѣдь я ей простилъ.

Мой знакомый, повторивъ эти послѣднія слова своего слуги, прошепталъ: «Егорушка, голубчикъ, праведникъ!»—и слезы капали по его старымъ щекамъ.

Августъ, 1879.

Что я буду думать?...

Что я буду думать тогда, когда мнѣ придется умирать,—если я только буду въ состояніи тогда думать?

Буду ли я думать о томъ, что плохо воспользовался жизнью, проспалъ ее, продремалъ, не сумѣлъ вкусить отъ ея даровъ?

«Какъ? это уже смерть? Такъ скоро? Невозможно! Вѣдь я еще ничего не успѣлъ сдѣлать... Я только собирался дѣлать!»

Буду ли я вспоминать о прошедшемъ, останавливаться мыслію на немногихъ, свѣтлыхъ, прожитыхъ мною мгновеніяхъ, на дорогихъ образахъ и лицахъ?

Предстанутъ ли моей памяти мои дурныя дѣла—и найдеть ли на мою душу жгучая тоска поздняго раскаянія?

Буду ли я думать о томъ, что меня ожидаетъ за гробомъ... да и ожидаетъ ли меня тамъ что-нибудь?

Нѣтъ... мнѣ кажется, я буду стараться не думать — и насильно займусь какимъ-нибудь вздоромъ, чтобы только отвлечь собственное мое вниманіе отъ грознаго мрака, чернѣющаго впереди.

При мнѣ одинъ умирающій все жаловался на то, что не хотятъ дать ему погрѣтья каленныхъ орѣшковъ... и только тамъ, въ глубинѣ его потускнѣвшихъ глазъ билось и трепетало что-то, какъ перешибленное крыло на смерть раненой птицы.

Августъ, 1879.

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголокъ; а въ головѣ все звенитъ да звенитъ:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходитъ въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ резедой и липой; — а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу, сидитъ дѣвушка — и безмолвно и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжидая появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простоудшно вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышетъ еще не вполне раздѣтшійся, еще ничѣмъ не взволнованная грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерваю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ потолкѣ, морозъ свирѣпнѣетъ и злится за стѣною — и чудится скучный, старческій шопотъ...

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Встаютъ передо мною другіе образы... Слышится веселый шумъ семейной, деревенской жизни. Двѣ русыя головки, при-

слонясь другъ въ другѣ, бойко смотря на меня своими свѣтлыми глазками, алія щеки трепещутъ сдержаннымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, добрые голоса; а немного подале, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодые руки бѣгаютъ, путаясь пальцами, по клавишамъ старенькаго піанино и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патриархальнаго самовара...

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Свѣча меркнетъ и гаснетъ... Кто это кашляетъ тамъ такъ хрипло и глуко? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песъ, мой единственный товарищъ... Мнѣ холодно... Я забну... и всѣ ошѣ умерли... умерли...

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Сентябрь, 1879.

Морское плаваніе.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Нахъ было двое пассажировъ: я, да маленькая обезьяна, самка изъ породы уистити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась, и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную, холодную ручку—и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазами.—Я бралъ ее руку—и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растаялось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта. Оно казалось невеликимъ; густой туманъ лежалъ на немъ, заволакивая самыя концы маятъ, и слѣпилъ и утомлялъ взоръ своей мягкой мглой. Солнце висѣло тускло-краснымъ пятномъ въ этой мглѣ; а передъ вечеромъ она вся загоралась и алѣла таинственно и странно.

Длинные прямые складки, подобныя складкамъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, бѣжали одна за другой отъ носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконецъ, колыхались, исчезали. Взбитая пѣна клубилась подъ однообразно топтавшими колесами; молочна бѣлая и слабо шипя разбивалась она на змѣвидныя струи, а тамъ сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглой.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякала небольшой колоколь у кормы.

Изрѣдка всплывала тюлень—и, круто кувыркнувшись, ухлынулъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человекъ съ загорѣлымъ сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику—обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пицать — и опять протягивала мнѣ руку.

Снотворной сыростью обдавалъ насъ обихъ неподвижный туманъ; и погруженные въ одинаковую, бессознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мнѣ было другое чувство.

Всѣ мы дѣти одной матери—и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрокъ такъ доврчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

Ноябрь, 1879.

Н. Н.

Стройно и тихо проходишь ты по жизненному пути, безъ слезъ и безъ улыбки, едва оживленная равнодушнымъ вниманіемъ.

Ты добра и умна... и все тебѣ чуждо — и никто тебѣ не нуженъ.

Ты прекрасна—и никто не скажетъ: дорожишь ли ты своей красотой или нѣтъ?—Ты безучастна сама—и не требуешь участія.

Твой взоръ глубоко—и не задумчивъ; пусто въ этой светлой глубинѣ.

Такъ, въ Елисейскихъ поляхъ, подъ важные звуки Глюковскихъ мелодій — безпечально и безрадостно проходятъ стройныя тѣни.

Ноябрь, 1879.

Стой!

Стой! Какою я теперь тебя вижу—останься на всегда такою въ моей памяти!

Оъ губъ сорвался послѣдній вдохновенный звукъ—глаза не блестятъ и не сверкаютъ—они меркнутъ, отягощенные счастьемъ, блаженнымъ сознаніемъ той красоты, которую удалось тебѣ выразить, той красоты, во слѣдъ которой ты словно простираешь твои торжествующія, твои изнеможенные руки!

Какой свѣтъ, тоньше и чище солнечнаго свѣта, разлился по всѣмъ твоимъ членамъ, по малѣйшимъ складкамъ твоей одежды?

Какой Богъ своимъ ласковымъ дуновеньемъ откинулъ назадъ твои разсыпанныя кудри?

Его лобзаніе горитъ на твоемъ, какъ мраморъ, поблѣднѣвшемъ челѣ!

Вотъ она — открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно, безсмертіе! Другого безсмертія нѣтъ—и не надо.—Въ это мгновеніе ты безсмертна.

Оно пройдетъ—и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя... Но что тебѣ за дѣло!—Въ это мгновеніе — ты стала выше, ты стала внѣ всего преходящаго, временнаго.—Это *твое* мгновеніе не кончится никогда.

Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!

Ноябрь, 1879.

Монахъ.

Я знавалъ одного монаха, отшельника, святаго. Онъ жилъ одною сладостью молитвы — и, упиваясь ею, такъ долго про-
ставивалъ на холодномъ полу церкви, что ноги его, ниже коленъ, отекали и уподобились столбамъ. Онъ ихъ не чувствовалъ, стоялъ — и молился.

Я его понималъ—я, быть можетъ, завидовалъ ему—но пускай же и онъ пойметъ меня, и не осуждаетъ меня—меня, которому недоступны его радости.

Онъ добился того, что уничтожилъ себя, свое ненавистное я; но вѣдь и я—не молюсь, не изъ самолюбія.

Мое я мнѣ, можетъ быть, еще тягостнѣе и противнѣе, чѣмъ его—ему.

Онъ нашелъ, въ чемъ забыть себя... да вѣдь и я нахожу,
хоть и не такъ постоянно.

Онъ не лжетъ... да вѣдь и я не лгу.

Ноябрь, 1879.

Мы еще повоюемъ!

Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего
человѣка!

Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣ-
вала мною.

Я поднялъ голову... Предо мною, между двухъ рядовъ высо-
кихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ
отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, пры-
гала гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прыгала бойко, забавно,
самонадѣянно!

Особенно одинъ изъ нихъ такъ и надсаживалъ бочкомъ,
бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко черикая, словно и чортъ ему
не брать! Завоеватель—и полно!

А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому,
быть можетъ, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся — и грустныя думы
мгновенно отлетѣли прочь: отвагу, удачу, охоту къ жизни почув-
ствовалъ я.

И пускай надо мной кружить мой ястребъ...

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Ноябрь, 1879.

Молитва.

О чемъ бы ни молился человѣкъ — онъ молится о чудѣ.—
Всякая молитва сводится на слѣдующее: «Великій Боже, сдѣлай,
чтобы дважды два—не было четыре».

Только такая молитва и есть настоящая молитва отъ лица
къ лицу. Молиться Всемирному Духу, Высшему Существому, Кан-
товскому, Гегелевскому, очищенному, безобразному Богу—невоз-
можно и немислимо.

Но можетъ ли даже личный, живой, образный Богъ сдѣ-
лать, чтобы дважды два—не было четыре?

Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: *можетъ* — и обязанъ убѣдить самого себя въ этомъ.

Но если разумъ его возстанетъ противъ такой бессмыслицы?

Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: «Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо...» и т. д.

А если ему станутъ возражать во имя истины, — ему стоитъ повторить знаменитый вопросъ: «Что есть истина?»

И потому: станемъ пить и веселиться — и молиться.

Июль, 1881.

Русскій языкъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Июль, 1882.

АМЕРИКАНЦЫ — ДОМА

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе.

VI *).

Результаты школьнаго и высшаго образованія въ массѣ американскихъ женщинъ.— Непопулярность научныхъ занятій.— Широкое распространеніе дилетантизма.— Совѣстное развитіе дѣтей; общность наклонностей.— Стремленіе дѣвушки составить карьеру.— Женскіе гражданскіе процессы по вознагражденію за убійца.— Неустойки.— Счетныя книжки влюбленныхъ паръ.— Статистическія данныя общественныхъ библиотекъ.— Митинги, литературныя клубы, благотворительныя общества.— Вліяніе религіи на американскихъ женщинъ.— Докторъ Тальмаджъ.— Генри Уардъ Бичеръ.— Оригинальныя воззрѣнія протестантскаго духовенства на загробную жизнь и возникновеніе міра.— Католическія семьи: нравственность женщинъ и заботливость о дѣтяхъ.

Касаясь разныхъ сторонъ женской жизни и дѣятельности въ Соединенныхъ Штатахъ, мы преднамѣренно избѣгали говорить о научномъ образованіи, получаемомъ женщинами въ ихъ школахъ и коллегіяхъ. Умолчаніе это было вызвано двумя причинами. Народное и входящее въ его составъ женское образованіе такой страны, какъ Америка, требуетъ всесторонняго изученія для того, чтобъ можно было выразить справедливое сужденіе о немъ, и, конечно, точное опредѣленіе его не можетъ быть сжато до того объема, какой допускается размѣрами настоящей статьи. Къ тому же, образованіе, получаемое здѣшними женщинами, интересовало

---

*) См. выше, ноябрь, 115 стр.

насъ лишь въ связи съ тѣмъ, какихъ именно женщинъ это образованіе даетъ. Разсказъ нашъ ведется не на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ книгъ, а по личнымъ наблюденіямъ, по необходимости ограниченнымъ;—ими мы и ограничимся, представляя подробный анализъ женскаго научнаго образованія другимъ, изучившимъ его вполне основательно.

И такъ, мнѣ пришлось главнымъ образомъ заняться собственнымъ и личнымъ наблюденіемъ жизненныхъ результатовъ того, что доставляютъ высшія школы американскимъ женщинамъ, съ ихъ громкими программами, охватывающими чуть ли не всѣ отрасли человѣческаго знанія, которое, судя по программамъ, должно успѣшно вмѣщаться въ 18-ти 22-хъ - лѣтнія головы дѣвушекъ въ теченіе четырехлѣтняго учебнаго курса. Первымъ результатомъ этихъ громкихъ программъ является то, что громадное большинство молодыхъ дѣвушекъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ коллегіяхъ, выходитъ изъ нихъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что онѣ превзошли всю людскую премудрость. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ происходитъ обученіе совмѣстное, дѣвушки повсемѣстно выказываютъ лучшіе успѣхи, чѣмъ молодые люди, мальчики, для которыхъ прохожденіе высшаго курса наукъ является лишь необходимымъ зломъ, навязываемымъ положеніемъ ихъ семьи—чистилищемъ, черезъ которое имъ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, приходится пройти передъ вступленіемъ въ дѣйствительную жизнь. Наука сама по себѣ совсѣмъ не популярна среди американцевъ; тогда какъ въ Германіи какой-нибудь ученый, посвятившій всю свою жизнь изслѣдованію кровообращенія комара или букашки, занимаетъ почетное положеніе въ обществѣ, хотя бы не имѣлъ ни гроша за душой, въ Америкѣ мѣриломъ заслугъ и учености служитъ лишь успѣхъ, который, въ свою очередь, есть здѣсь не болѣе какъ синонимъ богатства. Почетъ является ученому лишь тогда, когда научныя его работы доставили ему обезпеченіе—богатство. Трудно и вообразить себѣ, не побывавши въ Америкѣ, какая требуется чело-вѣку сила воли для того, чтобъ служить чистому искусству или наукѣ—здѣсь, при вѣчномъ сознаніи того, что труды его оцѣнятся лишь тогда, когда они переведены будутъ на звонкій металлъ, или же доставятъ ему извѣстность въ Англіи; вердикты послѣдней въ этомъ отношеніи американцы, къ счастью, оспаривать пока не рѣшаются. Для самонадѣянной посредственности за то здѣсь поле широкое. Поощреніе встрѣчаетъ ее на каждомъ шагу. Стоитъ чело-вѣку выучить съ грѣхомъ пополамъ нѣсколько словъ по-французски, или по-русски, чтобъ быть превозглашен-

нымъ: «а French» или «а Russian scholar» ¹⁾. Въ видѣ иллюстраціи этого факта приведу примѣръ, случившійся у меня на глазахъ.

Года полтора назадъ, мнѣ пришлось близко познакомиться съ однимъ журналистомъ, окончившимъ курсъ въ высшемъ американскомъ храмѣ науки—въ Гарвардскомъ университетѣ (Harvard University). Этотъ молодой человѣкъ, принадлежащій къ старинной бостонской семьѣ, заинтересовалъ меня какъ природною живостью и умомъ своимъ, такъ и своею чисто американскою сноровкою извлекать выгоду изъ всевозможныхъ обстоятельствъ. Живя въ одномъ со мною «boarding-house», онъ иначе не обращался ко мнѣ какъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, хотя бы общій разговоръ велся всѣми по-английски; онъ вынуждалъ меня иногда въ теченіе десяти минутъ сидѣть и слушать, какъ онъ справится съ иной фразой о погодѣ, не стѣняясь ни смѣхомъ моимъ, ни шутками присутствующихъ. Онъ рѣшился воспользоваться обществомъ эгоистически, чтобъ даромъ практиковаться во французскомъ языкѣ—и никогда отъ этого правила не отступалъ. Съ первыхъ же словъ при нашемъ знакомствѣ онъ меня извѣстилъ о томъ, что спеціально занятъ изученіемъ русскаго языка: это мнѣ такъ польстило, что въ послѣдствіи я вызвалась помогать ему. Оказалось, что онъ, кромѣ русскихъ буквъ, не знаетъ ничего—ни одного слова, ни одного правила. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ приходилъ онъ ко мнѣ ежедневно, отрывая меня отъ моихъ занятій, и за все это время не заучилъ и тридцати словъ, хотя и сталъ читать съ грѣхомъ пополамъ. Каково же было мое удивленіе, когда, встрѣтивъ моего ученика на одномъ вечерѣ, мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ нимъ и слышать, какъ онъ рассказываетъ, что м-ръ С., американецъ, долго жившій въ Россіи и изучившій нашъ языкъ основательно, пожертвовалъ свою бібліотеку русскихъ книгъ въ университетъ Гарварда, при любезномъ письмѣ, въ которомъ говорится, что онъ дѣлаетъ это съ тѣмъ чтобъ поощрить другихъ молодыхъ людей, слѣдовать примѣру «русскаго ученаго» (Russian scholar) м-ра Д., т.-е. этого самаго моего ученика! И говорилъ онъ о своемъ знаніи русскаго языка въ моемъ присутствіи, вполнѣ, очевидно, самъ позабывъ, что не знаетъ этого языка совершенно. Послѣ этого происшествія, я, конечно, уже ни мало не удивилась когда, спустя мѣсяца два, услышала, что тотъ же мой пріятель поступилъ «профессоромъ» французскаго языка въ одну модную частную ака-

¹⁾ Русскій ученый.

демію и пишетъ пространную исторію Россіи «по русскимъ источникамъ и оригиналамъ». Въ настоящее время эта исторія уже состоитъ въ продажѣ, юный пріятель мой составилъ себѣ репутацію эксперта по русскимъ дѣламъ и «славянскимъ нарѣчіямъ», беретъ по 5 долларовъ за урокъ французскаго языка въ академіи, пишетъ въ газетахъ рецензіи русскихъ книгъ и, конечно, со временемъ станетъ богатымъ и выдающимся свѣтиломъ страны.

Это лишь одинъ примѣръ изъ десятка, подпавшихъ моему личному наблюденію.

Ошибочно было бы, однако же, полагать, чтобъ подобныя личности сознательно дурачили публику. Первое хвастовство знаніемъ вырывается у нихъ какъ-то невольнo, подъ вліяніемъ воображенія, какъ у дѣтей, играющихъ въ солдатики «нарочно». Въ теченіе же времени это невольное уклоненіе отъ истины ими же самими начинаетъ приниматься за истину, и они совершенно искренно вѣрятъ своей учености. Эта черта характера—эта подвижность и легкое отношеніе къ дѣлу—свойственна большинству американцевъ. Они не останавливаются ни передъ чѣмъ, никогда не сомнѣваются въ своихъ силахъ и, при наименьшихъ затратахъ, достигаютъ иногда по-истинѣ изумительныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, европейцу, посвятившему себя изученію американской жизни, никогда не слѣдуетъ забывать, что здѣсь нельзя даже самыя обычные термины принимать на вѣру въ ихъ европейскомъ значеніи. Здѣсь—что ни школа, то—академія, что ни классы музыки—то консерваторія. Табачная лавка съ плохими сигарами—Emperor табачныхъ произведеній, а дранная книготорговля—литературный Emperor. Собраніе десятка, другого—политическихъ воротилъ составляетъ національный конгрессъ. Ученики школы наражаютъ отъ себя «комитетъ», чтобъ спросить начальника школы о времени прекращенія зимняго курса, и этотъ «комитетъ» возвращается съ полнымъ «рапортомъ» своей дѣятельности; соберутся ли масоны помаршировать въ процессіяхъ, или духовныя лица—поговорить о дѣлахъ своей паствы—тотчасъ по всему союзу разносится телеграфомъ вѣсть о томъ, что въ такой-то мѣстности собрался масонскій или духовный «конклавъ». Вся эта напыщенность очень отталкиваетъ европейцевъ на первыхъ порахъ, но со временемъ, видя какъ все это въ сущности невинно, во всему привыкаешь.

Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ наука процвѣтаетъ не можетъ. Высшія учебныя заведенія для женщинъ посѣщаются лишь тѣми, кто готовится къ учительской дѣятельности, прекрасно здѣсь оплачиваемой, или же дѣвухами богатыми, которыя не

вынуждены сами составлять себѣ карьеру, и для которыхъ замужство не составляетъ единственнаго средства вырваться изъ низшей среды въ высшую. Покидая свою alma mater, молодыя дѣвушки имѣютъ весьма разностороннее, хотя и поверхностное знаніе, дѣлаются свѣтилами своего круга, учреждаютъ общества, комитеты, клубы, агитируютъ въ пользу того или другого движенія. Что избираемая ими сфера дѣятельности опредѣляется лишь простою случайностью, — въ этомъ я много разъ убѣждалась сама. Одна изъ наиболее выдающихся дѣятельницъ по «женскому голосованію» въ Огайо серьезно утверждала въ моемъ присутствіи, что женщинъ можно безъ опасенія допустить къ участию въ президентскихъ выборахъ, такъ какъ это право за ними давно утверждено въ Уайомингѣ и дало самые прекрасные результаты. Когда же я рѣшилась замѣтить, что Уайомингъ, не будучи штатомъ, а территоріей, за кандидатовъ на президентство голосовъ не подаетъ, — ни мало не смущенная леди отвѣчала, что если Уайомингъ не подаетъ голосовъ теперь, то получить это право въ скоромъ времени. Вотъ и другой примѣръ въ томъ же родѣ: заинтересованная прошлою зимою агитаціей въ пользу доставленія высшаго образованія для женщинъ Нью-Йорка, я обратилась къ леди-секретарю вліятельнаго общества, взявшаго на себя инициативу по этому предмету, прося ее сообщить мнѣ въ общихъ чертахъ о состояніи высшаго женскаго образованія въ странѣ и указать мнѣ источники, изъ которыхъ я могу почерпнуть дальнѣйшія свѣдѣнія по этому предмету. Къ вѣщему удивленію моему, леди-секретарь хотя и рассыпалась въ любезностяхъ передо мною, но сообщить мнѣ по интересовавшему меня вопросу ровно ничего не могла, и кончила тѣмъ, что прислала мнѣ статистическій рапортъ департамента народнаго образованія, въ которомъ я, кромѣ голыхъ цифръ, не нашла ничего.

Говоря выше о непопулярности кабинетныхъ трудовъ и самостоятельныхъ научныхъ изысканій среди мужчинъ, я тѣмъ самымъ намѣтила также и причину, мѣшающую женщинамъ искать удовольствія въ научныхъ занятіяхъ по выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Мальчики и дѣвочки получаютъ здѣсь совершенно одинаковое воспитаніе; въ американскихъ семьяхъ — даже самыхъ богатыхъ — рѣдко встрѣчаются воспитательницы гувернантки или гувернеры руководящіе развитіемъ дѣтей: эти послѣднія вполнѣ предоставлены самимъ себѣ и школѣ. Во всѣ внѣ-классные часы дѣвочки бѣгаютъ и рѣзвятся какъ мальчики, и это оказывается величайшимъ благомъ для ихъ здоровья впоследствии, образуя въ нихъ запасъ силъ, который не всегда разрушается даже по-

слѣдующей безпорядочной жизнью, отсутствіемъ рациональнаго моціона и губительной діетою блиновъ, сладкихъ пироговъ, конфетъ и мороженого, — чѣмъ большинство американскихъ женщинъ питается. Но вотъ, послѣ совмѣстнаго здороваго развитія наравнѣ съ братьями, американская дѣвочка пятнадцати лѣтъ, видитъ, какъ мальчики мало-по-малу отпадаютъ отъ семьи, начинаютъ пролагать сами себѣ дорогу къ извѣстности и богатству, идутъ впередъ, пользуясь всѣми средствами для того, чтобы возвыситься, десять разъ мѣняя свои занятія, поща не добьются успѣха. Дѣвочка, характеръ которой складывался при тѣхъ же условіяхъ, какъ и характеръ братьевъ, внезапно сознаетъ, что у нея нѣтъ крыльевъ для того, чтобы нагнать своихъ бывшихъ товарищей въ ихъ новомъ полетѣ. Какъ ни хорошо ей бываетъ въ семьѣ, все же никакая роскошь, никакія удобства не способны удовлетворить ея естественно разившійся инстинктъ самостоятельности. Сфера дѣятельности братьевъ для нея закрыта; наука не привлекаетъ ее, такъ какъ сладкіе плоды, сулимые ею, представляются слишкомъ отдаленными для юнаго нетерпѣнія; въ ближайшемъ же будущемъ эта наука не можетъ доставить ничего. Одинъ остается исходъ — это замужство. И юная американка сознаетъ это съ 14-ти 15-ти лѣтнаго возраста, не нуждаясь для того ни въ какихъ внушеніяхъ маменьки. Она кокетничаетъ немилосердно, но совершенно не такъ, какъ ея сестры-европейки. Для нея кокетство не праздная забава, а тотъ же усиленный трудъ, результатъ глубокой головной работы, не уступающей работѣ ея братьевъ Джимми, Джона и Харри, пробивающихъ себѣ дорогу на столичной биржѣ или въ первобытныхъ преріяхъ Запада. Меня часто забавляло, а еще чаще возмущало чтеніе гражданскихъ процессовъ, возбуждаемыхъ незамужними женщинами противъ своихъ бывшихъ *beaux*, какъ онѣ ихъ здѣсь называютъ, — которые, сдѣлавъ имъ предложеніе руки и сердца, затѣмъ отрегировались и отказались связывать себя узами Гименея. Газеты переполнены описаніями подобныхъ процессовъ, при которыхъ повинутая лѣди невзмѣнно требуетъ брака или «неустойки» въ размѣрахъ отъ 20-ти до 200-тъ тысячъ долларовъ; дѣло разбирается присяжными, причемъ они ведутъ точный счетъ каждому пожатію руки, совершенному украдкой, взвѣшиваютъ каждое слово бывшего обожателя и изрекаютъ свой приговоръ, рѣдко отказывая женщинѣ въ требуемой ею неустойкѣ. Теперь меня уже перестали возмущать подобные процессы: я нахожу ихъ даже рациональными. Дѣвушка здѣсь «предпринимаетъ» покореніе свободнаго мужского

сердца, посвящаетъ этой задачѣ весь свой досугъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, иногда цѣлыхъ годовъ; стѣбитъ только посмотреть на пары влюбленныхъ на загородныхъ экскурсіяхъ, или въ паркахъ: вы не замѣтите ни веселой болтовни, ни минутнаго отступленія отъ главнаго «предмета», съ цѣлью возбужденія его ревности кокетствомъ съ кѣмъ-нибудь изъ постороннихъ; однимъ словомъ, вы не уловите ни малѣйшаго изъ тѣхъ разнообразныхъ подраздѣленій кокетства, которое входитъ въ кровь и плоть французки; напр., американская лэди, одѣтая въ шелкъ и бархатъ, — какъ въ броню и панцырь, — несмотря на 100% жару въ тѣни, всецѣло завладѣваетъ своимъ кавалеромъ, ни мало не старается скрывать, что всѣ ея чары исключительно направлены на него; въ манерѣ ея сквозитъ какая-то интензивность, плохо вяжущаяся съ томительнымъ жаромъ погоды; даже разговоръ ведется исключительно ею — и это не разговоръ, можно сказать, а нѣчто весьма сходное съ исповѣдью въ католическомъ «confessional», причѣмъ обворожительная лэди состоитъ въ роли краснорѣчиваго «directeur», который направляетъ готоваго отклониться отъ пути истиннаго — грѣшника. Даже мѣста выбираютъ ими съ тактомъ: кавалеръ всегда оказывается пригатымъ къ стѣнѣ, такъ что, повидимому, ему нѣтъ другого выхода, какъ развѣ переступивъ черезъ бездыханный трупъ своего «directeur'a». Какъ ни забавно бываетъ наблюдение за подобными атаками, въ результатъ всегда получается извѣстная доля уваженія къ американской дѣвушкѣ — какъ и ко всякому честному труженику: никогда мнѣ не случилось и слышать о томъ, чтобы одна отбивала поклонника у другой, или чтобы женатый мужчина являлся жертвою преднамѣреннаго кокетства посторонней женщины. Американка идетъ къ своей цѣли прямо и открыто, такъ что у мужчины не остается ни малѣйшаго предлога къ тому, чтобы сказать, что онъ попался въ ея сѣти невзначай; и это кокетство ведется въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ изо-дня въ день: дѣвушка вездѣ появляется въ сопровожденіи своего избраннаго кавалера, который ежедневно водить ее въ театры, концерты, кормитъ ее мороженымъ и проч. Эти мелкіе расходы, вызываемые необходимостью, составляютъ, въ свою очередь, реестръ, предъявляемый отвѣтчикомъ на процессахъ, возбуждаемыхъ противъ него поинуютою лэди. Тогда какъ она требуетъ съ мужчины «неустойки» или «убытковъ» — «dampages» — какъ это здѣсь называется, — бывший поклонникъ исчисляетъ все, во что ему обошлось долговременное ухаживаніе за бывшею «повелительницею его сердца»; въ реестрѣ, представляемомъ его защитникомъ, фигурируетъ все: и букеты цвѣтовъ,

и плата за билеты въ театр, и переѣзды въ вагонахъ, перчатки, кольца, медальоны и проч. Никогда не забыть мнѣ отвѣта одной премилой американки, когда, видя ее готовою идти на прогулку въ богатомъ туалетѣ, я ей замѣтила, что не мѣшало бы переменить худыя ботинки: «Oh, by no means, M'm! I got them on on purpose: I am going out with my «beau», and he will surely get me a pair of new ones, when he perceives that my shoes are too old ¹⁾».

И все это дѣлается такъ же откровенно, какъ и говорится. Конечно, всѣ эти мелкіе расходы и подарки тяжело ложатся на тощій кошелекъ юноши, но все же они — ничто, въ сравненіи съ тѣми мѣсяцами и годами самой лучшей поры дѣвической жизни, которая всецѣло полагается на то, чтобы завербовать его сердце. Удивительно ли послѣ этого, что дѣвушка, потратившая столько драгоценнаго и невозвратимаго времени на то, чтобы «метать жемчугъ» передъ недостойнымъ, рѣшается, въ случаѣ разбитія ея матримоніальныхъ надеждъ, требовать «неустойки» съ коварнаго поклонника? Неужели же непроезжительная потеря лучшихъ двухъ-трехъ лѣтъ изъ жизни дѣвушки не равняется громаднымъ «убыткамъ»? Здѣшніе присяжные такъ на это дѣло и смотрятъ: они не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на представляемыя имъ доказательства того, что женщина сама чуть ли не силою навязывалась своему поклоннику; во всемъ дѣлѣ они видятъ непроезжительную трату времени дѣвушки, вызванную притворнымъ расположеніемъ мужчины, и присуждаютъ этого послѣдняго къ сильному штрафу въ пользу женщины, планы которой имъ разрушены. Не даромъ время здѣсь считается деньгами.

Было бы ошибочно полагать, чтобы обращеніе обманутой въ своихъ расчетахъ дѣвушки къ суду невыгодно отзывалось на ея положеніи въ томъ кругу, гдѣ она вращается. Никто и не подумаетъ находить страннымъ, что она требуетъ вознагражденія за потерю времени и непроезжительно помѣщенныя чувства. Судебное порѣшеніе сердечныхъ затрудненій вошло въ кровь и плоть большинства американокъ и не представляетъ собою уже ничего оригинальнаго: къ суду во многихъ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ и мужчины. Не далѣе какъ на дняхъ, въ Бруклинѣ, — отдѣляемомъ отъ Нью-Йорка одною рѣкою East River — возникъ любопытный процессъ такого рода. Нѣкто Edward

¹⁾ О, ни въ какомъ случаѣ, сударыня! Я ихъ нарочно надѣла: я вѣдь еду гулять съ моимъ „beau“ и онъ, конечно, купитъ мнѣ новую пару ботинокъ, лишь только замѣтитъ, что мои слишкомъ стары.

Schnell предъявилъ противъ своего родного дяди Frederick Blohm искъ въ 50,000 долларовъ, требуя эту сумму въ вознагражденіе за любовь своей жены, которая переведена была съ него самого на его дядю. Всѣ лица, участвующія въ этомъ процессѣ принадлежать къ достаточному классу общества; дядя же—человѣкъ богатый. Во время ихъ общей поѣздки прошлымъ лѣтомъ въ Европу, молодой м-ръ Шнель замѣтилъ, что между его женою и дядей возникла болѣе теплая привязанность, чѣмъ то допускалось ихъ родствомъ. Затѣмъ мужъ дознался, что жена постоянно снабжается его дядею крупными суммами денегъ, и, наконецъ, нашель у жены письмо, въ которомъ дядя объяснялся въ своихъ пламенныхъ чувствахъ и подавалъ мысль о разводѣ. Въ результатѣ—искъ, предъявленный мужемъ на 50,000 долларовъ—не болѣе, ни менѣе—такъ какъ въ эту сумму имъ цѣнилась привязанность жены.

Энергія, выказываемая женщинами въ требованіи вещественнаго вознагражденія за потраченныя даромъ чувства, отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что пары влюбленныхъ почти всегда бывають однихъ лѣтъ — даже иногда дѣвушка бываетъ старше. Это замѣчается въ Америкѣ почти повсемѣстно; чѣмъ это объяснить — я рѣшительно не знаю, тѣмъ болѣе, что при болѣе быстромъ развитіи женщины трудно понять, какъ двадцатилѣтняя дѣвушка способна довольствоваться обществомъ двадцатилѣтняго юноши. Невыгодно отзывается это обстоятельство и на здѣшнихъ супружескихъ четахъ. Въ большинствѣ случаевъ здѣшняя женщина, достигнувъ тридцатипятилѣтняго возраста, дѣлается старухой, тогда какъ 30—35-ти лѣтній мужъ ея—еще вполне молодой человѣкъ не только съ вида, но еще болѣе по наклонностямъ и характеру. А между тѣмъ, приличія въ Америкѣ требуютъ того, чтобы мужъ, пока не разведенъ съ женою, вездѣ появлялся съ нею вмѣстѣ и не замѣчалъ, въ ея присутствіи, что другія женщины существуютъ.

За всепоглощающими заботами по закрѣпленію за собою намѣченнаго ею мужского сердца, у иной американки едва достаетъ времени на то, чтобъ помочь немного матери по домашнему хозяйству и приготовить свои блестящіе доспѣхи для слѣдующихъ дѣйствій. При такихъ условіяхъ ей уже не до чтенія серьезныхъ книгъ; счастье ея еще, если у нея нѣтъ охоты ни къ какому чтенію, потому что тѣ романы, которые пишутся и печатаются для заурядной публики, способны лишь развратить вкусъ. Всѣ они построены на какомъ-то слащавато-мелодраматическомъ фундаментѣ съ невозможно геройскими героями, съ

приторно-разсудительными резонерами и торжествующею въ концѣ добродѣтели: тутъ фигурируютъ и привидѣнія, и поддѣлыватели фальшивыхъ монетъ, и сумасшедшіе и пр., и пр., дѣйствующія лица выводятся какъ маннекены, но все же ихъ, подбитыя ужаснымъ, приключенія дѣйствуютъ на юное воображеніе чтецовъ самымъ растлѣвающимъ образомъ. Насколько великъ спросъ на эту литературу жидковатыхъ, доморощенныхъ, *Ponson du Terrail's*, явствуетъ изъ того, что самая плодovitая изъ здѣшнихъ романистокъ этого разбора — нѣкая *m-rs Southworth* — пишетъ чуть ли не пятидесятый свой романъ въ теченіе десяти лѣтъ и приобрѣла ими довольно круглый капиталъ. Болѣе серьезныя книги читаются весьма мало; какъ мужчины, такъ и женщины всецѣло поглощены водоворотомъ общественныхъ сношеній и требованій: мышцы и нервы ихъ состоятъ въ хроническомъ напряженіи и, въ минуты отдыха, имъ уже совсѣмъ не по силамъ чтеніе, вызывающее умственное напряженіе. Можно съ достовѣрностью сказать, что читаютъ серьезныя вещи здѣсь лишь духовныя лица, профессора и учительницы; даже доктора и адвокаты, приобрѣта практику, совершенно перестаютъ слѣдить за наукой; о фермерахъ, клеркахъ и чиновникахъ — нечего и говорить: они едва ноги подъ собою слышатъ послѣ 10—11-ти часовой усиленной работы впроголодь, а биржевые тузы и мелкія сошки, при закрытіи дневныхъ операцій въ *Wall-street*, гурьбою устремляются въ клубы и другія мѣста стеченія публики, гдѣ имъ можно узнать послѣднюю новость, подготовить или заключить, при случаѣ, выгодную аферу. Слабость спроса на хорошія книги подтверждается статистическими цифрами, доставляемыми въ отчетахъ публичныхъ библиотекъ. Бостонъ, какъ извѣстно, почитается новѣйшими Афинами американской интеллигенціи, разсадникомъ американской эстетики и учености, а между тѣмъ по отчетамъ главной библиотекы этого города — *Central Library* — оказывается, что изъ 101,021 тома книгъ, купленныхъ для библиотекы за послѣдніе 13 лѣтъ, болѣе 70,000 книгъ были романами, не включая еще сюда романовъ, появляющихся въ толстыхъ журналахъ, и романовъ иностранныхъ — въ оригиналѣ. За послѣдніе пять лѣтъ той же библиотекой пущено въ обращеніе 4.872,595 книгъ, изъ которыхъ 3.824,938 были отдѣльными романами, за исключеніемъ журнальныхъ — иначе говоря, романы составляли $\frac{4}{5}$ всѣхъ читаемыхъ книгъ, причемъ слѣдуетъ принять и то во вниманіе, что каждый такой романъ, взятый въ домъ недѣли на три, читается не менѣе, какъ двумя-тремя лицами. Таково положеніе вещей въ бостонской центральной библиотекѣ, основатель ко-

торой настоятельно оговорилъ то условіе, чтобъ библіотека эта специально служила «въ распространенію полезнаго, хорошаго чтенія» среди публики. По всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ разсѣяно до 5,000 библіотекъ, изъ которыхъ 300 находятся въ одномъ Массачузетсѣ, и по отчетамъ таковыхъ оказывается, что до 75% всѣхъ разбираемыхъ на домѣ книгъ состоятъ изъ второстепенныхъ романовъ, читаемыхъ молодежью, начиная съ 13—14-ти лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, такъ какъ чтеніемъ юношества никому изъ старшихъ не приходится никогда въ голову руководить. Кромѣ книгъ, доставляемыхъ библіотеками, здѣсь расходятся многіе миллионы романовъ въ дешевыхъ изданіяхъ, стоимость каждаго изъ которыхъ не превышаетъ стоимости дневной газеты—изъ этого можно смѣло заключить, что въ Соединенныхъ Штатахъ, за исключеніемъ романовъ, читается не болѣе 5 или 7% болѣе серьезныхъ книгъ.

Всякая мало-мальски респектабельная американка неизмѣнно посвящаетъ часть своего досуга устройству или посѣщенію какихъ-нибудь митинговъ, имѣющихъ цѣлью пропаганду какой-нибудь социальной идеи, или же заурядную организацію общественной благотворительности. Составляются митинги въ видахъ агитаціи въ пользу женскаго голосованія, улучшенія быта индійцевъ, или съ цѣлью содѣйствія ирландской земельной лигѣ; организуются клубы литературные, эстетическіе, на засѣданіяхъ которыхъ непременно фигурируетъ предсѣдатель, секретарь, почетные члены и проч.; кто-нибудь изъ членовъ читаетъ свои замѣтки по тому или другому предмету, который затѣмъ публично критикуется и обсуждается, причемъ секретарь ведетъ журналъ общества. Клубы эти—въ девяти случаяхъ изъ десяти—обставлены съ большими претензіями, но въ сущности въ нихъ происходитъ лишь тенденціозное толченіе въ ступѣ воды¹⁾. Дѣятельность нѣкоторыхъ обществъ отличается своею неутомимостью въ преслѣдованіи пользы и добра, какъ, напримѣръ, «общество отвращенія жестокости относительно дѣтей», «общество отвращенія жестокости въ обращеніи съ животными», «общество призванія бездомныхъ» и проч., и проч. Число подобныхъ обществъ въ Америкѣ чрезвычайно велико, и въ нихъ-то проявляется дѣятельность и энергія американской женщины во всей своей славі: она работаетъ, не зная отдыха, жертвуетъ безъ счета свои

¹⁾ Конечно, гдѣ общества, гдѣ всѣ вышеупомянутыя упражненія замѣняются игрою въ «винтъ», не имѣютъ права, читая все это, относиться особенно высокомерно къ «пустотѣ» американской жизни.

деньги на дѣло, которому отдалась, не щадить ни своихъ силъ, ни чужого досуга. Точно также ретивы американки и въ заботахъ по устройству фивансоваго отдѣла своей приходской церкви, въ чемъ эти послѣднія какъ-то всегда и настоятельно нуждаются.

Церкви въ Соединенныхъ Штатахъ строятся предприимчивыми людьми на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и театры. Полагается извѣстный капиталъ на сооруженіе церковнаго зданія, приглашается даровитый проповѣдникъ — чаще всего изъ Англіи или Ирландіи — и во всѣхъ газетахъ помѣщаются передъ каждымъ воскреснымъ днемъ объявленія о томъ, на какую тѣму будетъ въ новой церкви сказана проповѣдь. Если проповѣдникъ остроуменъ и краснорѣчивъ, знаетъ, какъ занять скучающую обязательнымъ праздничнымъ бездѣльемъ публику, то мѣста въ церкви раскупаются на расхватъ — въ иныхъ по доллару за каждые поларшина на лавкѣ — и дѣла прихода идутъ самымъ блестящимъ образомъ, строитель церкви получаетъ большіе проценты на затраченный капиталъ, и долгъ церковный по немного погашается. Если же предпріятіе ведется неумѣлымъ образомъ, и проповѣди не приходятся по вкусу публики, тогда церковь мало посѣщается, затраченный капиталъ оказывается непроизводительнымъ, и церковь продается съ аукціона подъ магазины или подъ театр. На рѣдкой церкви нѣтъ долга, а наиболѣе богатые приходы вѣчно нуждаются въ деньгахъ на организацію миссій къ дикарямъ, на приходскія школы и на содержаніе пасторовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ получаютъ по 15 тысячъ долларовъ годового содержанія, кромѣ частыхъ подарковъ и добровольныхъ даяній по духовному завѣщанію отъ того или другого изъ своихъ прихожанъ. Въ видахъ пополненія періодично пустующихъ церковныхъ кассъ, наиболѣе вліятельныя и досужія прихожанки организуютъ церковные базары, лотерейные тиражи, не щадя ни времени, ни силъ на то, чтобъ собрать побольше вещей и денегъ.

Весьма оригиналенъ слѣдующій способъ пополненія церковныхъ кассъ. Прихожанки какого-нибудь моднаго прихода заказываютъ прекрасную палку съ дорогимъ набалдашникомъ, намѣчаютъ двухъ-трехъ наиболѣе популярныхъ мужчинъ - прихожанъ изъ своего круга и пускаютъ въ свѣтъ объявленія насчетъ того, что въ такіе-то три вечера къ ряду въ школьной залѣ при такой-то церкви будутъ происходить «выборы губернатора», кандидатами на что являются такіе-то и такіа всѣмъ извѣстные лица. Конечно, эти выборы не имѣютъ никакого политическаго значенія, а затѣваются шутки ради, въ родѣ дѣтской игры въ выборы. Въ означенный вечеръ толпы публики соби-

раются въ здание церкви подъ звуки органа и хорового пѣнія, и устраивается совершенный раутъ. Каждая изъ присутствующихъ дамъ спѣшитъ подать свой голосъ за кандидата на получение палки, эмблемы губернаторскаго званія. Мужчины къ подачѣ голосовъ не допускаются. Счастливый губернаторъ избирается исключительно однимъ прекраснымъ поломъ. Особенности этихъ фантастичныхъ выборовъ заключаются въ томъ, что каждая дама можетъ подавать голосъ за излюбленнаго ею кандидата сколько ей угодно разъ, на томъ единственномъ условіи, чтобъ при каждой подачѣ голоса вносить по одному доллару въ церковную кассу. Нѣкоторыя богатыя женщины до того увлекаются этимъ избирательнымъ составленіемъ, что подаютъ голоса болѣе ста разъ въ одинъ вечеръ; по окончаніи каждаго вечера объявляется о томъ, по сколько за каждаго кандидата подано голосовъ, слѣдующимъ утромъ эти цифры перепечатываются всѣми газетами, а вечеромъ возобновляется подача голосовъ. Прошлою весною происходили такіе выборы «губернатора» въ одной изъ католическихъ церквей Нью-Йорка, причемъ счастливымъ обладателемъ палки оказался извѣстный здѣсь адвокатъ м-ръ Альджернонъ Селливанъ, обратившійся при этомъ случаѣ къ своимъ прекраснымъ избирательницамъ съ остроумною и глубоко-прочувствованною рѣчью.

Заботами о пополненіи церковнаго фонда собственно и ограничиваются сношенія протестантокъ съ своимъ пасторомъ и приходомъ. Ходятъ онѣ, правда, по воскреснымъ днямъ слушать проповѣди, но эти проповѣди, по большей части, тѣ же рѣчи, что слышатся на публичныхъ митингахъ, и отнюдь къ религіи отношенія не имѣютъ. Ловкіе пасторы умудряются пользоваться текстомъ изъ Библіи для того, чтобъ говорить о политическихъ вопросахъ, о соціальныхъ отношеніяхъ своей паствы, даютъ прекрасныя практичныя совѣты своимъ прихожанкамъ; когда же пускаются въ область теологіи, остерегаются, чтобъ не допустить ни одного изъ слушателей задремать или зѣвнуть. Проповѣдникъ можетъ грязью закидать любого общественнаго дѣятеля, проводить самыя рискованныя теоріи касательно вѣры—какъ дѣлаетъ, напр., м-ръ Бичеръ, который, по свидѣтельству нью-йоркской печати, выступаетъ передъ своими прихожанами лишь для того, чтобъ заявлять имъ о томъ, что онъ въ религіи отвергаетъ, и доводитъ этотъ обычай до того, что теперь паства сильно заинтригована и стремится узнать, во что же собственно остается мистеру Бичеру вѣрить; одного только не долженъ здѣсь проповѣдникъ допускать—это скуки: разъ прихожане соскучились—

авторитетъ и популярность проповѣдника близятся къ закату. Американцы иногда платятъ по доллару за входъ въ церковь, кладутъ по пяти долларовъ на церковную тарелку—но за то и требуютъ, чтобъ ихъ занимали. Въ церквахъ нерѣдко стѣны дрожатъ отъ гомерическаго хохота, поднимаемаго удачною острою проповѣдника, и рѣчь популярнаго оратора покрывается бурными аплодисментами. Наиболѣе излюбленные Нью-Йоркомъ проповѣдники—это желчный докторъ Кросби, остроумный ирландецъ докторъ Халль, ни въ одну изъ религіозныхъ доктринъ не вѣрующій Бичеръ и оригиналъ изъ оригиналовъ—докторъ Тальмаджъ. Этотъ послѣдній стоитъ во главѣ богатаго прихода въ предмѣстьи Нью-Йорка—Бруклинѣ, и церковь его всегда переполнена элегантнымъ людомъ, хотя и вмѣщаетъ въ себѣ чуть не 2,000 мѣстъ. Докторъ Тальмаджъ—извѣстный баловень и любимецъ публики, и потому позволяетъ себѣ вдаваться въ болѣе возвышенныя тѣмы, оставляя иногда злобы дня въ сторонѣ. Замѣчательною показалаась мнѣ проповѣдь, сказанная имъ въ одно прекрасное воскресенье—4-го іюня 1882 г. Говоря о загробной жизни, которой онъ, Тальмаджъ—въ противоположность своему другу, мистеру Бичеру—продолжаетъ еще вѣрить, краснорѣчивый проповѣдникъ нарисовалъ такую картину райскаго блаженства, которая должна бы, по настоящему, пробудить желаніе спастись даже въ душѣ зачерствѣлаго въ атеизмъ—знаменитаго адвоката Ингерсолля. Докторъ Тальмаджъ задался мыслью проникнуть, каковы бываютъ занятія людей отошедшихъ въ вѣчность, такъ какъ, по мнѣнію оратора, однимъ созерцательнымъ блаженствомъ загробныя души довольствоваться не могутъ, какъ не могли бы люди на землѣ довольствоваться вѣчнымъ, непрерывнымъ праздникомъ. «Потому надо полагать»—привожу подлинныя слова Тальмаджа—«что наши умершіе друзья продолжаютъ и на небѣ заниматься тѣмъ, что болѣе всего любили на землѣ, въ лучшія свои минуты. И такъ, не печальтесь о томъ, что отошедшіе въ вѣчность друзья ваши не могутъ болѣе любоваться гобселеновскими обоями и *bric-à-brac*’омъ, который они такъ любили при жизни: они теперь блаженствуютъ въ небесныхъ Луврахъ и Люксембургахъ. Въ Библии такъ много говорится о небесной музыкѣ, что эти связанія не могутъ быть чисто фигуративными... Найдутся, конечно, мудрецы, которые скажутъ намъ, что на небѣ нѣтъ трубъ и органовъ. Я же съ своей стороны вполне склоненъ вѣрить, что Богъ, сотворившій всѣ холмы и горы,—Богъ, владѣющій всѣми лѣсами и металлами земли, также можетъ сдѣлать арфы, органы и трубы изъ этого

дерева и металловъ. Тѣ изъ нашихъ отошедшихъ въ вѣчность друзей, которые страстно здѣсь любили музыку, пребываютъ теперь въ главной квартирѣ (head quarters) гармоніи. Наши отошедшіе въ вѣчность друзья, одушевленные на землѣ могучимъ военнымъ гениемъ, состоятъ теперь въ арміи небесной. Я полагаю, что они, по переселеніи туда, прямо зачисляются въ какую-нибудь дѣйствующую небесную армію. Тамъ несомнѣнно организуются крестовые походы... Что дѣлаютъ въ загробной жизни наши друзья-математики? Они по прежнему заняты цифрами: нескончаемыми исчисленіями по арифметикѣ, геометріи, тригонометріи—работы имъ станутъ на цѣлую вѣчность... Что дѣлаютъ наши христіанскіе путешественники и изыскатели? Они продолжаютъ свои изысканія, при помощи всеобъемлющей мысли и молніеобразнаго способа передвиженія... Занимаются своимъ старымъ дѣломъ и ученые, и историки, и астрономы, и химики—каждому открыто широкое поле дѣятельности при наилучшихъ инструментахъ и пособіяхъ... Друзья наши, любившіе общество, любившіе поговорить на досугѣ, находятся теперь въ самомъ пріятномъ кругу, въ самомъ утонченномъ обществѣ. Пожелается ли имъ узнать, какъ это въ старину солнце и мѣсяцъ пріостановились на мѣстѣ—имъ стоитъ лишь пойти и спросить о томъ Іисуса Навина. Поинтересуются ли они узнать что-нибудь дальнѣйшее объ распятіи Христа—имъ стоитъ лишь пойти и спросить о томъ самихъ дѣйствующихъ лицъ—и любознательность ихъ будетъ удовлетворена».

Было бы излишне приводить дальнѣйшія выдержки изъ этой оригинальной проповѣди, она вся составлена въ томъ же игривомъ, многообъясняющемъ тонѣ. Можно себѣ вообразить, какъ пріятно американцамъ готовиться къ вѣчному блаженству подъ руководствомъ такого милѣйшаго, снисходительнѣйшаго наставника, какъ докторъ Тальмаджъ. Немудрено, что прихожанки его обожаютъ, и никто на проповѣдяхъ его не засыпаетъ.

Что же касается мистера Бичера, то онъ радикально расходится съ докторомъ Тальмаджемъ, какъ въ возрѣніяхъ на религію и ея цѣли, такъ и въ методахъ поученія своей паствы, которая чуть не поголовно состоитъ изъ наиболѣе серьезныхъ и интеллигентныхъ лицъ. До какой степени доводитъ почтенный мистеръ Бичеръ либерализмъ въ дѣлѣ религіи, достаточно явствуетъ изъ того, что онъ говоритъ въ статьѣ своей о «Прогрессѣ мысли въ лонѣ церкви», помѣщенной въ только что появившейся августовской книжкѣ «North American Review», и гдѣ онъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что «въ настоя-

щее время повсемѣстно замѣчается стремленіе расширить сферу Божественнаго откровенія, присовокупляя къ Библии откровенія природы и моральнаго самосознанія и разума человѣка, которые, въ сущности, являются одною изъ главныхъ проявленій природы».

Слѣдующая, краткая выдержка изъ той же длинной статьи, упомянутой выше, можетъ говорить сама за себя. «Новѣйшія открытія науки» — говоритъ мистеръ Бичеръ — «грозятъ неотвратимою опасностью старой теологіи, но за то подають блестящія надежды въ дѣлѣ религіи. Не важно то, что по нѣкоторымъ своимъ пунктамъ великая доктрина эволюціи подлежитъ спору и сомнѣніямъ. Вопросъ не въ реальности эволюціи, а въ тѣхъ вліяніяхъ, которые воспроизводятъ или направляютъ ее. Что міръ звѣздъ не возникъ мгновенно по волѣ Творца, но образовался постепенно въ теченіе неисчислимыхъ вѣковъ; что неорганическій шаръ земной явился продуктомъ медленно проявляющихся перемѣнъ; что растительное царство явилось не вдругъ, а въ силу медленнаго перехода отъ формъ простѣйшихъ къ сложнѣйшимъ; что животное царство возникло изъ простѣйшихъ видовъ и достигло своей настоящей формы путемъ многихъ вѣковъ постепеннаго развитія низшихъ формъ въ высшія; что родъ человѣческій, наконецъ, явился въ силу того же великаго закона и метода творенія — все это уже принадлежитъ къ области истинъ, неоспоримыхъ въ средѣ ученыхъ — будь они христіане или нѣтъ. И это еще не все. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобретаетъ силы то предположеніе, что цѣпь этой преемственности нигдѣ не прерывается, и что, подобно тому, какъ развился человѣкъ цивилизованный изъ дикаря, такъ и сама человѣческая раса развилась изъ животнаго царства»...

Приведенные примѣры возрѣвнѣи двухъ изъ наиболѣе вліятельныхъ проповѣдниковъ Нью-Йорка достаточно указываютъ на то, что съ возмѣщеніемъ въ различныхъ степеняхъ другими ихъ собратіями той широкой пропасти, что отдѣляетъ Тальмаджидеалиста отъ Бичера-матеріалиста, обыватели Нью-Йорка и другихъ городовъ имѣютъ всегда полную возможность найти церковь съ проповѣдникомъ — возрѣвнѣи, имъ симпатичныхъ, и соединить, такимъ путемъ, пріятное съ полезнымъ.

Надо, однако же, замѣтить, что несмотря на разнообразіе и привлекательность мѣстныхъ проповѣдниковъ, посѣщеніе церкви въ день воскресный все болѣе и болѣе выходитъ изъ обычая нью-йоркскихъ жителей обоюга пола. Люди, имѣющіе опредѣленные мѣста въ своей церкви, какъ ложь въ оперѣ, акуратно

появляются на нихъ въ воскресный день: это требуется правилами респектабельности. Но лишь только тѣ же люди переселяются куда-нибудь, гдѣ за ними не слѣдитъ зоркое око людей «своего круга» — они весьма часто совсѣмъ перестаютъ посѣщать церковь. Менѣе богатыя женщины не ходятъ въ церковь потому, что дома есть работа, или же семейный бюджетъ не позволяетъ расходовать тѣхъ денегъ, какія потребны большой семьѣ на мѣста въ церкви. Англійскій обычай семейнаго чтенія Библии здѣсь почти нигдѣ не встрѣчается. Большинство протестантскихъ дѣтей не крещено бываетъ ни въ какую вѣру, въ томъ предположеніи, что, вырастая, они сами рѣшатъ, къ какому религіозному толку имъ пристать. Но сплошь и рядомъ оказывается, что эти дѣтя, вырастая, посѣщаютъ изрѣдка то ту, то другую церковь, и кончаютъ жизнь свою, не приставаая ни къ какой, но все же почитая себя христіанами. Въ видѣ иллюстраціи американскаго равнодушія къ религіознымъ обрядамъ, приведу примѣръ, случившійся недавно у меня на глазахъ. Живя въ одномъ нью-іоркскомъ «boarding-house», т.-е. въ меблированной квартирѣ со столомъ, я близво познакомилась съ семьей моей хозяйки — женщины честной, доброй и вполне, повидимому, вѣрующей, хотя ни въ какую церковь ни она сама, ни многочисленныя взрослыя дѣти ея никогда не ходили. Дочь моей хозяйки вышла замужъ, и я приглашена была присутствовать при брачной церемоніи. Такъ какъ молодымъ предполагалось ѣхать на Ниагарскій водопадъ, куда прямой поѣздъ идетъ въ 9 часовъ утра, — въ домъ невесты приглашенъ былъ пасторъ, который и обвѣнчалъ эту пару по простому протестантскому обряду въ семь часовъ утра. Спустя нѣкоторое время, мнѣ случилось спросить у молодой, къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ пасторъ, ее вѣнчавшій, но она не умѣла мнѣ сказать: не знала о томъ ничего и мать, объяснившая мнѣ, что все равно кто бы ни вѣнчалъ, такъ какъ дочь ея еще не крещена и ни въ какой церкви не принадлежитъ; на счастье наше подоспѣлъ молодой и объяснилъ, что ихъ вѣнчалъ пресвитеріанскій пасторъ, домъ котораго случайно ему былъ указанъ, когда онъ не нашелъ того епископальнаго пастора, котораго — было собирався пригласить себя обвѣнчать. Не мѣшаетъ замѣтить, что хозяйка моя принадлежала къ старинной квакерской семьѣ. Подобное же равнодушіе въ формѣ религіи замѣчалось мною въ весьма многихъ представителяхъ разныхъ протестантскихъ толковъ въ Америкѣ, — съ тою только варіаціей, что посѣщеніе церкви являлось непремѣннымъ условіемъ «порядочности» на глазахъ у друзей и сосѣдей, и совер-

пенно устранялось тамъ, гдѣ люди чувствовали себя внѣ контроля своего кружка. Хотя меня многіе увѣрили въ томъ, что число людей, открыто непризнающихъ никакой религіи, все увеличивается здѣсь, я, однако же, всего встрѣтила одного человѣка, имѣвшаго храбрость открыто заявлять себя атеистомъ; много за то приходилось мнѣ встрѣчать мужчинъ-протестантовъ и католиковъ — ровно ни во что не вѣрующихъ, — людей, которые, не стѣсняясь, сознавались мнѣ въ этомъ, а между тѣмъ аккуратно являлись къ воскресному богослуженію и строго требовали того же отъ своихъ чадъ и домочадцевъ. Мнѣ даже пришлось быть свидѣтельницей того, какъ одинъ мой знакомый — болѣе чѣмъ либеральныхъ воззрѣній въ дѣлѣ религіи — укорялъ своего клерка въ томъ, что тотъ пренебрегаетъ храмомъ Божиимъ ради маскарадовъ и грозилъ расчесть его, если тотъ не исправится. Замѣтивъ мое присутствіе, джентльменъ этотъ объяснилъ мнѣ, что онъ вынужденъ, «для порядка въ торговлѣ», содержать своихъ клерковъ въ страхѣ Божіемъ.

Какъ это ни странно, а надо сознаться, что американскія женщины далеко не представляютъ такого лицемѣрія въ дѣлахъ вѣры, какъ мужчины; но вмѣстѣ съ тѣмъ вы не встрѣтите въ ихъ средѣ и той безтактной похвалы своимъ невѣріемъ, которое такъ неприятно поражаетъ въ нѣкоторыхъ эмансипированныхъ европейкахъ. Зрѣлость и цивилизація американокъ ярче всего проявляется въ этомъ тактѣ ихъ, заставляющемъ ихъ уважать чужое мнѣніе и не оскорблять не только искреннихъ чужихъ убѣжденій, но часто и простыхъ предрассудковъ. Религіозныя склонности съ наибольшою интенсивностью проявляются въ здѣшнихъ католическихъ семьяхъ, которыя почти всѣ ирландскаго или нѣмецкаго происхожденія. Въ нихъ и мужчины — вѣрующіе, а жизнь женщинъ до такой степени тѣсно переплетена съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ, что это налагаетъ на нихъ печать рѣзкаго отличія отъ семей протестантскихъ. Много замѣчается въ католическихъ семьяхъ уваго быготизма; странно присутствовать при ихъ семейныхъ молитвахъ, при которыхъ они безсчетное число разъ повторяютъ «Богородицу» по четкамъ; странно слышать развитыхъ женщинъ и мужчинъ, толкующихъ о необходимости чествовать тотъ или другой установленный духовенствомъ «юбилей» хожденіемъ непремѣнно въ разныя церкви по три воскресныхъ дня къ ряду. Но за то надо отдать американскимъ католикаамъ справедливость, что семейное начало, поддерживаемое религіей, у нихъ несравненно крѣпче, нравственность женщинъ, въ общей сложности, неизмѣримо выше,

чѣмъ въ заурядныхъ семьяхъ протестантскихъ. Духовенство католическое имѣетъ здѣсь сильное моральное вліяніе на своихъ прихожанъ, но отнюдь не мѣшается въ ихъ семейныя дѣла, будучи всецѣло поглощено заботами объ разныхъ миссіяхъ и нескончаемою борьбою съ свободными школами страны, изъ которыхъ систематично устраняется всякая религія; всѣ заботы католическаго духовенства сосредоточены на томъ, чтобъ удержать католическихъ дѣтей отъ посѣщенія публичныхъ школъ, гдѣ они могутъ заразиться протестантскимъ вольнодумствомъ. Уваженіе и довѣріе, которымъ здѣсь пользуется католическое духовенство въ средѣ своей паствы, главнымъ образомъ, какъ мнѣ кажется, обуславливается тѣмъ, что духовенство не выходитъ здѣсь изъ разъ намѣченныхъ предѣловъ своей дѣятельности, не посягаетъ пока на политическое вліяніе въ странѣ. Недавно католическій епископъ Кливелэнда, преосв. Джильмуръ, издалъ-было манифестъ, запрещающій женщинамъ-католичкамъ его епархіи участвовать въ митингахъ ирландской земельной лиги, на томъ основаніи, что, принимая участіе въ политической агитаціи, женщины будто бы утрачиваютъ свою женственность и должны подлежать временному отлученію отъ церкви. Бурный протестъ, вызванный среди самихъ католиковъ этою узурпаціей епископскихъ правъ, вѣроятно, доказалъ уже епископу, что онъ взялъ фальшивую ноту, и едва ли подобная попытка диктаторства надъ общественною дѣятельностью и совѣстью прихожанъ повторена будетъ католическими патерами въ другой разъ. Имъ можно бы успокоиться на сознаніи того, что въ средѣ здѣшнихъ послѣдователей католицизма семейныя добродѣтели процвѣтаютъ, репутація женщинъ не подвергается ни малѣйшему нареканію, и дѣти воспитываются въ духѣ католической исключительности.

Католическія семьи чуть ли не болѣе всѣхъ другихъ заботятся о нравственномъ руководствѣ дѣтей, не предоставляя ихъ исключительному вліянію школы; и я сама слышала отъ протестантскихъ учительницъ публичныхъ школъ, что имъ гораздо менѣе бываетъ хлопотъ съ поступающими къ нимъ дѣтьми изъ просвѣщенныхъ католическихъ семей. По-истинѣ тяжелая работа учителей американскихъ школъ; имъ приходится настаивать на сгрозайшей дисциплинѣ лишь бы обуздать нѣсколько маленькихъ деспотовъ, поступающихъ подъ ихъ руководство. По свидѣтельству одной изъ самыхъ безпристрастныхъ и серьезныхъ исследовательницъ американской школьной системы m-rs Caroline H. Dall—главное затрудненіе, встрѣчаемое учителями, состоитъ въ поверхностномъ характерѣ американскаго ума. Во всей на-

шей странѣ,—говорить эта лѣди, — едва ли найдется одинъ человѣкъ, способный стать серьезнымъ труженникомъ науки (capable of being a hard student). Устойчивая, послѣдовательная головная работа не подходитъ къ характеру нашей націи... Миѣ же кажется, что затрудненіе учителей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей заключается не столько въ природномъ легкомысліи америкванцевъ, сколько въ домашней распущенности дѣтей. Дѣти не стѣсняются ни въ чемъ—и это развиваетъ въ нихъ индивидуальность; дѣтямъ ничего не запрещается—и это развиваетъ въ нихъ самодѣятельность и самопомощь; но неограниченная свобода, предоставляемая дѣтямъ, все же пагубно отзывается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: постоянное употребленіе сластей, пироговъ, крѣпкого чая и кофе, поздніе часы отхода въ постель, чтеніе плохихъ романовъ и проч.—плохо вліяетъ на здоровье дѣтей, дѣлаетъ ихъ нервными, раздражительными и умственно развитыми не по годамъ. Трудно и предположить, къ какому злу это отсутствіе всякой системы воспитанія могло бы привести, еслибы вредъ не смягчался сравнительною чистотою общественныхъ нравовъ и жизнью на открытомъ воздухѣ, которою въ значительной степени пользуются всѣ американскіе мальчики и всѣ дѣвочки до двѣнадцати-лѣтняго приблизительно возраста, когда въ нихъ впервые пробуждается, и никогда затѣмъ не засыпаетъ, сознаніе необходимости оберегать свой цвѣтъ лица отъ вліянія погоды. Странно видѣть американскихъ дѣвушекъ въ нормальной коллегіи Нью-Йорка, напримѣръ, куда онѣ являютъ съ мудрено наклеенными кудрями на лбу, съ напудренными лицами, съ медальонами, цѣпами, кольцами, цвѣтными бантами на модныхъ, пестрыхъ туалетахъ и проч. Трудно какъ-то вѣжеть представленіе о серьезномъ ученіи съ этою широкою свободой школьныхъ нравовъ.

VII.

Женщины трудящіяся и женщины праздныя.—Непрізнаніе женщинами специализаціи труда.—Какъ работаютъ американки на хозяина, и какъ на себя.—Добропразіе американскихъ мужей.—Многочисленность женщинъ въ восточныхъ штатахъ.—Жизнь въ boarding-гаузахъ.—Ежедневное блужданіе по магазинамъ.—Прославленіе Создателя.—Слабость здоровья и нервность американскихъ женщинъ.—Красота и наряды.—Чего ищутъ онѣ въ театрахъ.—Какъ относятся американцы къ своимъ женщинамъ.—Легкость, съ которою выходятъ въ люди.—Какъ дѣйствуетъ на американокъ наблюденіе жизни европейской!

Что касается женщинъ, семействъ, то задача ихъ значительно упрощается токъ раннею эмансипаціей дѣтей, и онѣ

всецѣло посвящаютъ себя домашнимъ работамъ или полному бездѣлю. Середины между этими двумя крайностями здѣсь какъ-то совсѣмъ почти не встрѣчается. Къ первому разряду принадлежатъ чуть ли не всѣ матери семействъ въ Союзѣ, за исключеніемъ развѣ дѣйствительныхъ милліонеровъ. Не такъ давно пришлось мнѣ видѣть въ газетахъ сообщеніе репортера о томъ, какъ онъ, навѣдавшись на ферму только-что вышедшаго въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ, мистера Кирквудъ, засталъ его жену, пожилую лэди, въ кухнѣ за глаженьемъ семейнаго бѣлья. И это здѣсь совершенно въ порядкѣ вещей — никого это не удивляетъ; всякій знаетъ, что дочери и жены сравнительно зажиточныхъ гражданъ, въ особенности въ провинціи, всѣ сами занимаются стиркою бѣлья и готовятъ на кухнѣ. Прислуга здѣсь не только дорога, — плохая служанка получаетъ помимо содержанія по 3 доллара въ недѣлю, — но и положительно нигуда негодна. Здѣсь нѣтъ прислуги по профессіи, а въ услуженіе поступаютъ лица всякихъ состояній, временно впадающія въ крайность, или же новоприбывшіе изъ Европы эмигранты, только-что оставившіе родную пашню; какъ бы то ни было, а каждый домашній «помощникъ» или «help», какъ ихъ здѣсь называютъ, работаетъ спустя рукава, выжидая время, когда подвернется случай найти какой другой заработокъ. Вслѣдствіе этого даже богатые семейныя женщины вынуждены сами знать, какъ замѣнять прислугу, такъ какъ всѣ слуги часто внезапно отказываются отъ мѣста, и хозяйкѣ дома въ такихъ случаяхъ приходится самой готсвить на семью.

Нужно самому видѣть, чтобъ убѣдиться въ томъ, какое невѣроятное количество работы можетъ американка исполнять изо дня въ день, когда работаетъ на себя и на свою семью. Американскіе мужчины всѣхъ состояній давно сознали и оцѣнили пользу специализаціи труда, а фермеры такъ даже утрируютъ это, не держа ни сѣновосовъ, ни огородовъ, не сѣя своихъ овощей, а всю землю отводя подъ пшеницу, кукурузу или другое зерно на продажу и покупая на сторонѣ все потребное на содержаніе своей семьи. Женщины же въ своей сферѣ держатся совершенно иной, и, надо сознаться, совершенно примитивной системы. Каждая хорошая семьянинка все дѣлаетъ сама дома, не пользуясь притомъ, кромѣ швейной машины, никакими новейшими приспособленіями. Сама обшиваетъ всю семью, какъ бы та ни была велика, печетъ хлѣбъ, стираетъ, гладитъ, моетъ полы, посуду, готовитъ кушанье. Конечно, при такой массѣ работы все не можетъ быть сдѣлано хорошо: бѣлье оказывается

выстираннымъ плохо, спаленнымъ, кушанье перепарено, хлѣбы не допечены, посуда бьется ежечасно и выходитъ, какъ булавки; мужъ, приходя голодный съ работы въ ужинну, находить, что ужинъ и не готовится, такъ какъ жена увлеклась печеньемъ какого-нибудь воскреснаго пирога на удивленье сосѣдкамъ, или спѣшила дошить какое-нибудь мудреное платье для дочери. Невозмутимость американскихъ мужей при такихъ вызывающихъ обстоятельствахъ по-истинѣ изумительна: ни одинъ природный американецъ и не подумаетъ въ такомъ случаѣ упрекнуть жену за легкомысліе, а спокойно разведетъ огонь, достанетъ провизію, изготовитъ ужинъ, умоетъ дѣтей и соберетъ на столъ. Какъ бы, однако, трудолюбива американская домохозяйка ни была, но послѣ уборки посуды отъ ужина, бывающаго часовъ около шести, она неизмѣнно распускаетъ свои папильотки, въ которыхъ не стѣсняясь щеголяла весь день, надѣваетъ хорошее платье и сидитъ часа два-три, покачиваясь въ креслѣ-качалкѣ; чтеніе не идетъ ей въ голову послѣ усиленной дневной работы, и потому она предается «*dolce far niente*», или же болтаетъ съ сосѣдками, приходящими побесѣдовать на свободѣ, пока мужья курятъ свою вечернюю трубку въ ближней лавочкѣ или аптекѣ. Посѣщая другъ друга, самыя близкія сосѣдки неизмѣнно облакаются въ шали и шляпы и сидятъ чинно, всей своею фигурою показывая, что сидятъ онѣ «въ гостяхъ». Никанкихъ угощеній при такихъ посѣщеніяхъ не бываетъ. Друзья же дома приглашаются раза три-четыре въ годъ на обѣдъ, причемъ хозяйка часто и за столъ не садится, а помогаетъ прислугѣ на кухнѣ. Конечно, въ городахъ, гдѣ болѣе удобствъ къ жизни, хозяйка сама предсѣдательствуетъ за столомъ, какъ и въ Европѣ. Понятное дѣло, что при такомъ усиленномъ трудѣ, домохозяйки являются чрезвычайно требовательными по отношенію къ прислугѣ. Несмотря на постоянный приливъ бѣдныхъ эмигрантовъ изъ Европы, каждая американка, живущая домою, жалуется на то, что прислуга дурна и не выживаетъ на мѣстѣ болѣе недѣли-другой. По поводу этого неизмѣннаго и весьма чувствительнаго неудобства американской жизни, ведется постоянная полемика въ печати, причемъ нерѣдко возникаетъ запросъ, почему дѣвушки, живущія впроголодь въ большихъ городахъ, работая на фабрикахъ, не идутъ прислугою къ фермерамъ, гдѣ трудъ ихъ сталъ бы хорошо оплачиваться, жили бы онѣ на сытномъ столѣ и на здоровомъ воздухѣ. Недавно мнѣ попалось весьма откровенное и совершенно вѣрное на этотъ запросъ возраженіе въ видѣ письма фабричной дѣвушки, адресованнаго въ редакцію нью-іорской

газеты «Sun»: «Напрасно,—говоритъ она въ этомъ письмѣ,— корреспондентъ вашей газеты, трагующій о тяжкомъ положеніи рабочихъ дѣвушекъ въ городѣ, негодуетъ на ихъ нежеланіе наниматься въ прислуги къ фермерамъ. Молодая дѣвушка не можетъ довольствоваться одною пищею и чистымъ воздухомъ. На фермы идти—это обрекать себя быть заживо похороненною. Фермеръ отъ каждой наемной прислуги требуетъ, чтобъ та работала, не покладая рукъ, съ 5-ти часовъ утра до 9-ти вечера; сами жены фермеровъ надрываютъ свои силы впроголодь на работѣ до того, что въ тридцать лѣтъ становятся старухами. Рабочей же дѣвушкѣ прежде всего надо думать о томъ, какъ найти мужа, какъ бы вырваться изъ настоящаго невеселаго положенія; на фабрикѣ, въ магазинѣ, она хоть людей видитъ, имѣетъ шансы на то, чтобъ найти себѣ мужа, на фермѣ же она проживетъ вѣкъ, и никакого случая выйти замужъ ей не представится». Было бы, однако, ошибочно думать, чтобъ американская рабочая дѣвушка одержима была лѣнью. Глядя на небрежность домашней прислуги, на мѣшкотность продавщицъ въ магазинахъ, трудно, конечно, отдавать справедливость способности американки къ труду: въ особенности невыносима бываетъ продавщица, когда медленно развертывая передъ вами товаръ и не отвѣчая на ваши спѣшные вопросы, продолжаетъ разговоръ съ товаркою, затѣмъ обращается къ вамъ съ ужимкою утомленной салонной дѣвицы, поправляетъ свои локоны, дѣлаетъ глазки проходящему привазику и задерживаетъ васъ полчаса тамъ, гдѣ можно было васъ отпустить въ пять минутъ; но зато тѣ же продавщицы имѣютъ качества, которыя едва ли найдутся въ такой степени у какаго другого класса женщинъ,—это ихъ невозмутимость и терпѣніе по отношенію къ требованіямъ той дамской публики, что является въ магазины изо дня въ день не съ тѣмъ, чтобъ покупать что, а лишь затѣмъ, чтобъ посмотреть на товары; а имя этой публики—легионъ. Досушія леди эти, обходя сплошною толпою магазины, заставляють все себѣ показывать, во всему прицѣниваются, осаждаютъ продавщицъ вопросами—и никогда не встрѣчаютъ грубаго слова или намека на то, что онѣ только забавляются, а покупать не хотятъ. Въ общей сложности, однако, приходится прийти къ тому заключенію, что американскія женщины вопотливы, медлительны до невыносимости, работая по найму; но лишь только имъ приходится работать для себя, для своей собственной семьи—онѣ разомъ перерождаются, работаютъ не щадя силъ, дѣлаются неузнаваемы. И все это единственно потому, что всѣмъ американ-

дамъ такъ широко раскрыты двери къ возвышенію и обогащенію, что, при всеобщемъ и совмѣстномъ образованіи, хотя и довольно ограниченномъ, всѣ стремятся за свой счетъ достигнуть максимумъ возможной работы; вѣчно, работая такъ, женщины часто надрываютъ силы, и это, въ свою очередь, производитъ нервность, болѣзненность; но американской твердости духа ничто не въ состояніи сокрушить.

Республиканская идея равенства всегда была главнымъ факторомъ американской жизни и является одною изъ главныхъ причинъ здороваго роста страны, несмотря на вопіющія злоупотребленія въ высшихъ сферахъ и низкій уровень высшаго образованія въ странѣ. Заурядный адвокатъ, докторъ, сенаторъ здѣшній, часто является, по наивности своей, ребенкомъ въ сравненіи съ европейцами того же класса; но за то вступите въ разговоръ съ любымъ плотникомъ, кузнецомъ или другимъ рабочимъ, и вы удивитесь огромному запасу самаго разнообразнаго знанія, скопленному въ его головѣ: онъ только будетъ судить объ египетскихъ дѣлахъ, станетъ допытываться о социальномъ положеніи различныхъ классовъ въ Россіи, объяснитъ вамъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы англичанамъ развязаться съ ирландскимъ вопросомъ; что же касается до внутренней политики, то у него всегда есть готовое мнѣніе насчетъ каждаго изъ общественныхъ дѣятелей. И все это знаніе почерпывается рабочимъ исключительно изъ газетъ, которыя отличаются здѣсь своею полнотою и разнообразностью помѣщаемаго матеріала: каждая такая большая дневная газета даетъ не менѣе печатнаго матеріала, чѣмъ добрая часть любого изъ русскихъ «толстыхъ» журналовъ. Рабочіе же, живя въ болѣе или менѣе населенныхъ центрахъ, читаютъ всякій свою газету между дѣломъ, потомъ вечеромъ собираются и обсуждаютъ дневныя извѣстія за трубкою или сигарою въ сосѣдней лавкѣ. Въ особенности живы и остроумны бываютъ эти импровизированныя сборища въ періоды избирательные, которые, поистинѣ, служатъ лучшею школою развитія для американскаго гражданина. Женщины же, вращаясь въ тѣсномъ кругу своихъ домашнихъ заботъ, никакого участія въ общественныхъ интересахъ не принимаютъ. Большая диковинка—встрѣтить американку, которая бы принимала участіе въ вопросахъ, интересующихъ мужа внѣ сферы жизни домашней, которая бы знала о ходѣ мужнинныхъ дѣлъ, интересовалась бы ими, способна была, при случаѣ, подать ему совѣтъ или даже—подобно французенкамъ—успѣшно замѣнить мужчину въ руководствѣ торговымъ предпріятіемъ. Интеллектуальныя симпатіи супруговъ если и про-

являются, то на почвѣ отвлеченной: ихъ соединяють иногда общіе литературные вкусы, любовь къ музыкѣ, живописи и т. п. Практичные же, общественные интересы мужа отнюдь американку не интересуютъ. Здѣсь наблюдателю приходится присутствовать при странномъ зрѣлищѣ: не выходя изъ узкой своей рамки, женщина требуетъ отъ мужа полного и живого участія во всѣхъ своимъ интересамъ и помощи въ самыхъ специальныхъ женскихъ заботахъ. Такъ, напр., если заплачетъ ночью ребенокъ, — беретъ его изъ качалки и старается усыпить не мать, а отецъ; онъ же несетъ малыхъ дѣтей на рукахъ, если тѣ устанутъ на улицѣ; онъ же опять терпѣливо выслушиваетъ изю дня въ день всю длинную, обстоятельную устную лѣтопись жены о томъ, что происходитъ и что предполагается у ближайшихъ сосѣдей. Конечно, такое времяпрепровожденіе весьма мало интересуется и здѣшнихъ мужчинъ, но имъ какъ-то никогда и въ голову не приходитъ уклониться отъ исполненія и выслушванія этихъ мелочей. Причиною того, конечно, природное добродушіе и уступчивость, проявляющіяся въ сильныхъ и не испорченныхъ мужчинахъ всѣхъ странъ и народовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, такія отношенія къ женщинамъ по всей вѣроятности установились еще въ тѣ времена, когда малочисленность женщинъ въ штатахъ обуславливала особенно выгодныя для нихъ условія, которыя, по преданію, удержались и до сей поры, хотя въ восточныхъ и отчасти средних штатахъ женщинъ теперь не менѣе мужчинъ, а въ Нью-Йоркѣ приходится 615,785 женщинъ на 590,514 мужчинъ; въ Филадельфіи и Бруклинѣ также число женщинъ значительно превышаетъ число мужчинъ, а въ штатѣ Массачусетсѣ на двѣдцать 66,044 болѣе женщинъ, нежели мужчинъ, такъ что, въ сущности, прежнія условія соотношенія половъ уже не существуютъ.

Въ американской городской жизни встрѣчается рѣзкая особенность, бросающаяся въ глаза каждому прїѣзжему изъ Европы, а именно, огромное число семей, живущихъ въ отеляхъ и въ *boarding houses*, т. е. въ меблированныхъ комнатахъ, при общемъ столѣ, поставляемомъ хозяйкою. Бордингъ-гаузы обильно разсѣяны по всѣмъ большимъ городамъ, а въ центрѣ Нью-Йорка, напр., обнимающемъ на разстояніи трехъ-четырехъ миль все пространство города между двумя рѣками—*East River* и *North River*—три четверти всѣхъ домовъ заняты этими учрежденіями. Плата въ этихъ «пансіонахъ» бываетъ разная, смотря по положенію дома, числу занимаемыхъ комнатъ и мебелировкѣ; за столъ же берется отъ 3-хъ до 7-ми долларовъ въ недѣлю со взносомъ человека. Живутъ въ нихъ не только холостяки и люди

бессѣмейные, а часто женатые люди съ хорошимъ состояніемъ, жены которыхъ не желаютъ отягощать себя заботами о домашнемъ хозяйствѣ. Въ каждомъ респектабельномъ бордингъ-гаузѣ найдется по три, по четыре такихъ четы, перекочевывающія изъ дома въ домъ чуть не каждые полгода. Хозяйки подобныхъ убъжищъ дѣтей въ свои дома не принимаютъ — да ихъ и не бываетъ у тѣхъ лѣди, которыя боятся заботъ, связанныхъ со своимъ отгомъ. Большею частью въ бордингъ-гаузѣ являются четы молодыхъ людей, только-что женившихся и не имѣющихъ еще средствъ обзавестись своимъ домомъ и устроить его на той же ногѣ, какъ ведется то у родныхъ и знакомыхъ. Поселясь въ меблированномъ домѣ, мужъ съ восьми часовъ утра спѣшитъ въ свою контору или магазинъ въ нижней части города и возвращается домой лишь послѣ шести, къ позднему обѣду — измученный, голодный, усталый. Жена же, напротивъ того, не имѣетъ рѣшительно никакого занятія: встаетъ поздно, посвящаетъ по нѣсколькимъ часамъ на свой туалетъ, закусывается и отправляется «shopping» по магазинамъ; покупать, впрочемъ, ей рѣдко что приходится, а ходить она всю дня въ день по блестящимъ магазинамъ въ толпѣ другихъ себѣ подобныхъ лѣди, украшенныхъ золотыми цѣпями, брилліантами, браслетами; всѣ онѣ въ яркихъ цвѣтныхъ непремѣнно шелковыхъ или бархатныхъ туалетахъ, если же и появляются въ черномъ, то платье ихъ сплошь бываетъ покрыто чернымъ и цвѣтнымъ стеклярусомъ, ослѣпляющимъ глаза; многи изъ этихъ лѣди очевидно крѣпко еще держатся древняго женскаго принципа касательно того что «c'est glorifier Dieu que d'embellir son oeuvre»; къ сожалѣнію надо замѣтить, что провинціальныя американки — въ особенности въ среднихъ и западныхъ штатахъ — далеко не обладаютъ даромъ своихъ нью-йоркскихъ сестеръ, не умѣютъ «прославлять Создателя» въ украшеніи своей особы, не впадая въ крайности: штукатуруются онѣ и румянятся безъ всякаго милосердія и, что хуже того, часто безъ всякой необходимости. Миѣ сплошь и рядомъ приходилось въ Огайо, Мичиганѣ и Индіанѣ встрѣчать семнадцати-двадцати-лѣтнихъ красивыхъ женщинъ, гримированныхъ до неузнаваемости. Въ особенности непріятно поражаютъ тѣ оригиналки, которыя употребляютъ бѣлыя безъ румянъ, чтобъ подвести себя подъ категорію «модныхъ», болѣзненныхъ женщинъ. Нездоровая пища, нерегулярность жизни и занятій сами по себѣ уже вредно отягчаютъ на здоровьѣ женщинъ; недостатокъ моціона также дѣлаетъ свое дѣло, такъ какъ американки не допускаютъ возможности того, чтобъ его гулялъ для здоровья, и ни одну изъ нихъ нельзя встрѣтить пѣшившею

хотя въ верстѣ отъ дома: пѣшкомъ ходить—нереспектабельно—это признакъ бѣдности, такъ какъ въ провинціи почти у каждаго свои «видлу» и лошади, а до магазиновъ лѣди можеть дойти и на коней желѣзной дороги. Верховая ѣзда, плаванье, крокетъ, lawn-tennis и другія полезныя развлечения здѣсь со-всѣмъ не популярны; во всему этому примѣшивается въ концѣ концовъ и мѣстная мода, постановляющая, что порядочная женщина должна быть болѣзненна и питаться разными патентованными лекарствами. Доктора мнѣ передавали, что среди западныхъ женщинъ чрезвычайно развиты болѣзни легкихъ, единственно благодаря обычаю ихъ по цѣлымъ днямъ жевать какой-то составъ для бѣлизны зубовъ. Составъ этотъ, однако, и на зубы плохо, вѣроятно, въ концѣ-концовъ дѣйствуетъ, такъ какъ большинство американокъ до сорока лѣтъ прибѣгаетъ къ вставнымъ зубамъ.

Не послѣднюю особенность въ американкѣ составляетъ ея гулетъ, который заслуживаетъ самъ по себѣ нѣсколькихъ специальныхъ словъ. Конечно, въ среднихъ и западныхъ штатахъ сплошь и рядомъ встрѣчались вопіющія комбинаціи матерій и цвѣтовъ, допотопные кринолины и проч. Но лишь только американка вмѣетъ случай хоть однимъ глазомъ взглянуть на парижскую манеру одѣваться—она постигаетъ ее до тонкостей въ самомъ скоромъ времени. Вкуса природнаго у американки весьма много, и онъ скоро совершенствуется; но при всемъ томъ, у нихъ всегда остается страсть одѣваться эффектно. За границей и въ Нью-Йоркѣ эта эффектность хорошо рассчитана—но, въ общей сложности, слишкомъ однообразна. Рѣдкая американка сознаетъ, напримѣръ, необходимость удобнаго дорожнаго костюма. Обыкновенно, сколько платьевъ себѣ американка ни дѣлаетъ, она всегда добивается того, чтобы платье на ней было изъ тяжелой, непременно шелковой матеріи, съ роскошной, блестящей отделкой, и чтобы сидѣло оно на ней какъ вылитое. Впервые это новое платье пускается на визиты, на гулянье по магазинамъ и переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ; затѣмъ, пообносившись, тотъ же элегантный костюмъ дѣлается платьемъ—*second best*, носится дома; наконецъ, по мѣрѣ того, какъ у него продираются локти и швы—то же платье служитъ утреннимъ *négligé* американской лѣди. Конечно, богатая американка съ продранными локтями не ходитъ; но большинству зажиточныхъ гражданокъ—это ничуть не въ диковинку. Жаль смотрѣть на этихъ затнутыхъ въ рюмочку, завѣтыхъ, убранныхъ лѣди въ вагонахъ, и поневолѣ начинаешь себя, при видѣ ихъ, спрашивать: неужели же

у нихъ не хватаетъ разума на то, чтобы хотя по временамъ доставлять себѣ нѣкоторый комфортъ въ туалетѣ. Зная по опыту, какъ невыносимъ покроемъ выѣздныхъ женскихъ платьевъ въ путешествіи, напримѣръ, я долго добивалась того, зачѣмъ американки себя добровольно истязаютъ. Двухлѣтнее постоянное соприкосновеніе съ американскими воззрѣніями на вещи открыло мнѣ, наконецъ, глаза и въ этомъ отношеніи. Являясь, такимъ образомъ, послушною рабою дурно понятой моды, американка проявляетъ не только самоотверженіе, но самую высокую семейную добродѣтель. Одѣваясь вѣчно на показъ, она тѣмъ помогаетъ мужу. Американцы привыкли судить о состояніи мужчины, главнымъ образомъ по тому, что онъ тратитъ, какъ одѣвается и во что ему обходится его жена. Для дѣловаго же торговца или для спекулятора—малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что онъ не богатъ, часто является предвѣстіемъ банкротства. Вслѣдствіе того, хотя самъ американецъ—будь онъ богатъ какъ Maskey, Flood Vanderbilt или O'Brien—частехонько явится передъ вами чуть не въ рубищѣ, за то жена и дочь его будутъ выставять на себѣ богатѣйшія комбинаціи шелковъ и брилліантовъ—туалеты, стоимость которыхъ не подлежитъ сомнѣнію для каждаго даже и не посвященнаго въ тайны туалета—простолюдина.

Яркіе туалеты—въ западныхъ штатахъ даже часто безъ всякаго наружнаго признака бѣлья—косметики, живописныя шляпы, булки, блестящія бездѣлушки, щегольскія ботинки—все это дѣлаетъ американку поразительно красивою на улицѣ и упрочиваетъ за нею репутацію одной изъ самыхъ привлекательныхъ женщинъ на свѣтѣ. Нельзя того, конечно, отвергать, что здѣсь весьма часто встрѣчаются женскія лица съ безупречными, будто выточенными, профилями, съ чудными глазами, выразительными лицами; молодыя американки всѣ привлекаютъ своею живостью, когда не впадаютъ въ жеманство, но все же, въ общей сложности, надо сказать, что онѣ не выдерживаютъ сравненія съ красивыми англичанками, ирландками или венгерками, и къ тому же между ними положительная рѣдкость встрѣтить женщину стройную, граціозную или хорошо сложенную. Женщины пожилыя, въ свою очередь, странно поражаютъ наблюдателя выраженіемъ своихъ лицъ, ничѣмъ не отличающимся отъ выраженія лицъ двадцатилѣтнихъ женщинъ: на нихъ вамъ едва ли удастся прослѣдить какой слѣдъ пережитаго, какую черту, указывающую на прошлыя страданія; вамъ, конечно, встрѣчаются лица морщинистыя, волоса сѣдые, вы легко намѣтите, пожалуй, слѣды тяжкаго привычнаго труда—но отпечатковъ нравственныхъ испытаній, воз-

мѣнно вкрадывающихся въ жизнь всѣхъ, даже наиболѣе счастливыхъ женщинъ, вы на лицѣ американской пожилой женщины едва ли найдете: оно въ этомъ отношеніи представляетъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенный бланкъ. Многие европейцы сознавались мнѣ, что американки чрезвычайно привлекательны, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ общество какъ-то утомительно, — хотя онѣ весьма рѣдко могутъ надоесть: европеецъ можетъ ими увлечься, но привыкнуть къ нимъ не можетъ. На меня же, какъ на женщину и потому менѣе «лицеприятнаго судію», американки неизмѣнно производятъ впечатлѣніе тропическихъ птицъ, — съ ихъ блестящимъ «плюмажемъ»; къ тому же, у большинства американокъ голосъ чрезвычайно рѣзокъ и крикливъ; это приписывается дѣйствию климата и устраняется лишь долгимъ упорнымъ трудомъ и наблюденіемъ надъ собой.

Возвращаясь ко временипрепровожденію прекрасныхъ обитательницъ «бордингъ-гаузовъ», надо сказать, что хожденіемъ по магазинамъ вполнѣ исчерпывается кодексъ ихъ повседневныхъ занятій; рѣдко просидитъ которая изъ нихъ въ четырехъ стѣнахъ, наблюдая за портнихой, призванной работать на домъ; въ случаѣ погоды, рѣшительно неблагоприятной для перехода изъ магазина въ магазинъ, леди направляются сплошною толпою на утреннія представленія, которыя даются въ большинствѣ американскихъ театровъ. Эстетическаго наслажденія на этихъ представленіяхъ никто и не ищетъ, такъ какъ классическія пьесы Шекспира однѣ только могутъ въ Нью-Йоркѣ доставить то, а таковыя даются лишь иногда въ одномъ-двухъ театрахъ и посѣщаются исключительно и сравнительно малочисленною публикою. Во всѣхъ остальныхъ театрахъ столицы, которыхъ насчитывается болѣе дюжины, — даются разные пустые фарсы, арлекинады, мелодрамы и плохія передѣлки съ французскихъ легенькихъ пьесъ и водевилей. Напрасны будутъ усилія иностранца изучить національные типы и нравы по народному театру: американская жизнь на американскомъ театрѣ почти совсѣмъ не воспроизводится, равно какъ и не проявляется почти ея дѣйствіе въ американской беллетристикѣ; здѣшніе романисты точно будто сознаютъ неустойчивость почвы, на которой развивается общественная жизнь, видимо не находятъ цѣльныхъ типовъ и драматичныхъ положеній въ практичной, чисто-американской средѣ, и потому, въ восьми случаяхъ изъ десяти, развиваютъ въ Европѣ дѣйствіе романа, завязаннаго въ Америкѣ, или же весь талантъ свой — какъ дѣлаетъ то одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ здѣшнихъ романистовъ, Henry Damesir — полагаютъ на сопоставленіе амери-

канцевъ, путешествующихъ по Европѣ, съ туземными жителями, развивая всѣ характеры на канвѣ вѣчнаго антагонизма европейскіхъ предрасудковъ съ американскою простотою сообщеній и нравовъ. Какъ бы, однако, неудовлетворительны ни были пьесы даваемые на американскихъ театрахъ для публики, требующей отъ театра нѣчто болѣе простой забавы и способа пріятно убить два-три часа времени, игра актеровъ настолько хороша, что позволяетъ охотно смотрѣть на самыя пошлыя пьесы, въ особенности когда попривыкнешь къ извѣстной утрировке характеровъ и частому «подчеркиванію» сентенцій, до которыхъ, за не многими исключеніями, такъ охочи даже наилучшіе американскіе артисты. Во всякомъ случаѣ прекрасныя обитательницы бординггаузовъ проводятъ время на утреннихъ представленіяхъ съ полнымъ для себя наслажденіемъ и безъ всякаго утомленія, такъ что послѣ молчаливо проглоченнаго—именно проглоченнаго, а не съѣденнаго—обѣда онѣ снова готовятся уходить изъ дома въ сопровожденіи мужей, которые ихъ ведутъ на митинги, выставки, въ концерты или снова въ театръ. Книга—хотя бы самый пустой романъ—въ рукахъ этихъ лэди зимою почти никогда не встрѣчается; да и вообще заурядныя американскія женщины почитываютъ лишь тогда, когда находятся внѣ своей обычной сферы—переносятся къ постели больного родственника, переѣзжаютъ на морской берегъ или на модныя воды; за то поистинѣ изумительна способность американскихъ женщинъ сидѣть по цѣлымъ часамъ на своемъ «gossiping-chair», покачиваясь и не дѣлая ровно ничего—иногда даже и не имѣя никого съ кѣмъ бы словомъ перекинуться. Есть, конечно, и здѣсь многочисленный классъ женщинъ, одержимыхъ страстью воспроизводить ни на что непохожіе рисунки, безобразныя книжныя замѣтки, и другія никому ненужныя бездѣлушки; ни одинъ раблор на фермѣ не обходится безъ спичечницъ изъ papier riqué на стѣнѣ, съ зажигательной бумагой на оборотѣ и остроумною надписью: scratch my back ¹⁾; тутъ же по сосѣдству со спичечницей неизмѣнно вывѣшена изъ того же papier riqué сумка на стѣнѣ, въ которую вложена платаная щетка и на которой красуется вышитое цвѣтнымъ шелкомъ наставленіе: «brush your clothes» ²⁾; не пройдетъ вы изъ конца въ конецъ заурядной комнаты въ американскомъ домѣ, чтобъ не зацѣпиться за какія другія вычурныя издѣлія изъ картона и бумаги, свѣшенныя съ потолка,

¹⁾ Почешите мнѣ спину.

²⁾ Почистите ваше платье.

будто для украшенія, въ сущности же на утѣху мухъ и пауковъ; но всѣ эти уродливыя вещи воспроизводятся разъ на десять лѣтъ, оберегаются хозяйкой пуше зеницы ока, и потому у нея и ея дочерей все же остается за работой досугъ на то, чтобы предаваться «*dolce far niente*» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда англичанка, французенка или русская женщина того же приблизительно класса готова убить время бисевитомъ при рюмѣхъ хереса, нескончаемую «*tapisserie*» или, наконецъ, еще болѣе вульгарной папирасой.

При всемъ примитивномъ отношеніи заурядной американки къ людямъ и требованіямъ жизни, поистинѣ изумителенъ ея тактъ и извѣстная свѣтская полировка. Типа цѣльныхъ, своеобразныхъ женскихъ натуръ, стойкихъ въ сознаніи своей работы, какъ бы то криво ни перетолковывалось фарисееобразными ближними,—того смѣлаго, граціознаго, благороднаго типа дѣвушекъ, какой еще выводится нѣкоторыми американскими романистами, мнѣ не посчастливилось здѣсь встрѣчать, а по увѣренію здѣшнихъ литературныхъ критиковъ, типъ этотъ и не существуетъ въ жизни дѣйствительной; за то каждая американка, хотя бы съ самаго дальняго поселенія, можетъ съ успѣхомъ фигурировать въ любой гостиной, гдѣ мужъ ея и повернуться не сзумѣть. Американка всегда найдетъ предметъ для приличнаго и ни къ чему не обязывающаго разговора, никогда, при всей своей живости, не задѣваетъ чужихъ предразсудковъ: напротивъ того, она, въ заурядномъ разговорѣ, не затрогивающемъ ея чисто-индивидуальныхъ интересовъ, какъ-то слишкомъ уступчива, мягка и даже однообразна въ стараніяхъ своихъ подладиться подъ тонъ собесѣдника; при поверхностномъ знакомствѣ она почти безупречна—не допускаетъ себя ни до рѣзкихъ движеній, ни до громкаго хохота: никогда не преминетъ сказать что-нибудь приятное, вставить умѣстное пожеланіе, отвѣтить комплиментомъ на привѣтствіе. Не слѣдуетъ забывать, что все это является въ американкѣ совершенно импульсивно, безъ всякой воспитательной дрессировки; конечно, и въ этомъ отношеніи онѣ не избѣгаютъ нѣкоторыхъ неловкостей, представляющихся странными для европейскаго глаза; такъ, напримѣръ, будучи разъ на вечерѣ у одного извѣстнаго нью-іорскаго доктора, я была не мало удивлена, вида, какъ сынъ хозяйки, человекъ лѣтъ тридцати, проходя по залѣ, обратился съ какимъ-то замѣчаніемъ къ лѣди, сидѣвшей у стѣны; та же немедленно встала передъ нимъ, продолжала разговоръ стоя, и сѣла лишь послѣ того, какъ тотъ двинулся дальше.

Мнѣ уже выше приходилось говорить о томъ, какъ свободно пользуются мужчины въ домашней жизни услугами женщинъ, и какъ, въ свою очередь, помогаютъ своимъ женамъ въ такихъ заботахъ, которыя въ Старомъ Свѣтѣ почитаются стоящими внѣ сферы мужчинъ, возстановляя такимъ образомъ извѣстное равновѣсіе въ обоюдныхъ сношеніяхъ. Что касается до условныхъ внѣшнихъ формъ вѣжливости, присвоенныхъ всѣми цивилизованными націями, здѣсь замѣчается странная сбивчивость. Во время частыхъ переѣздовъ по городу на «конкахъ» и по воздушной желѣзной дорогѣ, мнѣ часто приходилось видѣть, какъ спокойно сидятъ на своихъ мѣстахъ мужчины, предоставляя женщинамъ стоя выжидать, пока очистится для нихъ мѣсто: надо замѣтить, что американцы впускаютъ въ omnibusы и вагоны публику безъ счета, сколько войдетъ. Заинтересованная этимъ обстоятельствомъ, я часто, скучая длинными переѣздами, принималась наблюдать, не дѣлаютъ ли мужчины исключенія для женщинъ молодыхъ и красивыхъ, но убѣдилась, что и эти послѣднія никакими льготами въ отношеніи уступки мѣста не пользуются. Помнится, пришлось и мнѣ какъ-то войти въ вагонъ воздушной желѣзной дороги, биткомъ набитый стоящимъ народомъ; протиснуться внутрь не было никакой возможности; день былъ сырой, мартовскій, всѣ окна были заперты, такъ какъ американцы воздуха боятся какъ огня, и духота стояла въ вагонѣ невыносимая. Я остановилась въ дверяхъ и прислонилась ко входу такъ, чтобы подышать воздухомъ хотя черезъ головы стоящихъ на площадкѣ людей; не успѣла я оглядѣться, какъ стоящій рядомъ со мною здоровый, изящно одѣтый и нафабранный господинъ, съ пучкомъ звонкихъ брелочковъ на жилетѣ, попросилъ меня чистымъ нью-іоркскимъ языкомъ посторониться, чтобы дать запереть дверь. Я ему отвѣчала, что дверь затворять не желаю, такъ какъ иначе въ вагонѣ придется задохнуться. «But I w'ont stand in the draft!»¹⁾ воскликнулъ онъ и взялся за дверь такъ рѣшительно, что мнѣ пришлось немедля ему уступить.

Въ нью-іоркской печати періодично возникаетъ яростная полемика по поводу невѣжливости мужчинъ въ вагонахъ, причемъ обличители ихъ утверждаютъ, что мужчина лишь тогда уступаетъ женщинамъ мѣсто, когда оно ему самому не нужно, и считаетъ своею привилегіей обращаться съ пріятною улыбкою къ дамъ, простоявшей передъ нимъ съ полчаса, и предложить ей свое мѣсто, подѣвжая къ той станціи, гдѣ ему самому при-

¹⁾ Но я не хочу стоять на сквозномъ вѣтру!

ходитя выходить. Надо сознаться, что сама я мало сочувствовала этимъ обличителямъ мужчинъ и не могла бы въ душѣ не извинить усталого клерка, который, простоявъ цѣлый день на ногахъ за прилавкомъ, не рѣшается уступить своего мѣста дамѣ, проведеншей день какъ мотылекъ, порхая, если и не по цвѣтамъ, то по магазинамъ, ради собственнаго своего удовольствія. Собственный опытъ въ этомъ отношеніи скоро, однако, освѣтилъ для меня это дѣло съ другой стороны. Какъ-то весною пришлось мнѣ часу въ девятомъ вечера возвращаться въ городъ съ «Coney Island», куда стекаются толпы празднаго городского люда съ тѣмъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. На пароходъ мы прибыли поздно, всѣ мѣста были заняты, и господинъ, сопровождавшій меня, не могъ на всемъ пароходѣ найти для меня стула. Постоявъ немного среди комфортабельно расположившихся на палубѣ нарядныхъ группъ, я стала присматриваться, не освободится ли гдѣ мѣсто; немного спустя я замѣтила, что въ сторонѣ сидятъ трое среднихъ лѣтъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ поднялся со стула и сѣлъ на балюстраду. Не желая терять такого удобнаго случая, я обратилась къ нему съ вопросомъ, свободенъ ли стоящій передъ нимъ стулъ, на что онъ съ великою поспѣшностью отвѣчалъ, что нѣтъ—и тотчасъ же его занялъ. Спустя нѣкоторое время, я увидѣла, что господинъ этотъ снова всталъ, опрокинулъ стулъ, далъ своимъ пріятелямъ инструкціи насчетъ того, чтобы сберечь его мѣсто, и ушелъ внизъ. Испушеніе было для меня слишкѣмъ велико, чтобы имъ не воспользоваться и не покончить тѣмъ стараго спора съ сопровождавшимъ меня соотечественникомъ, который въ теченіе всей зимы увѣрялъ меня, что я ошибаюсь, почитая нью-іоркцевъ людьми не особенно вѣжливыми. Близкое сосѣдство съ интересовавшею меня группою дало мнѣ возможность передъ тѣмъ уловить отрывки ихъ разговора о желѣзно-дорожныхъ акціяхъ и европейской политикѣ, изъ чего я заключила, что они люди достаточные, съ нѣкоторымъ образованіемъ,—это придавало мнѣ смѣлости, и я, поручивъ своему спутнику слѣдовать за мною, подошла къ вышеупомянутымъ двумъ американцамъ и молча взялась за стулъ ихъ ушедшаго пріятеля, чтобы передвинуть его для себя.—«Этотъ стулъ занятъ, сударыня», остановилъ меня господинъ № 1.—«Занятъ—дамоу?»—спросила я. Но прямого отвѣта на это не воспослѣдовало.—«Если этотъ стулъ принадлежитъ лэди», говорю я, «то я его ей возвращаю, лишь только она вернется».—«Извините, сударыня, этотъ стулъ занятъ джентльменомъ, и мы взяли его беречь для него». Но если вашъ пріятель «джентльменъ», то онъ, конечно,

не скажеть ничего противъ того, чтобы уступить свой стулъ женщнѣ»... Оба стали горячо протестовать и вѣрпко схватились за стулъ, точно боясь, что я его возьму силою. Видя, что они мнѣ не уступятъ, и чувствуя на себѣ бдительное око соотечественника, я ни мало не смутилась, тѣмъ болѣе, что вполнѣ увѣрена была въ исходѣ дѣла и заранѣе приготовила для нихъ маленькую рѣчь. «Господа», обратилась я къ нимъ: «не уступая мнѣ стула, вы, однако же, вѣроятно, не откажетесь сообщить мнѣ одну вещь, очень интересную мнѣ, какъ иностранцѣ, путешествующей по странѣ: скажите пожалуйста, вы нью-іорцы или нѣтъ?— «Никакъ нѣтъ, я въ Нью-Іорѣ не живу...» отвѣчалъ господинъ № 1-й, тогда какъ № 2-й вдругъ какъ-то вострепнулся и заявилъ, что готовъ уступить мнѣ свой стулъ, «если я того потребую»; на отказъ мой сгонять его съ мѣста, онъ слѣшно принялся меня увѣрять въ томъ, что его собственная респектабельность не подлежитъ никакому сомнѣнію, и если я того пожелаю, онъ готовъ мнѣ доставить сколько угодно «references» касательно своей личности и общественнаго положенія.— «Нѣтъ, это лишнее», отвѣчала я: «мнѣ требовалось только узнать, къ какой части Союза васъ причислить, такъ какъ я много слышала о вѣжливости американскихъ мужчинъ и желала узнать отъ васъ самихъ, откуда берутся исключенія». Съ этою давно у меня готовою фразою я ихъ оставила и вернулась, торжествующая, къ соотечественнику, который, наконецъ, принужденъ былъ сознаться, что какъ и всегда, была права я, а не онъ. Къ не малому моему удовольствію въ этому времени вернулся господинъ № 3; товарищи встрѣтили его возбужденнымъ шопотомъ и съ видимымъ волненіемъ передавали о томъ, чего имъ стоило уберечь для него стулъ. Спусти нѣсколько минутъ одинъ изъ нихъ всталъ, подаль мнѣ стулъ и вернулся на свое мѣсто: откуда вьалъ онъ этотъ стулъ, для меня покрыто мракомъ неизвѣстности, такъ какъ каждый изъ нихъ оказался сидящимъ по прежнему, на своемъ мѣстѣ, и мнѣ оставалось предположить, что тотъ и другой изъ нихъ, въ погонѣ за добавочнымъ комфортомъ, сидѣлъ все время разомъ на двухъ стульяхъ, не желая уступить мнѣ ни одного. Въ ту минуту мнѣ, однако, было не до догадокъ, и я съ душевною признательностью приняла стулъ, такъ какъ устала до крайности, а мнѣ приходилось еще поддерживать соннаго семилѣтнаго сына, положительно валившася съ ногъ. Между тѣмъ въ подтвержденіе евангельской притчи о бревнѣ въ глазу, и теперь у меня подъ руками бостонскій органъ партіи женскаго голосованія, Woman's Journal, въ кото-

ромъ какой-то новѣйшій фарисей возносить хвалы Создателю за то, что американцы не таковы какъ французы, и громить этихъ послѣднихъ въ статьѣ, озаглавленной: «French disrespect for Women». Что же? Блаженъ кто вѣруеть — тепло тому на свѣтѣ.

Обычай селиться въ меблированныхъ комнатахъ имѣеть, конечно, большія преимущества для того большого числа американцевъ, которое мѣняетъ свои профессіи чуть ли не каждый годъ, перекочевывая изъ одного конца Союза въ другой, наживаясь на одной операціи и разоряясь на другой; точно также удобенъ этотъ обычай и для иностранцевъ, утомленныхъ отелною жизнью, такъ какъ во всякомъ городѣ извѣстная часть бордингъ-гаузовъ отличается своею респектабельностью; но все же нельзя не подивиться огромному проценту мѣстныхъ женатыхъ людей, которые десятками лѣтъ живутъ въ меблированныхъ комнатахъ безъ всякой нужды, такъ какъ занятій своихъ не мѣняютъ. Молодой женщинѣ, попадающей въ подобныя условія жизни тотчасъ по замужествѣ, рѣдко удается устоять противъ губительнаго вліянія продолжительнаго бездѣйствія, которое ей предстоитъ. Какъ ни сильна ея привязанность къ мужу, отсутствіе общихъ интересовъ скоро охлаждаетъ и интересъ ихъ другъ къ другу; вѣчное свитанье по магазинамъ и соприкосновеніе со столичною роскошью развиваетъ въ молодой женщинѣ недовольство своимъ положеніемъ, вызываетъ въ ней неодолимое стремленіе блеснуть въ свѣтѣ въ свою очередь; свобода жизни бордингъ-гаузовъ сближаетъ ее часто съ личностями вполне приличной вѣшности, но болѣе чѣмъ сомнительныхъ antecedentovъ, которыя указываютъ ей средства къ достиженію желаемого — и болѣе половины браковъ, заключенныхъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, кончается разводомъ, если не хуже того — единственно изъ-за того, что молодая чета избрала своимъ мѣстопребываніемъ бордингъ-гаузъ. Отклоненіе отъ прямого пути тѣмъ болѣе легко для молодой женщины въ Нью-Йоркѣ, что тамъ, по выраженію самихъ американцевъ, «there are no questions asked»; прошлое новой «сезонной кометы» мало кого интересуеть, и всѣ двери для нея открыты, если она обладаетъ извѣстнымъ тактомъ, тратить деньги безъ счета и имѣеть, для вида, покровителя, выдаваемого за мужа. Конечно, и въ Нью-Йоркѣ существуетъ маленькій кружокъ семей, не допускающихъ сомнительныхъ «свѣтилъ» въ свою среду; но при общемъ водоворотѣ столичной жизни и извѣстной слабости общественныхъ связей между американскими семьями, исключительные кружки людей, гордящихся своею «blue blood», или природнымъ аристократизмомъ, очень малы, неустой-

чивы и притомъ до того педантичны и скучны, что ни одно «свѣтило» въ ихъ среду и не стремится, прекрасно зная, что стоитъ ему самому продержаться сезона два на поверхности столичныхъ слоевъ, и проявить въ свою очередь претензію на разборчивость въ новыхъ знакомыхъ—репутація его будетъ установлена и положеніе его упрочится не хуже того, какое занимали тѣ семьи, которыя въ началѣ отклоняли всякое съ нимъ знакомство, тогда какъ эти послѣднія, упуская практическія выгоды изъ-за вѣчнаго созерцанія собственной респектабельности, незамѣтно стушевываются, впадаютъ въ неизвѣстность, уступая мѣсто новымъ людямъ, возвысившимся при новыхъ условіяхъ жизни.

Это волнообразное движеніе въ американскихъ общественныхъ сферахъ идетъ непрерывно, вызываетъ насущную необходимость практичной смышленности, не даетъ людямъ возможности уйти въ себя, сосредоточиться—всѣ точно инстинктивно чувствуютъ неустойчивость почвы подъ собою, стараются лишь о томъ, чтобы поддержать себя въ сферѣ посредственности, вѣчно опасаясь быть затертыми и не имѣя времени на то, чтобы опередить другихъ, забывая хотя на время о настоящемъ днѣ.

Женщинѣ борьба эта дается еще тяжелѣе, чѣмъ мужчинѣ; сознаніе недостатка физической силы и выносливости, необходимыхъ для успѣшнаго соревнованія, рано научаеъ ее искать обходныхъ путей въ желанному возвышенію, вырабатываетъ, въ ней мелочную смышленность, вызываетъ вѣчное напряженіе нервовъ, доводящее ее до болѣзненности и ранней старости. Тѣ же исключительныя женскія натуры, что въ молодости обладаютъ даромъ яснаго познанія своихъ силъ и требованій—идутъ быстро впередъ, рано выбираютъ себѣ дѣятельность, достигаютъ пороку блестящихъ результатовъ, но опять таки, увлекаемы излишнимъ рвеніемъ, спѣша все впередъ и впередъ, надламываютъ свои силы, разстраиваютъ нервную систему и вынуждены бываютъ уступить мѣсто новымъ, неопытнымъ дѣятельницамъ, готовымъ прилагать къ жизни новые эксперименты. Но будучи хотя на время перенесены въ сферу, стоящую въ сторонѣ отъ этой арены вѣчныхъ состязаній, будучи поставлены въ возможность спокойно одуматься и оглядѣться, американки проявляютъ замѣчательный умъ и таланты. Вслѣдствіе этого и случается въ Европѣ встрѣчать такія привлекательныя, живыя и сильныя натуры среди проживающихъ тамъ подолгу интеллигентныхъ американскихъ женщинъ; онѣ точно распускаются, расцвѣтаютъ подъ вліяніемъ освѣщенной преданіемъ устойчивости европейской жизни; врожденный большинству американокъ здравый смыслъ и наблюда-

тельность служить имъ великую службу, онѣ быстро, точно нанимемъ какимъ, постигаютъ всѣ тонкости европейскихъ условій жизни, сравниваютъ, выводятъ свои заключенія и возвращаются сюда съ сознательною привязанностью къ учрежденіямъ своего отечества, съ новыми силами, съ новыми идеями, и достигаютъ впоследствии такой высоты, на которую рѣдко восходятъ женщины, не бывшія за предѣлами штатовъ и не обрѣтшія во всю жизнь свою возможности спокойно пробѣрить свои силы и развить на просторѣ лучшіе свои таланты.

Заканчивая этотъ, по необходимости, неполный очеркъ жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, я должна оговориться на счетъ того, что въ бѣгломъ разсказѣ своемъ я старалась, по мѣрѣ возможности, останавливаться лишь на чертахъ характера, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ американцамъ. Если же взять въ отдѣльности любую жительницу Нью-Йорка и поставить ее рядомъ со вѣсившею научной премудрости бостонкой, съ напыщенной филадельфійкой, красивой балтиморкой и живой, изящной южанкой—въ нихъ столь же мало найдется общаго, сколько и въ городахъ, откуда онѣ происходятъ. Бостонцевъ—этихъ обитателей «новѣйшихъ Аѳинъ»—англичане даже къ американцамъ и не причисляютъ, сплошь и рядомъ употребляя, напр., такое выраженіе: «the Americans and the Bostonians»¹⁾, и положительно считаютъ бостонцевъ болѣе родственными себѣ людьми. Ни въ чемъ, впрочемъ, такъ рельефно не выражаются эксцентричныя особенности обитателей различныхъ «центровъ» Союза (а здѣсь каждый городъ почитаетъ себя «центромъ» интеллектуальнымъ или музыкальнымъ, или еще какимъ, смотря по тенденціямъ своимъ), какъ въ первомъ вопросѣ, который имъ приходится на умъ касательно таковъ или иначе заинтересовавшаго ихъ незнакомца. При такомъ случаѣ у нью-йоркаца какъ-то самъ собою срывается вопросъ: «How much he is worth?»²⁾,—тогда какъ бостонецъ озабоченно освѣдомится: «Where did he graduate?»³⁾—а филадельфіецъ или южанинъ непременно поспѣшитъ узнать фамилію новаго человѣка и спроситъ: «Who was his grandfather?»⁴⁾ Послѣдній вопросъ, пожалуй, представится европейцу неправдоподобнымъ въ устахъ гражданина республики, не признающей сословныхъ различій. Но, что сравнительно древнему происхож-

¹⁾ Американцы и бостонцы.

²⁾ Какое у него состояніе?

³⁾ Гдѣ онъ кончилъ курсъ?

⁴⁾ Кто былъ его дѣдъ?

денію въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Штатовъ придается не мало вѣсу—это фактъ неопровержимый. Чтобъ быть *къмъ-нибудь* въ обществѣ Филадельфіи, надо происходить изъ семьи, поселившейся здѣсь до объявленія независимости; въ Калифорніи аристократизмомъ своимъ люди кичатся, утверждая, что они поселились тамъ до 48-го года. Лишь только американецъ мало-мальски возвышается надъ уровнемъ своихъ ближнихъ—онъ немедленно присвоиваетъ себѣ какой-нибудь звонкій титулъ; всѣ друзья начинаютъ величать его генераломъ или полковникомъ, если онъ когда бывалъ въ арміи, и профессоромъ или докторомъ, если только нога его когда ступала въ предѣлы какой коллегіи. Этой именно маленькой слабости своей къ громкимъ титуламъ американцы обязаны быстрымъ размноженіемъ тѣхъ забавныхъ анекдотовъ, которые ходятъ въ Европѣ на счетъ ихъ погони за титулованными мужьями для своихъ наслѣдницъ-дочерей. Хотя страсть выходить замужъ за титулованныхъ иностранцевъ до сей поры держится среди дѣвушекъ многихъ изъ тѣхъ американскихъ семей, которыя недавно разбогатѣли,—однако, теперь эта мода значительно ослабѣваетъ, такъ какъ смѣшанные браки американокъ съ европейцами весьма рѣдко, какъ увѣряютъ, ведутъ къ семейному счастью. Если это послѣднее утвержденіе вѣрно, то въ томъ, конечно, виновны не однѣ американки, выходящія за европейцевъ, ради ихъ титула, а скорѣе ихъ мужья, не желающіе порою доискаться дѣйствительныхъ достоинствъ молодыхъ женъ подъ фривольною, подчасъ утрированную, внѣшностью этихъ послѣднихъ. Насколько мое знакомство съ американками даетъ мнѣ право высказаться—я всегда готова сказать, что каковы бы ни были ихъ несродныя намъ особенности—живется среди нихъ легко и свободно, въ особенности, когда не ищешь слишкомъ интимнаго сближенія, а довольствуешься любезными словами и мелкими услугами, на которыя прекрасныя американки удивительно щедры.

В. МАЕЪ-ГАХАНЪ.

„ВЪ ХУДЫХЪ ДУШАХЪ“...

РАЗСКАЗЪ

Люди и нравы въ Зауральѣ.

I.

— Вотъ тебѣ и Шерама... — проговорилъ мой возница, тывая кнутовищемъ по направленію блеснувшей изъ-за пригорка степной рѣчки Уразаевки. — Какъ на ладонкѣ...

Шерама, село дворовъ въ полтораста, красиво облѣпило бревенчатыми избами холмистый берегъ Уразаевки. Издали можно было залюбоваться имъ. Такихъ селъ въ Зауральѣ попадаетъ очень много. Одно только портило картину: насколько хваталъ глазъ, ковровъ разстилались все поля и поля, и нигдѣ не было даже клочка лѣса. А прежде, лѣтъ полтораста назадъ, судя по преданіямъ, вдоль береговъ Уразаевки, красовались вѣковые бора, — и аборигены Шерамы, башкиры, отпочковывали на лѣтнія тебеневки далеко, въ Ишимскую степь. Даже пней не осталось отъ этихъ боровъ, все выжгли уральскіе заводчики, имъ усердно помогали и сами крестьяне. Русскій человѣкъ цѣнить лѣсъ только тогда, когда его изведетъ до послѣдняго дерева. Впрочемъ, шераминскіе мужики не особенно тужать объ исчезнувшихъ лѣсахъ, потому что на мѣстѣ этихъ лѣсовъ теперь зеленѣютъ безконечныя хлѣбныя поля, сѣновосы, и только часть остается подъ пустошами, куда выгоняютъ скотъ. Исторія этихъ исчезнувшихъ въ Зауральѣ лѣсовъ живо напоминаетъ исторію прежнихъ обитателей этого благословеннаго края, башкиръ; послѣдніе давно уже вытѣснены изъ лучшихъ мѣстъ русскимъ населеніемъ. Отъ башкиръ остались во многихъ мѣстахъ только одни назва-

нія. Такъ, рѣчка Уразаевка и село Шерама—несомнѣнно названія башкирскія, хотя въ Шерамѣ не найдете ни одного башкира, какъ и по всему теченію Уразаевки. Здѣсь плотно и крѣпко осѣло русское населеніе, и между бывшими башкирскими деревнями разсажались чисто русскія села: Шляпово, Новоселы, Полома и т. д.

Но зауральскій мужикъ совсѣмъ не того типа, къ какому привыкъ глазъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Здѣсь живетъ народъ «естевой», т. е. зажиточный (вѣроятно, отъ слова: есть), «народъ-богатѣй», если сравнить съ «Рассеей». Матушка Сибирь вспоила, вскормила его и на ноги поставила. На привольныхъ мѣстахъ окрѣпъ тотъ же самый народъ, раздобрѣлъ. Не даромъ славятся сибиряки своей смышленостью и промышленнымъ характеромъ. Подъ бокомъ киргизская степь, Обь съ своими притоками; позади стѣнной подымается Уралъ—было гдѣ поучиться зауральскому мужику уму-разуму. Отъ деревни Шляповой до Шерамы везъ меня какой-то дядя Евмень и всю дорогу весело балагурилъ на своемъ облучкѣ. При видѣ Шерамы, даже Евмень пришелъ въ нѣкоторый восторгъ, потому, вѣроятно, что она раскинулась, «какъ на ладонѣ».

— Важное село,—говорилъ, любуясь, Евмень, когда наша телѣга начала осторожно спускаться по крутому косогору прямо къ рѣкѣ.—А вонъ домъ попа Якова... Естественный погъ. Тебѣ къ нему?

— Да.

— Ну, ты, ма-аханькая! — прикрикнулъ на свою лошадь Евмень, прыгая на облучкѣ; его рубаха изъ изгребнаго холста надулась парусомъ, показывая свои кумачныя ластовицы.— Попадья Руфина пирогомъ поподчуетъ, — прибавилъ Евмень, поворачивая ко мнѣ свое широкое улыбавшееся лицо съ оскаленными зубами и загорѣлымъ румянцемъ.

— Любите попа Якова?—спросилъ я.

— Якова-то? Пошто его не любить—любимъ... Онъ у насъ какъ мохомъ обросъ. Теперь, надо полагать, на пятый десятокъ перевалило, какъ онъ поступилъ къ намъ въ Шераму. Нѣтъ, ничего, любимъ Якова... У него десятень сорокъ, поди, посѣяно—да скотины сколько... всякой всячины—дивно! Яковъ-то все у насъ самъ доспѣетъ ¹⁾, своими руками, оттого мы его и любимъ. Прямется пахать, такъ куды мужику, не утнаться... Могутный изъ себя, навалится на сабанъ, такъ лошадь-то только-только

¹⁾ Доспѣетъ—поспѣетъ.

не захряхтять, едва выворотить полосу-то. Важно пашеть... А примется носить или сѣно метать или молотить—только успѣвай глядѣть. А вотъ жать—нѣтъ, не можетъ,—съ улыбкой прибавилъ Евмень, поглаживая свою бороду мочального цвѣта:—брюхо не позволяетъ... Какъ нагнется, глядишь и сѣлъ. Ей-Богу!.. Да и то сказать, старо мѣсто, на седьмой десятокъ перевалило, гдѣ ужъ за молодыми угнаться...

Послѣ короткой паузы Евмень тряхнулъ своей головой и, поправивъ шляпу на одинъ бокъ, проговорилъ задумчиво:

— А вѣдь у попа-то Якова новѣ не ладно въ дому...

— Что такъ?

— Да такъ... — коротко отвѣтилъ Евмень такимъ тономъ, который дѣлалъ дальнѣйшіе вопросы совершенно излишними.

Мы въѣзжали въ самое село. Широкая улица, обставленная рядами красивыхъ избъ, вела прямо къ каменной бѣлой церкви, кокетливо прятавшейся въ густой зелени черемухъ, липъ и березъ. Наше появленіе, конечно, прежде всего обратило на себя вниманіе деревенскихъ собакъ, которыя съ азартнымъ лаемъ настоящихъ провинціаловъ провожали насъ до самаго дома о. Якова. Я очень люблю этотъ домикъ, выстроенный о. Яковомъ изъ стариннаго кондоваго лѣса; онъ такъ добродушно поглядываетъ изъ подъ своей перыжѣлой тесовой крыши узкими окошечками съ бѣлыми ставнями, точно вотъ-вотъ сейчасъ хочетъ улыбнуться. Лѣтъ десять не бывалъ я въ этомъ домѣ, но онъ не измѣнился ни на волосъ, только какъ будто глубже вросъ въ землю да плотнѣе надвинулъ свою крышу прямо на глаза, какъ старую разносившуюся шляпу.

— А вонъ и попадья Руфина!.. — проговорилъ Евмень, когда наша телѣга мягко поднялась по зеленой полянкѣ къ воротамъ, точно по ковру.

У воротъ стояла живенькая, толстая старушка въ полиняломъ тешенькомъ ситцевомъ платьѣ и, заслонивъ черные узкіе глаза короткой пухлой ручкой, внимательно всматривалась въ меня. Ей было подъ шестьдесятъ, хотя на видъ она казалась бодрой еще не по лѣтамъ. Круглое добродушное лицо было покрыто мелкими морщинами; онѣ собрались около глазъ и рта лучами, разбѣгавшимися по всему лицу при каждой улыбкѣ.

II.

— Здравствуйте, Руфина Анемподистовна, — здоровался я, слѣзая съ телеги. — Не узнали меня?

— Да гдѣ тебя сразу-то узнаешь, — отговалась добродушно старушка, видимо еще сомнѣваясь въ твердости своей памяти.

— Ахъ, батюшки... да вѣдь это ты... — встрепенулась старушка, называя меня по имени. — А ужъ я-то нечаяла тебя и въ живыхъ видѣть... Никакъ, лѣтъ десять будетъ, какъ ты не бывалъ у насъ?

— Около того.

Старушка обняла меня и разцѣловала, а потомъ схвативъ за рукавъ пальто, бойко потащила въ «горницу». Пока мы шли отъ воротъ въ старому крыльцу, она нѣсколько разъ оглядывалась на меня, какъ будто стараясь убѣдиться въ томъ, что имѣеть дѣло не съ призракомъ, а съ живымъ человѣкомъ. Конечно, при такомъ благопріятномъ случаѣ, старушка не преминула поплакаться и, почти сквозь слезы, съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываньемъ шептала:

— Изъ себя-то ужъ ты больно тово... въ чемъ душенька! Все небойсь учился? Охъ-хо-хо... Учитесь вы до сѣдого волоса, а когда жить-то будете...

— Какъ о. Яковъ здравствуетъ?

— Здоровъ, ничего... Что ему сдѣлается?

Дворикъ у о. Якова былъ устроенъ на крестьянскую руку. Службы были заняты «стайками» для скотины, амбарами, суськами и громаднымъ сѣноваломъ. На задней половинѣ двора помѣщалось отдѣленіе живности: изъ-за перегородки весело смотрѣла мохнатая голова годовалого жеребенка; нѣсколько овецъ лежало въ тѣни амбара, вытянувъ по землѣ шеи. Изъ самой глубины двора выглядывала маленькимъ оконечкомъ крошечная банька; въ ней о. Яковъ любилъ отдохнуть лѣтомъ послѣ обѣда часомъ другой и «позелотить хлѣбъ-соль», т.е. покурить въ большой деревянной трубкѣ. Посреди двора стояла тюменская телега, на которой только-что пріѣхали съ поля; на колесахъ оставались слѣды вчерашней грязи, а изъ кузова глѣзла во всѣ стороны неуспѣвшая еще подсохнуть недавно скошенная трава. Подъ навѣсомъ у погреба были сложены бороны.

— Милости просимъ... — говорила матушка Руфина, съ легкимъ перевальцемъ утицей забѣгая по насланнымъ дощечкамъ

въ темныя сѣни; она распахнула дверь въ кухню и любовно смотрѣла на меня своими черными глазами.

Если во дворѣ было царство о. Якова, то за порогомъ сѣней начинались уже владѣнія матушки Руфины. Я всегда съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ переступалъ черезъ этотъ порогъ: за нимъ каждая вещь говорила о неустанномъ, вѣчномъ трудѣ. Налѣво отъ входныхъ дверей, за косякомъ, стоялъ обыкновенно посошекъ о. Якова; если посошекъ дома—и хозяинъ дома, посошка нѣтъ—и хозяина нѣтъ. Теперь посошекъ отсутствовалъ. Направо въ углу стояла крашеная деревянная кадка съ водой, а потомъ дѣлны арсеналъ сундуковъ, ящичковъ, ящичковъ, коробушекъ, плетеноекъ и тому подобнаго «хлама», какъ называлъ о. Яковъ весь этотъ хозяйственный скарбъ. Отъ самаго порога сѣней вела въ горницы бѣлая, какъ снѣгъ, тропинка изъ домашнего холста.

Ходъ въ горницы шелъ черезъ кухню и другого не полагалось. — «Что, я развѣ губернаторъ какой, чтобы парадное крыльцо строить», говаривалъ попъ Яковъ. — «Я, братъ, своими руками домъ-то строилъ... Тутъ немного разгуляешься. Было-бы тепло!» Впрочемъ, незнакомый человѣкъ не скоро-бы и догадался, что онъ въ кухнѣ. Русская печь скромно пряталась за ситцевой занавѣской, посуда была всегда прибрана и, можетъ быть, только одинъ пузатый самоваръ, всегда стоявшій на задвѣкѣ, могъ навести нѣкоторое сомнѣніе своимъ присутствіемъ.

— Снимай балахонъ-отъ свой,—говорила матушка, помогая мнѣ снять верхнее пальто.—Гость будешь, да еще какой гость-то... Вотъ ужъ попъ придетъ, такъ онъ какъ обрадуется...

Прямо изъ кухни одна дверь вела въ горницу самого о. Якова; эта горница выходила тремя окнами на улицу и была перегороджена низенькой ширмой по поламъ. За ширмой стояла широкая двуспальная кровать. Вторая дверь вела изъ кухни въ горницу матушки Руфины, крошечную комнатку, выходившую однимъ окошечкомъ на дворъ. Нужно сказать, что въ домикѣ о. Якова всегда стоялъ совершенно особенный воздухъ, весь пропитанный какимъ-то специфическимъ ароматомъ. Не то роснымъ ладаномъ пахло, не то старой вишневой наливкой или геранью—не разберешь хорошенько.

— А это у васъ что за оружіе?—спросилъ я, рассматривая поиндейскую пашку, которая висѣла на ширмѣ вмѣстѣ съ бѣлыми китилемъ.

— Да вѣдь Прошку-то помнишь? Ну еще изъ училища его тогда исключили! Это его муниція... Онъ у насъ урядникомъ

служить въ Шерамѣ. Какъ же, чинъ получилъ недавно... Теперь гдѣ-то въ Полому уѣхалъ, ловять кого-то.

— Кого?

— Да въ Поломѣ-то попомъ о. Ксенофонтъ, а у него сынъ... Ну, тамъ гдѣ-то въ Москвѣ обучался, а теперь его всей деревней ловять. Только это такъ... онъ совсѣмъ ничего, а это Прошка придумалъ.

На маленькомъ столѣ, который стоялъ въ углу комнаты, были разложены книги и стопкой лежали подобранные номера газеты. На одномъ переплетѣ я прочиталъ: *Das Kapital, von Marks.*

— Это Квинтильяновы книги, — предупредила мой вопросъ старушка. — Ты его не помнишь, поди? Нѣтъ, гдѣ помнить. Онъ еще въ училищѣ тогда учился, когда ты былъ у насъ въ послѣдній-то разъ:

— Вѣдь у васъ еще два сына?

— Да какъ же... Митрей-то Яковличъ попомъ теперь въ Зюзиной служить, а Ниваша—дохтуромъ земскимъ. Четверо ихъ у меня.

— А дочь? Вѣдь у васъ была дѣвочка, Аня...

Старушка только махнула рукой.

— Замужъ вышла?

— Нѣтъ...

— Умерла?

— Хуже...—прошптала со слезами на глазахъ бѣдная старушка и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, таинственно проговорила:—Ужо расскажу тебѣ вечеромъ, когда уберусь. Да вонъ и попь съ Квинтильяномъ идутъ... Обѣдать сейчасъ будемъ.

III.

Попъ Яковъ вошелъ въ это время уже въ кухню и, замѣтивъ меня, проговорилъ своимъ густымъ баскомъ:

— Да это никакъ...

Онъ наввалъ меня по имени и, заключивъ въ свои могучія объятія, обლობывалъ. Высокаго роста, съ могучей грудью, попь Яковъ смотрѣлъ настоящимъ русскимъ богатыремъ, а благообразная сѣдина придавала его фигурѣ вѣчто патриархальное. Когда мальчуганомъ я училъ исторію ветхозавѣтныхъ патриарховъ, попь Яковъ для меня служилъ живымъ и нагляднымъ примѣромъ; я отлично представлялъ себѣ фигуру библейскаго патриарха

Якова, — стоило только закрыть глаза и припомнить попа Якова. Десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не видалъ его, почти не измѣнили его наружности, за исключеніемъ развѣ того, что косматая окладистая борода изъ сѣдой превратилась въ желтую, да на высокомъ лбу легло нѣсколько глубокихъ морщинъ. И костюмъ на о. Яковѣ оставался тотъ-же, т.-е. нанковый синій подрясникъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, какихъ нынѣшніе модные батюшки уже совсѣмъ не носятъ; изъ-подъ подрясника выглядывала ситцевая рубашка—косоворотка, перехваченная тоненькимъ гаруснымъ пояскомъ чуть не подъ самыми мышками. Этотъ поясочекъ мнѣ всегда казался особенно забавнымъ, потому что безъ подрясника, въ одной рубашкѣ, какъ частенько ходилъ дома о. Яковъ, онъ походилъ на колоссальнаго ребенка. Старикъ любилъ въ такомъ видѣ работать во дворѣ или въ огородѣ, а на пашнѣ это было даже ему необходимо, потому что подрясникъ только заплеталъ ноги и мѣшалъ работать.

Широкое русское лицо попа Якова глядѣло своими большими сѣрыми глазами строго и внушительно; губы всегда были плотно сжаты и очень рѣдко распускались въ улыбку. И въ фигурѣ, и въ движеніяхъ, и въ выраженіи лица сказывался человѣкъ, который «въ потѣ лица снискивалъ» свой хлѣбъ. Я всегда любилъ эту спокойную увѣренность попа Якова, его медленную рѣчь, веселую умную улыбку, которою все лицо точно освѣщалось.

На этотъ разъ меня непріятно поразила только одна переменъна въ о. Яковѣ; онъ оставался прежнимъ попомъ Яковымъ, — но это по наружности. Глаза же смотрѣли какъ-то неестественно пытливо, и онъ нѣсколько разъ тревожно поглядывалъ въ окно; улыбался онъ тоже не попрежнему—какой-то натянутой, не своей улыбкой. Вообще во всемъ—въ движеніяхъ, въ голосѣ, во взглядѣ и въ улыбкѣ чувствовалось то «не ладное», о чемъ мнѣ говорилъ дорогой Евменъ.

— Ну, мать, соловья баснями не кормятъ, — замѣтилъ о. Яковъ, когда мы успѣли обмѣняться первыми вопросами, какіе неизбежны между старыми знакомыми послѣ долгой разлуки.

Кинтильянъ, сынъ, только издали поклонился мнѣ и даже не вошелъ въ горницу. Онъ былъ одѣтъ въ коротенькое казинетовое пальто; казинетовые брюки были заправлены за сапоги. Такая же ситцевая рубашка, какъ у о. Якова, была точно такъ-же подпоясана гаруснымъ пояскомъ и выпущена поверхъ брюкъ, на мѣщанскій манеръ. На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать-пять; русая пушистая борода красиво обрамляла его блѣдное,

изнеможенное лицо и придавала ему какую-то преждевременную серьезность. Вообще, и ростомъ, и лицомъ, Кинтильянъ походилъ на мать; отцовскаго въ немъ оставались только одни глаза, сѣрые, большіе, строгіе, съ темными густыми рѣсницами.

— Милости просимъ...—приглашала матушка, появляясь въ дверяхъ.—Только ужъ ты, гостенёкъ, не обезсудь насъ на нашей простотѣ... Не чѣмъ тебя угощать-то, потому пріѣхалъ въ самому обѣду, а печка у меня ужъ остыла.

— Ничего, вечеромъ пельмени сдѣлаешь, — успокоилъ о. Яковъ старушку.—А теперь пусть отвѣдаетъ нашего мужицкаго кушанья... Ъшь просто, проживешь лѣтъ со-сто!—пошутилъ батюшка.

Мы усѣлись въ кухнѣ, за маленькій деревянный столикъ, накрытый сивей изгребной скатертью. Тарелокъ не полагалось. Ъли изъ одной чашки деревянными ложками. Кушаньевъ было собственно два—щи и гречневая каша. Зато щи матушки Руфины ставли цѣлаго обѣда. Такихъ щей никто не умѣлъ дѣлать, и старушка гордилась своимъ искусствомъ.

— Давно ли попалъ въ наши палестины? — спрашивалъ о. Яковъ между первой и второй чашкой щей.—Тамъ вѣдь въ вашемъ-то Петербургѣ, иль въ Москвѣ, все бѣдовый народъ живетъ.

— Ну ужъ, пошелъ... — съ неудовольствіемъ замѣтила матушка.

— Чего: пошелъ?! Я дѣло говорю... Вонъ благочинныхъ запретили выбирать... Вездѣ судъ да доносы, да подозрѣнія,—говорилъ какъ-то отрывисто о. Яковъ, и вдругъ спросилъ: — А гдѣ у насъ Прошка, мать?

— Самъ знаешь гдѣ,—неохотно отвѣтила матушка.

— Это онъ въ Полому забрался? Да не песь ли... не за столомъ будь сказано... Да Ксенофонтъ-то разорветъ его, какъ дохлую кошку... Ну, и народецъ только нынче пошелъ!..

Отецъ Яковъ все время сильно волновался и нѣсколько разъ принимался бранить то Петербургъ, то Прошку. Кинтильянъ хранилъ самое упорное молчаніе и не проронилъ ни единого словечка. Послѣ обѣда о. Яковъ увелъ меня въ горницу, закурилъ свою деревянную трубку и опять навелъ разговоръ о Петербургѣ. Нѣсколько разъ онъ среди своей рѣчи бросалъ трубку, рылся въ газетахъ и вынималъ какой-нибудь нумеръ, гдѣ карандашемъ было отмѣчено все достойное примѣчанія.

— Нѣтъ, онъ намъ вотъ гдѣ, вашъ Петербургъ-то, — говорилъ старикъ, указывая на свой могучій затылокъ.—Ой, какъ солоно онъ приходится... Да! хорошъ Питеръ да бока повытеръ...

Кажется, живешь себѣ въ такомъ мѣстѣ, что и воронъ костей не заноситъ, а, глядишь—не тутъ-то было. Да!.. Прежде я этихъ самыхъ газетъ и въ руки никогда не бралъ, развѣ про войну прочитаешь, а нынче нѣ-еть... Ждешь-не дождешься номера-то, какъ Христова дня. Не прежнія времена... Вонъ мужики—и тѣ какъ газеты любить читать. Не даромъ видно пословица сложилась, что въ городѣ дрова рубяты, а въ деревню щепки летать...

Вечеромъ матушка Руфина приготовила пельмени, а когда мы уже сидѣли за столомъ явился и Прошка—изъ Поломы. Онъ былъ верхомъ и едва могъ спуститься съ сѣдла. Пошатываясь вошелъ онъ въ кухню и красными воспаленными глазами посмотрѣлъ на всѣхъ. Плотный коренастый Прошка цвѣлъ завиднымъ здоровьемъ.

— Ну, что, не отколотилъ тебя Ксенофонтъ? —спросилъ о. Яковъ.

— Н-нѣтъ... мы помирились, —заплетающимся языкомъ отвѣтилъ Прошка, стараясь сохранить равновѣсiе, а потомъ покрутилъ головой и улыбнулся пьяной блаженной улыбкой.—Мы съ Ксенофонтомъ-то цѣлую четверть раздавили, родитель... А я ему все-таки покажу! нѣтъ... я ему... Онъ меня сначала-то было за воротъ схватилъ...

— Я бы на его мѣстѣ такъ просто удавилъ бы тебя, яко смердящаго пса! —замѣтилъ о. Яковъ.—Взятку, небойсь, хотѣлъ взять?..

— Н-нѣтъ, зачѣмъ взятку брать... законъ не велитъ, а вотъ четвертную мученицу ничего... не воспрещено...

Прошка только теперъ замѣтилъ меня и сейчасъ же преобразился, принялъ дѣловую осанку, нахмурилъ брови и строго спросилъ:

— А позвольте, милостивый гсдарь... документы!

— Я тебѣ покажу такіе документы, что ты у меня не будешь звать, которымъ концемъ състь... —зарычалъ о. Яковъ.

— Да я такъ... пошутилъ... —ослабился Прошка и, махнувъ рукой, прошелъ въ горницу.

Отецъ Яковъ хотя и храбрился все время, но я замѣтилъ, что онъ не въ своей тарелкѣ. Нѣтъ-нѣтъ и посмотреть въ окно какъ-то изъ-за косяка, точно онъ опасался какой-то засады или нечаяннаго нападенія. Матушка Руфина тяжело вздыхала и подбирала губы оборочкой, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ.

IV.

Вечеромъ мы долго каякали съ попомъ Яковомъ, сидя на завалинкѣ во дворѣ. Говорили о разныхъ разностяхъ и, между прочимъ, о мѣстныхъ новостяхъ.

— Ябеды вездѣ пошли, — объяснялъ мнѣ старикъ. — Прошка-то, — видѣлъ его давеча, — раньше былъ сельскимъ учителемъ. Такъ этотъ самый о. Ксенофонтъ все на него доносы писалъ: и въ церковь-молъ не ходитъ, и газеты мужикамъ читаетъ, и по постнымъ днямъ скоромное ѣсть... Выжилъ вѣдь парня съ мѣста! Шатался — шатался Прошка безъ мѣста, а потомъ за свою простоту въ урядникъ попалъ... И какъ это онъ устроилъ — ума не приложу! А какъ попалъ, и пошла потѣха... Есть тутъ въ Новоселахъ псаломщикъ, Варваръ. Башка, я тебѣ скажу! Вотъ этотъ Варваръ повздорилъ о чемъ-то съ о. Ксенофонтомъ и давай доносы жарить на его сына, а Прошка его ловить... Теперь у нихъ такая каша, что упаси Боже!.. Ксенофонтъ-то больно дерзковъ на руку и силенъ, медвѣдь-медвѣдемъ. Вотъ когданибудь онъ освѣжуетъ Варвара съ Прошкой..

Попадья Руфина, пока мы бесѣдовали на завалинкѣ, подтыкавъ подолъ, таскала ведро за ведромъ въ стойки, гдѣ мычали только-что вернувшіяся съ поля коровы. Старушка искоса поглядывала на насъ, улыбаясь, и перегнувшись на одинъ бокъ, съ старческимъ побряхтываньемъ, сѣменила по двору. Когда она прошла съ большимъ дойникомъ донть коровъ, попъ Яковъ поднялся и проговорилъ:

— Ну, заболтался я съ тобой... Поди-ка спать въ баню, тамъ ужъ мать все тебѣ приготовила. Утро вечера мудренѣе... А мнѣ еще нужно къ завтраму дровъ наносить попадѣ да телѣгу вымазать.

— А что вашъ докторъ? — спросилъ я.

— Это Нивашка-то? Служить въ земствѣ; что ему сдѣлается. Недавно былъ у насъ, съ женой... Ты разѣ не слышалъ? Женился... такую госпожу въ очкахъ подцѣпилъ, что... Ну да это не нашего ума дѣло: ему съ ней жить-то, а глянется, такъ и слава Богу.

Попъ Яковъ побрелъ въ своей рубашкѣ за дровами, а я отправился въ баню. Тамъ матушка Руфина когда-то успѣла уже все приготовить. На широкой лавкѣ былъ посланъ киргизскій войлокъ, покрытый чистенькой простыней съ плетенымъ кружевомъ у спускавшагося на полъ края. Ситцевая подушка,

вбитая пухленькими ручками матушки Руфины, высилась горой. Рядомъ съ постелью на деревянномъ табуретѣ была поставлена салная свѣча въ желѣзномъ луженомъ подсвѣчникѣ, и тутъ же лежало нѣсколько нумеровъ газеты и еще какая-то книга. Добрая старушка о всемъ успѣла позаботиться, чтобы доставить гостю всѣ удобства. Я развернулъ книгу и невольно улыбнулся. Это были какія-то литографированныя записки по женскимъ болѣзнямъ. Нужно сказать, что матушка Руфина не умѣла читать и притащила первую попавшуюся подъ руку книгу.

Въ банѣ было немного душно, и я открылъ окно. На меня глянула нахучая лѣтняя ночь и краешекъ синяго неба, усыпанный звѣздочками, какъ серебряными блестками. Тутъ же подъ окномъ, на двухъ грядкахъ, росли кусты малины, образуя зеленую бесѣдку. Нѣсколько кустовъ бузины и ряды грядъ съ капустой, картофелемъ и горохомъ, упирались въ низкую изгородь, которою усадьба попа Якова разграничивалась съ владѣніями церковнаго старосты, зажиточнаго мужаа Нивитича. По наружной сторонѣ бани, по натянутымъ веревочкамъ висла зеленой спиралью хмель; пара молоденькихъ вѣточекъ его съ дѣтскимъ любопытствомъ заглядывала въ самое окно. Навѣрно, Аня любила этотъ тѣнистый уголокъ, гдѣ лѣтомъ такъ удобно работать. Я едва помнилъ ее дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати, съ любопытными и серьезными черными глазками, съ неправильнымъ, но симпатичнымъ, всегда загорѣлымъ личикомъ... Гдѣ-то ты, Аня, проводишь эту мягкую и поэтическую ночь?

Въ открытое окно тануло свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, вносившимъ съ собой пеструю смѣсь звуковъ, какими отдавала теперь спавшая глубокимъ сномъ Шерама. Гдѣ-то перекликались деревенскія собаки, ржала лошадь; глухо погромыхивая, провадилась по деревенской улицѣ запоздалая телѣга. Точно съ того свѣта донеслась и сейчасъ же смолкла далекая проголосная пѣсня. Кто ее поетъ, эту пѣсню: можетъ быть, молодой деревенскій парень, котораго занюбила дѣвичья краса; можетъ быть, выливается въ ней чье-нибудь одинокое, тяжелое горе; можетъ быть, поетъ забубенная головушка, кабацкій пропойца... Мудрено поетъ русскій человѣкъ: не разберешь хорошенько, горе или радость заставляеть его пѣть.

Любуясь ночью, я вспомнилъ про женитьбу доктора Никашки. Странный былъ человѣкъ, этотъ Никашка. Какъ теперь вижу его въ коротенькой люстриновой поддевѣ, въ таковыхъ же шароварахъ, заправленныхъ за сапоги, и въ сѣромъ мужицкомъ чекменѣ, который онъ носилъ вмѣсто осенняго пальто. Изъ-подъ

мягкой коричневой пуховой шляпы любопытно и насмѣшливо выглядывали два черныхъ бойкихъ глаза. Узкое лицо съ козлиной бородкой и широкими губами отличалось необыкновенной подвижностью и постоянно улыбалось умной, немного иронической улыбкой. Однимъ словомъ, уродился Никашеа, какъ говорится, ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца. Такимъ учился и такимъ жить пошелъ, да, вѣроятно, такимъ и останется до гробовой доски.

Помню — это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ — какъ въ первый разъ явился Никашеа въ Шераму докторомъ въ своей поддевѣ и верхней сермяжѣ. Удивилъ онъ даже деревенскую простоту. Щеголяли и другіе сермяжками, да скоро бросали, а Никашеа такъ и остался съ ней на всю жизнь. Просто былъ Никашеа, да и время тогда было совсѣмъ особенное, не въ примѣръ другимъ. Идеальное было время, хотя Никашеа въ простотѣ своего сердца считалъ себя «мыслящимъ реалистомъ». Жилъ этотъ докторъ еще проще, чѣмъ одѣвался. Съ удовольствіемъ припоминаю, какое неизгладимо-сильное впечатлѣніе производилъ Никашеа тогда на насъ, школяровъ. Что-то такое хорошее, убѣжденное, вѣрующее чувствовалось подъ его сермяжкой, и мы льнули къ нему, къ его книжкамъ, къ его рассказамъ объ alma mater.

Только давно это было, много воды съ тѣхъ поръ утекло, а право, докторъ Никашеа остается для меня лучшимъ и самымъ дорогимъ воспоминаніемъ, какъ хорошій юношескій сонъ, смутный и неопредѣленный, но послѣ котораго чувствуешь такой приливъ молодыхъ силъ.

V.

— Ты не спишь еще? — послышался голосъ матушки Руфины, и ея круглое сморщенное лицо показалось въ оконцѣ.

— Да еще рано...

— То-то, я смотрю, окно не заперто... Дай, думаю, загляну, — прибавила старушка, точно въ свое извиненіе. — Да зажги свѣчу-то, чего въ потемкахъ разговаривать... Не воровать пришли!

Я чернулъ свичкой и зажегъ свѣчу. Желтый неровный свѣтъ разлился по банѣ и освѣтилъ лицо старушки; оно было теперь серьезно и печально. Въ рамѣ окна на темномъ фонѣ матушка Руфина походила на портретъ старинной голландской школы.

— О чемъ съ попомъ-то разговаривали давѣ?

Выслушавъ мой рассказъ, она тяжело-тяжело вздохнула и, пристально взглянувъ на меня, заговорила:

— Ничего-то я, ровнешинько ничего не понимаю... Хоть расколи меня! Точно вотъ не я слушаю, а кто-нибудь другой...

Матушка сильно пригорюнилась, высморкалась и, вытеревъ кончикомъ фартука глаза, опять начала:

— Вотъ я и пришла къ тебѣ... поговорить съ тобой. А то хожу я, какъ въ потемкахъ все равно. Да... Смѣртоньки нѣтъ, а жить, пожалуй, и въ тягость. Отдохнуть бы старымъ костямъ...

— Что вы, Руфина Анемподистовна,—поспѣшилъ я успокоить старушку:—зачѣмъ умирать. Еще жить нужно...

Старушка только махнула рукой, а потомъ, улыбнувшись сквозь слезы, прибавила:

— Извѣстно, раньше смерти не умрешь... а только пора. Какъ человѣкъ не сталъ ничего понимать, значитъ, пора и въ землю. Чего даромъ-то небо коптить?

— А вы о чемъ со мной хотѣли поговорить?

— О чемъ поговорить-то хотѣла...—въ раздумьѣ повторила мой вопросъ старушка.—Видишь ли, надо сначала тебѣ рассказать все, какъ дѣло-то наше вышло, а потомъ ужъ я тебя и спрошу. Только я тебѣ зачну съ самаго начала рассказывать...

— Рассказывайте, я съ удовольствіемъ послушаю.

— Ты вѣдь Нивашу-то помнишь?

— Какъ же, очень хорошо помню. Онъ женился?

— Женился...—уныло отвѣтила матушка.—Была я у нихъ какъ-то, у Нивашинъ-то... Расскажу я тебѣ, какъ въ гости-то ѣдила. Ужъ послѣ свадьбы была. Онъ вѣдь въ городу живетъ, въ Моховѣ. Тамъ и квартира у него. Только самъ-то онъ больше въ разъѣздахъ. Должность-то свою все собачьей службой зоветь, да еще прибавить: «волка ноги кормятъ, маменька!» Знаешь его: у него каждое слово не спроста, все смѣшкомъ. Ну, давненько онъ меня звалъ къ себѣ въ гости, да все недосугъ было, а тутъ какъ-то передъ Рождествомъ я и собралась отъ свободы. А давно въ городу не бывала да и на лошадахъ страсть боюсь ѣздить... хуже смерти! Всю дорогу подъ подушкой лежала... Думаю, если и убьютъ меня лошади, такъ хоть невзначай. Не видали бы глазньки. Вотъ и пріѣхала я въ городъ, на его квартиру, часовъ така въ десять утра. А онъ еще спитъ, и жена спитъ. Въ разныхъ комнатахъ спать, по образованному, она на одномъ концѣ дома, онъ на другомъ. Грѣшнымъ дѣломъ случись пожаръ, одинъ сгоритъ, а другой и не услышитъ. Все

по образованному... Хорошо. Промерзла я въ дорогѣ, а работница вышла разряженная такая...

— Горничная?

— Ну, по-вашему горничная, по нашему работница... Только хотѣлось мнѣ чайку испить съ дороги — не посиѣла, горничную-то побоялась беспокоить, а самой ставить самоваръ, да въ чужомъ домѣ какъ-то и не ловко. Хоть и деревенская дура, а все-таки докторова мать. Ну, вотъ докторова мать и сидитъ часъ, сидитъ другой, инда въ горлѣ пересохло, а все не смѣю спросить самовару... Только встали наконецъ; т.-е. Никаша всталъ. Увидалъ меня, обрадовался. Сидимъ, калякаемъ. Только выходитъ жена... А я еще не видала ее. Посмотрѣла на меня этакъ съ издальки, кивнула головой, усмѣхнулась и пошла опять въ свою комнату. Изъ себя женщина довольно полная и молодая, ну, а личкомъ какъ будто не вышла маненько... шадрива и глаза какъ-то на выкатѣ, точно кто ее стукнулъ по затылку. — «Наташа, говорить мнѣ Никаша, умная... Ты ужъ не обращай на нее вниманія, у ней, говорить, характеръ...» Какъ-то это онъ мудрено выразилъ, да я позабыла. — Вижу, говорю, Никаша, что умная у тебя жена... Вотъ бы, говорю, чайку испить... Подали самоваръ... А надо тебѣ сказать, что квартира у Никаши хоть и хорошая, да только столь она грязна, столь грязна, — и не умѣю сказать... Вотъ когда передъ Пасхой дома убираемъ, такъ въ этомъ самомъ родѣ. И самоваръ, и чашки — все подъ одну стать... Ну, мы съ Никашей чай пьемъ, а жена въ книжку читаетъ и цигарку при этомъ курить. Только въ своей деревенской простотѣ я и спрашиваю: — а сколько ты, Никаша, въ годъ проживаешь? — Жена-то какъ воззрится на меня. — «Вы, — говорить этакъ высоко: — подсчитывать что-ли насъ прїѣхали?» — Извините, говорю, невѣстуха, на глупомъ словѣ, потому какъ я сказала спраста... — Ну, ничего, напился чаю, а тутъ за Никашей прїѣхали изъ уѣзда. — «Вы, говорить, маненька, погостите тутъ, пока я ѣзжу...» Я слуру-то и останься. Ну, не понимаю, значить, какъ это по образованному-то люди живутъ, дай погляжу. Никаша уѣхалъ, а я сижу. Походила по комнатамъ, небель посмотрѣла, обзаведенье... А жена все въ книжку читаетъ, точно по комнатамъ кошка ходитъ. Ей-Богу. И смѣшно мнѣ, и жаль, т.-е. Никашу-то жаль. Сѣла я этакъ къ окошечку, пригорюнилась. Сидѣла-сидѣла, вплоть до самаго вечера висидѣла... Обѣдаютъ у нихъ въ семь часовъ вечера, когда мы ужинаемъ. Ну, тутъ мнѣ и вспади на умъ: чего, молъ, я дуру здѣсь строю?.. Пошла на дворъ да и велѣла лошадей запрягать мужику, благо онѣ отдохнули. Такъ невѣмши и уѣхала отъ гощеня,

дорогой ужъ калачикъ городской прихватила да на станціи съѣла. Я тебѣ это не къ тому рассказываю, чтобы жену Никаши осудить... Господь съ ней! Можетъ, она и въ самъ дѣлѣ ученая, а я только къ тому веду рѣчь, что понятія во мнѣ не стало... Не понимаю ничего, и вонецъ. По Никашину это, можетъ, и хорошо такъ жить, а мнѣ такъ его жаль... Простъ онъ, Никаша-то, вотъ что! О чемъ я, бишь, хотѣла рассказывать-то?.. Ты перебилъ меня этой свадьбой-то...

— Да о Никашѣ хотѣли рассказывать, матушка.

— Да, да... припомнила. Это я со снохой-то спуталась... Ну, помнишь, какъ тогда Никаша дохтуромъ пріѣхалъ? Тогда Кинтѣ ужъ въ семинарію надо было переходить... Нѣтъ, не такъ! Митрею — въ семинарію-то, а Кинтя въ духовномъ училищѣ еще учился. Такъ вотъ Митрея-то тогда изъ семинаріи исключили, Никаша и взялъ его къ себѣ. А Митрей, кромѣ своей водки, и знать ничего не хочетъ... Побился-побился съ намъ Никаша года съ два, такъ ничего и не смогъ сдѣлать, а Митрей въ псаломщики поступилъ, а теперь въ попы выдѣвъ. Это прежде трудно было въ попы попадать, надо было изъ богословія, а нынче исключать изъ семинаріи, а потомъ его же въ попы и поставять. Такъ вотъ Митрей-то Яковличъ первое горе намъ съ отцомъ и сдѣлалъ. А теперь ничего, выправился. Сытый такой, горло широкое, конскій заводъ держитъ... По моему это не подходящее попу!.. Только это мы успѣли оглянуться, а тутъ Прошка изъ училища вылетѣлъ. Этого ужъ совсѣмъ дурашливый уродился, такъ пожалуй и горя бы не было. Думали, пусть его при домашности останется, все же пока мы живы, съ голоду не помереть. А Никаша давай Прошку учить, да въ учителя и опредѣлил... Ну, дальше ужъ знаешь, какая каша пошла съ Ксенофонтомъ этимъ да съ Варваромъ. Такъ вотъ трое у меня старшенькихъ сыновъ, какъ-ни-какъ, а все при мѣстѣ. Опять вдохнули мы съ попомъ свободѣе, думаемъ — теперь отдохнемъ, потому Кинтянъ учился первымъ, а Аня дома жила, такъ какая забота о ней. Ну, какъ, значить, человекъ вовгордится, какъ мы вовгордились съ попомъ Яковомъ, Господь на него и найдетъ... Мы думаемъ теперь вотъ отдыхъ намъ пойдетъ, — а, глядишь, вмѣсто отдыха горе, да еще какое горе-то!.. Вотъ у меня ихъ пятеро, какъ перстовъ на рукѣ, а всѣхъ одинаково жаль, да глухова-то, какъ Прошку, еще больше жаль. И пословица говорится: умнаго-то жаль, а дурака вдвое...

Старушка печально смолкла, и какъ бы отдохнувъ, продолжала:

— Изъ четырехъ сыновъ Кинтильянъ былъ самый меньшинькой, — такъ началъ старушка подавленнымъ голосомъ: — только еще Аня была его моложе... Та ужъ такъ и родилась, и росла, совсѣмъ на особицу: одна дочка въ домѣ, балованное да нѣжное дитятко... Ну, такъ Кинтя какъ еще родился, такъ не нарадовались мы на него съ попомъ... Точно сколоченный весь, какъ ядреная рѣпа. Родился — и кулаки себѣ сосеть, всѣхъ насмѣшилъ. Такъ онъ и выросъ... Ужъ сколько же и хорошъ выросъ мой мальчикъ: точно нарисованой. Не приходится свое дѣтище хвалить, а къ слову пришлось, да и дѣло прошлое. Румяный, брови черныя, глаза какъ у отца, да свѣтленько таково поглядываютъ, и на всѣ руки парень: озорничать такъ озорничать, учиться такъ учиться. Ростимъ парня да потихоньку радуемся. И какой-то, Господь его знаетъ, характеръ у него особенный: грубова слова не слыживали, обиды не знали. Шелкъ, а не парень. И все-то онъ видитъ, и все понимаетъ, а сталъ подростать — стипшалъ, телячью-то бодрость оставилъ. Такъ мы его тогда и въ училище это отдали. Отдали, учился, а что ни праздникъ, то намъ, глядишь, новую радость везетъ: учился все первымъ, и учителя не нахвалятся. Кроткой да гораздый парень на все. А прїѣдетъ домой, книжки всѣ до единой привезетъ и все ихъ учить. Поиграетъ и учить. Вчуже прїятно было смотрѣть. Всѣ завидовали, а мы напринимались магты-то съ Митреемъ-то Яковlichemъ да съ Прошкой-то, такъ намъ это все вдвое кажется. Только одного и боялись, чтобы не избаловать. Поѣдетъ, бывало, въ Нивашѣ въ гости и тоже книжки привезетъ и опять читать. Такъ онъ изъ училища первымъ поступилъ въ семинарію и тамъ первымъ кончилъ, а самъ точно красная дѣвица: румянецъ во всю щеку, точно налитой. Водки капли въ ротъ не бралъ, не курилъ этихъ сигаровъ... А здоровье у него точно-бы и вѣкъ не изжить: никогда не хварывалъ ничѣмъ...

— Вотъ послѣ семинаріи-то и грѣхъ первый у насъ вышелъ, — продолжала старушка: — отцу взбрело что-то на умъ уговаривать Кинтю идти въ попы. И съ чего это онъ придумалъ — ума не приложу! Самъ всегда говорилъ, что поповское житье самое послѣднее, а тутъ на-поди... Наладилъ, что какъ умремъ, не кому будетъ съ молитвенникомъ предъ престоломъ Господнимъ стоять. Такъ ужъ это, накатился стихъ такой... Ну, Кинтя слушалъ-слушалъ отца-то, тихонечко этакъ усмѣхнулся да и отвѣтилъ: «это, говорить, вы меня дармоѣдомъ хотите сдѣлать?» Тутъ ужъ отецъ-то изъ себя вышелъ: засучилъ рукава да и показываеъ ему руки... — «Погляди-ка, говорить, щенокъ ты этакой, равнѣ

у дармоѣдовъ такія моволи живутъ на рукахъ? Это, говорить, вы — дармоѣды-то... Знаю, говорить, кто тебѣ въ уши надулъ: Никашка!.. Онъ думаетъ, говорить, что большое жалованье получаетъ да образованіе имѣетъ, — такъ только будто и свѣту что въ очнѣ? А я, говорить, горбомъ добываю себѣ каждый кусокъ, да этимъ же кускомъ меня и корятъ...» Ничего не сказала Кинтя, сложила себѣ котомку, попрощался и ушелъ. «Куда, говорю, идешь-то?» «Учиться», говорить. Думаемъ съ отцомъ, что къ Никашѣ уйдетъ, на брата надѣется. Стороной навѣдались про Нивашу, а тотъ и своимъ дѣла ничего не знаетъ. Тутъ ужъ мы и схватились за умъ... Погорячился отецъ-отъ, понадѣялся на его кротость, а надо бы его потихоньку да лаской. Ну, погоревали, потужили, поплавали, а прошлаго, говорить, не воротить... Черезъ людей ужъ мы узнали, что Кинтя въ Москвѣ учится, а потомъ онъ и письмо прислалъ. Какъ ужъ онъ тамъ устроился, гдѣ денегъ взялъ — ничего не знаемъ. Написалъ, что ему хорошо, и что въ деньгахъ не нуждается...

— Прошло такъ года съ два, — продолжала матушка Руфина съ тяжелымъ вздохомъ: — тутъ намъ Кинтя и объявился въ Шерамѣ. Нежданно-негаданно, какъ снѣгъ на голову. — «Пріѣхалъ, говорить, изъ Москвы, васъ, стариковъ, повидать». А онъ эти два года въ дохтурскомъ отдѣленіи учился... То ли не дошли паренѣ! Обрадовались мы, что сына увидали, а про свои слезы да про горе, которое мы терпѣли за эти два-то года, мы и забыли... Больно ужъ рады мы Кинтѣ-то были! Такъ рады, такъ рады... Въ тѣ поры дочка-то, Аня-то, какъ разъ въ гимназіи въ городу курсъ кончила; Ниваша ее на свой счетъ училъ — ну, намъ радость вдвое. Не было ни гроша да вдругъ алтынъ. А Кинтя опять такой скромный да кроткій: воды не замутишь. Отецъ совсѣмъ растаялъ, не надышется на него, а я, грѣшный человекъ, держу у себя на умѣ: «ой, не ладно дѣло, что больно смиренъ нашъ Кинтя... Не даромъ онъ пріѣхалъ сюда такую даль!» Ужъ я раскусила его тогда еще, какъ онъ отца-то дармоѣдомъ обозвала... Кротость-то у него больно ужъ мудреная. И вѣдь какъ онъ отца обошелъ: окаяні!.. Совсѣмъ старикъ рекнулся и всякое вло позабылъ, а слѣдовало бы Кинтию тогда побранить хоть для видимости. Я пробовала — было ругать его, такъ вуды тебѣ: отецъ такъ горой за него и стоять! Приступу нѣтъ. Ну, а вышло по моему... Много слезъ привезъ тогда намъ Кинтильчичъ!

VI.

— Теперь объ Аннѣ сказать... дрогнувшимъ голосомъ проговорила старушка. — Последнее наше дитяно было, Анн-то. Маленькая замарашкой такой росла, а въ гимназіи-то выроснлась. Я ужъ приданое потихоньку готовила... Вотъ у тебя простыня да одѣяло—это изъ приданого Анн.—Да, думали со старикомъ, что, можетъ, Господь велить, и внучать дождемся отъ дочурки. А мнѣ такъ это ужъ совсѣмъ хорошо казалось, потому сынки-то дорого они матери стоятъ, а радости да привѣту отъ нихъ не много увидишь. А дочь-то другое совсѣмъ... Она ужъ все понимаетъ, и дѣти-то дочернины какъ-то ближе, чѣмъ отъ сыновей... Ну, мы свое соображаемъ, а гляжу, стала Анн вадумываться... Тогда ужъ я и спохватилась, что Кинтя ее по своему поворотилъ. Увель вѣдь дѣвку...

— Куда увель?

— Да въ этотъ вашъ Петербургъ... Чтобы ему ни дна, ни покрывшия! Сколь мы ни бились, сколь ни уговаривали: наладила одно, что учиться поѣдетъ, и хоть ты ей полъ на головѣ теши. Боялась я тогда, чтобы отецъ или самъ не рехнулся, или надъ Кинтей чего не сдѣлалъ... Однако, обошлось дѣло такъ. Кинтюшка-то вроткимъ такимъ приевнулся, точно онъ и подъ ногами-то у себя ничего не видитъ... Оказія, что это за человекъ уродится: вѣдь свое роженое, а никакъ ты его не распознаешь... Хорошо. Увель Кинтя нашу Анню въ Петербургъ, и остались мы одни одинешеньки съ Прошкой нашимъ. Куда съ нимъ дѣться-то... Отецъ-то и возропталъ на Кинтю тогда, тихо возропталъ, а вышло-то такъ, что и за сына его, пожалуй, не сталъ считать.

— Прошло этакъ съ вакихъ - нибудь полгода, не больше, пали до насъ слухи, что съ Кинтей не ладно... Ни слуху, ни духу. Какъ въ воду канулъ. Отецъ-отъ нарочно въ Никантъ въ городъ ѣздилъ, телеграмму послали, и все ничего. Анн отписала мнѣ потихоньку, что Кинтя-то вышелъ разъ изъ дому вечеромъ да больше и не приходилъ. Объявили въ полицію, и тамъ ничего не знаютъ. Тогда мы и узнали настоящее горе... Живъ ли Кинтя, померъ ли, нагресилъ ли—ничего не знаемъ. Я чуть и глаза-то всѣ не проплакала о немъ, а отецъ началъ именно съ тѣхъ поръ газеты читать. Все читаетъ и все изъ лица какъ будто темнѣетъ. Ничего не говорить о Кинтѣ, точно его и не бывало никогда. А меня-то вдвое убиваетъ: хоть бы онъ пожалѣлъ его!..

Не понимала я тогда ничего, т.-е. папа-то своего не понимала, что у него на умѣ бродить. Только такъ прошло съ годъ время... Аня-то изъ Петербурга такъ и не выѣзжала... Лѣтомъ это мы какъ-то спамъ съ попомъ на постелѣ. Кровать-то у насъ двуспальная, старинная. Сплю я такъ и слышу, какъ будто кто-то плачетъ. Какъ всочу... Съ просоньковъ-то показалось, что дитѣ плачетъ. Вѣдь покажется же... Сѣла да и думаю: «кому же, думаю, плакать, вѣдь всѣ большія дѣти-то!» А на папа-то и не подумаю... Крѣпкожь онъ на слезы,—можно подумать, что совсѣмъ безчувственный, а тутъ упалъ лицомъ-то въ подушку, да тихо тихо, такъ плачетъ, совсѣмъ по-ребяти. Стала его спрашивать, утѣшать... Тутъ ужъ онъ и сказалъ все. Всталъ и говорить:—«Сонъ видѣлъ, повадья...» — Какой такой сонъ? спрашиваю. — «А такой, говорить, не простой сонъ... Прилежь, говорить, помолился про себя, а потомъ и вижу, точно на яву, Кнютю нашего. Вотъ какъ тебя вижу... Только далеко это, въ нашей же сторонѣ, гдѣ на собакахъ ѣздить. Блѣдный такой Кнютя, исхудалъ, тосканво таково смотритъ. Кнютя! оклинуль я. Осмотритъ на меня, а ничего не говорить. Кнютя, говорю:—я тридцать лѣтъ предъ престоломъ Божиимъ возношу молитвы а ты... что ты надѣлалъ. Вѣдь ты кровь моя, мое рожденіе, я за тебя долженъ отвѣтъ Богу дать на страшномъ судѣ... Служаетъ меня Кнютя, а потомъ какъ у него губы затрясутся, заплачетъ... — Папа, говорить это, а самъ плачетъ:—папа, прости меня... Я не могу... Это не отъ меня зависеть... Не моя воля! Отъ этихъ самыхъ словъ я и проснулся, и такъ мнѣ стало жаль Кнютю, такъ жаль, что кажется вотъ взялъ бы да и умеръ вмѣсто него... Жаль и стыдно, и страшно. Вѣдь я противъ Бога иду, что такого сына пожалѣть...» Рассказываетъ это мнѣ попъ, а самъ такъ рѣвовой и разливается... Ну, потомъ ужъ я догадалась: затеплила предъ образомъ свѣчку и велѣла попу молитву читать... Встали мы на колѣнки рядышкомъ и давай со слезами съ горькими молитвѣ за всѣхъ и за вся, и за бояры, и за вон. И такъ-то мы жарко молились, такъ хорошо, что и сказать тебѣ не умѣю. Плачемъ и молимся, молимся и плачемъ... Я, грѣшней чловѣкъ, и за Кнютю за блуднаго нѣтъ-нѣтъ да поклончикъ и отложу,—то же и за Аню. Такъ молитвой мы тогда этотъ самый сонъ и избыли. Точно гора съ плечъ...

— Вѣдь Аня-то вскорѣ послѣ этого и воротилась домой,—прибавила съ оживленіемъ старушка.—Зимой было дѣло... Пошла я вотъ въ эту самую баню зачѣмъ-то... Дѣло вечеромъ

было. Темно совсѣмъ на дворѣ. Ну, иду себѣ ощуцью, знакомое мѣсто. Только это отворила дверь въ баню, гляжу, а тамъ человѣкъ... Я такъ отъ страху и обомлѣла. Стою и кривнуть не могу, а сама думаю, что навѣрно это бродяжка бѣглый забрался на ночь, вотъ онъ ужъ меня коннетъ тѣмъ-ни-на-есть. А потомъ и слышу Аннинъ голосъ: — «Мама... это я, не бойся!» Я такъ на мѣстѣ и сѣла... дура-дурой и ни словечка вымолвить не могу. Это Аня-то, значить, убижала да и пришла къ отцу... Еще мужчинана перебьется какъ-нибудь, а дѣло женское, куда ей дѣться... Вотъ и сидимъ мы съ ней, горюемъ. Одежонка-то на ней плохонькая, иззябла вся, не ѣла два дня... Ахъ ты, горе мое, горе бѣдовое! И жалъ мнѣ ее, и попу-то боюсь сказать... Потому, какъ ее бѣгую-то держать, вѣдь человѣкъ не иглока, особливо въ деревнѣ, сейчасъ замѣтатъ и затаскають по судамъ. Все-таки укрѣпилась, не сказала ничего попу, а сама отогрѣла Аню, накормила... Материнское сердце, нѣз себя кусокъ готова вырѣвать, да только бы дитѣ было сыто. Ну, такъ недѣли съ двѣ и хоронила я Аню по разнымъ угламъ, а сама и ночей не сплю, и днемъ мнѣ спокое нѣтъ... Гдѣ стукнетъ, гдѣ брякнетъ—такъ у меня сердечушко и оборвется: по Аню пришли! И Богу молилась, и зарокъ давала... Такую муку приняла, такую муку, что совсѣмъ хожа въ родѣ, какъ полоумная. А тутъ ужъ ночь Ксенофонтъ успѣлъ пронюхать про Аню... И какъ это онъ узналъ—ума не приложу. Ну, сейчасъ доносъ исправнику и всякое прочее. Хитрящій попъ, все доносъ пишетъ... Вотъ этакъ ночью лежимъ мы на кровати съ попомъ. Онъ спитъ, а я все слушаю... вотъ все равно зацѣ въ логовѣ. Все мнѣ мерещится,—встану, погложу въ окошечко и опять слушаю. Ну, тутъ и слышу: подъѣхали тихохонько сани... другія... Подскочила къ окошку... Пришелъ мой конецъ, подносились мои ноженьки. Проснулся попъ, а исправникъ и входитъ. Знаешь Петра Иваныча. Славный тавой, часемъ сколько разъ угощала его, ну, а тутъ такъ и думаю, зарубить онъ меня, безпремѣнно зарубить. Сейчасъ Петръ Ивановичъ къ моему попу и бумагу ему показывать. Подъ такъ даже затрясся весь, изъ лица вышелъ, а потомъ сотворилъ крестное знаменіе и говоритъ: «Дѣлайте, что хотите... я ничего не знаю!..» А я ужъ въ это время успѣла одуматься и сама дивюсь, что вдругъ у меня никакого страху не стало... Вотъ настоящимъ (старушка отиѣрала кончикъ мивинца) не боюсь никого: ни Петра Иваныча, никого. Ей-Богу!..

— Нѣтъ, постой, надо тебѣ еще одинъ случай тутъ раз-

сказать, — прервала старушка нить своего повѣствованія: была у насъ курица кохинкина... Славная такая курица, и яйца несла по кулаку. Ну, посадила я ее на яйца и вывела моя курочка цыплятокъ... А тутъ, какъ на грѣхъ, ястребъ палъ на одного цыпленка и поволокъ. Такъ чтобы ты думалъ: вѣдь курица-то его заклевала, ястреба-то. Ухватила за него да на крышѣ его и задолбила! Вся деревня тогда диву далась, — отъ роду не видывала этакого чуда... Ну, такъ когда Петръ Ивановичъ-то послѣ сказалъ, что надо теперь на дворѣ поискать, мнѣ эта курица и вспади на умъ. Не дамъ, думаю, Аню, и конечно... Мое — не тронь! Ей-Богу, согрѣшила предъ Господомъ Богомъ, такъ и подумала... Ну, пошли по двору, потомъ въ баню. Думаю про себя, Аня безпремѣнно подъ полокъ залѣзла или подъ лавку, прикрою какъ-нибудь ее платьемъ... Вѣдь вотъ, подумаешь, какъ по ребячьи все это выходило въ мысляхъ! Охъ-хо-хо!.. Ну, пришли въ баню, а Аня-то и не думала прятаться... Тутъ ее и взяли, голубушкѣ, а я въ родѣ какъ осатагѣла: ухватила за Аню-то и давай ее въ себѣ тащить. Кусаюсь, царапаю ногтями, кричу... Такъ меня тутъ ужъ связали и въ горницу отдѣльно унесли. Тамъ ужъ я и отошла потомъ... Попъ-то ужъ не зналъ околѣ и горевать, все думалъ, что и меня вмѣстѣ съ Аней по судамъ таскать будутъ. Однако, Петръ-то Ивановичъ попустился мнѣ, а Аню увезли. Таскали-таскали ее по городамъ, а потомъ Аня-то стала задумываться да и рехнулась... Съ годъ высидѣла въ Казани въ душевномъ лазаретѣ да толку не вышло. Теперь у Никани живетъ. Онъ ее самъ лечитъ да только проку не будетъ... Все молчить и причесъ, никого не узнаетъ. Тоннехонько смотрѣть на нее, а помочь не тѣмъ. Думаемъ теперь домой ее взять. Загубили мою дочурку, въ конецъ загубили...

Старушка неожиданно заплакала, заплакала мелкими старческими слезами, которыя такъ и сыпались у ней изъ глазъ. Нѣсколько слезинокъ застряли и расплылись по морщинамъ. Матушка Руфина не вытирала своихъ слезъ и не стыдилась ихъ; ея выпуклѣвшія поблѣвшія губы слабо шептали:

— Вотъ на этой самой лавкѣ, гдѣ ты лежишь, и взяли Аню-то... Блѣдная такая сидеть, ни кровинки въ лицѣ нѣтъ... Такъ вотъ все ее и вижу передъ собой: какъ живая стоитъ... И ночью, и днемъ покоя нѣтъ. Только вотъ такъ чуть-чуть забудусь, а она ужъ опять и смотритъ на меня...

Матушка Руфина умокла. Склонивъ сѣдую голову на грудь, она неподвижно сидѣла на своей завалинкѣ, полная святой ма-

теринской тоски. Я вспомнилъ слова писанія: «Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданія, и вопль многъ... Рахиль бо плачущися о чадѣхъ своихъ и не хотяше утѣшиться, яко не суть».

VII.

— А Кинтильянъ скоро вернулся?—спросилъ я, вывода матушку изъ задумчивости.

— Кинтя-то... какъ же, вернулся, — проговорила старушка, просыпаясь отъ своего раздумья. — Только его шесть годиковъ ровнешенько не было... цѣлыхъ шесть. Мы и въ живыхъ давно его не чаяли, и въ поминаньи заупокой поминали... Ужъ сколько слезъ было принято, сколько горя — и не спрашивай! Только этакъ въ великое говѣнье, передъ страстной... Тогда ужъ оттепѣло, проталинки пошли... ну, этакъ вечеркомъ, въ сумеркахъ ужъ, убираю я въ кухнѣ молоко, а подъ окномъ кто-то тихо такъ постуцалъ. Думаю, бродяжка какой-нибудь. Много ихъ объ эту пору изъ Сибири въ Рассею бѣжить... Мы, имъ грѣшныя люди, подаемъ хлѣбушка, несчастненькимъ. У другихъ и волочки такія у окошекъ придѣланы для потайной милостыни, чтобы ночью ежели придетъ, такъ самъ взялъ кусочекъ-то... У насъ тоже была полочка раньше, а тутъ ребята сломали, понъ все не могъ собраться наладить ее. Вотъ я отрѣзала ломоть хлѣба, высунула руку въ окошко и говорю: «Прими, Христа ради»... Вижу, что мужичка стоитъ въ рваномъ этакомъ зинцунщикѣ и даже со-всѣмъ синій изъ себя. Еще пожалѣла его про себя... Подаю я это ему хлѣбъ-отъ, а онъ не беретъ, а только таково пристально смотреть на меня. Что за оказія, думаю. «Чего, молъ, тебѣ надо, родименькій?» — «А вы не узнаете меня?» — спрашиваетъ. — «Нѣтъ, говорю, мало ли вашего брата, бродяжекъ, по здѣшнимъ мѣстамъ проходить»... Помолчалъ, а потомъ опять и говорить: «Кинтя поклонъ прислалъ». Ну, тутъ у меня ноженъки подско-сились, закричала я, а понъ бросилъ за ворота и бродяжку въ избу тащить. Наполни мы его чаемъ, накормили, а онъ зеленехонекъ и видно по обличью-то, что изъ благородныхъ. Бородка маленькая и всякое прочее... Оно ужъ примѣтно. Ну и рассказалъ намъ бродяжка про Кинтю, что живъ онъ и здоровъ, хоть и далеко отсюда. Бродяжка рассказываетъ, а понъ и говорить мнѣ: «Понадѣя, а помнишь мой сонъ?» Сонъ-то вышелъ у попа со-всѣмъ правильный. Сидимъ мы съ бродяжкой и бесѣдуемъ, я слушаю,

а сама плачу, рѣка-рѣкой... и радостно мнѣ, и горько. А ужь ночь на дворѣ, попь и говорятъ: «Ну, милый человекъ, не взыщи—обогрѣли мы тебя, накормили, а ночевать попросись къ кому другому... Оставилъ бы я тебя не на день, а на годъ, за твое хорошее слово, да не моя воля: слѣдять за мной, а узнаютъ, что бродяжка ночевалъ—со свѣту сживуть»... Говорить это попь, а самъ трехрублевую бумажку суетъ въ руки бродяжкѣ... Тутъ ужь Кинтя и не стерпѣлъ—бродяжка-то Кинтя и былъ нашъ—какъ заплачетъ... Не повѣришь, мы родного сына не признали. Не признаемъ и кончено: не таковой у насъ Кинтя былъ... Такъ ужь онъ разстегнулъ рубаху и показалъ мнѣ родимое пятнышко надъ лѣвой грудью, такъ ужь по пятнышку-то это признали... А попь такъ недѣли съ двѣ въ нему все не могъ привыкнуть: чужой, и кончено. Охъ-хо-хо!.. Ужь не знали мы тогда, что намъ и дѣлать: плавать ли, радоваться ли... Такъ совсѣмъ изъ ума вышибло!.. А онъ правильно воротился, съ бумагой, и всякое прочее. Ну, пыталъ я спрашивать Кинтю, что и какъ... Ничего не сказывается, только этакъ улыбнется по своему.—«Зачѣмъ, говорить, это вамъ знать, маменька? Былъ тамъ, а теперь здѣсь»... А самъ все скучный такой, на себя не походить и по ночамъ долго не спить. Разъ какъ-то сидимъ съ нимъ вдвоемъ, чай пьемъ. Онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на меня и говоритъ:—«Пусто, маменька, вотъ здѣсь (показываетъ на грудь), не долго проживу, такъ ужь вы не очень убивайтесь, какъ помру... Кажись, не много радости отъ меня видѣли». А самъ усмѣхается... Да я и сама вижу, что не жилецъ онъ у насъ, въ живыхъ покойникахъ...

— А теперь о себѣ-то тебѣ расскажу, — продолжала старушка. — Наше-то дѣло какое... а? Видѣлъ попа-то? Замятилъ, какъ онъ по сторонамъ оглядывается? А все отъ страху... Такъ всего и боится: щелкнетъ гдѣ, стукнетъ—у насъ и душа въ пятки. Ужь, кажись, чего бы и бояться: насъ стариковъ никуда не подернешь, а молодыхъ не осталось... Такъ вотъ и маячимъ да со дня на день ждемъ какой-нибудь бѣды. Съ требой какъ-то прѣехали за попомъ, такъ онъ со страху на погребъ залѣзъ... Едва оттуда его вытащили. Ей-Богу... И грѣхъ, и смѣхъ! Такъ въ *худыхъ душахъ* ¹⁾ и живемъ: ни живы мы, ни мертвы, а одинъ страхъ... Вотъ я тебя и хотѣла спросить насчетъ этого: долго еще намъ въ худыхъ-то душахъ жить? Прежде вотъ холерные года бывали, тоже вотъ солдатчина, а нынче въ худыхъ

¹⁾ Въ „худыхъ душахъ“ равносильно: при смерти—въ ожиданіи смерти.

душахъ живемъ... Погляжу это я кругомъ-то и точно отемнѣю ничего не понимаю. Какъ ужъ мы и жить будемъ—одной Царицѣ Небесной извѣстно...

Старушка, очевидно, спрашивала только для формы, чтобы подѣлиться своимъ горемъ съ живымъ человѣкомъ. Она не ждала моего отвѣта и смотрѣла куда-то въ сторону, опустивъ голову. А лѣтняя ночь уже была на исходѣ; окутывавшій насъ мягкій сумракъ смѣнился бѣлесоватымъ свѣтомъ занимавшейся зари. Звѣзды тихо гасли; только двѣ или три продолжали еще теплиться мигающими блесками. Небо было сѣро. Откуда-то набѣгаль слабый вѣтерокъ, безымянная птичка беззаботно и весело заливалась на ближайшей черемухѣ. Могучимъ покоемъ вѣяло отъ этой незамысловатой картины, которая съ первымъ солнечнымъ лучемъ проснется разомъ въ тысячахъ звуковъ и красокъ. Но теперь этотъ покой природы заставлялъ подозрѣвать что-то скрытое, недосказанное, что, казалось, висѣло въ воздухѣ... Вотъ въ этой сочной зеленой травѣ, подернутой утренней росой, съ виду тоже тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованій, погибаетъ безъ крика и стона, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело chirpаящая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку, и червяка, дѣлаясь въ свою очередь добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожранія другъ друга творится тайна жизни...

— Гляди-ко, гляди...—зашептала таинственно матушка Руфина, толкая меня своей короткой ручкой.

Въ это время двери сѣней дома о. Якова слегка приотворились, и въ нихъ показалась сѣдая голова самого хозяина. Онъ осторожно и подозрительно оглядѣлся кругомъ и вышелъ во дворъ. Гдѣ-то глухо стучала деревенская телѣга; старикъ долго прислушивался къ удалявшемуся стуку, а потомъ, озираясь по сторонамъ, подергался къ воробѣтамъ и припалъ глазомъ къ узкой щели въ полотнищѣ калитки. Что-то такое жалкое и несчастное было въ этой старческой фигурѣ, которая теперь стояла у воротъ въ положеніи насторожившагося зайца...

Д. М-ичъ.

ЖИЗНЬ ПОЭТА

и

ЕЯ ОТНОШЕНІЯ КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

ФЕРДИНАНДЪ ФРЕЙЛИГРАТЪ, ЕГО ПОЭЗІЯ И ПЕРЕПИСКА.

Въ истекающемъ году закончилась изданіемъ отдѣльными выпусками и затѣмъ составила два тома—книга Вильгельма Бухнера, подъ заглавіемъ: «Ferdinand Freiligrath, ein Dichterleben in Briefen»; въ Германіи она была встрѣчена съ самымъ живымъ сочувствіемъ. Въ книгѣ нѣтъ ни любопытныхъ политическихъ разоблаченій, ни выставки знаменитыхъ современниковъ; даже не особенно много новаго по части біографическихъ данныхъ и разработки историческаго и литературнаго матеріала, еще такъ недавно бывшаго предметомъ безчисленныхъ статей, вызванныхъ возвращеніемъ Фрейлиграта на родину—и потому его смертью. Новизна и значеніе книги собственно—въ письмахъ поэта, тщательно собранныхъ, комментированныхъ съ любовью и, за немногими исключеніями, напечатанныхъ въ первый разъ. Они—правдивѣйшее указаніе тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и того состоянія духа, которымъ обусловились послѣдовательные періоды творчества Фрейлиграта. Въ нихъ весь міръ мыслей, занимавшихъ его, вся свѣжесть впечатлѣній поэта, всѣ порывы пылкой, правдивой его души. Фрейлиграта легко брался за перо только въ минуты сердечной потребности высказаться, пошутить, порадовать или утѣшить близкаго человѣка. Ему случалось, въ ожиданіи подобной минуты, оставлять по многимъ мѣсяцамъ

безъ отвѣта письма, на которыя, казалось бы, невозможно было не отвѣтить сейчасъ же. И не разъ въ жизни ему приходилось въ такихъ просрочкахъ каяться.

Составителемъ книги руководила горячая привязанность и уваженіе къ памяти поэта. Въ маѣ 1841 года, когда Фрейлигратъ, только-что женившійся на обожаемой имъ дѣвушкѣ, пріѣхалъ жить въ Дармштадтъ, четырнадцатилѣтній Вильгельмъ Бухнеръ явился къ нему съ привѣтственнымъ букетомъ отъ имени отца своего, литератора Карла Бухнера. Чась спустя, Фрейлигратъ отвѣчался прелестными стихами, а затѣмъ и ново-брачные поселились въ домѣ Бухнеровъ; и эта внезапно возникшая дружба не прекращалась до конца. Письма Фрейлиграта къ Карлу Бухнеру принадлежатъ къ наиболѣе интереснымъ, такъ какъ большая часть ихъ относится къ критическому періоду его жизни; но въ семьѣ поддерживалось и самое живое устное преданіе о немъ. Такимъ образомъ, изданіе переписки Фрейлиграта, такъ сказать, по праву принадлежало теперешнему представителю Бухнеровской семьи, которому оно и было предложено вдовой поэта; при этомъ ближайшимъ поводомъ послужила появившаяся въ «Allgemeine Zeitung» горячая статья, посвященная Бухнеромъ его памяти. Отъ вдовы поэта онъ, конечно, получилъ наиболѣе цѣнную часть письменнаго и устнаго матеріала, но и самъ розыскалъ многія, разбросанныя по рукамъ письма, и неутомимо собиралъ безсчетныя справки, требовавшіяся для выясненія обстоятельствъ, иногда очень мелочныхъ и давно забытыхъ. Огромнаго труда требовало уже одно выслѣживаніе, по разнымъ невѣдомымъ листкамъ, неподписанныхъ и непризнанныхъ юношескихъ стихотвореній. Обширную Фрейлигратовскую литературу Бухнеръ изучилъ тщательно; но она для него лишь подспорье, которымъ онъ пользуется въ весьма умѣренной степени. Историческіе и литературные моменты и отношенія намѣчены у него слабѣе, чѣмъ бы, по всей вѣроятности, пожелало большинство читателей. Но онъ, главнымъ образомъ, задается одною мыслью—представить достовѣрный и вполне жизненный образъ поэта; и затѣмъ ему хотѣлось, чтобы книга вышла общедоступной, не слишкомъ объемистой. Въ этихъ видахъ, письма и части писемъ, вовсе безцвѣтныя, не включены въ собраніе. Довольно существенные пробѣлы пришлось, однако же, допустить и по другимъ соображеніямъ—преимущественно по вниманію къ чувствамъ или интересамъ живыхъ еще лицъ.

Являясь такимъ образомъ крайне добросовѣстной обработкой матеріала, совершенно новаго и вполне достовѣрнаго, обнимающаго

всю жизнь поэта, бывшего по преимуществу народнымъ поэтомъ Германіи, и признаваемаго нѣмцами величайшимъ лирикомъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ,—книга Бухнера несомнѣнно имѣетъ право на вниманіе иностранныхъ литературъ. Намъ она полезна тѣмъ болѣе, что хотя имя Фрейлиграта у насъ достаточно извѣстно, и переводы его стихотвореній нерѣдко были помѣщаемы въ нашихъ журналахъ, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что значительнѣйшее большинство людей, интересующихся у насъ литературой, не въ состояніи опредѣленнымъ образомъ связать имя Фрейлиграта хотя бы съ влои, прелестной и вполне заслуженной насмѣшкой Гейне надъ маврскимъ царемъ (Ata Troll) и, можетъ быть, съ стихотвореніемъ: «O, lieb', so lang du lieben kannst!» (Люби, пока любить ты можешь!). Мы склонны думать, что у насъ очень немногимъ извѣстны тѣ его пѣсни, которыя дѣйствительно передадутъ его имя далекому потомству, его безпощадныя обличенія общественной неправды, могучіе гимны свободѣ, вдохновенные призывы къ оружію—тѣ страстные звуки, въ которые вложена такая неотразимая власть надъ массами. И для ознакомленія съ этой стороной поэзіи Фрейлиграта, Бухнеръ—лучшій проводникъ, какой для насъ возможенъ. При всемъ уваженіи къ своему герою, онъ не раздѣляетъ его политическихъ мнѣній. Высокія достоинства его политической лирики онъ, съ извѣстными оговорками, готовъ признать; но мало о нихъ распространяется и намекаетъ на извинительное въ изгнанникѣ раздраженіе и кипучесть его натуры. Извѣстныя связи и отношенія онъ точно также не прочь объяснить прежде всего добродушіемъ. Наконецъ, въ затишѣ старческихъ лѣтъ, которые совпали съ необыкновеннымъ періодомъ, переживаемымъ теперь Германіей, и обязывающимъ всѣхъ политическихъ дѣятелей къ компромиссу и выжиданію—онъ привѣтствуетъ возвращеніе поэта къ прежнему высшему паренію въ заоблачныхъ пространствахъ чистой поэзіи.

Въ извѣстной ли зависимости отъ личныхъ симпатій Бухнера, или вслѣдствіе особеннаго богатства матеріала, которымъ онъ тутъ располагалъ,—но лучшій отдѣлъ книги именно первый, изображающій дѣтство и самые ранніе юношескіе годы поэта. Авторъ долго изучалъ пожелтѣлые листки семейнаго архива, отъ которыхъ, при всемъ однообразіи ихъ немудраго содержанія, вѣетъ тѣмъ, «что въ наше, не знающее отдыха время, все рѣже и рѣже встрѣчается—духомъ настоящей семейной жизни, взаимной вѣрной любви, живого участія въ горѣ и радости близкихъ, довольства въ скромной долѣ, благодарно приемлющаго радость,

какъ милость Господа, и мужественнаго въ страданіи, ниспосланномъ по волѣ Божьей,—словомъ, той, дѣйствительно возвышающей, терпѣливой, твердой набожностью, которая теперь почти безслѣдно исчезла». Его симпатіи всецѣло на сторонѣ этихъ смиренныхъ и честныхъ людей—и приходится только предполагать оговорку, насчетъ того, что складъ и духъ ихъ жизни могъ быть сопряженъ съ неудобствами настолько чувствительными, что сознаніе ихъ постепенно приводитъ въ предпочтенію другихъ идеаловъ.

Неизгладимую печатью этой жизни опредѣлилось многое въ будущей дѣятельности поэта. Въ общемъ выводѣ, она его слѣдала тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: стало быть, добро въ ней преобдало; но его поэзія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много было въ этомъ вліяніи гнетущаго, враждебнаго современному развитію мысли и таланта. Дарованіе Фрейлиграта не отличалось разносторонностью. Онъ былъ исключительно лирикъ, вдохновлявшійся не внутреннимъ, а вѣшнимъ міромъ; и притомъ лирикъ въ высшей степени непосредственный, произвольный. Жизнь, способная гармонически потрясти всѣ струны его существа, была необходимымъ условіемъ разцвѣта его высшихъ творческихъ силъ.—И такую жизнь онъ зналъ только урывками. Всего менѣе разсудочный или преднамѣренный, онъ однако же, совершенно преобразился съ тѣхъ поръ, какъ мысль и глубокая потребность правды стали въ немъ работать за-одно съ фантазіей. Безъ ихъ участія, талантъ не въ силахъ былъ выбиться изъ уродливыхъ, слишкомъ мало осмысленныхъ рамокъ. А безъ достаточнаго вѣшняго возбужденія, онъ вовсе оскудѣвалъ. Въ этомъ—объясненіе характера его поэзіи въ молодые годы и долгаго молчанія въ пору зрѣлаго мужества и высшаго развитія таланта. И оба эти прискорбныя явленія были, въ значительной степени, обусловлены вліяніемъ семьи, ради которой поэтъ большую часть жизни былъ обреченъ мучительнымъ личнымъ отношеніямъ, отторженію отъ культурнаго общества и поведенію труду изъ-за насущнаго хлѣба, заглушавшему въ немъ живое слово, способное дать хлѣбъ миллионамъ.

При долгой жизни, огромной рабочей способности и сохраненіи дарованія до конца, все написанное и признанное Фрейлигратамъ, улеглось въ шесть небольшихъ томиковъ. Изъ нихъ почти четыре отходятъ подъ переводы; затѣмъ нѣсколько десятковъ страницъ подъ юбилейные и поздравительные стихи—частью, конечно, прелестные,—которыми поэтъ любилъ радовать своихъ друзей. Между тѣмъ, хотя онъ упорно трудился надъ оконча-

тельной отдѣлкой своихъ стиховъ, — но въ первоначальномъ образѣ они вообще давались ему сразу, такъ-что инныя, даже превосходныя вещи набросаны быстрыми карандашными значками, почти безъ помарокъ.

Само собою разумѣется, что въ тѣсныхъ предѣлахъ бѣглой журнальной статьи мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь удовлетворительно ознакомить читателя съ самымъ текстомъ писемъ поэта. Болѣе или менѣе удачный подборъ выписокъ, отрывочное сообщеніе остротъ и т. п. не дадутъ объ нихъ соответствующаго понятія. Прелесть всего этого — въ живой связи съ цѣлымъ и въ неподготовленности; интересъ въ значительной степени зависитъ отъ близкаго знакомства съ личностью писавшаго. Поэтому мы только прослѣдимъ, по этимъ письмамъ и объясненіямъ Бухнера, простую и поучительную жизнь Фрейлиграта, и, гдѣ удобно будетъ, скажемъ, что можно, объ его поэзіи.

I.

Фрейлиграть чрезвычайно дорожилъ воспоминаніями о родительскомъ домѣ. Стихотвореніе: «Люби, пока любить ты можешь», обыкновенно объясняемое горемъ влюбленнаго, было въ дѣйствительности вызвано смертью отца. Еще болѣе чтить Фрейлиграть память матери. Ея книги, тетради стиховъ, гравюры, украшавшія ея комнату, кружево, которое она плела, были его реликвіями. Онъ потерялъ ее семи лѣтъ; но картины счастливаго дѣтства, взлелеяннаго ея ласками и первыя откровенія о божьемъ мірѣ, воспріятыя въ ея словахъ, успѣли неизгладимо залечь въ его сознаніи и сказались въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній его молодого времени — *Die Bilderbibel*. Поэтъ видитъ большую, потемнѣвшую книгу, которую такъ часто раскрывали передъ нимъ дорогія ему руки... Онъ видитъ себя прежнимъ, забывшимъ объ играхъ мальчикомъ — *spielvergessnen Knaben* — уносившимся въ мечтахъ на Востокъ... Былое оживаетъ, дорогое, забѣтное...

Отецъ Фрейлиграта, Вильгельмъ, былъ учителемъ въ городскомъ училищѣ; по образованію онъ стоялъ выше своего скромнаго положенія, преподавалъ отлично и былъ очень любимъ учениками. Его жена, Луиза, также принадлежала, по отцу и дѣду, къ скромному учительскому семейству и сама была отлично подготовлена къ преподаванію — къ тому же пріятливая, веселая,

отличная хозяйка и мастерица на всѣ рукодѣлія; не красавица, но косы до полу и ласковые глаза. Молодые люди—родомъ оба вижнерейнцы, изъ Кетвига и Мюльберга—встрѣтились въ почтовой каретѣ, при поѣздѣ по учебнымъ дѣламъ. Веселая дорожная болтовня и пѣніе, которое оба очень любили, сразу ихъ сблизили; свадьба не затянулась, и затѣмъ новобрачные переселились въ Детмольдъ, гдѣ оба дѣятельно занялись преподаваніемъ. Луиза писала оттуда, — ей не вѣрится, чтобы такое счастье было возможно уже здѣсь, на землѣ.

Черезъ два года, 17 іюля 1810, родился мальчикъ Фердинандъ—по документамъ семейнаго архива, здоровый, крупный, тяжелѣ свинца. «Онъ весь радость и веселіе—все смѣется, и язычкомъ во рту шевелить, точно говорить хочетъ... Я не могу тебѣ сказать, какъ невыразимо, какъ смиренно я счастлива этимъ ребенкомъ. Никогда я такъ не чувствовала своей зависимости отъ Бога. Одинъ вѣдь Онъ далъ намъ его, и можетъ сохранить, по своей благодати, которой я вѣрю. Для Него одного и воспитаемъ». За недосугомъ родителей, Фердинандъ, совсѣмъ еще маленькимъ мальчикомъ, сталъ проводить цѣлыя дни въ сосѣднемъ домѣ археолога Клостермейера; и мать радовалась, что онъ тамъ привыкнетъ къ хорошему обращенію и чистой нѣмецкой рѣчи. Тогда же онъ и перепугалъ ее ужасно, во время казачьяго поста, такъ какъ онъ тотчасъ свелъ дружбу съ казаками, и тѣ его подсаживали на своихъ мохнатыхъ лошаденокъ. По пятому году, онъ въ одинъ присѣсть выучился азбукѣ, и его стали посылать въ начальную школу, не столько для ученія, а именно, чтобы онъ былъ пристроенъ. Но школа такъ ему понравилась, что онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ класснаго времени и стрѣлой выбѣгалъ на улицу съ книгой подъ мышкой. Въ классѣ у отца, онъ также подсаживался къ прочимъ дѣтямъ и серьезно продѣлывалъ то же, что и они. Самыми ранними письменными его произведеніями являются письма ко дню рожденія любимой бабушки. Ему тогда шелъ восьмой годъ, и письма по слогу и ошибкамъ, вообще, соотвѣтствуютъ возрасту. За то ихъ три сразу—и они «съ тѣмъ написаны, чтобы она видѣла, какъ онъ ее любить—damit du erst recht meine Liebe kennst»—и обязуется она «хранить ихъ до гроба». Девятилѣтній мальчикъ пишетъ уже складно и правильно. Во все время школьнаго возраста, каждодневныя посѣщенія Клостермейеровскаго дома продолжались своимъ чередомъ, и дѣйствительно были мальчику очень полезны. Добрый архивариусъ училъ его по латыни и, замѣтивъ въ немъ большую охоту въ книгамъ, облегъ

его въ званіе «библіотечнаго пажа», посвятилъ въ тайны распознаванія характера и личной фізіономіи книгъ и пріучилъ къ бережному обращенію съ ними. Большимъ любителемъ книгъ Фрейлигратъ оставался всю жизнь; и также навсегда сохранилъ благодарную привязанность къ дочери Клостермейера—что, безъ сомнѣнія, сказалось въ стихотвореніи—на смерть ея будущаго мужа, поэтъ Граббе—одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ его первую эпоху. Въ гимназіи, благодаря латыни архиваріуса, мальчикъ сразу выдался впередъ: самъ отлично учился и охотно помогалъ товарищамъ, причѣмъ съ тупыми и лѣнливыми горячился и гналъ ихъ отъ себя, но потомъ, по первой просьбѣ, смягчался. Въ классъ, онъ тогда много читалъ, преимущественно путешествія. По поводу книгъ, подаренныхъ на елку, онъ съ восторгомъ восклицаетъ: «Прощайте, коньки! Теперь за чтеніе!» Первые стихи, сначала юмористическіе, онъ сталъ кропать съ одиннадцати-двѣнадцати лѣтъ. Изображаютъ его въ эту пору темноволосымъ мальчикомъ, немножко блѣднымъ и жиденькимъ, съ необыкновенно живыми, огненными глазами.

На третій годъ послѣ смерти жены, Вильгельмъ Фрейлигратъ вторично женился, на молодой дѣвушкѣ, дочери пастора, принадлежавшей, однакожъ, по родственнымъ связямъ къ достаточному купеческому семейству. Съ этой второй женой онъ прижилъ четверыхъ дѣтей. Мачиха отнеслась къ пасынку, какъ къ родному сыну; и его отношенія къ ней, братьямъ и сестрамъ, всегда были самыя искреннія, нѣжныя. Наканунѣ смерти, поэтъ въ послѣдній разъ взялъ перо въ руки, чтобы съ трудомъ подписать поздравительную строчку ко дню рожденія младшей сестры Жисберты—въ ребячествѣ: Бендекенъ Charmanteste, а онъ—Нандо. Смерть маленькаго братишки произвела на него страшное впечатлѣніе: его улыбка, лепетъ, протанутыя къ нему ручки преслѣдовали его, какъ призракъ. Тѣмъ не менѣе, по обстоятельствамъ, въ которыхъ никого винить нельзя, связь съ этимъ семействомъ должна была сказаться въ жизни Фрейлиграта самымъ мучительнымъ и угнетающимъ образомъ.

Пятнадцатилѣтній мальчикъ блистательно отбывалъ предпоследній классъ гимназіи, стихи его—длинные и водянистые—ни для кого невѣдомо печатались въ провинціальныхъ листкахъ; планы университетской жизни сложились уже во всей определенности,—когда вдругъ получилось родственное письмо, которое развѣяло эти планы по вѣтру. Дядя, давно потерянный изъ виду и разжившійся торговыми дѣлами въ Эдинбургѣ, просилъ отдать ему Фердинанда, съ тѣмъ, что онъ его усыновитъ и сдѣ-

лаетъ своимъ наслѣдникомъ. Отецъ не колебался; семейство росло; расходы по содержанию первенца во время студенческихъ лѣтъ (800—850 талеровъ за три года) представлялись непосильными, надежды на получение стипендій не было... а тутъ мальчику открывалась будущность въ высшей степени роскошная. Написанъ былъ радостный и благодарный отвѣтъ, съ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ чрезвычайныхъ достоинствъ Фердинанда. Мальчику было больно бросать школу, но онъ утѣшался тѣмъ, что увидитъ край, воспѣтый Вальтеръ-Скоттомъ, а затѣмъ Востокъ, дальнія моря, тропическія страны. Отвѣта отъ дяди не послѣдовало — а черезъ нѣсколько времени онъ обанкрутился. Однакожь, пока надѣялись и ждали, рѣшено было подготовить мальчика къ торговому дѣлу, вслѣдствіе чего онъ и поступилъ приказчикомъ въ бакалейную лавку къ роднымъ мачихи, въ г. Сѣсть. Существенную пользу эта новая жизнь принесла ему ту, что онъ хорошо выучился по-англійски и по-французски, причемъ, въ зимнее время, бѣгалъ на уроки до-свѣта. Дѣла было много, и поблажки ему не давали; а стихотворство, которое все больше и больше овладѣвало юношей, преслѣдовалось рѣзкими насмѣшками. Онъ, конечно, скрывался; но иногда все-таки его застигали. Обращеніе было, впрочемъ, родственное, и по воскресеньямъ онъ катался на хозяйской лошади. Вольный просторъ такихъ воскресныхъ дней одинъ только и мирилъ его съ жизнью. Въ первый же годъ онъ заболѣлъ; но родственники его лечили внимательно и предоставили ему поправиться на дачѣ съ большимъ садомъ, гдѣ онъ и провелъ почти все лѣто. Въ это время было написано первое изъ признанныхъ имъ впоследствии стихотвореній: Moosthee. Оно обличаетъ крайнюю юность, въ томъ смыслѣ, что человѣкъ нѣсколько постарше не позволилъ бы себѣ по такому поводу предаться такому полету фантазіи; но съ другой стороны, въ шестнадцатилѣтнемъ мальчикѣ оно поразительно по гордому сознанію силы, опредѣленности смѣлыхъ образовъ и совершенству формы. Вообще же онъ тогда (1826) еще не поднимался выше сантиментальныхъ и растянутыхъ подражаній.

Ни малѣйшаго намека на участіе мачихи Фрейлиграта въ этой ломкѣ его жизни въ перепискѣ нѣтъ; но очевидно, что принятое тогда рѣшеніе относительно его очень подходило ко взглядамъ ея родни. Вскорѣ тотъ же духъ сказался въ рѣшимости ея мужа оставить преподаваніе и принять нѣсколько лучше оплаченную должность въ торговомъ дѣлѣ той же Сѣстской родни, такъ что Фердинандъ опять сталъ жить со своими. Отецъ скорѣ

умеръ (1829), но вдовѣ обезпечили въ Сѣстѣ безбѣдное существованіе.

У мачихи Фрейлиграта была сестра, тетя Лина, десятью годами старше Фердинанда, съ которой онъ очень подружился еще во время ея прїѣздовъ въ Детмольдъ. Ей не пришлось выйти замужъ, вслѣдствіе смерти жениха; но это горе успѣло забыться, и въ 25 лѣтъ она сохраняла еще всю свѣжесть первой молодости. Напротивъ, Фердинандъ былъ въ ранней юности очень серьезенъ; такъ что разница лѣтъ въ то время рѣзко не выступала, и онъ съ пятнадцатаго года сталъ называть ее своей возлюбленной. Она была дѣвушка образованная, музыкантша, съ дѣтьми очень весела и ласкова, — къ тому же въ Сѣстѣ, Фердинандъ, проводившій цѣлые дни за прилавкомъ, ни одной женщины кромѣ нея не видалъ. Мечтательная привязанность къ возлюбленной постепенно сдѣлалась опредѣленнѣе, родственное или материнское участіе также перешло въ другое чувство. Тутъ еще случилось, что во время болѣзни отца она чрезвычайно нѣжно за нимъ ухаживала. Какъ бы то ни было, въ первый же мѣсяцъ послѣ смерти отца произошла формальная помолвка — которая загубила всю молодость поэта. Мечтамъ о студенчествѣ, о независимости, о свободномъ развитіи творческой силы навсегда былъ положенъ окончателный предѣлъ. До тѣхъ поръ все это увлекало, казалось возможнымъ, и, по всей вѣроятности, вскорѣ бы и осуществилось при воздѣйствіи и поддержкѣ культурной среды. Теперь эти мечты отошли въ область запретнаго и недоступнаго, а на первый планъ встала забота о насущномъ хлѣбѣ, о положеніи, допускающемъ женитьбу. Понятно, какимъ угнетающимъ образомъ это должно было отразиться на развитіи мысли, самообразованіи и творчествѣ. Совѣстливый Бухнеръ не умалчиваетъ о прискорбныхъ сторонахъ отношеній Фрейлиграта къ Каролинѣ Швольманъ, но все-таки считаетъ возможнымъ признать за ней выполненіе крайне возвышенной миссіи (*eine gar herrliche Mission*), въ томъ смыслѣ, что она оградила молодого поэта отъ соблазновъ и опасностей большого города. Трудно, однакожъ, признать такую охрану желательной или дѣйствительной, и кромѣ того, весьма вѣроятно, что не будь помолвки, юноша вовсе и не попалъ бы въ тотъ большой городъ, гдѣ она ему служила охраной. Роковое же вліяніе этой связи слишкомъ очевидно. Между прочимъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ специальномъ ея воздѣйствіи на творчество Фрейлиграта, что онъ безъ того не былъ бы до такой степени поэтомъ любви. Иные находятъ возможнымъ ставить ему это въ заслугу. Брентано, напримѣръ, радо-

вался отсутствію въ немъ любовныхъ мотивовъ, которыми поэты достигаютъ дешевенныхъ успѣховъ, роясь во внутренностяхъ у себя и своихъ близкихъ и выставяя внутренности эти, или бѣлье, на показъ по частоколамъ книжной торговли. Бухнеръ пренебрежительно называетъ стихи, воспѣвающіе любовь, дѣтскими карманными деньгами поэтовъ. Есть, однакоже, возможность иначе относиться къ процессу поэтическаго творчества и къ чувству, которое въ человѣкѣ развилось въ огромную воспитательную и нравственную силу. Во всякомъ случаѣ, страсть нормальная, радостная, поклоняющаяся въ любимомъ существѣ всему достигнутому добру, и направляемая имъ къ новому просвѣтлѣнію, могла бы только способствовать разцвѣту творчества молодого поэта; а въ дѣйствительности ему пришлось, до тридцати слишкомъ лѣтъ, влечить мучительную цѣпь, заглушать въ себѣ всякій привракъ другого чувства и избѣгать отношеній, при которыхъ оно бы могло возникнуть. Невѣста не обольщалась насчетъ истиннаго смысла ихъ отношеній и невозможности счастья для обоихъ и нѣсколько разъ возвращала ему слово. Но онъ упрямо отъ этого отказывался. Изъ писемъ къ ней приведены только мѣста, касающіяся литературныхъ успѣховъ или предположеній, и они доказываютъ, что онъ ей довѣрялъ и ея мнѣніе цѣнилъ. Впослѣдствіи, когда эта связь расторглась, Каролинѣ Швольманъ неоднократно представлялись случаи вполне приличнаго супружества; но она ихъ отклонила, и навсегда осталась какъ бы второю матерью сестеръ поэта, котораго пережила двумя годами.

Чтобы помочь юношѣ скорѣе достигнуть необходимаго обезпеченія, родня пристроила его въ Амстердамѣ (1832) конторщикомъ въ богатый банкирскій и торговый домъ, на жалованье въ 350—400 талеровъ, съ надеждой на прибавку по мѣрѣ ознакомленія съ дѣломъ. Онъ обладалъ превосходѣйшимъ почеркомъ, счетную часть постигъ, зналъ три языка и въ писаніи коммерческихъ писемъ наторѣлъ до способности строчить ихъ чуть не во снѣ. Работалъ онъ хорошо, хотя и случалось, вмѣсто Корнелія Шмидта и Роберта Бевера, заносить въ книги Непота и Бѣрса, или строчить свои письма «между журналомъ и главной книгой». Случалось также, что принципаль *находилъ* у него въ конторѣ стихи и называлъ ихъ глупостями, а ему крѣпко мылил голову. Заванія продолжались цѣлый день, съ антрактомъ для обѣда въ плохомъ трактирѣ, а по воскресеньямъ его приглашали къ церемониальной хозяйской трапезѣ. Первые два года онъ сидѣлъ за дальнимъ концомъ стола, а потомъ, когда

его известность сказалась даже в этих сферах, его стали сажать подлѣ супруги одного изъ членовъ фирмы, которая съ нимъ говорила о Жанъ-Полѣ и вѣчной юности чувствъ—что Бухнеръ называетъ тѣневой стороной славы. Жизнь разнообразилась только воскресными или поздними вечерними прогулками по улицамъ, гдѣ за зеркальными окнами роскошныхъ домовъ выступали блѣдные облики банковскихъ дочекъ, или еще чаще в гавани, или вдоль морского берега, гдѣ туманъ иногда скрывалъ городъ и можно было забыть весь міръ. Не съ кѣмъ было перемолвиться хотя бы единымъ человѣческимъ словомъ. Съ товарищами—*meistens* *Vonvivants*—онъ не сходился. Писать приходилось только ночью, послѣ утомительной и раздражающей канители рабочаго дня. Уголкою своимъ онъ былъ, впрочемъ, доволенъ и подробно его изобразилъ въ письмѣ къ ближайшему другу. По стѣнамъ портреты первенствующихъ нѣмецкихъ поэтовъ; надъ зеркаломъ «несравненный» Байронъ; дальше карта Липпе-Детмольдскаго края, бюстъ Шекспира... Изъ окна влѣво видѣнъ домъ, и въ этомъ домѣ... «Ахъ, Людвигъ!.. Но если бы ты сталъ мнѣ рассказывать свои глупости, можетъ быть, и я могъ бы надъ тобой посмѣяться». А вотъ строчка изъ письма къ Линѣ: «Горы! горы! поле и лѣсъ—словомъ Германія!—Господи, до чего мнѣ хочется на родину!..» Творчество и постоянно возрастающій успѣхъ ободряли, но и они не даются безъ терзаній,—способныхъ чрезвычайно обостриться подъ давленіемъ пошлостей жизни. Въ общемъ выводѣ, его настроеніе въ эту пору было настолько нерадостно, что въ его тогдашнихъ письмахъ часто встрѣчается выраженіе: «умереть бы! Самое бы лучшее умереть!» Ему не посчастливилось даже въ литературныхъ знакомствахъ, которыя помогли ему достигнуть известности.

Прежде всѣхъ оцѣнилъ его и заинтересовался имъ поэтъ Густавъ Швабъ, потомъ Шамиссо, которые стали помѣщать его стихи въ модномъ тогда «Альманахѣ Музъ», а впоследствии помогли ихъ издаванію первостепенной фирмой Котта. Всего цѣннѣе была, однакожъ, нравственная поддержка, мысль о сношеніяхъ съ тѣми крупными литературными дѣятелями, и въ особенности тѣ превосходные совѣты, которыми онъ обомъ имъ обязанъ. Черезъ нихъ онъ получилъ и отъ Уланда чрезвычайно полезное порученіе, воспользоваться пребываніемъ въ Амстердамѣ для розыска по тамошнимъ книжнымъ лавкамъ памятниковъ древне-германской народной поэзіи. Старикъ Шамиссо, никогда его не видавшій, не только полюбилъ его, какъ поэта, но сердечно привязался къ нему и звалъ его въ Берлинъ. — Не

позволяю себѣ со-снѣпа вмѣшиваться въ ваши дѣла и предлагать вамъ какіе-либо совѣты; но, можетъ быть, для васъ было бы удобно пріѣхать въ настоящихъ обстоятельствахъ въ Берлинъ. Не подбиваю и не зову—хочу только сказать, что если вы на это рѣшитесь, то васъ ждетъ у меня пристанище, подобающее невзыскательному студенту, и сердечный пріемъ». Передъ смертью, огорченный долгимъ молчаніемъ Фрейлиграта, который не отвѣчалъ на три его письма, онъ все твердилъ Фрейлигратовскій стихъ, изъ поэмы «Der ausgewanderte Dichter»: Dem Hass entfloх ich, aber auch—der Liebe!.. и каждое утро спрашивалъ, нѣтъ ли чего отъ Фрейлиграта? Эти крайне почтенные люди принадлежали, однакоже, прошлому и не были способны вывести поэта изъ того ложнаго круга, въ которомъ его фантазія вращалась. Заколдованная черта этого круга не поддавалась и чтенію, не систематическому, но настолько обширному, что Фрейлигратъ, обладавшій къ тому же необыкновенной памятью, поражалъ собесѣдниковъ разнообразіемъ и точностью свѣдѣній. Великихъ поэтовъ онъ изучалъ тщательно, восхищался ими; Байрона называлъ несравненнымъ, но изъ всего, имъ созданнаго, въ немъ роковымъ образомъ находило отзвукъ только то, что совпадало съ его давними, дѣтскими представленіями о мѣщанскихъ идеалахъ, или о странахъ, залитыхъ солнцемъ, миражахъ пустыни и кровавыхъ драмахъ, розыгранныхъ диковинными звѣрями или фантастическими людьми въ чудесныхъ костюмахъ. Все прочее для него какъ бы не существовало. Въ письмахъ онъ милѣйшій человекъ, увлекающійся, остроумный. Нельзя прелестнѣе выразить «сестренкѣ» удивленіе и радость по поводу того, что она уже умѣетъ печь *фринаделки*, ни совершать воздушные полеты изъ туманной Голландіи въ дѣтскую комнату въ Сѣстѣ. Но онъ нигдѣ, ни единымъ словомъ не отзывается ни на что, не касающееся его личныхъ дѣлъ. Между тѣмъ время, которое оставалось ему столь невѣдомымъ, было временемъ июльской революціи со всѣми ея страстными прелюдіями и отраженіями, восторгами и позоромъ; время бурнаго торжества французскаго романтизма и побѣды молодой Германіи надъ романтизмомъ нѣмецкимъ; время Гегеля; время, когда, послѣ кроваваго фарса реакціи, стала складываться теперешняя Европа, все-сословная и федеративная, объединенная промышленностью, торговлей, прессой, массовымъ туризмомъ и сознаниемъ необходимости изыскать практическіе пути къ коренному улучшенію общественныхъ отношеній. Нѣмецкій романтизмъ, поощряемый всѣми фокусами политическаго іезуитизма и усложненный проповѣдью

нѣмецкой самообитности, нѣмецкаго духа, нѣмецкой исконной правды, возврата къ разуму и завѣтамъ отцовъ, ненависти къ французамъ и растлѣвающимъ новшествами запада, — ругался и писалъ доносы устами Менцеля. Но жизнь уже пробилась сквозь эти тенета, уже обличила ихъ корыстныя пружины и каррикатурность; все молодое и способное привѣтствовало культъ мирового разума и борьбу за водвореніе правды, прозрѣваемой въ будущемъ. Активнаго участія въ литературномъ боѣ Фрейлигратъ не принималъ; но для него надеждой Германіи были молодые швабскіе поэты; похвала *штутгартскаго льва* — Менцеля, заставляла его радостно краснѣть и открываться къ новымъ усиліямъ; а къ молодой Германіи онъ былъ проникнутъ такимъ презрѣніемъ, что когда въ «Альманахѣ Музъ» появился портретъ Гейне (1835), онъ съ негодованіемъ потребовалъ отъ издателя возвращенія своихъ стиховъ. Беремъ изъ писемъ къ Швабу два обращения его тогдашнихъ взглядовъ и чувствъ: «Вы упоминаете о молодой Германіи и какъ бы заподозриваете меня въ томъ, что я до известной степени интересуюсь ея мнѣніемъ. Нѣтъ, повѣрьте, пока голова и сердце на мѣстѣ, я не разучусь презирать эту сволочь... Ея руганью можно только гордиться». Затѣмъ, въ письмѣ, помѣченномъ «25-ое марта 1838 г., послѣ первой пѣсни жаворонка»: «Не допустите, чтобы эти ядовитыя завистники, которымъ бы такъ хотѣлось подкопаться подъ безвредный чертогъ нашихъ пѣсень, достигли своей цѣли. Господи! чего только не творится теперь въ литературѣ! Взглянешь на эту наглую возню и не знаешь какъ отвернуться — отъ омерзения или отъ жалости. Душевно радъ, что Коттовская «Uierteljährlige Schrift» выступила на защиту достоинства и правды. Статья Пфизера противъ Гейне великолѣпна; и смѣшно смотрѣть, какъ тамъ и сямъ тщатся съязнова навести лаку, который строгая и мѣткая критика Пфизера сняла съ повапленнаго гроба». И эти строки могла написать рука двадцативосьмилѣтняго знаменитаго поэта, въ письмѣ, навѣянномъ радостью весны! Трудно найти болѣе рѣзкій и поучительный примѣръ творенія по невѣдѣнію. Оно, конечно, общій удѣлъ, и мѣръ вишить почтенными людьми, которые благодушно совершаютъ пошленькія дѣлишки, поздравляютъ съ этимъ другъ друга и радостно краснѣютъ отъ взаимной похвалы. Есть такіе люди и изъ числа тѣхъ, которые знаютъ все — кромѣ того только, что бываетъ открыто младенцамъ, но что младенцы рано забываютъ, и норуганное влачатъ въ роковой темнотѣ. Но поразительно видѣть въ такой тѣмѣ — поэта, сохранившаго всю чистоту, цѣлость и воспримчивость младенче-

своей души и одареннаго такимъ могучимъ талантомъ! Сопоставленіе съ Гюго тутъ непримѣнимо. Въ томъ—измѣнились только политическіе взгляды: роялистъ сталъ демократомъ. Но еще девятнадцатилѣтнимъ юношей Гюго написалъ оду «Le poète dans les révolutions», въ которой есть такіа строки:

„Faut-il donc, en ces jours d'effroi,
Rester sourd aux cris de ses freres?
Ne souffrir jamais que pour soi?
Non“...

Такимъ образомъ, уже тогда, при первомъ вступленіи въ жизнь, поэтъ былъ глубоко проникнутъ той же мыслью, той же потребностью духа, которая съ такой страстной силой сказалась среди всѣхъ уродствъ его самаго послѣдняго произведенія,—въ отвѣтъ Торвемеады отшельнику:

....Ah! tu te sauves, oui!
Mais qu'est-ce que tu fais de tes freres les hommes?
Tu vis calme, mangeant tes noix, mangeant tes pommes...
Et cela doit suffir au monde! et tout est bien!
Et rien n'est terrible! ombre, enfer, âmes maudites,
Qu'est-ce que cela fait, pourvu que tu médites
Avec ton lit de paille et ta cruche d'eau, seul!

Между тѣмъ, Фрейлигратъ оставался во тьмѣ безучастія къ общественному дѣлу до лѣтъ зрѣлаго мужества, и его талантъ не въ силахъ былъ выбиться изъ уродливой колеи, въ которую онъ былъ вдавленъ гнетомъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ Амстердамѣ его горизонтъ расширился лишь въ томъ смыслѣ, что онъ написалъ много стихотвореній, навѣянныхъ картинами портового города съ всемірной торговлей, и немислимыхъ въ мелкомъ нѣмецкомъ городѣ. Въ то же время, эти картины могли только усилить въ немъ склонность къ изображенію пустынь и пальмъ, львовъ, арабовъ и негровъ и соответствующаго кровопролитія. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что въ сущности всегда былъ революціонеромъ, и что это кровожадное экзотическое творчество было протестомъ противъ повседневной пошлости, которая его душила. У Гейне этотъ мотивъ почти буквально сказанъ въ стихахъ: «Verbrechen, blutig colossal—Nur diese platte Tugend nicht—Und Zahlungsfähige Moral!»—и, конечно, нѣчто подобное въ тайникахъ возникновенія мысли могло совершаться и въ Фрейлигратѣ. Мудрено, однакожь, признать Фрейлигратовскій востокъ особенно оригинальнымъ въ эпоху повального увлеченія

гречанками и турками Байрона и большого успѣха путешествія Ламартина и «Оріенталей» Гюго.

Характеризуя поэзію Фрейлиграта за весь этотъ первый періодъ его творчества, мы прежде всего повторимъ съ голоса нѣмцевъ, и вѣря имъ на слово, что стихотворенія Фрейлиграта сразу и чрезвычайно рѣзко отдѣлились отъ тогдашней академической правильности и напускной сантиментальности, отъ всей массы безжизненныхъ и пошлыхъ виршей, которыя наводняли литературу. Они поразили и очаровали современниковъ жизненностью образовъ, мощью фантазій, оригинальнымъ построениемъ рѣчи, новыми оборотами и приемами и мастерствомъ стиха — не всегда, впрочемъ, безусловно правильнаго. Огромный успѣхъ перваго изданія этихъ стихотвореній (1838) въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ справедливость этого лестнаго отзыва. Однакожъ, съ самаго начала, Шамиссо и Швабъ стали предостерегать поэта противъ неясности, недостатка вкуса, манерности, наклонности къ кровавымъ ужасамъ, противъ приемъ на звучныхъ иностранныхъ именахъ и т. п. Было замѣчено, что въ его стихахъ больше топота копытъ, чѣмъ бѣшенія сердца (*mehr Huf-als Herzschlag*), а Беттина Арнимъ находила, что, при всей звучности, они не спѣты (*nicht gesungen*), и что въ нихъ — духъ или стукотня паровозныхъ колесъ (*es sei das Wesen der Räder an den Dampfschiffen darin*). Самъ Фрейлигратъ упорно поправлялъ ихъ, и писалъ Швабу (1835): «Въ печати, стихи мои кажутся мнѣ совершенно безумными и никуда не годными. Проклятіе безвкусія тяготѣло на мнѣ, и мнѣ часто кажется, что, при всѣхъ усиліяхъ, мнѣ никогда отъ него не отдѣлаться». Фактъ необыкновенной образности, конечно, спору не подлежитъ, и несомнѣнно, что иногда — напримѣръ, въ заключительной пѣсеней мелодій песенка морского (*Sandlieder*) — поразительная опредѣленность обширнѣйшей картины и полнота впечатлѣнія достигаются самыми немногими и простыми словами. Смѣлость и богатство фантазій также иногда поражаютъ. Но затѣмъ, мы рѣшаемся сказать, что, по личному нашему впечатлѣнію, эти очень наглядные образы, въ большинствѣ случаевъ, прискорбно напоминаютъ картинки дѣтскихъ книжекъ, вывѣски табачныхъ лавокъ и зѣринцевъ, живопись подносовъ, табакеровъ, подушекъ и стѣнныхъ ковровъ. Письмо такихъ сюжетовъ можетъ, конечно, занимать фантазію; но, кровной потребностью сердца ему быть мудрено. Поэтому все это наглядное малеванье холодно. Негръ, попавшій въ Голландію, бѣжить на конькахъ, тогда какъ ему бы слѣдовало сидѣть въ тропическомъ лѣсу, въ жемчугѣ и зо-

лотѣ! Конечно, ужасно—но искра симпатіи способна вспыхнуть въ самыхъ развѣ избранныхъ сердцахъ. Визирь возлежить съ черкешенкой, причѣмъ на девяти строчкахъ—Korffhaag, Barthaag и ничѣмъ не прикрытый voller Schoos. Вдругъ евнухъ и шелковый шнурокъ! Korffhaag пригодился: его обвиняють вокругъ шеи, черкешенкѣ кинжалъ въ грудь—та рванулась—и шелковыя кудри замѣняютъ вещь, присланную султаномъ! Чего ужъ образнѣе и роскошнѣе по фантази?—но опять-таки сюжетъ всего болѣе подходящій къ украшенію офицерской палатки въ далекомъ Туркестанѣ. Царь пустыни, могучій левъ, ежечасно объѣзжаетъ свои владѣнія верхомъ на жирафѣ, которую загрызаютъ! и т. д. и т. д. и т. д. Нѣтъ ничего удивительнаго, что карриатура и пародія немедленно всѣмъ этимъ завладѣли, такъ же, какъ и невѣроятными сравненіями и шумихой иностранныхъ римъ; въ послѣдствіи и самъ поэтъ весело всталъ на сторону карриатуристовъ,—низвергнувъ львовъ и верблюдовъ въ бездну (Zum Teufel Löven und Kameele!)—и изобразилъ себя въ такомъ видѣ:

Augen rollend, wellenmähig,
Der bekannte Wüstenkönig,
Oft auch Mohrenfürst genannt.

Въ эту пору жизни, недостатокъ времени, огорченія и пошлость обстановки настолько угнетали Фрейлиграта, что онъ въ большинствѣ случаевъ не успѣвалъ сразу придумать и намѣтить, въ достаточной опредѣленности и полнотѣ, то, что ему напѣвалось. Неконченныя стихотворенія лежали подолгу и додѣлывались въ настроеніи духа, не всегда соответствовавшемъ первоначальному. Въ одномъ изъ писемъ онъ замѣчаетъ, что иногда удивительно долго онъ не въ состояніи возвратиться къ недодѣланной работѣ. Быть можетъ, это отчасти объясняетъ длинноты и въ особенности неясность и нестройность его тогдашнихъ стихотвореній. Въ этомъ смыслѣ они неизящны и вообще только мѣстами, изрѣдка, блещутъ той окрыленностью стиха, тѣмъ «быстрымъ холодомъ вдохновенія, той сіяющей гармоніей звука, чувства и образа, которые мгновенно покоряють читателя»—тѣмъ *пѣніемъ*, котораго не находила въ нихъ Беттина.

Признаваемое пѣмцами несравненнымъ и недосыгаемымъ «O, lieb, so lang du lieben kannst! все-таки, по нашему мнѣнію, не изящно, не стройно, не доведено до высшей красоты,—словомъ, гораздо лучше по замыслу, чѣмъ по исполненію. Въ поэзій молодого Фрейлиграта оно перлъ только по простотѣ и задумчивости, которыми онъ лично былъ такъ проникнутъ, но во-

торыя такъ рѣдко сказывались въ его творествѣ. Еще рѣже были у него тогда вдохновенные проблески общечеловѣческихъ симпатій, подобные начальнымъ строкамъ переселенцевъ (Die Auswanderer): Ich kann den Blick nicht von euch wenden: — Ich muss euch anschau immerdar... Еще замѣчательнѣе названное выше нами стихотвореніе «На смерть Граббе. Оно не стройно и беспорядочно, но въ немъ уже говорить человѣкъ не посторонній міру. Міровое страданіе, страсть, могучій наплывъ чувства уже слышатся—въ строчкѣ: Der Dichtung Flamm' ist allezeit ein Fluch! —и въ безвременно погибшемъ поэтѣ онъ уже видитъ разрушенный храмъ. Удѣлѣвшій черновой списокъ этого стихотворенія свидѣтельствуешь, въ какой лихорадкѣ, съ какими огромными усилями оно создано.

Черезъ немного лѣтъ, почти все, вошедшее въ первый сборникъ стихотвореній Фрейлиграта, стало чуждымъ самому поэту, сохраняя лишь значеніе памятника пережитого и совершенно законченнаго періода.

II.

Мы видѣли, что Фрейлигратъ съ самаго начала тяготился своимъ положеніемъ въ Амстердамѣ. Это чувство въ немъ постепенно усиливалось, и послѣдніе мѣсяцы, къ веснѣ 1836 года, онъ жилъ, можно сказать, изо дня въ день надеждой вырваться изъ этой кабалы на чужбинѣ. Тутъ случилось, что его обошли мѣстомъ, обѣщаннымъ ему безъ всякихъ съ его стороны домогательствъ, и онъ рѣшилъ, что самое приличіе не позволяетъ медлить долѣе. Возвращеніе въ Сѣсть не принесло ему, однако же, отрады. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже находить, что его удручало въ Амстердамѣ не столько самое торговое дѣло, сколько постоянно усиливавшееся нерасположеніе къ Голландіи, личныя непріятности въ конторѣ и несправедливость, которой онъ подвергся. Наконецъ, и спрячавшаяся отъ сидѣнія «машина» имѣла право на отдыхъ. Къ тому же ему пришлось извѣдать на опытѣ, что муза охотнѣе посѣщаетъ творца, чѣмъ переводчика. Литературное ремесло не даетъ зародиться въ душѣ ни одному путному собственному стихотворенію—просто до отчаянія! «У меня цѣлая папка новыхъ стиховъ—но все одна первая строфа, или двѣ. Уши моего духа плачевнѣйшимъ образомъ повисли...»

Переводы, которые тогда терзали Фрейлиграта, были, главнымъ образомъ, переводы Гюго, заказанные ему на довольно выгод-

ныхъ условіяхъ. Сначала этотъ заказъ, полученный еще въ Амстердамѣ, привелъ его въ восторгъ. Онъ пишетъ другу: «Hear, hear!—Respect!—Hut ab!—Silentium!—Книжный торговецъ Заулендеръ» и т. д.. Срокъ былъ назначенъ самый короткій, такъ что пришлось сидѣть ночи на пролетъ, и это чередованіе дневной конторской работы съ насильственнымъ ночнымъ переживаніемъ пестрѣйшихъ фантазій, почти совсѣмъ безъ сна, разстроило и надломило его здоровье.

Разочаровавшись въ своей независимости и въ производительности своего творчества при такихъ условіяхъ, Фрейлигратъ сталъ искать мѣста въ торговомъ дѣлѣ и пристроился въ бойкомъ и промышленномъ Барменѣ, близъ Дюссельдорфа. Вскорѣ послѣ того (весной 1838 г.) появился томикъ его стихотвореній, сразу доставившій ему огромную извѣстность, такъ что въ Барменѣ положеніе его, какъ конторщика и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитаго поэта, сдѣлалось совершенно исключительнымъ. Приглашенія такъ на него и посыпались; всѣ наперерывъ старались залучить его къ себѣ. Это было самое веселое, отчасти даже разгульное время его жизни. Въ благодатныхъ странахъ, орошаемыхъ Рейномъ, безучастіе къ драгоцѣннѣйшему его дару не говорить въ пользу человѣка, и Фрейлигратъ всегда умѣлъ цѣнить рейнвейнъ по достоинству. Но въ Барменѣ, въ дружескомъ кругу, увлеченіе зелеными чашами, быть можетъ, иногда было уже и чрезмѣрнымъ. Увлеченіе литературой, однакожь, въ этомъ кружкѣ веселой, образованной молодежи, сдѣлалось еще болѣе искреннимъ и радостнымъ. Устроивались прогулки, во время которыхъ шла одушевленная бесѣда о разныхъ вопросахъ, драматическія чтенія съ распредѣленіемъ ролей и т. п. Поэтъ являлся естественнымъ центромъ всѣхъ этихъ собраній: имъ восхищались, разбирали при немъ его произведенія, требовали, чтобы онъ высказывался. Эта жизнь, этотъ сочувственный и бойкій обмѣнъ мыслей были ему новы. Онъ весело отдавался этимъ впечатлѣніямъ, и они замѣтно сказались въ обычномъ его настроеніи и въ тонѣ его писемъ, которыя съ тѣхъ поръ становятся особенно блестящими. Барменскіе друзья оставались ему вѣрными и близкими всю жизнь, и впоследствии встали во главѣ національной подписки въ пользу поэта.

Важнѣйшимъ эпизодомъ пребыванія въ Барменѣ было знакомство съ жившимъ въ Дюссельдорфѣ Иммерманомъ, который, несмотря на свою важность и официальное положеніе, первый искалъ сближенія съ конторщикомъ:—такъ, къ досадѣ Фрейлиграта, было адресовано съ педантической точностью письмо, ко-

торымъ Иммерманъ спрашивалъ, когда можетъ явиться. Ихъ отношенія сразу сдѣлались дружескими и принесли Фрейлиграту существенную пользу. Они были бы даже крайне цѣнными, еслибъ заключались хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ его писемъ: «Всего пріятнѣе мнѣ, что вы хотите заняться Вестфаліей. Мнѣ кажется, что эта рѣшимость знакъ благопріятнаго кривиса въ вашей натурѣ. вмѣсто Востока, который вы видите лишь въ туманной дали, вы беретесь за близкую и подлинную дѣйствительность. Она вамъ не поддастся сразу, но навѣрное пробудитъ въ васъ новыя струны и дастъ вамъ то вниманіе къ реальному, наблюдаемому глазомъ въ самыхъ близкихъ, такъ сказать, личныхъ его отношеніяхъ, которое, по моему, одно только и можетъ развить дарованіе поэта». Впослѣдствіи, Фрейлигратъ достойно помянулъ Иммермана въ посланіи къ Ауэрбаху (Dorfgeschichten), какъ одного изъ четырехъ его предшественниковъ, начиная съ Юнга Штиллинга, сѣмъвѣвшихъ постигнуть и изобразить душу народа въ ея честной простотѣ, радостяхъ и печаляхъ. Еще болѣе проникнуто глубокимъ уваженіемъ къ нему стихотвореніе, вызванное его неожиданной смертью, гдѣ Фрейлигратъ, повторяетъ съ его словъ торжественный обѣтъ «труда, правдивости и постоянства».

Сношенія съ Иммерманомъ, литературныя диспуты, веселыя собесѣдованія за чашами рейнвейна и вообще весь строй жизни въ Барменѣ такъ мало подходили къ конторскому дѣлу, что Фрейлигратъ вскорѣ рѣшился его оставить и попытаться жить однимъ литературнымъ трудомъ. 16 апрѣля 1839 г. онъ пишетъ Иммерману: «*Alea jacta est!*—Мнѣ такъ хорошо на душѣ: цифры, среди которыхъ я сидѣлъ, какъ сказочная принцесса въ горохѣ, выброшены, счетныя книги захлопнуты, и мой конторскій стулъ гремитъ подъ тяжестью моего преемника. — Я свободенъ и за Рубинономъ!»

На этотъ разъ, Фрейлигратъ имѣлъ полное право надѣяться на обезпеченіе себѣ независимой жизни одной головною работою. Его слава росла; стихотворенія расходились, переводы оплачивались недурно, и приглашенія участвовать въ разныхъ изданіяхъ получались отсюду. Поэтъ предположилъ, что путешествіе всего благотворнѣе отразится на его творчествѣ; но, какъ мы видѣли, его потянуло уже не въ Африку и не на Востокъ, а на родину, на красную глину Вестфаліи. Это настроеніе выразилось въ прелестныхъ заключительныхъ строчкахъ стихотворенія «*Der Freistuhl zu Dortmund*»: *An's Herz der Heimath wirft sich der Poet,—Ein Anderer, und doch derselbe;*—хотя онъ все

еще главнымъ образомъ имѣлъ въ виду подслушать «тайны старыхъ башенъ». Онъ задумалъ изданіе «Живописной Вестфаліи», пригласивъ къ участию талантливаго молодого художника, Шликума, съ которымъ близко сошелся. Экскурсія вышла очень веселая, — но въ литературномъ отношеніи никакихъ непосредственныхъ результатовъ не дала и въ послѣдствіи; Фрейлигратъ, съ согласія издателя, передалъ затѣянное дѣло другому лицу. Можно сказать, что всѣ вообще альманахи и сборники, къ участию въ которыхъ издатели привлекали Фрейлиграта, не отличались ни долговѣчностью, ни успѣхомъ. Однажды ему пришлось даже раскаться въ данномъ по добродушію позволеніи, выставить свое имя въ числѣ издателей одного періодическаго сборника.

Послѣ экскурсіи въ Вестфалію, Фрейлигратъ поселился въ чрезвычайно живописномъ при-рейнскомъ мѣстечкѣ Унвелѣ. Жизнь здѣсь пошла самая веселая, и посѣщенія старыхъ и новыхъ друзей почти не перемежались. Къ этому времени относится довольно интересный эпизодъ возстановленія Роландова лука, — рѣзко очерченной скалы, возвышавшейся близъ Унвеля и рухнувшей въ Рейнъ. Фрейлигратъ задумалъ возстановить этотъ легендарный утесъ, и успѣлъ въ этомъ, путемъ нѣсколькихъ стихотвореній и организованной, по его почину, подписки.

Онъ писалъ изъ Унвеля: «Я живу здѣсь чудесно, великолѣпно, райски!» — и эта строчка явилась предвѣстницей событія, которое его здѣсь ожидало; въ Унвелѣ разыгрался, наконецъ, романъ жизни тридцатилѣтняго поэта, повеселѣвшаго, бодрого, знаменитаго на всю Германію, счастливаго во всѣхъ отношеніяхъ, — кромѣ вѣчной мысли объ уважаемой, но невозможной и несчастной невѣстѣ. Весной 1840 г., онъ пишетъ близкому другу: «Со вчерашняго дня, я почти не человекъ!» — и затѣмъ цитируетъ знаменитое четверостишіе презираемаго имъ врага: — *Es ist eine alte Geschichte...* Въ данномъ случаѣ, исторія заключалась въ томъ, что въ семействѣ одного изъ постоянныхъ унвельскихъ знакомыхъ — и притомъ ближайшаго сосѣда, такъ что смежные сады раздѣлялись только не совсѣмъ исправной изгородью — жила, въ качествѣ гувернантки, молодая особа, Ида Мелось, которую можно назвать не совершенно намъ чужою, такъ какъ лишь незадолго передъ тѣмъ, по болѣзни, она возвратилась изъ Россіи, гдѣ жила въ семействѣ извѣстнаго въ свое время инженернаго генерала Дена. Дѣтство Иды (родилась 1817 г.) принадлежало обстановкѣ и порядку представленій, отъ которыхъ переходъ къ почтенному генералу можетъ показаться нѣсколько крутъ. Она была родомъ изъ Веймара, дочь профессора, поль-

зовавшася особеннымъ уваженіемъ герцога Карла-Августа, и постоянная подруга игръ внуковъ Гёте. Она бывала въ его домѣ каждаго дня, участвовала въ дѣтскихъ набѣгахъ на его комнату, въ шумъ надъ его головой, противъ чего онъ прибѣгалъ къ одному только средству—присылалъ дѣтямъ конфетъ для игры въ лото. Иногда Гёте бросалъ имъ конфетъ изъ окна въ садъ, и Идѣ казалось, что она получала больше прочихъ. Ей случилось помочь ему надѣть скортукъ—и онъ замѣтилъ, что такія хорошенькія руки давно ему не помогали. До четырнадцати лѣтъ, когда вдовство заставило ее мать покинуть Веймаръ, она такимъ образомъ жила въ сферѣ самой высокой культурности. Въ эпоху встрѣчи съ Фрейлигратомъ, она, такъ же какъ и онъ, была помылена, но къ своему жениху расположена; такъ что знакомство началось при условіяхъ, не возбуждавшихъ опасенія. Сосѣдству знаменитаго поэта были, конечно, рады, «приглашали его безпрестанно», переговаривались съ нимъ черезъ изгородь. Съ своего балкона онъ невольно видѣлъ и слышалъ все, что происходило въ сосѣднемъ саду. Возникла короткость и потомъ дружба—настолько близкая, что поэтъ, отъ всѣхъ ревниво скрывавшій свои огорченія, высказалъ ихъ Идѣ. Та сожалѣла о немъ, плакала, и поддерживала его въ благородной и самоотверженной рѣшимости. Онъ далеко не могъ назваться красавцемъ; но въ его пользу говорили его молодое мужество, горячая рѣчь, блескъ остроумія, слава... При такихъ данныхъ, признанія, слезы и добрые совѣты могли разрѣшиться только взаимной страстью, которая, послѣ мучительныхъ колебаній и борьбы, привела обоихъ къ сознанію, что внѣ ея уже не могло быть ни счастья, ни долга. Свадьба состоялась черезъ годъ послѣ перваго знакомства (20-го мая 1841 г.), и новобрачные поселились послѣ вѣнца въ Дармштадтѣ. Въ концѣ октября, Фрейлигратъ писалъ своей давней пріятельницѣ, Луизѣ Граббе:

«Итакъ, послѣзавтра вы пускаетесь въ обратный путь. Тысячу поклоновъ въ Детмольдъ—всѣмъ, въ комъ вы можете предположить ко мнѣ участіе.—Сѣсть?! Прошу васъ... Нѣтъ!—Но даю вамъ слово, что скоро напишу своимъ, и съ Божьей помощью мы вернемся къ прежнимъ добрымъ отношеніямъ. Мнѣ нѣтъ надобности повторять вамъ, какъ грызетъ меня эта бѣдственная рознь. При всемъ счастьи, я ни днемъ, ни ночью не знаю покоя.—Но зачѣмъ вамъ туда? Говорить обо мнѣ? Вѣсть, что я горько, горько сожалѣю, конечно бы порадовала; но описаніе счастья столько же огорчить!—И потому еще разъ сердечно прошу: Нѣтъ!—Я долженъ прежде самъ написать!—Но

разузнайте въ гостинницѣ, какъ имъ всёмъ живется, и напишите мнѣ!—О Господи, я вѣдь даже не знаю, всё ли онѣ живы! Дайте вѣсточку — скоро, скоро! И скажите мнѣ всю правду—мнѣ до смерти тяжело!»

Годъ спустя онъ пишетъ другу: «Ты былъ въ Ункелѣ свидѣтелемъ моихъ слезъ, когда я при тебѣ получилъ рѣзкое письмо отъ матери и сестеръ, и потому я не вправѣ не подѣлиться съ тобой радостной вѣстью, что отношенія мои къ нимъ улаживаются, и я надѣюсь на близкое восстановление всей прежней любви и душевнаго согласія. Я имъ признался, что сердечно раскаяваюсь въ томъ, въ чемъ дѣйствительно виноватъ, и это признаніе принято ласково и кротно. Слава Богу! Не правда ли, старина, что и ты за меня порадуешься!»

Цикль пѣсенъ, внушенныхъ Фрейлиграту страстью къ Идѣ Мелосъ, очень кратокъ. Ихъ было шесть, и изъ нихъ три погибли. Фрейлигратъ сжегъ ихъ, взбѣшенный внезапнымъ бѣгствомъ Иды изъ Ункеля, и потомъ не хотѣлъ ихъ восстанавливать. Остальныя три: *Mit Unkraut* (при букетѣ полевыхъ цвѣтовъ, нарванныхъ во время горячешнаго скитанія по дебрямъ:—Не отвергни ихъ и меня!), *Der Vogelsteller* (тѣма: ты меня назвалъ птицеловомъ, такъ будь же всякой радостной птичкой), и *Ruhe in der Geliebten*—уцѣлѣли. Последнее стихотвореніе чрезвычайно хорошо, глубоко прочувствовано въ каждомъ словѣ и проникнуто беззабѣтной любовью и полнотой счастья.

Бракъ Фрейлиграта былъ счастливѣйшимъ изъ счастливыхъ. Очень вышколенная въ свѣтскомъ отношеніи, жена заставила его постигнуть, что курить въ комнатахъ не полагается, и при нѣсколькихъ рискованныхъ шуткахъ онъ неизвѣнно встрѣчалъ ея взглядъ.—Но, вмѣстѣ съ этимъ легкимъ игромъ, онъ нашель въ ней вѣрную спутницу всѣхъ превратностей жизни, друга, раздѣлявшаго всё его чувства, помощницу въ добываніи насущнаго хлѣба—настолько способную, что въ Лондонѣ, имѣя на рукахъ домъ и семью, она зарабатывала уроками до пятидесяти фунтовъ и помогала мужу въ переводахъ. Иныя стихотворенія даже цѣликомъ переведены ею. Въ Дармштадтѣ она много способствовала тому, что ихъ домъ сдѣлался настоящимъ интеллигентнымъ центромъ.

Бухнеру она вспоминается высокою, стройною; темные, просто причесанные волосы, нѣжное, нѣсколько удлиненное лицо, необыкновенное изящество и спокойствіе въ обращеніи. Четыре года спустя, Варигагенъ писалъ: «Фрейлигратъ съ каждымъ днемъ нравится мнѣ больше... Она для него сокровище».

Фрейлигратъ былъ въ эту пору (1840) такой литературной силой, что его слово стало уже способно въ прямому общественному воздѣйствію. Въ Ункелѣ ему удалось организовать значительную національную подписку для восстановления Роландовой скалы; а въ Дармштадтѣ, его негодующее стихотвореніе: «Ein Denkmal», спасло Эбернбургъ, прославленный Ульрихомъ фонъ-Гуттенемъ, отъ позора сооруженія игорнаго дома, который тамъ предполагался. Вслѣдствіе такого уже признаннаго за нимъ значенія, въ Дармштадтѣ и разыгрался одинъ эпизодъ, имѣвшій рѣшающее вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность Фрейлиграта. Онъ написалъ красивое стихотвореніе: «Aus Spanien», въ которомъ ввоображена геройская смерть вождя боевыхъ дружинъ, разстрѣливаемого бывшимъ товарищемъ. Почтивъ героя, поэтъ не хочетъ стѣсняться вопросомъ, всѣмъ ли онъ угодилъ? Ему это все равно. Онъ преклоняетъ колѣно передъ Бонапартегероемъ, и вмѣстѣ съ негодованіемъ слышитъ предсмертный стонъ герцога Энгиенскаго; его мѣсто въ бою выше, чѣмъ на твердыхъ партиі:

Er beugt sein Knie dem Helden Bonaparte,
Und hört mit Zürnen d'Enghien's Todesschrei:
Der Dichter steht auf einer höhern Warte,
Als auf den Zinnen der Partei!

За это стихотвореніе (въ связи, быть можетъ, съ восстановленіемъ Роландовой скалы, бывшей собственностью прусской принцессы) Фрейлигратъ получилъ отъ прусскаго короля, по ходатайству Гумбольдта, пенсію въ триста талеровъ, — дарованную, конечно, не взаменъ какихъ-либо обязательствъ, а единственно въ знакъ высокаго уваженія и проч. Само собою разумѣется, что для молодой четы, не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ источниковъ существованія, пенсія эта была какъ нельзя болѣе встати.

Между тѣмъ, стихотвореніе: «Aus Spanien», возбудило и другой отзвукъ: талантливый поэтъ Гервегъ — авторъ «Gedichte eines Lebendigen» — отвѣтилъ на него великолѣпнымъ стихотвореніемъ, «Ein Blitz nach Darmstadt», которое все трепещетъ страстью и энергіей:

Partei Partei Wer sollte sie nicht nehmen,
Die noch die Mutter aller Siege war?
Wie mag ein Dichter solch ein Wort verfehlen,
Ein Wort das alles Herrliche gebar?
Nur offen wie ein Mann: für oder wider?
Und die Parole: Slave oder frei?
Selbst Götter stiegen vom Olymp hernieder,
Und kämpften auf den Zinnen der Partei!..

На ту же тему, Гервегъ тогда же написалъ Фрейлиграту прекрасное, почтительное письмо.

Фрейлигратъ, однакожь, не убѣдился, — напротивъ, даже нѣсколько озлобился, и нашелъ, что противникъ ему же даетъ противъ себя оружіе, такъ какъ боги сражались изъ-за столь постыдныхъ причинъ, что ихъ лучше не трогать. На эту тему и сложился — было поэтическій отвѣтъ, недодѣланный, быть можетъ, вслѣдствіе невыдерживающей критики, красивой ссылки на Данте. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ началѣ 1843 г., Гервегъ предпринялъ поѣздку въ Кѣнигсбергъ, и его на всемъ пути встрѣчали съ необыкновенными оваціями. Самъ Фридрихъ - Вильгельмъ IV счелъ приличнымъ, въ сознаниіи высокой своей культуры, принять новаго маркиза Пону въ частной аудіенціи. Вскорѣ затѣмъ Гервегъ обратился къ королю съ письмомъ, которое, по чьей-то непростительной нескромности, попало въ газеты, вслѣдствіе чего Гервегъ и былъ высланъ изъ Пруссіи. Фрейлигратъ призналъ его кругомъ виноватымъ, заносчивымъ, завывавшимъ мальчишкой, который на долго испортилъ дѣло серьезнымъ людямъ, — и, между прочимъ, особенно вознегодовалъ за намекъ на устарѣлость Арндта. Мы не имѣемъ надобности вникать въ дѣло по существу, и скажемъ только, что написанное на эту тему стихотвореніе Фрейлиграта: «Ein Brief» — блестящая и злая насмѣшка надъ человѣкомъ, подвергшимся полицейскимъ преслѣдованіямъ, гонимымъ и изгнаннымъ изъ отечества за убѣжденія. Фрейлигратъ чувствовалъ, что набрасываться на такого человѣка нехорошо — но, послѣ нѣкотораго колебанія, нашелъ, что оно нехорошо только въ прочихъ случаяхъ, а въ настоящемъ, напротивъ, похвально. Неувѣренный въ себя, онъ посоветовался съ Карломъ Бухнеромъ. Тотъ сошелся съ нимъ въ мнѣніи — и стихи появились. Они вызвали бурю, и Фрейлиграту пришлось признать, что почти вся пресса высказалась противъ него. Онъ упорно продолжалъ считать себя правымъ, протестовалъ противъ предположенія, что можетъ пойти на уступку, ссылался на примиряющее заключеніе стиховъ и т. д. Но змѣй сомнѣнія его терзалъ. Честный человѣкъ все возвращался къ вопросу, вертѣлъ его на всѣ лады, старался увѣрить себя, что онъ не поступилъ дурно — и міросозерцаніе поэта не устояло противъ этой провѣрочной работы. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ къ Карлу Бухнеру встрѣчается такое воздыханіе: «Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось по прежнему сидѣть съ вами за столомъ, ѣсть, пить и смѣяться, какъ будто никакихъ временъ на свѣтѣ не существуетъ — ни дурныхъ, ни хорошихъ!» Но возможность

безотносительныхъ времянь уже навсегда для него миновала, и суровыя требованія настоящаго времени сказались. Мысль неуверенно работала въ новомъ направленіи; непонимаемые до тѣхъ поръ факты открылись сознанію, сочувствіе и жалость заговорили, негодованіе застало, все существо прониклось потребностью борьбы. Случай съ Гервегомъ, конечно, не былъ единственнымъ факторомъ этого просвѣтлѣнія, но онъ несомнѣнно имѣлъ рѣшающее значеніе, тогда какъ легенда объ отравленіи въ бесѣдѣ съ Гофманномъ, въ трактирѣ «Великана» въ Кобленцѣ (Jene Nacht im Riesen), гдѣ оба цѣнителя благородныхъ напитковъ проображничали до послѣднихъ пѣтуховъ (Bis ich Alles wusste), возникла—и крѣпко установилась—только по недоразумѣнію. Фрейлигратъ действительно, и не безъ досады, ее опровергаетъ, говоря, что стихотвореніе: «An Hoffmann von Fallersleben», само по себѣ уже показываетъ, что стихъ: Bis ich Alles wusste—относился исключительно къ личнымъ дѣламъ Гофманна, и что иное его толкованіе предполагаетъ нравственную и умственную невозможность. Эта невозможность не позволяетъ, конечно, серьезно отнестись и къ увѣренію самого Фрейлиграта, будто бы онъ внезапно сталъ демократомъ въ тотъ самый вечеръ, когда имѣлъ честь быть представленнымъ королю Фридриху-Вильгельму IV, на балу въ Кобленцѣ. Высокообразованный другъ Гумбольдта очасливилъ его тогда, буквально и единственно, нижеслѣдующимъ привѣтствіемъ:—А, г. Фрейлигратъ! Вы, говорить, знатокъ винъ. Случалось ли вамъ пробовать Грюнебергеръ?—И, когда Фрейлигратъ съ улыбкой признался, что не пробовалъ:—Ну, такъ поздравляю. Поздравляю!—заклучилъ король. Вслѣдъ затѣмъ, австрійскій эрцъ-герцогъ Іоаннъ расхвалилъ его поэму «Агасферъ» — которой Фрейлигратъ не писалъ. Но поэтъ, никогда не бывавшій въ большомъ обществѣ, и, конечно, достаточно взывшій среди разволоченной толпы, былъ въ особенности возмущенъ тѣмъ, что до представленія его не замѣчали даже люди, знавшіе его лично, а послѣ приѣма — который былъ сочтенъ милостивымъ—всѣ бросались къ нему съ любезностями. Возвращаясь къ этому вопросу въ другомъ письмѣ и отвергая всякое частное вліяніе или случайность, Фрейлигратъ уже инымъ тономъ говоритъ: «Was ich bin, bin ich durch mich selbst und durch den König von Preussen. Der ist der ärgste Demagogenfabrikant». Дѣйствительно, въ системѣ, которую тогда съ особеннымъ тщаніемъ примѣнялъ король прусскій, самъ благонамѣренѣйшій, — Бухнеръ усматриваетъ подшивку бахромы либеральныхъ словъ къ постоянно превозносимому противоположному принципу, роман-

тико-пiетистически-патрiархальныя любезничанья, попытки отдѣливаться грошowymi уплатами отъ давнихъ, законныхъ требованiй, и отъ исполненiя давнихъ обѣщанiй, мелочныя цензурныя гоненiя, смѣщенiя, запрещенiя книгъ... Отъ допускать также, что эта система могла довести до отчаянiя открытую и мощную натуру.

Всего непосредственнѣе и ближе касалась, конечно, литературы та сторона этой системы, которая выражалась въ цензурныхъ строгостяхъ. По словамъ Экклезиаста, гоненiе и мудраго превращаетъ въ безумца,—а мелочныя, анекдотически-нелѣпыя придирки цензуры возбуждали въ пишущей братѣ и читающей публикѣ чрезвычайное раздраженiе. Фрейлигратъ писалъ по этому поводу Бухнеру: «Цензурныя дѣла въ Пруссiи хуже, чѣмъ когда-нибудь. Здѣшнiй ландратъ (онъ нашъ окружной цензоръ) говорилъ мнѣ, что новыя негласныя инструкцiи цензорамъ поступаютъ ежедневно, такъ что, понятнымъ образомъ, всякая не чрезмѣрно свѣтлая голова должна потеряться въ этомъ хаосѣ запрещенiй и принимается черкать зря, лишь бы не попасть на замѣчанiе къ начальству. Жалобъ въ высшiй цензурный судъ съ каждымъ днемъ больше отовсюду. Безбожныя порядки—безнадежныя, безнадежныя, безнадежныя! Будетъ ли когда иначе?!» Фрейлигратъ приходилъ отъ этихъ порядковъ въ ярость, такъ что схватки съ цензурой были безъ сомнѣнiя въ числѣ причинъ, которыя всего энергичнѣе способствовали возникновенiю въ немъ новыхъ мыслей и чувствъ. И они возникали съ поразительной быстротой. Конецъ 1843 и начало слѣдующаго года были самымъ производительнымъ временемъ его жизни, до таковой степени, что онъ самъ удивлялся легкости, съ которой ему стала даваться работа. «У насъ теперь такъ—писалъ онъ:—разсержусь, въ руки пошлюю—и готово!» Объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ своихъ стихотворенiй (Die Freiheit! Das Recht!) онъ тогда же пишетъ Ауэрбаку: «Чась тому навадъ у меня сложилась первая строфа новой пѣсни:

O, glaubt nicht, sie ruhe fortan bei den Todten,
O, glaubt nicht, sie meide fortan dies Geschlecht!...

—Посмотримъ, что дальше Господь пошлетъ сегодня.»

Фрейлигратъ жилъ тогда въ С.-Гоарѣ, живописномъ мѣстечкѣ на берегу Рейна, куда веселые друзья по прежнему набѣжали безпрестанно. Но его творческая энергiя устояла и противъ развлеченiй веселаго кружка, и противъ постоянныхъ переводовъ (bei allem Uebersetzen, пишетъ онъ), которыми онъ продолжалъ заниматься частью потому, что привыкъ къ этой работѣ, но, ко-

нечно прежде всего по необходимости, т.-е. ради насущнаго хлѣба. О томъ, какъ относилась жена къ новому направленію его творчества и къ понятнымъ его послѣдствіямъ, онъ пишетъ (февраль, 1844): «Итакъ, рѣшился; вышибаю дно! Жена на все согласна—и она вѣдь имѣетъ тутъ голосъ, какъ то, я полагаю, всегда бываетъ въ каждомъ счастливомъ бракѣ, основанномъ не на любви только, но и на уваженіи. Она вообще отличная женщина: умъ самый свѣтлый и чистое, чуткое сознаніе правды. Оттого она такъ вѣрно и понимаетъ теперешніе порядки и личное мое положеніе. Благослови ее Господь и сохрани ее мнѣ! Не пропаду, пока она со мной, пока я держусь за нее. Провидѣніе сгладитъ мои пути, хотя бы ради одной ея. А я въ сущности что?» Въ поэтическомъ образѣ этотъ мотивъ сказанъ въ стихотвореніи — «Feldmusik»:

Nun ist es Zeit, nun an's Klavier!
Vor dir am Flügel will ich knien—
Du aber lächelnd sende mir
All' deine muth'gen Melodien!

Иныя изъ написанныхъ тогда стихотвореній онъ помѣщалъ въ разныхъ изданіяхъ, пререкаясь съ цензурой, протестуя и апеллируя въ высшія инстанціи; но большую часть онъ и не помышлялъ подвергать просмотру цензуры; — пріятелю-издателю онъ тогда отвѣчаетъ: «Дамъ, ежели взбрѣдетъ, что смиренное», — и прямо задумалъ издать ихъ особенной книжкой. Для подготовленія этого изданія онъ исчезъ изъ С.-Гоара, гдѣ друзья и туристы все-таки олодѣвали, и тайно отъ всѣхъ поселился въ Асманстауенѣ. Типографія также работала въ глубочайшей и хорошо сохраненной тайнѣ. Заключительное стихотвореніе было написано въ маѣ (1844), книга появилась въ августѣ. Поэтъ ее назвалъ: «Ein Glaubensbekenntniss» — исповѣданіе вѣры. Въ моментъ появленія книги, Фрейлигратъ официально отказался отъ пенсіона, пожалованнаго ему прусскимъ королемъ, но фактически онъ пересталъ имъ пользоваться еще съ января. Заранѣе совершенно приготовившись къ отъѣзду, онъ изъ Майнца разослалъ друзьямъ первые экземпляры книги (въ одномъ изъ препроводительныхъ писемъ онъ цитируетъ Бѣне: «Бѣги милости сильныхъ! Они дають немного и берутъ все!»), и затѣмъ въ дождливый августовскій день спустился по возлюбленному своему Рейну. Къ счастью, то были дни, предшествовавшіе объединенію полиціи. У каждаго изъ тридцати-шести отцовъ-отечества была своя, или нѣсколько своихъ, и ихъ дѣятельность, даже въ вопіющихъ случаяхъ, обуслов-

ливалась прежде всего соответствующимъ количествомъ пререканій. Запрещенія послѣдовали въ известной постепенности (первое въ Кельнѣ), и поэтъ успѣлъ невозбранно покинуть отечески охраняемую отъ соблазна почву Германіи. Онъ отправился въ Остенде и потомъ въ Брюссель, гдѣ съ трепетомъ сталъ ждать вѣстей объ успѣхѣ книги.

IV.

Успѣхъ «Исповѣданія вѣры» скоро разсѣялъ всѣ опасенія Фрейлиграта и превзошелъ всѣ его мечты. 8,000 экземпляровъ разошлись до зымы; въ одномъ Ахенѣ въ нѣсколько дней расхватали 600. Въ рейнскихъ провинціяхъ, въ Берлинѣ, въ Силезіи приемъ былъ восторженный. Поэтъ пишетъ: «Меня увѣряютъ, что о моихъ стихахъ говорю больше, чѣмъ о стихахъ Гейне!» И другому другу: «Успѣхомъ книги и тѣмъ, что съ нимъ связано, я доволенъ вполне: реакціонная пресса охрипла отъ крика, правительства запрещаютъ, Пруссія собирается, буде вздумалъ бы вернуться, меня изловить и судить за оскорбленіе величества,—но честные люди жмутъ мнѣ руку, книга расходится такъ, что, несмотря на запрещеніе, едва успѣваютъ выполнять заказы, и у меня на душѣ спокойно и отрадно, какъ еще никогда не бывало».

«Исповѣданію Вѣры» предпослано большое предисловіе:

«Новѣйшій ходъ событій въ ближайшемъ моемъ отечествѣ, Пруссіи, во многихъ отношеніяхъ прискорбно разочаровалъ меня, принадлежавшаго къ числу надѣющихся и довѣряющихъ, и именно онъ вызвалъ большую часть стихотвореній во второмъ отдѣлѣ этой книги. Съ спокойной увѣренностью могу сказать, что между ними нѣтъ ни одного *дѣланнаго*; напротивъ, каждое изъ нихъ *явилось* подъ вліяніемъ событій такимъ же необходимымъ и неотразимымъ послѣдствіемъ моего сознанія правды и моихъ убѣжденій, какъ и тогда же принятая и приведенная въ исполненіе рѣшимость отказаться отъ сдѣлавшагося предметомъ столькихъ толковъ небольшого пенсіона. 1 января 1842 г. онъ былъ мнѣ неожиданно пожалованъ; съ 1-го января 1844 г. я пересталъ имъ пользоваться.

«Становясь такимъ образомъ, словомъ и дѣломъ, открыто и рѣшительно, на сторону оппозиціи, я, однакожь, присоединяю къ недвусмысленнымъ голосамъ выработавшагося и установившагося политическаго убѣжденія—менѣе вѣрные и сознательные голоса

перы возникновеніи и развитія. Я не могъ поступить иначе! Достигшии цѣли, не вправѣ отречься отъ пути, которымъ онъ къ ней шелъ. Таково мое убѣжденіе и таково единственная причина, которая меня побудила выдать теперь вновь эти прежнія стихотворенія. Иные мотивы, тѣмъ менѣе ненависть или зависть, которыми нѣвогда объясняли мое стихотвореніе противъ Гервега, мнѣ теперь такъ же чужды, какъ и тогда были, и я безусловно ихъ отрицаю. Я хочу только, наглядно для себя и другихъ, закончить пережитую мной переходную ступень моего творческаго и политическаго развитія.

«И такъ, съ довѣріемъ вкладу этотъ сборникъ, прежнее и новое, на сердце нѣмецкаго народа! Разумному и спокойному сужденію, надѣюсь, не трудно будетъ замѣтить многочисленныя нити, связывающія первый отдѣлъ книги со вторымъ. Надѣюсь, будетъ признано, что и тутъ рѣчь только о шагѣ впередъ, о развитіи, а не о переходѣ къ противнику, не о распутной перемѣнѣ знамени, не о легкомысленной погонѣ за тѣмъ, что въ высшей степени священно, какъ любовь и уваженіе народа. Я надѣюсь на такое призваніе тѣмъ болѣе, что школа, пройденная мною лично въ виду націи, въ сущности та же, которую и вся нація прошла, а частью и теперь проходитъ въ своемъ стремленіи къ политическому сознанію и порядку. И я полагаю, что злѣйшее, въ земь меня могутъ обвинить, сведется къ тому, что я снизошелъ съ «высшаго сторожеваго поста» на «твердыни партіи». Это, конечно, справедливо! Твердо и непреклонно становлюсь на сторону тѣхъ, которые головою и грудью идутъ противъ реакціи! Отиниѣ для меня нѣтъ жизни безъ свободы! Что бы ни постигло эту книжку и меня самого, — пока не снимется гнетъ, подъ которымъ стонетъ родина, сердце мое будетъ обливаться кровью и возмущаться, мои уста и рука не перестанутъ, по мѣрѣ силъ, бороться за достиженіе лучшихъ дней! Въ этомъ да поможетъ мнѣ Богъ и довѣріе моего народа. Лицо мое обращено къ будущему!»

Бухнеръ — о солидности и совершенной умѣренности котораго мы считаемъ не лишнимъ упомянуть еще разъ — говорить, что теперь кажутся одинаково удивительными и радостное возбужденіе, и негодованіе, вызванныя этой книгой, такъ какъ замѣченные въ ней мотивы давно сдѣлались общимъ достояніемъ, а частью и на дѣлѣ осуществились. Впрочемъ, не говоря уже о порядочномъ количествѣ стихотвореній, помѣщенныхъ только для того, чтобы довести книгу до размѣра, допускавшаго возможность печатанія безъ предварительной цензуры (21 листъ), она-

зывается, что даже въ то время главной причиной тревоги и овлѣбленія нѣмецкихъ правительствъ была непочтительная обработка нѣкоторыхъ свазочныхъ сюжетовъ, а именно, веселыя пѣсни объ отличномъ человѣкѣ, который устроиваетъ балу дѣточкамъ, кто поласковѣ назоветъ его папашей или дядюшкой, и дарить имъ разныя прелести, въ томъ числѣ бѣлокуренькихъ куколокъ въ соболяхъ и юфтовыхъ сапожкахъ (Kinderlied), и о черной птицѣ, которая кладетъ яйца по-нѣмецки гнѣздамъ, а вскорѣ и вовсе заполонитъ Германію, причемъ ей вообще приписываются дѣянія, непредусмотрѣнныя зоологіей (Zwei Flaggen). Конечно, публика заволновалась, потому что отвыкла отъ извѣстныхъ рѣчей, а онѣ вдругъ прозвучали съ такою страстью и силой; но, въ сущности, въ нихъ не было ничего принципиально несогласнаго съ тогдашнимъ политическимъ строемъ Германіи. Быть можетъ, болѣе другихъ рискованно стихотвореніе: «Wapp»?—гдѣ цензура, въ очень ѣдкихъ выраженіяхъ, сопоставлена съ непочтеннымъ ремесломъ, причемъ допущена возможность такихъ временъ, когда ни на то, ни на другое не найдется въ Германіи охотника. Могло также не понравиться «Im Irtenhause»—гдѣ бывшаго дѣателя смущаютъ души убиенныхъ имъ мыслей, которыя лежали подъ его карандашемъ, какъ колосья нивы, легионами. Но затѣмъ, хотя поэтъ позволяетъ себѣ выразиться, что плохого вучера восьмиконной кареты (восемь провинцій прежней Пруссіи) только на то и хватить, чтобы бросить возжи, когда она завязнетъ въ грязи (Von acht Rossen), и его «Старый Фрицъ» (Im Himmel) жесточайшимъ образомъ разноситъ тогдашнихъ берлинскихъ дѣателей,—однакожь, о «Старомъ Фрицѣ» онъ отзывался сочувственно и не отклоняетъ его суровой руки, воображая только, что теперь тотъ сталъ бы дѣйствовать иначе. Великолѣпное стихотвореніе «Hamlet», могло бы даже, по крайней мѣрѣ въ иные періоды и съ необходимыми сокращеніями и измѣненіями, появиться и у насъ, а можетъ быть и появлялось. Гамлетъ—это Германія, которой является призракъ свободы, умерщвленной посредствомъ яда, влитаго въ ухо. Все это могло, конечно, не быть одобреннымъ предержавшими властями; но принципиальнаго отрицанія въ этомъ не выражалось. А это — самое рѣзкое и неприятное изъ всего, что есть въ книгѣ. Прочее не выходитъ изъ сферы тѣхъ общихъ либеральныхъ пожеланій, преслѣдованіе которыхъ уголовнымъ порядкомъ было бы затруднительно даже для тогдашняго прусскаго правительства.

«Я не переходилъ отъ торіевъ къ вигамъ; я *сталъ* вигомъ съ той самой минуты, когда глаза мои открылись и я позналъ себя».

«Я искалъ одной только *правды*, всегда, на всѣхъ путяхъ, и мое утѣшеніе въ томъ, что *неправда* я никогда не служилъ».

Вотъ, заимствованныя у другихъ слова, которыя Фрейлигратъ взялъ эпиграфомъ къ своей книгѣ, присоединивъ къ нимъ слѣдующее свое четверостишіе:

Dem Versteckten offne Frage,
Das Verstockte frisch in Fluss!
In die Stickluft dieser Tage
Dieses Büchleins kecken Schuss!

Въ прелестномъ привѣтственномъ стихотвореніи: «Guten Morgen», поэтъ еще разъ видитъ себя на утесахъ передъ готическимъ ландшафтомъ: скалы, озеро, монастырь; тихій вѣтерокъ проносятся по долинѣ; лѣсъ и тростникъ у воды шелестятъ; луна вышла изъ-за тучъ, и серебристый свѣтъ разлился по всему; блѣдный призракъ манитъ къ себѣ; въ лѣсу странные звуки... И въ чудномъ пѣніи стиховъ все это щемитъ душу жуткой, неотразимой красотой.

Но поэтъ борется съ собой и превозмогаетъ чары. Онъ идетъ навстрѣчу утру, изъ ночи въ день, въ жизнь, гдѣ его встрѣчаетъ не трепетная рука мертвеца, а честное рукопожатіе народа. Итакъ: «Съ добрымъ утромъ! Быть можетъ, скоро настанетъ и добрый день. За народъ! Тогда—съ народомъ! Для поэта нѣтъ другого пути!»

Рѣчь ведетъ человекъ, сознавшій свою силу. Онъ называетъ народъ *своимъ*. Его стихи—Самсоновы лислицы, которыя занесутъ гибель въ вражій край. Поэтъ—маякъ, къ которому, среди ужасовъ бури, обращаются протянутыя руки и сердца народа—угнетеннаго, нищаго, настрадавшагося въ войнахъ; онъ въ такой долѣ умѣлъ сохранить свой честный, добрый обликъ, вѣрность труду и долгу, сердечность смѣха и слезъ, гнѣва и радости. Мысль о народѣ возвышаетъ духъ поэта, ободряетъ его въ борьбѣ, вселяетъ въ немъ убѣжденіе, что никому не сломить эту силу, что народъ отстоитъ себя. Борцы гибнутъ; но надъ ихъ могилой встанутъ свѣтлые образы свободы и права, ради которыхъ они сражались и страдали. Тѣ вѣдь не умерли, хотя честную рѣчь казнятъ, и недоносчикамъ нигде нѣтъ пути, хотя изгнаній и самоубійствъ такъ много. Здѣсь неудача—но тамъ побѣда; а настанетъ день настоящей, безповоротной побѣды, торжества свободы и права!—свободы—путемъ права! Дерево человечества всегда въ цвѣту; увиданіе и разцвѣтъ чередуются и теперь, какъ въ дни Арминія и Лютера, настала чередъ Германіи:

Der du die Blumen auseinander faltest,
 O, Hauch des Lenzes, weh' auch uns heran!
 Der du der Völker heil'ge Knospen spaltest,
 O, Hauch der Freiheit, weh' auch diese an! ¹⁾

Какъ ни блѣдно наше изложеніе, мы все-таки надѣемся, что читатель, не имѣвшій возможности въ подлинникѣ ознакомиться съ Фрейлигратомъ, согласится съ нами въ томъ, что все это дѣйствительно ставитъ Фрейлиграта въ число первенствующихъ поэтовъ Германіи. Внушить читателю такое убѣжденіе мы бы желали тѣмъ болѣе, что о слѣдующихъ, еще болѣе замѣчательныхъ, выпускахъ его стихотвореній, намъ предстоитъ возможность сказать самое небольшое, а отъ цитатъ мы почти вовсе воздержимся. Стихотворенія, написанныя на политическіе или общественные мотивы, обозначаются по-нѣмецки терминомъ *Zeitgedichte*—неудобнымъ въ буквальному переводу на русскій языкъ, но не особенно удачнымъ и въ Германіи. Въ его основу легло предположеніе, что вещи, отражающія измѣнчивыя возбужденія минуты, вмѣстѣ съ нею переходятъ и утрачиваютъ значеніе. Такъ оно и есть при возбужденіи дѣйствительно минутномъ, и такъ оно въ особенности должно быть въ тѣ времена, когда общественная жизнь стоитъ внѣ круговора культурныхъ классовъ, внѣ воспитательныхъ задачъ и высшихъ стремленій. Въ сферѣ политическихъ и общественныхъ явленій, только прошедшее, претворенное долгой —и часто искажающей обработкой—бываетъ доступно прозрѣнію поэтовъ, а настоящее находитъ выраженіе только въ полуграмотной уличной пѣснѣ; но и она, однакожь, вслѣдствіе созвучія съ настроеніемъ массы, вырабатываемымъ глухимъ подготовительнымъ процессомъ, производитъ иногда потрясающее впечатлѣніе и жжетъ сердца огнемъ, какимъ въ исключительнѣйшихъ только случаяхъ можетъ обладать самое мощное вдохновенное слово. Между тѣмъ, вся задача, вся сущность искусства единственно въ воспламененіи этого огня, во власти надъ сознаніемъ и волей, въ откровеніи другимъ того, что открылось избраннику, въ великой силѣ, которою люди отрѣшаются отъ жи и неизменныхъ инстинктовъ и, хотя бы на мигъ, отдаются порыву къ правдѣ, постигаютъ блаженство добра. Пути проявленія

¹⁾ Просимъ читателя снисходительно извинить крайнюю слабость этой попытки сдѣлать сводъ главныхъ мотивовъ книги. Онъ составленъ по стихотвореніямъ: „An Hoffmann von Fallersleben“, „Eine Seele“, „Dorfgeschichten“, „Die Freiheit! das Recht!“, „Am Baum der Menschheit drängt sich Blüth' an Blüthe“. Кромѣ этихъ и указанныхъ выше стихотвореній, намъ кажутся особенно замѣчательными: „Vom Harze“, „Der Adler auf dem Mäusethurm“, „Das Fensterkreuz“.

различны, но цѣль всегда одна; и сила, по существу, неизмѣнно таже, когда слово медленно воспитываетъ или внезапно преображаетъ отдѣльнаго человѣка, когда оно мгновенно воспламеняетъ миллионы сердець. Чистота, осмысленность и плодотворность этого пламени и его отзывчивость къ возбужденіямъ высшаго порядка въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ народѣ, — дѣло воспитанія, подготовки, которую народу способно дать только воздѣйствіе общественной жизни. Мракъ ужасенъ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Въ немъ одномъ оплотъ противъ стихійныхъ или стадныхъ движеній. И когда идеалы общественной жизни творчески воплощаются въ словѣ поэта, оно всего могущественнѣе, всего плодотворнѣе властвуетъ надъ сердцами. Безграмотная пѣсенка иногда творитъ чудеса — но она случайная искра и гаснетъ съ минутой. Слово поэта живетъ, насколько оно, дѣйствительно, свѣтъ міра, насколько въ немъ сказались — творческая сила, постиженіе сущаго и любовь къ человѣчеству, какъ высшему его проявленію.

Въ этомъ — исторія всѣхъ культуръ, и, съ этой точки зрѣнія, нѣмецкій терминъ: «Zeitgedichte», очень трудно отдѣляемый отъ представленія о «стихахъ на случай», гораздо менѣе можетъ быть приравниваемъ къ политическимъ стихотвореніямъ Фрейлиграта, нежели къ прежнимъ. Обстоятельства и событія, среди которыхъ они сложились, отошли въ прошедшее; но *они* полны жизненности и силы, какъ идеалы, которымъ они служили, какъ сказавшіяся въ нихъ требованія общественной правды. Къ тому же, талантъ поэта поразительно окрѣпъ и разцвѣлъ отъ прикосновенія къ почвѣ, его достойной, и отъ воздѣйствія мыслей, способныхъ потрясти глубокіе тайники его души. Неясность, вычурность, уродство, вздорность содержанія — исчезли. Въ чудесныхъ образахъ, въ изящной простотѣ и музыкѣ стиховъ, нашли выраженіе благороднѣйшія чувства человѣческой души, страсть, сила убѣжденія. Эти стихи увлекаютъ; прежніе могутъ только утомлять. Одни живы и долго будутъ жить, — другіе, отмѣченные будто бы печатью вѣчной поэзіи, давно мертвы, потому что, какъ бы великъ ни былъ запросъ на безсодержательность, каждому времени все-таки требуется бессодержательность — *своя*.

Между тѣмъ, успѣхъ «Исповѣданія Вѣры» надолго устранилъ возможность возвращенія Фрейлиграта на родину. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни въ Брюсселѣ, онъ проѣхалъ черезъ Мецъ и Страсбургъ въ Швейцарію и поселился въ Цюрихѣ, гдѣ былъ обрадованъ рожденіемъ своего перваго, давно желаннаго ребенка. Дитя, зачатое и выношенное среди надеждъ и испытаній этой поры высшаго просвѣтленія родителей, предполагалось непре-

мѣнно мальчикомъ, борцомъ за дѣло германской свободы. Въ виду могилы Ульриха фонъ Гуттена, его заранѣе и назвали Ульрихомъ. Но родилась дѣвочка, радость очага, которая потомъ привилась къ землѣ изгнанія. Несмотря на громкую извѣстность поэта, восхищеніе его стихами и упорный трудъ по части переводовъ, литература не могла прокормить семьи, и потому Фрейлигратъ рѣшился снова взяться за торговое дѣло, для чего и переселился въ Лондонъ, гдѣ, не безъ хлопотъ, успѣлъ найти мѣсто съ жалованіемъ въ двѣсти фунтовъ стерлингомъ. Тяжело было переходить въ среду совершенно чуждую нѣмецкому строю жизни, въ настоящее изгнаніе. Еще тяжелѣе, послѣ семи лѣтъ личной независимости и привычки къ положенію выдающагося дѣятеля, любимаго дѣльми краемъ, снова браться за лямку подчиненности и притупляющаго труда. Горькія чувства поэта, но и его твердая рѣшимость, поддержанныя семейнымъ счастіемъ, выразились въ стихотвореніяхъ: «Requiescat!» и «Nach England». Раньше, въ «Hohes Wasser», онъ ободрялъ жену: «Не бойся, у меня не одинъ вонецъ: пока руки и голова дѣлы, не пойдемъ по міру!» Въ «Requiescat!» онъ говоритъ: «Почетъ всякому труду— мозолистой рукѣ и мокрому челу!— но помяните и того, кто, голодный, трудитъ мозгъ въ пыльныхъ трущобахъ книжнаго ремесла; не забудьте пролетарія, который сѣдѣетъ и чахнетъ надъ заказной работой, ради хлѣба дѣтямъ, — который рвался за облака и роется во прахъ...

Dennoch, ob sein Herz auch schrie,
 Blieb er tapfer, blieb ergeben:
 Dieses auch ist Poesie,
 Denn es ist das Menschenleben!

Но вотъ онъ въ невѣдомой, заброшенной могилѣ... Жена и дѣти бродятъ безпріютные...

Bettlerkinder erben nichts,
 Als des Vaters reinen Namen!

Въ «Nach England», онъ, по слѣдамъ Вильгельма Нормандскаго, завоевываетъ Альбіонъ. Одинокій, не разстался бы онъ съ просторомъ моря, сдружился бы съ вольной стихіей, не пошелъ бы въ Лилипутъ. Но семьѣ нуженъ очагъ и хлѣбъ— и бой предстоитъ трудный. Противъ него, изъ-за вольной пѣсни, лай собачьей стаи, трусливое недовѣріе къ бродягѣ-поэту, всѣ орудія пошлости: равнодушіе, чванство, себялюбіе. Но онъ самъ по себѣ цѣлое войско: съ нимъ его пѣсни, воля, трудъ и все превозмогающая любовь. Онъ будетъ поэтомъ и поденщикомъ; каме-

нотесь и рудокопъ такіе же люди. Не нужно только допускать, чтобы будничная суета заглушила поэзію.

На этотъ разъ поэзія и не заглохла. Вѣра въ торжество общаго дѣла помогала поэту отрѣшаться отъ всѣхъ личныхъ невзгодъ. Мысль его работала неустанно, и талантъ достигъ высшаго своего выраженія. Еще въ Швейцаріи въ 1846 г. было издано *Са іга!* — небольшой выпускъ стихотвореній, характеръ которыхъ нѣтъ, конечно, надобности пояснять. Всѣ они превосходны — и, быть можетъ, самое поразительное: «*Freie Presse*». Первымъ помѣщенъ великолѣпный гимнъ: «*Auf der Fahrt*», написанный на музыку Марсельезы, гдѣ изображенъ корабль, готовый къ отплытію въ новый край.

Въ 1847 г., т.-е. въ первый годъ жизни въ Лондонѣ было написано нѣсколько прекрасныхъ пьесъ, преимущественно навѣянныхъ англійскими поэтами. Затѣмъ разразилась февральская революція.

V.

Излишне пояснять, съ какими чувствами привѣтствовалъ поэтъ новыя времена. Въ первые же дни онъ послалъ въ Германію нѣсколько стихотвореній (замѣчательнѣйшія: «*Schwarz-Roth-Gold*» и «*Berlin*»). При этомъ онъ писалъ: «Прилагаемое создано въ суетѣ первыхъ извѣстій, между чтеніемъ и писаніемъ докучливыхъ дѣловыхъ писемъ. На законченность оно стало-быть не претендуетъ, но все-таки, можетъ быть, годится... Событія, конечно, вліяютъ гораздо лучше, чѣмъ прихрамывающіе за ними слѣдомъ стихи. Исторія творитъ!.. Но ты все-таки распространяй, читай и списывай. Люди нужны! Каждый долженъ давать, что можетъ!» Въ маѣ Фрейлигратъ возвратился въ Германію и принялъ дѣятельное участіе въ политической борьбѣ, преимущественно въ близкомъ ему знакомомъ Дюссельдорфѣ и въ Кѣльнѣ, отчасти во Франкфуртѣ. Изъ написаннаго въ эти лихорадочные мѣсяцы, всего болѣе поразительно воззваніе: «*Die Todten an die Lebenden*», которое было напечатано отдѣльнымъ листкомъ, и произвело огромное впечатлѣніе. Во всемъ полѣ поэзіи трудно найти большую яркость образовъ, болѣе жгучую силу презрѣнія. Да и вообще, ни одному поэту не было до сихъ поръ суждено до такой степени внезапно и полно овладѣвать настроеніемъ массъ. Это объясняется совершенно исключительно совпаденіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ съ характеромъ его поэзіи и его органической бли-

востью къ народу, при самой непосредственной отзывчивости и, почти импровизаторскомъ, въ инныя минуты, дарѣ (напримѣръ, «Abschiedswort der Neuen Rheinischen Zeitung, которымъ газета простилась съ публикой, было написано въ самое утро запрещенія, пока поэтъ одѣвался). Беранже создалъ нѣсколько героическихъ пѣсень, глубоко соответствующихъ національному темпераменту. Но онѣ не появлялись въ моменты возбужденія, и самъ онъ лично, классически буржуазный старичокъ, всего менѣе былъ склоненъ къ участию въ бурныхъ сценахъ. Парижская толпа знала, что отношеніе между нимъ и ею могло выражаться только букетомъ цвѣтовъ да поцѣлуемъ выдвинутой изъ рядовъ представительницы женскаго элемента. Гюго отдался въ моментъ кризиса трибунѣ и комитетамъ. Къ тому же его творчество требовало уединенія и сосредоточенности. Отношенія Гейне къ толпѣ слишкомъ извѣстны, и въ немъ вообще не было тѣхъ моментовъ героизма, которые уже недоступны раздвоенію. Фрейлигратъ, также какъ и Гейне, былъ лишень ораторскаго дара: онъ затруднялся говорить въ сколько-нибудь многочисленномъ обществѣ. Но въ перипетіяхъ борьбы 1848—49 г. онъ все-таки успѣлъ приобрести необыкновенную популярность. Смѣлый взглядъ, всегда готовая добродушная шутка, братски протянутая рука—встрѣчали каждаго. Его имя принадлежало каждому кружку людей, который въ немъ нуждался, клубу, газетѣ, сходѣ. Онъ весь органически былъ проникнутъ тѣмъ же сознаніемъ правды и неправды, тѣмъ же негодованіемъ и надеждами, которыя одушевляли массы. И при такихъ-то условіяхъ, онъ былъ способенъ творить почти мгновенно, съ такимъ могучимъ взмахомъ, блескомъ и красотой звука, какихъ еще не достигалъ никогда. Онъ зналъ, что его голосъ услышитъ вся Германія, что пѣсня пронесется изъ края въ край, будетъ звучать въ безсчетныхъ хоровахъ кружкахъ, въ каждомъ домѣ, что въ ней сольются всѣ возрасты, всѣ степени культуры. Поэтому онъ и радовался, когда его пѣсни перелажались на музыку, и самъ иногда означалъ напѣвъ. «Schwarz-Roth-Gold» (17 марта 1848) закончена пожеланіемъ, чтобы «настоящій музыкантъ» поскорѣ написалъ въ ней музыку. Воодушевленіе, нѣсколько приближающееся къ тому, которое вызывали пѣсни Фрейлиграта, производили только боевые призывы Арндта и Кёрнера. Но на ряду съ ними — и выше ихъ, въ особенности по созданію мелодіи — можно поставить только Марсельезу. У Фрейлиграта два гимна на эту мелодію. Объ одномъ мы говорили; другой называется — Réveille!.. An uns're Brust, an uns're Lippen, — Der Menschheit Farbe, heil'ges

Roth!.. Много повдѣе энтузіазмъ Фрейлиграта къ Марсельскѣ еще разъ выразился въ томъ, что въ числѣ поводовъ къ негодованію противъ Наполеона III онъ помѣстилъ «заказное лаяніе тюрко-сами священнаго гимна Руже де-Лилия». Онъ почтилъ нѣсколько французскихъ словъ включеніемъ ихъ въ свою поэзію и былъ готовъ признать трехцвѣтный флагъ символомъ общенародныхъ стремленій. Но появленіе его на Рейнѣ, въ качествѣ флага Франціи, раздражало его также, какъ и появленіе другого флага, въ которомъ онъ видѣлъ символъ деспотизма (Zwei Flaggen).

Проходимъ молчаніемъ прискорбные эпизоды періода, закончившагося 1851 годомъ. Пришлось кочевать, испытать отчужденіе друзей, заняться наданіемъ выборки изъ стихотвореній, не вошедшихъ въ прежнее собраніе «Zwischen den Gaben»,—что помогало переносить горе—im das zertretne Vaterland. Наконецъ, всѣ попытки организовать новые общественные элементы и стремленія, попытки, разумѣется, неумѣлыя, немощныя, роковымъ образомъ обреченныя на неудачу, были окончательно сломлены; реакція утвердилась прочно и уже безъ какой-либо оглядки или опасеній принялась за расправу. Пришлось бѣжать; распоряженіе о задержаніи Фрейлиграта (Steckbrief) его уже не застало; но вслѣдствіе этого самаго, его общественное положеніе и правоспособность навсегда остались неопредѣленными. Позднѣйшія амністіи не могли коснуться человѣка, не бывшаго подъ судомъ, а распоряженіе о задержаніи не отмѣнялось и оставалось въ силѣ. Конечно, было бы достаточно даже не просьбы, а, такъ сказать, слова, чтобы это ненормальное положеніе было прекращено; но Фрейлиграта не захотѣлъ произнести этого слова, и отвергалъ самую возможность амністіи и возвращенія на родину при существовавшемъ порядкѣ вещей.

VI.

Второе изгнаніе Фрейлиграта продолжалось съ 1851 по 1868 годъ. Все это время онъ прожилъ въ Лондонѣ, гдѣ опять-таки обратился къ занятію торговыми дѣлами, хотя, конечно, при томъ отгнѣнѣ, которымъ его слава теперь окрасилась, пристроиться стало гораздо труднѣе, тѣмъ болѣе, что цѣлыя толпы эмигрантовъ наводняли Англию, и крушеніе общаго дѣла вымѣщалось на каждаго. Иныя фирмы странно предупредили Фрейлиграта, чтобы онъ не трудился обращаться къ нимъ. Даже нѣкоторые изъ прежнихъ друзей избѣгали встрѣчи съ нимъ въ

Лондонѣ. Одному изъ нихъ, который уклонился отъ его приглашенія, онъ по этому поводу писалъ: «Я вообще не такъ суровъ (bin affabler), какъ ты, кажется, воображаешь. Узнай еще, что я обладатель двухъ французскихъ паръ, и нравственное мое паденіе настолько глубоко, что я иногда брѣюсь дважды въ день. Прощай на сегодня,—ты, чистый горностаѣ старинной школы». Такой же поступокъ со стороны Андерсена задѣлъ его за живое настолько, что онъ посвятилъ этому ничтожному случаю длинное стихотвореніе.

Послѣ многихъ хлопотъ, ему, наконецъ, удалось получить мѣсто въ 200 фунт. у нѣкоего Оксфорда—исключительно индійскіе фуляры—по специальности первая фирма въ Лондонѣ. Конечно, трудно подъискать болѣе рѣзкій примѣръ несоотвѣтствія между значеніемъ человѣка и родомъ занятій, которому онъ былъ обреченъ. Вступая въ должность, поэтъ радовался немногочисленности персонала (онъ, въ качествѣ старшаго прикащика, и двое-трое молодыхъ), полагая, что при этомъ отношенія къ принципалу будутъ лучше. Однакожь онъ ошибся. Молодые прикащики мѣнялись безпрестанно, такъ что старшему приходилось все приучать ихъ съизнова и за нихъ работать. Самъ принципалъ исчезалъ надолго, и этимъ затягивалъ и путалъ дѣло. Въ то же время, онъ былъ человѣкъ юркій и суетливый, одержимый страстной жестикуляціей, и требовалъ отъ Фрейлиграта разныхъ произвольныхъ и неисполнимыхъ вещей. «Если я изъ-за всякаго 2×2 не бросаюсь черезъ столы и скамейки, писалъ по этому поводу Фрейлигратъ, такъ ужъ онъ меня уверяетъ въ безучастіи въ дѣлу». Пришлось разстаться, причемъ Оксфордъ не отказалъ себѣ въ горделивомъ удовольствіи выдать бывшему у него въ услуженіи знаменитому поэту хвалебный аттестатъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тревожныхъ поисковъ, посчастливилось пристроиться нѣсколько получше, въ качествѣ директора вновь открытаго въ Лондонѣ отдѣленія Обще-Швейцарскаго банка, правленіе котораго было въ Парижѣ. Жалованья тутъ было больше (300 фунт.) и положеніе стало совсѣмъ другое; за то явилась отвѣтственность, и поэтъ едва-было не попалъ въ неприятности, которыя, однакожь, уладились. Службой въ швейцарскомъ банкѣ закончилась (1865) торговая дѣятельность Фрейлиграта, по поводу которой скажемъ, что онъ до конца относился къ ней съ величайшей добросовѣстностью, часто работая не только за себя, но и за другихъ.

Три великіе европейскіе поэта, Байронъ, Гейне и Гюго, по долгу жили въ вольномъ или невольномъ изгнаніи, и всѣ трое

вынесли его безъ ощутительнаго ущерба для творческой дѣятельности. Байронъ былъ молодъ, обезпеченъ и бросилъ не—любимую родину, а ненавистныхъ людей и невыносимыя отношенія. Гюго пошелъ въ изгнаніе пятидесяти лѣтъ и жилъ, независимый, въ виду «милрой и печальной» для него французской земли,—въ виду берега, гдѣ была схоронена страстно любимая дочь—въ общеніи со всею міровой жизнью, отражавшейся въ его могучемъ, всестороннемъ дарованіи. Гейне выручила его змѣиная свѣтская выдержка, исключительное изящество натуры, наконецъ, самый характеръ таланта, такъ часто находившаго вдохновеніе въ личномъ чувствѣ, въ изученіи себя. Къ тому же онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ легко живетъ и гдѣ онъ многому учился, постоянно вращаясь въ кругу выдающихся людей. Позднѣе, вѣчная юность его таланта устояла даже противъ многолѣтнихъ страданій «матрачнаго гроба»: среди этихъ мукъ и униженія, поэтъ могъ написать «Romanzero» — который, между прочимъ, былъ однимъ изъ утѣшеній Фрейлиграта въ Лондонѣ. Самъ онъ, въ этомъ семнадцатилѣтнемъ второмъ изгнаніи, почти совершенно замолеъ. Идеалы сохранились, но вѣры въ близкое ихъ осуществленіе не было. Ничто другое не было способно глубоко потрясти; внутренній міръ не вдохновлялъ, внѣшнее слишкомъ угнетало. Дни уходили на конторскую работу. По вечерамъ, остатки рабочей энергіи поглощались переводами или статьями для Атеней, такъ какъ, къ удивленію поэта, оказалось, что онъ въ состояніи писать по-англійски годнымъ въ печать языкомъ—и его отзывы переводились даже нѣмецкими газетами, какъ отзывы англійской критики. Настоящимъ литературнымъ критикомъ или публицистомъ Фрейлигратъ, однакожъ, не былъ. Онъ не обладалъ также свойствами, которыя бы требовались для того, чтобы въ его положеніи и при его недостаточныхъ средствахъ, вращаться въ англійскихъ литературныхъ кружкахъ. Въ первую бытность его въ Лондонѣ были сдѣланы кое-какіе встрѣчные шаги къ сближенію съ нимъ: онъ познакомился съ Барри Корнуалемъ, Теннисономъ, Бульверомъ, былъ на вечерѣ у лорда Нортгемптона—«гдѣ учинена была мнѣ выѣздка передъ нескончаемымъ множествомъ людей, конечно, минуя шевалье Бунзена». Фрейлигратъ, однакоже, уклонился отъ общенія со сферами, въ которыхъ чувствовалъ себя чужимъ. Роль повязаннаго льва его возмущала, носить въ петличкѣ скорбный цвѣтокъ изгнанія (die Passionsblume des Flüchtling) онъ всего менѣе былъ склоненъ. Быть можетъ, опасеніе американской рекламы, еще болѣе нежели разстояніе, удержало его отъ переселенія за океанъ, куда

его настойчиво, звалъ Лонгфелло (въ январѣ 1848 г. онъ былъ, однакожъ, очень близко къ отплытію въ Бостонъ). Въ единственномъ серьезномъ и блестящемъ стихотвореніи, написанномъ въ 1852 году, въ первомъ посланіи къ издателю одной изъ Нью-Йоркскихъ нѣмецкихъ газетъ, Вейдемейеру, онъ съ презрѣніемъ говоритъ о людяхъ, которые тернія вѣнца мѣняютъ на талеры и популярность, и, какъ Нарцисъ, любятъ своимъ несчастіемъ, перераяаясь то для пивной, то для гостинной. Истерзаннымъ и израненнымъ бойцамъ праваго дѣла все равно, что про нихъ говорятъ, они молча ждутъ минуты — ускоренію или развитію которой нельзя помочь хожденіемъ съ тарелкой, такъ какъ живая сила тутъ не въ грошахъ... Въ этомъ самомъ стихотвореніи, Фрейлигратъ называетъ себя медвѣдемъ, но мы уже знаемъ, что въ кругу ему сочувственномъ онъ былъ, напротивъ, милѣйшій человекъ. Такой кругъ былъ у него и въ Лондонѣ и составилъ частью изъ тамошнихъ нѣмцевъ, частью изъ выдающихся людей эмиграціи (Карлъ Блиндъ, Марксъ, Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ, Герценъ, Маццини). Собирались преимущественно по воскресеньямъ, и всего чаще у Блинда. Въ будни, послѣ утомительнаго рабочаго дня, Фрейлигратъ не легко рѣшался продѣлывать дальніе лондонскіе концы. Пребываніе со своими было потребностью, но при такихъ условіяхъ, при такомъ отсутствіи возвышающихъ внѣшнихъ возбужденій, самая отрада семейнаго счастья стала тормазомъ для творчества. Наболѣвшее чувство слишкомъ полно отдавалось ей. Забота о мелочахъ семейнаго быта, мелкія радости очага заняли въ жизни слишкомъ много мѣста. Даже въ поэтическихъ представленіяхъ о счастіи дѣтей домовитость, уютность жилья, вещи, мебель стали выступать съ чрезмѣрной наглядностью. По мѣрѣ утомленія новаго человека, въ немъ опять проглянуло доброе, честное, но убійственное для таланта филистерство тѣхъ дней, которые наступили послѣ второй женитьбы отца и смѣнили первую, благодатную пору его дѣтства. Скажемъ тутъ же, — не комментируя факта, который допускаетъ очень различное объясненіе — что дѣти великаго нѣмецкаго поэта не получили высшаго образованія и всѣ были отданы Англіи или Америкѣ и промышленной средѣ. Въ періодъ завѣдыванія швейцарскимъ банкомъ, кабинетъ Фрейлиграта сдѣлался, по выраженію Бухнера, настоящей посольской канцеляріей, — сборнымъ или справочнымъ пунктомъ всѣхъ нѣмцевъ, пріѣзжавшихъ въ Лондонъ по какому бы то ни было дѣламъ, или хлопотавшихъ изъ Лондона о дѣлахъ въ Германіи, причемъ элементъ эмигрантскаго, или просто бродячаго пролетаріата, былъ,

конечно, довольно многочисленъ. Всѣмъ Фрейлигратъ дѣятельно помогалъ, въ чемъ только могъ, не щадя личныхъ усилій, и не тяготясь ходатайствомъ передъ другими. Отъ плачевныхъ эмигрантскихъ распрей, отъ «фатальнаго выщипыванія послѣднихъ перьевъ, уцѣлѣвшихъ въ свалкѣ» онъ держался далеко, и въ кругу эмигрантовъ признавалъ только одну партію — партію страждущихъ.

Но писать онъ не могъ: творчество изсякло почти совершенно. «Минута вдохновенія, писалъ онъ, здѣсь такая же рѣдкость, какъ африканскіе страусы». Если исключить упомянутое уже первое посланіе къ Вейдемейеру и неудачное второе посланіе къ нему же, — на которомъ и осѣлся невозможный планъ еженедѣльнаго фельетона въ стихахъ, 1864—1865 годы не дали ни строки; но событія 1866 года вывели поэта изъ оцѣпенѣнія. Въ «Westphälisches Sommerlied» онъ съ негодованіемъ возсталъ противъ братоубійственной войны, которая въ годъ небывалаго урожая погнала на бойню тружениковъ, вспахавшихъ эти благодатныя поля. Восхищаясь доблестью войскъ, онъ не довѣрялъ себялюбивымъ стремленіямъ Гогенцоллерновъ, и опасался цезаризма и преторіанства. Въ его глазахъ совершившееся могло быть оправдано лишь какъ переходная ступень къ лучшему порядку вещей, и онъ старался дать въ сердцѣ мѣсто надеждѣ, что наступленіе лучшихъ дней возможно. Эти чувства и нашли выраженіе въ «Nadel und Drath», «Allerlei Funken» и въ стихотвореніи къ 400-лѣтнему юбилею Гуттенберга. Въ мѣстѣ съ тѣмъ, въ виду глубокаго переворота въ политическомъ строѣ Германіи, давнишніе счеты очевидно отходили въ архивъ, и извлекать ихъ оттуда становилось дѣломъ празднымъ. Политическіе изгнанники не призывались на родину официальнымъ актомъ, — но дверь была отворена настежь. Друзьямъ Фрейлиграта и ему самому возвращеніе на родину стало представляться желательнымъ.

Но прежде разказа объ этомъ возвращеніи, скажемъ нѣсколько словъ о той сторонѣ его поэтической дѣятельности, которой онъ посвятилъ такое огромное количество труда и которая, главнымъ образомъ, закончилась въ Лондонѣ, т.-е., объ его переводахъ. Мы смотримъ на нихъ не съ точки зрѣнія ихъ достоинствъ или услуги оказанной ими литературѣ, а, напротивъ, причисляемъ ихъ къ обстоятельствамъ, имѣвшимъ наиболѣе враждебное вліяніе на его творческую дѣятельность. Въ одномъ изъ писемъ онъ довольно горячо за нихъ вступается и говоритъ, что считаетъ себя обязаннымъ заниматься ими, вслѣдствіе особенной своей способности къ передачѣ нѣмецкимъ стихомъ

формы, духа и впечатлѣнія иностранныхъ поэтическихъ произведеній. Многое онъ дѣйствительно и переводилъ съ удовольствіемъ. Но мы знаемъ, что еще въ Сѣстѣ онъ понялъ, какъ плохо переводы уживаются съ творчествомъ, служа какъ бы клапаномъ, который устраняетъ возможность достаточнаго накопленія или напряженія творческой энергии, расточаемой слишкомъ непродуманнымъ образомъ. Фактически Фрейлигратъ просиживалъ ночи за переводами прежде всего ради насущнаго хлѣба, и во всю его жизнь былъ только одинъ моментъ — въ С.-Гоарѣ, — когда они не мѣшали его самостоятельному творчеству. Онъ не могъ забыть терзаній, которыхъ ему стоилъ въ Амстердамѣ спѣшный переводъ Гюго, и, быть можетъ, этимъ воспоминаніемъ вызвано включеніе переводовъ въ число пытокъ литературнаго пролетаріата въ стихотвореніи «Requiescat!»

Всѣ заботы о средствахъ къ существованію, въ случаѣ возвращенія на родину, были сняты съ Фрейлиграта самымъ приятнымъ для него образомъ. Еще въ 1846 году былъ возбужденъ — безслѣдно замеръ — вопросъ о какомъ-либо національномъ признаніи его заслугъ, въ формѣ обезпеченія ему матеріальной независимости. Въ 1867 г. этотъ вопросъ снова возникъ, и Фрейлигратъ былъ спрошенъ, черезъ одного изъ ближайшихъ друзей, приметъ ли онъ что-либо подобное и въ какой формѣ такой знакъ уваженія и благодарности въ нему могъ бы быть для него удобнѣе? Фрейлигратъ безусловно отвергъ всякую подачку отъ имени партіи и призналъ непрактичной мысль о колоссальномъ изданіи его стихотвореній, но заявилъ, что съ благодарностью приметъ подарокъ отъ имени всей націи, ежели это совершится съ должнымъ приличіемъ и будетъ имѣть дѣйствительно національный характеръ. Руководители дѣла очень удачно примѣнили къ нему слово «Dotation», которое сопоставило его съ недавними ассигнованіями крупныхъ суммъ графу Бисмарку и генераламъ, отличившимся въ австро-прусскую войну. Подписка дала до 60,000 талеровъ, причемъ были поступления и изъ иностранныхъ городовъ, въ особенности изъ Лондона и Нью-Йорка. Такимъ образомъ, Фрейлигратъ былъ какъ бы выкупленъ націей изъ тисковъ нужды и освобожденъ, хотя на старости лѣтъ, отъ подневной работы изъ-за хлѣба и тяжелой мысли, жить подаваніемъ, когда не хватитъ силъ работать. Въ то же время, онъ не могъ не быть тронутъ тѣмъ горячимъ сочувствіемъ и радостной отзывчивостью, съ которой мысль объ этомъ признаніи его заслугъ передъ родиной была принята всей Германіей.

VII.

Послѣ двухъ предварительныхъ поѣздокъ, совершенныхъ болѣе или менѣе негласно, Фрейлигратъ въ июнѣ 1868 г. окончательно покинулъ землю изгнанія, почти двадцать лѣтъ служившую ему надежнымъ пріютомъ. Онъ выбралъ путь черезъ Роттердамъ, чтобы еще разъ увидѣть Голландію, которую подъ старость сталъ любить, какъ воспоминаніе о молодыхъ дняхъ. На пути вверхъ по Рейну, ему хотѣлось избѣжать всякихъ встрѣчъ; но дюссельдорфскіе и вѣльнскіе друзья все-таки его встрѣтили горячо и торжественно. Минувъ затѣмъ завѣтные пріюты счастливѣйшей поры жизни, Ункель, С.-Гоаръ, Асмансгаузенъ, онъ поднялся по Рейну до Мангейма, провелъ лѣто въ Риппольдсау и Кавштаттъ, и, наконецъ, поселился въ Штутгартъ. Изъ числа привѣтственныхъ овацій, которыя ему устраивались, самыми радостными для него были пережитыя имъ годъ спустя, при посѣщеніи имъ Детмольда. На переѣздѣ изъ Билефельда въ Детмольдъ, его въ каждомъ селеніи встрѣчали рѣчью, пѣніемъ и привѣтственнымъ кубкомъ. Весь путь былъ украшенъ триумфальными арками и цвѣтами, дома разцвѣчены флагами, улицы усыяны цвѣтами. Этотъ моментъ глубокаго счастья выразился у него въ стихотвореніи: «Im Teutoburger Walde — Bielefeld und Detmold, 18 (20) Juli 1869», которымъ онъ и отвѣчалъ на застольныя рѣчи билефельдскаго банкета. Онъ радостно узнаетъ холмы, лѣса и равнины, возрастившіе его дѣтство, но еще съ большимъ восторгомъ видятъ сердечный привѣтъ прежнихъ и новыхъ друзей. Пусть ихъ политическія стремленія все еще не осуществились, но, подводя, въ этой исходной точкѣ своего бытія, итогъ всей жизни, онъ благословляетъ свой удѣлъ:

Geliebt zu sein von seinem Volke,
O, herrlichstes Poetenziel!
Loos, das aus dunkler Wetterwolke
Herab auf meine Stirne fiell.

Грозовая туча дѣйствительно разсѣялась безслѣдно, и не было повода къ тому, чтобы она вновь могла омрачить проясненную всеобщей любовью жизнь поэта. Положеніе дѣлъ въ Германіи, объединявшейсѣ суровымъ, но гениально намѣченнымъ и направляемымъ путемъ желѣза и крови, не допускало тѣхъ моментовъ активной соціальной борьбы, которые одни могли бы побудить старика, все еще полного силы, снова пойти въ бой

подъ прежнимъ знаменемъ. Онъ жилъ мирно, отечески отзываясь на разные случаи общественной жизни. Однакожь, война 1870 г. вдругъ разбудила дремлющую силу. 23 іюля, онъ пишетъ одному изъ ближайшихъ своихъ друзей и прежде всего радуется, что всѣ дѣти въ Англии. Затѣмъ: «Надѣюсь и молюсь о побѣдѣ Германіи,—однакожь, нужно быть готовымъ на все. Укладываю бібліотеку... На счетъ боевого и побѣднаго гимна, не знаю еще, испоплется ли онъ мнѣ небомъ. Я такъ встревоженъ и возбужденъ, что поэзія не идетъ на умъ. Да мнѣ и вѣжется, что въ бой звать тому только прилично, кто самъ можетъ идти. А я ужъ не боецъ. Однакожь посмотримъ... Трудное, но и великое время, и я надѣюсь, что съ Божьей помощью Германія выйдетъ изъ этой борьбы великой, мощной, славной, какъ никогда! Съ нами Богъ! Не робѣй! Выше голову!» Два дня спустя, слова этого письма просіяли вѣчной красотой. Создался несравненный боевой гимнъ: «Hugnah, Germania!»—весь пламенѣющій силой, движеніемъ, шумомъ боевыхъ дружинъ, спѣшившихъ навстрѣчу врагу со всѣхъ концовъ Германіи, рѣшимостью во что бы то ни стало отстоять родную землю, очаги, обычай, все свое кровное, беззаветнымъ самоотверженіемъ ради той цѣны, которая одна можетъ достойно возмѣстить такую преданность и такія жертвы. Да, Германія мирно занималась уборкой полей, когда ей былъ брошенъ въ лицо этотъ вызовъ, когда разбойникъ заставилъ ее взяться за мечъ... Давняя распря забыта, нѣмцы стали единымъ народомъ:

Schwaben und Preussen Hand in Hand;
Der Nord, der Süd ein Heer!
Was ist des Deutschen Vaterland,—
Wir fragen's heut nicht mehr!—и т. д.

Пѣвучесть гимна такъ неудержима, что въ самое короткое время появилось до сорока переложеній на музыку. Невозможно опредѣлить силу импульса, данную имъ боевой энергіи нѣмцевъ, ни, по словамъ Бухнера, счастье слезы отъ его звука пролитыя или осушенныя имъ.

Старшій сынъ Фрейлиграта, Вольфгангъ, явился въ Германію по первому извѣстію о войнѣ. Волонтеромъ его, по молодости лѣтъ, не приняли; но онъ пошелъ въ санитарный отрядъ, и два мѣсяца дѣйствовалъ подъ огнемъ на всѣхъ главныхъ поляхъ сраженій, пока болѣзнь не сломила и не заставила вернуться. Обращеніе къ этому сыну (An Wolfgang im Felde) было однимъ изъ пяти прекрасныхъ стихотвореній, написанныхъ Фрей-

лигратомъ въ первыя недѣли войны. Но уже осенью поэтъ умоляетъ, а въ письмахъ его встрѣчаются такія выраженія: «...Я былъ и остаюсь нѣмцемъ—но этотъ разгромъ народа, какъ бы ни было, благороднаго, храбраго и умнаго, это несказанное бѣдствіе, которое, хотя и по собственной винѣ, постигло Францію,— почти совсѣмъ истомило мое сердце. «Съ нами Богъ!» — какъ гласятъ прусскіе талеры. ...Ахъ еслибъ война кончилась! Съ каждымъ днемъ извѣстія тягостнѣе... Да, мертвецы, мертвецы!». Даже въ появившемся значительно ранѣ этихъ писемъ и еще вдохновенномъ войной, великолѣпномъ и послѣднемъ обращеніи его къ Германіи, предпосланномъ собранію его стихотвореній, онъ подчеркнулъ желаніе ей мира—и на этомъ закончилъ пѣсню.

Послѣ войны, Фрейлиграту было сдѣлано два предложенія о признаніи его заслугъ пожалованіемъ ордена; но онъ эту честь отклонилъ. Порядокъ вещей, героическія усилія и жертвы 1870 г. не могли его удовлетворить—и въ письмѣ къ Ауэрбаху по поводу Вальдфрида (1874) онъ упрекаетъ его въ излишней склонности къ одобренію существующаго. Свѣжесть ума и силу дарованія онъ сохранилъ до конца, и тихо скончался въ Каштаттѣ, на рукахъ жены, 18 марта 1876 г.

Закончимъ рассказъ объ его жизни нѣсколькими строками изъ упомянутаго нами послѣдняго его обращенія къ Германіи. Вспоминая еще разъ о стихотвореніяхъ своей молодой поры, изъ которыхъ многія кажутся столь странными, столь чуждыми сердцу, поэтъ говоритъ своей странѣ:

Du aber hast in allen
Die Liebe zu Dir erkannt;
Drum haben sie Dir gefallen,
Drum gabst Du mir treu die Hand!
Drum hab ich seit frühen Jahren,
Als Jüngling und als Mann,
Auch Liebe von Dir erfahren,—
Mehr, als ich danken kann!

«Но ты, во всемъ мною писанномъ, признавала мою любовь къ тебѣ;—потому оно тебѣ нравилось, потому ты мнѣ искренне протягивала руку!—потому и я, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и какъ юноша, и какъ мужъ, испыталъ на себѣ твою любовь — въ большей степени, чѣмъ могу за то благодарить!»

В. О.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ РУССКАГО ИСКУССТВА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Окончаніе.

III *).

Статистика мѣсторожденія русскихъ художниковъ даетъ намъ въ результатѣ нѣсколько характерныхъ фактовъ, составляющихъ рѣзкое отличіе новой школы отъ прежней.

Въ прошломъ столѣтїи, въ періодъ Екаторины II, почти всѣ наши замѣчательнѣйшіе художники были родомъ изъ Малороссїи или изъ Москвы: Левицкій, Лосенко, Боровиковскій были малороссы; Волковъ и Угрюмовъ — москвичи. Родившіеся въ Петербургѣ художники были многочисленны, но ниже всякой посредственности, и не достигли никакой извѣстности. Ни малороссы, ни москвичи, ничуть не сохранили своей національности. Они всѣ обезличились. Будущіе художники поступали всегда въ академію художествъ въ возрастѣ 6—7 лѣтъ, т.-е., не по собственному влеченію и выбору, а по волѣ отцовъ и помѣщиковъ-меценатовъ, видѣвшихъ въ художественной карьерѣ выгоду. Выросши, эти художники въ большинствѣ случаевъ работали все только

---

*) См. выше: ноябрь, 214 стр.

по заказамъ двора и старались приблизиться къ европейскимъ оригиналамъ. Этотъ періодъ, мнѣ кажется, всего вѣрнѣе будетъ названъ *придворно-иностраннымъ*.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ царствованія императоровъ Александра I и Николая I, почти всѣ замѣчательнѣйшіе наши художники родились въ Петербургѣ или его окрестностяхъ: Безсоновъ, Варнекъ, Воробьевъ, Щедринъ (Сильвестръ), Рабусъ, Карлъ, Александръ и Ѳеодоръ Брюлловы, Александръ Ивановъ, Басинъ, Марковъ, Завьяловъ, Шамшинъ, Серебряковъ, Штернбергъ, Бейдеманъ, Клодтъ, Пименовъ, Тонъ, Бондштедтъ—всѣ родились въ Петербургѣ; Шебуевъ и Моллеръ—въ Кронштадтѣ; Вилевальде—въ Павловскѣ; Штакеншнейдеръ—въ Гатчинѣ; Кипренскій и Петровскій—въ Ораніенбаумѣ. Егоровъ родился въ калмыцкой ордѣ, на китайской границѣ, но уже 6-ти лѣтъ привезенъ былъ въ Петербургъ; Бруни родился въ Москвѣ, но тоже еще маленькимъ мальчикомъ привезенъ въ Петербургъ. Всѣ они поступили въ академію художествъ очень рано, и хотя еще не 6—7, а 10—11 лѣтъ, но все-таки не по собственному влеченію и выбору, а по выбору отцовъ и благодѣтелей. Очень многіе родились сыновьями профессоровъ и художниковъ (Щедринъ, Брюлловы, Бруни, Ивановъ, Пименовъ, Шамшинъ), но это уже ничуть не имѣло своимъ послѣдствіемъ наслѣдственность живого таланта и здоровой художественности,—какъ то бывало въ Европѣ средневѣковой и въ Европѣ XVI—XVII вѣка, когда искусство было свободно,—а было только наслѣдственностью академическихъ понятій и преданій. Они впоследствии сдѣлались всѣ и сами профессорами, и почти всѣ ихъ произведенія суть только исполненіе заказовъ начальства. Наполненный ихъ работами художественный періодъ по всей справедливости долженъ быть названъ *петербургскимъ*, и, за исключеніемъ Иванова, *профессорскимъ* и *казенно-оффиціальнымъ*.

Въ совершенную противоположность предъидущимъ двумъ періодамъ,—періодъ, начинающійся съ 50-хъ годовъ, заключаетъ въ себѣ художниковъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшіе родились не въ Петербургѣ, лишь немногіе въ Москвѣ, и огромное ихъ большинство внутри Россіи, въ разнообразнѣйшихъ губерніяхъ сѣвера, юга, востока и запада. Ихъ предшественникъ, Ѳеодотовъ, тоже родился въ Москвѣ и провелъ тамъ всѣ юношескіе свои годы. Перовъ, Шварцъ, Ге, Пукиревъ, Якоби, Рипцони, Боголюбовъ, Трутовскій, Поповъ, Брянскій, Мясоѣдовъ, Журавлевъ, Корзухинъ, Кошелевъ, Крамской, Чистяковъ, Дмитріевъ-Оренбургскій, Кудрявцевъ, Ковалевскій, Васнецовъ,

Семирадскій, Харламовъ, Джукеръ, Куинджи, Рѣпинъ, В. В. Верещагинъ и многіе другіе еще—всѣ они родились въ разнообразнѣйшихъ мѣстностяхъ Россіи. Прявишниковъ, Маковский, Сѣдовъ, Лемохъ, Невревъ, Лансерѣ—въ Москвѣ. Лишь очень немногіе изъ замѣчательныхъ художниковъ этого періода родились въ Петербургѣ: Морозовъ, Петровъ, Бобровъ, Гартманъ, Ропеттъ. Максимовъ родился въ петербургской губерніи, но въ такой глуши, которая не имѣетъ ничего общаго со столицей. Наконецъ, въ Петербургѣ родились преимущественно тѣ художники, которые въ теченіе этого періода не заключаютъ въ себѣ ничего національнаго и всегда сильно тяготѣли къ чужеземному стилю и складу: Гунъ, Урлаубъ, Свѣдомскій, и др. Такимъ образомъ, наибольшій процентъ лучшихъ художниковъ этого періода состоитъ изъ художниковъ, родившихся внутри Россіи, въ провинціи. Поступали всѣ они въ академію художествъ въ возрастѣ уже 18—20 и болѣе лѣтъ, значить уже вполне сознательно и сами избравъ для себя искусство главнымъ занятіемъ жизни. Они приносили съ собою въ академію сложившійся характеръ, вкусы, понятія и взгляды, они перестали быть тепличными растеніями академіи, и полученный ото всего этого въ результатѣ складъ и обликъ былъ сильно характеренъ и самостоятеленъ. Только такіе люди способны были образовать сначала «художественную артель», а потомъ «товарищество передвижныхъ выставокъ»—два общества, гдѣ художники являлись у насъ впервые независимыми и сплоченными для общихъ ихъ интересовъ. Только такіе люди могли имѣть потребность создавать произведенія не по заказу начальства, а по собственному свободному выбору, по внутреннему влеченію. Имъ обязано своимъ началомъ истинное русское искусство, и періодъ ихъ по всей справедливости долженъ называться *національнымъ* и *періодомъ свободныхъ художниковъ*.

Не все равно для художника, гдѣ и среди чего онъ родится и гдѣ проводить лучшіе свои годы. Впечатлѣнія дѣтства и юношества всегда задаютъ тонъ остальной жизни художника. Федотовъ рассказывалъ, въ зрѣлые годы свои: «Все, что вы видите на моихъ картинкахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ) было видѣно и отчасти обсуждено во время моего дѣтства, это я заключаю какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я почему-то представляю мѣсто дѣйствія непременно въ Москвѣ... Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ основной фондъ моего дарованія». Реалистъ отъ головы до ногъ, Федотовъ

не могъ жить иначе. Только художники-идеалисты и академисты способны воображать, что все дѣло для живописца, скульптора, архитектора не въ коренной натурѣ его, а въ образованіи, въ дрессировкѣ, въ которую можно вогнать кого угодно. Для этихъ людей ни среда, ни страна, ни постоянныя душевныя впечатлѣнія—ничто не существуетъ. Они признаютъ только классъ да музей. Насколько непохожъ былъ на нихъ Ивановъ, даромъ что провелъ свое дѣтство и отрочество тоже все только среди классовъ и музеевъ столицъ, и ни единой минуты не подышалъ, въ тѣ годы, тѣмъ свѣжимъ воздухомъ, которымъ дышетъ народъ! Ивановъ писалъ еще въ 1836 году, изъ Рима: «Русскій художникъ непременно долженъ быть въ частомъ путешествіи по Россіи и почти никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, не имѣющемъ ничего характеристическаго». Читая эти глубоко-правдивыя слова, еще новый разъ подумаешь: что за чудная и свѣтлая натура былъ этотъ Ивановъ! Его натура до того была зоркая, чуткая и полная, что сколько ни отравленный старинной школой и классицизмомъ, сколько ни врагъ реализма и «жанра» (всего недѣли за четыре до смерти онъ писалъ своему брату изъ Петербурга: «Какъ жаль, что существуетъ жанръ у насъ и признаетъ академіей наравнѣ съ историческою живописью»), — несмотря на это, онъ все-таки понималъ, что русскому художнику надо прежде всего быть русскимъ, и ѣздить не по Италіи, ходить не по музеямъ, а ѣздить по Россіи и вбирать въ себя то, чѣмъ она полна. Ивановъ въ такія минуты переставалъ быть робкимъ воспитанникомъ Васильевскаго Острова и всепокорнѣйшимъ рабомъ римскихъ преданій, онъ говорилъ тутъ отъ несознаваемой имъ самимъ глубины своей природы.

Конечно, было бы безумно вообразить себѣ, что національность наша состоитъ только въ тѣхъ элементахъ, которые представляетъ провинція и захолустье, и будто бы нѣтъ ничего національнаго въ элементахъ, наполняющихъ большіе города и столицы. Такая мысль была бы только узва и фальшива, на манеръ старыхъ славянофиловъ. Национальность присутствуетъ, конечно, во всѣхъ классахъ и слояхъ общества, во всѣхъ мѣстностяхъ, и это доказали произведенія русской литературы за послѣднія 50—60 лѣтъ. Ихъ дѣйствующія лица принадлежатъ ко всѣмъ сословіямъ русскаго общества, отъ самаго низшаго до самаго высшаго, отъ послѣдняго несчастнаго мужика, придавленнаго на своей полосѣ и въ своей избѣ, и до наизялгантнѣйшей дамы, отъ праздности и роскоши занятой только раздушенными своими амурами. Безъ сомнѣнія, тѣ же самыя за-

дачи свойственны новому русскому реальному искусству, и оно много разъ изображало, съ большою талантливостью, не только людей среднего сословія и дворянъ, но даже аристократовъ и высшихъ чиновниковъ («Неровный бракъ», Пукирева; «Баринъ и лакей», К. Е. Маковского), свѣтскихъ дамъ («Бѣдная невѣста», барона М. П. Клодта; «Дама-благодѣтельница», В. Е. Маковского) и т. д. И при всемъ томъ, не здѣсь лежатъ главные задачи новаго русскаго искусства. Онѣ лежатъ всего болѣе и всего чаще въ представленіи крестьянъ, мѣщанъ, помѣщиковъ, купцовъ, лавочниковъ, ремесленниковъ, маленькихъ чиновниковъ и низшаго духовенства. Въ этихъ изображеніяхъ новое русское искусство выказало всю свою силу, талантъ и оригинальность. Большинство новыхъ художниковъ вышло изъ среды народа и «низшихъ классовъ» — значить, будучи искренними врагами условности и формализма, эти люди раньше всего хотѣли представлять то, что видѣли всего чаще вокругъ себя почти со дня рожденія, то, что знали и почувствовали, въ продолженіе собственной жизни, подъ вліяніемъ типовъ и сценъ, постоянно стоявшихъ вокругъ нихъ. Въ этомъ высшая ихъ заслуга и сила.

Новые художники, быть можетъ, и не читавши никогда новыхъ трактатовъ, перевернувшихъ вверхъ дномъ эстетику, осуществляли, однакоже, въ своихъ созданіяхъ, всѣ тѣ положенія, которыя составляли главную основу этихъ трактатовъ. «Предметъ художества есть вообще жизнь, а не одно прекрасное; прекраснымъ предметомъ будетъ для него служить не одно формально-прекрасное, а все, что напоминаетъ ему о жизни». — «Возвышенное дѣйствуетъ на человѣка вовсе не тѣмъ, что пробуждаетъ въ немъ идею безграничнаго (оно почти никогда не пробуждаетъ ея), а тѣмъ, что оно гораздо больше или сильнѣе явленій, съ которыми можетъ его сравнивать человѣкъ». — «Трагическое, по понятіямъ новаго европейскаго образованія, есть не что иное, какъ «ужасное въ жизни человѣка»: оно не имѣетъ никакой искусственной связи съ идеею судьбы или необходимости, какъ учили въ прежнее время». — «Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи; образы фантазіи только блѣдная и часто неудачная передѣлка дѣйствительности». — «Искусство рождается вовсе не для потребности человѣка восполнить недостатки прекраснаго въ дѣйствительности». — «Созданія искусства ниже прекраснаго въ дѣйствительности, не только потому, что впечатлѣніе, производимое дѣйствительностью, живѣе впечатлѣнія, производимаго созданіями искусства: созданія искусства ниже прекраснаго въ дѣйствительности и съ эстетической точки зрѣнія». —

«Область искусства не ограничивается областью прекраснаго въ эстетическомъ смыслѣ слова: искусство воспроизводитъ все, что есть интереснаго для человѣка въ жизни». — «Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности». — «Конечно, воспроизведеніе жизни есть главная задача искусства; но часто его произведенія имѣютъ и другую задачу: объяснять жизнь, или быть приговоромъ о явленіяхъ жизни»¹⁾.

Таковы главныя положенія новаго искусства. Старое искусство почти вовсе ихъ не знало, или же слѣдовало наименьшей, незначительнѣйшей долѣ этихъ законовъ. У него была передъ глазами постоянно одна только задача: служеніе красотѣ, отыскиваніе красоты, воспроизведеніе красоты, игнорированіе полноты живой природы и жизни, и выборка отсюда только очень немногихъ кончиковъ и матеріаловъ, потомъ достаточно арранжированныхъ, «прочищенныхъ», «просвѣтленныхъ» и «возвеличенныхъ». Оно сильно вѣровало въ фантазію, и поклонялось всѣмъ страннымъ капризамъ и выдумкамъ ея. Новое искусство выбросило все это за бортъ. «Прекрасное» не стоитъ уже для него на первомъ мѣстѣ: на первомъ мѣстѣ стоитъ для него «жизнь» и все то, «что въ ней для человѣка интересно». А когда такъ, то высшій законодатель для искусства не школа и музей, а сама жизнь. Необозримыя области, прежде забытыя или съ презрѣніемъ оттолкнутыя вонъ, становятся на первое мѣсто; безчисленныя сцены, личности, событія, люди, прежде забракованные, теперь становятся краеугольными камнями зданія. Препрежнее надутое высокоуміе къ тысячѣ вещей превращается въ любовь и почтеніе, и въ то же время въ пучину забвенія на вѣки вѣковъ летятъ стремглавъ вещи когда-то «важныя» и «почтенныя». Картины и скульптуры наполняются множествомъ субъектовъ, въ которыхъ нѣтъ вовсе «красоты» и «возвышенности», но въ которыхъ есть «интересы жизни». И наконецъ, что выше всего, искусство берется еще за одно настоящее, великое назначеніе свое, до сихъ поръ позабытое и неиспробованное, заброшенное на дно какихъ-то сундуковъ, отъ которыхъ и ключи-то были потеряны: оно становится «объяснителемъ» и «судьею» жизни.

¹⁾ Эстетич. отнош.

Когда прежде искусство брало такъ высоко и такъ глубоко? Когда оно было такъ смѣло и дерзко, когда оно въ такой мѣрѣ сознавало свою силу и значеніе? Но для того, чтобъ стать на эту настоящую ступень, художнику нашему, какъ и вообще европейскому, не нужно было читать книгу и набираться отътуда понятій о вѣрномъ, должномъ и справедливомъ. Новыя мысли были уже повсюду въ воздухѣ, а около начала 50-хъ годовъ онѣ, наконецъ, дотронулись и до художниковъ. Новые писатели объ искусствѣ не сами что-то новое изобрѣтали, а только заносили на свои страницы то, что было уже во всѣхъ лучшихъ и свѣтлыхъ головахъ. Вотъ, отчего и происходитъ то удивительное согласіе, соответствіе, которое существуетъ, начиная съ 50-хъ годовъ, между созданіемъ художниковъ и тѣмъ, что объ искусствѣ пишутъ во всей Европѣ, дѣйствительно, современные писатели о художествѣ. И тѣ, и другіе черпаютъ изъ одного и того же источника: современной мысли и понятій.

Въ продолженіе XVIII-го вѣка во всей лже-художественной Европѣ существовало жестокое гоненіе на маленькія и большія картины голландской школы. Существовавшій въ нихъ реализмъ и правда были невыносимы для любителей «высокаго» и «прекраснаго», для поклонниковъ стриженныхъ садовъ, пудры, мушекъ и фижмъ, жеманныхъ грацій и аристократическаго *comme il faut*. Еще Людовикъ XIV кричалъ: «*Qu'on m'ôte ces magots!*» (чтобъ у меня убрать эти китайскія куклы!) Легко понять, насколько въ тысячу разъ сердитѣе были нынѣшніе Людовики XIV, расплодившіеся на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, ходящіе въ черномъ сюртукѣ, но достойные носить парчевой кафтанъ и парижъ въ сажень. Не было конца жалобамъ на новую школу, переломавшую прежнія перегородки и замки, и желавшую свободно прохаживаться тамъ, куда прежде и заглядывать было не велѣно — зазорно-дескать. Не было конца обвиненіямъ въ «банальности» и «тривиальности», не было конца плачу объ утраченномъ высокомъ, строгомъ, значительномъ и настоящемъ искусствѣ. Но что такое были прежніе голландцы, въ сравненіи съ нынѣшними художниками? Правда, голландцы уже гордо попрали формальную, обязательную и бессмысленную «красоту» и «условность» — первое и послѣднее слово старыхъ школъ — и этимъ они были драгоценны новой русской школѣ. Но художники этой послѣдней, *по содержанию*, далеко возвысились надъ голландцами, еще наивными, еще даровитыми полу-младенцами, еще не думавшими въ искусствѣ, и такъ часто способными тратить свой правдивый талантъ на сюжеты незначущіе, совершенно ма-

ловажные. Новые художники вздумали вносить какую-то «мысль», какое-то «объяснение жизни», какой-то «приговор» надъ явлениями этой жизни. На мѣсто прежнихъ Александровъ Македонскихъ, олимпійскихъ игръ, великихъ людей, святыхъ и ангеловъ—какіе-то все маленькіе люди, а часто даже грубое мужичье, пьяные, растрепанные люди—какой скандалъ! Конечно, это было уже окончательно нестерпимо, и преслѣдованіямъ новаго искусства не было предѣловъ. Объявлено было, что искусство падаетъ, что оно развращается, что оно мельчаетъ и становится ничтожно.

Это все говорили, во имя «великаго» и «высокаго» искусства, тѣ люди, которыхъ никогда не отпугивала и не беспокоила никакая фальшь, пустота, притворность этого прежняго «высокаго» и «великаго» искусства, люди, которые всю жизнь прожили въ ладахъ со всею его условностью. Имъ только невыносима была выступившая вдругъ на свѣтъ, никого и ничего не спросаясь, высокая простота и правда жизни.

Но ничто не помогало. Новое русское искусство утѣшалось, глядя на подобное же преслѣдованіе, испытанное въ началѣ Гоголемъ и основанною имъ реальною школою. Въ концѣ концовъ, чья же взяла? И русское искусство не догнало ли только, начиная съ 50-хъ годовъ, великую свою предшественницу, русскую литературу?

Сознавая это, оно уже ни передъ кѣмъ не клонило голову и бодримъ шагомъ шло впередъ. Главная наибольшая масса публики была на его сторонѣ, съ академической школою оно разошлось. Новый корпоративный духъ, прежде небывалый, далъ крѣпкія свои рамки для сохраненія въ одной массѣ и въ одной общей силѣ молодыхъ художниковъ, сплотившихся вмѣстѣ для взаимной художественной помощи. «Художественная артель возникла сама собою»,—писалъ мнѣ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ, самобытныхъ и энергичныхъ новыхъ художниковъ, И. Н. Крамской:—«обстоятельства такъ сложились, что форма взаимной помощи сама собою навязывалась. Кто первый сказалъ слово? Кому принадлежалъ починъ—право, не знаю. Въ нашихъ собраніяхъ, послѣ выхода изъ академіи въ 1863 г., забота другъ о другѣ была самою выдающеюся заботою. Это былъ чудесный моментъ въ жизни насъ всѣхъ». Такъ смотрѣло на новый починъ и русское общество. Оно также понимало, что для нашего искусства пришелъ «чудесный моментъ», и радовалось, смотря на гордый, смѣлый починъ горсточки молодыхъ художниковъ, слабыхъ житейскими силами и средствами, но могучихъ мыслью, понятіемъ и рѣшимостью. Не

радовалась только академія и цензура. Академія еще со временъ Федотова готова была, конечно, до известной степени, признавать право на существованіе за правдою въ искусствѣ, за «жанромъ», готова была даже раздавать людямъ этого направленія поощренія, награды, вспомошествованія, но только бы ее фе-рула и классы на классическій ладъ возвышались во всей неприкосновенности. И вдругъ — какіе-то смѣлые «протестанты», рѣшившіеся перевернуть все вверхъ дномъ! Конечно, это для нея равнялось разбою, грабежу и революціи, и было сдѣлано тотчасъ распоряженіе, чтобъ въ печати ни единого слова не появлялось о «протестантахъ» и ихъ подвигѣ. Я, въ числѣ другихъ писателей, ничего не зная о распоряженіи, попался въ про-сакъ со своими привѣтственными заявленіями публикѣ на счетъ артели. Статьи моей — о выставкѣ 1863 г. — долго не хотѣли и не могли нигдѣ помѣстить, и только гораздо позже, уже въ 1864 году, она появилась въ «Библіотекѣ для Чтенія», но съ выпускомъ вонъ всѣхъ страницъ объ артели. Такой ужасъ и негодование она внушала! Но артель и сама продержалась не долго. «Конечно, составъ артели былъ случайный, — говоритъ И. Н. Крамской, — конкуренты, отказавшіеся отъ права побѣдки на казенный счетъ за границу и очутившіеся въ необходимости держаться другъ за друга, не всѣ были люди убѣжденій. Малая стойкость, недостаточная сила нравственная обнаружилась у нѣкоторыхъ между ними». И оттого артель просуществовала не долго, всего только лѣтъ 5 — 6. Не взирая на горячее сочувствіе лучшей и интеллигентнѣйшей части русскаго общества, артель въ концѣ этихъ первыхъ 5-ти лѣтъ начала клониться къ упадку, обзавались дезертеры. Но могучій подъемъ художественнаго духа не погибъ. Перестала существовать артель, но на ее мѣсто тотчасъ вступило новое сообщество художниковъ, составившееся частью изъ прежнихъ членовъ артели, частью изъ вновь прибывшихъ, но такихъ, которые всѣ общемою массою своею наполнены были тѣмъ самымъ духомъ самостоятельности и «протестантства» противъ устарѣлыхъ формъ художества, который создалъ протестъ и великодушную рѣшимость 1863 года. Зимой 1868 — 69 года, одинъ изъ молодыхъ художниковъ новаго содержанія и склада, Мясоѣдовъ, возвратившись изъ Италіи, послѣ своего пенсіонерства, бросилъ въ артель мысль объ устройствѣ выставки казнимъ-либо кружкомъ самихъ художниковъ. Артель съ большимъ сочувствіемъ приняла новую мысль. Это былъ не только настоящій выходъ изъ тогдашняго отчаяннаго положенія артели, но еще громадный шагъ впередъ для коренной могучей идеи. Однакоже предло-

женіе Мясоедова не осуществилось тотчасъ же. Оно затянулось. Но, проживая въ 1869—70 году въ Москвѣ, Мясоедовъ возобновилъ тамъ свою пропаганду. Художники московской школы, Перовъ, В. Маковский, Прянишниковъ, Саврасовъ, съ жаромъ приняли мысль его, и въ концѣ 1869 года предложили петербургской артели соединиться съ всѣмъ вмѣстѣ и образовать новое общество. Когда на одномъ изъ тогдашнихъ четверговыхъ собраній артели, гдѣ много бывало и постороннихъ, предложили на обсужденіе эту идею, какихъ комплиментовъ заслушалась артель, какія восторженные рѣчи были произнесены, и, наконецъ, какія подписи были даны тутъ же, и какими личностями! Тутъ уже дѣло загорѣлось и пошло быстрыми шагами впередъ. Всѣ воодушевились, всѣ принялись за работу. Въ Петербургѣ, самымъ энергичнымъ, самымъ вліятельнымъ борцомъ за новую мысль сдѣлался, на мой взглядъ, Крамской. Я живо помню это время, благодатный моментъ въ исторіи новаго нашего искусства. Быть можетъ, Крамской еще болѣе всѣхъ былъ наполненъ энтузіазмомъ къ новой формѣ художественной жизни и дѣятельности въ Россіи, онъ призывалъ товарищей «разстаться съ душевно курной избой, и построить новый домъ, свѣтлый и просторный». Всѣ росли, всѣмъ становилось уже тѣсно. Около того же времени возвратился изъ Италіи Н. Н. Ге и заговорилъ о «Товариществѣ», какъ о дѣлѣ ему уже извѣстномъ. Немедленно началось обсужденіе устава, а черезъ годъ «Товарищество», уже утвержденное правительствомъ, начинало свою дѣятельность. Нельзя не замѣтить здѣсь, что старая академія искусствъ точно сама нарочно толкала художниковъ, иными своими дѣйствіями, на протестантство и отдѣленіе. «До 1859 года, — писалъ мнѣ однажды И. Н. Крамской, — выставки въ академіи искусствъ были бесплатныя. Въ 1859 году въ первый разъ публику пустили на выставку за деньги. Это было и нехорошо, и несправедливо. Академія — учрежденіе государственное. Своими выставками она отдаетъ отчетъ и государству, и обществу, въ веденіи вѣреннаго ей дѣла. На выставкѣ она ничего не затрачиваетъ. Противъ впуска на выставку въ академію, за деньги, раздались голоса отовсюду. Какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ средѣ художниковъ, сильно заговорили о томъ: куда дѣваются деньги, собранныя съ выставки?». Негодованіе росло, къ нему присоединилось давно уже, съ конца 50-хъ годовъ, возникшее у художниковъ чувство протеста противъ классическихъ рамокъ, задачъ и анти-національнаго направленія академіи — и вслѣдствіе всего этого, вмѣстѣ сложившагося, общество молодыхъ художниковъ съ новымъ взгля-

домъ и потребностями встало и отдѣлилось. Главный лозунгъ его былъ: національность и реализмъ. Въ этомъ новомъ сообществѣ (все равно какъ и въ артели, ему предшествовавшей) не могло быть и поминна о той животной, забитой и бессмысленной жизни разгула, какою отличались прежнія сообщества нашихъ художниковъ, временъ Брюлловскихъ, въ Петербургѣ или Римѣ. Каждый изъ новыхъ художниковъ съ презрѣніемъ и злостью посмотрѣлъ бы на возобновленіе чего-нибудь подобнаго теперь, и неумолимою рукою оттолкнулъ бы прочь такой пошерь. Эти новые люди умѣли и думать, и читать книги, и рассуждать одни съ другими, и, болѣе всего, видѣть и глубоко чувствовать, что кругомъ нихъ въ жизни творится. Искусство не могло уже для нихъ быть празднымъ баловствомъ.

Всѣ симпатіи общества примкнули къ новому свѣтлому кружку художниковъ и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія никогда не покидали его. Что могли значить противъ такой соединенной силы вопли людей отсталыхъ, окостенѣлыхъ въ преданіи и непонимающихъ новаго движенія!

IV.

Въ новой русской живописи, среди массы оригинальныхъ талантовъ, среди цѣлаго поколѣнія истинно-замѣчательныхъ художниковъ, четверо занимаютъ, по моему мнѣнію, особенно крупное мѣсто. Это—Перовъ, Рѣпинъ, Шварцъ и Верещагинъ.

У каждаго изъ нихъ свой особенный родъ, хотя всѣ четверо одинаково національны. У каждаго свое особенное настроеніе, задачи и стремленія, хотя всѣ четверо—люди глубоко-правдивые и искренно поклоняющіеся одному только божеству въ искусствѣ: реализму жизни. Именно за этого бога они всего болѣе испытали, на своемъ вѣку, симпатій и антипатій.

Перовъ явился, въ 1858 году, прямымъ наслѣдникомъ и продолжателемъ Федотова, когда выставилъ свою картину: «Приѣздъ становаго на слѣдствіе». Десять лѣтъ отдѣляли эту картину отъ «Свѣжаго кавалера» и «Сватовства маіора», но молодой художникъ поднималъ выпавшую изъ рукъ Федотова кисть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее уронилъ, и продолжалъ начатое имъ дѣло, точно будто не бывало никогда на свѣтѣ Брюллова съ его фальшивымъ и фольговымъ направленіемъ, точно будто и не видано было всѣхъ его же-турчановъ, же-рыцарей, же-римлянъ, же-итальянцевъ и итальянокъ, же-

русскихъ, лже-боговъ и людей. Перовъ, точно будто игнорируя академію и ея задачи, однимъ скачкомъ переносился черезъ цѣлое море русскихъ картинъ съ содержаніемъ пустымъ или притворнымъ, равнодушно проходилъ даже мимо тѣхъ живописцевъ послѣдняго передъ нимъ періода, которые, начиная съ Венеціанова и кончая разными безвѣстными, мало прославившимися личностями 50-хъ годовъ, брали для себя задачи какъ будто жизненныя и національныя (русскій городъ, русскую деревню, русскаго человѣка, русскую женщину), а въ сущности копировали только національный костюмъ и обстановку, и внутри этого костюма и обстановки оставляли прежнюю академичность, Перовъ прошелъ мимо, и вмѣсто всего этого началъ своими картинами проповѣдь новаго искусства.

Настроеніе Перова было глубоко-серьезное. Онъ мало былъ склоненъ расплываться въ красивыхъ и сладкихъ ощущеніяхъ, онъ былъ полонъ негодованія на то, что видѣлъ, его волновали до корней души цѣлыя толпы русскихъ типовъ и личностей, постоянно вездѣ стоявшія около него, его потрясали сцены и событія, около которыхъ слишкомъ многіе проходятъ не замѣчая. У него натура была одной породы съ Гоголемъ, у него было тоже двѣ главныхъ ноты: юморъ и трагедія. Онъ столько же мало былъ способенъ, какъ Гоголь, рисовать условную смазливость людей и жизни, спокойно прославлять красоту и благополучіе. У него и люди, и сцены, и лица, и тѣла были живыя вопли съ того, что въ самомъ дѣлѣ есть на свѣтѣ. Ни нравоучительности, ни фельетоннаго легкаго смѣха, иногда портившихъ Федотова, у него уже не было. Все у него было, особливо въ первые годы, строго, важно, серьезно и больно кусалось. За это послѣднее качество его многіе прозвали живописцемъ «тенденціознымъ», но эта-то именно сторона его таланта и составляла вѣнецъ его юнаго, порывистаго творчества.

«Пріѣздъ становаго на слѣдствіе» (1858 г.) тотчасъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Было, конечно, еще нѣчто слабое, половинчатое въ картинѣ 24-лѣтняго Перова. Парень, приведенный въ набу къ становому на судъ, еще немного отзывается общимъ мѣстомъ и сентиментальностью. Но все кругомъ него дышало правдой и характерностью. Хорошъ ужъ былъ въ картинѣ и волостной староста, робкій, но хитрый пьянчужка, хорошъ былъ писарь, сидящій у стола, съ зубной болью, подобострастный передъ становымъ, молодой, но уже пройдоха, по глазамъ,—но выше всѣхъ являлся самъ становой, старый выживающій изъ военныхъ, грубый и бездушный, возросшій среди водки и

побоевъ, безжалостный даватель и взяточникъ, смотрящій на крестьянъ какъ на скоть. Его поза, начальнический видъ и жесты, его толстыя брови веревками, его неуклюжая медвѣжья фигура — какой это былъ глубокий и ужасный по правдѣ типъ изъ современной русской исторіи! Никто еще не бралъ у насъ до тѣхъ поръ такой трагической ноты. Этотъ становой можетъ быть пошелъ еще дальше «чиновника» Федотова, а ужъ и тотъ былъ какой молодчикъ! Нравственный развратъ вотъ какъ глубоко развѣлъ цѣлую полосу русскаго міра.

Вторая картина Перова, «Сынъ дьяча, произведенный въ коллежскіе регистраторы» (1860), была вторымъ могучимъ шагомъ въ Федотовскомъ направленіи. Умиленіе отца-дьяча и матери-крестьянки передъ вице-мундиромъ, хитрое выраженіе кривого перт-ного, примѣривающаго свой товаръ на новопроизведеннаго, и, всего болѣе, нахальное и тупое выраженіе дряннаго юноши, начинающаго уже зазнаваться со своимъ коллежскимъ регистраторствомъ, даромъ что самъ еще босикомъ и весь рванный, но онъ уже и теперь много общается — изъ него выйдетъ потомъ изрядный мошенникъ и даватель, столбъ порядка—вотъ что было въ картинѣ.

«Сельскій крестный ходъ», «Проповѣдь въ селѣ» (1861 г.) «Чаепитіе въ Мытищахъ» (1862), «Монастырская транеца» (1864)—вдругъ нарисовали цѣлый новый міръ, тоже раньше никѣмъ нетронутый съ той стороны, которая была именно самая характерная. До тѣхъ поръ было принято изображать наше духовенство съ одной только точки зрѣнія: точки зрѣнія благодушныхъ, елейныхъ пастырей, представителей неба на землѣ. Въ лже-бытовыхъ картинахъ, каково напр., «Причащеніе умирающей» Венеціанова, въ лже-историческихъ, какова наприм., «Осада Пскова» Брюллова, или въ какихъ угодно другихъ, вездѣ русскіе попы и монахи представлены были только чистыми, свѣтлыми голубицами, помышляющими только о небесномъ. Послѣ Пушкина и его гениальной «Сцены въ корчмѣ», послѣ Гоголя и его столько же гениальныхъ сценъ съ дьячками, попами и монахами, мудро было новымъ художникамъ купаться все только въ прежней лжи и притворствѣ. Надо было показать эти личности—въ самомъ дѣлѣ людьми, и притомъ такими, какими всякій ихъ знавалъ и видѣлъ въ дѣйствительной жизни, особенно въ глухихъ углахъ Россіи. «Проповѣдь въ селѣ»—одно изъ великолѣпнѣйшихъ и глубочайшихъ изображеній Перова: сельскій батюшка усердно проповѣдуетъ съ амвона на тему: «Вся власть отъ Бога», а между тѣмъ сидящій на самомъ переди, въ креслѣ,

старичокъ-помѣщикъ, дурачокъ и тряпница, сладко заснулъ, жена его любезничаетъ съ провинціальнымъ франтомъ, а крѣпостной деревенскій лакей кулаками пихаетъ прочь добрыхъ «музычковъ», которымъ такая охота была бы послушать рѣчей батюшкыныхъ о власти отъ Бога.

Два года пробылъ Перовъ, съ великой неохотой, за границей, ему тамъ было скучно и не по-себѣ, все иноземное вышло для него чѣмъ-то совсѣмъ неподходящимъ, и вотъ онъ выпросилъ себѣ у академіи позволенія воротиться поскорѣе назадъ. Спусти еще два года, употребленные на поѣздки туда, гдѣ ему было нужно и хорошо, по Россіи, послѣ множества этюдовъ съ натуры и нѣсколькихъ мелкихъ картинокъ на сюжеты незначительные («Дворникъ», «Гитаристъ-бобыль», «Мальчикъ-мастеровой»), Перовъ создалъ, въ 1865 году, одну изъ лучшихъ своихъ картинъ: «Деревенскія похороны». Картина была маленькая по размѣрамъ, но великая по содержанию и по трагическому чувству, въ ней присутствовавшему. За тысячи верстъ позади нея остаются многія саженины, въ теченіе сотенъ лѣтъ прославленные картины, населяющія музеи и все-таки полныя жи и выдумки. У кого есть глаза, еще не попорченные школой и преданіемъ, будетъ потрясенъ этой картиной и ея безпредѣльной правдивостью. Превосходны «Похороны» у Кнауса и у Вогте, но и тѣмъ, и другимъ—далеко до «Похоронъ» Перова. Тѣ двѣ картины, несмотря на всю свою правду, заключаютъ фигурки швольныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, все-таки немножко прибранныхъ и подсахаренныхъ, какихъ въ натурѣ нѣтъ, да и взрослые тутъ тоже какъ-то по картинному «изящны» и элегантны. Перовъ такой неправды уже не хочетъ знать. Тамъ въ картинахъ пріятная, милая элегія, у него—грозная суровая трагедія. У него на лицо—только одна истина дѣйствительности, со всѣми ея неправильностями и невзрачностями на-голд. Бѣдная эта вдова, съ опущенной головой, точь въ точь ея савраска, что такъ трудно шагаетъ въ снѣжномъ пустырьѣ,—сидитъ на дровняхъ спиной къ гробу, гдѣ лежитъ ея мужъ; около гроба натисканы въ дровни дѣти: мальчикъ спитъ, закутанный въ отцовскій большущій тулупъ, дѣвочка собирается заревѣть, потому что ей ужасно неловко, и отцовскій гробъ тѣснить ея маленькое тѣльцо. Это вся семья тутъ путешествуетъ въ одномъ экипажѣ—дома никого не оставишь, вѣдь нельзя! Но что тутъ нарисовано, то всякій день происходитъ на тысячѣ концовъ Россіи; только никакой прежній живописецъ этого не видалъ и не останавливался на этомъ. Эти похороны еще безотрадиѣ, еще печальнѣе «похоронъ» у Не-

красова: тамъ впереди гроба «убитая, скорбная пара, или мать и отецъ впереди», и «за Дарьей—сосѣдей, сосѣдовъ плелась негустая толпа». Здѣсь, у Перова—никого, никого, одна собачонка сбоку бѣжитъ по сугробамъ, да вѣтеръ свиститъ между сосенъ. Что за ужасная была жизнь, пока всѣ четверо въ этой семьѣ были живы. Но насколько стала еще ужаснѣе и безотраднѣе жизнь, когда изъ четырехъ одного не стало, среди этихъ сугробовъ снѣга и далекой невѣдомой глуши. Художество выступило тутъ во всемъ величїи своей настоящей роли: оно рисовало жизнь, оно «объясняло» ее, оно «провозносило свой приговоръ» надъ ея явлениями.

Еще нѣсколько разъ въ продолженіе своихъ молодыхъ годовъ Перовъ бралъ такіа глубоко-трагическія ноты. Его «Тройка» (1866) — это трое оборванныхъ, голодныхъ ребятишекъ-мастеровыхъ, измученныхъ, истомленныхъ, принужденныхъ таскать на салазкахъ, по гололедицѣ, громадный чанъ съ водою, на которомъ они надрываютъ свои скудныя силенки. Его «Утопленница» (1867) — это картина, гдѣ представленъ городской, топорный и грубый, съ калмыцкимъ лицомъ, взрытымъ оспой; онъ сидитъ на бревнѣ, у воды, откуда вытасовно тѣло бѣдной утонувшей женщины, онъ, покуривая трубочку, сторожитъ это тѣло, съ такимъ же апатическимъ равнодушіемъ, съ какимъ одинъ звѣрь сидѣлъ бы подлѣ мертваго тѣла другого звѣря. Еще одна картина: «Прїѣздъ гувернантки въ купеческій домъ» (1866) — не трагедія покуда, но настоящій прологъ къ трагедїи. Вся купеческая семья выспалась встрѣчать новопрїѣзжую барышню изъ столицы: впереди всѣхъ разжирѣвшій отецъ-самодуръ, стоящій тумбой въ своемъ плисовомъ халатѣ и упершій залпышіе глаза на оробѣвшую дѣвушку, поспѣшно нарицую рекомендательное письмо; позади него мужичка-жена, только прибѣжавшая съ кухни и подозрительно глазѣющая на гувернантку; безцвѣтная дочь-дѣвочка, уже огрубѣвшая; сынъ — будущій кутила трактировъ, теперь покуда жадно глядящїй на гувернантку — цѣлая семья изъ «темнаго царства». Какая трагедія ожидаетъ эту свѣжую прїѣзжую изъ столицы дѣвушку!

На этихъ картинахъ Перовъ повончилъ съ трагизмомъ, и съ этихъ поръ точно добровольно вычеркнулъ его изъ своей программы. Съ этихъ поръ у него уже не является ни одного болѣе трагическаго сюжета: остается одинъ его юморъ и глубокая правда типовъ и характеровъ. Но въ продолженіе второго періода своей художественной дѣятельности, Перовъ идетъ все по прежнему въ гору, по свободѣ и силѣ представленїя, и даже по силѣ колорита (до тѣхъ поръ у него мутнаго и сѣраго). У него является

теперь, цѣлый рядъ портретовъ въ величину натуры, между тѣмъ какъ всѣ картины его, до того времени, были малыхъ размѣровъ. О портретахъ я буду говорить ниже. «Странникъ» и «Омушка-сычъ», это были тоже портреты, да только еще болѣе—этюды съ характернѣйшихъ народныхъ русскихъ типовъ. Но Перовъ, среди всего этого, не покидалъ собственныхъ созданий. Его «Учитель рисованія» (1867)—это такая элегія бѣдной, невзрачной жизни: старикъ, промышляющій преподаваніемъ рисованья носовъ и ушей, сидитъ, вертя пальцами рейсфедеръ, грустный и печальный; онъ долженъ ждать, пока мальчишки и дѣвчонки, его ученики, соблаговолятъ придти въ классъ. Его «Послѣдній кабакъ у заставы», его «Сцена у желѣзной дороги» (группа крестьянъ, столпившихся у шлагбаума, пока несется мимо поѣздъ)—все это были сцены съ мѣткими народными типами и выраженіями.

Но еще выше тѣ картины, которыя Перовъ написалъ въ періодъ времени между 1870 и 1875 годами. Это періодъ наивысшаго разцвѣта Перова. «Птицеловъ», «Рыболовъ», «Охотники на привалѣ», «Ботаникъ», «Голубятникъ»—во всѣхъ этихъ задачахъ нѣтъ ничего ни великаго, ни значительнаго, ничего драматическаго, ни захватывающаго воображеніе. Но тутъ предстала цѣлая галерея русскихъ людей, мирно живущихъ по разнымъ угламъ Россіи, ничего не знающихъ, ни о чемъ не заботящихся, хоть трава не роси, и только всею душою ушедшихъ въ любезное и ничтожнѣйшее занятіе: кому дороже всего на свѣтѣ птицу на дудочку поймать, кому—рыбу изъ воды вытащить, кому—заѣца догнать, кому—увидать, какъ деревцо или цвѣточекъ выростетъ, кому—услѣдить за кувырканьями турмановъ въ воздухѣ. Это все праздные часовщики-аматеры изъ «Грозы» Островскаго. Какое еще разъ «темное царство» на разныхъ ступеняхъ русской общественной лѣстницы, какая коллекція людей мертвыхъ и бездушныхъ во всему, въ теченіе десятковъ лѣтъ жизни, и зрячихъ только на какіе-то пустяки и глупости! Смотрите: тутъ въ коллекціи есть и дворовые люди, посѣдѣлые въ холопскомъ хомутѣ, и помѣщичьи, закаленные въ праздности, и крестьяне, совращенные отъ своего дѣла, и барчата, и дворяне, и мѣщане, и мальчишки, и старики. Они лежатъ по цѣлымъ часамъ на брѣхѣ, на землѣ, подварауливая; они стоятъ, тоже по цѣлымъ часамъ, уперши руки въ колѣни и наклонившись надъ водой; они сидятъ на травѣ, въ отхожемъ полѣ, среди собакъ и ружей; они качаются верхомъ на трубѣ поверхъ кровли, у нихъ у всѣхъ глаза жадно устремлены, у нихъ души неподвижны, они молчатъ въ священномъ ожиданіи великой минуты, а

если говорить, то чтобъ нагло хвастаться и врать про чудные подвиги, свои собственные и своихъ собакъ, удочекъ и жердей — какой все это мѣръ еще не жившій и уже давно сгнившій! На первый взглядъ, тутъ все только юморъ, добродушный, милый, наивный, незлобивый, ни о чемъ особенно не задумывающійся юморъ, простые картины русскихъ нравовъ; да, но только отъ этого «наивнаго» юмора и отъ этихъ «простыхъ» картинъ мурашки по тѣлу бѣгаютъ. Гоголь съ Островскимъ, должно быть, тоже наивные юмористы и изобразители простыхъ сценъ были. Нѣтъ, кто не слѣпъ и не глухъ, почувствуетъ въ этихъ картинахъ ѣдкое жало. Проживи еще Перовъ и не измѣнись онъ страшно, по всей вѣроятности онъ начертилъ бы много еще такихъ глубокихъ картинъ, снятыхъ живьемъ съ нашей родины.

Къ несчастью, Перовъ не удержался на такой высотѣ. Семейныя несчастія (потеря жены) и разныя невзгоды жизни поворотили Перова въ другую сторону и лишили талантъ его прежней силы и оригинальности. Первый неудачей его была картина: «Христосъ и Богоматерь у житейскаго моря» (1867), сюжетъ которой представился ему во снѣ. Для такого реалиста, какъ Перовъ, это уже опасный поворотъ, когда художникъ становится способенъ сонными, аллегорическія видѣнія писать, на яву, на холстѣ. Но это было еще только первое накопившееся облачко, первый звонокъ издала. На первый разъ все вредное пронеслось мимо, не оставивъ, повидимому, никакого слѣда. Перовъ успѣлъ создать, послѣ этой аллегоріи, цѣлый рядъ превосходнѣйшихъ своихъ картинъ. Но моральная болѣзнь, затаявшаяся внутри, стала дѣлать успѣхи, быть можетъ, отчасти подъ вліяніемъ болѣзни физической, чахотки, вдругъ начавшей въ немъ развиваться съ большою силою. Перовъ сдѣлался мраченъ, подозрителенъ и недоувѣрчивъ, раздражителенъ, разошелся съ прежними товарищами и друзьями, выпелъ зонъ изъ «Товарищества передвижныхъ выставокъ», онъ теряетъ все болѣе и болѣе силу своей правдивости, простоты и типичности. «Пластуны въ засадѣ», картина, принадлежащая къ 1875 году, была уже вполне неудачна и по выбору сюжета. Предприняты имъ, въ самые послѣдніе годы его, огромныя историческія картины: «Никита Пустосвѣтъ» и «Пугачевскій бунтъ», ничуть не соответствовали ни свойствамъ его таланта, ни его опытности и привычкамъ. Все тутъ являлось либо слабымъ, либо неумѣлымъ. Лишь немногія исключенія (какъ, напримѣръ, головы Пустосвята и раскольника съ образомъ) свидѣтельствовали все-таки о сильномъ талантѣ и мѣткомъ выборѣ типовъ съ живой натурой. Изувѣрство, желѣзная упорность,

темнота мысли и огненный энтузиазмъ духа вмѣстѣ съ постною изморенностью тѣла — ярво нарисовались въ этихъ двухъ великолѣпныхъ головахъ и даже цѣлыхъ фигурахъ. Все остальное въ картинѣ было неудачно, иногда даже вполне казенно и ordinarily, напримѣръ, фигуры царевны Софїи, православнаго духовенства, иностранцевъ и даже большинства раскольниковъ; во всякомъ случаѣ ничуть не исторично. Въ «Пугачевѣ» фигура самого Пугачева всего менѣе удалась, и только нѣкоторыя второстепенныя фигуры, наприм., священникъ съ косичками и въ лаптяхъ, въ холстинной ризѣ, испуганный и раболѣпный, одинъ изъ ватаги Пугачева съ топоромъ въ рукѣ, и кое-кто изъ помѣщиковъ и помѣщицъ — выдаются по натурѣ, по типу; все остальное слабо и неудачно. Исторія не удается сплошь всякому, кто только задумаетъ за нее приняться. Но именно къ ней обратился вдругъ Перовъ, не имѣя къ тому никакого настоящаго дарованія; повидимому, онъ намѣренъ былъ заниматься впредь только одними историческими сюжетами, и потому можно сомнѣваться, чтобъ Перовъ, еслибъ еще прожилъ, былъ въ состоянїи создать что-нибудь опять крупное и приближающееся къ значительнымъ произведеніямъ его молодыхъ и среднихъ лѣтъ.

Рѣпинъ представляетъ совершенно другую натуру и совершенно другую судьбу. Онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ Федотовымъ, ни съ Перовымъ, ни вообще съ кѣмъ бы то ни было изъ всѣхъ нашихъ живописцевъ. Онъ никого не продолжаетъ, ни къ кому не примыкаетъ. У него совершенно свой особенный взглядъ и чувство, и только тогда онъ силенъ и значителенъ, когда выражаетъ это чувство. А чувство это состоитъ — въ постиженіи и передачѣ массъ людскихъ. Въ этомъ онъ встрѣчается только съ однимъ еще живописцемъ нашего времени, и опять-таки съ живописцемъ русскимъ, съ Верещагинымъ. Говоря музыкальнымъ языкомъ, про обоихъ надобно было бы сказать, что главная задача ихъ творчества — это *хоры*. Изображеніе сценъ и судебъ отдѣльныхъ личностей гораздо менѣе свойственно ихъ натурѣ. Обоихъ ихъ тянетъ въ ширь и многообъемлемость массъ, съ ихъ жизнью и душевными движеніями, съ цѣлыми прожитыми годами, отразившимися на лицѣ и всей фигурѣ, и тутъ-то проявляется все главное ихъ значеніе. Къ этому еще, сила и грандиозность составляютъ всегда отличительную черту созданій Рѣпина. Мелкія событія и сцены, мелкія личности и мелкіе сюжеты лежатъ совершенно внѣ его натуры. Ни къ кому такъ не идетъ, какъ къ нему, названіе: Самсонъ русской живописи. Ему все нужны такія задачи, гдѣ бы выразились широкіе, далеко

простирающіеся горизонты. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ способенъ выразить съ силой и глубиной только то, что видѣлъ собственными глазами, что испыталъ собственной душой. Воображеніе—худой для него слуга, и никогда еще не помогало ему въ лучшихъ, значительнѣйшихъ его созданіяхъ. И въ этомъ главная его мощь и заслуга. Въ этомъ онъ совершенно сходится съ Курбъ и съ Верещагинимъ: эти тоже не одарены фантазіей, сочиняющей и переносящей туда, гдѣ не побывалъ и чего собственными глазами не видалъ авторъ.

Рѣпинъ сразу показалъ оригинальность своей природы и таланта. Пройдите всѣ залы академическаго музея, и вы за всѣ сто лѣтъ существованія академіи не найдете такихъ программъ на 2-ю и на 1-ю золотую медаль, какъ у Рѣпина. Въ общемъ на первомъ планѣ—своеобразность. Уже въ своей картинѣ: «Юзь и его друзья» (1869), онъ показалъ, какъ оригинально и картинно можете справиться талантъ даже съ казенной, давно избитой задачей. Въ другой подобной же программѣ: «Воскрешеніе дочери Іаировой» (1871), онъ проявилъ еще болѣе совершенно индивидуальныхъ качествъ. И не мудрено: онъ вложилъ въ казенную задачу свое личное чувство и своеобразие, онъ вложилъ туда кусокъ своей собственной жизни. Въ фигурѣ молодой умершей и во всемъ окружающемъ ее онъ нарисовалъ ту самую сцену, которая однажды, въ первой еще молодости, поразила его: среди мрака вечера и дымящихся свѣчей въ большихъ шандалахъ, мертвая фигура молодой дѣвочки, его родственницы. Все прочее въ картинѣ Рѣпина было слабо и обыкновенно: Христосъ, апостолы, родственники Іаиры ровно ничего не представляли, кромѣ общаго класснаго уровня, за то главный пунктъ картины—умершая, на одрѣ—былъ поразителенъ, и изъ-за него прощали остальное. Изображать въ искусствѣ то, чѣмъ ты самъ былъ однажды глубоко потрясенъ, собственное свое душевное движеніе, сожалѣніе, радость, отчаяніе—это для талантливаго человѣка самый вѣрный путь къ тому, чтобъ потрясти и тронуть другихъ. Съ Рѣпинимъ такъ и было. Его успѣхъ въ Петербургѣ былъ мгновенный, огромный.

Но еще во сто разъ болѣе великъ былъ успѣхъ его картины: «Бурлаки на Волгѣ», которую онъ началъ писать еще въ промежуткѣ между 2-ю и 1-ю золотыми медалями, а кончилъ уже только въ 1873 году. Тутъ уже Рѣпинъ сѣдѣлъ въ настоящемъ своемъ сѣдлѣ и создалъ, 28-и 29-и лѣтъ, такую картину, которая есть, конечно, первая картина всей русской школы, отъ начала ея существованія. Важнѣе и глубже задачи никто еще

изъ русскихъ живописцевъ не брать. Скотоподобное порабощеніе простолюдина, низведеніе крестьянина на степень рабочей лошади, тагнувшей лямку бичевы — и это въ продолженіе долгихъ столѣтій, вотъ мысль картины. О, какъ она выполнена была, эта мысль, съ какимъ блескомъ и талантомъ! Даже одна только вѣдимость исполненія — и та поражала не только насъ русскихъ, но и самихъ иностранцевъ. Послѣ вѣнской всемірной выставки 1873 года, вѣмецкіе художественные критики (наприм., Пехтъ) писали, что «Бурлаки» — это «самая солнечная картина цѣлой всемірной выставки». И въ самомъ дѣлѣ, не скоро найдешь въ европейскіхъ музеяхъ картину, до того полную яркаго солнца, горячаго воздуха, лѣтняго зноя. И вотъ подъ этимъ-то раскаленнымъ солнцемъ, когда всѣ другіе ушли и спрятались въ домахъ, въ тѣни, въ лавжахъ, горницахъ и залахъ, цѣлая толпа несчастныхъ каторжныхъ, но каторжныхъ «по своей волѣ», «по добровольному найму», тяжело шагаютъ, въ своихъ лохмотьяхъ, по берегу Волги, выпечатывая свои лапты и сапоги на мокромъ пескѣ. И цѣлыя столѣтія такъ проходили, мало кого удивляя, мало кого поднимая въ щемящемъ и неутѣшномъ негодованіи! Вѣдь это все было «добровольно». Да, но какая жизнь цѣлой тысячи лѣтъ привела въ этому страшному «добровольно»? Рѣпинъ рисовалъ своею кистью что-то такое ужасное, что-то такое потрясающее, чего не могли хорошенъко понимать иностранцы, и они говорили только о великолѣпныхъ краскахъ, о великолѣпныхъ типахъ, либо злобно подсмѣивались надъ каторжной жизнью въ Россіи. До ихъ сердца остальное не доходило. Что въ этомъ мудренаго, когда они такъ долго и такъ упорно не понимали своихъ же собственныхъ Курба и Миллэ, рисовавшихъ имъ нѣчто подобное нашимъ бурлакамъ, французскихъ «Le casseur de pierres», «L'homme à la houe», «Le gardeur de vaches», «Le vieux bûcheron», весь тотъ несчастный, вѣчно страдающій людъ въ лохмотьяхъ, про который глубокоталантливый Миллэ (французскій Рѣпинъ) говорилъ: «существа, выносящія человѣчскій законъ, и даже никогда не подумавшіе спросить у кого бы то ни было, что за резонъ всему этому». Но за то намъ-то, какимъ громовымъ ударомъ приходилась картина Рѣпина, намъ-то, послѣ цѣлаго столѣтія картинъ съ Ахиллесами, вакханками и центаврами, — и даже послѣ всѣхъ картинъ самихъ Фетотова и Перова. Никогда еще горькая судьба вьючнаго людскаго скота не представляла передъ зрителемъ на холстѣ въ такой страшной массѣ, въ такомъ громадномъ пронзительномъ аккордѣ. Эти одиннадцать человѣкъ, шагающихъ въ одну ногу, натагнувши лямки и нату-

жившихся грудью, — что это за людская мозаика съ разныхъ концовъ Россіи. Тутъ и крѣпкіе слоны-вожаки, словно вылитые изъ мѣди и не боящіеся солнца подь своей косматой шапкой изъ волосъ; тутъ и слабые старики, желтые отъ лихорадки, отрирающіе потъ безсилія со лба; тутъ и матросъ, выходявшій кругомъ всего свѣта и получившій какую-то эіопскую фізіономію; тутъ и грекъ съ юга въ лохмотьяхъ, но съ античнымъ профилемъ; тутъ и старики, тутъ и мальчишки, у которыхъ задоръ и молоденькая грудь не успѣли еще надорваться; тутъ и покорные, тутъ и равнодушные, сосущіе трубочку, тутъ и свирѣбые — всѣ они упрятанные въ одну лямку и ей покорные. Что за жизнь, что за судьба! И все-таки это были не элегическіе, плаксивые и жалующіеся бурлаки Некрасова, съ «мѣрнымъ похороннымъ кривомъ», тѣ, «чей стонъ у насъ пѣсней зовется» — нѣтъ, это были могучіе, бодрые, несокрушимые люди, которые создали богатырскую пѣсню «Дубинушку»: — Эй, ухнемъ, эй ухнемъ, ай — да, ай — да!», — подь грандіозные звуки которой, быть можетъ, еще много поколѣній пройдетъ у насъ, только уже безъ бичевы и лямки. Все это глубоко почувствовала вся Россія, и картина Рѣпина сразу сдѣлалась знаменита повсюду. Фотографій, копій въ краскахъ, гравюръ, было всегда, въ продолженіе всего 10-лѣтія съ ея появленія, безконечное множество. Она сдѣлалась для нашего поколѣнія такою же знаменитостью, какою для предъидущаго была — «Послѣдній день Помпеи». Только люди перемѣнились, понятія и требованія тоже. И въ той картинѣ была общая погибель на сценѣ, и въ этой также — только какая равница! Тамъ выдумки, тамъ общія мѣста, тамъ отвлеченные «отецъ», «мать», «дочь», «сынъ», — тутъ все, что только можетъ быть самаго неотвлеченнаго, невыдуманнаго, самаго взятаго прямо изъ живой жизни. Навѣрное, почти у cadaго изъ этой толпы шагающихъ вдоль Волги есть по семейству; ихъ тутъ нѣтъ на холстѣ, но ваша мысль къ нимъ лететь, въ ихъ избу и на ихъ полюсу пашни, тоже орошенную тѣжкимъ потомъ — это уже не праздная «Помпея» съ изящными натурщиками-итальянцами и съ «чудомъ природы», съ невиданными лучезарными итальянками. Въмѣсто этихъ академическихъ пріемовъ и фальши, Рѣпинъ давалъ своему зрителю настоящей правды жизни отвѣдать. За то и ему самому привелось отвѣдать, со стороны классиковъ и ретроградовъ, всей правды ихъ ненависти къ жизни. Рѣпинъ долго послѣ перваго появленія своей картины подвергался преслѣдованіямъ за «неизящество» типовъ, за «грубость» натуръ, взятыхъ имъ сюжетами для картины, за бѣдность, лохмотья, «отрицатель-

ную сторону». Все тѣ самыя обвиненія, буква въ букву, которыя 30 лѣтъ раньше терпѣли Гоголь въ Россіи, Курбѣ и Миллѣ во Франціи.

Почти 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Рѣпинъ создалъ эту великую, истинно-историческую русскую картину — какой намъ другой еще исторіи нужно? — и съ тѣхъ поръ не произвелъ ни одной вещи ей равной. Чтожъ! Когда художникъ положилъ на свой холстъ такую силу и такую глубину правды, съ него довольно и этого, на цѣлую жизнь. Вѣдь и по части прежнихъ выдуманныхъ картинъ, художникъ, бывало, напишетъ одну главную, капитальную, все остальное идетъ только на придачу; вспомнимъ хоть опять ту же «Помпею». Однако же у Рѣпина было нѣсколько другихъ картинъ, очень замѣчательныхъ то въ томъ, то въ другомъ отношеніи, и уже во всякомъ случаѣ — въ отношеніи техническомъ, живописномъ.

Еще до отъѣзда за-границу, онъ написалъ (1872) для залы «Славянскаго базара» гостинницы въ Москвѣ, «Собраніе русскихъ, польскихъ и чешскихъ музыкантовъ» — картину, заключающую нѣсколько десятковъ портретовъ во весь ростъ, начиная съ Глинки и Даргомыжскаго, и кончая нашими музыкальными знаменитостями послѣдняго десятилѣтія, — все вмѣстѣ мастерски расположенное и чудесно освѣщенное.

Во время пребыванія своего пенсіонеромъ, въ Парижѣ, онъ написалъ картину: «Садко въ подводномъ царствѣ». Это было опять «шестіе», тутъ была опять толпа народа — только на этотъ разъ все женщины, какъ въ «Бурлакахъ» были все мужчины. Собственно сама аллегорія, главная задача картины, не удалась. Аллегорія, со своими идеальностями и отвлеченностями, никогда не придется въ самомъ дѣлѣ по натурѣ такому истинному, глубокому реалисту, какъ Рѣпинъ. Притомъ же, какъ ни поверни аллегорію, все не выходитъ ничего дѣльнаго и важнаго въ этой картинѣ. Если растолковать ее себѣ такъ, что дѣвушка-Чернавуха, идущая во хвостѣ ста дочерей подводнаго царя — это Россія, или ея искусство, которыхъ затмили идущія впереди блестящія, великолѣпныя ея сестры, страны и искусства цѣлаго свѣта, и одинъ только Садко-русакъ понялъ, и узналъ, и опѣнилъ ее — то это не такъ, потому-что Россія давно уже не Сандрильона въ ряду націй, и давнымъ-давно уже многіе, кромѣ самого Садки, узнали ей цѣну, ввѣсили ее на вѣсахъ міра и уразумѣли ее. Но если опять подумать, что въ картинѣ дѣло состоитъ въ томъ, что Садко-русакъ, сколько ни любуйся онъ на красоты, таланты и достоинства всего міра, а своя бѣдная Чернавуха будетъ, въ

концѣ всего, его сердцу все-таки дороже и ближе всего—тогда надо было поставить передъ нами Черनावушку въ картинѣ такъ, чтобъ блеснула изъ ея лица и всего существа ея вся красота и притягательная неотразимая сила, не взирая на бѣдный внѣшній видъ; тогда надо было и въ Садекѣ нарисовать озарившее его чувство, его восторгъ, его поклоненіе, смуту задыхающагося отъ счастья чувства. Задача художнику была тутъ истинно глубокая и великая, одна изъ истиннѣйшихъ и глубочайшихъ задачъ нашего времени: вложить въ человѣческое лицо такой океанъ симпатіи и притягательности, душевной красоты и значительности, которыя перетягиваютъ всѣ остальные красоты и значительности,—такая задача была бы выше задачи всѣхъ Рафаэлевскихъ мадоннъ, съ ихъ неземными, сверхъестественными, невиданными и неслыханными чувствами. Но въ картинѣ Рѣпина вовсе не исполнена и такая задача: дѣвушка-Черनावушка идетъ гдѣ-то далеко, въ глубинѣ картины, такъ что въ ней ничего не видно и ничего различить нельзя, кромѣ общаго силуэта. Мы должны вѣрить живописцу, какъ какому-нибудь славянофилу (какимъ Рѣпинъ никогда не бывалъ), что дѣвушка-Черनावушка выше и лучше всѣхъ на свѣтѣ, а почему—неизвѣстно. Самъ Садекъ ничего тоже не выразилъ, онъ стоитъ тутъ безъ восторга, безъ потрясенной души, и только чему-то «удивляется» — на томъ всему и былъ конецъ. Но этого еще слишкомъ мало для задачи. Собственно его внѣшній обликъ, фигура, поза, жестъ—были незначительны. И однакоже, не взирая ни на что, многое въ картинѣ Рѣпина истинно великолѣпно. Чудесная красавица «Италія», взятая какъ будто изъ эпохъ и стили Тиціана, позади нея такіе же красоты «Испанія», «Франція», напередѣ всѣхъ женщина-Востокъ, еще въ формѣ полу-стихійнаго созданія, на-половину женщины, на-половину рыбы, и, еще болѣе всѣхъ ихъ, картина самого подводнаго царства, это все великія чудеса живописи. Подводное царство, внутренность океана, насквозь проникнута солнечными лучами, цѣлыми столбами золотого свѣта, и внутри этихъ волнъ колебаніе, и дрожаніе, и сутолока громадной массы рыбъ и всаческихъ морскихъ чудищъ—это было уже истинно великолѣпно въ картинѣ Рѣпина, потому что тутъ переданы были эффекты огромныхъ аквариумовъ Лондона и Парижа, которые видѣлъ и наблюдалъ Рѣпинъ. Онъ былъ тутъ снова на настоящей почвѣ своей, на почвѣ реализма, невыдуманной, существующей правды, видѣнной, пламенно ощущенной и съ энтузіазмомъ переданной. Кажется, до Рѣпина никто въ Европѣ не бралъ задачей внутренность моря, кишатаго жизнью и движеніемъ,

въ столбахъ солнечнаго свѣта. И такая оригинальность взгляда дала Рѣпину проявить свой талантъ съ великою силою и прямою.

Рѣпину заграничная жизнь не годилась столько же, какъ Перову, и онъ скоро воротился назадъ въ Россію, точно такъ же какъ и Перовъ, ни чуть не измѣнившійся ни въ чемъ, ничего не утратившій, и наврядъ ли что-нибудь приобрѣвшій отъ иностранныхъ музеевъ и церквей. Когда появились у насъ въ печати письма Рѣпина, гдѣ высказывались его малыя симпатіи въ старымъ итальянскимъ классикамъ, поднялся чуть не всеобщій крикъ ужаса и негодованія. Какъ ни реалистично направленіе новой русской публики въ дѣлѣ искусства, но разстаться съ предрасудками и давно втолкованными ей мнѣніями, куда было тяжело и неловко! Тутъ повторялось почти то же самое, что за 40 лѣтъ произошло у насъ, когда Бѣлинскій повелъ смѣлнѣй походъ на Ломоносова и Державина, или когда Пушкинъ объявилъ Виргилія отцемъ «тощей» Энеиды: ни тотъ, ни другой, ни третій давно уже никому не годились, всѣ изъ нихъ выросли, и никто не читалъ изъ нихъ ни единой строчки. Но что за негодованіе поднялось, что за обиженное чувство, что за храброе отстаиванье прошлаго! Читать отжившихъ писателей—никого уже болѣе не хотѣлъ, а все-таки трогать ихъ—не смѣя! На Рѣпина посмотрѣла вся толпа консерваторовъ чуть не съ ненавистью, и только могучая талантливость, всѣми признанная, спасла его отъ погрома на-вѣки.

Въ послѣдніе годы Рѣпинъ написалъ двѣ картины, въ которыхъ присутствуетъ вся его художественная талантливость, и которыя все-таки не принадлежатъ къ числу настоящихъ, крупныхъ его созданій: это—«Царевна Софія» (1879) и «Проводы новобранца» (1880). Вся разгадка малаго успѣха ихъ заключалась въ несвойственности его натурѣ взятыхъ сюжетовъ. Рѣпинъ не обладаетъ даромъ «историчности», ни воображеніемъ, переносащамъ художника въ другія эпохи, кромѣ настоящей. Поэтому его царевна Софія вышла искусственна, натянута и ходульна, безъ малѣйшаго выраженія того трагическаго чувства, которое должно было воодушевлять Софію въ ту страшную минуту, когда лопнули всѣ ея грандіозные планы, и она увидала за окномъ своей вѣли трупы повѣшенныхъ стрѣльцовъ, ея сообщниковъ. Лицо Софьи—маска, выраженіе ея—гримаса, поза—искусственность живой картины. Натуры и свободнаго творчества во всемъ этомъ нѣтъ. Точно также, въ «Проводахъ новобранца» Рѣпинъ тронулъ сентиментальную плаксивую ноту, вовсе несвойственную.

его натурѣ, оттого картина не удалась, и ни одно дѣйствующее лицо ничего не выразило ни на лицѣ, ни въ позѣ, кромѣ придуманности и условной группировки. Самъ новобранецъ, стоящій въ объятіяхъ жены точно по приказу, или «на натурѣ», и глядящій куда-то мимо, старикъ налѣво и мужикъ направо, расположенные точно «сеобки» въ строкѣ и ничего болѣе, собака только для наполненія мѣста, мать и солдатъ только по программѣ, но не представляющіе ни типовъ, ни выраженія — все это мало удовлетворительно. Но исключеніе составляетъ одна «жена» новобранца, въ позѣ которой есть чувство, натура и жизнь. И все-таки, многія части этихъ картинъ были написаны, собственно въ живописномъ отношеніи, съ изумительнымъ мастерствомъ, колоритностью и блескомъ.

За то, гдѣ талантъ Рѣпина высказался опять во всей силѣ, это — въ его «Протодьяконѣ» (1877). Это опять нѣчто равное «Бурлакамъ» по могучей силѣ постиженія и передачи. Никогда Рубенсъ не написалъ ничего сильнѣе и поразительнѣе, только съ тою разницею, что у Рѣпина нѣтъ тутъ никакихъ прикрасъ и идеализированій, какъ почти всегда, въ несчастію, у Рубенса, и что «Протодьяконъ» не отвлеченная какая-то личность, а человекъ плоти и крови, выросшій цѣлою жизнью, отпечатавшійся на всемъ существѣ его. Это лицо съ поднавшимися бровями, эти глаза съ безконечнымъ выраженіемъ животности, разгульности и лукавства, эти развѣвающіяся космы сѣдыхъ волосъ и бороды, этотъ широкій костюмъ, какъ у венеціанскаго патриція, эта жирная рука на чревѣ, этотъ жезлъ, сжатый кулакомъ другой руки — что это за великолѣпіе! Смотришь на эту великолѣпную картину и разомъ чувствуешь, какъ прошли 50—60 лѣтъ жизни этого человека, среди какой толпы, среди какова «хора» людского складывалась и закалялась его натура, что такое сидитъ въ его головѣ. Такое изображеніе души и природы, такая психологія, такая глубокая живопись — торжество и вѣнецъ искусства. Какова же должна быть картина («Чудотворная икона» — опять шестіе великой массы людской), которую готовить теперь Рѣпинъ, и въ которой «протодьяконъ» составляетъ только одну частицу. Какіе характеры, какія личности, какія глубоко зачерпнутыя натуры, мужскія и женскія, молодныя и старыя, должны сойтись на томъ полотнѣ, для котораго готовились и копиплсь такіе изумительные этюды!

Понятно, что полный такимъ созданіемъ, Рѣпинъ не могъ не отказаться отъ заказа писать фрески и образа въ московскій соборъ Спаса. Тѣ задачи слишкомъ лежали внѣ его горизонтовъ,

и притомъ же у него, какъ нѣкогда у Иванова, тоже отказавшагося отъ соборовъ: московскаго и петербургскаго,—была «своя» крупная задача, наполняющая мысль и жизнь. А такую не промѣняешь ни на чью чужую.

Кромѣ картинъ, Рѣпинъ написалъ много превосходныхъ портретовъ. О нихъ будетъ говорено ниже.

Шварца у насъ мало знаютъ, да и тѣ, кто знаетъ, расположены всегда считать его скорѣе интереснымъ дилетантомъ, чѣмъ истиннымъ значительнымъ художникомъ. Однакоже это вполнѣ несправедливо. Шварцъ—это самый крупный, это самый важный нашъ исторический художникъ. Я разумѣю здѣсь исторію прежнихъ эпохъ, такъ какъ въ нашей, современной исторіи Шварцъ не имѣлъ никакого таланта: по крайней мѣрѣ онъ рѣшительно нигдѣ у него не выразился. Шварцъ составляетъ совершенно выдающееся исключеніе въ ряду нашихъ художниковъ, вообще мало одаренныхъ способностью въ «историчности». Онъ родился, конечно, съ исключительною способностью въ пониманію старыхъ нашихъ временъ и людей, и со способностью передавать ихъ въ необыкновенно выпуклыхъ и убѣдительныхъ образахъ. Его картины—не плодъ изученія, не плодъ археологическаго и востоковѣдскаго знанія, даже не плодъ старательнаго и трудового вдумыванья въ фязіономіи и фигуры русскихъ людей прежнихъ столѣтій, которыхъ изображенія уцѣлѣли до нашего времени. Нѣтъ,—каждая его картина и рисунокъ доказываютъ свободное могучее творчество, никакой потугой и стараніями не вымученный полетъ фантазіи. Историческія картины Шварца непринужденны и вольны, онѣ исходятъ изъ-подъ его кисти и пера словно мгновенная импровизація, но во всеоружіи правды, мѣткости и глубокаго знанія. Эпохи нашей древней исторіи, всего лучше удающіяся Шварцу, это—XVI и XVII вѣкъ; болѣе раннія эпохи русской исторіи были меньше ему доступны, такъ что, напримѣръ, «Плачь Ярославны» на текстъ изъ «Слова о Полку Игоревѣ» и другія задачи изъ средневѣковой нашей исторіи, временъ княжескихъ и великокняжескихъ, почти вовсе не удавались ему. За то истиннымъ торжествомъ его были сцены изъ періода «царскаго», т. е. сцены изъ тѣхъ временъ, когда вполнѣ сложились, послѣ долгаго броженія, всѣ элементы русскіе и не-русскіе, мѣстные, восточные и западные, изъ которыхъ составила наша своеобразная народная фязіономія. Шварцъ былъ рожденъ схватывать душой и выражать кистью или перомъ именно этотъ чудный, то красивый, то безобразный, этотъ—то грубый, то тонкій и вязанный сплавъ. Даромъ, что онъ былъ лиценстъ въ моло-

дости и министерскій чиновникъ въ юности, даромъ что онъ провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, въ мастерскихъ берлинскихъ и парижскихъ художниковъ (Шрадера и Лефевра), онъ не утратилъ ни своего таланта, ни своей индивидуальной и художественной фizioноміи, и уже съ молодыхъ лѣтъ жизни началъ выполнять свое настоящее художественное назначеніе. Ему онъ никогда впоследствии не измѣнилъ ни на единый волосокъ.

Еще первымъ его произведеніемъ, въ академіи художествъ, доставившимъ ему 2-ю серебряную медаль, былъ рисунокъ: «Иванъ Грозный подъ Казанью» (1860). Вторымъ произведеніемъ, уже вполне значительнымъ, былъ большой картонъ «Иванъ Грозный, въ Александровской слободѣ, у тѣла убитаго имъ сына». (Шварцу было тогда (1861) всего 23 года, но тутъ выразился уже весь его талантъ и сила. Академія художествъ дала ему за этотъ картонъ большую серебряную медаль, но не понимала, что онъ въ ту минуту стоялъ бы хотъ профессорства, и что эта «ученическая» его картина больше значила, чѣмъ прославленные фрески и картины тѣхъ, кого она считала величайшими свѣтилами русскаго истинно-«историческаго» искусства. Глубокое чувство ужаса, невыразимая мука раскаянія и сожалѣнія нарисовались тутъ пламенными чертами на лицѣ и въ убитой позѣ царя Ивана. Когда что-нибудь подобное задумывали и выполняли наши великіе академическіе профессора?

За этимъ картономъ послѣдовала у Шварца цѣлая галерея иллюстрацій, перомъ, къ роману гр. А. Толстаго: «Князь Серебряный», и къ поэмі Лермонтова: «Сказка про вупца Калашникова» (1862). Въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе происходило при Иванѣ Грозномъ, и никогда, ни прежде, ни послѣ, ни одинъ русскій живописецъ не исчерпалъ такъ правдиво, и такъ глубоко, и такъ полно эту страшную эпоху. Никто не начертилъ съ такою крѣпостью и самого Ивана-царя, центръ всего совершавшагося и жившаго тогда въ Россіи, и вмѣстѣ остальной, окружавшей его людъ: Ивана Грознаго, во всей его смѣси притворства и натуральности,—злости и испуга,—неувертливой свирѣпости и непритворнаго униженія и бессилія душевнаго; его окружающее во всей азіатичнѣ, рабодѣиствѣ, жадности, униженіи, покорности, животномъ равнодушіи или разнузданномъ звѣрствѣ его. Боярыни и боярышни, сокольничьи, шуты, князья, опричники съ собачьими головами и метлой у сѣдла, старыя няньки,—глухо-вѣрные какъ собаки, добродушные палачи, ничѣмъ не отличающіеся, ни единымъ мускуломъ лица, отъ прочаго народа,—«привязано»-моль, равнодушный ко всему совершающемуся и непроглядно-темный

самый народъ, слуги въ партѣ, поспѣшно несущіе фазана въ перьяхъ на золотомъ блюдѣ къ царскому столу, процессіи опричниковъ въ монашескихъ мантияхъ и съ дымными церковными свѣчами въ рукахъ, двигающіяся послѣ пытокъ въ церковь, съ кающимися въ ту минуту, до послѣдней ниточки душевной, и невозможнымъ Иваномъ, охоты и ширя, церковныя службы и разсказываемыя сказки, любовныя сцены юношей въ саду при лунномъ свѣтѣ и казни на потѣху взрослымъ, на площади — всю эту чудную смѣсь отвратительнаго, страшнаго, смѣшнаго и пошлесаго Шварцъ изобразилъ въ чудесныхъ очеркахъ. Его фантазія переносилась въ Россію за 300 лѣтъ назадъ, и принесла оттуда новыя образы, правдивыя типы и фязіономіи — начиная отъ фязіономіи самого царя, столько многообразной, сколько гамму тысячи сценъ, и до фязіономіи нищихъ странствующихъ слѣпцовъ и царскаго горбоноскаго по-азиатски убранаго коня, до фязіономіи тогдашняго герцога, деревни, поля, дворца, мрачнаго византийскаго прѣтворца церковнаго. Въсѣмъ съ фантазіей Шварца пробуждается и фантазія его зрителя, и живетъ минуту среди людей и событій Иванова времени. Это способенъ сотворить, только истинный, могучій, въ самомъ дѣлѣ «историческій» талантъ.

Позже, Шварцъ исчерпалъ съ такою же необычайною правдивостью и полнотою нашъ XVII вѣкъ. «Шествіе патріарха Никона на ослати въ Вербное воскресенье» (1865), съ самимъ царемъ, ведущимъ бѣлаго осла подъ узды, среди необозримой толпы народной; «Московский посольскій приказъ» (1867), гдѣ русскіе дѣяки, снаружи простодушные, въ глубинѣ души лукавые, всегда хитрые мелочники и сутяги, ищутъ прибрать къ рукамъ и провести иностранныхъ пословъ; «Царь Алексѣй Михайловичъ играющій въ шахматы», съ вѣрнопопданними боярами, работливо, по-азиатски стоящими у столика съ царскою шахматницею; «Нареченіе царской невѣсты царевною»; «Молодая боярыня, подносящая кубокъ гостю», и, тоже совершенно по-азиатски, обманная поцѣловать его по приказу самого мужа — вѣдь она только красивая рабыня! — Патріархъ Никонъ, въ чудесный лѣтній день прохаживающійся по саду въ своемъ Новомъ-Іерусалимѣ — онъ уже сломенъ со всѣмъ грознымъ своимъ деспотствомъ, съ суровымъ насилуваніемъ старыхъ формъ русскихъ, но внутренній огонь его не потухъ, и глаза сверкаютъ изъ-подъ широкополой какъ зонтикъ шляпы, между тѣмъ какъ услужливый прихвостникъ-монахъ по пальцамъ высчитываетъ павшему владыкѣ оставшіеся шанцы; наконецъ, chef d'oeuvre Шварца,

«Вешній царскій походъ на богомолье» (1868), едва-ли не послѣдняя его картина, съ чудной правдой оживотворившая старый русскій зимній пейзажъ, жалкія прикорнувшія и покосившіяся деревушки среди безотрадныхъ пустырей, и тутъ появившійся вдругъ царскій неуклюжій возокъ съ орлами, съ боку на бокъ переваливающійся по сугробамъ снѣга, среди понуваній на тощихъ коней и среди свачущихъ стрѣльцовъ, махающихъ платками—во всемъ этомъ придворные и крестьяне, барыни и слуги, царь и монахи, солдаты, бабы и народъ, важная работа, и потѣхи, набожность и праздность, что это была за несравненная галерея картинъ и образовъ, характеровъ и нравовъ, событій и сценъ! Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что всѣ женскія личности несравненно слабѣ мужскихъ у Шварца, и даже часто вовсе незначительны, напримѣръ, Ярославна въ «Слова о Полку Игоревѣ», или княжна въ «Князѣ Серебряномъ», или Алѣна Дмитриевна въ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ». Крупное исключеніе составляетъ лишь старая нянька Ивана Грознаго въ иллюстраціяхъ къ «Князю Серебряному», полная характера, типичности и выраженія. Конечно, останься Шварцъ еще нѣсколько лѣтъ живъ, онъ навѣрное представилъ бы еще много чудныхъ русскихъ, истинно-историческихъ сценъ, талантъ его до послѣднаго дня жизни все только совершенствовался-бы и музалъ. Къ несчастію для русскаго искусства, онъ умеръ 31 года, создавъ слишкомъ мало, если считать то, къ чему онъ былъ способенъ, и умеръ—слишкомъ мало до сихъ поръ оцѣненный.

Василій Васильевичъ Верещагинъ, по историческому духу, по глубокому постиженію исторіи стоитъ наравнѣ съ Шварцомъ, но у него таланта несравненно больше, онъ у него во сто разъ сильнѣе, и шире, и глубже. Главное ихъ различіе въ томъ, что область Шварца—старая русская исторія, область В. В. Верещагина—новая, современная русская исторія. При томъ же, Верещагинъ есть по преимуществу живописецъ массы, *choros*, точно также, какъ и Рѣпинъ. «Народъ» не есть главное для Шварца. Для него важнѣе всего прежняя эпоха, прежнее время, и онъ ихъ выражаетъ посредствомъ соенъ субъектовъ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ разнокалиберныхъ, начиная отъ верху и до низу. Рѣпинъ съ Верещагинымъ и не думаютъ о прежнихъ эпохахъ и временахъ; у нихъ передъ глазами—нынѣшній «народъ», самъ народъ, который они глубоко знаютъ и чувствуютъ, котораго страданія, жизнь, грубое невѣжество, полное себя-незнаніе и непониманіе и вслѣдствіе того варварское его эксплуатированіе—рѣжутъ имъ острымъ ножомъ по душѣ. Этими двумя

художникамъ не даетъ покоя то, что они видѣли своими глазами, и, кажется, еслибъ они не родились случайно художниками, они нѣкто кисти подняли-бы перо и въ пламенныхъ страницахъ высказали-бы то самое, что высказали въ пламенныхъ картинахъ. Для нихъ искусство есть только средство выраженія — а это только и есть настоящее искусство. Оба они исключительно трагичны, и все просто «милое», «граціозное», только «нравящееся» и щекочущее небо, какъ конфета, для нихъ немислимо и невозможно.

Но есть особенность, отличающая Верещагина и отъ Рѣпина, и отъ Шварца, и отъ Перова. Это, что между его дѣйствующими лицами нѣтъ ни женщинъ, ни дѣтей. Онъ живописецъ мужчинъ, и, по преимуществу, мужчинъ взрослыхъ. Даже юноши встрѣчаются у него очень рѣдко. Женщины являются у Верещагина до сихъ поръ всего *два раза*; это какъ раскольницы въ рисункѣ: «Духоборцы» и какъ сестры милосердія въ картинѣ изъ болгарской войны: «Перевязочный пунктъ», но и тутъ ихъ мало, или онѣ видны на далекихъ планахъ, въ далекихъ перспективахъ. Многочисленные женскіе типы, нарисованные и написанные Верещагинымъ въ Туркестанѣ и въ Индіи, остались безъ примѣненія въ его картинахъ.

Грубо ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что Верещагинъ есть только живописецъ «военный». Никогда! Солдаты Верещагина—это все тотъ же народъ, только случайно носящій мундиръ и ружье. Его солдаты—такіе же ни на единую минуту не прекращавшіе жить народною жизнью люди, какъ солдаты гр. Льва Толстого въ его гениальныхъ кавказскихъ и севастопольскихъ картинахъ. Верещагинъ началъ съ того, что принялся писать (1866—7) громадную картину «Бурлаки» (какая новая черта тожества взгляда и внутренней потребности съ Рѣпиным!), и не будь онъ офицеромъ, не получи онъ въ дѣтствѣ и юношествѣ известной военной дрессировки, онъ писалъ бы всю жизнь картины, не меньше нивѣшняго глубокиа и народныа, но только не съ военными сюжетами, точно также, какъ гр. Левъ Толстой, который, не будь онъ случайно въ своей молодости офицеромъ, написалъ бы, вѣроятно, не менѣе глубокиа и народныа вещи, только не съ военными сюжетами.

Но, кромѣ военной вѣнности созданій, громадная разница между Верещагинымъ и всѣми остальными русскими живописцами лежитъ еще и въ другомъ—въ личномъ характерѣ. Ни у одного изъ нихъ всѣхъ нѣтъ того безповойнаго духа, той непосѣдливости, того стремленія вдаль, въ неизвѣстныа страны, въ

чуждымъ людямъ и народамъ, той жажды личной дѣятельности, той потребности въ приключеніяхъ, событіяхъ, опасностяхъ, той охоты поминутно рисковать собственной жизнью, часто не за грошъ, какіе исполняютъ натуру Верещагина. Всѣ остальные наши художники могутъ показаться холодными и черезъ-чуръ спокойными, въ сравненіи съ его вѣчнымъ кипучемъ, и это придало свою особую печать его произведеніямъ. Но значительныя созданія искусства состоятъ не изъ одного безпокойства и кипученія, нужны еще другія, болѣе прочныя и глубокія качества, и ими тоже обладаетъ Верещагинъ. У него есть искренняя, ни съ чѣмъ несравнимая любовь къ человечеству вообще и къ народу въ особенности, у него есть ничѣмъ несокрушимое презрѣніе ко всему принятому и наученному въ отношеніяхъ житейскихъ, у него есть непреклонная ненависть къ официальной лжи и къ ласному восхваленію, какими весь вѣкъ наполняютъ свои картины Орасы Верне и имъ подобныя, у него есть глубоко-человѣчное сердце, нежелающее различать «своихъ» отъ «чужихъ» тамъ, гдѣ дѣло идетъ о кровавыхъ страданіяхъ, искалѣченныхъ существованіяхъ, Богъ-знаетъ за что измученныхъ и исковерканныхъ жизняхъ, у него есть прямой и свѣтлый взглядъ на то, что совершается передъ его глазами, и на придачу ко всему громадный талантъ. Отъ этого-то онъ одинъ изъ самыхъ истинныхъ, самыхъ необыкновенныхъ «историковъ» нашего времени (историковъ не только кисти, но и пера). У насъ Верещагина горячо хвалили и съ энтузіазмомъ любовались на него, но не смѣли и не умѣли подвести ему итога, такъ-что безнаказанно и долго могли раздаваться также противъ его картинъ и голоса злобныхъ тупицъ и заплеснѣвшихъ консерваторовъ. Въ Европѣ люди были смѣлѣе и рѣшительнѣе въ своемъ приговорѣ: его громко призывали тамъ «апостоломъ челоуѣчности» и «пламеннымъ проповѣдникомъ противъ варварства войны».

Въ теченіе тѣхъ 20 слишкомъ лѣтъ, изъ которыхъ состоитъ художественная дѣятельность Верещагина, онъ постоянно шелъ все только въ гору. Въ этомъ онъ сильно отличается отъ многихъ, едва ли не отъ большинства русскихъ художниковъ, которые послѣ первыхъ, обыкновенно замѣчательнѣйшихъ произведеній, останавливаются и не идутъ болѣе впередъ. Верещагинъ, напротивъ, продолжаетъ совершенствоваться и идти въ гору даже и до настоящей минуты, не взирая на всѣ торжества, можно сказать всесвѣтныя.

Первыя произведенія Верещагина, послѣ его пребыванія на Кавказѣ, имѣютъ по большей части характеръ этнографическій,

правоописательный. «Духоборцы на молитвѣ», «Религіозная процессія магометанскихъ изувѣровъ въ Шушѣ», множество кавказскихъ народныхъ фигуръ и типовъ (напечатанныхъ впоследствии въ «*Tour du Monde*» съ текстомъ самого Верещагина); еще большее множество рисунковъ въ альбомахъ, исполненныхъ съ натуры въ разныхъ мѣстахъ Россіи, свидѣтельствуютъ только о сильномъ дарѣ наблюдательности Верещагина, о его любовнательности и вѣрной передачѣ всего, что его поражало на пути. По всей вѣроятности, судя по существующимъ этюдямъ, одна картина «Бурлави», еслибъ была докончена, выразила бы, въ эту раннюю эпоху Верещагина, его собственную лирическую ноту.

Два года, проведенныхъ Верещагинымъ въ Парижѣ, въ мастерской Жерома, не испортили его и не лишили ни самостоятельности, ни личности: онъ плохо слушался наставленій учителя и болѣе развивался самъ. Но, несмотря на все мастерство, пріобрѣтенное въ рисункѣ, колоритъ Верещагина долго не достигалъ такого же совершенства. Первые картины на сюжеты изъ современнаго быта и войны въ Средней Азій, гдѣ онъ, среди боевъ и схватокъ, провелъ около трехъ лѣтъ (1867—1870), представляли высокое совершенство по правдѣ типовъ и выраженію («Послѣ удачи» и «Послѣ неудачи», «Хоръ дервишей», «Политика въ опиумной лавочкѣ въ Ташкентѣ», «Дуваны въ праздничныхъ нарядахъ», «Нищіе въ Самаркандѣ», и, выше всѣхъ ихъ, по глубинѣ выраженія, «Опиумоѣды»), но оставляли еще желать многого по колориту, почти постоянно мутному, жесткому, суховатому. Но когда, въ декабрѣ 1870 года, поселившись въ Мюнхенѣ, Верещагинъ принялся за разработку громаднаго матеріала, привезеннаго изъ Средней Азій, тутъ уже онъ оказался совершенно новымъ художникомъ. Онъ уже владѣлъ средствами своего искусства какъ великій, зрѣлый мастеръ. Къ совершенству рисунка, типичности, группировки, выраженія, прибавилось еще и великое совершенство колорита, необычайный блескъ красокъ, и, въ добавокъ ко всему, такая легкость и свобода выполнения, которыя могутъ вазаться просто невѣроятными. Въ теченіе трехъ лѣтъ Верещагинъ написалъ цѣлую галерею картинъ самаго разнообразнаго содержанія, на темы среднеазиатскіе. Огромный процентъ въ этомъ числѣ составляли произведенія съ содержаніемъ только-что этнографическимъ: «Киргизскій охотникъ съ соколомъ», «Продажа мальчика-невольника», «Дервиши у дверей мечети», «Перекочевка киргизовъ», калмыцкіе храмы и жилища, монгольскіе, киргизскіе, китайскіе и туркестанскіе дворцы, дома, палатки, каравансераи и кладбища, и съ этимъ

вмѣстѣ громадное количество писанныхъ красками или рисованныхъ карандашомъ народныхъ типовъ, мужскихъ и женскихъ, а также азіатскихъ пейзажей, въ городахъ, степяхъ и долинахъ. Во всемъ этомъ было разлито безконечно много изумительнаго мастерства фактуры, но интересъ былъ недостаточный, только еще научный, собственно «географическій». [Художественное творчество тутъ еще не присутствовало. Но за то было въ этой огромной массѣ картинъ и этюдовъ около дюжины такихъ, гдѣ высказывалось оригинальное, совершенно самостоятельное настроеніе Верещагина, гдѣ выражался съ могучей силой его духъ, любовь, ненависть, восторгъ, негодованіе, юморъ. Большинство между ними было трагическаго содержанія. Трагичнѣе всѣхъ былъ «Забитый» — бѣдный убитый солдатъ, распростертый навзничь въ полѣ, покинутый всѣми, и надъ которымъ слетается стая вороновъ съ жадно растворенными клювами, пока отрядъ товарищей уходитъ вдали. Этой поразительной, потрясающей ноты не бралъ еще ни одинъ живописецъ войскъ и баталій, даромъ что военныхъ картинъ было до сихъ поръ на свѣтѣ много тысячъ. Другая, такая же картина была: «Окружили — преслѣдуютъ» — картина, изобразившая отчаянное положеніе горсточки безстрашныхъ, по-народному простыхъ и героическихъ русскихъ, застигнутыхъ въ лоцникѣ среди горъ цѣлымъ полчищемъ налетающихъ со всѣхъ сторонъ туркестанскихъ всадниковъ. Спасенія нѣтъ, всѣ должны лечь востями тутъ въ полѣ, развѣ чудо выручитъ. Тоже и такого безотраднаго сюжета не смѣлъ прежде трогать ни одинъ баталистъ, такъ какъ каждый изъ нихъ зналъ настоящее назначеніе: прославить отечественныя войны. Еще одинъ сюжетъ: «Воиши!» былъ до крайности необычаенъ и своеобразенъ по содержанію. Кучи убитыхъ, своихъ и непріятельскихъ, валяющихся на мѣстѣ недавно только кончившагося боя — это было не чудо для военной картины, но чудомъ и дерзкою новостью было изображеніе нашихъ солдатиковъ: наверху крѣпостной стѣны, они лежатъ на брюхѣ, рядомъ съ только-что водруженнымъ окровавленнымъ знаменемъ, покуриваютъ трубочки и болтаютъ ногами, поглядывая внизъ, какъ товарищи внизу таскаютъ тѣла убитыхъ прочь. Такое равнодушіе, такое бессмысліе — развѣ это позволительно въ изображеніи отечественнаго «воина», котораго надо всегда представлять идеаломъ, заключающимъ въ себѣ все одни только «великія чувства»!

Но рядомъ съ этими картинами, изобразившими русскую сторону, Верещагинъ написалъ также цѣлую коллекцію картинъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами являлись азіаты. Конечно,

онъ повсюду представлялъ ихъ дикость и варварство, ихъ страшные подземные «винданы» (кляповники), гдѣ люди ходятъ въ полу-мрагѣ, какъ тѣни, ожидая мучительной смерти, ихъ монументы — пирамиды череповъ въ степи; но это не мѣшало ему изображать ихъ тоже побѣдителями надъ русскими, — новое преступленіе противъ строгихъ правилъ «отечественно-исторической» живописи. Онъ писалъ во всемъ блескѣ высоко-художественную красоту ихъ дворцовъ, живописность мечетей, площадей, навонецъ, — безъ всякой карриатуры и ненависти, — толпы средне-азіатовъ, которыхъ муллы фанатизируютъ къ войнѣ противъ ненавистныхъ пришельцевъ, въ виду высокихъ столбовъ, наверху которыхъ побѣдно водружены головы побитыхъ недруговъ, — все это съ талантомъ и блескомъ необычайнымъ.

Понятно, какое впечатлѣніе должны были производить на массу публики такія совершенно необыкновенныя, и по содержанію и по мастерству, картины. Въ Лондонѣ, на выставкѣ въ Хрустальномъ дворцѣ (1873), это собраніе картинъ привлекало толпы народа, критика объявляла Верещагина художникомъ, выходящимъ совершенно изъ ряда вонъ среди художниковъ всей Европы; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда эти картины были выставлены въ Петербургѣ (1874), массы народа на выставкѣ были такъ громадны, какъ никогда еще не бывали, съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, и, что всего важнѣе, въ числѣ сотенъ тысячъ, тутъ перебивавшихъ, огромную массу составляли также люди самыхъ «низшихъ» классовъ, самъ народъ. Этого прежде еще никогда у насъ не бывало. Верещагинъ былъ понятенъ всѣмъ, говорилъ сердцу и воображенію cadaго. Но что еще очень примѣчательно, эта выставка имѣла послѣдствіемъ двѣ своеобразныя выходки художника. Пока массы народа и общества глубоко восторгались Верещагинымъ и признавали его настоящимъ «нынѣшнимъ» и «своимъ» художникомъ, ретрограды смотрѣли на его смѣлость и новизну, какъ на проклятое преступленіе, и нѣсколькимъ генераламъ, штатскимъ и военнымъ, удалось довести его своими выговорами и порицаніями до такой степени нервного раздраженія, что онъ въ одинъ прекрасный день взялъ и сжегъ три изъ наибольшаго значенія своихъ туркестанскихъ картинъ: «Забитый», «Окружили — преслѣдуютъ» и «Вошли!» Съ другой стороны, когда, послѣ выставки, академія художествъ захотѣла сдѣлать Верещагина профессоромъ, — онъ заявилъ въ газетахъ, что «признаетъ всѣ чины и отличія вредными въ искусствѣ, и потому отъ профессорства на-чисто отказывается».

Два года послѣ того провель Верещагинъ въ Индіи (1874—

1876) и привезъ оттуда громадную коллекцію этюдовъ съ натуры, видовъ, перспективъ и человѣческихъ фигуръ, свидѣтельствовавшихъ о новомъ блестящемъ развитіи художника. Ничто не можетъ сравняться съ великолѣпной передачей природы и людей, какая присутствуетъ здѣсь на каждомъ холстѣ; кажется, еще никогда свѣтъ и блескъ солнечныхъ лучей въ Индіи, горы, поля, долины, заоблачные свѣга, вся роскошь индійской геніальной архитектуры и вся живописность и своеобразность тамошнихъ типовъ людскихъ не была передаваема съ такимъ талантомъ и горячностью. Правда, зритель могъ себя спрашивать съ удивленіемъ: что за охота такому таланту, какъ Верещагинъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ писать все только этюды и ни одной картины? Но удивленіе кончалось, когда зритель узнавалъ, что вся эта галерея этюдовъ была только приготовленіемъ къ цѣлому ряду большихъ картинъ, назначенныхъ изобразить исторію Индіи, во время пребыванія тамъ англичанъ, начиная съ XVI вѣка и до нашего времени. Первою картиною должна была быть та, гдѣ англійскіе купцы, желающіе образовать «Остъ-Индскую компанію», представляютъ королю Іакову I; послѣднею—та, гдѣ изображено путешествіе принца Уэльскаго въ 1875 году по Индіи. Въ какой степени удалась бы тутъ Верещагину «исторія», мудроно угадать; мнѣ кажется однакоже, что наврядъ ли онъ достигнулъ бы значительныхъ результатовъ, судя по двумъ «историческимъ» его картинамъ изъ прежнихъ эпохъ: «Два среднеазіатскихъ война у дверей Тамерланова дворца» и «Великій Моголь на молитвѣ, въ мечети». Обѣ картины суть истинные chefs-d'oeuvre'ы со стороны письма, освѣщенія, рельефа, изумительнаго воспроизведенія архитектуры, костюмовъ, оружія—но ровно ничего историческаго не заключаютъ. Верещагинъ—великій и глубокой историкъ, но историкъ одной современности. Впрочемъ, что касается его «Индійской поэмѣ», ему не удалось выполнить задуманнаго плана: онъ написалъ всего двѣ картины (обѣ колоссальнаго размѣра): «Великій Моголь на молитвѣ, въ мечети», и «Процессія англійскихъ и туземныхъ властей въ Джейпурѣ» (послѣдняя картина одна изъ немногихъ неудачныхъ Верещагина), и приступалъ къ третьей: «Европейскіе послы представляютъ Великому Моголу»,—когда началась болгарская война. Верещагинъ бросилъ Парижъ, мастерскую и индійскіе сюжеты—и полетѣлъ на войну.

Какъ во время туркестанской войны, онъ и теперь лично участвовалъ въ сраженіяхъ и военныхъ предпріятіяхъ, подъ ядрами и гранатами писалъ этюды съ живыхъ сценъ, но то, что вышло по-

томъ изъ этихъ этюдовъ, было уже совсѣмъ иное въ сравненіи съ картинами туркестанской войны. То что вышло, это были 20 картинъ, между которыми большинство—лучшія и величайшія созданія Верещагина. Общій уровень его художественной техники поднялся тутъ до той высоты, каковой достигали до тѣхъ поръ лишь наилучшія изъ наилучшихъ туркестанскіе и индійскіе картины и этюды. Картины изъ болгарской войны—это самое зрѣлое, это самое совершенное, это самое трагическое, это самое потрясающее, что только создалъ на своемъ вѣку Верещагинъ. «Этнографическій элементъ» пропалъ изъ картинъ, конецъ былъ художественному любованью и наслажденью! Верещагинъ съ задыхающею грудью, со щемлящимъ сердцемъ носилъ на свои путевые холстики и дощечки страшныя сцены, пронесившіяся передъ нимъ, онъ преобразился въ эти минуты въ историка, и однѣ изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ XIX-го вѣка выступили на свѣтъ съ грозною силою. Ужасы войны, звѣрство и дикое остервененіе въ минуты боя, невыразимыя страданія невинныхъ, посланныхъ на убой жертвъ, добродушіе и наивность этихъ жертвъ, совершающихъ войну, какъ любое другое занятіе, посѣвъ или рубку дровъ, жатву или ужение рыбы, какъ травлю волка, безъ злого сердца, по нуждѣ и приказу, геройство и простота души, цѣлыя поля убитыхъ и изуродованныхъ, цѣлыя тысячи раненыхъ, погруженныхъ на перевязочномъ пунктѣ въ такія адскія страданія, которымъ нѣтъ имени, цѣлыя обозы искалѣченныхъ, возвращающихся въ сибирскихъ казихъ-то фурахъ «съ Богомъ домой», сибирскія равнины въ десятки верстъ, гдѣ замерзали медленной, страшной смертью сотни и тысячи брошенныхъ и раненыхъ, все это написанное съ огнемъ и мастерствомъ неподражаемымъ, съ энтузіазмомъ, идущимъ изъ глубины души, потрясенной до самыхъ корней—вотъ что создало картины, какихъ еще никогда никто не писалъ въ Европѣ.

За то и вся Европа была поражена, какъ рѣдко съ ней бываетъ. Выставки Верещагина въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ, Брюсселѣ были рядомъ триумфовъ, быть можетъ, еще невиданныхъ въ исторіи искусства. Толпы крестьянъ и солдатъ, вообще «простого народа» являлись на эти выставки и возвышали во сто кратъ силу общаго порыва. Въ Россіи было тоже, выставка болгарскихъ картинъ имѣла, какъ ни казалось это невозможнымъ, еще болѣе успѣха, чѣмъ туркестанская 1874 года, и безконечныя толпы народа были еще громаднѣе. Къ стыду нашему, нѣскольکو квасныхъ, подслуживающихся лже-патріотовъ, совершенно анти-художественныхъ, замѣшали свою гнусную ноту

въ хоръ общаго торжества. Они перещеголяли тутъ ретроградъ всей остальной Европы, но дѣло ни на югу не перемѣнилось, и картины Верещагина остались навсегда однимъ изъ самыхъ чудныхъ и великолѣпныхъ явленій нашего столѣтія.

V.

Два настоящіе «живописца - историка», Шварцъ и Верещагинъ составляютъ у насъ, какъ я уже указывалъ, исключеніе между товарищами своими по живописи. Всѣ остальные очень мало одарены историческимъ чувствомъ и способностью переноситься въ далекія времена и событія, и особенно—въ далекія намъ личности и народности.

Всего менѣе оказалось въ нашей школѣ способности къ трактованію сюжетовъ религиозныхъ. Кромѣ двухъ единственныхъ картинъ, довольно замѣчательныхъ, не на что указать за всѣ послѣднія 25 лѣтъ. Первая картина—«Тайная вечера», Ге (1861), несомнѣнно заключаетъ многія хорошія качества: отсутствіе «иконности», настоящую серьезность настроенія, нѣкоторый, впрочемъ, очень недалеко идущій реализмъ, простоту, живописность и даже извѣстную новизну расположенія, довольно приличные типы Христа и апостола Петра, наконецъ, оригинальное освѣщеніе. Но она страдаетъ также и нѣкоторыми очень существенными недостатками: по общему впечатлѣнію, по краскамъ, она является подражаніемъ старымъ венеціанцамъ—а такая несамостоятельность есть порокъ. Во-вторыхъ, большинство апостоловъ банальны и не проявляютъ никакого ни типа, ни характера, а это, послѣ картины Иванова, невыносимо; притомъ же, апостолъ Иуда лишенъ всякой натуры, простоты и смысла, онъ выходитъ фигурой мелодраматической, натягивающей на себя черезъ голову покрывало, и весь этотъ жестъ придуманъ единственно для того, чтобъ изъ-за Иуды, какъ изъ-за темной ширмы, падалъ яркій свѣтъ на остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Главный же недостатокъ состоитъ въ томъ, что Христосъ представленъ совершенно ничтожною личностью, элегическимъ меланхоликомъ, точно будто вотъ сію минуту готовымъ расплакаться, вмѣсто того, чтобъ проявить энергію, характерность, рѣшительность нападенія и силу обличенія тамъ, гдѣ передъ его глазами представилась мерзость зла и гнусность предательства. Для того, чтобъ изобразить только такую сентиментальную элегію, не стоило брать таковой трагическій и всемірно знаменитый

сюжетъ, какъ «Тайная вечеря». Двѣ другія религиозныя картины Ге: «Христосъ въ геесиманскомъ саду» и «Вѣстники воскресенія» были такъ неудачны и слабы, что о нихъ уже и вовсе не стоитъ говорить.

Другая картина: «Христосъ въ пустынѣ» Крамского, при многихъ хорошихъ качествахъ общаго расположенія, позы, освѣщенія, драпировки, и даже типа, страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, что и «Тайная вечеря» Ге: совершенно неестественною для Христа элегичностью и расслабленностью. Впрочемъ, эта картина замѣчательна тѣмъ, что одна она носитъ на себѣ нѣоторые слѣды серьезнаго впечатлѣнія, произведеннаго на русскаго художника Ивановымъ.

Картину Семирадскаго: «Христосъ и грѣшница» никакъ нельзя примкнуть къ картинамъ Ге и Крамского. Она такъ поверхностна по содержанію, грѣшница въ ней такая современная парижская опереточная кокетка Offenbacha, Христосъ и апостолы до того состоятъ изъ одного костюма, что вовсе не слѣдъ говорить о ней, какъ о серьезномъ историческомъ созданіи. Она произвела на нашу публику очень большое впечатлѣніе своимъ блестящимъ колоритомъ, франтовскими своими красочными пятнами.

Всѣ остальные картины религиознаго содержанія, писанныя въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ, какъ по заказу, для церквей, (наприм., картины Моллера для московскаго собора Спаса, картины Сорокина для парижской русской церкви и для московскаго собора Спаса; картины В. П. Верещагина для этого же собора и для дворцовой церкви вел. кн. Владиміра Александровича), такъ и по собственной инициативѣ (наприм., «Младенецъ Моисей», Моллера, «Положеніе во гробъ», «Ангелы возвѣщаютъ гибель городу Содому», Венига, «Христосъ и богачъ», Чумакова, «Св. Григорій проклинаетъ умершаго монаха за любостыжаніе», «Погребеніе Христа», В. П. Верещагина, академически-тривиальны или вполнѣ незначительны, потому что не выражаютъ никакого истиннаго религиознаго воодушевленія, а по формамъ—условны и безхарактерны. Хотя инныя изъ этихъ картинъ пробуютъ даже, по нынѣшнему общепринятому правилу, соблюдать историческій костюмъ и восточный пейзажъ, все-таки въ нихъ столь же мало историчности и религиозности, какъ въ картинахъ художниковъ прежнихъ періодовъ, Егорова, Шебуева, Брюллова, Басина и Бруни. Притомъ, надо замѣтить, картинъ этого рода написано у насъ, въ продолженіе всей этой четверти столѣтія, вообще очень мало.

Что касается до картинъ съ содержаніемъ собственно - историческимъ, то, впродолженіе этого же періода, у нашихъ художниковъ оказалось къ нимъ гораздо больше способности, чѣмъ въ картинамъ религиознымъ, только и здѣсь все еще не проявилось настоящее, коренное настроеніе нашихъ художниковъ. Историческими сюжетами русскіе живописцы занимаются какъ-то вскользь, случайно, то по чужому заказу, то по искусственному «ингиванію» самого себя въ данную сцену и эпоху. Чтобы убѣдиться, какъ вездѣ тутъ настроеніе не коренное, а внѣшнее, напускное и случайное, стоитъ только взглянуть на то, какъ наши живописцы легко берутся за эти сюжеты, и какъ легко отъ нихъ отступаются, а пока трактуютъ ихъ, то какъ легко порхаютъ по любымъ эпохамъ, народностямъ, характерамъ и сценамъ.

Такъ, напр., Ге, написавши сначала нѣсколько картинъ религиозныхъ, вдругъ круто поворачиваетъ налѣво кругомъ, и пишетъ картины изъ русской исторіи прошлаго столѣтія: «Петръ I и царевичъ Алексѣй» (1871), «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы Петровны» (1874). Конечно, въ этихъ картинахъ было уже несравненно болѣе толка и историческаго чутія, чѣмъ въ тѣхъ будто-бы историческихъ картинахъ, которыя только за немного лѣтъ предшествовали имъ и восхищали русскую публику, наприм., «Валленштейнъ въ Богеміи» Острашискаго (1855); «Боссюэтъ, въ отелѣ Рамбуль» (1857), «Ассамблея при Петрѣ Великомъ», Хлѣбовскаго (1858); «Тилли въ Магдебургѣ» Милѣшина (1858). Тутъ было несравненно менѣе общихъ мѣстъ и болѣе серьезности, но все-таки до настоящей исторіи имъ было далеко. Что это за Петръ такой, который элегично и сентиментально, чуть не плаксиво, какъ Христосъ въ «Тайной вечери» того же Ге, смотритъ на царевича Алексѣя и читаетъ ему театральную рачею съ упрёками: «И ты, и ты, сынъ мой!... Никогда, навѣрное, во всей жизни Петра I не бывало подобныхъ сценъ раскаянности и слабости. У этого жегѣвнаго чловека, въ сценѣ съ синомъ, который долженъ былъ скоро потому свопчаться въ петропавловской вѣрности, навѣрное дѣло происходило въ совершенно другомъ тонѣ. Только токъ этотъ былъ вовсе недоступенъ для автора картины. Да, въ петергофскомъ дворцѣ, въ самомъ дѣлѣ, произошла сцена между отцомъ и синомъ, но то была гроза, а не жалкая риторика. Царевичъ Алексѣй, ограниченный—но правый старовѣръ, вроткій и добрый—но упорный въ своемъ протестѣ противъ того, что ему казался ненужнымъ въ ломѣй Петра, — этотъ сложный характеръ остался вовсе непонятъ и невыраженъ имъ. Значить, ради одной

только «элегія» и отеческаго ординарнаго «журенія» не стоило брать задачей такого сюжета. Съ Екатериной II вышло и еще того менѣе толка. Въ расходящихся въ разныя стороны двухъ группахъ людей выразилась только виѣшняя сторона дѣла, виѣшняя придворная сцена, и ничего болѣе. Эта сухая, натянутая, накрахмаленная, ничтожная кукла — неужели это Екатерина, умная, мучимая властолюбіемъ, пылающая грозными замыслами? А этотъ безразличный хористъ въ бархатномъ кафтанѣ, неужели это Петръ III, недалекій — но человѣчный, слабый характеромъ — но желающій другимъ добра, а себѣ свободы? Неужели все это выразила та фигура въ картинѣ Ге, которая только и сдѣлала одно: эта фигура уходитъ вонъ, спиною къ зрителямъ. Нѣтъ, такъ исторію писать не годится.

А впрочемъ, Ге и самъ доказалъ, какъ мало для него значить исторія, принявшись вдругъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ антракта, опять за религиозные сюжеты, да еще въ самой невзрачной ихъ формѣ, въ формѣ аллегорическо-мистической: свидѣтель тому его послѣдняя картина: «Милосердіе». Эта картина изображаетъ современную дѣвицу или даму, поющую въ полѣ какого-то фантастическаго странника, что должно являться иллюстраціей евангельскаго текста: «Кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, во имя ученика Моего, не потеряетъ награды своей».

Съдовъ, Невревъ, Пелевинъ, Литовченко, Корзухинъ и др. точно съ такою же легкостью перешли отъ сюжетовъ, изъ дѣйствительной, современной жизни, имъ по натурѣ близкихъ и извѣстныхъ, въ изображеніи которыхъ они проявили не мало даровитости (мы возвратимся къ нимъ ниже), къ сюжетамъ историческимъ, къ которымъ у нихъ не было уже никакой способности. Невревъ написалъ сцены: «Князь Романъ Галицкій, указывая на свой мечъ, даетъ отвѣтъ папскимъ посланцѣмъ, предлагавшимъ ему перейти въ католичество» (1875), «Дмитрій Самовванецъ у Сигизмунда» (1877), «Убіеніе боярина Гвоздева въ присутствіи Ивана Грознаго» (1881), «Представленіе царицы Ксеніи Самовванцу» (1881); Пелевинъ — сцену: «Бояринъ Троекуровъ читаетъ царевнѣ Софьѣ указъ Петра I о заточеніи ея въ монастырь» (1887) и «Ивана Грознаго, посѣщающаго юродиваго Николу Салоса во Псковѣ» (1877); Съдовъ — нѣсколько сценъ изъ жизни того же царя: «Иванъ Грозный и Малюта Скуратовъ» (1870), «Василиса Мелентьева и Иванъ Грозный» (1875); Литовченко написалъ картину: «Иванъ Грозный показываетъ свои сокровища англійскому послу Горсею» (1875); Корзухинъ — «Сцену изъ стрѣлец-

каго бунта» (1882), и т. д., но всё эти картины не изображали никакой исторіи, ни людей, ни характеровъ, ни событій, а только собраніе историческихъ костюмовъ и утвари, скопированныхъ въ музеяхъ. Лица и выраженіе во всёхъ этихъ картинахъ, а часто даже и позы—совершенно ничтожны и казенны, и развѣ—только-что театральны.

Какъ подумаешь, давно ли было время, когда все подобное могло нравиться нашей публикѣ, казаться ей «чѣмъ-то», даже значительнымъ шагомъ впередъ. Вспомнимъ только хоть картины, написанныя нѣсколькими молодыми нашими художниками, въ 1861 году, для получения большой золотой медали на заданную тему (Чистяковъ, Гунъ, Верещагинъ): «Княгиня Софья Витовтовна вырываетъ поясъ у Василя Косого на свадьбѣ Василя Темнаго». Какой громаднй успѣхъ имѣли тогда эти картины! Какъ онѣ тогда казались и «историчны», и талантливы! И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не радоваться на нихъ, когда онѣ являлись замѣнять «сюжеты» изъ учебниковъ «классической древности»? Но время необходимой оппозиціи и протеста прошло, и эти картины оказываются плохими классными упражненіями, безъ натуры, безъ правды, безъ творчества, безъ исторіи. Такими же представляются и вышедшія ихъ наслѣдницы.

Всего замѣчательнѣе, что чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ была взятая художникомъ эпоха, тѣмъ было хуже, и тѣмъ менѣе она удавалась. Такъ, наприм., всё «богатыри», на поляхъ сраженія, на распутии, въ волшебномъ полетѣ, въ раздумьѣ, и т. д., уже вовсе ничего не стоили у русскихъ живописцевъ. Такой даровитый, хорошій художникъ, какъ Васнецовъ, становился неузнаваемъ, когда принимался за русскую сѣдую древность, и вмѣсто чудныхъ витазей изъ «Слова о полку Игоревѣ», или изъ русскихъ былинъ и сказокъ, представлялъ только какихъ-то неуловимыхъ, ровно ничего намъ не говорящихъ топорныхъ натурщиковъ, нагруженныхъ кольчугами и шлемами. Правда, эти богатыри все-таки были на нѣсколько процентовъ лучше академическихъ «Добрыней», «Ильевъ-Муромцевъ» и другихъ витазей профессора В. П. Верещагина, но это еще не великая честь.

Эту общую неспособность къ изображенію эпохъ и народностей, отъ насъ отдаленныхъ, раздѣляетъ и Семипрадскій. Онъ ничего другого не пишетъ, кромѣ картинъ на сюжеты изъ временъ античнаго міра, и однако же нигдѣ не проявляетъ истинной къ тому способности. Картины его—очень эффектныя, колоритныя пятна, потому-что онъ художникъ талантливый, чув-

ствующій колоритъ, но искать тутъ древній міръ, это былъ бы трудъ совершенно напрасный. Семирадскій есть живописецъ вѣшностей, иногда пикантныхъ, иногда скучныхъ, но всегда поверхностныхъ. Глубокій смыслъ вещей, людей, характеровъ и событій ему совершенно чуждъ. Перламутръ, бронза, мраморъ и матеріи, вмѣстѣ съ солнечнымъ освѣщеніемъ и тѣнями, часто служатъ ему оказіей для проявленій значительной технической виртуозности, но все остальное въ его картинахъ оставляетъ зрителя индифферентнымъ и равнодушнымъ, столько же, сколько бывали въ прежнія времена картины и картинки Брюллова. Никакое дѣйствительное настроеніе и чувство не присутствуетъ въ нихъ. Въ огромной картинѣ, обыкновенно признаваемой крупнѣйшимъ его произведеніемъ и носящей названіе «Свѣточи христіанства» (1877), нѣтъ ни одной живой личности, ни одного характера, ни одного облика, все только куклы и костюмы, болѣе или менѣе бравурно написанные: римскіе палачи и христіанскіе мученики, лысые сенаторы и пышноволося гетеры—все это искусственно и условно, ни на одну іоту не менѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ «Послѣднемъ днѣ Помпей», Брюллова, или въ «Мученіи св. Екатерины» Басина. Ни единое чувство не дрогнетъ въ груди зрителя. «Пляска мечей», «Оргія при Тиверіѣ», «Продажа невольницы» и т. д.—все это нечто иное, какъ собраніе статистовъ и статистокъ, то соблазнительно раздѣтыхъ и ярко освѣщенныхъ солнцемъ или факелами, то цѣломудренно задрапированныхъ и не рассчитанныхъ ни на какіе свѣтовые эффекты. Историческаго во всемъ этомъ ровно ничего нѣтъ. И, что всего хуже, манера Семирадскаго не включаетъ въ себя ничего своеобразнаго, ничего собственнаго. Казалось бы, какъ этому художнику не получить своей особенной фizioноміи? Вѣдь онъ взялъ себѣ такую спеціальность, которая должна ярко высказаться и дать характеръ. Эта спеціальность—оргіи древнаго міра, пляски и пьянство мужчинъ и женщинъ при солнцѣ и огнѣ. Однако же, и такая спеціальная тема ничего особеннаго не произвела. Мысль, представленіе, манера Семирадскаго все-таки сбиваются на общую заурядную манеру посредственныхъ европейскихъ живописцевъ. Одни достоинства эффектнаго колорита составляютъ личную собственность этого живописца.

Насколько безразличный «европеизмъ» способенъ наносить вреда нашимъ художникамъ, можно видѣть на примѣрѣ новаго, недавно появившагося нашего живописца, Свѣдомскаго. Это художникъ не безъ дарованія, но его заѣдаетъ «европеизмъ» и безхарактерность. Его «Юлія въ ссылке» (1881), сидящая на

скалѣ, надъ моремъ, такая же историческая картина, какъ «Продажа невольницы» Семирадскаго, безъ смысла, безъ выраженія, безъ самаго дѣйствительнаго чувства; его «Москва горитъ!» (1878) представляетъ такого русскаго барина, такую русскую барыню, такую русскую кормилицу, глядящихъ издали на пылающую Москву, въ которыхъ столько же русскаго, какъ въ смѣхотворныхъ русскихъ картинахъ и иллюстраціяхъ французовъ Ивона и Дорэ.

Но не все у насъ одни Семирадскіе и Свѣдомскіе, Невревы и Пелевини ищутъ историческія картины. У нашихъ художниковъ мало способности къ исторіи, да, а все-таки есть исключенія и между художниками второй величины (послѣ Шварца и Берещагина). И что очень странно, это тотъ фактъ, что и тутъ лучшія до сихъ поръ двѣ историческія наши картины—обѣ на сюжеты изъ иностранной исторіи, именно изъ исторіи французской. Одна изъ этихъ картинъ—это «Канунъ Варезоломеевской ночи» Гума (1868), другая «Робесьеръ», Якоби (1864). Первая—лучшая картина Гума, вторая—лучшая картина Якоби. Оба художника были въ Парижѣ, когда писали эти картины, и пустили тутъ въ оборотъ все, что у нихъ было силъ молодости и таланта. За то въ этихъ картинахъ выразилось столько истинны и глубины, что еслибъ поставить ихъ въ парижскихъ музеяхъ, онѣ играли бы тамъ капитальнѣйшую роль между французскими картинами на французскіе сюжеты—вотъ какъ иногда сильны русскіе таланты! До сихъ поръ ни одинъ французскій, или нѣмецкій, или итальянскій художникъ не способенъ былъ сдѣлать то на наши сюжеты, что мы способны были сдѣлать на ихъ сюжеты. Впрочемъ, тутъ повторилось только то, что уже ранѣе случилось въ литературѣ: Пушкинъ представилъ такихъ нѣмцевъ, итальянцевъ, испанцевъ въ своихъ «Скупомъ рыцарѣ», «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», «Анджело», «Каменномъ гостѣ», а Гоголь—такихъ итальянцевъ въ своемъ «Римѣ», вакихъ сами тѣ націи никогда не представляли выше и глубже, между тѣмъ, какъ никогда еще ихъ литература не способна была изобразить что-нибудь подобное на сюжеты русскіе. «Лигистъ», Гума—это немовѣрно глубоко схваченный типъ стараго католика-фанатика, кроткаго и слабаго на видъ, злого и неумолимаго, если его узнать глубже,—онъ завтра, съ этимъ бѣлымъ крестомъ на шляпѣ, когда выйдетъ изъ этой средневѣковой комнаты, съ перваго же удара колокола наполнить все около себя кровавыми жестокостями. Такъ точно и сцена въ картинѣ у Якоби, въ мрачномъ подвалѣ, вокругъ мертваго тѣла Робесьера съ разможженною головою, гдѣ, подъ лучами слабо мерцающей лампы,

одни, торжествующіе, равнодушно понюхиваютъ табачекъ, другіе хохочутъ, третьи танцуютъ на носилкахъ мертвыя тѣла, и вездѣ кругомъ блещутъ штыки и сабли—это глубоко-правдивая сцена, съ поразительными личностями, дышащая великой исторической минутой, гдѣ грозно перемѣшались всѣ языцы, всѣ страсти и характеры. Но затѣмъ надо было обоимъ нашимъ живописцамъ, и Гуна, и Якоби, братья за сюжеты французскіе? На нихъ ушли вся ихъ молодая сила и творчество. Не ѣзди они въ Парижъ, не натолклись они тамъ совершенно случайно на эти чужіе имъ по всему сюжету, они можетъ быть создали бы здѣсь, дома, то, что имъ было еще ближе и знакомѣе, и что, значить, вышло бы у нихъ съ еще болѣе потрясающею силою. Всего лучше случайность и несвойственность задачъ у обоихъ живописцевъ доказывается тѣмъ, что всѣ слѣдующія попытки ихъ въ этомъ же родѣ болѣе не удавались имъ. Гунъ написалъ «Сцену изъ вероломеевской ночи» (1870), Якоби—«Кардинала Гизъ, разсматривающаго голову адмирала Колинъ» (1868)—обѣ картины были уже на много процентовъ ниже первыхъ, и пришлось братья за другое. Они оставили «народную» исторію: Гунъ принялся за «жанръ», Якоби за пикантнѣйшій «придворный анекдотъ». Гунъ писалъ все только подсахаренныя французскія сценки, про Якоби замѣчу, что онъ уже болѣе не поднялся на прежнюю высоту. Краски его сдѣлались пестры и радужны, типы и сцены поверхностны, («Арестъ Бирона», 1870, «Шуты Анны Іоанновны», 1872, «Ледяной дождь», 1878). А насколько онъ былъ выше, когда только начиналъ юншей, и когда, несмотря на всю еще неумѣлость рисунка, группировки и краски, онъ рисовалъ тѣ сцены, которыя до корней потрясали его, которыя наполняли глубокимъ чувствомъ ужаса и негодованія всю его молодую, благородную душу: «Привалъ арестантовъ» (1861), эту страшную сцену, гдѣ люди, отправляемые въ Сибирь, и образованные, интеллигентнѣйшіе, и самые грубые дивары, мошенники и разбойники, одинаково преданы на полный произволъ одичалаго этапнаго начальника,—или еще: «Остриженіе каторжнаго въ тюрьмѣ» (1860). Эти народно-историческія задачи были, кажется мнѣ, настоящимъ его призваніемъ.

Около того же времени, въ срединѣ 60-хъ годовъ, большой фуроръ произвела среди русской публики еще одна историческая картина, на сюжетъ русскій: «Самозванка княжна Тараканова, застигнутая наводненіемъ въ своемъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости» (1864). Всего сильнѣе дѣйствовалъ въ то время, конечно, самый сюжетъ, и около него происходили битвы ретро-

градовъ и прогрессивство, въ журналахъ и въ обществахъ. Одни отрекивались съ негодованіемъ отъ непопозволительной дерзости картины, другіе въ восторгѣ поднимали ее выше небесъ. Но помимо сюжета, у ней были большія художественныя достоинства: крайняя простота и безыскусственность, сильная трагичность, красивость линий, колоритъ мрачный, даже зеленоватый въ тѣлѣ, но очень идущій въ настроенію сцены. Эта картина была прямой результатъ тогдашней могучей, самостоятельной литературы и бодрого, смѣлаго общественнаго настроенія. Она истинный монументъ времени, и вмѣстѣ изящный памятникъ таланта Флавицкаго. Здѣсь этотъ живописецъ высоко поднялся надъ тѣмъ, что онъ до тѣхъ поръ дѣлалъ. Его картина: «Братья Іосифовы» (1855), была еще вполне академична; картина «Послѣднія минуты христіанъ въ Колизеѣ» (1862) была совершенно въ брюлловскомъ декорационномъ и фейерверочномъ родѣ—и вдругъ, послѣ всего этого, онъ въ состояніи былъ подняться до такой правды и простоты, какъ «Княжна Тараканова»! Но теперь, когда борьба и бой исчезли, и сражаться за картину Флавицкаго болѣе нечего, нельзя не признаться, что и здѣсь академія все-таки даетъ себя знать: какъ ни чудесна, какъ ни драматична фигура, а все-таки въ ней присутствуетъ поза, голова и даже черты лица античной Ниобеиной дочери. Зачѣмъ это, въ сценѣ Екатерининскаго времени, и въ XVIII столѣтіи? Быть можетъ, въ слѣдующихъ картинахъ Флавицкій избавился бы отъ послѣднихъ остатковъ зловерной академичности, но прошло два года, онъ никакой новой картины не написалъ и—умеръ отъ чахотки.

Въ послѣднее время, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ историческихъ картинъ, указанныхъ мною выше, появилась еще одна: «Утро стрѣлцекъ казни», Сурикова (1880). Въ картинѣ есть не мало недостатковъ, это: театральность Петра I верхомъ, искусственность петровскихъ солдатъ, бояръ, иностранцевъ и стрѣлцкихъ женъ, и, всего болѣе, самихъ стрѣлцовъ, отсутствіе выраженія тамъ, гдѣ оно прежде всего требовалось, въ фигурахъ старухъ, матерей стрѣлцкихъ, но все-таки общее впечатлѣніе ватаги стрѣлцовъ, съ зажженными свѣчами, скученныхъ въ цѣлой толпѣ нагроможденныхъ телъ, — ново и значительно. Всего лучше два стрѣльца, одинъ старикъ, другой среднихъ лѣтъ, оба съ лица, съ пониженными головами. Это два истыхъ стрѣльца, могучихъ, заворонѣлыхъ въ своей народной мысли и правѣ, но въ эту минуту сломленныхъ и опустившихъ руки. До сихъ поръ мы знаемъ всего одну эту картину Сурикова. Что дальше

изъ него будетъ, останется ли онъ «историкомъ» — къ чему имѣеть явную способность — или перейдетъ въ другимъ сюжетамъ — надо подождать.

Другой молодой художникъ съ задатками «историчности» — это Яновъ: его «Въ кружалѣ XVII вѣка» и «Приказъ въ Москвѣ, XVII вѣка» — нѣсколько напоминаютъ складъ Шварца.

VI.

Все то, что отсутствуетъ въ большинствѣ нашихъ картинъ на историческіе сюжеты, трагичность и драматизмъ, глубокія душевныя движенія, естественность, правда, — все это, столько неудававшееся почти всегда даже лучшимъ русскимъ художникамъ, когда они брались за эти сюжеты, появляется у нихъ, лишь только они забываютъ про «исторію», снимаютъ съ себя тяжкій востокъ и маску, стираютъ румяны, и принимаются за то дѣло, которое есть настоящее ихъ дѣло: изображеніе русской современной жизни. Натуги и притворство кончаются, русскій художникъ въ нихъ болѣе не нуждается. На что они, когда все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ изобразить съ талантомъ то, что ему извѣстно, какъ собственная жизнь, какъ частичка собственного существованія, то, среди чего онъ постоянно живетъ и что постоянно видитъ, слышитъ, испытываетъ?

Извѣстная доля публики, возвращенная на «великихъ» преданіяхъ, часто называетъ все это искусство ничтожнымъ и низменнымъ, его задачи — мелкими и пустыми, а самихъ художниковъ — лишенными высокаго художественнаго полета, и людьми, вѣчно занимающимся такимъ искусствомъ и такими темами только по безсилію, по необразованности и по скудности творчества. Но въ такого рода обвиненіяхъ нѣтъ ни одной іоты правды. Не маловажно и не ничтожно то искусство, которое рисуетъ жизнь, только одну истинную жизнь, и чуждается всего остального; не скудны и не низменны тѣ задачи, куда художникъ вложилъ свой крикъ душевный, свое негодованіе или свою радость, свою мрачную думу или свой отраднѣйшій просвѣтъ; набоище, не результатъ необразованности и ограниченности — тѣ сцены, гдѣ рисуется тотъ или другой моментъ настоящей народной жизни. Для того, чтобъ понять, почувствовать и передать моменты изъ будничной жизни любого Митюхи, или любой Дуньки, любого приседа или кухарки, чиновника или лавочника, «батюшки» или «матушки», но только-такъ, какъ всѣ они въ самомъ дѣлѣ жи-

вуть и бьются, наввно или грубо, красиво или безобразно,—на это, навѣрное, надо гораздо больше таланта, свѣтлаго ума, развитой мысли и глубины чувства, чѣмъ на изображеніе высипреннихъ, чуждыхъ, невиданныхъ и непонятныхъ художнику, какъ непреходимый дѣсь в дѣбри, «великихъ людей» и праздничныхъ, въ торжественной и фальшивой иллюминаціи, «великихъ событій».

Живописцы новой русской школы—по преимуществу трагики и юмористы. Можетъ быть ихъ такими создала отечественная исторія—и въ этомъ главнѣйшее различіе ихъ отъ большинства художниковъ прочихъ современныхъ школъ. Я не могу разсмотрѣть, въ настоящемъ быстромъ очеркѣ, всѣ созданія послѣднихъ 25 лѣтъ нашего искусства, они слишкомъ многочисленны, но и тѣ главнѣйшіе примѣры, которые я здѣсь представлю, докажутъ, я надѣюсь, правду моихъ словъ.

«Неравный бракъ», Пукирева (1862)—одна изъ самыхъ капитальныхъ, но вѣсѣтъ и самыхъ трагичныхъ картинъ русской школы. Что можетъ быть проще святаго тутъ сюжета? Продажа и покупка невѣсты—это ли еще не сцена, которую всякій видитъ собственными глазами чуть не каждый день? И, однако, нигдѣ раньше Пукирева не замечалась ея на вѣки-вѣковъ на полотнѣ, такъ всѣ заняты были греческими героями и христіанскими мучениками, точно будто бы и тутъ не герои и не мученики? Неужели гора и страшныхъ мукъ меньше оттого, что они произошли не двѣ и три тысячи лѣтъ назадъ, а вчера или сегодня, и не въ парадныхъ мѣстахъ, и не въ парадныхъ тѣсахъ, а въ самыхъ ординарныхъ углахъ, и во франиахъ и крахмаленныхъ юбкахъ? Какихъ терзаній потерпѣлась бѣдная жертва, и какая героическая рѣшимость передъ приказаниями грознаго павани или тѣленьки, а пожалуй и еще болѣе грозной повелительницы, самой царицы-Нужды (эта не уступитъ никакому самодуру напашѣ и никакой безумной тетушкѣ), какая героическая рѣшимость должна была создаться въ этомъ блѣдномъ золотушномъ созданыцѣ,—это говорятъ ея опухшія отъ долгихъ слезъ глаза, и упавшая съ вѣнчалной свѣчей рука, и понижаяя педъ свадебнымъ вуалемъ головка, рядомъ съ беззубымъ, разрушающимся, но rozpoмаженнымъ на послѣднихъ своихъ сѣдинахъ генераломъ. Подобострастный священникъ, учтиво и галантерейно совершающій обрядъ въ тяжелой кованой своей ризѣ, молодой прежній женихъ, въ отчаяніи сложившій руки и молча гложущій свою любовь, неподобья серьезно поглядывающая свака—это все необыкновенно жизненные и правдивые типы. Все русское общество горячо схватилося за эту картину, и сразу глубоко полюбило ее.

Академія принуждена была поскорѣе присудить Пукиреву профессорскій дипломъ, даромъ что тутъ являлось одно изъ самыхъ вопіющихъ дѣлъ: изображеніе ничтожной «домашней сцены» въ размѣрахъ самой природы, въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ имѣютъ право являться на свѣтъ однѣ высшія сцены, изображаемыя истиннымъ искусствомъ. Это ли еще было не торжество новой школы?

Къ сожалѣнію, Пукиревъ никогда болѣе не произвелъ ничего равнаго этому крупному созданію. Его «Мастерская художника» (1865) заключаетъ много превосходнаго, глубоко-юмористическаго: жирный, заплывшій привезистый купецъ, староста церковный, осматривающій, въ своей дорогой шубѣ, заказную картину для своей церкви и ничего тутъ не понимающій; старикъ-архитекторъ, въ вицъ-мундирѣ, ловко вертящій ладонью вадъ и впередъ и съ практическимъ жаромъ доказывающій золотому мѣшку всѣ достоинства покровительствуемой имъ картины; бѣдный молодой художникъ, обязанный выслушивать всю непроходимую тьму наивныхъ разговоровъ, печально прислонившись къ своей картинѣ, его жена, выглянувшая въ дверь—какая живая сцена вышла изъ всего этого матеріала, схваченнаго прямо съ природы! Но техника во всемъ, кромѣ двухъ главныхъ, комическихъ фигуръ, далеко отставала отъ задачи, стояла ниже ея. Всѣ послѣдующія картины Пукирева: «Сборъ недвижимыхъ», «Пріемъ приданнаго въ купеческой семьѣ по росписи», обѣ 1873 года, и другія, прекрасныя по задачѣ, были уже совершенно слабы по исполненію.

Другой новый художникъ создалъ, еще во дни своего юношества, картину, которая принадлежитъ къ числу наименѣе значительнѣйшихъ созданій русскаго искусства, и гдѣ опять-таки всего важнѣе, всего поразительнѣе — могучій трагическій элементъ. Картина эта: «Гостинный дворъ въ Москвѣ», Прянишникова (1865). Здѣсь, на полотнѣ небольшихъ размѣровъ, нарисовалась одна изъ тѣхъ варварскихъ, страшныхъ сценъ, въ сравненіи съ которыми становятся малы и слабы всѣ варварства и ужасы войны. Старый чиновникъ, въ вицъ-мундирѣ, но все равно, что нищій въ рубищѣ, съ потухшими глазами, безъ шапки на головѣ, выплываетъ передъ купцами и сѣдльцами, подъ звуки нелѣпой гармоніи, подъ прихлопыванье ладонями присутствующихъ, при радостныхъ улыбкахъ толстой купчихи, усѣвшейся покойно въ кресельцѣ, съ сыномъ передъ болящими. Это все добрые, честные, набожные христіане, у нихъ тутъ лампы горятъ надъ лавками передъ дорогими образами, они навѣрное скорѣе бы удавились, чѣмъ не соблюсти свято одну среду или пятницу,

это почти все богатые люди, они въ дорогихъ шубахъ и тысячныхъ салопахъ, — но какое варварство, какое зѣрство присутствуетъ тутъ, тупое и безсердечное, въ этой ихъ дивной радости, въ этой невинной потѣхѣ надъ опозореннымъ и павшимъ глубоко созданиемъ. Всѣ страшныя дѣла, подѣланныя дикарями, вызванными въ болгарскую войну изъ глубинъ Азій, надъ врагами, ничто въ сравненіи съ этимъ дѣломъ, гдѣ люди радуются и смѣются, въ Москвѣ, на публичномъ мѣстѣ, на виду у всѣхъ, и только не рѣжутъ головы, и не вывертываютъ членовъ своей жертвы, а еще даютъ ей нѣсколько грошей на чаекъ-на-водочку. Картина была нарисована, во всѣхъ типахъ, физономіяхъ, характерахъ, фигурахъ и движеніяхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ — мастерски, это была самая живая натура; написана она была немного темно и мрачно, но передавала московскій тусклый день и достигала поразительнаго тона правды.

Какъ Пукиревъ послѣ «Неровнаго брака», такъ Приишниковъ послѣ «Гостинаго двора» никогда уже болѣе не создалъ картины, равной этой. На нее пошли всѣ его силы, вся его душа, все его умѣнье, все къ чему только онъ былъ способенъ. Конечно, въ интервалахъ Приишниковъ написалъ еще двѣ хорошія картины, но это уже были очень длинные интервалы. Картину «Порожняки» онъ написалъ черезъ 7 лѣтъ послѣ «Гостинаго двора» (1872), «Жестокіе романсы» черезъ 15 (1877). Обѣ онѣ были очень интересны, первая по своей бытовой вѣрности, вторая по своему милому юмору. Въ первой бѣдный студентъ или семинаристъ, съ пачкой книгъ подъ мышкой и весь съѣжившись отъ холода въ плохомъ своемъ пальтишкѣ, возвращается домой, пріютившись, для дешевизны, на одномъ изъ порожняковъ, гужомъ и маленькой рысцой таящихся домой по снѣжнымъ полямъ; въ другой картинѣ, невзрачный чиновничекъ усердно распѣваетъ ужасные какіе-то романсы дамѣ своего сердца, довольно зрѣлой дѣвицѣ, которая и мѣтеть, и отвертывается въ душевномъ волненіи. Но этимъ картинамъ было далеко до «Гостинаго двора»: отъ такого таланта, какъ Приишниковъ, надо было ожидать большаго. Прочія его картины: «Погорѣльцы» (1871), «Деревенскій праздникъ» (1880) и слабая попытка на историческую картину: «Возвращеніе Наполеоновой арміи» (1874), имѣли несравненно еще менѣе значенія. Но все-таки, къ числу хорошихъ работъ Приишникова принадлежить рядъ рисунковъ (безъ красокъ), исполненныхъ вмѣстѣ съ Влад. Маковскимъ для московской выставки 1872 года и изображающихъ сцены изъ осады Севастополя. Рисунки очень вѣрно вос-

производить жизнь и дѣла осажденныхъ, потому-что исполнены на основаніи разсказовъ офицеровъ и моряковъ, самихъ въ то время пожившихъ геройскою жизнью въ Севастополѣ. Это, стыдно сказать, единственныя изображенія великой войны 1853 года русскими художниками. «Лазаретъ въ Севастополѣ», Громме (1867), не дуренъ вообще какъ картина, но писанъ вовсе не очевидно и не человѣкомъ, способнымъ воссоздавать дѣйствительное, живое прошлое, а потому мало передаетъ людей, время и среду. Между этой картиной, еще полу-академической, и глубоко-правдивыми разсказами гр. Льва Толстого о Севастополѣ — непроходимая пропасть.

Владиміръ Маковскій — одинъ изъ лучшихъ и капитальнѣйшихъ русскихъ художниковъ; его картинъ множество, всѣ онѣ носятъ доказательства чудеснаго таланта, но лучшая, высшая между ними та, гдѣ прозвучала могучая трагическая нота. Картина эта — «Осужденный» (1879). Сюжетъ ея взятъ изъ современной дѣйствительности и глубоко поразителенъ. Жандармы, съ саблями на-голо, ведутъ арестанта изъ судебной камеры. Его только-что осудили, должно быть на Сибирь, на долго, на всегда. И вотъ, въ ту секунду, когда онъ проходитъ среди часовыхъ, армейскихъ солдатиковъ, добрыхъ, невѣдущихъ, сострадательныхъ сердцемъ, еще неспорченныхъ рутинной, онъ встрѣчается съ отцомъ и матерью, стоящими тутъ и рыдающими, кругомъ нѣсколько прежнихъ знакомыхъ мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ одни заглядываютъ на него съ любопытствомъ и участіемъ, другіе съ равнодушіемъ. Но онъ самъ рѣшителенъ, суровъ и весь собранъ въ себя. Что ему теперь отецъ и мать! Не то что теперь, въ эту минуту, онъ уже давно прежде отрѣзанъ отъ нихъ, отъ прежняго своего крестьянскаго быта и всѣхъ интересовъ, дѣлами, и мыслью, и чувствомъ; онъ угрюмо взглядываетъ на всхлипывающую мать, готовую броситься къ нему съ рыданіемъ, онъ не глядитъ даже на отца, стоящаго въ уголку, въ своемъ тулупѣ и лаптахъ, и робко тянущаго жену за юбку: «брось, брось-моль его, оставь, что ему теперь до насъ, до нашихъ слезъ и горя! У него, вишь, совсѣмъ другое въ головѣ. Онъ уже болѣе не нашъ!» Вдали спокойно калякаютъ жиденькій адвокатъ съ плотнымъ прокуроромъ, жандармы тоже спокойно справляютъ свое дѣло порядка, и дѣйствительно, все тутъ въ порядкѣ, все превосходно идетъ своимъ чередомъ, только нѣсколько человѣческихъ жязней и личностей порвано и разбито, однѣ изъ нихъ сильныя, энергическія, далеко шагнувшія впередъ, хотя бы путемъ кривымъ, другія — темныя, ничего еще не пони-

мающія и незаглянувшія нигуда дальше избы и добрыхъ невольныхъ семейныхъ чувствъ. Эта картина Маковского гаетъ глубоко и сильно копнула современную жизнь, что навѣрное принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ созданий русскаго искусства. Два-три года позже, Маковский задумалъ написать pendant къ ней, но его «Оправданная» (1881) вышла уже чѣмъ-то во сто разъ болѣе слабымъ. Да и самый мотивъ былъ далеко отъ глубины и многосторонности задачи «Осужденнаго»: теперь на сценѣ было одно только кроткое и милое чувство радости.

Еще одинъ разъ Владиміръ Маковский ваялъ трагическую ноту, это въ своей картинѣ: «Крахъ банка» (1881). Эта картина на много степеней уступала, конечно, «Осужденному», но все-таки была превосходна и полна силы. Старая дама, сдѣлавшаяся отъ отчаянія настоящей фуріей и грозно приступившая къ конторщику, женщина, упавшая въ обморокъ, помертвѣвшій старикъ, вся толпа, мечущаяся въ припадкахъ ужаса и страха, и, какъ контрастъ всему этому разбушевавшемуся морю, служебная правильная фигура дежурнаго полицейскаго—это была сцена чудесно-правдивая, великолѣпная.

Но какъ ни высоко стоятъ трагическія картины Владиміра Маковского, прочія, очень многочисленныя его картины, тоже принадлежать къ лучшему, что только создано новымъ русскимъ искусствомъ. Онъ достойнѣйшій товарищъ, наследникъ и продолжатель Перова. Онъ одинъ изъ не очень-то многочисленныхъ русскихъ художниковъ, никогда не перестававшихъ сильно работать надъ своимъ дѣломъ, надъ своимъ талантомъ, и постоянно удерживавшихся на чудесной, достигнутой ими высотѣ. Онъ пробовалъ себя во многихъ родахъ, и вездѣ по талантиности своей давалъ вещи не дюжинныя, но главное его мастерство и умѣнье всегда проявлялись въ изображеніи жизни городовъ. Не разъ пробовалъ онъ изображенія сельской природы и сельскихъ жителей («Ночное», «Крестьянскія дѣти», «Деревенскіе ребята играютъ въ бабки», «Баба, кормящая кашей ребенка», и т. д.), и никогда они не удавались ему въ значительной степени. Единственное исключеніе составляютъ мужикъ и баба въ «Осужденномъ». Только здѣсь деревенскіе жители предстали съ такимъ совершенствомъ выраженнаго характера, заботой натуры, выросшей на тяжелыхъ работахъ, съ такою глубоко-чувствующей душой и грубой вѣвшей оболочкой,—какіе рѣдко когда-либо еще являлись въ нашемъ искусствѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Владиміръ Маковский есть по преимуществу изобразитель разнообразнѣйшихъ городскихъ слоевъ общества, и такой чуд-

ный насобратитель, что имѣеть себѣ соперника лишь въ одномъ Перовѣ. «Любители соловьевъ» (1873) такая картина, которая ни на единую югу не уступаетъ «Птицелову» Перова; «Приемная у доктора» (1870) такая картина, которая ни на единую югу не уступитъ «Охотникамъ» Перова (я разумѣю, конечно, вѣрность и юмористичность выраженія, никакъ не сюжеты, вполне различныя). Другія картины, какъ наприм., «Приятное съ полезнымъ» (1876: старики мужъ и жена варятъ варенье въ саду подъ деревомъ), «Въ четыре руки» (1880: старики мужъ и жена играютъ на фортепiano), «Казначейство въ день раздачи пенсій» (1876), «У мирового» (1880), «Ходатай по дѣламъ» (1879: понаторѣлый пройдоха, убѣждающій своимъ краснорѣчіемъ толстую, безобразную, тупую купчиху), «Прогулка» (1877: старая генеральша, чванная и надутая, прогуливающаяся съ маленькимъ лакейчикомъ сзади), «Благотворительница» (1874: молодая филантропическая барыня, съ аристократическимъ и высочайшимъ лакеемъ, пожаловавшая на чердакъ къ голодающимъ бѣднякамъ и производящая тамъ переполохъ, цѣлое свѣтопреставленіе); «Друзья-пріятели» (1878: компанія пожилыхъ холостяковъ, утѣшающихся игрою на гитарѣ одного изъ нихъ, пока еще одинъ, въ тѣни, у дверей, ласково трогаетъ полныя руки горничной, несущей на подносѣ вино съ рюмками)— все это истинные chefs-d'oeuvre'y юмора, наблюдательности, глубоко-зачерпывающей и мѣтвой характеристики. Тутъ цѣлый міръ на сценѣ: дворники, купцы, мѣщане, нарядныя барыни, дѣти, чванныя и глупыя генеральши въ отрепьяхъ, перебивающіе все-вакъ отставные военные и чиновники, юноши съ какою-то таинственною болѣзнью, благодушные совѣтодатели «батюшки», старухи, мучимыя зубною болью, ловкіе фертки-адвокаты, невинныя глупенькія барышни и горничныя. И, несмотря на все многообразіе этого міра, на всю талантливость его изображенія, Владиміръ Маковскій продолжаетъ отыскивать все новыя и типы, и сцены, никогда не повторяясь и все только совершенствуясь. Колоритъ его, въ началѣ нѣсколько мрачный и черезъ-чуръ сухой (болѣе даже чѣмъ у Перова), въ послѣдніе годы становится все правдивѣе и явнѣе.

Въ числу русскихъ картинъ, соединяющихъ бытовую національную правду съ пограсающею драматичностью, принадлежитъ картина Неврева: «Незабытое прошлое» (1866). На первый взглядъ, что можетъ быть невиннѣе и проще? Сидятъ два помѣщика за столомъ, въ кабинетѣ: хозяинъ, въ халатѣ, потягиваетъ свою коротенькую трубочку, а правой рукой дѣлаетъ

жестъ: «Не хочешь — не бери! Миѣ-то что? Вишь какую цѣну даетъ — да развѣ можно?» Его пріятель, съ милою веселою улыбкою, загнувъ голову на сторону, жестикуютъ и пробуетъ уломать, подешевле, своего упрямого друга. Они торгуются. Но о чемъ же это они торгуются, среди комфортабельной своей обстановки, книгъ, рисунковъ, картинъ — явно люди соште il faut, образованные, очень-очень не глупые, не «кто-нибудь». Товаръ на лицо. Это крестьянка, красивая, статная, видная, которую пригналъ въ господамъ въ кабинетъ, какъ теленка или свинью, благообразный староста съ хворостинкою въ рукѣ. Продаваемый товаръ — явно мать семейства. Она должна молчать, она и молчитъ, она опустила глаза; но какое достоинство, какое простое благородство разлито въ ея фигурѣ, въ ея прекрасномъ русскомъ крестьянскомъ лицѣ. Никакой оскорбленной матронѣ «великихъ картинъ» она никогда не уступитъ. Посмотришь единую секунду на эту картину, и русская исторія гѣснитъ тебѣ въ душу, долгія столѣтія и безчисленныя поколѣнія, замученныя, неотмщенныя и поруганныя, проносятся передъ воображеніемъ. «Веселые помѣщики», милые добрые бонъ-виваны помѣщики, смѣющіеся въ своихъ комъ-иль-фотныхъ кабинетахъ, не выходить болѣе изъ мысли, пока грознымъ уворомъ стоитъ, въ фонѣ, грознѣе и величавѣе всѣхъ командоровъ изъ «Донъ-Жуана», простая опустившая глаза фигура русской бабы. Въ несчастію, Невревъ не уразумѣлъ того, что великаго и чудеснаго создалъ тутъ его талантъ, и пошелъ рисовать казенныя «историческія сцены», безъ чувства, безъ выраженія, безъ правды.

Вотъ что такое значили наши 60-ые и 70-ые года: задачи, прежде забытыя художниками, или невозможныя для нихъ, вдругъ вспомнились и понадобились, онѣ загорѣлись въ воображеніи, онѣ стали потребностью и для художниковъ, и для публики. Въ 1861 году Якоби пишетъ чудесную свою картину «Привалъ арестантовъ» — это была настоящая запѣвало-«увертюра». Талантливый Песковъ, въ несчастію рано умершій, послѣ довольно-безцвѣтныхъ картинъ своего академическаго времени, «Воззванія Минина къ нижегородцамъ» (1861) и «Кулачнаго боя при Иванѣ Грозномъ» (1862), картинъ, впрочемъ, не лишенныхъ дарованія и наблюдательности въ изображеніи русскихъ народныхъ типовъ и личностей, составляющихъ «хоръ» въ этихъ картинахъ, вдругъ обращается къ живымъ воспоминаніямъ юности своей, проведенной въ Сибири (онъ былъ родомъ сибирякъ) и пишетъ превосходную, своеобразную вещь: «Сильно-поселенецъ» (1863). Сцена, представленная тутъ, дышала жизнью

и мыслью. Нестарый человекъ, по всему видно образованный и интеллектуальный, сидитъ среди своихъ книгъ и бумагъ въ хижинѣ своей. Отворяется дверь, видно для всѣхъ поневолѣ открытая, и въ ней появляется дикій алеутъ, съ лукомъ и стрѣлами, въ своей робинзоновой шляпѣ какъ готическая кровля. Какое столкновение Европы и Азіи! На слѣдующій годъ, молодой казацкій офицеръ, Косолапъ, только-что получившій 2-ю серебряную медаль за полную выраженія картину «Сумасшедшій скрипачъ, у себя на чердакѣ, у трупa матери» (1863), пишетъ «Возвращеніе изъ ссылки» (1864), и такъ даровито, что академія даетъ ему 1-ю серебряную медаль. Этотъ тоже писалъ не выдуманное, не классную программу, а что-то изъ видѣннаго собственными глазами, изъ воспоминаній юности, и оттого въ картинѣ была точь-в-точь сила, убѣдительность и интересъ правды. Дико обросшій, полу-лапотникъ, въ лохмотьяхъ, возвращается этотъ человекъ изъ долгой ссылки. Въ семьѣ одни его забыли и не желаютъ, другіе обрадовались—какая жизненная, правдивая сцена. Да, но только «семейная», никакихъ другихъ интересовъ тутъ не было на сценѣ. За то они всѣ были въ «Княжнѣ Таракановой», Флавицкаго, появившейся въ томъ же 1864 году. Спустя два года, Невревъ пишетъ свое «Незабытое прошлое», и на томъ кончаютъ счеты русскаго искусства съ прошлыми періодами. Потомъ антрактъ для подобныхъ сюжетовъ на цѣлыхъ 10 лѣтъ, и тогда уже Ярошенко пишетъ своего «Завлеченнаго» (1878),—великолепная картина, и по чувству дѣйствительности, и по реальности, и по краскамъ, картина, оставившая далеко позади себя «Княжну Тараканову» Флавицкаго; Владиміръ Маковскій—своего «Осужденнаго» (1879), Ярошенко—свою сцену подъ стѣнами тюрьмы (1881). Искусство не оставалось уже равнодушно къ трагичнѣйшимъ задачамъ и событіямъ жизни, оно перестало быть легкомысленнымъ и вертопрашнымъ. Оно возмужало.

Художникъ съ сильнымъ и правдивымъ драматическимъ элементомъ, но уже въ предѣлахъ одного домашняго быта, это Журавлевъ. Уже первая его значительная картина: «Кредиторы описываютъ имущество вдовы» (1862), гдѣ вся квартира наполнена ужасомъ казенной расправы, а изъ-за двери виднѣются ноги повойника, на его бѣдномъ смертномъ одрѣ,—была полна хватающаго за сердце трагизма. Позже, его «Пріѣздъ извозчика домой» (1868), сцена, гдѣ мужъ, вопедшій въ избу послѣ долгаго отсутствія, находитъ беременную жену, стоящую передъ нимъ у стѣны, какъ преступницу, ждущую казни—это была сильная трагическая сцена, точно въ концѣ «Горькой судьбины» Писем-

скаго; «Возвращеніе съ бала» (1868)—внутренность кареты съ неглядящими другъ на друга мужемъ и женой — и «Модница-жена» (1872) — жена, мучающая своего мужа — были сильными драматическими сценами изъ быта средняго чиновничества. Наконецъ, еще позже, его «Благословеніе невѣсты» (1878) — близкій pendant къ «Неравному браку» Пукирева, только въ рамкахъ купеческаго, а не дворянскаго семейства. Невѣста, въ богатомъ свадебномъ уборѣ, рыдающая на колѣняхъ у отца въ кабинетѣ, не старинный обрядъ причитанья совершаетъ: она въ самомъ дѣлѣ въ отчаяннѣ, вся ея душа измучена и дрожить, тамъ что-то оторвано безжалостной рукой. Поза, выраженіе, все въ этой фигурѣ чудесно и правдиво. Къ несчастію, нѣтъ никакого характера и душевной фizioноміи у отца, стоящаго у стола: это онъ, деспотъ-самодуръ, или такъ себѣ, какое-то во всѣхъ отношеніяхъ блѣдное ничтожество? Послѣднее — скорѣе. Но откуда же тогда принужденіе и трагичность для дочери? Въ добавокъ къ этой неопредѣленности выраженія въ отцѣ, необходимо указать на крайнюю искусственность иныхъ подробностей картины: такъ, наприм., платье дочери не упало и не разметалось случайно, пышнымъ своимъ шлейфомъ, при быстромъ движеніи невѣсты, бросившейся на колѣни, но тщательно уложилось и разложилось по обширному пространству картины. Но другое созданіе Журавлева, изъ послѣдняго времени: «Купеческія поминки» (1876) есть, по моему, лучшее и значительнѣйшее созданіе Журавлева, и опять-таки полное трагизма. Нахлѣбники и приживалки, сладкоглаголивые или буйные гости, пожирающіе похоронный обѣдъ, плѣрезы на однихъ, разгульный хохотъ у другихъ, и, въ центрѣ всего, подгулявшій наследникъ, толстопузый купецъ, котораго претъ врозь, и который, разметавшись на стулѣ, въ верхнемъ концѣ стола, ни въ грошъ не ставитъ всю эту дармоѣдную сволочь, покорную его взгляду — каково это все трагическій міръ, какова это трагическая сцена, начало нескончаемаго ряда другихъ, еще болѣе темныхъ.

Корзукинъ началъ тоже съ нотъ сильно минорныхъ: «Пьяный отецъ семейства» (1861) и «Поминки на кладбищѣ» (1865), но позже оставилъ такіе сюжеты, повидимому, мало ему свойственные, и выказалъ свой истинный талантъ уже лишь въ сценахъ съ выраженіемъ очень спокойнымъ, но очень правдивымъ, и часто полнымъ юмора. «Отправленіе кадетика послѣ воскресенья въ корпусъ» (1867), «Возвращеніе крестьянина съ ярмарки» (1868), «Канунъ Рождества» (1869) — подпившій мужъ приходитъ вечеромъ домой, высоко поднимая въ воздухѣ мороженаго

поросенка, и жена, вставая от потушенной уже ёлки, останавливает его, чтобъ онъ не разбудилъ спящаго ребенка; «На свиданіи» (1870)—молодые красивые парень и дѣвка, сидящіе въ сумрномъ дуэтѣ, подѣ звуки гармоники—это картины, принадлежащія къ лучшимъ въ нашей школѣ. Выше всего этого, его созданія послѣдняго времени: «Исповѣдь въ церкви» (1877), картина полная великоблгобно выраженныхъ женскихъ, дѣтскихъ и старушечьихъ типовъ, съ разнообразными душевными оттѣнками, и «Въ монастырской гостинницѣ» (1882), лучшая картина Корзухина, по тонкому выраженію двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: тутъ молодая, довольно смазливая, богатая и совершенно глупая купчиха, съ которою прощается, въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ, молодой еще настоятель, должно быть уже достаточно знакомый съ нею и устремившій на нее свои красивые астреминные глаза. Суматоха отъѣзда, приживалки и странницы, суесящаяся прислуга, приказчикъ наскоро отхватывающій послѣднюю чашку чая, наивныя дѣти,—все это характерно, вѣрно и мѣтко выражено въ картинѣ.

Масса художниковъ послѣднихъ 25 лѣтъ, рисовавшихъ сцены этого рода, т.-е. такихъ, гдѣ вся задача состоитъ въ вѣрномъ изображеніи существующаго—очень велика, и она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается вновь появляющимися талантливыми юношами. Картины ихъ почти всегда малыхъ размѣровъ, но значительны по содержанію: онѣ чудесны по свѣжести чувства, по здоровости взгляда, и, въ большинствѣ случаевъ, по тонкому юмору сценъ и отдѣльныхъ личностей.

«Дворовые люди» (1855), «Радостное письмо» (1858), «Харчевня» (1859), «Складъ чая на нижегородской ярмаркѣ» (1860), Андрея Попова; «Обжорный рядъ въ Петербургѣ» (1858), «Погребокъ» (1863), Волкова; «Смотрины невѣсты» (1861), Петрова, и въ особенности его «Сватовство молоденькаго чиновника къ дочери нажившагося портного», портного, впрочемъ продолжающаго работать въ одной рубашкѣ, поджавъ ноги на столъ (1862); «Именины дьячка» (1862) и «Три городскихъ, славящихъ въ Рождество въ купеческомъ домѣ» (1864), Саламаткина; «Дворникъ, возвращающійся изъ бани», съ собаченной и вѣнникомъ подѣ мышкой и получающій понюшку табаку изъ рукъ встрѣтившагося знакомаго, — Сѣдова; «Дьяконъ, провозглашающій громовымъ басомъ многолѣтіе купцу имениннику» (1866), «Сельскій дьячокъ наканунѣ праздника» (1866), Неврева; «1-е число» (1862)—бѣдная заплаканная, молоденькая жена, сидящая у люльки надѣ пустымъ портмонемъ пьяницы-мужа, «Возвращеніе съ вербъ» (1867), «Мо-

настырскій служба, уснувшій подлѣ продаваемыхъ имъ на улицѣ крестиковъ и образковъ» (1867), «Странница», рассказывающая въ изобѣ про чудныя посѣщенныя ею мѣста, и «Коробейникъ», наполнившій изумленіемъ, любопытствомъ и восторгомъ дѣлающую избу, стара и млада (съ теленкомъ тутъ же), въ виду разложенныхъ имъ зеркалецъ, образовъ, картинокъ, ящичковъ и всяческихъ вещицъ, все это Кошелева; «Чтеніе письма въ лавочкѣ» (1864), Пранишниковъ; «Проводы начальника» (1864), Юшанова, гдѣ кромѣ общаго подобострастія присутствующихъ, и мужчинъ и дамъ, всего болѣе удались отставной солдатъ сторожъ, почтительно держащій губернаторскую шинель, и жандармскій офицеръ, изъ солдатъ, торопящійся на подѣздъ къ экипажу и не могущій скоро попасть въ рукавъ своего пальто; «Споръ о вѣрѣ» (1867), Жукова, картина, гдѣ чрезвычайно юмористично и вѣрно представлены старообрядцы въ изобѣ, достающіе съ полки старыя книги, для спора съ пріѣхавшимъ православнымъ священникомъ; «Утопленникъ въ деревнѣ» (1867), Дмитріева-Оренбургскаго, лучшая картина этого художника, съ превосходно выраженными деревенскими покорными типами и исправникомъ, пишущимъ протоколъ на спинѣ у мужика; «Пѣвчіе приходского училища» (1864) и «Сельская спѣвка въ училищѣ» (1868) Лапина; «Съ квартиры на квартиру» (1876) — старики мужъ съ женой, перебирающіеся по льду, черезъ Неву, съ маленькими узелками въ рукахъ и собаченкой впереди; «Картинная лавочка» (1876), «Чай въ харчевнѣ» (1874), «Преферансъ у чиновниковъ» (1879) Васнецова — послѣднія двѣ вещи лучшія картины художника; «Странникъ, рассказывающій кухаркѣ, въ кухнѣ, про св. мѣста» (1868), «Два чиновника въ харчевнѣ» (1869), «Баринъ садящійся въ карету и его лакей» (1869), «Похороны въ деревнѣ» (1872), К. Е. Маковскаго, полныя чувства; «Обѣздъ своихъ полей помѣщикомъ-охотникомъ» (1881) и «Возвращеніе съ поля крестьянъ» (1882) Кузнецова; наконецъ, многія красивыя малороссійскія сцены Трутовскаго, напр., «Переселенцы въ курской губерніи», «Колядки въ Малороссіи» (обѣ 1864 г.), «Свиданіе» (1863) — едва ли не лучшая, по выраженію дѣвической нерѣшимости, любви и желанія, картина Трутовскаго; его-же «Сорочинская ярмарка» (1872), наконецъ талантливыя картины на итальянскіе и французскіе бытовые сюжеты Гуна, Рицconi, М. П. Боткина (художника, писавшаго вообще на множество разнообразныхъ сюжетовъ), Бронникова, Свѣдомскаго, Харламова, и т. д.

Прекрасный талантъ, несравненно болѣе значительный, чѣмъ

у всѣхъ остальныхъ женщинъ-художницъ прежняго и новаго времени, проявила г-жа Версилова-Нерчинская, написавшая въ 1882 году «Монаха въ кельѣ». Тутъ видны задатки значительной будущности. Другая наша художница, г-жа Бѣмъ, долго посвящавшая себя, съ успѣхомъ, живописи животныхъ, выказала значительную даровитость въ изображеніи дѣтскихъ и вообще граціозныхъ сценъ, рисуемыхъ въ видѣ силуэтовъ. Ея изданія очень многочисленны, и пользуются справедливою общею симпатію у насъ и въ Европѣ. Другія еще наши художницы съ успѣхомъ занимаются жанромъ (г-жа Михальцева и Гаугеръ) и акварелью (г-жа Кочетова), и т. д.

Въ ряду картинъ новой нашей школы довольно значительный контингентъ составляютъ талантливыя картины съ содержаніемъ элегическимъ. Для примѣра я укажу на слѣдующія: «Свѣтлый праздникъ нищаго» (1860) Якоби; «Послѣдняя весна» (1861) и «Передъ отъѣздомъ» (1878) М. П. Клодта; «Полу-замерзлыя дѣти» (1867) К. Е. Маковского; «Семейное горе» (1868), «Въ семьѣ чужая» (1875), «Круглая сирота» (1879), «Нищенка» (1881), «Дѣти» (1881), «Крестьянская дѣвочка» (1882) Лемоха; и т. д. Многія изъ нихъ отличаются большою искренностью чувства, напр., «Передъ отъѣздомъ», Клодта, и «Круглая сирота», Лемоха.

Наконецъ, еще большій отрядъ составляютъ у насъ маленькія картины, гдѣ нѣтъ никакого особенно значительнаго содержанія, ни творчества, но которыя прямо скопированы съ увидѣнныхъ въ натурѣ сцены или типа, и интересны по своей правдивости, естественности, граціи, простотѣ. Это собственно этюды съ природы, и ихъ никакъ нельзя, повтому, ставить на одну доску съ тѣми безчисленными произведеніями современной французской школы, гдѣ не только содержанія никакого нѣтъ, но нѣтъ также выраженія никакого типа и характера, и все состоитъ въ одной вертуозности внѣшней живописи. Картинъ-этюдовъ у насъ много произведено почти каждымъ художникомъ, и я укажу лишь нѣсколько примѣровъ. «Разнощія фрутовъ» (1858), «Казанскіе татары, продавцы халатовъ» (1859), «Татарка-знахарка» (1865) Якоби; «Шарманщикъ» — много разъ повторенный у разныхъ художниковъ и сдѣлавшійся, можно сказать, *общимъ мѣстомъ* у насъ, подобно «албанецъ» и «чучарекъ у фонтана» въ Римѣ; «Селедочница» (1867), «Дѣвочка съ горшкомъ молока» (1868), «Торговка у крыльца» (1868), «Катанье въ салазкахъ» (1869) К. Е. Маковского; «Дѣтскій завтракъ», «Деревенская швея», «Молодая мать», «Два врага», «Деревен-

скій пѣстунъ» (всѣ 1869 г.) Пелевина; «Крестьянская дѣвушка, ожидающая кого-то у воротъ» (1871), «Бабушка съ внучкой» (1881) Рачкова; «Мать съ ребенкомъ» (1867), «Мальчикъ въ школѣ» (1870), «Носильщикъ» (1874), «Трубочистъ» (1874), «Официантъ» (1876) Журавлева; «Курская горожанка» (1874) Съдова; и «Сборы въ гости крестьянской дѣвушки» (1870) Максимова; «Крестьянскій мальчикъ хохочущій, играя на гармоникѣ» (1870) Кудравцева; «Кузнецъ» (1878) Ярошенко; «Малороссійская дѣвочка, лежащая въ травѣ» (1881) Кузнецова; этюды съ французенки, Лемана и т. д.

Какъ я сказалъ выше, большинство всѣхъ нашихъ бытовыхъ картинокъ выполнены въ небольшихъ размѣрахъ и заключаютъ небольшое число дѣйствующихъ лицъ. Но въ послѣдніе годы очень замѣтно становится стремленіе новыхъ нашихъ живописцевъ брать сюжетомъ своихъ картинъ такія сцены, гдѣ на лицо множество дѣйствующихъ лицъ, почти всегда изъ разнообразныхъ слоевъ общества. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тою самою сильною склонностью къ «хоровымъ сценамъ», гдѣ нѣтъ никакого одного главнаго героя, на которую я указывалъ, говоря про Рѣнина и Верещагина. Къ такимъ картинамъ обыкновенно художники наши приступали, написавъ напередъ много картинъ малыхъ размѣровъ, на сюжеты интимные, домашніе, гдѣ актерами являлись немногія отдѣльныя дѣйствующія лица. При этомъ художники почти всегда переходили отъ сюжетовъ довольно индифферентныхъ къ сюжетамъ болѣе и болѣе важнымъ по содержанію и значительнымъ по чувству и мысли, вложеннымъ въ картину авторомъ.

Одна изъ первыхъ, по времени, въ новой школѣ, картинъ въ этомъ родѣ, — это «Выходъ изъ церкви» (1864) Морозова. Послѣ предъидущей его картины «Отдыхъ на сѣновосѣ» (1861), довольно посредственной, да и вообще послѣ всѣхъ предъидущихъ его произведеній, эта картина была громаднѣмъ шагомъ впередъ и по содержанію, и по дѣйствующимъ лицамъ. Благочестивая барыня старушка, уже на улицѣ, но все еще полная церковныхъ своихъ впечатлѣній, сопровождающіе или окружающіе ее совершенно равнодушные люди, кавалеры и дамы, нивщіе, купцы, монахи, крестьяне и мѣщане, образуютъ пеструю смѣсь, необыкновенно вѣрно и талантливо воспроизводящую то самое, что каждый видалъ всякій день. Другая картина того же автора «Сельская воскресная школа» (1872) тоже полна правды и жизни, но рисуетъ уже вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ лучшихъ моментовъ нашего общества, когда высшія слои общества, на минуту

забывъ обычную праздность, добровольно пошли учить народъ, и хлопотали о томъ, какъ бы поскорѣе возвысить его уровень. Въ настоящей картинѣ двѣ молодыхъ барыни или барышни хлопотуютъ въ избѣ съ цѣлой толпой деревенскихъ мальчиговъ и дѣвочекъ. Типы и позы очень просты и естественны, характеры очень разнообразны, вся картина вообще очень талантлива, въ сожалѣнію, ея колоритъ не вполне удовлетворителенъ. Но все-таки, обѣ эти картины — лучшія картины Морозова. «Сельская школа» (1870) Маннвера очень не дурна, но во всѣхъ отношеніяхъ много уступаетъ «Школѣ» Морозова.

Послѣ множества картинъ во всѣхъ родахъ, К. Е. Маковский написалъ большую картину: «Масляница въ Петербургѣ» (1869). Это лучшее его созданіе. На этой картинѣ — весь Петербургъ гуляетъ и улыбается на морозѣ, при розовыхъ отблескахъ зимняго солнца, франты въ рince-pez — и оборванные мальчишки, упаренныя въ своихъ атласныхъ сапогахъ купчихи — и балаганные актеры въ плохомъ трибѣ, дующіе на морозѣ въ дымящійся стаканъ чая, чиновники, любующіеся на паяцовъ — и молодцы въ поддѣвкахъ, ловко достающіе гривну изъ кармана, мастеровые, толсто-хохочущее мужичье — и дамочки въ шикарныхъ шляпкахъ, солдаты и продавцы орѣховъ и стручковъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ К. Е. Маковского не достигалъ такого разнообразія, богатства, интереса и мѣткости типовъ, какъ въ этомъ цвѣтномъ «хорѣ масляницы».

Въ теченіе художественнаго своего юношества Мясоедовъ написалъ много интересныхъ и даже замѣчательныхъ картинъ. Лучшею изъ нихъ всегда была у него «Побѣгъ Дмитрія Самозванца изъ корчмы на литовской границѣ» (1862). Здѣсь не было ничего собственно историческаго, и самъ Самозванецъ являлся мелодраматическимъ героемъ, съ натянутымъ типомъ, выраженіемъ и жестомъ. За то все остальное въ картинѣ свидѣтельствовало о сильномъ талантѣ и глубокомъ постиженіи русскихъ народныхъ натуръ. Пристава и странствующіе монахи были воспроизведены великолѣпно, всего поразительнѣе и глубже была передана личность монаха Варлаама, навсегда оставшаяся однимъ изъ характернѣйшихъ созданій новой русской школы. И вотъ, черезъ 10 лѣтъ послѣ этой столько замѣчательной картины, Мясоедовъ пишетъ «Чтеніе манифеста» (1873). Эта картина была крупнымъ шагомъ впередъ. Мясоедовъ представлялъ тутъ одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ моментовъ, изображеніе того, какъ русскій народъ, по сараямъ и овинамъ, читалъ великій манифестъ о своемъ освобожденіи отъ вѣкового не-

вольничества, какъ старъ и младъ, кто ничего не понимая, и только слушая, а кто и глубоко вникая, какъ всё они пришли съ полей, огородовъ и изъ лѣсовъ слушать единственнаго грамотѣя, маленькаго мальчика, читающаго по складамъ. Во времени написанія этой картины, техника Мясоѣдова сильно развилась и явилась на высотѣ своей задачи. Ничего до тѣхъ поръ Мясоѣдовъ не писалъ такъ колоритно и изящно, какъ эту картину. Но онъ на этомъ не остановился: онъ написалъ потомъ еще двѣ значительныя картины: «Земство обѣдаетъ» (1875) и «Молебствіе въ полѣ во время засухи» (1877). Обѣ опять были истинно современныя «хоровыя» картины. Но въ первой присутствовала также нота негодованія и сатиры. Представители земства, въ зипунахъ и сермягахъ, разсѣвшись на улицѣ, обѣдаютъ сухимъ хлѣбомъ и лукомъ; они сидятъ на полу, прислонившись спиной къ стѣнѣ дома: вотъ ихъ кресла и диваны, вотъ ихъ банкеты, вотъ ихъ времяпрепровожденіе, пока ихъ товарищи, одѣтые по дорожке, посаженные и накормленные получше, кончатъ своихъ жареныхъ фазановъ и шампанское, и пожалуйтъ судить и ридать съ «этими» о всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Въ другой картинѣ, цѣлое народонаселеніе уѣзда собралось около своего священника, у столика съ чашей со святой водой, подъ хоругвями и образами, молить о дождѣ на эти, окружающія ихъ засохлыя равнины, палимыя солнцемъ. Одна только благочестивая надежда на чудо послѣ молебна наполняетъ этихъ бѣдныхъ, жалкихъ людей.

Въ самое послѣднее время Мясоѣдовъ написалъ еще одну «хоровую» картину: «Раскольники-самосожигатели» (1882), но она менѣе удалась, и изъ всей великолѣпной задачи прекрасно вышелъ только главный раскольникъ, фанатикъ, проповѣдующій товарищамъ своимъ изъ глубины надвинутаго на голову капюшона, среди взвившагося уже пламени, энергію саморазрушенія.

Максимовъ, въ теченіе 10—15 своихъ молодыхъ годовъ написалъ не мало даровитыхъ маленькихъ картинокъ изъ жизни крестьянскаго и средняго сословія, но лучшее, важнѣйшее и значительнѣйшее, что онъ сдѣлалъ на своемъ вѣку, это картина: «Приходъ колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875). Здѣсь чуть не цѣлая деревня на сценѣ, всё собрались въ избу, которой стѣны увѣшаны свадебными полотенцами, всё сидятъ за длиннымъ столомъ, и вдругъ, какъ привидѣніе, вошелъ колдунъ, со своими длинными лычками у пояса, которыми можетъ «связать» кого захочетъ. Онъ стоитъ какъ гровая статуя, онъ уже собирается ступить за очерченный мѣломъ на полу кругъ. И вся

толпа народа въ испугѣ, потому что они всё добрые вѣрующіе, «батюшка» тоже всталъ со своей скамейки и косится на врага своего, дьяконъ съ сіяющимъ крестомъ на груди разумно растолковываетъ дѣло новобрачнымъ, онъ успокоиваетъ; старухи и старики страшно взволнованы, молодежь опустила балалайку, готовую-было раздаться, мать заботливо толкуетъ кое-что на ушко только-что повѣнчанной молодой, мужъ стоитъ смиренно и покорно, ничего не умѣя ни сказать, ни сдѣлать, старики отецъ съ матерью съ заискивающимъ поклономъ встрѣчаютъ колдуна. Какая глубокая, какая талантливая картина деревенской вѣры и того обихода мысленнаго, чѣмъ поколѣнія вѣкъ живутъ у себя, по далекимъ деревнямъ! Послѣ этой чудесной картины, (къ несчастію нѣсколько черной по колориту) Максимовъ не написалъ ни одной, равняющейся ей по ширинѣ и многообъемлющей правдивости и юмору. Его «Раздѣлъ имущества въ крестьянской семьѣ», передъ выборными судьями (1876), его «Бѣдный ужинъ» (1879) были очень талантливыми картинами, необыкновенно вѣрно и характерно передающими истинную крестьянскую дѣйствительность, интересы и характеры, а послѣдняя его картина: «Больной» (1881), явилась истинно-драматическою картиною, полною глубочайшаго и интереснѣйшаго чувства: она состояла изъ двухъ только фигуръ—мужа крестьянина, лежащаго въ забытьѣ, въ тяжкомъ недугѣ, на бѣдной кровати, подъ кожухомъ вмѣсто всякаго одѣяла, съ чашкой воды подлѣ, на скамейкѣ, вмѣсто всякаго лекарства, и жены, въ нѣмомъ отчаяніи бросившейся, у него въ головахъ, на колѣни передъ образомъ на стѣнкѣ—у ней вечѣмъ больше лечитъ несчастнаго мученика, не къ кому больше обращаться. Все это были прекрасныя картины, полныя истины и интереса, но отъ Максимова надо ожидать еще новыхъ широкихъ «хоровыхъ» картинъ, въ родѣ его «Колдуна».

Лучшая картина Савицкаго, тоже съ «хоровымъ» значеніемъ, это «Встрѣча иконы». Въ этой картинѣ у Савицкаго огромный шагъ впередъ противъ всѣхъ прежнихъ его произведеній, какъ ни даровиты, впрочемъ, они были (напр. «Посѣщеніе больного сына въ военномъ лазаретѣ» 1870, «Работы на желѣзной дорогѣ» 1874 г.). Здѣсь изображена та сцена, какъ принимаютъ въ деревнѣ икону, превезенную протопопомъ съ дьячками. Вся деревня бѣжитъ стремглавъ къ большой дорогѣ, гдѣ остановился тарантасъ «батюшки». Самъ батюшка, уже въ камилавкѣ, уже въ ризѣ и съ крестомъ на груди, съ трудомъ вылѣзаетъ изъ своего экипажа, поддерживаемый запятымъ служкой, крѣпко прижавшимъ подъ мышкой вружку для добротныхъ подаваній; другой дьякъ, за тарантасомъ, у

своей телѣги, съ аппетитомъ нюхаетъ табачокъ; вѣчеръ сидитъ на козлахъ, безъ шляпы, но повязавши уши платкомъ; почетный старикъ, церковный староста, держитъ съ мальчиномъ привезенную икону на пологенцѣ, а передъ нею уже творитъ свое поклоненіе, жарко кланяясь въ землю, или въ фанатическомъ восторгѣ взглядывая на нее, всѣ успѣвшіе уже прибѣжать; другіе бѣгутъ издали, торопливо на всемъ скаку вдѣвая руку въ шпунтъ. Благочестивое, искреннее чувство, привычное равнодушіе, комизмъ и юморъ слились среди всего этого въ чудесную, талантливейшую сцену, какихъ слишкомъ немного даже среди самыхъ талантливыхъ русскихъ картинъ. Одно только нѣсколько портитъ общее впечатлѣніе: сѣрый, мутный тонъ, отъ котораго Савицкій не освободился и въ слѣдующей большой картинѣ своей (въ первой ея редакціи): «На войну!», изображающей сцену на дебаркадерѣ желѣзной дороги, цѣлую толпу солдатъ, расстающихся со своими женами, родными и близкими. Впрочемъ, несмотря на многіе недостатки, и въ этой картинѣ было много правды и чувства.

VII.

Еще съ прошлаго вѣка, у насъ бывало всегда не мало отличныхъ или по крайней мѣрѣ хорошихъ портретистовъ. Даже въ тѣ времена, когда всякая иная живопись стояла у насъ на очень низкомъ уровнѣ, живопись портретная являлась съ созданіями высокой талантливости и значительности. Такъ, напр., во времена Екатерины II, при полномъ упадкѣ художественнаго вкуса и творчества, у насъ были Левицкій и Боровиковскій, чьихъ портреты, хотя по большей части только придворные и парадные, дышатъ поразительной жизненностью, правдой и колоритностью. При Александрѣ I, во время полнѣйшаго царства академичности, у насъ являются портреты Волкова (ученика Левицкаго), Варнека и Кипренскаго, которые стоятъ гораздо выше всѣхъ картинъ Егорова и Шебуева. При Николаѣ I, Брюлловъ написалъ цѣлый рядъ портретовъ, истинно талантливыхъ и правдивыхъ, стоящихъ неизмѣримо выше всей остальной его живописи, слабой или ничтожной по содержанію, фейерверочной и пестрой по письму. Такіе портреты, какъ — князей Голицына и Оболенскаго, Крылова, собственный портретъ Брюллова и многіе другіе — крупныя созданія истиннаго искусства. Ученики Брюллова, Тырановъ и Капковъ, писали также хорошіе пор-

третей. Заряно, въ началѣ своей художественной карьеры, написалъ нѣсколько истинно превосходныхъ портретовъ, напр., портретъ вице-президента академіи художествъ, гр. Толстого, гѣвца Петрова, и лишь впоследствии впалъ въ манерность, сухость и щепетильность. Но, за исключеніемъ портретовъ екатерининской эпохи, лучшіе портреты нашей школы — это портреты, явившіеся на свѣтъ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, въ продолженіе царствованія Александра II.

Первымъ выступилъ на сцену К. Е. Маковский. Къ писанію портретовъ у него была страсть, истинное призваніе съ раннихъ лѣтъ, съ 16—17 лѣтняго своего возраста. Результатомъ вышло, что портреты — лучшія созданія Маковского. Одна «Масляница» составляетъ исключеніе; никакія другія картины его, въ томъ числѣ даже самыя блестящія и эффектныя по колориту, какъ-то, напр., «Праздникъ ковра въ Каирѣ» (1876) или «Болгарскія мученицы» (1877), не могутъ идти съ ними въ сравненіе. Количество написанныхъ Маковскимъ портретовъ громадно, и, что составляетъ исключеніе у новыхъ русскихъ живописцевъ, между этими портретами очень много портретовъ женскихъ и дѣтскихъ. Всѣ вообще портреты Маковского писаны широкою, иногда даже слишкомъ размахистою кистью; они отличаются изяществомъ, элегантностью, блестящимъ колоритомъ, что вполне въ нихъ идетъ, особенно потому, что въ большинствѣ случаевъ это все портреты аристократовъ и аристократокъ, графовъ, князей и знатныхъ дамъ. Изрѣдка иные изъ портретовъ бываютъ, въ сожалѣнію, немножко прикрашены. Лучшими, по выраженію натуры и личности, и по изяществу колорита, слѣдуетъ, по моему, признать большую картину, заключающую портреты матери, жены и дѣтей художника (1872), портреты: гѣвца Петрова (1870), сенатора Веймарна, нѣсколько портретовъ жены и дѣтей художника (1881 и 1882) и, можетъ быть, выше всего, грудной портретъ императора Александра II, написанный однимъ горячимъ взмахомъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ кончины императора. По силѣ, сосредоточенности эффекта, по горячности и мастерству исполненія, я признаю этотъ талантливый, быстрый набросокъ достойнымъ товарищемъ къ портрету Брюллова, написанному имъ самимъ (только рисунокъ не безупреченъ).

Въ началѣ 60-хъ годовъ, одновременно со своею «Тайною вечерью» принимается за портреты Ге. Но у него вышло только два замѣчательныхъ портрета, и именно пока онъ былъ въ Италіи: портретъ одного знаменитаго русскаго литератора, и портретъ флорентинскаго доктора Шиффа. Къ сожалѣнію, первый

слишкомъ красенъ. Всѣ остальные его портреты, писанные позже въ Россіи, уже мало ему удались.

Въ 1865 году, явился портретъ Плѣшанова, написанный его сыномъ, художникомъ мало значительнымъ, но на этотъ разъ создавшимъ нѣчто очень характерное и талантливое.

Въ 1867 году, явился портретъ канцлера Горчакова, написанный Калеромъ, художникомъ также не особенно даровитымъ, но проявившимъ здѣсь хорошую характеристику и краски очень замѣчательныя. Послѣдующіе портреты этого художника: графа Зубова (1873), барона Фридрихса, въ блестящей конно-гвардейской формѣ и въ латахъ (1875), Е. И. Ламанскаго (1876), и другіе оказались гораздо ниже по фактурѣ и натуральности. Въ нихъ присутствуетъ даже нѣкоторая непріятная прилизанность.

Съ 1868 года берется за портреты Перовъ, до тѣхъ поръ писавшій свои великолѣпныя картины лишь въ малыхъ размѣрахъ. Перовъ съ перваго же шага вышелъ мастеромъ, и все только съ каждымъ годомъ совершенствовался. Послѣ него осталась пѣлая галерея такихъ портретовъ, которые принадлежать къ числу самыхъ крупныхъ его произведеній, и вмѣстѣ къ числу значительнѣйшихъ созданій всей вообще русской школы. Между ними портреты: купца Камынина, Погодина, Достоевскаго, Даля, Писемскаго, Островскаго, А. Майкова, Безсонова, написанные въ интерваллѣ между 1868 и 1872 годами—истинно великія созданія. Перовъ вовсе не писалъ женскихъ портретовъ, но за то мужскіе его портреты поразительны по присутствующей въ нихъ жизни, глубокому выраженію особеннаго характера каждой отдѣльной личности, по необыкновенной простотѣ и естественности. Эти всѣ люди живутъ и дышатъ.

Вслѣдъ за Перовымъ выступаетъ на сцену другой портретистъ съ громаднымъ талантомъ, Крамской. Уже первый значительный его портретъ, портретъ Шевченки (1871) сразу показалъ, какою у насъ новый портретистъ народился. Въ продолженіе десяти лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, Крамской шелъ впередъ быстрыми шагами. Сначала онъ какъ будто боялся красокъ, или не любилъ ихъ: многіе превосходные портреты его товарищей по академіи написаны имъ въ 1871 и 1874 году еще одной серіей (Васильевъ, М. К. Клодтъ, Антокольскій, Васнецовъ), но скоро онъ сродняется съ краской все болѣе и болѣе, и въ послѣднее время владѣетъ ею уже свободно и мастерски. Крамскимъ писаны портреты личностей изъ всѣхъ слоевъ общества, отъ темныхъ мельниковъ (1873) и лѣсниновъ (1874)—и до высшихъ аристократовъ русской мысли, интеллигенціи и худо-

жественнаго или научнаго творчества. Вездѣ онъ явился мастерскимъ, глубокимъ выразителемъ натуры, характера, личности, душевнаго и интеллектуальнаго облика. Долгое время Крамской писалъ все только мужчинъ, преимущественно мужчинъ средняго возраста, и вовсе не писалъ стариковъ, дѣтей и женщинъ; но потомъ это измѣнилось, и въ послѣдніе годы онъ написалъ нѣсколько женскихъ портретовъ первокласснаго достоинства. Въ ряду множества портретовъ, написанныхъ Крамскимъ, превосходныхъ много, но самыя замѣчательныя, на мой взглядъ, слѣдующіе: два портрета графа Льва Толстаго (1873), передающіе всю могучесть и простоту этого оригинальнаго человѣка; живописца Шишкина (1874 и 1880, первый во весь ростъ, среди поля, второй поколѣнный); писателей Гончарова (1875) и Григоровича (1876)—второй неудовлетворителенъ по колориту, но неподражаемъ по характеристикѣ и выраженію человѣка, точно будто говорящаго губами и глазами; жены художника (1877), пѣвицы Лавровской (1879)—на концертной эстрадѣ и окруженной аплодирующею ей публикою; редактора «Прав. Вѣстника» Данилевскаго, архитектора Богомолова, барона Гинцбурга, С. П. Боткина; но выше всѣхъ мнѣ кажутся портреты: живописца Литовченки (1879)—поразительный по огню, страстности и жизненности быстро исполненія, похожаго на экспромтъ, и еще одного литератора (1881), столько же поразительный по необычайной жизненности какъ и по великолѣпному выраженію тысячи мелкихъ, отталкивающихъ и отрицательныхъ сторонъ этой натуры. Такіе портреты навсегда, какъ гвоздь, прибиваютъ человѣка къ стѣнѣ.

Вскорѣ послѣ Крамского выступилъ еще одинъ художникъ съ выходящимъ въ ряду вонъ талантомъ, Рѣпинъ. Одно изъ первыхъ крупныхъ его созданій—большая картина съ множествомъ портретовъ русскихъ, польскихъ и чешскихъ музыкантовъ для концертной залы Славянскаго Базара въ Москвѣ (1872), о которой говорено уже выше. Впослѣдствіи, одновременно съ большими своими картинами онъ написалъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ портретовъ, играющихъ въ ряду его произведеній такую-же роль, какъ портреты въ ряду прочихъ произведеній Перова. Главныя между ними—мужскіе портреты: Протодіаконовъ (1877), Писемскій (1881), Рубинштейнъ, народный пѣвецъ Щеголенковъ, писатель Фетъ, живописецъ Пахитоновъ, горбунъ-нищій, сектаторъ Сютаевъ (всѣ 1882); но есть также и превосходныя женскіе портреты, высшій между ними портретъ жены художника, сидящей въ креслѣ (1882). Но, по моему, самый

талантливый, самый огненный, самый вдохновенный и поразительный по вѣсти—это грудной портретъ Мусоргскаго, написанный въ 1881 году, въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, во время смертельной болѣзни этого композитора, въ три приема всего за нѣсколько дней до его кончины. Этотъ портретъ—одинъ изъ величайшихъ chefs-d'oeuvre'овъ русской школы.

Въ 70-хъ годахъ, и живя въ Парижѣ, Харламовъ написалъ нѣсколько превосходныхъ портретовъ, лучший изъ нихъ портретъ знаменитой Виардо-Гарсиа, въ манерѣ Рембрандта, особенно пристально изученнаго Харламовымъ.

Наконецъ, послѣднимъ явился Ярошенко. Его портреты: собственной матери (1877), полковника Яковлева, нѣсколькихъ молодыхъ людей и дѣвицъ, доктора Сердечнаго, г-жи Савенковой (1882) и т. д., превосходны по простотѣ, натуральности, по переданному характеру. Этого художника можно назвать по преимуществу портретистомъ современнаго молодого поколѣнія, котораго натуру, жизнь и характеръ онъ глубоко понимаетъ, схватываетъ и передаетъ. Въ этомъ главная его сила.

VIII.

Пейзажная живопись—одна изъ лучшихъ славъ русскаго искусства, давно признаваемая уже и въ остальной Европѣ. И все-таки, дѣйствительно талантливые пейзажи появились у насъ недавно, лишь съ царствованія императора Николая I. Старинные наши живописцы, впрочемъ заботившіеся объ одной Италіи, изображавшіе одну ея природу, или старавшіеся перенести въ намъ Италію, всѣ эти Щедрины, Алексѣевы и т. д., всѣ эти подражатели Пуссеновъ, Клодъ-Лорреновъ, Сальваторовъ Розъ, Рюйсдалей и иныхъ, пользовались въ свое время великой репутаціей, но были ужасны по своей деревянности, классичности и табуерочной живописи.

Проблески чего-то лучшаго проявилъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, Лебедевъ, впрочемъ тоже признававшій одну Италію. Послѣ него, у насъ довольно долго держалась школа подражателей Калама. Но явился Айвазовскій и создалъ свою собственную манеру, принесъ свое собственное поэтическое чувство и свой собственный взглядъ на природу; въ несчастію, его манера впоследствии перешла почти въ рутину. Однакоже, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, онъ написалъ нѣсколько хорошихъ, своеобразныхъ картинъ: «Овцы, загнанныя въ море» (1861), «Бура подъ

Евпаторіей» (1861), «Бура у береговъ Чернаго моря» (1875), «Передъ стрижкой овецъ, на берегу Чернаго моря, въ Крыму» (1878), «Черное море» (1881) и др.

Другой художникъ, унаслѣдованный еще отъ царствованія Николая I-го — Боголюбовъ. Лучшія его картины написаны, однакоже, въ послѣднія 25 лѣтъ. Нѣсколько видовъ Петербурга со взморья и съ Невы, особливо чудесный его «Ледоходъ» (1873), Москва (1875 и 1878), видъ изъ Трувилля (1878), Венеція (1879), Нижній-Новгородъ (1879), «Фрегатъ въ бурю» (1875), «Битва при Гангеудѣ» (1876), «Дѣло Скрыдлова» (1882), послѣдняя картина одна изъ самыхъ капиталнѣйшихъ, и другія — вотъ что составляетъ богатый вкладъ этого художника.

Баронъ М. К. Клодтъ — живописецъ поэтическихъ сельскихъ настроеній. Великолѣпныя его «Осень» (1863) и «Полдень» (1870), «Вечерній видъ въ деревнѣ» (1874), «Аллея въ березовой рощѣ» (1867), «Закатъ солнца» (1874) и многія другія картины — превосходны.

Къ той-же эпохѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ относятся лучшія созданія Шишкина, главный объектъ котораго — лѣсъ, въ безчисленныхъ его видахъ, сценахъ и проявленіяхъ. «Лѣсъ на островѣ Валаамѣ» (1860), «Окрестности Москвы» (1872), «Березовый лѣсъ» (1872), «Сосновый боръ» (1872), чудесная его «Лѣсная глушь» (1872), «Еловый лѣсъ» (1876), «Горѣлый лѣсъ» (1878), «Дубовый лѣсъ» (1877), и множество другихъ превосходныхъ пейзажей появлялись постоянно на выставкахъ Товарищества передвижныхъ выставокъ.

Жена и ученица Шишкина, г-жа Лагода-Шишкина обѣщала сдѣлаться одною изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ художницъ, къ несчастію она была слишкомъ рано унесена смертью. Ея произведенія изящны, правдивы и поэтичны; довольно уважать на ея «Этюдъ лѣса» (1880) и «Тропинку» (1881). — Другія наши пейзажистки (г-жи Маковская, Куріаръ и Юнге) занимаются не безъ успѣха и даровитости своимъ дѣломъ.

Необыкновенно талантливый Васильевъ начиналъ какъ немногіе, и умеръ отъ чахотки, едва успѣвъ написать нѣсколько картинъ. За то картины эти истинные chefs-d'oeuvre по натуральности и правдивости: «Зима» (1870), «Оттепель» (1871), «Мокрый лугъ» (1872), «Взморье» (1872). «Оттепель и Мокрый лугъ» — совершеннѣйшія его произведенія.

Саврасовъ особенно знаменитъ по своей поэтической картинѣ «Грачи прилетѣли» (1871), но у него есть еще нѣсколько хорошихъ картинъ: «Близъ Сухаревой башни», «Весна» (1872),

«Зима» (1873), «Лосинный островъ въ Сокольникахъ» (1878) и другія.

Клевверъ долго изображалъ, впрочемъ, очень талантливо, все только зиму, деревню и красный закатъ солнца на горизонтѣ; въ послѣднее время онъ значительно расширилъ свою программу, и сталъ брать сюжеты гораздо болѣе разнообразныя. Лучшія его новѣйшія картины: «Сумерки» (1879), «Лѣсъ» (1880), «Лѣсная глушь» (1880), «Поздней осенью» (1881).

Ученикъ Боголюбова, и манера котораго иногда похожа на манеру его учителя, Беггровъ, написалъ до сихъ поръ нѣсколько прекрасныхъ и сильно живописныхъ видовъ: «Гавань въ Гаврѣ» (1876), «Устье Невы» (1879), «Нева, видъ на Бердовъ заводъ» (1879).

Н. Е. Мавовскій, талантливый какъ все его семейство, написалъ не мало прекрасныхъ видовъ. Лучшіе между ними: «Нижній-Новгородъ» (1878), «Деревня» и «Каирскіе виды».

Мещерскій писалъ хорошіе и довольно своеобразныя пейзажи со льдомъ и льдинами, иногда эффектно освѣщенными солнцемъ; Дюкверъ—очень талантливыя виды изъ прибалтійскихъ мѣстностей.

Орловскій писалъ равно прекрасно неаполитанскіе и крымскіе, средне-русскіе и сѣверно-русскіе пейзажи, лѣсъ и берегъ морской, паркъ и повошь, болото и деревню, кавказскіе ручьи и малороссійскіе хуторки; въ сожалѣнію его картины стали, въ послѣднее время, слишкомъ многочисленны, а это иногда наноситъ ущербъ искренности и поэтичности впечатлѣнія, оконченности работъ.

Волковъ—одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ пейзажистовъ нашихъ; «Въ лѣсу по веснѣ» (1877), «Старая просѣка» (1879), «Топкое болото» (1879), «Лѣсъ на болотѣ» (1881), «На разсвѣтѣ» и «Тихій день» (1882),—въ нихъ часто есть не мало поэтичности.

Отъ всѣхъ этихъ пейзажистовъ совершеннымъ особнякомъ стоитъ Куинджи. Онъ не отличается ни глубиною, ни шириною постиженія; изображеніе разнообразныхъ составныхъ формъ пейзажей: деревьевъ, земли, воды—не всегда у него непогрѣшительно, но свѣтовые эффекты солнца и луны почувствованы и передаются имъ съ такою оригинальною, правдою, поэтичною и новизною, которые для всѣхъ остальныхъ пейзажистовъ почти вполне недоступны. Если бы онъ написалъ только свой «Видъ Финляндіи» (1873), «Забытую деревню» (1874), «Степь» (1875), «Чумацкій трактъ» (1876)—онъ былъ-бы только хорошій пейзажистъ, какихъ можно указать еще нѣсколько. Но послѣ «Лун-

ной ночи въ Украинѣ» (1878), «Лѣса» (1878), «Березовой роши» (1879), «Ночи на Днѣпрѣ» (1880), онъ отдѣлился отъ всѣхъ прочихъ товарищей своихъ, и пошелъ по своей собственной, крайне оригинальной дорогѣ. Успѣхъ его въ публикѣ былъ громаденъ. Каковы бы ни были недочеты въ талантѣ Куинджи, несомнѣнно, что онъ внесъ новую ноту въ искусство, и его «открытія» должны непременно сдѣлаться достояніемъ всѣхъ школь и всѣхъ пейзажистовъ.

Нѣкоторыми частями своей техники, огненнымъ освѣщеніемъ и разными вѣшними приспособленіями своихъ выставокъ Куинджи отчасти соприкасается съ декорационною живописью въ театрѣ и панорамахъ. На него часто за это нападали. Я, со своей стороны, ничего не нахожу въ этомъ оскорбительнаго, ни предосудительнаго для искусства: можетъ быть, въ послѣдствіи всѣ художественныя выставки будутъ пользоваться этими вспомога-тельными средствами, особливо тогда и тамъ, гдѣ не хватаетъ солнца и дневнаго свѣта. Смѣлость и починъ Куинджи кажутся мнѣ вполне превосходными.

Что касается до собственно-декоративной живописи, то въ теченіе послѣдней четверти столѣтія здѣсь выразился очень значительный успѣхъ и сильное движеніе впередъ. Пейзажныя декорации Бочарова и архитектурныя Шипкова, чрезвычайно многочисленныя, и потому здѣсь неперечисляемыя, это созданія крупныхъ и своеобразныхъ художниковъ. Всего больше они проявили таланта при постановкѣ глубоко-національныхъ оперъ: «Жизни за Царя», «Руслана», «Русалки», — Глинки, Даргомыжскаго и слѣдовавшихъ за ними прочихъ новыхъ нашихъ композиторовъ. Превосходна также была постановка и нѣкоторыхъ драмъ, всего болѣе «Смерти Ивана Грознаго» гр. Ал. Толстого: кромѣ талантливыхъ нашихъ декораторовъ, въ этой постановкѣ принималъ величайшее участіе такой крупный талантъ, какъ Шварцъ, точно такъ же, какъ въ постановкѣ «Руслана», въ 1871 г. принимали значительное участіе талантливые архитекторы Горностаевъ (И. И.) и Гартманъ; этотъ послѣдній, также, въ постановкѣ «Вражьей силы» Сѣрова (1872) и нѣкоторыхъ балетовъ того времени.

Настоящій обзоръ представилъ, я надѣюсь, не взирая на свою быстроту, достаточно матеріаловъ для доказательства того, какъ сильно и своеобразно развивалось наше искусство въ послѣднюю четверть столѣтія. Подъемъ духа общества благодѣтельно отражался на художникахъ и ихъ созданіяхъ. Они все болѣе

и болѣе захватывали жизнь въ свою область. Теперь остается только ожидать, что съ каждымъ годомъ подъемъ и разростаніе духа художниковъ будутъ только увеличиваться. Надо имъ желать, чтобъ при несомнѣнной, оригинальной ихъ талантливости, наши художники еще пристальнѣе осмотрѣлись вокругъ себя и наметили себѣ, какъ матеріалъ, какъ объектъ изображенія, сотни и тысячи сюжетовъ, до сихъ поръ все еще не тронутыхъ и въ высшей степени значительныхъ. Мелкія сцены и событія, какъ иногда ни интересны, должны будутъ все болѣе и болѣе отходить на дальній планъ и давать мѣсто такимъ сценамъ и событіямъ, гдѣ на сценѣ жизнь, люди и характеры самаго послѣдняго времени. Здѣсь трагедія и комедія—непостижны.

В. Стасовъ.

ЗАПАДНАЯ ЛЕГЕНДА

ДОКТОРЪ ФАУСТЪ

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИССЛЕДОВАНІЯ.

Окончаніе.

V*).

Третья часть первой литературной обработки легенды о Фаустѣ занята, главнымъ образомъ волшебными похождениями ея героя. Изъ 69 главъ «editionis principis», 1587 года, исторіи Фауста, около 30 посвящены этому предмету. Откуда же взялась такая масса рассказовъ? Принадлежать ли они исключительно Фаусту или перенесены на него отчасти изъ жизни другихъ волшебниковъ, пользовавшихся извѣстностью въ предшествующую эпоху. Первое предположеніе невѣроятно уже à priori. На самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы въ такой короткій срокъ между смертью дѣйствительнаго Фауста и изданіемъ обработки Шписа (maximum 40 лѣтъ) составила такая масса оригинальныхъ рассказовъ.

Рассказы о волшебныхъ дѣйствіяхъ Фауста начинаются описаніемъ вызова тѣни Александра Великаго и его супруги, по желанію императора Карла V. Вызовъ тѣней—самое обыкно-

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 263.

венное дѣло у волшебниковъ, начиная съ библейской Лэндорской волшебницы до Фауста включительно. Непосредственныхъ источниковъ для этого разсказа было у Шписа два: Лютеръ и Лерхэймеръ. Тотъ и другой разсказываютъ о современникѣ Фауста, Триттенгеймѣ. По словамъ Лютера, онъ вызвалъ для императора Максимилиана тѣни Александра Великаго, Юлія Цезаря и Маріи Бургундской, жены Максимилиана. Лерхэймеръ подробно описываетъ появленіе только послѣдней тѣни. Шпись замѣняетъ Максимилиана Карломъ V, Триттенгейма—Фаустомъ, заимствуетъ у Лютера разсказъ объ Александрѣ и на мѣсто Маріи подставляетъ Роксану, взявъ подробности опять у Лерхэймера ¹⁾.

Три главы (34, 35 и 57) перваго изданія заняты у Шписа слѣдующимъ разсказомъ: Фаустъ, находясь при дворѣ императора Карла V, увидѣлъ однажды спящаго рыцаря, барона фонъ-Гарбена, и приладилъ ему рога. Хотя потомъ рога были сняты, однако, рыцарь рѣшилъ наказать дерзкаго волшебника и, устроивъ ему засаду, напалъ на него съ семью своими слугами. Но Фаустъ чарами вызвалъ для защиты цѣлое войско и наказалъ враговъ тѣмъ, что снова присадилъ всѣмъ имъ рога.

Подобный разсказъ находится и въ «Застольныхъ бесѣдахъ» Лютера. Одинъ черновнижникъ, шутки ради, присадилъ рога императору Фридриху, потомъ, однако, освободилъ его отъ такого украшенія. Имя волшебника тамъ не названо. Шпись, приписывая эту продѣлку Фаусту, нарочно, можетъ быть, измѣнилъ императора въ рыцаря.

Въ 37-й главѣ разсказывается о томъ, какъ Фаустъ ѣздилъ съ тремя графами на волшебномъ плащѣ изъ Виттенберга въ Мюнхенъ на свадьбу къ сыну герцога Баварскаго. Волшебникъ поставилъ условіемъ, чтобы они всѣ дорогою и на свадьбѣ молчали. Прибывъ благополучно на свадьбу, они остались невидимыми для другихъ; но одинъ изъ нихъ обмолвился, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, изъ которой Фаустъ потомъ его освободилъ. Прочіе благополучно вернулись домой. Много сказаній основано на чисто народномъ вѣрованіи, лежащемъ въ

¹⁾ Тщательность подражанія Лерхэймеру доходитъ здѣсь до странности, если не до абсурда. У Лерхэймера говорится: „Пораженный сходствомъ, императоръ вспомнилъ, что у нея (Маріи) было на шеѣ *черное пятнышко*, которе присматрѣвшись замѣталъ и у тѣни, когда она еще разъ проходила мимо“. Шпись пишетъ: „Императоръ, желая болѣе убѣдиться (въ дѣйствительности тѣни Роксаны) вдругъ вспомнилъ: я часто слышалъ, что у нея было на затылкѣ *большое черное пятно*, и съ этими словами подошелъ посмотрѣть, есть ли пятно у тѣни, и дѣйствительно нашелъ его. Откуда же могъ узнать Карлъ V о пятнѣ у Роксаны?

основѣ и этого разсказа, о коврахъ-самолетахъ или волшебныхъ плащахъ. Такъ, одинъ съ помощью волшебнаго плаща отнесъ на родину своего любимца Годдинга, раненаго въ битвѣ. Соломонъ, по мусульманской легендѣ, леталъ на коврѣ съ цѣлымъ войскомъ. Но этотъ разсказъ заимствованъ Шписомъ у Лерхеймера, который упоминаетъ о волшебникѣ (не называя имени), прилетѣвшемъ на плащѣ изъ Саксоніи въ Парижъ и явившемся въ залу, наполненную гостями. По обыкновенію, Шписъ, перенося преданіе на Фауста, измѣняетъ мѣсто дѣйствія.

О полетѣ—только не на коврѣ, а на лѣстницѣ, упоминается въ разсказѣ о томъ, какъ Фаустъ съ студентами посѣтилъ винный погребъ Зальцбургскаго епископа. Этимъ разсказомъ начинается описаніе Фаустовой масляницы. Студенты расположились на ступенькахъ лѣстницы и благополучно прибыли изъ Виттенберга на мѣсто прогулки; во время пира въ епископскомъ погребѣ пришелъ туда сторожъ, котораго Фаустъ задержалъ и, отправляясь домой, захватилъ съ собой, но дорогой посадилъ на высокую ель. Студенты съ Фаустомъ вернулись домой, а сторожа на другой день сняли съ дерева и доставили въ Зальцбургъ. Разсказъ заимствованъ у Лерхеймера, съ замѣною только Виттенберга Мейссеномъ.

Далѣе, Шписъ приводитъ цѣлый рядъ разсказовъ о томъ, какъ Фаустъ съ помощью волшебства угощалъ своихъ пріятелей. Въ 44-й главѣ, описывается пышный обѣдъ, на который Фаустъ пригласилъ графа Ангальтскаго и его свиту; прислуживалъ Вагнеръ, а блюда невидимо передавалъ ему духъ. Угощая волшебнымъ пиромъ студентовъ, Фаустъ самъ разсказываетъ, что всѣ кушанья духъ достаетъ ему изъ погребовъ знатныхъ лицъ. Въ другой разъ самое приготовленіе обѣда происходитъ при студентахъ. Фаустъ выставляетъ за окно жердь, на которую садятся разныя птицы; ихъ тутъ же ловятъ и ощипываютъ.

Въ основѣ этихъ разсказовъ лежитъ приведенное выше описаніе Гондорфомъ обѣда съ Фаустомъ въ Базелѣ. Подобныя же разсказы существовали объ Іоганнѣ Тевтоникѣ, Альбертѣ Великомъ и другихъ.

Кромѣ волшебныхъ пировъ, Фаустъ устраивалъ волшебныя замки и сады. Въ обработкѣ Шписа встрѣчаются два такихъ разсказа: въ одномъ замкѣ Фаустъ далъ пиръ графу Ангальтскому; кромѣ зданія, при замкѣ былъ волшебный паркъ, наполненный разными звѣрями; среди парка блестяли озера, наполненные рыбами. Въ другомъ мѣстѣ разсказывается, какъ Фаустъ въ своемъ

саду въ Виттенбергѣ угощаль дамъ, и несмотря на зиму, садъ былъ въ полномъ цвѣтѣ.

Преданія о волшебныхъ замкахъ были чрезвычайно распространены въ средніе вѣка. Непосредственнымъ источникомъ для Шписа служилъ рассказъ объ Альбертѣ Великомъ, который угощаль, подобно Фаусту, Вильгельма Голландскаго. Находясь при дворѣ графа Ангальтскаго, Фаустъ спросилъ однажды его жену, находившуюся въ интересномъ положеніи, не чувствуетъ ли она аппетита къ какому-нибудь особенному кушанью, какъ это часто бываетъ въ ея положеніи? Она сказала, что охотно съѣла бы винограду, но въ это время его нельзя достать (дѣло было зимою). Фаустъ тотчасъ взялъ блюдо, выставилъ его за окно; черезъ минуту блюдо было полно винограду, который духъ принесъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ онъ зрѣетъ въ это время года. Подобные рассказы существуютъ и о другихъ магахъ; въ данномъ случаѣ, какъ и во всей исторіи съ графомъ Ангальтскимъ, Шписъ пользовался легендой объ Альбертѣ Великомъ, который буквально также досталъ устрицъ для Вильгельма Голландскаго.

Въ 51-й главѣ помѣщенъ рассказъ о томъ, какъ Фаустъ во Франкфуртѣ наказалъ за наглость другого волшебника. Въ одной изъ гостинницъ этого города четыре волшебника показывали публикѣ такое чудо: срубали другъ другу головы, отдавали ихъ обрить цирюльнику и потомъ снова приставляли. Головы быстро срослись съ туловищемъ. Одинъ изъ этихъ четырехъ волшебниковъ, ихъ учитель, силою колдовства заставлялъ выростать лилію на столѣ, пока цирюльникъ брилъ голову. Фаустъ, присутствовавшій при этомъ рѣшился наказать старшаго волдуна за наглость: подошелъ къ столу и срубилъ лилію. Отрубленная голова не могла послѣ этого прирости къ туловищу ¹⁾.

Изъ весьма многихъ рассказовъ о волшебныхъ дѣяніяхъ такого рода ²⁾ источникомъ для Шписа послужилъ тотъ, который приводитъ Лерхэймеръ: «Нѣкій дворянинъ A. von Sh. часто срубалъ, такимъ образомъ, головы и каждый разъ выростала лилія; но однажды другой магъ, срубавъ лилію, помѣшалъ волшебству.

Вѣрованіе, что съ помощью волшебства можно приобрести лю-

¹⁾ Любопытна подробность о лиліи. Уже Шписъ выражается, что это „корень жизни“; въ этомъ случаѣ въ нее переходитъ на время душа. Переходъ души въ растеніе, а въ особенности въ розу и въ лилію—очень распространенное неэтическое вѣрованіе; Гриммъ видитъ въ этомъ остатокъ вѣри въ метемпсихозисъ (Deutsche Myt. p. 786—87).

²⁾ Это рассказывалось о Симонѣ Волкѣ, Тентоннѣ, евреѣ Седекіи; встрѣчается также у Гондорфа.

бовъ женщины, было также весьма распространено въ средніе вѣка. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ такого рода былъ волшебный перстень ¹⁾. Такой рассказъ есть и о Фаустѣ: посредствомъ особенной воды, которая доставляла необыкновенную прелесть лицу, и перстня Фаустъ помогъ одному Виттенбергскому юношѣ добиться взаимности у предмета своей страсти.

Кладовскатели и кладовопатели хорошо извѣстны среднимъ вѣкамъ и первымъ столѣтіямъ новой исторіи. Вѣра въ заколдованные клады и въ особенныя волшебныя средства для ихъ отысканія живетъ и до сихъ поръ въ народной массѣ. Волшебныя книги учили, какъ добывать клады. Странствующие схоластики занимались, между прочимъ, и отысканіемъ кладовъ. О Фаустѣ также ходили такія слухи. Около Виттенберга, близъ одной старой капеллы нашель онъ кладъ, который охранялъ огромный «червь» ²⁾. Сначала найденныя сокровища казались угольями, но когда Фаустъ принесъ ихъ домой, они превратились въ золото и серебро.

Два разсказа въ книгѣ Шписа, которые трактуютъ о томъ, какъ Фаустъ ослѣпилъ на время студентовъ и сдѣлалъ нѣмыми крестьянъ, слишкомъ безличны, слишкомъ лишены подробностей, — чтобы быть распространенной легендой.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ сценъ въ простонародномъ духѣ; въ нихъ Фаустъ является простымъ шарлатаномъ, а иногда площаднымъ фиглярномъ. Такъ, пируя на масляницѣ со студентами, Фаустъ показываетъ имъ разные фокусы: то раздастся вдругъ оркестръ музыки, то посуда начинаетъ танцовать по столу, или даетъ Фаустъ пѣтуху немного вина, и онъ засвиститъ; то вдругъ телячья голова, поданная къ ужину, заговоритъ человѣчьимъ голосомъ. Первый изъ этихъ разсказовъ составляетъ повтореніе эпизода, случившагося при первомъ заклинаніи Фаустомъ дьявола. Движеніе же неодушевленныхъ предметовъ—вещь самая обыкновенная въ волшебныхъ разсказахъ. Далѣе, Фаустъ съѣлъ возъ сѣна, вмѣстѣ съ крестьяниномъ, лошадью и телѣгой въ Готѣ; точно также съѣлъ онъ возъ сѣна въ Цвикау, купивъ у продавца за крестецъ позволеніе поѣсть его товара, сколько захочется. Оба эти разсказа изложены подробно и живо; оба они очень распространены и имѣли множество вариантовъ ³⁾.

¹⁾ Употреблялись и другія средства: принимивалась въ любовный напитокъ ящерица; персикъ также возбуждалъ любовный пылъ. обстоятельно трактуетъ объ этомъ предметѣ Видманъ въ своей обработкѣ легенды о Фаустѣ.

²⁾ Золото обыкновенно охраняетъ змѣя или драконъ.

³⁾ Еврей Седекія проглотилъ рыцаря съ конемъ и оружіемъ, а также возъ съ

Шписъ заимствовалъ ихъ со всѣми подробностями изъ «за-
стныхъ бесѣдъ» Лютера, замѣнивъ Фаустомъ въ первомъ слу-
чаѣ Вильдфейера, а во второмъ — какого-то монаха.

Не мало достается отъ Фауста и торговцамъ. Одному барыш-
нику продать онъ лошадь за 40 флоринновъ, предупредивъ, чтобы
тотъ не вѣзжалъ на ней въ воду; барышникъ не послушался
и немедленно отправился купить ее; тогда лошадь превратилась
подъ нимъ въ пучъ соломы. Раздраженный, вернулся онъ къ
Фаусту, который притворился спящимъ. Желая разбудить обман-
щика, торговецъ дернулъ его за ногу и въ ужасу оторвалъ ее.
Фаустъ поднялъ крикъ, а барышникъ успѣвши спастись бѣг-
ствомъ, позабывъ свои флорины. Рассказъ этотъ заимствованъ
изъ вышеприведеннаго сочиненія Гондорфа, гдѣ подобный же
поступокъ приписывается одному волшебнику, недавно повѣщен-
ному.

Съ повѣствованіемъ о барышникѣ стоять по содержанію въ
связи два другихъ. Одно рассказываетъ, что Фаустъ продалъ
пять свиней за шесть флоринновъ, и что свиньи эти превратились
въ солому; но этотъ обманъ прошелъ Фаусту даромъ, потому
что покупатель не могъ его найти. Впослѣдствіи этотъ рассказъ,
соединенный съ концомъ предыдущаго, пользовался большою
извѣстностью у чеховъ; герой его былъ Цито, а потерпѣвшимъ
— мельникъ Михель; неудача мельника вошла въ Богеміи въ
пословицу: про невыгодную торговлю говорили: «ты столько же
получилъ выгоды, сколько Михель отъ свиней».

Свой рассказъ Шписъ заимствовалъ у Гаста, который пере-
даетъ это же о крестьянинѣ и мясникѣ и даетъ даже своему рас-
сказу хронологическое опредѣленіе: 1510 годъ. Въ другомъ по-
вѣствованіи нѣсколько измѣненный конецъ исторіи съ барышни-
комъ приставленъ въ рассказу о еврей. Фаустъ занялъ у еврея
30 талеровъ на одинъ мѣсяць; по истеченіи срока еврей потре-
бовалъ долгъ и проценты. Фаустъ отказался заплатить и предло-
жилъ въ залогъ будущей уплаты свою ногу. Еврей согласился
и взялъ отрѣзанную Фаустомъ ногу; но скоро она начала гнить,
и еврей долженъ былъ бросить ее, какъ вещь бесполезную.
Узнавъ объ этомъ, Фаустъ представилъ еврею долгъ, требуя воз-
вращенія залога. Только послѣ долгой просьбы испуганнаго еврея,

сѣномъ и извоцника; магистръ Теодо также съѣлъ рыцаря и возъ дровъ. Аббатъ
Эрмольфъ съѣлъ въ гостиницѣ всѣ приготовленныя блюда, а потомъ и жену тра-
ктирщика. Богемскій волшебникъ Цито проглотилъ карету со всѣми баварскими вол-
шебниками и англоуль потомъ ихъ гравине башмаки.

волшебникъ согласился на примиреніе за 60 талеровъ. Этотъ рассказъ заимствованъ у Лютера ¹⁾.

Только два оригинальныхъ рассказа встрѣчаемъ мы у Шписа. Въ одномъ изъ нихъ повѣствуется о томъ, какъ Фаустъ на дорогѣ въ Брауншвейгъ встрѣтилъ крестьянина, который ѣхалъ въ городъ на четырехъ лошадяхъ съ пустой телѣгой. Желая испытать его доброту, Фаустъ попросилъ позволенія сѣсть въ телѣгу; крестьянинъ отказалъ въ просьбѣ. За такую грубость, которой отличаются крестьяне, Фаустъ заплатилъ тою же цѣной. Онъ сказалъ крестьянину: «ты глупый человѣкъ и ничтожная дрянь, потому что оказалъ мнѣ такую несправедливость, каковую причинишь, а можешь быть и причинялъ ужъ всякому другому». Затѣмъ, въ наказаніе крестьянину, всѣ четыре колеса повозки поднялись вверхъ и скрылись изъ виду. Испуганный проѣзжіи принялъ Фауста за святого и на колѣнахъ умолялъ о прощеніи. Фаустъ приказалъ ему искать колеса у четырехъ воротъ города. Вѣроятно, это преданіе приводитъ въ первый разъ Шписъ и сильно оврашиваетъ его моралью, вовсе не заботясь о томъ, подходит ли поступокъ, такъ мотивированный, къ характеру Фауста. Въ другомъ рассказѣ описывается вызовъ тѣни Елены, но о ней рѣчь впереди. Всѣ эти волшебныя приключенія Фауста рассказываются съ глубокою вѣрою въ ихъ возможность, которая въ XVI вѣкѣ еще не возбуждала сомнѣнія ²⁾. Бѣсъ, по воззрѣнію Шписа, можетъ сдѣлать почти все, что угодно Фаусту, можетъ постоянно нарушать естественныя законы. Только для объясненія самыхъ вопіющихъ нарушеній дѣйствительности составитель первой литературной обработки допускаетъ обманъ глазъ, хотя тоже волшебный. Этимъ же обманомъ чувствъ объясняется и то, почему волшебныя кушанья не утоляютъ голода.

Итакъ, почти всѣ преданія о волшебныхъ дѣлахъ Фауста не оригинальны, не относятся исключительно къ этому магу. Это или ходячіе рассказы о всѣхъ колдунахъ, или о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ. Собственно Фаусту принадлежатъ только тѣ дѣла, которыя записаны нѣкоторыми изъ его современниковъ

¹⁾ Это преданіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ легло въ основу „Венеціанскаго купца“ Шекспира.

²⁾ Свѣтицвамъ по отношенію къ этимъ легендамъ проявляется позже, только въ XVIII вѣкѣ. Въ 1771 году появилось сочиненіе Мёзена (*Verzeichniss einer Sammlung von Bildnissen gräbentheils Aerzte. Berlin 1771 г.*), который, между прочимъ, даетъ рационалистическое объясненіе нѣкоторымъ волшебнымъ дѣйствіямъ Фауста. (Такъ, вызовъ тѣней онъ объясняетъ знакомствомъ Фауста съ употребленіемъ волшебнаго фонаря). Въ 1791 г. Кёлеръ написалъ цѣлое изслѣдованіе о Фаустѣ, съ цѣлью объяснить съ рационалистической точки зрѣнія всѣ его вѣдовскія дѣла.

(Гастъ, Гондорфъ, Вейгеръ и Лерхэймеръ) и которыя вошли въ составъ первой обработки. Но мѣстныя легенды о Фаустѣ, Лейпцигскія, Маульброннскія, Эрфуртскія, встрѣчаются только въ позднѣйшихъ изложеніяхъ; можетъ быть потому, что онѣ развились позже, а можетъ быть ихъ не зналъ Шписъ, какъ не зналъ онъ книги Меннеля. Недостатокъ матеріала для этой стороны состава первой обработки Шписъ пополнялъ легендами о другихъ волшебникахъ, приписывая ихъ Фаусту. Это перемѣщеніе сказаній съ одного лица на другое было сдѣлано Шписомъ, и было сдѣлано сознательно. По крайней мѣрѣ, такъ поступалъ онъ въ большинствѣ случаевъ, что видно изъ сличенія его текста съ источниками. Но впоследствии эти легенды ходили уже съ именемъ Фауста, о чемъ свидѣлствуютъ позднѣйшія обработки. Такимъ образомъ, Фаустъ сталъ типомъ волшебника, сказаніе о его дѣяніяхъ сдѣлалось коллективной легендой.

Послѣ описанія волшебныхъ похощеній Фауста, сказаніе быстро идетъ къ концу. На 17-мъ году послѣ заключенія договора съ дьяволомъ, одинъ благочестивый человѣкъ сдѣлалъ попытку обратить мага на путь истинный. Его проповѣдь произвела впечатлѣніе: волшебникъ началъ колебаться; но духъ угрозами не только удержалъ его отъ обращенія къ Богу, но и вынудилъ даже возобновленіе договора. Фаустъ снова ожесточился, послалъ духа отмстить благочестивому человѣку за его попытку, а самъ совершенно погрузился въ чувственность. Уже и прежде каждую ночь являлся къ нему чортъ въ видѣ женщины ¹⁾, а теперь на 19 и 20 году договора Фаустъ имѣлъ сразу семь наложницъ ²⁾, но въ послѣдній годъ своей жизни онъ прогналъ ихъ всѣхъ, и вступилъ въ связь съ Еленой, отъ которой у него родился сынъ, названный имъ justus Faustus.

Третья часть сказанія заключается описаніемъ послѣдняго года жизни Фауста. Онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ наследникомъ назначилъ слугу своего Вагнера ³⁾. Затѣмъ, слѣдуетъ

¹⁾ Дьяволы могутъ вступать въ сношенія съ людьми и производить дѣтей, какъ въ видѣ мужчины (incubus), такъ и въ видѣ женщины (succubus). Это вѣрованіе раздѣляютъ Блаж. Августинъ и другіе отцы церкви. Рассказы о суккубахъ встрѣчаются часто въ средневѣковыхъ легендахъ.

²⁾ 2 голландки, 1 венгерка, 1 англичанка, 2 иваби и одна изъ Франконій. Собраніемъ представительницъ столькихъ національностей Шписъ хотѣлъ показать, вѣроятно, всю глубину чувственности Фауста.

³⁾ Имущество Фауста составлялъ „домъ въ Виттенбергѣ, 1600 гульденовъ, отданныхъ въ ростъ, крестьянское хозяйство въ 800 гульденовъ, 600 гульденовъ чистыми деньгами, золотая цѣпь въ 800 кронъ, серебряная посуда, похищенная отъ разныхъ мѣстъ, цѣновъ около 1000 гульденовъ.

описание настроенія духа Фауста передъ смертью. Оно состоитъ изъ цѣлаго ряда жалобъ на судьбу, прерываемыхъ то насмѣшками, то утѣшеніями Мефестофеля ¹⁾. Легенда обанчивается описаніемъ смерти Фауста. Мефестофель заранѣе напомнилъ ему о томъ, что срокъ кончился. Въ назначенный день докторъ собралъ своихъ друзей «магистровъ, бакалавровъ и другихъ студентовъ», отправился съ ними въ деревню Рамлихъ, отстоящую на полмили отъ Виттенберга; тамъ устроилъ онъ имъ пиръ, потомъ простился и просилъ не входить къ нему въ комнату, что бы тамъ ни случилось. Ночью въ комнатѣ, гдѣ помѣщался Фаустъ, раздались страшные «свистъ и шумъ, какъ будто бы весь домъ былъ наполненъ змѣями, ехиднами и другими вредоносными червями»; затѣмъ послышался крикъ о помощи; но вскорѣ все смолкло. Когда на другой день вошли въ комнату, то увидели, что вся она забрызгана кровью, въ стѣнамъ присталъ мозгъ; тамъ и сямъ валялись зубы и глаза, и вообще это было «ужасное и потрясающее зрѣлище». Затѣмъ нашли остальное тѣло: дьяволъ вытащилъ его изъ комнаты и бросилъ на кучу грязи. Таково содержаніе всей легенды.

VI.

Уже бѣглый обзоръ всего сказанія, въ первой его обработкѣ, показываетъ, что легенда о Фаустѣ отражаетъ на себѣ черты новаго времени. Страстная жажда знанія, заставлявшая Фауста тратить такъ дорого стоящее для него время на бесѣды съ Мефестофелемъ о научныхъ предметахъ, съ одной стороны, и его печальная кончина, съ другой—показываютъ, что волшебникъ принадлежитъ къ XVI вѣку. Но не только на этомъ одномъ отражается

¹⁾ Для примѣра приведемъ здѣсь въ переводѣ одну изъ этихъ жалобъ. „Ахъ, Фаустъ! Какъ дешева и ничтожна душа твоя! Ты не только самъ погибъ, но соблазнилъ и ближняго своего, довелъ его до осужденія на вѣчную муку. А вѣдь и самъ ты могъ получить вѣчное блаженство, которое теперь утратилъ. Зачѣмъ вы, разумъ и свободная воля, увлекли меня туда, гдѣ не видно другого исхода, кромѣ смерти? Разумъ и душа обвиняютъ всѣ члены моего еще крѣпкаго тѣла, потому что съ вашей помощью я могъ бы стремиться къ усовершенствованію себя. Зачѣмъ вы, любовь и ненависть, овладѣли мною и зачѣмъ изъ-за васъ я долженъ терпѣть такіа страданія? Милосердіе и мечь! За что вы назначили мнѣ такое возмездіе и принудили меня къ такому позору? О, ярость и страданіе! Ужели я для того созданъ человѣкомъ, чтобы отъ самого себя терпѣть то наказаніе, которое вижу приготовленнымъ для себя. Ахъ, я несчастный! Есть ли что-нибудь на свѣтѣ, что не шло бы противъ меня въ настоящую минуту?“

въ легендѣ возрожденіе и реформація. Вліяніе этихъ событій замѣтно какъ на ея содержаніи, такъ и на характерѣ ея героя. Громадный интересъ къ знанію вообще, къ изученію природы въ особенности, развился весьма сильно въ вѣкъ, предшествовавшій реформаціи. Но отсутствіе метода и орудій для изученія природы не могло удовлетворить возбужденную любознательность; съ другой стороны, въ обществѣ еще твердо жила вѣра въ возможность таинственной, магической науки, которая одна могла дать не только знаніе природы, но и власть надъ нею, и которая въ глазахъ большинства была дьявольскимъ искусствомъ, опаснымъ для христіанина, потому что могла повести къ сношенію съ дьяволомъ и къ подчиненію ему. Тѣ смѣлые люди, которыхъ не пугала эта опасность, становились героями легенды, сдѣлавшей изъ нихъ новыхъ титановъ. Представителемъ такого типа людей и является Фаустъ въ сказаніи Шписса.

Сначала Фаустъ занимался богословіемъ, но оно его не удовлетворило; «у него была легкомысленная, безразсудная и надменная голова, такъ что его всегда называли мечтателемъ, поэтому онъ попалъ въ дурное общество, бросилъ за дверь и положилъ подъ лавку Св. Писаніе». Оставивъ теологію, Фаустъ принялся за изученіе математики и медицины, занимался также, такъ-называемымъ, *arte Dardaniæ*, т.-е. магіей. «Это очень понравилось доктору Фаусту; онъ размышлялъ объ этомъ день и ночь, не хотѣлъ болѣе называться теологомъ, сдѣлался свѣтскимъ человекомъ, назвался докторомъ медицины, сталъ астрономомъ, математикомъ, врачомъ и помогалъ многимъ разными лекарьствами». Онъ «оладѣлъ крыльями орла и хотѣлъ изслѣдовать всѣ основанія неба и земли». Бессиліе въ этомъ изученіи и привело его въ союзу съ дьяволомъ. Какъ только онъ вывалъ чорта, тотчасъ же предложилъ ему слѣдующіе пункты: 1) «чтобъ духъ исполнялъ все, о чемъ его Фаустъ попроситъ, что спроситъ или прикажетъ въ теченіе всей его, Фауста, жизни и до самой смерти. 2) Духъ не долженъ ничего скрывать, о чемъ бы Фаустъ ни допытывался. 3) Чтобы на всѣ вопросы духъ давалъ вѣрные отвѣты». Въ окончательномъ договорѣ съ Мефистофелемъ о причинѣ союза говорится такъ: «Послѣ того, какъ я предпринялъ изученіе сущности вещей и не нашелъ въ себѣ способности къ этому въ тѣхъ дарахъ, которые ниспосланы были мнѣ свыше и которыми я былъ милостиво награжденъ, послѣ того какъ я не могъ научиться этому у людей, я подчинился присутствующему здѣсь, посланному духу, который называетъ себя Мефистофелемъ, слугою адскаго князя на востокѣ, и всему тому,

что онъ избереть для моего въ этомъ дѣлѣ наставленія и обученія».

Итакъ, это титанъ, сознательно перешедшій отъ Бога къ дьяволу, чтобы познать сущность вещей, это крайнее выраженіе научныхъ стремленій эпохи возрожденія.

Другою отличительною чертою возрожденія было, какъ извѣстно, стремленіе къ изученію классической древности. Но этотъ интересъ въ античной цивилизаціи въ Германіи былъ слабѣе, тѣмъ въ другихъ государствахъ западной Европы, и принялъ особый характеръ научнаго орудія противъ папства. Оказавъ сильную поддержку реформациі, нѣмецкій гуманизмъ былъ скоро ею поглощенъ. Тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ оставить въ сказаніи нѣкоторыя слѣды своего вліянія. Такъ, во время путешествій Фаустъ съ интересомъ осматриваетъ въ Римѣ многіе языческіе разрушенные храмы, своды и колонны, находя въ этомъ большое удовольствіе. Но гораздо замѣтнѣе и важнѣе выразилось это вліяніе въ образѣ знаменитой Елены.

Сознаніе превосходства эстетическаго развитія грековъ выражалось въ томъ, что полумифическая спартанская красавица сдѣлалась идеаломъ красоты для образованныхъ людей эпохи возрожденія. Такое возрѣніе на Елену раздѣляетъ и сказаніе. Въ первое воскресенье послѣ Пасхи собрались студенты къ Фаусту, и когда было выпито вино, рассказываетъ Шписъ, за столомъ зашла рѣчь о хорошенькихъ женщинахъ, и одинъ изъ студентовъ сказалъ, что болѣе всего желалъ бы взглянуть на красавицу Елену изъ Греціи, — на ту, изъ-за которой была разрушена прекрасная Троя. «Она, должно быть, была очень хороша, если была похищена у мужа и причинила столько бѣдствій». Дѣйствительно, вызванная чарами Фауста, Елена была такъ поразительно красива, что «студенты не сознавали, находятся ли они въ себѣ или внѣ себя, до того было велико ихъ смущеніе и очарованіе».

Наружность Елены ясно рисуется въ воображеніи Шписа. «Елена, супруга Менелая, дочь Тиндора и Леды, сестра Кастора и Поллукса, появилась въ драгоцѣнной черной порфирѣ; ея волосы были распущены и казались такими красивыми и великолѣпными, какъ цвѣтъ золота; они были такъ длинны, что ниспадали до самыхъ плечъ; у нея были прекрасные, черные, какъ уголь, глаза, красивое лицо, маленькая красивая головка, маленькій ротикъ, красныя какъ вишни, губы, бѣлая лебединая шея, красныя, какъ розанъ, щеки, чрезвычайно красивый, блестящій видъ и высокая, стройная фигура. Вообще, въ ней не

было никакого недостатка». Когда Елена впоследствии сдѣлалась любовницей Фауста, то онъ привязался даже къ семейной жизни.

И, такъ появленіемъ Елены, играющей столь важную роль въ дальнѣйшихъ обработкахъ легенды и особенно во второй части Гётевскаго Фауста, мы обязаны влиянію гуманизма ¹⁾.

Однако, влияние самого Лютера и его ученія гораздо сильнѣе и замѣтнѣе въ первой литературной обработкѣ. Мы уже не разъ цитировали «застольныя бесѣды», какъ непосредственный источникъ Шписа, при рассказахъ о волшебныхъ дѣяніяхъ Фауста. Но не только для этого пользовался Шписъ проповѣдніемъ Лютера; сказаніе въ описаніи подробностей постоянно проводить личные взгляды реформатора. Такъ, напр., въ легендѣ нѣсколько разъ встрѣчается воззрѣніе, что дьяволъ знаетъ дурныя мысли человѣка и руководитъ имъ въ дурныхъ поступкахъ. Въ одномъ мѣстѣ дьяволъ Беліаль говоритъ: «Докторъ Фаустъ, въ полночь, когда ты еще бодрствовалъ, я узналъ твои мысли, состоящія въ томъ, что тебѣ хотѣлось видѣть нѣкоторыхъ изъ наиболѣе знатныхъ адскихъ духовъ, поэтому я явился къ тебѣ съ моими знаменитыми слугами и совѣтниками».

Вообще, вопросъ объ отношеніи дьявола къ человѣку сильно занималъ Шписа. Въ изложеніи сказанія онъ посвящаетъ ему двѣ главы; одна называется: «Фаустъ разсуждалъ съ своимъ духомъ Мефистофелемъ о силѣ дьявола» (глава XV), и «Вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ духи мучатъ людей?» (глава XXX). Источники этихъ воззрѣній составляютъ застольныя бесѣды Лютера, гл. 25: «Дьяволъ руководитъ и управляетъ сердцами всѣхъ безбожныхъ людей, ибо онъ знаетъ, что они думаютъ». Кто-то сказалъ Лютеру, что магистръ Н. проповѣдуетъ, будто чортъ не знаетъ, какія мысли имѣетъ человѣкъ.—Ну, отвѣчалъ онъ, и не вѣрю, чтобы такъ проповѣдывали, ибо писаніе ясно показываетъ, что дьяволъ влагаетъ въ людей злыя мысли и ослѣпляетъ умы безбожныхъ. Такъ, объ Іудѣ написано, что дьяволъ вложилъ ему въ душу мысль предать Христа, а Канну онъ не только внушилъ злой умыселъ противъ брата Авеля, но даже довелъ его до убійства». Ясно, что двѣ упомянутыя главы предназначались для распространенія и доказательства взглядовъ Лютера на новыхъ примѣрахъ.

Приведемъ еще одинъ любопытный примѣръ непосредствен-

¹⁾ Возражая Зомеру, который считаетъ Елену заимствованіемъ изъ легенды о Сиконѣ-Волхвѣ, Дюндеръ приводитъ цѣлый рядъ поэтическихъ изображеній греческой красавицы у гѣмедскихъ поэтовъ. Но всѣ они относятся къ XV вѣку.

наго вліяння Лютера на першую літературную апрацоўку сказа-
ня о Фаустѣ. У всѣхъ народавъ существуетъ вѣрованіе, что
ночь самое удобное время для враждебныхъ дѣйствій злого
начала. Такое воззрѣніе необходимо по психическимъ причи-
намъ; темнота, мракъ, покрывающій все окружающее, тишина
ночи всегда возбуждаютъ инстинктивный страхъ. Все преступное,
все, что боится свѣта, происходитъ ночью. Но при развитіи уче-
ній о зломъ началѣ этотъ страхъ объяснялся господствомъ злого
духа надъ ночью. Въ застольныхъ бесѣдахъ Лютера такъ рѣ-
шался вопросъ: «отчего происходитъ, что ночью бываетъ страш-
нѣе, чѣмъ днемъ?» Нѣкто спросилъ доктора Мартина, отчего
приходитъ въ голову злой духъ, если ночью услышишь, какъ
что-нибудь упало или зашумѣло? — Онъ отвѣчалъ: «это дѣлаетъ
чортъ; — тогда воруютъ, тогда грабятъ, тогда убиваютъ, ибо ночью
никто не можетъ думать ничего хорошаго». То же самое сооб-
щаетъ Фаустъ одному доктору объ этомъ предметѣ. «Такъ какъ
духи не выносятъ солнца, то они живутъ и дѣйствуютъ подъ
облакомъ, и чѣмъ яснѣе сіяетъ солнце, тѣмъ выше стараются
они найти себѣ жилище, ибо свѣтъ и солнечное сіяніе не поло-
жены, не созволены и запрещены имъ Богомъ. Ночью же, при
наступленіи густого мрака, они живутъ среди насъ, людей...
Насъ они пугаютъ тяжелыми снами, криками, лютыми и ужас-
ными видѣніями; поэтому, если вы въ потьмахъ, безъ свѣта вы-
ходите, то на васъ нападаетъ большой страхъ, ночью же появ-
ляется у васъ много фантазій, какихъ не бываетъ днемъ».

Но первая літературная апрацоўка сказація служать проводни-
комъ не только личнымъ взглядамъ Лютера, но и вообще протестант-
скихъ идей. Прежде всего это проявляется въ враждебномъ от-
ношеніи къ папству: «Невидимымъ для папы, пришелъ Фаустъ
въ его дворецъ; тамъ увидалъ онъ много слугъ и придворныхъ
льстецовъ; увидалъ также, какія блюда и закуски привносили папѣ.
Всего было такъ много, что Фаустъ потомъ сказалъ своему духу:
«ифуй, отчего чортъ не сдѣлалъ меня папою!» Докторъ Фаустъ
увидалъ также тамъ всѣ свои качества: кичливость, гордость,
высокомѣріе, дерзость, обжорство, пьянство, прелюбодѣяніе и
всѣ безбожныя дѣла папы и окружающей его сволочи, такъ что
онъ сказалъ: «Я думалъ, что дьяволъ сдѣлалъ изъ меня совер-
шенную свинью, но теперь вижу, что можно идти далѣе. Эти
свиньи въ Римѣ такъ откормлены потому, что все время прово-
дятъ въ ѣдѣ». Папа не находитъ ни малѣйшей пощады въ ска-
заніи. Его и султана Фаустъ выбираетъ главными предметами
своихъ продѣлокъ, чѣмъ ставитъ папу въ очень смѣшное поло-

женіе. Самое сопоставленіе папы и султана уже характерно, но сказаніе на немъ не останавливается. Мефистофель разыгрываетъ передъ султаномъ Солиманомъ роль Магомета и появляется въ видѣ и одеждѣ папы; въ такомъ же видѣ Фаустъ проводитъ шесть дней въ гаремѣ султана. Далѣе, враждебное отношеніе протестантизма къ индульгенціямъ вызываетъ ироническое отношеніе къ нимъ со стороны сказанія. «Однажды Фаустъ, находясь (невидимо) въ папской залѣ, такъ засмѣялся, что всѣ услышали. Никто не могъ понять, что это такое было; папа же увѣрялъ свою свиту, что это осужденная душа умоляетъ его объ отпущеніи, потому онъ возложилъ на нее эпитимію, а Фаустъ снова началъ смѣяться».

Точно также относится сказаніе къ мессѣ и чистилищу. «Фаустъ приказалъ духу похитить у папы лучшее вино и серебряные кубки; когда папа замѣтилъ это, то велѣлъ служить мессу по осужденной душѣ, т. е. Фаустѣ, а душу назначилъ въ чистилище. Между тѣмъ Фаустъ наслаждался купаньями и виномъ папы». Сказаніе насмѣхается также надъ вѣрою въ реликвию. Когда Фаустъ прибылъ въ Кельнъ и увидалъ тамъ монастырь, гдѣ находились останки трехъ королей, замѣтившихъ при рожденіи Христа звѣзду на востокѣ, то, обращаясь къ нимъ, воскликнулъ: «Добрые люди, какъ долго вы блуждали, такъ какъ вы должны были пройти Палестину, Іудею, прійти сначала въ Вноземъ и потомъ сюда! Или, можетъ быть, послѣ смерти васъ бросили въ море, откуда вы приплыли въ Рейнъ и по рѣкѣ поднялись къ Кельну, гдѣ васъ и похоронили».

До сихъ поръ мы видѣли солидарность сказанія съ реформаціонными идеями въ отрицаніи католицизма и его ученій; но этимъ не исчерпывается вліяніе Лютера: мы находимъ у Шписа повтореніе и Лютеровыхъ ученій. Такъ, въ сказаніи мы видимъ реформаціонное ученіе о добрыхъ дѣлахъ.

Огрицательное отношеніе къ браку; вытекавшее изъ средне-вѣкового аскетическаго идеала и продолжавшееся въ теченіе всей до-реформаціонной эпохи, было прекращено, какъ извѣстно, религіознымъ движеніемъ XVI вѣка. Лютеръ видѣлъ въ бракѣ божественное установленіе, считалъ его условіемъ благочестивой жизни; онъ боролся съ старымъ воззрѣніемъ на семейную жизнь не только словомъ, но и дѣломъ. Эта борьба со всеми ея аргументами перешла и въ сказаніе. Когда Фаустъ задумалъ жениться, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Мефистофеля, который «былъ врагомъ брачнаго состоянія, потому что бракъ установленъ и узаконенъ Богомъ». «Подумалъ ли ты о

своемъ обѣщаніи?» — говоритъ Мефистофель Фаусту по этому случаю. — «Ты забылъ, что долженъ быть врагомъ Богу и всѣмъ людямъ, поэтому ты не можешь вступить въ брачное состояніе, такъ какъ не можешь служить двумъ господамъ: Богу и чорту. Бракъ есть дѣло Всевышняго, мы же противъ него». Далѣе, Мефистофель переходитъ въ угрозы: «Смотри, Фаустъ, если ты данъ обѣщаніе вступить въ бракъ, то тебя навѣрное растерзають бѣсы. Подумай самъ, любезный Фаустъ, — заключаетъ чортъ свою аргументацію, — сколько безновойства, досады, гнѣва, раздоровъ вытекаетъ изъ брачнаго состоянія». Когда Фаустъ продолжалъ настаивать на своемъ, то въ его комнатѣ начали летать предметы, двери сорвались съ петель и т. п., такъ что испуганный докторъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Уже въ этой главѣ замѣтно дидактическое стремленіе автора, съ одной стороны котораго мы познакомились выше. Тамъ мы видѣли, чего совѣтовалъ избѣгать Шписъ; теперь онъ прямо проповѣдуетъ, хотя и устами дьявола, какъ долженъ жить благочестивый человѣкъ. Рѣзкій примѣръ его дидактическихъ стремленій представляетъ 17-я глава первой литературной обработки. Фаустъ спрашиваетъ Мефистофеля: «если бы ты былъ на моемъ мѣстѣ, т.-е. человѣкомъ, созданнымъ Богомъ, что бы ты дѣлалъ, чтобы быть приятнымъ Богу и людямъ?» Мефистофель улыбнулся на это и сказалъ: «Господинъ мой, Фаустъ, если бы я былъ сотворенъ человѣкомъ, то преклонился бы передъ Богомъ, всегда считалъ бы себя только человѣкомъ (намекъ на гордость Фауста) и, чтобы не возбудить гнѣва Божія, старался бы по возможности исполнять божественное ученіе, законъ и заповѣди; къ нему одному обращался бы, его одного хвалилъ, почиталъ и славилъ. Такимъ образомъ, я былъ бы приятенъ Богу и зналъ бы, что послѣ смерти получу вѣчное блаженство».

Этотъ дидактическій тонъ, которымъ пронизана первая литературная обработка, оказалъ весьма сильное и неблагоприятное вліяніе на изображеніе характеровъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ легендѣ. Благодаря ему, главнымъ образомъ, личность Фауста далеко не отличается ясностью и цѣльностью не только въ сказаніи, но и въ нѣкоторыхъ поэтическихъ обработкахъ. Дидактическій характеръ сказанія принудилъ автора ввести многія черты, противорѣчація другъ другу.

По существу Фаустъ — титаническій характеръ; такимъ его представляетъ сказаніе, подъ вліяніемъ эпохи возрожденія¹⁾.

¹⁾ Арнимъ, одинъ изъ комментаторовъ легенды, наоборотъ приписываетъ это реформацію, потому что съ реформаціею, которая „отняла таинство отъ священства

Самъ Шписъ видитъ въ отпаденіи доктора отъ Бога тѣ же причины, какъ и въ борьбѣ титановъ. По его мнѣнію, Фауста привели къ паденію «гордое высокоуміе, отчаяніе, наглость и дерзость, какъ это было съ титанами, о которыхъ поэты рассказываютъ, что они нагромоздили горы и холмы, чтобы воевать съ Богомъ, и какъ это было съ злымъ духомъ, возставшимъ противъ Бога». Но этотъ образъ Фауста затемняется въ обработкѣ Шписа.

Вслѣдъ за подписаніемъ договора, Фаустъ начинаетъ требовать отъ Мефистофеля рѣшенія самыхъ интересныхъ, но и самыхъ трудныхъ вопросовъ—о раѣ, объ адѣ, о силѣ дьявола, о звѣздахъ, кометахъ и т. п. Понятно, что Фаустъ обратился прежде всего къ этимъ вопросамъ, потому что рѣшеніе ихъ составляло главную цѣль его стремленій, потому что они привели его къ союзу съ дьяволомъ. Между тѣмъ Шписъ даетъ совершенно иное объясненіе этимъ бесѣдамъ. По его мнѣнію, въ разпросамъ побуждаетъ Фауста *страхъ осужденія*, желаніе знать что ждетъ его въ будущей жизни за его грѣхъ. Если это и возможно съ психологической точки зрѣнія, то все-таки личность Фауста, соединявшагося съ чортомъ ради знанія, исчезаетъ. Здѣсь Фаустъ простой, обыкновенный грѣшникъ, начинающій каяться тотчасъ послѣ согрѣшенія. «Ему снились чортъ и адъ, онъ вспомнилъ о томъ, что сдѣлалъ, и думалъ, что черезъ частые и длинные споры, разпросы и бесѣды съ духомъ, можно достигнуть исправленія, раскаянія и воздержанія». Эти разговоры приводятъ Фауста постоянно къ припадкамъ раскаянія. Такъ, послѣ бесѣды о паденіи ангеловъ, о ихъ презнемъ блаженствѣ, Фаустъ молча ушелъ отъ духа въ свою комнату, легъ на постель, началъ горько плавать и вздыхать... Я не могу болѣе надѣяться ни на какую милость, и буду повергнутъ, какъ Люциферъ, въ скорбь и осужденіе. Горе мнѣ! Вѣчное горе! Куда мнѣ дѣться?! О, лучше бы я не родился на свѣтъ!» Но это раскаяніе ни къ чему не привело. «Его раскаяніе было раскаяніемъ Каина и Иуды, ибо съ раскаяніемъ въ сердцѣ онъ отчаявался въ благодати Божіей».

Подъ вліяніемъ дидактической цѣли—изобразить внутреннія муки грѣшника, стремленіе къ знанію не имѣетъ въ сказаніи титаническаго, фатальнаго характера, а является тѣмъ-то слу-

---

и наложила его на науку, исчезла въ народной вѣрѣ подозрительная сторона въ богословскихъ занятіяхъ; народъ начинаетъ недоувѣрчиво смотрѣть на научныя занятія, а въ особенности на занятія химіей». Не говоря объ искусственности этой аргументаціи, она терлетъ силу уже потому, что наука становится подозрительною раньше реформаціи.

чайнымъ, второстепеннымъ. Докторъ Фаустъ, говорится въ сказаніи, не осмѣливался болѣе спрашивать духа о божественныхъ и небесныхъ предметахъ, что было для него тяжело и о чемъ онъ размышлялъ день и ночь. Но, «чтобы имѣть предлогъ коснуться божественнаго созданія и творенія, чтобы по праву вращаться овою этого предмета», Фаустъ начинаетъ спрашивать духа о другихъ научныхъ предметахъ, дѣлая видъ, что они интересны для него сами по себѣ. Но далѣе Шписъ забываетъ это придуманное объясненіе научныхъ стремленій Фауста и снова рисуетъ передъ нами образъ ученаго. «Большую часть времени, говоритъ онъ, Фаустъ проводилъ въ изученіи, изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ». Отсюда объясняются его путешествія по всѣмъ странамъ міра, а также въ адъ и въ рай. Но въ концѣ сказанія кающійся грѣшникъ снова выступаетъ въ личности Фауста. Старинная традиція о спасеніи волшебниковъ черезъ показаніе и заступничество святыхъ сохранила свое вліяніе и въ легендѣ о Фаустѣ. Хотя Фаустъ гибнетъ, но гибнетъ только тѣломъ, а не душою; его жизнь въ послѣдніе годы примеряетъ съ нимъ читателя. За годъ до смерти онъ бросилъ всѣхъ своихъ наложницъ и привязался исключительно къ греческой Еленѣ, «которую такъ любилъ, что не могъ оставаться безъ нея ни на одно мгновеніе». Это уже шагъ къ исправленію; у Фауста появляются даже родительскія чувства: «у него родился сынъ, чему онъ сильно обрадовался и назвалъ ребенка *Justum Faustum*».

Такимъ образомъ, сказаніе понемногу начинаетъ готовить читателя къ примиренію съ Фаустомъ. За мѣсяць до смерти Фаустъ совершенно измѣнился: «онъ сдѣлался кротокъ, ему приходилось, какъ убійцѣ или разбойнику, получившему въ тюрьмѣ свой приговоръ, дожидаться смертной казни; онъ сдѣлался печаленъ, всегда разговаривалъ самъ съ собою, жестикулировалъ, охалъ и вздыхалъ, похудѣлъ, никому не показывался и не могъ переносить присутствія Мефистофеля».

Далѣе слѣдуетъ рядъ трогательныхъ жалобъ, прерываемыхъ насмѣшками духа. Передъ смертью Фаустъ произноситъ студентамъ весьма чувствительную рѣчь. Въ ней онъ называетъ свою волю «упорною и безбожною», свои мысли «дьявольскими» и обращается къ слушателямъ съ такимъ совѣтомъ: «пусть мой ужасный конецъ будетъ вамъ примѣромъ и напоминаніемъ, чтобы вы всегда имѣли Бога предъ глазами, просили его сохранить васъ отъ обмана и хитрости дьявола и избавить отъ искушенія. Не допускайте дурному обществу развращать васъ, какъ это сдѣлалось со мною; прилежно и тщательно посѣщайте

церкви, съ твердою вѣрою во Христа боритесь противъ дьявола и побѣждайте его». Послѣ такихъ благихъ совѣтовъ, Фаустъ окончательно характеризуетъ себя: «Я умираю, какъ дурной и хорошій христіанинъ: хорошій потому, что чистосердечно раскаиваюсь и прошу милости, которая можетъ спасти мою душу; дурной потому, что дьяволъ завладѣетъ моимъ тѣломъ; я охотно отдаю ему тѣло, пусть только онъ оставитъ мнѣ душу». Старинныя традиціи католическихъ легендъ о колдунахъ повліяли и съ другой стороны на образъ Фауста въ обработкѣ Шписа. Выше мы видѣли, что по возвращенію средневѣковыхъ легендъ, нарушеніе аскетическаго идеала вело къ союзу съ дьяволомъ. Поэтому жажда мірскихъ чувственныхъ удовольствій отличительная черта средневѣковыхъ волшебниковъ. Фаустъ также погружается въ чувственность; въ обработкѣ Шписа мы находимъ множество указаній на его пьянство, обжорство и развратъ. Но спрашивается, какую роль играетъ стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ въ причинахъ отпаденія Фауста отъ Бога?

Нѣкоторые находятъ, что обѣ причины, т.-е. жажда знанія и стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, играли одинаковую роль, такъ что личность Фауста является какъ бы простымъ агрегатомъ предшествующихъ волшебниковъ. Но въ сказаніи этого нѣтъ; тамъ чувственность отодвигается на второй планъ; она является слѣдствіемъ договора, а не причиною его, что весьма важно для характеристики Фауста. Чортъ соблазняетъ Фауста къ чувственной жизни, чтобы преградить ему возвратъ къ Богу, и Фаустъ поддается соблазну только тогда, когда окончательно отчаявается въ спасеніи. Чувственность—побочная черта въ характерѣ Фауста; этимъ онъ существенно отличается отъ средневѣковыхъ колдуновъ. Если въ первой литературной обработкѣ слишкомъ напирается на эту сторону характера героя, то это показываетъ на невозможность отдѣлаться отъ стараго представленія колдуна, которое оставили въ наслѣдство сказанію предшествовавшія легенды. Честолюбіе, которое въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ легендахъ (о Теофилѣ) выставляется причиною отпаденія отъ Бога, не играетъ видной роли въ легендѣ о Фаустѣ. Въ условіяхъ договора не встрѣчается никакого честолюбиваго требованія. Только отъ себя вставляетъ Шписъ замѣчаніе, что Фаустъ «очень высоко цѣнилъ власть надъ чортомъ; онъ даже хвастался въ одномъ обществѣ, что скоро увидать въ его распоряженіи высшую власть, т.-е. князя міра сего». И болѣе ни разу во всемъ сказаніи мы не находимъ проявленія честолюбія.

Въ виду этого, мнѣніе, что Фаустъ есть протестантская передѣлка католическаго Теофила, не выдерживаетъ критики.

Итакъ, въ основѣ сказанія лежитъ титаническій образъ Фауста; но дидактическія задачи первой литературной обработки, съ одной стороны, и традиціи предшествующихъ легендъ съ другой,—до такой степени исказили этотъ образъ, что онъ не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія. Шписъ взялъ для фактической стороны обработки старыя легенды и влилъ такимъ образомъ старое вино въ новыя мѣхи. Дальнѣйшія поэтическія обработки мало-по-малу освобождали первоначальное представленіе Фауста отъ побочных его чертъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и видоизмѣняли его, вносили въ него новыя черты ¹⁾.

Если въ образѣ Фауста недостатокъ полноты и выдержанности, то еще менѣе находимъ мы ихъ въ изображеніи другого персонажа сказанія, въ характерѣ Мефистофеля ²⁾.

По смыслу всѣхъ легендъ о магахъ, Мефистофель — чортъ жадный до душъ человѣческихъ. Такимъ онъ является и въ

¹⁾ Вслѣдствіе противорѣчій въ характерѣ Фауста, какъ представляетъ его Шписъ, взгляды на него позднѣйшихъ изслѣдователей крайне разнообразны. Дюнцеръ, напр., видитъ въ немъ простаго шарлатана. „Фаустъ народнаго сказанія, говоритъ онъ, менѣе всего можетъ считаться благородною натурой, какъ утверждали; онъ вовсе не является противоположностью всего низкаго и вульгарнаго; ему болѣе нравится пустое шарлатанство и фиглярство; на нихъ онъ тратитъ все свое время; въ немъ нѣтъ и слѣда истинной, возвышающей человѣка самодѣятельности. Хотя дьяволъ долженъ рассказывать ему о другомъ мірѣ, объ адѣ и духахъ, хотя самъ онъ проѣзжаетъ для времяпрепровожденія по аду, по небу и земнымъ царствамъ, но чрезъ это онъ не приобрѣлъ никакого высшаго воззрѣнія, никакого стремленія достойнаго человѣка“. (Düntzer, Göthes Faust p. 118). Очевидно, Дюнцеръ проглядѣлъ первую часть легенды и особенно условія договора. Гёррессъ утрируетъ значеніе случайной замѣтки Шписа. „Надменное знаніе, говоритъ онъ, если оно приобрѣтено и принято путемъ, имѣетъ въ себѣ уже нѣчто демоническое. Въ другихъ случаяхъ власть и честолюбіе побуждаютъ искать совѣа и признать господиномъ надъ собою князя міра сего, какъ виновника могущества и раздавателя земной почести, чтобы его силою приобрѣсти себѣ то, чего нельзя достигнуть другимъ путемъ. Все это олицетворяется въ Фаустѣ“. (Die christliche Mystik. p. 415). Розенкранцъ видитъ въ Фаустѣ совершенно иное. „Въ Фаустѣ, по его мнѣнію, практически ставится на высшее мѣсто индивидуальность, въ то же время теоретически исчезаетъ всякая вѣра, всякая церковность“. (Geschichte der deutschen Poesie im Mittelalter. Halle 1830. B. II p. 39). Если бы это было сказано о Фаустѣ Гёте, это еще имѣло бы смыслъ; но говорить, что въ Фаустѣ легенды теоретически исчезаетъ вѣра—очевидное заблужденіе. Штиглиндъ видитъ въ Фаустѣ борьбу между вѣрой и знаніемъ, потому что его вѣра не удовлетворяетъ, и онъ ищетъ спасенія въ конечномъ. Наоборотъ, его не удовлетворяетъ конечное въ знаніи, а онъ жаждетъ—speculieren.

²⁾ Имя Мефистофеля у Шписа Mephostophiles, въ народной драмѣ Mephistophles, а отсюда у Гёте Mephistopheles. Этимологія его очень темна. Различныя толкованія см. Кюпе p. 130.

легендѣ о Фаустѣ; чортомъ онъ и долженъ быть, иначе теряеть смыслъ вся легенда. Вопросъ только въ томъ, насколько удался типъ дьявола въ обработкѣ Шписа? Прежде всего, мы находимъ въ его образѣ черты ироническаго лукавства, хотя довольно слабо выраженныя. Такъ, въ самомъ началѣ легенды, при описаніи перваго заклинанія, Шписъ, объясняя медленное появленіе чорта, замѣчаетъ: «Навѣрное чортъ смѣялся въ кулакъ и, объясняя Фаусту препятствія, думалъ: «Хорошо, я буду охлаждать твое сердце и твою храбрость, буду дурачить тебя, чтобы завладѣть не только твоимъ тѣломъ, но и душой».

Чисто дьявольская злоба, злорадство человѣческому горю особенно проявляются въ концѣ сказанія. Именно, 56-я глава первой обработкѣ сказанія оваглавлена такъ: «Какъ злой духъ осмыкаетъ смущеннаго Фауста странными, насмѣшливыми шутками и по-словницами». «Ты пренебрегъ искусствомъ, которое далъ тебѣ Богъ, говоритъ Мефистофель Фаусту, и пригласилъ въ гости чорта. Ты 24 года думалъ, что все то золото, что блеститъ, и вѣрилъ въ то, чему училъ тебя дьяволъ. Посмотри, ты былъ прекраснѣмъ созданіемъ Божиимъ, а теперь принужденъ плясать подь дудку чорта, хлѣбъ котораго ѣлъ. Ты выучился дурному искусству, отъ котораго не можешь отстать, какъ кошка отъ охоты за мышами. Пока ложка нова, ею пользуется поварь, когда же она состарится; то ее бросать; не то ли же самое съ тобою? Ты былъ кухонной ложкою дьявола, и теперь онъ не нуждается въ тебѣ... Ты никогда не долженъ былъ бы довѣрять чорту, потому что онъ обезьяна Бога, лжець и убійца».

Но этия и кончается изображеніе дьявольской натуры. Такая неполнота образа Мефистофеля еще не была бы большимъ недостаткомъ, потому что воображеніе читателя, хорошо знакомаго съ условнымъ образомъ дьявола, легко могло бы дополнить недостающія черты. Но не одною неполнотою страдаетъ этотъ характеръ; онъ, кромѣ того, не выдержанъ, переполненъ множествомъ противорѣчій. Вина эта падаетъ на Шписа только отчасти. Дѣло въ томъ, что въ самой легендѣ личность дьявола отличается нѣкоторою двойственностью, происходящей отъ того, что въ Мефистофельѣ отразились нѣкоторыя черты домового. А между христіанскимъ чортомъ и языческимъ домовымъ нѣтъ ничего общаго. Первый — отъявленный, закоснѣлый врагъ рода человѣческаго, тогда какъ послѣдній дружественно расположенъ къ человѣку, какъ это видно изъ народныхъ представленій германскаго и славянскаго племени. Можно указать нѣсколько чертъ даже въ

изображеніи внѣшняго вида Мефистофеля, которыя заимствованы изъ представленія о домовомъ.

Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ Шписъ не такъ смотрѣлъ на эти черты, какъ смотрять на нихъ позднѣйшіе ученые, но общій духъ легенды могъ незамѣтно для него повліять на изображеніе характера Мефистофеля. Только этимъ можно объяснить странное утѣшеніе Мефистофеля, обращенное къ Фаусту въ день смерти послѣдняго: «Не будь такъ малодушень, мой Фаустъ, говоритъ онъ; хотя и гибнетъ твое тѣло, однако, еще далеко то время, когда наступитъ судъ надъ тобою, умереть же все равно тебѣ придется, хотя бы ты прожилъ еще сто лѣтъ; вѣдь умираютъ же турки, жидаы и другіе нехристіанскіе народы, и ихъ ждетъ подобное же осужденіе. Притомъ ты не знаешь, на что осужденъ, поэтому смотри веселѣе и не отчаивайся: чортъ обѣщаль тебѣ помѣщеніе для души и тѣла; ты не будешь страдать, какъ прочіе осужденные». Къ чему такое сочувствіе, неприличное дьяволу?

Съ другой стороны, въ противорѣчивомъ изображеніи Мефистофеля болѣе всего виновато дидактическое стремленіе автора первой литературной обработки. Выше мы замѣтили, какъ дивно звучитъ протестантское благочестіе въ устахъ чорта, а такихъ примѣровъ въ сказаніи очень и очень достаточно.

Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ легенды мы упомянемъ лишь о Вагнерѣ, да и то только въ виду дальнѣйшихъ поэтическихъ обработокъ, потому что въ самомъ сказаніи онъ не играетъ почти никакой роли. «Докторъ Фаустъ, говорится у Шписа, воспиталь одного мальчика, который видѣлъ всѣ его приключенія, колдовство и дьявольское искусство». Это и былъ Вагнеръ, Wagener, какъ его называетъ сказаніе. «Этотъ Вагнеръ сдѣлался слугою мага, находился при немъ постоянно, такъ что Фаустъ называлъ его своимъ сыномъ». Передъ смертью Фаустъ сдѣлалъ его наслѣдникомъ не только своего имущества, но и своихъ знаній. Онъ оставилъ ему свои книги, далъ даже въ услуженіе духа Лувергана, который, въ видѣ обезьяны, долженъ былъ всегда находиться при Вагнерѣ и служить ему. За все это Вагнеръ былъ обязанъ, съ помощью своего духа, собрать и описать подвиги Фауста. Такимъ образомъ, Вагнеръ — герой другихъ сказаній, такъ какъ его дѣятельность должна начаться только послѣ смерти Фауста. Поэтому въ сказаніи о Фаустѣ мы почти не находимъ характеристики Вагнера. «Это былъ дурной, бѣглый мальчишка, который побирался въ Виттенбергѣ; никто не хотѣлъ брать его къ себѣ за дурной харак-

теръ. Связавшись съ Фаустомъ, онъ бражничалъ и велъ шумную жизнь». Вотъ и все.

VII.

Легенда о Фаустѣ пользовалась большою популярностью еще въ XVI вѣкѣ; ея извѣстность заставила и Шписа предпринять литературную обработку этого сказанія. «Уже давно, говоритъ онъ, похождения доктора Фауста сдѣлались въ Германіи обыкновеннымъ предметомъ обширныхъ разсказовъ. Исторію Фауста вспоминаютъ на пирахъ и въ собраніяхъ». Успѣхъ книги Шписа доказалъ, что мнѣніе ея автора о популярности легенды не было преувеличено. Хотя первая обработка Шписа вышла въ свѣтъ во Франкфуртѣ на Майнѣ только въ сентябрѣ 1587 года, тѣмъ не менѣе въ томъ же году вышли еще *четыре* обработки легенды. Но этимъ дѣло не ограничилось. Въ теченіе 2¹/₂ вѣковъ легенда была издана 23 раза, изъ которыхъ 17 относятся къ послѣднимъ 14 годамъ XVI столѣтія. Это были или перепечатки изданія Шписа, или новыя переработки легенды. Замѣчательно, что въ XVII вѣкѣ легенда въ прозаической формѣ распространяется преимущественно среди образованныхъ классовъ, и простой народъ знаетъ ее изъ устныхъ преданій или въ драматической обработкѣ для кукольныхъ театровъ. Только въ XVIII в., съ развитіемъ рационализма въ образованномъ обществѣ, Фаустъ перерабатывается въ народномъ тонѣ, и въ такой формѣ продолжаетъ существовать на нѣмецкихъ книжныхъ рынкахъ до настоящаго времени. Къ первой категоріи относятся обработки Георга Видмана 1599 года и доктора медицины Пфитцера въ сообществѣ съ теологомъ Платцемъ въ 1674 году; ко второй — неизвѣстнаго автора, скрывающагося подъ псевдонимомъ «Der christlich Meinende». Книга Видмана чрезвычайно поучительна для характеристики отношенія къ колдовству въ концѣ XVI столѣтія. Она по своему объему превосходитъ почти въ 4 раза изданіе Шписа, раздѣляется на три части и содержитъ изложеніе легенды съ обширнымъ къ ней комментариемъ. Видманъ желаетъ доказать съ помощью ученыхъ изысканій и авторитетныхъ цитатъ реальность всего того, что разсказывалось о Фаустѣ. Положивъ въ основаніе своего изданія обработку Шписа, онъ произвольно видоизмѣнилъ или, вѣрнѣе, исказилъ ее. Съ одной стороны, онъ еще болѣе усилилъ главный недостатокъ Шписа — дидактизмъ. Для этой цѣли онъ выпустилъ путешествія Фауста,

разсказалъ о его развратной жизни и, что хуже всего, исторію его отношеній къ греческой Еленѣ, и сдѣлалъ это, какъ онъ самъ выражается, изъ «основательныхъ, христіанскихъ побужденій». Что касается до вставокъ, то онѣ произошли отчасти подъ вліяніемъ новыхъ источниковъ ¹⁾, отчасти подъ вліяніемъ дидактизма и желанія дать обработкѣ ученый аппаратъ. Вставки первой категоріи—единственная заслуга Видмана: онѣ состоятъ изъ мѣстныхъ сказаній о Фаустѣ, сложившихся въ Гейльброннѣ, Боксбергѣ и Галлѣ. Эти вставки имѣютъ то значеніе, что сосредоточиваютъ въ литературной обработкѣ вновь сложившіяся преданія. Затѣмъ, побуждаемый дидактической цѣлью, Видманъ чрезвычайно распространяетъ скучный отдѣлъ научныхъ и богословскихъ бесѣдъ Фауста съ Мефистофелемъ и замѣняетъ поэтическія жалобы Фауста передъ смертью длиннѣйшими и утомительнѣйшими проповѣдями. Наконецъ, желаніе дать книгѣ полную достовѣрность, несмотря на ея баснословное содержаніе, заставляетъ Видмана приводить подробное описаніе жилища Фауста, приводить историческія параллели и ссылаться на различные авторитеты. Но всѣ эти урѣзыванія и вставки гораздо менѣ повредили легендѣ, чѣмъ искаженіе образовъ Фауста и Мефистофеля. Въ Фаустѣ онъ видитъ прежде всего сластолюбца, выдвигаетъ на первый планъ въ его характерѣ жажду самыхъ низменныхъ удовольствій. «Онъ бросилъ теологію, началъ веселую жизнь»—и это довело его до союза съ дьяволомъ. Виѣсто титана передъ нами обыкновенный пошловато-хитрый человекъ, который думаетъ обмануть чорта и, поживъ въ свое удовольствіе, «заблаговременно раскаяться и примириться съ христіанскою церковью». Не менѣе искаженъ и Мефистофель. Юмора и ироніи въ немъ нѣтъ и слѣда; онъ болѣе похожъ на стараго суроваго капуцина, чѣмъ на хитреца и «удивительнаго сына хаоса»: капуцинады слишкомъ многочисленны.

Но и это произведеніе оказалось въ XVII вѣкѣ недостаточно научнымъ. Въ 1674 году появилась обработка Пфитцера и Платца. Задача новыхъ издателей заключалась въ томъ, чтобы усилить ученый аппаратъ Видмана; для этой цѣли они къ каждой главѣ прибавляютъ обширныя «примѣчанія» со всевозможными учеными цитатами изъ всѣхъ авторитетовъ. Впрочемъ, въ этой обработкѣ уже замѣтно слабое вѣяніе новаго духа. Пфитцеръ

¹⁾ Главнымъ источникомъ Видмана, послѣ Шпиеа, были мѣстныя преданія, письма знакомыхъ Фауста студентовъ, исторія Фауста, написанная Вагнеромъ или Вайгеромъ, какъ онъ называется у Видмана, и какая-то оригинальная исторія Фауста, написанная 3 магистрами, синовиими одного доктора въ Лейпцигѣ.

не вѣрять въ инкубовъ и суккубовъ. По его мнѣнію, это одно только ослѣпленіе. «Духи, разсуждаетъ онъ, не имѣютъ тѣлеснаго существа», поэтому «они не могутъ дать того, чего сами не имѣютъ, т.-е. сѣмени, которое получаетъ свое происхожденіе отъ живого тѣла; но все, что живетъ, должно необходимо питаться, а что питается—смертно». Еслибы, слѣдовательно, духи могли производить дѣтей, «то они тоже были бы смертны, а это противорѣчить св. Писанію». Здѣсь уже сквозитъ сколастическу про-свѣщивающій рационализмъ ¹⁾.

Кромѣ массы обработокъ, легенда о Фаустѣ знавала чрезвычайно много подражаній. Существовало много сказаній о Вагнерѣ, ученикѣ Фауста, объ Іоганнѣ де-Люна, ученикѣ Вагнера, причемъ позднѣйшіе волшебники представляли собою простой сколокъ съ своего прототипа. Такъ, Вагнеръ, вступая въ договоръ съ своимъ духомъ Ауэрганомъ, ставитъ первымъ условіемъ пріобрѣтеніе знаній. Изъ 10 договорныхъ пунктовъ, три первые касаются наукъ. Вагнеръ требуетъ, чтобы духъ сообщалъ ему «все, что онъ будетъ спрашивать о земныхъ и подземныхъ дѣлахъ духовъ, объ ихъ положеніи, сколько ихъ и какъ они называются». Далѣе, чортъ долженъ дать ему «знаніе всѣхъ естественныхъ вещей», долженъ «старательно обучить его всѣмъ искусствамъ геометріи, астрономіи, астрологіи, алхиміи и медицинѣ». Въ одномъ только ученикъ уступаетъ учителю—въ немъ гораздо сильнѣе развито стремленіе къ благамъ міра сего. Въ семи пунктахъ договора онъ подробно исчисляетъ всѣ тѣ житейскія прелести, которыхъ желаетъ достигнуть союзомъ съ дьяволомъ. Онъ требуетъ денегъ, Пегаса, женщинъ и дѣвицъ, подземныхъ сокровищъ, возможности распорядиться всѣми животными на водѣ и на сушѣ. Онъ желаетъ продѣлывать всѣ удивительныя магическія штуки и быть совершенно безопаснымъ отъ всякаго оскорбленія. То же самое можно сказать и объ Іоганнѣ де Люна.

Фаусту приписывалась цѣлая масса магическихъ книгъ, раздѣлявшихъ извѣстность своего автора. Получить одно изъ такихъ

¹⁾ Только одна вставка Фитцера заслуживаетъ нѣкотораго вниманія въ виду того, что она нѣсколько напоминаетъ о Маргаритѣ въ Фаустѣ Гёте. „Фаустъ замѣтилъ одну довольно красивую, но бѣдную дѣвушку, которая пришла изъ деревни въ городъ (Виттевбергъ) и поступила въ услуженіе къ кушуду. Эта дѣвушка ему чрезвычайно понравилась, такъ что онъ всѣми силами старался овладѣть ею. Но несмотря на всѣ общавія, дѣвушка не соглашалась удовлетворить его грѣховнымъ желаніемъ и постоянно строго хранила свою честь. Тогда Фаустъ, не будучи въ состояніи иначе достигнуть своей цѣли, рѣшился вступить съ нею въ бракъ, что совѣтовали ему друзья и товарищи. Но Мефистофель частью угрозами, а главное тѣмъ, что доставилъ Фаусту Елену, успѣлъ помѣшать его намѣренію.

произведеній было довольно трудно. Въ 1699 и 1770 годахъ въ Цвикау пришли кладоискатели, которые съ страшными угрозами требовали сочиненія Фауста, хранившіяся, по слухамъ, въ тамошней библіотекѣ. Насколько опасно было имѣть какое-нибудь отношеніе къ этимъ сочиненіямъ, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1660 году одному бѣдному писцу въ Гильдесгеймѣ пришлось вытерпѣть долгое тюремное заключеніе потому, что онъ за хорошую плату переписалъ для незнакомаго чужеземца Höllenzwang Фауста. Онъ избѣгъ пытки только благодаря самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ и ручательствамъ за его безукорызненную жизнь; нужно было увѣрять самыми страшными клятвами, что тотъ, въ чьи руки была передана рукопись, не былъ самъ чортъ.

Келеръ, видѣвшій въ легендѣ о Фаустѣ опасный по своей распространенности предрассудокъ и написавшій противъ него цѣлую книгу, приводитъ нѣсколько очень интересныхъ указаній на популярность сочиненій Фауста въ XVIII столѣтіи. «О нѣкоторыхъ значительныхъ библіотекахъ, говоритъ онъ, ходитъ слухъ, что онѣ обладаютъ рѣдкимъ сокровищемъ-оригиналомъ Höllenzwang'a Фауста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно монастыряхъ, это сочиненіе хранится, по слухамъ, въ отдѣльныхъ, закованныхъ цѣпами сундукахъ... Хотя теперь эти книги не особенная рѣдкость, но онѣ распространяются потихоньку и только въ тайныхъ кружкахъ маговъ, которые неохотно показываютъ ихъ самымъ близкимъ друзьямъ и тщательно скрываютъ отъ профановъ. Менѣе скрытые люди эксплуатируютъ эту таинственность и ведутъ очень выгодную торговлю подобными произведеніями. Они готовятъ много списковъ и продаютъ ихъ богатымъ людямъ. Особенно занимаются этимъ въ австрійскихъ, баварскихъ и швабскихъ монастыряхъ. Обыкновенная цѣна книги 200 талеровъ, но можно купить и за 150 и даже за 100».

Интересенъ далѣе слѣдующій примѣръ вліянія сочиненій Фауста въ XVIII вѣкѣ,—примѣръ очень характерный и для самого произведенія Келера. «Между многими печальными примѣрами, которые ясно показываютъ вредное вліяніе Фаустова Höllenzwang'a на умы и на жизнь, особенно заслуживаютъ вниманія заблужденія одного студента въ Іенѣ. Въ 1715 году этотъ студентъ хотѣлъ вырыть кладъ въ одномъ виноградникѣ, но во время этой операціи задохся отъ угольнаго чада. Никогда не рискуя бы онъ на столь опасное предпріятіе, восклицаетъ авторъ, еслибы не привелъ его къ этому Höllenzwang Фауста». Въ 1722 году въ Цвикау распространился слухъ, будто тамошніе студенты изъ

книгъ Фауста научились летать на плащѣ, и будто такимъ образомъ они носятся по воздуху надъ городскими стѣнами и сосѣдними озерами.

Любопытное указаніе на вліяніе Фаустовой легенды въ XVII столѣтіи представляетъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ 30-лѣтнюю войну: солдаты Тилли, провиннувъ въ Саксонію, напали на деревню Бреда на Эльбѣ; тогда деревенскій судья вышелъ на-встрѣчу врагамъ и объявилъ, что его домъ извѣстенъ ужасною смертію Фауста, какъ это показываютъ стѣны дома, еще теперь сохранившія слѣды крови волшебника. Сначала солдаты остановились въ изумленіи, но потомъ, быстро охваченные страхомъ, стали искать спасенія въ бѣгствѣ. Трудно указать другую легенду, которая приобрѣла бы себѣ такую извѣстность не только въ образованномъ обществѣ Германіи, но и среди нѣмецкаго народа, какъ сказаніе о Фаустѣ. Но тѣмъ не менѣе эту легенду нельзя назвать исключительно нѣмецкою, національною, какъ пытаются смотрѣть на нее нѣкоторые ученые. Она пользовалась обширною извѣстностью на всемъ Западѣ. Не говоря уже объ Англіи, гдѣ легенда впервые получила драматическую обработку, сдѣланную извѣстнымъ предшественникомъ Шекспира, Марло, сказаніе было переведено на голландскій языкъ, равно какъ и легенда о Вагнерѣ. Въ концѣ XVI столѣтія обѣ легенды были переведены на фламандскій языкъ. Во Франціи также было много изданій легенды въ обработкѣ Шписа, которая пользовалась такою извѣстностью, что даже на переводчика сказанія, Виктора Пальма Кайе (Victor Palma Cayet), пала лучъ славы Фауста: онъ также позже считался волшебникомъ.

Въ подражаніе Фаусту во Франціи сложилось два мѣстныхъ сказанія, герои которыхъ, Урбанъ Грандье и Люксембургъ, носятъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія нѣмецкаго волшебника. Урбанъ Грандье, настоятель церкви св. Петра въ Люденѣ, былъ обвиненъ монахинями монастыря св. Урсулы въ томъ, что вселялъ во многихъ изъ нихъ бѣса. Благодаря различнымъ интригамъ, возникшій противъ него процессъ кончился осужденіемъ Грандье. Въ 1634 году онъ былъ сожженъ. Вскорѣ послѣ его смерти образовалось сказаніе о томъ, какъ онъ вступилъ съ дьяволомъ въ договоръ, условія котораго напоминаютъ договоръ Фауста. Правда, здѣсь видно вліяніе католицизма, чего нѣтъ въ Фаустовой легендѣ, но общая канва и нѣкоторыя частности, очевидно, заимствованы отсюда. François Henry de Montmorency, duc de Luxembourg et de Pincy, маршалъ и пэръ Франціи, родился въ 1628 году, а умеръ въ Версалѣ въ 1695 году. Онъ

принадлежалъ къ числу полководцевъ Людовика XIV, пользовавшихся большою популярностью въ войскѣ, и отличался безкорыстіемъ. Но болѣе всего онъ славился патриотизмомъ; говорить, что даже однажды онъ выразилъ желаніе отдать душу дьяволу, лишь бы былъ счастливъ его король въ своихъ предпріятіяхъ. Заподозрѣнный въ колдовствѣ еще при жизни, онъ былъ подвергнутъ слѣдствію, но успѣлъ благополучно отдѣлаться отъ суда. Рассказывали, что на смертномъ одрѣ онъ открылся извѣстному Бурдалу въ томъ, что заключилъ союзъ съ дьяволомъ для поддержанія католической церкви и религіи, а также изъ любви къ королю. Ради такой святой цѣли, по мнѣнію Бурдалу, можно все простить, и святой отецъ сжегъ договоръ. Но не такъ-то легко простилъ народъ неистовства солдатъ Люксембурга: онъ сложилъ цѣлое сказаніе объ этомъ полководцѣ, гдѣ тотъ является волшебникомъ и слугою сатаны. Это сказаніе составило народную книгу, которая распространялась на нѣмецкомъ языкѣ по всѣмъ княжннмъ рынкамъ Германіи. Похожденія Люксембурга цѣликомъ заимствованы изъ легенды о Фаустѣ; его связь съ нѣмецкимъ волшебникомъ принималась и позднѣйшими читателями, какъ это показываетъ одна народная книга первой половины XVIII вѣка, которая имѣла слѣдующее заглавіе: «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между прежнимъ французскимъ генералъ-фельдмаршаломъ, герцогомъ Францемъ Гейнрихомъ Люксембургомъ и докторомъ Фаустомъ, двумя архичародѣями и черновнжниками. Лейпцигъ 1733 года».

Наконецъ, въ Польшѣ вліяніе легенды о Фаустѣ отразилось на національномъ сказаніи о панѣ Твардовскомъ. Твардовскій, какъ Фаустъ, дѣлается докторомъ-медицины, также отдаетъ чорту душу и тѣло; оба отличаются ученостію и распутствомъ; обомъ сатана доставляетъ деньги и женщинъ; обомъ уноситъ чортъ изъ трактира въ полночь; оба, наконецъ, тщетно пытаются покаяться. Но при этомъ сходствѣ есть существенная разница: Твардовскій—истый полякъ: онъ дворянинъ и проинженуть дворянскою честью. Сатана знаетъ, какъ удержать въ повиновеніи гордаго пана: *verbum mobile*, говоритъ онъ ему, *debet esse stabile*.

Но легенда о Фаустѣ распространялась не только, такъ сказать, горизонтально, географически; ея извѣстность шла и въ вертикальномъ направленіи, отъ высшихъ культурныхъ слоевъ общества до народныхъ массъ. Въ теченіе XVI, XVII и даже XVIII столѣтій, докторъ Фаустъ былъ одинаково популяренъ, какъ среди интеллигенціи, такъ и въ народѣ; конечно, легенда о Фаустѣ съ теченіемъ времени, съ развитіемъ рациона-

лизма, должна была исчезать изъ обращенія среди образованнаго общества, но въ народѣ она коренится и теперь. Количество изданій народной книги о Фаустѣ въ XIX вѣкѣ доказываетъ, что нѣмецкій народъ хорошо знаетъ своего героя и по настоящее время.

VIII.

Въ чемъ же заключается причина такой громадной популярности легенды? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, рассмотримъ тѣ воззрѣнія на эту легенду, которыя высказаны были ея многочисленными изслѣдователями. Всѣ или почти всѣ отзывы о Фаустовой легендѣ отличаются большею или меньшею односторонностью: они не даютъ объясненія ея значенія, потому что упускаютъ изъ вниманія черты той эпохи, когда она впервые возникла. Такъ Гёрресъ не видитъ существеннаго отличія Фауста отъ его предшественниковъ. «Фаустъ, говоритъ онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, болѣе книга, нежели личность. Все, что рассказываетъ исторія его жизни о его волшебныхъ походахъ, все это уже за нѣсколько столѣтій ходило въ народѣ, какъ преданіе. Такимъ образомъ, личность Фауста является какъ бы печатью, которая приложена ко всему собранію волшебныхъ легендъ»¹⁾. Онъ видитъ въ Фаустѣ главнокомандующаго, который свершилъ болѣе, чѣмъ его предшественники. Съ одной стороны, это вѣрно; походы Фауста не оригинальны, дѣйствительно, но отчего же ихъ приписали именно Фаусту, и отчего они популярны? На первый вопросъ Гёрресъ отвѣчаетъ поэтическимъ сравненіемъ. Онъ знаетъ, что Фаустъ былъ простымъ шарлатаномъ, и что сказаніе выбираетъ обыкновенно героемъ выдающуюся личность; но въ данномъ случаѣ легенда поступаетъ съ Фаустомъ точно также, «какъ дѣлаетъ природа, когда она покрываетъ развалины цвѣтами и зеленью».

Вопросъ, слѣдовательно, оставленъ безъ отвѣта. Что касается до второго вопроса, то на него положительно отвѣчаетъ Моне, стоящій на одной точкѣ зрѣнія съ Гёрресомъ. «Не личность, говоритъ онъ, но извѣстность болѣе старыхъ сказаній способствовала существеннымъ образомъ столь широкому распространенію по Европѣ походовъ д-ра Фауста. Если бы сущность дѣла заключалась здѣсь исключительно въ волшебномъ характерѣ легенды,

¹⁾ Görres. Die Sage von D-r Faust, p. 81.

если бы только колдунскій элементъ былъ причиною популярности Фауста, то и Триттенгеймъ, и Агриппа Неттесгеймъ и Теофрастъ Парацельсъ были бы не менѣе его вѣдѣстны».

Другіе исследователи легенды отрываютъ ее отъ почвы, разсматриваютъ съ эстетической точки зрѣнія, вѣдѣ всякаго отношенія къ современной эпохѣ. Эти критики видятъ въ ней поэтическое произведеніе, герой котораго олицетворяетъ въ себѣ внутреннюю борьбу противоположныхъ элементовъ. «Если средневѣковые поэты, говоритъ Штиглицъ, выбирая предметомъ поэтического изображенія великій разладъ въ человѣкѣ между природою и духомъ, знаніемъ и вѣрою, земнымъ и небеснымъ, представляли его въ двухъ различныхъ индивидуумахъ, то здѣсь мы находимъ то и другое соединеннымъ въ одномъ Фаустѣ, и эта борьба завязывается въ одной личности»¹⁾. Въ этой оцѣнкѣ легенды слишкомъ рѣзко бросается въ глаза вліяніе ея позднѣйшей драматической обработки Фауста—Гёте. Дѣйствительно, въ Фаустѣ конца XVIII в. борьба знанія и вѣры существуетъ, тамъ она возможна и понятна, но между Фаустомъ Гёте и Фаустомъ легенды двухъ столѣтій, и притомъ такихъ, какъ XVII и XVIII, когда человѣческій разумъ съ небывалою въ исторіи быстротою пролагалъ себѣ путь въ жизнь—мало общаго. Въ Фаустѣ легенды еще нѣтъ атеиста, а только—титанъ, который вѣритъ въ Бога, но все-таки восстаетъ противъ него.

Въ героѣ легенды уже замѣтны слѣды индивидуализма; замѣтенъ протестъ противъ приниженности личности въ католическую эпоху. Эту черту подмѣтилъ Розенкранцъ, но онъ утрируетъ ее до крайности, до полной противоположности съ дѣйствительностью. «Въ Фаустѣ, говоритъ онъ, какъ въ свободной индивидуальности только für sich, а не an und für sich, заключаются средніе вѣка и вмѣстѣ съ ними вѣра въ чорта вѣдѣ человѣка. Чортъ съ внутреннимъ характеромъ воли переселяется въ собственное я человѣка и дѣлается поэтому еще болѣе чортомъ, чѣмъ въ средніе вѣка»²⁾. Къ сожалѣнію и здѣсь носится передъ глазами автора Фаустъ и Мефистофель не легенды, а Гёте.

Освобожденіе личности произошло не вдругъ и не во всей полнотѣ: самъ Лютеръ признавалъ еще чорта, который ограничивалъ личность, а часто и вполне повелѣвалъ ею; реформація была только первою ступкою въ защиту личности, которой пришлось еще много бороться за свои права до конца прошлаго вѣка.

¹⁾ Stieglitz, Die Sage vom D-r Faust, p. 12.

²⁾ K. Rosenkranz, Geschichte der deutschen Poesie, p. 43.

Но каковъ бы ни былъ характеръ Фауста, какое бы значеніе мы ни придавали сказанію, понимая его болѣе или менѣе аллегорически, мы должны допустить, что для современниковъ и для массы это было только волшебное, очень поучительное сказаніе объ ужасной кончинѣ извѣстнаго колдуна. «Сказаніе о Фаустѣ, говоритъ Дюнцеръ, какъ оно развилось въ XVI столѣтій, основано на томъ весьма матеріальномъ и въ высшей степени странномъ для насъ, образованныхъ людей, воззрѣніи, котораго держались въ эпоху реформации относительно личнаго вмѣшательства въ людскія дѣла реального дьявола, подстерегающаго человѣка на всѣхъ стезяхъ и путяхъ его... Основное зерно сказанія составляетъ ученіе о томъ, что слѣдуетъ остерегаться союза съ злымъ началомъ, духи котораго повсюду насъ преслѣдуютъ, что не нужно увлекаться гордостью и заносчивостью—этими сѣтями, въ которыя чортъ съумѣетъ насъ поймать наилучшимъ образомъ»¹⁾.

Если эпоха, въ которую образовалась легенда, и измѣнила черты, какъ самаго сказанія, такъ и его героя, если Фаустъ и рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ, представляетъ, какъ типъ, болѣе интереса,—то этого не замѣчали ни авторъ легенды, ни ея излагатели. Хотя, напримѣръ, Шписъ и указываетъ на сходство Фауста съ титаномъ, но быстро забываетъ объ этомъ и приписываетъ Фаусту такіе подвиги, которые вовсе не подходятъ къ его титаническому характеру. Конечно, при этомъ условіи вопросъ о причинахъ популярности легенды остается открытымъ. И, дѣйствительно, эти причины лежатъ не въ содержаніи легенды, какъ ее понимали современники и народъ, такъ какъ легенда съ такимъ содержаніемъ очень много было и прежде; не въ художественномъ совершенствѣ характеровъ легенды, потому что его не было въ обработкахъ, — а въ той окраскѣ, какую приняла легенда, благодаря эпохѣ своего происхожденія, въ той роли, которую она играла въ борьбѣ католицизма съ ученіемъ Лютера. *Легенда о Фаустѣ является проводникомъ протестантскихъ воззрѣній; она проникнута антикатолическою тенденціею; она враждебна среднепѣтковой церкви.* Это будетъ очевидно, если прослѣдить эту сторону сказанія во всѣхъ его обработкахъ и передѣлкахъ.

Нѣкоторые изъ писателей, такъ или иначе касавшихся легенды, отчасти подходили къ такому выводу о причинахъ популярности Фауста. Уже Сольданъ высказалъ мнѣніе, что легенда

¹⁾ Göthe's Faust, p. 111 и 112.

о Фаустѣ служила для духовенства и «воспитанной имъ черни» средствомъ, «чтобы поставить на видъ сказкою о Фаустѣ», гдѣ описывается гибель ученаго мага, то обстоятельство, что ненавистные имъ ученые волшебники, Триттенгеймъ, Агриппа, Парацельсъ и другіе, избѣгли заслуженнаго ими востра¹⁾. Несмотря на всю свою неосновательность, это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое значеніе потому, что указываетъ на вліяніе религіозныхъ споровъ въ исторіи сказанія. Еще ближе подходитъ къ указанному выводу Маньенъ. «Этотъ новый мнѣ, говоритъ онъ, отмѣченный при самомъ своемъ происхожденіи предшествовавшимъ реформаціи духомъ скептицизма, имѣлъ преимущество восхищать въ одно и то же время обѣ борюшія партіи. Одни видѣли въ осужденіи доктора справедливое наказаніе за безразсудное и нечестивое стремленіе къ званію; другіе съ удовольствіемъ олицетворяли въ Фаустѣ ненавистнаго виновника религіозной революціи, безразсуднаго Виттенбергскаго теолога-софиста»²⁾. И въ этомъ мнѣніи можно согласиться только съ тѣмъ, что обѣ партіи были заинтересованы въ сказаніи; но мы не находимъ въ легендѣ скептицизма—это одна ошибка Маньена, а другая, болѣе важная, заключается въ томъ, что онъ невѣрно представляетъ характеръ отношенія обѣихъ партій къ сказанію о Фаустѣ.

Въ чемъ выразился протестантскій элементъ и насколько сильно отразилось его вліяніе на первой литературной обработкѣ Шписа, мы уже указали выше. Теперь намъ остается прослѣдить его на дальнѣйшихъ изложеніяхъ.

Въ изданіи легенды Видмана полемическая тенденція противъ католицизма еще замѣтнѣе, чѣмъ у Шписа.

Въ «застольныхъ бесѣдахъ» и другихъ своихъ сочиненіяхъ Лютеръ часто касался вопроса объ отношеніи колдовства къ католицизму. Такъ, онъ проводитъ параллель между колдовствомъ и папствомъ: первое онъ считаетъ «собственнымъ дѣломъ дьявола», а о второмъ—выражается слѣдующимъ образомъ: «чортъ, установившій папство, говоритъ и дѣлаетъ все черезъ папу и римскій престолъ».

Въ другомъ мѣстѣ, у Лютера встрѣчается такой взглядъ на чудеса: «чортъ совершаетъ чудеса черезъ своихъ вѣдьмъ и любовницъ, а также черезъ поклоненіе святымъ мѣстамъ и священное идолопоклонство». Католическихъ монаховъ Лютеръ сравниваетъ съ колдунами: «Мы, монахи, говоритъ онъ, настоящіе кол-

¹⁾ Geschichte der Hexenprocesse.

²⁾ Magnin, Histoire des marionnettes, p. 297.

дуны и фокусники дьявола, ибо мы заколдовываемъ и ослѣпляемъ нашимъ шарлатанствомъ весь міръ, такъ что онъ вмѣстѣ съ нами отпадаетъ отъ Христа... Сначала дьяволъ не дѣлалъ ничего другого, какъ соблазнялъ міръ монашествомъ». Хотя Шписъ и находился, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ Лютера, однако въ его обработкѣ мы не находимъ такихъ рѣзкихъ отзывовъ о католичествѣ. Изданіе 1587 года отличается умѣренно-протестантскимъ характеромъ; лишь въ дальнѣйшей обработкѣ сказаніе пронизывается болѣею враждой къ католицизму.

Видманъ ставитъ колдовство Фауста въ причинную связь съ обрядами католической церкви. «Папство еще было въ ходу; тамъ и самъ прибѣгали еще къ освященіямъ и другимъ суевѣрнымъ дѣйствіямъ идолопоклонства, что очень нравилось Фаусту... Сообщество съ папистами и цыганами погубило Фауста». Далѣе, Фаустъ извиняетъ свое грѣховное занятіе тѣмъ, что къ нему прибѣгали папы и кардиналы, и Видманъ съ большимъ удовольствіемъ приводитъ въ «Egippenungen» длинный рядъ рассказовъ о папахъ-волшебникахъ. Какъ относится Видманова обработка къ монашеству, лучше всего видно изъ слѣдующаго рассказа: «Когда Богъ отецъ, какъ говоритъ Библія, создавалъ человѣка, то слѣпилъ его фигуру изъ глины, и сказалъ: fiat!—и произошелъ красивый человѣкъ Адамъ. Чортъ, подсмотрѣвъ и подслушавъ это изъ-за дерева, пошелъ и подумалъ:—Постой, пуцу въ ходъ и я свою божественность и создамъ себѣ человѣка;—потомъ взялъ глины и хотѣлъ однимъ словомъ создать его, какъ то сдѣлалъ Богъ. Но чортъ не обратилъ должнаго вниманія на слово fiat, что значить, да будетъ,—и сказалъ fuat. Тогда явился на свѣтъ монахъ. Самъ чортъ, взглянувъ на него, засмѣялся и сказалъ: «Да, конечно, fuat! ты очень отвратителенъ, нисколько не лучше меня. Плюю на тебя на вѣчныя времена, потому что плохо обдумалъ свою работу. Иди въ міръ и обманывай людей»¹⁾).

Мефистофель позволяетъ Фаусту читать священное писаніе, кромѣ нѣкоторыхъ книгъ, особенно—ап. Павла, который, какъ извѣстно, былъ главною опорою Лютера въ борьбѣ противъ папства. Чортъ охотно бесѣдуетъ съ Фаустомъ «о церемоніяхъ, о мессѣ, о чистилищѣ, о легендахъ, о соборахъ и швольномъ богословіи», но ничего не хочетъ говорить о догматахъ, признаваемыхъ протестантизмомъ, каковы ученіе о св. Троицѣ, крещеніе и т. д.

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ чортъ говоритъ, что монахъ и создать—самые пріятныя для него люди, потому что оба они оскорбляютъ Бога и людей—мысль, которую часто проводятъ въ своихъ прозведеніяхъ и Фразъ Роттердамскій.

Безбрачіе чортъ ставить условіемъ союза, и вмѣсто жены рекомандуетъ Фаусту «пользоваться кухаркой патера».

Характернѣ всего проявляется вражда къ католицизму въ пророчествахъ Фауста. Тамъ говорится, что папство попало въ страну Содомы и Гоморры, и что поэтому папа «живетъ въ совершенномъ нечестіи», весь отдался «всѣмъ видамъ сладострастья» и погрязъ «въ гнусномъ развратѣ»... «Прекрасный городъ Римъ сдѣлался источникомъ содомскихъ гнусностей». Далѣе, предсказаніе говорить о Лютерѣ: но явится на свѣтъ Божій монашекъ (Münchlein), который получитъ повелѣніе отъ Бога, какъ пророкъ Исаія, и возвыситъ, какъ бы въ гнѣвъ, свой голосъ противъ папы... Онъ начнетъ проповѣдывать противъ папства, и когда вырветъ его съ корнемъ, тогда снова зажжетъ огненнымъ мечомъ уже потухшее пламя христіанской любви. Отъ этого вавилонская блудница придетъ въ ярость и безуміе, броситъ въ Тибръ ключи св. Петра и возьметъ въ руку обнаженный мечъ. Тотчасъ послѣ этого проповѣдникъ призоветъ изъ Испаніи молодого рыкающаго льва, который приведетъ съ собою въ нѣмецкую страну много медвѣдей. Однако, этотъ левъ будетъ не свирѣпъ, а кротокъ. На-встрѣчу испанскимъ медвѣдямъ выдутъ изъ лѣсовъ и пещеръ другіе сильные медвѣди: богемскіе, саксонскіе, гессенскіе и возьмутся за оружіе. Тогда произойдетъ великій мракъ, который, однако, скоро разсѣется, тогда засіяетъ солнце правды и будетъ блестѣть въ глаза вавилонской блудницѣ, такъ что она ничего не будетъ видѣть, и т. д. Всѣ надежды и мечты протестантской партіи, всѣ ея неудавшіеся расчеты отражаются въ этой легендѣ, какъ въ зеркалѣ, повѣряются ей, какъ другу.

Обработка Видмана легла въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ передѣлокъ сказанія о Фаустѣ, поэтому протестантская тенденція, которую она проникнула, сохраняется и въ прочихъ обработкахъ.

Передѣлка легенды о Фаустѣ, сдѣланная «von einem christlich Meinenden», также носитъ на себѣ явные слѣды протестантскаго вліянія, что особенно важно, такъ какъ эта книга, составленная въ народномъ духѣ, находитъ себѣ читателей даже въ XIX вѣвѣ. Авторъ этой обработки, подобно Видману, видитъ причину гибели Фауста въ мракѣ, бывшемъ «до реформациі Лютера»; онъ также упоминаетъ о пророчествѣ Фауста, въ которомъ магъ предсказываетъ наступленіе реформациі, времени, когда прекратятся «тяжкіе вздохи подъ нестерпимымъ игомъ» папства.

Протестантскій характеръ легенды о Фаустѣ удержался и въ народныхъ книгахъ позднѣйшей эпохи. Такъ, въ изданіи Марбаха обязательство Фауста не вступать въ бракъ вошло въ число

условій договора съ дьяволомъ ¹⁾. Тѣ сказанія, которыя развились изъ легенды о Фаустѣ, также сохранили основной тонъ своего источника.

Въ книгѣ, описывающей жизнь Вагнера, также замѣтны анти-католическія тенденціи, хотя онѣ не выступаютъ здѣсь съ такою ясностью и рѣзкостью, какъ въ Фаустовой легендѣ. Составитель сказанія о Вагнерѣ, считавшій почему-то нужнымъ скрыть свое имя, старается замаскировать и свои протестантскія убѣжденія. «Я такъ составилъ эту книгу, чтобы въ ней нельзя было ничего найти, что было бы противно Богу, несогласно съ его словомъ и могло бы послужить ко вреду римской церкви». Но далѣе оказывается, что составителю было мало дѣла до римской церкви; самъ онъ не принадлежитъ къ ней, потому что никогда не выражается «наша церковь», а всегда говоритъ: римская; самымъ важнымъ дѣломъ считаетъ посѣщеніе не мессы, а *проповѣди*, и требуетъ уваженія къ *проповѣдникамъ*. Встрѣчаются даже прямыя насмѣшки надъ нѣкоторыми вѣрованіями католической церкви.

Де-Люна, собираясь вступить въ союзъ съ дьяволомъ, размышляетъ слѣдующимъ образомъ: «Я рѣшился насладиться нѣкоторое время грѣховною живнію, потомъ, наблюдая свою выгоду, я отправлюсь въ Римъ, получу тамъ отпущеніе и возьму также агниумъ Dei, освященный самимъ папою». Въ другомъ мѣстѣ сказанія говорится о Сильвестрѣ II, что онъ «нигромантійей достигъ папства»; упоминается также о другихъ папахъ-волшебникахъ. Наконецъ, подвергается осмѣянію самая католическая месса: Де-Люна и Клаузенъ (слуга Вагнера), желая прогнать дьявола, который долженъ прійти за душою Вагнера, «начинаютъ пѣть и читать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ при служеніи мессы»; но это мало помогло дѣлу, потому что дьяволъ прогналъ обоихъ поповъ (Messpaffen) и завладѣлъ Вагнеромъ.

Сказаніе о герцогѣ Люксембургѣ, возникшее на католической почвѣ, но по образцу легенды о Фаустѣ, скоро также приняло протестантскую окраску. По крайней мѣрѣ, въ народной книгѣ враждебныя католицизму тенденціи проявляются весьма замѣтно. Такъ, по мнѣнію составителя, люди сами другъ друга соблазняютъ, когда не знаютъ, «что такое истинная религія», т.-е. «когда они не почитаютъ слова Божія, проповѣди и проповѣдниковъ». Тѣхъ духовныхъ, которые входили въ сношенія съ дьяволомъ, онъ называетъ не проповѣдниками (Prediger), а священниками (Priester); имъ онъ совѣтуетъ относиться такъ же къ

¹⁾ Leben, Thaten und Höllenfahrt des berufenen Zauberers und Schwarzkünstlers Dr. Johann Faust. Volksbücher 44. Herausgegeben von Marbach. Leipzig, bei Otto Wogund, p. 12.

чорту, какъ относится къ нему «Лютеръ и его товарищи», и прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ «милосердому Богу». И такъ, сказаніе о Фаустѣ, изложенное въ народныхъ книгахъ, а также сказанія о Вагнерѣ и Люксембургѣ, являются также чисто протестантскими легендами. Ихъ распространенность должна была принести въ XVI вѣкѣ пользу новому ученію и оказать ему значительную услугу.

Такое значеніе Фаустовой легенды не ускользнуло отъ вниманія католической партіи и главныхъ ея борцовъ - іезуитовъ. Они хотѣли воспользоваться сочиненіями Фауста, какъ протестанты пользовались прежде его біографіей. Уже изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Келеромъ, видно, что главнымъ хранилищемъ этихъ рукописей были монастыри и притомъ монастыри Баваріи и Австріи, главныхъ оплотовъ тогдашняго католицизма. Отцы общества Иисуса хотѣли сдѣлать изъ сочиненій Фауста руководство къ *блгоу* магіи, къ легальному распоряженію дьявольской силой во имя Божіе. Въ одной книгѣ, приписываемой Фаусту, но носящей названіе «черный Воронъ», авторъ является благочестивымъ католикомъ іезуитомъ. Онъ готовится къ заклинанію черта трехдневнымъ постомъ, молитвой, дѣлами милосердія, исповѣдію и причащеніемъ, служить три святыхъ мессы въ «честь святаго Духа». Отъ дьявола его охраняетъ скрытая на груди частица св. мощей. Самое заклинаніе называется «священное дѣло», потому что дьявола закликаетъ Фаустъ въ «честь Духа Святого». Если Фаустъ и получаетъ отъ чорта богатство, то онъ «жертвуетъ его на бѣдныхъ, на церковь и школы». Эти попытки католиковъ принесли мало пользы ихъ партіи; сочиненія Фауста хотя пользовались большимъ уваженіемъ, однако, не имѣли широкаго распространенія по своей дороговизнѣ. Поэтому нужно было создать католическую легенду, аналогичную Фаусту, которая могла бы противодѣйствовать протестантизму. Дѣйствительно, во Франціи встрѣчаемъ двѣ такихъ попытки, окончившихся, впрочемъ, неудачей. Легенда о Люксембургѣ, который заключилъ союзъ съ дьяволомъ *ad majorem Dei gloriam*, потеряла свой католическій характеръ, какъ только сдѣлалась народною книгой. Сказаніе объ Урбанѣ Грандье, который, по требованію дьявола, долженъ былъ ненавидѣть апостольско-римскую церковь, ея таинства и молитвы, — это сказаніе не получило распространенія, и такимъ образомъ, легенда о Фаустѣ одержала полную побѣду надъ своими соперниками.

Въ заключеніе, укажемъ еще на одинъ фактъ, служащій доказательствомъ связи между распространеніемъ книги о докторѣ

Фаустъ и протестантизмомъ. Легенда о Фаустѣ распространяется въ прозаической формѣ, кромѣ Германіи, только въ тѣхъ странахъ, гдѣ происходила нѣкоторая борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, каковы: Англія, Голландія, Франція ¹⁾, Польша ²⁾. Между тѣмъ тамъ, гдѣ эта борьба была менѣе сильна, какъ въ Италіи, или гдѣ ея почти совсѣмъ не было, какъ въ Испаніи, сказаніе о Фаустѣ въ прозаической формѣ неизвѣстно. Испанскій донъ-Жуанъ, котораго называютъ иногда южнымъ Фаустомъ, потому что онъ былъ извѣстенъ и въ Италіи, болѣе имѣетъ сходства съ любимымъ средневѣковымъ волшебникомъ, чѣмъ съ Фаустомъ. Въ донъ-Жуанѣ нѣтъ и помину о томъ свойствѣ характера, который называется «das Faustische» и зачатки котораго мы видѣли уже въ героѣ легенды. Испанскій волшебникъ, какъ воплощеніе чувственныхъ стремленій и ихъ однихъ только, принадлежитъ, несмотря на свою бѣдственную кончину, къ числу средневѣковыхъ волшебниковъ, заявлявшихъ протестъ противъ аскетическаго идеала.

Итакъ, легенда о Фаустѣ въ повѣствовательной формѣ, въ формѣ народной книги пользовалась, а отчасти и теперь пользуется большою популярностью. Но на ряду съ прозаической обработкой уже въ XVII вѣкѣ начинается распространяться эта легенда въ новой формѣ: въ формѣ народной драмы. Знаменитый волшебникъ выступаетъ съ XVII вѣка на сцену сначала народнаго, а потомъ вульгарнаго театра, дѣлается самымъ любимымъ предметомъ народныхъ зрѣлищъ. Въ XVIII вѣкѣ народная легенда снова обращаетъ на себя вниманіе передовыхъ людей Германіи: еще Лессингъ пытался создать философскую драму изъ легенды о Фаустѣ, но отъ его прозаическаго сохранились лишь ничтожные отрывки. Одному гению Гѣте удалось создать изъ стараго колдуна одинъ изъ глубочайшихъ типовъ и изъ простой фабулы народнаго преданія — величайшую драму новѣйшаго времени.

М. Корвинъ.

¹⁾ Переводчикъ обработки Шивса на французскій языкъ, Victor Palma Cayet, былъ придворнымъ реформатскимъ проповѣдникомъ при Екатеринѣ Бурбонской, сестрѣ Генриха IV.

²⁾ Въ сказаніи о Твардовскомъ, на которое, какъ мы видѣли, вліяла нѣмецкая легенда о Фаустѣ, замѣтна протестантская тенденція въ отношеніи въ паянѣ. Твардовскій, какъ Фаустъ, считаетъ также палу погрязшимъ въ чувственность, какъ преданъ ей онъ самъ, только въ легендѣ о Фаустѣ это выражено болѣе рѣзко.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НА ПОЛПУТИ.

Опять она, спокойная картина—
Созрѣвшей нивы золотая даль,
Луговъ цвѣтущихъ влажная равнина
Съ дорогой ровной какъ литая сталь,
И въ синевѣ безоблачнаго лѣта
Лиловыхъ горъ узорчатая тѣнь
Надъ залитыми полемемъ разсвѣта
Верхами хать убогихъ деревень...
И здѣсь среди глуши однообразной
Родныхъ степей, убогаго села,
Исчезъ и слѣдъ тревоги неотвязной,
Послѣдній слѣдъ съ усталого чела.
Свѣжѣ мысль, ровнѣ сердце бьется,
На мѣръ глядишь и вѣра, и любя,
И всей душой, всей силою живетъ
Съ надеждой гордой на себя...
Капризы мукъ, ребячество сомнѣній
Спугнулъ работы вѣковѣчный шумъ,
И пестрый рой болѣзненныхъ видѣній
Смѣнила рать сурово трезвыхъ думъ.
Среди толпы наивно-простодушной,
Могучей власти матери-земли
Всегда, во всемъ довѣрчиво послушной,
Иду я тамъ, гдѣ многіе прошли,

Чьи имена уже давно забыты,
 Чьи силы чистой вѣры и любви,
 Какъ сѣмена до лучшихъ дней сокрыты
 Подъ грубой почвой поднятой новы...

 II.

НА ВОЛГѢ.

Съ первымъ проблескомъ разсвѣта,
 Словно скрытая въ пыли,
 Тонкій очеркъ силуэта
 Вырѣзаютъ Жигули.

Въ блескѣ дня, горя и тая,
 Выплываютъ облака,
 Рѣвень Волги голубая
 Словно море широка.

Съ парусами въ распашную
 Вдоль зеленыхъ острововъ
 Мѣрно рѣжутъ гладь рѣчную
 Стаи бѣлыя судовъ.

Опершись на руль, часами
 Кормчій зорко въ даль глядитъ,
 Гдѣ надъ темными садами
 Городъ золотомъ горитъ.

Ближе степи, проще люди,
 Пѣсни вольныя слышнѣй,
 И дышать тутъ легче груди,
 Какъ-то мысли веселѣй...

Городъ пасмурный далеко,
 «Духъ неволи, строгій видъ,
 Скуку, холодъ и гранить»
 Замѣняетъ ширь востока...

III.

КОНЕЦЪ?...

Знакомый садъ, столѣтнія березы,
 Бурчавыхъ вазовъ шумная семья,
 Въ глуши аллеи вянущія розы
 И цѣпкимъ хмелемъ скрытая скамья;
 Знакомый видъ на нивы золотыя,
 На тишь и гладь невоиненныхъ луговъ,
 Гдѣ ясной Волги волны голубыя
 Несутъ станицы бѣлыя судовъ,
 И душный городъ съ темными садами,
 Гдѣ какъ лампы вѣчныя горять
 Кресты церквей надъ бѣлыми стѣнами
 Полуразрушенныхъ палатъ, —
 Все предо мной... Все воскресаетъ снова
 Въ своей восточно-диной красотѣ
 Подъ яркимъ солнцемъ полдня голубого,
 Подобно сказкѣ или мечтѣ...
 А я гляжу на все усталымъ взглядомъ
 И мѣрно жизни маятникъ въ груди
 Твердитъ докучно-монотоннымъ ладомъ:
 «Былого счастья здѣсь не жди...»

И я не жду. Далевъ я отъ былого
 И отъ блаженства невозвратныхъ дней,
 Я только радъ, что предо мною снова
 Тотъ чудный край, гдѣ встрѣтился я съ ней, —
 Тотъ чудный край, гдѣ я любилъ впервые,
 Ее любилъ и цѣлый міръ любилъ,
 Гдѣ всѣ мечты, всѣ силы молодя,
 Гдѣ я любовь мою похоронилъ...
 Откуда послѣ пыльною дорогой
 Съ толпою пестрой шелъ я заодно
 И въ даль глядѣлъ съ мучительной тревогой,
 А въ сердцѣ было пусто и темно...
 Прошли года невольнаго свитанья
 И сброшенъ гнетъ немилаго труда,
 А въ сердцѣ нѣтъ послѣдняго желанья,
 Желанья жить, ни искры, ни слѣда.

И только связь все съ тою же толпою,
Съ толпой усталой въ даль меня влечеть
И за нее съ мучительной тоскою
Теперь гляжу я пристально вперед...

IV.

IN MEMORIAM.

Всю ночь я до утра проплакалъ—
Мнѣ снилось, что ты ожила,
Когда въ моемъ сердцѣ усталомъ
Любовь навсегда умерла...

Все утро, весь день я проплакалъ—
Я вспомнилъ, что ты умерла,
Когда въ моемъ сердцѣ безумномъ
Любовь въ эту ночь ожила...

МАРТОВЪ.

ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОРЪ.

VIII *).

«МАЯКЪ» И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАРОДОЛЮБІЕ.—ИЗУЧЕНІЕ НАРОДНОСТИ МАЛОРУССКОЙ.—ВНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДНЫХЪ ИЗУЧЕНІЙ.

Мы пересмотрѣли нѣсколько различныхъ отгѣнковъ этнографическаго изученія въ литературѣ Николаевскихъ временъ; для полноты необходимо упомянуть о направленіи, которое выражалъ всего рельефнѣе журналъ «Маякъ», очень извѣстный въ свое время, но мало кому памятный теперь ¹⁾.

«Маякъ» называлъ себя органомъ «современнаго просвѣщенія въ духѣ русской народности». Исторически, онъ былъ продолженіемъ того особаго склада понятій, который уже съ давняго времени сказывался въ литературѣ напаками на «чужеземное» образованіе и обычай, сожалѣніями о добрыхъ старыхъ временахъ, когда такъ хорошо жили люди «по старинѣ», притязаніями на собственныя, чисто-русскія свойства. Подобныя нападки на чужеземное бывали иногда умѣстны, именно, когда направлялись на пустоту свѣтскаго общества, о которой — гораздо сильнѣе — говорила литература другого, не-арханческаго направленія; но даже и тутъ, эти нападки были всего чаще поверхностны, адресовались вовсе не туда, куда слѣдовало, и не имѣли дѣйствія: образованіе, которое считали «чужеземнымъ»,

---

*) См. выше: ноябрь, 151 стр.

1) О родственномъ ему „Москвитиннѣ“ скажемъ при другомъ случаѣ.

распространялось и бросало все болѣе глубокіе корни; защищаемая «чисто-русская» старина все больше забывалась и исчезала. Этого рода споры старины противъ новизны можно прослѣдить издавна. Историки литературы и образованности нашей хотѣли видѣть въ нихъ борьбу двухъ направленій, прогрессивнаго и консервативнаго, или же западнаго и національнаго, одного — идущаго отъ Петровской реформы, другого — отъ общества до-Петровскаго. Такъ и бывало иногда въ прошломъ столѣтіи, но въ этомъ спорѣ была и другая сторона, не имѣвшая такого историческаго извиненія. Споръ продолжался и въ обществѣ, принявшемъ реформу, и очень часто бывалъ только стариковскимъ брюзжаньемъ противъ новыхъ поколѣній, простымъ слѣдствіемъ недостаточности образованія, непониманіемъ новыхъ литературныхъ требованій, новыхъ научныхъ и общественныхъ явленій, исторически вполне законныхъ и необходимыхъ. Въ Петровскія времена втихомолку жалѣли о московской старинѣ; въ половинѣ прошлаго вѣка вспоминали Петровскія времена; Шишковь брюзжалъ противъ Карамзина; Карамзинъ — подъ старость — противъ «либералистовъ»; современники Пушкина сторонились отъ новой литературной школы; Гоголь подъ ихъ вліяніемъ отрекался отъ самого себя, и такъ далѣе. Мелкіе отголоски этой вражды къ новизнѣ, не переводившіеся въ литературу, становились прямымъ обскурантизмомъ, и кончались доносомъ. Къ несчастію, въ основаніи этого спора лежало и болѣе глубокое противорѣчіе, и для большинства трудно разрѣшимое недоумѣніе, которое въ сущности тянется и до нынѣ. Дѣло въ томъ, что новая образованность, начавшая проникать еще до реформы и особенно послѣ нея, никогда не получала въ нашей официальной и общественной жизни своего должнаго мѣста и полнаго права: научное изслѣдованіе, литература никогда не имѣли свободы, всегда находились подъ опекой, и притомъ, къ сожалѣнію, опека слишкомъ часто бывала въ рукахъ людей невѣжественныхъ. Новая образованность не могла не вступать въ то или другое противорѣчіе съ ходячими понятіями; самая сущность ея заключалась въ болѣе глубокое пониманіе природы, нравственной и общественной жизни человѣка и пр., пониманіе, которое было недоступно для людей неучившихся: обыкновеннѣйшія истины науки, какъ напр. Коперникова система, законы физики, историческое знаніе, не могли не противорѣчить понятіямъ людей необразованныхъ, и въ концѣ концовъ, невѣжественные судьи рѣшали, что «чуждое» образованіе противорѣчитъ нашимъ «чисто-русскимъ» началамъ, нашимъ «народнымъ» преданіямъ!

Гдѣ наука имѣетъ свое право гражданства, гдѣ свобода ея признана правительственной властью и учрежденіями, гдѣ приняты заботы о народной школѣ, тамъ и въ общественныхъ массахъ распространяется стремленіе къ наукѣ, уваженіе къ ней, и—невозможно такое грубое противопоставленіе знанія и предполагаемыхъ неизмѣнныхъ свойствъ національности. Между тѣмъ у насъ наука не имѣла и даже доселѣ не имѣетъ своего обеспеченнаго права, и это противопоставленіе дѣлается и по настоящую минуту, и защитники «народныхъ началъ» не подозрѣваютъ, что подобной защитой наносятъ народности величайшее оскорбленіе, приписывая ей низменное скудоуміе, навязывая ей вражду къ знанію, наконецъ, осуждая ее на неизбѣжную при невѣжествѣ подчиненность націямъ образованнымъ во всѣхъ культурныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ (промышленности, торговлѣ, прикладномъ искусствѣ и т. д.) и на упадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, упомянутое право науки никогда не было признано ни учрежденіями, ни общественными правами; наука допущена была только въ узкихъ утилитарныхъ цѣляхъ, поставлена съ самаго начала подъ цензурную опеку и никогда не знала свободы изслѣдованія; и такъ какъ въ то же время, и согласно съ этимъ, строжайшій контроль лежалъ и на выраженіяхъ общественнаго мнѣнія, то большинство никогда не могло привыкнуть къ сколько-нибудь свободной, необычной мысли въ наукѣ и литературѣ. «Печатный листъ» казался «быть святымъ», потому что выходя въ свѣтъ не иначе какъ съ разрѣшенія начальства (въ прежнее время прямо полицейскаго начальства—управы благочинія), становился чуть не официальнымъ заявленіемъ; и если въ такомъ святомъ листѣ оказывалось все-таки нѣчто новое, критическая мысль, идеальный порывъ, незнакомые въ обстановкѣ обычной строгой субординаціи, но пропущенные цензоромъ, болѣе образованнымъ, то читатели полуобразованные, Фамусовы и Скалозубы и ихъ безконечное племя, вопіяли объ опасности для общества, о вредѣ наукъ. По всей исторіи нашего скуднаго просвѣщенія проходитъ неизмѣнная полоса обскурантизма, всегда присутствовавшего въ скрытомъ состояніи и нерѣдко прорывавшагося цѣлыми бурами. Невѣжество и обскурантизмъ стали находить и въ литературѣ своихъ теоретиковъ,—иногда людей лично почтенныхъ, но невѣждъ, не имѣвшихъ яснаго понятія о наукѣ, иногда хитрыхъ и злобныхъ лицемѣровъ. Въ сороковыхъ годахъ, споръ о западномъ просвѣщеніи и народности перешелъ наконецъ на почву философско-историческихъ принциповъ, въ борьбѣ славянофильства и западничества, — но и здѣсь, въ новѣйшихъ явленіяхъ этой борьбы,

славянофильство, взявшее на себя защиту народности, не обошлось въ концѣ концовъ безъ обскурантизма.

«Маякъ», издававшійся въ 1840—1845 годахъ С. Бурачкомъ и П. Корсаковымъ, ставилъ своей цѣлью именно защиту русской народности отъ зловредныхъ вліяній западнаго просвѣщенія, или передѣлку и исправленіе послѣдняго «въ духъ русской народности». Передъ тѣмъ основы русской жизни опредѣлены были въ программѣ министерства народнаго просвѣщенія, и прилагая эту мѣрку къ произведеніямъ тогдашней поэтической литературы, тогдашнихъ художественно-теоретическихъ понятій и общественныхъ взглядовъ (насколько они могли высказываться при строжайшей цензурѣ въ сужденіяхъ литературныхъ), «Маякъ» нашелъ въ нихъ страшное противорѣчіе съ тѣмъ, что требовалось «чисто русской» народностью. Вся лучшая часть литературы, которая заслуживала этого имени и не была только книжнымъ хламомъ, и въ которой только-что дѣйствовалъ Пушкинъ, «вмѣняла народности», и «Маякъ» не усумнился возстать противъ самого Пушкина: это — могущественный талантъ, но вся, почти безъ исключенія, поэзія его грѣховна и зловредна ¹⁾. Тоже повторилось съ Лермонтовымъ. Когда вышло собраніе его стихотвореній, самъ «Маякъ» увлекся прелестью многихъ изъ нихъ и очень ихъ одобрялъ, хотя осуждалъ направленіе, но потомъ отвергъ его цѣлкомъ ²⁾. Гораздо выше Пушкина и, конечно Лермонтова — Жуковский.

Такимъ образомъ, «Маякъ» высказывалъ свои мнѣнія въ упоръ и не могъ на первыхъ же порахъ не столкнуться съ восторженными почитателями Пушкина и Лермонтова. Онъ храбро держался своихъ мнѣній и иногда дѣлалъ вылазки про-

¹⁾ Для образчика приведемъ одинъ эпизодъ изъ этихъ обличеній Пушкина. Въ «Маякѣ» 1840 (№ 10, стр. 53 и слѣд.) помѣщено «Видѣніе въ царствѣ духовъ», гдѣ между прочимъ явдается просвѣтлѣвшій духъ Пушкина, который сурово судитъ Пушкина земного и предостерегаетъ отъ преувеличеннаго поклоненія его произведеніямъ, заключающимъ въ себѣ столько превратнаго. «Не вѣрьте тѣмъ, которые представляютъ вамъ Пушкина великимъ, образцовымъ писателемъ... Еслибъ въ Россіи развелось болѣе Пушкинскихъ, она бы скоро сгибла и пропала». Впослѣдствіи, «Маякъ» помѣстилъ цѣлый «Обзоръ стихотвореній Пушкина», въ 1848: шесть статей, изъ которыхъ пять — А. Мартинова, и одна (четвертая) Бурачка.

²⁾ «Отличительныя черты стихотвореній Лермонтова: слогъ книжный, не русскій, духъ не русскій, направленіе не русское; выборъ предметовъ и героевъ колоссальнаго дикихъ, страстныхъ, всеокрушающихъ, и все это не столько по личному направленію, сколько изъ суетнаго желанія быть оригинальнымъ; а того и не видѣлъ, что эта оригинальность — дѣтское подражаніе Байрону и его поэтическому потомству, оставшемуся теперь на Евгениіи Сю и Жоржѣ Зандѣ съ товарищами». 1844, т. XVIII, крпт., стр. 58.

тивъ враждебнаго лагеря, т.-е. «Отечеств. Записокъ», въ которыхъ выступалъ тогда Бѣлинскій съ своими московскими философами-приятелями. Иной разъ нападенія «Маяка» не были лишены ѣдкости, когда онъ ловилъ противниковъ на философскихъ преувеличеніяхъ (которые потому они сами замѣтили), странномъ языкѣ, и т. п.; но его собственная философія не шла дальше тѣхъ аргументовъ, какіе употреблялись уже Магницкимъ и архимандритомъ Фотіемъ и повторялись иногда въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ: въ «Отечеств. Запискахъ», по браннымъ отзывамъ «Маяка», господствовала «ложная философія, бродящая по стихіямъ міра», «недугъ словопреній лжеименнаго разума» и т. п.

Можно себѣ представить, что въ литературѣ, въ которой со смерти Пушкина и съ появленія посмертнаго изданія его сочиненій все возрастало восторженное поклоненіе предъ великимъ поэтомъ, должны были являться вопіющей нелѣпостью эти сужденія о Пушкинѣ съ точки зрѣнія архимандрита Фотія и цензора Красовскаго. «Маякъ» вскорѣ сдѣлался притчей; на него не обращали вниманія и тогда, когда ему случалось сказать и справедливую мысль.

«Маякъ» никакъ не понималъ, что литературныя явленія, на которыя онъ нападалъ, были результатомъ цѣлой новѣйшей исторіи нашей, отвѣчали нарастающимъ требованіямъ образованія, что отдѣльныя ошибки, если онѣ случались, ни мало не опровергаютъ цѣлаго движенія. До всего этого ему не было дѣла: онъ бралъ въ руки натикивись, и обличалъ. Онъ зналъ одно, что въ извращеніи русскаго просвѣщенія виновенъ Западъ, и строго осуждалъ его ¹⁾. Исходный пунктъ былъ простъ. «Духъ времени» бываетъ различный, «истинный — отъ Бога, ложный — отъ заблудшихъ людей, водимыхъ отцемъ лжи»; усовершенствованіе въ человѣчествѣ, о которомъ говорятъ, состоитъ въ одномъ: «церковь Божія воинствуетъ съ язычествомъ»; Западъ совращенъ діаволомъ и погрязъ въ язычествѣ; «европейскія идеи противны евангелію»; Западъ идетъ съ ними къ погибели, и только когда избавится отъ нихъ — тогда конецъ *Революціямъ*,

¹⁾ Напримеръ, въ разборѣ книги: „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патриаршихъ кафедрахъ“, Сиб. 1841, (1841, кн. XXIII—XXIV); въ статьяхъ: „Наблюденіе событій Востока и Запада Европы новой, со стороны высшихъ истинъ человечества“ (во введеніи дается „Ключъ къ открытію всеобщихъ законовъ бытія вселенной“ и т. п.), О. Шувальскаго, 1845, т. XXII—XXIII; „Критическій обзоръ. Отчаянная ставка и обличеніе религіозныхъ заблужденій римскаго запада“, Вурата, 1845, т. XXIII—XXIV.

Вольнодумству, Реформатству и Папству ¹⁾, этимъ четыремъ колѣнамъ одного корня—римскаго язычества, и только тогда на Западѣ, на пепелищѣ царства языческаго, царства міра сего, воссияетъ Востокъ—царство Божіе, чудо божія всемогущества и милосердія ²⁾).

Статьи о русской народности были такого же рода—пропитаны враждой къ иноземному, и въ русской литературѣ, сочувствуютъ только «Москвитянину», съ удовольствіемъ встрѣчаютъ статьи Даля о русскомъ языкѣ, явившіяся тогда въ этомъ журналѣ, и патетически говорятъ о девизѣ министерства просвѣщенія, на первый разъ воспользовавшись для этого книжкой извѣстнаго тогда писателя того же толка, И. Кулжинскаго ³⁾, и развивая потомъ эту тему собственными трудами.

Журналъ издавался вообще странно. Выборъ статей въ журналѣ «современнаго просвѣщенія въ духѣ русской народности», вѣроятно, удивлялъ читателя: лекціи изъ высшей математики, Остроградскаго; статьи по аналитической механикѣ, кораблестроенію (издатель былъ морякъ); статьи по психологій, богословію (писанныя тѣмъ же специалистомъ кораблестроенія); романтическіе стишки; проповѣди архіереевъ; повѣсти, русскія и иностранныя. Видимо, журналъ самъ почувствовалъ, что народности въ немъ мало, и съ третьяго года прибѣгъ къ рѣшительному средству: онъ заявилъ, что будетъ помѣщать «статьи, писанныя нашими православными мужичками, ихъ русскимъ роднымъ умомъ-разумомъ и деревенскимъ складомъ», т. е. тѣмъ приторнымъ и фальшивымъ складомъ, который былъ выдуманъ Сахаровымъ. Такой писатель проявился въ лицѣ Антипы Снѣжкова, «огородника съ Выборгской стороны», Аванасія Пути, «маячнаго сторожа» и т. п. Ихъ писанія должны были представлять подлинную народность и были только скучнымъ пустословіемъ. Въ «Маякѣ» начали писать «областане», въ сожалѣнію

¹⁾ Курсивы и заглавныя буквы—въ подлинникѣ.

²⁾ Изъ названной сейчасъ статьи Бурачка.

³⁾ „Эмерить, литературные очерки“, М. 1836. Авторъ его былъ восторженный поклонникъ этого девиза, и, выписавъ извѣстное мѣсто въ отчетѣ министра, гдѣ высказано желаніе правительства, „чтобъ народное образованіе совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности“, восклицаетъ: „Въ этихъ немногихъ словахъ Россія въ первый разъ (?) сказала громко, величественно, достойнымъ себя образомъ! о, эти слова запишетъ исторія; отзвучіе этихъ словъ прогремѣтъ въ отдаленныхъ вѣкахъ“ и т. д. „Маякъ“, 1841, ч. XVII—XVIII, ст. „Русская народность“.—См. также другія статьи: „Русское народное слово въ древнихъ духовныхъ писателяхъ“, 1842, т. III, кн. 6 (новый счетъ томовъ съ 1842 г.); „Поѣздъ о русской народности“, И. Маркова, 1843, т. VIII, кн. 16; и др.

«малосмысленные», какъ они и сами себя называли ¹⁾,—конечно, полагая въ малосмысленности признакъ «народнаго ума-разума». Вѣроятно въ цѣляхъ той же народности, въ противность вольнодумству, журналъ съ самаго начала обнаружилъ наклонность къ сверхъестественному, къ чудодѣйству, къ суевѣрью, которыя опять предполагались необходимой принадлежностью православнаго мужичка: появились статьи о духахъ, привидѣніяхъ, магіи; цѣлый рядъ рассказовъ: «Проявленіе невидимаго міра» (1845, т. XXII); Боричевскій поставлялъ преданья и повѣрья славянскихъ племенъ — о чертахъ, вѣдьмахъ и т. п. ²⁾. Кончилось тѣмъ, что въ «Маякѣ» стали присылать, а онъ печаталъ всякія фантастическія бредни, выдаваемые за сверхъестественные факты, — надъ «Маякомъ» стали смѣяться, что онъ распространяетъ вѣру въ лѣшихъ, вѣдьмъ и домовыхъ...

Рядомъ съ нелѣпостями разнаго рода, наполнявшими «Маякѣ», опять проблескомъ правды было сочувственное отношеніе къ малорусской литературѣ и ея писателямъ. Уже съ первыхъ книжекъ въ «Маякѣ» появились повѣсти Основьяненка (журналъ радовался литературнымъ успѣхамъ его, какъ «земляка»), стихи Артемовскаго-Гулака (даже на малорусскомъ языкѣ), повѣсть и поэма ³⁾ Шевченка (на русскомъ языкѣ); статьи по малорусской этнографіи — Срезневскаго, Костомарова, Сементовскаго ⁴⁾; критическіе разборы малорусскихъ книгъ, и защита малорусской литературы противъ критиковъ, ей не сочувствовавшихъ, напр., въ «Отечественныхъ Запискахъ» ⁵⁾, причемъ защитниками сдѣланы были весьма вѣрныя замѣчанія о значеніи и правѣ малорусской литературы, необходимой и для развитія самой русской словесности. — Это сочувствіе объясняется, кажется, прежде всего

¹⁾ «Маякъ», 1844, т. XV, июнь, смѣсь, стр. 20.

²⁾ Они вошли потомъ въ отдѣльныхъ книжкахъ. — Были, между прочимъ, въ «Маякѣ» анекдоты о стучащихъ духахъ, которые могли бы доставить большое удовольствие внимавшимъ спиритамъ.

³⁾ «Безалавний»; послѣднее: «На память 9-го ноября 1843 года, князю Варварѣ Николаевнѣ Ренниной». 1844, т. XIV, стр. 17—30.

⁴⁾ Напр. Срезневскаго, Замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ; Костомарова: «О циклѣ весеннихъ пѣсенъ въ народной южно-русской поэзіи». «Маякъ» 1843, т. XI.

⁵⁾ Такъ были разборы «Молодика», сборника «Сніпъ»; восхвалительный разборъ «Гайдамаковъ» Шевченка (Н. Тихорскаго, «Маякъ», 1842, т. IV, кн. 8, стр. 82—106); такой же разборъ трагедіи «Переяславская ночь» Гереміи Галки, т.-е. Костомарова, — писанный К. Сементовскимъ (1843, т. XII, крит., стр. 42—73), противъ прежняго, менѣе благоприятнаго отзыва Тихорскаго; сочувственный разборъ, — собственно изложеніе, — книги Костомарова «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», 1844, К. Калайденскаго (1844, т. XV). Защита малорусской литературы въ ст. Антипенко и К. Калайденскаго, 1842, книга 6-я и 12-я.

тѣмъ, что у издателя «Маяка» сохранялся мѣстный патріотизмъ, да же тѣмъ, что въ малорусскихъ писателяхъ онъ думалъ видѣть сторонниковъ своихъ идей, въ чемъ нѣкоторые изъ нихъ и не противорѣчили ему; это послѣднее, въ свою очередь, усиливало предубѣжденіе противниковъ малорусской литературы...

По русской исторіи, «въ духѣ народности» дѣйствовали въ журналѣ особенно два писателя: Савельевъ-Ростиславичъ и московскій профессоръ Морошкинъ, составлявшіе школу Венелина. Они внесли въ «Маякъ» свою долю чудачества и странностей.

Объ этой школѣ въ ходѣ нашей исторіографіи упоминаютъ обыкновенно только «для счета» ¹⁾. Мы коснемся ея съ одной стороны ея отношенія къ народности. Венелинъ (1802—1839), карпатскій русинъ по рожденію, дѣйствовавшій въ русской литературѣ, имѣетъ большое историческое имя въ развитіи славянскаго національнаго возрожденія, а вмѣстѣ и въ нашей исторіографіи. Это была пылкая, даровитая натура; проникнутый славянскимъ патріотизмомъ, неудовлетворенный литературнымъ положеніемъ славянскаго вопроса, онъ стремился защитить права славянства и въ жизни, и въ исторической наукѣ. Ему больше всего обязаны болгары пробужденіемъ національнаго сознанія; въ литературѣ онъ бросилъ немало новыхъ смѣлыхъ мыслей, которыя не всегда были оправданы трудами его или его послѣдователей, но возбуждали къ изслѣдованію, заставляли смотрѣть шире и многостороннѣе; его историческія требованія ²⁾ вѣрно указывали, чего недоставало въ трудахъ нашихъ историковъ. Первые сочиненія Венелина явились гораздо раньше знаменитыхъ «Древностей» Шафарика и независимо отъ него Венелинъ расширялъ славянскую старину до такихъ вѣковъ и событій, гдѣ ея или вовсе не искали, или не имѣли о ней увѣренности. Въ русской исторіи онъ выступилъ самымъ рѣзкимъ противникомъ норманской теоріи, не только потому, что считалъ ее фактически ошибочной, но и потому, что теорія казалась ему оскорбительной для славянства и русскаго народа.

Послѣдователи Венелина хотѣли развивать его идеи, и какъ часто бываетъ съ послѣдователями оригинальныхъ теорій, довели ихъ до неаѣпости; они не мало виноваты были въ томъ, что труды Венелина получили репутацію фантастическихъ и научно-непригодныхъ.

¹⁾ Ср. „Моск. Обзоріе“, 1859, кн. I, стр. 56.

²⁾ См. напр. въ его „Мысляхъ объ исторіи вообще и русской въ частности“ (въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ., 1847. № 8). Ср. Соч. Кавелина, т. II, стр. 407.

Ник. Васил. Савельевъ-Ростиславичъ учился въ московскомъ университетѣ, и, едва кончивши курсъ, въ 1836, вступилъ на литературное поприще съ историческими трудами, въ которыхъ обнаружилъ замѣчательную начитанность, и въ направленіи — съ придачей того отбѣнка, который съ первыхъ лѣтъ «Маяка» сдѣлалъ его другомъ этого журнала.

О своей университетской школѣ Савельевъ рассказываетъ, что всего больше онъ былъ обязанъ Терновскому (извѣстному тогда профессору богословія), Морошеину (читавшему римское право) и М. Г. Павлову (философу-физику). «Ихъ удивительная логичность системы, строгая послѣдовательность выводовъ и многостороннее изслѣдованіе разсматриваемыхъ вопросовъ — очень сильно дѣйствовали на умы слушателей... Особенно важно было то, что въ московскомъ университетѣ господствовалъ тогда духъ свободнаго изслѣдованія, не стѣсняемаго никакимъ (?) авторитетомъ и склонявшася только передъ вѣчными истинами Откровенія и непреложными законами Разума» ¹⁾. Съ перваго же года изданія «Маяка», въ немъ были съ сочувствіемъ приняты труды Савельева: его обще-историческая точка зрѣнія, повидимому, вполне сходилась со взглядами журнала ²⁾; сходно было и «народное» направленіе, потому что Савельевъ также стремился защищать русскую народность отъ зловредной иноземщины и особенно отъ нѣмцевъ.

Не будемъ останавливаться на перечетъ его многочисленныхъ статей по славянской древности и русской исторіи, статей, разсѣянныхъ по журналамъ съ конца тридцатыхъ годовъ («Московский Наблюдатель», «Литер. Прибавленія къ Р. Инвалиду», «Отеч. Записки», «Маякъ», «Сынъ Отечества», «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія» и др.) и частью собранныхъ потомъ въ «Славянскомъ сборникѣ». Довольно сказать, что относительно древности, которою онъ больше всего былъ заинтересованъ, онъ заявилъ себя ревностнымъ приверженцемъ Венелина, развивалъ его мысль о старобытности славянъ въ Европѣ и отвергалъ не

¹⁾ Эти біографическія подробности и перечисленіе трудовъ Савельева-Ростиславича до 1845 г. читатель найдетъ въ его «Славянскомъ Сборникѣ» (Спб. 1845), стр. ССVІІІ—ССХХV; то же, съ нѣкоторыми переѣнками, издано тѣмъ же наборомъ въ отдѣльной брошюрѣ, и въ третьемъ лицѣ: «Объ историческихъ трудахъ (1837—1845) Ник. Вас. Савельева-Ростиславича», в. 1. et a., 21 стр.

²⁾ Въ «Маякѣ» 1840, ч. IX, помѣщены были «Очерки всеобщей исторіи», обнимающіе «исторію 7348 лѣтъ жизни человѣчества»; и редакция высказала свое удивленіе, что здѣсь, «какъ и быть должно, все построено на истинной вѣрѣ Христовой».

менѣе энергически норманскую теорію начала русскаго государства. Савельевъ не сомнѣвался, что Геродотова Скиѳія прямо говорить о славянахъ и русскихъ; онъ утверждалъ, что такъ-называемое «переселеніе народовъ» совершалось только въ головахъ новѣйшихъ ученыхъ историковъ, что въ дѣйствительности въ Европѣ V-го вѣка жили тѣ же самыя племена какъ теперь, что гунны среднихъ вѣковъ были просто русскій народъ; что Русь, задолго до Рюрика, была государствомъ и съ IV до IX вѣка, соединенная съ Болгаріею, господствовала отъ Бѣлаго моря до Балканъ и Адриатики; норманская теорія была злонамѣренно придумана нѣмцами Байеромъ и Шлѣцеромъ для униженія русской народности и т. п. Своей начитанностью въ средневѣковыхъ писателяхъ по этому періоду Савельевъ превосходилъ, вѣроятно, всѣхъ тогдашнихъ историковъ нашихъ; онъ приобреталъ свѣдѣнія и въ исторической литературѣ славянской и иногда вѣрно указывалъ ошибки своихъ противниковъ, — но несмотря на то, труды его, хотя ревностные и обильные, принесли мало пользы. Прежде всего, полемическій задоръ помѣшалъ ему собрать свои взгляды въ цѣльное и послѣдовательное изложеніе: его матеріалъ разбился на множество подробностей, отдѣльныхъ замѣтокъ, главная тема остается невыработанной и недоказанной. Стремленіе видѣть повсюду славянъ, заимствованное у Венелина, заводитъ автора въ самыя рискованныя утвержденія; вѣрныя замѣчанія перемѣшаны съ грубѣйшими ошибками, особенно филологическими, и наконецъ авторъ, воображивъ свои выводы доказанными, начинаетъ безъ церемоніи перекладывать племенные и географическія названія у Геродота и Тацита и т. п., въ чистѣйшія славянскія и русскія имена.

Доискаться общественно-историческихъ взглядовъ автора было бы довольно трудно. Въ противорѣчіе съ разившейся вскорѣ славянофильской теоріей, онъ — горячій поклонникъ Петра Великаго, который искалъ просвѣщенія русскаго народа (и допускалъ иноземцевъ только для наученія русскихъ); онъ соглашался съ мнѣніемъ Шевырева, что и «великая мысль Все-Славянства, въ новомъ мірѣ Россіи, принадлежитъ Петру Великому: государственный, онъ первый постигъ важность *родственнаго* отношенія между нами и другими племенами славянскими» ¹⁾. Но: «путь прямой былъ указанъ — по немъ не пошли». Кто не пошли и почему не пошли, Савельевъ не объясняетъ; а между тѣмъ, здѣсь именно и былъ исходный пунктъ того удаленія отъ народ-

¹⁾ Слав. Сборникъ, стр. VI.

ности, которое оплакивалъ и противъ котораго негодовалъ «Маякъ» и его союзники. «Великій умеръ — и мысль его осталась безъ исполненія»: вотъ все, что говорить Савельевъ объ этомъ обстоятельствѣ...

Затѣмъ, «люди, къ которымъ Петръ Великій питалъ глубочайшее презрѣніе (?), размножились: въ благодарность Россіи, которая кормила ихъ и поила, они подарили Бироновщину (1730—1740), тяготѣвшую надъ нашимъ отечествомъ до счастливаго воцаренія дочери Петровой, кроткой Елизаветы, очистившей (?) Русь отъ иноплеменниковъ и предуготовившей намъ вѣкъ Екатерины Великой. Въ этотъ несчастный для Россіи періодъ господствованія Бирона, въ угодность сильнымъ временщикамъ-иноземцамъ, явилась и система скандинавскаго происхожденія Руси (!). Угрожаемые намѣреніемъ Петра Великаго (т. е. намѣреніемъ устранить ихъ, когда выучатся русскіе), но жалѣя расстаться съ гостеприимною Россіею, чужеземцы осуществили планъ — присвоить себѣ воспитаніе русскаго юношества и съ самаго дѣтства внушать ему ту мысль, что Россія всѣмъ обязана не себѣ, а чужеземцамъ, что имъ слѣдственно (а не намъ) принадлежитъ во всемъ первенство, и что даже первое сѣмя государственной жизни брошено у насъ чужеземцами»¹⁾.

Эти олицетворенія представляютъ дѣло въ чрезвычайно запутанномъ видѣ. Откуда взялись, отчего размножились «люди, презираемые Петромъ Великимъ»; какъ могли дойти до такой силы, что подарили Россіи Бироновщину; отчего Россія, которой дѣлали иноземцы столько вреда, была такъ бессильна и ничтожна передъ ними; какъ могли они взять да и присвоить себѣ воспитаніе юношества? Авторъ и не думаетъ, что вопросы эти возможны и необходимы, если только говорить о вліяніи иноземцевъ въ нашемъ XVIII вѣкѣ. Далѣе: въ связи съ этимъ, во времена *Бироновщины*, возникла система скандинавскаго происхожденія Руси. Положимъ; но тогда это были только предположенія Байера; а настоящимъ образомъ сложилась и утвердилась эта система (въ рукахъ Шлёцера) гораздо позднѣе, а именно во времена той кроткой Елизаветы, которая, по словамъ автора, уже очистила Русь отъ иноплеменниковъ?

Шлёцеръ, какъ чужеземецъ, опять провинился, по взгляду Савельева, принявъ злонамѣренную теорію Байера, и былъ снова источникомъ множества обидственныхъ заблужденій въ русской историографіи; но въ минуты безпристрастія самъ Савельевъ

¹⁾ Тамъ же, стр. VII—VIII.

даже (стыдно связать) свои соотечественники»¹⁾.— Не говоря о томъ, что въ словахъ Савельева значеніе открытій Ломоносова въ естествознаніи, слишкомъ преувеличено, авторъ до смѣшного потерялъ мѣру, говоря о завистникахъ, будто бы не допустившихъ «Россію» обнаружить ея научную самостоятельность. Если здѣсь разумѣются академическіе враги Ломоносова, то они не съ неба свалились, и общее положеніе академіи образовалось не безъ вѣдома «Россіи»,—такъ что вина недопущенія должна лежать и на самой Россіи; недоброжелательство враговъ русскаго генія, конечно, предосудительно, но предосудительно и то, что «Россія» не могла защитить своего генія, или даже совсѣмъ не понимала, что это нужно бы сдѣлать. Надо думать, что «иноземные гости» могли вредить только потому, что «соотечественники» не понимали интересовъ русскаго генія.— Опять замашка—сваливать все на иностранцевъ, не разумѣя общаго положенія вещей, или—лицемѣрно о немъ умалчивая...

Еще болѣе странностей представили археологическія изслѣдованія, которыя въ это же время издавалъ наставникъ Савельева, Морошкинъ, другой желанный сотрудникъ «Маяка».

Бед. Лук. Морошкинъ (1804—1857), сынъ сельскаго священника въ тверской губерніи, учился въ семинаріи, потомъ въ московскомъ университетѣ, по юридическому факультету; по окончаніи курса, «изъ особенной привязанности къ Москвѣ и къ московскому университету» *отказался* отъ поступленія въ профессорскій институтъ и отъ путешествія за границу (последнее предлагали ему два раза), съ 1834 года началъ преподаваніе въ московскомъ университетѣ по различнымъ предметамъ права, съ 1838 въ качествѣ ординарнаго профессора²⁾. Въ пору его ученья, уже распространился вкусъ къ изученію философіи, и Морошкинъ много занимался ею (до Гегеля включительно) подъ руководствомъ Павлова, Дядьковского, Надеждина: онъ изучалъ «корифеевъ современной философіи собственно не для содержанія, а для методы научной архитектурности»; Канта, Шеллинга, Гегеля онъ считалъ за «великихъ гимназiarховъ европейскаго мышленія»; но «догматическій взглядъ на философію онъ старался почерпнуть изъ лекцій знаменитыхъ философовъ Троицкой Сергіевой Лавры»—безъ сомнѣнія, онъ разумѣлъ, Кутневича

¹⁾ Слав. Сборникъ, стр. XI.

²⁾ Его автобіографія въ Словарѣ моск. профессоровъ, М. 1855, т. II, в. в. См. также „Молву“, 1858, № 86, стр. 409; Моск. Вѣдом. 1858, № 147, ст. С. Баршева; Справочный Словарь, Геннади, Берлинъ, 1880, т. II, стр. 346 (съ опечатками).

и протоіерея Голубинскаго. Но, по его словамъ, «эти философскія занятія убѣдили Морошкина, что онъ не рожденъ для чистой философіи». Подъ этими вліяніями онъ составилъ себѣ философское представленіе объ исторіи права, объ его историческомъ развитіи. Изъ историко-юридическихъ трудовъ его извѣстенъ переводъ «Исторіи росск. государственныхъ гражданскихъ законовъ» Рейца съ дополненіями (1836), и особенно «Рѣчь объ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича и о послѣдующемъ его развитіи» (1839).

Свои изысканія о древнѣйшей Руси Морошкинъ началъ еще въ 1836 году, когда составлялъ примѣчанія къ Рейцу; въ 1839 онъ писалъ объ этомъ предметѣ въ «Галатѣ» Рачка; въ томъ же году онъ излагалъ свои идеи въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей, и тамъ порѣшено было напечатать статью Морошкина въ «Сборникѣ» общества, «а потомъ определено: не печатать». Тогда Морошкинъ издалъ свою статью отдѣльно¹⁾. Надо думать, что члены общества испугались необычайной своеобразности его историческихъ приѣмовъ: онъ упоминаетъ въ предисловіи, что ему дѣлали не мало возраженій относительно «метода» (въ объясненіи народныхъ и мѣстныхъ названій) и самъ онъ называетъ его «стариннымъ филологическимъ методомъ». Съ дальнѣйшими трудами оставалось, вмѣсто общества исторіи и древностей, обратиться къ «Маяку», который уже открылъ свои страницы для Савельева-Ростиславича, и въ «Маякѣ» является рядъ статей Морошкина²⁾.

Дать понятіе о свойствѣхъ изслѣдованій Морошкина или объ его «методѣ» очень мудро: до того онъ страненъ и лишенъ всякаго смысла. Какъ и Савельевъ, Морошкинъ положилъ очень много труда на чтеніе древнихъ и средневѣковыхъ писателей, у которыхъ ожидалъ найти свѣдѣнія о руссахъ и славянахъ, но огромный матеріалъ, имъ подобранный, сбить въ безобразную кучу; изслѣдователь, по своему старинному методу (тому самому, какой употреблялся Тредьяковскимъ), вылавливаетъ въ

¹⁾ О значеніи имени Руссовъ и Славянъ. Сочиненіе Федора Морошкина. М. 1840. II и 293—304 стр. Пагинація осталась, видимо, отъ предполагаемаго виданія общества.

²⁾ „Историко-критическія Изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ“, съ предисловіемъ Савельева,—четыре статьи, 1842, т. IV—VI (книги 8—11), и отдѣльной книгой, Спб. 1842. Здѣсь повторена, съ перемѣнами, прежняя книжка, и ведутся новыя изслѣдованія.

— Разборъ книгъ Велелина: „Древніе и нынѣшніе болгаре“ и „Осландинавскія“, тамъ же, 1842, т. VI, кн. 12, стр. 81—115.

мѣстныхъ и народныхъ названіяхъ малѣйшія случайныя сову-чія и храбро строить на нихъ изумительные выводы. Онъ самъ допускалъ, что въ его «методѣ» есть натяжка и злоупотребленія, но все-таки стоялъ на своемъ, и въ результатѣ, его изслѣдова-нія представляютъ рядъ странностей, собранныхъ какъ будто для шутки или пародіи. Еще въ 1836 году,—рассказываетъ Морош-кинъ, — «мнѣ приходило на мысль произвести имя нашего отечества *отъ роши, прута, розги или лозы* (Roscia, Pruthenia, Ruthe, Rosgi); но мнѣ тогда недоставало данныхъ, и потому я отказался отъ столь смѣлаго предположенія; теперь же, имѣя на своей сторонѣ знат-ный запасъ филологическихъ и историческихъ доказательствъ, съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что Русь происходитъ отъ слова *лѣсъ* или *роща*»¹⁾. Слѣдуютъ доказательства — невообра-зимо путаница словъ латинскихъ, греческихъ, русскихъ, изъ ко-торыхъ выводится, что слово Русь есть лѣсъ, роща, дерево и т. п.²⁾ Русь, объясняемую подобнымъ образомъ, авторъ, ко-нечно, отыскиваетъ гдѣ только пожелаетъ: встрѣтивъ любое пле-менное названіе у Геродота, Плинія, Страбона, которое пока-жется ему подходящимъ, авторъ переломаетъ и искалѣчить его по своему «методу» и объявить, что оно обозначаетъ жителя лѣсовъ, рощъ и т. п., слѣдовательно русскаго. Однажды под-вернулись ему турки, онъ продѣлалъ надъ ними обычную опе-рацію и рѣшилъ: «итакъ, первые турки суть народъ *лѣшій*; а если лѣшій, то и русскій»!!³⁾ Подумаешь, что это написано на смѣхъ.

Савельевъ и другіе строгіе судьи скандинавской теоріи съ презрѣніемъ говорятъ о грубыхъ словопроизводствахъ Байера и Шлёцера, какъ производство «князя» отъ «кнехта» и т. п.; но, конечно, того и другого далеко превзошелъ Морошкинъ, по ко-торому Россія происходитъ отъ розги, а русскій значить лѣшій.

Дальше мы не будемъ проникать въ изслѣдованія Морош-

¹⁾ О значеніи имени Руссовъ и Славянъ, стр. 284—285.

²⁾ Напр., «Отъ латинскаго *ruta*, безъ сомнѣнія, произошло нѣмецкое слово *Ruthe*, пруть, лоза, розга, палка, и производное отъ сего *Ruthenia*»!! Слово Русь, про-шедши у Морошкина сквозь строй его толкованій, превращается въ Roscia, Ruthe-ния, Рагуза, Ugrî, insula, Rugasen (т.-е. Рюгенъ), Rox-alani, Rozani, Рязань, Рязанци, Рязци и т. д. и авторъ съ самодовольствомъ заключаетъ: «Вотъ лѣствица названій русской земли отъ Страбона (отъ временъ Р. X.) до позднѣйшихъ временъ!»

³⁾ См. тамъ же, стр. 279. Въ «Историко-критич. Изслѣдованіяхъ» Морошкинъ уже измѣнилъ эту фразу; см. стр. 85.—Польскій «панъ» есть тоже лѣшій; отъ него происходитъ «Паннонія». Ист.-критич. Изслѣдов., стр. 117.

кина ¹⁾; но нельзя не отмѣтить въ нихъ одного эпизода. Среди своихъ изысканій, Морошкинъ однажды покинулъ словопроизводство и въ лирическомъ отступленіи изложилъ слѣдующія свои мысли объ историческомъ значеніи и будущности русскаго государства и народности:

«Племя славянское живетъ будущностію, надеждою, что вновь возстанетъ великій Царь Волиги ²⁾ и воззоветъ ихъ къ единому великому знамени, къ знамени не разрушенія, а общаго успокоенія въ вѣдрахъ семейственного быта, который, кажется, предоставлено развить славянскимъ народамъ. Царство мира и любви имѣетъ семейственную форму,—форму данную отъ природы и духа, а не измысленную, не созданную переходящими вѣками исторіи. Когда настанетъ судъ исторіи, тевтонскій міръ отдастъ славянамъ все, что имъ взято у нихъ въ теченіи 1500-лѣтней его жизни. Не своими казарскими ³⁾ саблями славянскій міръ грозитъ тевтонамъ, а славянскою цивилизаціею, первородными формами человѣческаго быта, грозитъ ему преемничествомъ, званіемъ наследника во всемірной исторіи. Славянскій духъ, по воли Провидѣнія, возлюбилъ себя мѣсто въ предѣлахъ Россіи: ибо имя *Rossii* есть старѣйшее, общее имя для всѣхъ славянскихъ народовъ; здѣсь родина и колыбель всѣхъ славянскихъ народовъ; здѣсь только славянскій духъ можетъ развернуть свои огненные крылья и принять высренній полетъ. Имперія Карла Великаго совершилась; настанетъ новый міръ и новая жизнь, возвращающаяся отъ Запада къ Востоку... О, какую великую судьбу готовитъ Провидѣніе для Россіи!..

«Славяне, вообще говоря, отстали отъ тевтоновъ именно потому, что они имѣли слишкомъ рьяный духъ и, къ большой невыгодѣ, духъ односторонне развитый. Не было ни одного народа среди славянскихъ племенъ, въ коемъ бы всѣ стихіи гражданской жизни соединились для построенія быта прочнаго, способнаго къ дальнѣйшему развитію. Въ каждомъ славянскомъ народѣ было только одно народное сословіе дѣйствующимъ; всѣ же другія были мертвыми, страдательными... Надежда оставалась на Польшу и Россію. Польша никогда не была государствомъ: она была тевтонизованная казачья община—энергическая, но сиротствующая стихія государственная! Поляки, по рожденію своему, будучи храбрымъ славянскимъ казачествомъ, отреклись отъ своихъ родичей и, пресмыкаясь предъ тевтонами и Римомъ, втоптали въ землю свою меньшую братію, погребли навсегда городскій и сельскій бытъ своего простонародія: никогда и нигдѣ челоуѣчество не было столько презираемо и угнетаемо какъ въ Польшѣ: съ нимъ погибла здѣсь основная стихія государствен-

¹⁾ Еще въ 1841 г. Погодинъ возсталъ противъ теорій Морошкина, которыя, вскорѣ уже прославились какъ негѣпость и чудачество. Нѣкто А. К. взялъ его подъ свою защиту въ книгѣ: „Критическое обозрѣніе книги Ф. Л. Морошкина. Письмо безпристрастнаго любителя исторіи къ М. П. Погодину“. Объ этомъ см. въ „Малекъ“, 1845, т. XIX—XX: „Письма къ издателю „Малекъ“ о литературной жизни Москвитинъ“.

Короткое, но весьма обстоятельное опроверженіе ненаучныхъ фантазій Морошкина далъ, наконецъ, Погодинъ въ „Исслѣд., замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи“, М. 1846, т. II, стр. 198—211.

²⁾ Подразумѣвается Атила, который со временъ Венелина считался въ нѣкогда славянскимъ, или даже прямо русскимъ царемъ.

³⁾ На языкѣ Морошкина это значитъ: казачками.

ная. Европа никогда искренне не усвоила поляков: императоръ, раздавая титулы, считалъ ихъ васаллами; новорожденная Пруссія — будущую военную добычу; а папа погубилъ ихъ навсегда неутомимою ревностью о своемъ владычествѣ. Польское дворянство осталось безъ народа, но съ изданными формами европейскаго васалла. Какой славный урокъ для славянскихъ племень...

«Чѣмъ болѣе порицаютъ насъ тевтоны, тѣмъ болѣе мы должны гордиться собою. Это значитъ, что мы не тевтонизованное ничто. Русская земля имѣетъ всѣ стихіи для образованія великаго государства и великаго народа. Первоначально, эти стихіи были разбросаны по всему пространству русской земли, и ни одна изъ нихъ сама по себѣ не была достаточна для основанія государства... Кіевская Россія начинаетъ соединять стихіи разнородныя: здѣсь является казакъ и селянинъ. Но казакъ ¹⁾ забилъ бы селянина въ Россіи, еслибъ Кіевъ остался навсегда столицей государства... Диаметрально противоположенъ казачеству юга великій Новгородъ съ его колоніями и факторіями: народъ смерть, торгошъ и плотникъ; народъ упорный, замкнутый (?) въ сознаніи своей личности и въ любви къ отечеству. И здѣсь тоже не могло образоваться государство; недоставало благороднѣйшихъ стихій народныхъ. Искони разумный Новгородъ нуждался въ воинскихъ дружинахъ варяговъ и кіевскихъ князей, искони дружины русскія нуждались въ жалованьи Новгорода. Изъ этого образовался союзъ русской земли, сперва по условію, а потомъ вѣчный, безусловный: Новгородъ поддался Москвѣ. Москва основана въ землѣ рязанскихъ вятичей, на безразличномъ пунктѣ всей Россіи: въ ней пресѣкаются всѣ стихіи русской земли: здѣсь граница Кіева, Новгорода и Рязани; здѣсь лагери, базары и деревни. Трудно сказать: какаѣ стихіи сильнѣе въ московской Россіи, Новгородская или Рязанско-Кіевская? Здѣсь на огромномъ пьедесталѣ мужественнѣйшаго, несокрушимаго престонородія возвышается колоссальный бюстъ военной дружины. Никакая Европа не въ состояніи сдвинуть съ мѣста этого дивнаго созданія вѣковъ. Москва есть Кремль всего славянскаго міра. Напрасно думаютъ утвердить гдѣ-нибудь славянскую національность безъ покровительства Московіи. Судьба на выборъ славянамъ отдала одно изъ двухъ: быть русскими—или быть славянами Европы, т.-е. страдниками, захребетниками Европы, подъ властью чужеплеменниковъ; третье невозможно. Но да не чуждается сердце славянъ имени русскаго: имя Россовъ есть древнѣйшее, общее имя всѣхъ славянъ, при первомъ поселеніи ихъ въ Европѣ... ²⁾

Странно встрѣтить это разсужденіе среди фантастическихъ блужданій автора въ славянской и шимио-славянской древности. Кромѣ послѣдняго замѣчанія объ имени руссовъ, это изложеніе ничѣмъ не связано съ «историко-критическими изслѣдованіями» и ничѣмъ въ нихъ не доказывается и не поддерживается; но эта совершенно одиночная, случайно высказанная программа, тѣмъ не менѣе очень любопытна, какъ почти единственное изложеніе народно-политическихъ идеаловъ венелинской школы, исторически связанное съ славянофильствомъ и его предвѣщающее. Эта

¹⁾ Казакъ отождествляется у Морошкина съ воинственнымъ дворянствомъ, какъ въ Польшѣ, съ которой онъ и сравниваетъ кіевское государство.

²⁾ Историко-критич. Изслѣдованія, стр. 118—121.

программа носить на себѣ печать философско-историческихъ построений того времени: она по своему закруглена, но, какъ потомъ у славянофиловъ, выводы черевъ-чуръ шире основаній. Не говоря о томъ, дѣйствительно ли Россія есть родина и колыбель славянскихъ народовъ, и (еслибы это и было вѣрно) доказывается ли этимъ будущая роль Россіи въ славянствѣ, тысячелѣтняя исторія славянства прошла отдѣльно отъ Россіи и выработала себѣ не только бытовые отличія, но и рѣзко выдающееся чувство своей особы. Это чувство вошло въ плоть и кровь современныхъ славянъ, и послѣдніе не захотятъ «быть русскими», затеряться въ Россіи съ потерей своего индивидуальнаго характера,—или Россія должна измѣниться, стать иною, для того, чтобы сліяніе могло совершиться безъ насилія для частныхъ народностей, всегда бѣдственнаго и для нихъ оскорбительнаго. Для «сліянія» недостаточно того, что было тысячу лѣтъ назадъ (если положить, что было); *теперь* оно требовало бы условій, отвѣчающихъ *нынѣшнему* историческому положенію. Нужно, чтобы «сліяніе» являлось высокимъ нравственно-политическимъ идеаломъ,—для того, чтобы народы могли быть привлечены къ нему доброю волей; одна вѣшняя сила создала бы только тамерлановскую имперію, которая не даетъ славы и могущества которой недолговѣчно. Программа Моршкіна говоритъ, правда, о славянской цивилизаціи и о наслѣдствѣ въ всемірной исторіи,—но то и другое—гадательныя величины, съ которыми трудно рѣшать историческое будущее. Возвращеніе жизни отъ запада къ востоку, наступленіе новаго міра и выпрепнѣй полетъ славянскаго духа принадлежать къ прорицаніямъ... Западъ привлекалъ и привлекаетъ славянство многообразнымъ образомъ—не только силой, на которую можетъ отвѣчать сила, но и могущественнымъ вліяніемъ дѣйствительной образованности, небывалымъ развитіемъ научнаго знанія,—и это вліяніе Россія могла бы перевѣсить только дѣятельнымъ вступленіемъ на тотъ же путь, свободнымъ и широкимъ развитіемъ ея народно-общественныхъ силъ, —но именно этого до сихъ поръ еще нѣтъ.

Савельевъ-Ростиславичъ примкнулъ къ пророчествамъ Моршкіна. «Да, внутреннее скрѣпленіе русскаго славянскаго племени *православіемъ* истины христіанства, а потомъ освобожденіе отъ ига, и обновленіе *православнаго царства* русскаго *самодержавнымъ* единствомъ воли царя и *народностию*, сосредоточенною въ *любви* въ *Россіи*—«Дому Пресвятѣй Богородицы», и къ царю—*отцу* своихъ подданныхъ, есть великій урокъ для

нашихъ славянскихъ братій и для всего міра»¹⁾. Онъ заключаетъ пророчествомъ Давіила (II, 44: «возставитъ Богъ Небесный Царство, еже во вѣки не рассыплется» и пр.).

Въ то время, когда дѣлались первые опыты систематической постановки русской этнографіи, параллельное движеніе началось относительно народа южно-русскаго. Отличіе въ характерѣ народностей, въ ихъ исторіи, нравахъ, народно-поэтическихъ произведеніяхъ не допускало для великорусскихъ этнографовъ возможности ввести и южную Русь въ кругъ своихъ изученій; они потребовали мѣстныхъ дѣателей и работы на мѣстѣ.

Пробы новѣйшей, малорусской литературы начинаются съ Котляревскаго, съ конца XVIII вѣка. Русское литературное движеніе издавна уже захватывало малорусскія силы, но родная рѣчь сохраняла всю свою привлекательность даже для тѣхъ малороссовъ, которые давно втянулись въ русскую жизнь, и первыя попытки ввести малорусскій языкъ въ книгу имѣли чрезвычайный успѣхъ. Книжное преданіе, черезъ письменную дѣятельность на церковно-малорусскомъ и болѣе чистомъ народномъ языкѣ, какъ извѣстно теперь, танулось съ XVI-го и до конца восемнадцатаго столѣтія и, наконецъ, нашло выраженіе въ формахъ новѣйшей литературы. Извѣстно также, что это новое появленіе малорусскаго языка въ книгѣ совпадало и имѣло внутрення связи съ литературнымъ возрожденіемъ въ западномъ славянствѣ, въ частности съ движеніемъ галицкимъ; это послѣднее, окруженное тяжелыми политическими и общественными обстоятельствами, находило себѣ не малую нравственную опору въ нашей малорусской литературѣ, а въ послѣдствіи и само много послужило для изученія малорусской и вообще русской старины и народности. Галичъ была старая русская земля; давно оторванная политически отъ коренныхъ русскихъ земель, гдѣ совершалось образованіе государства и основное историческое развитіе племени, эта земля долго еще была связана исторически съ южною Русью, и черезъ нее, книжно-церковною дѣятельностью во Львовѣ въ XVI—XVII вѣкахъ, принесла свой вкладъ и въ образованность, и литературу общерусскую. Племенная связь съ Галичемъ и старое книжное преданіе возрождались теперь черезъ малорусскую литературу. Сама южная Русь занимала такое великое мѣсто въ общей русской исторіи, ея населеніе

¹⁾ Слав. Сборникъ, стр. ССXXXIX.

составляло таковой большой процентъ въ русскомъ народѣ, что изученіе ея представляло первостепенный интересъ историческій и этнографическій.

Историческое изученіе началось на мѣстѣ, въ самой Малороссіи, еще въ прошломъ столѣтіи, примыкая къ старымъ малорусскимъ лѣтописямъ. Труды этнографическіе и именно изученіе народной поэзіи начинается книжкой кн. Н. А. Цертелева ¹⁾. Малорусскій патриотизмъ издателя выразился эпиграфомъ, который онъ поставилъ на первой страницѣ (изъ трагедіи «Пожарскій»):

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, а сердцу чту святымъ.

Книжка посвящена Дм. Пр. Трощинскому, который, живя на покой въ Малороссіи, былъ своего рода центромъ для любителей малорусской старины. Кн. Цертелевъ видимо питаетъ теплую привязанность къ малорусской народной поэзіи — думы записывалъ онъ самъ отъ слѣпого бандуриста,²⁾ — но не знаетъ, какъ помирить народную пѣсню съ псевдо-классической пѣнкой и вообще какое мѣсто опредѣлить ей въ словесности.

«Собирая старинныя малороссійскія пѣсни, — говоритъ онъ, — я увѣренъ былъ, что не отыщу другой Илиады; но не сомнѣвался также въ томъ, что пѣсни, сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ, могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя. Не одни греки и римляне умѣли видѣть и чувствовать... Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣлнть собранныхъ мною пѣсней; но есть ли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ малороссійской исторіи, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ пѣническій геній народа, духъ его, обычай описываемаго времени, и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссіане и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ, ихъ окружавшихъ!»

Въ понятіяхъ кн. Цертелева борются естественныя красоты малорусской народной поэзіи съ школьнымъ представленіемъ о

¹⁾ „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“. Слб. 1819. 8 нenum. и 64 стр. 8°. Предисловіе „о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ и замѣчанія читателю, незнающему малороссійскаго нарѣчія, стр. 1—20; десять думъ и эпическихъ пѣсней, стр. 21—58; въ концѣ объясненіе малорусскихъ словъ. — Краткая біографія (онъ умеръ въ 1869) и свидѣнія о литературныхъ трудахъ его по народной поэзіи см. въ статьѣ г. Безсонова, „Вѣстн. Евр.“ 1870, июнь стр. 867—871. Кн. Цертелеву принадлежатъ между прочимъ весьма цѣнныя замѣчанія о метричѣ русской народной поэзіи.

«слогъ»; онъ старается смягчить ожидаемое осужденіе критиковъ, недоумѣваетъ, какъ будетъ принятъ самый языкъ, — но увлеченіе родною поэтическою стариною очевидно беретъ въ немъ верхъ надъ литературными привычками:

«Языкъ старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, конечно, далеко отошелъ отъ своего народа и еще болѣе отъ языка руссійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ, и политическими переворотами, и самымъ образованіемъ народа. Намѣреніе мое обратить вниманіе читателей не на слогъ, но на силу чувствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, наученныхъ природою. Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части русскихъ покажется, можетъ быть, страннымъ и неприятнымъ (оно устарѣло для самихъ малороссійянъ); но изъ того несправедливо было бы заключить, что и самыя стихотворенія странны и никуда не годны. Романсы трубадуровъ и пѣсни древнихъ скальдовъ, при всей необработанности слога ихъ, заключаютъ въ себѣ много выраженій и мыслей, которыми плѣняются новѣйшіе писатели. Наконецъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нарѣчіе малороссійское, бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ *отдельнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными, весьма облегчаютъ стихотвореніе малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго.

«Касательно достоинства старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, какъ поэтическихъ произведеній, можно назвать оныя счастливымъ впечаткомъ первыхъ временъ стихотворства — поэзи безъискусственной, естественной. Вездѣ видна въ оныхъ природа, вездѣ слышны разговоры дѣйствующихъ лицъ и рѣдко, очень рѣдко сочинитель. Правда, что сіи памятники народнаго генія, сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ, много испорчены, впрочемъ, суда по нѣкоторымъ стихамъ, убѣжавшимъ отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженія, и прелесть гармоніи. Это безобразныя развалины, свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія! Умирающей отголосокъ гармоніи, слышанной нѣкогда на берегахъ Днѣпровска!»

Онъ приводитъ примѣры дѣйствительно прекрасныхъ поэтическихъ картинъ изъ собранныхъ имъ пѣсней: «малороссійскій сочинитель, — прибавляетъ онъ еще разъ, — безъ сомнѣнія не читывалъ Илиады и не слыхалъ о Гомерѣ; но *законы природы* общи и неизмѣнны». — Оканчивая предисловіе, онъ говоритъ: «...боюсь наскучить читателю предметомъ, который для меня столь занимателенъ; воспоминаніе о родинѣ наполняетъ душу какимъ-то неизвѣстнымъ удовольствіемъ».

Положеніе вн. Цертелева въ вопросѣ малорусской народной поэзи похоже на положеніе Калайдовича при изданіи «Древнихъ Росс. стихотвореній». Обычная пѣтика не давала мѣста для этихъ произведеній, и издатели не знали, какъ съ ними быть, какъ объяснить теоретически свои сочувствія въ ихъ вра-

сотамъ. Не проходитъ десяти лѣтъ, и Максимовичъ ¹⁾ уже съ увѣренностью говорить о важности народной поэзіи, съ той точки зрѣнія, что она должна послужить для созданія истинно-русской поэзіи:

«Наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну народности,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своему собранію 1827 г.:—начинаетъ уже сбываться желаніе — да создается поэзія истинно русская! Лучшие наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній ставятъ произведенія иноплеменные; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

«Въ самъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движима чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная».

Интересъ въ предмету быстро возрасталъ. Въ книжкѣ Цертелева помѣщено было всего 10 пѣсень; въ первомъ сборникѣ Максимовича уже 130; въ 1834 г. онъ опредѣлялъ свое собраніе уже до 2^{1/2} тысячъ пѣсень. Это не былъ результатъ только его личнаго труда: было уже много любителей, сообщавшихъ ему пѣсни, и въ числѣ ихъ онъ, кромѣ кн. Цертелева, называетъ (въ 1834 г.) еще Гоголя, Срезневскаго, Шпигоцкаго, Крамаренка, Боданскаго и другихъ.

Въ эти же годы Срезневскій началъ изданіе «Запорожской Старины» ²⁾. Онъ былъ еще юношей, романтически восторгался малорусской историко-поэтической стариной, печаталъ въ своемъ сборникѣ думы, пѣсни, преданія, отрывки изъ лѣтописей и собственные историческіе пересказы. «Запорожская старина» доставила Срезневскому его первую извѣстность знатока южно-русскихъ народныхъ преданій и поэзіи, книжки были интересны; но на этихъ изданіяхъ особенно сказалось, что пора строго-научнаго метода еще не пришла. Въ свое время «Запорожская Старина» считалась вполне достовѣрнымъ источникомъ: но въ послѣдствіи возникли нѣкоторые сомнѣнія въ подлинности напечатанныхъ здѣсь думъ, а новѣйшіе изслѣдователи предмета окончательно увѣрились, и заявили, что въ «Запорожской Старинѣ» изданъ

¹⁾ „Малороссійскія пѣсни“. М. 1827.—Второе собраніе: „Украинскія народныя пѣсни. Часть первая. (Книга I. Украинскія Думъ. Книга II. Пѣсни казацкія былыея. Книга III. Пѣсни казацкія бытовныя)“. М. 1834. Второй части не было.—Третье: „Сборникъ украинскыхъ пѣсень“. Ч. I. (Второй опять не было). Кіевъ, 1849.

²⁾ Запорожская Старина. MD — MDCXL. Изданіе Измаила Срезневскаго. Часть первая. Три книжки, Харьковъ, 1833—1834.—MDCXL—MDCCLX. Часть II. Три книжки. Харьковъ, 1834, 1835, 1838. 12°.

цѣлый рядъ думъ поддѣльныхъ, новѣйшаго сочиненія ¹⁾). По указаніямъ Срезневскаго, большая часть изъ этихъ думъ и пѣсень были записаны «имъ самимъ», «со словъ бандуриста», а другія доставлены были ему мѣстными любителями; тѣмъ неменѣе и «имъ самимъ» записанныя думы были заподозрѣны, и онъ не опровергалъ подозрѣній и, сколько знаемъ, разъ только уклончиво отказался отъ своихъ думъ, упомянувъ о «благопріятеляхъ», доставлявшихъ ему матеріалъ для «Запорожской Старины» ²⁾). Мы знаемъ также, что впослѣдствіи онъ бывалъ очень подозрителенъ въ новымъ открытіямъ въ области народной поэзіи. Какъ бы то ни было, но нѣкоторыя изъ поддѣлокъ не были лишены литературнаго достоинства, напр., дума «Походъ на поляковъ» (Запор. Стар. I, ¹⁰²—109), которая была потомъ взята Максимовичемъ въ его собраніе 1834 г., очень нравилась Гоголю, Бѣлинскому ³⁾, попала въ «Историческую хрестоматію» г. Буслаева, какъ превосходная дума и образецъ малорусскаго нарѣчія ⁴⁾, и проч. Но большею частью, по отзывамъ новѣйшихъ изслѣдователей, поддѣлки представляютъ такъ много ошибокъ въ языкѣ и складѣ, что надо удивляться, какъ онѣ могли вводить въ заблужденіе людей, знакомыхъ съ подлинными произведеніями малорусской поэзіи. Поддѣлки сказываются, кромѣ неловкостей и ошибокъ формы и языка, и ошибками въ самомъ содержаніи, когда въ старыя вѣка переносятся новыя историческія понятія и гипотезы. «Большая часть поддѣльныхъ пѣсень и думъ, — говорятъ издатели «Истор. Пѣсень», — (надо сказать, что въ этихъ поддѣлкахъ смѣшиваются весьма неумѣло внѣшнія особенности пѣсни и думы) говорить о времени казачества отъ Наливайка до Хмельницкаго, — и тутъ мы видимъ занесенными въ эти quasi-народные памятники всѣ заблужденія и ошибки историковъ 30-хъ годовъ, — а именно, довѣріе къ (подложной также) «Исторіи Руссовъ», съ которою большинство поддѣльныхъ думъ согласно въ рассказѣ фактовъ, въ противность другимъ источникамъ и актамъ, — чего въ народныхъ думахъ именно и не замѣчается, — перенесеніе Савы Чалаго изъ XVIII в. въ XVI, во время Наливайка, которому поддѣльныя думы дѣлаютъ современникомъ и современника Чалаго, Гнатка Голаго,

¹⁾ Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Кіевъ, 1874, стр. XVIII—XXIII. Т. II, Кіевъ, 1875, стр. VII—VIII; Костомаровъ, разборъ «Истор. Пѣсень» въ «Вѣстн. Евр.» 1874, декабрь.

²⁾ Переписка А. X. Востокова. Собрн. II отд. Акад. Наукъ. Т. V, вып. 2, 1873, стр. 461—462.

³⁾ Сочин., V, стр. 86—90.

⁴⁾ Историч. Хр., стр. 1626.

дѣлая въ то же время изъ *кравчины*, т.-е. отряда, лицо, которое издатели принимаютъ за Наливайка и т. д. и т. д.» Что же побуждало къ этимъ поддѣлкамъ, состоявшимъ не только въ прикрашиваніи дѣйствительныхъ преданій, но и въ настоящемъ сочинительствѣ? Для насъ странно это влеченіе къ фальсификаціи, и въ болѣе невинныхъ ея формахъ главную роль играло, безъ сомнѣнія, недостаточное пониманіе самаго дѣла. Народная поэзія все еще рассматривалась съ тогдашней школьной точки зрѣнія, псевдо-классической, или романтической, точки зрѣнія украшенной природы или полнаго произвола поэтической фантазіи; старыя и народныя произведенія приравнялись къ современнымъ и книжнымъ, — и для красоты «слога», для предполагаемаго усиленія впечатлѣнія, считалось совсѣмъ простымъ и возможнымъ сгладить «обветшавшій слогъ», исправить его «погрѣшности» и т. п. При этомъ отсутствіи историческаго чувства и этнографическаго вкуса къ подлиннымъ народнымъ чертамъ преданія и поэзіи, поддѣлка казалась совсѣмъ невиннымъ литературнымъ упражненіемъ, а наконецъ производилась и съ преднамѣренной тенденціей.

Самой грандіозной поддѣлкой была въ новѣйшей малорусской литературѣ «Исторія Русовъ», составленная какимъ-то любителемъ или любителями малорусской старины и приписанная Георгію Конисскому. Какъ и думы Срезневскаго, она долго считалась подлиннымъ сочиненіемъ извѣстнаго архіепископа бѣлорусскаго, и только недавно ея подложность всѣми признана. «Исторія Русовъ» остается, однако, замѣчательнымъ сочиненіемъ, характеризующимъ политическія стремленія извѣстнаго круга малорусскихъ патріотовъ первой четверти столѣтія.

Мы не будемъ останавливаться долѣе на трудахъ Срезневскаго, Максимовича, Метлинскаго, Бодянскаго, Костомарова, Кулиша и проч., по изученію малорусской народной жизни, старой и современной, — трудахъ, главное развитіе которыхъ принадлежитъ уже слѣдующему періоду. Довольно пока сказать, что, начиная съ кн. Цертелева, изученіе малорусскаго народа все расширяется на почвѣ чисто-этнографической; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно переходитъ и на почву литературную какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкѣ; общество знакомится ближе съ однимъ изъ элементовъ русской національности, который начинаетъ выясняться въ общественномъ сознаніи и получать свое историческое опредѣленіе. Разработка малорусской старины вызвала различныя вопросы, весьма важныя для исторіи русской національности: такъ, былъ поднятъ вопросъ о сравнительной давности племенъ великорусскаго и малорусскаго и ихъ взаимномъ отно-

шеніи, о давности малорусскаго нарѣчія, о томъ, кѣмъ совершаема была древняя исторія кievскаго періода, великоруссами или малоруссами (одно мнѣніе защищаль Погодинъ, другое Максимовичъ), и т. п. Наконецъ, какъ было уже замѣчено нѣкоторыми наблюдателями, не случайно было то явленіе, что наши первые слависты были или малоруссы родомъ, или люди, обжившіеся въ Малороссіи и привязавшіеся къ ея изученію: таковы были Срезневскій, Бодянский, Григоровичъ, частію Костомаровъ (какъ авторъ «Славянской Мифологіи»), Пассекъ.

Извѣстно, что малорусская литература не пользовалась сочувствіемъ въ кругѣ Бѣлинскаго. Самъ Бѣлинскій очень недружелюбно отзывался о первыхъ произведеніяхъ Шевченка, которыя приводили въ восторгъ критиковъ малорусскихъ; враждебно отнесся даже къ историческому изслѣдованію Костомарова о русской и малорусской народной поэзіи; считалъ все движеніе фальшивымъ и ненужнымъ. Этотъ взглядъ имѣетъ историческое объясненіе въ томъ, что первой необходимостью для нашего общественнаго образованія тотъ кругъ считалъ усвоеніе основныхъ прогрессивныхъ понятій, между тѣмъ какъ малорусская литература, тѣсно привязанная къ своимъ этнографическимъ источникамъ, или оставалась имъ совершенно чужда, отражая на себѣ консерватизмъ народной жизни, или имѣла къ нимъ слишкомъ далекое и мало видное отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, малорусское движеніе вступало тогда въ такіе литературные союзы, которые способны были внушать большія сомнѣнія: таковъ упомянутый союзъ съ «Маякомъ», въ дѣйствительности, какъ потомъ и оказалось, не совсѣмъ отвѣчавшій мнѣніямъ молодыхъ украинофиловъ, но тѣмъ не менѣе внѣшнимъ образомъ существовавшій. Бѣлинскому не могло быть сочувственно это совпаденіе и онъ былъ въ правѣ думать, что народность, защищаемая украинофилами, есть таже юродивая народность, за которую ратовалъ «Маякъ» съ его нелѣпными и обскурантными ухватками. Содержаніе малорусской литературы давало также поводъ къ этому смѣшенію, потому что въ своихъ народно-романтическихъ увлеченіяхъ восхищалась народностью безъ всякихъ оговорокъ, не удѣляя мѣста для высшихъ теоретическихъ интересовъ и восхищаясь даже чисто внѣшними принадлежностями народности, что въ самой русской литературѣ было уже давно пересолено и обозначалось названіемъ кваснаго патріотизма. — Настоящій характеръ малорусскаго движенія выяснился только позднѣе, когда понятія, лежавшія въ его основаніи, стали опредѣленнѣе и глубже: отношеніе къ нему въ русской литературѣ также измѣнилось; его

друзья оказались въ болѣе либеральной части литературы, а враги—между новѣйшими продолжателями «Маяка».

Чтобы правильно оцѣнить состояніе народныхъ изученій въ описываемую эпоху, ихъ недостатки и ихъ пріобрѣтенія, необходимо отдать себѣ отчетъ во внѣшнемъ ихъ положеніи, въ ихъ общественной и оффиціальной обстановкѣ.

Общественная мысль съ начала Николаевскихъ временъ была въ состояніи крайней подавленности. Катастрофа, обрушившаяся на либеральный кружокъ Александровскаго времени, изгнала изъ обращенія цѣлый разрядъ идей и стремленій, предметомъ которыхъ было исправленіе общественныхъ недостатковъ и возвышеніе общественнаго сознанія. Слабые проблески движенія оказывались только въ литературѣ: наибольшая доля ея служила элементарнымъ книжнымъ потребностямъ общества въ духѣ господствовавшаго настроенія; лишь меньшая доля будила общественную мысль и дѣйствовала на сравнительно небольшую часть общества. Правда, въ этой долѣ литературы шла усиленная работа, которая потомъ отразилась новыми успѣхами общественной мысли; но въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и еще сороковыхъ годахъ, эта мысль была контрабандой ¹⁾, а большинство пребывало въ китайской самодовольной неподвижности, отличаясь большой «беззаботностью на счетъ литературы». Рядомъ съ слабостью образовательнаго интереса въ обществѣ шла и слабость научныхъ средствъ, которыя могли направиться на изученіе народности. Въ ту эпоху, когда подготавливались дѣятели этнографіи отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ, въ наукѣ университетской, которая владѣла еще нѣкоторыми учеными силами, для этого изученія не было мѣста; въ словесности, напр., по проживавшимъ еще теоріямъ Баттѣ, Лагарпа, Блера, Эшенбурга, не было мѣста для народной повѣи; въ исторіи не было мѣста для вопросовъ, которые вели къ внимательному изученію народнаго преданія и обычая; этнографія, какъ наука, еще не подозрѣвалась; новыя славянскія литературы, которыя такъ много опирались на изученія народности и подвигали ихъ, были едва извѣстны по имени. Но зарождавшееся сознаніе, примѣръ европейской литературы оказывали свое дѣйствіе; изученія начинались, но по указанной причинѣ оставались на рукахъ дилеттантовъ, мало приготовленныхъ

¹⁾ Укажемъ, напр., воспоминанія о той эпохѣ покойнаго Заблоцкаго, приведенныя въ его некрологѣ, „Вѣстн. Евр.“ 1882.

или просто невѣжественныхъ. Авторитетомъ въ русской этнографіи и археологіи дѣлается профессоръ латинскаго языка и цензоръ Снегиревъ; другимъ — плохо ученый почтовый врачъ, Сахаровъ; славу знатока народности приобрѣтаетъ бывалый чело-вѣкъ, талантливый, но не имѣвшій научной подготовки въ этнографіи, врачъ и министерскій чиновникъ, Даль; описателемъ народнаго быта является еще менѣе приготовленный и очень по-верхностный писатель, чиновникъ Терещенко; знатокъ мало-русской этнографіи вырабатывается изъ ботаника, — Максимо-вичъ; влерживальныя защитники народности являются изъ моря-ковъ. Даже люди, какъ Надеждинъ, который былъ даже боль-шимъ ученымъ, не были въ этнографіи настоящими специали-стами ¹⁾. Не мудрено, что большинство этнографовъ были чистые самоучки, и что тогдашняя критика не замѣчала грубыхъ оши-бокъ, какія встрѣчались нерѣдко въ ихъ трудахъ. Самая пуб-лика была еще менѣе требовательна, и этнографы не трудились вырабатывать методъ, справляться съ европейскими взгляда-ніями, которыя, однако, уже съ тридцатыхъ годовъ поставили этнографическое изслѣдованіе въ тѣсную связь съ сравнительнымъ языкованіемъ, мѣологіей и исторіей. Относительно метода, Саха-ровъ и въ пятидесятыхъ годахъ остался такимъ же невѣждой, какъ былъ въ тридцатыхъ; университетскій профессоръ Морош-кинъ въ сороковыхъ годахъ считалъ возможнымъ свой «старин-ный методъ», который былъ чистой филологической бессмысли-цей... Серьезная постановка дѣла наступила только съ новымъ поколѣніемъ ученыхъ, которые приняли руководство европейской науки; черезъ нихъ болѣе правильныя понятія о дѣлѣ распро-странились и между этнографами-любителями и собирателями.

¹⁾ Савельевъ-Ростиславичъ задалъ однажды подобный вопросъ о томъ, кѣмъ велось въ его время изученіе русской исторіи. Оказалось, что „наука исторіи не находить своихъ ревнителей между тѣми, которые величаютъ себя официальными жрецами науки“, а что, напр., Кормчую книгу объясняетъ нѣмецъ, чиновникъ П оддѣсеніи (баронъ Розеншампф), бѣлорусскій архимъ печатаетъ протоіерей лейбъ-гвардіи финляндскаго полка (Григоровичъ), въ славянскій исторіи оказывается вели-кія заслуги медикъ (Венелинъ), „Оборону русской лѣтописи“ составляетъ членъ со-вѣта министерства внутреннихъ дѣлъ (Бутевъ), научную пумизматику создаетъ московскій предводитель дворянства (Чертковъ), Литву объясняетъ столоначальникъ въ управленіи путей сообщенія (Боричевскій), достовѣрность ханскихъ архивовъ до-казываетъ чиновникъ при редакціи журнала мин. внутр. дѣлъ (Григорьевъ), дре-внія торговля сношенія съ Азіей розыскиваетъ секретарь комитета иностранной цен-зуры (П. С. Савельевъ) и т. д. „Всѣ эти особи не принадлежатъ къ почтенному сословию профессоровъ русской исторіи въ нашихъ университетахъ“. Слав. Сбор-никъ, стр. CLXXI—CLXXIII. Трудамъ настоящихъ профессоровъ того времени (какъ Погодинъ, Устряловъ) Савельевъ не придавалъ большой цѣны.

Свойства времени, да и характеръ большинства самихъ изыскателей не способствовали ни научно глубокой, ни въ общественномъ смыслѣ правдивой постановкѣ вопроса о народномъ бытѣ. Не даромъ одинъ былъ цензоромъ, другой и третій—чиновниками петербургскихъ канцелярій; въ большинствѣ, это были люди, которые не задавали себѣ вопроса о положеніи вещей, вѣрили (или дѣлали видъ, что вѣрятъ), что они проживаютъ въ наилучшемъ изъ міровъ, возставали противъ новыхъ стремленій общественной мысли, къ идеямъ общечеловѣческаго просвѣщенія—философскаго, художественнаго и общественнаго, въ которыхъ видѣли вольнодумство и «не русское» направленіе. Биографъ Снегирева рассказываетъ, напр., что «въ задушевныхъ разговорахъ съ религіозными людьми онъ бесѣдовалъ о духѣ времени, о своеволіи и вольнодумствѣ общества, не обузданнаго *страхомъ*» и «не потворствовалъ либеральнымъ тенденціямъ писателей». Понятіе о страхѣ и субординаціи онъ переносилъ и въ литературныя дѣла. По поводу того, что литераторы петербургскіе враждовали съ московскими (въ 1830-хъ годахъ), Снегиревъ замѣчаетъ въ письмѣ къ одному изъ друзей, что «такое раздѣленіе не сообразно съ духомъ единодержавнаго и благотворнаго правительства»...¹⁾ Идеалистическія попопзновенія подобныхъ изыскателей народности оканчивались мудрствованіями и фантазіями «Маяка».

Взаимныя отношенія между ученымъ людомъ, этнографами и археологами, представляли слишкомъ часто некрасивую картину мелочной вражды и завистливаго соперничества, которыя не свидѣтельствовали о возвышенности научнаго интереса. Работы, и въ этнографіи, и въ археологіи, было безъ конца. Нужно было собирать народно-бытовой матеріалъ, приводить въ извѣстность массы неописанныхъ рукописей и т. п.: дѣла было на многіе десятии человѣческихъ жизней,—но выше этого стояли мелкія самолюбія. «Дивлюсь политикѣ гг. Малиновскаго и Оленина, — пишетъ Снегиревъ, — политикѣ, которая подъ спудомъ таитъ свѣтильнички, коими могли бы они озарить мракъ отечественной древности. Первый дошелъ до того, что боится объ описываемой имъ Москвѣ говорить при постороннихъ, особливо при ученыхъ, дабы они чего не выманили у него». Снегиревъ изображаетъ Малиновскаго «эгоистомъ, сидящимъ на кучахъ матеріаловъ и не позволяющимъ другимъ ими пользоваться»²⁾.

1) Изв. Мих. Снегиревъ, стр. 58, 65, 117, 228.

2) Тамъ же, стр. 104—106. Малиновскій начальствовалъ надъ московскимъ ар-

Ученые этого сорта не составляют рѣдкости въ исторіи нашей науки: но ученая слава Малиновскаго была обратно пропорціональна богатствамъ, какими онъ распоряжался.—Переписка нѣсколькихъ археологовъ, изданная недавно г. Барсуковымъ, представляетъ въ сожалѣнію обильные примѣры взаимнаго недружелюбія и завистничества,—примѣры, доходящіе до возмутительности: такова переписка Кубарева съ Сахаровымъ по поводу цензурной исторіи, которая стряслась въ 1848—49 г. надъ Бодянскимъ и издававшимся подъ его редакціей «Чтеніями Московскаго Общества исторіи и древностей», вслѣдствіе того, что Бодянской напечаталъ въ нихъ переводъ англійской книги XVI вѣка о Россіи, Флетчера. Самое напечатаніе этой книги, одного изъ любопытнѣйшихъ старыхъ иностранныхъ сочиненій о Россіи, было преступленіемъ въ глазахъ ученыхъ обскурантовъ ¹⁾.—Мудрено было, конечно, ожидать широкаго и свѣтлаго научнаго взгляда отъ людей, которымъ невразумительно было значеніе исторіи, обрушившейся надъ Бодянскимъ. Книжное превознесеніе народности не мѣшало въ тѣ годы ученому этнографу становиться въ положеніе не изыскателя, а сыщика и шпиона. Въ «Маякѣ» проповѣдники народности, хотя превлонявшіеся предъ Петромъ Великимъ, думали однако, что народность несоединима съ «западнымъ» образованіемъ, не видѣли связи, соединявшей лучшую часть тогдашней литературы съ дѣйствительнымъ народнымъ вопросомъ, полагали народность въ грубо консервативномъ самохвальствѣ и радовались, что цензура держитъ писателей въ ежовыхъ рукавицахъ...

Тогдашнія обычныя изображенія народнаго быта говорили о народныхъ преданіяхъ, обрядахъ, пѣсняхъ, патриархальныхъ нравахъ, о приверженности къ старинѣ, вѣрѣ и престолу, но совершенно обходили реальный бытъ, крѣпостное состояніе; если упоминалось послѣднее, то въ видѣ идиллической картины благоденствующихъ «мужичковъ». Господствующій тонъ было слащавое восхваленіе, параллельное съ чиновническимъ «все обстоитъ благополучно»; «ученое» изображеніе народной жизни дополняло картину благополучія. Для образчика приводимъ въ примѣчаніи первыя строки предисловія, которымъ вводилъ читателя въ свою книгу весьма типическій этнографъ того періода ²⁾.

живомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; Оленинъ былъ директоромъ петербургской публичной бібліотеки.

¹⁾ Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ, стр. 62—68, 69—72. Укажемъ еще на письмо Снегирева къ Авастасевичу, въ „Древ. и Новой Россіи“, 1880, ноябрь.

²⁾ Бытъ русскаго народа. Сочиненіе А. Терещенки. Въ VII частяхъ. Слб. 1848.

Такова была оборотная сторона тогдашнихъ изученій, которыя были все-таки большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ прежнимъ, по крайней мѣрѣ по собиранію фактическаго матеріала. Но безпристрастный историкъ литературы ограничить свои требованія, принявъ во вниманіе внѣшнюю обстановку тогдашней историко-этнографической дѣятельности.

Въ царствованіе имп. Николая продолжалась традиція Священнаго Союза. Программа «народности», какъ она была тогда поставлена, въ сущности была совершенно согласна съ этой традиціей; «народность» была названа, но должна была только усилить реакціонный смыслъ господствовавшей правительственной системы; она говорила: нашъ народъ не имѣетъ ничего общаго съ западомъ Европы, и тѣмъ менѣе съ гнѣздившимися тамъ превратными политическими идеями. Этой антипатіей къ западу, представленіемъ о неподвижномъ консерватизмѣ русскаго народа, поощреніемъ національнаго самоувѣрія, официальная программа совершенно удовлетворяла то большинство общества, которое не гналось за науками и довольно было привилегіями крѣпостного права; она имѣла много общаго съ самымъ славянофильствомъ. Правда, власти заподозрѣвали благонамѣренность послѣдняго, но — какъ обнаружилось въ случаѣ съ Ю. Самаринимъ, сначала арестованнымъ, а вскорѣ получившимъ высочайшее одобреніе — это было часто одно недоразумѣніе: административные практики не любили въ славянофилахъ теоретиковъ, которые слышеомъ

Книга написана не весьма грамотно и совершенно не научно, но это не мѣшало „народности“.

„Иностранцы, — говоритъ Терещенко, — смотрѣли на наши нравы и образъ жизни по большей части изъ одного любопытства; но мы обязаны смотрѣть на все это не изъ одного любопытства, а какъ на исторію народнаго бита, его духъ и жизнь, и почерпать изъ нихъ трогательные образцы добродушія, гостепримства, благоговѣйной преданности къ своей родинѣ, отечеству, православію и самодержавію. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а богѣ порицали, то мы не должны забывать, что они глядѣли на насъ поверхностно, съ предубѣжденіемъ и безъ изученія нашего народа... Перечитывая описанія, повѣствованія и сказанія на многихъ европейскихъ языкахъ, вы постоянно читаете — и не безъ улыбки, — что всѣ иноземные писатели какъ бы условились однажды и навсегда хулить и бранить насъ“... (Сейчасъ, однако, было сказано, что они многому удивлялись и хвалили).

„Оставивъ людскія страсти, которыя мы относимъ къ понятіямъ бѣды, намъ уследительно вспомнить, что предковъ жизнь, не связанная (?) условіями многосторонней образованности, излилась изъ сердечныхъ ихъ ощущеній (?), истекала изъ природы ихъ отчизны, и этимъ напоминаетъ патріархальная простота, которая столь жива въ ихъ дѣйствіяхъ, что какъ будто бы это было во всемоу изъ насъ (?). Кто хочетъ изслѣдовать битъ народа, тотъ долженъ восходить къ его юности и постепенно спускаться по ступенямъ измѣненій всѣхъ его возрастовъ“, — и такъ далѣе.

далеко вели свою привязанность къ старинѣ и наконецъ отыскали тамъ либеральныя учрежденія. Но положительное недоувѣріе и подозрѣніе возбуждали люди либеральныхъ мнѣній, которые имѣли явную наклонность къ европейскимъ идеямъ и осмѣливались «разсуждать».

Взглядъ административной практики на литературу и движеніе, въ ней происходившее, выразился исторіей тогдашней цензуры. Здѣсь не мѣсто на ней останавливаться; довольно извѣстно, какимъ тяжкимъ бременемъ она лежала на литературѣ, и мы напомнили лишь факты, относящіеся къ историко-этнографическимъ изслѣдованіямъ. Повидимому, можно было бы ожидать къ послѣднимъ особаго вниманія, когда официально была провозглашена «народность»; на дѣлѣ оказалось, что народность официальная далеко не совпадала съ дѣйствительнымъ интересомъ къ народу.

Изученіе народа, самая исторія давно внушали административнымъ практикамъ недоувѣріе, какъ вещь не безопасная; то и другое еще не освободились отъ запретности—временъ «слова и дѣла». Извѣстно, что самая «Исторія государства Россійскаго» подвергалась цензурнымъ придиркамъ, пока не была защищена отъ нихъ высочайшей властью. Извѣстно, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ дошелъ въ послѣдніе годы Александра I Магницкій съ братією. Въ изданной недавно перепискѣ кн. Голицына съ архимандритомъ Фотіемъ ¹⁾, первый, въ задушевной бесѣдѣ съ предавшимъ его вскорѣ св. отцомъ и другомъ, высказываетъ подозрѣніе относительно знаменитаго митрополита Евгенія (!) по случаю его «частыхъ сношеній съ учеными». И этотъ князь Голицынъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія! Въ самомъ обществѣ было столько невѣжества и свойственной невѣжеству вражды къ просвѣщенію, что не удивительно, если и власть заражалась тѣмъ же, или находила столько усердныхъ слугъ на этомъ поприщѣ. Событія 14 декабря еще усилили опасенія правительства, и печать стала еще болѣе считаться только терпимымъ зломъ, относительно котораго должны быть принимаемы самыя строгія предосторожности.

Въ дневникѣ Снегирева есть любопытный эпизодъ, который весьма характерно изображаетъ положеніе литературы и даетъ разгадку официально провозглашенной «народности».

Въ августѣ 1832 г., былъ въ Москвѣ министръ народнаго просвѣщенія. На приемѣ,—разсказываетъ Снегиревъ,—съ ино-

¹⁾ Р. Старина, 1882.

странными профессорами и лекторами университета онъ обошелся отъѣнно ласково, по-нѣмецки говорилъ хорошо, а въ русскомъ затруднялся:

«Въ засѣданіи цензурнаго комитета Уваровъ явился не такимъ мягкимъ. Онъ объявилъ, что государь недоволенъ пропускомъ въ № 3 «Телескопа» выраженій, вставленныхъ отъ себя переводчикомъ; а этихъ словъ нѣтъ во французскомъ журналѣ, изъ котораго переведена статья ¹⁾. Онъ находилъ (это неприличнымъ и грубымъ, сказавъ, что «стояло бы запретить сей журналъ, но правительство не хочетъ показать, что оно боится недѣльныхъ изданій и не требуетъ себѣ похвалы. Если должно выбрать меньшее зло, то пусть лучше мараютъ бѣдную литературу и бранятся литераторы, чѣмъ трогать правительство пустыми выказками. Нельзя служить двумъ господамъ, посему нельзя быть виѣстѣ профессоромъ и журналистомъ, или то, или другое надобно выбирать. Надеждину, которому въ послѣдній разъ прощается, такъ равно и цензору Цвѣтаеву, который весьма неосторожно поступилъ и вѣрно обманутъ былъ издателемъ, который увѣрилъ его, что подлинникъ перевода пропущенъ петербургскою цензурою. Государь читаетъ всѣ журналы съ отъѣтками; за строгость не столько отвѣтитъ цензоръ, сколько за слабость. Жалобы на него будутъ недѣйствительны; при затруднительности дѣлъ онъ подверженъ отвѣтственности, особливо въ уголовной статьѣ, какова помѣщена въ Телескопѣ у профессора Московскаго университета. Это послѣднее снисхожденіе; «я такихъ правилъ, — приговаривалъ графъ Уваровъ, — что если раздавить, то такъ, чтобы слѣда не осталось! Впрочемъ, не съ тѣмъ принялъ я на себя порученіе отъ государя, чтобы разить, но съ тѣмъ, чтобы очистить замаранный (?) университетъ предъ глазами государя и исходатайствовать его милости». Мы благодаримъ, и я примолвилъ, что мы много отъ него и ожидали. Послѣ сего онъ сдѣлалъ легкое замѣчаніе Двигубскому за пропускъ статьи о дворянствѣ въ «Земледѣльческомъ Журналѣ». «Политическая религія имѣетъ свои догматы неприкосновенныя, — сказалъ онъ, — подобно христіанской религіи (?); у насъ они: самодержавіе и крѣпостное право; — зачѣмъ ихъ касаться, когда они, къ счастью Россіи, утверждены сильною и крѣпкою рукою». Послѣ сего поручилъ попочителю Голохвастову написать сіе Надеждину и предписать ему выборъ быть профессоромъ или журналистомъ, угождать гостинному ряду и своей ватагѣ или правительству (?), отъ коего онъ зависить». «Скажите, — примолвилъ онъ Цвѣтаеву, — чтобы онъ не думалъ, будто я мщу ему за академію наукъ ²⁾; пусть онъ ругаетъ и меня и ее: это ничего не значитъ». И такъ, проговоривъ часа два, Уваровъ раскланялся съ нами» ³⁾.

Прибавимъ встати, что самъ Снегиревъ, «при всей своей

¹⁾ О какой статьѣ «Телескопа» идетъ здѣсь рѣчь, не знаетъ. Въ № 3 помѣщены: «Тирольца» — изъ *Revue de Paris*; «Поэты самоучки въ Англіи» — изъ *Revue des deux Mondes*.

²⁾ Статья объ академіи, возбуждавшая негодованіе министра, есть, конечно, статья «о первой раздачѣ Демидовскихъ наградъ С.-Петербургской академіи наукъ», *Телеск.* 1832, т. II (или съ начала изданія т. VIII), стр. 548—554, и обозначенная: «сообщено» (кѣмъ?): статья весьма разумная и приличная, и которая могла быть неприятна академіи только по независимости своихъ сужденій.

³⁾ Ив. Мих. Снегиревъ, стр. 118—115.

опытности и осмотрительности» и при упомянутомъ выше отношеніи къ либеральнымъ идеямъ, не избѣгъ кары отъ начальства за цензурный недосмотръ и даже потерялъ службу. Поводъ былъ слѣдующій. Въ 1855 г., ожидался столѣтній юбилей московскаго университета; къ торжественному празднику готовились разныя ученныя изданія, и между прочимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» печатался очеркъ исторія университетской типографіи; здѣсь сказано было о дѣятельности Новикова, и этого было достаточно, чтобы пропустившему статью Снегиреву предложено было подать въ отставку ¹⁾. Такъ долго нельзя было исторіи коснуться Новикова! Такъ сильно было положенное на него заклятіе!

Изъ приведеннаго наставленія московскому цензурному вѣдомству можно видѣть совершенно ясно, какого рода «народность» разумѣлась въ извѣстной формулѣ. Эти взгляды цензурнаго начальства не преминули, конечно, оказывать свое дѣйствіе. Крестьянскій вопросъ, о которомъ была еще нѣкоторая возможность говорить при Александрѣ I, былъ теперь совсѣмъ закрытъ для литературы, и общественная мысль по этому предмету высказывалась лишь отдаленными намеками и параллелями, которые читатель долженъ былъ отгадывать, и — отгадывалъ. Съ другой стороны третье отдѣленіе, также мѣшавшееся въ цензуру, подняло разъ тревогу даже изъ-за газетной статьи объ освобожденіи негровъ. Все отношеніе литературы къ настоящему положенію народа должно было сообразоваться съ канцелярской формулой — «обстоять благополучно»: «народность» являлась въ книжномъ изображеніи какъ на осмотръ къ начальству, приглашенной и благоденствующей. Выше мы видѣли уже примѣры того, съ какими непреодолимыми препятствіями встрѣчались самые смиренные труды этнографовъ. Сахаровъ, какъ говорятъ, подвергся самымъ неблагополучнымъ угрозамъ и съ перепугу принялся оправдывать древнихъ славянъ отъ «поворной язвы многобожія и тайныхъ сказаній». Это было въ началѣ періода «народности», а въ концѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, членъ высшаго ученаго учрежденія имперіи, раздѣлявшій взгляды администраціи, находилъ зловреднымъ Далево собраніе пословицъ (и не былъ опро-

¹⁾ „И хотя, — рассказываетъ биографъ, — самъ министр народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ лично выражалъ Снегиреву свое мнѣніе о его благонамѣренности, а министръ внутр. дѣлъ Д. Г. Бибиковъ признавалъ его заслуги за содѣйствіе къ уменьшенію раскола, и генералъ-губернаторъ гр. Зауревскій ходатайствовалъ... — ничто не помогло, и 15 февр. 1855 года Снегиревъ былъ уволенъ *по прошенію* отъ службы“ (Ив. Мих. Снег., стр. 157—158).

вергнуть своими учеными сочленами!), а цензура считала нужнымъ выбросить изъ него около цѣлой четверти (т.-е. около 8,000 пословицъ!). Прекрасное поощреніе къ изученію собственнаго народа!

Въ 1844 г., Петръ Кирѣвскій задумалъ издать свое богатое собраніе пѣсенъ; надо было обратиться къ цензурѣ,—и любопытно читать совѣты, какіе подаетъ ему при этомъ случаѣ братъ его И. В. Кирѣвскій, чтобы обезпечить пропускъ пѣсенъ. «Если министръ будетъ въ Москвѣ,—пишетъ онъ,—то тебѣ непременно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы въ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ—это не мѣшаетъ. Главное, на чемъ основываться, это то, что пѣсни—*народныя*, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевошниковъ надъ погодю.—Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя пѣсни*, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ»¹⁾. Чтобы издавать пѣсни, надо было впередъ запастись оправданіями и ссылками на ту же Европу...

Въ 1848 г., Бодянский, профессоръ университета, секретарь Московскаго Общества исторіи и древностей, и редакторъ его «Чтеній», выказавшій въ этомъ качествѣ, особенно въ тѣ годы, по истинѣ замѣчательную дѣятельность, между множествомъ другаго матеріала по старой русской исторіи помѣстилъ въ «Чтеніяхъ» переводъ книги Флетчера о Россіи временъ Ивана Грознаго, сдѣланный тогда г. Калачовымъ. Флетчеръ навлекъ цѣлую бурю и на общество, и на Бодянскаго. Книга была запрещена, нѣсколько разошедшихся по рукамъ экземпляровъ отобраны; цензуrowаніе самимъ обществомъ своихъ изданій признано противозаконнымъ; Бодянскій потерялъ и профессуру въ университетѣ, и мѣсто секретаря и редактора въ обществѣ²⁾. Листы перевода Флетчера, вырѣзанные изъ книги «Чтеній», были опечатаны; въ этомъ видѣ они и донныя лежатъ въ московскомъ университетѣ.

Въ тѣхъ же сороковыхъ годахъ г. Костомаровъ напечаталъ

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣвскаго. Моск. 1861, т. I, биографія. стр. 93.

²⁾ Подробности въ статьѣ Н. А. Попова, „Русская Старина“, 1879, ноябрь, стр. 475—480; „Русскіе палеологи“, Барсукова, стр. 68—69; „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Сиб., въ тип. морск. министр., стр. 60—61.

въ Харьковѣ магистерскую диссертацию объ униі. Вопросъ былъ поставленъ съ нѣкоторой самостоятельностью. Этого было достаточно для блюстителей официальной исторической нравственности, и диссертация г. Костомарова, послѣ разбора ея Устряловымъ, была конфискована и истреблена.

Въ концѣ концовъ, и гр. Уварову привелось испытать неудобства этой системы, доведенной до послѣдняго предѣла въ такъ называемомъ комитетѣ 2-го апрѣля (1848 г.) или «негласномъ комитетѣ»¹⁾.

Къ концу царствованія императора Николая, подъ впечатлѣніемъ событій европейскихъ, цензура все болѣе и болѣе изощрялась и усиливалась вогнать литературу въ опредѣленные для нея рамки; негласный комитетъ безпрестанно вмѣшивался въ цензурныя дѣла, добывалъ экстренныя запрещенія; III-е отдѣленіе грозило... Не осталась нетронутой и область «народности».

Понятіе «народности» естественно вызывало мысль о единоплеменномъ славянствѣ, и мы видѣли, что «Маякъ», съ величайшимъ усердіемъ присоединившійся къ программѣ министерства просвѣщенія, началъ говорить о славянствѣ древнемъ и современномъ. Болѣе серьезно сталъ заявлять славянскія сочувствія «Москвитянинъ», мнѣнія котораго имѣли въ подкладѣ не только идеальный, но и политическій панславизмъ, хотя ясно никогда не высказанный. Между тѣмъ цензурное вѣдомство и другія, сопредѣльныя съ нимъ власти нисколько не поощряли не только славянскихъ сочувствій, но даже сочувствій къ *русскимъ* единоплеменникамъ въ западномъ краѣ²⁾. Такъ, въ 1841 году, въ цензуру представлено было стихотвореніе Хомякова «Кіевъ», гдѣ перечисляются поклонники, сходящіеся къ его святынямъ; цензура выключила строфы, говорившія о сынахъ Волини и Галича³⁾. Относительно славянскихъ сочувствій министру народнаго просвѣщенія (тогда—главѣ цензуры) дѣлались такія донесенія (1842): «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности «Москвитянинъ», приняли за особенную тѣму выставять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи сла-

¹⁾ Истор. свид. о цензурѣ, стр. 70—71.

²⁾ Впослѣдствіи, во всемъ этомъ винили „общество“.

³⁾ Мы вокругъ твоей святыни

Всѣ съ любовью собраны...

Братцы, гдѣ жь сыны Волини!

Галичь, гдѣ твои сыны? и проч.

Стихотвореніе Хомякова явилось тогда въ „Москвитянинѣ“ 1841, ч. III, кн. 5.

ванъ, какъ терпящихъ особыя угнетенія (а они ихъ не терпѣли?), и предвѣщать скорое отдѣленіе ихъ отъ иноплеменнаго ига... Возбуждать участіе въ политическому порабоженію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности; и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эманципаціи — едва ли можно считать такую пропаганду не опасною¹⁾.

Это опять — по программѣ «народности», и сообразно съ этимъ Россія вмѣшалась въ концѣ этого періода въ австрійскія дѣла, чтобы «спасать Австрію», т. е. австрійскій абсолютизмъ...

Старое недовѣріе къ славянофильству продолжалось, и въ 1852 году подтверждено было отъ высшей власти, черезъ III-е отдѣленіе, чтобы «на представляемыя въ одобренію, для изданія въ свѣтъ, сочиненія въ духѣ славянофильовъ было обращено особенное и *строжайшее* вниманіе со стороны цензуры»²⁾.

Наконецъ, опека распространялась на самыя произведенія народной словесности. Кирѣевскій заблуждался, думая, что цензура бессильна надъ этими произведеніями; въ 1853 г., цензура получила формальный приказъ отклонять пропускъ такихъ народныхъ преданій, которыми «нарушаются добрые нравы» и «которыхъ сохранять въ народной памяти чрезъ печать нѣтъ никакой пользы». — Запрещенія этого рода были повторяемы нѣсколько разъ, и цензура сама рѣшала, не спрашивая историковъ и этнографовъ, въ 1853, что напр.: «Наговоры (заговоры?) и волшебныя заклятія, какъ остатки *ореднаго суевѣрія*, не имѣющіе и *съ ученомъ отношеніемъ* никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы въ печати, не только въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлію и предназначаемыхъ для образованнаго класса публики»³⁾. Упомянутыя сейчасъ распоряженія вызывались, между прочимъ, не явными поводами, какъ напр. изслѣдованіями г. Буслаева, «Архивомъ» г. Калачова. Такимъ образомъ благочиніе водворилось даже въ старинѣ, заднимъ числомъ: если бы продолжалось это отношеніе къ народнымъ преданіямъ съ точки зрѣнія управы благочинія, исторія должна была обратиться въ такой же рапортъ о всеобщемъ благополучіи, какими изображалось настоящее. Исторія, чтобы явиться на свѣтъ Божій, также должна

¹⁾ Историч. свѣд. о цензурѣ, стр. 64—65.

²⁾ Сборникъ постановл. и распор. по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб. 1862 стр. 282.

³⁾ Сборникъ постановл. и распор., стр. 288—289, 291, 294—297.

была подчиняться и подмалевываться; а что никакъ уже не могло быть подмалевано, то совсѣмъ запрещалось. Таково распоряженіе 1854 года, по которому «сочиненія, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то во временахъ Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при *всей благонамѣренности* авторовъ и самыхъ статей ихъ, *неумѣстны* и оскорбительны для народнаго чувства (!), и оттого должны быть подвергаемы *строжайшему* цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ»¹⁾.

Еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, цензура получила приказаніе обратитъ особое вниманіе на статьи объ отечественной исторіи, для предотвращенія въ нихъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ: «Особливой внимательности требуютъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ *патріотизма* (!), общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ не благоразумнымъ, по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть»²⁾. Трудно понять, какою поводомъ и какою именно цѣль имѣло это распоряженіе (1847 г.).—Наконецъ, цензора получили приказаніе—въ случаѣ, если бы имъ представлены были на разсмотрѣніе сочиненія, обнаруживающія въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ и нравственномъ отношеніи направленіе, сообщать эти сочиненія, негласнымъ образомъ, въ III-е отдѣленіе, съ тѣмъ, чтобы послѣднее уже принимало свои мѣры³⁾.

При томъ пониманіи «народности», которое обнаруживается изъ «негласныхъ» разъясненій самой власти, понятно, что эта система не должна была особенно заботиться о народномъ образованіи и должна была относиться недовѣрчиво къ литературѣ, назначенной для народа. Еще въ 1834 г. Уваровъ предложилъ на обсужденіе главнаго управленія цензуры вопросъ, удобно ли распространять престонародную литературу. Главное управленіе пришло къ такому заключенію, что «приводитъ (т.-е. при посредствѣ литературы) низшіе классы нѣкоторымъ обра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 298.

²⁾ Тамъ же, стр. 240.

³⁾ Тамъ же, стр. 248.

зомъ въ движеніе и поддерживать оныя какъ бы въ состояніи напряженія (!), не только бесполезно, но и вредно¹⁾. Оно и было, пожалуй, вѣрно относительно крѣпостной массы: «вразумлять объ электричествѣ» крѣпостного было бы недостойной насмѣшкой; но вѣдь были и миллионы некрѣпостныхъ?—Строгіе блюстители цензурныхъ принциповъ, въ 1855 году, напали, наконецъ, даже на бѣднаго, давнымъ-давно ходившаго въ дѣтскомъ и простонародномъ чтеніи, «Конька-Горбунка», напедши въ немъ «прикосновеніе къ православной церкви, къ ея установленіямъ и къ постановленнымъ отъ правительства властямъ—представляются земскій судъ и городничій» и т. д.; къ счастью, главное управленіе защитило «Конька Горбунка»²⁾.

Литература для народа не могла процвѣсть въ подобныхъ обстоятельствахъ. Императоръ Николай, который самъ находилъ время слѣдить за литературой, въ 1850 году обратилъ вниманіе на недостатокъ простонародныхъ книгъ, соответствующихъ цѣли. Министръ просвѣщенія, вн. Ширинскій-Шихматовъ, представилъ докладъ объ этомъ предметѣ, гдѣ между прочимъ замѣчалъ, что въ простонародныхъ книгахъ долженъ быть употребляемъ церковный шрифтъ; но дѣло не подвинулось, и черезъ два года вн. Шихматовъ, на вопросъ предсѣдателя негласнаго комитета, не могъ указать ни на одинъ удачный опытъ сочиненія для простонароднаго чтенія³⁾!

Въ концѣ концовъ, система «народности», примѣненная къ просвѣщенію, дала за пятнадцать лѣтъ 1833—1848, изумительный результатъ—*пониженіе* литературной производительности вообще,⁴⁾ и въ частности уменьшеніе числа сочиненій по теоріи словесности и искусствъ, по философіи и отечественной исторіи.

Таковы были условія, въ которыхъ, во имя «народности», существовала литература и совершались изученія самой народности. Не сваливая цѣликомъ на цензуру недостатки литературы, происходившіе отъ уровня самого общества, нельзя не видѣть, что именно ей и направлявшимъ ее сферамъ слѣдуетъ, однако, приписать медленность движенія и совершенное исчезно-

1) Историч. свѣдѣн. о ценз., стр. 64.

2) Тамъ же, стр. 88.

3) Тамъ же, стр. 72.

4) Цифры, по пятилѣтіямъ, были слѣдующія:

	1833—1837 г.	1838—1842 г.	1843—1847 г.
Пятилѣтній итогъ:	51,828	44,609	45,795

См. Историч. свѣд. о ценз., стр. 62.

веніе изъ печати и изъ обращенія въ обществѣ многихъ понятій, которыя ранѣе уже возникли и несомнѣнно могли служить серьезнымъ интересамъ общества и настоящей народности.

Самая мысль о выставленіи *народности*, какъ принципа, была внушена давнимъ присутствіемъ этого стремленія въ образованнѣйшихъ кругахъ и въ литературѣ. Это стремленіе выросло изъ сильнаго возбужденія, начавшагося въ обществѣ при началѣ царствованія Александра I, поддержаннаго 1812 годомъ и обновившагося еще разъ въ концѣ царствованія подъ вліяніемъ европейскаго либерализма. Въ литературѣ это стремленіе обнаружилось живымъ интересомъ къ внутреннимъ политическимъ вопросамъ и отразилось отчасти въ романтической школѣ. Въ лучшемъ общественномъ кругѣ явились вопросы о необходимости освобожденія крестьянъ, о необходимости народной школы, о терпимости въ религиозному разномыслію, о большей свободѣ печати, какъ выраженія общественныхъ и народныхъ мыслей и желаній и т. д. Катастрофа 14 декабря испугала правительство; преувеличивая опасность отъ либеральнаго броженія умовъ, оно суровымъ полицейскимъ надзоромъ и цензурой задержало или оборвало многія изъ этихъ стремленій, въ ущербъ не только дѣйствительнымъ нуждамъ общества, но и желаніямъ самой власти. Говорятъ по крайней мѣрѣ, что освобожденіе крестьянъ было желаніемъ самого императора Николая. Если это такъ, то, къ сожалѣнію, само правительство полагало препятствія исполненію этого желанія; увлекшись реакціей противъ либерализма, оно, какъ бываетъ обыкновенно, потеряло мѣру и стало преслѣдовать всякія свободныя проявленія общественной мысли, подавлять то, что было естественнымъ ея ростомъ. Внутренняя жизнь общества не была, конечно, подавлена,—но насиліе замедлило ея правильное развитіе и съ другой стороны произвело уродливости, съ которыми мы встрѣчались—обскурантныя національныя теоріи и рабское лицемеріе. Административная власть, распоряженіе судьбами образованія и литературы, перешла къ людямъ, которые были злѣйшими врагами «либерализма» и стремились истребить даже и то, что, какъ говорили, было желаніемъ самого императора,—она перешла къ крѣпостникамъ и полицейскимъ обскурантамъ, которые, конечно, въ высшей сферѣ представляли вещи въ своемъ собственномъ освѣщеніи.—Кончилось, какъ мы видѣли по официальнымъ цифрамъ, тѣмъ, что, въ противность всякимъ статистическимъ вѣроятіямъ книжная дѣятельность падала, т.-е. невѣжество росло.

Слово «народность», употребленное въ официальной про-

граммѣ, понятое сколько-нибудь серьезно и искренно, не могло не обновлять сочувствій къ народу, не вызывать мысли объ его положеніи, желанія, чтобы представительствомъ народнаго начала были лучшія, а не худшія свойства народа и учрежденій. Но слово «народность» было эвфемизмъ, обозначавшій собственно крѣпостное право... Прямо это не было сказано, и нѣкоторые изъ искреннихъ романтиковъ народности, принявъ буквально программу, привѣтствовали ее, надѣясь видѣть въ ней хоть отчасти свои народолюбивыя стремленія; на дѣлѣ она представляла самый рѣшительный консерватизмъ и отрицаніе дѣйствительнаго народолюбія... Любителямъ народности идеальной и освободительной пришлось вскорѣ разубѣдиться; но за то, настоящіе обскуранты и крѣпостники схватились крѣпко за эту программу и, сдѣлавши изъ нея свое знамя, успѣшно пользовались имъ противъ своихъ литературныхъ и общественныхъ противниковъ. На ней опирался «Маякъ» и разные другіе оттѣнки обскурантизма, вопіявшіе противъ запада, противъ вольводумства, противъ новѣйшаго образованія, и обвинявшіе (какъ и теперь опять дѣлается) своихъ противниковъ въ измѣнѣ народности. Люди этого рода считали себя самыми русскими и, наконецъ, опротивѣли людямъ серьезнымъ: возгласы о «народности» стали злоупотребленіемъ, въ томъ родѣ, какъ случилось теперь съ музыкой «Боже царя храни» въ московскихъ трактирахъ, противъ злоупотребленія которой наглými скандалистами принимаетъ наконецъ мѣры полиція. Печать, воспитанная упомянутымъ сейчасъ цензурнымъ режимомъ, въ большинствѣ дошла до крайняго ничтожества; отношеніе къ общественнымъ вопросамъ заключалось въ лести и лицемеріи передъ властью, подъ маскою «народности». Самыми «благонадежными» людьми, въ глазахъ тогдашней системы, были люди въ стилѣ Булгарина. Пушкинъ былъ не совсѣмъ благонадеженъ и требовалъ надзора...

Лучшія силы литературы шли своимъ путемъ; заподозрѣнная властью, стѣсненная, едва терпимая, онѣ вырабатывали дѣйствительное общественное сознаніе, и подъ ихъ влияніями изученія народности къ концу періода принимаютъ новое благотворное направленіе: броженіе философскихъ теорій, съ тридцатыхъ годовъ, наводило на общіе вопросы національной жизни; развитіе историческихъ знаній давало изслѣдователямъ научную основу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи три мѣры, принятыя въ тѣ времена, оказали благотворное дѣйствіе и вознаграждали до извѣстной степени неблагоприятное для литературы влияніе системы. Одной изъ нихъ было учрежденіе археографической

экспедиціи и комиссіи: собранные и изданные ими акты и летописи дали богатый матеріалъ для новыхъ изслѣдованій русской старины. Другой мѣрой было основаніе кафедръ славянскихъ нарѣчій въ университетахъ: новая славистика въ первый разъ прочнымъ образомъ поставила изученіе родственнаго славянскаго міра, до тѣхъ поръ извѣстнаго очень скудно и отрывочно. Третьей—была посылка за границу молодыхъ ученыхъ для приготовленія къ университетской кафедрѣ: прямое и живое вліяніе европейской, особливо нѣмецкой науки, вдохнуло новую жизнь въ нашу университетскую науку. Только первая изъ этихъ мѣръ могла послѣдовательно исходить изъ начала «народности»; вторая не совсѣмъ отвѣчала господствующей системѣ, потому что сочувствія къ славянству не поощрялись въ литературѣ; третья отвѣчала еще менѣе,—но была истинной заслугой для русской науки и образованности. Результаты этихъ мѣръ, въ связи съ внутреннимъ развитіемъ самой литературы, стали оказываться къ концу описываемаго періода: ими открывается въ исторіи нашихъ народныхъ изученій новый періодъ.

А. Пининъ.

СОВРЕМЕННЫЙ НОВАТОРЪ

ВЪ

БОРЬБЪ СЪ РУТИНОЙ

АВТОБИОГРАФІЯ ДЮРИНГА.

E. Dühring: Sache, Leben und Feinde. Karlsruhe und Leipzig, 1882.

Одно изъ послѣднихъ, по времени, сочиненій нѣмецкаго философа Дюринга, столь извѣстнаго по его борьбѣ съ современной рутиной, носитъ заглавіе: «Робертъ Майеръ—Галилей XIX-го вѣка». Выставляя на видъ заслуги несправедливо забытаго ученаго, защищая его авторское право на одно изъ величайшихъ открытій въ области механики и физики, Дюрингъ, безъ сомнѣнія, сравнивалъ мысленно съ Галлеемъ не только Роберта Майера, но и самого себя. Мучениковъ науки и мысли имѣетъ каждая эпоха; измѣняются только орудія мучительства или формы мученичества. Костеръ Джордано Бруно уступаетъ мѣсто тюрьмѣ Галилея, въ свою очередь замѣняемой изгнаніемъ Вольфа или Фихте. Въ наше время опасность, угрожающая ученому со стороны власти, доведена въ Западной Европѣ почти до минимума; передъ нимъ, какъ передъ Штраусомъ, Фейербахомъ, Мишле, Кине, Реваномъ, Дюрингомъ, можетъ быть закрыта, навсегда или на время, университетская кафедра, но не можетъ быть закрыта другая, болѣе вліятельная и видная трибуна, — трибуна печатнаго слова. Въ прежней за то силѣ остается у нашихъ сосѣдей опасность другого рода, — опасность притѣсненій со стороны собратій по оружію, опасность игнорированія или непони-

ниманія со стороны общества. Равнодушіе массы, зависть или ученая рутина меньшинства — вотъ тѣ мелкія, но цѣпкія силы, противъ которыхъ долженъ бороться современный новаторъ. Клеветѣ, замалчиванью, плагиату рѣдко удается побѣдить дѣйствительное дарованіе, помѣшать заслуженной славѣ; но для того, чтобы отразить ихъ, или пробиться сквозь воздвигаемые ими преграды, необходимо иногда напряженіе, болѣзненно отзывающееся на цѣлой жизни. Лучшимъ примѣромъ этому служатъ Дюрингъ, доведенный продолжительной борьбой почти до монomanіа. Автобіографія его, названная въ заглавіи нашей статьи, представляетъ большой интересъ именно какъ иллюстрація въ нравамъ нѣмецкаго ученаго міра. Этимъ не исчерпывается, впрочемъ, ея значеніе. Дюрингъ — одинъ изъ выдающихся современныхъ мыслителей; прослѣдить его развитіе, узнать внутреннюю исторію его работъ, значитъ приблизиться къ пониманію системы, бесспорно цѣльной и оригинальной. Эта система, въ общихъ чертахъ, извѣстна большинству русской читающей публики; о главныхъ произведеніяхъ Дюринга много разъ шла рѣчь въ нашей періодической печати, г. Козловъ посвятилъ имъ недавно цѣлую книгу ¹⁾.

Евгеній Дюрингъ родился въ Берлинѣ, въ 1833 г. Его семья была родомъ изъ Швеціи, но еще въ началѣ прошедшаго вѣка переселилась въ Пруссію. Его прадѣдъ, дѣдъ и отецъ были хорошими математиками; первый занимался техническими постройками, послѣдніе двое состояли на государственной службѣ, по строительной части. Средства родителей Дюринга были весьма ограниченныя, но нужды они не знали. Отецъ самъ занимался воспитаніемъ единственнаго своего сына, обращая особенное вниманіе на математику; одиннадцати лѣтъ отъ роду, мальчикъ дошелъ уже до высшей алгебры и геометріи и изучалъ ихъ съ такимъ жаромъ, что нужно было на время отнять у него всѣ математическія книги. Вспыльчивый, энергичный, не терпѣвшій противурѣчія, отецъ Дюринга съумѣлъ, однако, приобрѣсть любовь и довѣріе сына, приблизить его къ себѣ, передать ему свое міросозерцаніе. Вліяніе матери было, повидимому, гораздо меньше: Дюрингъ едва упоминаетъ о ней въ своей автобіографіи; мы не узнаемъ даже, что стало съ нею послѣ смерти мужа; попеченіе объ осиротѣвшемъ мальчикѣ приняла на себя его тетка, сестра отца. Мать Дюринга была религіозна въ «церковномъ» значеніи этого слова, отецъ былъ деистомъ; мальчикъ никогда не

¹⁾ А. А. Козловъ, Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга, съ приложеніемъ критическаго обзора. Кіевъ, 1878.

ходилъ въ церковь и держался отцовскихъ взглядовъ, пока не промѣнялъ ихъ на болѣе крайніе. Съ назидной литературой онъ познакомился уже послѣ смерти отца, систематически отвергавшаго воспитательное ея значеніе. Критическая жила заговорила въ Дюрингѣ очень рано; учебники его не удовлетворяли, онъ предпочиталъ черпать свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ; съ начала до конца, безъ пропусковъ, были прочитаны имъ лишь немногія книги. Истину въ жизни онъ рано научился не отдѣлять отъ истины въ наукѣ; знать, въ его глазахъ, всегда значило и поступать согласно съ тѣмъ, что знаешь. Съ такими задатками онъ поступилъ въ такъ-называемую кѣльскую ¹⁾ гимназію, въ которой менѣе исключительно, чѣмъ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Берлина, процвѣталъ классицизмъ и лучше преподавались математическія и естественныя науки; именно поэтому она и была выбрана отцомъ Дюринга. На пятнадцатомъ году мальчикъ потерялъ своего перваго наставника и друга. Пенсія, которою существовала семья, прекратилась со смертью отца; продолжая учиться въ кѣльской гимназіи, молодой Дюрингъ вынужденъ былъ поселиться въ пансіонѣ, учрежденномъ для бѣдныхъ сиротъ на средства частныхъ благотворителей. Онъ оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не перешелъ на полное содержаніе въ другую гимназію, іоакимтальскую. Здѣсь вниманіе начальства было сосредоточено преимущественно на древнихъ языкахъ; Дюрингъ легко и быстро достигъ требуемаго уровня и даже поднялся надъ нимъ, сдѣлавшись первымъ ученикомъ и сохраняя это мѣсто до окончанія курса. Мнѣніе его о преподаваніи древнихъ языковъ и вообще о гимназической программѣ не можетъ, такимъ образомъ, быть приписываемо ни воспоминанію о тяжеломъ, непосильномъ трудѣ, ни озлобленію неудачника.

Порицаніе Дюринга направлено именно на тѣ пункты, которые служили и у насъ главнымъ предметомъ полемики между противниками и защитниками *абсолютнаго* классицизма. Господствующая роль латинскаго языка кажется Дюрингу остаткомъ той эпохи, когда латынь была общимъ языкомъ ученыхъ, когда умѣнье владѣть ею было необходимымъ условіемъ научной дѣятельности. Потерявъ свой первоначальный смыслъ, свое жизненное значеніе, она сообщаетъ всему гимназическому обученію въ Германіи формальный характеръ, выдвигаетъ на первый планъ по-

¹⁾ Кельцъ—это старинное имя наиболѣе древней части Берлина, лежащей на правомъ берегу Шпрее, близъ королевскаго замка.

дробности и мелочи, годныя развѣ только для будущихъ филологовъ. Наиболѣе смѣтливые ученики научаются писать по-латыни, фабриковать латинскіе стихи; но это бесполезное искусство добывается цѣною отсталости въ другихъ предметахъ, даже въ греческомъ языкѣ. *Свободному* чтенію греческихъ авторовъ гимназія никого не научаетъ. Успѣхамъ по родному языку вредитъ безсодержательность сочиненій, тѣмы для которыхъ рѣдко соотвѣтствуютъ развитію учениковъ. Гораздо цѣлесообразнѣе отвлеченныхъ разсужденій было бы письменное изложеніе естественно-научныхъ, историческихъ, географическихъ данныхъ; но такое изложеніе требуетъ фактическихъ свѣдѣній, которыми крайне бѣдны современные гимназисты. Грамматика и лексиконъ — плохой источникъ для содержанія сочиненій. Въ тѣсной связи съ излишнимъ преобладаніемъ древнихъ языковъ стоитъ обремененіе учениковъ массою занятій, вредно отзывающееся на ихъ здоровьѣ. Одними мертвыми языками ограничиться невозможно — но столь же невозможно совмѣстить глубокое изученіе ихъ съ основательнымъ знаніемъ хотя бы главнѣйшихъ предметовъ, входящихъ въ область новѣйшей науки. Отсюда съ одной стороны крайняя отяготительность, съ другой — крайняя недостаточность гимназической программы. Масса работъ, задаваемыхъ на домъ, подавляетъ даже лучшихъ учениковъ. Дюрингу случалось иногда прямо заявлять, что онъ не могъ справиться съ ними — и ему это сходило съ рукъ, какъ первому ученику въ классѣ; но каково было положеніе большинства товарищей его, менѣе одаренныхъ отъ природы и болѣе робкихъ передъ начальствомъ? Таковы взгляды Дюринга:

Между преподавателями вѣльнской гимназіи, въ которой сначала обучался Дюрингъ, было нѣсколько способныхъ, гуманныхъ людей, да и общій духъ, господствовавшій въ гимназіи, былъ сравнительно свободный; совсѣмъ другую обстановку онъ нашелъ въ іоакимтальской гимназіи, тѣмъ болѣе, что переходъ его туда совпалъ съ торжествомъ реакціи надъ движеніемъ 1848-го года. Инспекторъ пансіона, Визе, былъ завзятый пѣтистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это часто бываетъ, карьеристъ и ловкій, свѣтскій человекъ; учителя, за немногими исключеніями, слѣдовали его примѣру — въ особенности тѣ изъ нихъ, которые прежде слыли демократами. Пѣніе молитвъ, чтеніе библіи во время обѣда, обязательное посѣщеніе церкви въ воскресные дни, обязательное приобщеніе по нѣскольку разъ въ годъ — все это разсматривалось большинствомъ учениковъ какъ форма, потому что они не видѣли за этимъ никакого внутренняго, теплаго чувства. «Со всѣмъ

истиннымъ и искреннимъ,—говорить Дюрингъ,—я всегда умѣлъ уживаться; но здѣсь не было ничего подобнаго. Отъ религіи оставалась здѣсь только увѣость и извращенность мысли, нѣчто среднее между вѣрой и невѣріемъ. Противъ этой воплощенной полу-гримасы возмущался уже тогда мой юношескій духъ; съ внѣшними формальностями онъ помирился бы еще скорѣе, но лицемѣріе было ему противно. Средневѣковой монастырь, вызванный какъ бы волшебствомъ изъ классической эпохи религіозныхъ вѣрованій и исполненный настоящаго благочестія, не могъ бы произвести на меня тяжелаго впечатлѣнія; онъ казался бы мнѣ только чѣмъ-то чуждымъ, но не поразилъ бы меня такъ глубоко противурѣчіемъ между внѣшностью и содержаніемъ, между манерой и подкладкой. Единственные хорошія воспоминанія, вынесенныя Дюрингомъ изъ іоакимтальской гимназіи, касаются отношеній къ соученикамъ-пансіонерамъ; замѣчательно, однако, что онъ никого изъ нихъ не называетъ, никто изъ нихъ не играетъ роли въ его дальнѣйшей исторіи. Школа дала ему, повидимому, только товарищей, но не друзей — а простое товарищество рѣдко переживаетъ превращеніе совмѣстной жизни. Событія 1848-го г., заставшія Дюринга еще въ вѣльнской гимназіи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, не оставили въ немъ глубокихъ слѣдовъ; по примѣру старшихъ товарищей, онъ купилъ себѣ винчаль и пистолеть, сталъ упражняться въ стрѣльбѣ и былъ обезоруженъ только въ одно время съ берлинской національной гвардіей — но ясно выраженныхъ политическихъ симпатій у него не было, если не относить сюда живого чувства личной независимости и собственнаго достоинства.

Окончивъ курсъ въ гимназіи, Дюрингъ поступилъ на юридическій факультетъ берлинскаго университета. Къ ученой дѣятельности, къ профессурѣ, онъ и тогда уже чувствовалъ призваніе, но ему не хотѣлось дѣлать изъ нихъ ремесло; ему казалось, что научныя занятія его пойдутъ уснѣшнѣе, если не будутъ для него средствомъ къ жизни. Сильно развитое чувство справедливости заставляло его притомъ высоко цѣнить званіе судьи. Небольшая сумма, завѣщанная ему одной знакомой, обеспечивала существованіе его въ университетѣ и въ продолженіе первыхъ лѣтъ безвозмездной государственной службы. Господствующимъ направленіемъ въ берлинскомъ университетѣ было въ то время, какъ и теперь, историко-филологическое; Савиньи, Бѣкъ, Тренделенбургъ, Гауптъ, Моимсенъ, занимавшіе по очереди первое мѣсто между профессорами и налагавшіе свою печать на самыя различныя отрасли преподаванія, всѣ были

филологами по преимуществу, хотя нѣкоторые изъ нихъ и считались юристами, философами, историками ¹⁾). Даровитыхъ, выдающихся людей между профессорами юридическаго факультета Дюрингъ не нашелъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ категоріи такъ называемыхъ профессорскихъ зятьевъ (Schwiegerprofessoren), получающихъ въ одно время каеэдру и дочь предшественника, а иногда, въ видѣ добавочнаго приданаго, и его записки; таковъ былъ, напримѣръ, Рудорфъ, зять и преемникъ знаменитаго пандектиста Пухты. Лекціи съ откровеннымъ преобладаніемъ историко-филологическаго элемента были еще сноснѣе тѣхъ, въ которыхъ примѣшивалось кое-что философствующее, въ видѣ гегелевскаго эхо. Общимъ обычаемъ была диктовка лекцій, медленная, мертвенная, дававшая слушателямъ несравненно меньше, чѣмъ они могли бы заимствовать изъ самостоятельнаго чтенія учебниковъ. Заранѣе предубѣжденный противъ этой механической процедуры, Дюрингъ сталъ ходить на лекціи съ намѣреніемъ *слушать* профессора и записывать въ аудиторіи только немногое, преимущественно библиографическія указанія; но ему скоро пришлось убѣдиться, что это ни къ чему не ведетъ, что необходимо сдѣлать выборъ между писаніемъ подъ диктовку и непосѣщеніемъ лекцій. На послѣднее онъ не рѣшился, о чемъ теперь очень жалѣеть. Профессора болѣе самостоятельные—напр., профессоръ римскаго права Келлеръ, которому Дюрингъ отдаетъ сравнительное преимущество передъ другими—диктовали въ быстромъ темпѣ, такъ что записывать за ними можно было только съ помощью сокращеній и условныхъ знаменъ; профессора болѣе покладистые или менѣе авторитетные, боявшіеся уменьшенія числа слушателей, а слѣдовательно и гонорара—напр., Гвейстъ, въ то время еще не знаменитость—диктовали съ чувствомъ, съ разстановкой, нѣсколько разъ повторяя одну и ту же фразу, если ихъ приглашали къ тому ноги слушателей ²⁾). Диктовка нѣкоторыхъ профессоровъ была до такой

¹⁾ Просимъ замѣтить, что здѣсь, какъ и вообще при изложеніи автобіографіи Дюринга, мы только передаемъ его взгляды, не входя въ критическую ихъ оцѣнку.

²⁾ Шарканье ногами (mit den Füßen schatzen) употребляется нѣмецкими студентами какъ знакъ неудовольствія, напр., при чемъ-либо заповѣдаюмъ входѣ въ аудиторію. Пишущій эти строки, слушавшій лекціи въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, дѣтъ десять спустя послѣ студенчества Дюринга, не можетъ не замѣтить, что въ его время—по крайней мѣрѣ на философскомъ факультетѣ—профессорская диктовка далеко не достигала тѣхъ размѣровъ, въ какихъ изображаетъ ее Дюрингъ; диктовались—и то не всѣми профессорами—только главныя положенія, которыя затѣмъ объяснялись и дополнялись обыкновенною устною рѣчью. Диктовка занимала собой не болѣе одной четвертой или пятой части всей лекціи; нѣкоторые

степени усыпительна, что ея не могъ выдержать и Дюрингъ, несмотря на всю свою настойчивость и добросовѣстность; на лекціи этого рода онъ записывался, какъ и всѣ остальные студенты, только потому, что слушаніе ихъ (хотя бы мнимое, номинальное) было однимъ изъ условій доступа къ государственному экзамену. По мѣрѣ приближенія къ концу университетскаго курса Дюрингъ все меньше и меньше посѣщалъ лекціи, все больше и больше занимался дома, обращаясь, по своей старой привычкѣ, прямо къ первымъ источникамъ, изучая не только Савиньи, не только монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ римскаго права, но и самыя юридическія памятники. Область юриспруденціи уже тогда казалась ему тѣсной; онъ стучался въ двери философіи и политической экономіи, и когда ихъ не могли отворить передъ нимъ ни метафизическія разглагольствованія Тренделенбурга, ни наполненныя сухими цифрами лекціи Дитерици, онъ погрузился и здѣсь въ чтеніе авторовъ, переходя отъ Канта и Гегеля къ Адаму Смиту, отъ Конта къ Кетле и французскимъ социалистамъ. Отъ уваженія къ традиціоннымъ авторитетамъ онъ еще не былъ свободенъ, но оно уже начинало колебаться; передъ Кантомъ онъ еще благоговѣлъ, но уже видѣлъ нелѣпность (Unsinn) гегелевской системы. Самостоятельныя занятія, начатыя такимъ образомъ въ университетѣ, продолжались непрерывно и послѣ поступленія Дюринга на службу.

Вопросъ о государственныхъ экзаменахъ затрогивается въ автобіографіи Дюринга два раза; выдержавъ ихъ самъ, онъ занимался одно время приготовленіемъ къ нимъ молодыхъ людей, неувѣренныхъ въ своихъ силахъ. Приняться за это занятіе, болѣе ремесленное, чѣмъ научное, Дюрингъ былъ вынужденъ недостаткомъ средствъ. Учениками его были болѣею частью провалившіеся однажды кандидаты, безъ успѣха подвергавшіе себя передѣлкѣ и обработкѣ въ одной изъ прусскихъ «скоропечатныхъ ассесорскихъ фабрикъ». Серьезно относясь ко всякому дѣлу, Дюрингъ употреблялъ много труда на своихъ кліентовъ; послѣдніе, въ свою очередь, усердно старались усвоить себѣ его наставленія, хотя для достиженія цѣли существовали и другіе, болѣе простые и легкіе пути. Экзаменующійся долженъ написать сочиненіе на заданную экспромтомъ тему, безъ всякихъ пособій, не выходя изъ комнаты. Несмотря на всѣ предосторож-

---

профессора предпосылали ей каждый разъ нѣчто въ родѣ извиненія. Мы, впрочемъ, далеки отъ мысли, чтобы диттова, даже въ этой скромной формѣ, была желательной принадлежностью университетскихъ лекцій.

ности противъ обмана, тѣма сплошь да рядомъ сообщается друзьямъ испытуемаго, заблаговременно собравшимся гдѣ-нибудь по сосѣдству и окружившимъ себя массой руководствъ и справочныхъ книгъ. Изъ этого запаса общими силами быстро извлекается весь необходимый матеріалъ и тѣмъ же путемъ доставляется экзаменуемому. Принебрегаютъ этою закулисною помощью только немногіе добросовѣстные люди, въ родѣ Дюринга (онъ дѣлалъ подобныя одолженія другимъ, но самъ никогда не пользовался ими); шансы успѣха оказываются, такимъ образомъ, обратно пропорціональными добросовѣстности, потому что самая тщательная подготовка не можетъ дать столь точныхъ свѣдѣній, какъ записки услужливыхъ товарищей. И эти злоупотребленія, и срочное набиваніе головы плохо усвоенными фактами находятъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ недостаткахъ университетскаго преподаванія, въ вялости и рутинности профессоровъ, исключаящей возможность правильнаго развитія студентовъ. Изучить слабости профессоровъ Дюрингъ имѣлъ случай и тогда, когда помогалъ молодымъ людямъ въ приготовленіи къ экзаменамъ на степень доктора и въ составленіи докторской диссертации. Онъ убѣдился, что наибольшую цѣнность въ глазахъ экзаменаторовъ имѣеть обиліе цитатъ, въ особенности изъ ихъ собственныхъ сочиненій, или изъ заурядныхъ произведеній профессорской мудрости. При надлежащемъ соблюденіи этого условія, главный, настоящій источникъ диссертациі можетъ быть и не названъ, чужая мысль смѣло можетъ быть выдана за достояніе самого автора. Необходимо избѣгать ссылокъ на писателей, неудобныхъ ученому цѣху—напр., на Дюринга; заимствовать отъ нихъ по-тихоньку аргументы и даже мнѣнія по частнымъ вопросамъ отнюдь не возбраняется. Немалое число докторскихъ диссертаций, удостоенныхъ почетнаго отзыва, было бы отвергнуто съ негодованіемъ, еслибы сдѣлалось извѣстнымъ, что онѣ написаны, подъ руководствомъ Дюринга, лицами, сочувствующими его образу мыслей.

Подготовка ассесоровъ и докторовъ—эпизодъ изъ того періода жизни Дюринга, когда онъ былъ уже привать-доцентомъ; возвратимся назадъ и посмотримъ, что заставило его протѣнать судебную службу на каеэдру въ университетѣ. Ему еще не было тридцати лѣтъ, когда рядъ глазныхъ воспаленій сначала ослабилъ его зрѣніе, потомъ привелъ его къ совершенной слѣпотѣ. Это несчастье было для него тѣмъ тяжелѣе, что оно совпало со смертью тетки, въ домѣ которой онъ жилъ и на пенсію которой отчасти существовалъ. Единственнымъ средствомъ сохранить,

можетъ быть, зрѣніе представлялась тяжелая, рискованная операція; онъ не рѣшился подвергнуться ей, потому что ему нечѣмъ было бы жить во время медленнаго выздоровленія, мыслимаго только при полнѣйшемъ отдыхѣ. По словамъ Дюринга, онъ перенесъ постигшій его ударъ спокойно и твердо; въ этомъ позволительно усомниться, если обратить вниманіе на горечь, съ которою Дюрингъ говоритъ до сихъ поръ о давно умершемъ окулиствѣ Грефе, лечившемъ его отъ главной болѣзни. Обвиняя Грефе въ недалковидности, въ упрямомъ нежеланіи сознать однажды сдѣланную діагностическую ошибку, Дюрингъ называетъ его «еврейскою помѣсью» (Judenmischling); значеніе этого названія, въ устахъ нашего автора, мы узнаемъ ниже. Тяжелый годъ, въ продолженіе котораго Дюрингъ окончательно лишился зрѣнія, принесъ ему, однако, и существенно-важное утѣшеніе—жену, сдѣлавшуюся участницею всѣхъ его трудовъ и главною опорой его уединенной, однообразной, многострадальной жизни.

Обязанности судьи сдѣлались непосильными для Дюринга еще въ то время, когда онъ кое-какъ видѣлъ; чтеніе судебныхъ актовъ, вѣроятно, способствовало катастрофѣ. Онъ рѣшился сдѣлаться писателемъ и проложить себѣ путь къ профессурѣ. Для этого необходима была, прежде всего, степень доктора. Всего проще было бы, повидимому, получить ее по юридическому факультету; но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ здѣсь деспотически господствовалъ Сталь, извѣстный теоретикъ абсолютизма и лютеранскаго правовѣрія. Совмѣстная дѣятельность съ такимъ человѣкомъ казалась Дюрингу невозможной; прежнее пристрастіе къ точнымъ наукамъ и высшимъ областямъ знанія проснулось въ немъ притомъ съ новою силой. Онъ избралъ для докторской диссертациі тѣму на половину философскую, на половину математическую (о пространствахъ, времени, причинности и логикѣ математическаго анализа) и выдержалъ докторскій экзамень по философскому факультету. Главнымъ предметомъ экзамена была философія, вспомогательными—физика и математика. Упрекнуть профессоровъ-экзаменаторовъ Дюрингъ ни въ чемъ не можетъ; Тренделенбургъ и Дове (профессоръ физики) осыпали его комплиментами; Куммеръ (профессоръ математики) упрекнулъ его за игнорированіе Гегеля, но одобрилъ математическую часть диссертациі. Раздраженіе Дюринга противъ профессорскаго міра прорывается, однако, и здѣсь; онъ укоряетъ Куммера и Магнуса (второго профессора физики) ихъ еврейскимъ происхожденіемъ, обвиняетъ Магнуса въ какой-то недобросовѣстной сдѣлкѣ съ университетомъ, Дове—въ шуточномъ тоиѣ его лекцій. Тренделен-

бургъ довольно долго разсматривалъ диссертацию Дюринга; это значитъ, что онъ почти ничего въ ней не понималъ. Еслибы экзаменаторы знали—таковъ заключительный выводъ Дюринга—что онъ намѣренъ сдѣлаться профессоромъ, то они не такъ легко и охотно признали бы за нимъ право на докторскую степень.

Первый шагъ по новой дорогѣ былъ сдѣланъ; за нимъ скоро послѣдовалъ второй—съ зимы 1863—64 г., Дюрингъ началъ читать въ университетѣ лекціи по философіи, въ качествѣ приватъ-доцента. Положеніе его было, тѣмъ не менѣе, крайне трудное. Бюджетъ его ежегодныхъ расходовъ не превышалъ четырехъ-сотъ талеровъ—суммы очень незначительной, даже при тогдашнихъ цѣнахъ; но и ее онъ могъ добывать лишь посредствомъ величайшихъ усилій. Его слѣпота затрудняла приобрѣтеніе новыхъ связей и знакомствъ, ограничивала кругъ доступныхъ для него занятій. У него было нѣсколько оконченныхъ трудовъ, но онъ не находилъ для нихъ издателя; журналы и газеты также оказывались негостеприимными. Приобрѣсти слушателей въ числѣ, достаточномъ для открытія приватнаго курса ¹⁾, ему удалось съ перваго раза, что для приватъ-доцента можетъ считаться большимъ успѣхомъ; этотъ успѣхъ помогъ ему проникнуть въ печать, но матеріальныя его средства увеличили едва замѣтно. Только такимъ положеніемъ дѣлъ и можетъ быть объяснено согласіе Дюринга принять участіе въ «фабрикаціи» ассесоровъ, докторовъ и дипломатовъ (ему случалось готовить и въ дипломатическому экзамену).—Къ 1866 г. горизонтъ неутомимаго труженика немного прояснился. Нѣсколько статей, напечатанныхъ въ распространенной и популярной «Фоссовой газетѣ» (тогдашній редакторъ ея, Линднеръ—единственный журналистъ, о которомъ Дюрингъ отзывался съ нѣкоторою похвалою), познакомили публику съ именемъ начинающаго писателя. Выставить на видъ заслуги мало извѣстныхъ или забытыхъ ученыхъ, протестовать противъ незаслуженныхъ или преувеличенныхъ репутаций—такова была задача Дюринга, какъ журналиста; онъ остался ей вѣренъ во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ своихъ. Отсюда его нападенія про-

¹⁾ Приватными курсами (въ противоположность публичнымъ) называются въ нѣмецкихъ университетахъ тѣ, доступъ къ которымъ обусловленъ уплатою гонорара. Для того, чтобы приватный курсъ могъ состояться, достаточно четырехъ или пяти, въ крайнемъ случаѣ—даже трехъ слушателей. Въ 1869 г., т. е. шесть лѣтъ спустя послѣ вступленія Дюринга въ число приватъ-доцентовъ, у него было на одномъ приватномъ курсѣ двѣнадцать, на другомъ—семь слушателей. Гонораръ отъ двадцати слушателей составляетъ, за два семестра, съ небольшимъ 200 талеровъ—а другого вознагражденія приватъ-доценты, какъ извѣстно, не получаютъ.

тивъ Дж. Ст. Милля, его похвалы Листу, Кери, Огюсту Конту. Благодаря журнальнымъ статьямъ, Дюрингъ нашелъ издателей и для своихъ давно написанныхъ и вновь оконченныхъ сочиненій; въ теченіе одного года онъ напечаталъ цѣлыхъ пять книгъ—двѣ философскаго, три политико-экономическаго содержанія. Одна изъ первыхъ—«Цѣнность жизни» (*Der Werth des Lebens*)—выдержала три изданія и принадлежитъ въ числу наиболее извѣстныхъ, даже популярныхъ произведеній Дюринга; другая—«Естественная діалектика» (*Natürliche Dialektik*)—переработана имъ недавно въ цѣльное ученіе о логикѣ. Изъ числа книгъ политико-экономическаго содержанія одна (*Carey's Umwälzung der Volkswirtschaftslehre und Socialwissenschaft*) имѣла цѣлю познакомить нѣмецкую публику съ ученіемъ Кери, двѣ другія—«Капиталь и трудъ» (*Capital und Arbeit*) и «Критическое установленіе основныхъ началъ науки о народномъ хозяйствѣ» (*Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre*)—были первыми самостоятельными изслѣдованіями Дюринга въ этой области знанія. Они возбудили противъ него неудовольствіе господствовавшей въ то время манчестерской партіи; главные представители ея, въ особенности Принсъ-Смитъ, старались отговорить издателей отъ печатанія трудовъ Дюринга, а редактора «Фоссовой Газеты»—отъ принятія статей его. Когда ни то, ни другое не удалось, они выступили противъ него съ статьей, подписанной какимъ-то мало извѣстнымъ именемъ, но на самомъ дѣлѣ, по убѣжденію Дюринга, написанной Принсъ-Смитомъ. Ея официальный авторъ утверждалъ, въ присутствіи знакомыхъ Дюринга, что статья была только исправлена Принсъ-Смитомъ; въ глазахъ Дюринга это полу-признаніе равносильно полному снятію маски. Разоблачивъ «интригу», Дюрингъ вызывалъ Принсъ-Смита на открытый бой, но вызовъ его не былъ принятъ. Гораздо важнѣе, чѣмъ подпольныя махинаціи манчестерцевъ, было для Дюринга неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное его трудами въ профессорскомъ лагерѣ; энергія и свѣжесть не могли понравиться застою и рутинѣ. Когда Дюрингъ, въ 1866 г., предъявилъ свои права на вакантную философскую кафедру, факультетъ заявилъ министру, что нуждаясь, при чтеніи и письмѣ, въ посторонней помощи, Дюрингъ не будетъ въ состояніи хранить тайны факультета и слѣдовательно не можетъ быть ординарнымъ профессоромъ; противъ назначенія его экстраординарнымъ профессоромъ (это званіе не даетъ права голоса въ засѣданіяхъ факультета) факультетъ не протестовалъ, но рекомендовать его и на эту должность факультетъ отказался, «потому что у него едва ли будетъ

достаточно слушателей». Несмотря на отзывъ факультета, несмотря на тайную агитацію Тренделенбурга, увѣрявшаго, что Дюрингъ вовсе не философъ, а камералистъ, назначеніе Дюринга было бы возможно, еслибы за него высказалось правительство. Въ шансахъ правительственнаго вниманія не было, видимо, недостатка. Незадолго передъ тѣмъ Дюрингъ вошелъ въ сношенія съ извѣстными сотрудниками Бисмарка, Бухеромъ и Вагенеромъ, написавъ, по просьбѣ перваго, нѣсколько статей (не-политическаго, впрочемъ, содержанія) для «Государственнаго указателя» (тоже что нашъ «Правительственный Вѣстникъ»), и составилъ—по предложенію Бисмарка, переданному Вагенеромъ—записку, о которой будетъ упомянуто ниже. Можно было ожидать, что Бисмаркъ не окажется невнимательнымъ и неблагодарнымъ; это ожиданіе, однако, не оправдалось. Дюрингъ предполагаетъ, что назначенію его помѣшали сначала министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Мюлеръ, уже тогда не совсѣмъ ладившій съ Бисмаркомъ, а потомъ манчестерцы, достигшіе власти въ лицѣ Дельбрюка. Весьма возможно также, что на Дюрингъ отозвалась общая перемѣна во взаимномъ отношеніи политическихъ партій, вызванная торжествомъ Пруссіи надъ Австріей.

Весною 1866 г., когда Вагенеръ явился посредникомъ между Бисмаркомъ и Дюрингомъ, борьба между министерствомъ и палатой депутатовъ была въ полномъ разгарѣ. Нуждаясь въ союзникахъ противъ прогрессистовъ, противъ буржуазіи, первый министръ заигрывалъ съ социалистами, дѣлалъ первые, еще робкіе опыты правительственнаго социализма. Извѣстны его отношенія къ Лассалю, прерванныя смертью послѣдняго; изъ того же источника происходило и обращеніе къ Дюрингу, заявившему себя, въ своихъ политико-экономическихъ работахъ, противникомъ буржуазнаго либерализма. Задача, ему предложенная, заключалась въ указаніи мѣръ, которыя могли бы быть приняты въ пользу рабочаго класса. Дюрингъ изложилъ свои мысли по этому предмету въ небольшой запискѣ, которую Вагенеръ, въ половинѣ іюня, и доставилъ Бисмарку. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнула война, и записка какъ бы канула въ воду; осенью того же года произошло примиреніе Бисмарка съ оппозиціей, другими словами—миновала надобность въ союзѣ съ рабочимъ классомъ. Велико было удивленіе Дюринга, когда онъ узналъ, въ началѣ 1868 года, что его записка, вовсе непредназначавшаяся имъ для печати, вышла въ свѣтъ съ незначительными перемѣнами и выдержала уже два изданія. Это было дѣломъ Вагенера, имѣвшаго притомъ наглость приписать себѣ авторское право на записку. На

вопросъ Дюринга, обращенный къ Вагенеру, послѣдній отвѣчалъ, что изданіе воспослѣдовало по распоряженію высшей власти, и что имя Вагенера выставлено на заглавномъ листѣ, безъ его разрѣшенія, издателемъ-книгопродавцемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Дюрингу было предложено денежное вознагражденіе. Отклонивъ это оскорбительное предложеніе, Дюрингъ потребовалъ возбужденія противъ Вагенера дисциплинарнаго преслѣдованія; когда это требованіе не было уважено, онъ опубликовалъ въ газетахъ, а потомъ и въ отдѣльной брошюрѣ всю исторію своей записки, и вмѣстѣ съ тѣмъ предъявилъ къ Вагенеру гражданскій искъ объ убыткахъ. Скандаль вышелъ большой; служебная карьера Вагенера была если неокончательно испорчена, то, по крайней мѣрѣ, приостановлена; общественное мнѣніе оказалось, на этотъ разъ, на сторонѣ Дюринга, хотя его противники и старались повредить ему оглашеніемъ письма, въ которомъ онъ просилъ Бисмарка о содѣйствіи къ полученію профессуры. Въ первой инстанціи процессъ былъ проигранъ, во второй—выигранъ Дюрингомъ; кассаціонная жалоба Вагенера осталась безъ послѣдствій. Подробнаго разчета объ убыткахъ со стороны Дюринга предъявлено не было, несмотря на предоставленное ему судомъ право; онъ доказалъ, такимъ образомъ, что единственною его цѣлью было восстановленіе истины и разоблаченіе неповторительно-дерзкой продѣлки.—Упадокъ духа, вызванный въ Дюрингѣ неосуществленіемъ надеждъ на профессуру, продолжался недолго; уже въ 1867 г. Дюрингъ выпустилъ въ свѣтъ новую политико-экономическую работу, съ преобладающимъ полемическимъ оттѣнкомъ («Die Verkleinerer Carey's und die Krisis der Nationaloeconomie»). Она была направлена не только противъ иностранныхъ плагиаторовъ Керя, въ родѣ Бастіа, не только противъ иностранныхъ его антагонистовъ, въ родѣ Дж. Ст.-Милля, но и противъ нѣмецкихъ рутинеровъ, во главѣ которыхъ стоялъ лейпцигскій профессоръ Рошеръ. Пропастъ, отдѣлявшая Дюринга отъ большинства профессоровъ, сдѣлалась, такимъ образомъ, еще болѣе глубокой. Это не помѣшало, однако, распространенію его извѣстности, окончательно упроченной появленіемъ, въ 1869 г., «Критической исторіи философіи». Вмѣстѣ съ «Цѣнностью жизни», это—самое популярное сочиненіе Дюринга; оно также выдержало три изданія (благодаря ему, если мы не ошибаемся, имя Дюринга въ первый разъ проникло въ Россію). Періодъ времени съ 1869 по 1875 г.—самая плодотворная эпоха дѣятельности Дюринга; въ 1871 г. вышла въ свѣтъ «Критическая исторія національной экономіи и социализма», въ 1872 г.—«Курсъ національной и

соціальной экономіи», въ томъ же году—«Критическая исторія общихъ принциповъ механики», въ 1875 г.— «Курсъ философіи.» Рядомъ съ такой богатой литературной производительностью шла усиленная работа на кафедрѣ. Въ каждомъ семестрѣ, безъ исключенія, Дюрингъ читалъ по меньшей мѣрѣ два частныхъ курса¹⁾; одинъ изъ нихъ всегда обнималъ собою всю политическую экономію, другой имѣлъ предметомъ то логику, то исторію философіи. Къ этому присоединялись публичные курсы по самымъ различнымъ отраслямъ знанія, привлекавшіе сотни слушателей изъ всѣхъ факультетовъ, изъ всѣхъ слоевъ берлинскаго общества. Одинъ циклъ чтеній былъ посвященъ знаменитымъ юристамъ и публицистамъ, другой—знаменитымъ математикамъ и естественнымъ испытателямъ, третій—знаменитымъ историкамъ и государственнымъ людямъ, четвертый—первостепеннымъ литераторамъ и поетамъ (Вольтеру и Руссо, Шиллеру и Гёте, Байрону и Шелли). По значенію, прибрѣтенному этимъ путемъ, Дюрингъ не уступалъ ни одному изъ корифеевъ штатной профессуры. Изъ среды посѣтителей его публичныхъ лекцій являлись слушатели и для частныхъ его курсовъ. Профессора, если вѣрять Дюрингу, всячески старались вредить ему, отбивать у него слушателей; сначала про него распространяли слухъ, что онъ читаетъ темно и невразумительно; потомъ стали говорить, что посѣщеніе его лекцій можетъ дурно отозваться на будущности слушателей, что онъ социаль-демократъ, съ которымъ опасно имѣть дѣло. Всѣ эти происки оставались тщетными, подобно тому, какъ молчаніе большинства газетъ и журналовъ не мѣшало успѣху сочиненій Дюринга. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ ему удалось заслужить похвальный, почти восторженный отзывъ одного изъ нѣмецкихъ университетовъ; но это объясняется тѣмъ, что профессорская коллегія не знала, на чью долю достается ея похвала. Геттингенскій университетъ назначилъ премію за лучшее сочиненіе по исторіи механики. Имена соискателей оставались, по обыкновенію, неизвѣстными впередъ до рѣшенія судьей. Никто не ожидалъ, что Дюрингъ приметъ участіе въ конкурсѣ, такъ какъ высшая математика почти не входила до тѣхъ поръ въ кругъ его научной дѣятельности. Когда одно изъ присланныхъ сочиненій оказалось далеко превосходящимъ всѣ другія, далеко

¹⁾ Учебный годъ раздѣляется въ нѣмецкихъ университетахъ на два семестра, зимній и лѣтній. Каждый частный курсъ состоитъ по обычаю изъ четырехъ, рѣдко—трехъ или пяти лекцій въ недѣлю, публичный курсъ ограничивается одною или двумя лекціями въ недѣлю.

превосходящимъ даже ожиданія судей, они не задумались присудить ему премію и выставить на видъ, въ самыхъ яркихъ чертахъ, глубокую ученость и замѣчательное дарованіе автора. Этимъ авторомъ, къ общему удивленію, оказался Дюрингъ.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ положеніе Дюринга было болѣе благоприятно, чѣмъ когда бы то ни было. Онъ не терпѣлъ болѣе нужды и могъ посвятить себя всецѣло любимому труду. Авторитетъ въ трехъ областяхъ знанія, прибрѣтенный имъ съ бою, никѣмъ не могъ быть отъ него отнятъ. Не будучи профессоромъ, онъ завоевалъ себѣ въ университетѣ такое положеніе, которому могли позавидовать многіе профессора. Новымъ средствомъ вліянія на умы была для него каеэдра философіи и литературы въ высшемъ женскомъ учебномъ заведеніи, незадолго передъ тѣмъ основанномъ въ Берлинѣ, подъ именемъ Victoria-Lyсеумъ. Чѣмъ выше Дюрингъ поднимался, тѣмъ больше, однако, становилось число его противниковъ, и тѣмъ сильнѣе разгоралась ихъ вражда. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какой школѣ. Въ политико-экономическихъ сочиненіяхъ своихъ онъ нападалъ одинаково на манчестерцевъ, на «соціалистовъ каеэдры» и на соціалъ-демократовъ; въ философіи онъ не былъ ни спиритуалистомъ, ни позитивистомъ, и отрицая Гегеля, не присоединялся къ числу тѣхъ, девизомъ которыхъ было «возвращеніе къ Канту». Не довольствуясь борьбою съ цѣлыми группами, онъ вступалъ въ единоборство съ отдѣльными лицами, обвиняя ихъ не только въ невѣжествѣ, не только въ рутинѣ и шарлатанствѣ, но и въ недобросовѣстныхъ поступкахъ. Обвиненія послѣдняго рода онъ вносилъ даже туда, гдѣ для нихъ, повидимому, было всего меньше мѣста — напримѣръ, въ исторію механики. Его ненависть къ евреямъ не выразилась еще тогда съ полной силой, но безъ сомнѣнія увеличила уже число враговъ его. Многіе изъ нихъ были товарищами его по университету и нападали на него, не стѣсняясь, не только въ печати, но и съ каеэдры. Сначала Дюрингъ не возражалъ на эти нападенія, чтобы не дать противъ себя опаснаго оружія; онъ принялъ даже за правило не называть по имени, въ своихъ книгахъ, ни одного изъ преподавателей берлинскаго университета. Настала, однако, минута, когда дальнѣйшее соблюденіе этого правила сдѣлалось для него слишкомъ тяжелымъ; онъ сталъ бояться, что осторожность его будетъ истолкована въ смыслѣ непослѣдовательности и трусости. Отсюда открытое нападеніе противъ Вагнера — профессора политической экономіи въ Берлинѣ, одного изъ главныхъ «соціалистовъ каеэдры», теперь «правительственнаго со-

ціалиста» въ бисмарковскомъ духѣ—сдѣланное во второмъ изданіи «Критической исторіи національной экономіи и социализма» (1874). «Соціалисты каедръ» — таковъ кульминаціонный пунктъ этого нападенія — «много говорятъ о нравственности; но какъ они ее понимаютъ, объ этомъ можно судить по средствамъ, употребляемымъ г. Вагнеромъ для сбыта залежавшихся экземпляровъ его книги о банкахъ и кредитныхъ билетахъ; онъ прибавилъ къ нимъ заключительную главу и еще кое-что, и пустилъ ихъ затѣмъ въ продажу подъ именемъ второго изданія, дополненнаго и передѣланнаго». Вагнеръ, до крайности раздраженный, отвѣчалъ Дюрингу бранью и въ аудиторіи, и въ печати; Дюрингъ возразилъ ему въ газетахъ, но удержался отъ всякихъ нападеній съ каедръ (этому правилу онъ оставался вѣрнымъ до самаго конца своего университетскаго поприща). Хотя возраженіе Дюринга, по его словамъ, было гораздо сдержаннѣе и приличнѣе, чѣмъ выходка Вагнера, факультетъ не обратилъ вниманія на послѣднюю и возбудилъ дисциплинарное производство противъ одного Дюринга. Если оно окончилось на этотъ разъ только выговоромъ, съ угрозой удаленія въ случаѣ повторенія проступка, то объясненіе этому слѣдуетъ искать въ гласности, которую получила вся исторія, и въ явной винѣ Вагнера, которому и было сдѣлано, секретно, замѣчаніе со стороны министерства. Процедура, предшествовавшая выговору, была ведена крайне страстно; срокъ для представленія оправданія былъ назначенъ самый короткій, рѣшеніе факультета было написано въ оскорбительномъ тонѣ, просьба Дюринга о выдачѣ ему копій съ рѣшенія не была уважена. Общественное мнѣніе и между студентами, и за стѣнами университета, было скорѣе на сторонѣ Дюринга; число слушателей его послѣ факультетскаго выговора не только не уменьшилось, но значительно увеличилось.

Вторымъ, болѣе чувствительнымъ ударомъ, направленнымъ противъ Дюринга, было внезапное удаленіе его изъ женскаго лица (1876), въ распорядительномъ комитетѣ котораго преобладали профессоры и евреи, т.-е. враги Дюринга. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играла жена знаменитаго Гельмгольца, уже тогда враждебнаго Дюрингу за восхваленіе (въ исторіи механики) заслугъ Роберта Майера ¹⁾. Комитетъ лица пытался было распространить слухъ, что Дюрингъ вышелъ изъ лица добровольно; но эта попытка была разбита брошюрой Дюринга: «Путь къ

¹⁾ Гельмгольцъ и Робертъ Майеръ оспаривали другъ у друга честь открытія законовъ, относящихся къ сохраненію силы, или къ такъ-называемымъ ея эквивалентамъ.

высшему образованію женщинъ и способъ преподаванія въ университетахъ», — гдѣ онъ раскрылъ истинные мотивы мѣры, его постигшей, и повторилъ еще разъ, въ болѣе систематической формѣ, нападеніе противъ профессорскихъ обычаевъ и нравовъ. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу; весной 1877 г. философскій факультетъ возбудилъ противъ Дюринга новое дисциплинарное производство. Поводомъ къ тому послужило, кромѣ вышеупомянутой брошюры, второе изданіе «Критической исторіи механики», заключавшее въ себѣ прямое обвиненіе Гельмгольца въ плагиатѣ; настоящей причиной преслѣдованія, по мнѣнію Дюринга, было убѣжденіе факультета, что въ данную минуту всего легче достигнуть цѣли, — что Дюрингъ, окончательно порвавшій со всѣми партіями, ни въ одной изъ нихъ не найдетъ опоры и защиты. Это убѣжденіе оказалось ошибочнымъ. Походъ, предпринятый университетомъ противъ Дюринга, былъ слишкомъ явнымъ посягательствомъ на свободу науки; онъ возмутилъ даже тѣхъ, кто вовсе не сочувствовалъ лично Дюрингу. Движеніе началось прежде всего въ средѣ студентовъ, перешло въ горную, ремесленную, строительную академіи, въ другіе университеты, было поддержано многими газетами, нѣмецкими и иностранными. Результату, неблагоприятному для Дюринга, оно, однако, не помѣшало; министерство, согласно мнѣнію университета, лишило Дюринга званія приватъ-доцента, которое онъ сохранялъ за собою четырнадцать лѣтъ. Пристыженные и осыпанные укоризнами, враги его могли утѣшаться только тѣмъ, что закрыли ему доступъ къ университетской кафедрѣ.

Соціально-демократическая пресса, еще недавно отличавшаяся ожесточенными нападеніями на Дюринга, внезапно измѣнила свою тактику. Руководителямъ ея показалось, что агитація, возбужденная въ студенческихъ кружкахъ образомъ дѣйствій профессоръ и правительства относительно Дюринга, можетъ быть эксплуатирована въ пользу партій, до тѣхъ поръ имѣвшей очень мало приверженцевъ между студентами. Анти-дюринговская полемика въ соціально-демократическихъ газетахъ прекратилась; онѣ стали отстаивать право Дюринга на кафедру, защищать нарушенную въ его лицѣ свободу преподаванія. Въ комитетъ, образованный для управленія агитаціей, успѣли пробраться нѣсколько болѣе или менѣе замаскированныхъ соціально-демократовъ, а вслѣдъ за ними — и шпіоны (Mouchards) профессорской элѣиты, надѣявшіеся этимъ путемъ окончательно свомпрометтировать Дюринга. Дѣло дошло до того, что Дюрингъ открыто долженъ былъ отрицать свою солидарность съ соціально-демократической партіей. Это от-

рипаніе было истолковано въ смыслѣ отступничества, отщепенства; отсюда — новое объявленіе Дюринга, съ цѣлью доказать, что онъ никогда не былъ социаль-демократомъ и вообще никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи. Общество, съ помощью котораго Дюрингъ предполагалъ организовать нѣчто въ родѣ свободнаго, частнаго университета, не состоялось именно вслѣдствіе опасеній Дюринга, что и туда успѣютъ проникнуть его враги или по крайней мѣрѣ чуждые ему элементы. Чтобы закрыть имъ доступъ въ общество, Дюрингъ хотѣлъ-было оставить за собою неограниченное право принимать или не принимать новыхъ членовъ; въ лицахъ, согласныхъ на это условіе, не было недостатка — но въ концѣ-концевъ мнительность Дюринга оказалась непобѣдимой. Исторія четырехъ лѣтъ, истекшихъ между выходомъ Дюринга изъ университета и составленіемъ его автобіографіи — это прежде всего исторія недовѣрчивости, доведенной до крайнихъ предѣловъ. Раздраженный, подозрительный, Дюрингъ во всемъ и вездѣ видитъ преслѣдованія, происки, подвопы, устраиваемые его врагами — профессорами, евреями и социаль-демократами (къ этому послѣднему термину Дюрингъ почти всегда прибавляетъ слово: *verjudet* — обевреившіеся, ожидывшіе). Иногда, конечно, онъ и не ошибается — но въ большинствѣ случаевъ Дюрингъ просто страдаетъ отъ галлюцинацій. Ему предлагаютъ мѣсто профессора въ одномъ изъ небольшихъ нѣмецкихъ (не-прусскихъ) университетовъ — онъ усматриваетъ въ этомъ попытку удалить его изъ Берлина, похоронить его въ глуши провинціального городка. Въ какой-то социаль-демократической газетѣ печатается статья за подписью: — g (написанная, какъ оказалось впоследствии, лицомъ, фамилія котораго дѣйствительно оканчивается на эту букву); онъ подозреваетъ, что послѣдняя буква его фамиліи избрана авторомъ или редакціей нарочно, съ цѣлью возбудить предположеніе о сотрудничествѣ его въ газетѣ. При разѣздахъ его по Германіи ему не всегда удается сразу войти въ соглашеніе съ хозяевами помѣщеній, удобныхъ для чтенія публичныхъ лекцій; онъ заключаетъ отсюда, что эти лица въ стачкѣ съ его врагами. Въ одномъ изъ иллюстрированныхъ изданій появляется, безъ его согласія, его портретъ, вовсе непохожій и передающій его черты въ крайне непривлекательномъ, искаженномъ видѣ; онъ убѣжденъ, что это сдѣлано въ видахъ возбужденія противъ него читателей, и парируетъ ударъ приложеніемъ къ разбираемой нами книгѣ подлинной своей фотографіи. Въ Берлинѣ распространяется слухъ о его смерти — и это, по его убѣжденію, сдѣлано не спроста, а для того, чтобы дать газетамъ поводъ помѣстить враждебные ему не-

врологи. Въ дверь его квартиры стучать въ его отсутствіе и не въ урочное время—это значить, что стучавшій хотѣлъ похитить его рукописи. Неудивительно, что при такомъ настроеніи духа Дюрингъ исключаетъ одно лицо за другимъ изъ списка своихъ друзей, даже своихъ простыхъ знакомыхъ; мы узнаемъ изъ его словъ, что достойными его довѣрія оказались, по тщательной повѣркѣ, только *два* лица—всѣ остальные преслѣдовали, сближаясь съ нимъ, какія-нибудь особыя, неблагоприятныя для него цѣли.

Изъ числа сочиненій, изданныхъ Дюрингомъ послѣ 1877 г., въ области чистой мысли принадлежать только два: «Logik und Wissenschaftstheorie» и «Neue Grundgesetze zur rationalen Physik und Chemie». Такъ какъ обѣ эти книги вышли въ свѣтъ въ 1878 г., и въ составъ первой перешло, притомъ, многое изъ прежняго сочиненія Дюринга по тому же предмету («Естественной діалектики»), то написаны онѣ были, вѣроятно, еще до университетской катастрофы. Остальные четыре сочиненія—включая сюда и автобіографію—носятъ на себѣ ясныя слѣды впечатлѣнія, произведеннаго на Дюринга этою катастрофой. Монографія о Робертѣ Майерѣ, «Галилей XIX-го вѣка»—по крайней мѣрѣ настолько же защита непризнанныхъ заслугъ ея героя, насколько и нападеніе противъ незаслуженной славы Гельмгольца. Книга о еврейскомъ вопросѣ—это рѣшительный штурмъ противъ одного изъ трехъ элементовъ, враждебныхъ Дюрингу; брошюра о Лессингѣ—дополнительный выстрѣлъ въ томъ же направленіи. Автобіографія, наконецъ, не даромъ озаглавлена: «Sache, Leben und Feinde»; значительная, слишкомъ значительная часть ея посвящена *врагамъ* Дюринга, реальнымъ и воображаемымъ. Мы видѣли этому уже много примѣровъ; добавимъ только, что у Дюринга выработалась даже особая форма, появленіе которой всегда свидѣтельствуетъ о неспокойномъ чувствѣ автора. Эта форма—словечки: *ein* (нѣкто) или «namens» (по имени), предпосылаемыя фамиліи ненавидимаго или презираемаго лица. Когда Дюрингъ говоритъ такимъ образомъ о людяхъ, дѣйствительно мало извѣстныхъ или мало замѣчательныхъ, несмотря на свою извѣстность—о разныхъ журналистахъ, о профессорахъ Гельдѣ или Бона Мейерѣ, даже о Рошерѣ или Вагнерѣ—это не звучитъ фальшивой нотой, хотя и не можетъ быть признано хорошимъ полемическимъ приемомъ; но не странно ли читать: «ein Professor der Philosophie, namens Zeller», «ein socialschriftstellernder Gutsbesitzer, Herr Rodbertus», «ein politisirender Professor der Leichensecirung, Herr Virchow», «der iuden-

protegirende Cultusminister, ein Herr Falk» (последнее выражение повторено дважды)? Неужели Фалькъ, министр «культурной борьбы», отменившій знаменитыя регулятивы, больше сдѣлавшій для прусской народной школы, чѣмъ кто бы то ни было изъ его предшественниковъ или преемниковъ, извѣстенъ только тѣмъ, что покровительствовалъ евреямъ? Неужели Целлеръ, одинъ изъ лучшихъ представителей тюрингенской школы, авторъ замѣчательнаго труда по греческой философіи, можетъ быть сопричисленъ къ массѣ профессоровъ-рутинеровъ; неужели для Родбертуса, оставившаго такой глубокой слѣдъ въ нѣмецкой экономической наукѣ, нѣтъ болѣе подходящаго имени, чѣмъ «помѣщикъ-писавъ»? Неужели Вирховъ—только «политикующій профессоръ трупосвѣченія»? Столкновения ихъ съ Дюрингомъ, хотя бы они и были передъ нимъ кругомъ неправы, не уменьшаютъ ихъ заслугъ въ политикѣ или наукѣ, какъ не уменьшаютъ ихъ репутаціи презрительный тонъ Дюринга. Рядомъ съ несправедливостью къ противникамъ бросается въ глаза самовосхваленіе автора, также не знающее мѣры. «Общепотребительныя слова и понятія бессильны исчерпать собою все то, что есть новаго въ моей системѣ»;—«мои социалитарныя изслѣдованія проложили новый путь и провели глубокія борозды во всемъ существующемъ устройствѣ»;—«я положилъ основаніе плодотворной, свободной отъ противорѣчій національной экономіи»—вотъ образцы отзывовъ Дюринга о самомъ себѣ. Онъ считаетъ себя не только творцемъ всеобъемлющей системы, обновителемъ наукъ, объединителемъ истины и жизни, но и художникомъ, мастеромъ слова, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ его сочиненіямъ часто недостаетъ даже того изящества формы, которое обуславливается простотою и ясностью выраженій.

Преувеличенныя похвалы самому себѣ, преувеличенная строгость по отношенію къ другимъ—это бѣда еще не большая; гораздо важнѣе несправедливость Дюринга къ цѣлой національности—къ евреямъ. До сихъ поръ стѣснительныя мѣры противъ евреевъ поддерживались или предлагались преимущественно консерваторами, во имя религіозной исключительности, на основаніи мотивовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой; Дюрингъ перенесъ старый вопросъ на новую почву, объявилъ войну не іудаизму, какъ религіи, а іудеямъ, какъ племени, и вооружился цѣлымъ арсеналомъ аргументовъ научныхъ или по меньшей мѣрѣ претендующихъ на научность. Подробный разборъ его книги о еврейскомъ вопросѣ не входитъ въ предѣлы нашей задачи; замѣтимъ только, что его конечная цѣль—изгнаніе или

вытѣсненіе евреевъ изъ Европы, хотя бы оно и было смертельнымъ ударомъ для цѣлаго племени, а рекомендуемая имъ ближайшія средства — рядъ законовъ, ограничивающихъ права и свободу евреевъ. Ограниченія этого рода опасны не только для тѣхъ, противъ кого они непосредственно направлены; они опасны для всего общественнаго и государственнаго строя. Извращая понятіе о справедливости, для всѣхъ равной, провозглашая возможность двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ, они могутъ быть обращены противъ любого общественнаго элемента, въ данную минуту почему-нибудь неудобнаго большинству или подозрительнаго въ глазахъ власти. Если государство имѣетъ право извергать изъ своей среды гражданъ еврейскаго происхожденія, то въ силу чего можно было бы оспаривать такой же способъ дѣйствій въ примѣненіи къ послѣдователямъ извѣстной религіозной или философской доктрины, къ приверженцамъ извѣстной политической или социологической идеи? Путь исключительныхъ мѣръ — наклонная плоскость, на которой трудно остановиться; допустить ихъ въ одномъ случаѣ, значитъ допустить ихъ развѣ навсегда, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, съ самыми разнообразными цѣлями. «Душевное настроеніе учителя, — говоритъ Дюрингъ, — далеко не безразлично даже тогда, когда идетъ рѣчь о чисто-научномъ преподаваніи; еслибы отъ меня зависѣло опредѣленіе учителя математики, я обратилъ бы вниманіе не только на его нравственныя качества, но и на его міросозерцаніе». Разсуждая такимъ образомъ, Дюрингъ хочетъ доказать лишь необходимость устраненія евреевъ отъ преподаванія въ нееврейскихъ школахъ, особенно въ университетахъ; несомнѣнно, однако, что логическій выводъ изъ его доказательствъ — если только считать ихъ доказательствами — получается гораздо болѣе широкій. Закрывать доступъ къ каедрѣ людямъ того или другого душевнаго склада, того или другого образа мыслей, значитъ поддерживать принципъ «благонадежности» преподавателей, несомнѣстный съ свободой преподаванія. Не странно ли видѣть такую поддержку со стороны Дюринга, испытавшаго на самомъ себѣ ея результаты? Страстная ненависть Дюринга къ евреямъ на каждомъ шагу вовлекаетъ его въ ошибки, приводитъ его къ положеніямъ, менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь умѣстнымъ, именно въ его сочиненіяхъ. Отвергая терпимость по отношенію къ евреямъ, сравнивая ее съ терпимостью къ преступникамъ и преступленіямъ, Дюрингъ упускаетъ изъ виду, что принадлежность къ извѣстной расѣ не предохраняетъ еще сама по себѣ индивидуальныхъ свойствъ, что въ самомъ испорченномъ племени могутъ

быть и бываютъ высоко-нравственные люди, что еврейское происхожденіе, если и стать на точку зрѣнія [антисемитовъ, устанавливаетъ только *презумпцію*, предположеніе противъ отдѣльнаго лица—предположеніе, требующее повѣрки и безъ нея лишенное всякой силы. Огульное осужденіе всегда несправедливо, къ чему бы оно ни прилагалось—къ племени, къ религіи, къ сословію, къ профессіи, къ партіи. Всякій законъ, основанный на такомъ осужденіи—своего рода *loi des suspects*; онъ поражаетъ правыхъ наравнѣ съ виновными. Самое большее, что можно привести противъ евреевъ—это сравнительная распространенность между ними нѣкоторыхъ стремленій, нѣкоторыхъ привычекъ, вредныхъ для массы народа. Принятіе мѣръ противъ торжества такихъ стремленій, противъ процвѣтанія такихъ привычекъ—не только право, но и обязанность государства; оно должно подрывать ихъ въ самомъ корнѣ, устранять все, дающее имъ пищу, укрѣплять все, служащее имъ отпоромъ и противувѣсомъ. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, оно уничтожить—конечно, не внезапно—всѣ опасныя стороны еврейскаго вліянія, уничтожить ихъ безъ всякихъ правонарушеній относительно тѣхъ евреевъ, которые неповинны въ господствующихъ грѣхахъ своего племени, Мы думаемъ, согласно съ Дюрингомъ, что борьба долго еще будетъ девизомъ государственной жизни—но нускай же ея усилія будутъ направлены противъ реального, конкретнаго зла, въ чемъ бы оно ни проявлялось, а не противъ группъ или категорій, въ которыхъ общность имени, формы прикрываетъ собою далеко не однородное внутреннее содержаніе. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Дюрингъ возстаетъ, и совершенно справедливо, противъ тѣхъ «государствъ въ государствахъ», какія образуются въ настоящее время первостепенными банкирскими домами, такъ называемыми «финансовыми княжествами»; онъ предлагаетъ подчинить ихъ прямому ближайшему наблюденію государственной власти—но только тогда, когда они находятся въ рукахъ евреевъ. Не говоримъ уже о томъ, что номинальный хозяинъ дома можетъ не быть дѣйствительнымъ его обладателемъ; для насъ важно только указать непослѣдовательность, въ которую здѣсь впадаетъ Дюрингъ. Одно изъ двухъ: или предлагаемая имъ мѣра справедлива, полезна и удобоосуществима—въ такомъ случаѣ нужно распространить ее на всѣ банкирскіе дома, оборотъ которыхъ достигаетъ извѣстнаго размѣра; или ей недостаетъ одного изъ трехъ перечисленныхъ условій—въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ примѣнять ее ни къ христіанамъ, ни къ евреямъ. Сила милліоновъ не зависитъ отъ того, кто ими располагаетъ; что касается до

способа употребленія ихъ, то національность миллионера можетъ служить здѣсь только поводомъ къ догадкамъ, а не основаніемъ къ положительному заключенію. Ослѣпленіе Дюринга доходитъ до того, что онъ ставитъ евреевъ на одну доску съ іезуитами, считаетъ исключительныя мѣры одинаково законными въ примѣненіи къ тѣмъ и другимъ. Нужно ли доказывать всю неосновательность этого сравненія? Іезуитомъ никто не родится; принадлежность къ ордену зависитъ отъ доброй воли каждаго его члена; орденъ составляетъ одно цѣлое, преслѣдующее общими силами заранѣе опредѣленныя цѣли. Ничего подобнаго нельзя сказать о евреяхъ, особенно при той постановкѣ вопроса, которой придерживается Дюрингъ. Пока источникомъ законовъ, ограничивающихъ права евреевъ, служилъ или служить релігіозный предрасудокъ, еврей могъ и можетъ перестать быть евреемъ, обратиться въ христіанство; система Дюринга, направленная противъ *расы*, приговждаетъ еврея *навсегда* къ мѣсту не имъ избранному, не отъ него зависящему, запрещаетъ ему надѣяться на лучшую судьбу даже для потомства, даже для дѣтей, прижитыхъ съ лицомъ другого племени. Дюрингъ не объясняетъ, черезъ сколько поколѣній, при смѣшанномъ бракѣ, стирается «пятно» еврейства; но судя по нападеніямъ его противъ всѣхъ, въ чьихъ жилахъ течетъ сколько-нибудь еврейской крови, судя по отлученію, произнесенному имъ даже противъ Лессинга вслѣдствіе догадки о еврейскомъ происхожденіи кого-то изъ отдаленныхъ его предковъ,—можно предположить, что подъ дѣйствіе исключительныхъ мѣръ этотъ фанатикъ анти-семитизма готовъ подвести далеко не однихъ только чистыхъ евреевъ. Случайность рожденія возводится, такимъ образомъ, на степень трудно смываемаго грѣха, — въ систему, краеугольнымъ камнемъ которой должна быть справедливость, проникаетъ несправедливость въ одной изъ наиболѣе антипатичныхъ формъ, осужденной вѣковымъ опытомъ народовъ.

Констатируя такія прискорбныя увлеченія Дюринга, мы не забываемъ ни на минуту, что отвѣтственность за нихъ упадетъ не столько на него, сколько на тѣхъ, чьей мелочностью, злопамятствомъ или рутинной омрачена безъ того уже тяжелая его жизнь. Заслуги Дюринга такъ велики, что могли и должны были прикрыть собою односторонность его критики, рѣзкость его нападеній на профессоровъ и на университеты. Ученые, оскорбленные Дюрингомъ, не имѣли права обращать свою личную тяжбу въ дѣло цѣлаго учрежденія; прусское правительство не имѣло права налагать молчаніе на доцента, виновнаго только въ несдержанности

выражений. Вѣсы наклоняются еще больше въ сторону Дюринга, если припомнить, съ какими трудностями онъ долженъ былъ бороться, какъ мало встрѣчалъ содѣйствія и поддержки. Ему приходилось брать съ бою и способность въ работѣ, и поприще для нея, и самыя средства въ жизни. Слепой, одинокій, сначала почти нищій, онъ не находилъ передъ собою ни одной открытой настежь двери, напрасно стучался въ одиѣ, съ величайшимъ усиленіемъ взламывалъ другія. Легко доступное посредственностямъ оказывалось недостижимымъ для его крупной, выдающейся силы. Неудачи Дюринга не были притомъ только его личными неудачами; не подвигалось впередъ или подвигалось не въ желанномъ направленіи и то дѣло, которому онъ посвятилъ свою жизнь. Войны 1866 и 1870 — 71 г., «предпринимательская» горячка 1872 и 1873 г., господство манчестерской партіи, пародія на правительственный социализмъ—все это тяжело отзывалось въ душѣ человѣка, идеаль котораго былъ слишкомъ далекъ отъ *такой* дѣйствительности. Не трудно представить себѣ, напримѣръ, что долженъ былъ чувствовать Дюрингъ, когда система, рекомендованная имъ еще въ 1866 г. и презрительно отброшенная, «за минованіемъ надобности», опять появилась на сцену, четырнадцать лѣтъ спустя, въ жалкомъ, искаженномъ видѣ—появилась, быть можетъ, только для того, чтобы вторично исчезнуть при новой внѣшней войнѣ или иной случайной комбинаціи обстоятельствъ. Удивляться, при такихъ условіяхъ, можно не тому, что въ автобіографіи Дюринга, какъ и вообще въ послѣднихъ его сочиненіяхъ, встрѣчаются фальшивыя ноты, вызванныя раздраженіемъ и злобой, а скорѣе тому, что его «философія дѣйствительности» не обратилась въ философію рѣшительнаго и безусловнаго пессимизма.

А—Н—

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО

КЪ ДѢТЯМЪ.

Ко мнѣ мой, милыя дѣти!
Шепните посту тайкомъ:—
О чемъ говорить съ вами вѣтеръ,
И птицы поютъ вамъ о чемъ...
Что наша премудрость и книги,
И радость счастливейшихъ дней,—
Въ сравненіи съ вашею лаской
И блескомъ веселыхъ очей!
Вы краше балладъ всего міра,
Воспѣтыхъ намъ хоромъ пѣвцовъ;
Вы живыя поэмы живыя
Среди насъ—живыхъ мертвецовъ!

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Изъ скучной школы, въ настроеніи веселомъ,
Скорѣ въ кузницу бѣжитъ толпа ребятъ;
Имъ нравится слѣдить за молотомъ тяжелымъ,
Какъ искры падаютъ, и какъ мѣха шумятъ.
А рядомъ, въ улицѣ, высокой стволъ каштана,
Съ цвѣтками бѣлыми, стремится къ небесамъ,—
И слышенъ гулъ отъ пчелъ въ верхушкѣ великана,
И жизнь широкая кипитъ и здѣсь, и тамъ!

И поздней осенью, — какая вновь потѣха,
 Когда плоды отъ вѣтра падая трещать; —
 Какъ сладокъ звукъ раскатистаго смѣха
 Визгливыхъ голосовъ веселенькихъ ребятъ!

НА МОСТУ.

Стоялъ я на мосту; часы пробили полночь;
 Луна всходила изъ-за куполовъ церквей; —
 И любовался я красой юньской ночи
 Подъ обаяніямъ мечтательныхъ лучей.

Я опустилъ глаза — и снова предо мною,
 Все та же чудная красавица луна, —
 Какъ будто кубокъ золотой свалился въ воду
 И свѣтитъ мнѣ таинственно со дна.

Вдругъ, съвозъ туманъ, лучъ раскаленной печи,
 Какъ молнія достигнулъ до меня:
 И я увидѣлъ, что огонь земли краснѣе,
 Сребристаго небснаго огня...

Р Ѣ К А.

Съ зеркальною гладью заливовъ широкихъ,
 Гдѣ звонко шумить осова,
 Не мало мнѣ въ жизни совѣтовъ глубокихъ
 Дала ты, родная рѣка.

Не разъ я, припомнивъ все горе былое,
 Слѣдилъ за твоею струей,
 И ты врачевала мнѣ сердце больное
 Спокойной своей красотой.

Въ часы же восторга, — широкимъ теченьемъ
 Сверкая, какъ гордая сталь, —
 Ты въ сердцѣ моемъ возрождала стремленье
 Летѣть въ безконечную даль...

Прими-жь мою пѣсню, и сердца больного
 Глубокій и теплый привѣтъ;
 Но знай, не за то, что ты съ неба родного
 Берешь свой лазуревый цвѣтъ!

Тамъ, въ дальнемъ лѣсу, гдѣ подѣ тѣнью густою
 Укрыла ты воды свои,
 Тамъ жили безумно любимые мною
 Друзья дорогіе мои.

Съ мечтой о свободѣ, въ холодной могилѣ
 Лежать они рядомъ давно...
 Но помню, что имя при жизни носили
 Они съ тобой, рѣчка, одно!

Ихъ пылкое сердце гнететь теперь камень...
 Но память погибшихъ друзей
 Всегда оживляетъ мерцающій пламень
 Въ груди устарѣлой моей!

А. МЕЖЕНИНОВЪ.

ЖЕНСКІЕ ВРАЧЕБНЫЕ КУРСЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ПЕРЕПИСКИ ПЕРВЫХЪ СТУДЕНТОКЪ.

Въ истекшемъ ноябрѣ минуло ровно *десять лѣтъ* со времени основанія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Русскому обществу предстояло праздновать этотъ день. Но оказалось, что дѣло, принесшее столько пользы и прочно ставшее на ноги, не имѣетъ средствъ для дальнѣйшаго своего веденія; у курсовъ нѣтъ помѣщенія, а въ Николаевскомъ госпиталѣ они оставлены только на 5 лѣтъ; черезъ 5 лѣтъ за *неимѣніемъ средствъ и помѣщенія* женскіе врачебные курсы должны закрыться!

Праздновать, оказывается, не время.

Желая хоть чѣмъ-нибудь отмѣтить *день перваго ноября 1882 года*, мы рѣшились набросать, на основаніи имѣющихся у насъ писемъ студентокъ перваго выпуска, очеркъ открытія и жизни курсовъ въ первый ихъ годъ. Онъ познакомитъ съ жизнью первыхъ нашихъ труженицъ, отношеніемъ къ нимъ общества, начальства академіи, и также напомнитъ отчасти и о тѣхъ трудностяхъ, какія приходилось переживать женщинамъ, добиваясь учрежденія курсовъ и правъ врача. — Въ заключеніе, мы укажемъ на результаты, какіе успѣли дать въ десять лѣтъ женщины-врачи перваго выпуска.

I.

Экономическія условія русской жизни и общественный переворотъ, совершившійся 19 февраля 1861 года, вызвали и женщину на борьбу за существованіе, потребовали и отъ нея непремѣннаго участія въ трудѣ. Вынужденная силою необходимости, а не модою—какъ казалось тогда многимъ—она заявила свою готовность къ приобрѣтенію одинаковыхъ съ мужчиною правъ на знаніе и трудъ: заявила потребность высшаго образованія.

Въ 1864 году, въ Россіи въ первый разъ было подано прошеніе о допущеніи женщинъ на медицинскій факультетъ. Совѣтъ факультета, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ инструкцій, которыя бы допускали какой-нибудь опредѣленный отвѣтъ, обратился за разрѣшеніемъ вопроса въ медицинскій совѣтъ. Этотъ послѣдній, 21-го мая 1864 года, объявилъ, что онъ не видитъ никакихъ препятствій къ допущенію женщинъ слушать лекціи и получать университетскія степени, необходимыя для медицинсконной практики. Многие университеты согласились съ мнѣніемъ медицинскаго совѣта. Теперь недоставало только законной санкціи, чтобы выработать правила о допущеніи женщинъ и ихъ положенія по полученіи ученыхъ степеней. «Число женщинъ, желавшихъ поступить на факультеты, съ каждымъ днемъ увеличивалось. Не имѣя возможности входить прямо открыто въ двери храма наукъ, онѣ стали проникать туда окольными путями; не имѣя законнаго права на занятія, онѣ тѣмъ не менѣе наполняли химическія лабораторіи и анатомическія театры»—говоритъ г. Ціонъ въ своей «Ecole medicale pour les femmes».

И въ стѣнахъ медико-хирургической академіи, и въ стѣнахъ петербургскаго университета появились на скамьяхъ аудиторій, рядомъ со студентами, женщины. Студенты—надо отдать имъ полную справедливость—хорошо встрѣтили своихъ новыхъ товарищей. Въ нихъ не было замѣтно и тѣни того враждебнаго отношенія, какое начали выказывать чуть не съ первыхъ же лекцій нѣкоторые изъ господъ профессоровъ. Вотъ что пишетъ о послѣднихъ М. Михайловъ въ своей статьѣ «Женщины въ университетѣ»:

«Какъ объяснить, что одинъ такой представитель (профессоръ) чтобы отвести молодую дѣвушку отъ слушанія лекцій естественныхъ наукъ, прибѣгаетъ къ циническимъ выраженіямъ (подслащеннымъ цинической улыбкою) при объясненіи простѣйшихъ явленій и законовъ природы? Какъ объяснить, что другой

такой представитель позволяет себѣ сказать тоже молодой дѣвушкѣ, желающей учиться: «Знаемъ мы, зачѣмъ вамъ нужно ходить въ университетъ! жениховъ ищите!»

Всѣ эти оскорбленія, всѣ грубыя выходки терпѣливо выносила женщина, добываясь знанія и труда. Впереди видѣлась цѣль—и борьба только больше закаляла силы. Но противники высшаго женскаго образованія взяли верхъ: женщину удалили изъ аудиторій и сдѣлали недоступными ей даже тѣ окольные пути, которыми она пробиралась, крадучись, словно воръ, за законнымъ достояніемъ каждаго человѣка—знаніемъ, наукою.

Въ числѣ изгнанныхъ была г-жа Суслова, наша первая женщина-врачъ. Въ настоящее время она является живымъ укоромъ этимъ ревнителямъ просвѣщенія и нравственности, которые такъ безцеремонно погнали ее искать знанія и добиваться степени врача на чужую сторону, въ чужіе университеты. Только одна г-жа Кошеварова была оставлена въ стѣнахъ медико-хирургической академіи, какъ исключеніе. Она извѣстна какъ первая женщина-врачъ, окончившая курсъ въ Россіи.

Не находя возможности удовлетворить дома своему желанію въ приобрѣтеніи медицинскихъ знаній, русскія женщины, ободренные примѣромъ г-жи Сусловой, большими партіями стали направляться въ Цюрихъ, Женеву, Бернъ, Парижъ, Сорбонну, а впоследствии ради дешевизны проѣзда и самой жизни—на сѣверъ, въ Гельсингфорсъ. Другія, за неимѣніемъ средствъ ѣхать за границу, готовились, сидя дома, терпѣливо ожидая, когда имъ отпрутъ двери русскаго университета.

Но шли года... а на дверяхъ русской alma mater попрежнему висѣлъ желѣзный замокъ. Ожиданія и надежды не осуществлялись!.. терялось терпѣніе... Работа въ анатомическомъ театрѣ, слушаніе лекцій на отрывшихся въ Петербургъ и Москвѣ курсахъ удовлетворяло мало. Желавшія основательныхъ медицинскихъ знаній смотрѣли на общеобразовательные курсы, какъ на подготовительную ступень къ своимъ специальнымъ занятіямъ и слушали исключительно математику и физику, знаніе которыхъ было необходимо для вступительнаго экзамена въ университетъ.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, при одной изъ больницъ (Старой Екатерининской), благодаря докторамъ больницы, открылись фельдшерскіе курсы (впоследствии прозванные слушательницами «Московской академіей») ¹⁾ съ подробнымъ курсомъ анатоміи на тру-

¹⁾ Эти курсы надо считать, кажется, первыми женскими фельдшерскими курсами въ Россіи.

пахъ. Женщины, ожидавшія открытія медицинскаго факультета, ухватились за эти занятія съ особаго рода энергіей, въ которой чувствовалось нѣчто страстное, горячее. Цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера просиживали онѣ въ анатомическомъ театрѣ за работой надъ трупами, не чувствуя ни усталости, ни голода...

Чтобы такъ упорно добиваться своего, какъ добивались первыя русскія студентки, для этого, дѣйствительно, нужно было сильно, горячо, страстно любить науку, какъ науку. Пionерки были дѣти 60-хъ годовъ, вступавшія въ жизнь съ идеальнымъ взглядомъ, если не на самую жизнь, то на науку. Онѣ видѣли въ ней спасеніе отъ всѣхъ золъ, наводнившихъ жизнь, видѣли въ ней исходъ—цѣль. Слѣдующія поколѣнія, которыхъ экономическія невзгоды захватили сильнѣй, уже не въ силахъ были сохранить прежній идеальный взглядъ: для нихъ наука, какъ наука, *an sich und für sich*, потеряла смыслъ и сдѣлалась исключительно средствомъ...

Еще долго бы пришлось женщинамъ ждать открытія медицинскаго факультета, если бы не вздумалъ взять на себя инициативу и дальнѣйшую заботу объ этомъ дѣлѣ главный инспекторъ военно-медицинскаго департамента, онъ же и президентъ медико-хирургической академіи, докторъ Николай Иларіоновичъ Козловъ. Ему оказалъ поддержку въ этомъ дѣлѣ военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, который сочувственно относился къ расширенію какъ женскаго, такъ и мужскаго образованія въ Россіи, и всегда принималъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

Въ 1870 году, Н. И. Козловъ внесъ въ медицинскій совѣтъ докладную записку: «Объ образованіи женщинъ по врачебной части». Въ «Запискѣ» онъ настоятельно требовалъ расширенія медицинскихъ акушерскихъ знаній для женщины; въ противномъ же случаѣ настаивалъ на необходимости «передать акушерскую дѣятельность исключительно врачамъ, сдѣлавъ для каждаго изъ нихъ обязательнымъ полное изученіе практическаго акушерства». При запискѣ былъ приложенъ проектъ трехгодичныхъ акушерскихъ женскихъ курсовъ.

Медицинскій совѣтъ согласился съ заключеніемъ д-ра Козлова, рассмотрѣлъ представленный имъ проектъ и пришелъ къ рѣшенію о необходимости расширить проектируемые имъ трехгодичные курсы въ четырехгодичные, а слушательницамъ этихъ курсовъ, выдержавшимъ установленный экзаменъ, дать право «свободно практиковать по женскимъ, дѣтскимъ и сифилитическимъ болѣзнямъ».

Много труда и хлопотъ было съ этимъ дѣломъ президенту академіи. Только благодаря его настойчивости и энергіи, удалось добиться высочайшаго приказа, отъ 5-го мая 1872 года, объ открытіи «Курсовъ ученыхъ акушерокъ».

Такому рѣшительному шагу со стороны правительства много содѣйствовало пожертвованіе г-жи Л. Родственной: оно дало дѣлу рѣшительный и быстрый оборотъ, а медико-хирургическая академія, какъ самая богатая медицинская школа въ Европѣ, представляла всѣ удобства для открытія такихъ курсовъ; она давала безвозмездно свои лабораторіи, свои кабинеты, — но тѣмъ не менѣе надо было найти необходимыя средства для оплаты профессорамъ и для покрытія главныхъ расходовъ. Такую поддержку оказала г-жа Родственная: она пожертвовала 50,000 р. с. въ пользу медицинскихъ женскихъ курсовъ съ правомъ пользоваться съ нихъ процентами, — и этимъ дала возможность открыть курсы, которые, кромѣ указанныхъ процентовъ, должны были поддерживаться взносами слушательницъ.

Опираясь на вышеприведенное рѣшеніе медицинскаго совѣта, Н. И. Козловъ выработалъ правила для курсовъ ученыхъ акушерокъ. 8-го іюля 1872 года, военный министръ, графъ Милютинъ, утверждалъ ихъ, въ видѣ опыта, на 4 года.

II.

Н. И. Козловъ еще только полагалъ основаніе дѣлу, заявивъ только въ 1870-мъ году въ «Русскомъ Инвалидѣ» о своемъ проектѣ, представленномъ на разсмотрѣніе медицинскаго совѣта, а уже какіе-то отдаленные слухи о допущеніи въ академію женщинъ ходили въ Петербургъ, достигали до Москвы, проникали и дальше въ глубь Россіи. Разумѣется, эти слухи — какъ оказалось послѣ — были очень далеки отъ настоящаго положенія дѣла. Вотъ что писалось тогда изъ Петербурга въ Москву, въ томъ же 1870 году:

«Пока я соберусь узнать подробности насчетъ поступления въ Сорбонну, пока получится отвѣтъ изъ Цюриха, пока все это будетъ — я хочу порадовать васъ пріятной надеждой. Говорятъ, что медицинская академія даетъ для женскихъ лекцій свои аудиторіи, и что *если дѣло съ этими лекціями пойдетъ хорошо*, если слушательницы выкажутъ дѣйствительное желаніе серьезно учиться, то она, т.-е. медицинская академія, *допуститъ жен-*

щинъ до слушанія своихъ лекцій по части медицины. Сочувствіе къ женскому дѣлу вообще, говорятъ, очень велико».

Въ мартѣ 1872 года, вдругъ снова разнесся слухъ, что отнынѣ открытъ женщинамъ доступъ въ медико-хирургическую академію, а средства на устройство специально медицинскихъ курсовъ для женщинъ дала г-жа Родственная. Слухъ этотъ быстро облетѣлъ всѣхъ, кто ждалъ его давно.

Чѣмъ вѣроятнѣе становились слухи, тѣмъ назойливѣе возставадь вопросъ о программѣ вступительныхъ экзаменовъ. Боязнь, что имѣющіяся на лицо знанія не будутъ соответствовать требованіямъ, часто доходила до такой тревоги, что начинались разузнаванья чрезъ обращеніе къ профессорамъ академіи. Покойный профессоръ Рудневъ на одинъ изъ подобныхъ вопросовъ отвѣчалъ слѣдующей запиской отъ 3-го апрѣля 1872 года:

«Проектъ далеко еще не утвержденъ, слѣдовательно о подачѣ прошеній рано заботиться. Для поступления предполагается въ проектъ требовать знаній гимназическаго курса. Едвали къ сентябрю будетъ это окончено. Объемъ курсовъ предполагается полный академическій».

Но какъ извѣстно—ровно черезъ мѣсяць получился высочайшій приказъ объ открытіи курсовъ, а въ концѣ іюля въ газетахъ появилось «Временное Положеніе».

Въ «Положеніи» сообщалось слишкомъ неопредѣленно и сбивчиво насчетъ объема вступительныхъ экзаменовъ. Въ параграфѣ 10-мъ говорилось: «желающія слушать женскій курсъ, подвергаются передъ приѣмомъ особому провѣрочному экзамену изъ предметовъ полнаго курса женскихъ гимназій, *примѣнительно* къ правиламъ, установленнымъ для приѣма въ студенты медико-хирургической академіи». Сдѣланная прибавка: «*примѣнительно* къ студентамъ»... окончательно спутывала и безъ того сбивчивыя предположенія насчетъ безпокойнаго вопроса. Всѣмъ почему-то казалось, что слово «примѣнительно» сводитъ требованіе къ курсу мужскихъ гимназій. И потому, несмотря на лѣто, несмотря на сильныя жары, бывшія въ тотъ годъ,—по всѣмъ угламъ женскаго царства начались усиленныя занятія, а рядомъ съ ними и усиленныя развѣдыванія, разузнаванья.

Слухи, одинъ другого неблагопріятнѣе, доносились до ушей, потому каждая старалась заполучить свѣдѣнія изъ болѣе достовѣрнаго источника.

«Въ академіи ничего нельзя добиться, писала изъ Петербурга въ Москву одна изъ желавшихъ поступить на курсы (теперь женщина-врачъ). Инспектрисы еще нѣтъ, и нѣтъ ни-

чего не знаетъ, а готовящіяся готовятся наобумъ. Даже неизвѣстно, кто будетъ экзаменовать; предполагаютъ, что учителя. Вообще мои знакомыя готовятся довольно поверхностно, а между тѣмъ я слышала отъ частнаго лица, что «тамъ» желаютъ провалить женщинъ и этимъ доказать несостоятельность ихъ стремлений и основательность противной стороны. Просьбъ (теперь уже!) подано около 400, а ваканцій всего 70!..»

Довѣряясь всѣмъ этимъ многорѣчивымъ слухамъ, женщины спѣшили подавать прошенія. Мысль, что число поступающихъ будетъ ограничено, смущала всѣхъ. Каждая думала—не будетъ ли имѣть значеніе то обстоятельство,—кто раньше подастъ прошеніе, и потому каждая спѣшила подать раньше *другой*.

А между тѣмъ и частные, и газетные слухи приносили извѣстія, что число поданныхъ прошеній доходитъ до 500, что экзаменъ долженъ будетъ превратиться въ конкурсъ. Потому весьма понятно, что женщины, волнуемыя такими слухами, приходили къ г. Чистовичу съ вопросами, выражавшими полное безпокойство.

Г. Чистовичъ каждый разъ старался разсѣять ложныя слухи, успокоить взволнованныхъ.

«Я бесѣдовала сегодня съ одной барышней (писала, 14 октября 1872 года, одна изъ прїѣхавшихъ въ Петербургъ держать экзаменъ), которая—подобно намъ—сидѣла надъ алгеброй и геометріей, только была умнѣй и готовилась по петербургской программѣ ¹⁾ (до квадратныхъ уравненій, кажется)—и тоже воображала, что подано 500 прошеній. Представьте! ей сказала Чистовичъ, что прошеній подано только 80, и прибавилъ при этомъ: «Не безповайтесь—всѣмъ будетъ мѣсто!» Тутъ же подробно объяснилъ, что будутъ требовать на экзаменѣ».

«Всѣмъ будетъ мѣсто» чрезвычайно успокоительно подѣйствовало на взволнованную публику, которая съ утра до вечера толпилась у зданія академіи и главнымъ образомъ у подъѣзда г. Чистовича. Но высказанныя послѣднимъ незначительныя требованія отъ вступительныхъ экзаменовъ весьма опечалили вступающихъ студентовъ. «Я, какъ и другія, *недовольна*—продолжала та же студентка—что дѣйствительность не соответствуетъ ожиданіямъ, т.-е. что экзамены *будутъ легки*. Благодаря этому, можетъ набраться въ академію такая же *публика*, кака была въ нашей московской академіи на 3-ей Мѣщанской» ²⁾.

¹⁾ Программа гимназій петербургскаго округа считалась легче программы—московскаго.

²⁾ Т.-е. на первыхъ фельдшерскихъ женскихъ курсахъ.

Приведенныя слова не есть только личное мнѣніе этой одной студентки. Она сама говоритъ: «Я, какъ и другія, — недовольна...» Недовольны оказались всѣ, кто хотѣлъ добиться серьезныхъ медицинскыхъ знаній, всѣ, кто желалъ, чтобы «открывающіеся курсы на 4 года въ видѣ опыта» были превращены въ постоянные. Студентки хорошо понимали, какъ не усипно-зорко и притомъ съ затаенной враждой будетъ слѣдить за ихъ успѣхами, за каждымъ ихъ движеніемъ большая часть русскаго общества. Потому онѣ готовы были подвергнуть себя самымъ строгимъ, самымъ труднымъ экзаменамъ, лишь бы не допустить на первое время что-нибудь легкое, несерьезное въ свою среду, и этимъ самымъ на первыхъ же порахъ не сгубить то дѣло, которому онѣ придавали важное значеніе, какъ въ личномъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ.

Но начальство медицинской академіи рѣшило гарантировать дальнѣйшій успѣхъ дѣла врачебныхъ курсовъ не строгостью приемныхъ экзаменовъ, а серьезной оцѣнкой общаго развитія первыхъ студентовъ, тѣмъ болѣе, что экзамены производились профессорами академіи. Послѣдніе, разумѣется, не могли придавать того важнаго значенія долбленію текста школьныхъ учебниковъ, какое часто придаютъ учителя. Потому требованія на вступительныхъ экзаменахъ въ первый годъ, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ идти въ сравненіе со строгостью требованій въ послѣдующіе года, когда на курсахъ экзаменаторами явились учителя.

Въ первый годъ экзаменовали профессора: Рудневъ, Кондрагевъ — изъ физики и математики; Тарновскій — изъ русской литературы, и Карпинскій — изъ географіи и исторіи. Экзамены продолжались три дня: 17-го, 18-го и 19-го октября.

Въ первый день писали сочиненіе по желанію — изъ географіи, исторіи, физики или русской литературы.

Для желающихъ писать по литературѣ была дана тема: «Бѣлинскій»; изъ исторіи: «Татарское иго и его вліаніе на Русь».

Тема: «Бѣлинскій» для многихъ казалась неудобной. Въ то время этотъ писатель былъ гонимъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненія его считались чуть не запретнымъ плодомъ. Потому писать на такую *сомнительную* тему студенткамъ казалось страшно: онѣ не знали, какъ посмотреть начальство на ихъ симпатію къ русскому критику. Известно, что на экзаменахъ нерѣдко, вмѣсто литературныхъ достоинствъ сочиненія, за мѣрило оцѣнки принимаютъ степень благонадежности и неблагонадежности взгляда экзаменующагося. Не рѣдко его участь

рѣшается плачевно только въ силу того, что высказанный имъ взглядъ не совпадаетъ со взглядомъ экзаменатора. Потому многія изъ экзаменующихся отказались писать о Бѣлинскомъ и охотно согласились на другую тему: «О развитіи грамотности на Руси».

На второй день экзаменовали изъ математики и физики. Экзаменъ изъ исторіи, географіи и русской литературы считался уже повонченнымъ, хотя писавшей на историческую тему ни слова не приходилось сказать изъ литературы или географіи, а той, которая предпочла сочиненіе по физикѣ, совсѣмъ не пришлось подвергать контролю свои знанія изъ всѣхъ трехъ названныхъ предметовъ. Экзаменъ изъ математики, котораго такъ страшно боялись всѣ, и къ которому многія изъ нихъ готовились годъ — два, свелся на экзаменъ изъ ариметики. Отъ экзаменуемой требовался письменный отвѣтъ на вопросы въ родѣ: «умноженіе десятичныхъ дробей», «пропорціи»... Болѣе трудныхъ вопросовъ не задавали. Напримѣръ, никого не спрашивали о «непрерывныхъ дробяхъ». Изъ физики экзаменовали также легко. Вопросы задавали самые легкіе. Однимъ изъ любимыхъ оказался — «общія свойства тѣлъ».

«Когда я кончила отвѣчать изъ физики, — писала только-что отъэкзаменовавшаяся студентка — профессоръ сказалъ: «Съ васъ довольно!»

— А изъ геометріи? — спросила я.

— Зачѣмъ же?! — удивленно сказалъ профессоръ. Вѣдь вы хорошо отвѣчали?

— Еще бы! общія-то свойства тѣлъ!»

И студентка осталась недовольна, что ее спросили только «общія свойства тѣлъ», что не гоняли ее по всей физикѣ, что ни слова не спросили изъ геометріи, надъ которой она такъ много трудилась!

«Больше ничего не будутъ спрашивать, — продолжаетъ она съ грустью, — только завтра, 19-го (третій день) назначенъ экзаменъ изъ языковъ, причѣмъ будетъ предложено выбирать одинъ изъ трехъ: французскій, нѣмецкій или латинскій... Экзаменъ изъ французскаго ограничится переводомъ изъ хрестоматіи Марго... Словомъ сказать, я пришла къ тому убѣжденію, что экзамены служатъ не для провѣрки нашихъ знаній, а только, чтобы посмотрѣть — насколько мы развиты...»

Изъ латинскаго вызвались экзаменоваться немногія; всего больше нашлось охотниковъ на французскій языкъ. Экзаменовали также снисходительно: ограничивались переводомъ на русскій языкъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ строчекъ.

Но успѣшный исходъ экзаменовъ не удовлетворилъ студентовъ. Онѣ не того ждали. Въ ихъ глазахъ, какъ начинающихъ, только то и представляло надлежащую цѣну, что доставалось не легко, съ трудомъ, съ боя. А тутъ экзамены оказались такъ ничтожны, такъ легки, что получавшія похвалы казались незаслуженными и скорѣй обижали, чѣмъ удовлетворяли самолюбіе. Переступая черезъ порогъ академіи, онѣ теперь боялись, что и уровень будущихъ медицинскихъ курсовъ, подобно вступительному экзамену, будетъ стоять ниже ожидаемаго. Эта мысль сильно печалила ихъ.

А профессора, между тѣмъ, относились къ вступающимъ все снисходительнѣй и снисходительнѣй: для тѣхъ, которыя по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ не могли явиться въ 17-му октября, экзамены охотно были отложены до 27-го того же мѣсяца. Производились они, разумѣется, такъ же легко, какъ и для явившихся во-время, съ тою только разницею, что вмѣсто трехъ дней экзаменовали въ одинъ день изъ всѣхъ предметовъ.

27 октября окончились всѣ пріемные экзамены. Принятыхъ въ число студентовъ оказалось 86 *лицъ* ¹⁾. Слѣдовательно, начальство академіи нашло необходимымъ въ первый же годъ нарушить 8-й параграфъ «Временнаго положенія», по которому допускалось на курсъ ежегодно не свыше 70-ти слушательницъ. Такое отступленіе для экзаменовавшихся въ годъ открытія курсовъ было дѣйствительно необходимою. Извѣстно, что многія изъ поступившихъ въ первый годъ давно жили только ожиданіемъ этого момента, жили, закрывъ глаза на все окружающее, на жизнь, ея обыденныя и необыденныя радости. Академическое начальство поняло это хорошо и во избежаніе возможныхъ «трагедій» позволило себѣ отступить отъ точныхъ цифръ «Временнаго положенія». Поэтому же и въ слѣдующіе годы число принимаемыхъ уже не ограничивалось 70:

во второй годъ . . .	(1873)	принято	89	слушательницъ
> третій	(1874)	>	88	>
> четвертый	(1875)	>	93	>
> пятый	(1876)	>	130	и т. д.

Но какъ ни легки были вступительные экзамены, однако, не всѣ 130 *человѣкъ*, подавшихъ прошеніе, были приняты въ этотъ

¹⁾ „Мед. Вѣстн.“ 1873 г. № 39. Въ статьѣ же г. Герценштейна говорится, что въ годъ открытія курсовъ поступило 89 *человѣкъ*. Должно быть, авторъ выключаетъ сюда и тѣхъ, которыя поступили прямо на 2-й курсъ и присоединились такимъ образомъ къ начинающимъ.

годъ. Снисходительность профессоровъ тоже имѣла свои предѣлы. Изъ 130 оказались неудовлетворившими ихъ требованіямъ 44 слушательницы.

Правда, весьма уже плохія знанія и плохое развитіе должны были имѣть неудовлетворившія на вступительномъ экзаменѣ этого года, когда всѣ профессора и само академическое начальство были болѣе расположены принять съ пробѣлами знаній, чѣмъ «проваливать» развитую, умную дѣвушку. И дѣйствительно, провалившіяся буквально не умѣли сдѣлать простого умноженія. Когда имъ объявили, что онѣ не приняты—онѣ заплакали.

— Я все очень хорошо знаю,—говорила одна изъ нихъ, подходя къ профессору:—меня готовили учителя.. Они говорили, что я непременно выдержу... «Но эта рыдавшая,—прибавляетъ студентка въ своемъ письмѣ,—которую готовили учителя и которая, по ея собственнымъ завѣреніямъ, все очень хорошо знаетъ, не умѣла сдѣлать умноженія: бѣдняжка, множила на нуль!.. Другая изъ этой же несчастной группы просто упрашивала профессоровъ, чтобы ее приняли. Говорила, что ей уже 26 лѣтъ, что оставлять до будущаго года долго.. Рыданія и просьбы не помогли. Профессора оставались непреклонны; ихъ не трогали ни 26-лѣтній возрастъ, ни завѣренія готовившихъ барышню учителей».

Въ слѣдующіе годы уровень требованій отъ вступающихъ былъ много повышенъ. Ихъ спрашивали несравненно больше, притомъ и самый экзаменъ получилъ болѣе officialный, болѣе строгій характеръ. Поступавшія же въ слѣдующіе годы были много моложе первыхъ, среди которыхъ не было ни одной младше 20 лѣтъ. Самое большее число было 22-лѣтнихъ, а были и 30-лѣтнія. Въ послѣдующіе же годы самое большее число приходилось на 20-лѣтнихъ, не малое число—19-лѣтнихъ, а въ 1877 году въ числѣ поступившихъ было даже *тринадцать 18-лѣтнихъ и одна 17-ти-лѣтняя*.

Что касается до происхожденія нашихъ первыхъ студентокъ то самый большій контингентъ этихъ новыхъ труженицъ на поприщѣ медицины дали дочери чиновниковъ (30 ч.), а наименьшій—крестьянки (1) и дочери солдатъ (1 ч.). Въ статистическихъ таблицахъ г. Герценштейна ¹⁾ замѣчается любопытное явленіе: дочерей мѣщанъ среди поступившихъ въ первый годъ оказалось больше (6 ч.), чѣмъ дворянокъ (4 ч.), несмотря на неизбежныя затрудненія и препятствія, которыя должны были лежать на

¹⁾ Газета „Врачъ“ 1880 г. № 84 и 85.

пути въ академію для дочерей мѣщанъ. Число студентокъ іудейскаго вѣронсповѣданія превышало число лютеранокъ и католичекъ въ отдѣльности. Изъ тѣхъ же статистическихъ таблицъ замѣчается, что число студентокъ-евреекъ съ каждымъ годомъ увеличивалось на врачебныхъ курсахъ. Это явленіе имѣетъ за собою вполне понятное объясненіе: женскіе врачебные курсы представляютъ въ настоящее время единственную открытую дорогу для евреекъ. Нашъ законъ не запрещаетъ имъ медицинской практики, какъ запрещаетъ педагогическую, до сихъ поръ бывшую почти единственной для образованной трудящейся женщины.

Для большинства студентокъ мѣстомъ родины и воспитанія былъ Петербургъ. Провинціалокъ былъ сравнительно меньшій процентъ, а москвичекъ—самый ничтожный. Последнее можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ же исключительно счастливомъ положеніи, въ какомъ находился вопросъ женскаго образованія въ Москвѣ. Тамъ существовали уже довольно хорошо организованные лубянскіе курсы, съ естественнымъ и математическимъ отдѣленіями; кромѣ этого, одновременно съ врачебными курсами, чуть не въ одинъ день—2-го ноября 1872 года въ Москвѣ открылись курсы профессора Герье, привлекшіе къ себѣ большинство москвичекъ. За то въ число первыхъ студентокъ врачебныхъ курсовъ попали уроженки самыхъ отдаленныхъ отъ столицъ провинцій. Такъ, одна слушательница—изъ Кишинева, три изъ Вятки, одна изъ Екатеринбурга, изъ Войска Донскаго и даже изъ Томска!..

Что касается до первоначальной подготовки нашихъ первыхъ студентокъ, то большинство изъ нихъ имѣли дипломъ домашнихъ учительницъ, меньшинство было—институтокъ. Были и съ дипломомъ гимназій и другихъ училищъ. Въ ожиданіи открытія врачебныхъ курсовъ многія изъ нихъ усердно занимались изученіемъ акушерства и даже успѣли окончить курсъ и получить дипломъ бабки. Другія занимались на открывшихся курсахъ или изучали анатомію у проф. Грубера, гистологію у проф. Голубева. Судя по имѣющемуся подъ-руками печатному списку студентокъ, среди поступившихъ было 13 акушеровъ и 8 слушательницъ разныхъ курсовъ.

III.

Перваго ноября 1872 года двери медико-хирургической академіи наконецъ открылись для женщинъ. Теперь онѣ могли входить туда черезъ парадное крыльцо, могли не пробираться уже

тайкомъ по задворкамъ, какъ это приходилось дѣлать — ихъ болѣе раннимъ предшественницамъ.

Первое ноября 1872 года — день открытія женскихъ врачебныхъ курсовъ, извѣстныхъ тогда еще подъ скромнымъ названіемъ «*курсовъ ученыхъ акушерокъ*» — знаменательный день въ исторіи женскаго образованія въ Россіи. Съ него начинается эра нравственной и экономической свободы для русской женщины; для нея *первое ноября* то же, что *девятнадцатое января 1755 года* для всей образованной Россіи. Да не забудетъ она этого дня и установитъ впоследствии въ честь его праздникъ!..

Женскіе врачебные курсы — это бессмертный памятникъ, воздвигнутый *царствованію императора Александра II-го — Николаемъ Иларіоновичемъ Козловымъ, графомъ Милютинымъ и юсуповою Родственной!* Н. И. Козловъ первый задумалъ воздвигнуть этотъ памятникъ, графъ Милютинъ поддержалъ инициатора, а г-жа Родственная соорудила пьедесталъ, безъ котораго постановка памятника была бы невозможна. Эти три имени женскіе врачебные курсы должны будутъ вырѣзать на стѣнѣ своего актовaго зала, когда послѣ всѣхъ алокрушеній они пріобрѣтутъ наконецъ свое собственное помѣщеніе...

Мы вѣримъ, мы убѣждены, что среди общества огищется еще другая г-жа Родственная, которая поддержитъ курсы въ настоящую трудную минуту и дастъ возможность построить еще болѣе прочное основаніе къ памятнику. Тогда вода не подточитъ его, и буря, вдругъ налетѣвшая, не снесетъ. А пока въ ожиданіи таковаго жертвователя, пусть каждый удѣлитъ, что можетъ отъ своихъ средствъ и заработка и не допуститъ уничтожить учрежденія, которое избавило русскихъ женщинъ отъ скитанья по заграницнымъ университетамъ и заслужило въ десятилѣтній промежутокъ самую хорошую репутацію не только въ глазахъ общества, но и самого покойнаго государя.

Курсы должны были открыться молебствіемъ въ академической церкви.

Когда собрались слушательницы, почетная инспектриса курсовъ, Марья Григорьевна Ермолова, размѣстила ихъ въ ряды, какъ это обычно дѣлаютъ институтскія классныя дамы. Сама инспектриса помѣщалась въ сторонкѣ вмѣстѣ съ госпожей Родственной.

Съ перваго же шага въ академіи взрослыхъ дѣвушекъ приравнивали къ дѣтямъ. Это не могло не показаться оскорбительнымъ, тѣмъ болѣе, что между поступившими были матери семействъ, были независимыя, давно вышедшія изъ положе-

нія ученицъ ¹⁾. «Представлять изъ себя институтокъ—намъ даже не по лѣтамъ!—писала 2-го ноября студентка:—потому я вмѣстѣ съ X. помѣстилась въ сторонкѣ, *готовая, впрочемъ, въ случаѣ замѣчанія покориться неизбѣжной участи*».

Эта приписка весьма характерна для студентокъ перваго выпуска: ихъ задача—упрочить существованіе курсовъ, обратить изъ временныхъ въ постоянные и добиться для себя и для слѣдующихъ помощной степени врача. Какъ бы имъ ни было тяжело, но во имя этой цѣли, онѣ готовы претерпѣть даже больше чѣмъ странное положеніе институтокъ...

На открытіи курсовъ были произнесены двѣ рѣчи: академическимъ священникомъ и виновникомъ открытія курсовъ, Н. И. Козловымъ. Первый своимъ пастырскимъ словомъ ободрялъ женщинъ на новую дорогу, новый избранный ими путь; а президентъ академіи наставлялъ слушательницъ, чтобы онѣ, принимаясь за изученіе медицины, оставили въ сторонѣ всякіе другіе интересы. «Аудиторія,—говорилъ президентъ,—не есть мѣсто для демонстрацій, тутъ должно раздаваться только благотворно дѣйствующее слово науки».

Послѣдняя рѣчь была произнесена уже въ аудиторіи. Тутъ же прочли росписаніе предметовъ на первый академическій годъ и объявили имена будущихъ профессоровъ:

Голубевъ—гистологіи,
Ландцертъ—анатоміи,
Мерклинъ—ботаники,
Бобелевъ—физики и
Бородинъ—химіи.

Лекціи должны были начаться на другой день открытія, т.-е. 2-го ноября. Перваго же ноября слушательницамъ какъ бы давалось время оглядѣться кругомъ, присмотрѣться, перезнакомиться между собой... Но знакомства не произошло: всѣ и каждый сторонились другъ друга, и если происходилъ послѣ открытія обмѣнъ привѣтствій, рукопожатій, то только между старыми знакомыми, нѣкогда учившимися въ одномъ заведеніи—одноклассницами. Что-то непріятно щепетильное чувствовалось еще въ отношеніяхъ собравшейся учиться женской молодежи—и чего уже, слава Богу, теперь нѣтъ среди современныхъ намъ студентокъ.

2-го ноября, въ привилегированную аудиторію студентокъ вошелъ профессоръ Голубевъ—то была первая лекція на жен-

¹⁾ Въ 1872 г. поступило 14 замужнихъ, 3 вдовы и 69 дѣвицъ, не моложе 20-ти лѣтъ.

свихъ врачебныхъ курсахъ. Профессоръ читалъ безъ тетрадки, живо, интересно, показывалъ микроскопъ, училъ обращаться съ нимъ. Студентки остались довольны лекціей. Этотъ профессоръ — надо замѣтить — съ перваго же времени сталъ пользоваться среди нихъ особой, исключительной любовью, каковою не пользовался на 1-мъ курсѣ ни одинъ изъ профессоровъ академіи. О немъ сыпались со стороны студентовъ самыя восторженныя отзывы. А 20-го ноября слушательницы пришли отъ его лекціи въ такой восторгъ, что рѣшили непременно выразить ему благодарность...

Но въ правилахъ, выданныхъ студенткамъ при билетѣ на жительство, запрещались на лекціяхъ всякія выраженія одобренія и порицанія, — и потому, *изъ боязни повредить курсамъ*, слушательницы обратились къ М. Г. Ермоловой съ просьбой — передать ихъ благодарность профессору Голубеву... Такая осторожность даже въ глазахъ инспектрисы, казалось, превосходила всякія ожиданія покорности и благопристойности; даже сама г-жа Ермолова удивилась «безпримѣрной примѣрности» студентовъ и замѣтила съ улыбкой: «Такія вещи — я полагаю — можно и лично заявлять профессору».

Не только къ лекціямъ, а и къ экзаменамъ этого профессора у студентовъ было исключительное отношеніе. Хотя г. Голубевъ заранѣе объявилъ, что «проваливать» на экзаменѣ никого не будетъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на такое предупрежденіе, студентки сильно трусили его экзамена, сильнѣй дорожили его отмѣткою, чѣмъ отмѣтками другихъ профессоровъ.

«Экзамена изъ гистологіи я ждала, какъ Богъ знаетъ чего, — писала только что отъэкзаменованная студентка: — мнѣ хотѣлось, чтобы Голубевъ восчувствовалъ, какъ мы знаемъ его предметъ и какую любовь онъ сумѣлъ внушить намъ къ гистологіи, а онъ!.. Его порадовали отвѣты только заблудшихъ овецъ, которыя вернулись въ его стадо, а на наше знаніе онъ посмотрѣлъ какъ на должное»...

Профессоръ Голубевъ дѣйствительно не только не поддерживалъ въ слушательницахъ развитія себялюбія, а напротивъ, стыдилъ ихъ при малѣйшемъ проявленіи этой печальной стороны человѣческаго характера, на которой почти всѣ педагоги обычно строятъ свое зданіе. Разъ, когда студентки послѣ экзамена пристали къ нему, чтобы онъ прочелъ выставленныя отмѣтки, онъ «какъ ужаленный, схватилъ листъ, прижалъ къ груди и рѣшительно отказался исполнить просьбу». — «Здѣсь никому нѣтъ: не удовлетворительно; а дальше — я полагаю — вамъ все равно. И неужели васъ такъ интересуютъ отмѣтки? Я не ожидалъ, чтобы

вы могли интересоваться,—кому поставлено *весьма*, кому просто *удовлетворительно*...»

Но вернемся къ первой лекціи.

Благопріятное впечатлѣніе отъ нея умалаялось, однако, той обстановкой, тѣмъ швольнымъ духомъ, каковой былъ внесенъ въ аудиторію постояннымъ присутствіемъ надзирающаго лица. «Одно мнѣ не нравится,—писала студентка тотчасъ по возвращеніи съ первой лекціи,—это положеніе швольницъ, въ которое насъ ставятъ. Напримѣръ: сегодня присутствовала инспектриса и... *шикала!* Мы шумѣли—это правда, но... тѣмъ не менѣе стало скверно, когда сзади раздалось: ш-ш-ш!»

На другой день были назначены лекціи химіи и ботаники, но онѣ не состоялись по случаю оттепели.

Какъ извѣстно, медико-хирургическая академія помѣщается на Выборгской сторонѣ. Послѣдняя соединяется съ главной частью города Литейнымъ мостомъ, тогда еще разводнымъ. Потому такія перемены въ температурѣ, какъ оттепель, морозъ, всегда сопровождалась разводеніемъ или наведеніемъ моста, а слѣдовательно отражались и на лекціяхъ. Какъ скоро мостъ разводили—лекціи въ академіи прекращались, такъ какъ прерывалось сообщеніе Выборгской стороны съ городомъ, гдѣ жила и живетъ большая часть профессоровъ.

Итакъ, неудобство отъ помѣщенія курсовъ на Выборгской сторонѣ студентамъ пришлось испытать на третій же день открытія курсовъ. Такіе перерывы въ лекціяхъ происходили не только осенью и весной, а случались даже и въ серединѣ зимы.

Но въ счастію слушательницъ, которыя уже начинали скучать безъ дѣла,—ихъ первая экспромптная вакація продолжалась не долго: опять пришелъ читать профессоръ гистологін, а за нимъ и ботаники, и физики.

Профессоръ физики съ первой же лекціи далъ почувствовать, что его курсъ будетъ читаться основательно и будетъ носить вполне серьезный характеръ. Это очень порадовало студентовъ.

Лекціи анатоміи не начинались до 11-го ноября, по случаю болѣзни профессора, который впоследствии поражалъ студентовъ замѣчательной точностью своей рѣчи. «Точность въ опредѣленіяхъ и описаніяхъ доведена у него до совершенства» говорили онѣ.

Хотя курсы въ первые годы существованія и носили названіе «акушерскихъ», тѣмъ не менѣе уровень сообщавшихся знаній даже тотчасъ по открытіи былъ взятъ университетскій. Слушательницы это поняли и оцѣнили. «Работаю пока мало,—писала одна изъ

нихъ, слушавшая еще до поступления на медицинскіе курсы на московскихъ лубянскихъ и въ «москoвской академіи на 3-й мѣщанской», — все больше приглядываюсь къ обстановкѣ и къ профессорамъ. Ихъ преподаваніе очень рѣзко отличается отъ школьнаго, какъ большою спеціальностью, такъ и тѣмъ, что они говорятъ намъ послѣднее слово науки, останавливаются не только на общепринятыхъ теоріяхъ, но и на спорныхъ пунктахъ. Только жаль, что въ ихъ сообщеніяхъ происходятъ неудобныя для насъ разногласія. Вчера, напримѣръ, профессоръ физики говорилъ, что въ настоящее время признается три рода силъ: тяготѣніе, электричество и магнетизмъ. А профессоръ химіи сказалъ, что и эти двѣ послѣднія силы сводятся къ тяготѣнію. Значить, на экзаменѣ истина будетъ признаваться, смотря по обстоятельствамъ, какому профессору отвѣчаемъ. Не особенно удобно!»

Но профессора хотя и высоко подняли уровень преподаваемыхъ предметовъ, однако — надо думать — внутренно все-таки сильно сомнѣвались въ серьезномъ отношеніи слушательницъ къ дѣлу, а главное — въ томъ, насколько ими понимается и усваивается читанное на лекціяхъ. Разумѣется, только такимъ скептическимъ взглядомъ и можно объяснить страшную поспѣшность со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ — устраивать репетиціи въ первый же мѣсяць открытія курсовъ. Профессоръ ботаники уже передъ 20-ми числами ноября объявилъ, что намѣренъ черезъ недѣлю сдѣлать репетицію изъ пройденнаго. Репетиція изъ физики назначена была въ первыхъ числахъ января, тотчасъ послѣ святокъ, что для студентовъ было крайне неудобно и потому нѣкоторые стали поговаривать, что хорошо бы — молъ избавиться отъ репетиціи физики совсѣмъ. И даже вздумали этотъ вопросъ голосовать. Но образовавшееся разногласіе не привело ни къ чему.

У профессора анатоміи репетиція вышла какъ бы экспромтомъ. Послѣ одной изъ своихъ лекцій онъ вдругъ обратился къ первой группѣ съ приглашеніемъ идти въ его кабинетъ для практическихъ занятій. И только тамъ студентки узнали, что будутъ не практическія занятія, а репетиція. Возвращаться вспять было уже поздно: вошелъ профессоръ и сталъ вызывать.

Одновременно шли репетиціи изъ ботаники, физики, а изъ химіи были назначены на 6-й недѣль великаго поста. Только одинъ пр. Голубевъ не назначалъ репетицій.

Студентки думали, что репетиціи не будутъ имѣть никакого вліянія на экзаменъ, и потому въ началѣ не очень о нихъ заботились. Но вышло не такъ: репетиціонныя отмѣтки многимъ

въ профессоровъ служили мѣриломъ знанія студентовъ на экзаменѣ—въ чемъ пришлось убѣдиться, разумѣется, уже нѣсколько поздно.

Репетиціи на женскихъ врачебныхъ курсахъ существовали не только въ годъ открытія курсовъ, но и во всѣ послѣдующіе года. Онѣ продолжались и на IV-мъ, и на V-мъ курсахъ, продолжаются и теперь, хотя польза отъ нихъ весьма сомнительна. Студентки постоянно жаловались, что репетиціи отнимаютъ у нихъ много времени, не принося никакой пользы. Еслибы профессора на репетиціяхъ не спрашивали, а дозволяли себя спрашивать и просить разъясненія на темныя или вообще непонятныя мѣста—какъ это заведено въ нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ университетовъ—тогда бы студенткамъ оставалось только пользоваться удобствами отъ установленныхъ репетицій. На самомъ же дѣлѣ репетиціи представляли и продолжаютъ представлять до настоящаго времени какъ бы непрерывную цѣпь экзаменовъ, которая тянется на врачебныхъ курсахъ круглый годъ и непрерывно держитъ студентовъ въ невозможно напряженномъ состояніи.

Лекцій въ первое время, до Рождества, читалось немного—по двѣ въ день, и нѣкоторые дни—по одной. За то каждая лекція продолжалась не менѣе двухъ часовъ. Раньше 10 часовъ ни одна лекція не начиналась, а иногда и съ 11-ти или съ 12-ти.

Кромѣ лекцій, у слушательницъ много времени брали практическія занятія. Усердіе и ревность къ занятіямъ у студентовъ походила—какъ сказано было раньше—на страсть. Напримѣръ, онѣ сильно горевали о томъ, что за неимѣніемъ достаточнаго числа микроскоповъ въ гистологическомъ кабинетѣ имъ приходится заниматься гистологіей не больше часа въ недѣлю. Имъ мало было лекцій на своихъ курсахъ, онѣ добивались еще попасть на Владимірскіе (существовавшіе уже тогда въ Петербургѣ и теперь преобразованные въ Бестужевскіе). Дамская коммисія, завѣдывавшая тогда Владимірскими курсами, предложила медицинкамъ даровые билеты на слушаніе лекцій. Студентки этому очень обрадовались. Большинство стало посѣщать лекціи ботаники и химіи, которыя читались профессорами университета.

Страсть накоплять знанія и укладывавъ ихъ *толково* въ своей головѣ до того была присуща студенткамъ перваго выпуска, что мажѣйшее расширеніе правъ въ этомъ направленіи ободряло ихъ и доставляло имъ особую радость.

«Отъ академіей мы, какъ кажется, — писала студентка, отъ 28

января, — все больше и больше осваиваемся и не представляемъ уже въ ея стѣнахъ какого-то аномальнаго явленія, какъ то было въ началѣ. Въ анатомическомъ театрѣ мы теперь уже не случайныя гости, которыхъ впускать только часа на два, а затѣмъ попросить удалиться, если сами чести не знаемъ. Теперь же мы можемъ входить туда не только въ аудиторію, но и въ самый кабинетъ при анатоміи, можемъ тамъ работать хоть съ утра до вечера! Можемъ изучать анатомію на трупахъ! Чѣмъ мы, разумѣется, и пользуемся»...

Студентки такъ дорожили занятіями и лекціями въ первые годы, что для нихъ было событіемъ пропустить лекцію хорошаго профессора. Во избѣжаніе этого онѣ позже выѣзжали изъ Петербурга на праздники и раньше съ этою же цѣлью возвращались назадъ.

Но такъ какъ ученье въ этотъ годъ началось сравнительно очень поздно — съ ноября — то профессора изъ желанія наверстать потерянное время читали послѣ Рождества, даже и по праздникамъ. А чѣмъ ближе подходило время къ экзаменамъ, тѣмъ они становились все усерднѣе и усерднѣе. Подъ-вонецъ это усердіе приходилось уже не подъ силу даже самымъ усерднымъ студенткамъ.

«Сейчасъ бѣгу въ академію, — писала довольно раздражительно одна изъ нихъ не задолго до экзаменовъ. — Наши профессора насъ совсѣмъ замучили: до Рождества иногда манкировали, а теперь, когда у насъ и безъ того мало времени, а работы Богъ знаетъ сколько, они вдругъ вздумали назначать еще лишнія лекціи. Говорятъ, что имъ нужно окончить отдѣлъ, а о томъ не думаютъ, каково намъ принимать весь этотъ матеріалъ на спѣхъ и находить всѣмъ премудростямъ приличное помѣщеніе въ своей головѣ!.. Они, должно быть, думаютъ, что у насъ не головы, а чемоданы; что у нихъ не наука, а поклажа, которую можно втискивать на всѣ лады, лишь бы умѣстилась, а тамъ не ихъ дѣло, въ какомъ видѣ доѣдетъ до мѣста назначенія»...

Профессора дѣйствительно старались наверстывать изъ всѣхъ силъ. Одинъ изъ нихъ *уже въ концѣ апрѣля* вдругъ вздумалъ прибавить еще 4 лекціи въ недѣлю.

Студентки уставали, мучились и все-таки не успѣвали дѣлать всего такъ, какъ онѣ считали полезнымъ и необходимымъ. А тутъ еще эта прибавка 4 лекцій въ недѣлю! Чувствуя, что нѣтъ никакихъ силъ прибавлять что-нибудь лишнее въ свои «чемоданы», двѣ студентки рѣшили собирать голоса желающихъ просить профессора отложить лишнія лекціи до будущаго года.

Желающихъ нашлось не мало. Обратились за посредничествомъ къ г-жѣ Ермоловой. Та была неприятно удивлена совсѣмъ неожиданной просьбой: она привыкла видѣть въ студенткахъ не утомимыхъ работницъ, которыя постоянно жаждутъ приобрѣтенія новыхъ знаний. И рѣшительно объявила, что посредницей въ такомъ дѣлѣ быть не желаетъ: она какъ бы оскорбилась за профессора. Депутатки постарались убѣдить ее, что въ ихъ просьбѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, что просьба эта не есть выраженіе недовольства лекціями профессора, аудиторія котораго въ продолженіе года была постоянно полна; что только неудобство найти надлежащее помѣщеніе этимъ добавочнымъ лекціямъ въ ихъ головахъ заставляеть ихъ прибѣгнуть къ подобной просьбѣ. Долго убѣждали онѣ инспектрису... Наконецъ, она согласилась переговорить съ профессоромъ. А послѣдній согласился съ представленными ему доводами и исполнилъ желаніе студентовъ.

IV.

Шестого ноября студенткамъ выдали билеты на жительство, гдѣ онѣ именуется «слушательницами курсовъ ученыхъ акушеровъ». При билетахъ каждой выдавались печатныя правила въ родѣ слѣдующихъ: «*Слушательницы обязаны доносить инспектрису немедленно обо всемъ, что случается съ ними необыкновеннаю; должны исполнять религіозныя обязанности и представлять свидѣтельство отъ духовныхъ лицъ; на лекціяхъ должны соблюдать строгій порядокъ и не нарушать его выраженіями одобреній или порицаній. Безъ дозволенія инспектрисы отлучаться изъ города нельзя. Студентки должны носить форму и вообще въ туалетѣ своемъ соблюдать строгое приличіе.*»

Первое изъ приведенныхъ правилъ не могло не показаться курьезнымъ и не возбудить насмѣшливыхъ замѣчаній. И что въ самомъ дѣлѣ имѣло въ виду начальство, предписывая студенткамъ такую откровенность? должно быть, подъ «*необыкновеннымъ*» разумѣлись тѣ необыкновенныя, фантастическія сны, которые должны сниться намъ на Выборгской сторонѣ» — иронизировала въ письмѣ студентка. Не могло же оно рассчитывать на созданіе отеческихъ отношеній между нимъ и слушательницами?..

Но правила печатались, какъ то бываетъ почти всегда, чтобы значиться на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ они, разумѣется, не исполнялись, такъ же какъ и строгое объявленіе на словахъ о запрещеніи курить и ходить по корридору. Начальство объявило,

что если оно запримѣтитъ кого курящимъ въ корридорѣ или даже просто прохаживающимъ, то сейчасъ же исключить та-кихъ на мѣстѣ преступления. Но студентки курили, курили ти-хонько возлѣ своей привилегированной аудиторіи. Марья Григорьевна не разъ встрѣчала курящихъ, но каждый разъ дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и только въ крайнемъ случаѣ позволяла себѣ просить не ходить по корридору съ напирсой: «А то—говорить—мигъ могутъ сдѣлать замѣчаніе».

Что касается до формы, то слушательницамъ предписывалось носить коричневые платья и черные фартуки съ нагрудниками. Теперь объ этой формѣ между студентками нѣтъ и помину; у нихъ и безъ предписаній создалась своя форма: черныя платья на лекціяхъ, цвѣтныя восovorотки сверхъ черныхъ юпокъ дома; сверху драповыя пальто и барашковыя шапочки.

Впрочемъ, и въ первые годы г-жа Ермолова требовала со студентокъ форму только въ крайнемъ случаѣ; напр., въ экзамену или къ прїѣзду какихъ-нибудь высокихъ гостей. И тогда уже у студентокъ складывалась своя форма: онѣ не любили цвѣтныхъ платьевъ и предпочитали имъ черныя.

Лекціи студенткамъ читались какъ въ привилегированной аудиторіи, нарочно для нихъ отведенной, такъ и въ студенче-скихъ. Потому слушательницамъ постоянно приходилось перебѣ-гать изъ одной аудиторіи въ другую и при этомъ неизбѣжно встрѣчаться съ студентами-медиками. Элихъ встрѣчь начальство сильно боялось (о чемъ упоминаетъ и г. Цюнь въ своей бро-шюрѣ). Оно старалось всѣми силами оберегать студентокъ отъ столкновенія со студентами.

Отъ начальства былъ отданъ швейцару приказъ—не пускать студентовъ въ корридоръ въ то время, когда приходили или у-ходили студентки. Нерѣдко случалось самой г-жѣ Ермоловой сра-жаться со студентами и просить ихъ удалиться изъ аудиторіи. Труднѣй было ихъ удалить, когда студентки во время ре-креацій высыпали въ корридоръ: «Тогда хоть десять инспектрисъ призови—съ ними ничего не подѣлаешь,—писала студентка.— Но надо имъ отдать справедливость,—всѣ они безъ исключенія весьма деликатны, вѣжливы и услужливы; никогда ни отъ одного ни-какой насмѣшки, никакой дерзости».

Таковъ былъ общій отзывъ о студентахъ всѣхъ слушатель-ницъ во все время пребыванія женскихъ врачебныхъ курсовъ на выборгской сторонѣ въ зданіи академіи, гдѣ и тѣни не было какихъ-нибудь неприятныхъ столкновеній, которыя, однако, реали-зируются въ пылкой фантазіи г. Цюна. «Впродолженіи всѣхъ

4 лѣтъ, — говорить онъ въ своей брошюрѣ, — пока курсы помѣщались въ зданіи академіи, эти опасенія были весьма близки къ дѣйствительности (?!). И если *катастрофы не произошло*, и кончилось все благополучно, то это единственно благодаря усиліямъ г. Ковлова и инспектрисы г. Ермоловой» (стр. 13).

Но несмотря на то, что всѣ опасенія начальства насчетъ столкновенія со студентами были совсѣмъ неосновательны, оно всѣми силами старалось, чтобы студентки не смѣшивались со студентами. Приведемъ любопытный на эту тему разговоръ, который велся однимъ изъ начальствующихъ лицъ со студенткой дня черезъ два послѣ открытія курсовъ.

Студентка явилась къ начальнику за полученіемъ свидѣтельства на прожитіе, причѣмъ прибавила, что хлопочетъ не столько о свидѣтельствѣ, сколько о томъ, чтобы можно было сворѣй записаться въ академическую библіотеку.

— То-есть въ студенческую? — переспросилъ начальникъ.

— Да.

— Ну, я бы этого не совѣтовалъ. Вы навѣрно знаете, какъ нехорошо смотреть начальство, когда молодья дѣвицы вмѣшиваются въ толпу студентовъ, тѣмъ болѣе, что наши студенты очень невѣжливы: *они часто сидятъ тамъ въ пальто и шляпахъ (!)*. Совѣтую вамъ лучше ходить въ нашу большую библіотеку — только, разумѣется, тамъ вы не встрѣтите ни журналовъ, ни газетъ... Это, конечно, неудобство, и я понимаю, что вамъ желательно бы было иногда прочитать журналъ или газету; но все-таки не совѣтую записываться на свое имя... Вы лучше попросите какого-нибудь студента, чтобы онъ записался на себя и носилъ вамъ книги».

Такъ ревностно оберегало студентовъ начальство отъ какихъ-нибудь (правда, только воображаемыхъ) непріятныхъ столкновеній, которыя рисовались ему отъ перспективы непривычнаго хожденія студентовъ въ студенческую читальню. Но при этомъ мужское академическое начальство не приказывало, не запрещало, — оно только *совѣтовало*. Мужское начальство (здѣсь разумѣемъ и профессоровъ академіи) было со студентками *перваго выпуска* до того вѣжливо, что *никто изъ нихъ никогда не позволялъ себѣ говорить со студенткой сидя, если послѣдняя стояла*. Нерѣдко бывало, что начальникъ, провожая пришедшую къ нему по дѣлу студентку, выходилъ вмѣстѣ съ нею въ переднюю и все время стоялъ, ждалъ — пока она одѣнется.

Академія съ перваго же года отнеслась къ студенткамъ какъ къ равноправнымъ со студентами членамъ своей большой

академической семьи. Когда 21 января 1873 года въ медицинской академіи у студентовъ назначенъ былъ актъ, студентки черезъ г-жу Ермолову получили отъ академіи приглашеніе присутствовать на актѣ. Г-жа Ермолова по этому случаю сказала рѣчь, обращенную ко всему курсу. Это была первая официальная рѣчь инспектрисы, потому не лишнимъ будетъ привести ее здѣсь.

«Начальство поручило мнѣ, милостивыя государыни, просить васъ на актъ, который будетъ имѣть мѣсто въ слѣдующее воскресенье въ зданіи академіи. Начальство просило заявить вамъ, что это приглашеніе относится къ вамъ не какъ постороннимъ, а какъ къ слушательницамъ курсовъ, принадлежащимъ къ академіи. Желающія изъ васъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ могутъ получить билеты, съ которыми васъ пропустятъ черезъ *народный ходъ*... Черезъ этотъ ходъ,—прибавила инспектриса,—который открывается разъ въ годъ, проходятъ только одни почетныя лица».

Желая этимъ прибавленіемъ сказать студенткамъ, что ихъ выдѣляютъ, инспектриса въ заключеніе своей рѣчи обратилась къ нимъ съ просьбой, чтобы на актъ онѣ явились въ форменныхъ платьяхъ съ передниками и только за неизмѣнимъ формы—въ черныхъ: «и пожалуйста, попроще», прибавила она. Но просить студентовъ о простотѣ костюма было излишне: онѣ и такъ черезъ-чуръ ревностно оберегали себя отъ всякой пышности, отъ всякихъ украшеній.

21-го января, въ 11-ть часовъ утра, студенты, студентки и начальство академіи собрались всѣ въ академическую церковь къ обѣднѣ, а оттуда прошли въ актовъй залъ.

Здѣсь изъ чтенія годичнаго отчета о дѣятельности академіи студентки услышали отчетъ и объ устройствѣ «высшихъ акушерскихъ курсовъ». Онѣ пріятно почувствовали при этомъ чтеніи, что и онѣ не чужія для академіи, а составляютъ часть учащейся въ ней молодежи. Такъ привыкали смотрѣть на себя студентки, такъ смотрѣло на нихъ и все академическое начальство.

Непосредственное и ближайшее начальство надъ студентками было вручено почетной инспектрисѣ, Марьѣ Григорьевнѣ Ермоловой. Слѣдующіе курсы имѣли своихъ особыхъ инспектрисъ, которыя считались помощницами г-жи Ермоловой, и *de facto* представляли только ея слабое повтореніе, сохраняя ея нѣкоторыя недостатки и уступая ей въ достоинствахъ.

Установить свои отношенія къ студенткамъ женскому начальству было весьма нелегко, тѣмъ болѣе, что русская жизнь до открытія курсовъ представляла только двѣ формы такого началь-

ства—или начальницу института, гимназіи, или классную даму. Принять ту или другую форму, или обѣ вмѣстѣ—безразлично, значило придать курсамъ школьный характеръ. И, какъ видѣлъ читатель, этотъ школьный духъ почувствовали студентки тотчасъ какъ перешли за порогъ академіи. Ихъ сейчасъ же разставили въ ряды за церковной службой; въ первую же лекцію на нихъ шикали...

Мы видѣли, что все это сильно задѣвало студентовъ въ первое время, и онѣ зорко присматривались ко всякому шагу!

«Ермолова такъ же, какъ и мы, присутствуетъ на всѣхъ лекціяхъ,—писать черезъ недѣлю по открытіи курсовъ студентка, — только съ тою разницею, что мы перебѣгаемъ изъ одного зданія въ другое, а она переѣзжаетъ это пространство въ каретѣ...»

...«Кромѣ *шиканья*, — писала другая студентка, — взяли на себя теперь обязанность слѣдить, чтобы студентки не приходили въ аудиторію съ короткими волосами, а носили бы сѣточекъ».

На «сѣточкахъ» Марья Григорьевна дѣйствительно весьма настаивала; но только въ тѣ дни, когда на курсахъ долженъ былъ быть кто-нибудь изъ высшихъ гостей или изъ начальства академіи. Обычно она просила студентовъ заранее являться въ назначенный день въ сѣткахъ. Но большинство, несмотря на свою «безпримѣрную примѣрность», забывали объ этомъ, а нѣкоторыя, можетъ, и не забывали, но въ академію являлись съ короткими волосами. Опытная Марья Григорьевна запасалась въ эти дни по дорогѣ въ академію цѣлыми дюжинами такихъ сѣточекъ и тотчасъ по пріѣздѣ на курсы облекала въ нихъ слушательницъ. Много комизма было съ этими сѣточками, въ особенности, когда г-жа Ермолова отбирала ихъ у студентовъ и прятала опять въ швафъ на будущее «про запасъ».

Этотъ фактъ съ сѣточками въ одно и то же время прекрасно иллюстрируетъ, какъ крайне доброе отношеніе Марьи Григорьевны къ курсамъ, такъ и ея крайнее усердіе къ формальной сторонѣ, — что сильно огорчало всѣхъ студентовъ. «Ну къ чему, напримѣръ, — писала одна изъ нихъ, — она ходитъ не только на лекціи, но и на репетиціи? Профессоръ анатоміи сначала велъ переговоры непосредственно съ нами, но Марья Григорьевна не могла удержаться, чтобы и сюда не ввести своего участія. Разумѣется, это говоритъ за ея энергію, за ея живое и любовное отношеніе къ курсамъ, но вѣдь для насъ-то все это имѣетъ видъ только *недовѣрія*. Мнѣ лично крайне неприятно такое недовѣріе, хотя, становясь на ея мѣсто, — можетъ, она... Неужели

и на 2-мъ курсѣ будетъ то же? неужели и тогда мы безъ начальства шага не ступимъ?».

Иногда раздраженные ея постояннымъ присутствіемъ, студентки позволяли себѣ нѣкоторыя выходы, нисводившія ихъ и въ самомъ дѣлѣ на степень школьницъ. Входитъ, напримѣръ, студентка въ аудиторію, видитъ, что всѣ мѣста заняты и злорадно обращается къ инспектрисѣ: «Потрудитесь распорядиться, чтобы принесли столы и поставили ближе къ доскѣ». Марья Григорьевна въ такихъ случаяхъ обычно вставала, улыбаясь, шла къ сторожу и дѣлала распоряженія.

Эти сцены такъ же, какъ и постоянные толки студентокъ между собою и съ посторонними о г-жѣ Ермоловой и ея обязанностяхъ, ясно свидѣтельствуютъ какъ сильно задѣвало слушательницъ это крайне неопредѣленное и сбивчивое въ своей дѣятельности и обязанностяхъ женское начальство.

Но несмотря на свое усердіе къ формализму, у г-жи Ермоловой было очень много такта и тонкаго пониманія въ обращеніи съ студентками перваго выпуска. Она понимала, какъ болѣзненно самолюбивы были онѣ и, несмотря на принятую ею роль классной дамы, старалась всѣми силами избѣгать обычныхъ у классныхъ дамъ нотаций и выговоровъ. И если иногда прибѣгала къ нимъ, то только въ крайнемъ случаѣ, когда вынуждала ее на это какой-нибудь изъ профессоровъ (въ счастію, такихъ на 1-мъ курсѣ былъ всего одинъ), который въ силу своего безсилія и неумѣнья прибѣгалъ къ жалобѣ на студентокъ.

Разъ дѣло было такъ. Читалъ этотъ профессоръ лекцію, а студентки слушали. Нѣкоторыя совсѣмъ перестали слушать и довольно громко разговаривали. Въмѣсто того, чтобы самому переговорить съ ними о неудобствѣ читать во время такого шума, профессоръ обратился съ жалобой къ Марьѣ Григорьевнѣ, — она на этотъ разъ по какому-то случаю отсутствовала на лекціи. И что курьезнѣе — не ограничился жалобой на личное неудобство, счелъ еще нужнымъ сообщить инспектрисѣ, что студентки безъ нея слишкомъ рано забрались въ ботаническую аудиторію, прежде чѣмъ вышли оттуда студенты. Профессоръ не преминулъ добавить, что онъ засталъ *студентокъ, разговаривающими со студентками*, что слушательницамъ строго запрещалось.

Вынужденная такою жалобой, г-жа Ермолова 22-го января 1873 года обратилась къ курсу съ слѣдующимъ выговоромъ: «Такое поведеніе нѣкоторыхъ слушательницъ — сказала она — *можетъ дурно повліять на всѣ курсы*, чего бы я никакъ не желала. Во избѣжаніе этого, если подобный фактъ еще разъ повто-

рится—я принуждена буду донести президенту, назвавъ *этихъ* *источковъ* по имени, потому что, къ счастью, ихъ у насъ мало, и онѣ всё на счету»...

Такъ пугала г-жа Ермолова слушательницъ, чтобы прекратить подобные беспорядки, которые не разъ встрѣчались на лекціяхъ этого профессора. Для студентокъ, разумѣется, достаточно было этой угрозы, послѣдствія которой—какъ имъ казалось—могли плохо отразиться на судьбѣ курсовъ вообще. А судьба курсовъ для нихъ была всего дороже; онѣ знали, что за нее на нихъ лежала отвѣтственность передъ будущимъ поколѣніемъ женщинъ.

Очень часто изъ-за казеннаго облика классной дамы, принятаго на себя почетной инспектрисой, случалось, выглядывалъ и чело-вѣкъ съ добрымъ сердцемъ и душою.

...«Мы Ермолову на равные лады эксплуатируемъ—и она ничего, съ каждой обходится любезно и предупредительно. Вчера у меня не оказалось стула, такъ она сама принесла»...

Когда студенткамъ было объявлено, что пользоваться книгами профессорской бібліотеки онѣ могутъ только въ томъ случаѣ, если поручится за нихъ какое-нибудь извѣстное академіи лицо, Марья Григорьевна постоянно брала на себя ручательство за студентокъ перваго выпуска. Когда какой-нибудь студентѣ нуженъ былъ бланкъ отъ г. Козлова на полученіе дорового лекарства, Марья Григорьевна любезно брала на себя трудъ—ѣздилъ къ президенту—и этимъ избавляла студентокъ отъ проѣзда и лишней траты на извозчика. Говорили, что съ нѣкоторыми слушательницами она «изъ любви» занималась нѣмецкимъ языкомъ, для немущихъ собирала деньги на взносъ, для больныхъ на заграничную поѣздку. Благодаря ея трудамъ и инициативѣ, на курсахъ было положено начало бібліотекъ и студентской кассѣ...

Г-жа Ермолова относилась къ своей обязанности, какъ идеалистъ. Она служила дѣлу курсовъ ради идеи. Ни почести, ни деньги не привлекали ее. Слѣдующій любопытный разговоръ ея съ студенткой прекрасно характеризуетъ этотъ симпатичный и идеальный взглядъ г-жи Ермоловой.

Дѣло шло о практическихъ занятіяхъ одного изъ профессоръ II-го курса. Профессоръ хотѣлъ назначить практическія занятія въ воскресенье—единственный свободный день. Студентки выразили протестъ. Г-жа Ермолова (надо замѣтить, что со II-го курса она дала студенткамъ значительно больше самостоятельности) предоставила имъ самимъ переговорить съ профессоромъ.

— «Мнѣ и самой неприятно потерять единственный день, который я провожу въ семьѣ»,—сказала она.

— Да зачѣмъ же вамъ-то прѣзжать?—спросила ее студентка.

— «Теперь, конечно, не для того, чтобы смотрѣть за вами: я вполне довѣряю II-му курсу; но безъ меня вамъ и микроскоповъ не выдадутъ... Кроме того, если микроскопы попортятся — мнѣ придется отвѣчать...

— Ну, ужъ не понимаю, къ чему вы берете эти излишнія хлопоты?

— «Я взяла на себя обязанность инспектрисы на 4 года и хочу исполнить ее честно. Если бы даже отъ имени курсовъ меня вздумали будить въ два часа ночи—я вставала бы. Вы видите, я, вѣдь, прѣзжаю рано. А между тѣмъ я не привыкла такъ вставать. Подниматься, въ такой ранній часъ — для меня было лишеніемъ. *Но мнѣ кажется, что мы все—если уже разъ пошли на такое дѣло, должны идти во что бы то ни стало, хотя бы до изнеможенія, до полнѣйшаго истощенія силъ!*

— Ну ужъ за это покорно благодарю. Я не согласна: я вовсе не ставлю себѣ цѣлью — только кончить, и тутъ же, не выходя изъ академіи, умереть ¹⁾. Я думаю, что по окончаніи курса мнѣ еще больше потребуется силъ и здоровья, и потому надо стараться, насколько возможно, ихъ приберегать...

При такомъ идеальномъ взглядѣ на свое служеніе и нѣкоторой общности въ ближайшихъ цѣляхъ со студентками, естественно, что г-жа Ермолова, несмотря на нѣкоторые недостатки, сдѣлала много полезнаго для врачебныхъ курсовъ, которые она покинула недавно, одновременно съ г. Козловымъ и г. Ландцерт-томъ. Оставайся она теперь на своемъ прежнемъ постѣ, можно было бы *даже въ теперешнюю трудную минуту* быть увѣренно-спокойнымъ за судьбу врачебныхъ курсовъ.

V.

Для знакомства съ жизнью, обстановкой и матеріальными средствами нашихъ первыхъ студентокъ, остановимся на той многочисленной группѣ изъ нихъ, которая могла, въ отличіе отъ состоятельнаго меньшинства, носить названіе плебеякъ. Среди послѣднихъ не много было такихъ счастливиць, которыя бы полу-

¹⁾ По странной проиіи судьбы, эта студентка умерла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одна нога ея была уже занесена за порогъ выходной двери курсовъ.

чали ежемѣсячно изъ дому рублей 25. У большинства не было ничего, кромѣ собственной головы, рукъ и ногъ — и то почти постоянно занятыхъ въ академіи.

Такихъ, которыя обладали капиталомъ въ 5—10 тысячъ, было слишкомъ немного; но тѣмъ не менѣе онѣ давали значительный вкладъ въ общій сборъ на немущихъ слушательницъ. Какъ велико было процентное отношеніе между тѣми, другими и третьими,—рѣшить трудно, за неизмѣнимъ цифровыхъ данныхъ, которыя теперь, разумѣется, уже утратились навсегда.

Стипендій или пособій ни отъ земства, ни отъ общества въ то время на женскихъ врачебныхъ курсахъ не существовало: тогда еще студенткамъ не вѣрили, въ ихъ дѣлу относились скептически. Вся надежда была на предполагавшуюся стипендію профессора Грубера. «Если и на будущій годъ у насъ не будетъ ни одной стипендіи, писала студентка, то многія изъ насъ принуждены будутъ оставить академію. Нельзя-ли пустить подписной листъ въ Москву? Неужели Москва не ответитъ?»

Но всѣ эти частные сборы были слишкомъ ничтожны; это были микроскопическія заплатки на большихъ прорѣхахъ,—не больше. Требовалась большая помощь, большая общественная благотворительность. Къ ней-то и должны были обратиться студентки. Тогда еще не существовало «Общества вспоможенія», играющаго теперь роль посредницы между публикой и студентками. Благодаря инициативѣ двухъ студентовъ, въ мартѣ 1873 года, былъ устроенъ концертъ въ пользу врачебныхъ курсовъ. На этомъ *первомъ* студентскомъ концертѣ участвовали русскіе пѣвцы, музыканты консерваторіи. Репертуаръ пѣсенъ былъ довольно оригинальный. Въ каждой пѣснѣ говорилось о женщинѣ, о женскомъ вопросѣ и даже—о женщинахъ-медикахъ. Концертъ носилъ нѣсколько семейный характеръ. Распорядителями были студенты и студентки. Сборъ съ концерта за вычетомъ расходовъ былъ отданъ на взносы за немущихъ слушательницъ, которымъ иначе грозило исключеніе: академія никого не избавляла отъ взноса платы. Но, благодаря заботамъ г-жи Ермоловой и другихъ петербургскихъ дамъ-благотворительницъ, ни одна изъ студентокъ не была исключена.

Большинство студентовъ жили на Выборгской сторонѣ. Въ годъ открытія курсовъ, когда наплывъ слушательницъ на эту сторону былъ сравнительно небольшой, здѣсь можно было нанять комнату рублей за 8 въ мѣсяцъ, «чистенькую, довольно свѣтлую и настолько просторную, что двое могли помѣститься, не толкая другъ друга»... «Меблировка богатая—иронизируетъ одна изъ студентокъ, описывая свое новое помѣщеніе:—кровать, стулъ,

столь; но послѣдній такъ малъ, что нѣкоторыя вещи скромно валяются на полу, не имѣя другого пристанища. По вечерамъ бѣгаютъ тараканы... Вотъ уже третья квартира съ тараканами... На дворѣ въ этомъ же домѣ есть кухмистерская: 25 копѣекъ обѣдъ, котораго я съѣдаю только половину, *оставшая друую на другой день* (1). Намъ двоимъ будетъ такого обѣда совершенно достаточно. Жаль, что молоко дорого: 10 копѣекъ за вружку, равняющуюся московскому кувшину, и то не болѣе хорошее...»

Приведенное мѣсто достаточно изображаетъ тѣ жалкія матеріальныя средства, какими располагало большинство студентокъ. Приходилось недоѣдать, недопивать, иногда съ утра до вечера просидѣть въ академіи съ пустымъ желудкомъ и, вернувшись домой, замѣнить обѣдъ чаемъ съ сыромъ или яйцами. Такъ жило большинство. И несмотря на эти печальныя условія, которыя, можно сказать, пожирала ихъ физическія силы, студентки были всегда бодры, дѣятельны, оживлены и относились къ матеріальнымъ невгодамъ съ той веселой ироніей, которая возможна или въ лѣта юности, когда мало дается цѣны матеріальнымъ удобствамъ, или же когда духовная жизнь поглощаетъ человѣка съ такою силой, что онъ какъ бы наперекорь законамъ физиологіи—весь день не ѣлъ и не чувствуетъ голода.

Вотъ, тотъ ироническій тонъ, съ какимъ студентки говорили постоянно, касаясь неприглядной обстановки и печальныхъ матеріальныхъ условій своей жизни:

...«Мы вернули назадъ хозяйкѣ ея прекрасную перину, а то она представляла нѣчто въ родѣ гнѣзда изъ блохъ: вечеромъ одолаживаютъ пруссаки, а ночью—скорпионы-блохи, пожалуй, въ Рождеству обратятъ насъ въ мощи».

А какъ имъ плохо приходилось насчетъ обѣдовъ! Тогда студентки не дошли еще до мысли объ удобствахъ жизни сообща, какъ живутъ въ настоящее время ихъ преемницы: отчего современная намъ студентка въ большинствѣ случаевъ уже не чувствуетъ того душевнаго одиночества, сиротства и жизненныхъ неудобствъ, которыя приходилось вынести одинокимъ пионеркамъ, захватившимъ въ Петербургъ издалека? Тогда не существовало и того благодѣтельнаго учрежденія при врачебныхъ курсахъ — дешевой кухмистерской, которая устроена въ настоящее время, благодаря кружку петербургскихъ дамъ-благотворительницъ.

Вотъ какъ стоялъ тогда кухмистерскій вопросъ:

«Изъ кухмистерской, которая находится у насъ на дворѣ,

мы уже больше не беремъ обѣдовъ — писала студентка черезъ 15 дней по открытїи курсовъ — потому что послѣднее время кормили тавой дрянью, что не только у меня, а даже у моей сожительницы, способной переваривать чуть не подошвы, испортился желудокъ. Вслѣдствіе этого я хожу теперь въ кухмистерскую великой княгини Елены Павловны, — она помѣщается рядомъ съ академіей, и мы проходимъ туда прямо съ лекцій. Несмотря на громадное число студентовъ, въ кухмистерской все обстоитъ очень чинно, — да и кормятъ здѣсь сносно!»...

Но каждая кухмистерская обманчиво кажется сносной на одинъ-два дня, не больше. Такъ было и въ этотъ разъ.

«Въ кухмистерской Елены Павловны, — писала та же студентка черезъ нѣсколько дней, — я уже не обѣдаю: тамъ начали кормить тоже плохо... Теперь хожу къ нѣкоему Тарасу, плачу пятачкомъ дороже: онъ кормитъ недожареной говядиной»...

Упомянутая въ этихъ письмахъ кухмистерская была нарочно открыта для студентовъ и для студентокъ. Ею завѣдывали дамы высшаго круга, что, впрочемъ, нисколько не гарантировало отъ плохой ѣды. Помнится, въ 1873 году, бывши въ Петербургѣ, пришлось вмѣстѣ со студентками зайти въ эту кухмистерскую, отчасти съ специальною цѣлью — лично убѣдиться, насколько на самомъ дѣлѣ плохо кормили въ этой кухмистерской.

Только-что мы открыли дверь, насъ обдало характернымъ, для самыхъ плохихъ кухмистерскихъ, запахомъ прѣлыхъ щей. Одна изъ студентокъ, рядомъ съ которой я сѣла за столъ, убѣждала меня — не спрашивать обѣда, а лучше, вмѣсто щей и жаренаго, послѣдовать ея примѣру — взять стакашъ молока.

... «Все равно, вѣдь, только деньги напрасно бросите — не будете ѣсть», продолжала она наставлять.

У бокового столика, недалеко отъ насъ, сидѣло нѣсколько студентовъ-медииковъ. Они о чемъ-то разговаривали съ большимъ жаромъ и очень усердно истребляли и щи, и жареную говядину, которую такъ варила моя собесѣдница.

— Вы просто, должно быть, привередничаете, — сказала я ей, указывая глазами на студентовъ.

— Да! Я на нихъ вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ смотрю, — говорила, иронически улыбаясь, студентка. — Я завидую имъ! Вѣдь, вотъ зналъ Господь, какой имъ желудокъ дать, зналъ, что имъ придется по кухмистерскимъ пляться и чуть не мужицкіе сапоги переваривать!.. Смотрите, смотрите! дергала она меня за рукавъ: вѣдь, все! все съѣлъ! — говорила она, захлебываясь отъ

смѣху. Вотъ и завтра прадеть, и опять будетъ ѣсть—все съѣсть, что ни подадутъ,—съ шутиливой досадою прибавила она.

Въ это время мнѣ подали до краевъ полную миску щей. Знакомый запахъ кухмистерской наполнилъ воздухъ. Моя собесѣдница не выдержала, съ омерзѣніемъ отвернулась.

Я зачерпнула ложку—ни тѣни капусты, вмѣсто нея какія-то нитки, должно быть, бывшія жилки, бывшаго гѣбогда канустнаго листа...

— Вы, кажется, рассчитываете отыскать капусту?—сказала моя собесѣдница, въ полуоборотъ поглядывая на меня и хитро улыбаясь:—болѣе ясныхъ слѣдовъ не найдете,—успокойтесь.

И дѣйствительно, ни капусты, ни того, что называютъ щами, въ поданной мискѣ не было; вмѣсто щей, была только мутная жидкость съ невозможнымъ запахомъ и вкусомъ.

Я попросила подать жареное.

Подали почти верхомъ полную тарелку. Но что это было! Не ѣсть, а просто глядѣть было невозможно, что въ этой кухмистерской носило названіе мясного блюда!.. То была не говядина, нѣтъ, а... губка... простая, размокшая губка!

Но Богъ съ ней съ этой кухмистерской хотя, правда, не одной студенткѣ испортила она желудокъ, наградивши на всю жизнь катарромъ... Оставимъ ее! Посмотримъ лучше, какою жизнь вели студентки въ первый годъ поступленія на курсы, какъ проходили у нихъ день вообще.

У большинства завѣжныхъ студентовъ одинъ день мало разнился отъ другого.

«Встаю не раньше 8-ми, писала студентка, не позже 9-ти, даже и по праздникамъ. Утромъ пью кофе и къ 9-ти часамъ бываю въ академіи. Только-что кончается первая лекція, мы всѣ съ шумомъ, гамомъ бѣжимъ въ швейцарскую; каждая спѣшитъ натянуть шубенку и бѣжать въ другое зданіе, чтобы занять мѣсто на первой лавкѣ. Часа въ 3, а иногда въ 4, лекціи кончаются, и всѣ мы двигаемся въ кухмистерскую, гдѣ обѣдаемъ и пересыпаемъ изъ пустого въ порожнее. Обычной тѣмой нашихъ разговоровъ служатъ лекціи, профессора и новости данной минуты. Иногда во время такихъ бесѣдъ мы увлекаемся, шумимъ, возвышаемъ голоса; но кто-нибудь поблагоразумнѣе замѣтитъ—и всѣ утихаемъ, и расходимся по домамъ. Вернувшись домой, сумерничаемъ, т.-е. ходимъ по комнатамъ и воспѣваемъ «трамъ-трамъ». Часовъ въ пять принимаемся за работу, которая большею частью состоитъ въ составленіи лекцій и въ подчитываніи къ нимъ разныхъ книжекъ. Чаепитіе совершается часовъ въ 7—8... Послѣ

маленькаго отдыха за чаемъ опять начинается та же работа. Ложимся не ранѣе 12, а иногда и въ часъ»...

Такъ однообразно и скучно тянулась въ первое время жизнь нашихъ студентовъ. Отъ этого однообразія подчасъ становилось жутко имъ самимъ и онѣ всѣми силами старались внести въ жизнь что-нибудь освѣжающее.

«Жизнь моя чересчуръ сжалась и втиснулась въ узенькую, слишкомъ опредѣленную рамку; все стоящее за ея предѣлами не доходить до меня. И если я знаю нѣсколько, что дѣлается на свѣтѣ, то только изъ писемъ. Здѣсь же, въ своей комнатѣ и въ стѣнахъ академіи, я верчусь исключительно въ обществѣ клѣточекъ. Выйду на улицу въ надеждѣ хоть тамъ услышать или увидеть что-нибудь иное — нѣтъ, и на улицѣ все то же, все тѣ же клѣточки. Вся Выборгская наполнена студентами-медиками. Въ кухмистерской—опять тѣ же студенты, опять тѣ же разговоры о медицинѣ, о лекціяхъ, о профессорахъ... Иногда просто одурь беретъ отъ такого положенія, а подчасъ охватываетъ какой-то для меня самой мало понятный страхъ»...

Но чтобы въ эту однообразную жизнь съ ея однообразными интересами вносить какой-нибудь отдыхъ, хотя бы въ видѣ посѣщенія театра, для этого требовались деньги, а несчастныхъ 25-ти руб. въ мѣсяцъ едва-едва хватало на насущныя нужды. Впрочемъ, не малымъ препятствіемъ являлось и то обстоятельство, что театры отъ Выборгской стороны находятся весьма далеко, а у студентовъ въ то время не было еще знакомыхъ, съ которыми онѣ могли бы предпринимать это путешествіе на собственныхъ ногахъ.

Со временемъ, конечно, завелись и знакомые студенты. Знакомство заводилось очень просто. Случалось, что у одной сьемщицы занимали комнаты и студенты, и студентки. Дней черезъ пять по переселеніи на квартиру, студентъ или самъ при встрѣчѣ, или черезъ хозяйку, предлагалъ свои услуги брать билеты въ театръ и даже—если требуется—проводить туда самолично.

Если же студентъ заходилъ къ своимъ сосѣдкамъ, то для этого почти всегда вымышлялся какой-нибудь дѣловой предлогъ. «Придетъ не надолго, принесетъ книжку, выкурить папироску и уйдетъ... Иногда, случалось, заводились пренія, хоть бы на тему: «правда ли, что—*vouloir c'est pouvoir?*»..

Бывало также, что студентъ заносилъ какой-нибудь новый журналъ, — и это доставляло студенткамъ большое развлеченіе, въ особенности послѣ постоянныхъ рѣчей о клѣточкахъ. Теперь, когда курсы перенесены съ Выборгской стороны въ городъ, интересы студентовъ легко могутъ разнообразиться даже и при

студныхъ матеріальныхъ средствахъ: удобно ходить и въ публичную бібліотеку, и въ эрмитажъ, возможно хотъ ирѣдка сходитъ въ театръ, неостывши окончательно ногъ, за 10 копѣекъ просмотрѣть новыя журналы и газеты и т. д. Первые студентки всего этого были лишены. Журналы попадали къ нимъ въ руки весьма рѣдко.

Если же впоследствии онѣ рѣшались доставить себѣ экстраординарное удовольствіе — отправиться въ театръ, то обыкновенно брали ложу «сладчиной», куда каждая могла пригласить своего знакомаго или знакомую, даже и не-студентку. Это тоже былъ одинъ изъ распространенныхъ способовъ знакомства, практиковавшійся и въ послѣднее время, только въ несравненно большихъ размѣрахъ. Въ такъ-называемыя «студенческія» ложи Маринскаго театра собиралось человѣкъ по десяти и болѣе студентовъ и студентокъ.

Этотъ сладчинный способъ дозволялъ, несмотря на студныя средства, пользоваться театромъ не только во время обычныхъ представлений, но даже и слушать прїѣзжавшихъ въ Петербургъ знаменитостей. Такимъ способомъ студентки слушали Лавровскую, Патти, Нильсонъ...

Изъ всего, что здѣсь говорилось о студентахъ, видно, какъ товарищески относились они къ своимъ новымъ colleg'амъ. Такъ было не только въ началѣ при открытіи курсовъ, а постоянно вплоть до перенесенія ихъ въ Николаевскій госпиталь. Студентки всегда съ особенной любовью говорили о студентахъ, которые оказались въ полномъ смыслѣ товарищами, а не врагами, какими они выступили въ западныхъ университетахъ по отношенію къ женщинамъ, напримѣръ, въ Парижѣ, Монпелье.

Эти отношенія студентовъ и студентокъ, — несмотря на свою простоту, исключали ту пошлую интимность, а тѣмъ паче ту грязь, о которой не переставали кричать люди, всегда и вездѣ подозрѣвающіе дурное. Имъ, этимъ людямъ, обыкновенно не подъ силу понять простаго, честнаго, дружескаго отношенія, которыя существовали и продолжаютъ существовать между студентами и студентками.

Сколько грязи бросалось, сколько распускалось сплетенъ и всякой другой прочей мерзости про этихъ честныхъ труженицъ! Сплетни вели свое начало изъ того общества, гдѣ совѣстились, если вдругъ въ ихъ средѣ какая-нибудь изъ молодыхъ дѣвушекъ отказывалась идти по дорогѣ вѣками проложенной пошлости и, въ величайшему ужасу всѣхъ фешенебельныхъ тетушекъ и дя-

дюшекъ, вдругъ оказывалась на студенческой скамьѣ! Оттуда, изъ парадныхъ вонзатъ, сплетни сбѣгали по задней лѣстницѣ въ нижніе этажи, подвалы, обитатели которыхъ, по откровенности, не стѣсняясь условными приличіями, встрѣчаясь на улицѣ со студентками, отпускали какія-нибудь отборныя «словца». Помнится, разъ ѣхали студентки въ общественныхъ саняхъ съ Выборгской стороны къ гостиному двору. Только что сани сдѣлали нѣсколько шаговъ отъ своей стоянки, какъ толпа мастеровыхъ, шедшая навстрѣчу, остановилась посреди дороги и начала на всю улицу кричать: «Вишь, выборгскія царицы ѣдутъ! давайте дорогу! Царицы! царицы!»—продолжали они выкрикивать съ хохотомъ, поощряемые прохожими...

За первыми студентками вездѣ и всюду слѣдовало общественное недоверіе. Случалось, что званіе «студентки» являлось для нея препятствіемъ получить уроки на лѣто, даже въ той семьѣ, гдѣ она занималась преподаваніемъ до поступленія на курсы и гдѣ считалась далеко не изъ плохихъ учительницъ.

Нерѣдко студентка встрѣчала недружелюбное отношеніе не только со стороны зараженнаго разными предрассудками общества, но и со стороны родной семьи... Переносить послѣднее было, разумѣется, еще тяжелѣе...

Многое приходилось ей выносить въ первое время, зорко приходилось слѣдить за собой, за каждымъ своимъ шагомъ. Она хорошо знала, что враждебно настроенное къ ней общество не проститъ ей ни малѣйшей оплошности, неловкости или даже какой-нибудь странности въ ея поведеніи...

VI.

Но несмотря на всю враждебность со стороны общества, студентки, поддерживаемыя въ своихъ стремленіяхъ ближайшимъ начальствомъ, профессорами, гр. Милютинимъ, а главное—благосклоннымъ отношеніемъ къ нимъ самого покойнаго государя, добились исполненія своихъ ближайшихъ цѣлей. Черезъ четыре года—въ 1876 году—курсы были превращены изъ «временныхъ» въ *постоянные*, изъ четырехгодичныхъ—въ пятигодичные, перенесены въ военно-сухопутный Николаевскій госпиталь и переименованы изъ акушерскихъ во врачебные.

Какъ разъ въ тотъ годъ, когда студентки должны были держать выпускной экзамень, началась турецкая война за независимость славянъ. Студентки заявили желаніе ѣхать на войну.

Благодаря хлопотамъ М. Г. Ермоловой и Н. И. Козлову, Красный крестъ и военное министерство приняли 25 студентокъ въ свои госпитали, находящіеся на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, и имъ, не имѣвшимъ еще диплома врача, отвели мѣста ординаторовъ и поручили самостоятельную медицинскую практику.

Женщины блистательно оправдали оказанное довѣріе. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ много говорили и писали тогда объ ихъ дѣятельности на войнѣ ¹⁾. Потому говорить объ этомъ теперь вскользь, значило бы повторять всѣмъ давно хорошо извѣстные факты. Мы укажемъ только на одинъ изъ результатовъ этой поѣздки: многіе изъ врачей, прежде сомнѣвавшихся въ медицинской способности женщинъ, признали теперь въ нихъ своихъ товарищей по дѣлу, и покойный государь удостоилъ ихъ благодарности.

Женщина-врачъ безъ юридическихъ правъ, даже до выпускного экзамена, была признана врачомъ *de facto*, признана единственно въ силу самой *правды*! На первое время, для дальнѣйшаго *прочнаго* хода дѣла, такое признание было важнѣйшей самой юридической санкціи.

Борьба съ нищетой и разными невзгодами, которыя выпали на долю первыхъ студентокъ, разумѣется, обошлась имъ не легко. Чтобы вынести на своихъ плечахъ и непривычный усидчивый трудъ, и плохія матеріальныя условія, и враждебное отношеніе общества и т. д., для этого необходимо было обладать слишкомъ большими, далеко незаурядными физическими и нравственными силами. И эта борьба обошлась имъ не дешево: изъ 89 пионерокъ ²⁾ умерло *двенадцать*. Замѣчательно, что самый большій процентъ смерти приходился отъ грудной болѣзни. По имѣющимся точнымъ даннымъ изъ 12 умершихъ женщинъ *семь* умерло *отъ чахотки*! Съ этою болѣзью, и безъ того подтачивающей физическія силы, оказалось трудно, почти невозможно выносить тяжелую жизнь студентки — съ плохимъ обѣдомъ, плохой квартирой и массой труда... Потому нѣкоторые не въ силахъ были вынести даже одного года: студентки умирали отъ чахотки съ перваго курса, умирали на III-мъ, на V-мъ ³⁾. Изъ

1) См. „Русскія женщины въ войну 1877—1878 г.“ Составилъ П. А. Ильинскій.

2) Считаю здѣсь и трехъ поступившихъ прямо на II кл.

3) На I-мъ курсѣ умерли: *Дубенская*, Елизавета Николаевна.

Кузнецова, Анастасія Алексѣевна.

Тимофеева, Екатерина Ильинишна.

На III-мъ курсѣ умерли: *Голынская*, Софья Михайловна.

Румбаумъ, Елизавета Христофоровна.

На V-мъ курсѣ умерли: *Крашевская*, Елизавета Александровна, и

Молтакова, Софья Романовна.

пяти умершихъ на I-мъ курсѣ только двѣ умерли не отъ чахотки: Ольга Ивановна *Шмакова* — отъ оспы въ Новгородской губерніи, куда она поѣхала на святи въ роднымъ и откуда не возвращалась, и Софья Гавриловна *Воробьева* — неизвѣстно отъ какой болѣзни.

По окончаніи пятилѣтняго курса, *передъ самыми выпускными экзаменами*, когда уже ближайшая цѣль была достигнута, умерли четыре студентки. Одна изъ нихъ самая юная, Софья Романовна *Молтакова*, которой собственными силами приходилось выбиваться изъ грязи и нищеты (дочь рядового), умерла отъ чахотки во время выпускныхъ экзаменовъ. *Некрасова* умерла на войнѣ въ Сисловѣ, заразившись тифомъ въ палатѣ тифозныхъ больныхъ, гдѣ она состояла ординаторомъ. Другія двѣ повончили самоубійствомъ: Павла Африкановна *Быстроумова* повѣсилась, бывши на войнѣ, и Александра Алексѣевна *Иванова* приняла синильной кислоты, отправившись по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ.

Какой ужасной душевной драмой отзывается отъ этихъ двухъ смертей! Обѣ студентки вынесли пять лѣтъ борьбы, труда, лишеній и... недождавшись дня выпуска, покончили!.. Быть у цѣли, достигнутой такими упорными усиліями, вступать въ жизнь... и прежде чѣмъ переступить порогъ, отвернуться отъ самой жизни!.. Ужасно! Читая о смерти Быстроумовой, покончившей съ собой на войнѣ, невольно представляешь себѣ тяжелыя картины: «Все новыя битвы, новыя смерти и страданія... Рана горитъ, лихорадкой трясеть... Сколько муки и тоски здѣсь!.. (людей) посылають впередъ, ворочають назадъ и кладутъ на поляхъ грудями мертвыхъ и еще стонущихъ, и копошащихся окровавленныхъ тѣлъ...» ¹⁾ Не выдержала, бѣдная — и покончила!..

Оставшіяся въ живыхъ были у цѣли. Зимой 1877 года были назначены выпускные экзамены. По случаю войны они производились и въ слѣдующіе года. Всѣхъ покончившихъ курсъ и выдержавшихъ экзаменъ студентокъ считается *шестьдесятъ*:

27	выдержало экзаменъ зимой	1877 года.
29	весной	1878 >
8	держали въ	1879 году и
1	выдержала въ	1880

Любопытно посмотрѣть, куда разбрелись эти первыя женщины-врачи, что стало съ ними, что дѣлають онѣ?

¹⁾ Соч. Гаршина.

Не имѣя юридическихъ правъ врача, наши студентки тотчасъ по выдержаніи выпускныхъ экзаменовъ были приняты ординаторами въ больницы не только военнаго вѣдомства, которое, въ лицѣ графа Милютина, особенно сочувственно относилось къ женскому медицинскому образованію, но даже и въ больницы, состоящія въ вѣдомствѣ другихъ министерствъ. Таки ихъ приняли ординаторами въ Петербургѣ: Надеждинская, Маринская родовспомогательная, Николаевскій госпиталь, Рождественская, Елизаветинская и др.; въ Москвѣ—родовспомогательное заведеніе при воспитательномъ домѣ; въ Саратовѣ—Городская больница; въ Казани—университетская клиника; въ Кіевѣ—университетская клиника; въ Витебскѣ—Городская больница и т. д.

Въ одномъ Петербургѣ состоятъ ординаторами *семнадцать* студентокъ. Въ Москвѣ работаетъ при Воспитательномъ домѣ въ качествѣ ординатора—г-жа *Старкова-Венямина*. Многія изъ врачей этого выпуска занимаются частной практикой въ разныхъ городахъ Россіи. Нѣкоторые успѣли при этомъ настолько заявить свои знанія и внушить такое довѣріе къ своей медицинской опытности, что пользуются полнымъ уваженіемъ и большой популярностью среди мѣстныхъ жителей. Даже въ такихъ многолюдныхъ городахъ, какъ Петербургъ, обильныхъ всякими медицинскими знаменитостями,—и тутъ не затерялись врачи-піонерки. Г-жа *Шабанова*, напримѣръ, приобрѣла въ Петербургѣ репутацію хорошаго дѣтскаго врача и имѣетъ довольно обширную практику. Такой же хорошей репутаціей пользуются г-жи: *Петрова*, *Павловская*, *Заволжская*.

Недавно нѣкоторые изъ студентокъ приглашены въ качествѣ врачей на Бестужевскіе курсы. Г-жа *Тарновская* и *Маларевская* взяли на себя эту должность изъ любви къ дѣлу. Другія приглашены петербургской думой врачами въ городскія народныя училища.

Г-жа *Болъбатъ*, извѣстная со времени сербской и болгарской войны, какъ хирургъ, весьма успѣшно практиковала въ Екатеринбургѣ и даже Сибири.

Г-жа *Бестужева*, обратившая на себя вниманіе работами на войнѣ, стала извѣстна своимъ замѣчательно честнымъ отношеніемъ къ дѣлу во время ветлянской чумы, куда она ѣздила въ качествѣ врача, и гдѣ ее «встрѣчало и провожало благословеніе жителей».

Въ послѣднее время имена врачей-женщинъ стали встрѣчаться и въ медицинской литературѣ. Г-жа *Буховцева* недавно издала книжку: «Совѣты матерямъ»; г-жа *Бестужева* помѣ-

щала въ медицинскихъ журналахъ свои изслѣдованія; г-жа *Старкова-Венямина* дѣлала сообщенія въ «московскомъ медицинскомъ обществѣ»; г-жа *Шабанова* перевела со шведскаго языка книжку: «Шведская гимнастика для дѣтей» и т. д.

Нашлись между студентами и неудовлетворенныя медицинскимъ образованіемъ, оставшіяся при жаждѣ знаній и по окончаніи курса. Такова г-жа *Вашкевичъ*. Она поступила слушательницей на филологическое отдѣленіе Бестужевскихъ курсовъ.

Самый же большой контингентъ врачей-женщинъ ушелъ въ земскіе врачи. Это—та святая работа, тотъ дальнѣйшій трудъ, на который женщины берегли свои силы на курсахъ и, который ставили себѣ дальнѣйшей цѣлью по выходѣ изъ академіи. Пригодность женщины на мѣстѣ земскаго врача скоро оцѣнило само земство. Оно сочувственно протянуло ей руку, какъ только она успѣла покончить съ выпускными экзаменами.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ новгородскому земству: оно первое въ 1878 году пригласило къ себѣ на службу женщинъ и отвело имъ мѣста врачей въ семи уѣздахъ своей губерніи. Его примѣру послѣдовали и другія земства.

Но женщинъ-врачей не переставали преслѣдовать неприятели и разныя препятствія. Ихъ ожидалъ новый искусь. У нихъ не было юридическихъ правъ—и ихъ легко могли по первому произволу лишить мѣста, несмотря на знанія, полезность, увѣренность въ которыя оставалась за ними съ поѣздки на войну.

И дѣйствительно, 18 августа 1878 года циркуляръ губернскаго новгородскаго правленія «оповѣстилъ всѣ уѣздныя управы этой губерніи, что медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ права лицъ, окончившихъ женскіе врачебные курсы при Николаевскомъ госпиталѣ, журналомъ отъ 31 мая, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не счелъ себя въ правѣ разрѣшить этимъ лицамъ заниматься врачебной практикой».

Никакіе доводы, представленные новгородскимъ земствомъ въ пользу женщинъ, не были приняты во вниманіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ отказало женщинамъ въ тѣхъ правахъ, какія признавало за ними военное и другія министерства.

Женщинамъ оставалось покоряться неизбежной участи—уйти изъ деревень, оставить народъ безъ врачебной помощи, такъ какъ въ то время было весьма затруднительно по случаю войны найти на опустѣвшія мѣста врачей-мужчинъ. Народъ, провожая своихъ изгнанныхъ служительницъ, сожалѣлъ... плакалъ о нихъ. Но жители череповецкаго уѣзда новгородской губерніи такъ

энергично вступились за своего земскаго врача—Ольгу Аржадьевну *Машковцеву*, что, несмотря на всѣ циркуляры, она была оставлена на прежнемъ мѣстѣ. Г-жа *Машковцева* до настоящаго времени занимаетъ эту должность и пользуется исключительнымъ уваженіемъ всего земства и особой любовью своихъ пациентовъ «въ лаптяхъ и сермягѣ». Эта врачъ-женщина, безспорно представляетъ изъ себя одну изъ тѣхъ сильныхъ, крѣпкихъ, мало самолюбивыхъ натуръ, которыя трудятся надъ дорогимъ дѣломъ «безъ шума» и только въ немъ находятъ свой отдыхъ и награду...

Со времени 30 іюля 1880 г.—день, когда покойный государь далъ женщинѣ право *самостоятельной врачебной практики* и пожаловалъ ей для ношенія на груди особый значокъ,—женщины-врачи снова появились на земской службѣ, даже въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи и, подобно г-жѣ Машковцевой, заслужили среди своихъ сермяжныхъ пациентовъ названіе «милосердныхъ», посланныхъ самимъ государемъ. Такъ прозывали въ земствѣ курской губерніи Вѣру Петровну *Матѣеву*, которая до поступленія врачомъ въ земскую больницу много работала на войнѣ.

Въ настоящее время,—по имѣющемуся у насъ подъ руками офиціальному списку—на должности земскаго врача состоятъ *двадцать-четыре* женщины. Если припомнимъ, что кончившихъ курсъ студентовъ было 60 человекъ, то число *ушедшихъ на служеніе страждущимъ женщинамъ-врачей составитъ процентъ громадный!*

Е. НЕКРАСОВА.

Москва, 1 ноября 1882.

НАШЕ ДУХОВНОЕ ВѢДОМСТВО

въ 1880 г.

Нынѣшнимъ лѣтомъ появилось въ печати, особымъ изданіемъ, „Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора святѣйшаго синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1880 годъ“. Еще далеко не всѣ наши вѣдомства признаютъ полезность печатанія своихъ годовыхъ отчетовъ для всеобщаго свѣдѣнія,—и этотъ отдѣльный примѣръ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи подражанія.

У насъ духовное вѣдомство православнаго исповѣданія представляется необыкновенно обширнымъ и разнообразнымъ; его нельзя назвать строго-спеціальнымъ, такъ какъ оно не ограничивается религиозно-церковною сферою въ точномъ смыслѣ этого слова, а обнимаетъ собою разнообразныя стороны самой общественной жизни. Такъ, духовное вѣдомство въ Россіи прежде всего является въ формѣ особаго административнаго управленія, соотвѣтственнаго нашимъ министерствамъ, съ многочисленнымъ классомъ чиновниковъ гражданской административной службы, независимо отъ класса духовенства, съ разнообразными чинами собственно церковной іерархіи. По объѣму вѣдѣнія и власти, вѣдомство православнаго исповѣданія также весьма сложно и многообразно; оно вѣдаетъ многочисленный классъ духовенства и монашествующаго сословія; имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя учебныя заведенія, мужскія и женскія, разнообразныхъ типовъ; затѣмъ, вѣдомство это управляетъ разнообразными спеціально-церковными дѣлами, въ которыхъ не предоставлено почти никакого участія самимъ мѣстнымъ обществамъ, принадлежащимъ къ той или другой приходской церкви. Наша церковная юрисдикція также весьма обширна; духовенство у насъ исполняетъ, сверхъ

церковныхъ обязанностей, и нѣкоторыя гражданскія обязанности, какъ, напр., по веденію гражданскихъ метрикъ, въ которыя вносятся росписи событій рожденія, брака, смерти. Съ этой стороны, духовное вѣдомство является у насъ управленіемъ, полномочнымъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, насколько эти послѣднія связаны съ метрическими документами вообще. Такъ, напр., сфера брачнаго законодательства и разнообразныхъ вопросовъ, отсюда возникающихъ, подчинена у насъ всецѣло юрисдикціи церковной, духовной,—но не гражданской. Наконецъ, духовное вѣдомство является у насъ особою крупною единицею съ точки зрѣнія финансовой, экономической. Независимо отъ того, что вѣдомство это пользуется ежегодною сметою на счетъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ слишкомъ 10 милліоновъ рублей, оно имѣетъ въ своемъ исключительномъ распоряженіи особыя специально-церковныя капиталы разныхъ наименованій, простирающіеся на сумму свыше 30 милліоновъ. Кромѣ того, вѣдомство православнаго исповѣданія имѣетъ въ своемъ управленіи и тѣ денежныя суммы, какія принадлежатъ церквамъ имперіи, и какія поступаютъ въ эти послѣднія, въ видѣ доходныхъ статей. Въ предѣлахъ имперіи ежегодно поступаетъ въ церкви пожертвованій разнаго рода на сумму до 11 милліоновъ р.—приблизительно.

Разсматриваемый нами отчетъ по духовному вѣдомству излагаетъ обычныя явленія изъ церковной жизни за данный годъ, съ нѣкоторыми статистическими данными относительно различныхъ церковныхъ учреждений. Изъ сопоставленія же данныхъ отчета съ прошлогодними отчетами по духовному вѣдомству можно вывести нѣкоторыя заключенія и соображенія относительно нынѣшняго положенія церковныхъ дѣлъ въ имперіи. Такъ мы и сдѣлаемъ, не стѣсняясь данными отчета за 1880 годъ, которыя сами по себѣ не даютъ еще яснаго представленія о дѣлахъ церкви, если не сопоставлять этихъ данныхъ съ отчетами прежнихъ годовъ.

Въ отчетахъ по духовному вѣдомству отводится обыкновенно первое мѣсто свѣдѣніямъ объ успѣхахъ православной церкви по обращенію къ ней иновѣрцевъ. Благодаря ежегоднымъ формальнымъ присоединеніямъ иновѣрцевъ къ православію, число принадлежащихъ къ нему годъ отъ году увеличивается; въ отчетѣ за 1880 годъ показано всѣхъ жителей православнаго исповѣданія, обоюго пола, 61.796,000; присоединившихся къ православію изъ другихъ религій и вѣроисповѣданій было 10,571. Духовное вѣдомство имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя духовныя миссіи не только въ предѣлахъ Россіи, на ея окраинахъ, какъ, напр., въ предѣлахъ Сибири, среди тамошнихъ инородцевъ, но и за предѣлами Россіи, напр., въ Иерусалимѣ, Японіи, Китаѣ. Повидимому, у насъ не встрѣчается

недостатка ни въ людяхъ, ни въ матеріальныхъ средствахъ для развитія и поддержанія духовно-миссіонерскаго дѣла, ви́шній же успѣхъ миссій выражается въ фактахъ присоединенія иновѣрцевъ къ православной церкви. По официальнымъ свѣдѣніямъ, мы имѣемъ, напр., въ Японіи до 6,000 принявшихъ православіе; это обстоятельство вызвало надобность въ назначеніи въ Японію особаго русскаго епископа, который успѣлъ рукоположить тамъ въ священнической санъ довольно много туземцевъ изъ числа принявшихъ православіе. Въ настоящее время предположено построить русскій православный храмъ въ Тоокео, въ центрѣ нашей японской миссії; затѣмъ нужно будетъ устраивать храмы и въ другихъ мѣстахъ Японіи, смотря по надобности въ нихъ со стороны принявшихъ православіе туземцевъ. Между тѣмъ, такое увлеченіе дѣломъ православной миссії въ Японіи вызвало затрату на это дѣло весьма крупныхъ денежныхъ средствъ изъ Россіи; сотни тысячъ рублей уже истрачены на дѣло нашихъ миссіонеровъ въ Японіи, основавшихъ тамъ особыя русскія учебныя заведенія съ специально-церковнымъ характеромъ. Ежегодный же бюджетъ японской миссії возросъ нынѣ свыше 60,000 рублей. Какъ ни похвальны такіе труды и усердіе нашей миссії въ Японіи, однако, является тотъ вопросъ, дѣйствительно ли есть надобность распространять русское церковное вліяніе на отдаленную Японію и на ея туземцевъ, — тѣмъ болѣе, что въ предѣлахъ самой Россіи есть масса дѣла для духовныхъ миссіонеровъ. Такъ, въ обширныхъ предѣлахъ Сибири мы имѣемъ массу полудикихъ инородческихъ населеній, не знающихъ ни христіанства, ни началъ европейской цивилизаціи. Да и въ предѣлахъ коренной, внутренней Россіи также есть обширная нива для воздѣлыванія: наши села и деревни снабжены далеко недостаточно церквями, а между тѣмъ мы строимъ церкви въ Японіи.

Какъ ни представляется успѣшною съ ви́шней стороны дѣятельность нашихъ духовныхъ миссій на отдаленныхъ окраинахъ Россіи, а тѣмъ болѣе въ странахъ чужихъ, еще болѣе отдаленныхъ отъ Россіи, но все же приходится признать эту дѣятельность совершенно безплодною по существу дѣла. Факты поспѣшнаго крещенія иновѣрцевъ въ православную вѣру сами по себѣ не говорятъ еще ничего. Уже по опыту крещенныхъ татаръ въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ извѣстно, что иновѣрцы, легко обращающіеся въ православіе, а особенно подъ приманкою разныхъ субсидій и привилегій, имъ даруемыхъ, столь же легко и отпадаютъ снова отъ православной вѣры. Иначе и быть не можетъ. Религіозная русская проповѣдь не можетъ прочно прививаться къ инородцамъ, совершенно чуждымъ, по своему міросозерцанію, началъ цивилизаціи. На полудикихъ иновѣрныхъ инородцевъ только тогда можетъ съ полнымъ успѣхомъ

дѣйствовать духовная русская миссія, когда въ тѣсной связи съ нею будетъ стоять общее дѣло просвѣщенія инородцевъ и насажденія среди нихъ гражданскихъ формъ государственнаго общежитія, при содѣйствіи въ этомъ и со стороны школьнаго научнаго образованія. Къ сожалѣнію, наши духовные миссіонеры дѣйствуютъ среди инородцевъ совершенно одиноко, безъ соучастія въ томъ другихъ факторовъ цивилизаціи. Поэтому инородцы, и по принятіи крещенія въ православную вѣру, продолжаютъ въ большинствѣ своемъ оставаться полудикарями, чуждыми духу христіанства. Отсюда слѣдуетъ, что сначала нужно ввести обитающихъ въ предѣлахъ Россіи инородцевъ въ общую русскую государственную жизнь со всѣми ея учрежденіями, дать имъ грамоту и школу; а затѣмъ инородцы, подъ неотразимымъ вліяніемъ цивилизаціи, сами будутъ искать христіанства, какъ религіи высшей сравнительно съ язычествомъ, къ которому нынѣ принадлежитъ большинство нашихъ инородцевъ. Словомъ, дѣло обращенія инородцевъ къ христіанству надо поставить какъ послѣдствіе цивилизаціи, а не какъ ея начало; духовная миссія должна дѣйствовать здѣсь лишь какъ спутникъ цивилизаціи, но не какъ одинокій ея основатель и нововводитель. Что же касается русской духовной миссіи внѣ Россіи, въ предѣлахъ другихъ государствъ, какъ, напр., въ Японіи, то, въ виду безчисленныхъ духовныхъ нуждъ самого русскаго народа, едва ли можно найти какія-либо солидныя основанія для дѣятельности нашихъ миссіонеровъ въ чужихъ странахъ. Невозможно и думать, чтобы мы могли со временемъ обратить Японію въ русскую колонію. А безъ этой цѣли, распространеніе тамъ нашего вліянія, и притомъ въ сферѣ узкоцерковной, представляется совершенно безцѣльнымъ и непрактичнымъ.

По свидѣтельству обзорѣваемаго нами отчета по духовному вѣдомству за 1880 годъ, русскій церковный расколъ, распространенный почти по всей Россіи и развѣтвившійся на многіе толки и секты, продолжаетъ упорно существовать внѣ всякаго общенія съ православной церковью. Старообрядцы разныхъ толковъ, основывающіе свою обособленность на преданіяхъ старины относительно внѣшней церковной обрядности, продолжаютъ оставаться твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ предѣлахъ Сибири, на Алтаѣ, гдѣ корпорація раскольниковъ издавна организовалась въ формѣ прочно сложившагося религіознаго общества, обнаруживается даже значительная пропаганда съ ихъ стороны. Раскольники сильно увлекаютъ въ свое ученіе алтайскихъ инородцевъ, какъ язычниковъ, такъ даже и крещенныхъ въ православную вѣру; въ этомъ отношеніи они сильно противодействуютъ организованной на Алтаѣ особой духовной миссіи со стороны православнаго духовенства. Въ числѣ условий, содѣйствующу-

щихъ въ послѣднее время поддержанію въ средѣ раскола упорства и даже распространенію раскола, отчетъ, на основаніи донесеній епархіальныхъ архіереевъ, указываетъ на нѣкоторыя современные обстоятельства. Такъ, законъ 1874 года относительно веденія метрическихъ записей рожденія, браковъ и смерти раскольниковъ,—законъ справедливый съ государственной точки зрѣнія,—ведетъ на практикѣ, будто бы, къ такимъ послѣдствіямъ, какихъ, конечно, никакъ не могло ожидать и предвидѣть правительство, а именно: расколочители и вожаки раскола стали указывать на этотъ законъ, какъ на доказательство, что *само правительство* начинаетъ сознавать правоту раскола, и что отъ правительства нужно ожидать въ скоромъ времени полного признанія раскола, наравнѣ съ господствующею церковью. Точно также и случаи, когда гражданскія и судебныя власти снисходительно относятся къ нарушеніямъ раскольниками законовъ относительно вѣры, перетолковываются, будто бы, въ томъ же самомъ смыслѣ. Подобнымъ же перетолкованіямъ подвергаются, по заявленію отчета, „часто появляющіяся въ послѣднее время въ свѣтской печати, нерѣдко легкомысленныя, разсужденія о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти въ дѣлахъ вѣры“. Вообще же, говорить отчетъ, въ виду всѣхъ имѣющихся данныхъ, относительно современнаго состоянія раскола, нельзя не придти къ убѣжденію, что лежащая на церкви миссія, относительно просвѣтительнаго воздѣйствія на расколъ, остается еще и доселѣ весьма трудною, и что невозможно ожидать въ ней быстрыхъ успѣховъ.

Приведенное выше официальное заявленіе весьма характерно. Оно показываетъ, что въ церковныхъ сферахъ у насъ относится не вполнѣ сочувственно къ принципу свободы совѣсти и государственной вѣротерпимости по отношенію ко всѣмъ существующимъ въ государствѣ религіямъ и вѣроисповѣданіямъ, и въ частности къ русскимъ раскольникамъ. Конечно, весьма похвальны заботы духовнаго вѣдомства о томъ, чтобы раскольники наши возможно скорѣе воссоединились съ православною церковью, отъ которой нѣкогда они отпали. Но вѣдь въ области религіозныхъ убѣжденій только и можетъ дѣйствовать свободная воля, управляемая подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ воззрѣній. Насиліе же и какое-либо стѣсненіе, принужденіе въ дѣлахъ вѣры чуждо истинному духу христіанства и совершенно безплодно, еслибы у насъ вздумали прибѣгать къ нему въ дѣлахъ о раскольникахъ и сектантахъ. Вотъ почему и расколъ долженъ пользоваться въ государствѣ полною свободою, наравнѣ съ другими вѣроисповѣданіями. Православное же духовенство, поставляющее для себя цѣлью воссоединить раскольниковъ съ нашею церковью, должно дѣйствовать исключительно въ сферѣ духов-

наго, моральнаго воздѣйствія на нихъ, отнюдь не прибѣгая къ какимъ-либо мѣрамъ насилія и принужденія по отношенію къ этимъ диссидентамъ. Къ сожалѣнію, наши раскольники не пользуются у насъ полною вѣротерпимостью со стороны правительства. Въ свою очередь это безправное положеніе раскола въ государствѣ болѣе и болѣе раздражаетъ, фанатизируетъ его послѣдователей. Достаточно здѣсь указать на тотъ фактъ, что большинство нашихъ раскольниковъ доселѣ принудительно удерживается въ спискахъ православнаго населенія и исповѣдуетъ расколъ лишь тайно, неофициально. При такомъ положеніи дѣла, раскольники естественно могутъ относиться къ православному духовенству лишь съ враждебнымъ чувствомъ. Только предоставленіе расколу полной свободы въ государствѣ можетъ со временемъ умиротворить фанатичныхъ нынѣ послѣдователей раскола, а затѣмъ и воссоединить ихъ съ господствующею церковью, особенно если она сама станетъ ближе къ прихожанамъ и введетъ ихъ въ интересы церковнаго хозяйства и управленія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школьное образованіе привилось и среди раскольническаго населенія, старообрядчество, какъ обоснованное на мертвой буквѣ церковной старины, уже и падаетъ само собою, подъ вліяніемъ общаго хода цивилизаціи. Вообще же, раскольники собственно старообрядческихъ толковъ не представляются опасными для нашей церкви, и сами, съ полученіемъ известной степени образованія, неизбежно должны утратить свою жизненность и слиться съ православною церковью. Нельзя сказать того же о разныхъ старыхъ и вновь появляющихся сектантахъ съ рационалистическимъ характеромъ. Официальный отчетъ за 1880 годъ ничего не говоритъ объ этихъ сектантахъ, не выдѣляя ихъ изъ общей массы русскихъ раскольниковъ. Между тѣмъ, секты съ рационалистическимъ направленіемъ усиливаются у насъ болѣе и болѣе, выдѣляя изъ себя все новыя мелкія секты и кружки. Такъ, напр., секта штундистовъ, существуя на югѣ Россіи не болѣе 10-ти лѣтъ, уже получила, повидимому, право гражданства, такъ какъ фактически развила и окрѣпла, несмотря ни на какія репрессивныя мѣры правительства по отношенію къ этимъ сектантамъ. Православному духовенству, конечно, трудно бороться съ религиозными рационалистами, отвергающими почти всѣ формы православной церковной обрядности. Тѣмъ не менѣе духовному вѣдомству слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на причины возникновенія въ нашемъ простомъ народѣ почти постоянно возобновляющагося и усиливающагося сектантства, и именно съ оттънкомъ рационалистическимъ. Нашъ народъ, вообще, религиозенъ, а между тѣмъ онъ крайне несвѣдушъ въ сферѣ религиозныхъ вопросовъ и

совершенно чуждъ какого-либо участія въ церковныхъ дѣлахъ, которыя вообще вѣдаются у насъ въ порядкѣ бюрократическаго управленія, въ всякой формѣ общественнаго самоуправленія. Въ этомъ и кроются причины того, что народъ нашъ легко увлекается въ сектантство, гдѣ религіозная община живетъ на началахъ общественнаго самоуправленія, полного жизни и дѣятельности. Въ противовѣсъ такому характеру сектантства, и православная церковь должна неизбѣжно принять у насъ формы общественнаго самоуправленія, столько свойственнаго и присущаго христіанской религіи по существу этой послѣдней. Бюрократическое же управленіе въ нашей церкви должно прекратиться, какъ не имѣющее въ себѣ элемента жизненности. Древне-соборное управленіе въ церкви должно и нынѣ выражаться въ формѣ самаго широкаго общественнаго самоуправленія въ церковныхъ дѣлахъ вообще. Только тогда и можно будетъ ожидать, что народъ нашъ станетъ жить сознательною религіозною жизнью, причемъ уже сектантство не будетъ представлять для него какой-либо приманки.

По заявленію отчета за 1880 годъ, вопросъ объ обезпеченіи нашего духовенства постояннымъ и приличнымъ содержаніемъ доселѣ представляется нерѣшеннымъ, несмотря на то, что уже болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ этотъ возбужденъ въ сферахъ официальныхъ. Правительство наше всегда сознавало, что назначеніе жалованья духовенству повсемѣстно составляетъ существенную потребность государства; однако, государственное казначейство, за множествомъ другихъ настоятельныхъ расходовъ, не могло доселѣ изыскать свободныхъ средствъ для этой цѣли. Оставалось бы, казалось, обратиться за нужными для обезпеченія духовенства денежными средствами къ мѣстнымъ церковно-приходскимъ при каждой церкви обществамъ. Съ помощью городскихъ и земскихъ обществъ, эти маленькія общины при церквахъ могли бы изыскать источники для содержанія своего духовенства. Были и попытки въ этомъ родѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Къ сожалѣнію, мѣстное населеніе у насъ не пользуется правомъ участія въ церковныхъ дѣлахъ вообще. Безъ этого же права невозможно и ожидать, чтобы мѣстныя общества приняли на себя обязанность изыскивать средства на содержаніе своего духовенства, которое у насъ не избирается обществами, а назначается, въ бюрократическомъ порядкѣ, церковнымъ начальствомъ. До какой степени односторонне и бесплодно нынѣшнее бюрократическое управленіе въ нашей церкви, видно наглядно изъ слѣдующаго факта. Въ 1869 году высшее духовное начальство измыслило радикальную реформу сокращенія приходскихъ церквей въ Россіи и сокращенія штатовъ наличнаго дух-

венства при мѣстныхъ церквахъ. Этою мѣрою предполагалось достигнуть той цѣли, чтобы улучшить матеріальный бытъ духовенства посредствомъ расширенія церковныхъ приходоѡ отъ закрытія другихъ приходоѡ, болѣе мелкихъ, при чемъ, конечно, слѣдовало бы начать съ японскихъ. Реформа эта уменьшила число приходскихъ церквей въ Россіи на 3,000, а число служащаго при церквахъ духовенства на 30,000; особенно тяжело она отразилась на тѣхъ лицахъ изъ среды духовенства, которыя съ семьями остались за штатомъ, безъ куска хлѣба. Что же оказалось впослѣдствіи? Означенная реформа не удовлетворила никого: ни прихожанъ церквей, ни самого духовенства, въ интересахъ котораго она была придумана. Сокращеніе числа приходоѡ и штатнаго духовенства встрѣчено было повсюду со стороны мѣстныхъ населеній несочувственно, а во многихъ мѣстахъ вызвало даже ропотъ, охлажденіе къ церкви и непріязненность къ духовенству. Матеріальное положеніе духовенства также не улучшилось отъ введенія новой реформы. И вотъ, въ послѣдніе годы высшее духовное начальство начало уже отмигать созданные реформою 1869 года новые штаты церквей и духовенства при нихъ. Нынѣ вновь восстанавливаются самостоятельныя церковныя приходы, закрытыя въ силу прежней реформы, съ назначеніемъ въ эти приходы и особаго духовенства. Все это показываетъ, что бюрократически-чиновниче управленіе дѣлами церквей крайне неудовлетворительно, и что церковное управленіе должно быть всецѣло предоставлено въ руки самихъ мѣстныхъ при церквахъ обществъ, которыя всегда съумѣютъ вести это управленіе надлежащимъ образомъ.

Сущестующій порядокъ бюрократическаго управленія въ дѣлахъ церкви давно уже обособилъ у насъ классъ духовенства въ видѣ отдѣльной касты, совершенно разъединенной съ прочими сословіями общества. Въ свою очередь кастовое устройство нашего духовенства служитъ причиною существованія въ нашемъ государствѣ столь же кастообразныхъ учебныхъ заведеній, принадлежащихъ духовному вѣдомству. Послѣднее имѣетъ въ своемъ управленіи огромное количество особыхъ учебныхъ заведеній всѣхъ разрядоѡ, и не только мужскихъ, но и женскихъ. У насъ имѣется духовныхъ: 4 академіи, 53 семинаріи, 185 училищъ, съ 44,128 учащимися въ этихъ заведеніяхъ; сверхъ того, въ духовномъ вѣдомствѣ состоитъ 42 женскихъ училища разныхъ наименованій, съ 7,270 учащимися. Нечего и распространяться о томъ, что такая огромная масса учащихся вовсе не нужна для какихъ-либо потребностей духовнаго вѣдомства; весь *raison d'être* этихъ учебныхъ заведеній заключается лишь въ томъ, что здѣсь получаютъ образованіе собственно дѣти духовенства. По-

слѣднее же, пользуясь правомъ эксплуатаціи церковныхъ суммъ въ пользу своихъ учебныхъ заведеній, имѣеть возможность предоставлять своимъ дѣтямъ, обучающимся въ этихъ заведеніяхъ, не только бесплатное обученіе, но и казенное содержаніе во время школьнаго образованія. При такомъ положеніи дѣла, бюджетъ духовно-учебныхъ заведеній, вообще, весьма великъ; а именно, онъ простирается въ общей сложности до 7.000,000 рублей. Эксплуатація церковныхъ суммъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній доведена нынѣ до послѣдней степени. Изъ церквей имперіи взимается 50% съ тѣхъ суммъ, которыя получаютъ въ церквахъ въ видѣ доходныхъ статей отъ разныхъ пожертвованій. И при всемъ томъ духовенство повсюду жалуется на недостатокъ средствъ на покрытіе расходовъ по содержанію означенныхъ заведеній. Во многихъ епархіяхъ духовенство занялось нынѣ устройствомъ особыхъ церковно-свѣчныхъ заводовъ, чтобы исключительно отъ нихъ брать восковыя свѣчи для употребленія въ церквахъ, и чтобы всю прибыль отъ производства этихъ монопольныхъ заводовъ ассигновать на мѣстныхъ духовныхъ училища. Едва ли нормаленъ и удобенъ этотъ порядокъ вещей, при которомъ духовенство, въ интересахъ своихъ сословныхъ училищъ, обрекло себя на дѣло торговое, и притомъ въ такой области, какова религиозно-церковная. Если духовенство бѣдно и затрудняется воспитаніемъ своихъ дѣтей, то слѣдуетъ обезпечить его положеніе прямыми способомъ, т. е. посредствомъ назначенія ему приличнаго и достаточнаго жалованья. Учебныя же заведенія духовнаго вѣдомства, въ своемъ большинствѣ, а именно тѣ, которыя имѣють общеобразовательный характеръ, должны быть преобразованы въ общегражданскія учебныя заведенія. Духовному же начальству, для его специальныхъ нуждъ, достаточно имѣть въ губерніяхъ, городахъ двухъ-трехъ-классныя богословскія училища, для приготовленія въ этихъ послѣднихъ кандидатовъ священства изъ молодыхъ людей извѣстнаго образовательнаго ценза, имѣющихъ дѣйствительное, истинное призваніе къ духовному, церковному служенію и принадлежащихъ, по своему происхожденію, къ разнымъ сословіямъ. Что же касается до духовныхъ академій, какъ высшихъ богословскихъ учебныхъ заведеній, то, по примѣру многихъ государствъ западной Европы, эти академіи слѣдуетъ преобразовать въ богословскія факультеты нашихъ университетовъ. Нынѣшніе денежные ресурсы духовно-учебныхъ заведеній могли бы перейти, съ преобразованиемъ ихъ, въ распоряженіе вѣдомства народнаго просвѣщенія, на ихъ же содержаніе. Что же касается церковныхъ собственно суммъ, ассигнуемыхъ нынѣ на учебныя заведенія духовнаго вѣдомства, то эти суммы отнюдь не должны бы быть принудительно отбираемы отъ церквей имперіи. Остается

неприкосновенно въ церквахъ, эти суммы должны состоять въ распоряженіи мѣстныхъ церковно-приходскихъ обществъ и идти на разнообразныя нужды самихъ приходоѡ, какъ, напр., на содержаніе церквей и состоящаго при нихъ духовенства, на приходскія школы, благотворительныя учрежденія разнаго рода и т. п.

Разсматриваемый нами отчетъ по духовному вѣдомству, исключительно заключающій въ себѣ обзоръ обычныхъ явленій текущей церковной жизни, вовсе не упоминаетъ о тѣхъ реформахъ и предпріятіяхъ по духовному вѣдомству, какія давно уже возбуждены и разрабатываются въ официальныхъ сферахъ, хотя и не приведены еще къ окончательному рѣшенію. Таковы, напр., реформы: по преобразованію духовнаго суда вообще и по отношенію къ брачному и бракоразводному судопроизводству въ особенности, по преобразованію законовъ о духовной печати и цензурѣ, по измѣненію существующихъ постановленій о хозяйственной части въ церквахъ имперіи, и друг. Интересы общества главнымъ образомъ затрогиваетъ судопроизводство по брачнымъ дѣламъ, вѣдающееся нынѣ въ судѣ духовномъ, консисторскомъ. Давно уже возбужденъ былъ вопросъ о передачѣ бѡльшей части брачныхъ и бракоразводныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе судовъ свѣтскихъ. Однако, и доселѣ вопросъ этотъ не только не рѣшенъ, но и не былъ выясненъ надлежащимъ образомъ. Въ ежегодныхъ отчетахъ по духовному вѣдомству обыкновенно приводятся лишь самыя краткія данныя о расторгнутыхъ бракахъ. Въ 1880 году расторгнуто 920 браковъ; изъ нихъ 482 расторгнуто вслѣдствіе безвѣстнаго отсутствія одного изъ супруговъ и 259 за ссылкою одного изъ супруговъ въ каторжныя работы и на поселеніе. По причинѣ прелюбодѣлія расторгнуто 120 браковъ; изъ нихъ 29 въ с.-петербургской епархіи или, точнѣе сказать, въ здѣшней столицѣ. Данныя за 10 послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что число брачныхъ расторженій изъ года въ годъ повторяется въ одинаковыхъ приблизительно цифрахъ, и ни за одинъ годъ не восходило свыше 1,000. Между тѣмъ эти данныя въ отчетахъ не включаютъ въ себѣ свѣдѣній о числѣ браковъ, дѣйствительно расторгнутыхъ, хотя бы и не по формальному консисторскому суду. Послѣдняго у насъ болѣе и болѣе избѣгаютъ, такъ какъ процессуальное судопроизводство по бракоразводнымъ дѣламъ обставлено въ духовныхъ консисторіяхъ стариннымъ крѣпостничествомъ и сутяжничествомъ, связаннымъ съ положительными злоупотребленіями дѣльцовъ по такимъ дѣламъ. Злоупотребленія эти вытекаютъ изъ самой обстановки дѣла. Консисторскій судъ доселѣ дѣйствуетъ на началахъ старой, отжившей теоріи формальныхъ доказательствъ; этотъ судъ не признаетъ началъ суда новаго, обоснованнаго на вну-

твенномъ убѣжденіи судей, покоящемся на совокупности обстоятельствъ судебного дѣла. Консistorскій судъ требуетъ формально двухъ свидѣтелей преступленія, и вотъ каждое бракоразводное дѣло, въ большинствѣ начинающееся на тѣму о прелюбодѣяніи одного изъ супруговъ, обставляется грязною картиною этого протавобрачнаго преступленія, совершеннаго якобы въ присутствіи двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей-очевидцевъ такого преступленія. Всякому извѣстно, и объ этомъ много было писано, что въ данномъ случаѣ, при такой постановкѣ дѣла въ консistorскомъ судѣ, всякій бракоразводный процессъ сводится къ такому дѣлу, которое надо купить дорогою цѣною. Пресловутые „достовѣрные жесвидѣтели“ фактовъ супружескаго прелюбодѣянія, являющіеся въ консistorскомъ судопроизводствѣ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы объ нихъ нужно было распространяться. Они нерѣдко фигурировали въ окружныхъ судахъ въ качествѣ лицъ, обвиняемыхъ въ „жесвидѣтельствѣ“ по бракоразводнымъ дѣламъ, совершеннымъ въ духовныхъ консistorіяхъ. Все это крайне умаляетъ достоинство суда духовнаго, церковнаго, которому вовсе не свойственны ни духъ жесвидѣтельства и фальши, ни продажность судейскихъ дѣльцовъ и адвокатовъ, ни наконецъ та грязная обстановка, которая окружаетъ темный фонъ супружескихъ преступленій по прелюбодѣянію. Сама жизнь вопіетъ протавъ консistorскихъ порядковъ. Въ большинствѣ случаевъ, люди недостаточные, не имѣющіе средствъ для веденія дорого стоящаго консistorскаго процесса по бракоразводному дѣлу, обходятъ духовный судъ. Само правительство давно уже практикуетъ расторгненіе браковъ полуофициальное, административное. Въ одномъ Петербургѣ можно насчитать сотни, если не тысячи, замужнихъ женщинъ, расторгшихъ свой бракъ такимъ порядкомъ и живущихъ отдѣльно отъ мужей, по особымъ паспортамъ и видамъ на жительство. Разумѣется, и этотъ административный порядокъ рѣшенія дѣлъ по расторгненію браковъ имѣетъ свои неудобства и невыгоды, какъ порядокъ, необоснованный на судебной почвѣ и потому не всегда правильный и безпристрастный. Тѣмъ не менѣе является необходимость въ такомъ способѣ рѣшенія бракоразводныхъ дѣлъ, при общемъ сознаніи крайней неудовлетворительности консistorскаго суда, вѣдающаго такіа дѣла. Давно уже само правительство признало необходимымъ передать бракоразводныа дѣла въ вѣдѣніе общихъ гражданскихъ судовъ. За духовнымъ же судомъ проектировалось оставить лишь церковную санкцію тѣхъ рѣшеній по этимъ дѣламъ, какія постановлялись бы окружными судами. Нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія этого предположенія правительства. Но если, по слухамъ, уже встрѣтились въ официальныхъ сферахъ какія-то препятствія для передачи

бракоразводныхъ процессовъ изъ духовнаго суда въ свѣтскій, то необходимо нынѣ же преобразовать консисторскій судъ на началахъ суда новаго, обоснованнаго на уставахъ 1864 года. Теорія формальныхъ доказательствъ, съ двумя свидѣтелями преступленія, въ большинствѣ случаевъ подставными, фальшивыми, должна быть брошена, какъ негодный балластъ, давно уже повинутый въ сферѣ суда гражданскаго. Консисторскіе судьи должны вести судебное дѣло исключительно на началахъ новыхъ судебныхъ уставовъ. Внутреннее убѣжденіе судей, основанное на требованіи совѣсти и на совокупномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ судебного дѣла, — вотъ что должно лечь въ основу суда духовнаго при рѣшеніи дѣлъ бракоразводныхъ. Въ настоящее время въ духовномъ вѣдомствѣ пересматривается „уставъ духовныхъ консисторій“, въ которомъ изложены нынѣ дѣйствующія правила для рѣшенія бракоразводныхъ дѣлъ. Нельзя не пожелать, чтобы при новомъ изданіи консисторскаго устава вновь пересмотрѣны и измѣнены были эти правила сообразно общимъ судебнымъ уставамъ 1864 года. Пора суду духовному стать на ту же высоту, на которой стоитъ судъ гражданскій.

Въ заключеніе нашего обзора не можемъ не замѣтить, что ежегодные отчеты по духовному вѣдомству слишкомъ однообразны по своему содержанію, и не даютъ того, что слѣдовало бы давать. Отчеты снабжаются разными статистическими таблицами, а между тѣмъ въ текстѣ отчета не излагается никакихъ выводовъ и соображеній, вытекающихъ изъ статистическаго матеріала. И отчетъ за 1880 годъ имѣетъ тѣ же недостатки. Онъ представляется не вполне обстоятельнымъ, и многихъ сторонъ современной церковной жизни не выясняетъ, а многого и совсѣмъ не касается. Такъ напр., изъ отчета нельзя составить точнаго понятія о современномъ положеніи русскаго раскола и вообще сектантства въ Россіи, хотя духовное вѣдомство и слѣдитъ за всѣми диссидентами Россіи, считая даже прямою своею обязанностью принимать разнообразныя мѣры духовнаго воздѣйствія на сектантовъ. Не встрѣтили мы въ отчетѣ свѣдѣній и о такъ называемыхъ единовѣрцахъ, а между тѣмъ послѣдніе образуютъ собою посредствующій элементъ между православною церковью съ одной стороны и между раскольниками — съ другой. И тѣ статистическія данныя, какія имѣются въ отчетѣ за 1880 годъ, сами по себѣ не вполне удовлетворительны. Такъ, многія изъ нихъ относятся не къ отчетному 1880-му, а къ предъидущему 1879 году; нѣкоторыя же изъ статистическихъ таблицъ сопровождаются замѣчаніемъ, что свѣдѣній, относящихся къ той или другой таблицѣ, не получено изъ извѣстныхъ епархій, — что странно видѣть въ официальномъ документѣ.

Извлекаемъ изъ отчета наиболѣе интересныя статистическія данныя. За 1880 годъ значилось: церквей — 40,819, соборовъ — 656, часовень и молитвенныхъ домовъ 13,264; при нихъ состояло протоіереевъ — 1,494, священниковъ 36,582, діаконровъ 8,445, причетниковъ 47,992, всего же — 94,513. [Монастырей считалось: мужскихъ 204, съ 3,020 монашествующими и 1,818 послушниками; женскихъ 111, съ 1,467 монашествующими и 3,928 послушницами. При монастыряхъ и церквахъ состояло: больницъ 95 на 1,226 человекъ, и богаделенъ 648 на 7,429 человекъ. Церковно-приходскихъ при церквахъ и монастыряхъ школъ считалось 4,348 съ 108,990 учащимися обоего пола. Церковно-приходскихъ попечительствъ значилось 11,816; пожертвованій ими сдѣлано на 1.799,290 рублей; пожертвованія эти поступили на поддержаніе и украшеніе церквей, на школы и благотворительныя учрежденія въ приходахъ и наконецъ на содержаніе причтовъ духовенства. Библіотекъ при церквахъ считалось 16,426. На содержаніе причтовъ духовенства ассигновано было изъ суммъ государственнаго казначейства 5.969,680 рублей. Въ распоряженіи епархіальныхъ попечительствъ о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія состояло денежныхъ суммъ на 3.359,420 рублей.

А. М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое декабря, 1882.

Проектъ «общей части» уложенія о наказаніяхъ, его главныя достоинства, спорныя пункты и наши desiderata. — Вопросъ о предметѣ и системѣ гражданскаго уложенія. — Мнѣнія по этому предмету К. Д. Кавелина и С. В. Пахмана, и необходимость расширенія предѣловъ гражданскаго законодательства. — Фельдшеризмъ и стационарная система предѣ судомъ двухъ земскихъ врачебныхъ сѣздовъ. — Новое предложеніе по предмету разработки народной медицины.

Изъ числа трехъ работъ первостепенной важности, предпринятыхъ въ послѣднее время нашимъ правительствомъ — административной реформы, пересмотра уложенія о наказаніяхъ и составленія гражданскаго кодекса — одна сдѣлала недавно большой шагъ впередъ: окончена первая часть новаго уголовного уложенія, обнимающая собою общія положенія о преступленіи и наказаніи. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ она еще не появлялась, но разборъ ея въ печати, благодаря мѣрамъ, принятымъ редакціонною комиссіею, представляется возможнымъ.

При сравненіи настоящаго проекта комиссіи съ соответствующимъ отдѣломъ нынѣ дѣйствующаго уголовного кодекса, прежде всего бросается въ глаза *краткость* перваго: онъ содержитъ въ себѣ только шестьдесятъ-четыре (64) статьи, въ замѣнъ ста-семидесяти-пяти (175). Такое сокращеніе достигнуто исключеніемъ всего частнаго, казуистичнаго, уничтоженіемъ мелкой, дробной регламентаціи, установленіемъ общихъ, широкихъ началъ, подъ которыя легко могутъ быть подведены отдѣльные случаи. Въмѣсто тридцати-семи статей, посвященныхъ въ уложеніи разнымъ видамъ и степенямъ виновности (3 — 15 и 105 — 128), мы находимъ въ проектѣ только шесть (43—48); замѣна и смягченіе наказаній исчерпаны также въ шести статьяхъ (49—54), вмѣсто тридцати-трехъ (70—89 и 134—146). Уложеніе старается все предусмотрѣть, на все дать точный

отвѣтъ, и именно вслѣдствіе того многое упускаетъ изъ виду, многое оставляетъ безъ разрѣшенія; проектъ совершенно свободенъ отъ этого недостатка. Возьмемъ, въ видѣ образца, постановленія объ участіи въ преступленіи и объ условіяхъ вмѣненія. Уложеніе задается цѣлью перечислить всѣ формы участія, отдѣляетъ сообщниковъ отъ пособниковъ, зачинщиковъ отъ главныхъ виновныхъ, устанавливаетъ сложную номенклатуру, даетъ цѣлый рядъ длинныхъ опредѣленій — и все-таки не достигаетъ желаннаго результата; въ основной его части можно встрѣтить, напримѣръ, такіе способы подстрекательства, которыхъ не обнимаетъ перечень ст. 13-ой. Проектъ знаетъ, наоборотъ, только „соучастниковъ“ и формулируетъ понятіе о соучастіи въ такихъ выраженіяхъ, примѣненіе которыхъ къ самымъ различнымъ его видамъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Разъ, что соучастниками признаются, между прочимъ, всѣ „прямо подстрекавшіе другихъ къ соучастію въ преступномъ дѣяніи“,—судъ можетъ привлечь къ отвѣтственности всякаго интеллектуальнаго виновника преступленія, не стѣсняясь формой, въ которую облечена его виновность. Уложеніе относитъ къ числу причинъ, уничтожающихъ вмѣненіе,—безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящей въ умовступленіе или совершенное безпамятство, а также, при извѣстныхъ условіяхъ, лунатизмъ и глухонѣмоту; это казуистическое опредѣленіе неизбѣжно оказывается недостаточнымъ, не распространяясь, напримѣръ, на безсознательное состояніе, происходящее не отъ болѣзненнаго припадка (а отъ просянковъ, одурающей атмосферы, опьяненія и т. п.). Проектъ, сознавая невозможность и безцѣльность перечисленій, претендующихъ на полноту, но никогда ея не достигающихъ, устанавливаетъ, въ замѣнъ нѣсколькихъ статей уложенія (92 пун. 3, 95—98), слѣдующее простое, общее правило: „не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, по недостаточности умственныхъ способностей, или по болѣзненному разстройству душевной дѣятельности, или по безсознательному состоянію, не могло, во время учиненія дѣянія, понимать свойство и значеніе совершаемаго или руководить своими поступками“.

Недовѣріе къ суду, составляющее отличительную черту Уложенія, выражается не только въ стремленіи къ безусловной точности опредѣленій, къ установленію отдѣльныхъ правилъ для каждой отдѣльной группы случаевъ, но и въ ограниченіи суда возможно-тѣсными рамками при выборѣ и назначеніи наказаній. Отсюда—дѣленіе наказаній на множество степеней, образующихъ ту пресловутую „лѣстницу“, надъ которой ломало себѣ голову, въ судахъ и школахъ, столько поколѣній юристовъ. Въ проектѣ нѣтъ ничего похожаго на

это дѣленіе; онъ намѣчаетъ только *крайніе предѣлы*, максимум и минимумъ каждаго отдѣльнаго вида наказанія. Самое число этихъ видовъ, какъ мы увидимъ ниже, значительно уменьшено въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ. Окончательно опредѣлить размѣръ свободы, предоставляемой новымъ кодексомъ усмотрѣнію суда, можно будетъ, впрочемъ, только тогда, когда сдѣлается извѣстной особенная часть кодекса. Изъ нѣкоторыхъ статей проекта (напр., 53-ей) видно, что помимо низшаго предѣла каждаго вида наказанія, установленнаго общою частью, составители проекта предполагаютъ назначать иногда *спеціальныи* предѣлы, ниже котораго не можетъ быть опредѣлено наказаніе за извѣстное преступленіе. Такъ, напримѣръ, общій низшій предѣлъ ваторги—пять лѣтъ; но для отдѣльныхъ случаевъ онъ можетъ составлять семь, десять, двѣнадцать лѣтъ. Понятно, что чѣмъ чаще будутъ встрѣчаться подобныя случаи въ особенной части кодекса, тѣмъ больше будетъ умаляться значеніе общаго начала, въ силу котораго уничтожено проектомъ дѣленіе наказаній на степени. Принять начало въ принципѣ и потомъ до крайности ограничить его примѣненіе — было бы явною непоследовательностью; мы надѣемся поэтому, что специально-низшій предѣлъ наказанія будетъ устанавливаемъ особенною частью лишь въ видѣ исключенія.

Сравнительно-большій просторъ суда въ назначеніи наказаній обуславливается не только уничтоженіемъ степеней, но и отиѣной обязательныхъ нормъ, которыми опредѣляется въ Уложеніи отвѣтственность по мѣрѣ участія въ преступленіи, или по мѣрѣ приведенія его къ окончанію. На основаніи Уложенія, главнымъ виновникамъ, зачинщикамъ и подстрекателямъ, назначается высшая мѣра наказанія; для пособниковъ, участіе которыхъ не было необходимо, наказаніе уменьшается одною степенью, для участниковъ — одною или двумя степенями; наказаніе за покушеніе уменьшается одною, двумя, тремя или четырьмя степенями сравнительно съ тѣмъ, которымъ карается совершившееся преступленіе. Проекту такая *регламентация* совершенно *чужда*; мѣру наказанія соучастниковъ онъ ставитъ въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе вообще опредѣлены для даннаго преступленія; только „незначительность“ соучастія рассматривается какъ обстоятельство, уменьшающее вину, и подводится подъ дѣйствіе общихъ правилъ, на этотъ предметъ установленныхъ; такимъ же обстоятельствомъ признается и покушеніе. Другія обстоятельства, уменьшающія вину, въ проектѣ, не перечисляются; въ признаніи или непризнаніи ихъ—судъ не стѣсненъ рѣшительно ничѣмъ. Упрощая и облегчая дѣятельность суда, проектъ даетъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность сообразовать свой

приговоръ съ особенностями каждаго отдѣльнаго случая, съ дѣйствительною, а не предполагаемою, въ силу юридической фикціи, мѣрою вины каждаго отдѣльнаго подсудимаго.

Капитальнымъ достоинствомъ проекта слѣдуетъ признать дальѣе, *уравненіе*, передъ судомъ уголовнымъ, привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій. Выборъ наказанія не будетъ болѣе зависѣть отъ того, въ какому классу общества принадлежитъ виновный. По дѣйствующему закону, одно и то же преступленіе подвергается однихъ ссылкѣ на житье, другихъ—заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ рабочемъ домѣ. Иногда это различіе оказывается тягостнымъ и невыгоднымъ для дворянъ, иногда—для недворянъ; но оно всегда несправедливо, всегда представляетъ собою ничѣмъ не оправдываемый обломъ отжившей системы. Есть основаніе думать, что со введеніемъ въ дѣйствіе новаго уложенія исчезнетъ и другое различіе того же рода,—различіе подсудности, въ силу котораго лица привилегированныхъ сословій подлежатъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, суду общихъ судебныхъ мѣстъ, лица же непривилегированныхъ сословій—суду мировыхъ учреждений. Различіе это обуславливается тѣмъ, что мировыя учрежденія не уполномочены на лишеніе сословныхъ правъ, съ которыми теперь иногда сопряжено, для лицъ привилегированныхъ сословій, тюремное заключеніе. Проектъ допускаетъ потерю сословныхъ правъ лишь при заключеніи въ исправительномъ домѣ; съ заключеніемъ въ тюрьмѣ онъ соединяетъ только временное лишеніе нѣкоторыхъ особыхъ правъ, которое, не касаясь сословныхъ преимуществъ, безъ сомнѣнія, будетъ включено въ кругъ власти мировыхъ учреждений. Замѣтимъ, по этому поводу, что новый уголовный кодексъ замѣнитъ собою не только уложеніе о наказаніяхъ, но и уставъ о наказаніяхъ, полагаемыхъ мировыми судьями. Совмѣстное существованіе двухъ уголовныхъ кодексовъ—явленіе очевидно ненормальное; допущенное у насъ, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, по необходимости, вслѣдствіе недостатковъ уложенія и неопытности вновь созданныхъ мировыхъ учреждений, оно должно прекратиться само собою, какъ только совершится давно ожидаемая реформа нашего уголовного законодательства.

Сравнительно съ дѣйствующимъ Уложеніемъ, проектъ комиссіи отличается большою *чужанностью*; въ немъ нашли мѣсто многія нововведенія, составляющія лучшую черту новѣйшихъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ. Смертная казнь включена проектомъ въ число наказаній, но только потому, что комиссія не считала себя въ правѣ разрѣшить вопросъ, имѣющій преимущественно политическое значеніе; сама комиссія держится того взгляда, что „Рос-

сія могла бы сдѣлать новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, съ царствованія императрицы Елизаветы, и не только по возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ. Несовершеннолѣтніе, на основаніи проекта, ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ смертной казни; женщины подлежатъ ей только въ рѣдкихъ случаяхъ. Высшій предѣлъ срочной каторги ограниченъ, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ—пятнадцатью годами (вмѣсто двадцати); уничтожены такіе тяжкіе ея виды, какъ работа въ рудникахъ или крѣпостяхъ. Большое, сравнительно, мѣсто отведено заточенію, т.-е. такому виду лишенія свободы, который не имѣлъ бы опозоривающаго характера, налагалъ бы на заключеннаго возможно меньшую мѣру лишеній и стѣсненій и назначался бы, сообразно съ этимъ, за преступленія, въ которыхъ нѣтъ ничего безчестнаго. Другими словами, это нѣчто въ родѣ теперешняго заключенія въ крѣпости, распространеннаго на ббльшее число случаевъ, начиная съ важныхъ до самыхъ незначительныхъ, и вслѣдствіе этого весьма различнаго по своей продолжительности; заточеніе можетъ быть назначаемо на время отъ двухъ недѣль до десяти лѣтъ (заключеніе въ крѣпости, по дѣйствующему закону—на время отъ четырехъ недѣль до четырехъ лѣтъ). Самое названіе: „заточеніе“ набрано комиссією по тому, что мѣстомъ заключенія, въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, можетъ быть и не крѣпость, а другое, особо устроенное для того помѣщеніе. Совершенно отмѣняется проектомъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, т.-е. гражданская смерть. Осужденный даже на каторгу сохраняетъ право собственности на свое имущество; оно только берется въ опеку и возвращается въ распоряженіе осужденнаго по отбытіи имъ наказанія. Этимъ путемъ устраняется весь вредъ, сопряженный съ открытіемъ наслѣдства при жизни собственника, и ограждаются одинаково права владѣльца, права его семьи, интересы государства. Безвозвратно теряются, при тяжкихъ наказаніяхъ, только права сословныя и пріобрѣтенныя прежнимъ званіемъ или службой; всѣхъ остальныхъ правъ, общественныхъ и политическихъ, осужденные лишаются только на время отбытія наказанія и на опредѣленный затѣмъ срокъ, отъ одного года до десяти лѣтъ. Тѣлесныхъ наказаній, конфискаціи, церковнаго покаянія проектъ вовсе не знаетъ. Для приговоренныхъ къ каторгѣ и къ продолжительному заточенію или содержанію въ исправительномъ домѣ проектъ устанавливаетъ досрочное освобожденіе, по усмотрѣнію главнаго тюремнаго управленія; приговоренные къ безсрочной каторгѣ могутъ быть освобождены въ этомъ порядкѣ по

истеченіи пятнадцати лѣтъ. Допускается также, по опредѣленіи окружнаго суда, досрочное восстановленіе правъ и освобожденіе отъ полицейскаго надзора. Приговориваемыиъ къ заточенію, на срокъ не свыше шести лѣтъ, къ исправительному дому, тюрьмѣ или аресту, можетъ быть засчитано въ наказаніе время, проведенное ими въ предварительномъ заключеніи. Выисканіе денежной мѣны можетъ быть отсрочено или расрочено на время не свыше одного года. Повтореніемъ преступленія, въ смыслѣ обстоятельствъ, увеличивающаго наказаніе, признается только совершеніе, вскорѣ по отбытіи наказанія ¹⁾, новаго преступленія, тождественнаго или однороднаго съ первымъ, или болѣе тяжкаго по роду; но даже и при этихъ условіяхъ усиленіе наказанія не обязательно для суда. Болѣе строгими, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, являются только постановленія проекта о совокупности преступленій, уполномочивающія судъ назначать наказаніе въ мѣрѣ высшей противъ общаго крайняго его предѣла (напримѣръ, двадцать лѣтъ каторги, высшій предѣлъ которой во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ мы уже сказали, пятнадцать лѣтъ). И здѣсь, однако, усиленіе наказанія зависитъ отъ усмотрѣнія суда; оно примѣнимо, притомъ, не ко всѣмъ преступленіямъ, а только къ тѣмъ, на которыя это правило будетъ распространено въ особенной части уложенія, и только тогда, когда они совершены или по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія преступной дѣятельности въ ремесло.

Перечисливъ главныя достоинства проекта, укажемъ тѣ немнѣгіе его пункты, правильность или цѣлесообразность которыхъ кажется намъ по меньшей мѣрѣ *спорною*. Въ установленіи системы наказаній комиссія была до извѣстной степени стѣснена освѣженными положеніями 1879 года; но для критики проектъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы не можемъ не возразить противъ одного изъ звеньевъ новой системы. Помимо заточенія, стоящаго въ сторонѣ отъ другихъ формъ лишенія свободы, проектъ устанавливаетъ *четыре вида заключенія*: каторгу, исправительный домъ, тюрьму и арестъ. Въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ, гдѣ ихъ, не считая крѣпости, шесть (каторга, исправительное арестантское отдѣленіе, рабочій домъ, смирительный домъ, тюрьма, арестъ) это безспорно переимѣна къ лучшему; но мы не видимъ причины къ отдѣленію каторги отъ исправительнаго дома, или, лучше сказать, къ удержанію каторги, какъ особаго, самостоятельнаго

¹⁾ Срокъ, въ продолженіе котораго повтореніе преступленія считается обстоятельствомъ увеличивающимъ наказаніе, опредѣляется проектомъ отъ одного года до пяти лѣтъ (считая со времени отбытія наказанія), смотря по тяжести преступнаго дѣянія.

наказанія. Съ уничтоженіемъ работы въ рудникахъ, крѣпостяхъ и заводахъ, каторга становится просто тягчайшимъ видомъ лишенія свободы, ничѣмъ, въ сущности, не отличающимся отъ заключенія въ исправительномъ домѣ; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то постановленіе проекта (ст. 14), по которому женщины отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ. Ничто не мѣшало бы повысить максимумъ содержанія въ исправительномъ домѣ до крайняго предѣла, опредѣленнаго для каторги; ничто не мѣшало бы сдѣлать его и безсрочнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ установлена безсрочная каторга. Лица, приговоренныя къ продолжительному содержанію въ исправительномъ домѣ, могли бы быть, по отбытіи этого наказанія, обращаемы на поселеніе, какъ это установлено проектомъ для приговоренныхъ къ каторгѣ. Тяжкія работы, составляющія принадлежность каторги, могли бы быть введены, для болѣе важныхъ преступниковъ, и въ исправительномъ домѣ. Правда, проектъ устанавливаетъ между каторгой и исправительнымъ домомъ еще ту разницу, что каторжники вовсе не подвергаются одиночному заключенію и ничего не получаютъ изъ выручки за производимыя ими работы, между тѣмъ какъ приговоренные къ исправительному дому содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи и получаютъ одну треть чистаго отъ работъ дохода; но если одиночное заключеніе полезно въ одномъ случаѣ, то оно будетъ столь же полезно и въ другомъ, а отказъ каторжникамъ въ правѣ на часть выручки едва ли можетъ быть признанъ справедливымъ. Въ Германіи существуетъ только одинъ видъ тяжкаго лишенія свободы—заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus); максимумъ его (15 лѣтъ) соответствуетъ высшему предѣлу каторги, а минимумъ (одинъ годъ)—низшему предѣлу содержанія въ исправительномъ домѣ. Въ пользу сліянія каторги съ исправительнымъ домомъ говорятъ, въ нашихъ глазахъ, слѣдующія соображенія. Чѣмъ меньше будетъ различныхъ типовъ лишенія свободы, тѣмъ легче будетъ достигнуть дѣйствительнаго и повсемѣстнаго ихъ осуществленія. Если исправительныя арестантскія отдѣленія, а также рабочіе и смирительные дома, установленные уложеніемъ 1845 года, существовали и существуютъ болѣею частью только на бумагѣ, если приговоренные въ одному изъ этихъ наказаній силою и рядомъ содержались и содержатся просто въ тюрьмѣ, то это зависить, между прочимъ, именно отъ излишняго разнообразія формъ, сочиненныхъ искусственною схемой. Со времени изданія Уложенія прошло болѣе тридцати лѣтъ—и все-таки практика продолжаетъ расходиться, въ этомъ отношеніи, съ буквой закона. Тѣхъ же самыхъ результатовъ, хотя и въ меньшей степени, можно ожидать отъ повторенія, въ смягчен-

вомъ видѣ, прежней ошибки. Задачи нашего тюремнаго управленія безъ того уже крайне многочисленны и трудны; къ преобразованію тюремъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и въ смыслѣ мѣстъ предварительнаго заключенія), къ правильному устройству мѣстъ содержанія для тяжкихъ преступниковъ не зачѣмъ присоединять еще усложненіе, связанное съ отдѣленіемъ каторги отъ исправительнаго дома. Чрезвычайно трудно, дагѣе, выработать два различныя порядка управленія для учреждений, столь близкихъ между собою, какъ исправительные дома и каторжныя тюрьмы. Мѣсто заточенія, обывочная тюрьма, арестный домъ—имѣютъ свои рельефно выраженные особенности; легкость проступковъ, за которые назначается арестъ, свойство правонарушеній, за которыя назначается заточеніе, кратковременность сроковъ тюремнаго заключенія—все это проводить между ними рѣзкую, опредѣленную черту, заранѣе предрѣшаетъ ихъ организацію. О каторгѣ и исправительномъ домѣ нельзя сказать ничего подобнаго; и тамъ, и тутъ, мы встрѣчаемся съ продолжительными сроками заключенія, съ потерей сословныхъ правъ, съ обязательными работами, съ тягчайшими фермами нравственной порчи. Основныя начала тюремной дисциплины, главныя средства воздѣйствія на заключенныхъ—и тамъ, и тутъ, должны и могутъ быть одни и тѣ же. Отдѣленіе каторги отъ исправительнаго дома предполагаетъ усиленную строгость въ управленіи первомъ—усиленную именно потому, что иначе не будетъ никакого различія между двумя разъединяемыми закономъ видами лишенія свободы. Проектъ считаетъ годъ каторги равнымъ двумъ годамъ исправительнаго дома; для того, чтобы эта фикція была сколько-нибудь похожа на правду, нужно будетъ водворить въ каторжныхъ тюрьмахъ строй поистинѣ желѣзный. Одно изъ двухъ, слѣдовательно: или каторга приблизится къ исправительному дому и сдѣлается излишней, или она станетъ чрезмерно тяжелой, тяжелой безъ достаточной надобности и безъ правильной цѣли. Самому названію *каторги*, вызывающему представленіе о „мертвомъ домѣ“, пора исчезнуть изъ нашихъ законовъ; оно принадлежитъ къ числу тѣхъ фатальныхъ именъ, съ которыми тѣсно связанъ цѣлый рядъ предрасудковъ, традиціонныхъ взглядовъ и пріемовъ. Названіе „исправительнаго дома“ будетъ гораздо больше подходить къ такому мѣсту заключенія, которое, по мысли составителей проекта, перестаетъ быть могилей правъ, достоинства и гражданской жизни заключенныхъ.

Второе замѣчаніе наше касается *заточенія*. Проектъ устанавливаетъ рѣзкую разницу между заточеніемъ на срокъ менѣе шести лѣтъ и на срокъ болѣе продолжительный. Въ первомъ случаѣ, заключенные занимаютъ работой по собственному выбору, получаютъ весь чистый

отъ нея доходъ, освобождаются, по истеченіи срока, безусловно и лишаются на время только общественныхъ и политическихъ правъ, перечисленныхъ въ ст. 27-й проекта (права быть избирателемъ и избираемымъ, опекуномъ, повѣреннымъ, присяжнымъ засѣдателемъ, учителемъ, чиновникомъ и т. п.). Во второмъ случаѣ, заключенные занимаются работою по назначенію управленія, получаютъ только двѣ трети чистаго отъ нея дохода, по окончаніи срока поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ и подвергаются лишенію правъ на томъ же основаніи и въ той же мѣрѣ какъ и каторжники. Такое различіе кажется намъ явно несообразнымъ съ основными свойствами заточенія, какъ *custodia honesta*,—какъ наказанія, стоящаго особнякомъ въ общей системѣ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо болѣе близкаго къ аресту, чѣмъ къ каторгѣ или исправительному дому. Преступленія, за которыя назначается заточеніе, могутъ быть болѣе или менѣе важны, но характеръ ихъ во всякомъ случаѣ остается одинъ и тотъ же—исключающій и чрезмѣрную строгость, и чрезмѣрное недовѣріе по отношенію къ заключенному; съ увеличеніемъ важности преступленія должна увеличиваться только продолжительность заточенія. Мы не можемъ представить себѣ такихъ преступленій, за которыя логично было бы назначать въ одно и то же время заточеніе и полную потерю правъ; мотивы, говорящія въ пользу первой изъ этихъ мѣръ, всегда говорятъ противъ послѣдней. Если преступленіе совершено подъ вліяніемъ корыстныхъ или вообще безчестныхъ побужденій, съ цѣлью приобрѣтенія какой-нибудь личной выгоды, если самый выборъ средствъ свидѣтельствуетъ о нравственной испорченности преступника—заточеніе не можетъ имѣть мѣста, виновный долженъ быть приговоренъ, смотря по мѣрѣ вины, къ тюрьмѣ, исправительному дому или каторгѣ; если, наоборотъ, мотивы преступленія и обстоятельства, при которыхъ оно совершено, устраняютъ возможность примѣненія къ преступнику одной изъ обычныхъ формъ лишенія свободы, то несправедливо и непослѣдовательно подвергать его потерѣ правъ, наравнѣ съ-лицомъ, совершившимъ опозоривающее преступленіе. Скажемъ болѣе: намъ кажется, что заточеніе, разъ—что окончился его срокъ, не должно имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, что лицо, освобожденное изъ крѣпости или другого, однороднаго съ нею мѣста заключенія, должно тотчасъ же вступать во всѣ права ничѣмъ неопороченнаго гражданина. Въ основаніи временнаго лишенія правъ лежитъ предположеніе, что лицу, осужденному судомъ, не сразу можетъ быть возвращена свобода пользоваться ими; преступленія, влекущія за собою заточеніе, не даютъ повода къ такому предположенію, въ особенности если принять во вниманіе, что на время заточенія пользова-

ніе общественными и политическими правами прекращается само собою. Отвергая продолжающееся, по окончаніи срока заточенія, ограниченіе правъ, мы отвергаемъ этимъ самымъ и поселеніе, установленное проектомъ для заточенныхъ на срокъ болѣе шести лѣтъ. Поселеніе — это карательная мѣра, весьма тяжелая по своему свойству; понятная въ приложеніи къ каторжникамъ, она ничѣмъ не можетъ быть оправдана по отношенію къ заточеннымъ. Самое болѣе, что можетъ быть допущено для послѣднихъ по окончаніи срока заточенія — это полицейскій надзоръ, если преступленіе, за которое они были осуждены, принадлежитъ къ числу часто и легко повторяемыхъ. Менѣе важенъ, сравнительно, вопросъ о выборѣ работъ и о мѣрѣ получаемого за нихъ вознагражденія; и здѣсь, однако, не трудно замѣтить явное противорѣчіе между постановленіями проекта и общимъ характеромъ заточенія. Весь смыслъ заточенія, все отличіе его отъ другихъ видовъ заключенія состоитъ именно въ томъ, что къ лишенію свободы не присоединяется никакихъ усложненій, никакихъ добавочныхъ стѣсненій. Установить для заточенныхъ обязательную, не ими самими выбранную работу, значить — въ связи съ тѣми мѣрами, о которыхъ мы уже говорили — окончательно уничтожить разницу между ними и другими заключенными. Представимъ себѣ, наприимѣръ, что заточенію подвергается ученый, литераторъ, художникъ. Разрѣшите ему обычныя его занятія — вы сдѣлаете для него заточеніе сравнительно сноснымъ, дадите ему возможность идти впередъ, усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать существованіе семьи, живущей, можетъ быть, исключительно его трудами; принудите его плести корзинки или стругать доски — вы доведете его до отчаянія и заставите пожалѣть, что онъ не осужденъ на болѣе короткій срокъ заключенія въ исправительномъ домѣ (съ точки зрѣнія проекта, годъ заключенія въ исправительномъ домѣ равенъ двумъ годамъ заточенія). Раздѣленіе заточенныхъ на двѣ категоріи — работающихъ по принужденію и по собственному выбору — усложнить, притомъ, управленіе мѣстами заточенія, затруднить поддержаніе въ нихъ однообразнаго для всѣхъ порядка, тѣмъ болѣе необходимаго, что заключенные, на основаніи проекта, содержатся въ общемъ заключеніи, съ разобщеніемъ только на ночь.

Окончательный нашъ выводъ таковъ: заточеніе должно быть сведено, независимо отъ его сроковъ, къ одному типу — именно къ тому, который установленъ проектомъ для заточаемыхъ на время до шести лѣтъ, — съ тѣмъ, чтобы ограниченію правъ, по отбытіи наказанія, никто изъ заточаемыхъ не подвергался. На этихъ основаніяхъ организовано заточеніе (Festungshaft) въ Германіи; продолжаясь отъ одного дня до пят-

надати лѣтъ, оно никогда не влечетъ за собою лишенія или ограниченія правъ и всегда исчерпывается простымъ лишеніемъ свободы, съ наблюденіемъ за занятіями и образомъ жизни заточенныхъ. Еслибы заточеніе на десять лѣтъ, при условіяхъ, нами предлагаемыхъ, показало наказаніемъ недостаточно тяжкимъ для случаевъ особенно важныхъ, то гораздо лучше было бы увеличить высшій предѣльный срокъ заточенія, чѣмъ искажать самое его свойство.

Говоря, года три тому назадъ, объ основныхъ положеніяхъ 11-го декабря 1879 г., мы имѣли случай возразить противъ слишкомъ продолжительныхъ сроковъ одиночнаго заключенія ¹⁾). Проектъ представляетъ, въ этомъ отношеніи, одну переменъ къ лучшему: срокъ одиночнаго заключенія для лицъ, содержащихся въ исправительномъ домѣ, установленъ шестимѣсячный, между тѣмъ какъ по закону 1879 г., онъ могъ простираться до девяти мѣсяцевъ. Нельзя не замѣтить, однако, что этотъ срокъ былъ опредѣленъ только какъ максимумъ, а въ проектѣ шестимѣсячный срокъ имѣетъ безусловное значеніе, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда будетъ удостовѣрена врачомъ опасность одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго. Намъ кажется, что одиночное заключеніе можетъ угрожать вредомъ не только здоровью, но и характеру заключеннаго, и что продолжительность его, поэтому, должна быть опредѣляема управленіемъ исправительнаго дома для каждаго отдѣльнаго случая, съ тѣмъ только, чтобы оно никогда не продолжалось долѣе шести мѣсяцевъ. То же самое правило слѣдовало бы примѣнить и къ заключенію въ тюрьмѣ. На основаніи проекта, приговоренные къ тюрьмѣ содержатся все время въ одиночномъ заключеніи, развѣ еслибы оно оказалось опаснымъ для ихъ здоровья. Высшій срокъ тюремнаго заключенія, вообще говоря, годовой, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при совокупности преступленій) онъ можетъ быть продолженъ до двухъ лѣтъ. Два года, даже одинъ годъ одиночнаго заключенія—наказаніе во всякомъ случаѣ слишкомъ тяжкое. Дальше полугода одиночное заключеніе, по нашему убѣжденію, могло бы продолжаться только тогда, когда этого пожелаетъ самъ заключенный.

Двумъ нововведеніямъ, принадлежащимъ къ числу самыхъ лучшихъ сторонъ проекта, слѣдовало бы дать *болѣе широкое примѣненіе*. Досрочное условное освобожденіе устанавливается проектомъ только для приговоренныхъ къ исправительному дому на срокъ свыше трехъ лѣтъ. Трудно понять, почему это правило не распространено на заточенныхъ; предъидущая статья проекта даетъ заточеннымъ на срокъ болѣе шести лѣтъ льготу другого рода—досрочный переводъ на по-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. № 3, Внутр. Обзоріе, стр. 409—411.

селеніе,—но заточеннымъ на срокъ менѣе шести лѣтъ никакой льготы не предоставлено. Всего правильнѣе было бы, кажется, установить досрочное условное освобожденіе, по примѣру Германіи, для всѣхъ присужденныхъ къ заточенію или къ исправительному дому, послѣ отбытія ими двухъ третей наказанія,—если они провели, притомъ, въ заключеніи не менѣе одного года. Второе нововведеніе, недостаточно обобщенное—это зачетъ въ срокъ наказанія времени предварительнаго заключенія. Комиссія допускаетъ его только при менѣе тяжкихъ наказаніяхъ—заточеніи на срокъ менѣе шести лѣтъ, исправительномъ домѣ, тюрьмѣ и арестѣ,—мотивировавъ это тѣмъ, что въ случаѣ назначенія наказаній болѣе тяжкихъ предварительный арестъ вполне оправдывается свойствомъ самого преступленія, и что всѣ подобныя наказанія влекутъ за собою безсрочное поселеніе. Сожалѣнія комиссіи кажутся намъ мало убѣдительными. Въ двухъ случаяхъ, одинаково важныхъ, продолжительность предварительнаго ареста можетъ быть весьма различна, по причинамъ, независимымъ отъ преступника; справедливо ли, затѣмъ, подвергать ихъ одинаковому наказанію? Положимъ, что убійство совершено двумя лицами; одно поймано на мѣстѣ преступленія, другое шесть мѣсяцевъ спустя, когда слѣдствіе надъ первымъ было уже окончено. Понимая второго преступника заставляють отложить судъ надъ первымъ; дѣло продолжается еще шесть мѣсяцевъ, такъ что одинъ изъ виновныхъ сидитъ подъ стражей до приговора цѣлый годъ, другой—только полгода. При назначеніи обоимъ одной и той же мѣры наказанія и при отсутствіи зачета, лица, одинаково виновныя, понесуть, такимъ образомъ, взысканіе на самомъ дѣлѣ далеко не одинаковое. Что касается до безсрочности поселенія, то неужели она мѣшаетъ каторжнику нетерпѣливо ждать освобожденія отъ каторги? Чѣмъ раньше, притомъ, будетъ отбытъ срокъ каторги или заточенія, тѣмъ раньше подвергнется наказанію лицо, по смыслу ст. 21 проекта, будетъ имѣть право просить о разрѣшеніи оставить обязательное для него мѣсто пребыванія.

Рассторженіе брака, по просьбѣ одного изъ супруговъ, проектъ допускаетъ только по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ къ каторгѣ, поселенію или заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ. Мы думаемъ, что необходимо было бы допустить его—по просьбѣ виновнаго супруга—и по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ, хотя бы и на короткій срокъ, къ содержанію въ исправительномъ домѣ, такъ какъ наказаніе это назначается преимущественно за преступленія опозоривающаго характера. Несправедливо заставлять кого бы то ни было оставаться женою вора или мужемъ воровки. Одна изъ самыхъ вопіющихъ аномалій нашего законодательства—это со-

храненіе въ силѣ супружескаго союза и власти мужа надъ женою, несмотря на признаніе мужа виновнымъ въ жестокомъ обращеніи съ женою (если только наказаніе, постигшее мужа, не сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія). Въ случаяхъ этого рода слѣдовало бы допустить расторгненіе брака, по просьбѣ жены, хотя бы виновный былъ подвергнутъ наказанію менѣе тяжкому, чѣмъ заключеніе въ исправительномъ домѣ.

Отлагая разборъ нѣкоторыхъ постановленій проекта до другого раза, остановимся, въ заключеніе, на вопросѣ о дальнѣйшемъ ходѣ работъ по составленію уголовнаго уложенія. *Нельзя не пожелать*, чтобы онѣ подвигались впередъ нѣсколько быстрее, чѣмъ до сихъ поръ. Со времени учрежденія редакціонной комиссіи прошло уже болѣе года; къ этому нужно прибавить, что многое было уже сдѣлано въ предшествовавшіе фазисы работы. Начертаніе уголовнаго кодекса представляетъ менѣе затрудненій, чѣмъ начертаніе гражданскаго уложенія; иностранными образцами въ первомъ случаѣ можно пользоваться гораздо свободнѣе и шире, чѣмъ въ послѣднемъ. Весьма можетъ быть, что общая часть уложенія будетъ теперь же внесена въ государственный совѣтъ, такъ какъ отъ утвержденія ея въ томъ или другомъ видѣ непосредственно зависитъ многое въ особенной части; въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ надѣяться, что разсмотрѣніе ея будетъ окончено въ текущемъ законодательномъ періодѣ, и что работа редакціонной комиссіи не будетъ прервана на время обсужденія общей части государственнымъ совѣтомъ. Нѣкоторыя постановленія общей части могли бы быть введены въ дѣйствіе немедленно по утвержденіи ихъ въ законодательномъ порядкѣ; сюда относятся, напримѣръ, правила о зачетѣ въ срокъ наказанія времени предварительнаго заключенія и о досрочномъ условномъ освобожденіи. Примѣнить ихъ къ существующей системѣ наказаній было бы весьма не трудно.

Работы по составленію гражданскаго уложенія едва начались, и ждать обнародованія какой бы то ни было ихъ части придется еще, безъ сомнѣнія, весьма долго. Тѣмъ больше интереса представляетъ трудъ одного изъ членовъ редакціонной комиссіи, С. В. Пахмана, прочитанный, мѣсяцъ тому назадъ, въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія петербургскаго юридическаго общества и напечатанный въ ноябрьской книгѣ „Журнала гражданскаго и уголовнаго права“. Содержаніе этого труда—предметъ и система русскаго гражданскаго уложенія, т.-е. именно тѣ вопросы, съ которыми прежде всего придется встрѣтиться кодификаціонной работѣ. Тѣхъ же вопросовъ коснулся и К. Д. Кавелинъ, въ статьѣ о русскомъ гражданскомъ уло-

женіи, появившейся въ свѣтъ, рядомъ съ рефератомъ С. В. Пахмана. Взгляды обоихъ цивилистовъ во многомъ различны, даже протавуположны между собою. Постараемся уяснить, не вдаваясь въ юридическія тонкости, сущность возникшаго спора и въ особенности практическое его значеніе.

Дѣйствующіе гражданскіе законы, изложенные въ первой части десятаго тома, опредѣляютъ собою сначала личныя, потомъ имущественныя права—послѣднія лишь настолько, насколько они имѣютъ частное значеніе, т.-е. вытекаютъ изъ взаимныхъ отношеній частныхъ лицъ, а не изъ отношенія гражданъ къ государству.—С. В. Пахманъ стоитъ за удержаніе, въ общихъ чертахъ, этихъ границъ и для будущаго гражданскаго уложенія; дополненія, которыя онъ призываетъ необходимыми, не отступаютъ отъ главнаго начала, лежащаго въ основаніи свода законовъ. Такъ, наприимѣръ, онъ высказывается за включеніе въ уложеніе всего относящагося къ торговымъ сдѣлкамъ и договорамъ, къ привилегіямъ, къ авторскимъ правамъ—но онъ противъ включенія въ него ограниченій права собственности, обусловливаемыхъ государственными или полицейскими соображеніями. Онъ находитъ нужнымъ сохранить въ уложеніи отдѣлъ о личныхъ правахъ, устранивъ только многочисленныя пробѣлы, представляемые въ этомъ отношеніи первою частью десятаго тома. Другими словами, онъ считаетъ возможнымъ ограничиться частными поправками и передѣлками, болѣе послѣдовательнымъ, болѣе полнымъ примѣненіемъ прежней системы; онъ поддерживаетъ всецѣло римское дѣленіе права не только по его предмету (лица, вещи, средства защиты), но и по сферамъ юридическаго быта (право частное, право публичное). Способъ классификаціи юридическихъ явленій, выразившійся въ этомъ дѣленіи, кажется г. Пахману „идеей, лучше которой понинѣ ничего не придумано“.—К. Д. Кавелинъ начинаетъ, наоборотъ, именно съ нападенія на теорію, рѣзко отграничивающую публичное право отъ частнаго. Понятная и правильная при тѣхъ условіяхъ, которыя она обязана своимъ происхожденіемъ, она устарѣла и отжила свой вѣкъ, вмѣстѣ съ этими условіями. Одно и то же лицо, одинъ и тотъ же общественный факторъ имѣетъ теперь въ одно и то же время и публичный, и частный характеръ, смотря по тому, съ какой стороны на него смотрѣть. Публичный элементъ лишентъ осязательныхъ, всѣмъ доступныхъ и ясныхъ внѣшнихъ признаковъ, и, какъ Протей, безпрерывно мѣняетъ свои формы и виды. Гражданское право, въ смыслѣ права частнаго, частнаго, теряетъ, вслѣдствіе этого, свой *raison d'être*; соединеніе въ одно цѣлое постановленій о лицахъ и имуществахъ становится ненормальнымъ и даже вреднымъ, точно такъ же какъ и раздробленіе постановленій объ имуществахъ между

разными отдѣлами законодательства. Исходи изъ этихъ соображеній, К. Д. Кавелинъ предлагаетъ совершенное отдѣленіе имущественнаго права отъ личнаго и сосредоточеніе подъ первой рубрикой *всего* касающагося имущественныхъ отношеній, безъ различія между отношеніями частнаго и публичнаго характера. Въ сферу имущественнаго права должны, такимъ образомъ, войти—рядомъ съ постановленіями гражданскихъ законовъ о правахъ вещныхъ и обязательственныхъ—юридическія отношенія между казною и отдѣльными лицами по взаимнѣю государственныхъ доходовъ и ихъ расходованію, по пенсіямъ и жалованью за государственную службу, отправленіе воинской повинности, наказанія и взысканія имущественнаго характера, наложеніе запрещенія и ареста на имущество, вознагражденіе свидѣтелей и экспертовъ и т. п. Существующему дѣленію права К. Д. Кавелинъ приписываетъ въ значительной степени установившюся у насъ путаницу понатій: „возбуждаемый нами вопросъ“, говоритъ онъ, „не есть только принципиальный, а касается практическихъ и бытовыхъ интересовъ величайшей важности“. Поправка чужой ошибки для насъ въ особенности легка, именно потому, что она чужая, перенесенная къ намъ безъ всякой критики, безъ всякой фактической подкладки; чтобы имѣть возможность создать законодательный памятникъ, достойный великаго народа, мы должны только „взглянуть на дѣло просто, безъ предразсудковъ и предубѣжденій“. Въ концѣ статьи, однако, авторъ выражаетъ свои требованія менѣе рѣшительно и опредѣленно. Признавая, что задача редакціонной комиссіи не идетъ дальше новаго изложенія законовъ, содержащихся въ первой части десятаго тома, онъ ограничивается желаніемъ, чтобы комиссія раздѣлила свой трудъ на самостоятельные отдѣлы, которые бы въ послѣдствіи и могли занять принадлежащее имъ мѣсто въ системѣ русскаго законодательства, болѣе правильной, чѣмъ теперешняя.

Нетрудно замѣтить, что уступка, дѣлаемая здѣсь г. Кавелинымъ, не соотвѣтствуетъ тому значенію, которое онъ самъ придаетъ понятаму имъ вопросу. Отдѣленіе постановленій о лицахъ отъ постановленій объ имуществахъ разумѣется само собою; существуя въ первой части десятаго тома, оно, безъ сомнѣнія, будетъ сохранено и въ новомъ уложеніи, все равно,—убѣдится ли редакціонная комиссія, или не убѣдится доводами К. Д. Кавелина. Спорнымъ представляется, въ данномъ случаѣ, не распредѣленіе матеріала по группамъ, а исключеніе изъ кодекса *всего* касающагося личныхъ правъ и включеніе въ него *всѣхъ* безъ изыатія отдѣловъ имущественнаго права—въ томъ числѣ и такихъ, которые не входили до сихъ поръ въ область гражданскихъ законовъ. Если для внутренней цѣльности и полноты, для гармоническаго единства кодекса необходимо именно

такое измѣненіе его предѣловъ, именно такое расширеніе ихъ въ одну сторону, такое суженіе ихъ—въ другую, то не слѣдуетъ упускать момента, наиболѣе благопріятнаго для достиженія этой цѣли. Между гражданскими законами, во время процесса кодификаціи и гражданскими законами послѣ ея окончанія, существуетъ такая же разница, какъ между расплавленнымъ желѣзомъ и холоднымъ; чтобы дать желѣзу новую форму, нужно слѣпить его обработкой, пока оно еще не остыло. Итакъ, одно изъ двухъ: или новая классификація правъ, проектируемая г. Кавелинымъ, можетъ повліять на содержаніе гражданского кодекса, уменьшитъ „путаницу понятій“, способствовать упорядоченію общественнаго быта—въ такомъ случаѣ нужно настаивать на безотлагательномъ ея принятіи, хотя бы лишь въ той мѣрѣ, въ какой это возможно безъ одновременнаго распространенія кодификаціонной работы на всѣ отрасли законодательства;—или она представляетъ только формальныя, внѣшнія удобства, оставшіяся въ полной силѣ и при примѣненіи ея къ готовому уже матеріалу—а въ такомъ случаѣ осуществленіе ея можетъ быть отложено на неопредѣленное время, какъ нѣчто несущественное, не особенно важное въ практическомъ отношеніи. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ рассмотреть самую сущность предложенія К. Д. Кавелина, несмотря на то, что онъ дѣлаетъ изъ него скорѣе вопросъ будущаго, чѣмъ настоящаго.

Соединеніе въ одной группѣ постановленій разнородныхъ или, на оборотъ, разъединеніе постановленій однородныхъ не представляется намъ настолько важнымъ, какъ это думаетъ К. Д. Кавелинъ. Оно имѣетъ существенное значеніе лишь тогда, когда вслѣдствіе неправильнаго размѣщенія законовъ навращается самый ихъ смыслъ—когда, напримѣръ, имущественныя отношенія, одинаково заслуживающія охраны, получаютъ ее не въ одинаковой мѣрѣ только потому, что одному изъ нихъ присвоивается частный, другому—публичный характеръ. И здѣсь, однако, ошибка въ группировкѣ рѣдко бываетъ настоящей причиной ошибки въ самомъ опредѣленіи права; скорѣе можно предполагать, что первая—только результатъ послѣдней. Пока государство признаетъ необходимымъ охранять и ограждать преимущественно отношенія извѣстнаго рода, до тѣхъ поръ эта охрана останется въ полной силѣ, независимо отъ внѣшнихъ перемѣнъ въ системѣ уложенія или свода. Приведемъ, въ подтвержденіе нашей мысли, примѣръ, заимствуемый нами изъ статьи К. Д. Кавелина. Въ уставѣ о телеграфахъ есть правило, по которому телеграфное вѣдомство не отвѣчаетъ за послѣдствія невѣрной передачи телеграммъ и неисправнаго ихъ доставленія. По справедливому замѣчанію К. Д. Кавелина, это правило прямо противурѣчитъ общему началу, регули-

рующему отвѣтственность и вознагражденіе за убытки; неужели, однако, источникъ противурѣчія слѣдуетъ искать въ томъ, что отношенія между телеграфнымъ вѣдомствомъ и отправителями телеграммъ не вошли въ составъ „имущественнаго права“? Исключенія изъ общаго правила возможны вездѣ и всегда; постановленіе, приведенное нами выше, можетъ быть перенесено, вмѣстѣ съ телеграфнымъ уставомъ, въ любую часть свода законовъ. Его отиѣны слѣдуетъ ожидать не отъ новой классификаціи правъ, а отъ измѣненія тѣхъ взглядовъ, которымъ оно обязано своимъ происхожденіемъ. Способъ взысканія налоговъ, порядокъ разрѣшенія жалобъ на податное обложеніе, мѣры въ огражденію правъ чиновника на заслуженное имъ жалованье или пенсію—все это зависить, точно также, не отъ рубрики, подъ которую отнесены соотвѣтствующіе законы. Не отрицая „путаницы понятій“, мы сомнѣваемся, такимъ образомъ, въ дѣйствительности средства, рекомендуемаго противъ нея К. Д. Кавелинымъ. Она коренится не въ той или другой группировкѣ правъ, а въ устарѣлыхъ представленіяхъ о государствѣ, о „казнѣ“, о „казенномъ добрѣ“, не уничтожаемомъ „ни огнемъ, ни водою“, о непогрѣшимости административныхъ властей, о некомпетентности суда въ вопросахъ административнаго права, и т. п. Перестановка законовъ бессильна измѣнить ихъ пониманіе и примѣненіе — и наоборотъ, коренная реформа законодательства принесетъ свои плоды, хотя бы параллельно съ нею и не шло передвиженіе законовъ изъ одного тома въ другой, болѣе подходящій. Перефразируя извѣстную поговорку, можно сказать, что „не мѣсто красить законъ, а законъ красить мѣсто“.

Отказываясь признать за предложеніемъ К. Д. Кавелина существенную практическую важность, мы не можемъ согласиться и съ нѣкоторыми основными чертами его системы. Безспорно, между правами частнымъ и публичнымъ нѣтъ рѣзко-опредѣленной границы, области ихъ безпрестанно соприкасаются или сливаются между собою; но вѣдь то же самое слѣдуетъ сказать и о правахъ имущественномъ и личномъ, которыя г. Кавелинъ хочетъ безусловно отдѣлить одно отъ другого. Возьмемъ, для примѣра, опеку, относимую имъ къ сферѣ личнаго права; возможно ли опредѣлить ея функціи, не касаясь имущественныхъ вопросовъ—описи имѣнія, принимаемаго въ опеку, его продажи или залога, вознагражденія опекуна и т. п.? Отправленіе воинской повинности, относимое г. Кавелинымъ къ сферѣ имущественнаго права, затрагиваетъ, наоборотъ, чисто-личныя права—свободу передвиженія, свободу выбора занятій и образа жизни. Чтобы быть вполне послѣдовательнымъ, необходимо было бы допустить, въ подобныхъ случаяхъ, раздробленіе одного и того же

внстатута, одной и той же обязанности между нѣсколькими отдѣлами права — разсматривать, на примѣръ, воспитательную роль опекуна въ законахъ о правахъ личныхъ, а управление имуществомъ опекаемаго въ законахъ о правахъ имущественныхъ. Образцы такого дробленія мы встрѣчаемъ у г. Кавелина; законы о наказаніяхъ, законы о судопроизводствѣ—составляютъ въ его системѣ отдѣльныя группы, но это не мѣшаетъ ему включать въ имущественное право предметы несомнѣнно уголовного или процессуальнаго характера: денежные штрафы, отдачу на поруки, вознагражденіе свидѣтелей и экспертовъ. Однажды вступивъ на этотъ путь, можно, конечно, раздробить и постановленія объ опекѣ, о государственной службѣ, о воинской повинности и т. п.; спрашивается только, что изъ этого выйдетъ? Такъ ли велика теоретическая правильность искусственныхъ дѣленій, чтобы уравнивать ихъ практическое неудобство? Въ денежномъ штрафѣ есть, безспорно, элементъ имущественный; но нельзя же отрицать, что въ немъ есть и элементъ уголовный. Умолчаніе о штрафахъ въ имущественномъ правѣ нѣсколько не уменьшить цѣльность и единство этого отдѣла законодательства; умолчаніе о нихъ въ уголовномъ кодексѣ оставить въ немъ пробѣлъ, не легко восполнимый. Что дѣлать, далѣе, съ тѣми случаями, когда за извѣстное преступленіе назначается, по усмотрѣнію суда, или арестъ, или денежный штрафъ? Относить ли ихъ къ уголовному праву, или къ имущественному, или къ тому и другому? Насколько денежные штрафы касаются имущественнаго права, настолько же остальные наказанія касаются правъ личныхъ; что же останется затѣмъ на долю уголовного права, и стоитъ ли, съ точки зрѣнія, противъ которой мы возражаемъ, выдѣлять его въ особый отдѣлъ законодательства? Излагая въ уставѣ уголовного судопроизводства мѣры противъ уклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія и суда, логично ли, удобно ли—назвать только предварительное заключеніе, домашній арестъ и полицейскій надзоръ, а отдачу на поруки и взятіе залога перенести въ имущественное право? Или, можетъ быть, для трехъ выше названныхъ мѣръ пресѣченія также не должно быть мѣста въ уставѣ уголовного судопроизводства, такъ какъ онѣ прямо затрогиваютъ права личности? Насколько полнымъ былъ бы уставъ уголовного судопроизводства безъ отдѣла о мѣрахъ пресѣченія—это нетрудно себѣ представить. Прибавимъ къ этому, что слабыя стороны новой классификаціи всегда болѣе чувствительны, чѣмъ равны имъ недостатки стараго дѣленія; къ послѣднимъ всѣ уже болѣе или менѣе привыкли и приспособились, первыя надолго стали бы источникомъ трудно преодолимыхъ недоразумѣній.

Изъ того, что мы не стоимъ вмѣстѣ съ г. Кавелинымъ за бе-

зусловно-новую классификацію нашихъ законовъ, еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы существующая классификація казалась намъ безукорыненной и совершенной. Необходимость частныхъ поправокъ признаетъ, какъ мы уже видѣли, и г. Пахманъ; еще больше убѣдительныхъ аргументовъ представляетъ, въ этомъ отношеніи, статья г. Кавелина. Предѣлы гражданскаго законодательства несомнѣнно должны быть расширены, пробѣлы его пополнены, хотя бы за нимъ и былъ сохраненъ прежній его характеръ — характеръ частнаго права. По справедливому замѣчанію К. Д. Кавелина, непослѣдовательно включать въ десятый томъ постановленія о правѣ участія общаго въ пользованіи водными и сухопутными сообщеніями — и не включать въ него, на примѣръ, постановленія о посессионныхъ владѣльцахъ горныхъ заводовъ, о площадяхъ, отводимыхъ частнымъ лицамъ для добыванія золота и каменнаго угля, и т. п. Вопреки мнѣнію г. Пахмана, мы думаемъ, что въ составъ гражданскаго уложенія должны войти всѣ ограниченія частной собственности, опредѣляемыя уставами строительнымъ, пожарнымъ, лѣснымъ и др., — должны войти именно потому, что безъ нихъ нельзя составить себѣ яснаго и полнаго понятія о правѣ собственности, о его предѣлахъ, о зависимости его отъ общегосударственныхъ соображеній. Чѣмъ глубже и шире будетъ разработанъ въ гражданскомъ уложеніи отдѣлъ о частныхъ и публичныхъ сервитутахъ, тѣмъ меньше будетъ простора для поверхностнаго, односторонняго пониманія собственности, въ силу котораго личные интересы слишкомъ часто и слишкомъ успѣшно противудѣйствуютъ теперь общей пользѣ. Возникаетъ ли, на примѣръ, вопросъ объ ограниченіи ивтейной торговли на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, предлагается ли обязательное проведеніе канавъ по чужой землѣ для осушенія полей, выше ея лежащихъ — тотчасъ же поднимаются крики: „Это противно праву собственности!“ Гражданскому уложенію не по силамъ искоренить предрасудковъ, выражающихся въ этихъ крикахъ; но оно можетъ облегчить распространеніе болѣе здравыхъ взглядовъ, въ которыхъ такъ сильно нуждается наше общество.

Въ статьѣ г. Пахмана насъ поразила одна мысль, торжество которой было бы, въ нашихъ глазахъ, крайне нежелательнымъ. „Трудность задачи гражданскаго уложенія“, говоритъ авторъ, „заключается не въ томъ только, чтобы исправить жизненные недостатки свода. Нѣтъ сомнѣнія, что при полной неприкосновенности основныхъ установленій гражданскаго быта, каковы: семья, собственность, наследство и договоръ, работа уложенія должна быть направлена къ тому, чтобы законъ, по возможности, сталъ въ уровень съ дѣйствительными и настоятельными потребностями жизни. На эту сторону дѣла

несомнѣнно будутъ обращены усилія редакціонной комиссіи; но *несравненно труднѣе сторама техническая, составляющая непосредственный интересъ судебной практики*". Нисколько не отрицая и не умаляя техническихъ затрудненій, на которыя указываетъ г. Пахманъ, мы признаемъ за ними только второстепенное значеніе, блѣднѣющее передъ главной задачей уложенія — согласованіемъ закона съ требованіями жизни. Техника сводится къ *формѣ*, безвѣщно менѣе важной, чѣмъ *содержаніе*. Гражданскій кодексъ — не художественное произведеніе; отражая въ себѣ, до известной степени, народную жизнь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ регулируетъ ее, противудѣйствуетъ или способствуетъ правильному ея развитію. Онъ служитъ руководящей нитью, мѣриломъ и нормой не только для суда, но и для тысячъ отношеній, складывающихся и развязывающихся безъ обращенія къ суду. Поставить на первый планъ вопросы техники, интересы судебной практики, значить — отдать все дѣло составленія гражданского кодекса въ руки однихъ юристовъ, значить унестить изъ виду другой элементъ, безъ участія котораго невозможенъ успѣхъ работы, — элементъ народный, земскій.

Два мѣсяца тому назадъ мы упомянули о сѣздѣ земскихъ врачей, собиравшемся въ Петербургѣ; теперь мы имѣемъ передъ собою его постановленія, вмѣстѣ съ интересными данными объ исторіи и настоящемъ положеніи земско-медицинскаго дѣла въ петербургской губерніи. Нѣсколькими мѣсяцами раньше происходилъ сѣздъ земскихъ врачей курской губерніи, труды котораго также появились въ печати. По вопросамъ о „стационарной системѣ“ и о „фельдшеризмѣ“, оба сѣзда пришли къ одинаковому заключенію, особенно рѣзко (и притомъ единогласно) формулированному петербургскимъ сѣздомъ. Стационарная система признана имъ „единственно разумною“, а самостоятельная дѣятельность фельдшеровъ — не только безплодною, но и крайне нежелательною, по массѣ вреда, приносимаго ею населенію. Достоинно замѣчанія, однако, что окончательному рѣшенію сѣздовъ далеко не всегда соотвѣтствуютъ отзывы отдѣльныхъ врачей, предшествовавшіе коллегіальному обсужденію вопроса. Такъ, напримѣръ, въ третьемъ медицинскомъ участкѣ петербургскаго уѣзда существуетъ „смѣшанная“ система устройства медицинской части; одинъ изъ двухъ приемныхъ покоевъ находится въ непосредственномъ завѣдѣваніи фельдшера и посѣщается врачомъ разъ въ недѣлю; фельдшера ежедневно объѣзжаютъ свои участки, подавая помощь въ мало-важныхъ случаяхъ и доводя объ остальныхъ до свѣдѣнія врача, который ѣздитъ къ больнымъ и по прямому ихъ требованію. „Эта система“, говоритъ врачъ въ письменномъ своемъ докладѣ, „наиболѣе

полезна для крестьянъ, хотя и не особенно удобна для врача въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ вынуждаетъ его на необходимость увеличивать свои разъѣзды средста въ ущербъ вознагражденію... Крестьяне убѣждены, что врачъ, получая вознагражденіе, получаетъ его и за то, чтобы ѣздить къ нимъ". За необходимость срочныхъ выѣздовъ, несмотря на всю обременительность ихъ, высказались также въ своихъ докладахъ врачи лужскаго уѣзда, перваго и третьяго участковъ шлессельбургскаго уѣзда; „иначе — сказано въ послѣднемъ изъ этихъ докладовъ — при безнечности крестьянъ и дальности разстояній масса больныхъ оставалась бы безъ всякой помощи". Единогласной резолюціей сѣзда констатирована невозможность достаточнаго контроля за дѣятельностью фельдшеровъ, живущихъ не при врачѣ, на отдѣльныхъ фельдшерскихъ пунктахъ; между тѣмъ, въ докладахъ многихъ врачей такой контроль признается вполне осуществимымъ. Укажемъ, для примѣра, на отзывы врачей перваго участка петербургскаго уѣзда, сосницкаго участка царскосельскаго уѣзда, четвертаго и пятаго участковъ петергофскаго уѣзда, третьяго участка шлессельбургскаго уѣзда. Такое же противурѣчіе поражаетъ насъ и при сравненіи постановленій курскаго сѣзда съ докладами уѣздныхъ земскихъ врачей курской губерніи. Врачи, уполномоченные отъ *десяти* уѣздовъ (изъ пятнадцати), высказались за увеличеніе числа фельдшерскихъ пунктовъ; коммиссія, составленная изъ пяти земскихъ врачей и шести гласныхъ, предложила имѣть въ каждой волости по одному фельдшеру; но въ общемъ собраніи сѣзда (состоявшемъ изъ одиннадцати гласныхъ и семнадцати врачей) предложеніе коммиссіи было отвергнуто большинствомъ голосовъ и замѣнено слѣдующею резолюціею: „желательно, чтобы земства, переходя къ устройству въ уѣздахъ стаціонарной системы и увеличивая число врачей, сокращали количество фельдшерскихъ участковъ по возможности, до совершеннаго ихъ закрытія". Главными противниками фельдшеризма на курскомъ сѣздѣ явились не уѣздные земскіе врачи, а ординаторъ курской губернской больницы и санитарный врачъ города Воронежа. Стенографическій отчетъ о преніяхъ петербургскаго сѣзда еще не напечатанъ; весьма можетъ быть, что и здѣсь оппозиція противъ фельдшеризма шла преимущественно не отъ лицъ, близко стоящихъ къ земскому дѣлу. Отсутствие гармоніи между постановленіями сѣздовъ и мнѣніями отдѣльныхъ врачей объясняется, въ нашихъ глазахъ, слѣдующимъ образомъ. Составляя докладъ у себя въ кабинетѣ, врачъ руководствуется данными, почерпнутыми изъ житейскаго опыта; онъ помнитъ, что ему предстоитъ сообразоваться съ дѣлнымъ рядомъ нелегко вмѣняемыхъ условій — со средствами земства, съ пространствомъ

уѣзда, съ неравноиѣрнымъ распредѣленіемъ населенія, съ потребностями и привычками массы. Не увлекался мечтами объ идеальной лучшей системѣ, онъ пытается создать нѣчто практическое, удобное-полное, хотя бы и далекое отъ совершенства. На съѣздѣ онъ встрѣчается съ другими взглядами, болѣе отвлеченнаго свойства; спорить противъ нихъ для него тѣмъ труднѣе, что въ принципѣ, въ теоріи онъ ихъ вполне раздѣляетъ. Кто удерживаетъ отъ возмущеній и страхъ показаться отсталымъ, не понимающимъ истинныхъ, строгихъ требованій науки. Прибавимъ къ этому съ одной стороны обычное пренебреженіе специалистовъ къ не-специалистамъ или полуспециалистамъ, съ другой — естественное желаніе устроить медицинскую часть съ возможно большимъ удобствомъ для врача — и мы поймемъ, почему коллективное рѣшеніе врачей не всегда сходится съ единичными ихъ отзывами.

Не поддешить никакому сомнѣнію, что предубѣжденію врачей — въ особенности врачей городскихъ, врачей-теоретиковъ — противъ фельдшерства не раздѣляется нашимъ народомъ. „Разницы между врачомъ и фельдшеромъ“, читаемъ мы въ докладѣ врача второго участка петербургскаго уѣзда, „въ понятіяхъ населенія почти не существуетъ“. „Даже среди сравнительно образованныхъ лицъ“, говоритъ врачъ пятаго участка того же уѣзда, „господствуетъ особенное расположеніе къ фельдшерамъ“. Эти отзывы тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что касаются населенія, близкаго къ столицѣ и привыкшаго къ правильному леченію. Въ курскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предложено было недавно вопросъ, что они признаютъ болѣе полезнымъ для крестьянъ — устройство трехъ уѣздныхъ больницъ, съ удрядченіемъ фельдшерскихъ пунктовъ, или устройство двухъ больницъ, съ фельдшерами по всему уѣзду. Всѣ семнадцать гласныхъ единодушно разрѣшили этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. „Если принять во вниманіе“, замѣтилъ по этому поводу одинъ изъ гласныхъ, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ курскаго съѣзда, „что медицинская часть въ уѣздахъ создается преимущественно для крестьянскаго населенія и на его, между прочимъ, деньги, то нельзя же благодѣтельствовать людямъ на счетъ ихъ кармана, не спросивъ ихъ мнѣнія о способѣ благодѣтельствованія“. Это замѣчаніе вызвало энергическій протестъ со стороны одного изъ врачей (не-земскихъ), указанного на полную некомпетентность крестьянъ въ медицинскомъ дѣлѣ. „Есть люди“, воскликнулъ докторъ, „совершенно довольные леченіемъ знахарей и знахарожъ — но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы знахари были полезны! Нельзя сказать, чтобы крестьяне не были довольны образованіемъ, получаемымъ имъ при помощи исцѣлителя и часослова — но

нельзя выводить отсюда, что это образованіе есть лучшее, правильное и желательное! Возраженіе это было бы понятно и убѣдительно, если бы рѣчь шла о преимуществахъ докторскаго леченія передъ фельдшерскимъ, при одинаковой доступности того и другого; но вопросъ поставленъ жизнью совершенно иначе. Пока правительство или земство не въ силахъ открыть въ каждой деревнѣ начальную школу, удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ педагогич., нельзя препятствовать открытію простыхъ школъ грамотности, слѣдуетъ даже поощрять ихъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о фельдшерскомъ леченіи. Крестьяне некомпетентны судить о знаніяхъ фельдшеровъ— не они очень хорошо понимаютъ, что близкій къ нимъ фельдшеръ полезнѣе отдаленнаго отъ нихъ доктора. Когда въ каждой волости будетъ свой докторъ, фельдшеризмъ падетъ самъ собою; въ ожиданіи этого счастливаго момента, самостоятельная дѣятельность фельдшеровъ необходима и неизбежна. Ее называютъ иногда неотвратимымъ зломъ; безусловно согласиться мы не можемъ даже съ этимъ взглядомъ. Заключенная въ известныя рамки, поставленная подъ строгій контроль, она приноситъ несравненно больше пользы, чѣмъ вреда, и не даромъ цѣнится народомъ, масса котораго такъ долго была лишена всякой сколько-нибудь правильной медицинскои помощи.

Чтобы вполнѣ убѣдиться въ преждевременности нападений на фельдшеризмъ, стоитъ только обратиться къ положительной сторонѣ резолюцій обоихъ врачебныхъ съѣздовъ. Курскій съѣздъ высказался за раздѣленіе уѣздовъ на такіе врачебные участки, въ которыхъ было бы не болѣе 30 т. жителей при пятнадцативерстномъ, не болѣе 25 т.—при двадцатичативерстномъ разстояніи крайнихъ пунктовъ отъ центра участка. Петербургскій съѣздъ опредѣлилъ максимумъ населенности участка въ 10 т. жителей, максимумъ разстоянія отъ мѣста жительства врача—въ 25 верстѣ. Нетрудно замѣтить, что эти нормы страдаютъ двумя недостатками: съ теоретической точки зрѣнія, онѣ допускаютъ слишкомъ большое протяженіе участка, слишкомъ дальнія разстоянія между окраинами его и центромъ; съ практической точки зрѣнія, онѣ возлагаютъ на земство непосильную для него, въ большинствѣ случаевъ, тяжесть. Деревни, отдаленныя отъ врача на 25, даже на 20 верстѣ, будутъ—при чисто стационарной системѣ—почти лишены медицинскои помощи; чтобы не забросить ихъ совершенно, нужно будетъ—какъ и предполагаетъ петербургскій съѣздъ—посылать туда фельдшеровъ для самостоятельнаго, по необходимости, леченія, т. е. возвратиться къ фельдшеризму. Съ другой стороны, врачъ будетъ заваленъ множествомъ мелкихъ дѣлъ, съ которыми очень хорошо могъ бы справиться фельдшеръ. Все это, впрочемъ, было бы еще не такъ важно, если бы предположенія съѣз-

довъ были осуществимы; но именно этимъ качествомъ они и не обладаютъ. Возьмемъ, для примѣра, лужскій уѣздъ петербургской губерніи. Населеніе его простирается до 90,000; медицинскихъ участковъ въ немъ должно быть, слѣдовательно, не менѣе девяти. Каждый участокъ, съ пріемнымъ повозомъ, обошелся бы земству по меньшей мѣрѣ въ 3000 рублей; стоимость всей медицинской части, съ больницей въ городѣ, превысила бы 30,000 рублей, между тѣмъ какъ въ настоящее время тратится на медицинскую часть менѣе половины этой суммы—а платежная сила земства уже теперь напряжена до крайности. Этого мало; при раздѣленіи уѣзда на участки только по количеству населенія, нѣкоторые изъ нихъ оказались бы гораздо болѣе обширными, чѣмъ допускаетъ сѣзда. Между двадцатью-пятью волостями лужскаго уѣзда есть такія, изъ которыхъ каждая сама по себѣ превышаетъ нормальный размѣръ проектируемаго участка. Прибавимъ къ этому, что мѣсто пребыванія врача не всегда можетъ быть назначено въ географическомъ центрѣ участка, что многимъ деревнямъ, даже при двадцатипятиверстномъ радіусѣ участка, снѣгомъ да рядомъ будутъ отдалены отъ врача болѣе чѣмъ на двадцать-пять верстъ. Отсюда слѣдуетъ, что для полного осуществленія предложеній сѣзда въ лужскомъ уѣздѣ пришлось бы имѣть не девять, а можетъ быть двѣнадцать или болѣе медицинскихъ участковъ. То же самое, приблизительно, можно было бы сказать и о нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ петербургской губерніи, напр., гдовскомъ или новолодожскомъ. Не ясно ли, что оба сѣзда—не этому собственно вопросу—работали не столько для настоящаго, сколько для отдаленнаго будущаго?

Устанавливая стационарную систему, оба сѣзда допускаютъ, однако, вызвы врачей не только во время эпидемій, но и въ другихъ экстренныхъ случаяхъ—напр., при трудныхъ родахъ, серьезныхъ хирургическихъ поврежденіяхъ и другихъ тяжелыхъ заболѣваніяхъ. Экстренность или важность каждаго отдѣльнаго случая (помимо эпидемій) должна быть, по мнѣнію петербургскаго сѣзда, опредѣляема самимъ врачомъ; въ резолюціи курскаго сѣзда это прямо не выражено, но смыслъ ея, судя по предшествовавшимъ ей преніямъ, тотъ же самый. Намѣреніе обоихъ сѣздовъ очевидно заключается въ томъ, чтобы оградить врачей отъ легкомысленныхъ и неосновательныхъ вызововъ, чтобы снять съ нихъ обязанность являться къ каждому больному, по первому его требованію. Не возражая противъ этой основной мысли, мы желали бы знать, чѣмъ будетъ руководствоваться врачъ при опредѣленіи тяжести заболѣванія, разъ—что не будетъ больше фельдшерскихъ пунктовъ? При существованіи такихъ пунктовъ, тяжелыя заболѣванія, въ большинствѣ случаевъ, мо-

гутъ быть констатированы фельдшеромъ, увѣдомленіе котораго и должно служить достаточнымъ поводомъ къ выѣзду врача. Лишенный этого источника свѣдѣній, врачъ постоянно будетъ рисковать или выѣздомъ изъ-за пустяковъ, или—что еще несравненно хуже—оставленіемъ безъ помощи больныхъ, настоятельно въ ней нуждающихся.

Потреба въ „фельдшеризмѣ“ слишкомъ велика, чтобы онъ могъ быть искорененъ—въ настоящее время—какими бы то ни было постановленіями какихъ бы то ни было свѣздовъ. Односторонность, съ которою относятся къ нему врачи, прискорбна не потому, чтобы она угрожала самому существованію учрежденія, пока необходимаго для народа, а потому, что она мѣшаетъ преобразованію, усовершенствованію этого учрежденія. Противники фельдшеризма указываютъ обыкновенно на недостаточную подготовку фельдшеровъ, на свойственное имъ злоупотребленіе ядовитыми или сильно-дѣйствующими средствами, на безцѣльную или корыстную трату ими лекарствъ, на грубое, бессердечное обращеніе ихъ съ бѣдными людьми, на угодиливость ихъ по отношенію къ сельскимъ властямъ и вообще къ вліятельнымъ мѣстнымъ жителямъ. Всѣ эти указанія не лишены фактической основы; но логическій изъ нихъ выводъ—не прекращеніе, а упорядоченіе самостоятельной дѣятельности фельдшеровъ. Съ увеличеніемъ числа и улучшеніемъ устройства фельдшерскихъ школъ, мало свѣдущіе, ни въ чемъ неспособные фельдшера уступятъ мѣсто другому, болѣе образованному персоналу; пробѣлы школьнаго обученія могутъ быть пополнены обязательной, срочной командировкой каждаго фельдшера въ одну изъ уѣздныхъ больницъ, для занятій подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ врача (кажъ это и дѣлается, напримѣръ, въ грайворонскомъ уѣздѣ). Употребленіе фельдшерами сильно-дѣйствующихъ средствъ можетъ быть поставлено въ извѣстныя, строго-опредѣленныя рамки ¹⁾. Контроль врачей надъ фельдшерами можетъ быть устанавленъ и помимо чисто-разъездной системы, т.-е. помимо частныхъ періодическихъ выѣздовъ врача въ опредѣленные пункты медицинскаго участка. Мы видѣли уже, что обязанность врача выѣзжать на мѣсто въ случаѣ тяжелыхъ заболѣва-

¹⁾ Безусловное запрещеніе фельдшерамъ употреблять сильно-дѣйствующія средства едва ли можно признать целесообразнымъ. Профессоръ Флоринскій, въ известной своей книгѣ о домашней медицинѣ, допускаетъ раздачу такихъ средствъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже совершенными профанами-землевлдѣльцами, священниками и т. п. „Было бы гораздо болѣе вреда“, говоритъ онъ (стр. 67), если бы во время эпидеміи лишать людей возможности принимать лекарство (напр., опиумъ) потому только, что нѣтъ врача для прописки рецепта, чѣмъ разрѣшить раздавать лекарства безъ уполномоченія на то дипломомъ“.

ній признается и приверженцами стационарной системы; почему же не соединить съ такими выѣздами повѣрку дѣйствій фельдшера? Что касается до хозяйственнаго и нравственнаго контроля надъ фельдшерами, не требующаго специальныхъ медицинскихъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне достаточнаго для установленія правильныхъ отношеній между фельдшеромъ и населеніемъ,—то въ преобразованной, всесословной волости организація его не представитъ никакихъ затрудненій. До известной степени онъ осуществимъ и теперь, если только врачи и управа не остаются предоставленными собственными своими силами. Каждый фельдшерскій пунктъ можетъ быть отданъ—какъ это сдѣлано, напримѣръ, послѣднимъ очереднымъ земскимъ собраніемъ лужскаго уѣзда—подъ наблюденіе одного изъ гласныхъ, близко къ нему живущихъ ¹⁾. Если затѣмъ всѣ гласные, принявшіе на себя такое наблюденіе, образуютъ, вмѣстѣ съ членами управы и земскими врачами, уѣздный врачебный совѣтъ (или уѣздную санитарную комиссію), завѣдующій врачебною частью въ цѣломъ уѣздѣ, опредѣляющій и увольняющій фельдшеровъ, разсматривающій нужды и жалобы населенія, то есть полное основаніе предполагать, что дѣятельность фельдшеровъ будетъ свободна отъ крупныхъ злоупотребленій и направлена къ пользѣ массъ, а не той или другой привилегированной группы.

Все сказанное нами о фельдшерахъ примѣняется съ гораздо болѣею силой къ фельдшерицамъ, особенно къ фельдшерицамъ - акушеркамъ. Вездѣ, гдѣ только онѣ ни появлялись, онѣ пріобрѣтали довѣріе и любовь населенія. Свободныя отъ недостатковъ, слишкомъ часто свойственныхъ фельдшерамъ стараго покроя, трезвыя, мягкія въ обращеніи, внимательныя и терпѣливыя, онѣ обладаютъ большою частію и довольно основательными свѣдѣніями, и способностью къ дальнѣйшему усовершенствованію ²⁾. Увеличеніе числа такихъ женскихъ фельдшерскихъ курсовъ, какіе существуютъ, напримѣръ, въ Петербургѣ при общинѣ Св. Георгія, или при рождественскихъ баракахъ, было бы громадною услугою для земско-врачебнаго дѣла. Само собою разумѣется, что служба фельдшерицъ - акушеровъ не можетъ оплачиваться такъ скудно, какъ служба нѣкоторыхъ земскихъ фельдшеровъ (въ курской губерніи, напримѣръ, есть уѣзды, въ которыхъ фельдшера получаютъ по 200 рублей въ годъ). Плата ничтожныя деньги, земство не имѣетъ ни основанія рассчитывать

¹⁾ См. въ „Трудахъ“ курскаго съѣзда (стр. 226) свѣдѣнія о пользѣ, приносимой такими окружными почитателями въ фатежскомъ уѣздѣ.

²⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на интересныя свѣдѣнія, сообщенныя въ курскомъ съѣздѣ о дѣятельности фельдшерицъ въ новооскольскомъ уѣздѣ (Труды съѣзда стр. 229 и слѣд.).

на успѣшную дѣятельность фельдшеровъ, ни права жаловаться на неудовлетворительность ихъ личнаго состава.

Оспаривая, съ практической точки зрѣнія, нѣкоторыя постановленія обоихъ названныхъ нами санитарныхъ сѣздовъ, мы вполне признаемъ и высоко цѣнимъ пользу, приносимую подобными собраніями. Не говоря уже о богатствѣ накопленныхъ ими матеріаловъ, не говоря объ умственномъ движеніи, всегда связанномъ съ живымъ общеніемъ мыслей,—они бесспорно способствуютъ развитію земско-врачебнаго дѣла, обнаруженію и исправленію его пробѣловъ и недостатковъ. Организация медицинской части, рекомендуемая обоими сѣздами и отчасти испытанная уже въ другихъ губерніяхъ, кажется намъ вполне цѣлесообразной. Губернскія и уѣздныя санитарныя комиссіи (или врачебные совѣты), соединяя въ себѣ членовъ управъ, гласныхъ и врачей, лучше всякаго другого учрежденія могутъ внести порядокъ и единство въ веденіе дѣла, обезпечить правильное взаимодѣйствіе земства и медицинскаго персонала. Необходимымъ дополненіемъ ихъ должны служить участковыя попечительства, устройство которыхъ, безъ сомнѣнія, будетъ поставлено на очередь въ ближайшихъ сессіяхъ сѣздовъ. Борьба противъ эпидемій и эпизоотій, оспопрививаніе, земскія аптеки, медицинская статистика, исслѣдованіе условий, отъ которыхъ зависятъ народное здорье, присканіе мѣръ къ его охраненію — все это входитъ въ составъ программы, надъ которой работали и долго еще будутъ работать санитарныя сѣзды. Къ губернскимъ сѣздамъ должны примкнуть съ одной стороны уѣздныя, для детальной разработки вопросовъ, для собранія и повѣрки мѣстныхъ данныхъ, съ другой — областныя, для обсужденія всего того, что касается одинаково нѣсколькихъ губерній, требуетъ совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ губернскихъ земствъ. Петербургскій сѣздъ высказался за созваніе сѣзда представителей сѣверныхъ губерній (петербургской, олонцкой, новгородской, псковской, тверской и ярославской), для разсмотрѣнія вопроса о способахъ борьбы противъ заразныхъ болѣзней. Нужно надѣяться, что осуществленіе этой мысли не встрѣтитъ препятствій со стороны правительства.

Укажемъ, въ заключеніе, на весьма важное предложеніе, сдѣланное однимъ изъ членовъ курскаго санитарнаго сѣзда (докторомъ Долженковымъ). Констатировавъ наличность такихъ формъ заболѣванія, которыя не предусмотрѣны учебниками, и существованіе въ иныхъ случаяхъ извѣстной связи между ходомъ болѣзни и національностью больного, онъ мотивировалъ этимъ необходимость новой задачи для земской медицины. „Всѣмъ извѣстно“, замѣтилъ г. Долженковъ, „что мы—ученики германской науки, ей служимъ и на нее работаемъ; русской научной

медицины нѣтъ еще и зачатковъ. Между тѣмъ, питаюсь исключительно растительною пищею, организмъ нашего крестьянина — не говоря уже о климатическихъ и другихъ окружающихъ его условіяхъ—долженъ много отличаться отъ организма нѣмца. Эту разницу извѣстный анатомъ Груберъ подтвердилъ фактически, найдя, что у русскихъ крестьянъ кишечный каналъ длиннѣе, чѣмъ у нѣмцевъ на 1—2 фута. Такое различіе несомнѣнно должно имѣть вліяніе какъ на характеръ и теченіе болѣзней, такъ и на дѣйствіе лекарствъ. Въ виду того, что многими земскими врачами дѣлаются попытки къ трудамъ, которые не связаны съ ихъ официальнымъ положеніемъ,—попытки разровненныя и потому оставшіяся безплодными,—я хотѣлъ предложить товарищамъ общую, дружную работу въ томъ направленіи, основы котораго я стараюсь развить. Рѣзкая разница въ дѣйствіи лекарствъ—это, такъ сказать, отрицательная сторона работы: положительная заключалась бы въ изслѣдованіи народной медицины. Въ простомъ народѣ существуютъ такъ-называемые знахари-спеціалисты, которые лечатъ одну какую-нибудь болѣзнь или группу болѣзней, и которые, повидимому, обладаютъ могучими средствами, остающимися, къ несчастію, никому неизвѣстными, кромѣ старшаго въ родѣ. Кромѣ того, народъ употребляетъ для своего леченія много средствъ, по преимуществу травъ, которыя никѣмъ не скрываются. Разработка этихъ матеріаловъ должна лежать на насъ, стоящихъ у самой жизни. Безъ нихъ—университетъ не можетъ создать русской медицины“. Предложеніе г. Долженкова, сочувственно принятое курскимъ съѣздомъ, заслуживаетъ, какъ намъ кажется, полного вниманія не только со стороны земскихъ врачей, но и со стороны всѣхъ лицъ, близко стоящихъ къ народу и знающихъ или могущихъ узнать что-либо о народныхъ способахъ леченія.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

ВАРШАВА.—Ноябрь, 1882.

Послѣ всѣхъ безпомечныхъ теоретическихъ преній по поводу нашей политики на окраинахъ—про и contra—очень интересно было бы обратиться въ дѣйствительности и подвести итоги нашихъ культурно-національныхъ приобретеній, за истекшій періодъ нарочитой и усиленной „обрусительной“ нашей дѣятельности, обнимающій собою почти четверть столѣтія. Наговорили мы много на эту тему, но кого и насколько мы „обрусили“ за этотъ періодъ?.. Гдѣ положительные результаты? Вотъ вопросы, въ высшей степени серьезныя и любопытныя. Къ сожалѣнію, однѣ отрицательныя величины не могутъ дать въ итогѣ ничего положительнаго. Становится грустно, когда подумаешь о столь продолжительномъ времени бесплодныхъ усилій, направленныхъ къ достиженію однимъ принудительнымъ путемъ дѣля вполнѣ сомнительной и мечтательной. Сколько серьезныхъ жертвъ, моральныхъ и матеріальныхъ, принесено уже нашимъ государствомъ и обществомъ въ погонѣ за неуловимымъ призракомъ; сколько испытано нами горькихъ разочарованій, и сколько причинено нами лишняго горя тѣмъ, противъ кого направлена наша окраинная политика! Если бы всѣ тѣ умственныя и нравственныя силы, которыя обречены были на бесплодную погоню за призракомъ и мечтой, въ теченіе почти дѣлой четверти столѣтія, обращены были за это время на служеніе инымъ, болѣе важнымъ и жизненнымъ интересамъ государства и народа, то русское общество въ настоящее время представляло бы, быть можетъ, иной культурный обликъ.

Причины нашихъ неуспѣховъ и разочарованій, послѣдствія которыхъ для русскаго государства могутъ окончательно выясниться и опредѣлиться только въ будущемъ, очень естественны, просты и вполнѣ понятны для всякаго непредубѣжденнаго ума. Мы сами создали и вызвали на всей западной окраинѣ государства вражду и борьбу *племенную* и *культурную*, по поводу событій характера чисто *политическаго*. Событія 1863 года, послужившія началомъ этой борьбы, были только „послѣднею тучею“ политической бури, разсѣянной погромомъ 1831 года; они-то повели насъ къ открытію новой, утомительной, безысходной и бесплодно истощающей наши силы кампаніи уже не противъ *политическихъ* притязаній поляковъ, какъ

ничтожной политической силы, стремившейся къ невозможной государственной независимости, а противъ „полонизма“, т.-е. противъ самой національности и культуры польской. Насколько первая задача наша была вполне исполнима, что доказывается самими фактами, настолько задача другая оказалась бесплодною и невозможною, при всемъ нашемъ политическомъ могуществѣ, которое, — кстати прибавить, — далеко не простирается на все польское племя. Начало систематической и открытой племенной и культурной борьбы между „руссифицированномъ“ и „полонизмомъ“ съ приливіемъ фанатической ненависти и запальчивости, положено было гр. Муравьевымъ. Сознательно ли онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, будучи полною властью владѣющимъ судьбъ, достоинства, жизни и смерти человѣческой въ обширномъ сѣверо-западномъ краѣ, котораго онъ былъ генералъ-губернаторомъ, съ безотчетною властью диктатора — сказать трудно. Это не былъ человѣкъ ума государственнаго, онъ не задавался широкими идеями; это былъ, прежде всего, бюрократъ и „охранитель“, который забывалъ, что нужно прежде что-нибудь создать для того, чтобы было что послѣ охранять. Мѣропріятія и „политика“ гр. Муравьева, впрочемъ, не переходили за предѣлы отданнаго въ его власть края и должны были находить себѣ хоть какое нибудь оправданіе въ томъ обстоятельстве, что край этотъ не польскій, а русскій, населенный частію бѣлоруссами, частію малороссами и частію литвинами — „не принимавшими участія въ мятежѣ“... Все это совершенно справедливо; но не слѣдуетъ обладать даже слишкомъ крѣпкою логикою и діалектическою изворотливостію, чтобы понять и доказать, что обстоятельства эти служили отнюдь не къ оправданію, а скорѣе къ полному осужденію „муравьевской“ политики, указывая на очевидную безцѣльность и ненужность крайнихъ мѣропріятій въ краѣ, не населенномъ поляками — „принимавшими участіе въ мятежѣ“. Будущій историкъ и этнографъ, основываясь на характерѣ „муравьевской“ политики, можетъ придти къ совершенно противоположному выводу и, конечно, ошибется, — потому что польскій элементъ въ сѣверо-западномъ краѣ составляетъ, дѣйствительно, ничтожное меньшинство, ничтожную цифру, сравнительно съ массою кореннаго бѣлорусскаго и малорусскаго населенія. Достаточно было поднять образованіе въ странѣ, посредствомъ учрежденія въ центрѣ ея, напримѣръ, въ Вильнѣ, высшаго русскаго просвѣщенія, посредствомъ рациональной организаціи системы народнаго образованія, способнаго пробудить народныя массы къ самосознанію и самостоятельной дѣятельности; достаточно улучшить матеріальный бытъ массъ и поставить ихъ политически хотя въ такое положеніе, въ какомъ въ Галиціи находятся русины, чтобы польскій вопросъ въ сѣверо-западномъ краѣ лежалъ

чить безповоротно. Галиційскіе руссины, живя совмѣстно съ польскимъ элементомъ, энергически отстаиваютъ свою народность и ведутъ успѣшную культурную борьбу съ поляками, хотя тамъ никакіе Катковны не учили ихъ патриотизму... Къ сожалѣнію, „муравьевская“ политика, окончателъно принявъ формы насильственнаго обрусенія польскаго элемента, не только признана была правильною, благодаря софизмамъ и проекамъ извѣстной псевдо-патриотической клики, но перенесена была потомъ и за предѣлы сѣверо-западнаго края, внесена въ этнографическіе предѣлы польскаго племени, въ самое его сердце. Печальное заблужденіе, печальная ошибка!.. Только въра въ человѣческій умъ и даже въ человѣческій эгоизмъ заставляеть насъ думать, что ошибка эта сдѣлана неволью, во имя государственнаго и народнаго блага, а не съ сознательнымъ намѣреніемъ повредить своимъ собственнымъ государственнымъ и народнымъ интересамъ. Племенная вражда и культурная борьба, перенесенныя въ этнографическіе предѣлы польскаго племени, могутъ продолжаться безконечное время, не приводя ни къ какимъ результатамъ, вѣчно составляя открытую рану междуплеменныхъ отношеній, истощающую весь государственный и народный русскій организмъ. Это—истина, въ которой мы искренно и глубоко убѣждены, какъ убѣждены и въ томъ, что такимъ печальнымъ положеніемъ дѣлг охотно и искусно пользуются наши литературные іезуиты для своихъ „охранительныхъ“ цѣлей. Не замѣчательно ли, въ самомъ дѣлѣ, что всякій разъ, когда внутреннія событія въ государствѣ, счастливыя или горестныя, начинаютъ сильнѣе интересовать русское общественное вниманіе, серьезно его озабочивать, будить общество отъ спячки и апатіи, навѣянныхъ на него вынужденною политическою и общественною бездѣятельностью,—въ ту же минуту на западной окраинѣ государства является на сцену добытый откуда-нибудь ad hoc „энергическій дѣтель“ и начинается усиленная обрусительная система, напоминающая извѣстный приемъ—отвлекать вниманіе зрителей въ „сторону“, чтобы искуснѣе подготовить и совершить настоящій фокусъ?..

Всякій непредубѣжденный человѣкъ, слѣдящій за результатами нашей дѣятельности на окраинахъ, не станетъ противорѣчить той истинѣ, что, на самомъ дѣлѣ, по настоящее время мы *никого не ассимилировали, ни единого поляка не обрусимъ*; съ совершенною несомнѣнностью можно утверждать также, что и *отредъ мы не обрусимъ изъ поляковъ никою*. Предполагать противное—значить предаваться дѣтскимъ и непростительнымъ иллюзіямъ. Польская интеллигенція можетъ изучать русскій языкъ и употреблять его официально, для цѣлей необходимыхъ, можетъ съ интересомъ и пользою изучать лучшія созданія русскаго генія и слѣдить за движеніемъ и развитіемъ

русской, какъ и всякой иной славянской, литературы,—это было и прежде, это было всегда; но ни одинъ полякъ никогда не перестанетъ быть полякомъ, никогда не откажется и не можетъ отказаться отъ своего языка и литературы, не отрѣшится и не можетъ отрѣшиться отъ своихъ національныхъ и культурныхъ особенностей, представляющихъ вполне самостоятельный и законченный культурно-этнографическій типъ. И въ данномъ случаѣ повторяется вполне естественное и понятное явленіе: тѣмъ сильнѣе обрусительное давленіе, тѣмъ энергичнѣе внутренней сосредоточенный ему отпоръ. Несомнѣнно, что польская литература, научная, беллетристическая и драматическая и даже общественно-политическая пресса никогда не стояли на такой высотѣ, какой оны достигли именно въ послѣднее двадцатилѣтіе, составляющее какъ разъ эпоху усиленнаго обрусенія польскаго племени, и это не *post hoc*, а *propter hoc*!—но этого не понимаютъ и не видятъ только слѣпые или ослѣпленные обрусители или недобросовѣстные „патріоты“, которыхъ можно назвать „патріотами себя-на-умѣ“...

Еще одинъ весьма рѣзкій фактъ выступить наружу въ разные моменты нашей безуспѣшной „борьбы“ съ полонизмомъ: явные признаки желанія забыть все прошлое и опредѣлить извѣстный *modus vivendi* съ нами, выказываемые польскимъ обществомъ въ моменты нѣкотораго затихшя обрусительной горячки, принимаемаго имъ за признакъ болѣе толерантнаго отношенія съ нашей стороны къ его національности,—въ минуту усиленія этой горячки немедленно уступаютъ мѣсто крайне холодному и недобѣрчивому его къ намъ отношенію. Въ этой замкнутости въ самомъ себѣ, въ этой ледяной холодности и угрюмо-молчаливой сосредоточенности польскаго общества чувствуется глубокая горечь сознанія несправедливости и неправды а результатъ ихъ—раздраженіе и ненависть. Да, не для чего намъ скрывать истину и обольщать себя малодушною ложью... Наши обрусительныя тенденціи возбуждаютъ въ полякахъ, и не въ однихъ полякахъ, только ненависть къ намъ, при полной безуспѣшности и неисполнимости мечтательной нашей задачи. Да и нужно было бы допустить, что поляки созданы совсѣмъ иначе, чѣмъ всѣ остальные люди, чтобы не считать нравственное ихъ состояніе и отношеніе ихъ къ намъ вполне понятными и естественными, въ виду всего того, что творится здѣсь иными изъ нашихъ дѣятелей, не говоря уже объ общемъ направленіи нашей политики. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что ненависть эта ложится пока всею тяжестью только на тѣхъ изъ русскихъ, которые приходятъ въ прямое соприкосновеніе съ мѣстнымъ элементомъ, являясь въ здѣшній край съ цѣлями обрусительными. Поляки думаютъ и признаютъ, что сюда спѣшится все

худшее, всё тѣ, кому нѣтъ мѣста въ Россіи, и признають такихъ людей истинными виновниками зла, желѣя въ душѣ успокоительную вѣру, что ни самое правительство, ни русское образованное общество, ни русскій народъ, не высылать ихъ сюда представителями своихъ истинныхъ намѣреній и выразителями своихъ дѣйствительныхъ отношеній къ мѣстнымъ національнымъ и этнографическимъ особенностямъ. Здѣсь полагають, что и высшее правительство, и русское общество систематически вводятся въ обманъ извѣстными сферами, заинтересованными лично въ сокрытіи передъ ними истиннаго положенія дѣлъ и характера собственной своей дѣятельности. Грѣшнить ли такое убѣжденіе болѣе оптимизмомъ или пессимизмомъ, — говорить объ этомъ не станемъ, — но, конечно, это вѣрно, что русская земля не кляномъ сошлась, и населена она не одними гг. Катковыми.

Здѣсь, въ центрѣ національной и культурной польской жизни, всего естественнѣе и всего удобнѣе поискать рѣшенія болѣе существеннаго вопроса, именно: гдѣ и въ чемъ заключаются истинныя причины полной безуспѣшности нашихъ обрусительныхъ мѣропріятій? При поверхностномъ взглядѣ на дѣло, можно возражать противъ самой постановки такого вопроса, можно указать на русскую администрацію, русскіе суды и школы въ странѣ, какъ на доказательство ея обрусенія до извѣстной степени. Но такое возраженіе было бы не возраженіемъ, а софизмомъ. И администрація, и суды, и школы — все это только „мѣры“, только средства ассимиляціи страны, но гдѣ же самые результаты? — Ихъ нѣтъ, и едва ли они возможны, едва ли будутъ. Всякая ассимиляція есть результатъ культурнаго и свободнаго воздѣйствія, чуждаго насильственности; но для такого воздѣйствія мы не обладаемъ необходимыми данными, мы совершенно бессильны въ культурномъ отношеніи. Мы не вносимъ въ подлежащую ассимиляціи страну ни культурныхъ нравовъ, ни высокихъ общественныхъ и гражданскихъ идеаловъ, ни культурныхъ учреждений, которыя бы можно признать кровными, нашими, созданными и выработанными нашею жизнью и, притомъ, высшими и болѣе совершенными сравнительно съ правами, учреждениями и общественными идеалами мѣстными. Обольщая себя мыслию о дѣятельности культурной, мы все-таки являемся въ сущности только „государственниками“, усматривающими и почерпающими всю свою силу въ поддержкѣ административныхъ мѣропріятій. Безъ полиціи и администраціи мы никого не можемъ выучить даже русской азбукѣ. Только дѣйствительная и высшая культура сама по себѣ обладаетъ ассимилирующею силою, — такая культура, которая состоитъ не въ широтѣ теоретически-политическихъ туманностей, не въ мистически-народническихъ галлюцинаціяхъ, даже не въ усвоеніи отвлеченныхъ

результатовъ знанія,—но которая практически выработана самою жизнью, глубоко проникаетъ въ нравы, привычки и обычаи, отражается въ характерѣ, образѣ мыслей, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ, словомъ — устанавливаетъ и опредѣляетъ весь складъ жизни даннаго общества или народа. Ничего подобнаго мы не вносимъ съ собою въ польское общество, такъ какъ представляемъ изъ себя пока еще только культурный эмбрионъ, полное развитіе котораго принадлежитъ болѣе или менѣе отдаленному будущему. Никто не откажетъ намъ въ замѣчательномъ искусствѣ политически „объединять“ какія угодно народности и страны, но въ культурномъ отношеніи во всякую развившуюся и окрѣпшую культурно сферу мы способны вносить только дезорганизацию. Уничтожая чужое, мы взаимно не даемъ ничего своего. Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ именно поляки могутъ и должны намъ уподобляться, чтб именно мы можемъ предложить имъ своего, взаимно того, что они имѣютъ, что дала имъ собственная ихъ историческая и культурная жизнь? Безъ сомнѣнія, наша литература, въ произведеніяхъ лучшихъ представителей русскаго гениа, богата высокими культурными и просвѣтительными идеалами; но литература — не самая жизнь; напротивъ, нигдѣ, быть можетъ, литература не стоитъ въ такомъ поразительномъ и постоянномъ противорѣчій съ жизнью, какъ у насъ. Польскій народъ, кромѣ того, имѣетъ собственную, исторически развившуюся и очень богатую литературу. Когда изъ Москвы должны были бѣжать первые появившіеся тамъ типографчики, польская письменность находилась въ это время въ полномъ уже и блестящемъ развитіи. Поляки давно уже ассимилированы Западною Европою и живутъ съ нею одною жизнью; наука и просвѣщеніе всегда переходили и переходятъ въ нихъ изъ Европы прямо и непосредственно. Заставить европейскую науку и европейскую культурную жизнь измѣнить свой естественный путь, направить ихъ въ Польшу омовнымъ путемъ, черезъ Москву, — дѣтская мечта и иллюзія, — конечно. Безспорно, мы обладаемъ извѣстными своеобразными культурными силами, составляющими нашу неотъемлемую собственность и богатство. Эти силы, дѣйствительно, неизвѣстны въ исторіи польской культуры; но — воздѣйствіе ихъ на польскій народъ въ высшей степени сомнительно. Прежде всего, поляки — не язычники; у нихъ есть своя національная церковь, своя религія, всесильная во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни, — религія души, сердца и убѣжденія. Это такая могущественная сила въ жизни польскаго народа, она такъ глубоко проникла въ сокровенные изгибы народной души и совѣсти, что отказаться отъ нея поляки настолько же не могутъ, насколько не могутъ отказаться отъ самой жизни. Въ настоящее время религія для поляковъ — это тѣ римскія катакомбы, въ которыхъ искали убѣжи-

ща первые христіане... Такую же могущественную силу ихъ составляетъ и родной языкъ. Языкъ — душа и жизнь народа; пока существуетъ народъ — существуетъ и его языкъ; отказаться отъ своего языка и усвоить языкъ чужой — народъ не можетъ, если бы даже и предположить въ немъ подобное желаніе, что однако не мыслимо. Пусть иные изъ профессоровъ варшавскаго университета утверждаютъ, сколько имъ угодно, что нѣтъ польскаго языка, а существуетъ какое-то польское нарѣчіе или жаргонъ, — это ихъ дѣло, это лежитъ даже въ интересахъ ихъ „учености“, но измѣнить факта они не могутъ. Удивительно развѣ одно, что гг. обрусители съ такимъ апломбомъ приступаютъ къ исполненію своей „миссіи“, безъ всякихъ предварительныхъ опытовъ. Существуетъ въ Россіи множество некультурныхъ народностей: татары, мордва, черемисы, калмыки, каракалпаки и т. п., но и тѣ еще не отказались пока отъ своего языка... Наши патриоты-обрусители, не испытавъ своихъ силъ въ ассимиляціи подобныхъ народностей, являются въ самое сердце народности культурной, съ дѣйствительною или притворною увѣренностью въ успѣхѣ своихъ „идей!“ (?)... Такая увѣренность можетъ быть только результатомъ крайне легкомысленнаго отношенія къ дѣлу и совершеннаго незнакомства ни съ исторіею, ни съ психологіею, ни съ силою противодѣйствія и самообороны, какою обладаетъ всякая культурно-племенная жизнь. Почтенные обрусители не могутъ не понимать этой истины, знакомясь съ нею ежечасно на опытѣ, и кажущуюся увѣренность въ успѣхѣ своихъ „идей“ почерпаютъ, конечно, не столько въ силѣ своей просвѣдательной дѣятельности, сколько въ могущественномъ содѣйствіи виѣшней силы въ полномъ всеоружіи стоящей у нихъ за плечами. Безъ этого содѣйствія они, разумѣется, даже и не принимались бы за дѣло. Тѣмъ не менѣе, ихъ ждетъ неизбежная горечь разочарованія: культурное и въ частности обрусительное воздѣйствіе виѣшней силы еще болѣе сомнительно, чѣмъ ассимилирующая сила собственной ихъ просвѣдательной дѣятельности. Нельзя не признать, что „чиновникъ“ есть продуктъ и душа нашего бюрократизма; но — въ самой этой силѣ скрывается и его слабость. Онъ обязанъ, въ данномъ случаѣ, организовать и направлять дѣло ассимиляціи и, въ то же время, служить для ассимилируемыхъ, такъ сказать, объектомъ усвоенія. Эта-то обширность лежащей на немъ задачи и составляетъ истинный источникъ его несомнѣнной слабости.

Но въ культурныхъ обществахъ бываютъ силы другія, второстепенныя и, тѣмъ не менѣе, могущественныя. Извѣстно, что весьма важнымъ двигателемъ въ дѣлѣ сближенія культурныхъ обществъ и ассимиляціи, или поглощенія одного народа другимъ, является еще

жизнь общественная и семейная. Фактъ странный: такой дѣйствительный путь обрусенія у насъ не только не одобряется, но, напротивъ, дѣлается все для того, чтобы ассимилирующій элементъ стоялъ какъ можно дальше отъ ассимилируемаго, не только въ жизни общественной и частной, но даже и въ сферѣ официальной. Цѣлая бездна раздѣляетъ общество русское отъ польскаго. Это—два лагеря, вполнѣ чуждые другъ другу, живущіе совершенно отдѣльною жизнью, взаимно другъ друга непонимающіе и незнающіе. При такомъ отношеніи между собою двухъ обществъ, немислимо ни малѣйшее воздѣйствіе русскаго общества на польское. Если это такъ,—а это такъ,—то на какомъ же основаніи позволительно мечтать о какой бы то ни было ассимиляціи?... Возможно ли желаемое вліяніе на ассимилируемый элементъ, не имѣющій въ жизни общественной и частной никакихъ точекъ соприкосновенія съ элементомъ ассимилирующимъ, или мнѣнше себя таковымъ? Хуже всего, конечно, если въ основаніи такой тактики или политики лежитъ опасеніе, чтобы изъ роли ассимиляторовъ мы сами не очутились въ роли ассимилируемыхъ. Не входя, впрочемъ, въ истинные мотивы такой странной системы обрусенія, или, вѣрнѣе сказать, „отрусенія“, въ смыслѣ отчужденія, — свѣдѣтельствующей о полномъ нашемъ культурномъ безсиліи, мы замѣтимъ только, что опасенія тѣснаго сближенія русскаго общества съ польскимъ,—если такія опасенія существуютъ,—во всякомъ случаѣ совершенно напрасны: не говоря объ иныхъ причинахъ, никакого органическаго и тѣснаго сближенія между обществомъ русскимъ и польскимъ быть не можетъ, по рѣзкой противоположности ихъ образа жизни, нравовъ, обычаевъ, привычекъ, характеровъ, воззрѣній и убѣжденій.

Во всѣхъ концахъ обширной западной окраины государства, подлежащей „обрусенію“, какъ въ областяхъ, населенныхъ разными русскими племенами, такъ и въ областяхъ чисто польскихъ, жизнь нашихъ „дѣятелей“ и „обрусителей“ сложилась совершенно одинаково. Это—жизнь какая-то лихорадочная, случайная, какъ будто временная, неосѣдая, отчасти авантюристская. Стоя отрѣшенно отъ мѣстнаго общества, ограничиваясь въ жизни частной исключительно собственными чиновничьими сферами, русское служилое общество не представляетъ ничего прочнаго и устойчиваго, ничего органическаго, является чѣмъ-то беспочвеннымъ и чуждымъ всему, что его окружаетъ, чуждымъ всѣмъ мѣстнымъ интересамъ, заботамъ и дѣламъ. Характеристика и картина этой жизни—очень несложны и крайне унылы. Во всѣхъ административныхъ центрахъ, крупныхъ и мелкихъ, существуютъ „русскіе клубы“, безъ которыхъ русскому человѣку рѣшительно некуда было бы дѣваться въ свободное отъ

службы время. Но эти „клубы“ меньше всего служат обмененно мѣстомъ сближенія, отдыха и облагораживающаго развлеченія: они становятся обычными мѣстами безиробудной карточной игры и гнѣдомъ обычныхъ чиновничьихъ сслетень, интригъ и безобразій. А между тѣмъ, этими клубами ограничивается вся внѣслужебная жизнь русскихъ колоній, призванныхъ къ преобразовательной и культурной „миссiи“... По-истинѣ, входя въ эти клубы, я всегда испытываю чувство смущенія, унынія и, сознаюсь откровенно, нѣкотораго страха. Неживописныя группы знакомаго чиновнаго люда, играющія въ карты, стоящія, сидящія и оживленно бесѣдующія, производить, на нервныхъ порахъ, какъ будто пріятное впечатлѣніе: думается—есть жизнь, существуютъ общіе и серьезныя интересы, существуютъ точки сближенія, есть идеи, свединяющія это общество и дающія матеріалъ для разсужденій и обшнѣн мислей. Дѣйствительно, существуютъ интересы и идеи, но совсѣмъ особаго рода. Среди оживленнаго и смѣшаннаго говора, до слуха вашего со всѣхъ сторонъ особенно часто долетаетъ глаголъ: „получить“, спрагаемый разными голосами, съ многообразными вибраціями, діавазонами и темпами, но всѣмъ наклоненіямъ, временамъ и видамъ, и сопровождаемый изумительно тонкими и искусными соображеніями, замѣчаніями и комментаріями... Видно, что этотъ „глаголъ“ составляетъ существенное содержаніе и идеалъ жизни, поглощаетъ и исполняетъ всѣ мысли, чувства и силы души. При этомъ очень часто и съ замѣтнымъ подобострастіемъ провозносится какое-нибудь имя, уже безъ комментаріевъ, какъ всѣмъ извѣстное, имя Федора Ивацыча или Ивана Фехорыча, о которомъ всѣ знаютъ, что это не тотъ Федоръ Ивановичъ, который съумѣлъ выхлопотать себѣ двѣ прибавки, и не тотъ, который ходилъ просить таковыхъ, но былъ прогнанъ, а тотъ самый, который и есть раздаватель всѣхъ поощреній и щедротъ... Группы расходятся и образуются новыя кружки. Прислушайтесь: рѣчь идетъ уже о недавнихъ собесѣдникахъ и пріятеляхъ, слышатся ироническія и насмѣшливыя замѣчанія: „проговорился“... „ловокъ“... „прозѣвалъ“... „продувная штука“... „на шею“... „знаетъ, гдѣ раки зимуютъ“... „не велучить“ и т. п. На другой день, въ чиновничьихъ сферахъ недоумѣнія, сслетни, взаимныя интриги, обвиненія и—разныя сцены... Раннее утро. Многие не успѣли еще протереть глазъ послѣ вчерашней карточной батали... По тропинкѣ двора, ведущей къ задней лѣстницѣ квартиры Федора Ивановича, торопливо шагаетъ чиновникъ, особенно много вчера ораторствовавшій. Въ дверяхъ неожиданно онъ сталкивается съ другимъ чиновникомъ, уже побывавшимъ у Федора Ивановича... Оба нѣсколько сдѣфужены. „Въ отпускъ просился“,—говоритъ болѣе ранній, предупреждая вопросъ, и глубокая

пронія скользнуть по его устамъ. Онъ не можетъ скрыть своего раздраженія, глядя на товарища:— „вотъ что!“ думаетъ онъ про себя: „ну, народцы!“ Остановившись въ дверяхъ, въ свою очередь товарищъ провожаетъ соперника саркастическою улыбкою, посылая въ слѣдъ ему адозитое замѣчаніе: „Кавезы!.. до зары ходитъ по задней лѣстницѣ проситься въ отпускъ... Артисты!“ Съ досадою чиновникъ выбѣгаетъ на лѣстницу, захватывая длинными ногами по нѣскольکو ступенекъ. Минутъ черезъ десять онъ выходитъ изъ кабинета, какъ будто чѣмъ-то огорченный, и въ дверяхъ сталкивается съ батюшкою. Неудовольно, какъ-то бокомъ, чиновникъ торопится шмыгнуть внизъ, стараясь быть неузнаваемымъ, но батюшка не обращаетъ на чиновника ни малѣйшаго вниманія.— „И отсты!— думаетъ про себя чиновникъ:— какая же ему еще прибавка... даже и по закону не полагается...“ Но батюшка совсѣмъ не насотъ прибавки. Во время довольно продолжительной бесѣды въ кабинетѣ Федора Ивановича произносятся часто слова: „приходъ, православіе, весьма затруднительно, страшное горе, общій вошъ...“ Въ отвѣтъ слышатся наставительныя и уворительныя внушенія: „Вадоръ... не смотрѣть! сообщите, что сочувствуютъ, желаютъ, сами просятъ и благодарятъ... Вѣдь, вотъ ученый вашъ о. Гома пишетъ уже документальную исторію о сочувствіи, прошеніи и благодареніи, а вы... эхъ, вы“!.. Кака-то тѣнь смущенія и грустной задумчивости отражалась на лицѣ батюшки, когда онъ медленно сходилъ съ лѣстницы, какія-то неотвѣтчивыя сомнѣнія видимо волновали его, а уста полу-сознательно шептали слова священнаго текста: „Аще не Господь созидаетъ домъ, всеу труждутся зиждущіи“. Но тутъ же батюшка махнулъ рукою и проговорилъ:— „Миѣ-то какое дѣло!.. Черезъ минуту лицо его сіяло улыбкою и веселіемъ.

Эти и подобныя воспоминанія и впечатлѣнія, вынесенныя и всматриванныя въ разныхъ углахъ западной нашей окраины, вездѣ одинаковыя, всегда неизмѣнныя,—холоднымъ камнемъ давятъ умъ и смущаютъ бессильною и пугливую мысль. Какое удивительное противорѣчіе: чиновничья пошлость и фальшь, неумѣніе возбудить въ себѣ не только чувства симпатіи, но даже и простого уваженія и—ассимиляція!.. Многіе изъ „патріотовъ“ и обрусителей ставятъ себѣ даже въ заслугу сознательное возбужденіе, системно своихъ безтактныхъ и несправедливыхъ дѣйствій, чувства антипатіи и неуваженія ко всему, что носитъ русское имя, гордятся такимъ характеромъ своей дѣятельности, и во имя ея рассчитываютъ на сочувствіе и поддержку со стороны своихъ далеко живущихъ литературныхъ патროновъ!..

Не говоря о польскихъ областяхъ, гдѣ мѣстный элементъ далеко отъ всякаго сближенія съ русскими служилыми сферами, преслѣдуя-

шими дѣлами обрусительными,—безпристрастіе должно бы насъ заставить сознаться, что благодаря исключительно бюрократическимъ приемамъ ассимиляціи, и въ русскихъ областяхъ западной окраины обрусительная система не привела по настоящее время ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Несмотря на административное преслѣдованіе польскаго языка, которымъ народъ никогда не говорилъ, и всѣхъ проявленій полонизма, отъ которыхъ народъ всегда стоялъ въ сторонѣ,—общее положеніе дѣлъ, кромѣ значительнаго улучшенія быта крестьянъ, тамъ не измѣнилось за послѣднее двадцатилѣтіе ни на югу. Допуская противное, мы добровольно обманывали бы самихъ себя. Помимо дѣлаго ряда и дѣлой системы обрусительныхъ мѣръ, особенно въ учебной и административной сферахъ, народъ повсюду остается самимъ собою, говоритъ своимъ языкомъ, молится по-своему, рассказываетъ свои легенды и сказки, хранитъ свои преданія, обычаи и нравы, словомъ—живетъ своею жизнью и глядитъ на всякаго заѣзжаго чиновника, какъ на человѣка чужого, далекаго отъ какой бы то ни было органической связи съ мѣстнымъ элементомъ. Никакого общерусскаго сознанія, никакой самодѣятельности въ общерусскомъ смыслѣ даже и тѣни не видно въ обитателяхъ этихъ тихихъ бѣлорусскихъ селъ. вмѣстѣ съ книжками, дѣти крестьянскія забываютъ и книжный языкъ, и великорусскія пѣсни, которымъ ихъ учили въ сельской школѣ, говорятъ своимъ языкомъ, выйдя за порогъ школы, и поютъ пѣсни свои, которымъ научились отъ матерей. Есть, впрочемъ, нѣкоторые тяжелые результаты: какая-то унылая апатія и мертвенность положили свою печать на весь край и носятъ въ самомъ его воздухѣ. Во всемъ краѣ народъ остается элементомъ совершенно пассивнымъ, невѣжественнымъ и глубоко апатичнымъ. Почти цѣлая четверть столѣтія, посвященная „подъему русскаго духа“ въ западномъ краѣ, не создала въ массѣ его населенія никакихъ сознательныхъ возрѣній и убѣжденій, никакихъ политическихъ и національных симпатій, не вызвала никакихъ проблесковъ мѣстной русской литературы, не создала ни одного вполнѣ мѣстнаго и самостоятельнаго „листа“, въ которомъ бы высказывались мѣстные народныя понятія, обсуждались бы мѣстные нужды, требованія, интересы, и который бы взялъ въ свои руки „борьбу съ полонизмомъ“, снявъ часть этого бремени съ полиціи и администраціи... Вездѣ царствуетъ суровый официализмъ, а подъ нимъ все глухо и мертво,—„ни пѣтухъ не запоетъ, ни собака не залаетъ“.

Несмотря на столь минимальные результаты въ областяхъ, населенныхъ русскимъ племенемъ, мы перенесли дѣло „ассимиляціи“ въ этнографическіе предѣлы польскаго племени, достигшаго извѣстной

культуры, исторически окрѣпшей, давно и самостоятельно выработавшаго въ себѣ народное самосознаніе, и — ждетъ результатов!.. Устойчивость и неподатливость этого племени изумляютъ и раздражаютъ иныхъ изъ „обрусителей“, какъ раздражаетъ ребенка камень, который не разбивается подъ ударами его плетви, сплетенной изъ лыка. Изумленіе и недовольство такихъ „дѣятелей“ перешло бы въ полное разочарованіе, если бы они изучили сколько-нибудь почву, на которой дѣйствуютъ, и всѣ стороны внутренней жизни польскаго общества. Но они не знаютъ мѣстной жизни, ничего они не знаютъ въ своей официальной изолированности и при полной отрѣженности отъ мѣстныхъ общественныхъ сферъ. Тѣ, которые ознакомились съ условіями мѣстной жизни и съ характеромъ мѣстнаго общества, вполне далеки отъ всякихъ оптимистическихъ убѣжденій. Оптимисты полагаютъ, что достаточно, напр., приказать польской молодежи учиться, говорить и мыслить по-русски, и она, въ самомъ дѣлѣ, отрѣшившись отъ семьи, общества и отъ самой себя, станетъ говорить и мыслить по-русски. Оптимистамъ кажется, что сдѣлать это такъ легко и просто, какъ ввести, напр., какой-нибудь новый питейный уставъ, или реформировать какую-либо канцелярію. Едва ли имъ извѣстенъ даже и тотъ фактъ, что учащаяся польская молодежь, приобретаая въ адѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ научныя знанія, одновременно перерабатываетъ ихъ, такъ-сказать, изъ русскихъ въ польскія; что проходя учебныя предметы по-русски въ руководствахъ, она изучаетъ и дополняетъ преподаваемое — по учебникамъ польскимъ. Вся сфера научныхъ знаній, обнимаемая гимназическими и университетскими курсами, обладаетъ установившеюся научною терминологіею и изложена въ польскихъ руководствахъ и пособіяхъ. Краковская академія наукъ, краковскій и львовскій университеты, а также и мѣстные ученые, ежегодно обогащаютъ научными трудами польскую учебную литературу, которая даетъ возможность мѣстной учащейся молодежи проходить, въ классныхъ стѣнахъ, у домашняго очага — всѣ курсы на родномъ языкѣ, параллельно съ русскими курсами, слушаемыми въ классѣ или аудиторіи. Никакими распоряженіями и мѣропріятіями измѣнить такое положеніе дѣлъ невозможно, потому что нельзя никому запретить имѣть въ своей домашней библиотекѣ польскую зоологію или алгебру. Ни одинъ изъ польскихъ воспитанниковъ варшавскаго университета не извѣстенъ въ русской литературѣ, въ сферы официальныхъ научныхъ занятій; напротивъ, всѣ его студенты, прослушавшіе полный гимназическій и университетскій курсъ на русскомъ языкѣ и посвятившіе себя потомъ научнымъ и литературнымъ трудамъ, работаютъ для

литературы собственной, т.-е. польской, а иные занимають въ ней даже выдающееся положеніе.

Тотъ же несомнѣнный фактъ ревниваго самосохраненія и самооборонн видѣнъ и въ низшихъ слояхъ мѣстнаго населенія. Племенное самосознаніе, бывшее въ низшихъ классахъ въ нѣкоторомъ усиленіи до тѣхъ поръ, пока неосторожно не коснулась его обрусительная рука, въ настоящее время заявляетъ себя самыми положительными симптомами, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что оно проснулось и стоять на-сторожѣ. Изъ числа многихъ доказательствъ приведемъ слѣдующее. Въ одной варшавской газетѣ передается, напр., слѣдующій, повидимому, малозначительный фактъ: „Надъ дверью, ведущею въ мастерскую одного изъ столяровъ, помѣщена латинская надпись: „Ora et labora“ — молись и трудись! Наставленіе это исполняется буквально. Ежедневно, передъ начатіемъ работъ, а также и по окончаніи занятій, подмастерья и ученики читають общую молитву, а въ праздничные и воскресные дни обязаны собираться на два часа, въ послѣполуденное время, для чтенія поучительныхъ книгъ, ремесленныхъ брошюръ, нравоучительныхъ повѣстей и газетъ. Кромѣ того, каждый подмастерье долженъ руководить однимъ изъ учениковъ и помогать ему въ приготовленіи уроковъ, заданныхъ съ утра въ воскресно-ремесленной школѣ“. Репортеръ обращаетъ вниманіе на этотъ фактъ, впрочемъ, больше потому, что простой ремесленникъ помѣстилъ надъ своею дверью афоризмъ *латинскій*; но для насъ важенъ именно самый фактъ, конечно, не единичный. Съ точки зрѣнія „ассимиляціи“ и „обрусенія“, такой симптомъ далеко не желателенъ. Собираются какіе-то ремесленники, молятся и читають брошюры и газеты!.. Если бы они еще читали „Московскія Вѣдомости“ или „Русь“... Само собою разумѣется, что кто-нибудь можетъ сочинить и каллиграфически переблѣлить распоряженіе: „разогнать и впредь строжайше наблюдать!..“ — надъ чѣмъ? — чтобы не молились и не трудились? — да развѣ это возможно? И притомъ, ремесленники станутъ сходиться въ другомъ мѣстѣ, а если ихъ опять разогнать, то они скроются куда-нибудь въ катакомбы и, кромѣ молитвы и чтенія, станутъ еще и разговаривать...

Итакъ, дѣло „ассимиляціи“, или „обрусенія“, — какъ ни тяжело въ этомъ сознаться, — не только не привело до сихъ поръ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но, напротивъ — повело къ результатамъ несомнѣнно отрицательнымъ, болѣзненно возбуждвъ въ польскомъ племени жизненные его силы, пробудивъ во всѣхъ слояхъ его живое чувство самосознанія и напряженную энергію самооборонн и самосохраненія. Таковъ фактъ. Признать его необходимо, а мы вполне увѣрены, что его не могутъ не признать даже самые искрен-

ніе изъ мѣстныхъ оптимистовъ-обрусителей, если таковыя, т.-е. искренніе обрусители, существуютъ. Раньше или позже, они должны будутъ, однако, сознаться откровенно въ безуспѣшности своей „миссіи“ и отказаться отъ своего оптимизма, если только захотятъ взглянуть на дѣло спокойно и объективно. Подальше всякія мечты, иллюзіи и увлеченія, которыя, проникая въ дѣятельность практическую, доводятъ часто до положенія безотраднаго...

Я писалъ вамъ, въ прошлый разъ, о научно-литературномъ сборникѣ, составленномъ кружкомъ здѣшнихъ ученыхъ и писателей въ пользу Т. Ежа, по случаю исполнившагося двадцати-пятилѣтія его литературной дѣятельности. Учебнымъ начальствомъ разослано по всѣмъ здѣшнимъ учебнымъ заведеніямъ циркулярное распоряженіе, чтобы никто изъ учащихся и учащихся не подписывался на сказанный сборникъ. Неизвѣстны мотивы такого распоряженія; но намъ кажется, что, ради достоинства и авторитета власти, слѣдуетъ всегда издавать только такія распоряженія, исполненіе которыхъ можно контролировать. Вѣрно то, что распоряженіе это послужило лучшей рекламою для сборника, о которомъ очень многіе даже и не знали. Подписка на него, послѣ этого распоряженія, чрезвычайно оживилась... Повторяемъ, что намъ совершенно неизвѣстны и непонятны мотивы такого распоряженія, такъ какъ сборникъ—изданіе научно-литературное, напечатанное съ разрѣшенія правительственной цензуры, а говоря о цензурѣ варшавской, нужно прибавить, что эта цензура и какое бы то ни было послабленіе—понятія несомнѣстныя. Кромѣ того, имя талантливаго писателя, въ пользу котораго изданъ сборникъ, извѣстно какъ имя горячаго польскаго „славянофила“, половину своей жизни посвятившаго изученію южнаго славянства и всею душою преданнаго славянской идеѣ... А вотъ и еще одна „мелочь“. Второе число ноября мѣсяца (по нов. ст.) во всемъ здѣшнемъ краѣ празднуется съ большою торжественностію,— это праздникъ „умершихъ“, такъ называемый „задушный день“. Воспитанники учебныхъ заведеній всегда освобождались въ этотъ день отъ ученія. Въ нынѣшнемъ году учебное начальство подвергло этотъ праздникъ вивисекціи, разрубивъ его пополамъ: утромъ—праздникъ, а по-полудни—буднишний день и обыкновенныя учебныя занятія. Но по-полудни собственно и начинается праздникъ. Безконечныя массы народа направляются къ Повонковскому кладбищу; по полиціи въ этотъ день дѣлаются особыя распоряженія и усиливаются мѣры для сохраненія внѣшняго порядка; съ приближеніемъ вечера, на могилкахъ обширнаго кладбища, засыпанныхъ цвѣтами и вѣнками, зами-

гаются десятки тысячъ огней, зарево которыхъ видно со всѣхъ концовъ города. По показанію официальной газеты, около ста тысячъ народа собралось въ нынѣшнемъ году на кладбищѣ. Многие изъ учащейся молодежи тоже отправились на кладбище, вмѣстѣ съ своими родными, не являясь въ классъ по-полудни, быть можетъ — по требованію родителей! Конечно, это—ослушаніе, и учебное начальство вынуждено было подвергнуть ихъ взысканію, состоящему въ томъ, что каждому изъ ослушниковъ приказано уменьшить баллъ по поведенію, а тѣхъ, которые освобождены отъ платы за ученіе, лишить этой льготы. Учащіеся обязаны безусловно исполнять распоряженія своего начальства и приучаться къ послушанію власти и уваженію къ закону, иначе—ни въ школѣ, ни въ жизни и обществѣ, членами котораго они готовятся быть, не мыслимъ былъ бы никакой порядокъ. Потому, вполне естественно, что за послушаніе они должны быть подвергнуты отвѣтственности; но кто долженъ быть отвѣтственъ за самыя распоряженія, которыя ставитъ учебное же начальство въ необходимость подвергать учащихся взысканію и выставлять имъ дурныя баллы по поведенію въ сущности за то,—съ какой стороны ни смотрѣть на дѣло,—что они молятся Богу?.. Къ сожалѣнію, насильственный разрывъ между жизнью и школою, созданный недавнимъ введеніемъ въ здѣшнія учебныя заведенія стараго календаря, неизбежно и во многихъ случаяхъ долженъ ставить учебное начальство въ положеніе, равносильное прямому конфликту съ самимъ собою, долженъ заставлять учебную власть взыскивать съ учащихся именно за то, чему учить и что внушаетъ сама школа — за религіозность, за послушаніе родительской власти и т. п. Такимъ-то вотъ путемъ и вносится дезорганизация и деморализация въ общество.

Заканчивая настоящую корреспонденцію, я не могу не выразить опасенія, чтобы высказанныя въ ней воззрѣнія и вся точка зрѣнія не признаны были слишкомъ пессимистическими, особенно, чтобы не была заподозрѣна искренность пишущаго, чуждаго малѣйшей тенденціозности, или какихъ-либо пристрастій. Во всемъ изложенномъ высказана только чистая и объективная правда, какъ ее видитъ и понимаетъ пишущій, проникнутый искреннимъ убѣжденіемъ, что и правительству, и нашему обществу—нужна только правда, правда и правда.

А е.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1882.

Политическіе итоги 1882 года.—Египетскій кризисъ и остиндскія дѣла.—Ирландія.—Внутренняя политика французской республики и революціонныя стремленія.—Минимый дефицитъ во Франціи.—Центральная Европа и положеніе партій въ Пруссіи.—Австрія и славяне.—Проектъ международнаго третейскаго суда.

I.

Въ каждой странѣ существуетъ особый классъ людей, стоящихъ на стражѣ внѣшняго величія государства; этимъ людямъ постоянно кажется, что „иностранный политики“ дѣлается слишкомъ мало, что громкія событія совершаются слишкомъ рѣдко, и что достоинство націи страдаетъ отъ отсутствія дипломатическихъ усложненій, кровавыхъ споровъ и разорительныхъ предпріятій. „Мирные патриоты,—какъ говорилъ еще Лабрюйеръ,—сидящіе спокойно въ своихъ домахъ, не подвергаясь никакимъ опасностямъ, дышуть огнемъ и кровью, заботятся о войнахъ, разрушеніяхъ и убійствахъ, нетерпѣливо ждутъ, чтобы войска, находящіяся въ походѣ, встрѣтились съ непріятелемъ, и негодуютъ, что, встрѣтившись, они не сражаются, или что стычки недостаточно кровопролитны, и что мало людей легло на мѣстѣ“. Такихъ любителей сильныхъ ощущеній насчетъ народныхъ массъ оказывается еще очень много въ современной Европѣ.

Если судить по отзывамъ нѣкоторой части печати, то и истекающій нынѣ годъ долженъ быть причисленъ къ весьма неудачнымъ и бѣднымъ въ политическомъ отношеніи. За весь 1882 годъ произошла только одна крупная „рѣзня“—въ Египтѣ, и то—въ ней не участвовало большинство европейскихъ державъ, къ великому огорченію многихъ извѣстнаго рода патриотовъ. Дѣйствовала одна только Англія, и никто не выступилъ противъ ея посягательства, — никто не возбудилъ того общаго пожара, который способенъ былъ бы удовлетворить болѣзненное воображеніе зрителей. Франція не считала нужнымъ ссориться съ Англією; Австрія и Россія также оставались въ сторонѣ. Не очевидно ли, что эти государства подрываютъ свой авторитетъ и рискуютъ потерять свое мѣсто въ Европѣ, не вмѣшавшись въ египетскія дѣла, или не придумавъ для себя подобной же усильной экспедиціи гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ земного шара?

Французскіе публицисты имѣютъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствитель-

ное основаніе быть недовольными одностороннимъ англійскимъ рѣшеніемъ египетскаго вопроса,—ибо Египетъ представляетъ несомнѣнное политическое значеніе для Франціи, какъ средиземно-морской державы; суэзскій каналъ построенъ французами, и французскіе капиталы играли значительную роль въ эксплуатаціи естественныхъ силъ страны. Не жалобы и претензіи другихъ политиковъ по поводу внѣшнихъ успѣховъ Великобританніи составляютъ именно порожденіе той нелѣпой воинственности, которая повсюду отыскиваетъ матеріалъ, могущій отвести глаза отъ собственной пустоты и скуки.

Внѣшнія предпріятія вызываются и сколько-нибудь еще оправдываются избыткомъ средствъ у себя дома, чрезмѣрною тѣсотой отечества и необходимостью новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, рынковъ и колоній, для полезнаго приложенія тѣхъ силъ и средствъ, которыя не находятъ себѣ мѣста внутри государства. Для Англій, снабжающей всѣ части свѣта продуктами своей промышленности и излишками своего населенія, энергическая внѣшняя политика является жизненною необходимостью,—ибо главнѣйшіе матеріальные интересы англійчанъ лежатъ внѣ ихъ родины, въ открытыхъ моряхъ и проливахъ, въ обеспеченности сбыта товаровъ, въ безопасности отдаленныхъ сообщеній и въ возможности утилизировать чужія земли. Если бы другіе народы, поставленные въ совершенно инныя условія, стали подражать Англій въ международныхъ дѣлахъ, то они безцѣльно разорялись бы только и разстраивали бы свое существованіе безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Земледѣльцы не могутъ поступать такъ, какъ поступаютъ мореплаватели; бессмысленно было бы отправляться въ поиски за чужими землями, когда своихъ слишкомъ довольно, и хлопотать о далекихъ рынкахъ, когда сбывать почти нечего. Поэтому нельзя сравнивать иностранную политику Англій съ международною дѣятельностью другихъ государствъ и изъ такого сравненія дѣлать выводы, неблагоприятные для „пассивной“ континентальной дипломатіи. Все это въ сущности—авбучныя истины, которыя приходится повторять только потому, что онѣ сплошь и рядомъ игнорируются легкомысленными проповѣдниками смѣлой предпріимчивости во внѣшней политикѣ.

Лордъ Чатамъ утверждалъ, что „Англія не продержалась бы и одного года, если бы захотѣла быть справедливою на одинъ день“. Гладстонъ не разъ пытался примѣнять принципы справедливости къ международнымъ отношеніямъ, и его попытки не проходили безслѣдно. Знаменитая передача іоническихъ острововъ Греціи въ началѣ шестидесятихъ годовъ представляетъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ добровольной уступки пріобрѣтеннаго права въ пользу слабѣйшей державы. Но быть справедливымъ невозможно тамъ, гдѣ дѣло

идеть о вопросахъ жизни, и министерству Гладстона пришлось испытать на себѣ вѣрность приведеннаго выше изреченія Питта Старшаго. При всемъ своемъ миролюбіи, либеральное правительство Англіи поступило съ Египтомъ такъ рѣшительно и круто, что остальные европейскіе кабинеты не успѣли даже вставить свое слово и должны были довольствоваться признаніемъ „совершившагося факта“.

Всѣмъ извѣстно, какъ началось и велось это дѣло. Египетскій народъ, надъ которымъ долго хозяйничали англійскіе и французскіе чиновники подъ прикрытіемъ полунезависимаго мѣстнаго управленія, показалъ вдругъ признаки самостоятельнаго существованія. Образовалась такъ-называемая національная партія, при участіи военного элемента, съ девизомъ: „Египетъ для египтянъ“. Движеніе было направлено, главнымъ образомъ, противъ европейскаго господства, замаскированнаго финансовыми требованіями кредиторовъ хедива и заботами о безопасности суэзскаго канала. Популярный руководитель новой партіи, Араби-паша, забралъ власть въ свои руки и сдѣлался всемогущимъ военнымъ министромъ. Слабый Тевфикъ-паша не могъ противоудѣйствовать общему настроенію, хотя и старался снять съ себя отвѣтственность за все происходившее, твердо помня судьбу своего отца, Измаила-паши, свергнутаго европейскою дипломатіею за попятыванія къ самостоятельности. Возникли переговоры о мѣрахъ къ подавленію движенія, опаснаго для интересовъ Англіи и Франціи на Востокѣ. Въ Константинополѣ собралась конференція, которая, однако, ничего не рѣшила. Турецкому правительству предложено было повліять на Египетъ въ силу принадлежащей султану номинальной власти,—но это вліяніе не могло обнаружиться въ смыслѣ желательномъ для западныхъ кабинетовъ. Англійскіе броненосцы появились близъ Александріи; туда же направились корабли французскіе, итальянскіе и австрійскіе, для защиты европеицевъ въ Египтѣ. Между Парижемъ и Лондономъ продолжалась усиленная дипломатическая переписка о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Глава французскаго министерства, Фрейсина, обратился къ палатѣ депутатовъ съ предложеніемъ вогнать кредитъ на экспедицію, но потерпѣлъ неудачу, и такимъ образомъ столь старательно подготовлявшійся англо-французскій союзъ, разстроился въ послѣднюю минуту. Кровавыя сцены, разыгравшіяся въ Александріи въ началѣ іюня, ускорили между тѣмъ развязку. Адмиралъ Сеймуръ приступилъ къ бомбардировкѣ, и начальникъ французской эскадры отступилъ уже на почтительное разстояніе отъ мѣста своей прежней стоянки. Съ египетской стороны готовился серьезный отпоръ. Собрались, наконецъ, англійскія войска и высадились на берегъ, въ числѣ около двѣнадцати тысячъ человекъ, подъ начальствомъ сэра Гарнета Уолеслея.

Битва при Тель-эль-Кебирѣ, 13 сентября (н. ст.), рѣшила участь Египта. Армія Араби-паши была разсѣяна, и самъ вождь ея бѣжалъ въ Каиръ, куда вслѣдъ за нимъ подослѣли англичане. Араби-паша отдался въ плѣнъ и выданъ хедиву, который заключилъ его въ тюрьму и нарядилъ надъ нимъ военный судъ по обвиненію въ матажѣ. Въ пользу побѣжденнаго „матежника“ въ Европѣ и въ самой Англии раздаются краснорѣчивые и вліятельные голоса; за него высказался съ своимъ обычнымъ пафосомъ престарѣлый Викторъ Гюго, за него хлопочетъ Фердинандъ Лессепсъ, и о немъ заботятся многіе англійскіе филантропы и политическіе дѣятели. Лондонскіе адвокаты, Бродлей и Нейверъ, взяли на себя его защиту; они работаютъ въ Каирѣ съ цѣлымъ штатомъ переводчиковъ и переписчиковъ, стараются привести въ порядокъ доставляемые имъ отъ Араби оправдательные документы, изъ которыхъ многіе компрометируютъ султана и его ближайшихъ совѣтниковъ. Самъ Араби прислалъ въ газету „Times“ (отъ 14 ноября) любопытное письмо, въ оправданіе неудавшейся рѣшимости защищать свою родину отъ владычества чужеземцевъ. „О, вы справедливые люди!—звываетъ онъ изъ своей тюремной кельи къ правителямъ Англии: „Развѣ египтяне не такія же человѣческія существа, какъ болгары и прочіе иностранцы? Но между бойцами гуманности мы найдемъ такихъ, которые будутъ отстаивать наше право противъ тиранніи, оскверняющей лицо человѣка“. Процессъ Араби-паши послужилъ печальнымъ эпилогомъ національнаго движенія, обѣщавшаго возродить къ новой жизни забытую всѣми египетскую націю.

Что англійское управленіе Египтомъ будетъ лучше всякой туземной администраціи, и что оно внесетъ цивилизующіе элементы въ эту запущенную вѣками страну,—въ этомъ никто не сомнѣвается. Въ устахъ британскихъ государственныхъ людей „цивилизаторская миссія“ есть не пустое слово, а дѣйствительность. Стоитъ только взглянуть на современное состояніе Индіи. Для индійскихъ крестьянъ установлены такія льготы, которыя были бы лишни и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ. Когда крестьяне не могутъ уплачивать налоги по скудости жатвы или по другимъ причинамъ, то слѣдующія съ нихъ деньги не взыскиваются, а переносятся въ видѣ долга въ счетъ будущаго счастливаго урожая. Никакія продажи крестьянскаго имущества для уплаты податей или для удовлетворенія ростовщиковъ не допускаются. Въ октябрѣ 1879 года изданъ законъ „объ облегченіи задолжавшихъ земледѣльцевъ въ Деканѣ“,—законъ, достойный подражанія даже въ нашей Европѣ. Свобода печати существуетъ тамъ еще съ тридцатыхъ годовъ, когда знаменитый Маколей, бывший членомъ верховнаго совѣта въ Калькуттѣ, горячо ратовалъ за освобожденіе индійцевъ отъ цензуры и отъ адми-

нистративной опеки. Въ настоящее время происходитъ въ Индіи непривычная для нея избирательная агитація, ибо съ началомъ новаго бюджетнаго года (1-го апрѣля 1883) должны открыться повсюду окружныя представительныя собранія для свободнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ и потребностей, совершенно независимо отъ вопроса, достигли ли индусы „высокаго культурнаго развитія, или нѣтъ. Индія имѣетъ теперь правительство честное, добросовѣстное и свѣдущее; и если такой же прочный законный порядокъ водворится въ Египтѣ, то отъ этого можетъ только выиграть туземное населеніе,—не говоря уже объ европейскихъ народахъ, заинтересованныхъ въ развитіи разнообразныхъ торговыхъ связей черезъ посредство суэскаго канала.

„Мы желаемъ,—говоритъ „Times“, отъ 6 октября,—управлять Египтомъ для общаго блага. Обезпечивъ наши сообщенія съ Индіею, мы тѣмъ самымъ охраняемъ соціальныя и коммерческія интересы гражданъ всѣхъ націй, представляя въ то же время вѣрнѣйшую гарантію противъ возобновленія замѣшательства въ будущемъ изъ-за египетскихъ дѣлъ“. Эти и подобныя имъ соображенія могли быть достаточны и для князя Бисмарка, когда онъ черезъ германскаго посланника въ Лондонѣ, графа Мюнстера, общалъ свою „правдивую поддержку“ предпринятому Англіею дѣлу. Имѣлось ли притомъ въ виду достигнуть и удобныхъ для Германіи результатовъ, а именно изолированія Франціи и уменьшенія ея вліянія на Востоку, — объ этомъ мы здѣсь судить не беремса.

Задачи внѣшней политики не мѣшали министерству Гладстона обращать свое главное вниманіе на внутреннія улучшенія и реформы. Земельный вопросъ въ Ирландіи разрѣшенъ пока вполне удовлетворительно, какъ видно изъ отчетовъ мѣстныхъ комиссій, которымъ поручено ввести въ дѣйствіе сложныя правила, установленныя билемъ 1881 года. Большинство земледѣльческаго населенія пользовалось льготами этого билля, и важнѣйшій источникъ волненій былъ отчасти устраненъ. „Земельная лига“, руководимая Дэвитомъ и Парнеллемъ, фактически закрылась; аграрныхъ преступленій совершается среднимъ числомъ въ четыре раза меньше, чѣмъ въ соответственные мѣсяцы прошлаго года. Политическія убійства не имѣютъ уже прямой связи съ аграрнымъ движеніемъ и служатъ только симптомами глухой племенной вражды, направленной противъ англійскаго господства вообще. Потребуется еще много времени и усилій, чтобы примирить Ирландію съ Англіею въ политическомъ отношеніи; а такія мѣры, какъ широкая поземельная реформа, пролагаютъ самый надежный путь къ достиженію этой цѣли.

Никогда еще положеніе либеральнаго кабинета и поддерживаю-

щей его либеральной партіи не было такъ прочно въ Англіи, какъ теперь. Въ консервативномъ лагерѣ замѣчается разладъ; люди, подчинившіеся искусству и краснорѣчію Виконсфильда, неохотно слѣдуютъ руководству его официальнаго преемника, сэра Стаффорда Норскота. Успѣхи министерства во внѣшнихъ дѣлахъ отняли у оппозиціи сильнѣйшее оружіе противъ Гладстона, какъ представителя „слабой“ и пассивной иностранной политики. Правительство весьма скромно переноситъ неожиданную славу побѣдъ; оно не требуетъ отъ парламента никакихъ экстраординарныхъ суммъ, такъ какъ на всѣ расходы по экспедиціи хватило вотированныхъ раньше двухъ съ половиною милліоновъ.

По открытіи чрезвычайной осенней сессіи, 24 октября, Гладстонъ внесъ въ палату общій проектъ правилъ о прекращеніи преній по каждому обсуждаемому вопросу, по желанію извѣстнаго числа членовъ (не менѣе ста),—такъ чтобы на будущее время невозможно было то тиранизированіе большинства меньшинствомъ, которое столь удачно практиковалось ирландскими депутатами, заставлявшими палату засѣдать непрерывно въ теченіе 48-ми и болѣе часовъ. Этотъ проектъ, вносящій, съ многочисленными оговорками и предосторожностями, маленькую поправку въ вѣковыя традиціи палаты общинъ, будетъ принятъ только благодаря усилившемуся авторитету министерства: это будетъ ближайшій внутренній плодъ, очевидно крайне невинный, блестящихъ политическихъ пріобрѣтеній извнѣ.

II.

Франція, въ продолженіе истекающаго года, такъ-же „неисправимо“ поглощена была внутренними дѣлами, какъ и прежде,—и она служитъ по прежнему любимой темой размышленій для охранителей всѣхъ странъ, по поводу предполагаемаго политическаго безсилія и упадка французской республики.

Французы не любятъ имѣть надъ собою долго однихъ и тѣхъ же господъ: они часто мѣняютъ министровъ и отъ каждаго разочарованія быстро переходятъ къ новымъ надеждамъ и опытамъ. Это лежитъ въ темпераментѣ народномъ и, слѣдовательно, не поддается строгой критикѣ. Со времени депутатскихъ выборовъ 21-го августа прошлаго года, Франція, по расчету Клемансэ, проглотила 54-хъ министровъ съ ихъ товарищами; а такъ какъ до нынѣшней парламентской сессіи новая палата засѣдала всего 124 дня, то приходится приблизительно по одному министру на каждыя два засѣданія. Кабинетъ Гамбетты, вышедшій какъ бы прямо изъ избира-

тельныхъ урнъ и казавшійся воплощеніемъ народной воли, рухнулъ съ гораздо большимъ шумомъ, чѣмъ его предшественники,—не успѣвъ даже намѣтить ни одного изъ тѣхъ великихъ дѣлъ, которыхъ почему-то всѣ, по старой памяти, ждали отъ бывшаго трибуна. Реформы, возвѣщенныя Гамбеттою, не увлекли общественнаго мнѣнія, а желаніе добиться отъ палаты скорѣйшаго принятія новой системы выборовъ по департаментскимъ спискамъ возбудило подозрѣнія, которыя какъ будто оправдывались назначеніемъ нѣсколькихъ завѣдомыхъ реакціонеровъ—генерала Мирибеля, Вейсса и др.,—на видные правительственные посты. Палатѣ наскучило подчиняться авторитетному тону министра, считавшаго себя всенароднымъ избранникомъ, и „великое министерство“ уступило мѣсто болѣе скромному кабинету Фрейсина. Послѣдній старался лавировать между различными теченіями и партіями, избѣгалъ опредѣленности и колебался изъ стороны въ сторону, пока не наткнулся на подводный камень—египетскій вопросъ. Фрейсина хотѣлъ держаться союза съ Англіею и въ то же время боялся всякаго риска и всякихъ политическихъ затрудненій; палата не могла понять, хочетъ ли онъ мира или войны въ Египтѣ, и разрѣшила дѣло тѣмъ, что свергла его. Наконецъ, въ началѣ августа, составилось нынѣшнее министерство, во главѣ котораго стоитъ дѣятель мало извѣстный, Дюклеркъ, пользующійся симпатіями Гамбетты и президента Греви.

Повидимому, французское общество не придаетъ особеннаго значенія тому, состоятъ ли министрами такія-то лица или другія: и въ самомъ дѣлѣ, все зависитъ въ концѣ-концовъ отъ палаты, предъ которою министры являются лишь исполнителями и слугами. Народное представительство *управляетъ* страню въ полномъ смыслѣ этого слова, а не только контролируетъ и законодательствуетъ, какъ въ Англіи. Каждый депутатъ заслоняетъ собою правительство для избравшей его мѣстности; онъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ властей, ибо онъ черпаетъ свою силу изъ непосредственнаго источника верховенства во Франціи, тогда какъ администрація снабжается своими полномочіями изъ третьихъ рукъ, черезъ посредство министровъ, которые сами подчинены палатѣ. Депутатъ—обязательный защитникъ мѣстныхъ интересовъ, выразитель нуждъ населенія и покровитель своихъ избирателей; и въ такомъ качествѣ онъ необходимо вмѣшивается во всевозможныя дѣла административныя и правительственныя. Говорятъ, что вмѣшательство депутатовъ заходитъ нерѣдко ужъ черезъ-чуръ далеко и что оно вредитъ нормальному ходу управленія. Такіе отзывы объясняются часто тѣмъ, что администрація всегда готова возставать противъ слишкомъ назойливаго и стѣснительнаго контроля. Многіе депутаты, чтобы обезпечить себѣ шансы

будущаго избранія, хлопочутъ, быть можетъ, объ удовлетвореніи даже неосновательныхъ претензій отдѣльныхъ жителей даннаго округа; но какія могутъ происходить опасности отъ подобныхъ случаевъ или злоупотребленій,—понять довольно трудно, хотя консерваторы, воздыхающіе о протекціяхъ иного рода, увѣряютъ, что зло происходитъ ужасное. Нельзя, конечно, предположить, что всякое даже несправедливое желаніе отдѣльнаго депутата непременно исполняется министерствомъ и его органами; поэтому неудобства, на которыя указываетъ и Леонъ Сэй въ своей недавней статьѣ въ „Journal des Economistes“ имѣютъ, вѣроятно, весьма ограниченное значеніе.

Зависимость правительства отъ депутатовъ и отъ палаты даетъ поводъ говорить о непрочности и маломъ авторитетѣ власти,—причемъ понятіе власти, по старинной привычкѣ, связывается исключительно съ положеніемъ сановниковъ, фигурирующихъ въ данное время въ составѣ министерства и администраціи. Настоящая власть во Франціи—народное представительство—отличается именно непоколебимою крѣпостью и всѣми признаваемою нравственною силою. Но и хорошее свободное управленіе, вытекающее изъ реального народнаго духа и сознанія,—а не того отвлеченнаго, о которомъ такъ безплодно толковали иные,—не рѣшаетъ еще само по себѣ всѣхъ вопросовъ человѣческой жизни. Объ этой истинѣ напомнили французамъ серьезные безпорядки въ средѣ рабочихъ въ Монсо-ле-Минь и въ Лионѣ.

Положеніе французскихъ рабочихъ, кажущееся сравнительно сноснымъ въ матеріальномъ отношеніи, страдаетъ тою же шаткостью существованія и тою же зависимою отъ хозяевъ, какъ и вездѣ въ промышленной Европѣ. Руководители работъ въ копяхъ Монсо-ле-Минь, будучи ревностными католиками, усердно наблюдали за религіозностью рабочихъ и беспощадно увольняли тѣхъ изъ нихъ, которые замѣчены были въ неисполненіи церковныхъ обрядовъ или въ вольнодумствѣ, въ чемъ бы оно ни выразалось—въ присутствіи ли на гражданскихъ похоронахъ или въ чемъ другомъ. Такое незаконное давленіе на совѣсть рабочихъ привело къ насильственнымъ протестамъ, которые съ половины августа приняли характеръ общихъ волненій, распространившихся вскорѣ на сосѣдніе округа и отозвавшихся также въ Лионѣ. Динамитные взрывы, бомбы, разрушительныя теоріи,—все это повторилось во Франціи и чрезвычайно напугало мирную буржуазію, давно уже отвыкшую отъ такого рода ужасовъ. Умѣренные республиканцы смутились; враги республики подняли голову, почуявъ возможность близкой добычи.

Съ разныхъ сторонъ поднялся вопросъ: неужели и республика не гарантируетъ отъ революціонныхъ вспышекъ? Вопросъ—по мень-

ней мѣрѣ навѣрный, основанный на смѣшеніи различныхъ понятій, — ибо господство крупныхъ промышленниковъ надъ рабочимъ классомъ не зависитъ вовсе отъ существованія той или другой формы правленія. Рабочіе бунтовали не противъ республики, а противъ своихъ хозяевъ-капиталистовъ. Причины волненій были не политическія, а экономическія и социальныя. Самая безукоризненная и расчетливая политическая организація не устраняетъ желудочныхъ и житейскихъ вопросовъ для нуждающагося рабочаго населенія. Откуда могло возникнуть предположеніе, что при известномъ строѣ государства народъ не будетъ чувствовать обидъ и горя, и нужды? Напротивъ, въ таковой высоко-развитой и свободной странѣ, какъ Франція, матеріальная и нравственная зависимость чувствуется несравненно сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, — ибо уровень потребностей выше, привычки и стремленія болѣе разнообразны и энергичны, чувство справедливости возбуждается легче и настойчивѣе. Тѣ условія, которыя показались бы прекрасными для нѣмецкаго или другого крестьянина, кажутся совершенно невыносимыми для французскаго рабочаго, привыкшаго обѣдать не иначе какъ съ виномъ, одѣваться чисто и пользоваться нѣкоторымъ комфортомъ. Французскихъ рабочихъ раздражаетъ и волнуетъ то, что совсѣмъ не задѣвало бы менѣе взыскательныхъ людей, живущихъ въ суровомъ трудѣ и не имѣющихъ десятой доли удобствъ лійонскаго или менсоломинскаго работника. Если рабочіе недовольны своими хозяевами, то почему недовольство ихъ должно парализоваться тѣмъ постороннимъ для нихъ фактомъ, что въ Парижѣ существуютъ такіа-то государственныя учрежденія, а не другія? Учрежденія сами по себѣ могутъ быть образцовыми и вполне соответственными своимъ специальнымъ цѣлямъ; но затѣмъ припутывать ихъ къ вопросамъ объ экономическомъ бытѣ рабочихъ?

Для рабочихъ, какъ и вообще для всѣхъ жителей, весьма важно, чтобы съ нихъ не взимались чрезвычайные налоги, чтобы собираемые подати доходили по назначенію и употреблялись бы для общей пользы, чтобы не было произвола въ администраціи и чтобы распоряженіе народными средствами подлежало зоркому публичному контролю. Всѣ эти принципы установлены для блага государства; но странно было бы отвергать ихъ на томъ основаніи, что ими нельзя накормить голоднаго, успокоить обиженнаго или уврачевать многочисленныя человѣческія недуги. Много есть на свѣтѣ превосходныхъ вещей, которыя, однако, не замѣняютъ хлѣба; и никто не станетъ выводить отсюда заключеніе, что самыя вещи, значить, никуда не годны. Между тѣмъ, въ такомъ именно родѣ рассуждали о французскихъ порядкахъ въ значительной части европейской печати, по поводу

беспорядковъ между рабочими въ Монсо-ле-Минь и въ другихъ мѣстахъ. Сами парижскіе публицисты, изъ такъ-называемыхъ умѣренныхъ, заговорили робко объ опасностяхъ и преимуществахъ свободы, какъ бы убѣждая себя въ томъ, что республика не виновата въ буйствахъ рабочихъ. Солидный „Temps“, въ номерѣ отъ 30 октября, меланхолически рассуждаетъ о принципахъ, которые давно уже считались бесспорными. Газета не находитъ еще основанія произнести приговоръ противъ свободы: „свобода у насъ введена еще слишкомъ недавно, чтобы рѣшить, насколько она можетъ приняться въ нашемъ климатѣ. Либеральныя учрежденія застали насъ немножко врасплохъ; ни правители, ни управляемые не были достаточно проникнуты сознаніемъ, что полное примѣненіе началъ свободы должно имѣть противобѣсомъ глубокое уваженіе къ закону со стороны гражданъ и твердую рѣшимость правительства заставить его уважать“. Эти робкія слова свидѣлствуютъ лишь, что для впечатлительныхъ консерваторовъ лѣваго центра не рѣшены еще самые элементарные политическіе вопросы, и они каждый разъ вновь всплываютъ на поверхность, подъ вліяніемъ малѣйшаго внутреннего замишательства. Для людей безпристрастныхъ возможенъ только одинъ выводъ изъ событий въ Лионѣ и Монсо-ле-Минь,—что рабочій вопросъ существуетъ еще во Франціи; а это тѣмъ естественнѣе, что за рѣшеніе его вовсе не брались серьезно до сихъ поръ.

Еще одна темная точка появилась въ настоящемъ году на свѣтомъ горизонтѣ французской политической жизни,—дефицитъ въ бюджетѣ. По крайней мѣрѣ о дефицитѣ толкуютъ въ парижскихъ газетахъ, близкихъ къ свѣтиламъ финансоваго міра, находящимся нынѣ въ оппозиціи. Дѣло въ томъ, что на 1883 годъ недостаетъ цѣлыхъ сто милліоновъ, включенныхъ въ смѣту министерства публичныхъ работъ, и которые безуспѣшно предлагалъ вычеркнуть министръ финансовъ Тираръ. По мнѣнію Тирара, названное министерство могло бы сократить свою смѣту на 160 милліоновъ. Мы съ удивленіемъ узнаемъ, что скромное министерство публичныхъ работъ можетъ свободно вычеркивать у себя сотни милліоновъ; мы еще больше удивляемся, узнавъ, что это министерство имѣетъ на будущій годъ колоссальный бюджетъ въ 529 чрезвычайныхъ и 132 обыкновенныхъ расходовъ,—*всего 661 милліона*. И это смѣта такого вѣдомства, какого и не существуетъ вовсе въ нѣкоторыхъ другихъ великихъ государствахъ! Дефицитъ выходитъ здѣсь только потому, что министръ публичныхъ работъ не согласенъ уменьшить свои колоссальныя требованія, вызываемыя грандіозными общепольными сооружениями—постройкою каналовъ, мостовъ, гаваней, желѣзныхъ дорогъ и т. п., по извѣстному плану Фрейсина. Такъ какъ мини-

стерскій кризисъ былъ бы теперь нежелательнъ, то дефицитъ останется въ бюджетѣ и покроется временными ресурсами. Но нашимъ финансовымъ понятіямъ, мы могли бы только сказать: дай Богъ каждому народу подобные дефициты!

Избытки французскихъ богатствъ найдутъ теперь новое помѣщеніе—въ Африкѣ, гдѣ владычество Франціи расширяется и крѣпнеть непрерывно. Судьба Туниса готовится, повидимому, для Мадагаскара, по крайней мѣрѣ для значительной его части. Къ французскимъ владѣніямъ присоединены земли, занятыя по теченію рѣки Конго путешественникомъ Саворнякомъ де-Брацкомъ, съ согласія туземнаго вождя Макоко. Потерю Египта французы вознаграждать такимъ образомъ приобрѣтеніемъ колоній въ другихъ краяхъ: для плодотворной работы найдется еще много простора на земномъ шарѣ.

III.

Неутѣшительную картину представляетъ положеніе остальныхъ великихъ народовъ Европы: тяжесть милитаризма растетъ непомерно съ каждымъ годомъ; налоги увеличиваются, средства населенія слабеютъ, и внутреннее броженіе становится хроническимъ, принимая формы то антисемитскихъ, то социалистическихъ волненій.

Въ Пруссіи народъ извѣрнулся и въ правительство, и въ либеральную оппозицію. Утомившись безплодными ожиданіями, вѣщи все болѣе склоняются на сторону государственнаго социализма, обещающаго коренныя экономическія реформы подъ руководствомъ и по почину власти; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцы имѣютъ успѣхъ консерваторы, выставляющіе на своемъ знамени поземельные и особенно крестьянскіе интересы, забытые національ-либералами въ эпоху ихъ господства. Наиболѣе видные органы нѣмецкаго либерализма сознаются уже въ крупныхъ ошибкахъ своей партіи, оттолкнувшихъ отъ нея народныя массы. „Большая погрѣшность либераловъ, — говорится наприимѣръ въ „Кельнской газетѣ“—заключалась въ томъ, что они вполне отождествляли себя съ безусловными приверженцами свободной торговли и не принимали во вниманіе экономическихъ интересовъ бѣднаго населенія, требовавшихъ покровительственной и облегчительной политики“. Теперь либеральные дѣятели и органы доказываютъ заднимъ числомъ, что социальныя задачи должны стоять на первомъ планѣ, что необходимо улучшеніе быта рабочаго класса, и что нельзя довольствоваться программой формальной свободы и голаго парламентаризма. Но воротить прошлое трудно, и почва,

утраченная либералами, не скоро можетъ быть завоевана обратно. Сельское населеніе принимаетъ все болѣе дѣятельное участіе въ политической жизни, угрожая со временемъ отгнать первенствующую буржуазію и перевѣсить ее своею численностью на всенародныхъ выборахъ. Въ народѣ развивается сознаніе, что причины общественныхъ золъ зависятъ не отъ консерваторовъ или либераловъ, а кроются гораздо глубже, и что взаимная борьба партій не можетъ сама по себѣ измѣнить коренные грѣхи односторонняго военнаго режима. Съ другой стороны, спонтаническій антагонизмъ между правительствомъ и выборными собраніями вызываетъ замѣтное равнодушіе къ избирательнымъ движеніямъ; все равно, каковы бы ни были результаты выборовъ, князь Бисмаркъ будетъ дѣйствовать по своему, и, слѣдовательно, не стоитъ хлопотать объ общественномъ мнѣніи, которое бессильно противъ имперскаго канцлера и его поклонниковъ. Такъ разсуждаютъ очень многіе въ Германіи, и это вліяетъ несомненно на составъ парламента.

Выбранная недавно палата депутатовъ прусскаго сейма имѣетъ консервативный характеръ еще по другимъ причинамъ. По прусскому избирательному закону граждане дѣлятся на три разряда, по количеству уплачиваемыхъ податей, и каждый разрядъ выбираетъ одинаковое число представителей, такъ что два верхніе состоятельные класса имѣютъ вдвое больше депутатовъ, чѣмъ все немущее населеніе государства. Самые выборы происходятъ по устарѣлой сложной системѣ: сначала назначаются делегаты, а тѣ уже избираютъ депутатовъ. Имущественный цензъ играетъ преобладающую роль, и результаты не могутъ не быть „охранительными“. Въ новой палатѣ находится 167 консерваторовъ, не считая католическаго центра въ 97 человекъ; затѣмъ, національ-либераловъ 67; отщепенцевъ 21, прогрессистовъ 37. Правительство, вѣроятно, постарается заручиться содѣйствіемъ нѣкоторой части умѣреннo-либеральныхъ членовъ, чтобы не быть вынужденнымъ опираться на центръ.

Князь Бисмаркъ держится крайне своеобразной экономической политики: онъ сокращаетъ одни налоги для того, чтобы установить другіе, болѣе обременительные, и предлагаетъ помочь народу при помощи средствъ, собираемыхъ именно съ нуждающагося класса. По мнѣнію канцлера, высокія пошлины на иностранныя произведенія падаютъ на карманы иностранцевъ, а не перелажаются ими на потребителей, порождая общую дороговизну. Табачная монополія представляется князю Бисмарку какимъ-то благодатнымъ цѣлебнымъ источникомъ, изъ котораго можно будетъ почерпнуть лекарства противъ финансовыхъ невзгодъ,—хотя ученые спеціалисты доказываютъ ему, что онъ жестоко ошибается. Такъ какъ проекты канцлера от-

вергаются парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ, то они всегда имѣютъ возможность сослаться на это, въ оправданіе запутаннаго положенія государственныхъ финансовъ. Дѣла пошли бы совсѣмъ иначе, еслибъ предположенія и взгляды князя Бисмарка могли вполнѣ осуществиться: такъ повторяютъ и твердятъ ежедневно нѣрныя органы министерской печати. Самообольщенія бываютъ и у гениальныхъ людей,—только они обходятся смѣлкомъ дороже народамъ, если не противодѣйствовать имъ своевременно.

Трениная рѣчь, которою открыты были засѣданія прусской палаты, 14 ноября, возвѣщаетъ, что „немедленно будетъ приступлено къ освобожденію бѣднѣйшихъ классовъ населенія отъ гнета классной подати“ и что „сочраженныя съ вниманіемъ этого налога крутыя и усилжающія нужду экзекуціи будутъ устранены“. Цѣль — прекрасная; но въ той же трениной рѣчи, нѣсколькими строками выше, указано на то печальное обстоятельство, что возрастающія потребности государства не соответствуютъ средствамъ, и что необходимы сегоднѣшніе займы для покрытія дефицитовъ. И несмотря на это съ общаго количества налоговъ дѣлается сбавка на крупную сумму 15 милліоновъ марокъ въ годъ, по официальному вычисленію. Отказываться отъ существующихъ доходовъ для того, чтобы дѣлать займы,—это имѣло бы еще практическій смыслъ, еслибъ уплата долговъ производилась изъ постороннихъ источниковъ и не лежала бы въ концѣ-концовъ на тѣхъ же „бѣднѣйшихъ классахъ“, которымъ предлагается облегченіе. Одною рукою оказать помощь, а другою—налагать новое бремя, еще болѣе значительное, благодаря присоединенію процентовъ,—это система оригинальная, способная вѣрнѣе облегчать карманы, чѣмъ сердца бѣдныхъ гражданъ.

Изъ подробныхъ объясненій, представленныхъ министромъ финансовъ Шольцемъ въ засѣданіи палаты депутатовъ, видно, что бюджетъ будущаго года превышаетъ предшествующій на 134 милліона и представляетъ цифры въ размѣрѣ болѣе миллиарда. Министръ даже замѣтилъ по этому поводу въ нутливомъ тонѣ, что „Пруссія вступаетъ такимъ образомъ въ эру милліардовъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употреблялось понинѣ“. Дефицитъ въ 81 милліоновъ долженъ быть покрытъ займомъ. Займы дѣлаются хроническими; они заключаются ежегодно, и никакого правильного выхода не предвидится изъ этой путаницы. Въ 1878—79 году потребовался заемъ въ 42 милліона, и въ концѣ года оказался еще недочетъ девяти милліоновъ. Въ 1879—80 году сдѣланъ заемъ въ 67 милліоновъ, и потому не хватало еще 5 милліоновъ. Слѣдующій финансовый годъ закончился дефицитомъ въ 37 милліоновъ, и такъ далѣе. Понятно поэтому, что обѣщанное уменьшеніе налоговъ могло

только озадачить нѣмецкую публику въ виду такого состоянія прусскихъ финансовъ.

Внутреннія невзгоды германской политической жизни далеко уже не въ прежней степени вознаграждаются сознаніемъ руководящей роли Германіи въ совѣтахъ Европы. Высшая политика утратила значительную долю своего обаянія въ глазахъ нѣмецкаго народа; нѣмцы убѣдились, что военное величіе покупается слишкомъ дорогою и непосильною цѣною, — они стали замѣчательно миролюбивы, и въ этомъ отношеніи самъ канцлеръ служилъ имъ примѣромъ. Въ послѣдніе годы князь Бисмаркъ дѣйствовалъ неуклонно въ пользу сохраненія мира между державами. Его авторитетное слово не разъ оказывало рѣшающее вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ на Востоцѣ и въ другихъ мѣстахъ. Для нѣмцевъ къ этому утѣшительному сознанію примѣшивается много горечи, вслѣдствіе упорнаго нежеланія канцлера принимать въ расчетъ мнѣнія и потребности нѣмецкаго общества во внутреннихъ дѣлахъ. Слишкомъ большое могущество нѣмцѣй сопровождается разстройствомъ и бессиліемъ внутри, — когда высшее блестящее вооруженіе прикрываетъ не избытокъ силъ, а недостатокъ ихъ для сновоунаго существованія.

IV.

Австро-Венгрія составляетъ *alter ego* Германіи въ области международныхъ отношеній; она имѣетъ лишь ту политику, какую одобряетъ для нея князь Бисмаркъ. Ни внутреннее, ни вѣннее положеніе австрійской имперіи не измѣнилось въ настоящемъ году.

Въ Босніи и Герцеговинѣ вѣнскій кабулетъ имѣетъ обильный матеріалъ для подтвержденія давно извѣстной истины, что земельныя приобрѣтенія не всегда выгодны для государства и часто вводятъ лишь въ безплодныя затраты и затрудненія. Ежегодно Австрія должна приплачивать значительныя суммы на расходы по содержанію войска въ занятыхъ провинціяхъ, — тогда какъ средства монархіи недостаточны для удовлетворенія собственныхъ обязательныхъ потребностей. Министры жалуются на крайнюю стѣсненность финансовъ и, однако, принуждены бросать милліоны на безнадѣжное дѣло, отвергаемое всѣми благоразумными людьми послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опыта. Въ австрійской делегаціи, при обсужденіи требованія кредита въ 9 милліоновъ на этотъ предметъ, всѣ безъ исключенія ораторы осудили политику присоединенія, какъ несогласную съ интересами имперіи и съ желаніями населенія. Делегація согласилась на назначеніе потребованной суммы только потому, что внезапное прекраще-

ніе оккупациі сдѣлалось невозможнымъ. Одинъ изъ членовъ, Гауснеръ, откровенно заявилъ, что изъ ловушки, въ которую попало правительство, поддавшееся соблазну приобрѣтенія, — нѣтъ другого выхода, какъ только отдать Боснію сербскому королевству и затѣмъ заключить съ послѣднимъ военно-политическую конвенцію на подобіе прусско-германскихъ соглашеній. Къ сожалѣнію, политическое самолюбіе не допускаетъ такихъ отказовъ отъ развѣ сдѣланнаго или взятаго. Между тѣмъ дѣйствительно не остается для Австріи другого способа отдѣлаться отъ тяжелой обузы, представляющей притомъ постоянный источникъ столкновеній и восстаній, такъ какъ босняки и герцеговинцы не хотятъ быть австрійцами и естественно тяготятъ къ сосѣднимъ славянскимъ государствамъ.

Любопытно, что, при сомнительныхъ внѣшнихъ и разстроенныхъ внутреннихъ обстоятельствахъ, Австро-Венгрія обладаетъ болѣе воинственною и предприимчивою въ политикѣ газетною прессою, чѣмъ какая-либо другая держава въ Европѣ. Венгерскимъ и австрійскимъ публицистамъ ничего не стоитъ грозить неминуемою войною могущественнымъ союзникамъ, — особенно Россіи и Италіи. Д-ръ Пленеръ, въ своей недавней рѣчи въ полномъ собраніи делегацій, справедливо обратилъ вниманіе на вредное дѣйствіе этихъ постоянныхъ толковъ о неизбѣжности войны, ибо самая мысль объ этой неизбѣжности, проникая въ общее сознаніе, можетъ породить войну. Увѣренія въ прочности мира, высказанныя въ тронныхъ рѣчахъ императоровъ Вильгельма и Франца-Иосифа, а также объясненія графа Кальноки въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ, указываютъ, однако, на полное отсутствіе какихъ бы то ни было опасеній за международное спокойствіе Европы въ ближайшемъ будущемъ. Въ послѣднее время новымъ и весьма важнымъ доказательствомъ надежности европейскаго мира считается свиданіе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ германскимъ канцлеромъ въ Варцинѣ. Объ этомъ событіи, какъ и вообще о поѣздѣ нашего министра черезъ Берлинъ и Варцинъ въ Италію, писалось очень много въ заграничныхъ газетахъ, и общій выводъ ихъ клонится къ тому, что отношенія между Германіею и Россіею казавшіяся отчасти натянутыми, благодаря невозддержному языку нѣкоторыхъ сомнительныхъ патріотовъ, получаютъ вновь прежній дружественный оттѣнокъ.

Въ пользу мира состоялась также въ настоящемъ году одна изъ тѣхъ торжественныхъ манифестацій, которыя съ начала семидесятыхъ годовъ приобрѣли право гражданства въ Европѣ. Мы говоримъ о международной конференціи для введенія третейскаго суда при рѣшеніи политическихъ споровъ. Конференція собиралась въ Брюсселѣ, въ половинѣ октября, и имѣла три засѣданія. Извѣстный бельгійскій

ученый, Эмиль де-Лавелей, провознесъ въ первомъ засѣданіи длинную рѣчь, въ которой доказывалъ, что воинственность коренится чаще всего въ недостатокѣ образованія и въ извращеніи нравственныхъ чувствъ. Англичанинъ Праттъ, въ отвѣтъ на обвиненія въ утопичности мирныхъ цѣлей конгресса, замѣтилъ, что нерѣдко „сегодняшняя утопія есть завтрашняя дѣйствительность“. Второе засѣданіе открылось пламенной проповѣдью извѣстнаго Луазона (патера Гіадинта), не сообщившему слушателямъ ничего новаго. Членъ германскаго парламента, фонъ-Вюлеръ, рассказалъ о своихъ тщетныхъ попыткахъ убѣдить князя Бисмарка и Гамбетту въ необходимости разоруженія. Генералъ Турръ выразился остроумно, что рядомъ съ обществомъ краснаго креста, излечивающимъ нанесенныя раны, должно существовать общество бѣлаго креста, чтобы предупреждать самое нанесеніе ранъ. Третье заключительное засѣданіе наполнено было рѣчью берлинскаго депутата Эдуарда Ласкера, — рѣчью необычно вялою и безцвѣтною.

Непосредственнаго вліянія такіа манифестаціи имѣть не могутъ, — но вмѣстѣ съ другими болѣе осязательными доводами онѣ несомнѣнно содѣйствуютъ водворенію идеи мира даже въ средѣ вооруженныхъ съ головы до ногъ европейскихъ народовъ.

Что касается Россіи, то истекающій годъ былъ для нея мало интересенъ въ отношеніи внѣшней политики, — но не по слабости и пассивности дипломатіи, какъ увѣряютъ „патріоты“, а по болѣе серьезнымъ и вполне уважительнымъ причинамъ, находящимся въ связи съ трудностью задачъ финансовой и внутренней политики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1882

— О. К. Потовичъ, Основы реформъ мѣстнаго и центрального управленія. С.-Петербургъ, 1882.

Книга г. Потовича—сборникъ газетныхъ статей, многого касающихся и ни на чемъ не останавливающихся подробно; почти половина этой книги посвящена вопросамъ, имѣющимъ мало общаго съ административной реформой. Главная заслуга автора—защита всесословности и самоуправления въ мелкихъ административныхъ единицахъ. Такими единицами должны быть, по его мнѣнію, сначала приходъ, потомъ участокъ (замѣняющій волость); сельское общество, какъ самостоятельный центръ управленія, авторъ отвергаетъ. Говоря, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, о книгѣ г. Уманца: „Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу“ (В. Е. 1882 г. № 1, стр. 435—439), мы имѣли уже случай объяснить, почему мы считаемъ необходимымъ удержаніе въ сельскомъ обществѣ специально-крестьянскаго самоуправления; прибавимъ еще, что приходъ—единица во многихъ мѣстностяхъ слишкомъ крупная, чтобы служить первой, низшей административной инстанціей. Въ сѣверныхъ губерніяхъ приходъ нерѣдко раскидывается на нѣсколько десятковъ верстъ въ длину и въ ширину; въ такихъ приходсахъ вся жизнь „приходского попечителя“, проектируемаго г. Потовичемъ, будетъ проходить въ разъѣздахъ. „Приходскій вопросъ“, въ настоящую минуту выдвигаемый на сцену съ разныхъ сторонъ, будетъ подробно разсмотрѣнъ нами въ другомъ мѣстѣ; теперь замѣтимъ только, что обращеніе прихода въ мелкую земскую и административную единицу кажется намъ нежелательнымъ по многимъ причинамъ. Крайне опаснымъ слѣдуетъ признать, дагѣе, предлагаемое г. Потовичемъ установленіе образовательнаго ценза для представителей уѣзднаго общественнаго управленія (подъ этимъ именемъ авторъ, какъ видно изъ всего сказаннаго на стр. 198—202,

разумѣть не только должностныхъ лицъ, служащихъ по выбору, но и гласныхъ земскихъ собраній). Въ качествѣ *дополнительнаго основанія* избирательнаго права, образовательный цензъ можетъ принести большую пользу; но въ качествѣ условія, *необходимаго* для избранія, онъ устранить изъ числа гласныхъ почти всѣхъ крестьянъ, сосредоточить уѣздное управленіе въ рукахъ одного общественнаго класса. Много ли найдется въ настоящее время крестьянъ, „окончившихъ курсъ въ городскомъ или уѣздномъ училищѣ“? Если даже понизить образовательный цензъ до окончанія курса въ двухклассномъ начальномъ училищѣ, то и въ такомъ случаѣ доступъ въ земское собраніе оказался бы закрытымъ для многихъ крестьянъ, вполне способныхъ сослужить въ немъ полезную службу. Пускай только гласные изъ крестьянъ будутъ ограждены отъ всякаго давленія сверху, пускай только избраніе ихъ сдѣлается свободнымъ, *на самомъ дѣлѣ* свободнымъ—тогда незачѣмъ будетъ сокрушаться о томъ, что между гласными-крестьянами есть люди малограмотные или даже безграмотные. Избраніе гласныхъ г. Нотовичъ предлагаетъ производить по участкамъ, съ тѣмъ, чтобы „каждый участокъ выдѣлялъ изъ себя по одному представителю отъ всѣхъ слоевъ населенія, какъ-то: отъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и торговаго сословія, духовенства, школьной и врачебной корпораціи“. Итакъ, если въ участкѣ два или три торговца,—они будутъ имѣть въ земскомъ собраніи такой же голосъ, какъ и все крестьянское населеніе участка? Если въ участкѣ одинъ докторъ или фельдшеръ, то онъ сдѣлается *ipso jure* членомъ земскаго собранія? Дробленіе, проектируемое г. Нотовичемъ, едва ли можетъ быть названо цѣлесообразнымъ. При правильной организаціи всесословной волости или всесословнаго участка, выборъ гласныхъ можетъ быть безъ всякаго неудобства предоставленъ волостному или участковому собранію; въ крайнемъ случаѣ можетъ быть допущено развѣ отдѣльное избраніе представителей отъ крестьянскихъ обществъ и отъ остальныхъ жителей волости или участка, безъ дальнѣйшаго раздѣленія послѣднихъ на категоріи или группы. Замѣтимъ, въ заключеніе, что г. Нотовичъ слишкомъ далеко раздвигаетъ предѣлы дѣятельности участковаго управленія, возлагая на него не только содержаніе, но и устройство—въ границахъ участка—желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ линий. Итакъ, стоимость этихъ государственныхъ сооружений должна быть покрыта только тѣми мѣстностями, черезъ которыя они непосредственно проходятъ? Участокъ, въ которомъ почва вся изрыта оврагами и ручьями, самъ долженъ справиться со всѣми работами, на томъ же основаніи, какъ и участокъ съ гладкой, ровной почвой? Доводя эту теорію до крайнихъ ея предѣловъ, слѣдовало бы возложить

постройку, напримѣръ, моста черезъ Днѣпръ или Волгу—на тѣ два участка, въ черту которыхъ входятъ, въ данномъ пунктѣ, оба берега рѣки.

— К. Л. Листманскій, Основанія научныхъ государственныхъ строеній и польскій вопросъ. С.-Петербургъ, 1882.

Сочиненіе г. Лихтанскаго, какъ видно изъ самаго его заглавія, обнимаетъ собою двѣ задачи — теоретическую и практическую. Въ глазахъ автора первая изъ этихъ задачъ господствуетъ надъ послѣдней, разрѣшая ее, такъ-сказать, мимоходомъ, освѣщая ее своимъ свѣтомъ и обращая ее въ простой логическій выводъ изъ общей мысли. Заключение читателей не совпадетъ, можетъ быть, съ мнѣніемъ г. Лихтанскаго; намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что сказанное имъ о польскомъ вопросѣ важнѣе его философскихъ и социологическихъ взглядовъ. Намѣренія автора весьма широки, надежды его парятъ высоко; онъ думаетъ, что ему удалось „проникнуть въ самое сердце отрицательныхъ государственныхъ порядковъ, положить конецъ государственному фанатизму, положить начало научныхъ государственныхъ строевъ“. Размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ намъ разобрать подробно, насколько реальны успѣхъ, приписываемый себѣ авторомъ; до известной степени, однако, можно судить объ этомъ и по отдѣльнымъ положеніямъ г. Лихтанскаго, а также по результату, къ которому онъ приходитъ. „Кромѣ науки и событій — читаемъ мы на первой же страницѣ, — нѣтъ другихъ факторовъ, управляющихъ ходомъ прогресса. Или природа, или же пониманіе ея мотивовъ, цѣлей и путей; или не мы, или мы — одно изъ двухъ“. Въ послѣднихъ словахъ заключается, безъ сомнѣнія, справедливая (и не новая) мысль; но все предшествующее служитъ только къ ея затемненію. Развѣ наука равносильна пониманію *момента* и *цѣлей* природы? Скажемъ болѣе: развѣ для такого пониманія — или для претензій на такое пониманіе — есть мѣсто въ наукѣ? Противопологать событіямъ, въ смыслѣ фактора, отъ насъ независимаго, можно воздѣйствіе чловѣка на природу, но отнюдь не науку, составляющую только одинъ изъ источниковъ, одну изъ основъ такого воздѣйствія. Въ неточности выраженій очевидно отразилась здѣсь неясность взгляда. „Задачу о научномъ государственномъ строеніи“, говоритъ авторъ нѣсколько дальше, „мы ставимъ въ соотношеніе съ степенью зрѣлости общества, а не абсолютно. Задачи, поставленной такимъ образомъ, общественная наука, какъ *извѣстно*, не только не рѣшила, но даже ея, къ сожалѣнію, не задавалась“. Не знаемъ, что привело автора къ заключенію о такой *извѣстности*;

задача, указываемая имъ, столь же стара, какъ и сама общественная наука, или даже еще старше. Изъ массы примѣровъ, которыми можетъ быть доказано это положеніе, приведемъ только одинъ: въ сочиненіи Дж. Ст. Милля о представительномъ правленіи („Considerations on representative government“) есть цѣлая глава, посвященная разсмотрѣнію условій, при которыхъ эта форма правленія непримѣнима. Напрасно, слѣдовательно, авторъ провозглашаетъ себя Колумбомъ критерія, при которомъ „философская критика дѣлается и возможной, и окончательной рѣшающей данную задачу“; ему принадлежитъ право собственности только на формулу этого критерія, которую онъ называетъ ясной, а мы назовемъ—до крайности темной. Предоставляемъ читателямъ рѣшить, который изъ этихъ двухъ эпитетовъ больше подходитъ къ слѣдующимъ, выписываемымъ нами буквально, фразамъ: „для индивидуальныхъ цѣлей формула выразится соответственностью высоты исхода даннаго жизненнаго отношенія съ высотой правовой оцѣнки той личности, о которой идетъ дѣло. Для цѣлей же междучеловѣческихъ отыщемъ объекты надлежащихъ исходовъ по формулѣ относительной правовой оцѣнки данныхъ личностей или народовъ“. Въ составъ этого опредѣленія входитъ, кромѣ критерія зрѣлости или степени развитія (обуславливающей правовую оцѣнку личности или народа) еще критерій *жизненной истины*, изъ которой, по словамъ г. Лихтанскаго, истекаетъ всякая власть; но можно ли считать критеріемъ понятіе до такой степени относительное и неопредѣленное, какъ *жизненная истина*? Дальнѣйшія разъясненія автора мало помогаютъ дѣлу; преобладающій ихъ характеръ — чисто метафизическій; способъ выраженій, свойственный г. Лихтанскому, дѣлаетъ ихъ еще менѣе вразумительными для читателя.

Отличительная черта теоріи, проводимой г. Лихтанскимъ—отрицаніе *большинства*, какъ рѣшающаго элемента въ государственной жизни; онъ сходится на этомъ пунктѣ съ націоналами „Руси“, отъ которыхъ его во многомъ другомъ отдѣляетъ цѣлая пропасть. Аргументація автора по излюбленному имъ вопросу весьма любопытна, весьма тщательна, но несвободна отъ преувеличеній и даже явныхъ неточностей. „Во что бы обратился институтъ присяжныхъ“, восклицаетъ г. Лихтанскій, „если бы виновность подсудимаго подвергалась баллотировкѣ“? „Какой нравственный авторитетъ“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, „остался бы за судомъ, приговорившимъ человѣка къ смертной казни большинствомъ одного или нѣсколькихъ голосовъ? Какое общество стало бы терпѣть подобнаго порядка приговоры въ судѣ, администраціи и полиціи? Нововведеніе такого рода для каждаго, уважающаго свое достоинство, человѣка было бы явной бессмыслицей“. Авторъ упускаетъ изъ виду, что о „нововведеніи“ здѣсь

не можетъ быть и рѣчи, что приговоры суда, не исключая и суда присяжныхъ, на всемъ континентѣ Европы постановляются по большинству голосовъ. Хорошо это или дурно — это другой вопросъ; но нельзя же игнорировать того, что есть. Несвободенъ авторъ и отъ противурѣчій: онъ говоритъ, наиримѣръ, что право большинства въ особенности неприменимо къ *мыслимымъ* отправленіямъ власти — а между тѣмъ въ окончательномъ предложеніи его просторъ сравнительно болѣе отводится большинству именно въ *мѣстныхъ* собраніяхъ. Предложеніе, о которомъ мы только-что упомянули и въ которомъ сводится вся общая часть книги, заключается въ слѣдующемъ. На всѣхъ степеняхъ управленія, начиная съ волостного до центральнаго, участниками власти должны сдѣлаться представительныя собранія. Организация ихъ, въ главныхъ чертахъ, должна быть одинакова, какъ бы широкъ или узокъ ни былъ районъ ихъ дѣйствій. Избиратели выбираютъ кандидатовъ двоякаго рода — однихъ, предназначенныхъ въ депутаты, другихъ, предназначенныхъ въ члены „выборнаго комитета“; каждый избиратель пишетъ въ томъ и другомъ спискѣ только по одному имени. Число членовъ выборнаго комитета должно быть значительно меньше числа кандидатовъ въ депутаты. Изъ среды этихъ кандидатовъ депутаты избираются выборнымъ комитетомъ. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 364—365) авторъ говоритъ, что избраніе это должно быть *единогласное*, а при отсутствіи единогласія выборъ переходитъ въ руки центральной власти или ея представителя; въ другомъ мѣстѣ (стр. 414—416) онъ допускаетъ рѣшеніе выборнаго комитета по большинству $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$ и т. д. голосовъ, причемъ размѣръ большинства долженъ быть тѣмъ крупнѣе, чѣмъ выше собраніе, въ которое выбираютъ депутаты. Такимъ же порядкомъ, т. е. черезъ посредство выборнаго комитета, должно происходить и избраніе предсѣдателя собранія. Собраній или палатъ, какъ въ волости и въ провинціи, такъ и въ государствѣ, должно быть двѣ — палата обсуждающая и палата рѣшающая; въ первой составляется столько законопроектовъ, сколько въ ней различныхъ группъ или партій; эти законопроекты защищаются членами обсуждающей — или нижней — палаты передъ палатой рѣшающей — или верхней, которая затѣмъ сводитъ ихъ къ одному проекту, принимаемому ею *единогласно*; если единогласія не состоится, то рѣшаетъ министерство, т. е. тронъ. Въ члены нижней палаты и выборнаго комитета, опредѣляющаго ея составъ, избираются обязательно жители той же территоріальной единицы, къ которой принадлежатъ избиратели; въ члены верхней палаты и выборнаго комитета, опредѣляющаго ея составъ, избираются обязательно, наоборотъ, жители другихъ территоріальныхъ единицъ. Такъ, наиримѣръ, въ *волостную*

нижнюю палату избиратели выбираютъ своихъ односеленцевъ, въ верхнюю—жителей другихъ селеній; въ *центральную* нижнюю палату они выбираютъ жителей своей провинціи, въ верхнюю—жителей другихъ провинцій.

Не правы ли мы были, сказавъ въ началѣ нашей замѣтки, что по результату „строенія“ можно судить о степени его научности? Истинно научнымъ путемъ нельзя было бы придти въ такой искусственной, натакнутой, шаткой схемѣ, какую создалъ г. Лихтанскій. Она не имѣетъ даже интереса новизны: избраніе кандидатовъ въ депутаты входило въ составъ знаменитаго плана Сіейса; палаты обсуждающая и рѣшающая существовали въ образѣ наполеоновскихъ трибуналы и законодательнаго корнуса; роль выборнаго комитета весьма похожа на роль избирателей при двухстепенномъ избраніи; права меньшинства ограждаетъ извѣстная система Гера и Милля; единогласный способъ рѣшенія былъ испытанъ польскимъ сеймомъ. Новымъ слѣдуетъ признать, кажется, только обязательное избраніе членовъ верхней палаты изъ среды людей, подалеже живущихъ, т.-е. мало знакомыхъ или вовсе незнакомыхъ избирателямъ. Подробный разборъ такого проекта представляется намъ излишнимъ; замѣтимъ только, что каждый избиратель долженъ, при каждыхъ выборахъ, подать голосъ за четырехъ кандидатовъ, тогда какъ можно было бы ограничиться однимъ. Вообразимъ себѣ положеніе избирателя, безусловно довѣряющаго одному только лицу; куда онъ долженъ проводить его—въ кандидаты на депутатское званіе или въ члены выборнаго комитета? Во второмъ случаѣ избираемый лишается возможности быть депутатомъ; въ первомъ случаѣ избраніе его становится въ зависимость отъ комитета, въ члены котораго избиратель никого сознательно и добровольно проводить не можетъ, такъ какъ довѣріемъ его пользуется исключительно лицо, записанное имъ въ депутатскій списокъ. Въ выборный комитетъ, очевидно, должны быть избираемы лица, высоко цѣнимыя избирателями; не странно ли закрывать именно передъ ними доступъ въ палату? Во что обратилась бы палата только говорящая, но ничего не рѣшающая, къ чему привело бы требованіе единогласія отъ выборныхъ комитетовъ и отъ верхней палаты—это не требуетъ комментаріевъ.

Какъ попытка разрѣшить польскій вопросъ, сочиненіе г. Лихтанскаго имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, безспорныя достоинства—не потому, чтобы имъ былъ точно указанъ правильный *modus vivendi* между національностями русской и польской, но потому, что самый вопросъ поставленъ авторомъ въ примирительномъ духѣ и на почвѣ науки. Чѣмъ больше этотъ складъ мысли будетъ распространяться въ средѣ польскаго общества, тѣмъ меньше останется мѣста для

старинныхъ предрассудковъ и недоразумѣній. „Польская народность“ говоритъ г. Лихтанскій, „не только предпочитаетъ, въ настоящее время, равноправную связь съ Россіей политической связи съ другими народностями, но даже предпочитаетъ ее—въ виду группировки германской и романской расы—отдѣльному политическому существованію... Мы не желаемъ ни завоеваній Польши въ Россіи, ни Россіи въ Польшѣ; мы не желаемъ ни отложенія одной, ни разложенія другой... Обѣ народности стоятъ на одной культурной высотѣ... Юридически признанная и устроенная самодѣятельность ихъ и междунаціональная совмѣстность не только не грозятъ дальнѣйшему совершенствованію той или другой, но напротивъ, составляютъ единственный якорь спасенія... Россія уже перешагнула тотъ моментъ, когда насильственное давленіе на польскую народность было исторически правильно и когда, ради возможности этого давленія, Россія принуждена была отказываться отъ представительныхъ учреждений“. Всѣмъ этимъ положеніямъ можно сочувствовать безусловно. Мы очень жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ познакомить читателей съ экскурсіей г. Лихтанскаго въ прошедшее Россіи и Польши—экскурсіей не чуждой парадоксовъ, но во многихъ отношеніяхъ весьма интересной. Отдѣльныхъ замѣчаній и мыслей, заслуживающихъ вниманія, разбросано, впрочемъ, немало и въ теоретической части изслѣдованія г. Лихтанскаго. Мы можемъ примѣнить къ нему вполнѣ сказанное нами, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по поводу книги г. Смоликовскаго: появленіе на русскомъ языкѣ сочиненій, написанныхъ польскими учеными, составляетъ хорошій признакъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ лучшихъ средствъ къ сближенію обоихъ народовъ.

Сергій Шараровъ. Министерство земледѣлія и его мѣстныхъ агентствъ. Москва, 1882.

Новая брошюра г. Шарарова написана на ту же тему, которой посвящена ббольшая часть его докладовъ, записокъ и журнальныхъ статей—на тему объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, путемъ искусственныхъ удобреній и усовершенствованныхъ орудій. Авторъ воздержался на этотъ разъ отъ свойственнаго ему самовосхваденія и низкопробнаго полемическаго задора; нападеніямъ на „теорію крестьянскаго малоземелья“ отведено весьма скромное мѣсто, даже отношеніе къ крестьянскому поземельному банку гораздо снисходительнѣе, чѣмъ прежде. Говоря (въ іюльской „Общественной Хроникѣ“) о главномъ сочиненіи г. Шарарова („Будущность крестьянскаго хозяйства“), мы имѣли уже случай замѣтить, что въ его взглядахъ

много справедливаго, что забота объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства вполне законна, *лишь бы только* она не исключала заботу о распространеніи крестьянскаго землевладѣнія. Организация кредита для приобрѣтенія крестьянами тузовъ, плуговъ, сѣмянъ должна и можетъ идти рядомъ съ организаціей кредита для приобрѣтенія ими земли, въ мѣстѣ постоянного ихъ жительства или въ другихъ частяхъ государства. Г. Шарановъ совершенно правъ, настаивая на вмѣшательствѣ государственной власти въ дѣло развитія крестьянскаго хозяйства—вмѣшательствѣ не принуждающемъ, не приказывающемъ, а поощряющемъ и помогающемъ; онъ совершенно правъ, доказывая необходимость созданія прочной и обдуманной земледѣльческой политики. Весь вопросъ—въ средствахъ, которые онъ рекомендуетъ для достиженія этой цѣли. Они указаны въ самомъ заглавіи его брошюры; учрежденіе министерства земледѣлія и мѣстныхъ его агентствъ составляетъ, въ глазахъ автора, первый шагъ по новому пути, обуславливающий всѣ остальные. Нельзя отрицать, что центральные правительственные органы слишкомъ мало, до сихъ поръ, думали о способахъ поднятія крестьянскаго хозяйства, что меньше всего сдѣлало въ этомъ отношеніи именно то вѣдомство, въ составѣ котораго числится департаментъ „земледѣлія и сельской промышленности“; но ошибочно было бы ожидать чего-либо существеннаго отъ одной переимѣны наименованія, отъ новаго распредѣленія занятій между различными отраслями управленія. Крестьянское хозяйство было заброшено и оставлено на произволъ судьбы не потому, что у насъ не было министерства земледѣлія, а потому, что, начиная съ половины шестидесятыхъ годовъ, наши правительственные сферы систематически игнорировали самый крестьянскій вопросъ. Какъ только измѣнилась, въ 1880 г., господствовавшая система, попеченіе о крестьянствѣ было выдвинуто на первый планъ—выдвинуто именно тѣмъ министерствомъ, которому принадлежитъ у насъ преимущественно политическое значеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ не случайно ввѣлъ на себя инициативу аграрныхъ реформъ; вредная государственная политика отвергала ихъ въ принципѣ, а новая—должна была начать съ признанія ихъ настоятельности и неотложности. Въ настоящую минуту трудно сказать, будетъ ли продолжаться дѣло, начатое два года тому назадъ; но мы едва ли ошибемся, если поставимъ по этому поведѣ слѣдующую дилемму: или крестьянскій вопросъ, понимаемый въ смыслѣ улучшенія крестьянскаго быта, не сойдетъ со сцены—въ такомъ случаѣ мѣры, указываемыя необходимою, будутъ приняты и при отсутствіи особаго министерства земледѣлія; или „мужицкая Россія“ опять будетъ забыта—въ такомъ случаѣ не принесетъ пользы и образованіе новаго

вѣдомства, подъ какимъ угодно именемъ и съ какою угодно программой. Исходя изъ этого убѣжденія, мы не возражаемъ противъ мысли г. Шарапова объ учрежденіи министерства земледѣлія, но и не придаемъ ей большого значенія. У насъ и теперь уже есть министерство, которому ничто не мѣшаетъ заняться преимущественно интересами земледѣлія: это—министерство государственныхъ имуществъ, два департамента котораго вѣдаютъ именно лѣсоводство и сельское хозяйство. Стоитъ только передать управленіе государственными оброчными статьями, какъ источникомъ казеннаго дохода, министерству финансовъ—и министерство государственныхъ имуществъ получитъ возможность посвятить себя всецѣло одной задачѣ, безъ всякихъ лишнихъ затратъ на центральную администрацію. Мѣстныя управленія государственными имуществами могутъ быть слиты съ казенными палатами, и сбереженные такимъ образомъ средства— обращены на болѣе производительные расходы, направленные къ улучшенію крестьянскаго хозяйства.

Вторая часть плана г. Шарапова касается мѣстныхъ агентствъ министерства земледѣлія. Они проектированы имъ въ широкихъ размѣрахъ, какъ „правильно организованна самостоятельна хозяйства“. Мѣстные органы новаго министерства должны быть, по мысли автора, не только кредитными учрежденіями, не только статистическими и метеорологическими бюро; они должны производить хорошія посѣвныя сѣмена, выращивать хорошія породы скота, организовывать небольшія мастерскія для починки машинъ, устраивать сыроварни, маслобойни и другія, смотря по мѣстнымъ условіямъ, техническія производства, вести параллельно крупное и мелкое хозяйство, служить образцомъ для крупныхъ и мелкихъ, для общинныхъ и личныхъ землевладѣльцевъ. Обзаведеніе такого агентства, на купленной казною землѣ, можетъ обойтись, по расчету г. Шарапова, по меньшей мѣрѣ въ 40 тысячъ рублей (въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о 45—70 тысячахъ); а между тѣмъ, въ каждомъ уѣздѣ необходимо по крайней мѣрѣ одно агентство. На первое время, поэтому, г. Шарановъ предлагаетъ въ агенты мѣстныхъ помѣщиковъ, съ назначеніемъ имъ небольшой правительственной субсидіи и съ подчиненіемъ ихъ какъ правительственному, такъ и земскому контролю. Въ этомъ, очевидно, заключается слабая сторона проекта. Много ли у насъ помѣщиковъ, справляющихся какъ слѣдуетъ съ своимъ собственнымъ хозяйствомъ? Многие ли изъ тѣхъ, которые умѣютъ работать въ свою пользу, сумѣютъ и захотятъ работать на пользу общую, на пользу массы, имъ чуждой, а иногда и эксплуатируемой ими? Легко ли будетъ вести параллельно счеты частнаго и казеннаго хозяйства, не смѣшивая однихъ съ другими? Легко ли

будетъ установить дѣйствительный контроль надъ дальними уголками дальнихъ мѣстностей, легко ли будетъ руководить тѣми агентами-помѣщиками, которые окажутся нуждающимися въ руководствѣ? Производя капиталныя затраты на своей собственной землѣ, казна можетъ быть увѣрена въ томъ, что онѣ не пропадутъ бесслѣдно; въ отношеніи къ затратамъ, сдѣланнымъ въ частномъ имѣніи, такая увѣренность немислима. Передача агентства изъ рукъ одного помѣщика въ руки другого всегда будетъ обходиться казнѣ недешево; прибѣгать къ такой передачѣ будутъ, поэтому, только въ крайнихъ случаяхъ, и званіе помѣщика-агента сдѣлается, пожалуй, чѣмъ-то похожимъ на синекуру. Устранить всѣ эти неудобства вполне возможно, если только упростить задачу агентствъ. Пускай кое-гдѣ будутъ устроены, на казенной землѣ, образцовыя хозяйства, приспособленныя къ крестьянскимъ потребностямъ; дѣятельность большинства агентствъ должна быть ограничена, по крайней мѣрѣ сначала, продажей крестьянамъ по дешевой цѣнѣ, въ кредитъ или съ разсрочкой, искусственныхъ удобреній, плуговъ, желѣзныхъ боронъ, сѣмянъ и вообще всего того, что можетъ способствовать развитію крестьянскаго хозяйства. Организация *такихъ* агентствъ не потребуетъ ни большихъ одновременныхъ затратъ, ни значительныхъ постоянныхъ расходовъ; во многихъ мѣстахъ они могли бы быть слиты съ увѣдными земскими управами, а въ случаѣ учрежденія всеобщей волости—съ волостными управленіями.

—В. А. Лебедевъ, Финансовое право. Томъ первый, выпуски первый и второй. С.-Петербургъ, 1882.

Сочиненіе г. Лебедева, составившееся изъ лекцій его въ петербургскомъ университетѣ, можетъ принести нѣкоторую пользу какъ справочная книга, какъ сборникъ данныхъ по исторіи и литературѣ финансоваго права, по современному положенію его въ Россіи и западной Европѣ. Другого значенія оно, по всей вѣроятности, не приобрететъ, въ виду загроможденія его массой цитатъ и фактовъ, недостаточно освѣщаемыхъ и объединяемыхъ взглядами самого автора. Примѣромъ излишней подробности изложенія могутъ служить тѣ части второго выпуска, гдѣ на восемнадцати страницахъ (460 — 478) излагаются мнѣнія разныхъ авторовъ о способѣ раздѣленія налоговъ, или на двѣнадцати (649—661) — постановленія нашего положенія о пошлинахъ за право торговли. Кому понадобится знать, сколько существуетъ въ Австріи окладовъ поземельнаго налога (стр. 639), тотъ всегда найдетъ возможность справиться объ этомъ по источникамъ, лишь бы только они были указаны въ руко-

водствѣ. Что касается до взглядовъ самого автора, то ихъ не всегда легко отдѣлать отъ ссылокъ на корифеевъ западно-европейской финансовой науки; не всегда, также, они отличаются твердостью и опредѣленностью. Такъ, напримѣръ, говоря о налогѣ на наследства, г. Лебедевъ высказывается противъ соразмѣрности его съ родственными отношеніями, т.-е. противъ увеличенія его параллельно съ отдаленностью родства между наследникомъ и наследодателемъ; между тѣмъ, нѣсколькими строчками дальше (стр. 354) мы читаемъ: „умѣренность въ обложеніи нисходящихъ наследниковъ можно рекомендовать ради охраненія экономическаго цѣлостности семьи. Того же можно желать касательно обложенія наследованія въ восходящей линіи. Боковое родство — совсѣмъ другое дѣло; тутъ нѣтъ прямой семейной связи; наследство достается случайно; это, по старому нѣмецкому выраженію, *lachende Erben* — наследники смѣющагося“. Спрашивается, что же это такое, какъ не аргументація въ пользу только-что отвергнутой авторомъ прогрессивнѣе налога для дальнихъ степеней родства?—Нельзя не замѣтить, однако, что мнѣнія г. Лебедева свободны, вообще говоря, отъ узкаго консерватизма, отъ всякой сословной или плутократической окраски; всего ближе они подходятъ къ доктринамъ нѣмецкихъ „Katheder-Socialisten“. Авторъ стоитъ, напримѣръ, не только за подоходный, но и за прогрессивный подоходный налогъ, находя—и совершенно справедливо,— что онъ наврѣль уже въ сознаніи русскаго общества, и что „указанію на *преждевременность*, тормазившему прежнія начинанія, нѣтъ болѣе мѣста“.—К.

ПОЛЕМИКА

ПО ПОВОДУ КНИГИ Г. НОТОВИЧА.

Письмо въ редакцію.

Мои замѣчанія на книгу г. Нотовича: „Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія“, помѣщенные въ „Новостяхъ“, удостоились вниманія нѣкоторыхъ газетъ и подверглись въ нихъ болѣе или менѣе подробному разбору. Споръ принялъ неожиданнныя размѣры и выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ газетнаго фельетона, почему я и перенесу его на страницы журнала, въ которомъ работаю столько лѣтъ.

Считаю обязанностью представить объясненія на сдѣланныя мнѣ возраженія. Исполняю этотъ долгъ передъ органами печати и читателями тѣмъ охотнѣе, что полемика, вызванная книгой г. Нотовича, не выходитъ изъ сферы общихъ вопросовъ и не надама до сихъ поръ ни малѣйшаго повода къ личнымъ препирательствамъ, вообще крайне прискорбнымъ въ литературѣ, а особливо когда рѣчь идетъ о вопросахъ, въ высокой степени интересующихъ всѣхъ мыслящихъ людей.

Мой взглядъ на Россію называютъ, прежде всего, „безнадежно-мрачнымъ“, находятъ, что „это взглядъ отчаянія, взглядъ человѣка, порвавшаго со вселенными надеждами“¹⁾. Въ подтвержденіе такого заключенія приводятся мои слова, что „гораздо возможно и вѣроятнѣе, судя по тому, что происходитъ, наступленіе хаоса и смѣшенія языковъ въ той или другой формѣ“. Наконецъ, мнѣ приписывается безнадежный взглядъ не только на наше настоящее, но и „на будущее“.

Почему изъ моихъ замѣтокъ сдѣлать такой выводъ, я по истинѣ не могу понять. Кто читалъ книгу г. Нотовича, тотъ знаетъ, что авторъ считаетъ возможнымъ все мѣстное управленіе построить у насъ на выборномъ началѣ, и рядомъ съ нимъ поставить губернатора. Находя эту комбинацію невозможной, чтѣ доказано неудачами нашего земскаго самоуправленія, я стараюсь объяснить причину неудачъ и предлагаю другую комбинацію, которая, какъ мнѣ кажется, можетъ лучше разрѣшить задачу. Причины, почему мнѣ кажется невозможнымъ построить мѣстное управленіе *исключительно* на выборномъ

¹⁾ См. „Нов. Время“.

началѣ, состоятъ, во 1-хъ, въ крайне низкой степени культуры господствующаго, великорусскаго племени; во 2-хъ, въ совершенномъ отсутствіи привычки къ самоуправленію, которая вездѣ, гдѣ оно есть, приобретена и воспиталась жизнью въ сословіяхъ, кружкахъ, корпораціяхъ; комбинація же, которая мнѣ кажется наиболѣе къ намъ подходящею въ настоящее время, состояла бы въ организаціи мѣстнаго учрежденія, составленнаго изъ коронныхъ чиновниковъ и выборныхъ, на равныхъ правахъ.

Такъ былъ поставленъ вопросъ. Что же въ такомъ взглядѣ отчаяннаго и безнадежнаго, въ настоящемъ и будущемъ? Г. Потомичъ рассчитываетъ на готовый матеріалъ для организаціи мѣстнаго самоуправления; а этого матеріала не вижу. Отецъ можетъ быть, что я ошибаюсь, но такъ мнѣ кажется. Правъ я, или неправъ—другой вопросъ; но что я такъ думаю не доказывать ни отчаяніемъ, ни безнадежностію.

Далѣе, говорятъ, что мое „безнадежное заключеніе“, не строгой логикѣ, едва ли составляетъ выводъ изъ тѣхъ предпосылокъ, которыя я даю для характеристики нашего настоящаго положенія; что въ набросанной мною картинѣ нельзя узнать каюна наступленія хаоса и смѣшенія языковъ. Но я и не думалъ связывать отсутствія у насъ культуры съ совершенной нашей неурядицею, какъ причину съ ея послѣдствіями. Рядъ моихъ мыслей былъ такой: всѣ признавать, что теперешній порядокъ вещей у насъ ненормаленъ; г. Потомичъ, въ своей книгѣ, находитъ выходъ изъ него, между прочимъ, въ устройствѣ мѣстнаго управленія исключительно на выборномъ началѣ; я же думаю, что реформа въ этомъ направленіи не привела бы къ желаемой цѣли, но крайне низкой степени нашей культуры. Это совсемъ не то, что приписывается мнѣ въ упомянутой статьѣ. Хаосъ и безурядица бывали въ нашей исторіи не одинъ, а нѣсколько разъ и не представляютъ ничего безнадежнаго, какъ они ни тягостны. Смутъ и безтолочи было много и передъ реформою Петра. Это у насъ признавать перехода изъ одного историческаго возраста въ другой.

Въ той же статьѣ смѣшивается двѣ мысли, которыя у меня различны, и вслѣдствіе того приписывается мнѣ взгляды, которыхъ я не разделяю. Я говорю, что г. Потомичъ, въ своей программѣ реформы мѣстнаго управленія, опускаетъ изъ виду два весьма важныхъ фактора русской жизни: почти полное отсутствіе культуры и то обстоятельство, что у насъ не сложилось ни сословія, ни общественныхъ слоевъ, ни кружковъ, слабыя зачатки которыхъ распустились и исчезли въ безличномъ всенародствѣ. Но упавшая на эту черту, шнившую ничего общаго съ развитіемъ культуры, я оговариваюсь: „очень можетъ быть, по-моему даже очень вѣроятно, что изъ этой

характерной чертѣ лежитъ задатокъ совершенно иной, своеобразной формациі, какихъ доселѣ еще не бывало" и ссылаюсь на свою брошюру о крестьянскомъ вопросѣ, гдѣ эта мысль развита подробнѣе. А меня поняли такъ, будто бы, по моему взгляду, признакомъ отсутствія у насъ культуры служатъ отсутствіе сословій и кружковъ, будто я упрекаю Россію во „всенародствѣ“. Ничего такого я никогда не думалъ, не говорилъ и никогда Россію во всенародствѣ не упрекалъ. Увлечись мыслью, будто я во всемъ этомъ грѣшнѣ, меня спрашиваютъ, далѣе: „Неужели въ этой то чертѣ г. Кавелинъ и видитъ самое главное зло нашей жизни? Не слишкомъ ли смѣло утверждать, что если наше прошлое не совпадаетъ съ прошлымъ западной Европы, то и не можетъ быть у насъ культуры?“ Отвѣтъ на эти вопросы, еще до полемики съ г. Потовичемъ, давъ мною въ письмѣ къ редактору рижской газеты: „Zeitschrift für Stadt und Land“, напечатанномъ въ брошюрѣ о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ концѣ упомянутой мною статьи встрѣчается такая мысль: „Добрыхъ нравовъ въ общественномъ и частномъ быту не замѣчается... Къ сожалѣнію, это правда; но гдѣ же они замѣчаются? Въ чемъ такомъ особенно сіяетъ добродѣтели культурной Европы?“ По поводу этого замѣчанія, мнѣ невольно припоминается одинъ случай изъ моей заграничной жизни. Иду я разъ съ пріятелемъ въ окрестностяхъ Бонна по деревенькѣ, очень плохо вымонченной. „Что за гнусная мостовая“, замѣтилъ я. На это замѣчаніе пріятель мой съ большимъ азартомъ возразилъ: „а развѣ въ Петербургѣ мостовая лучше?“ Можетъ быть, и Европа не сіяетъ добродѣтелями; да развѣ о Европѣ рѣчь?

Вообще, авторъ статьи ставитъ меня передъ читателями въ самое комическое положеніе. Съ тѣхъ поръ, что мой образъ мыслей установился,—а тому ужъ очень давно—я не переставалъ, устно и нечаянно, доказывать, что всенародство есть то начало, которое мы, русскіе, несемъ съ собою; что въ немъ наша будущность и наше всемірно-историческое значеніе; что это начало и его развитіе есть задача будущаго, не только у насъ, но и во всемъ мірѣ. Вся моя личная жизнь неразрывно переплетена съ такими убѣжденіями; рано окрѣпъ я въ вѣрѣ въ великое историческое призваніе Россіи, всегда бодро смотрѣлъ и теперь также бодро смотрю впередъ, не смущаясь ничѣмъ, въ горячемъ убѣжденіи, что съ бурями и напастями, какъ бы онѣ велики и сокрушительны ни были, мы въ концѣ-концевъ справимся. Въ этомъ пунктѣ я всегда примыкалъ къ славянофиламъ, существенно расходясь съ ними во многомъ другомъ. Изъ всѣхъ, кто меня знаетъ лично или по моимъ писаніямъ, ни одинъ не заподозритъ меня въ мрачномъ взглядѣ на жизнь, никому не придетъ на

мысль, что я скорблю о томъ, зачѣмъ мы не развивались тѣмъ же путемъ какъ Европа, по тѣмъ идеаламъ, которые освѣщали путь европейскимъ народамъ. И что же? Меня упрекаютъ именно въ томъ, противъ чего я спорилъ всю жизнь. Не комичное ли это положеніе! Миѣ остается, какъ въ одномъ водевилѣ, сказать: „Онъ—я, а я—не я: кто-жъ я?“ Это ли не хаосъ и смѣшеніе языковъ?

Другіе мимоходомъ называютъ меня пессимистомъ и указываютъ кромѣ отсутствія культуры и на другія причины нашей неурядицы¹⁾. За что эти другіе считаютъ меня пессимистомъ—по совѣсти не знаю. Что настоящій сѹмбуръ въ умахъ и фактахъ происходитъ не отъ одного недостатка культуры, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но я этого никогда и не отрицалъ; я только говорилъ, что при отсутствіи, между прочимъ, и культуры нельзя построить у насъ мѣстнаго управленія исключительно на выборномъ началѣ. Въ этомъ я убѣжденъ и теперь, несмотря на возраженія.

Одна изъ провинціальныхъ газетъ²⁾, полемизируя противъ меня въ двухъ весьма замѣчательныхъ статьяхъ, высказываетъ нѣкоторыя соображенія о причинахъ нашихъ неурядицъ и о мѣрахъ къ расовому слитію различныхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи. Не останавливаясь на взглядахъ почтенной газеты на два послѣдніе предмета—взглядахъ, которые впрочемъ вполне раздѣляю, — обращаюсь прямо къ тому, что относится къ сказанному мною.

Судя по разнымъ мѣстамъ въ тѣхъ двухъ статьяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, авторъ ихъ какъ будто приписываетъ миѣ мысль, что некультурность великорусскаго племени есть какая-то фатальная, предопредѣленная, что это племя—некультурное „во что бы то ни стало“. Но я очень далекъ отъ такой мысли; я убѣжденъ, что культура—дѣло живое, и не разъ это высказалъ въ двухъ своихъ письмахъ къ г. Нотовицу.

Второе замѣчаніе состоитъ въ томъ, что мой выводъ о некультурности русскаго „общества“ несоотвѣтствуетъ некультурности великорусскаго „племени“, потому что наше общество рекрутируется не изъ одного этого племени, но и изъ другихъ народовъ и племенъ.—Большая разноплеменность того, что называется русскимъ обществомъ, несомнѣнна—и есть, какъ миѣ кажется, одинъ изъ многихъ задатковъ большой исторической роли Россіи въ будущемъ. Но трудно согласиться съ миѣніемъ, будто, по этой причинѣ, некультурность великорусскаго племени къ русскому обществу не относится. Авторъ забываетъ, что въ составѣ государства великорусское племя есть самое

¹⁾ См. „Голосъ“.

²⁾ „Зара“—въ Кіевѣ.

многочисленное; своею численностью оно значительно превосходит всё другія племена, вмѣстѣ взятая. Но что гораздо важнѣе, оно создало русское государство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тотъ типъ, и строй обществѣнности, который отличаетъ русское общество отъ всѣхъ другихъ. У всѣхъ народовъ составъ общества болѣе или менѣе разноталибернаго происхожденія; но это не мѣшаетъ каждому имѣть свои характерныя черты и особенности, отличающія его отъ другихъ. Изъ всѣхъ расъ, еврейская—самаа стойкая, менѣе всѣхъ другихъ поддающаяся вліяніямъ среды, въ которой живетъ; однако и между евреями легко различить русскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, польскихъ и т. д. Государство, какъ всякій организмъ, перерабатываетъ и претворяетъ въ себѣ попадающіе въ него посторонніе элементы. Вотъ почему, откуда бы ни рекрутировалось русское общество, оно, какъ образовавшееся главнымъ образомъ изъ великоруссовъ, составившееся по тину, данному великорусскимъ типомъ, живущее подъ сильнымъ и безпрестаннымъ его вліяніемъ и будетъ отражать на себѣ степень его культуры, его достоинства и недостатки. Упреки Петербургу будто онъ иностранный городъ, петербургскому обществу будто въ немъ мало или ничего нѣтъ русскаго, покоятся на большомъ недоразумѣніи. По преобладающему составу народонаселенія Петербургъ—русскій городъ, съ примѣсью инородныхъ и иностранныхъ элементовъ, какъ всё большіе города въ мірѣ. По низшимъ и отчасти среднимъ слоямъ населенія Петербургъ носитъ на себѣ печать сѣверныхъ русскихъ городовъ и есть, если хотите, во многихъ отношеніяхъ, преемникъ Великаго Новгорода. Что касается высшихъ и интеллигентныхъ слоевъ Петербурга, то они, по своему строю и привычкамъ ежедневной жизни, принадлежатъ къ эпохѣ русской исторіи, которую мы доживаемъ,—эпохѣ, когда сила европейскихъ вліяній на Россію достигла своего апогея. То былъ періодъ ученичества, который необходимо и неизбежно переживаетъ, рано или поздно, каждый народъ, призванный играть роль во всемірной исторіи. Имъ обозначается извѣстный историческій возрастъ, который проходитъ и смѣняется пробужденіемъ національнаго самосознанія и самостоятельной дѣятельности. Петербургъ, никогда не перестававшій быть русскимъ городомъ, не исключая и времени сильнѣйшаго процвѣтанія иностранныхъ вліяній, вотъ ужъ лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ какъ видимо русѣетъ и въ смыслѣ національнаго сознанія и развивается въ этомъ направленіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Г-нъ Шавердовъ ¹⁾, возражая мнѣ, находитъ въ моихъ замѣткахъ, которыя передаетъ совершенно вѣрно и правильно, „односторонность“

¹⁾ Подъ заглавіемъ „Голосъ изъ публики“—въ „Новостяхъ“.

и „нѣкоторую натяжку въ обобщеніяхъ отдѣльныхъ фактовъ“. Г. Шавердовъ не соглашается съ тѣмъ, чтобъ недостатокъ культуры въ великорусскомъ племени могъ служить причиной, пренятствующей у насъ созданію „прочной политической организаціи“. „Для созданія крѣпкого и сильнаго государства русскому народу недостаточно было заботиться только о внѣшнемъ могуществѣ, а прежде всего необходимо было подумать о внутреннемъ устройствѣ земли, создать внутри государства прочный порядокъ и благоустройство“... „Сквозь всю исторію великорусскаго племени бѣлыми нитками проходитъ это стремленіе нашихъ предковъ къ созданію прочнаго внутреннего порядка“.

Возраженія г. Шавердова покоятся на недоразумѣніи. Я говорю не о прочной политической организаціи *вообще*, безъ которой ни одинъ народъ съ будущностью существовать не можетъ, а съ *частности* о возможности построить у насъ прочную мѣстную организацію исключительно на одномъ выборномъ началѣ. У всякаго великаго народа, играющаго въ исторіи видную роль, есть прочная „политическая“ организаціа, на какой бы степени культуры онъ ни стоялъ; всякій изъ такихъ народовъ заботился не объ одномъ внѣшнемъ могуществѣ, но и о прочномъ внутреннемъ порядкѣ и благоустройствѣ; только, смотря по степени развитія и культуры, каждый народъ, въ различные періоды своего историческаго возраста, достигалъ этой цѣли различными способами. Только объ этихъ „способахъ“ и шла рѣчь въ нашей полемикѣ съ г. Нотовичемъ. *Примѣчки* къ самоуправленію я не вижу у насъ нигдѣ и ни въ чемъ, — даже въ веденіи нашихъ частныхъ дѣлъ, въ которыхъ мы заинтересованы карманомъ и никто намъ не мѣшаетъ. Г. Шавердовъ уважаетъ мнѣ, въ видѣ возраженія, на раскольниковъ, которые умѣютъ жить обществомъ, на нѣкоторыя группы благотворительныхъ обществъ, которыя идутъ превосходно; но такого рода явленія ничего не доказываютъ. Когда общество образуется изъ людей, связанныхъ единствомъ цѣли и убѣжденій, оно можетъ идти хорошо, несмотря на степень культуры, потому что въ такомъ обществѣ люди подбираются изъ массы. Это совсѣмъ не то, что общественность, обусловленная принадлежностью къ одному сословію, классу или поселенію: тутъ подборъ людей по случайнымъ внѣшнимъ признакамъ, и притомъ не добровольный. Чтобъ общественность въ этомъ смыслѣ могла быть дѣйствительно благоустроенной, необходима культура во всѣхъ классахъ общества, привычка жить добропорядочно съ другими людьми, возможная не въ однихъ образованныхъ слояхъ; а у насъ этой добропорядочности нѣтъ ни между необразованными, ни между образован-

ными людьми; то-есть она и у насъ есть, — какъ ей не быть, — но въ видѣ изыатія, а не въ видѣ общаго правила.

Г. Шавердовъ отождествляетъ понятіе о культурѣ съ общественной нравственностью. Такъ принято называть добрыя нравы, хотя выраженіе „общественная нравственность“ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого смысла. Нравственность есть извѣстный душевный строй, выработка личной воли, расположеніе и готовность поступать всегда въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи. Всѣ эти свойства суть принадлежности единичнаго лица, могутъ быть принадлежностью многихъ лицъ, даже большинства лицъ, составляющихъ общество, но не самого общества. Культура тѣмъ и отличается отъ нравственности, что заключается въ добропорядочности привычекъ людей во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ между собою, независимо отъ чувствъ, помысловъ и воли, изъ которыхъ слагается внутренняя нравственная, духовная жизнь человѣка. Культура есть ви́шняя дрессировка людей къ общественной жизни, какъ хорошія манеры есть ви́шняя дрессировка, требуемая отъ всякаго, желающаго принадлежать къ свѣтскому обществу. Культура—въ этомъ смыслѣ, разумѣется, далеко не все, что нужно для правильной общественной жизни; она есть мінімумъ требованій и условій общественности; но когда и этого мінімум'а нѣтъ, нельзя и помышлять о высшихъ общественныхъ и политическихъ комбинаціяхъ, какъ нельзя читать, не зная азбуки, ни дѣлать сложныхъ вычисленій, не зная арифметики.

Г. Шавердовъ спрашиваетъ: какимъ же образомъ, допуская только частныя улучшенія законодательства и администраціи, я могъ, въ свое время, сочувствовать освобожденію крестьянъ? Вѣдь очень многіе, въ то время, точно также возражали противъ этой реформы, ссылаясь на нашу неподготовленность къ ней по безнравственности или по недостатку культуры. Но почтенный критикъ согласится, что между прекращеніемъ эконоической и юридической зависимости одного класса отъ другого и установленіемъ управленія исключительно на выборномъ началѣ—огромная разница. До прекращенія крѣпостного права существовали многіе разряды свободныхъ крестьянъ и людей. Прекращеніе крѣпостного состоянія было поэтому, строго говоря, лишь переведеніемъ части населенія въ положеніе, въ какомъ уже находилась болѣе многочисленная его часть. Это, конечно, ни мало не уменьшаетъ громаднаго значенія освобожденія крѣпостныхъ, но значеніе это заключалось не въ новости самаго принципа реформы, а въ новомъ положеніи, какое создавалось для всего государства и для всѣхъ классовъ и слоевъ Россіи прекращеніемъ крѣпостного состоянія значительной части населенія. Что касается самоуправленія на основаніи выборнаго начала, то освобожденіе

крестьянъ и введеніе земскихъ учрежденій не только не опровергаютъ, но напротивъ подтверждаютъ мой взглядъ. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ возникла мысль и о самоуправленіи. Съ крестьянъ была снята опека; для всѣхъ сословій устроены земскія учрежденія; городское положеніе значительно расширило права городовъ въ заведеніи ихъ дѣлами, въ томъ числѣ и городскими банками. Но всѣ эти реформы не удались. Говорятъ: въ этомъ виновата администрація и бюрократія. Да, безспорно онѣ въ этомъ виноваты въ значительной степени, но вваливать всю вину исключительно на одну администрацію нельзя; весьма значительная доля вины падаетъ не на нашу нравственность, которая если и не лучше, чѣмъ у европейцевъ, то во всякомъ случаѣ не хуже,—а на отсутствіе культуры, на наше нераженіе, спустя рукава, на наше халатное отношеніе къ обязанностямъ и долгу, — словомъ, на недостатокъ общественной выработки и дрессировки, въ чемъ и состоитъ культура. Остзейцы и поляки не лучше насъ и живутъ они въ одинаковыхъ съ нами политическихъ условіяхъ, а самоуправленіе идетъ у нихъ несравненно лучше, и тѣ безобразія, которыя у насъ составляютъ самое обыкновенное явленіе, у нихъ встрѣчаются въ видѣ рѣдкаго исключенія. Наши аппетиты весьма велики, но культурныя наши средства далеко имъ не соотвѣтствуютъ, и потому ничего не выходитъ даже изъ того, что въ нашихъ рукахъ. Древніе говорили, что республика держится добродѣтью; мы знаемъ изъ чужого и своего опыта, что самоуправленіе держится культурными привычками, безъ которыхъ оно немислимо.

Въ доказательство, что наши предки стремились къ созданію прочнаго внутреннего порядка — противъ чего я и не думалъ спорить — г. Шавердовъ приводитъ необыкновенное усиленіе власти московскихъ великихъ князей, которые доставили жителямъ разоренныхъ областей охрану отъ дальнѣйшаго разоренія. „Ради этой охраны—говоритъ г. Шавердовъ,—народъ принесть много тяжелыхъ жертвъ“. Въ этомъ-то страстномъ стремленіи народа къ созданію прочнаго внутреннего порядка и заключается... разгадка дальнѣйшей его исторіи отъ Ивана Грознаго до Петра Великаго включительно“. Петру Великому критикъ ставитъ въ вину, что онъ „дошелъ до крайности въ своей приписной системѣ, распредѣливъ почти все населеніе государства по различнымъ вѣдомствамъ и возложивъ на каждую отдѣльную группу обязанность содержать, въ матеріальномъ отношеніи, то или другое государственное учрежденіе“. „Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, говоритъ далѣе г. Шавердовъ, никогда не помнитъ зла и глубоко цѣнитъ сдѣланное ему добро. Этимъ-то свойствомъ русскаго народа, а не недостаткомъ культуры...

и объясняется... такое крупное и безпримѣрное явленіе въ нашей исторіи, какъ Петръ Великій*.

Что всякій народъ, счумѣвшій отстоять свое политическое существованіе посреди другихъ народовъ, страстно стремится создать у себя прочный внутренній порядокъ—это бесспорно. Такое стремленіе есть признакъ и непремѣнное условіе его живучести. Народъ, не счумѣвшій создать у себя прочнаго внутренняго порядка, неминуемо дѣлается добычею другихъ народовъ. Весь вопросъ въ томъ, какой это порядокъ, на какихъ политическихъ началахъ онъ основанъ? Вотъ въ этомъ-то и выражается степень общественной или гражданской культуры. Если участіе выборнаго элемента въ общественномъ управленіи слабо или ничтожно, это несомнѣнно доказываетъ, что культура народа находится на весьма низкой ступени ¹⁾. Объ этомъ, смотря по точкѣ зрѣнія, можно сожалѣть, этому можно радоваться, но во всякомъ случаѣ это—фактъ, котораго нельзя не признавать, не впадая въ самообманъ. Добрими или дурными чувствами нельзя объяснять хода политической исторіи народа. Вотъ почему, я никакъ не могу согласиться съ объясненіями г. Шавердова относительно появленія у насъ Петра В. и его реформы. Великій царь и всё дѣла его великаго царствованія были гениальнымъ осуществленіемъ стремленій народа къ созданію прочнаго внутренняго порядка,—но народа, стоящаго еще на самой низкой ступени культуры. Неправъ также г. Шавердовъ, считая Петра В. создателемъ приписной системы. Она создавалась, развивалась и окрѣпла у насъ въ XVII вѣкѣ; Петръ В., напротивъ, ее поколебалъ, при немъ началось ея постепенное упраздненіе, которое не доведено до конца и до сихъ поръ. Скажу болѣе: все, что ни дѣлалъ Петръ В., было лишь отвѣтомъ на вопросы, пос-

¹⁾ Просимъ извиненія у почтеннаго К. Д. Кавелина, если, не ожидая слѣдующей книжки журнала, тут же выразимъ, мимоходомъ, наше нѣкоторое сомнѣніе относительно этого высказаннаго имъ выше положенія,—весьма важнаго, такъ какъ оно-то собственно и служитъ поводомъ къ спору, между тѣмъ—настоящій центръ спора слѣдовало бы перевести совсѣмъ на другую почву. «Участіе выборнаго элемента въ общественномъ управленіи» можетъ быть «слабо и ничтожно»,—но въ этомъ нельзя усматривать «доказательства, что культура народа находится на весьма низкой ступени». Наполеоновская Франція—несомнѣнно высоко-культурное государство; но при Наполеонѣ III, «участіе (въ ней) выборнаго элемента въ общественномъ управленіи» было также несомнѣнно и «слабо», и «ничтожно». Наоборотъ, наша деревня, при всеобщемъ низкомъ своемъ культурномъ уровнѣ, сравнительно съ нашими городами—давно умѣетъ вести свои дѣла мирно и давно знакома съ выборнымъ началомъ—прежде городовъ. Тутъ есть, по нашему мнѣнію, ошибка, называемая—*petitio principii*: слѣдуетъ доказать сначала, что вопросъ о выборномъ началѣ тѣсно связанъ со степенью культуры; К. Д. Кавелинъ дѣлаетъ изъ этого принципа, вполне правильный выводъ,—а между тѣмъ, слѣдовало бы предварительно установить, т.-е. доказать самый принципъ.—Ред.

тавленныя до него; ему лично принадлежит гениальное пониманіе положенія, орлиный взглядъ, желѣзная непреклонность воли, страстность въ преслѣдованіи цѣлей. Мысль, будто реформа Петра и петровскій періодъ представляютъ какой-то переломъ въ русской жизни, неожиданный, безпричинный, какъ будто съ неба упавшій, — ни на чемъ не основана. Кто не умѣетъ связать живою связью то, что было до Петра В., при немъ и послѣ него, для того закрыта книга русской исторіи, и онъ въ ней ничего не понимаетъ. Теперь періодъ русской исторіи, котораго самымъ полнымъ и блистательнымъ выразителемъ былъ гениальный царь, приходитъ или уже пришелъ къ концу; зарождаются другія задачи, чѣмъ тѣ, какія тогда приходилось разрѣшать, являются новыя потребности и стремленія, на которыя въ прошедшемъ нѣтъ и не могло быть отвѣта. Не понимая этого, мы переносимъ на Петра В. и его дѣла судъ и приговоръ, которые произносимъ нашему времени, нашей теперешней обстановкѣ. Взглядъ на Петра В. какъ на какого-то чуть-чуть не Робеспіера, также обличаетъ глубокое непониманіе русской исторіи и великаго царствованія, какъ и упреки въ томъ, что онъ былъ антихристъ, заклятый иностранецъ и нестерпимый тиранъ. Петръ В. былъ, съ головы до пятъ, чистокровный великороссіянинъ, сынъ своего времени, продуктъ тогдашней, крайне низкой великорусской культуры, и то, что намъ въ немъ нравится или не нравится, не есть оцѣнка его или его времени, а отраженіе нашихъ теперешнихъ запросовъ и требованій отъ русской жизни, — свѣточа, по которымъ можно судить, какіяхъ путей ищетъ себѣ современная русская жизнь, въ какіяхъ направленіяхъ пролагаются новыя колеи для дальнѣйшаго развитія.

Какъ и всѣ прочіе мои критики, г. Шавердовъ видитъ въ моихъ взглядахъ „глубокое уныніе“, которое, незамѣтно для меня самого, овладѣло моимъ душевнымъ настроеніемъ. „Чѣмъ же какъ не пессимизмомъ, — говоритъ онъ, — могутъ быть объяснены безпощадно мрачныя краски, которыми онъ (т.-е., я) рисуешь современное русское общество, а главное — его безотрадные выводы о невозможности у насъ коренныхъ преобразованій?“

Есть русская пословица: „когда трое говорятъ пьянь — ложись спать“. На этомъ основаніи мнѣ давно слѣдовало бы признать себя пессимистомъ, — такъ въ этомъ глубоко убѣждены всѣ мои критики. Но надо бы напередъ условиться въ томъ, что такое пессимистъ? По моему, пессимистъ тотъ, кто не допускаетъ возможности улучшеній, не вѣритъ въ осуществленіе свѣтлыхъ идеаловъ. Въ этомъ смыслѣ я не пессимистъ, ибо непреклонно вѣрю въ великое историческое призваніе Россіи и также непоколебимо убѣжденъ, что и для настоящаго нерадостнаго времени могли бы быть, при доброй волѣ,

придуманы комбинаціи, которыя принесли бы собою существенное улучшение. Весь вопросъ въ томъ, какія это должны быть комбинаціи? Въ этомъ пунктѣ я расхожусь съ критиками. Но развѣ это можно назвать глубокимъ уныніемъ или пессимизмомъ? Различіе во взглядахъ на этотъ предметъ зависитъ отъ различной оцѣнки настоящаго нашего положенія, что, всякій согласится, не имѣетъ ничего общаго съ уныніемъ или пессимизмомъ. Въ одномъ правъ г. Шавердовъ: я дѣйствительно обмолвился и выразился неправильно, сказавъ во второмъ письмѣ г. Нотовичу, что у насъ нечего и думать теперь о коренной переустройкѣ учреждений, что возможны одни лишь частичныя улучшения законодательства и администраціи. О коренной переустройкѣ можно и слѣдуетъ думать, только не на основаніи исключительно выборнаго начала, какъ предлагаетъ г. Нотовичъ въ своей книгѣ. Я выразилъ бы свою мысль совершенно точно, еслибъ сказалъ, что признаю возможными и желательными коренныя преобразованія, но только въ административномъ, а не въ политическомъ направленіи и смыслѣ.

Полемизируя противъ меня, г. Шавердовъ высказалъ рядомъ съ тѣмъ много лично для меня лестнаго и почетнаго въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Какъ для меня дороги подобныя заявленія — пойметъ всякій. Мнѣ всегда думалось, что можно, вполне сочувствуя другому лично, не раздѣлять его взглядовъ. При такихъ условіяхъ полемика становится, чѣмъ она и должна быть: обмѣномъ мыслей, выясненіемъ сомнительныхъ или спорныхъ пунктовъ. Именно теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, такой характеръ полемики особенно желателенъ, составляетъ насущную потребность.

Послѣднимъ вступилъ въ споръ противъ меня А. А. Головачевъ¹⁾. Его замѣчанія распадаются на двѣ части: одни направлены противъ моихъ взглядовъ, другія касаются желательной реформы мѣстнаго управленія. Нѣкоторыя изъ возраженій почтеннаго критика были мнѣ сдѣланы и другими, и я уже на нихъ отвѣтилъ выше. Остальныя разсмотрю здѣсь.

А. А. Головачевъ, упрекая меня вмѣстѣ съ другими въ пессимизмъ, говоритъ: „если русское общество смахиваетъ на крыловскій квартетъ, то для него не можетъ быть и будущности, такъ какъ персоналъ этого квартета перевоспитаться или переродиться не можетъ“. Критикъ увѣренъ, что мое сравненіе проскользнуло у меня какъ-нибудь невзначай, и я на немъ настаивать не буду.

Это замѣчаніе основано на недоразумѣніи. А. А. Головачевъ припомнитъ, что я нѣсколько разъ, съ особеннымъ удареніемъ, гово-

¹⁾ Въ „Новостяхъ“

рилъ о постепенномъ, хотя и медленномъ улучшеніи нашихъ нравовъ. То что я говорю о невозможности помочь нашему горю политическими реформами, относится къ нашему времени, не блистающему культурностью нравовъ. Переименуйте чиновниковъ въ выборныхъ, выборныхъ въ чиновниковъ — отъ этого лучше не станетъ, пока нравы и культура не нивѣнятся. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сравнивалъ предлагаемыя г. Нотовичемъ реформы съ крыловскими квартетомъ. Неужели это не такъ?

А. А. Головачевъ говоритъ далѣе: „Необходимость реформъ вызывается у насъ нуждами и потребностями государственной жизни. Оставаясь при прежнихъ порядкахъ, мы можемъ терять кредитъ на европейскомъ денежномъ рынкѣ, а съ нимъ выѣстъ силу и значеніе въ средѣ европейскаго ареопага“. Золотыя слова, которыя, кромѣ ослабленныхъ людей, охотно подпишеть всякій, обѣими руками. Но то, что за этимъ слѣдуетъ, вызываетъ большія недоумѣнія. „Въ виду такихъ обстоятельствъ,—заключаетъ критикъ,—культура общества и его умственное и нравственное развитіе не могутъ имѣть значенія при рѣшеніи вопроса о необходимости и своевременности реформъ“. *Необходимости и своевременности* реформъ — конечно, да; но вѣдь я доказываю невозможность реформъ въ томъ видѣ, на тѣхъ началахъ, какъ предлагаетъ г. Нотовичъ; а въ этомъ отношеніи культура общества, его умственное и нравственное развитіе, играютъ рѣшающую роль.

Въ первомъ моемъ письмѣ къ г. Нотовичу я высказалъ мысль, что самой подходящей и своевременной у насъ реформой управленія было бы введеніе въ коронную организацію выборныхъ. Предположеніе это выражено такъ: „единственно возможное улучшеніе нашихъ порядковъ состояло бы во введеніи въ коронную организацію выборныхъ на равныхъ правахъ съ чиновниками, чѣмъ были бы устранены всякое столкновеніе и антагонизмъ между обонми элементами. Этого желательно достигнуть и—я думаю,—достигнуть можно. Великая польза такой комбинаціи состояла бы въ томъ, что выборный элементъ слился бы съ короннымъ, голоса распредѣлились бы между тѣми и другими по взглядамъ на дѣло, а не по искусственнымъ соображеніямъ, вызываемымъ антагонизмомъ народа и правительства,—антагонизмомъ, котораго у насъ вовсе нѣтъ“. На это А. А. Головачевъ замѣчаетъ: „я не вижу не только великой, но никакой пользы отъ подобной комбинаціи, и скажу г. Кавелину его же собственными словами: глиняный горшокъ разобьется о чугунный, такъ какъ сила во всякой коллегіи всегда останется за чиновниками, назначенными правительствомъ“.

Съ этимъ замѣчаніемъ почтеннаго критика я никакъ не могу

согласиться. Изъ его словъ выходитъ, будто у насъ существуетъ чиновничество какъ нѣкая магистратура,—особое замкнутое сословіе, всегда и во всемъ, во что бы то ни стало, представляющее особые интересы бюрократіи, а выборные будто бы представляютъ исключительно интересы народа, рѣзко противоположные интересамъ бюрократіи. Я сошлюсь на всѣхъ,—гдѣ же у насъ есть что-нибудь подобное? Гдѣ это чиновничество—оплотъ бюрократіи, и гдѣ этотъ народъ—ей враждебный? Вѣдь все это фикціи, которыя и поддерживаютъ главнымъ образомъ невообразимую путаницу въ нашихъ головахъ! Развѣ сегодняшній чиновный господинъ, украшенный станиславскимъ или другимъ орденомъ и представитель бюрократіи, переродится завтра отъ того, что выйдетъ въ отставку и будетъ выбранъ городскимъ головою, гласнымъ или предсѣдателемъ земской управы? Сегодняшній полковой или ротный командиръ понесетъ свои понятія и привычки и въ службу по выборамъ, точно такъ же, какъ понесутъ ихъ Разуваевы и Колупаевы—крестьяне, расторговавшіеся до купечества. Гдѣ нѣтъ ни сословій, ни культуры, тамъ они не народятся, по щучьему велѣнію, отъ того, что служилые люди переименуются въ дирижирующій классъ, торговые люди—въ коммерсантовъ, посадскіе и мѣщане—въ буржуа. А. А. Головачевъ говоритъ, что новый рядъ реформъ долженъ установить у насъ не подобіе только, а дѣйствительный правовой порядокъ. Кто же, положа руку на сердце, можетъ съ этимъ несогласиться? Да, онъ тысячу разъ правъ, что нравы общества и народа зависятъ отъ условій того режима, подъ которымъ они живутъ, „что низкій уровень нашихъ нравовъ не измѣнится, пока не измѣнится характеръ господствующаго у насъ режима“. Но весь вопросъ въ томъ, въ какомъ направленіи желательны эти реформы; а въ этомъ пунктѣ предпосылки А. А. Головачева и мои существенно расходятся. Г. Головачевъ желаетъ дѣйствительнаго правового порядка, который бы обезвечивалъ „свободу и права гражданъ отъ чиновничьяго произвола, а государственныя средства—отъ расхищенія“. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, „что произволь и безнаказанное хищничество, господствующіе въ нашемъ чиновничьемъ мірѣ, являются чрезвычайно вліятельными факторами, деморализующими не только общество, но и массу народа“. Читая эти строки, подумаешь, что хищники, воры, грабители у насъ на подборъ одни чиновники, а всѣ нечиновники—образцы добродѣтели и безкорыстія. Но вѣдь это не болѣе какъ полемическій приемъ. Хищничество и неправда широко распространены у насъ во всѣхъ слояхъ общества и въ народныхъ массахъ; въ этомъ отношеніи чиновники, положимъ, не лучше, но ужъ и никакъ не хуже всѣхъ; процентъ порядочныхъ, безкорыстныхъ, искренно преданныхъ общему благу чиновниковъ,

если не больше, то во всякомъ случаѣ никакъ не меньше, чѣмъ между служащими по выборамъ и частными лицами. Зачѣмъ же взваливать на однихъ чиновниковъ вину, которая одинаково лежитъ на всѣхъ слояхъ русскаго общества и народа? Всѣ мы, за небольшими исключеніями, пропитаны тѣми же недостатками и пороками, какъ и чиновники, по той простой причинѣ, что чиновники—мы же сами, и горю нашему не пособить замѣной Максимеевыхъ и Пріоровыхъ—Рызовыми и Юханцовыми. Потому-то мнѣ и прикомнилась крыловская басня о квартетѣ.

Дать мѣсто въ нашей административной организаціи выборному началу необходимо, но вовсе не съ дѣлю обузданія чиновничьяго произвола и не въ смыслъ противуѣса испорченной бюрократіи со стороны непорочныхъ и добродѣтельныхъ выборныхъ отъ народа, а совсѣмъ по другимъ причинамъ. Администрація есть особая функція въ общественной и народной жизни, и какъ все живущее свое специальное назначеніе и призваніе, склонна къ обособленію и разобщенію съ остальными сторонами народной жизни. Это замѣчается не только въ сферѣ практической дѣятельности, гдѣ естественно примѣшиваются самые разнообразныя частныя и личныя интересы, но даже и въ чисто теоретической и отвлеченной сферѣ науки. Специальности рвутъ ее на части, дробятъ на куски, до того, что общая ихъ связь порывается, что онѣ даже нерѣдко враждебно относятся одна къ другой. Административная среда, заключившись въ самой себѣ и преслѣдуя свои спеціальныя задачи, легко впадаетъ въ крайности, порожаемая ея исключительнымъ положеніемъ, а именно, въ нѣкоторую отвлеченность, въ разобщеніе съ другими сторонами и функціями народной жизни, въ преувеличеніе значенія того, что составляетъ ея призваніе и задачу, на счетъ всего остального. Комплектуясь лишь однородными элементами, управленіе рискуетъ заключиться въ замкнутый кругъ и разойтись съ дѣйствительною жизнью, которой нужды она призвана удовлетворять, утратить живую связь съ той средой, потребности которой и вызвали самое ея существованіе. Выборное начало является коррективомъ недостатковъ, присущихъ администраціи. Оно, притокомъ элементовъ, взятыхъ изъ живой дѣйствительности, вноситъ въ администрацію свѣжую струю, не даетъ ей зачухнуть и заостенѣть въ искусственной обособленности, къ которой неудержимо ее влечетъ самое ея назначеніе и роль въ народной жизни. Администрація представляетъ собою правящую среду; выборное начало вводитъ въ ея составъ тѣхъ, которые испытали на дѣлѣ практическіе результаты управленія и потому могутъ, своею опытностью съ этой стороны, устранить и предупредить указанныя выше односторонности, крайности и увлеченія

административной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ выборное начало есть начало объединяющее народную жизнь, связующее управленіе съ управляемыми, точно такъ же, какъ различныя вѣтви управленія объединяются и связываются между собою центральными учрежденіями, которымъ онѣ подчинены. Вотъ съ какой точки зрѣнія мнѣ представляется желательнымъ введеніе выборныхъ въ администрацію на равныхъ правахъ съ чиновниками. Опасеній А. А. Головачева, что сила во всякой коллегіи всегда останется за чиновниками, назначенными правительствомъ, я не раздѣляю, потому что, какъ сказалъ, не вижу и не знаю у насъ чиновничества въ смыслѣ магистратуры,—особаго класса народа, какой былъ и есть въ Европѣ. Тамъ выборное начало было поставлено совершенно иначе, вслѣдствіе того, что вся общественность сложилась изъ самостоятельныхъ классовъ, сословій и общинъ. Тамъ выборные были представителями среды, которая ихъ выставляла защитниками ея интересовъ и правъ. Это значеніе выборныхъ удержалось и послѣ того, какъ самостоятельныя сословія, классы и общины исчезли, и легло въ основаніе современнаго политическаго устройства европейскихъ государствъ. У насъ ничего подобнаго не было. Слабые зачатки классовъ, сословій и общинъ въ европейскомъ смыслѣ атрофировались уже въ самомъ началѣ развитія московскаго государства, и всѣ попытки возстановить ихъ оказались тщетными. Изъ этого слѣдуетъ, что при правильномъ развитіи нашей внутренней жизни выборные люди могутъ играть у насъ роль лучшихъ людей, въ смыслѣ знанія, пониманія, опытности, а не представителей сословныхъ, корпоративныхъ или народныхъ правъ. Вотъ почему, мимоходомъ сказать, такъ желательно преобладаніе у насъ духовнаго, интеллектуальнаго, нравственнаго ценза надъ имущественнымъ.

Мысли А. А. Головачева о реформѣ заключаются въ слѣдующемъ: „старый порядокъ вещей не уступить своего мѣста новому безъ серьезнаго сопротивленія и борьбы и... въ этой борьбѣ ояъ имѣеть на своей сторонѣ гораздо болѣе шансовъ успѣха, такъ какъ владѣеть почвой, которую новому порядку приходится брать приступомъ. На этомъ основаніи, ... новымъ началамъ нечего прямо ставиться на мѣсто стараго порядка и браться руководить условіями общественной жизни. Такое положеніе было бы вдвойнѣ не выгодно: людямъ, одушевленнымъ новыми идеями, при отсутствіи всякой практической опытности, пришлось бы и созидать и дѣйствовать наступательно противъ непріятеля, твердо стоящаго на почвѣ исторической давности. Вотъ почему, ... на первое время было бы гораздо лучше, еслибы представители новыхъ началъ постарались укрѣпить то положеніе, которое они успѣли занять въ общественномъ созна-

ни и вооружились тяжелой и дальнбойной артиллеріей критики. Пусть положительная дѣятельность останется въ прежнихъ рукахъ, представители же новыхъ идей могутъ вполне удовлетвориться лишь контролемъ надъ этою дѣятельностію, съ правомъ преслѣдованія передъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи закона. Идея самоуправленія можетъ выразиться и въ этомъ видѣ и притомъ безъ особенной ломки. Между тѣмъ, старый порядокъ получить, такимъ образомъ, законное право самозащиты и не будетъ имѣть надобности подрывать основы новыхъ порядковъ путемъ разныхъ подвоховъ. Когда же онъ истощитъ весь запасъ своихъ выстрѣловъ, тогда, по необходимости долженъ будетъ уступить свое мѣсто новому порядку вещей, который тогда во всеоружіи практической омытности и съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ совершенно спокойно займетъ его мѣсто. Подобный способъ осуществленія реформъ будетъ имѣть то огромное преимущество, что существующій порядокъ управления не будетъ выброшенъ за бортъ весь разомъ, и вмѣсто него не будетъ установленъ новый, неосмысленный еще на практикѣ: все что есть въ старомъ порядкѣ устойчиваго, соответствующаго интересамъ народа и непротивнаго духу времени,—все это можетъ удержаться; и наоборотъ, все что есть въ новыхъ предположеніяхъ незрѣлаго, малообдуманнаго и непрактическаго, — все это можетъ быть устранено не путемъ вынужденныхъ уступокъ, а вполне сознательно, въ виду указанныхъ опытомъ неудобствъ. Наложивъ затѣмъ различіе этого взгляда съ нами и разными соображеніями въ поддержаніе потребности реформъ, А. А. Головачевъ заключаетъ такъ: „въ виду всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ и полной необходимости радикальныхъ реформъ, я считаю полезнымъ контроль ва дѣйствиими администраціи предоставить мѣстными представителямъ общества, съ правомъ преслѣдованія виновныхъ судомъ въ случаѣ нарушенія закона“.

Изъ ошибочной предпосылки выводы не могутъ не быть ошибочны. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Изъ аргументаціи А. А. Головачева выходитъ, что общество наше—Ориудъ, а администраціи — Ариманъ, которые ведутъ между собой непринимую войну. Не если это такъ, то какимъ образомъ въ старомъ порядкѣ можетъ быть что-нибудь устойчивое, соответствующее интересамъ народа и непротивное духу времени, а въ новыхъ предположеніяхъ—незрѣлое, малообдуманное и непрактическое? Въ этомъ есть противурѣчіе. И какимъ образомъ старое уступить мѣсто новому вполне сознательно, въ виду указанныхъ опытомъ неудобствъ, когда вся аргументаціи построена на противуположности интересовъ чиновничества и общества? Вѣдь если первое способно сознательно отнестись къ

неудобствамъ старыхъ порядковъ, то значить и оно, подобно обществу, желаетъ и ищетъ добра и пользы, но только заблуждается на счетъ средствъ, которыми надѣется его достигнуть. А если такъ, то оно ничѣмъ собственно не отличается отъ общества, которое тоже желаетъ добра и пользы, но можетъ предлагать мѣры невѣрныя, малообдуманныя и непрактическія. Гдѣ же тутъ Ормуздъ и Ариманъ? И здѣсь и тамъ—тѣ же русскіе люди, одинаково желающіе или, пожалуй, нежелающіе добра, и только ошибающіеся различнымъ образомъ. Кромѣ того, я нахожу комбинацію, предлагаемую г. Головачевымъ, совсѣмъ непрактичною и несбыточною. Если между чиновничествомъ и обществомъ дѣйствительно существуетъ антагонизмъ, какъ предполагаетъ г. Головачевъ, то какими путями добиться обществу контролирующаго положенія по отношенію къ чиновничеству, съ правомъ тащить его къ суду за каждую провинность? Предположить, что администрація добровольно, сама, предложитъ обществу такую роль,—это, воля ваша, черезъ чуръ наивно; я, по крайней мѣрѣ, на мѣстѣ администраціи, не допустилъ бы этого ни за что! Отогрѣть у себя за пазухой врага, дать ему ножъ въ руки, чтобъ онъ, окрѣпши, меня со временемъ упразднилъ? Да ни за что на свѣтѣ! Разумѣется, я говорю это въ предположеніи, что чиновничество есть дѣйствительно Ариманъ, а общество — Ормуздъ. Но если между ними, какъ я убѣжденъ, никакой противоположности и вражды нѣтъ, то вопросъ поставится совершенно иначе, и управление посредствомъ ли коронныхъ чиновниковъ или посредствомъ выборныхъ отъ общества обратится, какъ и быть слѣдуетъ, въ вопросъ о наилучшихъ способахъ управленія у даннаго народа, въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ.

А. А. Головачевъ говоритъ про мои воззрѣнія: „Его взглядъ для меня не новость. Онъ всегда утверждалъ, что прежде, чѣмъ думать объ улучшеніи нашихъ учреждений, намъ нужна выработка нашего характера, нашей нравственности, понятія о гражданскомъ долгѣ; словомъ, нуженъ подъемъ нравственнаго уровня отдѣльныхъ единицъ, такъ какъ только слѣдствіемъ такого подъема можетъ явиться улучшеніе нашихъ общественныхъ учреждений“. А г. Головачевъ „не ставитъ возможность улучшенія общественныхъ порядковъ въ безусловную зависимость отъ высоты уровня общественной нравственности и думаетъ, что всѣ перемены въ общественномъ быту вызываются логикою событій, причинною связью предъидущаго съ послѣдующимъ и вовсе не зависятъ отъ нравственнаго положенія общества“.

Нѣтъ, Алексѣй Адриановичъ, я совсѣмъ не думаю, чтобъ нечего было помышлять объ улучшеніи нашихъ учреждений, до подъема нашего характера и нравственности; но я думалъ, и теперь продолжаю ду-

мать, что улучшение должно считаться съ степенью культуры и съ общественнымъ и политическимъ положеніемъ народа, какими создано ихъ прошедшее, исторія. Въ каждомъ успѣхѣ, въ каждомъ шагѣ впередъ, меня не столько интересуетъ теоретическая безукоризненность программы—я глубоко убѣжденъ, что такая программа, рано или поздно, неизбѣжно возьметъ свое—сколько неизблемая прочность и безаворотность того, что дѣлается; а она возможна лишь тогда, когда всѣ наличные факторы и интересы будутъ приняты въ соображеніе, тщательно взвѣшены и оцѣнены. Мы слишкомъ долго витали въ облакахъ, носились съ широкими программами. Пора позаботиться о томъ, чтобъ хоть сотая доля того хорошаго, что задумываемъ, стала дѣйствительностью, правдой на дѣлѣ; а чтобъ этого достигнуть, необходимо считаться съ тѣмъ, что есть. Значить ли это разстаться съ идеалами, съ тѣмъ, что теоретически вѣрно и правильно? Нѣтъ, это значить отъ мысли перейти къ дѣлу и тѣмъ усотерять силу идеала въ сердцахъ людей.

Что „всѣ переменны“ въ общественномъ быту вызываются логикою событій, причинною связью предъидущаго съ послѣдующимъ и вовсе не зависятъ отъ нравственнаго положенія общества—это совершенно справедливо. Но какія „переменны“?—въ этомъ весь вопросъ. Давно уже подмѣчено и доказано, что ростъ и развитіе общества совершаются по неизмѣннымъ законамъ, какъ ростъ и развитіе любого физическаго организма. Только съ тѣхъ поръ, какъ эта истина обратилась въ несомнѣнное достояніе науки, стало возможно научное изученіе и исследование социальныхъ явленій. Но будемъ послѣдовательны и поведемъ этотъ взглядъ до конца. Не будемъ смѣшивать переменныя съ улучшениями, а станемъ уже тогда смотрѣть на первыя, т.-е. на переменныя, съ чисто объективной, реальной точки зрѣнія, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ, къ лучшему онѣ происходятъ, или къ худшему. Логика событій привела паденіе Греціи, Западной Имперіи и Византіи, папства, французской монархіи, въ наше время протестантизма, англійской аристократіи и проч. и проч. Всякое социальное явленіе есть результатъ дѣятельности всѣхъ наличныхъ факторовъ въ обществѣ въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ, по механическому закону равнодѣйствія силъ. Это такъ же неизбѣжно, какъ судьба, и въ этомъ заключается роковое господство логики событій, верховной вершительницы событій. Обращая все вниманіе на одну эту сторону, мы обыкновенно тердемъ изъ виду другую,—именно тѣ факторы, которые дѣйствуютъ; а въ социальныхъ явленіяхъ такими факторами, и притомъ главнѣйшими и наиболѣе вліятельными, являются люди, которые сознательно преслѣдуютъ тѣ или другія цѣли и для нихъ достиженія измѣняютъ

существующія комбинаціи фактовъ въ природѣ, въ самихъ себѣ и окружающихъ социальныхъ явленіяхъ. Каково будетъ, въ данномъ обществѣ, большинство людей, каковы будутъ цѣли, какія они преслѣдуютъ, таковы будутъ и пережъны въ цѣломъ обществѣ. Вотъ почему я тоже убѣжденъ, что пережъны въ немъ, конечно, нисало не зависятъ отъ его нравственнаго положенія; но думать, будто могутъ происходить „улучшенія“ общественныхъ порядковъ независимо отъ высоты уровня нравственности людей, я считаю одной изъ капитальнѣйшихъ ошибокъ и заблужденій. Благодаря этой фатальной ошибкѣ, на нравственную выработку людей не обращается ни малѣйшаго вниманія, нравственность или безнравственность мотивовъ ставится ни во что; нравственная гадливость, отвращеніе, сдержанность, скромность, нерѣшительность, внушаемая нравственными мотивами, считаются глупостью; успѣхъ и удача, достигнутые какими бы то ни было средствами и путями, возводятся въ добродѣтель, и крикъ „горе побѣжденнымъ“ обратился въ золотое правило мудрости. Безъ нравственности немисливо улучшение, потому что оно, само по себѣ, есть нравственное понятіе. Отвлечитесь отъ нравственности — и передъ вами будетъ не улучшение или ухудшеніе, а только пережъна, совершающаяся по роковымъ законамъ. Чтобъ не податъ повода къ недоразумѣніямъ, которыми мы захлебываемся, слѣшу прибавить, что понятія о томъ, что нравственно и что безнравственно, могутъ измѣняться по времени, обстоятельствамъ, степени развитія, съ успѣхами или упадкомъ знанія и культуры; но горе тому обществу, народу или вѣку, въ которомъ люди утратили чувство добра и правды, въ которомъ не оно, а какія бы то ни было другія цѣли, составляютъ задачу жизни и послѣднюю цѣль стремленій и дѣятельности, камертоновъ сужденій, высшее мѣрило достоинства, успѣха, дѣла или начинанія! У такого общества, народа или вѣка, логика событій будетъ выносить одинъ за другимъ свои роковые приговоры въ осужденіе растлѣнныхъ людей, въ неотразимое доказательство невозможности правильнаго и благоустроеннаго общежитія безъ нравственной подкладки, которая составляетъ необходимую предпосылку организованной общественности.

К. Кавелинъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е декабря, 1882.

Университетскіе безпорядки, по свѣдѣніямъ изъ „Правит. Вѣстника“. — Сужденіе о нихъ въ „Москов. Вѣдом.“, на основаніи итальянской брошюры, и собственныя ихъ соображенія. — „Власти“ предъ судомъ г-на Каткова. — Новая его теорія о тожествѣ службы и печати, и нѣчто о „субсидіяхъ“. — Противуположное тому слухи о строгомъ отдѣленіи службы отъ печати. — Что разумѣть подъ словомъ — „писать?“ — *Concordia parvae res crescunt* — не всегда! — Нѣсколько словъ памяти Н. И. Пирогова.

Правила, такъ-называемой, житейской мудрости, которыми мы руководимся иногда съ успѣхомъ — не всегда, къ сожалѣнію, пригодны служить правилами общественной жизни, и потому примѣненіе первыхъ въ послѣднемъ случаѣ оказывается часто почти невозможнымъ. Возьмемъ, напримѣръ, болѣзнь: въ жизни отдѣльнаго организма, многіе болѣзненные симптомы, какъ говорится, сходятъ съ рукъ сами собою, безъ всякой помощи врача, и мыслительный больной, своими осторожностями и рѣшительными мѣрпріятіями, постояннымъ наблюденіемъ за собою и прислушиваніемъ къ самому себѣ, вноситъ иногда только новое расстройство въ свой организмъ, и можетъ наложить дѣйствительную и уже серьезную болѣзнь, — то наложивъ на себя эпитимію, въ видѣ лишенія самого себя потребнаго количества здоровой пищи и воздуха, то отказываясь отъ движенія, съ мнимой цѣлью сохраненія своихъ силъ. Но все же въ практикѣ жизни отдѣльнаго организма, — особенно, организма, еще не разрушеннаго прежними злоупотребленіями и излишнимъ напряженіемъ своихъ силъ, — такое, такъ сказать, „замалчиванье“ болѣзни очень часто является лучшимъ средствомъ противъ нея, — впрочемъ, не болѣе какъ очень часто, и далеко — не всегда. Бываютъ и обратные случаи, — особенно, съ организмами, ослабленными и потрясенными, — когда невнимательное отношеніе къ легкой въ началѣ болѣзни, ставитъ впоследствии врача лицомъ къ лицу уже съ тяжкимъ и неизлечимымъ недугомъ. Все же, надобно совѣтаться, въ большинствѣ случаевъ, частный человекъ, особенно ведущій и безъ того правильную жизнь, съ успѣхомъ иногда „замалчиваетъ“ массу мелкихъ болѣзней, и вообще, — въ вопросахъ здоровья чаще выигрываетъ тотъ, кто не особенно мыслителенъ.

Въ общественной жизни — совсѣмъ другое дѣло: тамъ, своевременно изслѣдовать причину болѣзни, строго отличить являющіеся на поверхности симптомы отъ внутренняго недуга, глубоко скры-

вающагося въ нѣдрахъ самого организма—значить, по меньшей степени, избавить себя въ будущемъ отъ необходимости прибѣгать къ такимъ послѣднимъ, радикальнымъ мѣрамъ, которыя или загоняютъ временно болѣзнь внутрь, или, если и замазываютъ, то ставятъ потомъ въ необходимость лечить пациента отъ вредныхъ послѣдствій леченія.

Можно было подумать въ первые дни, что наша печать, за исключеніемъ, правда, „Правительственнаго Вѣстника“, отнеслась къ университетскимъ безпорядкамъ, такъ печально ознаменовавшимъ собою истекшій мѣсяць,—съ вышеупомянутой точки зрѣнія со-всѣмъ внимательнаго человѣка, и возложила надежду на силу „замолчанія“ болѣзни: лучше-молъ не анализировать, не толковать о ней—быть можетъ, все и само собою такъ пройдетъ! Понимая настоящую причину такой философіи, мы и сами были готовы, вмѣстѣ съ другими, „замалчивать“—и точно такъ же, какъ газеты, безмолвно занести на свои страницы текстъ „Правительственнаго Вѣстника“. Притомъ, помѣщая свое чисто-фактическое сообщеніе о безпорядкахъ въ здѣшнемъ университетѣ, официальная газета заключаетъ весьма справедливо словами: „Подробныя свѣдѣнія будутъ сообщены по окончательномъ разъясненіи дѣла“, т.-е. тогда, когда можно будетъ говорить утвердительно, а не гадательно, и притомъ по тщательной повѣркѣ фактовъ. Намъ оставалось бы, такимъ образомъ, въ своихъ сужденіяхъ о причинахъ такихъ безпорядковъ, если бы мы рѣшились на то,—руководиться одними городскими слухами, которые, правда, распространялись тѣмъ усердіемъ, чѣмъ настойчивѣе молчала печать, хотя, послѣдняя, сказать мимоходомъ, могла бы не мало содѣйствовать къ ихъ очищенію и повѣркѣ. Но fama, молва, crescit eundo,—ростетъ, какъ снѣжный комъ на ходу, а потому приводитъ слухи и извѣстія, съ голоса стоустой молвы, да еще судить по нимъ,—весьма неудобно, какъ по этимъ, такъ и по другимъ причинамъ. Эти слухи, конечно, несутся теперь въ формѣ корреспонденцій въ иностранныя газеты или дружеской переписки, записываются охотниками вести дневники, а позже, лѣтъ черезъ 20 или 30, соберутся любителями старины и издадутся ими въ качествѣ пикантныхъ вещей, которыя въ свое время не могли найти себѣ мѣсто въ печати. По нашему мнѣнію, это должно всегда невыгодно дѣйствовать на труды будущихъ историковъ: какимъ образомъ эти послѣдніе разберутся послѣ въ массѣ совершенно для нихъ новыхъ извѣстій, и отличать истину отъ наростовъ снѣжнаго кома—молвы? а между тѣмъ, людямъ прирождена, по извѣстнымъ причинамъ, склонность къ предпочтенію ничѣмъ не стѣсненной эманации общественнаго голоса, за какой потомъ принимаются, между прочимъ, дружескія переписки и

дневники, — официальному ходу дѣла. И такимъ предразсудкомъ бывають заражены не одни легкомысленные люди, но и такіе солидные органы, какъ „Московскія Вѣдомости“: еще недавно, по поводу своей полемики съ г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа, эта газета, приведа егѣ слова, съ горечью въ сердцѣ воскликнула: „вотъ какъ пишется официальная исторія!“ Намъ даже, по поводу всего этого, приходило иногда на мысль, не оттого ли часто представляется столь безобразною наша старина, что мы только теперь, заднимъ числомъ, публикуемъ то, что въ свое время отражало всякіе рогатые слухи стоустой молвы, недопущенной въ свое время къ оглашенію, а потому и неprovѣренные современниками; теперь же, кто ихъ разбереть, а читать ихъ, между тѣмъ—интересно. И думается иногда невольно, — какую же мы подготовляемъ себѣ всякій разъ исторію нашего времени, когда, примѣрно, въ началѣ приближающагося ХХ-го столѣтія, въ „Русской Старинѣ“ или въ „Русскомъ Архивѣ“ начнутъ собираться и печататься всякія извѣстія изъ нашей эпохи, удалившіяся въ частную переписку и дневники: Боже мой! сколько тутъ можетъ быть, хотя бы и невинной, лжи, преувеличеній; насъ уже не будетъ,—защищаться, стало быть, мы не можемъ, а редакция, естественно, будетъ въ состояніи только цѣнить одно—интересны ли записки и письма, т.-е. займутъ ли они собою читателя, или не займутъ; а на бѣду, нѣкоторый вымыселъ всегда немножко интереснѣе сухой правды.

Но такъ или иначе, если мы хотимъ разсуждать сколько-нибудь основательно о причинахъ университетскихъ безпорядковъ, мы должны послѣдовать вполне справедливому примѣру „Правительственнаго Вѣстника“—и дождаться болѣе подробныхъ свѣдѣній—„по тщательномъ разсмотрѣніи дѣла попечителемъ, при содѣйствіи правленія университета“. Но уже и теперь, впрочемъ, видно изъ словъ той же официальной газеты, что высшее начальство общаетъ большую снисходительность къ молодости и намѣрено принять въ соображеніе, знакомую всѣмъ намъ, по болѣе или—увѣ! менѣе близкимъ воспоминаніямъ, способность ея къ увлеченію: „удаленію изъ университета,—говорится въ „Правит. Вѣстникѣ“,—подвергнутся только тѣ, которые окажутся *дѣтельными* участниками сходки и происходившихъ на оной безпорядковъ“—а не всѣ, безъ различія, присутствовавшіе на сходкѣ. Это вполне гуманно и справедливо; между тѣмъ, судя по одному сообщаемому факту въ „Правительств. Вѣстникѣ“ можно было ожидать другаго: „Въ виду столь настойчивыхъ возбужденій къ безпорядкамъ, сказано въ газетѣ, попечитель учебнаго округа счелъ необходимымъ предупредить студентовъ, что въ случаѣ образованія новой сходки всѣ участники ея будутъ

удалены изъ университета". Но теперь мы видимъ, что будутъ удалены только дѣятельные участники схода.

Мы не надѣялись, однако, что всѣ органы печати будутъ подражать нашему благоразумному воздержанію отъ сужденій по поводу университетскихъ беспорядковъ. Если „Московскія Вѣдомости“ не выступили тотчасъ же съ своими комментаріями, за то газеты, служащія имъ эхомъ въ Петербургѣ, поспѣшили выдать свой первообразъ и не выдержали характера. Такъ, сегодня, перепечатывая новое сообщеніе „Правит. Вѣстника“ о здѣшнихъ университетскихъ беспорядкахъ, одна изъ петербургскихъ газетъ замѣчаетъ, что „всего прискорбнѣе знать, что эти беспорядки не имѣютъ рѣшительно никакой основы; начались они такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего“. Не знаемъ, откуда это сдѣлалось извѣстнымъ газетѣ—но думаемъ, что было бы гораздо прискорбнѣе узнать, что такіе беспорядки имѣютъ для себя „основу“; если же основы нѣтъ,—то они должны будутъ погаснуть сами собою. Въ дѣйствительности впрочемъ оказывается, что все это сказано газетою для краснаго словца, а собственно она знаетъ настоящую „основу“ беспорядковъ: „Такіе беспорядки, говоритъ она, и говоритъ справедливо,—достойны сожалѣнія; но—прибавляетъ—корень ихъ не въ самихъ молодыхъ людяхъ, а въ неустройствѣ нашихъ университетовъ; *университетскій уставъ* (1863 г.) *требуетъ радикальнаго измѣненія*“. Hier liegt der Hund begraben! Наши „радикальные“ консерваторы понимаютъ очень хорошо, что ихъ противникамъ такъ же трудно опровергать фактически подобный тезисъ, сколько имъ самимъ легко утверждать его: отъ нихъ вѣдъ никто не потребуетъ доказательствъ, и сами они говорятъ съ полной увѣренностью, что имъ повѣрять на-слово. Но практическіе и опытные государственные люди едва ли поддадутся на такой легкой способъ разсѣченія Гордіева узла: „возьмите-моль листъ бѣлой бумаги и напишите на ней что-нибудь другое, а главное, напишите то, что мы-моль вамъ продиктуемъ“. Конечно, у „Московскихъ Вѣдомостей“ на это всегда готово возраженіе: „а чѣмъ же лучше оказалось то, что въ 1863 г. диктовали другіе?“ Но можно ли назвать „диктовкою“ самое широкое, публичное обсужденіе вопросовъ университетской жизни и школы, какое предшествовало созданію устава 1863 года; всѣ мнѣнія, и часто самыя противоположныя, были свободно допущены, выслушаны и обсуждены комиссіею, въ составѣ которой находились представители самыхъ разнообразныхъ теченій. Развѣ „Московскія Вѣдомости“ имѣютъ въ виду рекомендовать что-нибудь подобное для пересмотра университетскаго устава 1863? онѣ только и твердятъ о необходимости не слушать мнѣнія ихъ противниковъ, и еще недавно сѣтовали громко на то, что такъ, но ихъ

миѣнію, медлятъ съ этой работой, которая имъ представляется необыкновенно простою—газета вѣдь не несетъ никакой отвѣтственности за послѣдствія.

Чтобы провѣрить, однако, сколько-нибудь теорію „Московскихъ Вѣдомостей“ о вредномъ или благотворномъ вліяніи уставовъ на университетскую жизнь и науку, прежде чѣмъ приниматься за какую-нибудь ломку, столь опасную въ школьномъ дѣлѣ вообще,—довольно припомнить себѣ въ самыхъ общихъ чертахъ, и всѣмъ извѣстныхъ, исторію университетскихъ уставовъ за послѣднія 50 лѣтъ. Уставъ 1835 г. дѣйствовалъ до 1863 г. на пространствѣ почти 30 лѣтъ. И что же мы наблюдаемъ: въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ, до 1855 г. мы не помнимъ ни одной „исторіи“ студентской, сколько-нибудь похожей на настоящія; послѣ 1855 г. уставъ остается тотъ же, а дѣйствіе его—вдругъ совершенно иное: онъ больше не предупреждаетъ нарушенія порядка, и беспорядки заключаются временнымъ закрытіемъ здѣшняго университета въ 1861 году. Почему именно уставъ потерялъ свою организационную силу именно съ 1855 года? Этотъ годъ былъ началомъ новаго порядка вещей, приведшаго къ освобожденію крестьянъ и другимъ реформамъ, т.-е. измѣнившаго кореннымъ образомъ весь общественный строй; не указываетъ ли это на то, что жизнь „вышей школы“ гораздо болѣе тѣсно связана съ общою жизнью, нежели какъ то, быть можетъ, думаютъ. Практическій выводъ изъ этого одинъ: въ борьбѣ съ такимъ зломъ, которое коренится далеко за предѣлами мѣстнаго его выраженія, необходима крайняя осторожность въ выборѣ средствъ противъ него, а надежду на радикальное измѣненіе можно возложить справедливо только на преуспѣваніе всей общественной жизни. Замята одного устава другимъ можетъ не привести въ этомъ случаѣ къ желанному дѣланію.

Но „Московскія Вѣдомости“ думаютъ иначе: въ №, который вышелъ одновременно съ вышеупомянутыми сообщеніями, газета нашла средство на первый разъ косвенно выразить свою любимую мысль и сказать свое regere!—уставу 1863 года. Средство, по-истинѣ, гениальное! „Московскія Вѣдомости“, порывшись въ другихъ изданіяхъ, нашли, что въ одномъ изъ нихъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, появилась недавно „интересная“ статья, подъ заглавіемъ: „Подпольная Россія“; эта статья написана „со словъ книги, изданной недавно въ Миланѣ на итальянскомъ языкѣ“—а въ ней „повѣствуется о многомъ, что удивляетъ и въ то же время оскорбляетъ гражданское чувство русскаго человѣка“. Вотъ, что говорится въ этой итальянской книжкѣ специально о русскомъ университетѣ (или „вышей школѣ“, какъ называются университеты въ Италіи) въ его будто бы соотношеніи съ преступными замыслами революціонеровъ: „И, что заслуживаетъ

вниманія, высшая школа (въ Россіи) дѣйствовала здѣсь не тайно, безъ всякихъ опасеній и предосторожностей, нѣтъ! Она (высшая школа) прикрывала дарованными ей автономными правами (читайте: уставомъ 1863 года) все совершавшееся въ ея стѣнахъ. Она дозволяла сходки, но не допускала на нихъ своихъ представителей; будучи отвѣтственна предъ высшею властью за вѣранныхъ ей молодыхъ людей, она складывала руки и только иногда обращалась за помощью къ жандармамъ. Воамутительныя рѣчи, пустые дебаты, не имѣвшіе никакого отношенія къ жизни заведенія, замѣнили посѣщеніе профессорскихъ лекцій. Школа перестала быть школой и обратилась въ шумную говорильню, профессора смолкли, за то затрещали витія другого сорта; все перемѣшалось, творилось что-то непонятное, поражающее!..“

Но,—воскликаетъ читатель,—да это вовсе не изъ итальянской брошюры: все это давно и постоянно писалось въ передовыхъ статьяхъ этихъ же „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя нынче для вѣщаго назиданія публики ежемѣсячно перепечатываютъ свои „интересныя“ передовыя статьи въ своемъ же ежемѣсячномъ журналѣ; безъ сомнѣнія, и авторъ итальянской брошюры почерпнулъ эти факты, перемѣшанные съ клеветою и инсинуаціею, изъ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостей“; а теперь газета ссылается на иностранную брошюру, какъ на авторитетъ, какъ бы говоря при этомъ, что вотъ-мошь и безпристрастные иностранцы начали „повѣствовать о многомъ, что удивляетъ и въ то же время оскорбляетъ гражданское чувство русскаго человѣка“. На дѣлѣ же оказывается, что все это „повѣствовали“ давно сами „Московскія Вѣдомости“, и теперь пришли въ восторгъ оттого, что пущенная ими клевета на русскіе университеты читается ими самими въ другихъ изданіяхъ, какъ истина! Какъ тутъ не вспомнить одинъ изъ Тургеневскихъ очерковъ, помѣщаемыхъ нами въ нынѣшней книжкѣ, „Довольный человѣкъ“:— „Онъ сочинилъ клевету на знакомаго, распространилъ ее тщательно, услышалъ ее, эту самую клевету, изъ устъ другого знакомаго—и самъ ей повтормилъ!“

Но вотъ, наконецъ, „Московскія Вѣдомости“ и прямо отнеслись къ университетскимъ беспорядкамъ, помимо итальянской брошюры; кто же однако не зналъ впередъ того, что должна сказать эта газета! „Вѣрно,—говоритъ она,—по крайней мѣрѣ то, что беспорядки эти являются естественнымъ послѣдствіемъ порядка, установившагося въ нашихъ университетахъ (т.-е. устава 1863 года), а также тѣхъ мѣръ оригинальной борьбы съ такъ-называемой крамолой, которыя болѣе походили на содѣйствіе (кого? самого правительства?), чѣмъ на противодѣйствіе ей; злоумышленная пропаганда, какъ извѣстно, могла

у насъ разсчитывать только на школьную молодежь, а со стороны властей (III) дѣлалось все, чтобы эта пропаганда не встрѣчала въ своей дѣятельности серьезнаго препятствія... Со стороны властей не только не дѣлалось ничего, чтобы вырвать этихъ молодыхъ людей изъ сѣтей, но напротивъ, принимались даже мѣры,—чтобы зараженные становились дѣятельными распространителями своей заразы”...

Мы, впрочемъ, твердо увѣрены, что прокуратура, прочтя такіа тяжкіа обвиненія правительственныхъ властей въ содѣйствіи преступной пропагандѣ и къ принатію съ ихъ стороны даже мѣръ для совращенія учащагся юношества,—останется совершенно спокойною, несмотря даже на прозрачный намекъ, что и теперешніа „власти“ недалеко ушли отъ той по-истинѣ адской политики совращенія юношества: „Увы!—восклициаетъ „Московскія Вѣдомости“,—мы все еще, какъ будто, находимся подъ дѣйствіемъ этой политики, подъ ея обаяніемъ!..“ Это сказано, конечно, по адресу нинѣшнихъ „властей“, якобы продолжающихъ принимать мѣры къ совращенію юношества въ дѣло пропаганды,—такъ какъ едва ли подъ этиа „мы“ г. Катковъ разумѣлъ собственную свою особу и свою газету. Но все же прокуратура, рискуя даже навлечь на себя обвиненіе со стороны московской газеты въ попустительствіе по отношенію властей, оставить конечно, дѣло безъ послѣдствій, и только изумится, вспоминая, какъ на той же недѣлѣ, дня за три, за четыре предъ тѣмъ, всѣ читали и въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ прекрасную теорію того же г. Каткова о значеніи „благонамѣренности“ въ печати, по отношенію къ властямъ, и особеннаго значенія правительственныхыхъ „субсидій“, какъ несомнѣнному знаку такой благонамѣренности, котораго г. Катковъ до сихъ поръ, какъ онъ свидѣтельствуеаь самъ, не удостоивался,—но не только принималъ бы такой знакъ, но и принималъ бы съ гордостью.

Мы не можемъ, однако, вполне послѣдовать примѣру прокуратуры, такъ какъ чувствуемъ себя въ долгу у „Московскихъ Вѣдомостей“. Изложеніе той прекрасной теоріи сдѣлано ими, по поводу анализа извѣстной изъ газетъ рѣчи В. Д. Спасовича на судѣ, по дѣлу о клеветѣ въ печати; при этомъ, по словамъ „Москов. Вѣдомостей“, адвокатъ выразилъ будто бы мысль, что даже распущеніе слуховъ о представленіи „властями“ того или другаго редактора неофициальной газеты къ награждѣ есть поворящее обстоятельство для него,—и тѣмъ усиливался, якобы, внушить презрѣніе къ властямъ. Правда, г. Спасовичъ сказалъ по этому поводу собственно слѣдующее: „Служить государству—само собою разумѣется, добросовѣстно и усердно—есть не безчестіе, а заслуга... Но всякая профессія, а въ томъ числѣ и литературная, и издательская дѣятельность, имѣетъ, по своимъ особеннымъ условіямъ быта, особенныа понятія о чести. Честь человѣка, идуща

цаго по этой дорогѣ, требуетъ прежде всего совершенной самостоятельности въ убѣжденіяхъ, высказываемыхъ печатно... *Служить правительству можетъ честный гражданинъ и на этомъ поприщѣ, но требуется, чтобы онъ ничѣмъ не навлекалъ подозрѣнія, будто онъ дѣйствуетъ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, или изъ-за особыхъ какихъ либо наградъ, которыя онъ получаетъ въ какомъ либо видѣ или надѣется еще получить.* Съ представленіемъ о такого рода возмездіи связанъ обыкновенно упадокъ литературной репутаціи, къ которому наша публика, къ счастью, еще весьма чутка, чему доказательствомъ могутъ служить невыгодные толки въ печати по поводу субсидій,—толки, которымъ подвергаются, напримѣръ, издатели „Московскихъ Вѣдомостей“, „Кіевлянина“, или непродолжительность издательской карьеры бывшего редактора „Берега“¹⁾.—Вотъ теорія г. Спасовича, по этому вопросу, какъ она выражена была имъ самимъ, а не въ перифразѣ съ комментаріями „Москов. Вѣдомостей“.

Если бы г. Спасовичъ провидѣлъ тогда новѣйшую теорію „Москов. Вѣдомостей“, то онъ могъ бы отвѣчать имъ еще иначе—и уже для нихъ было бы обязательно принять это за основательный доводъ. Такъ какъ слухъ о представленіи къ наградѣ его кліента „властями“ относился къ концу 1880 года, то его кліентъ, оказывается, былъ тогда вполне правъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ „Москов. Вѣдомостей“, если онъ глубоко оскорбился при одномъ слухѣ, что его хотятъ на-

¹⁾ *Inde igne!*—Но гнѣвъ ослѣпляетъ людей, и потому неудивительно, что г. Катковъ не ограничился энергическимъ отрицаніемъ полученной имъ будто бы субсидіи, въ видѣ снятія арендной платы съ издаваемой имъ газеты,—причемъ забылъ даже и собственный взглядъ вообще на субсидіи, какъ на высшую похвалу благонамѣренности,—но еще кромѣ того, совершенно несправедливо указалъ г. Спасовичу, будто бы слухъ о томъ былъ пущенъ въ ходъ его кліентомъ, т.-е. редакторомъ „Порядка“. Тутъ можно дать отвѣтъ, который въ баснѣ даетъ агнею велику: „Порядокъ“ издавался въ 1881 году, а слухъ объ арендѣ встрѣчался въ газетахъ тысячу разъ еще во второй половинѣ 70-хъ годовъ;—только въ концѣ ихъ г. Катковъ возсталъ противъ ложнаго слуха о такой, какъ онъ нынче называетъ, „наградѣ“, какъ и г. Спасовичъ защищалъ теперь своего кліента отъ подобаго же слуха въ другой формѣ. Не долженъ ли нынѣшній г. Катковъ обвинить г. Каткова 70-хъ годовъ за его усиліе внушить презрѣніе къ вниманію правительства, къ полезной дѣятельности частнаго лица? Если бы г. Катковъ въ 70-хъ годахъ думалъ такъ, какъ онъ думаетъ въ 80-хъ, то ему слѣдовало бы тогда возражать газетамъ совершенно въ иной формѣ, а именно сказать: „Слухъ о снятіи 100,000 аренды съ „Москов. Вѣдомостей“, къ моему крайнему прискорбію, оказывается невѣрнымъ, да и я пока ничѣмъ не заслужилъ такой милости“, и такъ далѣе, во вкусѣ новѣйшей теоріи г. Каткова 80-хъ годовъ. Но извѣстно, что г. Катковъ тогда отвѣчалъ своимъ противникамъ вовсе не такъ благодушно и отрицалъ этотъ слухъ—съ негодованіемъ. Нынче, онъ, правда, задалъ дружескую головоломку „Кіевлянину“ за его отвязъ отъ публиковавшейся въ государственномъ бюджетѣ субсидіи этой газетѣ; но не такъ онъ рассуждалъ, когда въ концѣ 70-хъ годовъ самъ опровергалъ газетные слухи о своемъ изданіи.—*Ред.*

градить „власти“ — какія власти? — тѣ самыя власти, о которыхъ „Москов. Вѣдомости“, конечно, по удаленіи ихъ отъ власти, говорятъ теперь, что онѣ, эти власти, „дѣлали все, чтобъ пропаганда не встрѣчала въ своей дѣятельности серьезныхъ препятствій“! — и это еще не все: „этими же властями,—продолжаютъ „Москов. Вѣдомости“,—принимались мѣры, чтобъ зараженные (юноши) становились дѣятельными распространителями своей заразы“. Какъ же — спросимъ мы г. Каткова — могъ „кlientъ г. Спасовича“ позволить себѣ принять изъ рукъ такихъ „властей“ какую-нибудь награду и не оскорбиться даже слухомъ о томъ, что ему угрожаетъ подобное обстоятельство, могущее умалить его честь?! Правда, г. Катковъ, когда эти власти были со властью, ничего подобнаго о нихъ не говорилъ, а говоритъ теперь, когда онѣ не у дѣлъ; но все же, г-ну Каткову не трудно было тогда молчать, а каково положеніе того, кому пришлось бы отъ нихъ волучить аттестатъ!— „Вотъ почему мой клиентъ,—могъ бы сказать г. Спасовичъ на судѣ,—оскорбился тѣмъ слухомъ, принявъ его за клевету на свое доброе имя“!

Конечно, мы приводимъ это вовсе не для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ серьезно желали рекомендовать г. Спасовичу подобную защиту: мы не могли только не воспользоваться случаемъ—сорвать съ г. Каткова личину его „благонамѣренности“, съ которою онъ обвинялъ клиента г. Спасовича въ презрѣніи къ придерживающимъ „властямъ“ въ концѣ 1880 года, и докладывалъ о его неуваженіи къ этимъ же самымъ властямъ, выразившемся въ презрительномъ отношеніи къ какому-нибудь знаку благорасположенія съ ихъ стороны, — и тутъ же, въ этой же статьѣ, самъ г. Катковъ выразилъ къ намъ нѣчто большее, чѣмъ презрѣніе, — прямое обвиненіе въ государственной измѣнѣ этихъ же властей. Это ли не фарисейское лицемеріе!—это ли не настоящій „предлюбодѣй мысли“, какъ называетъ г. Катковъ другихъ только за то, что они честно относятся къ своему дѣлу!

Новая теорія г. Каткова, высказанная въ этой же самой статьѣ объ „обязательной благонамѣренности“ для печати, какъ службы, о высокомъ значеніи субсидій, выражена имъ съ необываю въ лѣтописяхъ литературы „откровенностью“; она произвела на насъ такое же гадливое впечатлѣніе, какое получилось бы при встрѣчѣ на улицѣ, среди бѣлаго дня, съ человѣкомъ свободно и развязно прогуливающимся безъ малѣйшаго прикрытія тѣла, и увѣреннаго въ томъ, что въ наше время этимъ не только ничего ни потернешь въ общественномъ мнѣніи, но даже еще можешь не мало выиграть—при помощи такого „откровеннаго“ приѣма. Намъ кажется, во-первыхъ, что г. Катковъ, негодовавшій въ концѣ 70-хъ годовъ на слухъ о полученіи имъ субсидій, въ формѣ скидки арендной платы—былъ болѣе правъ, нежели г. Катковъ началъ 80-хъ годовъ, такъ сказать, облизывающійся при мысли о субсидіи и все-

родно поучающій „благонамѣренности“. Истинная благонамѣренность состоитъ только въ честности; мы предпочтемъ встрѣтиться съ заблужденіями честнаго человѣка, нежели узнать отъ безчестнаго, что, напримѣръ, дважды два—четыре: перваго можно убѣдить, направить на истину; а безчестный и истину скажетъ для того, чтобы васъ обойти, при ея помощи, и захватить въ свои сѣти... Въ настоящемъ случаѣ,—г. Катковъ сказалъ собственно: дважды два—четыре, —когда онъ утверждалъ, что честно властямъ всякій долженъ служить на всѣхъ своихъ путяхъ (да и г. Спасовичъ, какъ мы видѣли, не только не отрицалъ, но утверждалъ положительно то же самое); но г. Катковъ произносилъ свое $2 \times 2 = 4$ съ цѣлью доложить, что вотъ-моль каковы либералы: они усматриваютъ признаки клеветы въ самомъ службѣ объ одобреніи ихъ дѣятельности со стороны правительства, они внушаютъ презрѣніе къ властямъ. И нужно же было лукавому попутать г. Каткова и заставить его заднимъ числомъ выразить глубочайшее презрѣніе къ тѣмъ же самымъ властямъ, которыхъ онъ какъ будто принимаетъ подъ защиту своей несокрушимой благонамѣренности, и тутъ же съ воплемъ отчаянія произносить: — и находится-моль либералы, которые позволяютъ себѣ публично выражать презрѣніе къ этимъ властямъ и считать даже клеветою слухъ о наградѣ изъ рукъ этихъ властей!—а судъ?! онъ какимъ образомъ позволяетъ себѣ служить не правительству, а угождать г-дамъ Спасовичамъ и ихъ клиентамъ, принимая въ уваженіе подобныя жалобы! Правда, г. Катковъ получилъ, путемъ газетъ, возраженіе и опроверженіе по послѣднему пункту, но исправить свой промахъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, у него не достало... куражу; это вѣдь не такъ легко, какъ сочинить теорію о „благонамѣренности“ и „субсидіи“.

Возвратимся, однако, къ статьѣ „Москов. Вѣдомостей“ объ университетскихъ беспорядкахъ. Она, впрочемъ, на дѣлѣ, вся посвящена „властямъ“, потворствовавшимъ крамолѣ, и потомъ, отношеніямъ этой крамолы къ учащейся молодежи; только въ самомъ концѣ, строкъ за пять до конца, авторъ статьи переходитъ къ вопросу, и ограничивается, слѣдовательно, всего пятью строками по тому предмету, для котораго, какъ будто, была предпринята статья: „Возвращаемся къ вопросу,—говорятъ „Моск. Вѣдомости“:—что же знаменуютъ эти беспорядки? для чего они затѣяны въ эту минуту, когда правительство занято проектомъ необходимаго улучшенія университетскаго быта (т.-е. отиѣны устава 1868 года)? Вопросъ этотъ пока мы оставляемъ открытымъ...“ Многоточіе поставлено не нами, и мы только воспользуемся тѣмъ, что вопросъ признается открытымъ, и постараемся наполнить эти точки. „Москов. Вѣдомости“, очевидно, указываютъ на существующій юридическій пріемъ, при помощи котораго можно иногда найти виновнаго, если бы и не было прямыхъ уликъ: тотъ виновать,

— *cui prodest!*—т. е. кому преступленіе приноситъ выгоду.—Хорошо! посмотримъ, кому могла бы принести выгоду отмена устава 1863 г.? — тѣмъ ли, которые защищаютъ его, или тѣмъ, кто стремится къ его уничтоженію. Всякій скажетъ: конечно, послѣднимъ. Теперь другой вопросъ: университетскіе беспорядки — можно ли въ нихъ усматривать обстоятельство, говорящее въ пользу Устава 1863 года? Всякій скажетъ: конечно, нѣтъ—скорѣе, наоборотъ! Теперь третій и послѣдній вопросъ: если университетскіе беспорядки, по предположенію „Москов. Вѣдомостей“ нѣтъ-нибудя „затѣяны“,—то возможно ли заподозрѣть въ этомъ тѣхъ, которые расположены въ пользу Устава?—очевидно, нѣтъ—отвѣчаетъ всякій, безъ малѣйшаго затрудненія. Слѣдовательно, —никакъ нельзя сказать, чтобы вопросъ: „*cui prodest!*— кому на руку университетскіе беспорядки? — могъ быть рѣшенъ такъ:—защитникамъ устава 1863 года! Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы противники устава могли „затѣять“ беспорядки, —подобнаго рода вопросы могутъ быть исследованы компетентными людьми, ведущими слѣдствіе, какъ, напримеръ, университетскій судъ, — но тѣмъ людямъ не слѣдуетъ притворяться: они могутъ, не безъ основанія, думать, что совпаденіе беспорядковъ съ моментомъ, когда правительство, по ихъ словамъ, занято мыслью „объ улучшеніи быта университетовъ“ — съ ихъ точки зрѣнія не можетъ быть названо иначе, какъ благоприятнымъ для ихъ дѣли обстоятельствомъ. Мы уже сказали выше, какъ мы смотримъ вообще на зависимость тѣхъ или другихъ жизненныхъ явленій вообще отъ уставовъ; къ этому присоединимъ еще одно: для точнаго сужденія о вліяніи, именно Устава 1863 г., необходимо положить на вѣсы не только Уставъ, но и тѣ циркуляры, предписанія, правила, которыми онъ видоизмѣнялся, дополнялся и т. п. Вотъ, когда наше сужденіе будетъ вполне правильно, такъ какъ тутъ будутъ приняты въ соображеніе всѣ силы, вліявшія на ходъ университетскаго быта, и мы получимъ ту кривую линію, по которой онъ развивался въ теченіе 20 лѣтъ, влеконый то силою Устава, то силою циркуляровъ и предписаній. Никто не сомнѣвается въ дѣйствительности известнаго закона движенія тѣлъ, вслѣдствіе котораго они движутся по діагонали двухъ различныхъ силъ, или даже, наконецъ, разрываются на части, если силы окажутся чрезмѣрно великими и въ то же время прямо противоположными.

Присматриваясь ближе къ нашей жизни, нельзя, впрочемъ, не сознаться, что кромѣ „университетскихъ беспорядковъ“, — въ нашей жизни, собственно говоря, есть много и другихъ беспорядковъ, ожидающихъ своего приведенія къ порядку; другіе совершаются въ внѣшескихъ сферахъ, а потому и внѣшнее ихъ выраженіе не представляетъ въ себѣ ничего бурнаго, громкаго, — но тѣмъ не

менше и эти беспорядки—также беспорядки, хотя иногда за свою безшумность они и называются только недостатками. Еще нѣсколько болѣе порядка, повидямому, представляеть у насъ официальная жизнь, жизнь администраціи, какъ болѣе дисциплинированная,—но и въ ней замѣчаются беспорядки, — но крайней мѣрѣ, въ послѣднее время съ большою настойчивостью повторяются слухи, нигдѣ не опровергаемые, о томъ, что, такъ какъ члены администраціи вносятъ въ служебныя дѣла беспорядокъ, соединяя службу государственную съ служебнымъ печати, — то для прекращенія такихъ беспорядковъ предполагается воспретить на будущее время служащимъ государству—писать: или слушать, или писать! Собственно говоря, эта мысль идетъ въ разрѣзъ съ вышеупомянутой теоріей „Москов. Вѣдомостей“; послѣдняя, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что нужно такъ писать, какъ будто служишь, а слѣдовательно, писать и служить—одно и то же; даже за писаніе можно ожидать себѣ вознагражденія отъ правительства, какъ справедливо пользуется тѣмъ чиновникъ, добросовѣстно служащій правительству. Но очевидно, правительство не раздѣляетъ такого благонамѣреннаго взгляда „Москов. Вѣдомостей“, и находитъ нѣкоторое различіе между тѣмъ, кто служить и кто писать, такъ какъ оно, если вѣрить слухамъ, отказывается отнести писательство къ разряду навѣстной службы себѣ. Мысль, въ такой *общей* формѣ, безусловно справедливая,—и рѣзко отрицающая теорію московской газеты; но все же мы не считаемъ слухъ вѣроятнымъ, крайней мѣрѣ, въ той широкой формѣ, въ какой онъ появился въ газетахъ,—и вотъ причины тому. Во-первыхъ, нѣтъ никакой надобности издавать новаго закона по этому предмету у насъ, гдѣ и безъ того существуетъ такъ-называемый „третій“ пунктъ, въ силу котораго можно направить всякаго чиновника въ область печати, если бы оказалось на дѣлѣ, что извѣстное начальству его участіе въ газетахъ и вмѣстѣ служба — по чему - нибудь оказываются неудобными. Зачѣмъ, спрашивается, издавать еще какой-нибудь новый законъ, когда не отмѣненъ старый, предоставляющій всѣ средства не только судить, полезна ли службѣ дѣятельность того или другого лица, или вредна,—но и сообразно съ тѣмъ дѣйствовать, безъ малѣйшаго объясненія причинъ такого дѣйствія. Къ чему два закона, когда и одинъ слишкомъ достаточенъ; притомъ, новый законъ не было бы возможности привести въ исполненіе, такъ какъ нельзя запретить писать негласно, или пришлось бы слѣдить за каждымъ чиновникомъ также негласно, а слѣдовательно, при невозможности доказать его виновность, все-таки прибѣгнуть къ третьему пункту, т. е. удалить безъ объясненія причинъ: нельзя же предъявлять въ видѣ основанія, своихъ подозрѣній или результатовъ негласныхъ неслѣдованій.

Тутъ есть какое-то недоумѣніе, и именно въ самомъ словѣ: „писать“.

Что разумѣть подъ этимъ словомъ? Въ нашихъ глазахъ, „писать“, какъ и „говорить“ есть потребность человѣка, которая отнюдь не можетъ прекращаться даже и послѣ поступленія на службу. Запретить кому-нибудь писать, это почти то же, что и запретить говорить внѣ службы. Мы понимаемъ возможность запрещенія въ часы службы не только писать стихи, когда нужно написать бумагу, но и громко говорить, особенно если послѣднее мѣшаетъ заниматься другимъ. Но какъ все это запретить человѣку въ часы свободы его отъ службы—въ его собственномъ кабинетѣ. Графъ П. А. Валуевъ, состоя на государственной службѣ, какъ извѣстно, написалъ романъ и напечаталъ; въ этомъ романѣ, мы видѣли, есть и profession de foi автора, не всѣми, думаемъ, раздѣляемое и въ высшихъ сферахъ. Наконецъ, возьмите любую книжку журнала, и вы тамъ найдете очень мало лицъ, вовсе не состоящихъ на службѣ; у насъ же это явленіе встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, такъ какъ у насъ большинство образованнаго класса состоитъ на службѣ. Вотъ, почему мы думаемъ, что слухъ о запрещеніи „писать“ на службѣ, вѣроятно, имѣетъ какое-нибудь специальное значеніе. Намъ, правда, случалось слышать, въ видѣ анекдота, такой разговоръ между начальникомъ и подчиненнымъ, лѣтъ десять тому назадъ. Начальникъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что одинъ изъ председателей палаты въ провинціи пишетъ въ журналахъ и при этомъ слѣдитъ за ходомъ реформъ вообще; при встрѣчѣ съ нимъ онъ и замѣтилъ своему подчиненному: „У васъ, вѣроятно, слышкомъ много времени остается отъ службы, что вы такъ много пишете?“ — Нѣтъ, ваше п-ство, служба у меня беретъ очень много времени,—но я въ карты не играю! — Это, впрочемъ, не анекдотъ, а фактъ, который мы слышали отъ пострадавшаго: онъ былъ вскорѣ уволенъ за тѣмъ, но не по 8-му пункту; ему было предложено просить объ отставкѣ по болѣзни. Впрочемъ, въ этомъ фактѣ, сказать мимоходомъ, заключается и доказательство въ излишество всякаго новаго закона по этому предмету: десять лѣтъ тому назадъ, и безъ такого закона, были уже на лицо всѣ средства къ тому, чтобы ставить чиновника въ положеніе Гамлета и вмѣсто: быть или не быть?!—воскликнуть: „писать, или не писать“? — Конечно, отвѣтимъ, писать, если это составляетъ естественную потребность его ума; да и администрація много потеряла бы, еслибы ей удалось (хотя это невозможно) до такой степени слѣдить зорко за своими чиновниками, что наконецъ въ ея распоряженіи очутились бы лица, которыя, дѣйствительно, не „писали“ бы—по той простой причинѣ, что ихъ умъ вовсе и не располагаетъ къ тому. И притомъ, если бы можно было достигать всего, чего хочешь, путемъ однихъ запрещеній, то какъ просто было бы, напригнѣръ, избавиться отъ хищеній—однимъ запрещеніемъ воровать. Но результатъ такого

запрещенія былъ бы тотъ же, какъ и—запрещенія писать, съ тѣмъ только различіемъ, что о невозможности перваго мы сожалѣемъ, а второе—не должно даже и вызывать сожалѣнія. Противъ хищенія все-таки оказывается болѣе дѣйствительнымъ, если и не радикальнымъ средствомъ—судъ. Очень быть можетъ, что и въ нашемъ слухѣ основаніемъ служить не невозможная мысль о запрещеніи „писать“ состоящимъ на службѣ, а о запрещеніи похищать бумаги изъ канцелярій и передавать ихъ содержаніе въ частныя руки; это—совсѣмъ другое дѣло и болѣе понятное; но вѣдь это никогда не дозволялось, и дѣло можетъ идти только теперь объ отдачѣ зато подѣ судъ и объ установленіи наказанія, на основаніи судебного приговора. И въ частныхъ отношеніяхъ, законъ преслѣдуетъ всякій плагиатъ—всякое напечатаніе рукописи, безъ согласія автора или собственника ея, каковымъ въ настоящемъ случаѣ является служебное мѣсто. Но какъ трудно бываетъ доказать денежное хищеніе, такъ трудно, если не труднѣе—доказать хищеніе бумаги изъ канцелярій, а потому мы думаемъ, что и судъ не повлечетъ за собой радикальнаго улучшенія въ административныхъ правахъ. Улучшеніе ихъ находится въ болѣе тѣсной зависимости опять отъ общихъ причинъ, отъ улучшенія нравственнаго быта служащихъ сообщеніемъ имъ духа большей нравственной независимости и безопасности со стороны произвола. Самое существованіе „третьяго пункта“ уничтожаетъ и то, и другое, и мало-по-малу собираетъ около администраціи такія силы, которыя мирятся охотно съ своимъ тяжелымъ положеніемъ и вымѣщаютъ таковое распущенностью нравовъ. По нашему мнѣнію, уничтоженіе этого пункта могло бы болѣе содѣйствовать къ поднятію нравственнаго уровня въ чинахъ администраціи и чрезъ то сдѣлать излишними карательные законы—въ родѣ запрещенія служащимъ—„писать“; если таковое запрещеніе не отразится тяжело на итогѣ умственной общественной жизни, то только за невозможностью есуществить его на дѣлѣ, но склонность къ обходу закона, къ обману—нашла бы себѣ новое поприще. А каковымъ образомъ, спросимъ еще, запретить передавать *устно* прочтенное въ бумагахъ канцелярій—когда писать со словъ слушающаго будетъ другой? Наконецъ,—какой взглядъ на правительственную дѣятельность должны имѣть тѣ, которые стануть защищать пользу подобнаго закона?—развѣ правительство есть какой-нибудь орденъ или секретное общество, нуждающееся для успѣха своихъ дѣйствій въ тайнѣ? Такую мысль нельзя допустить и на секунду; въ тайнѣ могутъ нуждаться злоупотребленія отдѣльныхъ административныхъ лицъ, замыслы ихъ провести то или другое дѣло въ тихомолку,—но своевременное раскрытіе однихъ и разъясненіе другихъ составляютъ интересъ прежде всего—самого правительства.

Оставалось въ предѣлахъ того, о чемъ въ послѣдній мѣсяцъ наиболѣе галловало общество, — что было, какъ говорится, на его l'ordre du jour, и чѣмъ оно интересовалось, хотя бы въ видахъ развлечения, — мы должны перейти къ тому факту, по поводу котораго невольно приходитъ на мысль поговорка: „изъ одного города — разные вѣсти“. Но вражде всего тутъ является общій вопросъ: а было ли бы лучше, если бы изъ одного города приходили одиѣ вѣсти? — да и вообще, извѣстный девизъ Голланди: „concordia parvae res crescunt, discordia magna dilabuntur“ — справедливъ ли онъ безусловно и повсюду? Эти вопросы накладываютъ въ нѣкоторой связи съ тѣмъ, о чемъ мы только что говорили, — но такъ дѣло шло о жизни только административной. Мы не можемъ никакъ отрицать извѣстную хорошую силу многихъ конулярныхъ изреченій, но мы отнюдь не согласны на безусловное ихъ принятіе, — за что, и даже на дѣлахъ, вызвали въ печати уверенность, обращенную къ намъ лично: думать, что мы будто ничего не знаемъ, кромѣ Германіи, и что такая односторонность въ сужденіи „соблазняетъ“ насъ. Вотъ, что говорить по нашему адресу въ одной газетной „дружеской“ перепискѣ:

„Худо ли это, хорошо ли, что у насъ нѣтъ перваго министра, — судить рано. Ты знаешь, что одни желаютъ перваго министра, другіе — нѣтъ. Одни говорятъ, что если первый министръ долженъ быть, то долженъ быть и такъ-называемый „кабинетъ“, иначе первый министръ является какою-то аномаліей. Другіе говорятъ, что кабинетъ не надо, что лучше независимыя министерства, ибо тогда въ законѣ-нибудь министерствъ непремѣнно происходитъ прогрессъ, движеніе, если въ другіхъ и былъ застой. Такъ думаетъ, между прочимъ, „Вѣстникъ Европы“. Все очевидно соблазняетъ прикѣръ Германіи, гдѣ, до провозглашенія правового порядка, если въ нѣкоторыхъ государствахъ былъ застой, то въ другіхъ происходило движеніе. „Новое Время“ давно уже высказывалось — за кабинетъ“.

Но и мы вовсе не думали предпринимать такого относительно далекаго путешествія, какъ въ Германію, для прѣвѣрки своего взгляда, такъ какъ это можно легко сдѣлать, не выходя изъ дому. Притомъ, дѣло тутъ идетъ вовсе не о „правовомъ“ порядкѣ, а просто о справедливости, о логикѣ. Это правда, что въ наше время, если кому нужно побить справедливость — но такъ, чтобы и побивающій ее не сообразилъ что онъ дѣлаетъ — лучше всего обязать справедливое — „правовымъ“ порядкомъ, и этого довольно, чтобы люди отвернулись и отъ справедливаго. И сколько можно сдѣлать ошибочнаго, протнуположнаго, только подъ тѣмъ предлогомъ, что намъ скажутъ, — это-молъ нѣсія о „правовомъ“ порядкѣ! „Московскія Вѣдомости“ до сихъ поръ не могутъ заѣздить этого коня и гарцууть на немъ — не безъ успѣха.

Въ вышнемъ году, громадная цифра протяженія ливій наливъ

железныхъ дорогъ, слишкомъ въ 22 тысячи верстъ, увеличилась постройкою жабинно-пинской дороги на 135½ в. Увеличеніе не особенно значительное, но обратившее на себя вниманіе тѣмъ, что ее удалось построить не то вѣдомство, для котораго постройка железной дороги была бы его спеціальностью, но — вѣдомство военное. Несмотря на это послѣднее обстоятельство, или, вѣрнѣе сказать, въ противность ему, упомянутая дорога была построена, дѣйствительно, какъ говорится—по военному, съ безпримѣрною быстротою, съ небольшимъ въ 4 лѣтнихъ мѣсяца—отъ начала іюня—а 15 октября была уже готова къ открытію; и построена съ такою же безпримѣрною у насъ дешезвиною — 18½ тысячъ, безъ малаго, верста. 15-е и 16-е октября было употреблено на освидѣтельствованіе дороги. Въ заключеніе оказвалось, что „вообще всѣ работы произведены хорошо, тщательно и весьма успѣшно, при краткомъ времени“. Правда, когда дѣло идетъ о такомъ предметѣ, какъ железныя дороги, которыя приходится потомъ пассажирамъ повѣрять на себя и своемъ имуществѣ, уже совсѣмъ безотносительно къ количеству времени, употребленному на постройку—вышеупомянутые отзывы, принимавшіе въ соображеніе, главнымъ образомъ, „краткость времени“, не должны имѣть особаго значенія; но тѣмъ не менѣе, заключеніе продолжаетъ такъ: „вполнѣ возможно допустить временное движеніе по всей линіи, съ уменьшеною скоростью и безъ обязательства срочной доставки“. О такихъ результатахъ и было сообщено въ брѣганѣ военнаго министерства, „Русскомъ Инвалидѣ“. Но вскорѣ затѣмъ, редація „Правительственнаго Вѣстника“ помѣстила у себя сообщенныя ей „новыя достовѣрныя“ данныя объ упомянутой дорогѣ, сопровождаемыя слѣдующимъ заключеніемъ, выведеннымъ уже изъ этихъ „новыхъ достовѣрныхъ“ данныхъ: „Въ виду такого положенія работъ, при которомъ дорога должна почитаться строящеюся, но отнюдь не оконченною, и которое вовсе не допускаетъ открытія пассажирскаго и товарнаго движенія, — въ настоящее время, впредь до освидѣтельствованія ж.-п. железной дороги установленнымъ порядкомъ черезъ комиссію отъ министерства путей сообщенія и принятія оной въ вѣдѣніе сего министерства, на упомянутой дорогѣ разрѣшено военному министерству, съ видъ изъятія для удовлетворенія его спеціальныхъ цѣлей, производить движеніе лишь днемъ, со всѣми необходимыми предосторожностями, а отвѣтственность за безопасность движенія и сохранность грузовъ возложена вполнѣ на военное министерство“. Затѣмъ, мы находимъ такую же поправку и въ отношеніи стоимости новой дороги: „стоимость версты ж.-п. железной дороги, говорится въ „Прав. Вѣстн.“, далеко превосходитъ приведенные въ указанномъ сообщеніи („Русскаго Инвалида“) 18,450 р. и имѣются указанія на то, что постройка этой дороги окажется не дешезвою“.

Мы далеки от мысли позволить себѣ какое-либо обсужденіе и оказать съ своей стороны содѣйствіе въ разрѣшеніи вопроса—которое изъ сообщеній, приведенныхъ нами, имѣетъ за себя болѣе данныхъ: мы вовсе не спеціалисты въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, и—вѣдемся, выслушавъ каждое изъ нихъ отдѣльно, могли бы согласиться и съ тѣмъ, и съ другимъ,—хотя, конечно, въ такомъ вопросѣ невольно сложяешься всегда въ пользу мнѣнія спеціалистовъ. Какъ профаны, мы можемъ только недоумѣвать, да и то не по поводу самого разнорѣчія, а по поводу одного того обстоятельства, что въ комиссію осмотра дороги военнымъ вѣдомствомъ „были, какъ сказано въ „Русск. Инв.“ привлечены“ и такіе чины министер. путей сообщенія, какъ инженеръ пут. сообщенія с. с. Даниловъ и командированный этимъ же министерствомъ инженеръ с. с. Гельмстремъ. Какъ же, несмотря на то, въ „Прав. Вѣстн.“ сообщается, конечно, отъ министерства путей сообщенія, что ж.-п. дорога нуждается въ „освидѣтельствованіи ея установленнымъ порядкомъ“. Значить, 15 и 16 октября она была освидѣтельствована неустановленнымъ порядкомъ, т.-е. такимъ, изъ котораго никакого практическаго заключенія вывести было нельзя. Но и не это можетъ интересовать насъ въ данномъ случаѣ: заведи рѣчь о томъ, о чемъ толковали всѣ, мы имѣли въ виду вовсе не жабинко-пинскую желѣзную дорогу и различные техническіе вопросы, какіе могутъ быть возбуждены по ея поводу,—а мнѣніе нашихъ литературныхъ противниковъ относительно ошибочности нашего взгляда на „конкордію“, которою „ростутъ и малыя дѣла“. Представьте себѣ то же самое вышеприведенное нами дѣло при „конкордіи“—и результаты могли бы быть по-истинѣ печальныя. Намъ скажутъ на это, что мы предпочитаемъ жить эксплуатаціею разногласія; но мы вовсе и не защитники послѣдняго,—мы только не безусловныя поклонники „согласія“, и понимаемъ, что оно является зиждительною силою только при извѣстныхъ условіяхъ. Кто не любитъ, наприм., тишины, но кто не знаетъ различія между тишиною остановившейся машины и тишиною машины, движущейся безъ шума только вслѣдствіе правильности устройства всѣхъ ея частей: изъ этого примѣра видно, что и тишиною восхищаться безусловно—нельзя.

Мы будемъ даже настолько безпристрастны, что сами приведемъ доказательство того, что, конечно, и „несогласіе“ можетъ быть источникомъ вредныхъ явленій въ жизни. Мы получили на-дняхъ курьезное письмо, или, правильнѣе сказать, письмо объ одномъ курьезѣ, изъ Вятки, гдѣ, какъ мы уже разъ сообщали, господствуетъ свой, вятскій взглядъ на женское образованіе вообще. Недалеко какъ въ этомъ мѣсяцѣ, мы видѣли новый результатъ заботливости правительства о женскомъ образованіи: 12 ноября открыто въ Петербургѣ Маріинское женское училище новаго типа; но въ Вяткѣ имѣютъ свой взглядъ на жен-

ское образованіе. По закону о печати, книги, превышающія 10 листовъ, печатаются безъ *предварительной* цензуры, но это вовсе не значитъ, что эти книги—*нецензурныя*; такъ думаютъ въ Петербургѣ, но въ Вяткѣ существуетъ и на этотъ предметъ свой взглядъ. Намъ пишутъ: „Преслѣдованіе женскаго образованія у насъ (въ Вяткѣ) продолжается. Г-жа Хлѣбникова издала въ пользу женскихъ курсовъ небольшую брошюру, а вятская полиція запретила объявленіе, гдѣ говорилось о продажѣ въ пользу курсовъ. Кстати, были запрещены объявленія и о другихъ книгахъ, касавшихся женскаго образованія, на томъ основаніи, что онѣ, будто, *нецензурныя*, такъ какъ на нихъ нѣтъ разрѣшенія предварительной цензуры“. Мы не считаемъ этого извѣстія достовѣрнымъ, но не можемъ не признать за нимъ правдоподобія, пока оно не будетъ опровергнуто.

На-дняхъ исполнилась первая годовщина смерти Н. И. Пирогова. Нельзя не высказать по этому случаю, что общество до тѣхъ поръ не совсѣмъ теряетъ своихъ лучшихъ людей, пока оно само не утрачиваетъ способности цѣнить и понимать ихъ заслуги, пока они живутъ въ памяти общества и тѣмъ не прекращаютъ своего благотѣльнаго вліянія на ихъ нравственный и умственный бытъ.

Такъ и случилось это, по крайней мѣрѣ въ первый день годовщины смерти Пирогова, 23-го ноября, когда состоялось торжественное собраніе соединенныхъ обществъ: Пироговскаго и Петербургскаго практическихъ врачей, посвященное его памяти.

Еще, относительно недавно, въ торжественномъ, многолюдномъ засѣданіи, въ маѣ 1881 года, въ стѣнахъ московскаго университета, ректоръ его, указавъ на важное значеніе для празднованія юбилея Пирогова, — значеніе не для одного лишь юбиляра, но и для всего русскаго общества, для всей науки, для всего цивилизованнаго міра, — назвалъ этотъ день однимъ изъ лучшихъ въ лѣтописяхъ университета.

Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ этого многознаменательнаго московскаго торжества, Пирогова уже не было, но долго не забудется все то, что сдѣлалъ Пироговъ въ теченіе своей полулѣтней разнообразной, ученой и практической дѣятельности.

Онъ оставилъ за собою широкій слѣдъ въ общественномъ сознаніи; русское общество не могло еще вполнѣ оцѣнить заслуги Пирогова; но чѣмъ болѣе пройдетъ времени, чѣмъ больше разовьются и окрѣпнутъ въ нашемъ обществѣ тѣ нравственные идеалы, къ которымъ стремился усопшій, — тѣмъ яснѣе предстанетъ въ сознаніи все значеніе его для русскаго общества.

Въ рѣчи доктора I. В. Бертенсона, произнесенной имъ въ соединенномъ засѣданіи обществъ Пироговскаго и Спб. практическихъ врачей, послужившей дополненіемъ къ очерку его же объ общест-

венной дѣятельности Пирогова, написанному ко дню его юбилея, имъ приведенъ цѣлый рядъ писемъ покойнаго по вопросамъ военно-санитарнымъ и госпитальнымъ.

Полны глубокаго смысла слѣдующія слова покойнаго, предпосланныя имъ труду д-ра Бертенсона: „Барачные лазареты въ военное и мирное время“:

„Сколько, въ самомъ дѣлѣ, нужно условій, чтобы всякое дѣло, и даже такое старое, какъ милосердіе, хорошо принялось въ обществѣ? Уже никакъ не менѣе трехъ,—самыхъ главныхъ. Нужно, чтобы нашлись люди, насъвозъ проникнутые убѣжденіемъ въ необходимости такого дѣла; нужны средства, а въ третьихъ, нужно достаточно имѣть знанія и опыта, какъ помочь горю. Но общественное милосердіе принадлежитъ къ убѣжденіямъ новѣйшаго времени, еще вовсе не укоренившимся;—„charitas“, какъ религиозная обязанность цѣлаго общества, врядъ ли существовала въ понятіяхъ древняго міра,—ветковавѣтная была болѣе отрицательнаго свойства,—во всякомъ случаѣ, въ массы эта обязанность начала проникать только при распространеніи христіанства и при извѣстныхъ отношеніяхъ церкви къ государству. По этому, во всѣхъ новыхъ государствахъ, больницы и были прежде всего „домами Божиими“. И какъ бы этигь именовемъ ни пользовались всеу всѣ госпитали, съ самаго начала ихъ существованія и до сихъ поръ, оно одно освящало и укрѣпляло основаніе этихъ скопищъ человѣческихъ страданій. Средневѣковому обществу недоставало ни истинно христіанскихъ, ни истинно гуманныхъ убѣженій въ необходимости помогать меньшей братіи,—сословная рознь и кулачное право мѣшали ихъ развитію,—церкви недоставало знанія, а государствамъ—ни убѣженій, ни знаній, ни средствъ. Наслѣдникамъ же среднихъ вѣковъ было не до дѣлъ общаго милосердія, имъ, прежде всего, приходилось научиться разучиваться, отыскивая здравый смыслъ, забытый схоластической школою.

„Какъ повидимому, ни различны между собою призванія школы и больницы, судьбы ихъ имѣютъ много общаго. Какъ ни очевидно благодѣтельное вліаніе общаго попеченія и науки на здоровье и умъ каждой отдѣльной личности, но когда дѣло доходитъ до физическаго и умственнаго леченія массъ, тотчасъ же обнаруживаются и въ той, и въ другой сферѣ, новые недуги, обязанные своимъ происхожденіемъ госпиталю и школѣ. По этому, быть и организація школы и госпиталей идутъ всегда рука объ руку, и здравый смыслъ открываетъ себѣ, послѣ долгой борьбы, дорогу и въ тѣ, и въ другіе, почти всегда въ одно и то же время. Доказательствомъ тому можетъ служить Америка. Тамъ здравый смыслъ общества обнаруживается въ наше время всего яснѣе и въ народной школѣ, и въ

барачномъ временномъ лазаретѣ. И тамъ, и здѣсь, прогрессъ выражается переходомъ закрытаго заведенія въ открытое. Какъ скоро цѣлую массу человѣческихъ организмовъ и личностей запераютъ въ закрытое заведеніе,—съ цѣлю-ли научить, исправить или вылечить,—худая сторона органической и нравственной натуры человѣка не замедлитъ проявить себя прежде хорошей. Въ закрытой школѣ форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ и заглушаетъ его; наука отрывается отъ жизни, и преждевременные пороки чувственности заражаютъ и губятъ цѣлое помысловіе. Въ закрытомъ по старой корридорной системѣ устроенномъ госпиталѣ развиваются губительныя живогныя яды и миазмы,—и если госпитальныя болѣзни обращаютъ теперь на себя болѣе вниманія, чѣмъ школьныя, то это во первыхъ потому, что онѣ гораздо матеріальнѣе и легче школьныхъ, а во-вторыхъ, оттого, что на западѣ изъ закрытыхъ заведеній не перестали существовать одни только госпитальныя. Если же наше (одержимое формализмомъ и беззаботностью) общество обращаетъ мало вниманія и на тѣ, и на другія, то, по крайней мѣрѣ, мы, врачи, не должны молчать о нихъ. Мнѣ, на моемъ вѣку, не однажды приходилось видѣть въ одной и той же мѣстности и школы, напоминающія средневѣковыя лазареты, и госпитали, напоминающія средневѣковую школу. Я видѣлъ въ тѣхъ и другихъ и скученность, и физическія и нравственныя заразы, и недостатокъ въ убѣжденіяхъ, средствахъ и знаніяхъ. И тамъ, и здѣсь, вездѣ для торжества здраваго смысла нужны не годы, а вѣка.

„Проходятъ цѣлыя столѣтія, пока выльется форма съ зародышнымъ содержаніемъ, цѣлыя вѣка оно лежитъ подъ спудомъ; нужны еще вѣка борьбы содержанія съ формою и безграничное время для рѣшенія, за кѣмъ останется побѣда. Быстрота прогресса видна только въ томъ, что въ сущности есть его отрицаніе, какъ, напримеръ, война, въ которой форма, какъ бы она ни измѣнялась, никогда не нарушаетъ содержанія и никогда ему не противорѣчитъ“...

„Дѣло слишкомъ важное“, — говоритъ Пироговъ, въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ д-тору Бертенсону по поводу устройства въ Петербургѣ первыхъ лазаретныхъ барачковъ,—реформа не однихъ зданій, а понятій и вѣковыхъ взглядовъ, — вещь не шуточная! Нужно имѣть терпѣніе и терпѣніе выдержать безропотно равнодушіе, насмѣшки и злословія, имѣя въ виду цѣль—побѣдить вѣковой вредный предрассудокъ и неумѣстную гоньбу за эффектомъ, произведеннымъ на толпу грандіозною монументальностью зданій“.

Быть образцовымъ преподавателемъ, плодовитымъ изслѣдователемъ, искуснымъ и смѣлымъ операторомъ и, въ то же время, такимъ мыслителемъ и гуманнѣйшимъ человѣкомъ, писателемъ и педагогомъ, — выпадаетъ на долю не многихъ избранныхъ.

Въ высшей степени интересное сообщеніе сдѣлалъ, въ томъ же засѣданіи, проф. Ф. П. Ландцертъ относительно основанія Пироговынъ анатомическаго института при бывшей с.-петербургской медико-хирургической академіи.

Профессора Беръ, Зейдлицъ и покойный Пироговъ, 21 октября 1844 г., представили свое соображеніе въ конференцію академіи объ устройствѣ анатомическаго института. Когда затѣмъ по утвержденіи этого проекта, конференція академіи обратилась къ Пирогову съ предложеніемъ занять мѣсто директора анатомическаго института, то онъ отклонилъ это предложеніе.

Отвѣтъ его на это заключается слѣдующими словами:

„Впрочемъ, и при всѣхъ этихъ условіяхъ, я бы не иначе принялъ на себя обязанности директора, какъ только въ видѣ опыта сначала на два года и именно потому, что я никогда не берусь за то, чего исполнить не въ состояніи, а во-вторыхъ, что новоучреждаемое мѣсто директора,—какъ составлявшіе проектъ института мы старались ясно опредѣлять его обязанности,—можетъ быть соединено съ такими непредвидѣнными трудностями, которыя я не буду въ состояніи преодолѣть“.

„37 лѣтъ, — такъ окончилъ свою рѣчь Ф. П. Ландцертъ, — прошло съ тѣхъ поръ, какъ написанъ былъ этотъ рапортъ.

„Николая Ивановича не стало, но имя его неизгладимо начертано въ лѣтописяхъ врачебной науки.

„Имѣвшій счастье сидѣть у ногъ его и внимать его поученіямъ съ восторгомъ могъ бы воскликнуть: то былъ мыслитель-наставникъ и человекъ—*integer vitae, scelerisque purus!*“

ПОПРАВКИ.

Въ ноябрьской книгѣ журнала слѣдуетъ исправить:

Стран.	Стр.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
216	14 св.	повѣряющее	повторяющее
222	10 св.	жръль	хръль
233	7 св.	краткомъ	краткомъ
238	15 „	Сави-	Баси-
247	9 „	чувства, дальше	чувства, какъ Чернышевъ, дальше

Издатель и редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1882 ГОДУ.

Въ 1882-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	239	23. Пермская. .	63	45. Гродненская	37
2. Киевская. .	226	24. Тульская. .	61	46. Самарская .	34
3. Харьковск..	152	25. Иркутская .	52	47. Лифляндск.	34
4. Тифлисская.	130	26. Обл. В. Дон.	50	48. Псковская .	32
5. Полтавская.	114	27. Рязанская .	49	49. Базинская .	32
6. Таврическ..	111	28. Ярославская	48	50. Ковенская .	29
7. Екатеринос.	108	29. Тверская. .	47	51. Уфимская .	27
8. Варшавск. .	99	30. Виленская .	47	52. Астраханск.	26
9. Саратовск. .	94	31. Кубанск. об.	47	53. Томская . .	25
10. Казанская .	88	32. Владимірск.	45	54. Могилевск..	24
11. Орловская .	85	33. Новгородск.	44	55. Дагест. обл.	24
12. Тамбовская.	85	34. Оренбургск.	43	56. Люблинская	24
13. Подольская.	84	35. Терская об.	43	57. Примор. об.	22
14. С.-Петербур.	83	36. Костромская	42	58. Ставропол. .	22
15. Воронежск..	78	37. Калужская .	42	59. Акмол. об.	22
16. Черниговск.	78	38. Минская. .	41	60. Вологодская	22
17. Курская . .	72	39. Пензенская .	40	61. Елисаветпол.	21
18. Бессарабск.	70	40. Забайк. об.	39	62. Енисейская .	21
19. Волынская .	66	41. Московская .	38	63. Кутаисская .	21
20. Смоленская.	63	42. Витебская .	38	64. Тобольская .	18
21. Сибирская .	63	43. Вятская . .	38	65. Курляндск.	18
22. Нижегород.	63	44. Сыръ-Д. об.	37	66. Олонецкая .	18

67. Эриванская .	18	77. Ломжинская .	13	87. Сухунскій окр.	6
68. Архангельск.	17	78. Калининская .	13	88. Тургайск.	5
69. Петровск.	16	79. Плецкая . .	13	89. Уральск. об.	5
70. Семирѣченск.	16	80. Карская. об.	13	90. Черном. ок.	4
71. Сѣдлецкая .	16	81. Якутск. об.	13	91. Бульдж. р.	4
72. Амурск. об.	15	82. Радомская .	12	92. Батунская .	3
73. Эстляндская	15	83. Сувалкская .	12	93. Закар. окр.	1
74. Семишан. об.	15	84. Бѣлецкая . .	11		
75. Нюландская	14	85. Заравш. окр.	8		
76. Ферганская .	14	86. Выборгская .	7		
					4097

II. Въ С.-Петербургѣ 1235

III. Въ Москвѣ 452

IV. За границей 187

Всего: экз. 5971

А. Хомиковскій

Учредит. редакція.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1882 ГОДУ.

А—ге.—Обзоръ дѣятельности коммисіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла (май, 316; июнь, 760).

А., Е.—Въ Маремѣ, изъ романа Уида (июль, 239). — Повѣсти - пародіи Бретъ-Гарта (ноябрь, 316).

А—и.—Послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма II (ноябрь, 295).—Современный новаторъ въ борьбѣ съ рутинной; Дюрингъ (дек. 780).

Андреевскій, С.—Пигмей, стихотвореніе (июнь, 588).—I Пѣсни Маруси. II. Мадьяръ (июль, 74).—I О жюгодѣ.—II. Поученіе.—III. Тягость.—IV. Дилія (ноябрь, 148).

Андриановъ, Н.—Мирныя эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генерал-лейтенанта Циммермана (авг., 445; сент., 61).

Аппенковъ, Н. В.—Художникъ и простой человѣкъ. Изъ воспоминаній объ А. Ѳ. Писемскомъ (апр., 628).

Арсеньевъ, К. К.—Посмертный романъ Флобера (январь, 250).—Современный романъ въ его представителяхъ

(фев., 676; авг. 643).—Б. Ауэрбахъ и О. Барбье (мартъ, 458).—Новая драма В. Гюго: «Торквемада» (сент., 207).

Ае.—Письма изъ Варшавы (май, 369; окт., 809; дек., 887).

Бергъ, Н. В.—Стихотворенія: I. Могила Агамемнона, Словацкаго. II. Изъ Мицкевича (фев., 608).

Бертенсентъ, I. В.—Очеркъ борьбы съ дифтеритомъ въ Россіи (апр., 832).

Благовѣщенскій.—Записки о Сибири (сент., 291).

Б., М.—Поэтъ и жизнь, рассказъ Болеслава Пруса (июль, 87).

Боберыкинъ, П. Д.—Китай городъ, романъ (январь, 86; фев., 441; мартъ, 143; апр., 539; май, 57).

Бегемелевъ, Н. М.—Изъ всероссійской художественно-промышленной выставки (июль, 376; авг., 799; сентябрь, 346).

Б., П.—Письмо изъ Парижа. Литература и театръ (январь, 361).

Б., С.—Изъ Тардые (июнь, 663).—Осенняя мелодія (ноябрь, 261).

Бялинскій, Максимъ.—Бувъ Иванъ Ивасовича (февр., 548; мартъ, 85).

Бялоголовскій, М. А.—Гигіена и демографія на международномъ конгрессѣ въ Женевѣ. Письма изъ-за границы (окт., 854).

Введенскій, А. Н.—Литературныя мечтанія и дѣйствительность (фев., 719; сент., 148).

Венгеревъ, С. А.—Табориты и ихъ общественно-политическіе идеалы (августъ, 579; сент., 80).

Веселовскій, Александръ.—Новая книга о мисологіи, Воеводскаго (апр., 757).

Веселовскій, Алексѣй.—Западное вліяніе въ русской литературѣ (январь, 57; мартъ, 5; май, 26).

В., М.—Джузеппе Джустини, итальянскій сатирикъ (окт., 708).

В—ичъ, А.—Вопросъ о народномъ искусствѣ, по поводу народнаго праздника (февр., 774; мартъ, 829; май, 299).

Воронковъ, Ф. Ф.—По вопросу о выкупныхъ платежахъ (январь, 351).

Гельманъ, Х.—Отъ Красноводска до Хивы (авг., 697).

Гельцевъ, В.—Новыя попытки по рѣшенному вопросу о женскомъ образованіи (окт., 780).

Градовскій, А. Д.—По поводу одного предисловія (май, 271).

Г. В. Ф.—Мертвый сезонъ въ Англіи (фев., 839).—Обзоръ парламентской сессіи и ирландскія дѣла (май, 402).—Письмо изъ Лондона (авг., 778).—Англійская политика и дѣла (ноябрь, 385).

Г—скій, Н.—Сельское хозяйство въ Пруссіи (июль, 76).

Жемчужниковъ, Алексѣй М.—Отрывокъ изъ сказки о глухомъ бѣсѣ (июнь, 708).

З.—Диспутъ г. В. Н. Семейскаго въ Москвѣ (май, 442).

Загоревскій, А.—О незаконныхъ дѣлахъ по-русскому законодательству (мартъ, 879).

Заборъ, Н.—Судьба общиннаго владѣнія въ Швейцаріи (июль, 41).

Н., Н.—Письма изъ Саратова (апр., 816; июнь, 852).

К., А.—Весной, стих. (май, 269).

Кавеличъ, К. Д.—Путевыя письма (окт., 685).—Полемика по поводу книги г. Хотовича (дек. 929).

К—аге, Д.—Дѣтскій вопросъ (июль, 300).

Карцевъ, Е. Е.—Сельское правосудіе (январь, 306; фев., 755).—Аграрныя отношенія въ Польшѣ (окт., 511; нояб., 7).

К., М.—Слѣды древнихъ культуръ въ нравахъ новыхъ народовъ (фев., 748).

Кореличъ, М.—Западная легенда о докторѣ Фаустѣ (ноябрь, 263; дек., 699).

Корень, Н. А., баронъ.—Народныя училища въ Москвѣ и Петербургѣ (июнь, 667).

Костомаровъ, Н. Н.—По поводу статьи г. де-Пуле въ «Русскомъ Вѣстникѣ» объ украинфильствѣ (май, 434).—Криванка г. Булиша. Письмо въ редакцію (авг., 729).

Крыловъ, В. А.—Не ко двору, комедія (ноябрь, 35).

К., С.—Фермерское хозяйство и фермерская жизнь въ западныхъ штатахъ Америки (фев., 519; мартъ, 223).—Австрія и балканскіе славяне (май, 381).—Три года правленія гр. Таафе (июль, 852).—Домашнія австрійскія дѣла и львовскій процессъ (сент., 364).

Л., А.—Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины-медика (апр., 496; июль, 503).

Л., В.—Пересъ Гальдосъ, современный испанскій романистъ (фев., 608; мартъ, 120).

Ленинскій, Г. Н.—Переселеніе татаръ изъ Крыма въ Турцію (окт., 596).

Лихачевъ, В. А.—Гигіена и демографія на международномъ конгрессѣ въ Женевѣ. Письма изъ-за границы (ноябрь, 400).

Лихачевъ, В. Н.—А. П. Заблоцкій-Деситовскій. Некрологъ (февр., 876).

М.—Новый томъ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго и восточный вопросъ въ 1876 году (мартъ, 420).

М., А.—Наше духовное вѣдомство, въ 1880 г. (дек., 846).

Макъ-Гаханъ, В.—Американцы-дома (юль, 110; окт., 640; нояб., 115; дек., 521).

Мае-линь.—Письмо изъ Китая (мар., 440).

Марковъ, А.—Стихотворенія (юнь, 546).

Мартець, Ф. Ф.—Россия и Пруссія при Екатеринѣ II (май, 226).

Мартовъ.—Стихотворенія (дек., 735).

М-въ.—Стихотворенія (январь, 83).

Меженниковъ, А.—Изъ Лонгфелло (дек., 804).

М-иць, Д.—Въ худыхъ душахъ (дек., 559).

Михайловъ, А.—По вопросу о вѣро-терпимости къ расколу (мартъ, 70).

Н.—Макарій митрополитъ московскій (юль, 406).

Н.—Памяти Пирогова (январь, 402).

Н. N.—Наше городское представительство (ноябрь, 378).

Н. N. N.—Военныя реформы императора Александра II (январь, 5).

Нерасова, Е.—Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ (дек., 807).

Неллдова, Л.—Единственный случай (апр., 461).

Н-ой, В.—Стихотворенія, изъ Сырокомли и Мицкевича (май, 289).—Изъ Сырокомли: I. Наканунъ весны. II. Отдыхъ (ноябрь, 5).

О., В.—Новѣйшія изслѣдованія Африканскаго материка (авг., 537; сентяб., 113).—Жизнь поэта и ея отношенія къ дѣйствительности. Фрейлигратъ (дек. 583).

О., Г.—Отъѣздъ (авг., 423).—Развязка (окт., 463).

Объггивъ, А. Ф.—Новые стихи Пушкина (окт., 393).

Орловъ, Александръ.—Сербскія мелодіи (мартъ, 301).

Орловъ, Владиміръ.—Дѣтляжъ, изъ

Лонгфелло (авг., 642).—Изъ пѣсенъ Гейне: I. Отчаяніе. II. Отчего. III. Несчастна ты (сент., 78).

П., А. В.—Ожиданіе. Изъ деревенской жизни (юль, 5).

Петрушевскій, А. Ф.—Суворовъ въ своихъ помѣстьяхъ (юнь, 550).

П., Ф.—Закаленъ или надломленъ? Разсказъ Джесси Фотергилль (январь, 200; февр., 633; мартъ, 261).—Одинъ изъ трехъ. Разсказъ Джесси Фотергилль (апр., 665; май, 175).—Примлюченія Артура Гордона Пима. Эдгара Поэ (юнь, 711; юль, 191).—Связка писемъ. Разсказъ Генри Джамса Младшаго (авг., 606).—Финансовый рыцарь. Э. Дженкинса (сент., 218).—Разстрига. Эрнеста Додэ (окт., 546).

Полоескій, Я. П.—Стихотворенія (юль, 237).

Пышицъ, А. Н.—Изученія русской народности (апр., 721; юнь, 622; юль, 132; ноябрь, 151; дек., 739).—Къ спорамъ объ украинофильствѣ (май, 438).

Р., А.—Наука и литература въ современной Англій (юль, 172).

Р., К.—Псалмопѣвецъ Давидъ, стих. (авг. 421).—Въ Венеціи (сент., 237).

Северинъ, Н.—На искусствѣ: II. Въ Москвѣ (мартъ, 97).—Изъ воспоминаній дѣтства. Блаженные (сент., 5).—Вдовецъ (окт., 739).—Захарычъ (ноябрь, 195).

С., Н.—Состояніе умовъ въ Германіи. Письмо въ редакцію (февр., 814).—Рудольфъ Вирховъ (авг., 506).—Львовскій процессъ (окт., 823).

Стаевъ, В. В.—Египетская сказка (февр., 580).—Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства (ноябрь, 214; дек., 628).

Стояновъ, В. Я.—Замѣтки о русской школѣ (январь, 167).

Толстой, гр. А. К.—Пѣвцу.—Изъ смертныхъ стихотвореній (январь, 36).

Тургеневъ, Н. С.—Отчаянный. Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ (январь,

37).—Стихотворенія въ прозѣ (дек., 473).

Укке, Д.-р. — Эпидеміи и наши медицинскіе порядки (іюнь, 827).

Усовъ, П. С. — Пензурная реформа въ 1862 году (май, 134; іюнь, 590).

Утинъ, Е. И. Глѣбъ Успенскій (январь, 265).

Цѣтасовъ, Н. В. — Римъ и Абруцци (сентябрь, 388).

Цертелевъ, кн. Д. А. — Стихотворенія (апрель, 753).

Чекала, С. — Наши гимназій, какъ общеобразовательная школа (мартъ, 306; апрель, 776).

Чижовъ, Н. — Первый японскій университетъ (августъ, 759).

Шаниръ, Ольга. — Дорогой цѣной. Изъ семейной прозы (іюнь, 486).

Шилевъ, В. — Безилатный урокъ (августъ, 468).

Эртель, А. И. — Записки степняка (май, 5; сентябрь, 181).

Я. — Въ стѣнахъ университета. Диспутъ г. Восходскаго (январь, 399). — Диспуты г. К. Грота и Т. Флоринскаго (февраль, 869).

Я., К. — Письмо изъ Кіева (августъ, 771).

Якубовъ, К. — Э. Ленротъ, основатель національной литературы въ Финляндіи (августъ, 751).

Якубовичъ, П. — Изъ Шарля Бодлера (мартъ, 98; апрель, 661). — Стихотворенія. Изъ Сюлли Прюдома (іюль, 105). — Стихотворенія: I. Въ оперѣ. II. Успокоеніе (августъ, 534).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе.—Начало и конецъ минувшаго года.—Отношеніе вѣшной полтики къ внутренней, и толки по этому поводу о берлинскомъ трактатѣ.—Реформы, оконченныя или предприняты; отсутствіе полной гармоніи между ними и настроеніемъ общества.—Теченіе, противоположное реформамъ.—Главные потребности народа и недостаточность, съ этой точки зрѣнія, осуществленныхъ и проектированныхъ преобразованій.—Предстоющее С.-Петербургское губернскае земское собраніе (*Январь, 336*).—Нашъ государственный бюджетъ на 1882 годъ.—Характеристическая черта нашихъ бюджетовъ вообще.—Особенность новаго бюджета.—Законъ о сверхмѣстныхъ кредитахъ.—Средства къ его действительному исполненію.—Чрезвычайные доходы и расходы.—Финансовая сторона обязательнаго выкупа.—Сессія нашихъ губернскихъ собраній.—Земскія мнѣнія о всесословной волости.—Вопросъ о народномъ образованіи нынѣ и годъ тому назадъ.—Уличные безпорядки въ Варшавѣ и результаты ихъ изслѣдованій (*Февраль, 791*).—Современныя идеи о современномъ положеніи дѣлъ въ Россіи.—Сущность нашего земства и слабость земскихъ учреждений.—Петербургское губернскае собраніе.—Столичные гласные, и отношеніе ихъ къ вопросу о платежѣ земскаго сбора.—Проекты экономическихъ и административныхъ реформъ и лучшей способъ ихъ осуществленія.—Вопросъ о всесословной волости и объ отмигѣ тѣлесныхъ наказаній.—Чего можно и чего нельзя ожидать отъ нашихъ губернскихъ земскихъ собраній.—Упраздненіе второго отдѣленія Собственной Канцеляріи (*Мартъ, 349*).—Отвѣтъ на вопросъ: „есть ли программа у русскихъ либераловъ?“—Свобода печати, совѣсти и личности.—Общедоступное образованіе.—Административная реформа и экономическіе вопросы.—„Правовой порядокъ“ и земскія ходатайства.—Вопросъ о „сочинительствѣ“, его направленіи и предѣлахъ.—Попытка къ новому тенденціозному освѣщенію острѣйшаго вопроса.—Министерскій циркуляръ о платѣ за ученіе въ средней школѣ.—Перемена въ высшемъ управленіи министерства народного просвѣщенія (*Апрѣль, 797*).—По поводу комиссіи стать секретаря Каханова.—„Народный опросъ“ и различныя его формы.—„Властная забота“

и „показаніе пути.“—Споръ о посреднической власти.—Наша подушная система и историческій очеркъ ея до настоящаго дня.—Школа грамотности и новое административное распоряженіе.—Ограниченіе свободы рѣчи для служащихъ.—Еще нѣсколько словъ о „самобѣтствѣ“ и о либеральной программѣ (*Май, 345*).—Обнародованіе плана занятій комиссіи для составленія проекта мѣстнаго управленія.—Нужна ли ломка мѣстныхъ учреждений?—Просторъ, предоставляемый комиссіи ея программой.—Дальнѣйшія порядокъ работъ комиссіи.—Еще о „народномъ опросѣ“.—Временныя правила о еврейхъ.—Новый законъ о гласныхъ порубкахъ.—Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (*Іюль, 799*).—Перемена въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; различіе между первоначальнымъ проектомъ и окончательной редакціей закона; общее значеніе этой мѣры.—Постепенная замѣна подушной подати.—Упраздненіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.—Измѣненіе правилъ о наказаніяхъ за кражу со злоумысломъ.—Проектъ устава о векселяхъ (*Іюль, 309*).—Финансовыя мѣры, взысканія постепенною замѣною подушной подати.—Измѣненія и дополненія устава о гербовомъ сборѣ.—Измѣненія таможеннаго тарифа; общій ихъ характеръ; пошлыны на предметы роскоши; замѣна цѣловныхъ пошлинъ вѣсовыми; обложеніе пошлиною учебныхъ пособій и русскихъ книгъ, напечатанныхъ за границей.—Новый уставъ о табачномъ сборѣ; недостатки дѣйствовавшаго до сихъ поръ закона; мѣры, принятія къ ихъ устраненію.—Общее значеніе трехъ рассмотрѣнныхъ реформъ.—Право о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ.—Присутствіе къ составленію гражданскаго уложенія.—Положеніе работы въ комиссіи М. С. Каханова.—Приостановленіе газеты „Земство“ (*Августъ, 708*).—Новый законъ о пошлинахъ съ жмушествъ, переходящихъ безмездными способами.—Препятствія, которыя ему пришлось преодолѣть; несостоятельность возраженій, которымъ подверглось основное его начало.—Отдѣльныя постановленія закона; сильныя и слабыя ихъ стороны.—Учрежденіе губернскихъ комиссій во питейному дѣлу.—Мѣстные комитеты, предлагаемые авто-

ромъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“. — Фактическія данныя, необходимыя для составленія гражданскаго уложенія. — Переименованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса (*Сентябрь, 326*). — Новая правила о печати; значеніе ихъ, вѣроятныя ихъ источники и неизбежныя результаты. — Два сѣзда законоучителей и учителей, въ связи со слухами объ искусственномъ поощреніи церковно-приходской школы. — Вопросъ о спеціальномъ пониженіи выкупныхъ платежей въ петербургскомъ губерскомъ земскомъ собраніи. — Отношеніе врачей и земства къ такъ называемому фельдшерству. Новое маринское училище въ Петербургѣ (*Октябрь, 791*). — Законъ о вольныхъ людяхъ сѣверо-западнаго края. — Вѣроятный способъ разсмотрѣнія новыхъ законопроектовъ. — Переустройство мѣстнаго финансоваго управленія. — Городскіе налоги въ Петербургѣ. Скопинскій „крахъ“ и вызванныя имъ соображенія въ печати. — Хлѣбная торговля и „Московскія Вѣдомости“. — Толки объ „объединеніи министерствъ“. Статьи г. В. Соловьева о раскогѣ. — Московскіе избиратели и баронъ Н. А. Корфъ (*Ноябрь, 355*). — Проектъ общей части уложенія о наказаніяхъ, его главныя достоинства, спорныя пункты и наши desiderata. — Спорный вопросъ о предметѣ и системѣ гражданскаго уложенія. — Мнѣнія по этому предмету гг. Кавелина и Пахмана, и необходимость расширенія предѣловъ гражданскаго законодательства. — Фельдшерство и стационарная система предъ судомъ двухъ земскихъ врачебныхъ сѣздовъ. — Новое предложеніе по предмету разработки народной медицины (*Декабрь, 859*).

II. Иностранная Политика. — Французскія дѣла въ Европѣ и въ Африкѣ (*Янв., 388*). — Возрожденіе итальянскихъ финансовъ. (*Фев., 855*). — Политика „легкаго сердца“ и славянскія дѣла (*Мартъ, 425*). — Политическіе итоги 1882 г. — Египетскій кризисъ и окончаніе дѣла. — Ирландія. — Внутренняя политика французской республики и революціонныя стремленія. — Мнимый дефицитъ во Франціи. — Центральная Европа и положеніе партій въ Пруссіи. — Австрія и славяне. — Проектъ международнаго третейскаго суда (*Декабрь, 902*).

III. Литературное Обзорѣніе. — Eug. Natin, le Journal. — Рибо, Борзьини памяти. — Путешествіе Норденшельда во кругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега“ въ 1878 — 1880. — Источники русской Агиографіи, Н. Барсукова. — Что такое спиритизмъ? Румилова. — Изъ монхъ

наблюденій по крестьянскому дѣлу, Уманца. — Государственная отчетность въ Бельгіи В. А. Татарнинова, Ил. Кауфмана (*Январь, 409*). — Дуна, украинскій альманахъ на 1881 годъ. Н. И. Костомарова. — О вліаніи школы на физическое развитіе дѣтей. Д-ра Нагорскаго. — Новѣйшіе разсказы Жюль Верна (*Февраль, 886*). — Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. I. — Жилы помѣщенія рабочихъ, Л. Ѳеодоровича. — Черное море. Разсужденіе М. Литвинова (*Мартъ, 405*). — Англійская свободная торговля И. Янжула. — Государство и общество, В. Безобразова. — Земскіе вопросы, В. Скалона. — Ученіе Огюста Конта объ обществѣ, С. Смолинскаго. — Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи, А. Лебедева. — Вукъ Караджичъ, П. Кулаковскаго. (*Апрѣль, 848*). — В. В. Судьба капитализма въ Россіи. — Мищенко, Опытъ по исторіи рационализма въ древней Греціи. — Буше-Деклеркъ, Исторікованіе чудснаго (вѣдство) въ античномъ мірѣ. — Зайцевъ, Руководство всемірной исторіи. — Ярошъ, Исторія идеи естественнаго права. — Алышевскій, Что такое истинно-русская государственная программа? — Brandes, Moderne Geister (*Май, 419*). — Чарльзъ Дарвинъ: 1) Vegetable moulds, and earths-worms. 2) Erasmus Darwin, Краузе. — Ernest Renan, Marc Aurèle et la fin du monde antique. — Edmond de Goncourt, la Faustine. (*Юль, 862*). — К. Д. Кавелинъ, Крестьянскій вопросъ. — Бар. Н. А. Корфъ, Наши педагогическіе вопросы. — Труды перваго сѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, В. Рукавишнина. — Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о разнакой губерніи, Васильева. — Опытъ статистическо-географическаго словаря Псковскаго уѣзда. — Ernest Renan, L'eau de Jouvence. — Славянскій ежегодникъ, А. В. Стороженко (*Юль, 356*). — В. П. Безобразовъ, Народное хозяйство Россіи. — А. В. Привлечевъ, Что такое кустарное производство? — Ernest Renan, l'Écclesiaste. — До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера, А. А. Иностранцевъ (*Августъ, 825*). — В. Тригоровъ, Община и податъ. — Всеволодъ Давневскій, Системы политическаго равенствія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. — А. В. Ляхчевъ, Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи. — Современныя церковныя вопросы, Т. Филиппова (*Сентябрь, 422*). — Жизнь и произведенія Тараса Шевченко, М. Чалый. — Хуторна поэзія, П. Кулиша. — Духоборцы, О. Новицкаго. — Разсказы, В. Гаршина.

(Октябрь, 874).—Боярская дума древней Руси, В. Ключевского.—Учение объ уголовныхъ доказательствахъ, Л. Владимірова.—Король Ляръ Шекспира, перев. С. Юрьева (Ноябрь, 497).—О. К. Нотовичъ, Основы реформъ мѣстнаго и центрального управленія.—К. Л. Диктанскій, Основаніе научныхъ государственныхъ строеній и польскій вопросъ.—С. Шарановъ, Министерство земледѣлія и его мѣстныя агентства.—В. А. Лебедевъ, Финансовое право (Декабрь, 918).

IV. Изъ Общественной Хроникѣ.—Рѣчь генерала Скобелева.—Либерализмъ и либеральныя стремленія; либеральная партія и либералы.—Новый московскій голова въ Москвѣ.—Годовщина смерти (†) М. Достоевскаго.—Рѣчь гр. Л. Н. Толстого по поводу московской переписки.—Картинка изъ области „торжествующаго“ слова (Мартъ, 443).—Старый проектъ новаго устава академіи наукъ и его судьба.—Полемика по академическому вопросу.—Что можетъ сдѣлать академія наукъ національною?—Современныя мысли о русскомъ театрѣ.—Старое содержаніе въ новой формѣ.—Борьба г. Н. Страхова съ западомъ, и совѣе его съ Герценомъ и Ренаномъ.—Петербургъ или Москва?—Защитники народности, и защитники народа.—Романъ гр. П. А. Валуева, и новая драматическая поэма А. Н. Майкова (Апрѣль, 866).—Современные отзывы о свободѣ печати изъ официального міра; лекція преемника Амросіа и рѣчь кн. Дондукова-Корсакова.—Смерть Дарвина и отношеніе къ ней русскаго общества.—Эволюціонизмъ и теорія невмѣшательства.—Ученныя предсказанія, незаконно ищущія точки опоры въ дарвинизмѣ.—„Бездѣйствіе“ русскаго общества и „бездѣйствіе“ кн. А. И. Васильчикова въ особенности (Май, 449).—Юбилей С. П. Воткина, и рѣчь юбиляра въ городской думѣ.—Отвѣтъ на нее за обѣдомъ въ честь юбиляра.—Переходъ женскихъ врачебныхъ курсовъ въ вѣдѣніе города.—Вятскій взглядъ на высшее женское образованіе.—Новый отвѣтъ на вопросъ: „Que faire?“ Отвѣтъ Леруа-Болье на вопросъ: какъ дѣлать?—Процессъ г. Пейчъ и вызванная имъ газетная полемика.—Судебный идеалъ „Московскихъ Вѣдомостей“.—Предсѣдательская власть и свобода защиты.—Националы и либералы въ Россіи и въ Западной Европѣ (Іюнь, 877).—Разрывъ между „Русью“ и „Московскими Вѣдомостями“.—„Наркотизмъ прессы“, ведущій въ „омерзительныя объятія“.—Вредныя легенды и не менѣе вредныя боевыя девизы.—Возможность примире-

нія между „либеральной прессой“ и „Русью“.—Новый Нарциссъ въ образѣ писателя, вліяющаго на сферы и громающаго „г. рецензентовъ“.—Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ.—Московскій городской голова и начальныя городскія чинаща (Іюль, 409).—Смерть М. Д. Скобелева.—Его симпатичный образъ, какъ солдата, администратора и полководца.—Славянофильскія выманиванія надъ его могилкой.—Источники популярности и имени, пользующіяся ею.—Катастрофа на московско-курской желѣзной дорогѣ.—Еще нѣсколько словъ о народной политикѣ (Августъ, 838).—Тако-называемый періодъ затѣши.—Жалобы на равнодушіе общества, на туманъ, застилающій всѣ дороги.—Лекарство противъ крайностей пессимизма. „Либеральнѣ“ ли г. Энгельгардъ?—Главныя достоинства „Писемъ изъ деревни“.—Слухи о прекращеніи приѣма на женскіе врачебные курсы.—Кадетскіе корпусъ и военныя гимназіи (Сентябрь, 446).—Въ ожиданіи университетскія реформы.—Рѣчь г. попечителя казанскаго учебнаго округа, по адресу „серьезной“ печати.—Отвѣтъ на нее въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—Вѣра въ произволъ, основанныя на привилегіи.—Дирингъ, какъ защитникъ „кабинетной юстиціи“.—Русскіе пропагандисты того же начала.—Судобольны „Московскихъ Вѣдомостей“.—Два типа правительственнаго вмѣшательства.—Еще о пессимизмѣ, по поводу современнаго русскаго общества.—Пятидесятилѣтній юбилей академика Я. К. Грота (Октябрь, 896).—Закрытие московской выставки.—Поездка г. де-Моллиарди, кнѣзскимъ гѣтомъ, въ Россію.—Двадцать лѣтъ тому назадъ и сегодня.—Сужденіе иностранца по этому поводу.—Его гипотезы и противорѣчія самому себѣ.—Оцѣнка результатовъ выставки и вопросъ о протекціонизмѣ.—Письма К. Д. Кавелина о русской культурѣ.—Прощальная рѣчь преемственнаго Амросіа, въ Москвѣ, о томъ же предметѣ.—Письма г. Чичерина бар. Н. А. Корфа (Ноябрь, 460).—Университетскіе безпорядки, по извѣстію „Правительственаго Вѣстника“.—Сужденіе о нихъ въ „Москов. Вѣд.“, на основаніи итальянской брошюры, и собственныя соображенія.—„Власти“ предъ судомъ г. Каткова.—Новая его теорія о тождествѣ службы и печати, и вѣчто о „субсидіяхъ“.—Противоположеніе тому слухи о строгомъ отдѣленіи службы отъ печати.—Что разумѣть подъ словомъ: „писать“?—Concordio parvae res crescunt—не всегда!—Нѣсколько словъ памяти Н. И. Пирогова (Декабрь 948).

V. Библиографическій Листовъ.—Сборникъ русскаго географическаго общества. Т. XXXII, XXXIII и XXXIV.—Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія, В. Жмакина.—Гимназическая переписка, И. Линейкина.—Ф. М. Достоевскій и его сочиненія, Н. Булга (Жеаръ).—Исторія материализма и критика его значенія, Ланге.—Родная Старина, В. Синовскаго.—Руссо, Джона Морлея.—Повѣдка къ Пирамидамъ, Д. Л. Мордовцева.—Наши отравители, М. Лазарева.—Всеобщая исторія литературы, В. Ф. Корша, вып. XII (Феррам).—Жизнь и политика маркиза Вилевольскаго, В. Д. Спасовича.—Европейскіе писатели и мыслители: I. Свифтъ, П. Боккаччо, В. Чуйко.—Сочиненія Г. Е. Влагосвѣтлова.—Лоринъ, гр. П. А. Валуева.—Записки кавказскаго отряда, И. Русскаго географическаго общества (Марш).—Стихотворенія Н. А. Некрасова.—Р. И. Сементовскій, Польская библіотека.—Князь А. И. Васильчиковъ, А. Голубева.—Значеніе классной книги для чтенія въ элементарной школѣ, бар. Н. А. Борфа (Апрѣль).—Родъ Шереметовыхъ, А. Барсукова.—Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, Ф. Мартенса.—Энциклопедическій всенародный словарь, В. Клишниковъ (Май).—Приванія времени и письма о провинціи, М. Е. Салтыкова.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобоко.—Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Николая, Н. Гиббинета.—Стихотворенія М. П. Розенгейма.—Князья и царскія грамоты ярославской губерніи, А. А. Вахромѣва (Юль).—Минеральныя воды и морскія купанья, Л. Бертенсона и Н. Воронихина.—Стихотворенія кн. В.

А. Мещерозаго.—Сказъ о тульскомъ гвѣздѣ и о стальной блохѣ, Н. Исцова.—Изъ всемірной исторіи, М. Н. Петрова.—Очерки изъ русской исторіи, XVIII вѣка, В. Водовозова (Юль).—Причитанья сѣвернаго края, В. Барсова.—Исторія храма Спасителя въ Москвѣ, М. Мостовскаго.—Историческіе этюды русской жизни, Вл. Михневича.—Сибирь, какъ колонія, Н. М. Ядринцева (Августъ).—Всеволодъ Гаршинъ, рассказы.—25 лѣтъ русскаго искусства (1855—1880), Н. П. Собко.—Всеобщая исторія литературы, В. Ф. Корша, вып. XIV.—Муалламо Имруул-Кайса, Г. Муркоса.—Воспоминанія декабриста, А. Баллена.—За краманку-писанка, Д. Мордовцева (Сентябрь).—Бъ вопросу о реформѣ логики, Николая Грота.—Сочиненія А. С. Пушкина, для школ.—Скобелевъ, В. И. Непролича-Дашченко.—Сказки З. Топелиуса.—L'empire Japonais, par Leon Metchnikoff (Октябрь).—Письма къ тѣтенькѣ, М. Е. Салтыкова.—Путешествіе русскаго посольства по Англіи и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг., Н. Л. Яворскаго.—Наука о духѣ, М. Тронскаго.—Маленькая домашняя аптечка, проф. Ф. Нуссбаума.—Всеобщій календарь на 1883 г., Говпе (Ноябрь).—Иллюстрированная исторія Петра В., А. Бришера, ч. I.—Европейскіе писатели и мыслители, изд. В. Чуйко: VI. В. Гюго. VII. Лассаль. VIII. Кондорс.—Исторія классическаго періода греческой литературы, Дж. Магаффи, т. I.—О причинахъ современнаго финансоваго и экономическаго состоянія Россіи и о средствахъ улучшенія послѣдняго, Н. Шаврова (Декабрь).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОВБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1882.

Книга одиннадцатая—ноябрь.

	стр.
Изъ Сиромонки.—I. Наканунъ весни.—II. Отдохъ.—В. Н.—ОЙ	5
Аграрныя отношенія въ Польшѣ.—IV-VI.—Окончаніе.—ЕВГ. КАРЦОВА	7
Не ко двору.—Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.—В. А. КРЫЛОВА	35
АМЕРИКАНЦИ—ДОМА.—Очерки американской жизни.—Статья третья.—В. МАКЪ-ГАХАНЪ	115
Стихотворенія.—I. О погоду.—II. Поученіе.—III. Тягость.—IV. Англія.—С. А. АНДРЕЕВСКАГО	148
Изученія русской народности.—Историко-литературный обзоръ.—VII. Этнографы 30-хъ — 50-хъ годовъ: Снегиревъ, Пассекъ, Даль.—А. Н. ПЫПИНА	151
Захарничъ.—Разсказъ.—Н. СЕВЕРИНА	195
Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства.—Статья первая.—В. В. СТАСОВА	214
Освѣтныя мелодія.—Изъ Тарды.—С. Б.	261
Западная легенда о докторѣ Фаустѣ.—Опытъ историческаго изслѣдованія.—I-IV.—М. КОРЕЛИНА	263
Последніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма II.—По поводу новой книги М. Филиппсона.—А—Н—	295
Повѣсти-пародіи братья-гарта.—I. Мука-а-Мука.—II. Селіна Седлиа.—III. Дѣялосто-дѣвать тылохранителей.—IV. Миссъ Миссъ.—V. Мичманъ Бриси.—VI. Гай Гевистонъ.—Е. А.	316
Внутреннее Овозраженіе.—Законъ о вольныхъ людяхъ сѣверо-западнаго края.—Вѣроятный способъ разсмотрѣнія новыхъ законопроектонъ.—Переустройство мѣстнаго финансоваго управленія.—Городскіе налоги въ Петербургѣ.—Склонискій „вракъ“ и вызванія имъ соображенія въ печати.—Хлѣбная торговля и „Московскія Вѣдомости“.—Толки объ „объединеніи министерствъ“.—Статья г. В. Соловьева о расколѣ.—Московскіе набиратели и баронъ Н. А. Корфъ	355
Наше городское предоставительство.—Письмо въ редакцію.—N. N.	378
Англійская колетія и дѣла.—Письмо изъ Лондона.—G. R. G.	385
Гитина и демографія, на международномъ конгрессѣ въ Женевѣ.—Письма изъ-за границы.—III-V.—Окончаніе.—В. А. ЛИХАЧЕВА	400
Литературное Овозраженіе.—Болгарская дума древней Русь, В. Ключевскаго.—Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, Л. Владимірова.—К.—Король Лиръ Шекспира, перев. С. Юрьева.—О	427
Изъ Овощественной Хроникѣ.—Закрытіе московской выставки.—Повѣда г. де-Моллиари, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Россію.—Двадцать лѣтъ тому назадъ и сегодня.—Сужденіе иностранца по этому поводу.—Его гипотезы и противорѣчія самому себѣ.—Оцѣнка результатовъ выставки и вопросъ о протекционизмѣ.—Письма К. Д. Кавелина о русской культурѣ.—Прощальная рѣчь преосвященнаго Амвросія, въ Москвѣ, о томъ же предметѣ.—Письмо г. Чичерина бар. Н. А. Корфу	450
Визитоглазочковскій Листокъ.—Письма къ тетенькѣ, М. Е. Салтикова.—Путешествіе русскаго посольства по Афганістану и Бухарскому ханству въ 1878—79 гг., Н. Л. Яворскаго.—Наука о духѣ, М. Троицкаго.—Маленькая домашняя аптека, проф. Ф. Нуссбаума.—Всеобщій календарь на 1883 г., Г. Гоппе.	

Книга двѣнадцатая, — декабрь.

СТР.

Стихотворенія въ прозу. — ИВ. О. ТУРГЕНЕВА	473
АМЕРИКАНЦИ — ДОМА. — Очерки американской жизни. — Статьи четвертая и послѣдняя. — В. МАКЪ-ГАХАНЪ	521
Въ худшихъ душахъ. — Рассказъ. — Д. М-ИНЪ	559
Жизнь поэта и ея отношенія къ действительности. — Фердинандъ Фрѣйлингратъ, его поэзія и перипетика. — В. О	583
Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства. — Статьи вторая и послѣдняя. — В. В. СТАСОВА	628
Западная легенда о докторѣ Фаустѣ. — Опытъ историческаго изслѣдованія. — V—VIII. — Окончаніе. — М. КОРЕЛИНА	699
Стихотворенія. — I. На полпути. — II. На Волгѣ. — III. Конница. — IV. In the morning. — МАРТОВА	736
Изученія русской народности. — Историко-литературный обзоръ. — VIII. „Мягкѣ“ и археологическое народолобіе; изученіе народности малорусской; вѣднѣе положеніе народныхъ изученій. — А. Н. ПЫШИНА	739
Современный новаторъ въ борьбѣ съ рутинной. — Автобиографія Дюринга. — А. — Изъ Лонгеда. — I. Къ дѣтямъ. — II. Въ деревнѣ. III. На мосту. — IV. Рѣка. — А. МЕЖЕНИНОВА	780
Женские врачебные курсы въ Петербургѣ. — По воспоминаніямъ и перепискѣ студентокъ. — ЕБ. С. НЕКРАСОВОЙ	804
Хроника. — Наши духовное вѣдомство въ 1880 году. — А. М	807
Внутренніе Овоараніе. — Проектъ „общей части“ уложенія о наказаніяхъ, его главныя достоинства, спорные пункты и наши desiderata. — Вопросъ о предметѣ и системѣ гражданскаго уложенія. — Мнѣнія по этому предмету К. Д. Кавелина и С. В. Пахмана, и необходимость расширенія предѣловъ гражданскаго законодательства. — Фельдшернамъ и стационарная система предъ судомъ двухъ земскихъ врачебныхъ съѣздовъ. — Новое предложеніе по предмету разработки народной медицины	846
Письма изъ провинціи. — Варшава. — АФ	859
Иностранное Овоараніе. — Политическіе итоги 1882 года. — Египетскій кризисъ и остиндскій дѣла. — Ирландія. — Внутренняя политика французской республики и революціонныя стремленія. — Минимй дефицитъ во Франціи. — Центральная Европа и положеніе партій въ Пруссіи. — Австрія и славяне. — Проектъ международнаго третейскаго суда	867
Литературное Овоараніе. — Основы реформы мѣстной и центральнаго управленія, О. К. Нотовича. — Основанія научныхъ государственныхъ строній и польскій вопросъ, К. Л. Лихтанскаго. — Министерство земледѣлія и его мѣстныя агентства, С. Шаранова. — Финансовое право, В. А. Лебедева. — К. Полинника, по поводу книги г. Нотовича. — Письмо въ редакцію. — Е. Д. КАВЕЛИНА	902
Изъ Общественной Хроникѣ. — Университетскіе безпорядки, по вѣдѣнію „Прямотъ. Вѣстника“. — Сужденіе о нихъ въ „Москов. Вѣдом.“, на основаніи итальянской брошюры, и собственныя соображенія. — „Власти“ предъ судомъ г-на Каткова. — Новая его теорія о тождествѣ службъ и печати, и нѣчто о „субсидіяхъ“. — Противоположеніе тому слухи о строгости отдѣленія службъ отъ печати. — Что разумѣть подъ словомъ „писать?“ — Concordia raguae ges stensipnt — не всегда! — Нѣскольکو словъ памяти Н. И. Шаранова	918
МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. — „Вѣстникъ Европы“ въ 1882 г.	929
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1882 г.	948
Библиографическій Листокъ. — Иллюстрированная исторія Петра Великаго, А. Бригнера. — Европейскіе писатели и мыслители: В. Гюго, Лассаль, Кендорсъ. Изд. В. Чуйко. — Исторія классическаго періода греческой литературы, Дж. Мазаффи т. I. — О причинахъ современнаго финансоваго и экономическаго состоянія Россіи, и т. д. Н. Шарова	971

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 90. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 90.
КНИЖНАГО СКЛАДА И МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Иванна. съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 8. съ пересылкою.

Бесѣды объ истинахъ православной христіанской вѣры, какъ основаніи нравственности. Свещ. П. Д. Городцева. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

■ Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Разсужденіе Николая Я. Грога.—Лейпцигъ 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 руб.

Опытъ критическаго изслѣдованія основаначалъ позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

■ Основанія практической философіи. Германа Лотце. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Огуса. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. I Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 8 р. 75 к.

Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. II. Основы для

развитія ума. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 коп.

Письма о научной философіи В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Просвѣдительныя идеи Блжнскаго. Систематическій сводъ всѣхъ главнѣйшихъ философскихъ положеній В. Г. Блжнскаго. Составилъ Н. Туренинъ. Москва 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, христіанство и утилитаризмъ. Сочиненіе Профессора Джона Стюарта Блэки. Москва. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799—1826). Сочиненіе А. Незеленова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Арачевщина. Сочиненіе Н. Богословскаго. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

■ Большой Ремизъ. Романъ изъ коммерческой жизни евреевъ Л. О. Леванды. Спб. 1881 годъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Баллады Шиллера. Опытъ объясненія Д. В. Цвѣтаева. Первая группа балладъ. Оглавленіе: предисловіе, кубокъ, чертатка, Полиграфовъ перстень, Иглы въ журавлѣ. Воронежъ 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 10 коп.

■ Безсмертныи. Записки Калюстро. Романъ Катюлла Мендеса. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны предъ ихъ заглавіемъ.

Вѣстникъ Европы. — Ноябрь, 1882 г.

- Братъ невольѣ.** Комедія въ 1-мъ д. Ж. П. Мольера. Переводъ съ французскаго. Орель. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.
- Бѣсы.** Романъ въ трехъ частяхъ Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.
- Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ 1806—1850 А. Бѣлова.** Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.
- Въ чадѣ.** Романъ въ двухъ частяхъ А. Доля. — Иллюстрированныйъ пятью картинами. Москва 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Въ міртѣ страстей.** Рассказъ Н. М. Сѣдельникова. Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.
- Во мрамѣ.** Романъ въ трехъ частяхъ. С. С. Окрейдца. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.
- Гамбусина.** Романъ Густава Эмара. Только авторъ. Романъ Эрнеста Вильдинга. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.
- Графъ П. Д. Киселевъ и его время.** Материалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.
- Дважды умереть.** Романъ Мавра Юкай. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Двоюродная племянница.** Романъ Ф. Робинсона. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.
- Домашеровъ Дмитіевъ Болначіе.** Переводъ съ итальянскаго. Выпускъ I—II: Вступленіе, I—III Новеллы. Орель. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.
- Дневникъ монаха-Бернардина.** Сочиненіе Игн. Ходзько Переводъ съ польскаго. Изданіе Вл. И. Веселовскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
- Думы и пѣсни.** Стихотворенія Н. А. Павова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- Дядюшка мошенникъ Фридерика Томаса и сообщникъ Ренецде-Намора.** Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Европейскіе писатели и мыслители.** В. В. Чуйко. в. VII Лассаль. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.
- Его превосходительство Еженъ Ругонъ.** Романъ изъ времени второй французской имперіи. Эмиля Золя. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ перес.
- Жизнь и произведенія Тараса Шевченка.** Сводъ матеріаловъ для его біографіи. Съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. К. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Замечательная несть — Берара Деронъ.** — Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Записки охотника.** И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ каліконовомъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.
- Золотой чаловѣкъ.** Романъ Мавра Юкай. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.
- Исторія Славянскихъ литературъ.** А. Н. Пинкина и В. Д. Славовича. Изданіе второе, вновь переделанное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ переслужко.
- Изъ Деревни II писемъ (1872—1882 гг.)** А. Н. Энгельгардта. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Калевала, Финскій народный эпосъ.** Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.
- Картинки домашнего воспитанія.** Педагогическіе этюды. А.—вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. съ переслужко.
- Кисиссани.** Ром. Фридриха Шинкельгагена. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Какъ люди погибаютъ.** Рассказъ судебного сѣдователя. Соч. А. А. Шкильревскаго. Москва 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.
- Князь Курбскій.** Историческій романъ времени Іоанна Грознаго. Въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе Бориса Федорова. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Кудеяръ.** Историческая хроника Н. И. Костомарова Въ трехъ книгахъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Минута гиты.** Рубниъ Маріи Сигартъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.
- Неугомонное сердце.** Романъ въ трехъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Д. Зинстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.
- Новая жизнь.** Романъ въ трехъ частяхъ Бертольда Ауэрбаха. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.
- Отверженные романъ Виктора Гюго.** Переводъ съ французскаго. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- Парижскія письма.** Изъ жизни Эмиля Золя 1875—1877 гг. Эмиля Золя. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер.
- Письма къ тетенькѣ.** Сочиненіе Салткова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ переслужко.
- Подростомъ.** Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Ф. М. Достоевского. Издание третье. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Полное собрание сочинений Николая Федоровича Щербина. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Подписовцы Ф. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Померойское аббатство. Романъ мистръ Гейри Удъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземскаго. Издание графа С. Д. Шереметева. Томъ VII 1855—1877 г. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Полное собрание сочинений гр. А. К. Толстаго съ портретомъ, факсимиле и автобиографией. Т. I и II. Стихотворения Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к. Въ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Полное собрание стихотворений Николая Гербеля. Въ двухъ томахъ. Т. I. Поэмы. Т. II. Мелкія стихотворения. Спб. 1882 г. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Помпадуръ и Помпадурши. Сочинение М. Е. Салтыкова (Щедрина). Издание третье. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Подъ развалинами Помпей. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. — Соч. Курти. Съ итальянскаго. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Признаки времени и письма о провинци. Сочинение М. Е. Салтыкова (Щедрина). Издание второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Полное собрание сочинений Давида Рикардо. Переводъ Н. Зиберы. Съ приложеніями переводчика. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Разказы. Четыре дѣя, провсшествіе. Трусъ, Встрѣча, Художники, Ночь, Attalea zingersp. То чего не было. Всеволода Гаршина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Саламбо. Историческій романъ Густава Флобера. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сатиры въ прозѣ. Сочинение М. Е. Салтыкова (Щедрина). Издание второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сиббелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченка. Съ 4-ми гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Сочинения М. С. Никитина съ его портретомъ, fac-simile и биографіей состав-

ленной и вновь исправленной М. Ф. Де-Пуле—въ двухъ томахъ. Издание второе. Москва 1878 г. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к., съ перес., 4 р.

Сочинения Ф. М. Достоевскаго. Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и разказы. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и разказы. Ф. М. Достоевскаго. Томъ второй. Издание второе. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Дневникъ писателя за 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Записки изъ мертваго дома. Въ одномъ томѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Униженные и оскорбленные. Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Издание шестое. Вѣчный мужъ. Разказъ Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Самоубійцы-принциписты. Разказы судебного слѣдователя. Соч. А. А. Шкляревскаго. — Москва 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Стихотворения А. В. Кольцова. Седьмое издание. М. 1880 г. Ц. 20 коп., съ пер. 35 коп.

Стихотворения М. П. Розенгейма. Издание третье, дополненное Спб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Стихотворения Н. А. Некрасова. Полное собрание въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Издание второе съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Сочинения Ф. М. Рѣшетникова. Издание К. Т. Солдатенкова съ портретомъ автора, въ двухъ томахъ. Москва 1874 г. Ц. за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 коп.

Сцены и разказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевскаго, 4-ое дополненное издание. Киевъ 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Сытые и голодные. Н. Чмшрева. Москва. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Тайный бракъ и его послѣдствія—Герцогъ де-Номаръ. — Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 р.

Черные брилліанты. Романъ Мавра Гокай. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Юбилейная книжка къ „собранию романовъ“ 1881 года. Составили Е. Ахматова, А. Милюкова, В. Австенко, Я. Гротъ, В. Стасовъ, Г. Данилевскій, И. Лѣсковъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 р.

III. ИСТОРИЯ—БИОГРАФИЯ—ЭТНОГРАФИЯ.

Английская конституція и ее исторія. М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 75 к. съ пер. 90 к.

Восточная война и Брюссельския конференція 1874—1878 г. Проф. Ф. Мартенса. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Возвращеніе императрицы Анны Леопольдовны. Исторический этюд проф. Л. А. Корсакова. К. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Гомеопатъ, или челоуѣкъ и врачъ. Лекція, читанная въ 1880 году въ лондонской школѣ гомеопатіи д-ромъ мед. Бурнетъ. Съ англійскаго перевелъ В. Я. Гердъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Гомеопатъ, или врачъ-философъ. Органионъ. Лекція, читанная въ 1881 году въ лондонской школѣ гомеопатіи д-ромъ мед. Юзъ. Съ англійскаго перевелъ В. Я. Гердъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозова. Т. I. Жители Юга. Съ 26 рисунками худ. Васнецова и Голембювскаго. Т. II. Жители Севера. Съ 24 рисунками Раснекова и Павлова. Спб. 1881 г. Цѣна каждаго тома по 3 р. 75 коп.

Жизнь и политика маркиза Вилемпольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересилкой.

Историческая подготовка. Профессора Петрова. Харьковъ. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Крестыне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семеновскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Меттернихъ и Европійская революція. В. К. Надлера. Харьковъ. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго Гроднерскаго короля Фридриха Вильгельма III-го велика (1726—1880). Составилъ Ф. Орловъ. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Римскія вакхаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. П. Н. Водянскаго. Киевъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Русская исторія въ жизнеиспаніяхъ ее главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ въ вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ тремъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумскихъ

сильчинова. Т. I. Съ портретами Елисаветы, графини и графа К. Г. Разумскихъ.

Съ портретами графини своей (княжна Разумиха) и князя Разумскаго. Т. III. Съ портретами Андрея Карловича Разумскаго за три тома 7 р. 50 к., съ пер.

Н. Д. Ушинскій. Крестный очеркъ съ гравированными портретами. Составилъ А. Фроловъ. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Чарльзъ Дарвинъ и его не-доступные очерки. Прозвѣстия. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 40 к.

IV. ГЕОГРАФИЯ—ТОПОГРАФИЯ—СТЫНІИ.

Путешествіе русскаго генерала Англансталу и Бухарскому хану въ 1879 г. Изъ дневниковъ Дарвина. Въ двухъ томахъ—т. I. Ломленіемъ нѣсколькихъ портовъ верховьевъ Аму-Дарьи и маршала. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома съ пер. 6 р. Вышелъ томъ I таверса.

Экспедиція въ Китай въ генеральнаго штаба полковника Сивовскаго. Томъ первый, картою. Москва. 1883 г. Ц. 4 р.

Черное море. Роль морскихъ историческихъ эпохъ, современнаго и военнаго значенія. Военно-статистическій обзоръ нова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 60 к.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА—СТАТИСТИКА.

Крестянскій вопросъ. Населенія у насъ крестянскія и значенія его упадка и нѣрава сельскаго хозяйства и быта. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 коп.

Опытъ статистическаго изслѣдованія крестянскихъ надѣлъ въ приложеніемъ статьи „Очеркъ статистическихъ нѣръ по пороссельскому изданію Положенія 1861 г. Ю. Э. Яковлевъ. Изданіе 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Поземельный кредитъ въ Россіи. Л. В. Ходоскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Очеркъ исторіи сельской общины на Северѣ Россіи. П. А. Соколовскаго. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 26 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

Фабричный бытъ Германіи и Россіи. А. В. Погожева. М. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

VI. ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Басни М. А. Крылова. Съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова. Десятнадцатое полное изданіе. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. Двадцатое изданіе съ приложеніемъ біографіи автора написанной П. А. Плетневымъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.—Восьмое полное изданіе съ біографіей написанною И. А. Плетневымъ. Рисунки К. А. Трутовскаго. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Бережливость Самуилъ Смайлсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей И. С. Кутейникова. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Вода. Сочиненіе Г. Тиссандье, Съ 60 политипажами въ текстѣ. Переводъ съ французскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Географическіе очерки Россіи. П. Е. Вадевика. Курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, выложенный монографически. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Дары природы. Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ сыромъ и обработанномъ ихъ состояніи. Составилъ К. К. Веберъ. Необходимое пособіе при наглядномъ обученіи и бесѣдахъ съ дѣтьми.—Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Детнадцать мѣсяцевъ. (Опытъ характеристикъ 12-ти мѣсяцевъ въ картинахъ природы, очеркахъ изъ жизни человека, животныхъ и растений)—для средняго возраста.—К. К. Веберъ, Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 45 коп.

Для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ. Восемь книжекъ. Изданіе А. Н. Новикой. Харьковъ. 1882 г. Цѣна всѣхъ книгъ 18 к., съ пер. 80 к.

Дѣтская бібліотека. Вып. I. 1) Пожареніе одной собачки. 2) Тетерка и лиса. 3) Записки зайца. Ц. 15 к., съ пер. 25 к. Вып. II. Зимній вечеръ.—Яна музыкантъ.—Гроза.—Дядя Иванъ.—Крестьян-

скія дѣти.—Сиротка Маня.—Большое дятло. Харьковъ. 1882 г. Ц. 20 к., съ пер. 80 к.

Живое зерно. Дѣтскія повѣсти М. Чистякова. Спб. 1870 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Знакомство съ химіей для вседневной жизни при помощи домашнихъ средствъ (для родителей, наставниковъ и самообразованія).—Составилъ К. К. Веберъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Исторія нуска угля. Составленная С. Чистяковой. Съ 51 политипажами. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей Е. Н. Водовозовой. Съ 16-ью рисунками художникомъ Панова и Макарова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Игра—обученіе чтенію. Составилъ А. Страховъ. Систематическая звуковая азбука въ формѣ дѣтской игры. 30 картъ, 240 марокъ съ буквами, словами, цѣлыми фразами; таблицы крупныхъ буквъ и наставленіе для учащихся. Въ красивомъ ящичкѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Календарь и записная книжка для учащихся на 1882—1883 учебный годъ. Изданіе журнала Семья и Школа. Спб. 1882 г. Цѣна 45 коп., съ пер. 60 коп.

Конекъ - Горбунокъ. — Русская сказка, сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е одобрено департаментомъ народнаго просвѣщенія, для начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

Катакомбы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ П. Михославскій. Казань. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Краткій конспектъ греческой грамматики. Таблицы неправильныхъ формъ въ греческомъ языкѣ и употребленіе словъ. Пособіе при изученіи греческаго языка для среднихъ и старшихъ классовъ классическихъ гимназій и духовныхъ семинарій. Составилъ Н. Ка-дѣй. М. 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 коп.

Лесцы зоологін проф. Леоп. Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симоннова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер.

Маленькіи оборыши. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. (Для дѣтей). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Мои двѣ племянницы. А. Н. Анненской. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

На отдыхъ. Иллюстрированныя рассказы для маленькихъ дѣтей. Е. Водозовой. Съ 40 картинками въ текстѣ.—Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальнаго училища. Составилъ Я. Пальшау. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Начальная алгебра. Составилъ И. Сомовъ. Изданіе пятое съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальнаго училища. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начертательная геометрія. Составилъ И. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1881 г. Ц. книги съ чертежами 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на французскомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфъ. Переводъ съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назаревой.—Спб. 1880 г. Цѣна методи съ ключомъ 8 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфа. Переводъ съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назаревой. Спб. 1881 г. цѣна методи съ ключомъ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Обзоръ господствующихъ методовъ обученія грамотѣ. Руководство Дистервега, Диттеса, Ушинскаго, Водозова, Тихомирова, Соломина, Паульсона, Бунакова, Митропольскаго и Блинова. Сост. М. Снегаревъ. М. 1882 г. Ц. 85 к., съ пер. 50 к.

Образцы сказан русскихъ писателей. Собралъ для дѣтей В. П. Аверариусъ. Съ 62 рисунками И. И. Каразина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Въ роскошномъ перел. 8 р., съ пер. 8 р. 75 к.

Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями. Съ аккомпанементомъ для фортепьяно. Составила Е. Водозова. Музыка А. И. Рубца. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

О преподаваніи русской словесности.—Сочиненіе А. Невелемова.—Спб. 1880 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровыми и больными ребенкомъ А-ра

М. М. Галамина. Спб 1882 г. Ц. 1 р. 40 коп. съ пер. 1 р. 60 коп.

Первые рассказы изъ естественной исторіи. Для дѣтей, только-что научившихся читать. М. Виковой. Спб. 1876 года. Ц. 25 к., съ пер. 85 к.

Подземный міръ. Переводъ съ французскаго. Съ 18 политпаж. съ 5 чертёжами. Спб. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Послѣднія сказки Андерсона. Съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Сисоевой. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Пѣсни для школы дѣтскія и народныя, на одинъ и на два голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Второе измѣненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Подвижныя буквы для обученія грамотѣ дома и въ школѣ. Изд. В. А. Александрова. Спб. Ц. 15 коп., съ пер. 25 коп.

Практическое руководство къ устройству волшебнаго фонаря и принадлежностей къ нему. Составилъ А. К. Ерженскій. Съ политпажами въ текстѣ. Москва. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Путешествіе вокругъ луны Николая Вильяма. Съ 44 рисунками. Спб. 1882 г. Ц. 1 руб. 25 к., съ перес. 1 р. 45 к.

Рассказы изъ отечественной исторіи. Для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ. Сост. г-жею Базилей. Переводъ со втораго англійскаго изданія. Москва. 1880 г. Ц. 45 коп., съ пер. 60 коп.

Работы и ремесла для дѣтей различныхъ возрастовъ. Футлярное и переносное ремесла. Составилъ И. Я. Гердъ. Съ 100 рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е измѣненное и дополненное. Москва. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Рассказы изъ отечественной исторіи 1812 года. Книга для чтенія вслѣдъ за урокомъ. С. М. Любецкаго. Въ двухъ частяхъ. Ч. I: отъ Нѣмана до Москвы. Отъ Москвы до Нѣмана. Москва. 1882 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 20 коп.

Родная мѣста. Чтеніе для дѣтей. В. Щепкиной. Изданіе второе. Съ 10 картинками. М. 1882 г. въ папкѣ. Ц. 1 руб. 20 к.

Робинзонъ Крузо. А. Антиспаса. Новая переработка темы Де-Фонтоа съ 35 картинками и 35 политпажами на мѣдн въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. 1882 г. Цѣна книги въ перелож. съ пересылкою.

Россіины съ дѣтскими рисунками. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перелож. съ пер. 50 к., съ пер. 60 к.

Русскій языкъ. Часть I. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ 82 рисунками въ текстѣ. Составилъ П. Н. Соколовскій. Спб. 1881 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Русскія учебныя картины. Рисоваль В. С. Шпакъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроникъ. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи. Пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. Составилъ А. Смирновъ. Варшава. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

Сказки профессора Э. Толелюса. Двѣ сосны.—Маленькій Ларсъ.—Празднованіе Рождества у Трьльдовъ.—Канунъ Иванаова дня.—Солнечный лучъ въ ноябрѣ.—Дѣти солнца.—Война солнца.—Конькобѣжець.—Берева и заѣдочка.—Роскошное изданіе съ картинками лучшихъ спб. художниковъ. Спб. 1882 г. въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 к.

Сказка про Нота да про Лису. Редакція сказки Д. И. Тихомирова. Картинки художника Н. А. Мартынова. М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сказка про Лису да про Волка. Редакція сказки Д. И. Тихомирова. Картинки художника Н. А. Мартынова. М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Дополненіе 1-е къ систематическому обзоръ русской народно-учебной литературы, составленное по порученію комитета грамотности. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

Собраніе сочиненій русскихъ писателей. Сочиненія Ломоносова. Спб. 1867 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи. Удостоенное преміи на конкурсѣ Варшавскаго Коммерческаго банка. Составилъ Никодимъ Краковскій. Спб. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Трехголосныя хоревыя пѣсни для школы. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Маренчукъ. Спб. 1882 годъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Указанія къ рациональному устройству зданий для сельскихъ школъ. Спб. 1882 г. Ц. 10 коп. съ пер. 15 коп.

Умственное развитіе дѣтей отъ перваго

проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Е. Водозовой. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Умъ животныхъ. Сочиненіе Андре-Лефевра. Съ 19 политипажамъ. Переводъ съ французскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. Составилъ И. В. Ягичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Опытъ объясненія обычаевъ (индо-европейскихъ народовъ) созданныхъ подъ вліяніемъ мѣа. Сочиненіе І. Мандельштама. Часть I, Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 коп.

Славянскія нарѣчія. Статьи профессора Гебауера. Переводъ и примѣчанія А. Степовича. Кіевъ. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Вѣточное движеніе. Опытъ популярнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ физическихъ явленій и дѣйствій. Ав. Кунова. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 к.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ съ 7-ю таблицами чертежей. (Для реальныхъ и техническихъ училищъ). Составилъ А. Пальшау. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Атомическая теорія А. Вурцъ. Изъ серіи международной научной бібліотекъ. Переводъ со втораго французскаго изданія. К. 18-2 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей. Составилъ Н. Анненковъ. Новое исправленное, пополненное и

расширенное издание. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Гниеніе и зараза по отношенію къ вещамъ, несущимся въ воздухѣ. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастѣра о прививкѣ по отношенію къ куринной холерѣ и сибирской язвъ. Исслѣдованія д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефератъ). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

Де-историческій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 политипажамъ въ текстѣ, 2 литографіями и 12 таблицами фототипій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Дѣтскія болѣзни. Руководство для врачей и учащихся. Э. Ремонъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Встрѣва. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Дифтеритъ. Критическій этюдъ. Сочиненіе Миханка Зеленскаго. Для врачей и родителей. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

Записки по ларингоскопическимъ и гортаннымъ болѣзнямъ. Составлены по лучшимъ авторамъ докторомъ медицины В. Н. Никитинимъ. Съ приложеніемъ таблицы рисунковъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 коп.

Мясскія болѣзни. Руководство для студентовъ и врачей. Д-ра Г. Фратта. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей К. Ф. Славянскаго. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 80 к., съ пер. 2 р.

Лука и настѣща. ихъ рациональное названіе въ средней и сѣверной полосахъ Россіи. Составилъ В. А. Остафьевъ. Съ 98-ми политипажамъ въ текстѣ.—Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

О молочномъ леченіи и значеніи его для прогноза въ болѣзняхъ сердца и печени. Составилъ Докторъ С. М. Васильевъ. Видусскъ І. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. Проф. А. Савѣтова. Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе съ 24 политипажамъ въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

О неуретинной рвотѣ беременныихъ. Проф. М. Горвина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Образованіе почечнаго слоя джидевиныхъ червей Чарльза Дарвина. Переводъ съ пятого англійскаго изданія М. Линденаля. (съ 15 политипажамъ въ текстѣ). Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныихъ съ особымъ отдѣломъ о содер-

жаніи и уходѣ за ними. Составилъ Д. Шмулевичъ. Со многими рисунками и съ расширенною таблицей. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Практическое учене объ удобреніи. Проф. д-ра Эмиля Вольфа. Переводъ съ 8-го нѣмецкаго изданія.—Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Практическіе советы по разведенію пшавобѣе распространенныихъ кормовыхъ травъ и злаковъ на поляхъ и лугахъ. И. Кабенцова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Практическіе заніи по гистологіи растений. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 89-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Проектъ организаціи врачебной помощи въ Россіи. Д-ра медицины Д. С. Трифеновскаго. Москва. 1882 г. Ц. 25 коп., съ пер. 35 к.

Руководство въ изученію зубовъ бѣлчаней. Д-ра Юлія Шеффа. Переводъ съ нѣмецкаго. Д-ра М. Влинескаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

Сборникъ садѣній для любительнаго садоводства и самоученъ садовниковъ. Составилъ А. Ераковъ. О 750 однолѣтнихъ и двулѣтнихъ растеніяхъ, расхожденныихъ по высотѣ ихъ и колерамъ цвѣтовъ. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Советы и первая помощь при животныихъ заболѣзаніяхъ и несчастныхъ случаяхъ. Д-ра Эдуарда Рейха. Популярное и полезное для войскъ книга. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, его недостаткахъ и мѣрахъ къ ея усовершенствованію. 1857—1869 г. А. Стабуа. Москва. 1868 г. Ц. 2 р. 80 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Теоретическая и практическая зоологія. Проф. Д. Эриксона переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. К. И. Богданова. Съ 862 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. в. I. Ц. 20 к.

Учебникъ бѣлчаней. Проф. Д-ра Адольфа Зеелигера. Переводъ съ нѣмецкаго. Д-ра А. Череманова. Съ 68 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп.

Учебникъ физиологіи. Проф. А. Савѣтова. Переводъ съ англійскаго. Составилъ проф. И. Р. Тархановъ. Съ 2 томи 7 р. 50 коп.

Учебникъ слабейшей физиологіи. Эдуарда Гоффана. Переводъ съ нѣмецкаго.

И. М. Сорокина. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 5 руб., съ пер. 5 руб. 50 коп.

Южно-русское тонкорунное овцеводство или указаніе правилъ: разведенія, хозяйства и содержания и домашнего леченія тонкорунныхъ овецъ, а также краткое описаніе фабричнаго производства шерстяныхъ тканей. Составилъ Иванъ Дмитріевичъ Занора. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Исслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ. Сочиненіе А. Штиглица. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Правосудіе и правовой порядокъ въ войскахъ. Въ связи и въ зависимости отъ общаго порядка. Юридическое изслѣдованіе В. А. Соболевскаго. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер.

Самоубійство въ западной европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Дыхачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцъ. III. Картограммъ самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Семейное и социальное положеніе женщины по монсеево-равенскому законодательству. Очеркъ въ исторіи развитія еврейскаго брачно-разводнаго права. Сочиненіе С. Б. Гурвича. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената. Составилъ А. Боровиковскій. Матеріальное право. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.

Сибирь какъ колонія. Къ близку трехсотлѣтій. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Проф. Ф. Мартенса. Т. I.—Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 80 коп.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Уставъ о гербовомъ сборѣ Высочайше утвержденный 18 мая 1882 г. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Уставъ о гербовомъ сборѣ, измѣненный по Высочайше утвержденнымъ 19 января и 25 мая 1882 г. мѣншімъ государ-

ственнаго совѣта съ приложеніемъ: 1) Алфавитнаго перечня документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ. 2) Дополнительныхъ къ уставу распоряженій правительства. 3) Разъясненій 1-го д-та правительствующаго сената и министерства финансовъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Утилитаризмъ о свободѣ. Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Ковради. 2-ое изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Книга первая: Уголовно-судебная дѣятельность. Проф. Д. Владимірова. Харьковъ 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Финансовое право. Лекціи Доцента Сибскаго университета В. А. Лебедева. Т. I: введеніе, государственная потребность и организація ихъ удовлетворенія, государственные доходы. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства. (1855—1880). Иллюстрированный каталогъ, содержащій болѣе 280 снимковъ, изъ которыхъ около 160 съ оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Составилъ Н. П. Собко. Издалъ М. П. Вяткинъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 50 к.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства. Составилъ Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ А. Кржижановскій. Кіевъ 1881 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Русскіе узоры для вышиваній. Съ приложеніемъ пословицъ и поговорокъ наиболее подходящихъ для украшенія салфетокъ, скатертей, полотенецъ, русскихъ и малороссійскихъ нарядовъ, посуды и проч. К. Даламатова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность. Сочиненіе Е. Виолле-ле-дюкъ. Перевелъ съ французскаго Н. Султановъ. Москва. 1879 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всеобщій календарь на 1893 годъ.—Изданіе Германа Гоппе. Въ этомъ календарѣ помѣщены 10 портретовъ умершихъ

замѣчательныхъ дѣателей и цѣлая серія рисунковъ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній. — Сиб. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Ежедневная записная книжка на 1883 годъ, Цѣна книжки въ полстраницы 85 коп., въ цѣлую страницу 1 р., за пересылку доплач 20 коп.

Исслѣдованіе о полней сѣти желѣзнодорожныхъ сообщеній въ Россіи съ картою. А. Еракова. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Искусство пріобрѣсти превосходную память для всѣхъ возрастовъ и положеній. Соч. д-ра Е. Гартенбаха. Переводъ съ 18-го доколненнаго изданія К. В. Назаревой. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Переводные венсала внутренние и иностранные или девизы. (Траты и ривессы) Краткое руководство къ усвоенію обращенія съ ними и къ изученію операціи посредствомъ ихъ производимыхъ съ приложеніемъ соответствующихъ предмету формъ, правилъ, приемовъ и вычисленій, а также вексельнаго, фондоваго и металлическаго банковаго арбитража. Составилъ Александръ Скригинъ. Пособіе для торговыхъ людей и всѣхъ лицъ, занимающихся въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Одесса. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Помариня книги. Постановленія закона о

предосторожностяхъ отъ огня и руко-ство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н.—въ. Въ текстѣ и полнѣйшіе рисунки. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р. 2 съ пересылкою.

Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и мастеровъ, желающихъ изучить принадлежно мастерскихъ: плотничной, столярной, карно-ажурной и т. д. Составилъ А. Классенъ. 320 рисунковъ въ текстѣ. С. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Сельскій сборникъ. Настольная книга для сельскихъ жителей. Составилъ Д. Соколовскій. Изданіе второе исправленное и значительно дополненное. Казань. 1888 г. Ц. 1 р. 45 коп., съ пер. 1 р. 60 к.

Сокращенныя либретто и программы оперъ и балетовъ. № 1 опера „Гугеноты“. Цѣна либретта на простой бумагѣ 5 к., на веленевой 10 к.

Таблицы для легчайшаго пересчета иностранныхъ монетъ на русскія и обратно по даннымъ биржевымъ курсамъ отъ 20 до 84 пенсовъ за рубль. При семъ приложеніе общесравнительныхъ таблицъ фунтовъ, центнеровъ, ластовъ и ивъръ силости. Составилъ С. А. Каценелленбогенъ. Сиб. 1882 г. въ переплетѣ Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 коп.

Энциклопедическій всеобщій словарь. Составленный подъ редакціею В. Кларнкова, въ трехъ томахъ. Сиб. 1882 г. Цѣна за всѣ три тома 12 руб., съ перес. 14 руб.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА
 ПРИНИМАЕТЪ НА КОММИССІЮ ПОСТОРОННІА ИЗДАНІА, ПОДПИСКУ НА ВСѢ
 ПЕРІОДИЧЕСКІА ИЗДАНІА И ВЫСЫЛАЕТЪ ИНОГОРОДНЫМЪ ВСѢ КНИГИ,
 ПУБЛИКОВАННЫА ВЪ ГАЗЕТАХЪ И ДРУГИХЪ КАТАЛОГАХЪ *).

№ 91. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 91.
КНИЖНАГО СКЛАДА И МАГАЗИНА
ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

**I. ВОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІА—ПСИХОЛО-
 ГІА—АНТРОПОЛОГІА.**

Антропология. Введеніе къ изученію
 челоѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора.
 Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Иванна.
 съ 78 рисунками къ текстѣ. Спб. 1882 г.
 Ц. 3, съ пересылкою.

Къ вопросу о реформѣ логики. Опыт
 новой теоріи умственныхъ процессовъ. Раз-
 сужденіе Николая Я. Грота.—Лейпцигъ
 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Основанія науки о нравственности. Соч.
 Герберта Спенсера. Перев. съ англійск.
 Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія практической философіи. Гер-
 мана Лотце. Переводъ съ нѣмецкаго
 Я. Огустъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер.
 90 к.

Основанія психологіи. Герберта Спен-
 сера, съ приложеніемъ статьи „Сравни-
 тельная психологія челоѣка“ Г. Спенсера.
 Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т.
 Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

**Основы для ухода за правильнымъ раз-
 витіемъ мышленія и чувства.** Сочиненіе
 Михаила Зеленскаго. Т. I Спб. 1876 г.
 Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 75 к.

**Основы для ухода за правильнымъ раз-
 витіемъ мышленія и чувства.** Сочиненіе
 Михаила Зеленскаго. Т. II. Основы для
 развитія ума. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер.
 4 р. 40 коп.

Спорная область между двумя мірами.
 Роберта Дэль-Оуена. Наблюденія и
 изслѣданія въ области медіумическихъ явле-
 ній. Съ рисунками. Съ англійскаго. К. По-
 дявскій. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ
 пер. 1 р. 75 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Американца. Романъ Дунемъ Алькотъ.
 Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р.
 50 к.

Араичевщина. Сочиненіе Н. Бого-
 словскаго. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер.
 2 р. 30 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Ан-
 тона Троллопа (переводъ съ англійскаго).
 Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р.
 50 коп.

Большой Ремизъ. Романъ изъ коммер-
 ческой жизни евреевъ Л. О. Леванды.
 Спб. 1881 годъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р.
 70 к.

Большая медвѣдка. В. Крестов-
 скаго (псевдонимъ). Романъ въ пяти ча-
 стяхъ, въ двухъ томахъ. Изданіе третье.
 Спб. 1883 г. Ц. за оба тома 3 р., съ пер.
 3 р. 50 к.

Бессмертный. Записки Калиостро. Ро-
 манъ Катутла Мендеса. Спб. 1882 г.
 Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Бракъ по-новолѣ. Комедія въ 1-мъ д.
 Ж. П. Мольера. Переводъ съ француз-
 скаго. Орель. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Бѣсы. Романъ въ трехъ частяхъ Ф. М.
 Достоевскаго. Изданіе третье. Спб.
 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Въ каминныхъ. Повѣсть Н. Н. Кара-
 зина. Съ 39-ю рисунками автора. Второе
 изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес.
 2 р. 30 к.

**Воспоминанія декабриста о пережитомъ
 и пережитоставленномъ 1805—1850 А. Бѣ-
 лаева.** Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р.
 30 коп.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Ро-

* Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченія послѣдняго мѣсяца, указаны
 предъ ихъ заглавіемъ.

манъ П. Лѣткова. Сиб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Время покаянiя. Романъ М. Нотли. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Графъ П. А. Киселевъ и его время. Материалы для исторiи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Сиб. 1882. Ц. за все 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Душной волкъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Н. Н. Каразина. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Девяносто третiй годъ. Викторъ Гюго, въ двухъ томахъ. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Диалоги иэпакопедисты. Джона Морлея. Переводъ съ послѣдняго англiйскаго изданiя. В. Н. Невѣдомскiй. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Двадцать монаха-Бернардина. Сочиненiе Игн Ходзько Переводъ съ польскаго. Изданiе Ва И. Веселовскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Думы и пѣсни. Стихотворенiя Н. А. Панова. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Европейскiе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. в. VII Лассаль. Сиб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Европейскiе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. Т. VII: Кондорсе. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Его превосходительство Емеля Ругонъ. Романъ изъ временъ второй французской имперiи. Эмиля Золя. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес.

Жизнь и произведенiя Тараса Шевченка. Сводъ матеріаловъ для его биографiи. Съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалмй. К. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Завѣщанiе. Изъ воспоминанiй старой женщины. Е. Н. Ахматовой. Сиб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Замогилная мѣсть — Бернара Даронъ. — Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Записки охотника. И. С. Тургенева. Полное собранiе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданiе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ календарномъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Записки вѣнчанаго. Беллетристическiе очерки, рассказы и картинки изъ военнаго быта. Д. К. Гирса. Сиб. 1872 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Золотой челоуѣкъ. Романъ Мавра Юкай. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Исторiя Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданiе

второе, извѣкъ переработанное и дополненное. Сиб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ переслано.

Исторiя классическаго періода греческой литературы. Дж. П. Магаффи. Переводъ Александры Веселовской. Т. I. Познiя. Москва. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторiя старика. Романъ Ипполита Ньёво. Переводъ съ итальянскаго. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Изъ деревни и изъ вѣсы (1872—1882 гг.) А. Н. Энгельгардта. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Илиада; Финскiй народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданiе съ пятью картинами. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р., съ перес.

Ильмина Остроумова. Историческая повѣсть. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Картинки домашняго воспитанiя. Педагогическiе этюды. А—ной. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ переслано.

Кавитанъ грендерской роты. Романъ-хроника XVIII вѣка. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. Второе изданiе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Касимовская невѣста. Историческiй романъ въ трехъ частяхъ. Всеволода Соловьева. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Кертея петля. Драма въ пяти дѣйствiяхъ. Н. А. Потѣхина. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Колосовице. Романъ Всеволода Соловьева. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненiе графини А. Л. Толстой. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.

Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ Вертольда Ауэрбаха. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Обзоръ славянскихъ литературъ. Лекцiя, читанная проф. В. Ив. Григоровичемъ въ 1868—69 году. Записки слушателей его А. Смирновымъ. Воронежъ. 1880 г. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шмилъгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтова. Переводъ съ немецкаго, въ двухъ томахъ. Сиб. 1874 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Отверженные романъ Викторъ Гюге. Переводъ съ французскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Парижскiя письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эмиля Золя. Второе изданiе. Сиб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Письма къ тетенькѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. Слб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

1882 Поевѣсти, очерки и рассказы. Всеволода Крестовскаго. — Третье изданіе. Слб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 45 коп.

Подорожьи. Романъ въ трехъ частяхъ Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Слб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстаго съ портретомъ, факсимиле и автобіографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к. Въ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Полное собраніе стихотвореній. Николая Гербеля. Въ двухъ томахъ. Т. I. Поэмы. Т. II. Мелкія стихотворенія. Слб. 1882 г. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Помпадуръ и Помпадурш. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе третье. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Подъ развалинами Пошени. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. — Соч. Курти. Съ итальянскаго. Слб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Признаки времени и мысли о провинциѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Слб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Полное собраніе сочиненій Давида Рикардо. Переводъ Н. Зибера. Съ приложеніями переводчика. Слб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

1882 Петербургъ и возвращенный рай. Повесть Джона Милтона, съ 50-ю картинками Густава Дорэ. Переводъ съ англійскаго А. Шульговской. Съ подстрочными англійскими текстами. Слб. Ц. книги въ переплетѣ 25 руб., съ пер. 80 р. въ перепл. съ золотымъ обрѣзомъ 30 р., съ пер. 35 р.

Рассказы. Четыре дня, происшествіе. Трусъ, Встрѣча, Художники, Ночь, Attalea lignifera. То чего не было. Всеволода Гаршина. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Саламба. Историческій романъ Густава Флобера. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Слб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

1882 Сергій Герботовъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка, Всеволода Соловьева. Въ двухъ частяхъ. Слб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Снобелевъ. Дичныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченко. Съ 4-мя гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. Слб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

1882 Спартакъ. Историческій романъ Рафаэля Джіованніолі. — Переводъ съ итальянскаго. Слб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сочиненія М. С. Магнитина съ его портретомъ, fac-simile и біографіей составленной и вновь исправленной М. О. Де-Пуле—въ двухъ томахъ. Изданіе второе. Москва 1878 г. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

1882 Сочиненія Г. Е. Благосветлова, съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Слб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Сочиненія Ф. М. Достоевскаго. Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и рассказы. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Поевѣсти и рассказы. Ф. М. Достоевскаго. Томъ второй. Изданіе второе. Слб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Дневникъ писателя за 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Записки изъ мертваго дома. Въ одномъ томѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Униженные и оскорбленные. Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Изданіе второе. Стѣнный мужъ. Рассказы Ф. М. Достоевскаго. Слб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Стихотворенія А. В. Кольцова. Седьмое изданіе. М. 1880 г. Ц. 20 коп., съ пер. 35 коп.

Стихотворенія М. П. Розовицкаго. Изданіе третье, дополненное Слб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Слб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненіемъ золотомъ 4 р. съ пер.

Сочиненія Ф. М. Рѣшетникова. Изданіе К. Т. Солдатенкова съ портретомъ автора, въ двухъ томахъ. Москва 1874 г. Ц. за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 коп.

1882 Убийство Монрепо. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Оглавленіе: Общій обзоръ.—Тревоги и радости въ Монрепо.—Монрепо-успѣшница.—Finis Монрепо.—Предостереженіе. Изданіе второе. Слб. 1883 г. Ц. 1 р. съ перес.

1882 Царь-дѣвица. Романъ-хроника XVII

*

хъка. Въ трехъ частяхъ Всеволода Соловьева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

III. ИСТОРИЯ—БИОГРАФИЯ—ЭТНОГРАФИЯ.

Автобиографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Б. Благосвѣтлова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Англійская конституція и ея исторія. М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 76 к., съ пер. 90 к.

Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 г. Проф. Ф. Мартенса. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Восшествіе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ проф. Д. А. Корсакова. К. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер.

Ганеманъ, или челоѣкъ и врачъ. Лекція, читанная въ 1880 году въ лондонской школѣ гомеопатіи д-ромъ мед. Бурнетъ. Съ англійскаго перевелъ В. Я. Гердь. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Ганеманъ, или врачъ-философъ. Органионъ. Лекція, читанная въ 1881 году въ лондонской школѣ гомеопатіи д-ромъ мед. Юзъ. Съ англійскаго перевелъ В. Я. Гердь. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Жизнь европейскія народоѣ. Е. Н. Водовозовой. Т. I. Жители Юга. Съ 26 рисунками худ. Васнецова и Голембювскаго. Т. II. Жители Сѣвера. Съ 24 рисунками Васнецова и Павова. Спб. 1881 г. Цѣна каждого тома по 3 р. 75 коп.

Жизнь и дѣятельность маркиза Владиславскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пересылкой.

Историческая подготовка. Профессора Петрова. Харьковъ. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи, по этнописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Д-ра В. Циммермана. Переводъ подъ редакціей В. Зайцера. Въ трехъ томахъ. Спб. 1865 г. Ц. трехъ томовъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Крѣпости въ царствованіе императрицы Екаторины II. В. И. Семеновскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Комедія всемірной исторіи. Іоганна Шерръ. Историческій очеркъ событий съ 1848 по 1851 годъ, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Ц. обоевъ выпусковъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ксесія Ивановна Романова. (Великая старца-инокиня Марфа). И. П. Хрущова, съ портретомъ Ксесія Ивановны Романовой. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Очерки изъ церковной исторіи Западныхъ Славянъ. Антона Будиловича. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пракскомъ епископѣ Войтѣхѣ. Варшава. 1880 г. Ц. 1 р.; съ пер. 1 р. 25 к.

Переобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнимъ. Антона Будиловича. Исслѣдованіе въ области лингвистической палеонтологіи славянъ. Киевъ. 1882 г. Ч. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к. Ч. II, в. I. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Русская исторія въ низнеисчисленихъ ее главѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владимира X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екаторины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ тремъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елизаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казанка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирьяновича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Славянскія древности. Лекція, читанная въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1877—78 г. проф. В. А. Григорьевичемъ. Выпускъ I—II. Варшава. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Современныя политическія дѣталь. Биографическія очерки и характеристика. Э. Рейхъ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

И. Д. Ушинскій. Краткій биографическій очеркъ съ графированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Два общедоступныя очерка. Проф. К. Тимирязева. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

IV. ГЕОГРАФИЯ—ТОПОГРАФИЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Составилъ С. Вѣлковъ. Въ трехъ частяхъ.—Ч. I. Введеніе, черченіе плановъ и пользованіе ими; ч. II. Инструментальная съемка; ч. III. Каземѣтрная съемка. Съ чертежами въ текствѣ. Москва. 1850 г. Ц. за всѣ три части 2 р. 70 к., съ перес. 3 руб.

Путешествіе русскаго посольства по Аляскинскому и Бухарскому ханствамъ въ 1876—1879 гг. Изъ дневниковъ Д-ра И. Л. Яворскаго. Въ двухъ томахъ—т. I.—Съ приложеніемъ нѣсколькихъ портретовъ, карты верховьевъ Аму-Дарьи и маршрута посольства. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома 5 руб., съ пер. 6 р. Вышелъ томъ I; II-ой печатается.

Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. черезъ Сибирь, Монголію, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго. Въ двухъ томахъ съ картою и портретомъ автора. Изданіе второе. Москва. 1882 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Экспедиція въ Китай 1874—75 гг. генеральнаго штаба полковника Ю. А. Соколовскаго. Томъ первый, часть I. Съ картою. Москва. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Черное море. Роль моря въ развѣіи историческия эпохи; современное экономическое и военное значеніе Чернаго моря. Военно-статистическій обзоръ. М. Ляпунова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Крестьянскій вопросъ. Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и владѣннхъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Неземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевланію. Д. В. Ходскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Очеркъ исторіи сельской общины на Северѣ Россіи. П. А. Соколовскаго. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Алгебра. Учебное руководство для ерденнихъ учебныхъ заведеній. Составилъ М. Воленскій. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Бережливость Самуэль Смайльсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею И. С. Кутейникова. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Вода. Сочиненіе Г. Тиссандье. Съ 60 полнѣтпажами въ текстѣ. Переводъ съ французскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Галль. Сцены изъ римской жизни времени Августа. В. А. Беккеръ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дары природы. Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ свромъ и обработанномъ ихъ состояніи. Составилъ К. К. Веберъ. Необходимое пособие при наглядномъ обученіи и бесѣдахъ съ дѣтьми.—Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Дѣтскіе элли. Разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Москва. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Дѣтнадцать тысячцевъ. (Опытъ характеристикъ 12-ти тысячцевъ въ картинкахъ природы, очеркахъ изъ жизни человека, животныхъ и растений)—для средняго возраста.—К. К. Веберъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 45 коп.

Для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ. Восемь книжекъ. Изданіе А. Н. Новицкой. Харьковъ. 1882 г. Цѣна всѣхъ книгъ 18 к., съ пер. 30 к.

Дѣтская бібліотека. Вып. I. 1) Происхожденіе одной собачки. 2) Тетерка и лиса. 3) Заниски зайца. Ц. 15 к., съ пер. 25 к. Вып. II. Зимній вечеръ.—Яма музыкантъ.—Гроза.—Дядя Иванъ.—Крестьянскія дѣти.—Сиротка Мана.—Большое дѣтство. Харьковъ. 1882 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Знакомство съ хлѣбомъ для вседневной жизни при помощи домашнихъ средствъ (для родителей, наставниковъ и самообразованія).—Составилъ К. К. Веберъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей Е. Н. Водозовой. Съ 16-ью рисунками художникова Панова и Макарова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Игры — обученіе чтенію. Составилъ А. Страховъ. Систематическая звуковая азбука въ формѣ дѣтской игры. 30 картъ, 240 марокъ съ буквами, словами, цѣлыми фразами; таблицы группныхъ буквъ и на-

ставленіе для учащихся. Въ красивомъ издѣ-
н. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Изъ міра великихъ преданій: Роландъ,
изъ древней французской поэмы (съ ри-
сункомъ). Король Лиръ (по Шекспиру).
Зимняя сказка (по Шекспиру съ рисункомъ).
Вильгельмъ Тельъ (по Шиллеру), Циниъ (по
Теодору Кернеру, съ рисункомъ). Разсказы
для юношества Визюра Острогорскаго.
Изданіе второе, съ красивой вклейкой.
Слб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.,
въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Мать надѣ жать, чтобы счастливымъ
быть. Составлено по Смайлсу В. Габбе.
Слб. 1882 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Конекъ - Горбунекъ. — Русская сказка,
сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками
и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е
одобрено департаментомъ народнаго про-
свѣщенія, для начальныхъ народныхъ учи-
лищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

Катакомбы. Повѣсти изъ первыхъ вре-
менъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ.
Изданіе второе. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ
пер. 1 р. 20 к.

Краткій конспектъ греческой граммати-
ки. Таблицы неправильныхъ формъ въ
греческомъ языкѣ и употребленіе словъ.
Пособіе при изученіи греческаго языка
для среднихъ и старшихъ классовъ клас-
сическихъ гимназій и духовныхъ семина-
рій. Составилъ Н. Кацкій. М. 1882 г.
Ц. 30 к., съ пер. 40 коп.

Ленци зоологъ проф. Памъ Бера. Пе-
реводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симо-
нова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Ана-
томія и физиологія. Съ 402 рисунками въ
текстѣ. Слб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер.

Маленькій оборышекъ. Романъ Джамса
Гривуда. Передѣлка съ англійскаго А.
Анненской. (Для дѣтей). Изданіе второе.
Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Материалы для практическихъ замѣтъ по
ариметикѣ М. Сербровскаго. Слб.
1876 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Мои двѣ племянницы. А. П. Аннен-
ской. Повѣсть для дѣтей. Слб. 1881 г. Ц.
1 р., съ перес. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р.
20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

На отдыхѣ. Иллюстрированныя раз-
сказы для маленькихъ дѣтей. Е. Водово-
вой. Съ 40 картинками въ текстѣ. — Слб.
1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

На льдинѣ. Разсказъ для дѣтей Н. Г.
Вучетича. Москва. 1881 г. Ц. 30 к., съ
пер. 40 к.

Начальная геометрія. Учебное руководство
для среднихъ учебныхъ заведеній. Соста-
вилъ В. Воленскъ. Съ 6-ю литографиро-
ванными таблицами. Слб. 1872 г. Ц. 1 р.
25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Объясненіе арифметики, геометріи и
законовъ. Для руководства при науче-
ніи законовъ въ начальныхъ народныхъ, го-
родскихъ училищахъ и въ приготовитель-
номъ классѣ среднихъ учебныхъ заведе-
ній. Составилъ священ. Григорій Челя-
цовъ. Изданіе седьмое. Слб. 1883 г. Ц.
20 к., съ пер. 35 к.

Одногласныя дѣтскія пѣсни и над-
видниче игры съ русскими народными мелоді-
ями. Съ аккомпанементомъ для форте-
пиано. Составила Е. Водовонова. Музыка
А. И. Рубца. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер.
1 р. 20 коп.

О преподаваніи русской словесности. —
Сочиненіе А. Невзелинова. — Слб. 1880 г.
Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Отъ земли до луны 97 часовъ пра-
мого пути. Ж. Верне. (Переводъ съ фран-
цузскаго). Слб. 1868 г. Ц. 50 к., съ пер.
70 коп.

Отдѣльная охотница. Соч. Майн-
Рида. Переводъ С. Марцовой съ четырьмя
раскрасненными рисунками. Слб. 1883 г.
Цѣна въ папкѣ 2 рубля съ пересылкою.

Письма къ матерямъ объ уходѣ за
здоровымъ и больнымъ ребенкомъ д-ра
М. И. Галамина. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 40 коп.
съ пер. 1 р. 60 коп.

Первые разсказы изъ естественной исто-
ріи. Для дѣтей, только-что научившихся
читать. М. Биковой. Слб. 1876 года. Ц.
25 к., съ пер. 35 к.

Разсказы изъ народной жизни для дѣ-
тей младшаго возраста. И. Карловича.
Съ картинками рисованными М. Суков-
нымъ. Слб. 1883 г. Ц. 45 к., съ пер. 55 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Но-
вая переработка тѣмъ Де-Фое. Съ 10-ю
картинками и 35 полнотипажками, рисованными
на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Слб.
1882 г. Цѣна книги въ перекл. 3 руб., съ
пересылкою.

Рѣшенія арифметическихъ задачъ, со-
державшихся въ собраніи арифметическихъ
задачъ по Грубе. Составилъ В. Воленскъ.
Слб. 1876 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Руководство къ арифметикѣ. Составилъ
В. Воленскъ. Дѣвнадцатое исправленное
изданіе. Слб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер.
75 к.

Росинки съ цвѣтовъ всемірной возни.
Слб. 1882 г. Цѣна книжки въ переклѣтѣ
50 к., съ пер. 60 к.

Русскій языкъ. Часть I. Первые послѣ
азбуки книга для чтенія. Съ 32 рисунками
въ текстѣ. Составилъ П. Н. Остролюбскій.
Слб. 1881 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Русскія учебныя картины. Рисовалъ
В. С. Шмакъ. Слб. 1882 г. Ц. 2 р., съ
пер. 2 р. 50 к.

Русскія сказки въ стихахъ. В. Водовога. Съ виньеткой и 16-ю картинками, рисовалъ художникъ Голембовскій, гравировалъ Регульскій. Слб. 1883 г. Ц. книги въ цѣнкѣ 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Виктора Острогорскаго. Слб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Сонъ. Разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Москва. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 коп.

Собраніе ариметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариметики. Въ двухъ частяхъ. Составилъ В. Воленсъ. Изданіе двѣнадцатое. Слб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Е. Водовоговой. Слб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Г. Гексли. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей И. А. Петрова. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 политипажей. Слб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Умъ животныхъ. Сочиненіе Андре-Лефевра. Съ 19 политипажями. Переводъ съ французскаго. Слб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Хариль. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. В. А. Беккера. Слб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Хижина дяди Тома. Повѣсть для дѣтей Бичеръ-Стоу. Съ хромолитографированными картинками. Москва, 1882 г. Цѣна книги въ цѣнкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Элементарная геометрія. Руководство для низшихъ учебныхъ заведеній и вообще начинающихъ. Составилъ В. Воленсъ. Слб. 1876 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. Составилъ Н. В. Ягичъ. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Опытъ объясненія обычаевъ (индо-европейскихъ народовъ) созданныхъ подъ вліяніемъ ява, Сочиненіе I. Маделъштама. Часть I. Слб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Славянскія нарѣчія. Статья профессора Гебауера. Переводъ и примѣчанія А. Степовича. Кіевъ. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена I. Сомовымъ. Изданіе третье. Слб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Вѣчное движеніе. Опытъ популярнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ физическихъ явленій и дѣйствій. А. Кунова. Слб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 к.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ съ 7-ю таблицами чертежей. (Для реальныхъ и техническихъ училищъ) Составилъ А. Пальшау. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анатомическія основы ученія о душевныхъ болѣзняхъ. Составилъ П. Р. Пастернакскій. Слб. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Атомическая теорія А. Вюрца. Изъ серіи международной научной бібліотеки. Переводъ со втораго французскаго изданія. К. 18-2 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей. Составилъ Н. Анненковъ. Новое исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Слб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Вопросы общественной гігіены. В. Португалова. Слб. 1873 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Гіеніе и зараза по отношенію къ веществамъ, носящимся въ воздухѣ. Джона Тиндалла. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастера о прививкѣ по отношенію къ куриной холерѣ и сибирской язвѣ. Изслѣдованія д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефератъ). Слб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 политипажями въ текстѣ, 2 литографіями и 12 таб-

лицами фотографій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Значеніе и опасности антисептики съ нѣкоторыми замѣчаніями объ ея употребленіи въ полевой хирургіи. Читано въ заведеніи общества врачей профессоромъ х-ромъ J. V. Нуссбаумомъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ М. Розенгартъ. Москва. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.

Идиотизмъ и тушеуміе. Сочиненіе д-ра Айрланда, съ предисловіемъ д-ра Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра В. В. Томашевскаго. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ и съ генеалогическими таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Какъ живутъ и лѣчатся китайцы. Д-ра П. Я. Писецкаго. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Лука и пастбища, ихъ рациональное пользованіе въ средней и сѣверной полосахъ Россіи. Составилъ В. А. Остафьевъ. Съ 98-ми полтипажами въ текстѣ.—Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. д-ра Жюля Сира. Переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Н. Моршгеровскаго Спб. 1872 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

О мѣлочномъ леченіи и значеніи его для прогноза въ болѣзняхъ сердца и почек. Составилъ Докторъ С. М. Васильевъ. Выпускъ I. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О резекціи верхней челюсти, во поводу опухолей. Проф. С. Б. Колодкина. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

О разведеніи нормальныхъ травъ на поляхъ. Проф. А. Софѣтова. Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе съ 24 полтипажами въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

О акушерной работѣ беременныхъ. Проф. М. Горвица. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Образованіе почвеннаго слоя дождевыми червемъ Чарльза Дарвина. Переводъ съ пятаго англійскаго изданія М. Линдеманъ. (съ 16 полтипажами въ текстѣ). Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ съ особымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Составилъ Я. М. Шмулевичъ. Со многими рисунками и съ раскрашенною таблицей. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Практическое ученіе объ удобреніи. Проф. д-ра Эмиля Вольфа. Переводъ съ 8-го нѣмецкаго изданія.—Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Практическіе советы на разводеніи набольтѣ распротраненныхъ агрономскихъ травъ и злаковъ на поляхъ и лугахъ. И. Кабештова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Практическія занятія на гистологическихъ рѣшеніяхъ. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 83-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярная гигиена, настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.—Карла Реклама, съ приложеніемъ военной гигиены. Соч. д-ра Вейнемана. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Проектъ организаціи врачебной помощи въ Россіи. Д-ра медицины Д. С. Трифоновскаго. Москва. 1882 г. Ц. 25 коп., съ пер. 35 к.

Промышленныя животныя и полезныя породы. Чарльза Дарвина. Съ рисунками. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣткова, въ трехъ томахъ. Спб. 1871 г. Ц. трехъ томамъ 5 р., съ пер. 5 р. 60 к.

Руководство къ изученію зубныхъ болѣзней. Д-ра Юлія Шеффа. Переводъ съ нѣмецкаго. Д-ра М. Вишневскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

Сборникъ свѣдѣній для любителей садоводства и самоучекъ садовничества. Составилъ А. Ераковъ. О 750 однолѣтнихъ и двулѣтнихъ растеніяхъ, расположенныхъ по высотѣ ихъ и колерамъ цвѣтовъ. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Князя А. Васильчикова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Советы и первая помощь при слезныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ. Д-ра Эдуарда Рейха. Популярная и полезная для всехъ книга. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, его недостаткахъ и мѣрахъ къ его усовершенствованію. 1857—1882 г. И. А. Стебута. Москва. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Труды С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей. Издаваемо въ редакціи И. Бородина. Т. XIII. В. I. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. Проф. В. Флоринскаго. Спб. 1866 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Учебникъ физиологіи. Проф. М. Фо-

стера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Сиб. 1882 г. Цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Учебникъ судебной медицины. Проф. Эдуарда Гофмана. Переводъ со второго гинейскаго изданія подъ редакціей И. М. Сорочкина. Съ рисунками въ текстѣ. Сиб. 1881 г. Ц. 5 руб., съ пер. 5 руб. 50 коп.

Юные - русское тонкорунное овцеводство или указаніе правилъ: разведенія, хозяйственнаго содержанія и домашняго леченія тонкорунныхъ овецъ, а также краткое описаніе фабричнаго производства шерстяныхъ тканей. Составилъ Иванъ Дмитриевичъ Загора. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

X. ЗАКОНОВЪДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Избранныя рѣчи. Джона Врайта. По вопросамъ политической и общественной жизни. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Исслѣдованіе о видахъ преступниковъ. Сочиненіе А. Штиглица. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. С. Власовскаго. Изданіе третье. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Опытъ комментарія русскаго торговаго права на основаніи рѣшеній судебныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Въ двухъ томахъ. Сиб. 1880 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 6 р.

Правосудіе и правовой порядокъ въ войскахъ. Въ связи и въ зависимости отъ общаго порядка. Юридическое изслѣдованіе В. А. Соболевскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер.

Практика С.-Петербургскаго коммерческаго суда за 1878 и 1879 годы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к. за 1880 и 1881 годы. Сиб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Дихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцъ. III. Картограммъ самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сибирь или колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Современное международное право ци-

вилитанскихъ народовъ. Проф. Ф. Мартенса. Т. I.—Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 80 коп.

Уломеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Сиб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Уставъ о торговой несостоятельности. (Сводъ зак. т. XI, ч. 2, ст. 1855—2028), съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената С.-Петербургскаго коммерческаго суда и другихъ судебныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Второе вновь обработанное и дополненное изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Уставъ о табачномъ сборѣ Высочайше утвержденный 18 мая 1882 г. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Уставъ о гербовомъ сборѣ, внесенный по Высочайшему утвержденію 19 января и 25 мая 1882 г. мѣстнымъ государственнымъ совѣтомъ съ приложеніемъ: 1) Алфавитнаго перечня документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ. 2) Дополнительныхъ къ уставу распоряженій правительства. 3) Разъясненій 1-го д-та правительствующаго сената и министерства финансовъ. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Утилитаризмъ и свобода. Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Ковраля. 2-ое изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Финансовое право. Лекціи Доцента Сиб-скаго университета В. А. Лебедева. Т. I: введеніе, государственная потребность и организація ихъ удовлетворенія, государственные доходы. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства. (1855—1880). Иллюстрированный каталогъ, содержащій болѣе 280 снимковъ, изъ которыхъ около 160 съ оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Составилъ Н. П. Сабко. Издавъ М. П. Воткинъ. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Русскіе узоры для вышиванія. К. Далматова. Первый альбомъ состоитъ изъ 24-хъ листовъ узоровъ для вышиванія въ русскомъ и малороссійскомъ вкусѣ и книжкѣ послѣвицъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 2 р. Второй альбомъ состоитъ изъ 20-ти большихъ листовъ узоровъ русскіхъ, малороссійскіхъ и

южно-славянскихъ и тетрадь послѣднѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Третій альбомъ „Дюмина національныхъ полотенецъ“ — конецъ каждаго полотенца изображаетъ узоръ вышивки одной изъ народностей Россіи. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Каждое полотенце отдѣльно стоитъ 25 к., съ пер. 50 к.

Русское искусство, его истечини, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность. Сочиненіе Е. Віоладе-люкx. Переведъ съ французскаго Н. Султановъ. Москва. 1879 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Сиротки. Сцены изъ народнаго быта для дѣтскаго театра. Соч. П. Г. Васильева. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Дусенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и дополненное. Киевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ХІІ. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ:

Ежедневная записная книжка на 1883 годъ, Цѣна книжки въ водостраици 85 коп., въ цѣлуу страну 1 р., за пересылку добавл. 20 коп.

Иллюстрированный календарь «Новая» на 1883 г. Сиб. Цѣна книги въ переплетѣ 1 р., съ пер. 1 р. 28 к. Въ папкѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Отрывной календарь на 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Практическія замѣтки по обученію стрѣльному дѣлу, даннымъ полкамъ 12-й пѣхотной дивизіи начальникомъ ея Орановскимъ. Сиб. 1883 г. Ц. съ пер. 30 к.

Правила о приѣмѣ военноопредѣляющихся во всѣ роды войскъ гвардіи и марин. Рига. 1882 г. Ц. 50 в., съ пер. 60 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство въ тушеніи всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н.—въ. Въ текстѣ политипажные рисунки. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пересылкою.

Полный карманный путеводитель для желѣзно-дорожныхъ, пароходныхъ и почтовыхъ сообщений въ Россіи съ ноября 1882 г. по май 1883 г. и 1200 маршрутовъ прямыхъ сообщений внутреннихъ и иностранныхъ. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Русскій календарь на 1883 годъ. А. Суворина. Съ портретомъ М. Д. Свободна. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 80 в.

Ремесленникъ. — Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ изучить прикладности мастеровъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной и т. д. Составилъ А. П. Классенъ. 320 рисунковъ въ текстѣ. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Руководство для обученія съ военныхъ несильныхъ. Съ 78 рисунками. Составилъ, согласно программѣ обязательной въ приказѣ по военному вѣдомству 1877 г. № 133, д-ра В. В. Максимова и И. В. Лебедевъ. Сиб. 1883 г. Ц. 80 коп. съ пересылкою.

Сельскій сборникъ. Настольная книга для сельскихъ жителей. Составилъ Д. А. Соколовскій. Изданіе второе исправленное и значительно дополненное. Казань 1880 г. Ц. 1 р. 45 коп., съ пер. 1 р. 60 к.

Счетоводство для начинающихъ книжныхъ, мануфактурныхъ, галантерейныхъ, москвитинныхъ и проч. по двойной бухгалтеріи. Составленное М. Я. Баташевымъ. Съ хромофотографированными чертежами (счетами счетоводства), оригинальными формами второроссійскихъ книгъ и новымъ взглядомъ на веденіе гресс-бухк. Нижній-Новгородъ. 1882 г. Ц. 1 р. съ пер.

Сокращенныя либретто и программы оперъ и балетовъ: № I. Опера „Гугеноты“. Ц. „Анда“. — III. „Африканка“. — IV. „Робертъ-Дьяволъ“. — V. „Фаустъ“. — VI. „Карменъ“. — VII. „Риголетто“. — VIII. „Сеанскій перьяльчикъ“. — IX. „Дюча“. — X. „Трубадуръ“. — XI. „Любимый вальсовъ“. — XII. „Бизъ за царя“. — XIII. „Лилла“. — Цѣна каждаго либретто на простой бумагѣ 5 к., на зеленой 10 к.

Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Бел. Кн. Финляндскимъ. Матеріалъ для фабрично-заводской статистики. Составилъ П. А. Орловъ. Сиб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Юридическій календарь на 1883 г. М. Острогорскаго. Съ запиской книжкою на каждый день и разн. свѣд. справочн., адресн., статист., библиогр., спискомъ членовъ состава, текстъ новыхъ законовъ, театр. кассад. рѣш., некрологъ и пр. Ц. въ перепл. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Gwiazda Kalendarz petersburski, społeczny, historyczny, literaturoznawczy i informacyjny na r. 1883 (rok trzeci) pod red. H. Glinickiego. Cena egz. 75 kop., a przez 1 ga.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества, Московскаго Отдѣленія

I. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта).

Москва, Пеглинный провъздъ, № 10
(на углу Кузнецкаго моста).

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА!

БОРТИАНСКІЙ. Полное собраніе его духовно-музыкальныхъ сочиненій на четыре голоса, съ переложеніемъ для одного фортепiano. Новое дешовое изданіе подъ редакціею П. П. Чайковскаго, въ 10 выпускахъ. Партитура 12 р. (за перес. вѣс. за 12 ф.). Поголосно 12 р. (за перес. вѣс. за 12 ф.). Изъ этого собранія вышли отдѣльно: 35 концертовъ. Партитура (5 р.). Поголосно 5 р. (вѣс. за 5 ф.). Мелкія сочиненія: Херувимскія, Нынѣ силы небесныя, Достойно есть и пр. Партитура (1 р. 50 к.), Поголосно (1 р. 20 к., вѣс. за 3 ф.). Трехголосныя сочиненія: Литургія, Да исправится и пр. Партитура (60 к.), Поголосно (60 к., вѣс. за 2 ф.).

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО: Чайковскій, Детскій альбомъ. 24 маленькыхъ пьесъ (2 р.). 12 пьесъ средней трудности (3 р.). Н. Рубинштейнъ, сборникъ 10 пьесъ его сочиненій, съ его портретомъ (1 р. вѣс. за 2 ф.). Буховицкій, фортепианный сборникъ изъ любимыхъ легкыхъ пьесъ Чайковскаго, Шумана, Куллага, Геллера и др., со знаками исполненія и аликатурой (1 р.). Бейеръ, „Perles du nord“. Воспоминаніе о Россіи 12 переложеній любимыхъ русскихъ романсовъ и пѣсень, ор. 100, 12 №№ (по 30 к.). „Fleurs de la Russie“. 12 фантазій на любимыя русскія романсы и пѣсни. Ор. 102, 12 №№ (по 35 к.). „Bluettes du nord“. 12 маленькыхъ пьесъ на любимыя русскія романсы и пѣс. ор. 103, 12 №№ (по 20 к.). Jaell, Bonheur extrême. Nocturne (45 к.). Le carillon. Morceau élégant (45 к.). Regrets. Nocturne (30 к.). Norma. Reminiscences (60 к.). Rigoletto. Illustration (35 к.). Hofmann, Воспоминаніе о Бессарабіи, Фантазія на молдавскія пѣсни (75 к.). Hesse, „Когда печаль слезой невольной“. Romance de la Princesse Kotschoubeu (40 к.). „Грусть дѣвушки“. Любимый романсъ Соколова (40 к.). Мазурка изъ оперы „Евгеній Онегинъ“ (40 к.). Henselt, „Заблалъ въ“. Романсъ Опелла переложенный (30 к.). „То было раннее весною“. Романсъ Чайковскаго (50 к.). Gottschalk, La Gota Arragonesa (30 к.). Goria, „Sombres forêts“, de l'opéra „Guillaume Tell“ (35 к.). Goldstein, Deux morceaux: Raveu (30 к.). Le rêve (30 к.). Glinka, Nocturne (40 к.). Любимый Менуэтъ, игранный съ большимъ успѣхомъ въ Павловскѣ (30 к.). Polka et Mazurka (20 к.). Аррагонская Хота. Увертюра (60 к.). Также въ переложеніи Балакирева (1 р. 20 к.). Ночь въ Мадридѣ. Увертюра (60 к.). Gebeleff, „Малютка, шлемъ носъ“, изъ трагедіи „Велазаріа“ (1 р. 40 к.). Egghard, „Fleur de Pologne“. Mazurka (45 к.). „Не забудь меня!“ Mélodie (20 к.). La gracieuse. Petite valse (15 к.). „Ameschie“. Romance (30 к.). La brunette. Petite valse (20 к.). La clochette d'argent. Morceau brillant (30 к.). Ma bien, aimée. Poésies Sentimentale (20 к.). Un plus beau rêve, Morceau de Salon (20 к.). Chanson napolitaine (30 к.). Durand, Chaconne. Morceau favori (40 к.). Дюбокъ, 40 любимыхъ мелодій Шуберга (2 р.). 50 малороссійскыхъ пѣсень (2 р.). Dreyschock, Nocturne favori op. 16, (15 к.).

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гр. иновгородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Каталогъ дешовыхъ изданій выслается бесплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Принимается подписка на 1883 г. (годъ XII) на дешовый журналъ для фортепiano „DIE MUSIKALISCHE WELT“ („Музыкальный Свѣтъ“), издаваемый Г. Литольфомъ въ Брауншвейгѣ и содержащій ежемѣсячно отъ 5—6 совершенно новыхъ, нигдѣ еще не изданныхъ пьесъ любимыхъ современныхъ композиторовъ. Годовая цѣна подписки 3 р., съ пересылкою 4 р. 30 к.

НОВЫЯ КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ, собранныя учителями Тульской губ., редація Эрленвейна, 2-е изд., 1882 г., ц. 60 к.

СКАЗКА ПРО КОТА ДА ПРО ЛИСИЦУ,—редація Д. И. Тихомирова, карт. худ. Мартынова, изящное изданіе, 1882 г., ц. 50 к.

СКАЗКА ПРО ЛИСУ ДА ПРО ВОЛКА,—ред. Д. И. Тихомирова, карт. Мартынова, 1882 г., ц. 50 к.

РОДНОЕ,—разказы для дѣтей Смирнова, съ картинками, въ папкѣ, 1882 г., ц. 1 р. 25 к.

РОДНЫЯ МѢСТА,—Щепкиной, разказы для дѣтей, съ картинками, въ папкѣ, ц. 1 р.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ.—А. А. Потѣхина, съ рисунками Баранна, въ папкѣ ц. 2 р., въ бумажкѣ 1 р. 25 к.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА, сказочная быль въ стихахъ, изъ жизни крестьянскаго мальчика, ц. 50 к.

КНИГИ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

Зимницкій.—Условія и приемы объяснительнаго чтенія, изд. 2-е, 1882 г., ц. 75 к.

Тихомировъ, Д.—Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку, 1882 г., изд. 5-е, ц. 55 к.

Тихомировъ, Д.—Руководство къ букварю (методика обученія грамотѣ), изд. 5-е, 1882 г., ц. 30 к.

Тихомировъ, Д. и Тихомирова, Е.—Библиотека народной школы, каталогъ книгъ и учебныхъ пособій для учителя и учениковъ, 1882 г., ц. 10 к.

Шубинъ.—Наглядное пособие при изученіи этимологіи, 1882 г., ц. 2 р.

УЧЕБНИКИ

Тихомировъ, Д. и Тихомирова, Е.—Букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму, 1882 г., изд. 9-е, 142-я тысяча, ц. 15 к.

Тихомировъ, Д.—Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двукласныхъ школъ, 1882 г., 25-й десятокъ тысячь, ц. 20 к.

Тихомировъ, Д.—Азбука правописанія, часть 1-я, сборникъ примѣровъ и статей для диктовки на главнѣйшіе случаи правописанія буквъ, изд. 8-е, 1882 г., 63-я тысяча, ц. 35 к.

Тихомировъ, Д. и А.—Азбука правописанія, ч. 2-я, сборникъ для диктовки на знаки препинанія, 1880 г., 3-е изд., 21-я тысяча, ц. 40 к.

Савенко.—Объяснительное чтеніе, сборникъ статей для первоначальныхъ занятій русскимъ языкомъ, 1882 г., ц. 80 к.

Савенко.—Курсъ черченія для народныхъ школъ, ц. 1 р. 25 к.

Савенко.—Синтаксисъ въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ, ц. 85 к.

Главный складъ всѣхъ этихъ книгъ: Учебный магазинъ „НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА“ Е. Н. Тихомировой—Москва, Кузнецкій-Мостъ.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Письма къ тѣнькѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1882. стр. 334. Ц. 2 р.

Пятнадцать писемъ къ „тѣнькѣ“, явившихся въ свѣтъ одно за другимъ, въ теченіе почти полутора года, безъ сомнѣнія, хорошо сохранились въ памяти читающей публики, и потому нѣтъ никакой необходимости теперь напоминать ихъ содержаніе. Авторъ и дѣсь остался вполне вѣрнымъ тому своему главному увзаванію, которое онъ такъ вѣрно формулируетъ въ одномъ изъ этихъ же писемъ, отбывая причисляющимъ его къ разряду „вредныхъ“ писателей: „На это я могу отбѣтить одно: неизмѣннымъ предметомъ моей литературной дѣятельности всегда былъ прогнѣтъ противъ произвола, двоедушія, лганья, хищничества, пустомыслія и т. д.“ Авторъ и вѣдншій разъ писалъ, какъ и прежде, разсчитывая, конечно, главнымъ образомъ на силу поговори: *Sapienti sat*, — чѣмъ онъ и заключилъ свое послѣднее письмо; — и онъ не ошибся въ этомъ отношеніи, если судить по тому интересу, который вызвали въ обществѣ его письма къ тѣнькѣ, испытавшей на себѣ за это послѣднее время весь процессъ „огрезвѣнія“. Сказаннаго, дѣйствительно, *sat* — „достаточно“ и для самой умѣренной саціенціи, чтобы познать автора вполнѣ. Въ письмахъ къ тѣнькѣ, есть, впрочемъ, одна новая черта, которая не замѣчалась или выражалась очень слабо въ прежнихъ произведеніяхъ сатирика: онъ довольно часто выступаетъ лично на первый планъ и высказывается, какъ публицистъ. Такия мѣста, какъ, напримеръ, всѣ послѣднія половина 11-го письма, могутъ доставить весьма интересный и благодарный предметъ для критическаго этюда.

Путешествіе русскаго посольства по Аравіи и Вухарскому ханству, въ 1878 — 79 гг. Д-ра Н. Л. Яворскаго. Т. 1. Спб. 1882. Стр. 383. Ц. за два тома 5 руб.

Положеніе автора, ведшаго дневникъ, какъ члена нашего посольства, дало ему всю возможность видѣть многое, недоступное частному лицу; а условія, каковыя онъ былъ обставленъ, можно считать наиболее выгодными для наблюдателя. Благодаря его книгѣ, новый путешественникъ не испытаетъ уже того, что пришлось испытать автору, вслѣдствіе отсутствія въ нашей обществѣ хотя бы какихъ-нибудь свѣдѣній о ближайшихъ къ нашимъ границамъ странахъ. Въ май 1878 г., въ Ташкентѣ готовились къ походу въ Индію, но дѣло ограничилось снаряженіемъ посольства ген. Столѣтова, при которомъ авторъ былъ назначенъ врачомъ. Посольство вышло изъ Ташкента въ Кабуль 26 мая, съ конвоемъ изъ 22 казаковъ; а съ другой стороны, въ то же время, собиралось туда же англійское посольство изъ Индіи, съ конвоемъ изъ 2,000 человекъ, съ артиллеріею. Намѣченный вѣздъ генерала Столѣтова въ Кабуль, 28 іюля, послѣ тяжелаго 2-хъ мѣсячнаго странствованія, была получена изъ Ташкента, почтою, депеша о заключеніи Берлинскаго трактата, съ вѣсткою генерала Кауфмана: „если телеграмма вѣрна, то она очень печальна“. Соответственно этой новости, генералъ Столѣтовъ получилъ и новыя инструкціи. Наше посольство прибыло въ Кабуль всего 12 дней, и, какъ говоритъ авторъ, генералъ Столѣтовъ, „слоризомомъ“ для самой миссіи, быстро уѣхалъ 11 августа въ Ливадію. Вообще это посольство составляетъ одну изъ

любопытныхъ иллюстрацій нашихъ международныхъ и дипломатическихъ отношеній на Востокъ. Къ изданію присоединены портреты двухъ эмировъ, карта Аму-Дарьи и маршрута посольства: отъ береговъ Аму-Дарьи до Кабула 632 версты, и почти столько же, если не больше, отъ Ташкента до Аму-Дарьи.

Наука о духѣ. Общія свойства и законы чело-вѣческаго духа. М. Троицкаго. Два тома. М. 1882. Стр. 341 и 320. Ц. 5 р. 50 к.

Изъ вступленія, предписываемаго авторомъ своему обширному труду въ области, которая у насъ находится для себя мало самостоятельныхъ изслѣдователей, — видно, что онъ ограничилъ себя одними общими свойствами и законами чело-вѣческаго духа, и исключилъ, какъ частныя, а именно: умъ, волю и т. д., такъ и спеціальныя, т.-е. разумъ или разумность. Подъ общими же свойствами онъ разумѣетъ тѣ, какия наблюдаются во всѣхъ классахъ психическихъ фактовъ, и въ той или другой степени общи чело-вѣку съ животными, а именно: относительность, соотносительность и рефлексивность такихъ свойствъ. Въ силу того, весь трудъ распадется на три частныя отдѣла. Подъ чело-вѣческимъ же духомъ авторъ разумѣетъ необходимо миссіи нами узелъ, или центръ тѣхъ свойствъ, которыя обнаруживаются въ психическихъ фактахъ существованія чело-вѣка, т.-е. его сознанія. Объемъ труда и важность самаго предмета заслуживаютъ внимательнаго его изученія; мы постараемся со временемъ ближе познакомиться съ содержаніемъ этого новаго научнаго факта въ нашей философской литературѣ.

Маленькая домашняя аптечка. Проф. Ф. Нуссбаума. Перев. съ нѣм. Спб. 1882. стр. 120. Ц. 50 к.

Цѣль автора дать наставленія, „какъ помочь себѣ или другимъ въ случаяхъ неожиданнаго заболѣванія въ деревенской глуши, гдѣ трудно разсчитывать на скорую медицинскую помощь“; при составленіи медицинскіи помощи у насъ въ провинціи, гдѣ она часто даже вовсе отсутствуетъ, такая книжечка заслуживаетъ быть признанною обязательной для всѣхъ народныхъ школъ, церковныхъ приходовъ и волостныхъ управленій. Авторъ даетъ, впрочемъ, болѣе, чѣмъ обещаетъ: въ его книжкѣ помѣщены и гигиеническія обязанности, съ цѣлью предупрежденія болѣзней. Для подаванія же первой помощи указаны, прежде всего, тѣ простыя средства, какия могутъ найтись подъ рукою почти во всякомъ хозяйствѣ.

Всехвѣдншій календарь на 1883 годъ. Изд. Г. Гоше. Спб. 1882.

Новый календарь составленъ по програмѣ послѣдшаго его изданія, съ дополненіемъ одной общей части указаніемъ крестьянъ ходовъ, переквай съ мощами и чудотворныхъ иконъ Богородицы; въ концѣ приложенъ небольшою фельетонъ о московской выставкѣ. При календарѣ помѣщены 22 рис. и 10 портретовъ; изъ съ своей стороны, предпочли бы видѣть календарь отпечатаннымъ на болѣе сносной бумагѣ: дѣло, конечно, идетъ не о роскоши, а о нѣкоторой опрятности и удобствѣхъ чтенія, осужденнаго читать мелкій шрифтъ, слабо выходящій на плохой бумагѣ и недостаточно ясно, — чтобы не сказать хуже.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1883 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	} Съ пересылкою . . .	17 > — >	10 >	6 >
Съ доставкою . . .	16 > — >	9 >	5 >		За-границей	19 > — >	11 >

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Бульварѣ Комъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку городскихъ подписчиковъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые вносятъ подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ обозначеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (Ж) допущена выдача журналомъ.

О *перемѣнѣ адреса* просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногородныхъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранныя—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы выслаиваются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, по почте, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала выслаиваются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

